Из книги Проф. С.А. Венгерова

CCIX. 4/2.

СОЧИНЕНІЯ
ИННОКЕНТІЯ

АРХІЕПИСКОПА ХЕРСОНСКАГО И ТАВРИЧЕСКАГО.

Томъ III.

СЛОВА НА ВЫСОКОТОРЖЕСТВЕННЫЕ ДНИ.—СЛОВА И РѢЧИ ПРИ ИЗБРАНІИ ВЪ ОБЩЕСТВЕННЫЯ ДОЛЖНОСТИ И ПРИ ОТКРЫТІИ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ.—СЛОВА НАДГРОБНЫЯ.—СЛОВА ПО СЛУЧАЮ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ БѢДСТВІЙ.—ПАДЕНІЕ АДАМОВО.—О ГРѢХѢ И ЕГО ПОСЛѢДСТВІЯХЪ.—БЕСѢДЫ О СМЕРТИ.—МЫСЛИ О БЕЗСМЕРТІИ.—ЗАМѢТКИ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе книгопродавца И. Л. Тузова.
1908.

Въ книжномъ магазинѣ И. Л. ТУЗОВА

С.-Петербургъ, Садовая улица, Гостиный дворъ, № 45

между прочими имѣются въ продажѣ слѣдующія книги:

Новая скрижаль или объясненіе о Церкви, о литургіи и о всѣхъ службахъ и утваряхъ церковныхъ. *Веніамина,* архіепископа Нижегородскаго и Арзамасскаго. Въ 4-хъ част. Съ 77 рис., гравиров. на дер. Л. Сѣряковымъ; 16-е изданіе (седьмое по переложеніи на современный языкъ), отпечатано на веленевой бумагѣ. Спб., 1899 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р 50 к., въ роск. коленк. пер. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к. *Мин. Нар Просв. одобрено для фундамент. библіот. сред. учебн. завед.* 21 іюля 1894 г. № 14375.

„Содержаніе „Новой Скрижали" извѣстно безъ сомнѣнія всему духовенству и было бы излишне передавать его. Издатель оговариваетъ, что противъ предшествующаго тринадцатаго изданія имъ сдѣланы только незначительныя измѣненія. О внѣшней сторонѣ изданія слѣдуетъ заявить, что книга издана весьма тщательно и добросовѣстно: отличная бумага, крупный и четкій шрифтъ, хорошіе рисунки въ текстѣ (счетомъ 77) и алфавитный указатель статей, предметовъ, вещей и собственныхъ именъ, заключающихся въ „Новой Скрижали"—все это дѣлаетъ честь издателю, вообще добросовѣстно относящемуся къ дѣлу изданія книгъ духовно-нравственнаго содержанія". (Церковно - Общественный Вѣстникъ, № 151, 1883 г.).

Спиритизмъ предъ судомъ науки и Христіанства. Маг. Бог. *М. О. Вержболовича.* Изд. 2-е. Спб. 1903 г., ц. 40 к.

Оглавленіе: 1) Краткая исторія спиритизма. 2) Внѣшняя сторона спиритизма. Спиритскія теоріи и гипотезы. Научныя попытки объясненія спиритическихъ феноменовъ 3) Возможность участія таинственныхъ духовныхъ существъ въ производствѣ нѣкоторыхъ спиритическихъ феноменовъ 4) Внутренняя или доктринальная сторона спиритизма.

Міръ таинственныхъ явленій. *М. О. Вержболовича.* Изданіе 2-е. Спб. 1904 г. Ц. 50 к.

Содержаніе: 1) Загадочныя явленія вообще. Реальность ихъ. Задача изслѣдованія. 2) Явленія дивинаціи, или предузнаванія будущихъ событій: предчувствія и предвѣдѣнія, вѣщіе сны и ясновидѣніе. 3) Телепатическія явленія: прижизненные и посмертные призраки, двойники, раздвоеніе личности. 4) Чародѣйство, волшебство и факиризмъ Явленія, обнаруживающія дѣйствіе таинственныхъ силъ природы. 5) Непокойные дома.

Духоборецъ. Протоіерея *І. Виноградова.* Изданіе 2-е. Спб. 1898 г. Цѣна 30 к.

Оглавленіе I. Нечаянная встрѣча. II Дорога въ село З—но. III. Неожиданные гости. IV. За ужиномъ V. На молитвѣ VI. Переписка. VII Подведенный итогъ.

Обозрѣніе употребительнѣйшихъ церковныхъ молитвъ. (Докт. Бог.). *Епископа Виссаріона.* Изд. четвертое Спб., 1904 г., ц. 40 к.

I. О церковныхъ молитвахъ вообще — II. Молитва ко Святому Духу.—III. Молитва Трисвятаго —IV Молитва Господня.—V. Молитва Іисусова.—VI. Привѣтственное молитвословіе къ Богородицѣ — VII. Молитвенное воззваніе къ Богородицѣ —VIII Ектеніи.

Сборникъ для любителей духовнаго чтенія. Епископа *Виссаріона.* Изд. 2-е. Спб., 1897 г., ц. 2 р., въ коленк. пер. 3 р.

Въ этомъ сборникѣ авторъ даетъ не мало мѣста изъясненію Св Писанія, особенно трудныхъ текстовъ его, касается предметовъ христіанскаго вѣроученія и нравоученія, изъясняетъ богослужебныя изреченія, пѣснопѣнія и обряды, останавливается на примѣчательныхъ событіяхъ современной жизни церковной и гражданской, возвышаетъ обличительный голосъ противъ легкомыслія, съ какимъ люди вѣка увлекаются нехристіанскими ученіями, даже преступными въ церковномъ и политическомъ отношеніи мнѣніями Дай Богъ, чтобы сѣмена христіанской истины, заключающіяся въ нашемъ сборникѣ, пали на добрую землю и принесли читающимъ плодъ во спасеніе. *Изъ предисловія.*

Слово истины. Изъ поученій Епископа *Виссаріона* (Докт. Бог.). Изд. 2-е. Спб. 1903 г, ц. 1 р.

Къ читателямъ. Предлагая вниманію читателей книгу подъ именемъ „Слово истины", составленную изъ поученій, первоначально напечатанныхъ въ Душеполезномъ Чтеніи за 1898 годъ и затѣмъ вошедшихъ въ составъ особаго сборника уже разошедшагося, о достоинствѣ поученій авторъ ие имѣетъ права судить, пусть судятъ читатели. Скажу только, что при составленіи поученій я заботился объ общедоступности ихъ для всѣхъ и о практической пригодности. Съ сею цѣлію я всячески избѣгалъ отвлеченности въ раскрытіи истины и старался оживлять изложеніе чертами, имѣющими близкое отношеніе къ жизни, къ нуждамъ времени, и указывалъ на явленія, наглядно изображающія раскрываемыя мысли Съ цѣлію не утомлять вниманія слушателей, я старался сосредоточить ихъ вниманіе на немногомъ, но существенно важномъ для размышленія, предпочитая качество количеству, краткость многоглаголанію.

СОЧИНЕНІЯ
ИННОКЕНТІЯ
АРХІЕПИСКОПА ХЕРСОНСКАГО И ТАВРИЧЕСКАГО.

Томъ III.

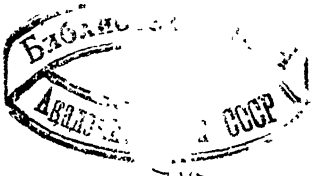
СЛОВА НА ВЫСОКОТОРЖЕСТВЕННЫЕ ДНИ.—СЛОВА И РѢЧИ ПРИ ИЗБРАНІИ ВЪ ОБЩЕСТВЕННЫЯ ДОЛЖНОСТИ И ПРИ ОТКРЫТІИ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ.—СЛОВА НАДГРОБНЫЯ.—СЛОВА ПО СЛУЧАЮ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ БѢДСТВІЙ.—ПАДЕНІЕ АДАМОВО.—О ГРѢХѢ И ЕГО ПОСЛѢДСТВІЯХЪ.—БЕСѢДЫ О СМЕРТИ.—МЫСЛИ О БЕЗСМЕРТІИ.—ЗАМѢТКИ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе книгопродавца И. Л. Тузова.
1908.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. С.-Петербургъ, 11 сентября 1907 года.

Цензоръ Архимандритъ *Александръ.*



747
37

Сѵнодальная типографія

СЛОВА

НА ВЫСОКОТОРЖЕСТВЕННЫЕ ДНИ.

Слово въ день рожденія Благочестивѣйшаго Государя Николая Павловича, Императора и Самодержца Всероссійскаго,

ПРОИЗНЕСЕННОЕ ВЪ КІЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРѢ ІЮНЯ 25-го ДНЯ, 1832 ГОДА.

И въ жизни каждаго человѣка важенъ день его рожденія, потому что отъ него начинается и по тому самому зависитъ цѣлая жизнь. Но день рожденія Государя долженъ быть важенъ и священъ для цѣлаго народа, потому что отъ него начинается и зависитъ новая судьба всего царства. Явленіе на свѣтъ державныхъ лицъ подобно восхожденію на тверди новыхъ свѣтилъ: всякій невольно спрашиваетъ при семъ, чего должно ожидать и что оно предвѣщаетъ?—И не напрасно! Возьмите всемірную исторію и перемѣните въ ней, даже только переставьте нѣсколько именъ царственныхъ: и вы увидите, что вмѣстѣ съ тѣмъ сама собою должна принять другой видъ исторія цѣлыхъ народовъ. Такъ много значитъ жизнь царей и правителей!—И вотъ почему почти всѣ народы, даже невѣдущіе истиннаго Бога. въ дни рожденія владыкъ своихъ обращались къ алтарямъ: чувствовали, что это священные дни откровеній небесныхъ о судьбѣ племенъ и народовъ.

Но великіе дни сіи дѣлаются еще священнѣе, очи и сердца подданныхъ съ наступленіемъ ихъ еще скорѣе и охотнѣе обращаются къ небу, когда благоуспѣшное царствованіе служитъ доказательствомъ, что десница Господня, изводя народоправителя на свѣтъ. опредѣлила ему быть

утѣхою и славою своего народа. Тогда всякая благая мысль о царѣ-отцѣ отечества невольно устремляется съ благодарностью къ Богу, и воспоминаніе о его происхожденіи на свѣтъ само собою обращается въ усердную молитву о продолженіи его жизни.

Возблагодаримъ же, почтеннѣйшіе соотечественники, Господа за то, что мы можемъ говорить такимъ образомъ о дняхъ рожденія государей, не противорѣча собственному чувству и опыту. Жизнь и царствованіе благочестивѣйшаго Государя нашего такъ благотворны для отечества, что день рожденія его, какъ начало новаго счастія для Россіи, безъ всякихъ повелѣній, самъ по себѣ священъ для каждаго сына отечества. Въ доказательство благодарности къ Царю Небесному и земному, намъ остается только проводить сей день приличнымъ ему образомъ.

Что же требуется для сего? *Какимъ образомъ должно проводить дни рожденія благочестивѣйшихъ Государей?*

Первымъ и важнѣйшимъ занятіемъ въ сіи дни должно быть обращеніе мыслей и сердецъ къ престолу Царя царствующихъ,—первымъ и важнѣйшимъ не по навыку только, или по какому-либо учрежденію, а по самому существу дѣла. Ибо кто далъ бытіе Царю нашему и украсилъ его великими способностями? Богъ. Въ чьей десницѣ продолженіе драгоцѣнныхъ для отечества дней его, его крѣпость, сила и мудрость? Въ десницѣ Божіей. Отъ кого зависитъ успѣхъ его начинаній, дѣйствительность средствъ, употребляемыхъ имъ къ созиданію блага общественнаго? Отъ Бога. Кѣмъ онъ возможетъ побѣдить искушенія, преодолѣть опасности, низлагать всякое зло? Единымъ Богомъ. Итакъ, къ Богу первѣе всего должны быть обращены нынѣ мысли и сердца наши, къ тому Богу, Который даетъ и преставляетъ владыкъ земныхъ, Которымъ всѣ *царіе царствуютъ* и всѣ *сильные пишутъ правду* (Прит. 8, 15), отъ Котораго исходитъ миръ и благоденствіе народовъ, Который творитъ все по волѣ Своей *и въ силѣ небесной, и въ селеніихъ земныхъ* (Даніил. 4, 32).

Къ сему всесильному и живому Богу мы должны обращаться нынѣ во-первыхъ съ благодареніемъ за то, что Онъ обильно изліялъ на насъ милость Свою уже тѣмъ, что оправдалъ царствовать надъ нами возлюбленнаго раба Сво-

его, благочестивѣйшаго Монарха нашего;—за то, что внушилъ ему благодатію Своею множество новыхъ полезныхъ учрежденій, видимо клонящихся ко благу отечества;—за то, что помогъ ему преодолѣть многія препятствія, пройти и провести народъ свой безвредно среди разнообразныхъ и тяжкихъ искушеній;—за то, наконецъ, что благоволилъ содѣлать его отца о чадѣхъ своихъ веселящагося и веселящаго ими всѣхъ истинныхъ сыновъ отечества. А, благодаря Господа за прошедшее и настоящее, должны вмѣстѣ съ тѣмъ молить Его о будущемъ, о томъ, чтобы Онъ увѣнчалъ его долготою дней, наставилъ его и впредь непоползновенно проходити великое служеніе его, показалъ *его,* какъ молитъ Церковь, *врагамъ побѣдителна, злодѣямъ страшна, добрымъ милостива и благонадежна,* чтобы *даровалъ во дни его и всѣмъ намъ миръ—безмолвіе и благопоспѣшество, благораствореніе воздуха, земли плодоносіе и вся, къ временной и вѣчной жизни потребная* (слова молитв. изъ молебствія). Совершеніе таковаго благодаренія и прошеній предъ Господомъ въ настоящій день тѣмъ удобнѣе для каждаго, что святая Церковь, какъ первѣйшая и вѣрнѣйшая споспѣшница благоденствія общественнаго, предшествуетъ въ семъ святомъ дѣлѣ всѣмъ и каждому своимъ примѣромъ. Среди ея сильныхъ и пламенныхъ молитвъ о царѣ и царствѣ, и косныя души не могутъ не подвигнуться къ возношенію мыслей своихъ горѣ, къ престолу благодати; и хладныя сердца не могутъ не согрѣться огнемъ искренней любви къ Помазаннику Божію.

Послѣ молитвъ, настоящему дню весьма приличествуетъ благочестивое размышленіе о судьбахъ Божіихъ, являющихся какъ въ жизни царей и народовъ, такъ и въ жизни каждаго человѣка. Подобное размышленіе всегда поучительно и весьма полезно, ибо нигдѣ не открывается столько премудрости Божіей, какъ въ управленіи судьбою человѣческою; но разныя заботы и дѣла препятствуютъ многимъ изъ насъ предаваться сему спасительному размышленію. Будемъ дѣлать это по крайней мѣрѣ въ тѣ дни, кои, можно сказать, посвящены на то,—въ торжественные дни рожденія державныхъ лицъ. Имѣя въ виду великую зависимость отъ ихъ жизни и дѣяній—благоденствія обществъ человѣческихъ,—спроси себя: какъ учредились самыя сіи обще-

ства? Кто раздѣлилъ землю между пламенами и народами? Кто поставилъ царей и правителей? Разсуди: какъ, при всѣхъ видоизмѣненіяхъ земныхъ по волѣ человѣческой, по стеченію обстоятельствъ и случаевъ, существенная *власть* всей *земли* тѣмъ не менѣе всегда остается *въ руцѣ Господни* (Сир. 10, 4)—и Онъ, единъ Онъ воздвигаетъ потребныхъ *во время на ней?* Какъ поколѣнія самыя малыя возрастаютъ въ обширныя державы, когда неуклонно слѣдуютъ путемъ правды и истины; и какъ напротивъ племена и царства, самыя обширныя и цвѣтущія, *умаляются* и упадаютъ, или *отъ языка въ языкъ преводятся* (—8) *ради неправды* и грѣховъ своихъ? Какъ всѣ царства земныя служатъ, по намѣренію Промысла, невидимому царству Божію, и премудрость творческая совершаетъ судьбы свои чрезъ самые. такъ называемые, бичи человѣчества? Какъ добродѣтель и благочестіе въ цѣлыхъ народахъ, какъ и въ частныхъ людяхъ, служатъ сами себѣ наградою, а нечестіе и развратъ въ самихъ себѣ носятъ казнь и разрушеніе?—Плодомъ таковыхъ размышленій, если они будутъ ведены правильно, не можетъ не быть благоговѣніе предъ неисповѣдимыми путями премудрости Божіей и успокоеніе въ вѣчномъ промыслѣ ея о насъ,—уваженіе и довѣренность къ предержащей власти, яко богоучрежденной, богохранимой и богоуправляемой,—мужество среди искушеній общественныхъ,—довольство своимъ жребіемъ и вѣрность званію, въ какое кто призванъ,—ожиданіе бытія лучшаго,—рѣшимость жить въ царствѣ земномъ для небеснаго. А таковыя мысли и чувствованія суть одно изъ лучшихъ украшеній дней торжественныхъ, по тому самому, что ими исправляется и освящается цѣлая жизнь празднующаго.

Воспоминая такимъ образомъ происхожденіе на свѣтъ своего владыки, не забудь при семъ и своего. Ибо, говоря словами Премудраго, *ни одинъ царь не имѣлъ иного происхожденія бытія* (Прем. 7, 5). Законы рожденія, равно какъ и смерти, одни и тѣ же для всѣхъ. Итакъ, если когда, то въ день, подобный настоящему, благовременно спросить каждому самого себя: гдѣ мы были, прежде нежели узрѣли свѣтъ? Кто, какъ и для чего далъ намъ дыханіе и жизнь?—Какой законъ нашего бытія? Что будетъ съ нами послѣ? Къ чему всѣмъ намъ должно стремиться и пріуготовить

себя? Гдѣ тѣ, кои были прежде насъ, великіе и малые, цари и рабы? Заранѣе можно сказать, что, при размышленіи о сихъ предметахъ, многіе воспрянутъ отъ разсѣянія и задумаются, у многихъ глаза оросятся слезами раскаянія или умиленія, рѣдкіе не примутъ за правило вести себя лучше, рѣдкіе не устремятъ мыслей своихъ далѣе благъ чувственныхъ, выше всего видимаго и тлѣннаго.

Наконецъ, настоящій день царственный всего болѣе можетъ быть почтенъ дѣлами правды, милосердія и любви христіанской.—Кто истинно радуется въ день рожденія царя своего, дѣйствительно почитаетъ жизнь его благодѣяніемъ неба для себя и отечества,—для того должно быть весьма желательно ознаменовать свою благодарность Царю небесному и земному какимъ-либо чувственнымъ знакомъ, принести имъ за сіе, такъ сказать, какой-либо даръ. Но что можемъ принести тѣмъ, кои благихъ нашихъ не требуютъ? Для Царя небеснаго и земнаго всего пріятнѣе наша добродѣтель: ею наипаче по тому самому должны мы выражать и свою признательность къ нимъ. Всякое дѣло совѣта и мудрости гражданской, всякій подвигъ мира и устройства общественнаго, всякое дѣятельное выраженіе благочестиваго чувства и братолюбія, есть истинная дань признательности предъ Помазанникомъ Божіимъ. — Особенно же въ семъ отношеніи должны обращать на себя вниманіе наши дѣла милосердія и любви христіанской. Царь небесный, желая расположить людей ко взаимной любви, объявилъ, что Онъ приметъ за благодѣяніе Себѣ все, что будетъ дѣлано во имя Его меньшей и нуждающейся братіи (Матѳ. 25, 40): нѣтъ сомнѣнія, что и царь земный всегда готовъ подражать въ семъ отношеніи Царю небесному,—готовъ почесть за даръ себѣ все, что ради его будетъ оказано бѣдствующему человѣчеству. Посему всякій, желающій нынѣ возвеселить сердце людей его, облегчи участь страждущихъ, отри слезы несчастныхъ. Это лучшая жертва царю и отечеству. Если бы подобные подвиги частной благотворительности и остались въ неизвѣстности для слуха царева, то они не сокроются отъ очей Царя небеснаго; а Онъ найдетъ средство возвеселить за добродѣтели подданныхъ сердце Монарха, пекущагося о томъ, чтобы мы всѣ были добродѣтельны.

Итакъ, вотъ чѣмъ приличнѣе всего освящать день, посвященный воспоминанію происхожденія на свѣтъ Помазанниковъ Божіихъ: молитвою и посѣщеніемъ храмовъ Божіихъ, благочестивымъ размышленіемъ о путяхъ Промысла касательно происхожденія на свѣтъ, жизни и судьбы людей и царствъ; наконецъ дѣлами правды, милосердія и любви христіанской. Такое время-препровожденіе можетъ показаться кому-либо слишкомъ обыкновеннымъ. Если бы оно въ самомъ дѣлѣ было таковымъ! Исполненіе обязанностей должно быть для насъ самымъ обыкновеннымъ занятіемъ, и нѣтъ ни одного дня и часа, въ который бы намъ позволительно было забыть вовсе о Богѣ и Его промыслѣ, о дѣлахъ вѣры и любви христіанской.

Впрочемъ, кто будетъ проводить настоящіе и подобные дни въ указанныхъ нами занятіяхъ, тому сами собою откроются и другія средства почтить священную торжественность ихъ приличнѣйшимъ образомъ. Христіанскія правила поведенія какъ во всѣхъ другихъ, такъ и въ семъ наипаче случаѣ, предлагаются вниманію слушателей не для того, чтобы ими обнять и опредѣлить совершенно всю полноту сердца царелюбиваго, измѣрить всю глубину души, исполненной любви къ отечеству: таковыя души всегда содержатъ въ себѣ болѣе, нежели сколько могутъ отъ нихъ требовать; таковыя сердца сами для себя суть лучшій законъ дѣятельности. Мы хотѣли только указать для желающихъ путь, на который вступивъ, можно идти безопасно къ цѣли. Аминь.

Слово въ день рожденія Благочестивѣйшаго Государя Николая Павловича, Императора и Самодержца Всероссійскаго,

ПРОИЗНЕСЕННОЕ ВЪ КІЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРѢ, ІЮНЯ 25-го ДНЯ, 1838 года.

Идѣже Духъ Господень, ту свобода (2 Кор. 3, 17).

Каждое время имѣетъ свой духъ, и каждый духъ имѣетъ свое время. Есть вѣка умозрѣній и предначертаній; есть вѣка дѣятельности и усовершенствованій; въ иное время сомнѣваются, разрушаютъ и раздѣляются; въ другое вѣруютъ, соглашаются и возсозидаютъ; то слишкомъ привержены къ

древнему и думаютъ, что оно совершенно свободно отъ всѣхъ недостатковъ; то стремглавъ увлекаются всѣмъ новымъ, будучи ничѣмъ не довольны въ настоящемъ.

Нашему времени достался въ удѣлъ—въ награду или наказаніе, покажетъ время—вопросъ самый привлекательный и самый опасный, въ разрѣшеніи коего первый опытъ такъ несчастно сдѣланъ еще первымъ человѣкомъ: я разумѣю вопросъ о свободѣ. Какихъ благъ не обѣщало себѣ человѣчество отъ разрѣшенія сего вопроса? И какихъ золъ не видѣло? Сколько переиспытано средствъ? Принесено жертвъ? И какъ мало доселѣ успѣха! Какъ немного даже надежды на успѣхъ! Ибо, что видимъ? Тѣ же народы, кои все принесли въ жертву свободѣ, повидимому всего достигли,—чрезъ нѣсколько дней начинаютъ снова воздыхать о свободѣ и плачутъ надъ собственными лаврами.

Что значитъ это? Ужели образъ Божій на землѣ долженъ быть въ узахъ?—Или для человѣка нѣтъ свободы?—Есть, только не тамъ, гдѣ обыкновенно ищутъ ее;—есть, только не въ томъ видѣ, въ какомъ думаютъ найти. Когда цѣлые народы ищутъ свободы и не находятъ,—малое число людей всегда наслаждалось истинною свободою, не ища оной.

Кто сіи избранные? Тѣ, кои вѣрно слѣдуютъ ученію Іисуса Христа и, слѣдуя ему, водятся Духомъ Божіимъ. *Идѣже Духъ Господень, ту свобода.* Въ истинномъ христіанствѣ, и только въ немъ одномъ, находится начало свободы истинной, полной, всеобщей и живоносной.

Раскроемъ эту благотворную истину въ честь августѣйшаго Виновника настоящаго торжества, который для того, кажется, и воздвигнутъ Промысломъ не въ другое, а въ наше время, дабы среди треволненій всемірныхъ быть верховнымъ блюстителемъ истинной свободы народовъ и царей.

Умъ человѣческій, любящій расширяться въ своихъ умозрѣніяхъ, особенно въ отношеніи къ свободѣ, хвалится обширностію своихъ видовъ, всеобъемлемостію предначертаній. И что же? Ни одинъ изъ самыхъ пламенныхъ мечтателей о свободѣ не осмѣлился доселѣ, даже хотя бы въ мысляхъ, простерть ее туда, куда простираетъ Евангеліе. Ибо на чемъ останавливаются самые пламенные ревнители свободы? Въ отношеніи къ внѣшней жизни человѣка, на независимости отъ другихъ, на равенствѣ различныхъ правъ,

на безпрепятственности путей къ достоинствамъ и т. п.; — въ отношеніи къ внутренней жизни, на свободѣ отъ предразсудковъ, невѣжества, порочныхъ желаній и страстей. Сложить прочія узы съ человѣчества, какъ то: узы тѣлесныхъ недостатковъ, болѣзней, смерти, хотя узы сіи тяготятъ всѣхъ и каждаго, почитается дѣломъ совершенно невозможнымъ, о коемъ посему никто и не мыслитъ. Тѣмъ менѣе думаютъ объ участи прочихъ тварей земныхъ, хотя онѣ всѣ видимо находятся въ состояніи тяжкаго рабства, страдаютъ подобно человѣку и подобно ему воздыхаютъ о избавленіи отъ работы истлѣнія (Рим. 8, 21).

Не такъ поступаетъ Евангеліе! Оно проповѣдуетъ *отпущеніе* всѣмъ *плѣннымъ* (Лук. 4, 18); возвѣщаетъ свободу отъ всякаго вида зла; призываетъ къ такому состоянію, въ коемъ нѣтъ никакой печали и никакого воздыханія (Апок. 7, 16. 17. 21, 4. Исаіи 35, 10)! И во-первыхъ, человѣкъ, по ученію Евангелія, долженъ освободиться отъ всѣхъ недостатковъ и золъ, его угнетающихъ, долженъ содѣлаться свѣтлымъ въ душѣ, чистымъ въ сердцѣ, богоподобнымъ по тѣлу, вознесеннымъ надъ всѣми нуждами, даже надъ всею природою, его окружающею (Апок. 22, 5). Вмѣстѣ съ человѣкомъ и вся тварь должна освободиться отъ работы истлѣнія и войти въ свободу и блаженное состояніе чадъ Божіихъ (Рим. 8, 21). Такую свободу возвѣщаетъ всему человѣчеству, или паче всему міру, Евангеліе! Кто не исполнится чувствомъ благоговѣйнаго умиленія при одной мысли о событіи сего утѣшительно-величественнаго обѣтованія? Самая всеобъемлемость его ручается за его божественную дѣйствительность: ибо свобода дѣйствительная можетъ быть только всеобщая; частная свобода даже всего человѣчества, среди рабства прочихъ тварей, была бы растворена горестію и воздыханіемъ.

Обѣщавая такую всеобъемлющую свободу, Евангеліе знаетъ, какъ много обѣщаетъ, и чего требуется для исполненія обѣщанія. Оно видитъ, что для освобожденія человѣка и тварей, его окружающихъ, потребна не перемѣна только законовъ человѣческихъ, а претвореніе самаго сердца и духа человѣческаго (Іоан. 3, 3),—не новое токмо уложеніе, а новое небо и новая земля (2 Петр. 3, 13), и потому рѣшительно говоритъ, что надъ всѣмъ человѣчествомъ и даже міромъ совершается новое, великое твореніе, слѣдствіемъ

коего будутъ новое небо и новая земля (Апок. 21, 1). Видитъ, что для произведенія сего великаго дѣла пакибытія всемірнаго недостаточны силы не только всего человѣчества, но и всѣхъ тварей (Апок. 5, 3): посему рѣшительно объявляетъ, что дѣло сіе будетъ произведено Самимъ Богомъ (Апок. 21, 5), чрезъ Сына Его и Духа Святаго. Видитъ наконецъ, что и самое божественное всемогущество, имѣя дѣло съ существами свободными, не можетъ вдругъ совершить ихъ возстановленія: посему рѣшительно возвѣщаетъ, что возстановленіе человѣчества въ первобытную свободу чадъ Божіихъ произойдетъ не прежде, какъ по скончаніи временъ, по употребленіи въ дѣло всѣхъ средствъ благодати, послѣ рѣшительной побѣды добра надъ зломъ (2 Сол. 2, 1—10). — Къ сему-то славному времени, или паче исполненію временъ, Евангеліе учитъ человѣка обращать чаянія свои и воздыханія (2 Пет. 3, 11—15); а до того времени, по увѣренію его, родъ человѣческій, при всѣхъ усиліяхъ, никогда не освободится отъ бѣдствій, неразлучныхъ съ состояніемъ изгнанія эдемскаго.

Это однако же не значитъ того, чтобы Евангеліе всѣ обѣтованія свои о свободѣ заключало въ будущемъ, предоставляя человѣка всѣмъ скорбямъ и ужасамъ настоящаго. Нѣтъ, въ будущемъ только полное окончаніе обѣтованій, и то потому, что сей полноты никакъ не можетъ вмѣстить настоящее; а все прочее—начало и продолженіе, даже часть окончанія, въ настоящемъ. По ученію Евангелія, каждый можетъ и долженъ теперь, въ сей жизни, на сей землѣ содѣлаться свободнымъ свободою внутреннею, духовною, состоящею въ свободѣ ума и сердца, въ независимомъ избраніи добра и уклоненіи отъ зла, въ свободномъ подчиненіи воли своея волѣ Божіей (Гал. 5, 1. Рим. 6, 18—23). Таковой свободѣ не могутъ препятствовать никакія внѣшнія обстоятельства, ни даже узы; въ темницѣ и подъ мечемъ можно быть свободнымъ сею свободою божественною такъ же, какъ и на тронѣ, среди величія земнаго (2 Тим. 2, 9). Одно непреодолимое препятствіе сей предначинательной свободѣ въ человѣкѣ—его немощь, которая такъ велика, что онъ самъ собою *не можетъ и помыслить ничего* истинно добраго (2 Кор. 3, 5), тѣмъ паче совершить его; тѣмъ паче неспособенъ всегда желать и дѣлать одно доброе.—Но Еванге-

ліе совершенно восполняетъ сію немощь и многими видимыми средствами, особенно же невидимою благодатію Святаго Духа, которая, коль скоро человѣкъ, признавъ свое безсиліе и ничтожность, обращается къ ней молитвенно и предаетъ себя ея водительству, облекаетъ его волю такою силою, коей не могутъ противостоять никакое могущество и никакой соблазнъ (Фил. 4, 13). Облеченные сею благодатною силою, многіе до того раскрывали въ себѣ внутреннюю духовную свободу предначинательную, что видимо приближались и къ оной будущей славной свободѣ окончательной, и даже приближали съ собою все, ихъ окружающее. Отъ преизбытка духовной силы и внутренняго богоподобія, таковые избранные еще здѣсь на землѣ, до наступленія всеобщаго совершеннолѣтія человѣчества, вступали едва не во всѣ права чадъ Божіихъ, освобождаясь изъ-подъ тягостной опеки земныхъ стихій, кои теряли надъ ними силу, и покорялись ихъ волѣ и слову (Евр. 11, 34), воспринимая мирное владычество надъ прочими живыми тварями, кои въ присутствіи ихъ съ радостію забывали свою мнимоестественную лютость (Дан. 6, 22), возносясь даже надъ бренностію собственнаго тѣла, которое или было преставляемо на небо безъ разлученія съ духомъ (4 Цар. 2, 11), или, по разлученіи съ нимъ, остается на землѣ, среди тлѣнія, на цѣлыя тысящелѣтія не только неразрушимымъ, но и способнымъ къ уврачеванію всякаго вида разрушенія. Мы сами, обитатели сего богоспасаемаго града, не поставлены ли непрестанными свидѣтелями того, какъ свобода христіанская торжествуетъ надъ самыми узами смерти, содѣлывая нетлѣнными останки тѣхъ, кои были во время своей жизни совершенно *свободными для Христа и Христомъ* (1 Кор. 7, 22)?

И такія чудеса свободы христіанской происходятъ здѣсь и теперь, — здѣсь, гдѣ все поражено смертностію, — теперь, когда самые праведники должны наиболѣе терпѣть и страдать, чтобы наиболѣе очиститься и прославиться (2 Тим. 3, 12)! Что же будетъ тамъ, подъ новымъ небомъ, на новой землѣ, гдѣ живетъ одна правда и одна свобода? Какъ померкнетъ тогда все великое и славное предъ сокровеннымъ нынѣ величіемъ святыхъ Божіихъ человѣковъ! Въ какихъ благолѣпныхъ чертахъ не обнаружится тогда, среди всеобщаго

торжества освобожденной отъ работы истлѣнія твари, вѣчная свобода чадъ Божіихъ! О, божественная свобода, не выходи никогда изъ мыслей нашихъ, давай направленіе нашимъ желаніямъ и предпріятіямъ, защищай отъ всего низкаго и грѣховнаго, утѣшай среди многоразличныхъ печалей и узъ земнаго странствованія!

Нисколько не удивительно, если Евангеліе, ведя человѣка *къ такой* свободѣ, не обращаетъ прямаго вниманія на свободу, такъ называемую, гражданскую: ибо послѣдняя не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ свободѣ духовной. Можно среди узъ быть свободнымъ духомъ, равно какъ и на престолѣ можно быть рабомъ страстей. Даже бѣдствія внѣшнія и угнетенія болѣе благопріятствуютъ раскрытію духовной свободы въ человѣкѣ, нежели счастіе и независимость, которыя рѣдко не ослѣпляютъ его гордостію и не дѣлаютъ рабомъ пожеланій и страстей. Исторія христіанства представляетъ немалое число такихъ рабовъ, кои, бывъ рабами человѣковъ, были вмѣстѣ самыми вѣрными рабами Божіими; не имѣя внѣшней свободы, обладали величайшею свободою духа, и еще при жизни, тѣмъ паче по смерти, когда вполнѣ открывалось сокрытое въ нихъ богатство благодати, дѣлались предметомъ благоговѣйнаго уваженія для самыхъ вельможъ и царей. Съ другой стороны, та же исторія представляетъ не мало примѣровъ свободныхъ людей, кои отъ преизбытка внутренней свободы о Христѣ, отдавали себя въ узы и рабство для блага ближнихъ. Такъ мало значило гражданское рабство и гражданская свобода для тѣхъ, въ коихъ раскрывалась свобода духовная, и предначинала раскрываться небесная!

Оставляя такимъ образомъ порядокъ всѣхъ званій гражданскихъ неприкосновеннымъ, истинное христіанство симъ самымъ не благопріятствуетъ однако же нисколько духу преобладанія и порабощенія. Напротивъ, вездѣ, гдѣ только усиливалось и распространялось дѣятельное христіанство, немедленно являлся и усиливался духъ истинной свободы гражданской. Кто вѣщалъ небоязненно истину предъ Тиверіями и Неронами, когда самые Бурры и Сенеки умолкли? Истинные христіане. Кто за грѣхъ почиталъ присутствовать на ужасныхъ зрѣлищахъ гладіаторскихъ, куда стремились люди, хвалившіеся тонкимъ вкусомъ и образованіемъ? Хри-

стіане. Кто наиболѣе искуплялъ плѣнныхъ, и своихъ и чужихъ, у варваровъ, и самыхъ варваровъ потомъ отучилъ всѣхъ плѣнныхъ обращать въ рабовъ? Христіане. Откуда наиболѣе вышло понятій о свободѣ, во всѣхъ ея видахъ? Изъ христіанства. Какіе народы пользуются наибольшею свободою? Христіанскіе. И такое благотворное дѣйствіе на свободу гражданскую христіанство произвело тогда, когда большая часть христіанъ суть христіане только по имени. А что было бы, если бы вмѣсто блистательныхъ умозрѣній распространилось и усилилось дѣятельное христіанство между людьми? Церковь апостольская, въ коей и душа и имѣнія были всѣмъ общія,—ясно показываетъ это каждому (Дѣян. 2, 44).

Напротивъ, вездѣ, гдѣ недоставало свободы христіанской — свободы ума и сердца отъ страстей, свобода гражданская, при всѣхъ усиліяхъ, или вовсе не могла явиться, или появлялась только на короткое время. Буйство страстей, свергнувъ всѣ узы, вскорѣ само на себя налагало новыя, многочисленнѣйшія; — свергнувъ нерѣдко узы мнимыя, налагало дѣйствительныя; — свергнувъ благотворныя и необходимыя, налагало совершенно излишнія и гибельныя;—свергнувъ благое иго закона, порядка и человѣколюбія, налагало рабскій яремъ безначалія и тиранства.

Сократимъ для памяти все сказанное въ немногихъ изреченіяхъ:

I. По ученію Евангелія, не только все человѣчество, но и весь міръ предопредѣлены къ достиженію свободы полной и вѣчной.

II. Это великое освобожденіе человѣка и всѣхъ тварей будетъ произведено Самимъ Богомъ.

III. Оно наступитъ по скончаніи міра, подъ новымъ небомъ и на новой землѣ.

IV. Въ ожиданіи сей свободы, человѣкъ долженъ, при помощи благодати, стяживать свободу духа и сердца отъ страстей и грѣховъ, какъ необходимый залогъ и основаніе всего будущаго освобожденія и величія.

V. Свобода, или несвобода гражданская не составляютъ существеннаго различія въ отношеніи къ сей свободѣ христіанской.

VI. Впрочемъ, за свободою христіанскою не можетъ, рано или поздно, не слѣдовать въ царствѣ христіанскомъ огра-

жденіе и свободы гражданской отъ неправильныхъ притѣсненій, и сія послѣдняя не можетъ прочно существовать безъ первой.

Нужно ли подробно сказывать, что слѣдуетъ изъ сего божественнаго ученія? Слѣдуетъ во-первыхъ то, что для людей, кои жребіемъ рожденія лишены свободы гражданской, нѣтъ причинъ къ безотрадной печали (1 Кор. 7, 21); ибо состояніе рабства, въ коемъ они находятся, есть состояніе временное, скоро преходящее; есть слѣдствіе и видъ всеобщаго рабства, въ коемъ находится весь родъ человѣческій, и изгнанія его изъ рая. Служа земнымъ своимъ владыкамъ, рабы служатъ не людямъ, а Христу (Кол. 3, 24), Коего премудрость допустила стать имъ при рожденіи въ сіе состояніе, и отъ Него пріимутъ воздаяніе за всѣ труды, кои совершаются безъ воздаянія, если только совершали ихъ отъ души, по-христіански (тамъ же). *Тамъ* вѣрнымъ рабамъ дано будетъ то, съ чѣмъ не можетъ сравниться слава царей земныхъ.

Слѣдуетъ во-вторыхъ то, что люди, пользующіеся правомъ господства надъ другими, не должны превозноситься симъ правомъ, памятуя, что оно есть слѣдствіе паденія человѣческаго, потери свободы райской, и посему имѣетъ прейти; тѣмъ паче не должны злоупотреблять симъ правомъ, представляя себѣ, что и они имѣютъ *Господа* у себя *на небесѣхъ* (Кол. 4, 1), Который потребуетъ у нихъ строгаго отчета за всякую слезу и вздохъ угнетеннаго человѣчества (Еф. 6, 9).

Слѣдуетъ въ-третьихъ то, что всѣ, и свободные и рабы, должны, первѣе и болѣе всего, стараться о возстановленіи внутрь себя свободы духовной: ибо безъ сего тѣ и другіе останутся вѣчными рабами грѣха и бѣдствій въ то время, когда весь міръ будетъ торжествовать свое освобожденіе.

Слѣдуетъ наконецъ то, что истинные ревнители истинной гражданской свободы, по тому самому, ни о чемъ столько не должны ревновать, какъ о распространеніи между собратіями своими дѣятельнаго христіанства, которое, даруя свободу духовную и предрасполагая къ свободѣ небесной, вмѣстѣ съ тѣмъ наидѣйствительнѣйшимъ образомъ оживляетъ и распространяетъ и истинную свободу гражданскую.

Идѣже Духъ Господень, ту, и только *ту, свобода* истинная, всеобъемлющая, вѣчная. Аминь.

Слово въ день рожденія Благочестивѣйшаго Государя, Николая Павловича, Императора и Самодержца Всероссійскаго,

произнесенное въ кіево-печерской лаврѣ, іюня 25 дня, 1834 г.

Въ руцѣ Господни власть земли, и потребнаго воздвигнетъ во время на ней (Сирах. 10, 4).

Происхожденіе на свѣтъ человѣка есть, повидимому, одно изъ самыхъ случайныхъ явленій. Родиться въ такое или другое время, въ той или иной странѣ, отъ славныхъ или бѣдныхъ родителей, съ великими или малыми способностями,—все это и множество другихъ обстоятельствъ явленія человѣка на свѣтъ не подлежитъ нимало соображенію человѣческому, составляетъ тайну бытія нашего на землѣ.

Между тѣмъ, есть око, которое все ясно видитъ и въ этой тьмѣ! Есть десница, которая блюдетъ всѣ жребіи земнородныхъ и раздаетъ ихъ съ совершенною правильностью! *Господи,*—восклицалъ нѣкогда святый Давидъ, проникнутый чувствомъ вседѣтельнаго Промысла Божія о жизни человѣческой,—*Господи, Тебѣ извѣстны всѣ стези мои; Ты сотворилъ внутренность мою, во чревѣ матери моей Ты образовалъ меня: ни одна кость моя не скрылась отъ Тебя: зародышъ мой видѣли очи Твои; въ Твоей книгѣ начертаны были всѣ дни мои, когда еще не было ни одного изъ нихъ* (Псал. 138, 3. 13. 15)!

Столь великая бдительность Промысла Божія надъ рожденіемъ каждаго человѣка обнаруживается еще съ большею силою при явленіи на свѣтъ такихъ людей, отъ коихъ зависитъ судьба многихъ, кои предназначены быть творцами благоденствія для цѣлыхъ народовъ. Сообразно великому предназначенію своему, люди сіи не иначе изводятся на поприще всемірнаго дѣйствованія, какъ по особеннымъ законамъ міроправленія, во времена самыя важныя. Приходитъ ли такое время? И ничто не можетъ замедлить исполненія судебъ: у грубыхъ народовъ внезапно являются мудрецы и законодатели; среди малыхъ племенъ возстаютъ основатели великихъ царствъ; къ удаленнымъ отъ престола сама собою приходитъ власть. Никакія опасности, преграды и труды не могутъ остановить успѣха таковыхъ избран-

ныхъ Божіихъ: предъ ними, по выраженію Пророка, *горы преклоняются, дебри наполняются, твердыни и забрала падаютъ* (Исаіи 45, 1, 2); ибо предъ ними невидимо предходитъ — Самъ Богъ! Оканчивается ли время божественнаго предназначенія? И великіе дѣйствователи, именемъ своимъ наполнявшіе всю землю, какъ бы связанные невидимыми узами, престаютъ дѣйствовать, или внезапно восхищаются съ поприща дѣйствованія. Среди таковыхъ *изліянъ десницы Вышняго* (Псал. 76, 11), чудесно являющей себя по временамъ въ судьбѣ великихъ и сильныхъ земли, а чрезъ то самое и въ судьбѣ цѣлыхъ народовъ, и оставляющей слѣды явленія своего нерѣдко на цѣлые вѣки. — всѣ сами собою невольно узнаютъ и всенародно признаютъ ту великую вѣчную истину, что *въ руцѣ Господни власть земли, и Онъ Самъ потребнаго воздвигнетъ во время на ней.*

Но, если *въ руцѣ Господни власть земли,* то что же остается въ рукѣ народовъ?—Ужели одно безмолвное благоговѣніе къ дѣйствіямъ Промысла, дающаго и преставляющаго владыкъ земныхъ?—Если *потребнаго воздвигаетъ* Онъ Самъ, и въ извѣстное только *время на ней,* то не должно ли по тому самому во всѣ прочія времена отложить всякое ожиданіе видѣть на престолѣ царей, благопотребныхъ къ созиданію народнаго благоденствія? — Нѣтъ, слово Божіе не для того открываетъ намъ чрезвычайную зависимость владыкъ земныхъ въ ихъ происхожденіи и судьбѣ отъ воли Самодержца небеснаго, чтобы содѣлать насъ праздными зрителями ихъ явленія и дѣйствій на землѣ, какъ дѣла намъ вовсе недоступнаго и потому чуждаго. Напротивъ, оно указуетъ народамъ на чрезвычайную зависимость царей земныхъ отъ Царя небеснаго, какъ на вѣрнѣйшее средство оказывать благотворное дѣйствіе на судьбу своихъ земныхъ владыкъ, — какъ на основаніе возможности заслуживать у неба благихъ и мудрыхъ вѣнценосцевъ. *Царь мудрый и благій,* по ученію святой вѣры нашея, *есть даръ Божій; но такой даръ, который долженъ быть заслуживаемъ и хранимъ, ибо можетъ быть теряемъ.*

Остановимъ вниманіе наше на сей важной истинѣ и, сообразно потребности настоящаго времени, раскроемъ ее къ общему нашему назиданію.

Народы любятъ помнить, что благоденствіе ихъ зави-

ситъ отъ царей, что благочестіе и правда владыкъ низводятъ благословеніе Божіе на царство, а неправда—гнѣвъ и разрушеніе. И должно сказать, что это—истина, ясно выраженная въ словѣ Божіемъ, оправданная многими, очевидными опытами, особенно въ исторіи израильскаго народа. Но, памятуя сіе, не должно забывать и того, что и правители въ свою чреду не менѣе подлежатъ невидимому вліянію народовъ, что подданные своею правдою и неправдами постоянно дѣйствуютъ на судьбу своихъ вѣнценосцевъ. Дѣйствіе сіе, по указанію слова Божія, такъ сильно и обширно, что простирается на все бытіе царя, начинается еще до его рожденія, продолжается во всю его жизнь, и переходитъ даже за ея предѣлы.

Начинается до рожденія. Съ чѣмъ сообразуется вседѣтельная премудрость Божія, изводя на свѣтъ такого или другаго народоправителя? Съ потребностію времени, то-есть съ совершенствами и недостатками, съ нуждами и пріемлемостію людей, живущихъ въ извѣстное время: *потребнаго воздвигнетъ во время на ней.* Но отъ кого зависятъ сіи совершенства и недостатки, сіи нужды и желанія? Бываютъ между ними, конечно, и такія, кои не подлежатъ произволу человѣческому; но большая часть ихъ всегда есть плодъ свободы,—добраго или худаго употребленія нашихъ силъ и способностей. Посему, если Провидѣніе, воздвигая народоправителей, всегда сообразуется въ семъ дѣлѣ съ потребностію времени, а потребность сія слагается изъ нуждъ и качествъ, кои зависятъ отъ самыхъ людей, живущихъ въ извѣстное время, то не явно ли, что не только судьба, самое происхожденіе на свѣтъ лицъ царственныхъ, еще до рожденія ихъ, опредѣляется состояніемъ народа,—его совершенствами и недостатками? Въ семъ смыслѣ можно сказать, что каждый народъ самъ—своими добродѣтелями или пороками—взимаетъ изъ нѣдръ творческаго могущества царя по сердцу своему. Каково состояніе и каковы заслуги предъ Богомъ народа, таковъ и царь! ибо дары Божіи бываютъ соразмѣрны съ качествами и заслугою пріемлющихъ.

Дѣйствуя такимъ образомъ на происхожденіе своихъ правителей еще до явленія ихъ на свѣтъ, народы тѣмъ паче непрестанно дѣйствуютъ на судьбу ихъ во все продолженіе ихъ жизни. Благочестіе и добродѣтели народа со-

ставляютъ и лучшее изъ украшеній вѣнца царскаго, и главный источникъ силы и крѣпости для царства и надежнѣйшій щитъ противу всѣхъ опасностей. Чего не въ силахъ предпринять и совершить царь, управляющій людьми, вѣрными Богу отцевъ, преданными престолу и отечеству, за вѣру и правду дерзающими на всякую опасность? Какое зло осмѣлится приблизиться, и приблизившись не исчезнетъ у подножія того престола, который огражденъ молитвами и добродѣтелями народными?—Напротивъ, управленіе народомъ буйнымъ и ненаказаннымъ само по себѣ есть уже тяжелый жребій для правителя. Что можетъ успѣть все искусство и усердіе самаго лучшаго кормчаго, если ему достанется управлять совершенно разстроеннымъ кораблемъ, среди непрестанныхъ бурь и треволненій? Беззаконія народа, удаляя отъ земли благословенія неба, чрезъ то самое отъемлютъ успѣхъ у самыхъ мудрыхъ начинаній предержащей власти, дѣлаютъ безсильными самыя надежныя средства, ею употребляемыя, подрываютъ самое основаніе всеобщаго благоденствія. За грѣхи народа умаляются самые дни наилучшихъ изъ царей. Разительный примѣръ сего представляетъ благочестивый Іосія, царь израильскій. *Подобенъ ему* въ благочестіи, по свидѣтельству самаго слова Божія, *не бысть предъ нимъ царь, и по немъ не воста подобенъ ему* (2 Пар. 35, 20); но поелику народъ израильскій сдѣлался недостойнымъ милости и долготерпѣнія небеснаго; то царь, любимый небомъ и землею,—во цвѣтѣ лѣтъ, внезапно преложенъ къ отцамъ своимъ, чтобы, по выраженію писанія, *не видѣть очами своими всѣхъ злыхъ* (4 Цар. 22, 20), которыя имѣли быть наведены на его царство.

Наконецъ, народы продолжаютъ дѣйствовать на судьбу своихъ владыкъ и по окончаніи ихъ жизни. Бесѣдуя въ собраніи христіанскомъ, нѣтъ нужды доказывать, что кромѣ земныхъ судовъ есть судилище небесное, и что за предѣлами сей жизни ожидаетъ каждаго изъ насъ строгій отчетъ въ томъ, что содѣлано имъ на землѣ. Царямъ, какъ вождямъ и свыше поставленнымъ приставникамъ народовъ, надлежитъ по сему самому дать предъ царемъ царствующихъ отвѣтъ не о себѣ токмо самихъ, но и о всемъ великомъ *приставленіи* (Лук. 16, 2) царственномъ. Можно ли же думать, чтобы при семъ отвѣтѣ не воспоминались добродѣ-

тели и неправды народа, который былъ ввѣренъ ихъ управленію?

Соображая все сіе, чье сердце не исполнится благоговѣйнаго умиленія при мысли о великомъ и вмѣстѣ страшномъ предназначеніи владыкъ земныхъ?—Еще до рожденія своего имѣть отношеніе къ нравственному состоянію цѣлаго народа, исходить на свѣтъ, для совершенія судебъ Божіихъ надъ цѣлыми племенами и на цѣлые вѣки дѣйствовать на временную и вѣчную судьбу каждаго изъ подданныхъ, и подлежать въ семъ отношеніи его дѣйствію, сосредоточивать въ себѣ силу или безсиліе, благоденствіе или бѣдствія всего царства, быть среди милліоновъ подобныхъ себѣ человѣковъ первымъ пріемникомъ благословеній и гнѣва небеснаго,—Боже мой, какая страшно-величественная участь!—Что послѣ сего значитъ блескъ всѣхъ вѣнцовъ въ мірѣ въ сравненіи съ великою отвѣтственностію, лежащею на раменахъ каждаго самодержца?—И поелику народамъ, какъ и частнымъ людямъ, *прилежитъ*, особенно въ наши скудныя правдою времена, болѣе *помышленія на злая* (Быт. 6, 5), нежели на благая, то что остается нынѣ престоламъ въ ихъ уединенной, недосягаемой высотѣ, какъ быть постоянными *отводами* гнѣва небеснаго, непрестанно привлекаемаго на землю неправдами народовъ?—Таковыми точно и были всегда престолы царей благочестивѣйшихъ; смиреніемъ, упованіемъ на Промыслъ Божій, дѣлами вѣры, любви и милосердія они всегда покрывали беззаконія своего народа, и такимъ образомъ умѣряли гнѣвъ небесный.

Но, признавая благодѣяніе сіе, мы тѣмъ не менѣе должны памятовать свою обязанность—благочестіемъ и правдою облегчать для самодержцевъ тяжесть ихъ великаго служенія, а усердными молитвами низводить на главу ихъ милость и благословеніе неба. И когда священная обязанность сія должна пробуждаться въ сердцѣ съ большею силою, какъ не въ настоящій день, когда Промыслъ Божій, выну благодѣющій къ отечеству нашему, благоволилъ воздвигнуть для блага его Вѣнценосца столь твердаго и мудраго, какимъ не только мы, цѣлый свѣтъ признаетъ Монарха нашего?—Благодаря за сію великую милость Божію къ намъ, мы всегда должны памятовать, что продолженіе ея надъ нами зависитъ отъ насъ,—отъ того, сколько и какъ мы будемъ ея достойны.

Посему, желая ознаменовать торжествомъ настоящій день царственный, ознаменуемъ оный не столько шумными гласами радости и восклицаній, которыя, поражая слухъ всѣхъ, могутъ не касаться сердца многихъ, сколько безмолвнымъ, но усерднымъ возношеніемъ мыслей и желаній нашихъ къ престолу Царя царствующихъ, съ теплою молитвою о возлюбленномъ Помазанникѣ Божіемъ; покажемъ радость и усердіе наше не столько возженіемъ огней вещественныхъ, кои, прогоняя мракъ ночный, не могутъ разсѣять мглы, облежащей умы строптивые, сколько возгрѣяніемъ въ сердцѣ невещественнаго огня истинной вѣрности и любви къ престолу, которая вовсе не знаетъ никакого мрака, всегда ходитъ во свѣтѣ. Если доблестные сыны Россіи будутъ достойны благословеннаго царствованія мудраго и праволюбиваго Николая, то Господь, оправдавый царствовать его надъ нами, не замедлитъ увѣнчать его и долготою дней. Тогда по слову писанія, никакой, ни явный, ни тайный, *врагъ ничтоже успѣетъ на него, и* никакой *сынъ беззаконія не приложитъ озлобити его* (Псал. 88, 25). *Не прiидетъ* къ нему никакое *зло и рана не приблизится тѣлеси* его (Псал. 90, 10). *Онъ не убоится* ни *отъ страха нощнаго,* ни *отъ стрѣлы летящія во дни,* ни *отъ вещи, во тьмѣ преходящія* (тамъ же 5). Ибо,—при недостаткѣ естественныхъ средствъ,—Господь *заповѣстъ Ангеламъ Своимъ сохранити* его *во всѣхъ путехъ* его (тамъ же, 2).

Итакъ, еще повторимъ, желая мира и долгоденствія благочестивѣйшему Помазаннику, приложимъ всѣ усилія къ сохраненію собственнаго нашего мира съ Богомъ. Грѣхи народа суть первые враги царя, равно какъ молитвы и добродѣтели подданныхъ суть вѣрнѣйшее храненіе для самодержцевъ. Аминь.

Слово въ день святителя Николая,

и тезоименитства благочестивѣйшаго государя Николая Павловича, императора и самодержца всероссійскаго.

Что собрало насъ нынѣ въ такомъ множествѣ въ храмъ сей? Мы собрались по причинѣ двухъ свѣтлыхъ торжествъ. Одно—въ честь и память святителя Христова Николая Чудо-

творца Мѵрликійскаго; другое—въ честь Августѣйшаго Монарха нашего, который носитъ имя сего Спасителя. Сочетаніе торжествъ прекрасное! Посему-то именно надлежало ожидать, что это сочетаніе уже будетъ не первое въ исторіи нашей, и между тѣмъ оно первое и единственное! Поелику имя св. Николая съ самаго начала земли Русской было и есть въ особенномъ всеобщемъ уваженіи всего народа русскаго, то надлежало ожидать, что оно будетъ нарекаемо надъ многими лицами изъ державнаго Дома, что не одинъ изъ носящихъ его взойдетъ на престолъ россійскій .. И между тѣмъ,—свидѣтель вся исторія—доселѣ не было на семъ престолѣ Николая. Казалось, что имя, такъ всѣмъ любезное, какъ будто хранится подъ какою-либо печатію, которую никто не смѣетъ вскрыть, никто изъ самыхъ вѣнценосцевъ не смѣетъ дать сыну или внуку!

Что значитъ это? «Дѣло случая».—отвѣтятъ нѣкоторые, а можетъ быть и многіе. За ними—кто бы они ни были—слѣпой случай, а мы обратимся къ чему-нибудь не слѣпому.

Восхожу мыслію ко временамъ первобытнымъ, когда пути Промысла были очевиднѣе, самый голосъ природы слышнѣе: и что нахожу? Нахожу, что въ церкви патріархальной имена нарекаемыя всегда означали будущія свойства и судьбу нарекаемыхъ, ибо давались по прозрѣнію свыше, коимъ обладали нарекающіе. Въ послѣдующія времена возможность—нарекать имена такимъ образомъ—начала оскудѣвать, и, оскудѣвая, постепенно дошла до того, что уступила смыслу чистому, какъ говорятъ, а въ самой вещи,—весьма не чистому произволу. Даютъ имена, какъ случится, не заботясь при семъ ни о чемъ, какъ развѣ о благозвучіи,—не руководясь ничѣмъ какъ развѣ родственными отношеніями.

Но первобытный законъ именъ не потерялъ самъ по себѣ и никогда не потеряетъ силы—выражать свойство и судьбу именуемыхъ. Когда люди уклонились отъ него, ибо по нечистотѣ не могли держаться на высотѣ его, то онъ остался, можно сказать, въ рукахъ одного Промысла Божія.

Промыслъ Божій такъ обыкновенно управляетъ судьбою человѣческою, что предоставляетъ полную свободу дѣйствовать людямъ; но гдѣ нужно, даетъ видѣть персть Свой, подобно художнику, который предоставляетъ составлять кар-

тину ученикамъ и по временамъ только прибавляетъ черты нѣкоторыя, чтобы не испортить картины.

Посему, и при нареченіи именъ, дѣйствіе Промысла можетъ оказываться только въ нѣкоторыхъ немногихъ случаяхъ.

Таковые случаи могутъ быть и бываютъ и въ малыхъ семействахъ; но тѣмъ паче въ великихъ,—мы разумѣемъ царства и народы.

Послѣ сего, уже заранѣе можно сказать, что они будутъ разительнѣе, нежели гдѣ-либо, въ державѣ Россійской. Почему заранѣе можно сказать это? Потому что вся исторія ея ознаменована разительными дѣйствіями и знаменіями непосредственнаго Промысла Божія.

Хотите ли доказательствъ? Вспомните имена—Владиміра: кто болѣе его овладѣлъ древнимъ міромъ русскимъ?—Петра: кто болѣе его былъ подобенъ адаманту не сокрушимому для всѣхъ войнъ?

Отъ сихъ и другихъ размышленій, коихъ вѣрность отдаемъ на судъ всѣхъ и каждаго, обратимся къ предмету настоящаго торжества, и подведемъ его, такъ сказать, подъ общій законъ. Что значитъ имя: *Николай?*—Оно значитъ—побѣдитель народовъ.

Теперь смотрите—на кого? Во-первыхъ, на святителя Христова Николая. Смиренный пастырь Мурликійской Церкви—прославляется предъ всѣми святителями, цѣлыми народами. Какими? Не только чтущими имя Христово, но и невѣрными, даже тѣми, кои разрушили гробъ и храмъ его и принудили святыя мощи его совершить путешествіе съ востока на западъ, какъ будто въ знаменіе того, что западъ, вспомнивъ древнее единство, паки обратится къ востоку.

Видите ли силу имени? Или точнѣе сказать, силу Того, Кто нарицаетъ, по выраженію Апостола, *не сущая яко сущая* (Рим. 4. 17)?

Воззримъ, за симъ, и на августѣйшаго соименника святителю, и что видимъ? Не видимъ ли подобнаго, то есть, что сила имени отражается въ судьбѣ того, кто носитъ имя?

Имя побѣдителя принадлежитъ большей части нашихъ вѣнценосцевъ, хотя не всѣмъ въ равной степени.

Но скажите, кому болѣе принадлежитъ имя побѣдителя народовъ?

Прежде побѣждали владыкъ: въ наше время надобно сражаться съ народами.... (Не окончено).

Слово на день святителя Николая,

И ТЕЗОИМЕНИТСТВА БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА, ИМПЕРАТОРА И САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО.

Имя святителя Христова Николая есть имя всенародное, всероссійское; и такимъ сдѣлалось оно не вчера только и третьяго дня, а съ первыхъ вѣковъ христіанства въ отечествѣ нашемъ. Послѣ сего ожидалось естественно, что имя это будетъ часто являться на престолѣ всероссійскомъ; между тѣмъ, сего не было до нашихъ временъ. Какъ будто невидимая рука удерживала отъ употребленія сего преупотребительнаго въ другихъ отношеніяхъ имени; какъ будто ожидалось чего-либо особеннаго, чтобы употребить его.

Наконецъ, вмѣстѣ съ Монархомъ нашимъ сіе великое всероссійское имя взошло на престолъ всероссійскій! Кто былъ современникомъ сего событія, тотъ долженъ помнить, какая мысль и какое чувство пробѣгли тогда по всѣмъ умамъ и по всѣмъ сердцамъ истинно-русскимъ. Особенно чтимое и любимое имя казалось предвѣстіемъ всего добраго и великаго.

Время и опытъ тотчасъ начали оправдывать событіями великое чаяніе.

Самое восшествіе его на престолъ всероссійскій проявило такія высокія и рѣдкія качества души и сердца, что, обрадовавъ все отечество, привело въ удивленіе весь міръ.

Возстаетъ внезапно врагъ на востокѣ, въ надеждѣ воспользоваться нашимъ краткимъ безвременьемъ; и что же? Едва, едва спасаетъ свою избитую корону и скипетръ подъ могущественною сѣнію того, противъ коего враждовалъ...

(Не окончено).

Слово въ день восшествія на престолъ Николая Павловича,

БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА И САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО. ПРОИЗНЕСЕННОЕ ВЪ КІЕВО-СОФІЙСКОМЪ СОБОРѢ, НОЯБРЯ 20 ДНЯ, 1832 ГОДА.

Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа.

И въ жизни частныхъ людей, тѣмъ паче въ жизни народовъ, есть дни, кои всякій разъ, когда ни возвращаются, пробуждаютъ множество различныхъ воспоминаній и чувствованій. Таковы между прочимъ великіе дни преемства царей и народоправителей,—дни, отъ коихъ зависятъ нерѣдко цѣлые вѣки. Таковъ наипаче настоящій день восшествія новаго Самодержца на престолъ россійскій, тотъ престолъ, который не разъ давалъ благотворное направленіе событіямъ всего свѣта, и доселѣ остается главнымъ оплотомъ противу всемірныхъ треволненій. Кто изъ сыновъ отечества можетъ срѣтить день сей безъ множества важныхъ воспоминаній и глубокихъ чувствованій?—Кто даже изъ иноземныхъ сыновъ можетъ срѣтать его равнодушно, при мысли о неизмѣримыхъ послѣдствіяхъ отъ преемства россійскихъ вѣнценосцевъ?—Это день, коимъ связуются между собою не два царствованія, а, можетъ быть, двѣ всемірныя эпохи.

Собирать воедино, всѣ воспоминанія, слѣдить за всѣми чувствованіями, кои возбуждаются настоящимъ днемъ въ душахъ сыновъ отечества, значило бы съ одной стороны покуситься на необъятное, съ другой—выйти изъ предѣловъ христіанскаго собесѣдованія.—Но. есть воспоминанія и чувствованія, кои не могутъ не возбуждаться нынѣ въ сердцѣ каждаго истиннаго сына Церкви и отечества, и отсутствіе коихъ во всякомъ было бы знакомъ равнодушія неизвинительнаго. Изложеніе сихъ мыслей и чувствъ можетъ служить вмѣсто поученія, назидательнаго для всѣхъ. Посвятимъ на это нѣсколько минутъ.

Первымъ чувствомъ въ настоящій день, по указанію самой Церкви, должно быть *чувство смиренія, благоговѣнія и благодарности предъ неисповѣдимымъ Промысломъ Божіимъ, распоряжающимъ судьбою царствъ и народовъ.*—Христіанинъ при всѣхъ событіяхъ въ жизни любитъ обращать взоръ

свой къ Небу; тѣмъ паче не могутъ не обращаться къ небу очи и сердце его при воспоминаніи столь великаго событія, каково восшествіе на престолъ Самодержца.—Въ самомъ дѣлѣ, жребій правленія пространнѣйшаго въ мірѣ царства исходилъ нынѣ изъ десницы Царя царствующихъ и ввѣрялся рукѣ богоизбраннаго народоправителя—какая священная минута!—Чье око, кромѣ Божія бдѣло тогда надъ судьбою царя и царства? Кому, кромѣ Всевѣдущаго, довѣдомъ былъ рядъ великихъ событій, имѣвшихъ потомъ совершиться?—Если когда, то въ сіе рѣшительное время, люди только предполагали, а располагалъ Самъ Богъ.—Это былъ часъ особеннѣйшаго Промысла Божія объ отечествѣ нашемъ. А посему, куда первѣе всего должно обращаться мыслямъ при воспоминаніи сего великаго событія, какъ не туда, гдѣ оно первѣе всего началось и предопредѣлено,—къ престолу Вседержителя?—Оттуда, съ сей святой высоты, христіанинъ ожидаетъ, при подобныхъ случаяхъ, *услышать, что речетъ* о судьбѣ его отечества *Господь* (Псал. 84, 9), глаголющій въ великихъ событіяхъ міра.

Что же изречено о насъ при семъ случаѣ, какой урокъ преподанъ намъ Промысломъ?—*Урокъ*, какъ мы сказали, *смиренія и благодарности*.

Промыслъ вообще любитъ вразумлять смертныхъ, касательно ихъ недостатковъ, противоположностью своихъ судебъ ихъ соображеніямъ и надеждамъ. Но, кажется, никогда сія противоположность не обнаруживалась такъ ощутительно, какъ при царственной перемѣнѣ, нами воспоминаемой. Кто могъ ожидать ее такъ скоро и такъ внезапно? Какими мольбами не призывалось долгоденствіе на главу возлюбленнаго вѣнценосца? Глава сія, видимо вѣнчанная и славою земною, и благословеніями неба, совмѣщавшая на себѣ надежды не отечества только, но и всего просвѣщеннаго міра,—не ручалась ли повидимому сама за свою крѣпость?—Но Вышній судилъ иначе! Когда никто о томъ не думалъ на землѣ, на небѣ уже положена была великая перемѣна: опредѣлено, чтобы надежды наши внезапно перенесены были на главу иную, чтобы совершеніе великихъ предначертаній ввѣрено было десницѣ другой!

Столь великая внезапность опредѣленій небесныхъ о нашемъ отечествѣ, ихъ разительная противоположность съ

нашими чаяніями и соображеніями, не должны ли вести насъ къ той мысли, что сія грозная измѣна десницы Вышняго была слѣдствіемъ несоотвѣтствія путей нашихъ судьбамъ Божіимъ? Что Царь небесный разительною перемѣною земныхъ владыкъ нашихъ хотѣлъ внушить всѣмъ намъ урокъ смиренія и покаянія?—Церковь, яко таинница судебъ Божіихъ, яснѣе всѣхъ слышала въ семъ случаѣ поучительный гласъ Божій; и вотъ почему такъ громко отъ лица всѣхъ въ настоящій день исповѣдуетъ она предъ Богомъ: *согрѣшихомъ Господи, и беззаконновахомъ, и крайняго отвращенія Твоего достойны сотворихомся; сего ради наказалъ еси насъ краткимъ бывшія печали посѣщеніемъ* (Слова молитвы, читаемой во время молебствія).

Благодареніе Промыслу, что печаль наша была такъ кратка и гнѣвъ небесный растворенъ такою милостію, что *чувство покаянія,* возбуждаемое воспоминаніемъ великаго лишенія, невольно перерождается въ *чувство благодарности,* при мысли о новомъ пріобрѣтеніи, за тѣмъ послѣдовавшемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, не малая милость Божія, лишившись благаго и мудраго царя, получить вскорѣ другаго равно достойнаго. Пророкъ отъ лица Божія угрожалъ нѣкогда народу израильскому, что онъ останется долгое время безъ царей и правителей (Осіи 3, 4). И наше отечество не разъ сознавало печальнѣйшимъ опытомъ, что значитъ быть долго царству безъ главы —Мы—не знали сего заключенія! Новый ангелъ царства стоялъ уже на стражѣ, когда прежній отходилъ на мѣсто вѣчнаго покоя. Было нѣсколько дней недоумѣнія: но какъ величественны дни сіи! Дотолѣ мы знали только пророковъ, отрекавшихся и говорившихъ ко Господу: *избери могуща иного, его же послеши* (Исх. 4, 13). Тутъ увидѣли законныхъ наслѣдниковъ царства, передающихъ одинъ другому вѣнецъ, первый въ мірѣ!—Чего не дали бы другіе народы, дабы видѣть у себя сію—безпримѣрную—прю царственнаго самоотверженія? О, тотъ вѣнецъ не померкнетъ, на коемъ хотя разъ отразился лучъ сея, истинно *святыя славы!*

И чѣмъ не оправдано доселѣ благое предвѣстіе? Сколько опасностей и затрудненій, славно препобѣжденныхъ!—Сколько великихъ предначертаній, мудро приведенныхъ, или при-

водимыхъ въ дѣйство!—Едва протекло одно седмилѣтіе новаго царствованія, и мы были уже свидѣтелями *преставленія* отъ могущества Россіи не малой части свѣта политическаго. Уже не разъ помрачалось солнце—Персіи; не разъ ущерблялась и готова была исчезнуть луна—Турціи: только великодушіе побѣдителей оставило ихъ на тверди, да указуютъ превращеніями своими всему свѣту—время нашей славы. Если многія изъ самыхъ неподвижныхъ звѣздъ міра политическаго, подвигшись въ своемъ основаніи, доселѣ удерживаются въ своемъ чинѣ, или отъ большаго безчинія, то не благодѣтельнымъ ли тяготѣніемъ сѣвернаго самодержавія?

Радуясь такимъ образомъ о грозной славѣ прошедшаго, утѣшаясь тихимъ величіемъ настоящаго и съ дерзновеніемъ взирая на будущее, кто изъ сыновъ отечества не исповѣдуетъ нынѣ благодарнѣ съ Церковію, что Промыслъ Божій, *наказавъ насъ краткимъ бывшія печали посѣщеніемъ, обильно потомъ исполнилъ сердца наши веселіемъ, оправдавъ царствовати надъ нами возлюбленнаго раба Своего, Благочестивѣйшаго Государя нашего НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА* (слова молитвы изъ молебствія!)—*Чувство благоговѣнія и благодарнаго смиренія* предъ неисповѣдимыми судьбами Царя небеснаго есть необходимое чувство въ настоящій день для каждаго изъ насъ.

А вмѣстѣ съ тѣмъ неразлучно и другое, подобное *чувство—благоговѣнія, любви и вѣрности къ царю земному.* Ибо, можно ли, благоговѣя предъ Царемъ небеснымъ, поставляющимъ и преставляющимъ царей земныхъ, не благоговѣть и предъ тѣмъ, кто Его же промысломъ возведенъ на престолъ и поставленъ княземъ людей своихъ?—Тѣмъ паче, когда возведенный всѣми дѣяніями своими доказываетъ, что онъ точно возведенъ *милостію Божіею,* а не гнѣвомъ небеснымъ?—Въ такомъ случаѣ всякое воспоминаніе о царѣ само собою обращается въ благословеніе ему и въ молитву за него,—тѣмъ паче воспоминаніе въ день настоящій. Ибо что значитъ день восшествія на престолъ самодержца?—Это день восшествія его подъ непосредственное осѣненіе силы Божіей; съ сего дня Монархъ нашъ сталъ для насъ видимымъ представителемъ невидимаго общаго Отца и Владыки человѣковъ, постояннымъ земнымъ намѣстникомъ Промысла небеснаго: можно ли провести таковый день безъ

особеннаго благоговѣнія къ Архистратигу силы Божіей?— Что значитъ день восшествія на престолъ самодержца?— Это день нисшествія его въ среду нуждъ и желаній народныхъ; съ сего дня порфира начала прикрывать великихъ и малыхъ, его скипетръ началъ указывать путь всѣмъ и вездѣ, его престолъ содѣлался средоточіемъ жизни и движенія общественнаго, а его вѣнецъ — преемникомъ благословеній небесныхъ: можно ли провести таковый день безъ особенныхъ выраженій любви къ ангелу-хранителю царства?—Что есть день восшествія на престолъ Самодержца? Это день исшествія его на особенные труды и подвиги; съ сего дня Монархъ нашъ началъ быть первымъ подвижникомъ на полѣ общественной дѣятельности, взялъ на рамена свои судьбу цѣлаго царства, сталъ на стражѣ безопасности и благоденствія народнаго, устремился къ великой цѣли народоправленія: можно ли провести таковый день безъ пламенныхъ молитвъ за вѣнценоснаго подвижника?— Святая Церковь и въ семъ отношеніи предшествуетъ примѣромъ своимъ всѣмъ чадамъ своимъ, возглашая въ слухъ всѣхъ теплыя моленія о томъ, чтобы Господь, оправдавши царствовать надъ нами возлюбленнаго раба свего, умудрилъ *его непоползновенно проходити великое сіе служеніе, даровалъ ему разумъ и премудрость, во еже судити людемъ въ правдѣ, показалъ его врагомъ побѣдительна, злодѣемъ страшна, добрымъ милостива и благонадежна, согрѣлъ сердце его къ призрѣнію нищимъ, къ пріятію страннымъ, къ заступленію напастуемымъ, чтобы самыя подчиненныя ему правительства управилъ на путь истины и правды, и сохранилъ отъ лицепріятія и мздоимства* (слова молитвы изъ молебствія). Не участвовать въ сихъ благожеланіяхъ и молитвахъ всѣмъ сердцемъ можетъ развѣ одинъ тотъ, у кого нѣтъ сердца.

Среди сихъ чувствъ благоговѣнія и любви къ Царямъ, небесному и земному, *мысль истиннаго сына отечества не можетъ нынѣ не останавливаться и на судьбѣ отечества,* которая такъ близка къ сердцу каждаго, и такъ много зависитъ отъ преемства вѣнценосцевъ. Что было, и что будетъ съ отечествомъ? — это вопросъ, самъ собою представляющійся уму въ дни, подобные настоящему. Какъ страшенъ нынѣ вопросъ сей для многихъ народовъ! — Многіе не могутъ коснуться его и одною мыслію, чтобы не почувствовать и

не произнести недоумѣній и опасеній. Иначе и быть не можетъ тамъ, гдѣ вѣру въ Промыслъ Божій о судьбѣ народовъ возмнили замѣнить довѣріемъ къ слабой мудрости человѣческой. Устрашились произвола человѣческаго, осѣняемаго и блюдомаго милостію Божіею; и потому безъ милости пожинаютъ ужасные плоды произвола. возметаемаго вихремъ страстей!

Россіянинъ. при твердой вѣрѣ въ Промыслъ Божій, не знаетъ сихъ шатаній царствъ и народовъ, сихъ недоумѣній и страховъ за будущее. При всей неизвѣстности будущаго, онъ спокоенъ касательно судьбы отечества, ибо увѣренъ, что она всецѣло заключена въ судьбахъ Божіихъ. *Вышній владѣетъ царствомъ человѣческимъ, и ему же восхощетъ, дастъ е* (Дан. 4, 22): вотъ для россіянина источникъ верховной власти! Кто въ состояніи возмутить его?—*Сердце царево въ руцѣ Божіей: аможе восхощетъ уклонитъ е* (Притч. 21, 1): вотъ россіянину порука за права и благо народовъ! Можетъ ли быть что-либо тверже ея?—Если жизнь земныхъ владыкъ можетъ прерываться наравнѣ съ жизнію послѣдняго изъ подданныхъ, то Самодержецъ небесный не знаетъ смерти, а земные владыки не отходятъ токмо къ Нему, а и приходятъ отъ Него же. Если умъ народоправителей можетъ подлежать ошибкамъ, а сердце—слабостямъ, то умъ небеснаго Міроправителя никогда не заблуждаетъ,—десница Божія, содержащая сердца царей, всегда безстрастна. Власть человѣческая можетъ иногда покушаться идти вопреки намѣреніямъ Промысла: но не можетъ сдѣлать ничего, ему совершенно противнаго. А посему только бы народы дѣлали свое дѣло и заслуживали своими добродѣтелями милость неба, а небесный Самодержецъ не забудетъ людей Своихъ, *не воздремлетъ, ниже уснетъ храняй Израиля* (Псал. 120, 4),—воздвигая благихъ и мудрыхъ царей, управляя ихъ намѣреніями и дѣйствіями и предохраняя отъ всякаго зла.

Подобныя мысли касательно міроправленія Божія надъ народами,—а онѣ естественно въ настоящій день раждаются въ умѣ отъ вѣры въ Промыслъ Божій,—совершенно *успокоиваютъ сердце истиннаго россіянина касательно дальнѣйшей судьбы его отечества,* а вмѣстѣ съ тѣмъ *обращаютъ его вниманіе на самого себя, какъ члена общества,* отъ правиль-

наго дѣйствованія коего зависитъ, болѣе или менѣе, благоденствіе отечества.

Въ самомъ дѣлѣ, если Промыслъ Божій располагаетъ судьбою царей и царствъ; если благоденствіе народовъ зависитъ наипаче отъ того, какъ много они посредствомъ добрыхъ нравовъ содѣлываются достойными милости небесной. то твердое убѣжденіе въ семъ не можетъ въ истинномъ сынѣ отечества не сопровождаться твердою *рѣшимостію жить и дѣйствовать такъ, чтобы не привлекать на себя и чрезъ себя на отечество гнѣва небеснаго.* Послѣ сего всякій грѣхъ, самый тайный и, повидимому, безвредный для общества, долженъ казаться измѣною противъ отечества не только небеснаго, но и земнаго, ибо всякимъ грѣхомъ удаляется милость Божія отъ земли и привлекается гнѣвъ небесный на грады и веси. Съ другой стороны, если въ лицѣ Монарха сосредоточивается благоденствіе цѣлаго царства; если его дѣйствованіе для блага народа успѣшно наипаче тогда. когда всѣ подвластные содѣйствуютъ ему. каждый возможнымъ для него образомъ, то увѣренность въ семъ, по необходимости, должна производить въ сердцѣ истиннаго сына отечества рѣшимость—облегчать, сколько возможно. вѣрнымъ исполненіемъ обязанностей своихъ, великое бремя, лежащее на раменахъ царя, жертвуя, въ случаѣ нужды, всѣмъ—самою жизнію для исполненія воли его, тѣмъ паче для защиты лица его. Какое нестерпимое было бы противорѣчіе—вѣровать. что благо отечества зависитъ отъ добродѣтелей отечественныхъ, и жить такъ, какъ бы у насъ не было ничего общаго ни съ отечествомъ, ни съ добродѣтелію!—Какое постыдное разногласіе было бы—разумѣть всю важность лица царева. всю трудность великаго подвига народоправленія, и не употреблять всѣхъ силъ своихъ и средствъ на облегченіе сего подвига, къ сохраненію сего лица! Никакая малость служенія общественнаго, никакая простота званія не могутъ служить извиненіемъ въ неисполненіи священной обязанности быть, для блага отечества, вѣрнымъ Царю небесному, ибо громы гнѣва небеснаго привлекаются не однѣми высотами земными, но и юдолями, коль скоро онѣ наполнены воздухомъ тлетворнымъ; и напротивъ, добродѣтель самаго послѣдняго изъ подданныхъ можетъ иногда служить щитомъ для цѣлаго царства. Подобнымъ образомъ, и любовь къ

царю земному приноситъ обильные плоды не въ однихъ чертогахъ: хижина земледѣльца можетъ сокрывать (какъ и сокрывала иногда) спасителя царя и царства. Посему настоящій день, какъ день особеннаго благоговѣнія къ Промыслу Божію о благѣ отечества, и особенной любви къ богоизбранному Монарху, по тому самому долженъ быть для всѣхъ сыновъ отечества *днемъ повторенія обѣтовъ вѣрности предъ Царемъ небеснымъ и царемъ земнымъ, днемъ возобновленія святой ръшимости—жить и дѣйствовать для блага отечества,* то-есть, жить и дѣйствовать свято и добродѣтельно.

Нужно ли новое, высшее побужденіе для сего? Настоящее торжество наше доставляетъ и его, самымъ *преемствомъ царствъ временныхъ напоминая объ окончаніи всего временнаго, и о имѣющей наступить нѣкогда жизни некончаемой, царствіи вѣчномъ*, гдѣ уготованы награды для одной чистоты и правды.

Въ самомъ дѣлѣ, если бы чему на землѣ надлежало быть изъятымъ изъ-подъ закона бренности человѣческой; то конечно вѣнчаннымъ главамъ народа, высотою своею какъ бы уже касающимся неба и безсмертія. И, однако же, вѣнцы царскіе гораздо долговѣчнѣе главъ, ими украшаемыхъ! Все великое и славное здѣсь—на время. Памятуя сіе, христіанинъ, никогда не останавливай окончательно взоровъ и желаній своихъ на землѣ; служа отечеству временному, не теряй изъ виду пристанища вѣчнаго; пріемля съ благоговѣніемъ знаки благоволенія царя земнаго, старайся прежде всего быть въ любви у Владыки небеснаго, стремись *къ почести вышняго званія* (Филипп. 3, 14), простирай чаянія къ тѣмъ *престоламъ и вѣнцамъ* (Апок. 3, 11. 21), кои уготованы уже не для малаго числа избранныхъ, а для всѣхъ любящихъ Господа. Здѣсь для всѣхъ—великихъ и малыхъ—мѣсто труда и заслугъ; а покой тамъ, полная награда—тамъ, жизнь и блаженство—тамъ.

Чувство сіе тѣмъ естественнѣе для насъ нынѣ, что благочестивѣйшій Государь нашъ самъ живо проникнутъ онымъ; и безъ сомнѣнія, когда мы отъ его царства мыслію восходимъ къ царствію Божію, онъ самъ въ сердцѣ своемъ совершаетъ теперь духовное восхожденіе къ престолу Царя царей, и наравнѣ съ народомъ своимъ молитъ Господа,

чтобы Онъ, украсивъ его вѣнцемъ славы земной, сподобилъ и въ вѣчной славѣ Его *со святыми царствовати.*

Таковы чувства, возбуждающіяся въ сердцѣ при настоящемъ торжествѣ нашемъ!

Подъемля при семъ очи горѣ—къ престолу Божію, мы слышимъ оттолѣ *урокъ смиренія и благодарности:* смиренія—въ внезапномъ лишеніи насъ прежняго вѣнценосца, благодарности—въ дарованіи намъ вскорѣ новаго, по сердцу своему и нашему.

Обращая взоръ къ священному лицу Помазанника Божія, мы исполняемся *чувствомъ уваженія и любви:* уваженія, яко къ богоизбранному,—любви, яко къ боголюбезному.

Останавливая вниманіе на судьбѣ отечества, при вѣрѣ въ Промыслъ Божій, ощущаемъ *твердое успокоеніе касательно будущаго.*

Приникая къ самимъ себѣ, слышимъ внутрь себя *побужденіе сохранять,* для блага отечества, *вѣрность къ Царю небесному и царю земному,* быть дѣятельными членами общества.

Наконецъ, восходя мыслію отъ торжествъ царства временнаго къ славѣ блаженства вѣчнаго, убѣждаемся, что *всѣмъ,* и царямъ и подданнымъ, *должно жить на землѣ для неба.*

Сему поучаетъ насъ настоящее торжество наше!—Аминь.

Слово въ день восшествія на престолъ Благочестивѣйшаго Государя Николая Павловича, Императора и Самодержца Всероссійскаго,

ПРОИЗНЕСЕННОЕ ВЪ КІЕВО-СОФІЙСКОМЪ СОБОРѢ НОЯБРЯ 20 ДНЯ, 1834 ГОДА.

Восшелъ еси на высоту, плѣнилъ еси плѣнъ, даде даянія въ человѣцѣхъ, и не покоряющимся, еже вселитися (Псал. 67, 19).

Такъ въ одномъ изъ псалмовъ Давидовыхъ пророчески изображено будущее величіе Мессіи, Спасителя человѣковъ. Онъ представляется восходящимъ на чрезвычайную высоту могущества и славы, но единственно съ тѣмъ, чтобы удобнѣе изливать оттуда милости на всѣхъ стоящихъ долу;

изображается плѣняющимъ великій плѣнъ, но токмо для того, чтобы всю добычу его обратить *въ даянія человѣкомъ*. Къ самымъ противникамъ и врагамъ Своимъ является Онъ облеченнымъ болѣе милостію, нежели правдою; и они принуждены измѣрять высоту престола Его наиболѣе по великодушію Сѣдящаго на немъ. *Восшелъ еси на высоту, плѣнилъ еси плѣнъ, даде даянія въ человѣцѣхъ, и не покоряющимся, еже вселитися.*

Для слушателей-христіанъ нѣтъ нужды подробно изъяснять теперь, какимъ образомъ сбылось сіе величественное пророчество Давида надъ великимъ Потомкомъ его по плоти. Многимъ, если не всѣмъ, и безъ напоминанія извѣстно, что изображаемое пророкомъ восхожденіе Сына Человѣческаго на высоту означаетъ божественное могущество и славу, коими увѣнчанъ Онъ по совершеніи великаго дѣла искупленія рода человѣческаго,—что дивный плѣнъ, Имъ плѣненный, есть разрушеніе царства грѣха и смерти и возвращеніе человѣчеству блаженства, имъ потеряннаго; что, наконецъ, *даянія Его въ человѣцѣхъ* суть дары благодати Его, изливаемые въ такомъ обиліи на родъ человѣческій, что самые противники благодатнаго царства Мессіи, то-есть, упорные грѣшники могутъ участвовать въ нихъ, коль скоро обращаются съ раскаяніемъ къ престолу милосердія.

Къ настоящему торжеству нашему было бы ближе—показать, какъ въ зерцалѣ Давидовомъ, отражающемъ Божественное лице Мессіи, само собою отражается и священное лице Богомъ вѣнчаннаго и превознесеннаго Монарха нашего;—отражается потому, что украшено чертами величія и благости, подобными тѣмъ, коими сіяетъ лице Спасителя человѣковъ. И какъ удобно было бы сдѣлать это! Для сего довлѣло бы одного простаго и краткаго повѣствованія о дѣяніяхъ царствованія, столь же благотворнаго, какъ и великаго. Но къ христіанскимъ доблестямъ Монарха нашего принадлежитъ и то, что онѣ укрываются отъ многоглаголиваго изъясненія. И кому не извѣстно, что величіе, подобно величію Царя царей, никогда не переставало быть благотворнымъ даже для тѣхъ, кои хотѣли бы умалить и затмить оное?

Что же остается намъ изъ словъ Давидовыхъ въ назиданіе, если, на основаніи ихъ, не можетъ быть теперь пол-

наго собесѣдованія ни о величіи Царя небеснаго, ни о доблестяхъ царя земнаго?—Многое и важное.—Что порфироносный пророкъ вѣщалъ о величіи Мессіи, то самое должно сказать и о величіи всѣхъ истинныхъ помазанниковъ Божіихъ: всѣ они восходятъ на высоту престоловъ, облекаются знаменіями могущества и власти не для себя самихъ, а для временнаго и вѣчнаго блага подвластныхъ имъ. И не противъ сей ли священнѣйшей истины, связующей союзомъ взаимной любви народы и царей, преимущественно устремляются нынѣ шатанія людей буіихъ и ненаказанныхъ, силящихся престолы царскіе обратить изъ предмета радостнаго благоговѣнія для народовъ въ предметъ зависти и недоброжелательства?—Посему долгъ любви къ отечеству и благоговѣнія къ предержащей власти призываетъ насъ нынѣ, сообразно цѣли настоящаго торжества и духу божественнаго изреченія Давидова, показать какъ можно ощутительнѣе, что *величіе престоловъ царскихъ гораздо нужнѣе для блага народовъ, нежели для тѣхъ, кои восходятъ на оные.*

Чтобы совершенно увѣриться въ семъ, довольно обратить вниманіе на благотворную цѣль сего величія.

Итакъ, посмотримъ, для чего восходятъ благочестивѣйшіе государи на престолъ.

Первѣе всего для того, дабы съ высоты престола быть видимѣе для всѣхъ требующихъ помощи. Кто не знаетъ, что въ обществахъ человѣческихъ, какъ бы ни были они устроены, всегда есть много людей, требующихъ самодержавной защиты, то отъ насилія, злобы и лукавства, то отъ превратностей жизни и судьбы? И лучшимъ преимуществомъ престоловъ царскихъ всегда было и будетъ то, что они служатъ естественнымъ прибѣжищемъ для всѣхъ скорбящихъ и обремененныхъ. Но что за всеобщее прибѣжище, если оно по высотѣ своей не видимо всѣми и каждымъ, и если его надобно съ трудомъ отыскивать среди равныхъ, или подобныхъ ему по высотѣ зданій? Что за всенародная сѣнь, если она не возносится надъ всѣми высотами земли и не простирается во всѣ концы царства? Такимъ образомъ, самое благо бѣдствующаго человѣчества требуетъ. чтобы престолъ царскій былъ какъ можно возвышеннѣе, дабы никто изъ поверженныхъ долу превратностію судьбы

или насиліемъ, не могъ укрыться отъ благотворнаго призрѣнія сѣдящаго на престолѣ. Въ семъ отношеніи, о царѣ земномъ должно сказать то же, что Псалмопѣвецъ говоритъ о Царѣ небесномъ: *высокъ надъ всѣми языки Господь*, сего ради—*на смиренныя призираетъ, воздвизаетъ отъ земли нища, вселяетъ неплодовъ въ домъ* и творитъ ее *матерь о чадѣхъ веселящуся* (Псал. 112, 4—9). Послѣ сего умальте въ мысляхъ высоту престола, и вмѣстѣ съ нею вы необходимо умалите покровъ бѣдствующаго человѣчества.

Для чего благочестивѣйшіе государи восходятъ на престолъ?

Дабы съ высоты престола удобнѣе видѣть всѣ нужды царства, всѣ движенія жизни общественной. И благіе домостроители устрояютъ мѣста, съ коихъ можно было бы обзирать все, происходящее въ ихъ достояніи. Тѣмъ нужнѣе таковое мѣсто всеобщаго блюстительства для царства, въ коемъ на всѣхъ концахъ его могутъ внезапно происходить великія перемѣны, требующія всего вниманія и дѣятельности. Посему-то у всѣхъ народовъ есть престолы царей, или что-либо подобное имъ по высотѣ. Чѣмъ выше престолъ. тѣмъ виднѣе все пространство, коего онъ служитъ средоточіемъ; тѣмъ замѣтнѣе всѣ неравности положенія различныхъ сословій, все теченіе событій, всѣ новыя явленія, всѣ уклоненія отъ законовъ и остановки, все правое и неправое, радостное и печальное. Посему, чѣмъ выше престолъ, тѣмъ скорѣе можетъ быть усмотрѣно и предотвращено зло; тѣмъ вѣрнѣе могутъ быть сдѣланы соображенія. надежнѣе—приняты средства, удобнѣе—достигнуты цѣли. Не священна ли послѣ сего высота престола, и не долгъ ли сына отечества почитать ее неприкосновенною? Пусть другіе народы поставляютъ свое величіе въ томъ, чтобы умалять высоту своихъ престоловъ: по малости общественнаго зданія многимъ изъ нихъ и не приличенъ верхъ слишкомъ возвышенный. Но Россія, но любезное отечество—верхъ сего всемірнаго зданія не можетъ не возносить къ небу... Пусть другіе народы находятъ горькую отраду въ томъ, что преступникъ законовъ можетъ ненаказанно глумиться даже надъ верховнымъ блюстителемъ законовъ и ставить гордо кущу Корея у самыхъ вратъ Скиніи свидѣнія: для россіянина отрада въ томъ, что въ

его отечествѣ преступленіе трепещетъ при одномъ имени Монарха, что нарушитель законовъ при мысли о самодержавіи царя земнаго принужденъ говорить себѣ то же, что и при мысли о величіи Царя небеснаго: *камо пойду отъ Духа Твоего и отъ лица Твоего камо бѣжу* (Псал. 138, 7)?

Для чего восходятъ благочестивѣйшіе государи на престолъ?

Дабы съ высоты престола удобнѣе видѣть ходъ всемірныхъ событій и провидѣть опасности отечества. Среди брани и въ другія смутныя времена нарочно устрояютъ высоты, съ коихъ наблюдаются движенія враговъ и всѣ перемѣны, у нихъ происходящія. Но когда общества безъ опасностей? Если и частнымъ людямъ угрожаютъ многія бѣды (2 Кор. 11, 26—28), то царства и народы находятся въ непрестанной, явной или тайной, брани; самый, такъ называемый, вѣчный миръ, большею частію, служитъ для нихъ только перемиріемъ. Посему тѣмъ нужнѣе для царства наблюдательное око, которое слѣдило бы за событіями всего свѣта, видѣло бы все, что происходитъ у другихъ народовъ. Но для таковаго всемірнаго наблюденія потребна высота необыкновенная, которая владычествовала бы надъ всѣми прочими высотами и не была затемняема ничѣмъ равнымъ и близкимъ къ ней; то-есть, высота престола. Чѣмъ онъ возвышеннѣе, тѣмъ, подобно престолу Божію, можетъ быть многоочитѣе (Апок. 4, 6); тѣмъ страшнѣе для враговъ отечества и тѣмъ благотворнѣе для всѣхъ сыновъ его, кои подъ сѣнію его спокойно могутъ предаваться занятіямъ и трудамъ, зная, что есть око, которое не воздремлетъ, ниже уснетъ, назирая съ высоты престола все, происходящее внѣ отечества. Не священна ли послѣ сего высота сія, и не долгъ ли любви къ отечеству—блюсти ея неприкосновенность? Въ семъ отношеніи опять должно сказать о царѣ земномъ то же, что Псалмопѣвецъ говоритъ о Царѣ небесномъ: *высокъ надъ всѣми языки Господь,* сего ради *высокая издалече вѣсть* (Псал. 137, 6). Умальте въ мысляхъ высоту престола, и вмѣстѣ съ симъ тотчасъ умалится это благотворное *вѣдѣніе*, сократится державный надзоръ надъ иноплеменными народами, глава отечества приблизится не только ко взорамъ, но и къ стрѣламъ вражіимъ, — произойдетъ то, чего наиболѣе желаютъ враги отечества.

Для чего восходятъ благочестивѣйшіе государи на престолъ?

Дабы на высотѣ его быть свободнѣе отъ слабостей и недостатковъ общежитія человѣческаго. Бѣдная земля наша такъ исполнена неправдою, что самое вещественное удаленіе отъ нея есть уже нѣкое средство къ совершенству. На великихъ высотахъ дыханіе становится свободнѣе, самыя мысли и чувства принимаютъ какое-то возвышеннѣйшее направленіе. Тѣмъ нужнѣе возвышеніе надъ обществомъ человѣческимъ тому кто хочетъ быть превыше недостатковъ общежитія: ибо, при настоящемъ грѣховномъ состояніи рода человѣческаго, всѣ общественныя отношенія таковы, что удобно могутъ наклонять человѣка къ землѣ, дѣлать рабомъ предубѣжденій, привязанностей, выгодъ, милостей, страстей. Но въ комъ всего менѣе должно быть таковыхъ слабостей, какъ не въ представителѣ и владыкѣ цѣлаго народа? Посему, кто болѣе долженъ быть, такъ сказать, разобщенъ съ падшею и клонящею къ паденію землею, какъ не государь? И для сего-то необходимаго разобщенія служитъ высота престоловъ царскихъ. Не священна ли послѣ сего высота сія, и не составляетъ ли необходимости для отечества? Если Самъ Царь небесный, по глубокому выраженію Псалмопѣвца, *дивенъ* наипаче *въ высокихъ* (Псал. 92, 4),—является болѣе сильнымъ и величественнымъ на высотѣ, въ удаленіи отъ взора человѣческаго: то тѣмъ необходимѣе это удаленіе, сія высота для царей земныхъ, кои по чрезвычайности предназначенія своего должны быть во многихъ отношеніяхъ *дивны во очію всѣхъ,* и однако же суть *подобострастные намъ человѣки.*

Для чего восходятъ благочестивѣйшіе государи на престолъ?

Дабы съ высоты его быть ближе къ небу, постояннѣе и безпрепятственнѣе сообщаться духомъ съ Тѣмъ, въ десницѣ Коего судьбы народовъ и царей. И язычники знаютъ, что благоденствіе царствъ зависитъ не отъ одного произвола и усилій человѣческихъ; христіанинъ тѣмъ паче вѣруетъ, что *Вышній владѣетъ царствомъ человѣческимъ* (Дан. 4, 22), и что народоправители, при всемъ величіи ихъ, суть токмо *слуги* (Рим. 13, 4) Самодержца небеснаго. Посему между царемъ земнымъ и небеснымъ должно происходить непрестанное, живое сношеніе для блага народа. Гдѣ же должно

быть сему? Ужели среди толпы людей? Среди шума предразсудковъ и страстей? Среди праха и вихрей заботъ житейскихъ? Предъ глазами всѣхъ и каждаго?—Моисей восходитъ на Синай для собесѣдованія съ Богомъ и принятія отъ Него закона (Исх. 19, 20); Илія возводится на Хоривъ для созерцанія славы Божіей (3 Цар. 19, 11); Самъ Сынъ Божій на безмолвной вершинѣ Ѳавора слышитъ гласъ, нарицающій Его Сыномъ возлюбленнымъ (Матѳ. 17, 1). Долженъ быть и для народовъ постоянный Синай, на коемъ слышима была бы воля небеснаго Законодателя;—постоянный Ѳаворъ, гдѣ бы свѣтъ славы Божіей отражался на лицѣ вѣнчанныхъ представителей народа. Этотъ Синай, сей Ѳаворъ есть—престолъ царскій!—Въ сердцѣ сѣдящаго на немъ, по свидѣтельству самаго слова Божія, происходитъ непрестанное (Прит. 21, 1) откровеніе воли Божіей; въ устахъ его слышится, никогда не оскудѣвающее, *пророчество* (Притч. 16, 10). Не священна ли послѣ сего высота престола, и не священный ли долгъ истинныхъ сыновъ отечества блюсти ее во всей неприкосновенности?

Внемлите себѣ, говорилъ нѣкогда Богъ чрезъ Моисея къ народу израильскому при Синаѣ, *внемлите себѣ не восходити на гору, и ничимже коснутися ея: всякъ прикоснувыйся горѣ, смертію умретъ. Не коснется ей рука: каменіемъ бо побіется, или стрѣлою устрѣлится, аще скотъ, аще человѣкъ, не будетъ живъ* (Исх. 19, 12—13). То же должно сказать и о престолахъ царскихъ: не только злонамѣренное покушеніе къ превращенію ихъ,—Синай и Ѳаворъ немного опасаются сихъ превращеній,—но и неблаговолѣйное прикосновеніе къ нимъ предерзкимъ образомъ мыслей и словъ, достойны наказанія самаго тяжкаго. Почему? Не только потому, что лице сѣдящаго на престолѣ есть самое священное на землѣ и богоподобное; но и потому, что въ престолахъ царскихъ сосредоточены сила и благоденствіе цѣлаго царства; потому что съ высоты ихъ исходитъ для всѣхъ правда и милость, провидятся нужды и опасности отечества; потому что престолъ служитъ царю для попранія слабостей и недостатковъ человѣческихъ, для принятія откровеній и благословеній небесныхъ.

Для насъ, почтеннѣйшіе соотечественники, важныя истины сіи тѣмъ благопріятнѣе, что благословенное отечество наше

на самомъ дѣлѣ постоянно видитъ, какъ благочестивѣйшіе государи, подобно великому Царю, провидѣнному Давидомъ, восходятъ на высоту престола отечественнаго и плѣняютъ различные плѣны не для чего другаго, какъ для блага отечества, — дабы *дать даянія въ человѣцѣхъ*. Что можетъ равняться на землѣ съ высотою самодержавнаго престола россійскаго? Что сравнится и съ тою славою и могуществомъ, коихъ достигъ народъ, покоящійся подъ сѣнію его. Богомъ превознесеннаго, престола? Что сравнится съ тѣми попеченіями, кои восшедшій нынѣ на престолъ сей прилагаетъ непрестанно о благѣ отечества? Есть ли какой-либо великій подвигъ, на который онъ усомнился бы изыти для народа, ему любезнаго? Есть ли опасность, которой онъ не срѣтилъ и, дерзнемъ сказать, не срѣтитъ въ лице первый? Не одинъ уже плѣнъ въ его славное царствованіе; и всѣ они сопровождались *даяніями въ человѣцѣхъ* — даяніями милости для достойныхъ сыновъ отечества, даяніями великодушія для самыхъ враговъ. Вразумленная опытами правды, мудрости и великодушія, изумленная подвигами безпримѣрнаго самоотверженія царственнаго, сама зависть иноземная скоро престанетъ взирать съ огорченіемъ на высоту престола россійскаго и признаетъ въ немъ, самимъ Промысломъ воздвигнутый, Араратъ, на вершинѣ коего, среди всемірнаго потопа заблужденій гражданскихъ, найдетъ себѣ спасеніе все, необходимое для благодѣтельнаго возрожденія міра политическаго.

Господи, *даждь* слабому гласу сему *гласъ силы* (Псал. 67, 34)! Да уразумѣютъ языцы, яко съ нами Богъ; да престанутъ *помышлять* въ сердцахъ своихъ *тщетная* (Псал. 2, 1) и *устами своими глаголать гордыню* (Псал. 16, 10); а вѣрные сыны отечества да продолжаютъ въ мирѣ обитать подъ благотворною сѣнію Богомъ превознесеннаго престола, заграждая слухъ отъ всѣхъ обаяній лжи и лукавства и твердо памятуя, что *величіе престоловъ гораздо нужнѣе для блага народовъ, нежели для тѣхъ, кои восходятъ на оные*. Аминь.

Слово въ день восшествія на престолъ Благочестивѣйшаго Государя Николая Павловича, Императора и Самодержца Всероссійскаго,

ПРОИЗНЕСЕННОЕ ВЪ КІЕВО-СОФІЙСКОМЪ СОБОРѢ НОЯБРЯ 20-ГО ДНЯ, 1833 ГОДА.

Побѣждающему дамъ сѣсти со Мною на престолѣ Моемъ, якоже и Азъ побѣдихъ и сѣдохъ со Отцемъ Моимъ на престолѣ Его (Апок. 3, 21).

Среди торжества о восшествіи на престолъ *единаго,*—ко времени обѣтованіе о возведеніи на престолъ *всѣхъ;* а мужамъ, прославившимся, или имѣющимъ прославиться побѣдами, къ лицу слово о побѣдѣ. И какой побѣдѣ? Плодомъ коей не временная какая-либо почесть, а вѣчная слава на престолѣ: *побѣждающему дамъ сѣсти со Мною на престолѣ!*

Но что это за престолъ, столь пространный, что можетъ вмѣстить всѣхъ побѣждающихъ, и вмѣстѣ столь неудобоприступный, что путь къ нему надобно пролагать побѣдою?— Что это за побѣда, столь важная, что побѣдителя прямо ведетъ на престолъ, вмѣстѣ столь возможная, что ея требуютъ отъ всякаго? Почему для того, чтобы возсѣсть на престолѣ благодати и любви, каковъ престолъ Божій, нужно сражаться и побѣждать, и притомъ, когда уже низложенъ врагъ и одержана великая побѣда Самимъ Раздаятелемъ престоловъ: *побѣждающему дамъ сѣсти со Мною на престолѣ Моемъ, якоже и Азъ побѣдихъ и сѣдохъ со Отцемъ Моимъ на престолѣ Его?*

Святый тайнозритель Іоаннъ, предавшій намъ изъ устъ Іисуса Христа величественное обѣтованіе, нами разсматриваемое, не изъясняетъ его нисколько, ибо писалъ объ ономъ первоначально къ Ангелу Лаодикійской Церкви (Апок. 3, 14). Посему намъ самимъ должно искать разрѣшенія своихъ недоумѣній; и трудно ли найти, когда все Священное Писаніе есть не что иное, какъ пространное изъясненіе онаго обѣтованія? Для полнаго уразумѣнія его надлежитъ только совокупить во едино то, что пророки и апостолы говорятъ о семъ въ безчисленныхъ мѣстахъ. Когда же приличнѣе сдѣлать это, какъ не въ настоящій день царственный, который самымъ свойствомъ торжества своего столь сильно

напоминаетъ каждому христіанину о престолѣ, ожидающемъ всѣхъ истинныхъ послѣдователей Христовыхъ?

Побѣждающему дамъ сѣсти со Мною на престолѣ. Явно, что престолъ сей не есть какой-либо престолъ чувственный; ибо онъ подобенъ тому, на коемъ возсѣдитъ Самъ Богъ: *якоже и Азъ побѣдихъ и сѣдохъ со Отцемъ Моимъ на престолѣ Его*; а у безпредѣльнаго Божества не можетъ быть престола чувственнаго. Итакъ, подъ именемъ божественнаго престола должно разумѣть состояніе владычества, могущества и славы, подобное тому, коимъ наслаждается Самъ Богъ: состояніе посему столь величественное и блаженное, что мы въ настоящемъ земномъ заточеніи нашемъ не можемъ и представить его себѣ въ полномъ и точномъ видѣ. Самые пророки и апостолы, когда хотятъ изобразить его, употребляютъ для сего сравненія, заимствуя ихъ отъ того, что намъ извѣстно наилучшаго, какъ-то: отъ царскаго величія и славы (Апокалипс. 3, 11. 21), отъ свѣта солнечнаго (Матѳ. 13, 43), отъ потеряннаго блаженства райскаго (Апокалипс. 2, 7), отъ совершенствъ міра ангельскаго (Матѳ. 22, 30). Притомъ, употребляя различныя сравненія для изображенія будущаго блаженства праведныхъ, священные писатели рѣшительно объявляютъ, что самый предметъ выше сихъ изображеній, что праведнымъ, или, по выраженію нашего текста, побѣдителямъ уготовано то, чего *око не видало, ухо не слыхало, что на самое сердце никогда не восходило* (1 Кор. 2, 9), и чего потому не возможно изобразить никакимъ языкомъ человѣческимъ (2 Кор. 12, 4). И сіе то несравнимое, невообразимое, неизглаголанное, божественное состояніе обѣщается каждому побѣждающему,—столько же самому послѣднему изъ рабовъ, какъ и самому первому изъ царей!

Будемъ ли искать основанія сей чрезвычайной милости Божіей къ роду человѣческому? Явно, что его въ насъ нѣтъ и быть не можетъ. Чѣмъ могли мы заслужить любовь Творца прежде, нежели получили бытіе?—И по пріятіи бытія, что мы сдѣлали такого, за что бы надлежало возвести всѣхъ насъ на престолъ славы? Всѣ наши заслуги едва ли не состоятъ въ томъ, что мы, еще въ лицѣ праотца нашего, не сохранили своего мѣста, вышли изъ своего чина, вступили въ союзъ со врагомъ Божіимъ. Ибо должно сказать

къ уничиженію нашей гордости и то, что престолъ, подобный тому, который теперь обѣщается, уже принадлежалъ человѣку въ самомъ началѣ его бытія. Чего не было покорено тогда подъ нозѣ его? — Но нареченный владыка земли восхотѣлъ завладѣть и небомъ; образъ Божій возмнилъ содѣлаться подлинникомъ, и — все превратилось: съ главы, неосторожно преклонившейся для выслушанія змінаго совѣта, ниспалъ вѣнецъ; изъ рукъ, простертыхъ къ запрещенному плоду, выпалъ скипетръ; тѣло, дотолѣ облеченное порфирою невинности, обнажилось и потребовало смоковничнаго прикрытія (Быт. 3, 7); самъ царь въ омраченіи ума и чувствъ, упалъ съ престола. Бездна паденія человѣческаго была такъ велика и покрыта такою мглою, что падшій праотецъ думалъ укрыться отъ Всевидящаго, и, чтобы извлечь его изъ сего омраченія, нужно было вопрошать: *Адаме, гдѣ еси* (Быт. 3, 9)?

Но эта ужасная бездна паденія призвала новую бездну снисхожденія Божія. Любовь Творца не могла оставить свой земной образъ, забыть лучшее произведеніе рукъ своихъ; нѣтъ, она умыслила произвести надъ человѣкомъ *новое* высшее *твореніе* (Ефес. 2, 10), даровать ему такія силы, чтобы онъ на самомъ дѣлѣ содѣлался *причастникомъ естества Божественнаго* (2 Петр. 1, 4). И вотъ, доколѣ человѣкъ разными, естественными и благодатными, средствами приводится въ чувство отъ своего паденія, врачуется видимо и невидимо отъ разслабленія духовнаго, пріучается, подобно младенцу, къ надлежащему образу движеній и дѣйствованія и, такимъ образомъ, содѣлывается способнымъ быть паки посажденнымъ на престолѣ;—любовь Божія, между тѣмъ, изъ развалинъ первобытнаго владычества человѣческаго, при помощи своего всемогущества и премудрости, устрояетъ новое царство для своего любимца,—воздвигаетъ престолъ величественнѣе прежняго: *побѣждающему дамъ сѣсти на престолѣ!*—И чтобы паки возводимый на престолъ царь, возсѣдая одинъ, паки не наклонился къ запрещенному плоду (Быт. 3, 22) и не упалъ въ бездну зла, онъ будетъ посажденъ уже не одинъ, а вмѣстѣ съ его Возстановителемъ: *побѣждающему дамъ сѣсти со Мною.*

Много стоило даже для всемогущества Божія произвести возстановленіе падшаго царя земли такъ, чтобы самое па-

деніе его обратилось въ случай къ большему возвышенію. Для сего надлежало Самому Сыну Божію сойти на землю и увѣнчаться вѣнцемъ терновымъ; но все сіе сдѣлано. *Тако возлюби Богъ міръ, яко и Сына Своего единороднаго далъ есть, да всякъ, вѣруяй въ Онь, не погибнетъ, но имать животъ вѣчный* (Іоан. 3, 16). И Сей Сынъ любве, совершивъ великое дѣло примиренія неба съ землею, возвративъ потерянное человѣкомъ царство, завѣщалъ оное всецѣло земнымъ братіямъ Своимъ. *Якоже завѣща Мнѣ Отецъ Мой,* говорилъ Онъ, разлучаясь съ учениками, представлявшими въ себѣ весь родъ человѣческій, *и Азъ завѣщаваю вамъ царство* (Лук. 22, 29). Много и еще требуется для того, чтобы исполнилось во всей силѣ это царственное завѣщаніе: для сего надобно претворить небо и землю, устроить новый міръ, извести всю тварь, воздыхающую подъ игомъ человѣческой суеты, *отъ работы истлѣнія въ свободу славы чадъ Божіихъ* (Рим. 8. 21); но и это все будетъ произведено. Какъ *первый міръ, водою потопленъ бывъ, погибе:* такъ *нынѣшнія небеса и земля,* по свидѣтельству Духа Божія, *тѣмъ же словомъ сокровена суть, огню блюдома, на день суда* (2 Петр. 3, 6. 7). И когда наступитъ сей грозный день, то *небеса съ шумомъ мимо пойдутъ, стихіи же сжигаемы разорятся, земля и яже на ней дѣла, сгорятъ* (2 Петр. 3, 10); и тогда явится новое небо и новая земля, чтобы служить мѣстомъ новаго владычества для искупленнаго и обновленнаго рода человѣческаго. Безъ сомнѣнія, любовь Божія ускорила бы столь вожделѣннымъ не только для насъ, но и для ней самой возстановленіемъ и возведеніемъ на престолъ славы падшаго человѣчества, если бы благо послѣдняго, то-есть, благо каждаго изъ насъ, не требовало медленія и отсрочки (2 Петр. 3, 9). По свидѣтельству Тайнозрителя, не только *невѣста*-Церковь, уготовляемая къ вѣнцу и престолу, но и *Духъ* божественной премудрости, уготовляющій ее къ сему величію, глаголетъ небесному Жениху: *пріиди* (Апокалипс. 22, 17)! А посему, если Онъ медлитъ приходомъ, то для того, чтобы, пришедъ прежде времени, не найтись принужденнымъ *потребить всю,* растлѣнную грѣхами, *землю въ конецъ* (Мал. 4, 6).

Впрочемъ, и теперь, когда слава будущаго царя земли должна заключаться болѣе внутрь его, а совнѣ онъ нерѣдко покрытъ рубищами и носитъ узы,—и теперь, на сей землѣ

изгнанія, въ семъ состояніи отчужденія отъ престола, какъ много царственнаго обнаруживается въ тѣхъ, кои, внявъ непреложнымъ обѣтованіямъ вѣры, проводятъ всю земную жизнь свою въ пріуготовленіи себя къ восшествію на престолъ славы вѣчной! Силою благодати вознесшись надъ слабостями и недостатками собственной природы, они являются потомъ вознесенными и надъ недостатками природы видимой, которая, по царственному гласу ихъ, нерѣдко съ радостію свергаетъ съ себя узы, такъ называемой, естественной необходимости. Самая смерть, низлагающая всякое величіе человѣческое, токмо обнаруживаетъ во всей силѣ величіе таковыхъ избранныхъ Божіихъ, показуя, что въ нихъ есть нѣчто болѣе, нежели въ цѣломъ мірѣ (1 Іоан. 4, 4). «*Вотъ цари*», изрекъ благословенный Александръ, выходя изъ нѣдръ земли, хранящей въ семъ святомъ градѣ нетлѣнныя тѣлеса угодниковъ Божіихъ. И безъ сомнѣнія, ни одинъ царь не усомнится повторить признаніе величайшаго изъ вѣнценосцевъ.

Таковое свойство, происхожденіе и судьба престола, обѣщаваемаго въ награду побѣждающимъ! Это престолъ славы и могущества божественнаго, принадлежавшій нѣкогда человѣку невинному, а теперь возвращаемый человѣку оправдываемому, и потому равно принадлежащій всѣмъ достойнымъ. А изъ сего само собою открывается и то, почему для вступленія на сей престолъ необходима побѣда. На первый престолъ эдемскій человѣкъ возведенъ былъ безъ всякой предшествующей заслуги, единственно подъ обѣтомъ будущей вѣрности: ибо въ немъ еще ничего не было, кромѣ образа Божія, для коего престолъ есть единственное приличное мѣсто. На второй, будущій, престолъ сіонскій, не возможно взойти безъ предварительнаго пріуготовленія, не измѣнивъ въ себѣ многое и не сложивъ съ себя многаго. Въ самомъ дѣлѣ, какъ посадить на престолѣ славы того, кто покрытъ рубищемъ чувственности, или язвами грѣховъ, или находится въ узахъ страстей? Какъ посадить на престолѣ божественномъ человѣка, который находится въ союзѣ съ врагомъ Божіимъ, имѣетъ волю, противную закону Божію, стремится самъ быть богомъ? Надобно прежде уврачевать стопы, чтобы они могли взойти на высоту престола; надобно прежде исцѣлить голову, чтобы она могла держать вѣнецъ; утвер-

дить десницу, чтобы она въ состояніи была вращать скипетромъ; надобно произвести внутреннее воцареніе человѣка надъ самимъ собою,—ума надъ волею, совѣсти надъ пожеланіями, чтобъ потомъ съ пользою и удобностію произошло воцареніе внѣшнее, вознесеніе человѣка надъ всѣми нуждами и покореніе подъ власть его всѣхъ тварей.

Но можетъ ли все сіе совершиться въ мірѣ? Уступитъ ли зло, гнѣздящееся въ нашемъ сердцѣ отъ юности, побѣду надъ собою безъ сраженія? Отдадутся ли въ плѣнъ ума страсти, по одному требованію долга? Не возопіетъ ли, не вооружится ли растлѣнная природа противъ сего благотворнаго и необходимаго, но крайне болѣзненнаго для нея претворенія? Сражавшіеся сами съ собою знаютъ, что̀ въ семъ случаѣ бываетъ въ сердцѣ,—какая возстанетъ брань, какія неприступныя являются твердыни, какія происходятъ измѣны и нападенія! И вотъ почему отъ будущаго наслѣдника престола славы требуется мужество и побѣда надъ врагами: *побѣждающему дамъ сѣсти со Мною на престолѣ.*

Кто сіи враги? Тѣ самые, кои, побѣдивъ человѣка въ Эдемѣ, низринули его съ престола невинности, и теперь не допускаютъ взойти на престолъ оправданія. Это оное *лукавое око,* которое вопреки увѣренію Самого Бога, всегда готово видѣть, даже и въ плодахъ древа смерти, нѣчто угоднѣе плодовъ древа жизни, и потому должно быть *изслѣдено* (Матѳ. 18, 9). Это та слабая на добро, но крѣпкая на зло, рука, которая, вопреки явной заповѣди Божіей, всегда готова простираться къ плоду запрещенному, и потому должна быть *отсѣчена* (тамъ же 18, 8). Это оное *каменное* для любви къ Богу и ближнему сердце, изъ котораго однако же истекаютъ непрестанно цѣлые потоки злыхъ мыслей и чувствованій, и которое потому должно быть премѣнено на *сердце новое* (Езек. 36, 26). Это блага міра, кои, какъ проводники, долженствовали бы вести человѣка къ верховному благу—Богу; но вмѣсто сего совращаютъ всецѣло къ самимъ себѣ и держатъ въ плѣну, и потому должны быть обходимы, отвергаемы, попираемы (1 Іоан. 2, 15). Это, наконецъ, тотъ древній змій (Быт. 3, 1—5), который, самъ потерявъ небо, льстивымъ обаяніемъ своимъ умѣлъ заставить человѣка потерять землю, и доселѣ не престаетъ употреблять всѣ средства, чтобъ падшій царь земли не могъ придти въ чувство отъ своего паденія, и не

восшелъ на ту высоту, съ коей ниспалъ онъ. Съ сими-то врагами долженъ сразиться будущій наслѣдникъ престола небеснаго. Безъ побѣды надъ ними, безъ низложенія зла, свирѣпствующаго въ душѣ и тѣлѣ, безъ воцаренія ума надъ пожеланіями и страстями, безъ очищенія себя отъ всякія скверны плоти и духа, — если бы человѣкъ и былъ возведенъ любовію Божіею на престолъ славы: то сіе величіе не послужило бы къ истинному его блаженству; ибо, нося зло въ сердцѣ, онъ не замедлилъ бы пасть глубже прежняго, въ неисходимую уже бездну золъ.

Но для чего же нужна была побѣда нашего Спасителя надъ врагами нашими, если каждому изъ насъ должно сражаться съ ними и побѣждать ихъ? Для того, дабы обезсилить сихъ враговъ и побѣдить въ нихъ то, что для насъ есть совершенно непобѣдимаго; для того, чтобы открыть для насъ поприще борьбы съ ними (ибо мы сами по себѣ не имѣли и сего), доставить намъ оружіе благодати, подать примѣръ мужества и воодушевить насъ надеждою вѣрной побѣды. Каждый долженъ дѣлать свое дѣло. Всемогущій Искупитель нашъ побѣдилъ смерть: мы не должны по крайней мѣрѣ паки вкушать отъ плодовъ древа смерти. Онъ разрушилъ адъ: мы не должны стремиться въ него худыми мыслями и дѣяніями. Онъ изгналъ и связалъ духовъ злобы поднебесной: мы не должны снимать съ нихъ узъ и давать имъ убѣжища въ своемъ сердцѣ. Онъ сдѣлался для насъ путемъ, истиною и животомъ: мы должны шествовать симъ путемъ, просвѣщаться сею истиною, вдыхать сію жизнь. Какъ бы ни была обильна трапеза, гладный не будетъ насыщенъ, если только будетъ взирать на яства; какъ бы ни было великолѣпно одѣяніе, нагой не защитится отъ хлада, если не облечется на самомъ дѣлѣ въ одежду; какъ бы ни было сильно врачевство, больной останется въ недугѣ, если не пріиметъ его и не употребитъ, какъ должно. Такъ и блага, пріобрѣтенныя Іисусомъ Христомъ, не могутъ быть для насъ благотворны, если мы не усвоимъ ихъ себѣ вѣрою и любовію; не будемъ, какъ можно чаще, вкушать отъ трапезы слова Божія, не облечемся въ одежду заслугъ Христовыхъ, не пріимемъ врачевства благодати, не будемъ ходить достойно высокаго званія христіанина и сражаться съ плотію и кровію. Продолжая добровольно оставаться на сторонѣ

враговъ нашего Спасителя и нашихъ въ сей жизни, на полѣ сраженія, мы по необходимости, противъ воли, должны будемъ остаться вмѣстѣ съ ними и тамъ, на полѣ побѣды, и терпѣть все то, на что будутъ осуждены они: потому что сами лучше возжелали быть въ числѣ побѣжденныхъ, нежели побѣдителей.

Истины важныя, единственно важныя для всякаго; но какъ мало и какъ немногихъ занимаютъ онѣ!—Что, если бы кому-либо, рожденному въ низкомъ и бѣдномъ состояніи, сказано было съ увѣренностію: «ты царскаго рода, тебя непремѣнно ожидаетъ въ свое время престолъ; только будь таковъ и таковъ, не дѣлай сего и сего»? Какъ бы часто таковый думалъ о своемъ великомъ предназначеніи! Какъ постоянно слѣдовалъ бы совѣту! Съ какимъ усердіемъ пріуготовлялся бы къ будущему званію! Чего не перенесъ бы для сего! Среди всѣхъ перемѣнъ и приключеній у него всегда было бы одно въ умѣ и сердцѣ—будущій престолъ. Но вотъ, намъ всѣмъ отъ юности возвѣщено—и кѣмъ? Самимъ Господомъ неба и земли,—что мы царскаго и божественнаго рода; что всѣ мы посажены были въ лицѣ праотца нашего на престолѣ, и теперь снова предназначены быть *царями и іереями Богу* (Апок. 5, 10); что для открытія сего царства во всей силѣ пріуготовляется цѣлое небо и земля, что оно будетъ славно, безконечно, божественно. Мы вѣруемъ сему; и что же производитъ въ насъ сія вѣра? Памятуется ли первобытное происхожденіе и будущее предназначеніе хотя столько, сколько помнятъ отличія и права предковъ? Думаютъ ли о обличеніи себя въ *бѣлыя ризы* (Апок. 7, 14) побѣдителей хотя столько, сколько заботятся о новой одеждѣ къ какому-либо торжеству? Дѣлается ли для достиженія престола вѣчной славы по крайней мѣрѣ то, что дѣлаютъ для полученія какого-либо вѣнца побѣднаго на землѣ? Сравненія малыя и слабыя; но какъ неудобоприкладны и они ко многимъ и многимъ? Что же значитъ сіе? Уже не преизбытокъ ли обѣтованной славы, Господи, производитъ въ насъ сомнѣніе и дѣлаетъ насъ хладными къ будущему нашему величію? Воистину, обѣтованія Твои безконечно превосходятъ всѣ наши способности и заслуги; но не превосходятъ Твоей любви и Твоего могущества: Ты рекъ—и воззвалъ отъ небытія весь міръ; речешь паки—и явятся новое небо и новая земля для но-

ваго царства избранныхъ Твоихъ на земли. Или, можетъ быть, отдаленность и незримость будущихъ престоловъ и вѣнцевъ дѣлаетъ ихъ непривлекательными для тѣхъ, кои долженствуютъ сражаться за нихъ? Но и то, что видимъ въ избранныхъ Твоихъ, Господи, здѣсь не достаточно ли ручается за то, что ожидаетъ ихъ тамъ? Если здѣсь величайшіе изъ вѣнценосцевъ поставляютъ себѣ за честь преклонять главу свою предъ святыми останками тѣхъ, коихъ имена едва знаемы были въ числѣ послѣднихъ подданныхъ, и нарицаютъ ихъ царями, высшими всѣхъ царей земныхъ, то что будетъ, когда всѣ царства земныя прейдутъ, и останется единое царство Бога и святыхъ Его? А прейдутъ! — За днями скорби, тѣсноты, подвига и борьбы, настанетъ, наконецъ, великій день торжества, день восшествія на престолъ всѣхъ побѣдителей по чину Іисусову. Какъ радостенъ будетъ день сей для достойныхъ! Какъ ужасенъ для недостойныхъ. Тайнозритель видѣлъ уже, какъ въ сей день *и вельможи и богатіи, и тысящницы и сильніи, и всякъ рабъ, и всякъ свободь скрышася въ пещерахъ и каменіи горстѣмъ, и глаголаша горамъ и каменію: падите на ны и покрыйте ны отъ лица Сѣдящаго на престолѣ, и отъ гнѣва Агнча* (Апок. 6, 15).

Но для чего поставлять себя въ ужасную необходимость бѣжать отъ гнѣва Агнца? Лучше, пока есть время, обратиться къ кротости и незлобію Сего Агнца, Который для того и закланъ, чтобы кровію Его можно было очищать *и убѣлять ризы свои* (Апок. 7, 14) всѣмъ пріуготовляющимся къ торжеству сіонскому! Для чего подвергать себя добровольно опасности скрываться въ горахъ и пропастяхъ отъ лица Сѣдящаго на престолѣ? Лучше благовременно обратиться съ покаяніемъ къ сему лицу, укрыться подъ сѣнію креста Христова и начать, при помощи благодати, брань со врагами спасенія, дабы, по одержаніи побѣды, самимъ взойти на престолъ, ожидающій всѣхъ побѣдителей. Покаяніе и вѣра самому послѣднему изъ грѣшниковъ скоро возвращаютъ всѣ права на царство вѣчной славы. *Имѣяй ухо да слышитъ, что Духъ глаголетъ Церквамъ* (Апок. 3, 22)! Аминь.

Слово въ день восшествія на престолъ

БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА.

Господь воцарися, да радуется земля (Псал. 91, 1).

Господь воцарися, да гнѣваются людіе (Псал. 98, 1).

Земля радуется, а люди гнѣваются; гнѣваются по тому же самому, по чему земля радуется: *яко Господь воцарися!* О, люди, люди!

Такъ было во время св. Давида: не то же ли самое и нынѣ? Господь видимо хочетъ воцариться надъ востокомъ, омраченнымъ прелестію магометовою, и вся земля тамъ, безъ сомнѣнія, возрадовалась бы о семъ радостію вѣліею, но люди прогнѣвались, прогнѣвались до того, что въ безуміи своемъ дерзнули стать противъ путей и намѣреній Божіихъ. Ибо, что значитъ въ существѣ дѣла нынѣшняя война, какъ не безумное покушеніе запада противъ путей промысла Божія? Господь исполнилъ намѣреніе свое наказать востокъ за его неправды посредствомъ желѣзнаго жезла завоевателей мусульманскихъ; этотъ жезлъ уже видимо преломляется отъ самаго употребленія своего, и въ свою чреду, по суду Промысла, долженъ быть преломленъ и повергнутъ на землю, а омраченные гордостію и своекорыстіемъ, сыны Албіона и Галліи возмнили, что они могутъ поднять сей жезлъ отъ земли и укрѣпить его снова на пораженіе несчастныхъ собратій своихъ по вѣрѣ. О, люди, люди!

Знаете ли, что ожидаетъ подобныхъ противниковъ воли Божіей? Это скажетъ намъ тотъ же св. Давидъ. «*Вскую*, говоритъ онъ, *шатаашася языцы и людіе поучишася тщетнымъ? Предсташа царіе земстіи, и князи собрашася вкупѣ на Господа и на Христа Его. Живый на небесѣхъ посмѣется имъ, и Господь поругается имъ. Тогда возглаголетъ къ нимъ гнѣвомъ Своимъ и яростію Своею смятетъ я. Упасеши я жезломъ желѣзнымъ, яко сосуды скудельничи сокрушиши я. И нынѣ*, заключаетъ св. Давидъ, *и нынѣ царіе разумѣйте, накажитеся вси судящіи земли, да не когда погибнете отъ пути Праведнаго, егда возгорится вскорѣ ярость Его* (Псал. 2, 1. 4. 5. 10—12).

Если бы вняли сему предостереженію царя-пророка тѣ царіе и царицы, кои собрались нынѣ съ воями своими противъ Господа и Христа Его! Само милосердіе Божіе видимо удерживало ихъ отъ злочестиваго предпріятія, пославъ на воинство ихъ предъ началомъ самой брани лютую язву: они не вняли грозному гласу Божію, и еще можно сказать, бичуемые бичемъ небеснымъ, устремились противу святаго дѣла, нами защищаемаго. Послѣ такого упорства и нераскаянности, остается съ благоговѣніемъ ожидать, какъ исполнится надъ ними угроза Давидова, или паче Божія.

Примѣтьте, братіе, особенность сей угрозы. Прежде, нежели противники воли Божіей сокрушаются жезломъ желѣзнымъ, яко сосуды скудельничи, *живый на небесѣхъ посмѣется имъ, и Господь поругается имъ.* Не сказано: накажетъ, поразитъ и тому подобное, а *посмѣется, поругается.* Это значитъ, что съ неба на подобныя покушенія враговъ нашихъ смотрятъ такъ же, какъ мы смотримъ на малыхъ дѣтей, кои идутъ противу насъ, поднимаютъ на насъ слабую трость, или что-либо другое, что едва держатъ сами въ слабыхъ рукахъ. Мы смѣемся надъ такимъ дѣтскимъ мужествомъ и храбростію, и еще иногда помогаемъ имъ одержать надъ нами нѣкоторый успѣхъ, дабы болѣе доставить себѣ удовольствія, ибо потомъ при одномъ грозномъ взглядѣ нашемъ, тѣмъ паче при наложеніи руки на голову, вся дѣтская война обращается въ ничто и оканчивается смѣхомъ, если не слезами самихъ противниковъ. Такъ же, по выраженію св. Давида, поступаетъ Царь небесный съ земными возмутителями противниками Своей воли. *Живый на небесѣхъ посмѣется имъ, и Господь поругается имъ.*

Мы видѣли уже, братіе мои, начало этого посмѣянія свыше надъ противниками нашими; и еще увидимъ не разъ, какъ они будутъ поруганы свыше же, кромѣ меча нашего, доколѣ не будутъ сокрушены въ конецъ, яко сосуды скудельничи. О, всѣ замыслы, всѣ усилія человѣческія прейдутъ, обратятся въ ничто, яко же не сущая, а грозное слово Всевышняго, изреченное пророкомъ Его, — не прейдетъ, не прейдетъ!

Что привело насъ къ симъ размышленіямъ? — День настоящій. Нынѣ благочестивѣйшій Государь нашъ восшелъ

за двадесять девять лѣтъ предъ симъ на престолъ всероссійскій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, яко первородный сынъ святой Церкви, принялъ на себя обязанность быть хранителемъ и защитникомъ святой вѣры и православія. Видите, какъ вѣрно исполняетъ онъ эту святую обязанность! — Исполняетъ вопреки всѣхъ враждебныхъ усилій запада.

Мы на землѣ дѣлаемъ и будемъ дѣлать свое дѣло— стоять за крестъ Христовъ. Господь ли не сдѣлаетъ тамъ— Своего? *Живый на небесѣхъ посмѣется имъ, и Господь поругается имъ!* Аминь.

Слово въ день священнаго вѣнчанія на царство благочестивѣйшаго Государя Николая Павловича, Императора и Самодержца Всероссійскаго,

ПРОИЗНЕСЕННОЕ ВЪ КІЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРѢ, 22 АВГУСТА 1831 Г.

Рече Господь Господеви моему сѣди одесную Мене, дондеже положу враги Твоя подножіе ногъ Твоихъ Жезлъ силы послетъ Ти Господь отъ Сіона· и господствуй посредѣ враговъ Твоихъ.—Господь одесную Тебе сокрушилъ есть въ день гнѣва Своего цари· судитъ во языцѣхъ, исполнитъ паденія, сокрушитъ главы на земли многихъ. Отъ потока на пути піетъ; сего ради вознесетъ главу (Псал 109)

Такъ въ книгѣ псалмовъ Давидовыхъ описывается великое предназначеніе великаго царя: Іегова благоволитъ о немъ и хранитъ его, яко зеницу ока; но въ то же время попускаетъ быть предметомъ вражды и неправдъ человѣческихъ, терпѣть нападенія и клевету. Онъ исполненъ благодати и истины, достоинъ всѣхъ благословеній земли и неба; между тѣмъ, толпы неистовыхъ мятутся, чтобы поколебать престолъ его. При всей любви къ миру, для него необходимо вести брани, и производить судъ надъ народами; при всемъ состраданіи къ бѣдствіямъ человѣчества, онъ долженъ сокрушить главы многихъ. Кратко, сему царю-подвижнику суждено свыше идти и вести народъ свой къ славѣ и благоденствію путемъ искушеній и терпѣнія: *отъ потока на пути піетъ, сего ради вознесетъ главу.*

Нѣтъ нужды изслѣдовать, кто сей царь, изображаемый псалмопѣвцемъ, и съ кого сняты черты столь дивныя. По

откровенію самаго неба мы знаемъ, что въ нихъ изображено достопоклоняемое лице Мессіи, божественнаго первообраза всѣхъ царей и владыкъ земныхъ, и вмѣстѣ высочайшаго образца всѣхъ подвижниковъ истины и добродѣтели. Но потому самому сіе пророчественное изображеніе можетъ быть прилагаемо и къ судьбѣ каждаго изъ тѣхъ (немногихъ) вѣнценосцевъ, коимъ суждено свыше побѣждать благимъ злое, сочетать величіе съ терпѣніемъ и кротостію.— Таковъ былъ Давидъ, мужъ по сердцу Божій, вѣрный оправданіямъ Іеговы и, однако же, проходившій съ народомъ своимъ рядъ искушеній столь тяжкихъ, что молитвенными воплями его наполнена большая часть псалмовъ. Таковы были Іосафатъ, Езекія, Іосія и прочіе образцы царственной славы. стяжаваемой терпѣніемъ и подвигами.

Усомнимся ли къ симъ благолѣпнымъ именамъ присоединить еще одно побѣдоносное имя, близкое теперь къ устамъ и сердцу каждаго сына Отечества? Дерзнемъ ли не примѣтить священныхъ терновъ, коими рука Промысла украшаетъ вѣнецъ и нашего возлюбленнаго Монарха? Ахъ, кто не знаетъ, что любезное Отечество наше вдругъ поражено тѣми бѣдствіями, изъ коихъ Давидъ нѣкогда страшился избрать (2 Цар. 24, 14)? Для чьей же главы ощутительнѣе тяжесть испытующей десницы Божіей, какъ не для главы народа? Въ чьемъ же сердцѣ сильнѣе отзываются удары судебъ, какъ не въ сердцѣ отца отечества? Царственныя уста не разъ отверзались уже на смиренное исповѣданіе неисповѣдимыхъ путей Божіихъ; самодержавная рука не разъ, вмѣсто повелѣній, писала молитву сокрушеній и преданности; самъ Давидъ не отвергъ бы выраженій сей скорби, и не усомнился бы признать, что его изображеніе царя-подвижника въ лицѣ нашего Монарха еще разъ нашло свое осуществленіе.

Благоговѣя предъ сими знаками самодержавнаго смиренія, нашъ долгъ, однако же, повѣдать, что и свѣтлая сторона богоначертаннаго изображенія Давидова весьма ясно и вѣрно отражается въ судьбѣ нашего Помазанника; наше дѣло возвѣстить въ слухъ тѣхъ, что тяжкія искушенія, коими промыслу Вышняго угодно было посѣтить наше отечество, служатъ къ тому, чтобы предъ всѣмъ свѣтомъ открылися высокія качества души царевой,—что всѣ враги его и цар-

ства видимо облекаются студомъ, и, одинъ за другимъ, полагаются въ подножіе ногъ, что приближается время окончательнаго торжества добра надъ зломъ, вѣрности долгу и порядку надъ буйствомъ и ненаказанностію.

Такъ вожделѣнное время сіе приближается! — Ангелъ смерти, преслѣдуемый смиреніемъ царя и молитвами народа, видимо спѣшитъ изъ предѣловъ нашего Отечества; земля, ожестѣвшая было подъ стопами устрашенныхъ дѣлателей, паки разверзла нѣдра свои и въ большомъ обиліи износитъ жизнь и веселіе; чудовище мятежа уже поражено во главу, и тѣ, кои мнили шумомъ оружія заглушить вопль правды, сами начинаютъ внимать голосу долга; сама столица вѣроломства трепещетъ уже въ стѣнахъ своихъ, — если только онѣ еще дерзаютъ стоять предъ лицемъ воинства россійскаго.

Увидимъ и послѣдній конецъ бѣдствіямъ! За рядомъ побѣдъ наступитъ торжество великодушія и милости. Та же десница, которая теперь караетъ непокорность и буйство, еще охотнѣе прострется на уврачеваніе язвъ и осушеніе слезъ. Тѣ же люди, кои доселѣ въ омраченіи ума не видѣли другаго исхода изъ безднъ мятежа, кромѣ побѣды или смерти, найдутъ благотворную средину на лонѣ единоплѣменнаго незлобія и кротости; — и братія, на время разлученныя чуждымъ для нихъ духомъ крамолы. тѣмъ тѣснѣе соединятся навсегда подъ самодержавнымъ скипетромъ одного общаго отца.

И что могло бы расторгнуть столь ужаснымъ образомъ священный союзъ двухъ народовъ, кои, по намѣренію самого Промысла, навсегда сопряжены единствомъ происхожденія, сродствомъ языка. совмѣстностію всѣхъ выгодъ мѣстоположенія, давностію сношеній и недавнимъ обѣтомъ клятвы? О, подлинно, если *что* было *добро, или что красно,* то сей братіи *жити вкупѣ* (Псал. 132, 1)! Только тлетворный духъ лжи, *мстящій* нынѣ едва *не всю вселенную* (Апокалипс. 12, 9), могъ обаяніями своими заглушить гласъ правды и благоразумія. Но что принесетъ съ собою сей эдемскій искуситель? При одномъ появленіи его тишина и безопасность исчезли, общественная дѣятельность прекратилась, порядокъ уступилъ мѣсто насиліямъ. семейственныя и гражданскія добродѣтели замѣнились безумными порывами отчаянія. Что

послѣдовало за принятіемъ змінаго совѣта? Ниспроверженіе того, въ чемъ находили свое благоденствіе грады и веси; опустошеніе того, что созидалось и украшалось вѣками: страхъ однихъ, стыдъ и раскаяніе другихъ, бѣдствія и слезы всѣхъ: и *отверзошася очи, и разумѣша, яко нази бѣша, и услышаста гласъ Бога, ходящаго въ раи, и скрыстася* (Быт. 3, 7, 8): вотъ неизбѣжный конецъ всѣхъ безумныхъ возстаній противъ царя небеснаго и царей земныхъ!

Первымъ поводомъ къ искушенію въ такомъ случаѣ обыкновенно бываетъ мечта лучшаго: *будете яко бози* (тамъ же—5). И дѣйствительно, нѣтъ ничего похвальнѣе, какъ желать усовершенствованія себѣ и другимъ, и нельзя отрицать, что на бѣдной землѣ, обитаемой родомъ человѣческимъ, не мало такого, что можетъ быть лучше. Слово Божіе прямо говоритъ, что мы всѣ въ состояніи изгнанія эдемскаго; а такое состояніе когда бываетъ совершеннымъ? Но кто поручится, что все, кажущееся намъ въ общественной жизни недостаткомъ, дѣйствительно таково? — Тѣмъ паче, что средства, придуманныя нами для исправленія порядка гражданскаго, непремѣнно приведутъ къ цѣли и отвратятъ всѣ недостатки? Какъ трудно бываетъ иногда судить правильно о томъ, что истинно полезно или вредно и для одного человѣка.—даже для насъ самихъ! Тѣмъ труднѣе постигнуть, отъ чего ближайшимъ образомъ зависитъ благоденствіе цѣлаго народа. Для сего нужно знать его во всемъ составѣ и частяхъ, видѣть его способности и недостатки, нужды и желанія,—обнять соображеніемъ состояніе его прошедшее, настоящее и будущее; различить въ его судьбѣ съ точностію возможное отъ дѣйствительнаго, случайное отъ существеннаго. Многіе ли могутъ похвалиться таковымъ знаніемъ? А безъ него легко можно впасть въ заблужденія самыя грубыя, и пожелать своему отечеству такихъ совершенствъ, кои для него или невозможны, или обратились бы въ настоящее зло.—Не такъ ли точно ропщутъ иногда на Промыслъ Божій,—который безъ сомнѣнія есть самый премудрый и праведный,—ропщутъ потому, что не видятъ всѣхъ путей Промысла и не умѣютъ правильно судить о томъ, что кажется въ мірѣ безпорядкомъ?

Знающій всю ограниченность природы, а тѣмъ паче произведеній человѣческихъ, нимало не поколеблется въ

своей вѣрности и любви къ порядку общественному и при замѣчаніи въ немъ дѣйствительныхъ недостатковъ. Есть ли на землѣ совершенство, не причастное недостаткамъ? Легко воображать лучшее; но какъ трудно приводить его въ дѣйство? И одного какого-либо человѣка не возможно вдругъ образовать и сдѣлать счастливымъ, тѣмъ паче народы. Каждый самъ себѣ самый лучшій доброжелатель; но дѣлаетъ ли для своего истиннаго блага все, что возможно? И когда дѣлаетъ, достигаетъ ли всего, что предполагалъ? Борьба съ недостатками есть нашъ удѣлъ на землѣ, а умѣренность и терпѣніе—первыя добродѣтели. Гдѣ народъ, который бы могъ похвалиться, что онъ обладаетъ совершеннѣйшимъ устройствомъ гражданскимъ? Тѣ, кои кровавою борьбою восхитили незаконное право сами себѣ предписывать законы, вдругъ ли чрезъ то взошли на верхъ благоденствія? Нѣтъ, они идутъ, подобно всѣмъ прочимъ народамъ, отъ одного опыта къ другому, принимаютъ тяжелые уроки отъ времени, учатся собственными ошибками, повторяютъ то же самое, въ чемъ прежде винили другихъ.—И сказать ли непріятную для нѣкоторыхъ истину?—Надобно благодарить Промыслъ, что онъ не попустилъ обществамъ человѣческимъ, равно какъ и въ частности людямъ, достигать, въ настоящемъ состояніи на землѣ, полнаго совершенства!—И теперь, когда различныя бѣдствія и недостатки земной жизни непрестанно пробуждаютъ въ нашей душѣ тоску о первобытномъ совершенствѣ, нами потерянномъ, и о небесномъ отечествѣ, насъ ожидающемъ, и теперь мало помнятъ это будущее отечество, гдѣ живетъ одна правда, а тогда, прилѣпившись къ землѣ, никто бы не захотѣлъ о немъ и думать.

Изъ сказаннаго ни мало не слѣдуетъ, чтобы кому-либо позволено было оставаться совершенно празднымъ зрителемъ недостатковъ (если они есть) жизни общественной, яко бы неизбѣжныхъ и потому неприкосновенныхъ. Напротивъ, здѣсь-то и мѣсто истинному усердію. Законы не могутъ обнять всѣхъ частныхъ нуждъ и случаевъ, кои безчисленны: покрой неподходящее подъ сѣнь закона твоею любовію къ человѣчеству. Правосудіе земное не въ состояніи поражать прямо всѣхъ возможныхъ злоупотребленій: стань противъ нихъ съ твердостію тамъ, гдѣ можешь. Дѣлай безъ повелѣнія то, что желалъ бы видѣть предписан-

нымъ въ законѣ; будь, если возможно, лучше закона.—Но есть ли какой-либо благой поступокъ, который бы не былъ предписанъ уже Самимъ Богомъ въ нашей совѣсти? Можно ли пожелать лучшаго законоположенія, нежели какое находится въ словѣ Божіемъ? Слѣдуй симъ руководителямъ, и никогда не найдешь причинъ къ раскаянію. То преобразованіе, которое почитаешь нужнымъ для всѣхъ, начни съ себя самого; внеси устройство въ кругъ твоихъ подчиненныхъ, покажи въ своей жизни примѣръ тѣхъ совершенствъ, кои ты желалъ бы видѣть въ жизни общественной. И одинъ такой примѣръ не можетъ остаться безъ дѣйствія, тѣмъ паче если ихъ много. А что было бы, если бы всѣ самоназванные преобразователи обществъ пошли симъ путемъ самоисправленія? Сколько преступленій и ужасовъ было бы избѣгнуто! Сколько безпорядковъ и зла истреблено непримѣтнымъ образомъ! Сколько добра произведено въ тишинѣ и мирѣ! И слезы обольщенныхъ, кои теперь льются предъ Богомъ отмщеній, были-бы тогда слезами искренней благодарности.

Могутъ быть, конечно, и такіе недостатки въ устройствѣ обществъ человѣческихъ, коихъ не въ состояніи побѣдить вся ревность частныхъ людей. Но для сего-то и существуетъ верховная власть, въ рукахъ коей сосредоточены силы и средства укрѣплять слабое, возращать юное, исцѣлять немощное, искоренять, насаждать и отреблять. Намъ ли жаловаться на недостатокъ сихъ средствъ, или на неупотребленіе оныхъ? Если бы и всѣ народы усомнились въ благотворной дѣятельности властей предержащихъ, то Россія—не можетъ. Ея величіе есть истое дѣло ея самодержцевъ. Кто простеръ предѣлы земли отечественной до послѣднихъ предѣловъ вселенной, заставилъ не христіанскую Азію преклониться предъ знаменіемъ креста, и недавно еще освободилъ всю Европу отъ тяжкаго ига? Наши самодержцы. Кто призвалъ къ намъ просвѣщеніе, возрастилъ вертограды наукъ, повелѣлъ свѣту ума разливаться и тамъ, гдѣ рѣдко является свѣтъ солнца? Наши самодержцы. Кто проложилъ неизмѣримые пути отечественной промышленности, облегчилъ движеніе народныхъ избытковъ, открылъ для трудолюбія входы и исходы во всѣхъ странахъ свѣта? Самодержцы. Кто въ продолженіе толикихъ вѣковъ изре-

калъ для отечества права и законы, былъ звучнымъ органомъ народной совѣсти и смысла, гласомъ Самаго Бога? Самодержцы. Въ другихъ странахъ благое нерѣдко зачиналось внизу и восходило къ престолу; у насъ оно всегда возникало на престолѣ и нисходило долу. Другіе предваряли, мы всегда были предваряемы, и едва могли вмѣщать подаваемое. Послѣ *таковаго* прошедшаго, при *нашемъ* настоящемъ, можно ли опасаться за будущее?

Нѣтъ, наконецъ, причины смущаться и тою мыслію, что дѣйствія власти предержащей, сколько бы она ни была попечительна и мудра, какъ дѣйствія человѣческія, могутъ, такъ сказать, отставать отъ развитія силъ и потребностей народныхъ, и чрезъ то самое замедлять преспѣяніе общества гражданскаго. Царь небесный, въ десницѣ Коего цари и царства, прежде насъ видѣлъ сію опасность, и отвратилъ оную единожды и навсегда. Чѣмъ отвратилъ? Тѣмъ, что существенное преспѣяніе обществъ человѣческихъ подчинилъ не слабому произволу человѣческому, а Своему вседѣтельному и премудрому Промыслу. Въ самомъ дѣлѣ, возрастаніе народовъ, равно какъ и человѣка, завися во многомъ отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, имѣетъ и свой внутренній законъ, коего дѣйствія никакая сила остановить не можетъ. Въ обществахъ человѣческихъ есть Самимъ Богомъ положенное, ничѣмъ незаглушимое начало усовершимости. Сіе живоносное, врожденное всѣмъ начало есть стремленіе къ истинному, которое въ народахъ, равно какъ и въ частныхъ людяхъ, престаетъ дѣйствовать и приносить плоды только тогда, когда они сами, въ омраченіи ума и буйствѣ воли, уклоняются отъ главной цѣли бытія своего. Вмѣстѣ съ развитіемъ сего начала жизни, все худшее проходитъ само собою, предразсудки исчезаютъ, понятія и желанія очищаются, каждый входитъ въ свои права, горы и холмы смиряются, дебри наполняются, и цѣлый составъ общества самъ собою пріемлетъ видъ стройный и благолѣпный. Напротивъ, насильственныя потрясенія обществъ не только не ускоряютъ ихъ истиннаго усовершенствованія, хотя для того по видимому предпріемлются, но и замедляютъ оное. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ и вмѣстѣ наказаніемъ за нихъ бываетъ расколъ гражданскій и взаимная ненависть. Когда одна половина гражданъ стремглавъ спѣшитъ впередъ, дру-

гая, какъ бы по нѣкоему закону противоположности, устремляется назадъ. Въ срединѣ открывается бездна, которая поглощаетъ тысячи жертвъ, прежде нежели наполнится. Между крайностями начинается борьба и колебаніе, по окончаніи коего, думая быть у цѣли, не рѣдко находятъ себя отъ нея далѣе прежняго.

Нѣтъ, путь истиннаго гражданскаго преспѣянія идетъ отъ престола, а не изъ дебрей, и приводитъ въ храмъ благочестія, а не въ вертепы буйства. Онъ продолжителенъ, но за то безопасенъ и твердъ; продолжителенъ для жизни одного человѣка, не продолжителенъ для жизни народовъ. Царства возрастаютъ вѣками, и чѣмъ медленнѣе, тѣмъ бываютъ долговѣчнѣе.

Любезное отечество! Съ какимъ радостнымъ спокойствіемъ отъ сихъ священныхъ истинъ обращаешься къ тебѣ, въ судьбѣ коего онѣ осуществлены такъ вѣрно и полно. Не восхищеніемъ непщевало ты взойти на высоту всемірной славы. Когда прочіе народы наслаждались уже плодами свободы и гражданственности, ты носило еще узы и было умалено; продолжителенъ былъ рядъ искушеній твоихъ, кровавы подвиги, страшно испытаніе вѣрности, но, вотъ и Богъ превознесъ тебя. Чего недостаетъ теперь къ твоему настоящему, тѣмъ паче будущему величію? Неизмѣримыя пространства твои видимо сотворены быть поприщемъ великихъ событій и опытовъ гражданской жизни; многообразный составъ твой самъ собою обѣщаетъ всякаго рода силы и совершенства; ты объемлешь собою всѣ климаты, слышишь внутрь себя всѣ нарѣчія, находишь въ обителяхъ своихъ всѣ степени образованія, изображаешь въ себѣ бытіе цѣлаго рода человѣческаго. Что можетъ совратить тебя съ пути къ истинному величію, если ты само не уклонишься отъ своей высокой цѣли? Продолжай же идти мирнымъ путемъ законнаго самоусовершенствованія, не уклоняясь ни на шуее, ни на десное, не предаваясь тѣмъ гибельнымъ порывамъ силъ, кои возвышаютъ на годы и обезсиливаютъ на вѣки. Пусть *шатаются языцы и людіе поучаются тщетнымъ*, пусть *предстаютъ* на поле брани *царіе земстіи, и князи собираются вкупѣ на Господа и Христа Твоего;* пусть говорятъ: *расторгнемъ узы ихъ*— узы любви и благоденствія народнаго, *и отвержемъ отъ насъ*

иго ихъ—иго благое и легкое. *Живый на небесѣхъ*—и въ твоихъ православныхъ храмахъ, а паче въ твоемъ христолюбивомъ сердцѣ,—*посмѣется имъ и Господь поругается имъ*, какъ они ругаются тобою. *Онъ возглаголетъ къ нимъ гнѣвомъ Своимъ и яростію Своею смятетъ я.* Тебѣ же не только возвратитъ прежніе, но и *дастъ* новые *языки* въ *достояніе твое, и* въ *одержаніе твое концы земли.* Только *продолжай работать Господеви со страхомъ, и радоваться* предъ Нимъ *съ трепетомъ;* только *пріими* благодушно *наказаніе*, тебѣ ниспосланное. *Блажени вси, надѣющіися нань* (Псал. 2, 12).

Почтенные соотечественники! Нѣтъ сомнѣнія, что каждый изъ насъ всѣмъ сердцемъ участвуетъ въ сихъ благожеланіяхъ отечеству. Но всякое истинное благожеланіе должно выражаться въ благомъ дѣйствованіи. Повторимъ же предъ лицемъ Бога правды обѣтъ, подражая примѣру Монарха. употреблять всѣ силы и способности свои во благо отечества.

День священнаго вѣнчанія на царство долженъ быть днемъ повторенія священныхъ обѣтовъ предъ Богомъ для царя и его народа—особено во время, подобное настоящему. Аминь.

Слово въ день священнаго вѣнчанія на царство Благочестивѣйшаго Государя Николая Павловича, Императора и Самодержца Всероссійскаго,

ПРОИЗНЕСЕННОЕ ВЪ КІЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРѢ 22 АВГУСТА 1832 Г.

Видѣна быша шествія Твоя, Боже, шествіе Бога моего, Царя, Иже во святѣмъ (Псал. 67, 25).

Порфироносный Пѣвецъ израилевъ, среди пророческихъ восторговъ и видѣній, обратилъ нѣкогда взоръ и на прошедшую судьбу своего отечества: и свѣтлое око его едва не поникло отъ множества и величія чудесъ, совершенныхъ Промысломъ *во славу людей Своихъ Израиля* (Лук. 2, 32). Ему представилось дивное исшествіе израильтянъ изъ Египта,—еще болѣе дивный переходъ Чермнаго моря,—законодательство и чудеса при Синаѣ; онъ видитъ, какъ Іегова, Господь силъ, вселяется посреди людей Своихъ и предводитъ ихъ столпомъ огненнымъ и облачнымъ по пустыни,—какъ земля сотрясается и небеса таютъ *отъ лица*

Бога Синаина,—видитъ, и отъ полноты благодарнаго чувства восклицаетъ: *видѣна быша шествія Твоя, Боже, шествія Бога моего, Царя, Иже во святѣмъ!*

Настоящій день царственный призываетъ, слушатели, и насъ обратить взоръ на судьбу нашего отечества. Мы вѣруемъ, что Богъ израилевъ есть вмѣстѣ Господь и нашъ и отцевъ нашихъ, что *царіе* наши *Имъ царствуютъ, и сильные* наши *Имъ пишутъ правду* (Притч. 8, 15); вѣруемъ, что благочестивѣйшіе Государи наши, пріемля видимое *помазаніе отъ Святаго* (1 Іоан. 2, 20), въ то же время *облекаются* невидимою *силою свыше* (Лук. 24, 49), что Духъ Божій *отъ того дне носится надъ ними* (1 Цар. 16, 13). *наставляя ихъ на всякую истину* (16, 13). Быть не можетъ, чтобы благословенная вѣра сія не имѣла подтвержденія въ самой судьбѣ нашего отечества, чтобы въ священныхъ скрижаляхъ исторіи царей нашихъ не находилось опытнаго свидѣтельства той великой истины, что *дана есть отъ Господа держава* имъ, *и сила отъ Вышняго* (Прем. 6. 3). Когда же приличнѣе возвѣстить великую и радостную истину сію въ слухъ всѣхъ и каждаго, какъ не въ настоящій день царственный, при воспоминаніи священнаго вѣнчанія на царство Благочестивѣйшаго Государя нашего, Николая, перваго не по имени токмо, но и по дѣламъ?

Итакъ, истинные сыны Церкви и отечества, пріидите—*возвеличимъ Господа* отцевъ нашихъ *вкупѣ;* разгнемъ священныя скрижали бытія народнаго, и возвѣстимъ судьбы Промысла Божія, явленныя въ жизни и дѣяніяхъ царей нашихъ. Но чтобы слабое око наше не помрачилось отъ множества и разнообразія путей Божіихъ, *остановимъ теперь благоговѣйное вниманіе единственно на судьбѣ благословеннаго царствующаго Дома!*

Когда Промыслъ пріемлетъ подъ Свою защиту какой-нибудь народъ или племя, то въ самомъ началѣ видимо изъемлетъ его изъ среды прочихъ, усвояетъ Себѣ особенно, и кладетъ на него нѣкую неизгладимую печать вышняго избранія. Какъ видимо печать сія положена въ самомъ началѣ на державномъ Домѣ Романовыхъ! Если кому, то родоначальнику его во всей силѣ приличествовало названіе: Богомъ вѣнчанный и Богомъ превознесенный!—Люди такъ мало въ семъ случаѣ дѣйствовали, или точнѣе сказать, такъ

много противодѣйствовали, что всего скорѣе надлежало ожидать совершеннаго забвенія юнаго отрока. Въ самомъ дѣлѣ, кто помнилъ о Михаилѣ, кромѣ Отца небеснаго, Который сокрывалъ его до времени *въ тайнѣ лица Своего отъ мятежа человѣческа* (Псал. 30, 21)? — Мнѣ кажется, я вижу, какъ вѣнецъ, сорванный бурею съ чела Годунова, переносится со главы на главу, какъ бы ища достойной! Не находя оной, онъ хочетъ, повидимому, присоединиться къ вѣнцамъ иноземнымъ! — Но вотъ имъ увѣнчана глава сына земли русской, мужа браней и совѣта. Не здѣсь ли конецъ бѣдствіямъ? Шуйскій ли не найдетъ средствъ утвердить престолъ свой, успокоить отечество? — Нѣтъ. Провидѣніе хощетъ блага Россіи не на годы, а на вѣки; для сего нужны ему не мужество, а благость и невинность: новый вертоградъ царственный долженъ начаться отъ дѣвственной розги. И вотъ, въ гласѣ народа отражается, наконецъ, гласъ Божій; царя земнаго ищутъ у подножія престола Царя небеснаго; изъ нѣдръ святой обители исходитъ тотъ, кто долженъ своею невинностію утолить гнѣвъ Божій надъ мятущимся отечествомъ. Какое благословенное и святое начало!—Въ сіе время и надъ Россіею, какъ надъ древнимъ Израилемъ, исполнились слова Пророка: *отроча мало поведетъ я, и на пещеры аспидовъ возложитъ руку* свою (Псал. 11, 6. 8). Ибо, что былъ Михаилъ въ сравненіи со многими мужами силы, какъ не отроча мало? И что были многіе грады и веси, объятые духомъ мятежа, какъ не пещеры аспидовъ? — Но, боговѣнчанный отрокъ наложилъ на сіи пещеры державную руку свою, и онѣ обратились паки въ жилища мира. Казалось, онъ исшелъ изъ святой обители, окруженный невидимымъ воинствомъ небеснымъ. Послѣ нѣкоторыхъ опытовъ терпѣнія, необходимыхъ для укорененія юной лѣторасли царственной въ смиреніи и упованіи на Бога,—все враждебное нáчало преклоняться при одномъ имени самодержца: и гдѣ безъ успѣха истощалось мужество и искусство, тамъ довольно было одного царственнаго слова; и, колебавшаяся дотолѣ отъ края до края, Россія подъ конецъ царствованія Михаилова, подобно океану послѣ бури, лежала уже въ предѣлахъ своихъ съ природною ей тихостію младенца.

Не благословенъ ли убо Господь, тако благоволившій

о возлюбленномъ отечествѣ нашемъ? — Удаливший иноплеменныхъ искателей отъ престола православнаго? Воздвигшій родоначальника царей изъ среды людей Своихъ, отъ дому святыни Своея? Давшій юной добротѣ его силу и крѣпость? *Видѣна быша шествія Твоя, Боже, шествія Бога моего, Царя, Иже во святѣмъ!*

Простремъ взоръ далѣе. Уже Россія, укорененная въ величіи самодержавіемъ престола, восходитъ отъ совершенства къ совершенству. Глубокія раны отечества исцѣлены; отторженные члены вошли паки въ составъ общественнаго тѣла; даже чуждыя области начинаютъ искать покоя подъ сѣнію самодержавцевъ, царствующихъ *милостію Божіею*. Большаго совершенства нельзя и желать по обыкновенному порядку вещей.

Но, для народа, вѣрнаго Богу отцевъ, нѣтъ другаго порядка, кромѣ воли Божіей и воли царей. Предопредѣлено, чтобы юные сыны сѣвера выступили на позорище всемірныхъ происшествій для умѣренія и вразумленія пламенныхъ чадъ юга;—чтобы для сего, какъ можно скорѣе, сравнялись въ образованіи съ старѣйшими братіями своими;—и будетъ!— Что нужно для сего? Ускорить ходъ вещей цѣлымъ вѣкомъ?—Ускорится. Распространить свѣтъ образованія гражданскаго даже тамъ, гдѣ не знаютъ имени законовъ?— Распространится. Заставить самого царя добровольно сойти съ престола въ работную храмину древодѣлей, и вмѣсто самодержавнаго скипетра взять въ руки млатъ и сѣкиру?—Будетъ.

Уже вы видите, почтеннѣйшіе слушатели, что слово наше касается дѣяній Великаго Преобразователя нашего отечества. Какой поучительный предметъ для благоговѣйнаго созерцателя судебъ Божіихъ! Величіе Петра есть истинное величіе Промысла Божія о нашемъ отечествѣ. Идя мысленно по слѣдамъ сего Монарха, невольно мнишь идти во слѣдъ единаго изъ богоизбранныхъ мужей древности, вооруженныхъ чудесами. По мановенію Петра, моря забываютъ свою непроходимость, рѣки пріемлютъ другое теченіе, пустыни обращаются въ грады, горы смиряются, дебри наполняются, самая Скинія завѣта—Церковь Божія—въ образѣ внѣшняго управленія своего—пріемлетъ при немъ видъ новый. Кто же повелѣлъ сему необыкновенному свѣтилу взойти въ странѣ,

которая дотолѣ славилась токмо сѣвернымъ сіяніемъ?—Кто вдыхалъ въ сію душу множество великихъ мыслей, изъ коихъ каждая сдѣлала бы великимъ умъ, ее произведшій? Гдѣ взялась крѣпость воли, нашедшая въ себѣ самой ту непреодолимую опору, на которую опершись, возмогла цѣлымъ вѣкомъ подвинуть впередъ цѣлое отечество? На языкѣ міра. нигдѣ и ни въ чемъ не желающаго видѣть путей Божіихъ. подобные люди называются обыкновенно геніями: названіе разительно измѣняющее мысли, съ коею употребляютъ его!— Ибо древній міръ, разумѣя подъ геніями духовъ хранителей. хотѣлъ сверхъестественнымъ вліяніемъ послѣднихъ изъяснить величіе людей необыкновенныхъ; а нынѣ тѣмъ же самымъ именемъ думаютъ обратить ихъ въ сыновъ случая и разорвать союзъ ихъ съ небомъ! То-есть лучше хотятъ употреблять слова безъ мысли, нежели признать, что всѣ сіи. такъ называемые, геніи суть видимыя орудія Провидѣнія. живые тайники судебъ Божіихъ, истинные посланники небесъ. долженствующіе быть ангелами-хранителями народовъ.

Не за эту ли слѣпоту и неблагодарность великіе благотворители человѣчества вземлются такъ внезапно отъ среды живыхъ?.. По крайней мѣрѣ, кончина великаго преобразователя Россіи послѣдовала вопреки всѣмъ нуждамъ и чаяніямъ отечества. Можно было подумать, что душа его возвана внезапу для совершенія чего-либо великаго въ другомъ мірѣ; и служитель слова безъ всякаго витійства могъ вопросить при гробѣ его: что *дѣлаемъ, кого погребаемъ?* (начало слова Ѳеофана Прокоповича при погребеніи Петра Великаго)—Не погребаемъ, могла бы отвѣтствовать вся Россія. а провождаемъ къ престолу Царя-царей одного изъ тѣхъ посланниковъ Вседержителя, коимъ Онъ поручаетъ совершать чудеса Его премудрости и любви.—Гробъ Петра есть памятникъ, свидѣтельствующій объ особенномъ присутствіи Божіемъ среди праотцевъ нашихъ, и вѣра небоязненно можетъ начертать на немъ слова царя Израилева: *видѣна быша шествія Твоя, Боже, шествія Бога моего, Царя, Иже во святѣмъ.*

Шествія Промысла Божія въ судьбахъ народовъ совершаются во свѣтѣ; но иногда, для вразумленія гордости человѣческой. *Вышній полагаетъ тьму за кровъ Свой* (Псал. 17, 12):

и тогда народы, какъ бы оставленные Провидѣніемъ, подобно древнему Израилю, готовы бываютъ вопіять: *Господь оставилъ есть насъ, Господь оставилъ есть насъ.* Простертъ былъ грозный мракъ сей и надъ нашимъ отечествомъ. Съ Петромъ, казалось, познало западъ и зашло на всегда солнце Россіи. Тщетно нощный мракъ, при началѣ каждаго царствованія, озаряется яркими сіяніями. То былъ минутный блескъ молніи,—свѣтъ не созидающій, а разрушающій. Даже и въ то время, когда для освѣщенія тьмы, по гласу Промысла, взошла на тверди Россіи, яко луна, дщерь Петрова, даже и тогда, при тихомъ мерцаніи ея, могущественный россъ не могъ еще изыти на великое дѣло свое со всѣми силами своими. Для сего въ вѣнценосцахъ его требовалось преемства не крови токмо и благости, но и величія и крѣпости духа Петрова. Но можно ли было ожидать сего великаго преемства, когда съ дщерію Петра, повидимому, готовъ былъ прекратиться навсегда самый священный рядъ потомковъ его?

Невозможно отъ человѣкъ, но возможно отъ Бога, благодѣющаго народу православному!—Среди дщерей Германіи уже давно рукою Промысла уготованъ сосудъ величія Россіи. Все, что есть лучшаго въ дарахъ природы и искусства, украшаетъ юную царевну; мудрые дивятся ея уму, благіе—добротѣ сердца, но всѣ недоумѣваютъ, для чего совокупилось столько совершенствъ въ женѣ, далекой отъ престола?—Никто не вѣдалъ, что на раменахъ юной наперсницы мудрости почивала будущая судьба сѣвера. Но Царь царей знаетъ избранныхъ Своихъ! И се, для блага Россіи, вопреки всѣмъ преградамъ, Екатерина на престолѣ. Теперь народы и цари, обратите паки очи къ сѣверу,—внемлите и поучайтесь судьбамъ премудрости и правды Божіей! Въ дѣяніяхъ дивной жены будутъ слышаться опредѣленія небесъ. Съ какою быстротою необыкновенныя событія спѣшатъ окружить престолъ богоизбранной! Перо и мечъ ея, кажется, спорятъ между собою о произведеніи дѣлъ великихъ! Смотрите: предѣлы отечества расширяются до древнихъ рубежей земли Россійской; милліоны единовѣрныхъ братій возвращаются въ нѣдра общей матери—Церкви православной; враги имени Христова начинаютъ трепетать при одномъ имени россіянина; крестъ престаетъ быть символомъ слабо-

сти и униженія на Востокѣ; на гласъ побѣды пробуждается отъ смертнаго сна Грецiя... Не менѣе чудесъ совершается внутри отечества. Изъ устъ Монархини всѣ сословія познаютъ свои права и обязанности; и въ стѣнахъ Москвы свѣтъ видитъ первый въ своемъ родѣ опытъ того законодательства, коимъ столько превозносится нынѣ мудрость иноземная. О, сколь же благъ къ тебѣ любезное отечество, Господь, удостоившій тебя видѣть на престолѣ своемъ не только многихъ дивныхъ мужей, но и величайшую изъ женъ! Обратившій, въ лицѣ ея, ко благу твоему все, что было лучшаго въ тогдашнемъ иноземномъ образованіи и искусствахъ! Десница Господня сотвори сію силу; она украсила Екатерину необыкновенными дарами и способностями; она избрала ее изъ сонма дщерей царственныхъ, провела среди бѣдъ и искушеній и возвела на престолъ россійскій; она окружила ее великими исполнителями великихъ намѣреній; она даровала добротѣ ея силу и мудрости крѣпость. При гробѣ Екатерины, какъ и при гробѣ Петра, россіянинъ съ благоговѣніемъ долженъ сказать: *видѣна быша шествія Твоя, Боже, шествія Бога моего, Царя, Иже во святѣмъ!*

Обратимъ послѣдній взоръ на послѣднее царствованіе. Боже мой, какое зрѣлище представляютъ общества человѣческія!—Правила нечестія, безумно сѣяныя въ продолженіи полвѣка, вдругъ приносятъ ужасный плодъ по виду своему. Знаменитѣйшій изъ престоловъ западныхъ упадаетъ съ шумомъ, открывая подъ собою бездну, готовую поглотить всѣ престолы въ мірѣ. Исшедшій изъ среды сей бездны, исполинъ закрываетъ ее самотканною порфирою; но духъ превращеній, изгнанный имъ изъ народа своего, кажется, сосредоточивается и воплощается въ немъ самомъ. Вихрь за вихремъ возметаетъ лице земли;—уноситъ престолы оттуда, гдѣ они стояли въ продолженіи вѣковъ;—ставитъ тамъ, гдѣ не было ничего, кромѣ хижинъ. Надъ царями и народами совершается единъ изъ величайшихъ судовъ Божіихъ!

Что будетъ съ тобою, возлюбленное отечество, среди сего треволненія народовъ и вавилонскаго преселенія царей? Станешь ли о страну побѣды? Или раздѣлишь всеобщее рабство? На престолѣ Россіи возсѣдитъ Царь благій и праведный; но что значитъ благость и правда предъ ли-

цемъ силы и лукавства? Юному ли наперснику мудрости ратовать съ исполиномъ брани?..

Такъ мыслилъ едва не весь міръ, такъ судили даже тѣ, кои наиболѣе желали спасенія отъ сѣвера. Будущіе пути Божіи отстояли отъ путей человѣческихъ, какъ небо отъ земли. А гордый врагъ? Идя отъ побѣды къ побѣдѣ, онъ и не мыслилъ, чтобы на землѣ гдѣ-либо находилось мѣсто къ его пораженію. Въ изступленіи гордости, онъ дерзнулъ даже изречь, что *жребій Россіи совершился*.

Такъ, сынъ гордыни, сей славный жребій совершился! Великій часъ судебъ насталъ! Предъ тобою все преклонялось, доколѣ дѣйствовали противъ тебя одни люди, съ ихъ силами и мудростію; теперь пади самъ во прахъ, ибо *Господь воцарися, облечеся въ силу и препоясася* (Псал. 92, 1)!

Здѣсь, почтеннѣйшіе слушатели, надлежало бы изобразить предъ вами, какъ совершался надъ *богомъ вѣка сего* (2 Кор. 4, 4) и клевретами его величайшій изъ судовъ Божіихъ, какъ погублена премудрость мудрыхъ и сокрушена крѣпость сильныхъ, какъ о имени Божіемъ единъ поражалъ тысящи и десять гнали тьмы, какъ самыя стихіи поборали правдѣ. Но, кому бы я повѣдалъ сіе? Многіе изъ васъ не удостоились ли сами быть не только исполнителями великихъ судебъ Божіихъ во спасеніе отечества и Европы, но и первыми провозвѣстниками оныхъ, призывая съ поля брани и своихъ и чуждыхъ видѣть дѣла Божія, чрезъ васъ совершаемыя? Но, не вы токмо, мужи силы и совѣта, даже послѣдніе изъ сыновъ отечества,—самыя юныя дѣти,—были свидѣтелями чудесной помощи свыше, явленной въ спасеніи нашего отечества. Это было одно изъ тѣхъ великихъ временъ, въ кои, по словамъ пророка, *не имать научити кійждо ближняго своего, глаголя: познай Господа;* ибо—наученные страшными знаменіями, *вси увѣдали Его, отъ млада до велика* (Іер. 31, 34).

Такъ, Господи, видѣхомъ и вси языци видѣша, яко Ты еси Господь и нѣсть подобенъ Тебѣ; Ты убіеши, и жити сотвориши; въ рукѣ Твоей сила народовъ и крѣпость царствъ; Ты возносишь смиренныхъ и низлагаешь престолы гордыхъ; Ты увѣнчалъ всемірною славою Россію, положилъ благословеннаго Монарха ея Александра въ первенца высока, паче царей земныхъ. Тебѣ убо единому подобаетъ слава во вѣки!

Видѣна быша шествія Твоя, Боже, шествія Бога моего, Царя, Иже во святѣмъ!

Поучаясь, такимъ образомъ, судьбамъ Промысла въ нашемъ прошедшемъ, можемъ ли, почтеннѣйшіе слушатели, прейти совершеннымъ молчаніемъ и наше настоящее, не коснуться великихъ событій, совершающихся предъ очами нашими? Правда, богоизбранные на поприщѣ всемірномъ дѣйствователи познаются во всемъ величіи уже по совершеніи своего предназначенія; но и теперь кто не видитъ, что возлюбленный Монархъ нашъ предназначенъ Промысломъ для совершенія дѣлъ великихъ?—Если другіе, пріемля скипетръ, давали обѣтъ посвятить жизнь свою благу отечества, то имъ великій обѣтъ сей не разъ уже выполненъ даже предъ лицемъ самой смерти. И судьба отечества не представляетъ ли явныхъ знаменій благословенія свыше? Тяжкіе опыты, коимъ Промыслъ любитъ посѣщать народы, Ему угодные, не видимо ли обратились къ большему укрѣпленію и славѣ Россіи? Судьбы царствъ не рѣшаются ли уже мановеніемъ Самодержавнаго скипетра? Гордые враги въ минуту слабости своей не находятъ ли спасенія въ нашемъ великодушіи? Великій свитокъ законовъ и оправданій не разогнутъ ли предъ очами всѣхъ сыновъ отечества? Новыя права и отличія не вѣнчаютъ ли трудолюбіе мирныхъ гражданъ? Святая Церковь не радуется ли объ увеличеніи сонма верховныхъ пастырей и о возвращеніи въ нѣдра ея чадъ заблудшихъ? Будущее извѣстно единому Богу; но, истиные сыны отечества видятъ уже съ радостію, что *не воздремлетъ, ниже уснетъ* Господь, *храняй Израиля* (Псал. 120, 4).

Будешь, любезное отечество, будешь и всегда зрѣть надъ собою чудеса Промысла Божія, токмо не смежай очей твоихъ невѣріемъ и сомнѣніями! Цари и народы не престанутъ обращать къ тебѣ взоры свои и наблюдать съ уваженіемъ каждое мановеніе твое; злоба и крамола не престанутъ содрогаться при одномъ имени твоемъ; науки и искусства со всѣми плодами своими поспѣшатъ подъ свѣтлый и пространный кровъ твой; сама природа разверзетъ нѣдра свои и ввѣритъ тебѣ новыя сокровища и тайны; только будь тѣмъ, что ты было доселѣ, — сохрани цѣлымъ древній залогъ вѣры Царю небесному и вѣрности царямъ земнымъ, и не подходи къ запрещенному древу невѣрія и вольности

безумной! Оно кажется *добрымъ въ снѣдь, угоднымъ очима, еже видѣти, и красно, еже разумѣти* (Быт. 3, 6), но внутрь его смерть и погибель. Не забывай, что явленію Господа благодѣющаго нерѣдко предшествуетъ *огнь и буря* (3 Цар. 19, 11. 12): въ такомъ случаѣ пади со смиреніемъ предъ неисповѣдимыми судьбами, но не дерзай, никогда не дерзай воспящать путей Божіихъ,—и слава Господня узрится на тебѣ! Памятуй, что шествія Промысла Божія совершаются—(Псал. 77, 14). Посему прежде и паче всего тщись украшать себя невинностію нравовъ и правдою. *Безъ святости никто* и нигдѣ *не узритъ* (Евр. 12, 14) Бога—ни цари, ни народы,—ни на землѣ, ни на небѣ. Аминь.

Слово въ день священнаго вѣнчанія на царство Благочестивѣйшаго Государя Николая Павловича, Императора и Самодержца Всероссійскаго,

ПРОИЗНЕСЕННОЕ ВЪ КІЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРѢ, 22-ГО АВГУСТА 1835 ГОДА.

Молю прежде всѣхъ творити молитвы, моленія прошенія, благодаренія за вся человѣки, за Царя и за всѣхъ, иже во власти суть (1 Тим. 2, 1. 2).

Въ то время, когда благочестивѣйшій Государь нашъ восходилъ на всероссійскій императорскій престолъ и, въ знаменіе невидимаго *облеченія силою свыше* (Лук. 24, 49), принималъ видимое *помазаніе отъ Святаго* (1 Іоан. 2, 20), мы едва ли могли исполнить сіе апостольское завѣщаніе во всей полнотѣ его;—способнѣе были молиться и просить, нежели благодарить и славить. Знала Россія о благихъ свойствахъ новаго Самодержца, ободрялась первыми движеніями Богомъ врученнаго ему скипетра: но—будущее было закрыто!—Видимъ былъ только рядъ тѣней и облаковъ,—рядъ новонасажденій царственныхъ, кои ожидали отъ него свѣта, теплоты и жизни.—Теперь, послѣ толикихъ знаменій благословенія свыше, по совершеніи столь многихъ опытовъ мудрости и силы, среди чрезвычайныхъ успѣховъ брани и мира, когда отъ прежнихъ мраковъ не осталось ничего, кромѣ имени, когда событія превзошли большею частію самыя ожиданія,—теперь настоящій день царственный для самыхъ взыскатель-

ныхъ любителей отечественной славы содѣлывается днемъ благодареній и славословія. Чего не благоволилъ Господь узрѣть намъ въ Монархѣ нашемъ? Чѣмъ не засвидѣтельствовано, что благодать помазанія, нисшедшая въ настоящій день на главу Его, *не тща бысть* (1 Кор. 15, 10), что Духъ Божій, Духъ премудрости и силы, *носится отъ того дне надъ нимъ* (1 Цар. 16, 13), наставляя его на всякую истину, отвращая отъ всякаго вида неправды, содѣлывая любезнымъ предъ очами Бога и человѣковъ?

Вѣрныя чада Церкви, ищущія видѣть въ помазанникахъ Божіихъ преимущественно силу вѣры и образъ благочестія, сколько разъ уже имѣли вы утѣшеніе быть свидѣтелями или слышателями того, какъ Монархъ нашъ со всѣми нуждами и надеждами царства любитъ повергаться предъ престоломъ Царя царствующихъ, какъ благодушно переноситъ самыя тяжкія испытанія, коими Промыслъ любитъ посѣщать и очищать народы, Ему угодные;—съ какою готовностію простираетъ всякій разъ щедрую десницу на сооруженіе алтарей и распространеніе предѣловъ Церкви;—съ какою мудрою твердостію воспящаетъ устремленія людей буіихъ и ненаказанныхъ противъ мира и единства вѣры;—съ какою непоколебимостію стоитъ противъ соблазновъ вѣка и тлетворнаго духа времени!

Любители наукъ и образованія народнаго, видѣли ли вы хотя одно предпріятіе, клонящееся къ пользѣ просвѣщенія, оставленнымъ безъ вниманія и поощренія? Хотя одинъ подвигъ во славу наукъ не вознагражденнымъ сугубо?—Казалось, любовь къ народному образованію истощила, въ предшествовавшее царствованіе, всѣ средства и усилія, такъ что нечего уже было даже дѣлать въ отношеніи къ числу, обширности и разнообразію отечественныхъ вертоградовъ наукъ, и Россія имѣла полное право называть себя, если не *просвѣщенною* (названіе пріобрѣтаемое вѣками), то *просвѣщаемою*. Но для державной воли нѣтъ предѣловъ въ добрѣ!—По мановенію новаго Монарха, являются новыя святилища наукъ, преобразуются и воскресаютъ прежнія въ вящшей лѣпотѣ и силѣ. Въ то же время, свобода мыслей—священный и опасный даръ, уподобляющій человѣка или Божеству, или духамъ отверженнымъ,—подчиняется законамъ, изреченнымъ, можно сказать, самою мудростію.

И ваши чаянія, мирные ревнители правосудія и порядка гражданскаго, не срѣтились ли съ исполненіемъ?—Вы желали, чтобы усилены были оплоты противъ мзды и лукавства, превращающаго вѣсы правды: и вотъ для сего умножено число стражей правосудія во всѣхъ концахъ земли отечественной, открыты новыя убѣжища для угнетаемой невинности, самою таинственностію надзора наведенъ спасительный страхъ на преступленіе. Вы желали, чтобы мирныя занятія гражданской жизни, плоды искусствъ и промышленности отечественной оживлены были ближайшимъ воззрѣніемъ державной власти и успѣхи на семъ поприщѣ поставлены въ рядъ заслугъ отечеству: и сколько учрежденій, свидѣтельствующихъ, что сіе желаніе было по сердцу Монарха, что ему плоды мира любезны не менѣе плодовъ брани? Вы желали, чтобы законы изведены были изъ мрака, чтобы съ свитка судебъ гражданскихъ отрясенъ былъ прахъ, налегшій въ продолженіе вѣковъ: и вотъ законодательство отечественное, уступивъ державной волѣ, явило наконецъ столь долго сокрываемое лице свое.

Что сказать о радости, которую чувствуютъ всѣ истинные сыны отечества, при взглядѣ на картину семейственныхъ добродѣтелей, украшающихъ престолъ отечественный? Не великое ли благодѣяніе Промысла, что тѣ добродѣтели, кои служатъ первымъ основаніемъ общественнаго благоденствія и кои въ нашъ вѣкъ едва не прешли у многихъ въ забвеніе, что сіи кроткія добродѣтели украсились порфирою и предстали, какъ образецъ для подражанія съ престола? Взирая на цвѣтущія отрасли царственнаго вертограда, Россія познаетъ въ радости, что благоденствіе ея не только велико, но и продолжительно; что ей не суждено вѣдать даже страха опасности, неразлучной съ оскудѣніемъ царственныхъ поколѣній.

Я уже не смѣю предъ мужами силы и браней, предъ виновниками славы отечества подробно излагать исполинскіе успѣхи браней отечественныхъ и говорить о славѣ оружія, которая какъ бы нѣкіимъ завѣтомъ судебъ сопряжена съ знаменами воинства россійскаго, но въ наши времена озарилась новымъ, доселѣ невиданнымъ, блескомъ. Довольно сказать, что самые упорные враги наши должны были признать, и предъ цѣлымъ свѣтомъ признали, что

рука, столь мудро управляющая скипетромъ, умѣетъ бросать и громы въ нарушителей нашего, или—что тоже—всемірнаго спокойствія; что она умѣетъ даже дѣлать болѣе—производить чудеса не силы токмо и мужества, но и любви,—обращая самыхъ упорныхъ враговъ въ искреннѣйшихъ друзей нашихъ.

Таково наше настоящее: мирно, утѣшительно, величественно!... Къ общей радости о немъ, мы можемъ присовокупить, что все благое, нами видѣнное, есть предвареніе и начало новыхъ благъ, что въ будущемъ сокрывается, безъ сомнѣнія, еще больше... Такъ, мы можемъ сказать это! Если шумъ оружія и превращенія браней не могли воспятить въ дѣйствіи ни любви къ наукамъ и искусствамъ, ни попеченія о народномъ богатствѣ и промышленности, ни упражненія въ дѣлахъ человѣколюбія; если рука, управлявшая теченіемъ всемірныхъ происшествій, умѣла находить время насаждать, отреблять и ограждать все, потребное въ великомъ дому царства, то чего нельзя ожидать отъ благословенной тишины и мира? Какихъ мудрыхъ учрежденій не изыдетъ отъ престола, осѣненнаго лаврами и оливами? Умъ, привыкшій обнимать всѣ нужды отечества, провидѣть опасности, исправлять недостатки, открывать новые источники благоденствія, не останется празднымъ; сердце, бьющееся для блага отечества, не можетъ остановиться въ своемъ движеніи; явятся новые опыты мудрости и благости, и тѣ, кои подобно намъ будутъ обращать взоры на благосостояніе отечества, не будутъ имѣть нужды повторять однихъ и тѣхъ же доблестей...

При такой радости о настоящемъ и среди такихъ надеждъ въ будущемъ, что другое для истинныхъ сыновъ отечества остается въ настоящій день, какъ только вмѣстѣ съ Церковію славить и благодарить Промыслъ Отца небеснаго за то, что Онъ *оправдалъ царствовать* надъ нами царя по сердцу Своему?

Въ чемъ же должна состоять благодарность сія?—Въ одномъ ли устномъ исповѣданіи подвиговъ и доблестей Богомъ дарованнаго и Богомъ возвеличеннаго Монарха? Въ одномъ ли даже молитвенномъ призываніи на главу его новыхъ благословеній неба?

Нѣтъ, служители алтаря усугубятъ свои моленія о бла-

годенствіи царя и царства; но ихъ признательность симъ не ограничится: она изыщетъ новую жертву, достойную благочестія высокаго покровителя Церкви. Тысячи чадъ Отечества блуждаютъ еще во тьмѣ невѣдѣнія истиннаго Бога, продолжаютъ говорить древу: *ты отецъ мой,* и камню: *ты родилъ меня;* явятся новые провозвѣстники Евангелія, кои, облеченные силою свыше, пройдутъ до послѣднихъ предѣловъ земли отечественной, разсѣютъ тьму идолопоклонства, и собратовъ отечества земнаго обратятъ въ сонаслѣдниковъ отечества небеснаго. Милліоны чадъ самой Церкви еще младенчествуютъ познаніями въ вѣрѣ, изнемогаютъ отъ предразсудковъ, недугуютъ раздѣленіями: просвѣщенная ревность служителей слова предложитъ въ обиліи первымъ млеко вѣры, да возрастаютъ во спасеніе, обнажитъ предъ очами послѣднихъ мрачную картину суевѣрія во всемъ ея безобразіи, объятіями любви изметъ ихъ отъ среды заблужденій и погибели. Юношество найдетъ въ пастыряхъ Церкви просвѣщенныхъ образователей своего ума и нравовъ, кои первыя искры познанія содѣлаютъ искрами вѣры, да свѣтятъ и озаряютъ путь жизни, не сожигая и не разрушая. Семейства обрѣтутъ въ нихъ опытныхъ руководителей душъ, способныхъ быть судьями и врачами совѣстей, предупреждать и исправлять тайныя неправды, водворять всюду миръ и любовь. Къ устнымъ наставленіямъ присоединится примѣръ жизни богоугодной,—и такимъ образомъ духъ благочестія, внушаемый и словомъ и дѣломъ, проникнетъ, оживитъ, укрѣпитъ и освятитъ весь многочастный составъ жизни общественной ко благу всѣхъ и каждаго, къ радости Монарха, поставляющаго за наилучшую славу свою быть вѣрнымъ служителемъ Царя небеснаго, и путемъ благоденствія временнаго вести своихъ подданныхъ къ блаженству вѣчному.

Примѣру служителей алтаря послѣдуютъ служители наукъ и просвѣщенія. Владѣя словомъ, они не престанутъ въ слухъ всего свѣта повѣдать доблести Монарха, украшать именемъ его свои творенія; но ихъ признательность симъ не ограничится, найдетъ новый даръ, достойный августѣйшаго покровителя просвѣщенія. Сосредоточиваясь въ желаніи истиннаго блага отечеству, они соединенными усиліями станутъ противъ превратнаго направленія наукъ и знаній; подверг-

нутъ строгому испытанію плоды мудрости иноземной и отдѣлятъ отъ ней все нечистое и вредное; будутъ предшествовать общественному мнѣнію здравыми сужденіями, подобясь благодѣтельнымъ звѣздамъ, указующимъ путь мореплавателю среди мрака, а не блудящимъ огнямъ, совращающимъ путника со стези истинной. Праздныя и безплодныя умозрѣнія, зловредные вопросы и недоумѣнія навсегда изгонятся ими изъ области просвѣщенія; высокія истины разоблачатся отъ туманнаго покрова, низведутся—по крайней мѣрѣ въ своихъ слѣдствіяхъ—въ кругъ общественнаго понятія и употребленія. Полезныя изобрѣтенія, облегченіе трудовъ общественныхъ и частныхъ. усовершенствованіе всякаго рода искусствъ и орудій дадутъ самому послѣднему селянину почувствовать, что онъ, являясь во градъ, не напрасно удивляется тамъ огромнымъ святилищамъ наукъ, что въ вертоградѣ ихъ произрастаютъ плоды, и для него полезные. Таковое служеніе истинѣ будетъ самою благопріятною жертвою Монарху, который хощетъ, чтобы его царство было царствомъ свѣта, но того, который приходитъ съ неба, а не творится на землѣ, чтобы алтарь наукъ не былъ противоположенъ алтарю вѣры, матери и дщери всякой истинной премудрости.

И въ третьемъ святилищѣ—правосудія и законовъ, безъ сомнѣнія, обрѣтется, кромѣ хвалы, дѣятельная жертва благодарности мудрому покровителю правды. Мужи совѣта, раздѣляющіе тайны воли царевой, скорѣе всѣхъ найдутъ средства возвеселить своими дѣйствіями сердце царево. Осѣняемые благотворною силою власти самодержавной, они не остановятся на временномъ уврачеваніи язвъ гражданской жизни, тѣмъ менѣе на смоковичномъ прикрытіи наготы нѣкоторыхъ частей ея; проникнутъ до самаго перваго начала слабости и недуговъ гражданскихъ и заградятъ единожды и навсегда исходища пагубы; заставятъ войти въ предѣлы закона и справедливости, если что вышло изъ нихъ ко вреду общественному; поднимутъ изъ праха, если что лежитъ повержено въ него своеволіемъ. Вѣковые предразсудки умолкнутъ отъ всемогущаго гласа вѣчной правды; своекорыстіе усрамится само себя при видѣ опустошеній, имъ производимыхъ; безобразная личность частная исчезнетъ предъ благолѣпнымъ лицемъ отечества. По выраженію про-

рока, *всяка гора и холмъ смирится, всяка дебрь исполнится, стропотное будетъ въ правое и острое въ пути гладки,*—и тогда *спасеніе Господне узрится.* Узрится въ благотворности законовъ, равно благодѣющихъ и великому и малому,—въ единодушіи и любви согражданъ, не раздѣляемыхъ рѣзкимъ противорѣчіемъ своихъ выгодъ,—въ славѣ Монарха, возмогшаго понести на своихъ раменахъ тяжесть пакибытія гражданскаго.

Нужно ли изводить на среду прочія сословія и изображать то, чѣмъ каждое изъ нихъ можетъ свидѣтельствовать свое истинное усердіе къ отечеству и признательность Монарху?—Но принадлежащіе къ симъ сословіямъ сами еще лучше насъ могутъ знать и силы, и средства, и совершенства, и недостатки свои, то, что̀ дѣлается ими для пользы общественной и что̀ можетъ быть сдѣлано во славу отечества и Монарха, каждый подвигъ добра пріемлющаго за услугу себѣ самому. Цѣль нашего собесѣдованія состоитъ не въ изложеніи обязанностей всѣхъ сословій, а въ приведеніи на память того, что всякая истинная признательность подданныхъ къ Монарху должна состоять въ благомъ дѣйствованіи по примѣру Монарха, и что для таковаго дѣйствованія настоитъ теперь время благопріятное.

Въ самомъ дѣлѣ, не всякое время бываетъ равно благопріятно для развитія силъ и подвиговъ на поприщѣ гражданской жизни. Народы, подобно частнымъ людямъ, не рѣдко ослабѣваютъ въ стремленіи къ цѣли бытія своего, даже совращаются съ поприща, погружаются на нѣкоторое время (горе, если навсегда!) въ усыпленіе и бездѣйствіе. Въ это время самыя великія усилія и пожертвованія частныхъ людей остаются безъ плода, самыя полезныя предпріятія, прекрасныя намѣренія теряются въ пустотѣ общественнаго мнѣнія,—и великіе дѣйствователи, являющіеся въ сіи эпохи бездѣйствія, большею частію содѣлываются жертвами собственной ревности. Но бываютъ въ жизни народовъ и времена особеннаго самосознанія, полнаго пробужденія, а по сему самому—необыкновенной дѣятельности. Тутъ все приходитъ въ движеніе благотворное, недостатки сами собою выходятъ наружу и настоятельно требуютъ исправленія; улучшенія представляются безъ исканій и приходятъ въ дѣйство безъ напряженія; все являетъ жизнь и дѣятельность; посему въ

краткое время совершается то, чего не могли произвести цѣлые вѣка разслабленія гражданскаго. Вокругъ престола наипаче сосредоточивается тогда свѣтъ и жизнь: онъ содѣлывается истиннымъ подобіемъ престола Царя небеснаго, къ коему непрестанно возносятся прошенія и молитвы, и отъ коего непрестанно изливаются благословенія и милости, Въ сіе-то время каждый истинный сынъ отечества долженъ усугублять свою дѣятельность и одушевляться готовностію ко всему великому и полезному; долженъ, такъ сказать, расширять умъ для понятія всей благотворности новыхъ учрежденій. исходящихъ отъ верховной власти,—расширять волю для вмѣщенія всѣхъ высокихъ чувствъ и побужденій, ею движущихъ, — ускорять стопы свои на поприще всеобщаго усовершенствованія, дабы, оставшись позади всѣхъ, не представлять изъ себя жалкаго остатка прошедшихъ слабостей.

Да повторятъ же всѣ истинные сыны отечества, да повторятъ въ настоящій день предъ лицемъ всемогущаго Бога обѣтъ употреблять, подражая примѣру Монарха, всѣ силы и способности свои къ благу отечества. Аминь.

Слово въ день священнаго вѣнчанія на царство благочестивѣйшаго Государя Николая Павловича, Императора и Самодержца Всероссійскаго *).

Настоящій день, яко день вѣнчанія на царство благочестивѣйшаго Монарха нашего, былъ бы свѣтелъ и радостенъ для насъ, гдѣ бы мы ни провождали его — на сушѣ, или на морѣ, — на вершинѣ высокихъ горъ, или во глубинѣ мрачныхъ юдолей, — подъ яснымъ и безоблачнымъ небомъ, или подъ тучами и громами. Но день этотъ сугубо свѣтелъ и радостенъ для насъ, когда мы проводимъ его среди сихъ святыхъ горъ; когда приносимъ жертву мира и спасенія на семъ нерукотворенномъ **) престолѣ; когда возглашаемъ Богомъ-вѣнчанному и превознесенному Монарху многая лѣта

*) Сказанное при посѣщеніи паствы, 22 августа 1843 г., въ Никольской церкви, что на верху скалы, среди святыхъ горъ на берегу сѣвернаго Донца.

**) Церковь на скатѣ, до половины своей, изсѣчена изъ самой скалы.

съ высоты сей дивной скалы.—Здѣсь и теперь—въ торжествѣ нашемъ видимо участвуютъ всѣ стихіи и всѣ царства природы: надъ нами — голубое небо Юга и сѣннолиственныя древа Украйны; подъ нами—величавый Донецъ и мирныя стада съ ихъ пастырями; окрестъ насъ—скалы, сражавшіяся съ волнами потопа, и келліи святыхъ труженіковъ, бравшихся съ силами самаго ада.

Много значитъ живая, разнообразная и величественная природа; еще болѣе значитъ духъ безсмертный, съ его стремленіемъ къ безпредѣльному, съ его предчувствіемъ вѣчнаго, съ его отрѣшенностію отъ всего земнаго. Но гдѣ величіе природы сходится съ величіемъ духа и составляетъ единое цѣлое, тамъ невольно останавливаешься въ радостномъ умиленіи, благоговѣешь и возносишься мыслію къ Создателю всяческихъ.

Много ли же мѣстъ на лицѣ земли нашей, гдѣ бы духъ и вещество сошлись такъ дружно и выразили свое взаимное дѣйствіе такъ явственно, какъ здѣсь? Рука природы — она произвела эту дивную скалу, которая цѣлыя тысящелѣтія готова, повидимому, пасть и цѣлыя тысящелѣтія стоитъ несокрушимо, посмѣваясь измѣнчивости водъ, текущихъ у ея подножія. Безсмертный духъ — онъ слабыми руками человѣка проникъ въ сердце сихъ горъ, озарилъ и освятилъ мрачныя нѣдра ихъ молитвою, и утвердилъ среди ихъ престолъ Богу живому и вѣчному.

Падемъ же, братіе и сомолитвенники, падемъ еще разъ предъ симъ нерукотворнымъ престоломъ и воздадимъ славу Тому, Кто единъ и той же въ царствѣ природы и въ царствѣ благодати, въ десницѣ Коего равно содержатся и сердца горъ и сердца сыновъ человѣческихъ!—Падемъ и проліемъ изъ глубины сердецъ нашихъ теплую молитву, да святое и дивное мѣсто сіе скорѣе совлечется печальныхъ ризъ запустѣнія, да гласъ радованія духовнаго, раздавшійся нынѣ здѣсь въ первый разъ, въ день для всѣхъ толико вожделѣнный, не будетъ первымъ и послѣднимъ, и приведетъ за собою новые, неумолкающіе гласы радованія и молитвы.

Обращаясь за симъ къ предмету настоящаго торжества, я тотчасъ срѣтаюсь съ возглашенною нынѣ въ слухъ всѣхъ насъ заповѣдію Апостола, повелѣвающаго творить *моленія, прошенія, благодаренія за царя и за всѣхъ, иже во власти*

суть, да тихое и безмолвное житіе поживемъ, во всякомъ благочестіи и чистотѣ (1 Тим. 2, 2). Если бы для насъ мало было побужденія къ исполненію сея заповѣди въ томъ, что она есть заповѣдь не человѣческая, а Божественная: то собственная польза наша должна бы заставить каждаго исполнить ее, какъ можно прилежнѣе. Ибо тихое и безмолвное житіе само по себѣ есть благо крайне вожделѣнное для всякаго мирнаго гражданина; а житіе во всякомъ благочестіи и чистотѣ есть верхъ желаній для каждаго истиннаго христіанина. Но все это, какъ учитъ Апостолъ Христовъ,—и тишина и безмолвіе, и чистота и благочестіе, во многомъ зависитъ отъ царя и *тѣхъ, иже во власти суть*. Кто убо желаетъ достигнуть цѣли—наслаждаться сими благами, тотъ по сему самому долженъ употреблять и средства, ведущія къ цѣли, то есть, приносить моленія за царя и его скипетръ.

Еще мудрецъ древнихъ временъ замѣтилъ, что царь, какъ солнце въ своемъ царствѣ: солнце сокрылось на западѣ, и всюду темнота и мракъ, все живущее предается бездѣйствію и сну; солнце затмилось луною, и у всей природы печальный видъ, среди дня наступаетъ ночь, вездѣ недоумѣніе и страхъ; солнце покрылось только облаками, и уже не такъ ясно и не такъ отрадно, не то небо, не та земля, не тѣ всѣ вещи. Таково солнце по дѣйствію на природу: таковъ и царь по дѣйствію на его царство. Вспомните судьбу отечества,—кто поставилъ его на верхъ могущества и славы? Цари православные. Вспомните судьбу Церкви отечественной,—кто содѣйствовалъ ея распространенію, украшенію, благолѣпію? Цари православные. Жизнь народа русскаго всегда была соединена съ жизнію царя русскаго и, можно сказать, заключена въ ней; вмѣстѣ страдали и терпѣли, вмѣстѣ молились и уповали, вмѣстѣ сражались и побѣждали, вмѣстѣ радовались и торжествовали. Посему молиться о царѣ для русскаго значитъ то же, что молиться о царствѣ,—то же, что молиться о себѣ самомъ.

Помолимся же, братіе, со всею крѣпостію вѣры, со всею теплотою любви о благочестивѣйшемъ Монархѣ нашемъ, да Господь продлитъ дни жизни его до послѣднихъ предѣловъ земнаго бытія человѣческаго,—да не оскудѣваетъ крѣпость десницы его на отраженіе всѣхъ враговъ отечества, къ низложенію всѣхъ преградъ народнаго благоденствія,

къ совершенію всѣхъ великихъ и благихъ помысловъ души его,—да озаряется умъ его свѣтомъ свыше, на усмотрѣніе всего, что потребно для многочисленныхъ народовъ и племенъ, находящихся подъ его могущественнымъ скипетромъ, да исполняется сердце его теплотою любви небесной, на призрѣніе всего страждущаго, утѣсняемаго, обидимаго,—да не приближаются къ нему, или да исчезаютъ отъ лица его всѣ духи злобы и лукавства, въ какомъ бы видѣ они ни представлялись, и какую бы личину ни принимали,—да обрѣтаетъ онъ, источникъ утѣшенія, похвалу и награду (другой нѣтъ на землѣ для царей) въ искренней любви своихъ подданныхъ, въ мирѣ и чистотѣ своей совѣсти, въ твердомъ чаяніи вѣнца небеснаго! О семъ помолимся нынѣ.

Но Апостолъ заповѣдуетъ не только просить и молиться о царѣ, но и благодарить за царя: *моленія, прошенія и благодаренія.*

Счастливы мы, что можемъ отъ всей души исполнить и сію часть заповѣди апостольской! Ибо сколько предметовъ благодарности за царя, при самомъ поверхностномъ взглядѣ на его царствованіе!

Святая Церковь—предметъ благодарности. Пастыри ея призрѣны и успокоеваются отъ нуждъ, ихъ обстоявшихъ; милліоны отторгнутыхъ чадъ Церкви возвращены въ нѣдра ея; предъ юношами, воспитывающимися на служеніе алтарю, открыты всѣ источники древняго благочестія и облегчено ихъ употребленіе.

Законы—предметъ благодарности. Они не составляютъ болѣе отрывковъ, разбросанныхъ тамъ и здѣсь, обрѣтеніе коихъ стоило только труда и давало столько поводовъ къ злоупотребленіямъ, а соединены, слиты, можно сказать, въ одно зерцало и представлены взору всѣхъ, да каждый видитъ и свои права и свои обязанности.

Воспитаніе юношества—предметъ благодарности; ибо въ основаніе его положено не легкомысленное мудрованіе вѣтротлѣнной учености иноземной, а вѣра святая, нравы благіе, древняя любовь къ престолу и отечеству.

Судьба низшихъ классовъ народа—предметъ благодарности. Мудрое правительство въ самую послѣднюю хижину старается внести довольство и радость, свѣтъ необходимаго познанія и охоту къ труду честному.

Слава отечественная—предметъ благодарности. Гдѣ не отразилась она? И на высотѣ Арарата, и въ дебряхъ Кавказа, и на берегахъ Дуная и Вислы, и въ грозномъ блескѣ оружія, и въ мирномъ подвигѣ наукъ, искусства и торговли.

Видите, сколько причинъ къ благодарности! Между тѣмъ, мы указали только на одно то, что предъ взоромъ всѣхъ и каждаго. А сколько частныхъ благотворныхъ учрежденій! Сколько мудрыхъ узаконеній и правилъ! Сколько градовъ возстановленныхъ, путей новопроложенныхъ, неправдъ посрамленныхъ, благихъ подвиговъ, изведенныхъ во свѣтъ!

Какъ же за все сіе не возблагодарить Господа и, преклонивъ колѣна, не сказать: удивилъ еси милость Твою на насъ, Господи, оправдавъ царствовати надъ нами возлюбленнаго раба Твоего, благочестивѣйшаго Монарха нашего!

Не можемъ послѣ сего сомнѣваться и въ томъ, чтобы сердце царево, столь благодвижное на все общеполезное, не обратило державнаго взора его и на сіе святое мѣсто, да будетъ оно паки тѣмъ, чѣмъ было нѣкогда, и чѣмъ судила ему быть десница Творческая, такъ давно его преукрасившая!

Святителю Христовъ *), имени коего посвященъ храмъ сей! Тебѣ угодно было ознаменовать мѣсто сіе дивнымъ ликомъ твоимъ: буди убо самъ ходатаемъ за него у престола Помазанника Божія, который, нося твое имя, любитъ подражать и твоимъ дѣяніямъ. Аминь.

Слово въ день вѣнчанія на царство Благочестивѣйшаго Государя Николая Павловича, Императора и Самодержца Всероссійскаго, и въ день основанія города Одессы.

По милости Божіей, опять явились къ намъ два свѣтлыхъ празднества наши! Опять мы торжествуемъ день вѣнчанія на царство благочестивѣйшаго Монарха нашего и вмѣстѣ съ тѣмъ снова воспоминаемъ день основанія и рожденія богоспасаемаго града нашего! Кто могъ сочетать сіи два собы-

*) Въ храмѣ находится явленная икона святителя Николая.

тія во едино? Единъ Тотъ, Кто нарицаетъ *не сущая, яко сущая* (Рим. 4, 17). Коему отъ вѣка извѣстны всѣ дѣла Его и наши. Онъ восхотѣлъ, дабы мы въ настоящій день радовались радостію не единою, а сугубою, не въ-примѣръ, такъ сказать, всѣмъ прочимъ градамъ земли отечественной. Возблагодаримъ убо Господа и мы сугубымъ благодареніемъ за сугубою милость, возблагодаримъ какъ за то, что Онъ продолжаетъ хранить въ здравіи и крѣпости возлюбленнаго Монарха нашего, такъ и за то, что Его державною силою стоитъ неколебимо, высится, растетъ и процвѣтаетъ градъ нашъ!

Да, братіе мои, есть, чему порадоваться въ настоящій день сердцу русскому о царѣ своемъ! Какъ свѣтелъ и блистателенъ вѣнецъ на главѣ его! Какъ благоуханно мyро, изліянное на сію главу у престола Вседержителя! Сколько великихъ и славныхъ начинаній, совершенныхъ успѣшно во славу Божію и въ честь Россіи! Сколько препятствій, преодолѣнныхъ—то мужествомъ, то мудростію и разумомъ, то терпѣніемъ и самоотверженіемъ христіанскимъ! Недостанетъ цѣлаго дня, если бы захотѣли повѣствовать предъ вами о томъ, что совершено великаго и общеполезнаго въ это единственное царствованіе... И теперь, въ настоящую минуту, куда устремлены взоры цѣлаго свѣта? Устремлены на скипетръ Монарха всероссійскаго, отъ единаго мановенія руки коего—зависитъ миръ цѣлаго міра. И онъ ли нарушитъ его? Но что дѣлать съ ослѣпленіемъ неразумнаго сосѣда, который, подобно малымъ дѣтямъ, вращая въ слабой рукѣ своей, дѣтское оружіе, думаетъ, что онъ непобѣдимъ, и можетъ безнаказанно попирать права единовѣрныхъ братій нашихъ? Что дѣлать съ завистію прочихъ народовъ, коимъ величіе и сила Россіи—какъ терно въ окѣ, кои желали бы, чтобы эта сила была употребляема только на защиту ихъ, и никогда—для собственной нашей чести и выгоды?

Если они забываютъ и не хотятъ знать, то онъ никогда не можетъ забыть своего, что онъ есть слуга Божій въ отмщеніе всѣмъ, творящимъ злое. Что бы они ни дѣлали, къ чему бы ни обращались, слово царя русскаго изречено и не прейдетъ. Мы получили то, что намъ слѣдуетъ: луна не взойдетъ на верхъ креста!..

Есть, чему порадоваться въ настоящій день сердцу и гражданина одесскаго о градѣ своемъ! Градъ сей не прожилъ еще жизни одного человѣка; и гдѣ не извѣстно имя Одессы? Откуда не стремятся къ подножію ея корабли иноземные? И чѣмъ служимъ мы странамъ дальнимъ и ближнимъ? Тѣмъ, что есть самаго необходимаго для человѣка—пищею! Градъ нашъ по всей справедливости можно назвать житницею народовъ. Посему-то на всемъ пространствѣ земли Русской нѣтъ града, который бы росъ съ такою быстротою, отъ благосостоянія коего зависѣло бы благо столькихъ градовъ и весей. И будетъ расти и будетъ укрѣпляться, если Господь пробавитъ намъ милость!

И здѣсь-то корень силы и могущества града нашего.

Кто можетъ лишить насъ сего природнаго нашего преимущества? Посему-то, радуясь за настоящее, мы можемъ радоваться и за будущее. (*Неокончено*).

Слово въ день рожденія благочестивѣйшей Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны,

сказанное 1 іюля 1851 года.

За пять дней мы торжествовали свѣтло день рожденія благочестивѣйшаго Государя нашего; нынѣ не менѣе свѣтло и радостно торжествуемъ день рожденія благочестивѣйшей Государыни. Такъ промыслъ Божій въ самомъ происхожденіи ихъ на свѣтъ предуказалъ, что они какъ бы созданы другъ для друга.

А двадесяти-пятилѣтнее царствованіе явило предъ лицемъ всего свѣта, что они произошли на свѣтъ для блага Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите на Домъ царственный: не видимо ли само собою идутъ къ нему прекрасныя слова Давида: *жена* его *яко лоза плодовита; сынове его, яко новосажденія масличная окрестъ трапезы его. Се тако благословится человѣкъ, боящійся Господа* (Пс. 127, 3—5).

Немало было радостей дано видѣть Россіи въ продолженіе предшествующихъ царствованій: много веселилъ и

утѣшалъ ее Петръ Великій своими безпримѣрными подвигами, Елисавета—своею кротостію и человѣколюбіемъ, Екатерина—мудрыми учрежденіями, Александръ Благословенный—мужественнымъ единоборствомъ съ Голіаѳомъ временъ нашихъ. Но ко всѣмъ симъ радостямъ о настоящемъ, всегда почти примѣшивалось опасеніе за будущее. Невольно смущала мысль,—кто и какъ будетъ продолжать счастіе Россіи?

Нынѣ мы свободны отъ всѣхъ подобныхъ опасеній: нынѣ радость наша о благоденствіи отечества есть радость полная и даже сугубая; ибо мы можемъ радоваться не только за настоящее, но и за будущее. Почему? Потому, скажемъ опять словами св. Давида, что жена, сынове, даже внуки вѣнценосной четы, яко новосажденія масличная окрестъ трапезы ихъ.

Уже одно попеченіе о такомъ благословенномъ семействѣ могло бы занять умъ и сердце августѣйшей Виновницы настоящаго торжества, но, подобясь приснопамятной Маріи, она восхотѣла быть не только матерію своего семейства, но и матерію всего отечества, пріявъ подъ державную руку свою всѣ вертограды воспитанія, гдѣ образуются будущія матери семействъ. Если бы въ сихъ вертоградахъ сохранилось одно то, что было сдѣлано для нихъ чадопопечительной Маріей, и тогда Россія обязана была бы вѣчною благодарностію благочестивѣйшей преемницѣ ея; но сколько новыхъ улучшеній и удобностей! Сколько знаковъ и доказательствъ, что августѣйшая Покровительница ихъ неусыпно помышляетъ о возведеніи ихъ на самую послѣднюю высоту нравственнаго и вещественнаго совершенства!

Удивительно ли, послѣ сего, если день настоящій, въ который дано было нашей Монархинѣ увидѣть сей свѣтъ, торжествуется вездѣ, и особенно въ управляемыхъ ею вертоградахъ воспитанія, не по обычаю только и уставу, а отъ всей души и сердца? Въ семъ случаѣ любовь истинно материнская невольно и естественно вызываетъ любовь истинно дѣтскую.

Какое утѣшительное зрѣлище было бы, если бы въ настоящій день могли совокупиться во едино всѣ образующіеся подъ мирнымъ покровомъ Монархини, и едиными устами и единымъ сердцемъ возгласить молитву о ея здра-

віи и благоденствіи! Какъ отрадно было бы и для ея материнскаго сердца предстать нынѣ въ каждомъ изъ вертоградовъ воспитанія, и сказать самой послѣдней изъ питомицъ: и ты не забыта мною!

Но если, по плоти она удалена отъ насъ, то по духу она съ нами: и безъ сомнѣнія, когда мы будемъ молиться о ней, и она молитвенно воспомянетъ насъ.

Дадимъ же обѣтъ какъ бы предъ ея собственнымъ лицемъ—тѣ, кои оканчиваютъ поприще своего образованія—доказать нравами и дѣлами, вѣрою и терпѣніемъ, что онѣ не напрасно провели юность свою подъ ея высокимъ покровомъ, а тѣ, коимъ предлежитъ еще идти по сему поприщу—свидѣтельствовать свою любовь къ ней прилежаніемъ, послушаніемъ и благонравіемъ! Аминь.

Слово въ день тезоименитства Благочестивѣйшей Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны.

Богодухновенный писатель книги Притчей, желая въ концѣ ея начертать образъ жены, украшенной всѣми совершенствами ея пола, чѣмъ бы вы думали, братіе, начинаетъ свое изображеніе?—Недоумѣніемъ о томъ, скоро ли найдется на самомъ дѣлѣ лице, имъ изображаемое. *Жену доблю*, говоритъ онъ, *кто обрящетъ?—дражайши есть каменія многоцѣннаго таковая* (Притч. 31, 10).

Какою же радостію обрадовались бы сердце мудреца израилева, если бы ему дано было провидѣть то, что совершается надъ возлюбленнымъ отечествомъ нашимъ!—Здѣсь является не одна, а цѣлый сонмъ доблественныхъ женъ, является не въ низкой долѣ, гдѣ все, сколько-нибудь выходящее изъ среды, представляется необыкновеннымъ, а на престолѣ, гдѣ и великому трудно не казаться малымъ. Какихъ доблественныхъ женъ не было на престолѣ, или у престола Россіи? Не восходя къ временамъ древнимъ, такъ богатымъ въ семъ отношеніи великими воспоминаніями, здѣсь, въ продолженіи одного послѣдняго вѣка, видимъ Екатерину I-ю, которая, обращаясь въ лучезарномъ сіяніи такого необык-

новеннаго свѣтила, каковъ былъ Петръ Великій, умѣла не потерять своего блеска, и быть для всѣхъ постоянно примѣтною. Видимъ Елисавету, которая, подобно радугѣ послѣ тучъ, восходитъ на мрачномъ тогда небосклонѣ Россіи, какъ бы въ знаменіе того, что предшествовавшія царствованію ея бури посланы были Провидѣніемъ для упражненія, а не для потопленія корабля государственнаго, и что послѣ нихъ, вмѣстѣ съ нею, наступитъ продолжительное ведро и благорастворе́ніе воздуха. Видимъ Екатерину, вторую по числу, но несравненную по царственному величію и мудрости, у коей перо всегда спорило съ мечомъ о побѣдахъ, коея одного имени достаточно было вмѣсто всѣхъ надписей на памятникѣ великому Преобразователю Россіи. А сердобольная Марія, давшая великій примѣръ, какъ, не бывъ самодержавною, можно обладать и повелѣвать сердцами, какъ, безъ побѣдъ и завоеваній, можно усвоить себѣ всю область благотворенія, и наречь имя свое на всѣхъ человѣколюбивыхъ учрежденіяхъ? А кроткая Елисавета, умѣвшая создать для себя особый родъ дивнаго величія—царицы-христіанки, блистающей глубокою преданностію Промыслу и самоотверженіемъ болѣе, нежели вѣнцемъ царственнымъ?—скажите сами, не это ли жены дивныя и добліи, коихъ искалъ священный мудрецъ израилевъ?

Что и нынѣ дѣлаемъ мы, какъ не торжествуемъ тезоименитство жены царственной, служащей украшеніемъ своего пола? — Здѣсь должно оставить всякое витійство: разсмотрите сами Соломоново описаніе жены доблественной, сличите его съ дѣяніями Монархини нашей: и вы увидите, что благословенное отечество наше не только въ своемъ прошедшемъ, но и въ своемъ настоящемъ обладаетъ тѣмъ, что вѣнчанный мудрецъ израилевъ едва надѣялся обрѣсти въ будущемъ.

Доблественная жена, искомая Соломономъ, первѣе всего окружена благословеннымъ семействомъ, для коего она служитъ образцемъ. И много ли, скажите, на всемъ шарѣ земномъ домовъ царственныхъ, кои могли бы сравниться въ семъ благословеніи Божіемъ со всеблагословеннымъ домомъ всероссійскимъ? Седмь сыновъ и дщерей царственныхъ у насъ какъ седмь вѣтвей въ златомъ свѣтильникѣ, который въ храмѣ Соломоновомъ всегда горѣлъ предъ лицемъ Іеговы.

Доблественная жена, — по Соломону, — служитъ ко всеобщему уваженію своего мужа (Притч. 31, 23). Къ вѣнцу россійскаго Монарха что придать?—Между тѣмъ Монархиня наша, связуя собою два могущественные народа, безъ сомнѣнія, служитъ не мало къ умаленію страха въ сердцѣ враговъ нашихъ. Къ чему другому, какъ не ко всеобщему уваженію нашего Дома царственнаго служитъ и прекрасная картина семейственнаго мира, счастія и любви, постоянно видимая на престолѣ россійскомъ? А кто, послѣ Монарха, славнымъ виновникомъ ея, какъ не Монархиня?

Отъ жены доблей Соломонъ требуетъ, чтобы благорасположеніе ея не ограничивалось одними кровными и присными, чтобы рука ея была отверста на помощь всякому бѣдствующему (Притч. 31, 20). У нашей Монархини столько присныхъ, сколько бѣдствующихъ. Потокъ царственныхъ благотвореній ея, извиваясь у Престола, видимо течетъ по всѣмъ областямъ пространнаго отечества, до послѣднихъ предѣловъ его. А сколько струй исходитъ невидимо! сколько орошеній совершается непримѣтно!

Жена Соломонова прилежитъ устройству своего дома (Притч. 31, 15): наша Монархиня не имѣетъ нужды устроять благоустроеннаго; но взамѣнъ сего, ревностно содѣйствуетъ благоустройству обширнаго дома государственнаго, образуя подъ державнымъ покровомъ своимъ многочисленные сонмы будущихъ женъ и матерей, образуя не по началамъ токмо и нуждамъ вѣка *сего,* но и по святымъ требованіямъ вѣка *онаго.*

Наконецъ, и та черта жены Соломоновой, коея осуществленія, по видимому, такъ трудно ожидать въ женѣ-порфироносной, то-есть, что она, при всѣхъ высокихъ совершенствахъ своихъ, не забываетъ мирныхъ домашнихъ занятій своего пола (Притч. 31, 13), и сія черта прекраснымъ образомъ осуществляется въ нашей Монархинѣ. Кто не слыхалъ, и слыша не радовался, какъ она, истинно благочестивѣйшая, повергла плодъ трудовъ собственныхъ рукъ своихъ къ подножію новоявленнаго Святителя и Чудотворца Воронежскаго? Поступокъ, который въ слухъ всего отечества громко засвидѣтельствовалъ, что Монархиня наша, будучи превосходною матерію чадъ своихъ и чуждыхъ, есть въ то же время истинная дщерь Церкви православной.

Послѣ сего, братіе, я не думаю, чтобы мнѣ нужно было много располагать васъ къ усердной молитвѣ о здравіи и благоденствіи августѣйшей Виновницы настоящаго торжества. Истинные сыны отечества давно всѣ глубоко убѣждены, что съ жизнію ея соединено благоденствіе царственнаго Дома и всего отечественнаго Дома и всего отечества. Итакъ, поспѣшимъ прейти отъ словесъ назиданія къ слову молитвы, и произнести нашими устами то, что уже давно предначато вашими сердцами. Аминь.

Слово на день тезоименитства Благочестивѣйшей Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны,

произнесенное въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ, 23 апрѣля 1855 г.

Какъ многое должно было измѣниться съ кончиною почившаго въ Богѣ Монарха нашего! Съ нею перемѣнилось число и значеніе самыхъ торжественныхъ дней нашихъ: одни изъ нихъ возвысились, другіе умалились, иные переиначены въ своемъ характерѣ.

Къ числу послѣднихъ принадлежитъ день настоящій. Священная торжественность его не возвысилась и не умалилась, но получила новое какое-то, умилительное значеніе. Доселѣ мы освящали празднованіемъ день сей, какъ день тезоименитства возлюбленной Монархини нашей, августѣйшей супруги Самодержца всероссійскаго; отселѣ онъ будетъ освящаемъ молитвою, какъ день Ангела порфироносной вдовы и матери осиротѣвшаго Семейства царскаго. Достоуважаемо было лице Монархини, когда она возсѣдала на Престолѣ одесную августѣйшаго Супруга своего; не менѣе священно и вмѣстѣ съ тѣмъ умилительно будетъ лице ея на томъ же Престолѣ о страну Сына-Монарха. Трудившись такъ постоянно и усердно для блага Россіи, въ качествѣ Богомъ вѣнчанной Супруги, престанетъ ли она благотворно дѣйствовать на судьбу ея, въ качествѣ порфироносной Матери?

Если что могло бы воспрепятствовать сему, то развѣ

одна слабость состава тѣлеснаго и недостатокъ силъ, ибо этотъ кринъ райскій подвергся изнеможенію отъ самаго обилія цвѣта и плодоношенія своего для счастія Россіи. Но опыты непрестающей духовной дѣятельности, являемые столько лѣтъ среди самой немощи тѣлесной, особенно же тотъ, истинно-христіанскій и потому истинно-великій и твердый духъ, съ коимъ Монархиня срѣтила неожиданную кончину Супруга своего, показали всему свѣту, что и надъ нею, по ея искренней вѣрѣ въ Господа силъ, сбылось отрадное слово Апостола, что въ то самое время, когда внѣшній и плотяный человѣкъ нашъ изнемогаетъ, внутренній и духовный, силою благодати, обновляется и становится болѣе крѣпкимъ (2 Кор. 4, 16). Въ самомъ дѣлѣ, кто могъ ожидать, что она, немощная, явится у смертнаго одра Супруга своего не съ безотрадною горестію, а какъ нѣкій, невозмутимый ничѣмъ, земный Ангелъ, имѣющій сопроводить его въ вѣчность? Какъ трогательно приготовляетъ она его къ принятію Святыхъ Таинствъ Церкви! Съ какимъ присутствіемъ духа услаждаетъ для него своею чистою любовію горечь послѣднихъ болѣзней рожденія въ жизнь вѣчную! Съ какою покорностію Провидѣнію пріемлетъ она жребій оставаться на землѣ, тогда какъ душа и сердце ея парятъ за отходящимъ къ небу!

Зрѣлище столь же невиданное, какъ и трогательное! Предъ лицемъ смерти мы видимъ эти два существа въ расположеніи духа, подобномъ тому, какъ они шествовали нѣкогда предъ св. налой вѣнчальный, и снова вопрошающими другъ друга о любви. Въ то время они соединяли земную судьбу свою на вѣки; теперь они же соединяются снова повтореніемъ того же обѣта на всю вѣчность. И что служитъ предметомъ и цѣлію сего, вновь повторяемаго, союза и, можно сказать, таинства? Уже не счастіе собственное и личное, а благо отечества, счастіе Россіи.

Въ книгахъ Царствъ читаемъ, какъ великій поборникъ и учитель народа израильскаго, Илія, во время преставленія своего на небо, оставилъ преемнику своему въ званіи пророческомъ, Елисею, чудотворную милоть свою, въ знаменіе имѣющаго почить на немъ *сугубаго духа* пророчествія. Не погрѣшимъ, если позволимъ себѣ сказать, что и нашъ вѣнценосный Поборникъ земли отечественной и правосла-

вія, отходя въ міръ высшій, оставилъ супругѣ своей, какъ нѣкую милоть, примѣръ своея живой и непоколебимой вѣры въ Бога, да возымѣетъ и она *духъ сугубыя* любви къ отечеству, то есть, уже не за себя токмо единую, но и за него. «Ты будешь жить для нихъ»!, вѣщалъ онъ, умирая. Сими священными словами вѣнценосная Вдова какъ бы посвящена въ великое званіе сердобольной Матери и августѣйшаго семейства, и всего осиротѣвшаго отечества.

О, этотъ священный завѣтъ будетъ исполненъ вѣрно! Жившая для блага Россіи доселѣ, не престанетъ жить для сего же блага и отселѣ, пока Владыка жизни не воззоветъ ее самую отъ земли.

Наше дѣло и нашъ долгъ, братія мои, усердными молитвами привлекать свыше силу и крѣпость на царственную Подвижницу, да, при помощи вся восполняющей благодати Божіей, *горсть муки* и малый *чванецъ елея* (3 Цар. 17, 14) силъ естественныхъ не оскудѣютъ въ ней на исполненіе ея новаго, великаго и святаго предназначенія—замѣнять собою съ вѣнценоснымъ сыномъ своимъ почившаго въ Бозѣ Монарха.

Царю царствующихъ и Господи господствующихъ, Коего неисповѣдимою, но, безъ сомнѣнія, премудрою и всеблагою волею воззванъ отъ насъ возлюбленный Монархъ нашъ, услыши молитву смиренныхъ рабъ Твоихъ: и аще не до конца прогнѣванъ еси грѣхами нашими, то да явится знаменіе милосердія Твоего къ намъ въ продолженіи дней и въ укрѣпленіи силъ Августѣйшей матери отечества! Да придетъ въ исполненіе надъ нею и завѣтъ отшедшаго къ Тебѣ Супруга ея, и всеобщее желаніе Россіи, и Твое собственное слово, глаголющее: *яко единъ поемлется, а другая оставляется* (Матѳ. 24, 40—41). Аминь.

Слово, на день тезоименитства благовѣрнаго Государя Наслѣдника Александра Николаевича,

произнесенное въ храмовой церкви Ришельевскаго лицея, 30 августа 1854 года.

О Сынѣ Самодержца небеснаго, возлюбленномъ Спасителѣ нашемъ, сказано въ писаніи, что самое имя Его есть, какъ

драгоцѣнное, всѣхъ услаждающее, благоуханіе: *мгро изліяное имя твое* (Пѣсн. Пѣсн. 1, 2). Подобное, къ утѣшенію нашему въ настоящій день, можемъ сказать мы и объ Августѣйшемъ Именинникѣ нашемъ, благовѣрномъ Государѣ, Наслѣдникѣ престола всероссійскаго, ибо одно имя его напоминаетъ собою все, что было въ древнихъ и новыхъ временахъ между людьми великаго и доблестнаго, благаго и ободряющаго: *мгро изліяное имя твое!*

Въ самомъ дѣлѣ, нисходимъ ли въ глубь отдаленныхъ вѣковъ, въ самый древній міръ языческій, тамъ подъ именемъ Александра срѣтаетъ насъ юный герой, который необыкновенными дѣяніями и доблестію своею наполнилъ всю вселенную, въ немногіе годы успѣлъ перемѣнить лицо едва не всей земли, казался многимъ превыше естества человѣческаго, и самою—рановременною—кончиною своею далъ поводъ и случай къ образованію цѣлыхъ новыхъ царствъ и владѣній.

Останавливаемся ли вниманіемъ на временахъ среднихъ: здѣсь, подъ именемъ Александра, находимъ въ собственномъ отечествѣ великаго человѣка—другаго рода, который умѣлъ не только быть героемъ на полѣ брани и поражать враговъ, но и забывать свое мужество и смиряться для блага отечества, который служилъ отрадою для народа своего въ самую тяжкую годину потери государственной независимости, и успѣлъ заслужить уваженіе самыхъ притѣснителей его—монголовъ, по кончинѣ коего потому, со всею справедливостію, на всѣхъ краяхъ отечества говорили: *закатилось солнце земли Русской!*

Возвращаясь за симъ ко временамъ ближайшимъ и недавнимъ, съ радостію видимъ предъ собою Александра Благословеннаго, съ его примѣрною твердостію въ отраженіи нашествія на Россію повелителя галловъ и съ ними двадесяти языкъ, съ его мудростію и благоразуміемъ въ сонмѣ царей, среди предводительства противу общаго врага цѣлыхъ народовъ, съ его неистощимымъ великодушіемъ, которое не умѣло отмщевать врагамъ своимъ иначе, какъ благодѣяніями.

Вотъ, кто является намъ въ дѣписаніяхъ — чуждыхъ и нашихъ—подъ именемъ Августѣйшаго Именинника нашего! Какъ не сказать послѣ сего и о немъ, что самое имя его есть, яко *мгро изліяное?*

Хотя это мvро еще находится теперь, можно сказать, подъ печатію, и не отверсто къ благоуханію всѣхъ и каждаго; но, по свойству мvра, оно не могло не дать себя почувствовать многимъ.

Въ самомъ дѣлѣ, обоняла уже воню мvра сего Россія, слыша, какъ будущій Наслѣдникъ престола, еще въ самыхъ юныхъ лѣтахъ, былъ внимателенъ къ изученію всѣхъ полезныхъ знаній, и особенно тѣхъ, кои преимущественно потребны для благоуспѣшнаго управленія царствомъ;—какъ въ исторіи судебъ народныхъ останавливали вниманіе его, радовали и умиляли его, особенно тѣ событія, въ коихъ проявляется благость и милосердіе, великодушіе и самоотверженіе на пользу общую.

Еще болѣе обоняла это мvро Россія, взирая съ утѣшеніемъ и радостію на картину семейнаго счастія, коимъ, при благословеніи Божіемъ, умѣлъ окружить себя Августѣйшій Наслѣдникъ престола, когда пришло къ тому время, ибо если къ кому, то къ нему со всею силою можно приложить слова св. Давида: *жена его яко лоза плодовита: сынове* и дщери его, *яко новосажденія масличныя окрестъ трапезы его* (Псал. 127, 3. 4).

Обоняла воню этого мvра Россія, слыша, какъ будущій повелитель царства проникнутъ уваженіемъ и любовію къ своимъ Августѣйшимъ родителямъ, и что это чувство не умалилось и тогда, когда онъ самъ содѣлался главою семейства.

Обоняла воню этого мvра Россія, зная, съ какою неутомимостію будущій отецъ отечества печется о воспитаніи всѣхъ будущихъ защитниковъ отечества, съ какою горячностію сорадуется ихъ успѣхамъ, какъ охотно входитъ въ нужды не только ихъ собственныя, но и семействъ ихъ. Съ радостію изъ всѣхъ краевъ Россіи текутъ подъ кровъ воспитанія благородныя отрасли благородныхъ родителей, зная, что во главѣ сего воспитанія стоитъ тотъ, кому вѣрою и правдою должны служить нѣкогда воспитываемые.

Обоняла воню этого мvра Россія, слыша, что будущій распорядитель судебъ ея, присѣдя въ совѣтѣ Августѣйшаго Родителя своего, отличается не однимъ постояннымъ вниманіемъ къ дѣламъ царственнымъ, но и зрѣлостію своихъ

мыслей и сужденій, проницаніемъ въ самое существо дѣлъ и предпріятій, съ ихъ послѣдствіями.

Обоняла, наконецъ, Россія воню этого мѵра, постоянно слыша, что господствующее качество Наслѣдника царева есть кротость нрава и благость сердца,—тѣ боголюбезныя свойства, кои влекутъ къ себѣ сердца людей и въ частномъ быту, тѣмъ паче на престолѣ, и низводятъ на человѣка и дѣла его благословеніе небесное.

Такова воня мѵра, еще находящагося, какъ я сказалъ, подъ печатію. Придетъ время, когда печать снимется, и мѵро, по выраженію писанія, проліется—*мѵро изліянно*. О, каковое благоуханіе должно распространиться тогда по всѣмъ краямъ отечества! Въ то время и неимущіе еще чувствъ, *обученныхъ долгимъ ученіемъ* (Евр. 5, 14) и опытомъ, не замедлятъ рещи съ невѣстою Соломоновою: *влецы насъ въ слѣдъ тебе, въ воню мѵра твоего течемъ* (Пѣсн. Пѣсн. 1, 3)!—Аминь.

Слово по возвращеніи изъ Москвы послѣ присутствія тамъ при Священнѣйшемъ Коронованіи Ихъ Императорскихъ Величествъ,

произнесенное въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ, 28-го октября 1856 года.

По возвращеніи изъ царствующаго града, мы ни разу еще, братіе мои, не побесѣдовали съ вами пастырски о томъ великомъ событіи, которое тамъ совершилось. Между тѣмъ душа наша доселѣ преисполнена разныхъ впечатлѣній отъ видѣннаго и слышаннаго тамъ. Поелику же краткая повѣсть о семъ можетъ и доставить вамъ радость и послужитъ въ общее назиданіе, то мы и предложимъ ее нынѣ вамъ вмѣсто всякаго обыкновеннаго поученія.

Итакъ, по разлукѣ съ вами, мы снова увидѣли древній первопрестольный градъ нашъ, и подивились множеству его златоверхихъ храмовъ, изъ коихъ однихъ можетъ составиться городъ не меньшій нашего, а еще болѣе съ радостію подивились набожному расположенію его жителей, ихъ истинно-русскимъ нравамъ и обычаямъ.—Какое тамъ всеобщее и

неподдѣльное усердіе къ святынѣ! Какая пламенная любовь къ отечеству! Какая искренняя преданность царственному Дому! Какая вѣра въ величіе и святое предназначеніе Россіи!—О, да будетъ и преизбудетъ надъ тобою, богоспасаемый градъ, благословеніе Божіе! Не напрасно именуешься ты сердцемъ Россіи: въ тебѣ струится чистая кровь, могущая оживлять все тѣло. Стой же непоколебимо, со святыми твоими храмами и нетлѣнными въ нихъ мощами угодниковъ Божіихъ. стой, какъ русскій Араратъ, на коемъ, среди самыхъ всемірныхъ треволненій, всегда можетъ найти себѣ безопасное пристанище ковчегъ—русскаго православія и русскаго духа!

Посѣтили мы въ первопрестольномъ градѣ и тѣ два пресловутыя кладбища, кои, вмѣсто успокоенія почивающихъ тамъ усопшихъ, смущали собою доселѣ только живыхъ—едва не по всей Россіи отвлекая чадъ православной Церкви отъ лона матери своей и утверждая въ упорствѣ противу святой власти ея—прежде отпадшихъ. Давно ли сіи мѣста служили во всеобщій соблазнъ и укоръ для русскаго духа и нравовъ. составляя собою нѣкія твердыни для противниковъ истины? Теперь, какъ бы возсіявшу весеннему солнцу особенной благодати Божіей надъ ними, ледъ ожесточенія растаялъ. и явилась свѣжая нива, удобная къ пріятію сѣмянъ здраваго ученія; теперь тамъ, вмѣсто вѣковой вражды, водворилось благое начало единства съ Церковію православною и взаимной любви Христовой, такъ что тѣ, кои составляли собою вѣковую язву на тѣлѣ Церкви, скоро могутъ составить одно изъ лучшихъ ея украшеній. Да услышатъ сіе всѣ и между нами недугующіе доселѣ духомъ *съченія* и удаленія отъ святой Церкви, и подражавъ доселѣ неразумно старѣйшимъ столичнымъ собратіямъ своимъ въ недобромъ, да возревнуютъ подражать имъ и въ возвращеніи на путь правый, преставъ, вмѣсто Богомъ устроеннаго и хранимаго ковчега—Церкви вселенской, самочинно созидать свои малыя неблагословенныя ладіи, опрокидывающіяся и потопляющія сѣдящихъ на нихъ—при первомъ порывѣ вѣтра.

Видѣли мы потомъ въ первопрестольной столицѣ сонмъ избранныхъ сыновъ отечества, кои изъ всѣхъ сословій и со всѣхъ концовъ Россіи стеклись для присутствія при священнѣйшемъ коронованіи того, кто, по самому сану своему. есть

отецъ отечества. Какой величественный и достоуважаемый сонмъ! Тутъ во всей силѣ видно было, что значитъ русскій смыслъ и взглядъ, русскій опытъ и дальновидность. особенно—русское сердце и чувство! Какого добра нельзя ожидать отъ подобнаго совокупленія талантовъ и мудрости народной? На челѣ каждаго было видно, что всѣ собранные пламенѣютъ чистою любовію къ царю и отечеству, и готовы на всѣ подвиги и жертвы,—только бы стояла непоколебимо святая Церковь, только бы цвѣла и благоденствовала Россія, только бы возвышался и укрѣплялся престолъ царскій!

Видѣли мы въ то же время и избранный сонмъ сыновъ иноземныхъ, кои, по гласу повелителей своихъ, явились для привѣтствія отъ ихъ имени Самодержца всероссійскаго, въ день торжественнаго вѣнчанія его на царство. Каждый изъ нихъ старался блистать свѣтомъ своей страны и своего народа, изъ коихъ многіе, какъ вѣдаете, велики и славны; но этотъ соединенный и усиленный свѣтъ нисколько не затмевалъ собою величественное сіяніе солнца русскаго.—Не смотря на недавность и ожесточенность прошедшей брани нашей едва не съ цѣлымъ западомъ, ни у кого изъ нихъ, ни на лицѣ, ни въ устахъ, не было слѣдовъ прежней вражды. Думаемъ, что ея не было теперь ни у кого изъ нихъ и въ сердцѣ, ибо за что было враждовать противу насъ и прежде?—Только духъ тьмы и злобы могъ кознями своими смутить на время такъ неожиданно и глубоко великую семью народовъ христіанскихъ. Но послѣ нашей истинно-великодушной готовности къ миру, который нуженъ былъ еще болѣе для нихъ. нежели для насъ, самые недовѣрчивые и мнительные должны были убѣдиться, что мы не тѣ, какими представляли насъ зависть и лукавство, что мы не враги, а блюстители и друзья всемірнаго порядка и спокойствія.

Видѣли мы во всей полнотѣ нашъ августѣйшій домъ царственный, и взирая на эту священную полноту, на стройность, любовь и благолѣпіе, въ немъ царствующія, невольно приводили себѣ на память слова св. Давида, изображающія благословеніе Божіе надъ домомъ человѣка богобоязненнаго: *блаженъ мужъ, боящійся Господа! Сильно на земли будетъ сѣмя его; слава и богатство въ дому его. Жена его яко лоза плодовита. Сынове его, яко новосажденія масличная окрестъ тра-*

пезы его (Псал. III, 1—3. 27, 3). Осуществленіе такой богоначертанной картины отрадно срѣтить и въ хижинѣ, тѣмъ вожделѣннѣе и поучительнѣе для всѣхъ была она—на престолѣ.

Наконецъ, мы удостоились быть при совершеніи самаго священнѣйшаго коронованія августѣйшаго Монарха и Супруги его. и молитвенно участвовать въ ономъ. Ахъ, братіе, что было видимо и слышимо тутъ,—послѣ того, нѣтъ уже мнѣ кажется, что можно бы видѣть и слышать болѣе величественнаго на этой землѣ, въ нашемъ мірѣ человѣческомъ; остается только уготовлять себя въ видѣнію и слышанію того, что превыше земли и людей...

Какъ свѣтелъ и блистающъ былъ на главѣ Монарха тотъ вѣнецъ, который, какъ сами знаете, устроенъ не годами, какъ у другихъ народовъ, а цѣлыми вѣками; устроенъ изъ многочисленнаго собранія вѣнцовъ разныхъ царствъ и княженій!

Какъ величественъ и лучезаренъ былъ въ десницѣ Монарха тотъ скипетръ, по манію коего движется столько милліоновъ подданныхъ, направляется въ дѣйствіяхъ своихъ столько народовъ и племенъ!

Какъ видимо тверда и несокрушима казалась въ шуйцѣ его та держава, на которую уже столько разъ опирались, среди всесвѣтныхъ колебаній, спокойствіе и порядокъ всемірный!

Какъ обширною являлась на раменахъ его порфира, которая должна осѣнять собою седмь морей и тысячу градовъ, служить убѣжищемъ для всякаго, обремененнаго судьбою!

Взирая на царя нашего, вѣнчанна и превознесенна. можно было съ увѣренностію обратиться не къ Россіи токмо, но ко всей вселенной съ словами Пѣсни Пѣсней: *изыдите и видите царя нашего въ вѣнцѣ, имиже вѣнча мати его*— православная Церковь всероссійская, *въ день обрученія его*— съ народомъ своимъ, *въ день веселія сердца его.* (Пѣсн. Пѣсн. 3, 2)!

Но особенно умилительны были въ семъ торжественномъ священнодѣйствіи три минуты:

Первая, когда благочестивѣйшій Государь, приступая къ принятію вѣнца прародительскаго, въ слухъ всея Церкви

произнесъ св. символъ вѣры православныя. Это былъ Константинъ Великій, произносящій исповѣданіе вѣры въ слухъ собора вселенскаго!

Вторая разительная минута—когда Монархъ увѣнчанный уже и облеченный во всѣ утвари царскаго сана, преклонилъ, подобно послѣднему изъ подданныхъ своихъ, колѣна предъ Царемъ царствующихъ, и возгласилъ смиренную молитву о дарованіи ему духа премудрости и разума, во еже судити людемъ своимъ въ правду, духа силы и крѣпости, во еже хранить, строить и возвышать благоденствіе, боговѣряемой ему, державы Всероссійской.—Это былъ юный Соломонъ, предъ лицемъ храма испрашивающій въ молитвѣ у Бога отцевъ своихъ мудрости правительственной!

Третья, самая священная минута—когда Самодержецъ, по окончаніи литургіи, отложивъ знаки царскаго величія въ единой порфирѣ приступилъ подобно новокрещенному, къ помазанію св. мvромъ, для пріятія даровъ Св. Духа, и въ слѣдъ за тѣмъ—ко причащенію Божественныхъ Таинъ, для укрѣпленія себя на подвигъ царственный. Въ сіи минуты онъ весь былъ благоговѣніе, весь—смиреніе христіанское, весь—страхъ Божій. По самому свойству служенія моего, много видѣлъ я всякаго рода причастниковъ Св. Таинъ, но никогда не зрѣлъ подобнаго умиленія въ причащающемся. Въ лицѣ Помазанника, казалось, соединялась *священнотайнъ* съ Господомъ вся Россія. У многихъ изъ предстоящихъ потекли изъ очей слезы. Отъ избытка чувствъ, я едва не забылъ, что мнѣ надлежало послужить, послѣ причащенія, омовенію устъ и рукъ державныхъ. И совершая сіе потомъ, я невольно мыслилъ: тако *измовенный* невидимо благодатію, *не требуетъ* другаго омовенія: *есть бо весь чистъ* (Іоан. 13, 10).

Говорить ли за симъ предъ вами о радости и восторгѣ окружавшаго храмъ народа, когда боговѣнчанный Помазанникъ исшелъ изъ храма, какъ ангелъ Божій, явился предъ нимъ, одѣянъ и преукрашенъ всѣми знаками сана державнаго? Отъ звука церковныхъ кампановъ въ Кремлѣ сотрясается—не воздухъ только, а самая земля, но и сей поражающій звукъ, былъ не разъ заглушаемъ громомъ восклицаній народныхъ.

Разсказывать ли вамъ о той благости, съ которою бо-

говѣнчанный Царь, во все продолженіе великаго торжества своего. обращалъ лице свое ко всѣмъ, великимъ и малымъ, богатымъ и нищимъ? Каждый видѣлъ и чувствовалъ, что сердце его готово было объять любовію всю Россію, доставить радость всему страждущему, изгнать навсегда съ лица земли Русской всѣ печали и бѣдствія.

Къ сказанному развѣ присовокупить единое. На утріе дня вѣнчальнаго, когда все вокругъ престола гласило славу боговѣнчаннаго, и вся Россія, въ лицѣ представителей своихъ, спѣшила съ привѣтствіями предъ лице своего Самодержца и супруги его,—пріемля оное въ ряду іерарховъ и отъ меня, яко пастыря страны сей, о чемъ, думаете вы, между прочимъ благоволилъ онъ провѣщать мнѣ? О томъ, что это былъ *послѣдній день* нашего южнаго Севастополя... Скажите сами, не подобно ли это тому, какъ Богочеловѣкъ, среди самой славы Ѳаворской, бесѣдовалъ нѣкогда съ Моисеемъ и Иліею о Голгоѳѣ (Лук. 9, 31), бывшей тогда—для Него—еще впереди, а теперь—для насъ—уже пройденной?..

Таковы, братіе, впечатлѣнія, безъ сомнѣнія, изнесенныя не мною однимъ изъ первопрестольной столицы во всѣ края Россіи. Не имѣя возможности быть свидѣтелями происходившаго тамъ, вы однако же сами заранѣе могли судить о семъ уже по чрезвычайному потоку милостей, тотчасъ истекшихъ на всю Россію отъ престола царева; и безъ сомнѣнія, съ радостію замѣтили господствующую въ сихъ милостяхъ черту милосердія, этой боголюбезной добродѣтели, которая наиболѣе уподобляетъ царей земныхъ Самодержцу небесному. Еще ближе могли судить о томъ же по любвеобильному, можно сказать, четвероевангельскому гласу признательности царской, простертому къ четыремъ областямъ многострадальной страны нашей, и въ особенности—по тѣмъ безпримѣрнымъ словамъ, въ коихъ, съ такимъ преизбыткомъ отеческой милости, ублаженъ и возвеличенъ градъ нашъ...

Послѣ сего, обнимая единымъ взоромъ все прошедшее, что остается намъ, братіе и сограждане, какъ не пасть въ благодарности предъ Царемъ царствующихъ, и словами молитвы церковной возгласить: «благодаримъ Тя, Владыко и Господи, яко, наказавъ насъ краткимъ бывшія печали по-

сѣщеніемъ, се изобильно исполнилъ еси радостію и веселіемъ сердца наша, оправдавъ надъ нами царствовати возлюбленнаго раба Своего, Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича!»—Аминь!

Слово по случаю молебствія о рожденіи Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Александры Александровны,

сказанное въ харьковскомъ Успенскомъ соборѣ, 6 сентября, 1842 года.

Святый Давидъ, изображая состояніе человѣка, находящагося за свои добродѣтели подъ особеннымъ благословеніемъ Божіимъ, говоритъ, *что жена его яко лоза плодовита, сынове его и дщери окрестъ трапезы его, яко новосажденія масличная* (Пс. 127, 3).

Если пріятно и поучительно срѣтить такую картину семейственнаго счастія и въ низкой долѣ, тѣмъ пріятнѣе и поучительнѣе видѣть ее на престолѣ. Тамъ радуешься простою радостію о благѣ ближняго; здѣсь веселишься и утѣшаешься великою радостію о благѣ цѣлаго, неизмѣримаго царства.

И симъ-то драгоцѣннымъ благословеніемъ благословляется престолъ россійскій во все продолженіе настоящаго царствованія! И сею-то святою радостію дано радоваться отечеству нашему въ продолженіе многихъ лѣтъ! Вожделѣнное событіе, насъ нынѣ собравшее, служитъ новымъ звеномъ въ сей цѣпи благословеній свыше, и вмѣстѣ новою порукою за ея непрерывность. Важный для цѣлаго царства былъ вопросъ: продолжится ли благословеніе многочадія въ порфироносномъ племени? не положено ли въ небесномъ совѣтѣ противнаго? Теперь съ радостію видимъ, что не положено, что мы вправѣ ожидать еще новыхъ радостей царственныхъ, что благословенному Дому всероссійскому суждено свыше распространяться, возрастать, процвѣтать и плодоносить.

Да будетъ же благословенъ Господь, тако благодѣющій православному отечеству нашему!—Я говорю: отечеству; ибо приращеніе Дома державнаго есть милость небесная для всего царства. Чтобы убѣдиться въ семъ, довольно припомнить прошедшую судьбу Россіи. Что̀ предъ воцареніемъ благословенно владѣющаго нынѣ Дома предало было скипетръ россійскій въ руки непорфироносныя и открыло было путь къ престолу искателямъ иноплеменнымъ? Оскудѣніе царственнаго Дома. Что̀ послѣ Петра Великаго пріостановило успѣхи Россіи на поприщѣ государственнаго благоустройства и день славы отечественной, среди величайшаго утра, едва не обратило въ полночь? Оскудѣніе царственнаго Дома.—Что̀ и потомъ было главнымъ источникомъ недоумѣній, страховъ, потрясеній и печалей общественныхъ?—Оскудѣніе царственнаго Дома. Послѣ сего, кто, взирая не только на сыновъ и дщерей, но и на внуковъ царственныхъ, окружающихъ нынѣ престолъ всероссійскій, не возрадуется духомъ за счастіе царя и за судьбу отечества?—Теперь доля наша—не опасаться и недоумѣвать, а радоваться и ожидать радостей. По самому естественному порядку вещей, вѣтви царственнаго винограда нашего простругся за предѣлы отечества, сплетутся съ вѣтвями иноземныхъ виноградовъ царственныхъ и составятъ изъ себя цѣлый обширный вертоградъ державнаго родства и союзовъ.

Да будетъ же выну благословенъ Господь, тако благоволившій о державномъ Домѣ всероссійскомъ!

Скоро увидимъ первоначальнаго виновника всѣхъ царственныхъ радостей, августѣйшую главу своего дома и царства. Возшлемъ усердныя молитвы ко Всевышнему, да благоспѣшится путь его къ намъ! Да будетъ приходъ его въ страну нашу подобенъ явленію солнца майскаго! Да всѣ возрадуемся во свѣтѣ лица Помазанника Божія и никтоже укрыется державной теплоты его! Аминь.

Слово по случаю торжества о крещеніи Ея Императорскаго Высочества, Благовѣрной Княжны Александры Александровны,

сказанное въ харьковскомъ Успенскомъ соборѣ, 20 сентября, 1842 года.

Паки торжествуемъ, благодаримъ и молимся! Что виною новаго торжества и молитвъ? То же августѣйшее отроча, о рожденіи коего мы недавно радовались и благодарили Господа. Что новаго съ нимъ? Съ нимъ — цѣлое новое рожденіе!

Слѣдовательно, спроситъ кто-либо, человѣкъ родится дважды. Да, братіе, какъ христіанинъ, каждый изъ насъ раждается дважды, хотя, яко человѣки, всѣ мы раждаемся только единожды. Это необыкновенно, чудесно, и въ то же время совершенно истинно: ибо слышите, что говоритъ въ Евангеліи Спаситель и Господь нашъ Никодиму: *подобаетъ*, говоритъ, *родитися свыше* (Іоан. 3, 7). И Никодимъ удивлялся и недоумѣвалъ, зачѣмъ это второе рожденіе? и какъ можетъ человѣкъ родиться въ другой разъ? Но Спаситель на его недоумѣніе отвѣчалъ повтореніемъ одной и той же истины, что каждому изъ насъ необходимо нужно родиться въ другой разъ, дабы войти въ царствіе Божіе. Почему нужно? Потому, что наше первое, плотское рожденіе не достаточно для цѣли бытія нашего: *рожденное отъ плоти* только *плоть есть* (1 Іоан. 3, 6), *а плоть и кровь царства Божія наслѣдити не могутъ* (1 Кор. 15, 50), потому что для сего царства, какъ духовнаго, нужно возродиться свыше отъ Духа, чего въ плотскомъ рожденіи нѣтъ и быть не можетъ.

Для сего-то именно втораго, новаго, духовнаго рожденія и учреждено Спасителемъ нашимъ таинство крещенія.— Св. купель составляетъ тѣ таинственныя ложесна, изъ коихъ выходитъ человѣкъ новый, возрожденный благодатію. Если бы здѣсь была одна вода, то осталось бы мѣсто недоумѣнію: какъ вода можетъ отрождать душу крещаемаго? Съ другой стороны. если бы въ семъ таинствѣ дѣйствовалъ одинъ невидимый Духъ, то мы лишены были бы видимаго знаменія тайны. Посему премудрость Божія соединила то и другое: и чувственное для нашихъ чувствъ, и духовное для нашего духа и силы таинства. Крещаемый погружается въ воду, но

въ сей водѣ срѣтаетъ его Духъ, тотъ Духъ, Который, по свидѣтельству священнаго Бытописателя, носился нѣкогда надъ водами въ первые дни міросданія и воззвалъ Своимъ всемогущимъ дѣйствіемъ изъ хаоса все благолѣпіе видимой нами вселенной (Быт. 1, 2),—тотъ Духъ, Который, по слову Спасителя, *идѣже хощетъ дышетъ, и гласъ Его слышиши, но не вѣси, откуду приходитъ, и камо идетъ* (Іоан. 3, 8),—тотъ Духъ, Который глаголалъ во пророцѣхъ, сошелъ во время крещенія въ видѣ голубинѣ на Самого Господа, а потомъ въ день Пятидесятницы—въ видѣ огненныхъ языкъ—на Апостоловъ, Коимъ, какъ премудро воспѣваетъ св. Церковь, всякая душа живится, и Который, по замѣчанію Премудраго (Прем. 12, 1), *есть во всѣхъ* и во всемъ. Для такого Дѣйствователя трудно ли совершить Свое дѣло? Такому всемогущему Духу мудрено ли возродить и одушевить для новой жизни душу и все существо крещаемаго?

Естественнѣе и поучительнѣе посему вопросить: въ чемъ состоитъ сила таинства Крещенія, и какой плодъ его? Въ томъ, отвѣтствуютъ намъ богомудрые учители Церкви, что рожденный по плоти возраждается въ крещеніи благодатію для жизни въ духѣ,—въ томъ, что Духъ Божій, въ силу заслугъ Искупителя, Который низвелъ Его на землю, осѣняетъ Собою все существо крещаемаго, проницаетъ Своимъ зиждительнымъ дѣйствіемъ весь составъ его, всѣ силы и способности, и симъ самымъ обезсиливаетъ въ немъ дѣйствіе зла прирожденнаго и тли естественной, освобождаетъ въ немъ первобытное начало добра и свободы чистой изъ-подъ вліянія плоти и чувствъ, сообщаетъ предрасположеніе ко всему благому и святому, кладетъ на немъ печать и знаменіе жизни вѣчной. Вышедъ изъ таинственной купели, человѣкъ престаетъ быть дикимъ растеніемъ, прививается къ святому обществу вѣрующихъ, къ самой живоносной *маслинѣ* (Рим. 11, 14)—Господу Іисусу, пріемля такимъ образомъ возможность посредствомъ вѣры и любви впивать изъ нея сокъ жизни и износить плоды для вѣчности. Если, по возрастѣ, пришедъ въ сознаніе и употребленіе всѣхъ силъ душевныхъ, крещаемый не расторгаетъ сего блаженнаго союза со Христомъ—своимъ невѣріемъ, нечестіемъ и нераскаянностію, то вся жизнь его бываетъ ни что иное, какъ возрастаніе и спѣяніе для царства Божія.

Вотъ почему крещеніе дѣтей всегда составляетъ радость для ихъ родителей и утѣшаетъ всѣхъ добрыхъ христіанъ! Вотъ почему и мы нынѣ исполняемся новою радостію, слыша, что августѣйшая внука возлюбленнаго Монарха нашего удостоилась благодати св. крещенія! При всей высотѣ своего происхожденія по плоти, она была доселѣ только дщерію Евы; а отселѣ стала дщерь благодати и Церкви. О, да сбудутся надъ нею всѣ желанія ея августѣйшихъ Родителей! Да совершится все, что призывала на нее въ своихъ молитвахъ св. Церковь! Да возрастетъ она въ вѣрѣ и любви христіанской и да содѣлается украшеніемъ царственнаго Дома и утѣхою отечества! О семъ молились мы прежде; о семъ молимся и теперь, памятуя, что отъ судьбы державныхъ лицъ зависитъ судьба цѣлыхъ царствъ и народовъ. Аминь.

СЛОВА И РѢЧИ

ПРИ ИЗБРАНІИ ВЪ ОБЩЕСТВЕННЫЯ ДОЛЖНОСТИ
И
ПРИ ОТКРЫТІИ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ.

Рѣчь Св. Правительствующему Суноду ректора кіевской духовной академіи архимандрита Иннокентія, при нареченіи его во епископа Чигиринскаго,

произнесенная 1836 года, 18-го ноября.

Святѣйшіе отцы и богомудрые пастыреначальники и представители святыя и православныя Церкви!

Когда нарекаютъ имена младенцамъ, то нарекаемые отвѣтствуютъ нарекающимъ ихъ — или молчаніемъ, или слезами. Можетъ быть, и для меня, который радъ бы обрѣстися *младенцемъ о Христѣ*, можетъ быть и для меня, при настоящемъ нареченіи моемъ, приличнѣе были бы не слова, а — или благоговѣйное молчаніе, или слезы.

Что мнѣ сказать достойнаго слуха вашего? Благодарить-ли за избраніе?—Но святое дѣло сіе выше благодарности человѣческой, и если можетъ быть въ семъ случаѣ благодарность, то одна — дѣлами благими, а не словами краснорѣчивыми. Признаваться ли въ немощи? Въ ней признавались и лучшіе меня; а моя немощь безъ признанія давно извѣстна каждому изъ васъ. Обѣщать-ли усердіе и вѣрность новому званію? Но, безъ твердой рѣшимости быть вѣрнымъ ему, не надлежало бы касаться и прага сего святилища. Ищу и не нахожу слова, достойнаго слуха вашего.

А слезы? — Онѣ готовы сами собою, при одной мысли о томъ, что̀ я пріемлю на себя съ новымъ именемъ и званіемъ. Я долженъ отдѣлиться отъ сонма собратій моихъ по

званію и стать на крылахъ орлихъ: что, если, стоя на нихъ, не буду имѣть вознестись желаніемъ надъ всѣмъ дольнимъ и парить непрестанно чистою мыслію къ Солнцу правды? Я долженъ пріять въ руки свѣтильники, дабы осѣнять свѣтомъ Христовымъ Церковь Христову: что, если свѣтъ сей, осѣняя многихъ, не отразится во мнѣ самомъ и не озаритъ собою лѣпоты тѣхъ благихъ дѣлъ, за кои, видя ихъ, всѣ *прославляютъ* Отца небеснаго? Я долженъ буду возложеніемъ рукъ низводить благодать освященія на самыхъ служителей алтаря и содѣлывать ихъ чрезъ то самихъ способными къ освященію многихъ: что, если сія благодать будетъ преливаться чрезъ меня, какъ преливаются потоки водъ чрезъ землю каменистую, не дѣлая ее самую плодоносною? Сея-то мысли ужасались Кипріаны и Аѳанасіи; отъ нея-то плакали Василіи и Григоріи; она-то заставляла убѣгать отъ избранія Златоустовъ.

А я—недостойный стою здѣсь теперь и *ничтоже вопреки глаголю!!*... Не глаголю подобно имъ; но, Богъ свидѣтель, чувствую не менѣе ихъ свое недостоинство; не глаголю потому, что признаніе немощи моей уже не разъ касалось слуха вашего. Паче же Ты Самъ, Господи, зрѣлъ и зришь, что я имѣлъ въ виду не златое сѣдалище пастыреначальничества, а крестъ и гробъ Твой святый,—что мысли мои, какъ доселѣ привитали, такъ и отселѣ будутъ привитать тамъ, гдѣ Ты положилъ за всѣхъ насъ душу Свою.

Если вопреки желанію—быть поклонникомъ гроба Христова, я содѣлываюсь теперь сопастыремъ стада Христова, то меня побуждаетъ вступить на новый путь сей не перемѣна прежнихъ мыслей и намѣреній, не виды плоти и крови, а гласъ Монарха, — тотъ державный гласъ, въ коемъ отъ юности привыкъ я слышать гласъ Самого Бога; побуждаетъ милостивое опредѣленіе о мнѣ сонма пастырей Церкви, ваше опредѣленіе, святѣйшіе отцы, въ коемъ обыкло проявляться для всея Церкви россійскія изволеніе Самаго Духа Всесвятаго, невидимо васъ руководящаго; побуждаетъ неожиданное для меня дарованіе мнѣ возможности, вмѣстѣ съ новымъ званіемъ моимъ, быть, по мѣрѣ слабыхъ силъ моихъ, еще сколько-нибудь полезнымъ тому вертограду наукъ, отъ котораго возникли всѣ вертограды отечественные, и въ коемъ возрасталъ я самъ; побуждаетъ, наконецъ, къ принятію но-

ваго званія мысль, что путь всякаго христіанскаго пастыря, гдѣ бы ни пролегалъ онъ, если идетъ вѣрно, то ведетъ прямо къ Іерусалиму небесному, и что самый жезлъ, который воспріиму я, какъ въ древнія времена Церкви бывалъ, такъ и нынѣ можетъ быть жезломъ не только благочестиваго пастыря, но и благочестиваго странника.

Одно должно бы удержать меня отъ принятія сего жезла—сопастыреначальничества—немощь моя. Но я слышу слово пророка: *дерзай,* говоритъ онъ Іерусалиму, *дерзай;* ибо *утѣшитъ тя нарекій тебе* (Вар. 4, 30). Уподобляя и себя не въ достоинствѣ, а въ немощи Іерусалиму, и будучи нареченъ нынѣ о имени того же Господа, осмѣливаюсь укрыться со всѣми недостатками своими подъ сѣнь Его утѣшительнаго слова пророческаго и воспріять дерзновеніе Іерусалимово. Нѣкое мановеніе къ сему я имѣю уже въ томъ, что, вопреки ожиданію, долженъ былъ явиться лицу вашему для принятія благодати освященія отъ цѣлаго сонма верховныхъ пастырей Церкви россійской. Твердо вѣрую, что возложеніемъ толикихъ рукъ, коими освящены едва не всѣ святители Церкви россійской, дополнится моя духовная скудость, уврачуется моя духовная немощь.

О силѣ сея-то вѣры иду сотворити волю Монарха благочестивѣйшаго,—не именемъ токмо, но и дѣлами; иду сотворити волю вашу, споспѣшники Божіи, паче же иду сотворити волю Твою, Боже! Ты *нарицаешь не сущая яко сущая,* и *глаголъ Твой не возвратится тощъ.* О, да не возвратится, молю Тя, онъ тощъ и отъ меня недостойнаго. Съ новымъ именемъ да воспріиму новыя силы. Да буду и пребуду, благодатію Твоею, вѣрнымъ провозвѣстникомъ и нельстивымъ истолкователемъ святаго слова Твоего, непостыднымъ совершителемъ и нелицепріятнымъ раздаятелемъ святѣйшихъ таинствъ Твоихъ; да буду и пребуду неуклоннымъ послѣдователемъ вѣры и духа мужей апостольскихъ, твердымъ и недоступнымъ хранителемъ живоносныхъ заповѣдей и преданій святыя православныя восточныя Церкви; да буду и пребуду пастыремъ не именемъ токмо, но и дѣломъ! Удостоивъ меня нынѣ стать со дерзновеніемъ предъ лицемъ Церкви земной, сподоби, Господи, стать непостыдно и предъ лицемъ Церкви небесной, и пріять нѣкогда изъ собственныхъ устъ Твоихъ нареченіе однимъ изъ тѣхъ именъ, кои *никтоже*

вѣсть, токмо пріемляй (Апок. 2, 17). Болѣе сего не желала и не желаетъ душа моя, а я — рабъ Твой отъ нынѣ и до вѣка!!!...

Рѣчь предъ избраніемъ изъ дворянства судей для Санктпетербургской губерніи.

Жатва многа, дѣлателей же мало (Матѳ. 9, 37).

Вы не удивитесь, почтенные слушатели, что служитель слова почитаетъ за долгъ въ настоящія минуты привести вамъ на память эту печальную истину и полагаетъ ее въ начало своего собесѣдованія съ вами. Собравшись въ храмъ сей, дабы предъ алтаремъ Всемогущаго испросить благословеніе и помощь на дѣло, отъ коего зависитъ благоденствіе цѣлой страны, вы поступили бы вопреки цѣли настоящаго собранія, если бы возмнили услышать здѣсь одно пріятное и, вмѣсто назиданія ума, исправленія сердца, потребовали только занятій для воображенія и пищи для чувствъ. Не въ сіи торжественныя минуты и не съ сего священнаго мѣста слышаться словамъ ласканія и мірскаго витійства: здѣсь должна вѣщать любовь къ человѣчеству; теперь долженъ быть слышанъ голосъ одной истины!

Что же говоритъ любовь къ человѣчеству? Что—*жатва многа.* — Въ самомъ дѣлѣ, въ мірѣ человѣческомъ, среди обществъ гражданскихъ, на полѣ жизни общественной, между нами и собратіями нашими весьма много предметовъ для дѣятельности и усердія друзей человѣчества;—много добраго и полезнаго, которое еще не совершено и даже не начато;—злаго и вреднаго, которое еще не искоренено и даже не обуздано; много талантовъ и силъ, коимъ не дано еще надлежащаго направленія и, можетъ быть, мѣста; — худыхъ навыковъ и страстей, кои не находятъ себѣ никакой преграды и даже мѣры; много предразсудковъ и заблужденій, почитающихся непоколебимыми и священными, — похвальныхъ учрежденій, не исполняемыхъ въ должной силѣ, — священныхъ правъ, не признаваемыхъ или попираемыхъ невѣжествомъ и своеволіемъ. Самые законы, своею многочисленностію и разнообразіемъ, не представляютъ ли богатой жатвы для благоразумія и опытности законовѣдовъ?

Самое правосудіе не есть ли нива, требующая для воздѣланія своего рукъ чистыхъ и трудолюбивыхъ? *Жатва убо многа*—такъ говоритъ любовь къ человѣчеству.

Что вѣщаетъ истина? Что—*дѣлателей мало*. Въ самомъ дѣлѣ, какъ немного тѣхъ неизмѣнныхъ друзей человѣчества, кои, бывъ призваны на общественное служеніе ближнимъ, подвизались бы для блага другихъ такъ, какъ бы оно было ихъ собственное! Какъ не велико число тѣхъ благихъ дѣлателей, кои изъ любви къ правдѣ готовы были бы жертвовать всѣми личными выгодами, не знали бы побужденій выше святаго чувства долга,—наказаній страшнѣе безчестія, наносимаго порокомъ. Не взирая на гордость вѣка, хвалящагося просвѣщеніемъ и человѣколюбивыми правилами, явленіе истинныхъ доблестей душевныхъ, черты дѣйствительнаго великодушія и безкорыстія, къ сожалѣнію, еще столь рѣдки, что имъ радуются, какъ нѣкоей драгоцѣнной находкѣ: радость правильная, но небезпечальная, дающая разумѣть, какъ мало людей, поступающихъ такъ, какъ бы всѣмъ и всегда поступать надлежало.

Жатва убо многа, многа, дѣлателей же мало, мало!

Вы не будете спрашивать, почтенные слушатели, почему теперь именно повторяется въ слухъ вашъ сія печальная истина, и для чего обнажаются передъ вами нѣкоторые недостатки жизни общественной, кои сокрывать отъ нареканій во многихъ случаяхъ есть священный долгъ любви къ отечеству. Ваше сердце, безъ сомнѣнія, уже сказало вамъ, что все это дѣлается потому и для того, что теперь въ вашихъ рукахъ возможность, если не совершенно перемѣнить печаль сію на радость, то растворить ее радостію.—Цѣлая страна ожидаетъ отъ васъ дѣлателей; отъ одного слова, одного знака согласія или несогласія вашего можетъ зависѣть, чтобы они были благіе и достойные: какой благопріятный случай доказать на опытѣ благородство души вашей, ваше усердіе къ отечеству! Какая драгоцѣнная возможность, безъ всякаго труда, безъ малѣйшаго пожертвованія, оказать важную услугу человѣчеству.

И каждый изъ васъ, почтенные слушатели, безъ сомнѣнія, намѣренъ поступить въ семъ случаѣ такъ, какъ повелѣваетъ разсудокъ и совѣсть. Отличнѣйшіе изъ сыновъ отечества не принесутъ въ жертву своимъ выгодамъ благо-

денствія соотечественниковъ, мужи совѣта и силы явятъ самымъ дѣломъ, что они превыше обыкновенныхъ слабостей и недостатковъ; главные исполнители воли монаршей оправдаютъ великое довѣріе, имъ сдѣланное, не употребятъ во зло правъ, имъ данныхъ; вѣрныя чада Церкви Христовой докажутъ чистотою поступковъ своихъ, что въ открытомъ для всѣхъ училищѣ Іисуса Христа лучше научаются любить правду и человѣчество, нежели въ малодоступныхъ лабиринтахъ земной мудрости.

Но, почтенные слушатели, не забудемъ при семъ, что самыя благія намѣренія, самыя чистыя и усердныя желанія, по слабости природы нашей, часто остаются безъ исполненія (ахъ, какъ бы родъ человѣческій былъ счастливъ, если бы исполнилось на дѣлѣ все, что когда-либо замышляемо было къ его совершенству!). То же самое можетъ послѣдовать и съ настоящимъ вашимъ желаніемъ избрать достойныхъ слугъ отечеству; оно можетъ не принести всѣхъ плодовъ, если не будетъ приложено надлежащаго попеченія о томъ, чтобы непремѣнно исполнить преднамѣреваемое.

Чувствую, что вы готовы предупредить меня вопросомъ: «въ чемъ должно состоять это попеченіе?—Отъ чего ближайшимъ образомъ зависитъ исполненіе нашихъ благонамѣреній въ настоящемъ дѣлѣ?» Совершенно увѣренъ, что вы желаете знать сіе именно для того, чтобы исполнить въ точности познанное. Но это такіе вопросы, на кои всего лучше можетъ и должна отвѣчать вамъ собственная ваша опытность и усердіе къ пользамъ отечества. Служитель слова можетъ при семъ случаѣ, для руководства, указать только на главныя средства, ведущія къ вашей цѣли, и не болѣе какъ указать: подробное разумѣніе сихъ средствъ, способъ ихъ употребленія опять, по необходимости, предоставляется вашему благоразумію.

И во-первыхъ, почтенные слушатели, если когда, то въ настоящіе дни прилично и нужно вамъ воскресить въ памяти своей все, что мудрыми самодержцами нашими, и особенно великою законодательницею, сказано мудраго о должностяхъ гражданскихъ;—должно представить въ умѣ своемъ со всею ясностію ихъ происхожденіе, цѣль, свойство и духъ, вліяніе на благо гражданъ, самыя злоупотребленія, коимъ они подлежать могутъ;—и такимъ образомъ повторить, такъ

сказать, весь великій и священный урокъ законоположенія и чиноначалія гражданскаго,—памятуя, что въ немъ заключается источникъ благоденствія цѣлаго отечества, родовъ настоящихъ и будущихъ. Нѣтъ нужды, что предметъ сей давно извѣстенъ каждому изъ васъ: о законахъ человѣческихъ, когда они начертаны мудростію и человѣколюбіемъ, можно сказать то же, что сказано царемъ израильскимъ о законѣ Божіемъ: *широка заповѣдь зѣло* (Псал. 118, 96), широка по самой буквѣ, еще пространнѣе по духу! Посему обращаться къ нимъ какъ можно чаще, размышлять о нихъ и углубляться въ духъ ихъ, дабы самому исполниться ихъ духомъ,—полезно для самыхъ опытныхъ законовѣдовъ. Умъ истиннаго патріота всегда найдетъ въ нихъ новую, пріятную пищу для своего размышленія; сердце истиннаго сына отечества, при занятіи ими, никогда не оскудѣетъ новыми чувствами благодарности къ мудрымъ законодателямъ, уваженія къ законамъ и учрежденіямъ отечественнымъ,—любви къ своимъ согражданамъ. Напротивъ, невниманіе къ сему предмету неминуемо и скоро порождаетъ предразсудки, весьма много препятствующіе успѣшному избранію въ должности. Такъ, мысль о неважности низшихъ должностей, и что онѣ ниже достоинства многихъ лицъ,—эта ложная и вредная мысль откуда родилась, какъ не отъ невниманія къ духу законодательства отечественнаго?—Чѣмъ питается и поддерживается, какъ не явнымъ незнаніемъ этого важнаго дѣла? Ибо, не говоря уже о томъ, что между всѣми должностями существуетъ крѣпкій и тѣсный союзъ, вслѣдствіе коего самыя высшія должности не могутъ быть хорошо исполняемы, когда худо исполняются низшія,—гдѣ начинается великая цѣпь судопроизводства? Именно тамъ, гдѣ начинается лѣствица должностей,—внизу! Значитъ, первыя звенья оной цѣпи, всегда болѣе или менѣе тяжкія для подсудимыхъ, связываются и возлагаются на согражданъ людьми, стоящими на самыхъ низшихъ степеняхъ чиноначалія гражданскаго. Какъ притомъ связываются?—Извѣстно, что начало судопроизводства, по самому существу своему, во многомъ зависитъ отъ личнаго усмотрѣнія, благоразумія и благонамѣренности судіи. Значитъ, неважными почитаются именно тѣ должности, кои, если позволено употребить еще сравненіе, составляютъ первыя пружины въ великой ма-

шинѣ судопроизводства, отъ движенія коихъ (не столько притомъ механическаго, сколько произвольнаго) начинается движеніе цѣлой машины, отъ правильнаго—правильное, отъ худаго—худое!... Какъ послѣ сего назвать таковое мнѣніе, какъ не предразсудкомъ? И можно ли предразсудку быть неосновательнѣе и опаснѣе?

Вмѣстѣ съ симъ предразсудкомъ падаетъ и та ложная мысль, что нѣкоторыя должности ниже достоинства лицъ. Не любовь къ человѣчеству, не усердіе къ отечеству родители сей мысли, а гордость житейская. Конечно, безразсудно было бы унижать какимъ бы то ни было образомъ истинныя заслуги и достоинства; долгъ признательности повелѣваетъ не обязывать къ новымъ усиліямъ, не требовать новыхъ опытовъ самоотверженія, не налагать новыхъ тяжестей на тѣхъ, кои безъ требованій, сами по себѣ, уже сдѣлали болѣе многихъ, и чрезъ то возвысились надъ многими; но, если бы, по какимъ-либо важнымъ причинамъ, палъ жребій скромнаго служенія и на высшее лицо, то, по самой высокости своей, оно пріиметъ его, ничтоже сумняся. Не низко быть выше должности; низко, по своимъ дѣйствіямъ, быть ниже ея; гораздо важнѣе, должность украшать своимъ лицомъ, нежели самому украшаться должностію. Что сдѣлало безсмертнымъ Петра Великаго? Не то ли наипаче, что онъ любилъ такъ часто оставлять свое величіе, дабы сокрывать оное въ прохожденіи самыхъ низшихъ степеней общественнаго служенія?—И для вельможъ россійскихъ не новое и необыкновенное дѣло нисходить, по примѣру своихъ монарховъ, съ высоты состоянія своего на скромное служеніе человѣчеству.

Но, препирая предразсудки, я едва не забылъ, что говорю предъ собраніемъ, въ коемъ, по всей вѣроятности, нѣтъ и тѣни сихъ заблужденій ума слабаго и дѣтскаго;—что нахожусь во храмѣ *), который, въ ужасную годину искушеній для отечества, былъ свидѣтелемъ, съ какою готовностію для блага отечества, забывалась разность званій, заслугъ и отличій;—что бесѣдую съ мужами, изъ коихъ многіе, безъ сомнѣнія, самымъ опытомъ доказали, что они

*) Произнесено въ с.-петербургскомъ Казанскомъ соборѣ.

твердо помнятъ слова своего Спасителя: *иже хощетъ быти первый, да будетъ всѣмъ слуга.*

Не продолжимъ, почтенные слушатели, нашего размышленія о важности должностей гражданскихъ; обратимся къ тому, что должно быть предметомъ вашего вниманія въ лицахъ, имѣющихъ удостоиться избранія.

Блюститель законовъ правосудія, стражъ тишины и порядка, споспѣшникъ благоденствія общественнаго, представляется мнѣ лицемъ столь важнымъ, что я недоумѣваю, какъ въ краткихъ словахъ изобразить предъ вами всѣ качества, нужныя ему для успѣха въ своемъ служеніи. Мнѣ кажется, что нѣтъ ни одного душевнаго совершенства, которое надлежало бы въ немъ почесть излишнимъ, ни одного недостатка, который бы могъ быть въ немъ, не обезображивая его. Обращаю ли вниманіе на умъ судіи?—Не могу иначе представить его, какъ украшеннымъ полезными знаніями, особенно знаніемъ правъ божескихъ и человѣческихъ, обычаевъ, совершенствъ и недостатковъ своей страны:—одареннымъ тою прозорливостію, предъ коею не смѣетъ явиться лукавство,—тою разсудительностію, которая никогда не смѣшиваетъ слабости съ преступленіемъ, недальновидности съ злымъ намѣреніемъ, безъ труда узнаетъ, что принадлежитъ къ существу дѣла и что въ немъ случайно;—тою неутомимостію, для коей нѣтъ другаго предѣла дѣятельности, кромѣ совершеннаго открытія истины. Взираю ли на сердце судіи?—Тотчасъ нахожу, что въ немъ самое лучшее жилище для всего добраго и возвышеннаго: ему надобно быть чувствительнымъ для различенія голоса правды отъ обаяній ласкательства,—благороднымъ, дабы презирать корысть и возноситься надъ страстями,—нѣжнымъ, чтобы сострадать бѣдствующему человѣчеству,—мужественнымъ, чтобы противостоять нечестію и соблазнамъ вѣка, не трепетать предъ лицемъ сильныхъ. Воображаю ли себѣ характеръ судіи?—По необходимости воображаю его важнымъ безъ надменія и презорства, прямымъ безъ строптивости, твердымъ безъ упорства и своенравія, кроткимъ и снисходительнымъ безъ слабости. Поставляю ли себя мысленно свидѣтелемъ всего поведенія судіи?—Онъ постоянно является предо мною человѣкомъ возвышеннымъ, который, среди всѣхъ попеченій о земномъ благоденствіи своихъ согражданъ, никогда не за-

бываетъ, что есть блаженство небесное, вѣчное, къ коему мы всѣ предназначены; старается о соблюденіи правды человѣческой особенно потому, что она есть подобіе, хотя слабое, правды божественной; взираетъ на служеніе ближнимъ, какъ на нѣкое священнодѣйствіе и служеніе Самому Богу; словомъ: человѣкомъ благочестивымъ.

Знаю, почтеннѣйшіе слушатели, что это идеалъ, рѣдко осуществляемый на опытѣ и, можетъ быть, никогда во всей полнотѣ. Но я и представилъ его не со всею полнотою, и отнюдь не для того, чтобы вы примѣняли къ нему со всею строгостію каждое лице, вами избираемое. Это значило бы, и для меня и для васъ, забыть ограниченность природы нашей, которая такова, что самые возвышенные умы, самыя чистыя сердца не изъяты отъ слабостей и недостатковъ. Довольно, если образецъ истиннаго судіи будетъ въ умѣ вашемъ; если вы, по возможности, будете сообразоваться съ нимъ при избраніи,—тѣмъ паче избѣгать того, что ему противорѣчитъ. Вы сами, безъ сомнѣнія, замѣтили, что въ семъ образцѣ есть три черты, совершенно необходимыя въ каждомъ судіи: это—здравый умъ, честность души и усердіе къ вѣрѣ. Судія безъ благоразумія и нужныхъ свѣдѣній есть то же, что кормчій безъ хорошаго зрѣнія; онъ не видитъ надлежащимъ образомъ ни добрыхъ, ни худыхъ своихъ поступковъ, вреденъ не менѣе наемника и корыстолюбиваго: ибо для страдающихъ не много разности, отъ обманщика ли они страдаютъ, или отъ того, который самъ бываетъ обманутъ. Судія безъ честныхъ правилъ и благородства души самъ есть первый предатель и врагъ законовъ, ввѣренныхъ его храненію. Вѣсы правосудія въ нечистыхъ рукахъ его будутъ колебаться и превращаться не только отъ бурнаго дыханія угрозъ и опасностей, но и при слабомъ вѣяніи лести, при легкомъ звукѣ прибытка. Приступая къ суду надъ знаемыми и сильными, онъ изъ судіи превратится въ ходатая, дабы закономъ прикрывать беззаконіе виновныхъ. Напротивъ, когда у правосудія будутъ искать помощи оскорбившіе его, онъ, вмѣсто судіи, сдѣлается гонителемъ, начнетъ тѣснить прежде суда, все приведетъ въ сомнѣніе и направитъ къ обвиненію. Наконецъ, судія безъ страха Божія, хотя бы обладалъ всѣми прочими качествами,—что, однако, невозможно,—всегда будетъ слабъ и низокъ: ибо въ немъ

недостаетъ того, что одно дѣлаетъ человѣка совершенно твердымъ и возноситъ надъ всѣми искушеніями. Безъ страха Божія самый страхъ царевъ есть только бремя, которое постоянно стараются свергать, какъ скоро могутъ сдѣлать это, не опасаясь наказанія. Однимъ словомъ, почтенные слушатели, кто отважился бы избрать на общественное служеніе человѣка, не отличающагося здравымъ умомъ, честностію души и усердіемъ къ вѣрѣ, тотъ симъ самымъ обнаружилъ бы жалкое состояніе собственнаго своего ума и сердца. Предполагать таковыхъ избирателей или избираемыхъ между вами, значило бы уже не довѣрять благородству вашихъ мыслей и чувствованій—что невозможно.

Кромѣ сего, почтенные слушатели, никогда не должно забывать, что самые свѣдущіе и добрые люди не равно бываютъ способны ко всякому роду дѣлъ. Одинъ одаренъ способностію открывать истину, преслѣдовать лукавство, разбирать прекеканія и навѣты; другой — блюсти благочиніе, хранить безопасность и тишину, приводить въ исполненіе повелѣнія высшаго начальства; съ особеннымъ успѣхомъ можетъ подавать совѣты, наблюдать за дѣйствованіемъ другихъ, служить посредникомъ между закономъ, подсудимыми и судіею;—этотъ представлять въ лицѣ своемъ цѣлое сословіе, быть вождемъ и распорядителемъ. Весьма неблагоразумно было бы не сообразоваться въ дѣлѣ избранія, вамъ предлежащаго, съ сими указаніями самой природы, или паче Творца ея, Который для того и распредѣляетъ между людьми различныя дарованія, дабы они, чувствуя нужду одинъ въ другомъ, тѣмъ тѣснѣе соединялись всѣ во едино. То же должно сказать и о различіи нравственныхъ качествъ. Къ счастію человѣчества, нѣкоторые на то какъ бы рождаются, чтобы служить прибѣжищемъ несчастныхъ: да предоставится ихъ попеченію жребій сирыхъ и безпомощныхъ! Нѣкоторые однимъ обращеніемъ своимъ, даже видомъ располагаютъ уже къ довѣренности, къ открытію предъ ними своего сердца: да возсядутъ таковые въ судилищѣ совѣсти! Всякій избранный сдѣлаетъ много и съ успѣхомъ, коль скоро займетъ свое мѣсто; напротивъ, вредно для общества, тяжело для самаго избраннаго, когда способности и характеръ его будетъ разногласить съ должностію, имъ занимаемою, хотя бы онъ впрочемъ былъ человѣкъ свѣдущій и добрый.

При сихъ замѣчаніяхъ, самъ собою, почтенные слушатели, приходитъ на мысль еще одинъ признакъ, который апостолъ Павелъ далъ нѣкогда въ руководство святому Тимоѳею, при избраніи пастырей Церкви, но который не съ меньшею пользою можетъ быть употребляемъ и при избраніи блюстителей земнаго благоденствія человѣческаго. Признакъ сей есть благое управленіе—своимъ собственнымъ,—по отношенію къ вашему состоянію—благое управленіе тѣми, кои жребіемъ рожденія поставлены въ зависимости отъ васъ, и коихъ права заключены большею частію не въ хартіяхъ, а въ вашемъ сердцѣ... Слава добраго властелина, кроткаго и благоразумнаго домоправителя есть лучшее одобреніе для избираемаго; напротивъ, недостатокъ сего добраго свидѣтельства есть рѣшительный признакъ недостоинства, ибо, говоря словами апостола, можетъ ли тотъ пещись о благѣ цѣлаго общества, кто не умѣетъ управлять своимъ домомъ (1 Тим. 3, 5)?

Наконецъ, почтенные слушатели, чтобы дѣло, вамъ предстоящее, совершено было съ наилучшимъ успѣхомъ, вамъ должно быть внимательными къ самимъ себѣ: такъ ли каждый изъ васъ дѣйствуетъ, какъ должно; не увлекается ли чѣмъ-либо, не водится ли, вмѣсто истины, предубѣжденіемъ. Совѣтъ сей преподается отнюдь не изъ опасенія какого-либо незаконнаго искательства между вами, или грубаго лицепріятія. Такимъ порокамъ трудно и явиться нынѣ среди того сословія, для коего истинная честь составляетъ душу, тѣмъ труднѣе найти себѣ одобреніе и помощь. Но, къ сожалѣнію, пороки, нетерпимые въ грубомъ видѣ, могутъ принимать видъ утонченный; и тогда ослѣпляютъ и колеблютъ даже тѣхъ, кои не хотѣли бы никогда уклониться ни на десное, ни на шуее. Кто знакомъ съ сердцемъ человѣческимъ, тотъ знаетъ, какъ оно способно преображаться во всѣ виды, по тайному требованію страстей. Думаешь, что дѣйствуешь по закону, готовъ клятвою утверждать чистоту своихъ намѣреній; но углубись только въ основаніе своихъ поступковъ, забудь на время свои отношенія къ нѣкоторымъ лицамъ, оставь то или другое предубѣжденіе:—и увидишь, что поступаешь не чисто, по тайной страсти. Вообще человѣкъ никогда не бываетъ хитрѣе, какъ въ обольщеніи своей совѣсти; посему и христіанскіе учители и даже мудрецы

языческіе ничего столько не одобряютъ и не требуютъ отъ людей, какъ вниманія къ самимъ себѣ. Помня сіе, и вы, почтенные слушатели, не позволите увлекать себя каждой благовидной мысли, будете недовѣрчивы къ самымъ похвальнымъ желаніямъ своимъ; не прежде изъявите свое мнѣніе, какъ совершенно увѣрившись, что ни вашею рукою, ни вашимъ сердцемъ не движетъ пристрастіе.

Таковая внимательность отнюдь не покажется излишнею тому, кто вникнетъ надлежащимъ образомъ въ важность предлежащаго вамъ дѣла и размыслитъ о его послѣдствіяхъ. Конечно, вы не можете, даже посредствомъ самаго лучшаго избранія лицъ достойнѣйшихъ, достигнуть того, чтобы прекратить всѣ безпорядки, пополнить всѣ недостатки жизни гражданской, избавить или предохранить человѣчество отъ бѣдствій, причиненныхъ ему неправосудіемъ. Зло всегда останется между людьми; самъ Промыслъ попустилъ расти плевеламъ вмѣстѣ съ пшеницею до той великой жатвы, на коей жателями будутъ уже не люди, а Ангелы. Но и то несомнѣнно, почтенные слушатели, что, избравъ благихъ и достойныхъ слугъ отечеству, вы чрезъ то самое будете много содѣйствовать къ уменьшенію золъ, обременяющихъ человѣчество, къ предотвращенію несправедливостей и угнетенія, къ обузданію порока и буйства, къ поощренію добродѣтели, къ укорененію и распространенію всего полезнаго и похвальнаго. И гдѣ?—Не между малымъ числомъ людей, для васъ неизвѣстныхъ, или чуждыхъ, а въ цѣлой странѣ, вмѣщающей сотни тысячъ жителей, которая, почитая васъ лучшими изъ сыновъ своихъ, жертвуетъ и для васъ всѣмъ лучшимъ,—странѣ, которая изъ всѣхъ областей обширнаго отечества нашего удостоилась высокаго предназначенія—заключать въ нѣдрахъ своихъ все, что есть драгоцѣннѣйшаго для отечества. Кто почелъ бы за неважное содѣйствовать благоденствію такой страны, тотъ симъ самымъ показалъ бы, что для него нѣтъ ничего важнаго: состояніе самое злополучное!

Да не поколеблетъ безпристрастія вашего и то чувство, что для нѣкоторыхъ, въ томъ числѣ самыхъ достойныхъ, избраніе можетъ быть тяжестію; между тѣмъ, какъ для инаго, мало впрочемъ соотвѣтствующаго цѣли избранія, оно составитъ даже нѣкую милость. Добрые сыны отечества никогда не

отяготятся чрезъ мѣру служеніемъ отечеству: любовь къ человѣчеству утѣшитъ, а чистая совѣсть укрѣпитъ ихъ; сама святая Церковь будетъ сопровождать ихъ подвиги своими молитвами. Что же касается до оказанія кому-либо чрезъ избраніе милости незаслуженной,—это благодѣяніе—безчеловѣчное! Ибо, не безчеловѣчно ли для выгодъ одного человѣка жертвовать правосудіемъ и благомъ многихъ?

Да не ослабитъ усердія вашего и та мысль, что прохожденіе должностей кратковременно; слѣдовательно, и неуспѣшное избраніе не можетъ быть слишкомъ вредно. Спросите у тѣхъ, кои имѣли несчастіе видѣть когда-либо надъ собою злыхъ приставниковъ: скажутъ ли они, что это время кратко? Подлинно, оно непродолжительно для добрыхъ дѣлателей; но долго, очень долго для недостойныхъ.

Что еще сказать вамъ, почтенные слушатели? Чѣмъ напутствовать васъ на совершеніе благаго дѣла вамъ предлежащаго?

Вы произнесете предъ Богомъ клятвенный обѣтъ дѣйствовать по совѣсти. Да будетъ священный обѣтъ сей вмѣсто заключенія слову! Да сообщитъ призываніе страшнаго имени Божія силу убѣжденія моему слабому собесѣдованію съ вами! И да изберутся вами на служеніе отечеству *мужи сильны, Бога боящіеся, мужи праведны, ненавидящіе гордости* (Исх. 18, 21)! Аминь.

Слово по случаю присяги дворянства Харьковскаго, предъ избраніемъ изъ него лицъ на должности по Харьковской губерніи,

сказанное 25 сентября 1843 года.

Собравшись во храмъ сей, для произнесенія предъ Богомъ клятвеннаго обѣта въ томъ, что предлежащее дѣло избранія будетъ совершено вами со всѣмъ вниманіемъ и безпристрастіемъ, какъ того требуетъ важность его для всей страны нашей, вы, по всей вѣроятности, предполагаете и отъ насъ услышать теперь что-либо о семъ же самомъ предметѣ, и думаете, можетъ быть, что мы будемъ убѣждать васъ—быть вѣрными своему долгу и безпристрастными въ сужденіи о достоинствѣ лицъ, вами избираемыхъ. Простите великодушно,

если мы не поступимъ сообразно чаянію вашему, и скажемъ, что причиною сего—вы сами. Въ самомъ дѣлѣ, зная васъ, почитаемъ подобныя убѣжденія вовсе не нужными, тѣмъ паче, что при семъ случаѣ, въ огражденіе отъ всѣхъ слабостей и искушеній, будутъ стоять на стражѣ крестъ и евангеліе Спасителя. Возможно ли, чтобы изъ мужей столь почтенныхъ отважился кто-либо играть неразумно своею клятвою и призывать всуе имя Того, въ десницѣ Коего небо и земля, время и вѣчность, жизнь и дыханіе наше? И въ какомъ дѣлѣ? гдѣ собственная честь и польза каждаго требуютъ безпристрастія и добросовѣстности. А если бы, паче чаянія, нашелся такой недостойный человѣкъ въ сословіи столь почтенномъ, то мы скорѣе расположены молиться о немъ, яко о погибающемъ, нежели думать, что наше слабое слово можетъ произвести надъ нимъ чудо обращенія. У насъ нѣтъ такого слова; есть только слезы для оплаканія подобной потери совѣсти.

Чѣмъ же мы займемъ вниманіе ваше въ минуты столь священныя? Пользуясь рѣдкимъ случаемъ всеобщаго собранія вашего (ибо гдѣ можно увидѣть васъ въ такой совокупности?), мы намѣрены пастырски побесѣдовать съ вами о нѣкоторыхъ весьма нужныхъ предметахъ, и высказать предъ вами нѣсколько мыслей и чувствъ, кои давно лежали у насъ на душѣ. Надѣемся посему и отъ васъ быть выслушанными не съ однимъ хладнымъ вниманіемъ разсудка, а и съ чувствомъ сердца, убѣжденнаго въ томъ, что съ нимъ говорятъ отъ сердца же, по искреннему желанію добра и пользы общей.

И во-первыхъ, примите здѣсь, у престола Божія, благодарность за то усердіе къ храмамъ Божіимъ, коего мы, среди пастырскихъ странствій нашихъ по градамъ и весямъ, были свидѣтелями во многихъ мѣстахъ. Духъ нашъ радовался, видя, какъ многіе изъ васъ блага земныя умѣютъ употреблять во славу верховнаго Раздаятеля всѣхъ благъ. Да вѣдаютъ таковые, что они, своимъ попеченіемъ о домѣ Божіемъ, упрочиваютъ надолго благосостояніе собственныхъ домовъ своихъ. Ибо Тотъ, Коему покланяемся мы, яко Господь всяческихъ, хотя не имѣетъ нужды въ нашихъ дарахъ и приношеніяхъ но, тѣмъ не менѣе, со благоволеніемъ взираетъ на любящихъ святыню дома Его, и за ревность о благолѣпіи его обѣщаетъ милость и благословеніе не только самимъ попечителямъ, но и всему потомству ихъ. Примѣръ сего святый Давидъ, о

коемъ, за его любовь къ дому Божію, сказано пророкомъ, что сынове его сядутъ до вѣка на престолѣ Его.

Послѣ сего нельзя не пожелать, чтобы благой примѣръ нѣкоторыхъ нашелъ себѣ подражаніе у всѣхъ, и всего скорѣе у тѣхъ, коимъ, судя по ихъ состоянію, остается только принять рѣшимость, дабы выйти изъ злополучнаго разряда людей, нерадящихъ о святынѣ дома Божія. И въ семъ отношеніи признаюсь, я не могу понять, какъ, имѣя средства создать или обновить домъ Божій, можно оставаться празднымъ зрителемъ его развалинъ или безобразія!.. Гдѣ же въ такомъ случаѣ благородство духа и крови? Гдѣ образованіе и вкусъ? Гдѣ даже радѣніе о своей чести? Ибо, по чему первѣе всего судитъ о владѣльцѣ селенія всякій, и приходящій и исходящій? Не по храму ли Божію? Не найдетъ никто страннымъ, если у владѣльца селенія нѣтъ чертоговъ пышныхъ; но всякій подивится и осудитъ, увидѣвъ храмъ Божій, оставленный въ небреженіи.—И не у сего ли храма лежитъ цѣлый рядъ предковъ, коихъ трудами стяжано все благосостояніе владѣльца? Не подъ сѣнію сего ли храма будетъ почивать и прахъ того, кто теперь такъ безразсудно оставляетъ его безъ вниманія?

Вмѣстѣ съ храмами да содѣлаются предметомъ попеченія вашего и ихъ священнослужители!—Вы не можете не чувствовать, какую великую жертву приносятъ они своему званію, отрекаясь отъ всѣхъ видовъ честолюбія мірскаго и заключаясь на всю жизнь въ тѣсномъ кругу обитателей своего селенія; не можете не знать, съ какими трудностями и усиліями сопряжено добросовѣстное исполненіе обязанностей духовнаго сана и вездѣ, тѣмъ паче по селеніямъ, и какъ мало за все сіе вознагражденія въ этомъ мірѣ для священнослужителя, какимъ стѣсненіямъ подлежитъ самый домашній бытъ его. Кому же облегчить это столь же священное, какъ и тяжелое иго обязанностей пастырскихъ, кому усладить эту горечь званія, какъ не владѣльцу селенія? И много ли требуется для сего? Можетъ быть, двадцатой, или тридцатой, даже пятидесятой части противъ того, что издерживается нерѣдко на предметы, вовсе не нужные. Здѣсь опять мы должны обратиться съ благодарностію отъ лица святой Церкви къ тѣмъ изъ васъ, кои поняли важность сего предмета, и дѣлаютъ съ своей стороны для священнослужителей

все, для нихъ возможное. Они же впервые видятъ и плодъ сего образа дѣйствій, видятъ въ усердіи священнослужителей къ исполненію дѣлъ своего званія, видятъ въ благочиніи служенія церковнаго и совершенія таинствъ христіанскихъ, видятъ въ благонравіи и степенности поселянъ, назидаемыхъ словомъ и примѣромъ своихъ пастырей. Но что препятствуетъ и всѣмъ прочимъ владѣльцамъ вступить въ столь естественное и благотворное отношеніе съ священнослужителями ихъ церкви?—Нѣкоторые недостатки нѣкоторыхъ священнослужителей? Мы первые готовы пролить слезы о ихъ паденіяхъ; но, братіе мои, не должно ли вспомнить при семъ о печальномъ положеніи священнослужителя—быть непрестанно окруженнымъ съ одной стороны крайними нуждами, съ другой непрестанными соблазнами и искушеніями? Кто знаетъ сіе положеніе (а вамъ ли не знать его?), тотъ, вмѣсто ропота и осужденія скорѣе будетъ удивляться, какъ еще не много такого, за что можно винить служителей Церкви! какъ сила духа и вѣры можетъ торжествовать въ нихъ надъ непрестанными нуждами, лишеніями и соблазнами!—И сколько прекратится недостатковъ, сколько уцѣлѣетъ талантовъ, если вы примете сердечное участіе въ положеніи служителей алтаря! Обезпеченные въ своемъ внѣшнемъ состояніи, облегченные въ исправленіи своихъ обязанностей, введенные въ вашъ кругъ, нашедшіе между вами лучшій образъ времяпрепровожденія и отраду душевную, они скоро обрадуютъ васъ такими совершенствами, коихъ вы, можетъ быть, и не подозрѣвали въ нихъ. Съ увѣренностію говоримъ такимъ образомъ, потому что опытъ нѣкоторыхъ изъ васъ же давно готовъ подтвердить все это.

Дабы не показалось кому-либо, что мы занимаемся въ настоящія минуты только непосредственно своими и своимъ, поспѣшимъ прейти къ собственному положенію вашему, которое—Богъ свидѣтель!—не чуждо намъ ни въ какомъ отношеніи.

Утѣшительно видѣть, что воспитаніе дѣтей составляетъ для васъ одну изъ важныхъ и любимыхъ обязанностей. Но для успѣха въ дѣлѣ, какъ извѣстно, мало того, чтобы заниматься имъ усердно; надобно еще умѣть заниматься, какъ должно. Если въ какомъ случаѣ ложный путь не можетъ привести къ желанной цѣли, то въ дѣлѣ воспитанія. Спра-

шивается: можно ли назвать истиннымъ путемъ при воспитаніи, когда дитя, вопреки природѣ, безъ всякой особенной нужды, отторгается, во-первыхъ, отъ сосцевъ материнихъ, и воздоенное чуждымъ млекомъ, предается потомъ всецѣло во власть воспитателей иноземныхъ? Когда, раздружалсь такимъ образомъ отъ колыбели не только съ языкомъ и нравами отечественными, но и съ самымъ семействомъ, пріучается къ такому образу мыслей, чувствъ и жизни, который, можетъ быть, и не худъ, только не для насъ, а на берегахъ Сены или Темзы?... Но такое несчастное воспитаніе, къ сожалѣнію, до того сдѣлалось господствующимъ, что воспитанный иначе почелся бы отъ многихъ за человѣка невоспитаннаго. Посмотрите на воспитываемаго такимъ образомъ:—ему не болѣе десяти или двѣнадцати лѣтъ, и онъ знакомъ уже съ языкомъ галла и тевтона; въ умѣ его много понятій и познаній, кои видимо превышаютъ его лѣта и даже здоровье; но, вмѣстѣ съ симъ, онъ не умѣетъ еще положить на себя крестнаго знаменія и произнести необходимыхъ для христіанина молитвъ; не видѣлъ доселѣ большей части священнодѣйствій церковныхъ; не знаетъ, какъ назвать по-русски многихъ предметовъ, самыхъ родныхъ и необходимыхъ; всѣмъ видомъ своимъ похожъ на иностранца; едва не съ презрѣніемъ смотритъ на все, его окружающее; и мечтаетъ уже о томъ, чтобы, улучшивъ возможность, стремглавъ нестись за предѣлы отечества. Скажите сами, чего можно ожидать отъ такого воспитанія, не только для Церкви и отечества, но для отца и матери? Думаете ли, что дитя изъ чуждыхъ сосцевъ изсосетъ приверженность къ своимъ родителямъ? изъ иноземныхъ устъ выучится любить Россію и свой край? что посредствомъ лепетанія на непонятномъ для окружающихъ его языкѣ оснуется душевный союзъ между будущимъ владѣтелемъ и владѣемыми?

Знаемъ, почтенные слушатели, что можно сказать противъ подобныхъ совѣтовъ и замѣчаній; но мы предлагаемъ ихъ не для состязанія и не въ видѣ правилъ безъисключительныхъ, а главнымъ образомъ для того, чтобы остановить на семъ важномъ предметѣ вниманіе ваше. Собственный здравый смыслъ каждаго изъ васъ долженъ опредѣлить, что въ семъ отношеніи нужно измѣнить, или оставить какъ есть, что должно прибавить, или убавить. Въ побужденіе къ

сему не можемъ однакоже не указать вамъ на горькій плодъ превратнаго воспитанія, который со слезами должны вкушать теперь нѣкоторые изъ отцевъ и матерей, вамъ не безъизвѣстныхъ.

Отъ меньшаго семейства вашего прейдемъ размышленіемъ къ большему семейству—вашему же. Такъ называемъ мы, и надѣемся, никто изъ васъ не станетъ противъ сего названія,—кругъ людей, вамъ подвластныхъ. Не сему ли большему семейству вашему меньшая семья ваша обязана всѣми выгодами своего состоянія? Послѣ сего не должно ли по всей справедливости ожидать, что взаимное отношеніе между сими двумя семействами будетъ состоять не изъ подчиненія только одного власти другаго, а и изъ взаимной любви, услугъ и уваженія? Тѣмъ паче не должно ли предполагать, что неравенство между владѣтелемъ и владѣемыми не прострется до той рѣзкой и неестественной противоположности, смотря на которую можно подумать, что родъ человѣческій произошелъ не отъ одного прародителя и не одинаковое имѣетъ предназначеніе, когда одна часть его, и при томъ самая большая, осуждена, повидимому, всего лишаться, все терпѣть, всему и всегда служить, а другая—несравненно меньшая, уполномочена, какъ будто свыше, пользоваться трудами другихъ, все имѣть, всѣмъ располагать, и дѣлать съ подобными себѣ, что захочетъ?

Но скажите сами: много ли сдѣлано доселѣ, дабы сія злополучная противоположность не бросалась въ глаза всѣмъ и каждому? Сто разъ, вѣроятно, было думано и соображено у многихъ, какъ усовершить свое хозяйство, воздѣлать поле, очистить лугъ, ввести у себя новую отрасль промышленности, усилить или переиначить прежнюю; но подумано ли у сихъ же людей хотя разъ основательно о томъ, какъ соразмѣрить собственное состояніе съ состояніемъ владѣемыхъ? какъ послѣднимъ преподать необходимыя понятія, коихъ требуетъ въ нихъ человѣчество? какъ оградить ихъ нравственность? предохранить и возстановить здоровье? какъ успокоить старость, призрѣть сиротство, доставить утѣшеніе на одрѣ болѣзни, какъ передать самые останки умершихъ общей матери—землѣ?

Гдѣ же послѣ сего будутъ плоды того образованія, къ коему мы всѣ такъ стремимся? Ужели они выразятся въ

томъ, что мы будемъ воспитывать и облагораживать огромныя стада безсловесныхъ животныхъ, а сотни тысячъ разумныхъ собратій нашихъ, ихъ воспитывающихъ будемъ оставлять въ состояніи безсловесныхъ? То ли величіе духа, когда чертоги наши заспорятъ высотою съ окрестными горами и наполнятся всякаго рода драгоцѣнными бездѣлками, а хижины подвластныхъ намъ будутъ походить на убѣжища звѣрей и не имѣть у себя свѣта Божія? То ли вкусъ, когда мы, не переводя дыханія, станемъ слѣдить на зрѣлищѣ за отчаянными извитіями голоса, рукъ и ногъ лицедѣевъ, и останемся безъ очей и ушей при видѣ горькаго жребія подручныхъ намъ, при стонахъ старца, коего силы истощены на поляхъ нашихъ. при воплѣ сирыхъ, коихъ отцы провели всю жизнь въ служеніи намъ?

Не суетное желаніе витійствовать приводитъ насъ, почтенные слушатели, къ симъ противоположностямъ и сближеніямъ, а чистая любовь къ человѣчеству и искреннее усердіе къ собственному благу вашему. Ибо, въ комъ же человѣчеству имѣть голосъ за себя, какъ не въ служителяхъ Того Бога, Который самое высшее доказательство Своего величія явилъ въ томъ, что положилъ за всѣхъ насъ на крестѣ душу Свою? Ужели и вамъ слышать уроки и напоминанія касательно обязанностей вашихъ къ подручнымъ вамъ только на зрѣлищахъ изъ устъ лицедѣевъ, и никогда не услышать сего у престола Божія, изъ устъ служителей Церкви? Вы клянетесь нынѣ соблюдать правду, а мы клялись соблюдать и возвѣщать ее!

Да будетъ же день сей началомъ не избранія только нѣкоторыхъ изъ васъ на нѣкоторыя должности, но возобновленіемъ для всѣхъ и каждаго священной обязанности— служить человѣчеству въ лицѣ подвластныхъ вамъ! Сего ожидаетъ отъ васъ страна наша, отечество, Монархъ и святая Церковь! Аминь.

Слово по случаю присяги дворянства харьковскаго, предъ избраніемъ изъ него лицъ на различныя должности для Харьковской губерніи,

сказанное сентября 25 дня 1846 года.

Радуемся духомъ, братіе мои, видя васъ, послѣ трехлѣтней разлуки, снова собранными во храмѣ семъ; радуемся и благодаримъ Господа, нах дя васъ цѣлыми и невредимыми, съ прежними силами и новымъ, безъ сомнѣнія, усердіемъ ко благу общему. Настоящее собраніе ваше тѣмъ пріятнѣе и для васъ и насъ, что въ продолженіе минувшаго трехлѣтія цѣлая страна наша не представляла собою никакихъ особенныхъ причинъ къ печали общей: грады и веси наши ограждены были миромъ и тишиною; поля и нивы наши благословлялись постоянно обиліемъ плодовъ земныхъ; труды рукъ и промышленности нашей находили справедливыхъ цѣнителей даже между отдаленными иноземцами; самыя перемѣны воздушныя почти не разнорѣчили съ желаніями и потребностями нашими; кратко сказать, земля и небо были къ намъ такъ милостивы и благосклонны, какъ нельзя было и ожидать, судя по нечистотѣ рукъ и сердецъ нашихъ.

Въ дополненіе ко всему этому, око власти предержащей видимо обратилось на край нашъ особеннымъ образомъ. Нужды и потребности наши не только усмотрѣны во всей ихъ обширности, но, принятыя къ сердцу, содѣлались особеннымъ предметомъ попеченій и думъ державныхъ. Уже предначата система дѣйствій, которая, въ полномъ развитіи ея, освободивъ насъ отъ огромной тяжести, насъ подавлявшей, должна облегчить собою для края нашего всѣ прочія тяжести общественныя. Вскорѣ и градъ здѣшній, яко средоточіе цѣлой страны, явитъ на себѣ слѣды новыхъ попеченій о немъ власти предержащей.

Послѣ сего теперь чреда, явно, за нами самими. Въ соотвѣтствіе обстоятельствамъ, для насъ видимо благопріятствующимъ, не подобаетъ ли и намъ явить новое усердіе и новую готовность ко всему благому и общеполезному? И мы увѣрены, что почтеннѣйшее дворянство харьковское, уразумѣвъ важность настоящаго времени, не замедлитъ доказать, что, гдѣ идетъ дѣло о благѣ общемъ, тамъ оно умѣетъ забывать всѣ свои частные виды и выгоды.

Предстоящее вамъ избраніе на должности достойныхъ лицъ изъ среды васъ будетъ первымъ опытомъ сего и вмѣстѣ свидѣтельствомъ, возрасли ль мы до той высоты душевной, съ коей можно не только видѣть лучшее, но избрать его, не только избирать, но и удерживать въ силѣ. Съ сей стороны дѣло сіе, само по себѣ нисколько не новое, получаетъ новое и особенное значеніе, и вы, при всей свободѣ мнѣній вашихъ, будете подлежать за него сугубому отчету. Предъ кѣмъ?—Во-первыхъ, предъ своею совѣстію, которая тѣмъ строже должна судить васъ, чѣмъ менѣе вы зависимы въ семъ случаѣ отъ внѣ, и чѣмъ болѣе имѣете побужденій быть внимательными къ своему дѣлу; во-вторыхъ, предъ Церковію, которая, напутствуя васъ молитвами, ограждая клятвою, имѣетъ все право надѣяться отъ сихъ средствъ плода и дѣйствія; наконецъ, предъ мнѣніемъ общественнымъ, которое, признавая васъ первыми представителями страны нашей, по тому самому отъ васъ первыхъ ожидаетъ того, что требуется для блага сей страны.

И что же болѣе требуется для сего блага, какъ не избраніе лицъ достойныхъ на должности общественныя? Чего не будетъ въ рукахъ сихъ лицъ? И оправданіе невинныхъ и наказаніе виновныхъ; и честь и достояніе каждаго гражданина; и миръ и безопасность общественная и частная; и участь вдовъ и сиротъ, и самые послѣдніе завѣты тѣхъ, кои отъ судовъ человѣческихъ прешли на судъ Божій. Можно ли послѣ сего легкомысленно смотрѣть на выборъ таковыхъ людей? Можно ли не употребить всѣхъ усилій ума и воли на то, чтобы избраніемъ достойныхъ на нѣсколько лѣтъ упрочить судъ правый по всей странѣ родной?

Еще бы извинителенъ былъ въ семъ случаѣ просмотръ какой-либо, если бы дѣло сіе сопряжено было съ трудностями. Но какая трудность? Людей достойныхъ между вами такъ не мало, что стоитъ токмо не смежать очей, чтобъ видѣть ихъ. Самый образъ избранія такъ облегченъ, что благо края, можно сказать, зависитъ отъ одного мановенія руки вашей. И дѣла столь легкаго и вмѣстѣ столь важнаго по своимъ послѣдствіямъ для васъ же не сдѣлать надлежащимъ образомъ? Это было бы верхъ неразумія и безчувствія. Посему-то мы не хотимъ даже убѣждать васъ къ сему; ибо всякое убѣжденіе въ семъ случаѣ отзывалось бы со-

мнѣніемъ о собственномъ вашемъ достоинствѣ, а мы далеки отъ сего.

Скажемъ одно: время. почтенные избиратели, показать не словомъ, а дѣломъ, что мы, не только подобно малымъ дѣтямъ, готовы забрать въ свои руки всѣ права и отличія, но и способны, подобно мужамъ, употреблять во благо тѣ, кои имѣемъ; время явить, что мы возвышены надъ собратіями нашими не одною породою или случаемъ, а и высотою мыслей, чувствъ и дѣйствій; время престать играть необдуманно благосостояніемъ не только чуждымъ, но и собственнымъ.

Сдѣлавши свое дѣло, какъ должно, вы во всякомъ случаѣ можете покойно оставаться каждый подъ смоковницею своею, въ полной увѣренности, что ваши представители не воздремлютъ, ниже уснутъ, храня покой общій. Въ противномъ случаѣ, при каждомъ слухѣ о неправедномъ дѣйствіи избраннаго вами, въ вашемъ сердцѣ будетъ отдаваться горькій упрекъ: онъ избранъ и мною! Аминь.

Рѣчь при открытіи въ городѣ Кіевѣ общества для призрѣнія бѣдныхъ *).

Почтеннѣйшее собраніе!

Въ тотъ день, когда святая Церковь повторяетъ древнее торжество вѣры надъ заблужденіями разума, въ тотъ самый день, какъ бы въ доказательство того, что истинная вѣра должна быть *споспѣшествуема любовію* (Гал. 5, 6), благодать Святаго Духа собрала насъ на новое торжество любви къ ближнимъ, которая, не довольствуясь частными благотвореніями, образуетъ, наконецъ, среди насъ цѣлое общество благотворителей. Торжество по истинѣ вполнѣ достойное и настоящаго святаго времени, и здѣшняго святаго града! Ибо хотя на мѣстѣ, прославившемся чудесами любви къ Богу, никогда не могла совершенно оскудѣть любовь къ ближнимъ, и у священнаго подножія угодниковъ Божіихъ, на немъ почивающихъ, всегда обильнѣе, нежели гдѣ-либо, текли,

*) Не произнесена—по обстоятельствамъ.
Открытіе общества предполагалось въ недѣлю православія.

вмѣстѣ съ небесными, и земные источники благотворенія; но, и при сихъ источникахъ многіе доселѣ принуждены были оставаться жаждущими уже потому, что не имѣли возможности всенародно исходить на почерпаніе въ нихъ, а частію и потому, что источники сіи разверзаются и текутъ болѣе въ уреченныя времена, когда любовь къ Богу и угодникамъ Его, собирая отовсюду любителей благочестія, отверзаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ сердце и руку ихъ для помощи требующимъ. Самая многочастность раздѣленныхъ протоковъ милости, не направляемыхъ въ теченіи своемъ ничѣмъ, кромѣ внезапныхъ вдохновеній сердца, то чрезъ мѣру обильнымъ, то слабымъ, то неблаговременнымъ орошеніемъ, могла иногда вредить успѣшному произрастанію плодовъ милосердія. Вообще духъ благотворительности не имѣлъ у насъ твердаго видимаго средоточія, ни опредѣленнаго круга, ни постояннаго образа дѣйствій: — посему, при внутренней неизмѣримости своей, былъ ограниченъ въ дѣтельности, при крайнемъ разнообразіи милующихъ — однообразенъ въ миловаиіи, при всей силѣ своей—непостоянъ въ обнаруженіи оной.

И вотъ, всѣ сіи—важные—недостатки устраняются, наконецъ, учрежденіемъ общества для помощи бѣднымъ. Отнынѣ христіанское милосердіе тѣснѣе сочетается съ христіанскимъ благоразуміемъ; разъединенныя силы добра сойдутся въ одномъ средоточіи, дабы сильнѣе устремиться къ единой цѣли; случайность благотворенія уступитъ мѣсто обдуманнымъ благодѣяніямъ:—и духъ человѣколюбія, зримый доселѣ единственно въ частныхъ дѣйствіяхъ, приметъ общественный образъ бытія и дѣятельности. Съ сихъ поръ любовь христіанская будетъ имѣть въ градѣ постоянное и извѣстное обиталище, а бѣдные—постоянное и вѣрное пристанище: одна и та же милость сдѣлается многоочитою, одна и таже помощь сторукою, дабы, подобно милости и помощи небесной, – являться вовремя *и ищущимъ*, обрѣтаться *и не вопрошающимъ о нихъ* (Исаіи 65, 1).

И кто предваряетъ прочихъ на семъ новооткрывающемся поприщѣ любви? Тѣ, коихъ самъ Апостолъ назвалъ *немощнѣйшими* (1 Петр. 3, 7) по ихъ природѣ, но кои, окрыленныя благодатію, не разъ—отъ Маріами до Деворры, Юдифи и Магдалины до Елены; Ольги и, недавно еще восхищенныхъ отъ насъ ангеловъ благости, Маріи, Елиса-

веты,—являли себя крѣпчайшими мужей въ подвигахъ любви къ Богу и ближнему *).

Да будетъ же благословенъ Господь, и въ семъ случаѣ, избравшій *немощнѣйшая міра* (1 Кор. 1, 27), дабы черезъ нихъ наипаче возвеселить сердца нищихъ людей Своихъ! Да будетъ благословенно имя человѣколюбиваго Монарха, который маніемъ державнаго скипетра не умедлилъ осѣнить новый подвигъ человѣколюбія! Хвала и честь,—хвала Божія, честь не земная—высокимъ споспѣшникамъ и покровителямъ святаго дѣла любви, не обинувшимся принять его, при самомъ рожденіи, подъ свѣтлый и пространный кровъ свой. Отнынѣ благословенный градъ нашъ будетъ имѣть новое право именоваться градомъ великаго Владиміра, ибо въ немъ всенародно воскрешена и прекраснѣйшая добродѣтель сего равноапостольнаго Монарха—любовь къ бѣднымъ.

Но, благодаря Господа и радуясь духомъ о благомъ началѣ благаго дѣла, не убоимся возвести взоръ и на образъ истиннаго христіанскаго благотворенія, дабы, по возможности, приближаться къ нему на новооткрывающемся поприщѣ любви.

Любовь истинная, а посему истинная благотворительность, по слову Апостола, должна быть *отъ чиста сердца, совѣсти благія, и вѣры нелицемѣрныя* (1 Тим. 1, 5).

Можно оказывать благодѣянія ближнимъ, безъ участія сердца,—по подражанію, приличію, отношеніямъ и проч. И скажемъ откровенно, такой родъ благотворительности всего чаще можетъ встрѣчаться въ обществахъ благотворителей. Ибо, въ нихъ можно участвовать однимъ именемъ,—тѣмъ паче одними приношеніями. Если присоединяются къ тому нѣкоторыя личныя дѣйствія въ пользу бѣдныхъ братій, то, кажется, сдѣлано уже очень много.

Не будемъ судить строго и о семъ хладномъ образѣ человѣколюбія: для нѣкоторыхъ людей, обремененныхъ, развлеченныхъ и своими, тѣмъ паче общественными дѣлами, почти не возможно въ семъ отношеніи иначе дѣйствовать. Но не скроемъ и той апостольской истины, что въ дѣлѣ благотворенія, особенно при частнѣйшемъ совершеніи онаго, всего нужнѣе—богатство сердца. Благотворитель по сердцу

*) Въ кіевскомъ обществѣ человѣколюбія принимаютъ участіе преимущественно дамы.

всегда найдетъ болѣе средствъ къ благотворенію, скорѣе отыщетъ истинно бѣднаго, долѣе не ослабѣетъ въ подвигахъ любви, мужественнѣе перенесетъ непріятности и затрудненія, потому что собственное сердце его—чистѣйшимъ ощущеніемъ сладости благаго дѣла—награждаетъ его за все сторицею. Несправедливо было бы думать, что и для бѣднаго все равно, только бы получить помощь, хотя бы она подавалась не отъ сердца. Бѣдность огрубляетъ чувство, но не столько, чтобы она не могла замѣтить въ благотвореніи хладной суровости, или кичливой суетности и надменія. Въ такомъ случаѣ уста бѣднаго будутъ наполнены, но въ сердцѣ можетъ возбудиться еще болѣе чувство недостатка, его удручающаго.

Апостолъ требуетъ притомъ отъ благотворителя *сердца* не всякаго, каково есть, а *чистаго*, то есть, не помраченнаго страстями, движимаго искреннею любовію къ Богу и ближнимъ. Въ самомъ дѣлѣ, при всемъ гладѣ мы неохотно принимаемъ хлѣбъ изъ рукъ нечистыхъ;—при всей жаждѣ не съ такимъ удовольствіемъ утоляемъ оную изъ источника мутнаго. То же и въ благотвореніи. Бѣдное благодѣяніе, если принявшій оное колеблется между двумя чувствами—благодарности за помощь, и отвращенія за презорство, съ коимъ она оказана. Если бы, впрочемъ, благотворимый и не зналъ, что такое чистота сердца въ благотворителѣ; то вѣдаетъ оную Тотъ, Который въ лицѣ бѣднаго благоволитъ Самъ принимать наши даянія. Къ Нему ли простретсся нечистая отъ нечистаго сердца?

Во-вторыхъ, истинная благотворительность должна происходить, по слову Апостола, отъ *совѣсти благія*. Сердце самое мягкое способно увлекаться въ благотвореніяхъ къ крайностямъ и дѣйствовать на-удачу. Но, если гдѣ не умѣстенъ такой образъ дѣйствій, то въ обществахъ человѣколюбія. Частный благотворитель извинительнѣе, если предается первому чувству, хотя бы дѣйствовалъ неправильно. Отъ общества, напротивъ, всегда ожидаютъ болѣе вниманія, разборчивости, безпристрастія, благоуспѣшности. Кто же надежнѣйшій руководитель къ симъ совершенствамъ, если не совѣсть, удобно отличающая всякаго истинно бѣднаго, сказующая, что можно и что должно дѣлать при видѣ брата требующаго,—когда и какую оказать помощь?—Но

къ сей—высокой—должности внутренняго вождя человѣколюбивыхъ чувствованій и дѣяній способна совѣсть токмо благая,—та, которая сама водится непрестанно закономъ Божіимъ, не зритъ на лица, судитъ *не по глаголанію* (Исаіи 11, 3), а по дѣйствіямъ, никогда и ни въ какомъ видѣ *не ищетъ своихъ си, а яже суть ближняго* (1 Кор. 13, 5), предлагаетъ, гдѣ нужно, и не требующему, останавливаетъ, гдѣ должно, и взыскующаго, которая всегда не предъ людьми токмо, но и предъ Богомъ готова сказать: «я могла погрѣшить въ дѣйствіи, но никогда не хотѣла грѣшить, брала всѣ мѣры предосторожности; не сдѣлала конечно всего, но ничего не упустила съ намѣреніемъ:—трудилась, сколько могла!»

Наконецъ, благотворительность христіанская, по слову Апостола, должна происходить отъ *вѣры нелицемѣрныя* (1 Тим. 1, 5). Есть предразсудокъ (жалкое исчадіе объюродѣвшей мудрости!) дѣлать добро ближнимъ, не думая о Богѣ.—Особенно имя Спасителя, произносимое бѣдными, кажется тяжелымъ для изнѣженнаго слуха нѣкоторыхъ. Стыдъ самый постыдный! Кому же иному и должны быть посвящены наши малыя благотворенія, какъ не Тому, Кто пролилъ за насъ всю кровь Свою? Довольно, что мы забываемъ о Спасителѣ нашемъ, когда грѣшимъ: будемъ ли изгонять Его изъ нашей памяти и устъ даже въ то время, когда, повидимому, дѣлаемъ добро? И что пріобрѣтаетъ любовь къ ближнимъ, отлучаясь, по неразумію своему, отъ любви къ Богу? Одну слабость, сухость и непостоянство. Только святая вѣра производитъ героевъ любви къ ближнимъ; только Моисеи и Павлы молились быть изглажденными изъ книги живота, дабы внесены были въ оную имена братій ихъ (Рим. 9, 1). Природа человѣческая и мудрость земная никогда не производили и не произведутъ сего.

И куда самъ собою невольно устремляется взоръ бѣднаго по полученіи неожиданной помощи? Не къ небу ли? Кто же будетъ столько жестокосердъ, чтобы захотѣлъ остановить на своемъ, или чьемъ-либо лицѣ благодарный взоръ, ищущій лица Отца небеснаго? Но онъ будетъ остановленъ и обратится долу, если благотворимый увидитъ, что благотворящій самъ не расположенъ взирать на небо.

Не услышится искренняя молитва благодарности и въ

такомъ случаѣ, когда видно будетъ, что истинная вѣра въ благотворителѣ замѣняется личиной оной. Око бѣдности острозрительно;—ничто не помѣшаетъ ему распознать дѣйствительнаго ангела милосердія, приходящаго во имя Божіе, отъ пышнаго служителя гордости житейской, который самъ хочетъ являться божествомъ для милуемаго имъ человѣчества.

Такимъ образомъ чистое сердце есть родитель, благая совѣсть — воспитатель и руководитель, а нелицемѣрная вѣра—утвержденіе и вѣнецъ истинной благотворительности.

Коснемся нѣсколько и трудностей благаго дѣла, нынѣ предначинаемаго.

Добрыя дѣла представляются иногда слишкомъ легкими, и воображеніе можетъ обѣщать себѣ отъ нихъ однѣ пріятности духа и наслажденія сердца. Добро точно таково—по природѣ своей, но не нашей. Наша—падшая природа любитъ болѣе разсуждать о подвигахъ добродѣтели, нежели подвизаться для нея,—болѣе любоваться ею издали и вчужѣ, нежели вблизи, возложивъ на нее собственную руку,—болѣе замышлять и начинать благое, нежели успѣшно производить и совершать. Памятуя сіе, истинный благотворитель не удивится, если скоро пройдетъ первая пріятность, всегда сопутствующая началу добраго дѣла;—не охладѣетъ въ ревности, если на пути человѣколюбія срѣтитъ потомъ тернія и волчцы. Среди поля ли бѣдности искать однихъ розъ и наслажденій?

Не оскорбится любовь христіанская даже и тѣмъ, если между бѣдствующими собратіями будетъ срѣтать иногда невѣжество, нечистоту нравовъ, недостатокъ искренности, даже неблагодарность и злость. Чего и ожидать лучшаго среди тѣсноты и убожества, когда самъ Соломонъ опасался нѣкогда отъ нихъ за свою добродѣтель (Притч. 30, 9)? И развѣ лучшее срѣтаютъ Ангелы Божіи, нисходя въ нашъ міръ,—среди насъ самихъ? Чего бы не могли сказать они—если бы захотѣли—противу насъ, возвращаясь къ престолу благодати?—Благодѣянія человѣчеству часто должны имѣть цѣлію пробудить самое чувство человѣчества, подавленное нуждами. Пусть лишенные сего чувства изъ образа нашихъ благотвореній узнаютъ, что̀ значитъ быть человѣкомъ и христіаниномъ.

Требуется не малаго отъ истиннаго благотворителя. Но,

развѣ мы сами меньшаго требуемъ у общаго нашего Благотворителя, *Иже на небесѣхъ* (Матѳ. 6, 9)? Ахъ, мы всѣ въ свою чреду бѣдные, всѣ,—кто бы мы ни были,—осужденные на смерть преступники закона Божія! Въ такомъ ли состояніи гордиться нашими преимуществами? Почитать себя выше другихъ? Считаться титлами и достоинствами? Напротивъ, не величайшая ли милость, что всѣмъ намъ позволено искуплять грѣхи наши милостынями? Не драгоцѣнное ли право, что всѣ мы можемъ—въ лицѣ нашихъ братій—служить будущему нашему Судіи и Господу? Ты чувствуешь отвращеніе идти къ человѣку, лежащему на гноищѣ? Но, можетъ быть, это второй Іовъ, искушаемый въ своей добродѣтели. Твоя чувствительность колеблется преклониться съ утѣшеніемъ къ одру болящаго? Но, можетъ быть, это новый Лазарь, у коего не одинъ богачъ будетъ просить нѣкогда капли воды для устуженія языка своего. Но, кто бы ни былъ бѣдный, довольно для тебя того, что ты, идя къ нему, идешь къ Самому Христу, Который говоритъ: *Мнѣ сотвористе* (Матѳ. 20. 40)! Никто не откажется, а всякій поспѣшитъ на зовъ царя, въ какое бы мѣсто онъ ни призывалъ. Отречемся ли, когда Самъ Царь небесный зоветъ насъ въ хижину или къ одру болящаго? Съ царемъ бесѣдовать всякій поставитъ за честь, хотя бы онъ почему-либо сокрылъ себя подъ рубищами. У Царя ли небеснаго рубища могутъ отнять въ очахъ нашихъ все достоинство? Не будемъ взирать на то, что̀ предъ нами. а на будущее; не на временное, а на вѣчное; не на себя, а на своего Спасителя:—и низкій кровъ бѣднаго обратится для насъ въ храмъ, простое дѣйствіе любви—въ священнодѣйствіе, трудъ—въ сладость и награду.

Богъ же всякія любви и щедротъ, обнищавшій всѣхъ насъ ради, да мы нищетою Его обогатимся, начный дѣло благо въ насъ, Той Самъ да утвердитъ и да совершитъ его благодатію Своею! Аминь.

Рѣчь при открытіи въ городѣ Харьковѣ благотворительнаго общества для бѣдныхъ,

сказанная марта 2, 1844 года.

Итакъ, прошедшій годъ былъ плодоносенъ у насъ не на поляхъ только и нивахъ, а и въ душахъ и сердцахъ человѣческихъ!—Какіе изъ плодовъ духовныхъ лучше плода милосердія и любви христіанской? И вотъ сей драгоцѣнный плодъ въ продолженіе года собирается нами уже въ другой разъ *)! Благодареніе Господу! Отнынѣ градъ нашъ будетъ отличаться не однѣми науками и торговлею, какъ было прежде, а и благотворительностію общественною. Хвала и честь тѣмъ, кои возревновали украсить его симъ святымъ отличіемъ! Благодарность и вамъ, почтеннѣйшіе сочлены новаго общества, кои съ такимъ усердіемъ поспѣшили явиться на новомъ поприщѣ благотворенія при первой вѣсти о его открытіи! Мы увѣрены, что въ вашемъ любвеобильномъ сердцѣ достанетъ мужества христіанскаго на препобѣжденіе всѣхъ трудностей, кои могутъ встрѣтиться съ вами на семъ поприщѣ. А между тѣмъ, позвольте предложить вамъ нѣсколько мыслей, могущихъ служить къ подкрѣпленію вашей дѣятельности.

Какъ обыкновенно смотрятъ на занятія благотвореніемъ? Какъ на подвигъ для благотворителей и какъ на милость для благотворимыхъ. Конечно, это подвигъ и милость; но для кого милость? для однихъ ли благотворимыхъ? Нѣтъ, и для благотворителей, и еще болѣе для благотворителей, нежели для благотворимыхъ.

На сей-то важной истинѣ хотѣли бы мы остановить ваше вниманіе, почтеннѣйшіе члены новаго общества; ибо, очевидно, великая разность, если труждающійся въ благотвореніи будетъ почитать его за милость только для благотворимаго, или когда будетъ увѣренъ, что это милость и для него самого. Въ послѣднемъ случаѣ самая любовь къ себѣ должна побудить его къ дѣятельности неослабной.

Но, точно ли благотвореніе есть благодѣяніе благотворящихъ самимъ себѣ?

---

*) Въ семъ же году открытъ въ Харьковѣ тюремный комитетъ.

Это столь же вѣрно, какъ несомнѣнно то, что благотвореніе есть средство къ изглажденію своихъ грѣховъ предъ Богомъ, есть источникъ самыхъ чистыхъ наслажденій душевныхъ; есть надежнѣйшее приготовленіе себя къ небесной жизни за гробомъ. Раскроемъ сіи мысли подробнѣе.

Кто можетъ сказать о себѣ, что онъ чистъ и правъ предъ закономъ правды небесной? *Аще речемъ, яко грѣха не имамы, себе прельщаемъ и истины нѣсть въ насъ* (1 Іоан. 1, 18). Тѣ, кои ущедрены дарами счастія, еще болѣе другихъ подлежатъ разнымъ соблазнамъ, среди коихъ теряется чистота духа и совѣсти.

Не благодѣяніе ли въ такомъ случаѣ имѣть всегда въ готовности средство къ искупленію своихъ вольныхъ и невольныхъ грѣхопаденій? Но благотвореніе именно есть такое искупительное средство. Мы не осмѣлились бы утверждать сего безъ яснаго свидѣтельства о томъ слова Божія. И свидѣтельства сіи разсыпаны по всѣмъ книгамъ Св. Писанія. Возьмемъ одинъ разительный примѣръ. Навуходоносоръ, царь вавилонскій, видитъ сонъ, въ коемъ подъ образомъ древа, осужденнаго на посѣченіе, указана ему его собственная участь. Казалось, вся надежда потеряна; но является пророкъ и говоритъ, что есть еще средство отвратить казнь. Какое средство? Благотвореніе и милостыня. *Се совѣтъ мой,* вѣщаетъ пророкъ, *грѣхи твоя милостынями искупи, и неправды твоя щедротами убогимъ* (Дан. 4, 24). Примѣтьте самое выраженіе пророка: искупи. Въ дѣлахъ земныхъ нерѣдко говорятъ съ сожалѣніемъ: если бы то или другое можно было купить деньгами! Вотъ, можно купить деньгами не какую-либо тлѣнную вещь, а милость Божію и собственное спасеніе. Поспѣшайте же искуплять грѣхи свои вы, кои ущедрены дарами счастія, поспѣшайте, доколѣ не посѣчено древо, доколѣ вы не восхищены туда, откуда нѣтъ исхода, гдѣ уже нѣтъ искупленія, должно будетъ воздать *до послѣдняго кодранта* (Матѳ. 18, 34).

Но такимъ образомъ, подумаетъ кто-либо, можетъ войти въ рай самый нераскаянный грѣшникъ, обладающій богатствомъ. Не безпокойся, возлюбленный! Если онъ войдетъ въ рай, то войдетъ раскаянный. Откуда возьмется раскаяніе? Отъ дѣлъ человѣколюбія. Коль скоро грѣхолюбивый богачъ сдѣлается человѣколюбивъ воистину (а мы и не при-

знаемъ того за человѣколюбіе, что онъ съ холодностію, мимоходомъ, броситъ бѣднымъ горсть серебра или мѣди), то престанетъ быть жестокимъ и къ самому себѣ, не станетъ болѣе губить своей души грѣхами. Живая любовь къ ближнему непремѣнно приведетъ за собою истинную любовь и къ Богу; а въ чьей душѣ вселятся сіи два ангела свѣта, тамъ не мѣсто уже грѣху и страстямъ.

Судите послѣ сего, можно ли благотвореніе ближнимъ нашимъ не назвать великою милостію для самыхъ благотворителей, коль скоро оно есть надежнѣйшее средство къ искупленію нашихъ грѣховъ предъ Богомъ?

Но добродѣтель сія, какъ мы сказали, есть вмѣстѣ источникъ самыхъ чистыхъ и высокихъ удовольствій душевныхъ, и средство къ нашему нравственному усовершенствованію.

Въ самомъ дѣлѣ, ужели намъ почитать за удовольствіе только то чувство, которое происходитъ отъ роскошной трапезы, отъ великолѣпныхъ чертоговъ, отъ пышнаго убранства, отъ богатой прислуги, отъ разсѣянія и забавъ мірскихъ? Ужели въ душѣ нашей нѣтъ способности вкушать сладость невещественную, доставляемую благою совѣстью и благими дѣлами? Но въ благотвореніи ближнимъ сокрывается неизсякаемый источникъ наслажденій душевныхъ. Какъ отрадно для сердца, когда малолѣтнія и безпомощныя сироты находятъ въ васъ отца и матерь! Когда болящіе вами воздвигнуты съ одра болѣзни, или успокоены на ложѣ смертномъ! Когда преклоняющаяся къ землѣ старость за васъ подъемлетъ дрожащія руки къ небу! Когда неопытная юность вами отведена отъ бездны разврата и поставлена на путь правый. Въ этомъ именно великая награда для тѣхъ, кои не только жертвуютъ отъ избытковъ своихъ на помощь ближнимъ, но и сами лично пріемлютъ трудъ оказывать имъ эту помощь. Можетъ быть, сердце, привыкшее къ шумнымъ радостямъ мірскимъ, не вдругъ раскроется для ощущеній сихъ невещественныхъ утѣхъ, — но раскроется! Лучи благотворенія, въ повторенномъ дѣйствіи ихъ, не слабѣе лучей солнечныхъ, скорѣе или медленнѣе, но растопятъ ледъ душевный, обнажатъ почву сердца, проникнутъ въ глубину души, изведутъ сѣмена добра, въ ней сокрывавшіяся, заставятъ возникнуть цвѣты благихъ мыслей и чувствъ, обратятъ ихъ въ плодъ и содѣлаютъ способными къ пита-

нію внутренняго человѣка. Опытъ доказываетъ, что люди самые разсѣянные, начавъ заниматься дѣлами человѣколюбія, даже случайно и не по влеченію сердца, съ продолженіемъ времени, обращались отъ разсѣянія къ занятію самими собою, дѣлались способными ко всему доброму, получали возвышенное направленіе мыслей и чувствъ, сдружались съ неизвѣстнымъ имъ дотолѣ духомъ вѣры и благочестія, оставляли худые навыки, перемѣняли свое поведеніе, становились истинными христіанами.

Сказать ли еще одну мысль? Самое наслажденіе благами земными получитъ новую цѣну отъ упражненія въ благотворительности. Получивъ ихъ большею частію при самомъ рожденіи, не испытавъ никогда бѣдности и лишеній, не находя никогда препятствій къ удовлетворенію не только истинныхъ нуждъ своихъ, но и суетныхъ прихотей, обыкновенно думаютъ, что такое счастливое и независимое положеніе есть какъ бы естественно человѣку, не видятъ причины радоваться своему состоянію и благодарить Промыслъ Божій. Совсѣмъ другое чувство возникаетъ въ сердцѣ, когда знакомятся ближе со всѣми видами бѣдности человѣческой. Тутъ открывается, до чего можетъ простираться и до чего доводитъ человѣка недостатокъ въ самомъ необходимомъ; тутъ познается, отъ какихъ они состояніемъ своимъ избавлены горестей и искушеній; тутъ посему научаются быть благодарными къ Провидѣнію, судившему поставить ихъ въ семъ, а не другомъ состояніи.

Послѣ сего не вправѣ ли мы опять сказать, что благотвореніе есть благодѣяніе для самихъ благотворителей — какъ источникъ чистыхъ наслажденій душевныхъ, какъ средство къ собственному самоусовершенствованію?

Наконецъ, въ благотвореніи заключается самый благонадежный способъ на приготовленіе себя къ будущей жизни на небѣ.

Да, братіе мои, какъ бы ни было кому-либо изъ насъ хорошо на землѣ, но мы всѣ здѣсь—гости, коимъ завтра—послѣ завтра надобно возвращаться домой. Съ чѣмъ мы пойдемъ и что понесемъ туда? Съ нашими познаніями о вещахъ земныхъ? Они тамъ не нужны. Съ нашими титулами и стяжаніями? Для нихъ тамъ нѣтъ мѣста. Все, что мы дѣлали для времени, должно будетъ остаться у прага

вѣчности, а съ нами пойдетъ одно то, что превыше времени и тлѣнія. Что это такое? Вѣра и добродѣтель, и первая изъ добродѣтелей — любовь христіанская. Ето по сему самому должно болѣе всего укоренять въ душѣ и сердцѣ, дабы, явившись въ небесное отечество, не отказаться тамъ чужестранцами въ языкѣ и нравахъ нашихъ.

Но, какой лучшій для сего способъ, какъ не упражненіе въ дѣлахъ любви и милосердія? Воззримъ на Ангеловъ—что̀ они суть всѣ, какъ не служебные духи, *въ служеніе посылаеміи за хотящихъ наслѣдовать спасеніе* (Евр. 1, 14)? Весь соборъ Ангеловъ, можно сказать, есть общество благотворителей для бѣднаго рода человѣческаго. Посему, вступивъ на поприще благотворенія, вы вступаете на путь ангельскій. Идя по немъ неослабно, вы еще на землѣ придете въ таинственное содружество съ Ангелами, кои не преминутъ оказывать вамъ самимъ помощь и услуги, подобныя тѣмъ, кои вы будете оказывать бѣднымъ братіямъ своимъ, тѣмъ паче въ часъ смерти не забудутъ вознаградить васъ за ваши труды и попеченія о нихъ.

И Ангеламъ ли только уподобляется душа человѣколюбивая? Она сближается съ Самимъ Спасителемъ своимъ, Который есть первый и послѣдній Человѣколюбецъ, Вождь и Глава всѣхъ труждающихся во благотвореніи ближнимъ. Если у кого, то у Него не окажется недостатка въ средствахъ къ вознагражденію насъ за всякое дѣло человѣколюбія. Онъ, если то заслужимъ, можетъ благословить насъ всѣмъ, чего желаемъ, и на землѣ: и успѣхомъ на поприщѣ служенія общественнаго, и крѣпостію силъ тѣлесныхъ, и благими чадами, и вѣрными слугами, и уваженіемъ людей добродѣтельныхъ, и усмиреніемъ людей враждебныхъ, и удаленіемъ отъ насъ искушеній, и дарованіемъ силъ на перенесеніе ихъ, если они для насъ нужны и полезны. Тѣмъ паче, какъ отрадно будетъ, явившись предъ Него тамъ, въ вѣчности, имѣть возможность сказать: Господи, не имѣя другихъ добродѣтелей, я тщился по крайней мѣрѣ подражать любви Твоей, служилъ, по возможности, бѣднымъ братіямъ моимъ: да явится убо и надо мною недостойнымъ безприкладное милосердіе Твое! Аминь.

Рѣчь по случаю открытія въ городѣ Харьковѣ дѣтскаго пріюта,

произнесенная 1 іюля 1843 года.

Рѣдкое душевное наслажденіе дано имѣть намъ нынѣ: въ одинъ и тотъ же день два торжества *): торжество просвѣщенія и торжество человѣколюбія! О, если бы свѣтъ наукъ всегда оставался въ такомъ тѣсномъ и пріискреннемъ соединеніи съ теплотою любви христіанской! Не то было бы съ людьми, не то бы было и съ науками! Нашему особенно граду давно приличествовало явить примѣръ сего союза благотворнаго просвѣщенія съ человѣколюбіемъ. Между тѣмъ, оставивъ далеко назади себя всѣхъ сверстниковъ своихъ на поприщѣ умственнаго образованія, онъ, какъ бы изъ опасенія не взять верха надъ ними и въ другихъ отношеніяхъ,—доселѣ медлилъ вступить на поприще общественной благотворительности. И вотъ,—какъ бы въ вознагражденіе прошедшей медленности,—мы начинаемъ теперь поприще человѣколюбія такимъ дѣломъ, которое въ другихъ мѣстахъ служило уже какъ бы вѣнцемъ разныхъ учрежденій человѣколюбивыхъ. Явный знакъ, что и у насъ не замедлятъ появиться подобныя учрежденія, совершенно уже, какъ извѣстно, созрѣвшія и въ умѣ благопопечительнаго начальства и въ сердцѣ благочестивыхъ жителей града сего. Между тѣмъ, въ ожиданіи сего, самый первый плодъ любви христіанской посвящается дѣтямъ: первенство во всѣхъ отношеніяхъ совершенно приличное! Ибо, какой возрастъ, болѣе дѣтскаго, имѣетъ нужду въ благопризрѣніи и руководствѣ отеческомъ? Равно, отъ какого возраста благопризрѣннаго, благосохраненнаго и благонаправленнаго, можно ожидать наиболѣе благихъ послѣдствій въ будущемъ, какъ не отъ дѣтскаго? Что сіи малые птенцы увидятъ и услышатъ здѣсь, что займутъ отсюда, то останется съ ними на всю жизнь, съ ними же пойдетъ по сотнямъ домовъ и хижинъ, сообщится болѣе или менѣе самымъ родителямъ ихъ, старшимъ братьямъ и сестрамъ и надъ всѣми окажетъ благотворное вліяніе. Сія то, безъ сомнѣнія, мысль одушевляла тѣхъ, кои съ такимъ христіанскимъ усердіемъ пеклись

*) Въ этотъ же день было молебствіе въ харьковскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ, по случаю выпуска воспитанницъ его, кончившихъ курсъ ученія.

о приведеніи къ бытію сего учрежденія; сія же самая мысль подвигла на обильное приношеніе въ пользу его руку воина-героя *), который, веселивъ отечество въ незабвенную годину двѣнадцатаго года подвигами необыкновеннаго мужества, являетъ теперь, что для христолюбиваго сердца его столь же близки и сродны безкровные подвиги вѣры и любви христіанской. Сія же мысль да подкрѣпляетъ и васъ, кои приняли на себя святую обязанность замѣнять собою для каждаго изъ сихъ птенцовъ отца и мать. Зная васъ, мы увѣрены, что обязанность сія будетъ и выполнена вами по-отечески и по-матерински. Если бы впрочемъ когда-либо на семъ новомъ поприщѣ человѣколюбія встрѣтили васъ и затрудненія, то вспомните тогда любвеобильныя слова Спасителя, вѣщающаго: *не браните дѣтей приходитъ ко Мнѣ: Ангели бо ихъ выну видятъ лице Отца небеснаго,* вспомните и скажите самимъ себѣ: Ангелы Божіи не оставляютъ дѣтей, имъ ввѣренныхъ; мы ли оставимъ?—скажите такъ самимъ себѣ, и утѣшитесь. Ибо, что можетъ быть въ вашемъ положеніи отраднѣе той мысли, что ваше попеченіе о дѣтяхъ вмѣстѣ съ вами раздѣляютъ самые Ангелы Божіи! И будьте увѣрены, что сіи незримые сотрудники ваши не забудутъ вознаградить васъ за всѣ труды ваши въ то время, когда вы явитесь туда, гдѣ безъ чистоты и незлобія дѣтскаго невозможно войти въ царствіе Божіе.

Вамъ, юныя дѣти, собственные родители ваши скажутъ и внушатъ, какъ должно вести себя здѣсь. А между тѣмъ, какъ ни юны вы, сердце ваше, думаю, уже говоритъ вамъ теперь, что съ вами произошло что-то необыкновенное и весьма благое, что вы дѣлаетесь предметомъ нѣжнаго попеченія для тѣхъ людей, кои чужды вамъ по всѣмъ отношеніямъ кромѣ вѣры и любви о Христѣ. Ибо, кто далъ вамъ сихъ вторыхъ отцевъ и матерей? Единъ Отецъ небесный. Ангелы ваши умолили Его о васъ; Онъ подвигъ сердца тѣхъ, въ коихъ обрѣлась способность къ тому;—и вотъ, надъ вами простерся покровъ любви, подъ коимъ вы будете находить неоскудѣваемую пищу не только тѣлу, но и душѣ вашей. Возблагодарите же Господа за дарованіе вамъ сихъ вторыхъ отцевъ и матерей, и прилежаніемъ, кротостію и послушаніемъ

*) Графъ Орловъ-Денисовъ, который значительными пожертвованіями своими содѣйствовалъ преимущественно къ устроенію въ Харьковѣ дѣтскаго пріюта.

поспѣшите обрадовать и возвеселить тѣхъ, кои, кромѣ вашего совершенства и успѣховъ, не ожидаютъ и не ищутъ за свои труды и жертвы никакой другой награды на землѣ.

А мы, радуясь отъ всей души о насажденіи сего малаго по виду, но великаго по плодамъ, вертограда любви христіанской, и здѣсь не усумнимся молитвенно возгласить то же, что̀, по уставу святой Церкви, привыкли возглашать во храмахъ нашихъ: *призри съ небесе, Боже, и виждь, и посѣти виноградъ сей, и утверди ѝ, егоже насади десница Твоя!* Аминь.

Рѣчь при открытіи въ городѣ Кіевѣ попечительнаго общества о тюрьмахъ.

Служителямъ слова всего чаще нужно бываетъ наставлять, исправлять и даже обличать, и всего рѣже—благодарить, привѣтствовать и соутѣшаться. И сей то рѣдкій случай предлежитъ теперь моему слову. Ибо, что вижу я?—Вижу людей всѣхъ сословій, кои, оставивъ труды и занятія свои, поспѣшили на дѣло, о коемъ одна мысль предполагаетъ уже не малый избытокъ любви въ сердцѣ. Какой другой духъ можетъ одушевлять подобное собраніе, кромѣ духа вѣры и упованія христіанскаго?—И дивно ли послѣ сего, если слово назиданія въ устахъ проповѣдника само собою обратится теперь въ слово радости и привѣтствія? Такъ, христолюбивые слушатели, я не усомнюсь, отъ лица злополучнаго человѣчества, принести вамъ благодарность за начало дѣла, которое приноситъ честь христіанству и человѣчеству; не обинусь отъ лица Самаго воплощеннаго Человѣколюбца возвѣстить вамъ, что мысль препослать постоянные лучи благотворенія во мракъ темницъ есть дѣло Его всеблагаго духа любви. О, плоть и кровь не являютъ сего! Всемудрые Аѳины съ ихъ божественнымъ Платономъ, уставолюбивый Римъ съ его Катонами, не знали—даже имени этой добродѣтели!

Между тѣмъ, какъ высокая добродѣтель сія недалека отъ сердца самаго послѣдняго христіанина!—Для насъ не нужно доискиваться и учиться ей; нужно только постоянно взирать на нее въ лицѣ своего Спасителя: ибо куда поспѣшилъ Онъ со креста въ тѣ минуты, когда, по оконча-

нiи видимаго подвига крестнаго, казалось, слѣдовало, если не тотчасъ начать торжество, то по крайней мѣрѣ опочить на время отъ страданій?—Поспѣшилъ не къ Отцу, не къ Ангеламъ, не къ душамъ избранныхъ праведниковъ, а во адъ, къ узникамъ смерти и грѣха, дабы извести ихъ въ свободу. Одно это обстоятельство должно сдѣлать темницы для насъ стоящими всякаго благочестиваго вниманія. Въ самомъ дѣлѣ, если сама благодать Божія преизбыточествовала тамъ, *идѣже множится грѣхъ* (Рим. 5, 20), то и милосердію человѣческому всего приличнѣе являться наиболѣе тамъ, гдѣ наиболѣе бѣдности человѣческой.—Гдѣ же наиболѣе ея, какъ не въ темницахъ? Кто несчастнѣе преступника?—Если мы вмѣняемъ въ жестокость не оказать помощи страждущему болѣзнію тѣлесною, то не жестокость ли оставить безъ возможнаго вспоможенія страждущихъ болѣзнями душевными,—пороками? Ибо, сколько душа важнѣе тѣла, столько порокъ гибельнѣе болѣзни.

Знаю, почтенные слушатели, что недуги душевные всегда почти бываютъ слѣдствіемъ злоупотребленія свободы; но развѣ нельзя того же самаго сказать и о большей части недуговъ тѣлесныхъ? — И однако же при нихъ всегда остается право на состраданіе. Зачѣмъ же лишать сего права и недугъ душевный — порокъ? Увы, что значитъ падшая, помраченная грѣхомъ прародителей, свобода наша, какъ не трость, вѣтромъ колеблемая?—Посему-то, какъ замѣчаетъ Апостолъ, *попремногу согрѣшаемъ вси* (Іак. 3, 2), всѣ узники грѣха; всѣ невольники чувствъ; всѣ измѣнники небу и враги закона; всѣ осужденные на смерть преступники. Послѣ сего надобно стократъ благодарить Судію небеснаго за то, что Онъ позволилъ намъ искупать наши грѣхи милостію къ согрѣшающимъ собратіямъ нашимъ и стократъ надобно дивиться, если мы такъ мало пользуемся симъ, по истинѣ божественнымъ, способомъ взаимнаго всепрощенія.

«Но, — помыслитъ кто-либо, — если строго и постоянно слѣдовать сему способу, то мы придемъ къ ненаказанности. Чтобы сдѣлать порокъ отвратительнымъ, для сего необходимо отвращаться и презирать порочныхъ». Кто бы ты ни былъ, мыслящій такимъ образомъ, да будетъ вѣдомо тебѣ, что ты судишь не по-христіански.—Ты боишься потворства

преступленіямъ?—Но развѣ мы нынѣ думаемъ вступить въ содружество съ преступниками?—Ты боишься лишить законъ спасительнаго страха.—Но, потеряетъ ли силу законъ, если подзаконный будетъ по временамъ во храмѣ слышать волю небеснаго Законодателя, имѣть понятіе о наградахъ и наказаніяхъ не временныхъ только, но и вѣчныхъ?—Потеряетъ ли силу законъ, когда между преступниками закона, вмѣсто всегубительной праздности, водворено будетъ трудолюбіе—предтеча и родитель жизни правильной?—Потеряетъ ли силу законъ, когда преступникъ, умѣющій читать, будетъ имѣть въ рукахъ книгу, способную открыть ему глаза, указать бездну, въ коей онъ находится, и тотъ путь, коимъ можно выйти изъ нея?—Потеряетъ ли силу законъ, если содержимые въ заключеніи раздѣлятся по ихъ полу, по возрастамъ, по званію, по роду преступленій, даже, если можно, по характерамъ и наклонностямъ?

«Все это хорошо и полезно», скажешь ты. А что же другое, возлюбленный, имѣется въ виду, какъ не сіе самое?—Предметъ дѣятельности новоучреждаемаго общества—не ослабленіе спасительной строгости законовъ, а направленіе ея къ цѣли, къ тому, чтобы преступникъ не выходилъ изъ темницы хуже, нежели какимъ вошелъ въ оную, чтобы домы, устроенные противъ преступленій, не обращались въ разсадники преступленій, чтобы мечъ правосудія, посѣкая плевелы, не пожиналъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ самомъ зародышѣ и будущей пшеницы, чтобы самая, необходимая, строгость закона не страдала отъ недостатка и потворства исполнителей закона.

«А это», можетъ еще подумать кто-либо, «это—дѣло власти предержащей». Итакъ, по твоему, еще мало занята власть сія, когда держитъ въ рукахъ своихъ судьбу едва не цѣлаго свѣта?—Ты хотѣлъ бы, чтобы она, взявъ на свои руки нашу свободу, взяла вмѣстѣ съ тѣмъ и все наше своеволіе и всѣ наши пороки?—Не только учила ходить дѣтей малолѣтнихъ, пеленала дѣтей строптивыхъ, но и занялась сама врачеваніемъ дѣтей увѣчныхъ?—Но, подумай, многіе ли даже изъ родителей занимаются врачеваніемъ такихъ дѣтей?—Власть предержащая уже дѣлаетъ свое дѣло, когда раздаетъ всѣмъ и каждому—правосудіе, она дѣлаетъ болѣе, когда вмѣстѣ съ правосудіемъ оказываетъ и милосердіе;

дѣлаетъ еще болѣе, когда не только сама милосердствуетъ, но допускаетъ всѣхъ и каждаго на поприще милосердія. Характеръ судіи измѣнился бы, если бы онъ изъ раздаятеля правды обратился въ раздаятеля милости. На самомъ небѣ раздѣлены сіи служенія: есть Ангелы правды, и есть Ангелы милости; не будемъ сливать ихъ и на землѣ. Преступникъ скорѣе откроетъ сердце тому, кого привелъ въ его темницу голосъ любви, а не долгъ званія. Покажемъ, что̀ можемъ мы сдѣлать въ семъ случаѣ, дабы власть предержащая имѣла удовольствіе знать, чего можетъ надѣяться отъ насъ и въ другихъ обстоятельствахъ: *вѣрный въ малѣ поставляется надъ многимъ* (Матѳ. 25, 21)!

Но, говоря и разсуждая такимъ образомъ, я непримѣтно обратился въ защитника такого начинанія, за успѣхъ въ коемъ самая лучшая порука—въ вашемъ сердцѣ, почтенные слушатели! Не продолжимъ изъясненіе дѣла; скажемъ нѣсколько словъ о самомъ производствѣ его.

Намъ предлежитъ трудиться надъ исправленіемъ преступниковъ. Обращеніе каждаго грѣшника есть чудо, которое можетъ совершать единъ Богъ, тѣмъ паче—преступника. Итакъ, употребляя всѣ мѣры благоразумія для достиженія цѣли, не будемъ забывать, что главный Виновникъ нашего успѣха не на землѣ, а на небѣ. О Его пресвятомъ имени по тому самому надлежитъ дѣйствовать всѣмъ намъ; къ Нему должно обращать очи и сердца и свои и узниковъ. Пусть они не знаютъ нашего имени; только бы познали чрезъ насъ имя Отца, Иже на небесѣхъ. Господь не останется ни у кого изъ насъ въ долгу; въ свое время вспомнитъ каждаго изъ насъ.

Во-вторыхъ, не будемъ забывать, что намъ должно воздѣлывать такое поле, которое уже *близко къ пожженію* (Евр. 6, 8). Посему, если всякое благое дѣло требуетъ терпѣнія, то наше—наипаче. Надобно быть довольными и малымъ успѣхомъ, помня, что Самъ небесный Человѣколюбецъ оставляетъ девяносто девять овецъ и ищетъ одной заблудшей.

Въ-третьихъ, не будемъ думать, что мы, нисходя въ темницы, не можемъ выносить изъ нихъ ничего для себя. Нѣтъ, этотъ подвигъ человѣколюбія заключаетъ награду самъ въ себѣ. Узники ничего не имѣютъ, но могутъ многое дать, если

будемъ умѣть принимать. Желаешь ли узнать свойство природы человѣческой?—Посѣщай темницы,—тамъ увидишь ее на одной изъ послѣднихъ крайностей, найдешь такою, какою не покажутъ тебѣ ее ни книги, ни театры. Ты борешься съ искушеніемъ обольстительнымъ, и чувствуешь нужду оживить въ себѣ отвращеніе къ пороку? Посѣти темницу: тамъ увидишь, до чего доводитъ человѣка порокъ, какъ онъ ангела обращаетъ едва не въ діавола. Но паче всего, ты хочешь загладить собственные грѣхи и стяжать хотя малое право на милость Божію? Спѣши въ темницу: тамъ срѣтитъ тебя Тотъ, Кто сказалъ: *въ темницѣ бѣхъ, и пріидосте ко Мнѣ* (Матѳ. 25, 39). Не думай, что Ему не прилично быть съ преступниками; можно ли не быть съ грѣшниками Тому, Кто умеръ за грѣшниковъ?

Сими чувствами я почелъ за долгъ напутствовать васъ, христолюбивые члены новоучреждаемаго общества, на святое поприще ваше.

Господь Іисусъ, сошедшій во адъ къ узникамъ, для проповѣди имъ спасенія (1 Петр. 3, 18. 19; 4, 5), Онъ Самъ да подкрѣпитъ силы ваши, да воодушевитъ любовь вашу, да просвѣтитъ умъ вашъ и да увѣнчаетъ трудъ вашъ благословеніемъ и успѣхами! Аминь.

Рѣчь по совершеніи молебствія, при открытіи общества кіевскихъ врачей.

Усердная молитва ко Всевышнему, коею вы, какъ врачи-христіане, почли за долгъ предначать ваши вновь учреждаемыя общеполезныя собранія, уже ясно даетъ знать намъ, какъ далеко отъ васъ тотъ низкій и жалкій взглядъ на свою науку, по коему религія почитается для нея дѣломъ совершенно чуждымъ; что вы, напротивъ, и усугубляя труды и усердіе свое на пользу страждущаго человѣчества, полнаго успѣха въ благотворномъ служеніи ему ожидаете не столько отъ собственныхъ усилій и средствъ земныхъ, сколько отъ благословенія свыше.

Привѣтствуемъ васъ, отъ лица святой Церкви, съ симъ свѣтлымъ и возвышеннымъ взоромъ на свое дѣло! Безъ сомнѣнія, весь пространный и богоспасаемый градъ нашъ не

замедлитъ отозваться чувствомъ сугубой признательности къ вамъ, не только за то, что вы такъ благородно усугубляете дѣятельность вашу на пользу общую, но и за то, что самое начало сей дѣятельности освящаете именемъ Того, въ десницѣ Коего жизнь и дыханіе наше. Если въ какомъ градѣ, то въ нашемъ, изъ коего свѣтъ вѣры и свѣтъ наукъ распространился по всѣмъ предѣламъ неизмѣримаго отечества нашего, вѣрѣ и знанію всегда должно находиться въ самомъ тѣсномъ и всѣми видимомъ союзѣ.

Имѣя въ виду такое благое расположеніе ваше, мы питаемъ твердую надежду, что святая вѣра, призванная на помощь въ началѣ занятій вашихъ, не будетъ забыта вами и во все продолженіе ихъ. И почему бы сей всеосвящающей вѣрѣ не осѣнять постоянно своимъ невидимымъ присутствіемъ ученыхъ собраній вашихъ? — Знаніе истинное—что̀ такое оно вообще, какъ не природная дщерь и воспитанница вѣры? Вѣра истинная — что̀ и она, какъ не естественный конецъ и вѣнецъ всякаго основательнаго познанія? Присмотритесь къ началу и къ концу наукъ, и увидите, что каждая изъ нихъ вытекла изъ-подъ священныхъ высотъ вѣры, и каждая, при надлежащемъ теченіи своемъ, всегда впадаетъ въ море разумнаго вѣрованія; въ противномъ же случаѣ, каждая неминуемо образуетъ изъ себя, наконецъ, непроходимыя дебри и болота. Мы привыкли говорить: «кругъ наукъ, кругъ знанія», и отдѣлять его отъ круга вѣры; но, собственно говоря, нѣтъ и не можетъ быть круга наукъ, а существуетъ одинъ безпредѣльный округъ вѣры, внутренность коего раздѣляется между науками. Знаніе безъ вѣры есть средина безъ начала и конца; посему, кто ищетъ не бездушныхъ отрывковъ, а живаго разумнаго цѣлаго, тотъ необходимо долженъ соединять знаніе съ вѣрою.—Только близорукая философія прошедшаго (XVIII) столѣтія возмечтала было на время расторгнуть сей священный союзъ и заставила знаніе копать гробъ для вѣры; но что вышло изъ сего матереубійственнаго покушенія? Святая вѣра, гонимая самозабывшимся разсудкомъ, сокрылась въ недоступную для него глубину сердца человѣческаго;—и лжеименное познаніе осталось само въ ископанномъ отъ него гробѣ съ своими софизмами.

Но если каждая наука, подобно какъ и всякій человѣкъ,

по самой натурѣ своей, требуетъ для своего совершенства религіи; то ваша наука, врачи-христіане, имѣетъ въ семъ нужду сугубую. Вы призваны трудиться на мрачномъ полѣ страданій человѣческихъ; среди сихъ трудовъ нельзя не спросить: гдѣ первое начало и гдѣ послѣдній конецъ сихъ ужасныхъ страданій? — Кто же въ состояніи дать успокоительный отвѣтъ на сей великій вопросъ, кромѣ святой вѣры?—Недугамъ тѣлеснымъ, тайно или явно, посредственно или непосредственно, но всегда предшествуютъ недуги душевные—грѣхи и страсти: можно ли изсушить протоки, не заградивъ источника? и какъ заградить источникъ, не призвавъ на помощь нравственности и вѣры.—Не должно забывать и того, что болѣзни и недуги, съ коими вамъ должно сражаться, суть не какая-либо не важная случайность въ родѣ человѣческомъ, что они допущены Промысломъ съ премудрою цѣлію, и суть въ рукахъ Его одно изъ главныхъ средствъ къ управленію судьбою земнородныхъ, къ нравственному исправленію людей: какъ съ полнымъ успѣхомъ дѣйствовать къ прекращенію, или ослабленію сихъ узъ, коими связуется свыше легкомысліе или строптивость человѣческая, не имѣя въ виду путей Промысла, не сообразуясь съ ними, сколько можно и, слѣдовательно, не бывъ глубоко проникнутымъ вѣрою въ нравственную цѣль всѣхъ нашихъ несчастій и страданій?—Какъ, наконецъ, исключить самую вѣру изъ числа прямыхъ средствъ къ уврачеванію всякаго рода недуговъ, когда многократные опыты свидѣтельствуютъ, что силѣ живой вѣры уступаетъ то, что посмѣвалось надъ всѣми усиліями искусства?—А сердце самаго врача—ужели оно иначе создано, чтобы ему можно было обходиться безъ религіи,—ему, отъ коего такъ часто требуются подвиги самоотверженія самаго высокаго?—Вѣримъ, что васъ одушевляетъ чувство чистой любви къ ближнему; но сколько случаевъ, гдѣ сіе чувство естественно изнемогаетъ, не будучи подкрѣпляемо чувствомъ вѣры въ Того, Кто за чашу студеной воды, поданной во имя Его, обѣщаетъ царство?—Такимъ образомъ, врачъ и его наука не могутъ сдѣлать разумно ни одного шага безъ того, чтобы не возчувствовать нужды въ религіи. За то и имъ стоитъ сдѣлать, съ своей стороны, только одинъ шагъ, чтобы вступить въ область вѣры.

Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ постоянно стоитъ и дѣйствуетъ

врачъ? Не на предѣлахъ ли жизни и смерти? Слѣдовательно, не тамъ ли именно, гдѣ знаніе граничитъ съ вѣрою? — Трудно ли, стоя на срединѣ, взирать въ обѣ стороны? — Естественно ли всегда смотрѣть только въ одну сторону? — Правда, что на сторонѣ вѣры болѣе сумрака, нежели на сторонѣ знанія: за то тамъ виды въ безпредѣльность, а здѣсь все сжато, мелко и ничтожно. — Далѣе — наука требуетъ отъ врача слѣдить за тайнами природы и бытія человѣческаго; но не сіи ли самыя тайны служатъ матеріею и, такъ сказать, подкладкою для таинствъ христіанскихъ? Какъ свойство растенія самымъ лучшимъ образомъ познается въ его цвѣтѣ; такъ и сущность тайнъ естественныхъ наилучше проразумѣвается (сколько возможно это для человѣка—на землѣ) въ таинствахъ христіанскихъ.—Посему тѣ естествоиспытатели, кои наиболѣе одушевлены были духомъ вѣры, всегда проникали далѣе другихъ въ святилище природы, и болѣе выносили оттуда общеполезныхъ открытій.— Не сходятся ли, наконецъ, неизбѣжно ваша наука и религія въ своихъ цѣляхъ, трудясь та и другая надъ возстановленіемъ разстроеннаго состоянія человѣческаго? Но, искусство человѣческое обѣщаетъ недугующимъ одно здравіе временное; а медицина божественная, заключающаяся въ откровеніи, самымъ умирающимъ возвѣщаетъ жизнь вѣчную и нетлѣніе. Что легче для врача и что благотворнѣе для болящихъ, какъ подкрѣплять человѣческую надежду обѣтованіемъ божественнымъ?—А недугующіе?—каждый изъ нихъ самымъ недугомъ своимъ уже располагается, болѣе или менѣе, къ религіозному настроенію духа; и благоразумному врачу остается только не портить того, что сдѣлано рукою Промысла. А когда все это такъ, то думать, что науку врачеванія трудно совокуплять съ религіею, значитъ не знать основательно ни своей науки, не религіи.— Не то говорятъ намъ примѣры врачей наиболѣе знаменитыхъ; они всегда были, чѣмъ ученѣе и опытнѣе, тѣмъ добрѣе и религіознѣе; многіе изъ нихъ охотно посвящали перо свое на защиту вѣры и нравственности, такъ что сочиненія ихъ приводятся наравнѣ врачами и богословами; а не малое число было и такихъ, кои, послѣ разнообразнаго служенія человѣчеству, оканчивали дни свои въ строгомъ самоотверженіи на видимомъ служеніи единому Богу,—ука-

зуя такимъ образомъ своимъ примѣровъ собратіямъ своимъ врачевство для болѣзней духа, подобно какъ прежде предписывали врачевства противъ немощей ихъ тѣла.

Нисходя отъ сихъ общихъ истинъ къ предметамъ будущихъ занятій вашихъ, мы увѣрены, что вы не забудете обратить среди ихъ вниманіе на нѣкоторые зловредные предразсудки въ вашемъ дѣлѣ, источникомъ коихъ есть недостатокъ религіознаго чувства въ врачахъ. Одинъ изъ нихъ особенно приноситъ самые горькіе плоды. Это несчастный обычай, по коему самые лучшіе изъ врачей опасаются брать съ собою религію къ одру своихъ болящихъ; и потому допускаютъ ихъ приближаться даже къ самымъ вратамъ смерти, не предваривъ ни однимъ словомъ о грозномъ часѣ, для нихъ наступающемъ.

Не правда ли, что сей предразсудокъ существуетъ во всей силѣ? Не истина ли, что онъ весьма пагубенъ?—Когда же и гдѣ же обнажить его и показать въ истинномъ видѣ, какъ не здѣсь и не теперь?... Что служитъ опорою и извиненіемъ сего предразсудка у врачей?—Ложный страхъ показать предъ болящими ненадѣянность на свое искусство и знаніе; суетное опасеніе возмутить спокойствіе болящаго напоминаніемъ о нуждѣ обратиться къ пособіямъ святой вѣры; поверхностно—человѣколюбивое желаніе не озабочивать сугубою заботою и безъ того много озабоченнаго семейства. Все это имѣетъ видъ извиненія теперь, когда общее мнѣніе дѣйствительно такъ несчастно настроено, что одно напоминаніе о пособіяхъ вѣры больному отзывается для него уже приговоромъ къ смерти. Но спрашивается: кто настроилъ такъ общее мнѣніе? Врачи неблагоразумные, не дорожащіе истиннымъ благомъ больныхъ и ихъ семействъ. Не врачамъ ли благоразумнымъ послѣ сего предстоитъ честь перестроить его, какъ должно? И не перестроится ли онъ, когда всѣ врачи примутся единодушно за сіе, достойное ихъ, дѣло? — И когда лучше приняться за это дѣло, какъ не съ настоящаго времени? Сообщества тѣмъ особенно и полезны, что они открываютъ удобность легко и съ успѣхомъ произвести общими силами то. на что одинъ не можетъ отважиться—по многимъ причинамъ. Сначала васъ въ семъ случаѣ срѣтитъ, вѣроятно, недоумѣніе и холодность; вы, точно, причините нѣкоторое смущеніе; но будьте увѣрены,

что если вы будете дѣйствовать единодушно и постоянно, заранѣе огласивъ вашъ методъ дѣйствованія; если будете употреблять его съ самаго начала болѣзни, не дожидаясь ея свирѣпства, когда больному и окружающимъ его можно говорить все, не пугая тѣмъ, что говорится, то благая цѣль ваша будетъ понята и оцѣнена, какъ должно, вашему благому намѣренію отдадутъ всю справедливость; а между тѣмъ это будетъ однимъ изъ лучшихъ плодовъ вашего новаго сообщества, настоящаго собранія и молитвъ.

Я не говорилъ бы такимъ языкомъ, если бы мнѣ не довелось, и не разъ, быть свидѣтелемъ, что происходитъ у одра умирающихъ и въ цѣломъ домѣ отъ того, что врачи сокрывали опасность до послѣдней минуты. Больной въ борьбѣ жизни съ смертію; семейство въ отчаяніи; врача или нѣтъ уже, или онъ стоитъ въ отдаленіи, какъ осужденный; всѣ хотятъ, и никто не осмѣливается сказать умирающему, что онъ — умираетъ! — А между тѣмъ необходимо произнести это роковое слово: еще не снята тяжесть грѣховъ съ души отходящаго; еще не принято таинственное напутіе въ жизнь вѣчную; не дано послѣдняго благословенія дѣтямъ, не сдѣлано распоряженія о домѣ и семействѣ... Что будетъ, если болящій отойдетъ, не принявъ печати завѣта вѣчнаго, и не давъ скрѣпы завѣщанію временному? Вѣра, дотолѣ забываемая, обходимая, пренебрегаемая, явись! — теперь твое дѣло, теперь ты нужна, одна ты нужна!... Схваченный наскоро священно-служитель является (кто, откуда, какъ? — о семъ уже не спрашиваютъ); но что находитъ онъ?... Не жизнь, а послѣднія капли догарающаго съ трескомъ огня; не чувство и слезы истиннаго покаянія, а трепетъ предсмертный и лепетъ безсвязный... Ахъ, братіе мои, ужели хотите вы, чтобы мы производили чудеса, когда вамъ вздумается, и останавливали руку ангела смерти, когда она уже подъята на разлученіе души отъ тѣла? — Ищите для сего Моисеевъ и Аароновъ, а не насъ, скудельныхъ сосудовъ, кои сильны однимъ упованіемъ на милосердіе Того, Кто пришелъ призвать не праведныхъ, а грѣшныхъ на покаяніе. Но и оные великіе мужи сказали бы вамъ, что такъ дѣйствовать—значитъ искушать безразсудно долготерпѣніе Божіе.

Итакъ, врачи христіане, хотите ли ознаменовать самое

начало вашего общества дѣломъ достойнымъ васъ, коего благія послѣдствія несомнѣнны, которое не требуетъ особеннаго труда и равно доступно каждому изъ васъ,—и оканчивающихъ и начинающихъ свое поприще? Вооружитесь въ мысль, мною вамъ предлагаемую, поставьте себѣ за правило не являться къ одру болящаго — безъ религіи; какъ сами начинаете теперь свое дѣло, такъ и имъ совѣтуйте начинать врачеваніе съ призыванія имени и помощи Божіей, съ освобожденія себя посредствомъ исповѣди отъ всѣхъ тяжестей душевныхъ, съ принятія всеисцѣляющаго врачества Тѣла и Крови Христовой. Мы совершенно увѣрены, и смѣемъ увѣрить васъ, что такой методъ дѣйствованія не только не повредитъ успѣхамъ врачеванія, а еще во многомъ облегчитъ его и приблизитъ къ цѣли. А между тѣмъ, если вы успѣете въ семъ одномъ великомъ и истинно-общеполезномъ дѣлѣ (а успѣете несомнѣнно, коль скоро приметесь за него единодушно и постоянно), то ваше новое общество принесетъ великій плодъ для всего нашего града, и имена ваши не только сдѣлаются памятны въ лѣтописяхъ медицины, но и будутъ вписаны въ ту великую книгу жизни, которая нѣкогда будетъ читана въ слухъ неба и земли. Аминь.

Рѣчь при открытіи Кіевской палаты государственныхъ имуществъ.

Благодаря мудрой прозорливости и истинно-отеческой попечительности правительства нашего о благѣ народномъ, между государственными учрежденіями, въ такомъ обиліи, непрерывною чредою, исходящими отъ престола, нѣтъ ни одного, которому истинный сынъ отечества не пожелалъ бы отъ сердца успѣха. Но и въ благомъ и общеполезномъ есть свои степени: съ инымъ скоро и легко соглашаешься; другое охотно одобряешь и хвалишь; тому радостно дивишься; а объ иномъ отъ всего сердца молишься.

Настоящему учрежденію государственному выпалъ прекрасный жребій совокупить въ себѣ всѣ сіи качества. Ибо, кто изъ истинныхъ сыновъ отечества не скорбѣлъ сердцемъ, видя, какъ благосостояніе многочисленнаго класса народа, будучи предоставлено его собственному устроенію, по его

душевному малолѣтству и неспособности управлять собою, не только не оказывало успѣховъ, но и приходило въ большее и большее разстройство, угрожая важнымъ вредомъ для всего великаго тѣла государственнаго? Кто, скорбя о семъ, не желалъ, чтобы просвѣщенная, твердая и добросовѣстная опека съ надлежащею властію поспѣшила на помощь сему малолѣтству и неспособности, взяла на свои руки необразованныхъ дѣтей природы, раскрыла имъ глаза и вразумила въ тайну ихъ благосостоянія? — И вотъ, сіи благожеланія исполняются! Исполняются, какъ только можно было ожидать отъ ума и сердца нашего великаго Монарха.

Свойства настоящаго дня не позволяютъ мнѣ, почтенное собраніе, долго занимать вниманіе ваше изображеніемъ всего состава и всѣхъ благотворныхъ качествъ настоящаго государственнаго учрежденія; но и одного краткаго указанія на главныя черты его достаточно, дабы возбудить къ нему въ каждомъ благомыслящемъ не только уваженіе, но и любовь.

Чего первѣе всего недостаетъ селянину?—Способности благоразумно управлять своею дѣятельностію, пользоваться выгодами своего состоянія и умножать ихъ, избѣгать опасностей и невыгодъ своего состоянія и уменьшать ихъ, если нельзя уничтожить:—вотъ чего не достаетъ нашему селянину! Вслѣдствіе сего надъ нимъ прострется постоянная отеческая опека, коея главный долгъ и цѣль—возбудить уснувшую дѣятельностъ селянина и направить ее къ истинной цѣли, — указать, расчистить, расширить и углубить источники сельскаго благосостоянія, и напротивъ, изсушить, и заградить, сократить и ослабить, если нельзя уничтожить, всѣ источники невыгодъ и несчастій.—Селянинъ, будучи крѣпокъ силами и богатъ терпѣніемъ, малъ понятіями, скуденъ сообразительностію, не видитъ, что сокрывается въ нѣдрахъ его нивы, и какъ извлекать сокрытое, не умѣетъ идти за природою, тѣмъ паче пособлять ея нуждамъ, дабы самому потомъ не имѣть нужды въ пособіяхъ: и вотъ на помощь сему недостатку будетъ призвано все, что наука и искусство измыслили и устроили полезнаго для сельскаго хозяйства, — призвано не такъ, какъ иногда дѣлаютъ неблагоразумные нововводители, посредствомъ мечтательныхъ улучшеній, губящіе послѣдніе

остатки своего достоянія, а по усмотрѣнію истинныхъ нуждъ, послѣ увѣренности въ несомнѣнномъ успѣхѣ предпринимаемаго, безъ употребленія изнурительныхъ для селянина трудовъ, не подвергая,—въ ожиданіи будущаго,—опасности настоящее. Селянинъ, по самой необразованности своей, удобопреклоненъ къ грубымъ удовольствіямъ, и готовъ погружаться въ нихъ до забвенія не только своихъ выгодъ, но и достоинства человѣка: сей несчастной наклонности противупоставятся самыя дѣйствительныя, даже вещественныя преграды: порокъ и худое поведеніе не будутъ пользоваться ненаказанностію, даже совершаемыя въ семейномъ мракѣ хижинъ; но въ то же время сей мракъ не сокроетъ отъ проницательнаго взора начальства ни безпріютнаго сиротства, ни бездомовной престарѣлости, ни неисцѣльной болѣзненности. Повременное соединеніе силъ и рукъ въ одинъ трудъ общественный дастъ возможность совершать на пользу сельскаго хозяйства то, что совершенно невозможно было для раздѣльныхъ усилій, и откроетъ удобность селамъ и весямъ нашимъ сбросить съ себя и съ окрестностей своихъ тотъ жалкій видъ нестроенія, который нынѣ такъ безобразитъ прекрасную страну нашу. Пріученіе къ порядку общественному, прохожденіе общественныхъ званій родитъ среди поселянъ духъ общественный и будетъ отучать ихъ отъ безпорядковъ домашней жизни; благоразумныя награды отъ начальства пробудятъ въ нихъ соревнованіе, а благоразумныя наказанія оживятъ между ними благотворное чувство стыда и приличія. Кратко: вслѣдствіе новаго, истинно государственнаго учрежденія, весь бытъ селянина долженъ подлежать благотворной перемѣнѣ; и все сіе должно совершиться, не выходя нисколько изъ нравовъ русскаго народа, имѣющаго по природѣ прекрасную наклонность быть особенно приверженнымъ къ алтарю и престолу.

Послѣ сего, оставалось желать одного, чтобы учрежденіе столь благотворно измышленное, такъ основательно соображенное, такъ мудро направленное къ цѣли, нашло для себя вѣрныхъ, неутомимыхъ и благоразумныхъ приставниковъ и исполнителей.

Поелику качества сіи предержащею властію усмотрѣны въ васъ, почтеннѣйшіе приставники новаго учрежденія, то вамъ и ввѣрена первая судьба его въ странѣ нашей. Привѣтствуемъ васъ съ симъ прекраснымъ назначеніемъ!—Трудиться для отечества всегда пріятно; но тѣмъ пріятнѣе,

когда плоды трудовъ предъ собственными глазами видимо обращаются во благо человѣчества. Вы постоянно будете наслаждаться симъ чистымъ удовольствіемъ. Да будетъ же оно, послѣ святаго имени Божія и совѣсти вашей, для васъ и всегдашнимъ побужденіемъ къ неослабной дѣятельности. Не забывайте, что за дѣятельностію вашею будетъ идти вниманіе всѣхъ просвѣщенныхъ друзей человѣчества, жаждущихъ видѣть на опытѣ плоды учрежденія столь благотворнаго и столь ожиданнаго. Помните, что успѣхъ вашего управленія между прочими благими послѣдствіями будетъ имѣть и то, что возбудитъ подражаніе въ частныхъ владѣльцахъ, столько терпящихъ и заставляющихъ такъ много терпѣть подвластныхъ имъ отъ неблагоразумнаго управленія своимъ достояніемъ. Имѣя въ виду все сіе, ускорите успѣхомъ: удвойте, утройте его, если можно!—Да обрадуется скорѣе сердце Отца отечества! Да поднимутъ главу изъ праха простота и бѣдность! Да покажется всѣмъ и каждому, что государственное хозяйство есть не одно звучное имя, но и дѣло великое!

А мы, какъ здѣсь и теперь призывали, такъ вездѣ и всегда не престанемъ призывать на васъ и труды ваши благословеніе Божіе.

Рѣчь при открытіи въ городѣ Кіевѣ конторы коммерческаго банка.

Одинъ изъ Апостоловъ Христовыхъ свидѣтельствуетъ, что словомъ Божіимъ и молитвою освящается все (1 Тим. 4, 5). По сему указанію и мы совершили здѣсь молитву и возгласили слово Божіе. Послѣ сего, на новомъ учрежденіи нашемъ, кромѣ другихъ видимыхъ печатей, будетъ невидимо и печать освященія свыше. Важна ли сія печать?—Такъ важна, что несоблюденіе въ цѣлости ея одной повлечетъ за собой важную отвѣтственность въ тотъ великій день отчетовъ, когда будутъ вскрываться всѣ печати и разгнутся всѣ книги.

Имѣя въ виду сіе, приставники новаго учрежденія будутъ руководствоваться въ трудахъ своихъ не однимъ сознаніемъ своего служебнаго долга, но и возвышеннымъ чувствомъ страха Божія. За то въ поощреніе трудамъ своимъ, они могутъ быть увѣрены, что усердіе и дѣятельность ихъ не только будутъ оцѣнены предержащею властію на землѣ,

но и не забыты у Того, Кто одинъ можетъ вполнѣ вознаградить человѣка за всѣ подвиги и лишенія земной жизни.

Обращаясь за симъ къ обитателямъ страны нашей, мы не можемъ не привѣтствовать ихъ отъ лица святыя Церкви съ новымъ знакомъ особеннаго самодержавнаго вниманія къ ихъ нуждамъ и благосостоянію. Я говорю: *особеннаго вниманія;* ибо что побуждаетъ мудрое правительство, на коемъ лежитъ обязанность удовлетворять столь многимъ и разнообразнымъ нуждамъ общественнымъ, открыть не въ другомъ какомъ-либо градѣ, а въ нашемъ, такой обширный источникъ пособій для всякаго рода предпріятій частныхъ, какъ не особенное желаніе видѣть въ нашей странѣ благія предпріятія возрастающими въ числѣ, укрѣпляющимися въ исполненіи, дружно направленными къ той высокой цѣли, къ коей стремится оно само, то есть, къ мирному и прочному благоустроенію страны нашей?—Что лучше,—быть въ тягостной зависимости отъ ненасытной алчности заимодавцевъ. кои, помогая нуждѣ, сами еще болѣе живутъ ею, и, подобно зловѣщимъ птицамъ, являются наиболѣе тамъ, гдѣ близокъ конецъ и разрушеніе; или имѣть неизсякаемый источникъ пособій, текущій отъ Престола. огражденный законами, невозмущаемый никакимъ дыханіемъ страстей, доступъ къ коему открытъ и расчищенъ со всѣхъ сторонъ до послѣдней возможности?—Ужели же благодѣяніе менѣе будетъ отъ того, что произошло не изъ частныхъ рукъ, а отъ Престола?...

Не источникъ виною, если, вмѣсто того, чтобы почерпать и утолять жажду, кто-либо стремглавъ повергается въ него и утопаетъ: иначе надлежало бы заградить и изсушить всѣ источники. На стражѣ противъ сей опасности, если то нужно, должно стать здравое понятіе о собственныхъ выгодахъ каждаго; станутъ самыя нужды страны нашей, столь громко напоминающія объ умѣренности и благоразуміи. Въ самомъ дѣлѣ, тогда ли помышлять о начинаніи какихъ-либо мечтательныхъ предпріятій и улучшеній, объ удовлетвореніи прихотямъ воображенія и чувственности, когда большая часть градовъ и весей нашихъ останавливаютъ взоръ путешественника едва не однѣми развалинами? Когда не малая часть храмовъ нашихъ, тѣхъ храмовъ, въ коихъ отъ лѣтъ древнихъ призывается миръ и благоденствіе на всѣхъ и каждаго, угрожаетъ паденіемъ?—Когда тысячи живыхъ храмовъ—братій нашихъ по вѣрѣ и плоти, едва находятъ способы продолжать свое жалкое

существованіе? Когда самое небо такъ грозно вразумляетъ насъ, безвременно затворяясь и растворяясь надъ главами нашими, вопреки нашихъ нуждъ и ожиданій? Когда земля такъ вѣрно повторяетъ упрекъ неба, то изсыхая и ожестѣвая подъ стопами земледѣльца, то растворяясь и поглощая невозвратно сѣмена, ей ввѣряемыя? Смотря на все сіе, какой благомыслящій обитатель страны нашея не скажетъ вмѣстѣ съ нами отъ всей души, что время, давно время, заградить слухъ отъ всѣхъ обаяній, внять, наконецъ, гласу истинныхъ нуждъ и собственныхъ и собратій своихъ по плоти? Что время, давно время обратить и находящіеся въ рукахъ способы, и вновь великодушно предлагаемое пособіе, на уврачеваніе язвъ, причиненныхъ или безразсудною непредусмотрительностію или неразсудливою мечтательностію, или пагубною расточительностію? Безъ сего, что будетъ значить наша образованность, какъ не призракъ лучей солнечныхъ, праздно живописующихъ въ облакахъ и своими картинами предвѣщающихъ или засуху или бурю?— Что будетъ великолѣпіе, насъ окружающее, какъ не богатство цвѣтовъ, нерѣдко покрывающихъ собою скалы недосягаемыя, или почвы непроходимыя? Что будетъ самое обиліе правъ и преимуществъ, какъ не наборъ драгоцѣнныхъ камней, блистательныхъ для взора, но не могущихъ сообщить и единой капли здравія груди, мертвѣющей отъ недуга?...

Царь небесный благословляетъ страну нашу миромъ; возревнуемъ принять благодатный миръ сей въ домы и сердца наши! Царь земной,—съ лицемъ архангела, благовѣствующаго радость,—спѣшитъ на помощь нуждамъ нашимъ: оправдаемъ его попеченія благоразумнымъ употребленіемъ предлагаемыхъ пособій! Неусыпные и нелестные исполнители воли царской готовы быть вѣрными посредниками между Престоломъ и послѣднею хижиною, будемъ признательны къ ихъ подвигамъ?

Да удалится всякое недоразумѣніе, да пріидутъ въ дѣйствіе всѣ благія намѣренія! Да возвеселится сердце людей и лице земли!—О семъ молитъ, и не престанетъ молить, Господа святая Церковь Его. Аминь.

СЛОВА

НАДГРОБНЫЯ.

Слово предъ совершеніемъ панихиды о благочестивѣйшемъ Государѣ Императорѣ Николаѣ I,

произнесенное 20 ноября 1855 года.

Вчера мы совершали молитвенно память о кончинѣ Александра Благословеннаго; а нынѣ молимся о упокоеніи души Николая подвиголюбиваго, который въ этотъ самый день взошелъ нѣкогда на престолъ всероссійскій. Итакъ, предъ нами сіи два величайшіе Монарха, съ высоты могущества своего и славы сошли въ могилу... Нужна ли послѣ сего въ настоящіе дни какая-либо проповѣдь?... Развѣ только съ горестію духа воскликнуть: о бренность и краткость бытія нашего на землѣ! О превратность и скороисчезаемость величія и могущества человѣческаго!—При такихъ-то гробахъ познается во всей силѣ справедливость слова пророческаго: *всяка плоть сѣно, и всяка слава человѣка, яко цвѣтъ травный: изсше трава, и цвѣтъ отпаде* (Исаіи 40, 6).

Но и въ семъ, такъ не длинномъ преддверіи вѣчнаго бытія человѣческаго, какова наша жизнь на землѣ, усматривается однако же по временамъ не малая разность. Большая часть людей приходятъ на землю и сходятъ съ ней, какъ волны моря, не принося съ собою и не унося ничего особеннаго. Но бываютъ жизни, такъ обильныя внутреннимъ значеніемъ и качествами, такъ важныя по своему

дѣйствію на все человѣчество, что ихъ можно уподобить цѣлымъ приливамъ и отливамъ морскимъ.

Такова была жизнь каждаго изъ воспоминаемыхъ нынѣ нами Монарховъ. Александръ Благословенный—при одномъ имени его невольно пробуждается въ памяти и воображеніи цѣлая четверть настоящаго столѣтія; является снова рядъ царствъ и престоловъ, не имъ ниспроверженныхъ, а имъ снова поднятыхъ и утвержденныхъ на своемъ мѣстѣ; возстаетъ во всемъ грозномъ величіи своемъ 1812 годъ, съ пылающею, какъ очистительная жертва, Москвою, съ поникшимъ долу и милуемымъ, какъ грѣшникъ кающійся, Парижемъ. Затѣмъ открывается новый порядокъ вещей и какъ бы творится новый міръ, въ коемъ право сильнаго подчинено уже святости долга, который проникнутъ не одною мудростію и благоразуміемъ человѣческимъ, а духомъ и любовію христіанскою, и посему справедливо украшался именемъ *союза священнаго*. И кто, какъ нѣкій архангелъ, сталъ и до конца своей жизни стоялъ, съ своимъ скипетромъ и мечемъ, на стражѣ сего союза? Тотъ же Александръ Благословенный. Сколько другихъ, истинно-великихъ и благодѣтельныхъ событій, коимъ всѣ радовались, и за которыя всѣ благословляли насъ, даже самые, бывшіе дотолѣ, враги наши! — Смотришь на тогдашній міръ, и радуешься, не только за свое отечество, но и за другіе народы, тогда освобожденные и возвращенные къ ихъ природному бытію и благоденствію. Одинъ тогдашній исполинъ брани, не дававшій никому покоя и движеніемъ замысловъ своего властолюбія потрясавшій весь свѣтъ, — одинъ онъ сидитъ въ печали среди океана и томится отчаяніемъ на безплодной скалѣ. Но и онъ поверженъ въ эту неисходную безъ стѣнъ темницу не мщеніемъ какимъ-либо Александра, коего долею было токмо миловать и радовать, а мнѣніемъ и приговоромъ цѣлыхъ народовъ, или паче тайнымъ опредѣленіемъ правды небесной.

Кто не желалъ продолженія такому благословенному царствованію? Воспоминая его, и теперь чувствуешь нѣкоего рода сожалѣніе, что оно не продолжилось до позднихъ предѣловъ жизни человѣческой, и Россіи не дано было увидѣть и испытать на себѣ то, что готовила для нея мудрая опытность Монарха, наставленнаго и — можно сказать — пере-

воспитаннаго рукою самаго Провидѣнія въ училищѣ грозныхъ событій всемірныхъ и всякаго рода испытаній.

При воспоминаніи за симъ о недавно почившемъ въ Бозѣ Монархѣ, первѣе всего должно сказать, что, съ наступленіемъ его царствованія, это праведное сожалѣніе о кончинѣ его великаго предшественника не увеличивалось, а съ каждымъ днемъ видимо уступало мѣсто всеобщему успокоенію мыслей. Скоро увидѣли, всѣ и каждый, что это—преемникъ почившаго не по крови токмо и плоти, а и по духу и по силѣ воли, истинно-державной. Ему не суждено было свыше, какъ августѣйшему брату его, стоять и устоять противу какого-либо новаго исполина браней: но вмѣсто сего онъ долженъ былъ всю жизнь единоборствовать противу тлетворнаго духа мятежа и возмущеній народныхъ, который обольстилъ собою едва не всю вселенную, и одинъ стоилъ многихъ завоевателей. И кто можетъ сказать, что онъ поникъ когда-либо предъ симъ опаснымъ и злохитрымъ врагомъ?—чтобы не сразилъ его вездѣ, гдѣ только встрѣчался съ нимъ лицемъ къ лицу? — Право и долгъ были всегдашнимъ знаменемъ почившаго Монарха; безкорыстіе, благородство духа и чистота намѣреній — его спутниками. Неправда и лукавство восточныхъ сосѣдей нашихъ и его принуждали извлекать изъ ноженъ мечъ; но онъ всегда съ радостію спѣшилъ вложить его въ ножны, коль скоро открывалась возможность къ тому. Тридцатилѣтніе неутомимые труды его на пользу отечества, сопровождавшіеся множествомъ общеполезныхъ учрежденій, свидѣтельствуютъ, какъ пламенно любилъ онъ свою Россію; воскрешенная Греція, упроченная на потрясенномъ-было основаніи Германія, самая нынѣшняя брань за восточное христіанство—показываютъ, какъ искренно любилъ онъ человѣчество. Не его вина, если пролилось столько крови за то, ради чего впрочемъ всѣмъ бы надлежало быть готовыми пролить свою кровь, только не противу насъ, а противъ враговъ креста Христова. Великая и святая цѣль почившаго Монарха — доставить успокоеніе страждущему на востокѣ столько вѣковъ христіанству, могла быть достигнута безъ всякой брани и безъ вреда для кого-либо, къ единой радости и успокоенію всѣхъ, если бы только противу сего святаго дѣла не стали съ ожесточеніемъ явная зависть и давняя тайная вражда къ намъ за-

падныхъ недруговъ нашихъ, и если-бъ не были злонамѣренно распалены ими противу насъ всюду страсти человѣческія.

Всевышній Самъ разсудитъ сію великую и неожиданную распрю, и покажетъ современемъ — на чьей сторонѣ была искренность, на чьей — лукавство. Но мы, увѣренные въ благихъ и чистыхъ видахъ почившаго, не можемъ не жалѣть отъ всего сердца, что и ему не дано было достигнуть обыкновенныхъ предѣловъ жизни. Чрезвычайные труды и долговременная, непрестанная дѣятельность неминуемо должны были сократить срокъ его царственнаго служенія, — и сократили!

Такимъ образомъ, братіе мои, предъ нашими, можно сказать, очами два великіе Монарха наши съ престола сошли въ могилу, и тѣ, кои управляли обширнѣйшимъ въ мірѣ царствомъ и давали направленіе едва не всему свѣту, почіютъ теперь, яко же и прочіе человѣки, въ гробахъ своихъ на маломъ пространствѣ земли. Послѣ сего, нужна ли еще какая нынѣ проповѣдь о бренности естества человѣческаго, и о томъ, что, живя на землѣ, всѣмъ и каждому изъ насъ, должно жить не для одной земли, а паче всего для неба, гдѣ наше истинное мѣсто, уже не на время токмо, а на всю безпредѣльную вѣчность? Аминь.

Слово въ четыредесятый день по кончинѣ благочестивѣйшаго Государя Императора Николая I-го,

произнесенное въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ, 4 апрѣля 1855 года.

Есть ли по ту сторону гроба время и какая-либо мѣра времени, или тамъ нѣтъ ничего временнаго, а единая вѣчность? Многіе готовы утверждать послѣднее, ибо имъ кажется, что если допустить и за гробомъ время, то вмѣстѣ съ тѣмъ надобно допустить тамъ и конецъ времени; и это несообразно съ вѣчнымъ бытіемъ, отшедшихъ туда, безсмертныхъ душъ человѣческихъ.

Опасеніе напрасное! Ибо время предполагаетъ собою токмо начало, но отнюдь не предполагаетъ необходимо конца своего; напротивъ, мы не можемъ и представить себѣ никакого конца времени, потому что оно въ самомъ дѣлѣ

не имѣетъ его. Въ семъ отношеніи время есть та же вѣчность, токмо не стоящая и пребываюшая, а поступающая и движущаяся въ безконечность.

Не подобное ли сему мы видимъ въ таинственномъ откровеніи Іоанновомъ? Тамъ, среди міра духовъ, слѣдовательно въ нѣдрахъ вѣчности, является полное подобіе нашего времени, со всѣми даже его измѣреніями, какъ-то: тысящелѣтій и годовъ, дней и часовъ. Все сіе, безъ сомнѣнія, имѣетъ значеніе высшее, и должно быть понимаемо не такъ, какъ въ нашемъ теперешнемъ кругѣ земнаго бытія человѣческаго; но, съ другой стороны, все это не можетъ не заключать въ себѣ, хотя отчасти, измѣренія временъ и лѣтъ подобнаго нашему. Одни и тѣ же слова и выраженія, взятыя изъ нашего міра и прилагаемыя къ міру высшему, естественно должны заключать въ себѣ и смыслъ подобный.

А когда такъ, то поелику у насъ въ земномъ мірѣ время слагается вообще изъ событій и перемѣнъ, и опредѣляется ихъ послѣдовательностію и взаимнымъ разстояніемъ: подобное сему должно быть и тамъ — за гробомъ. Даже можно сказать болѣе, то есть, что эти перемѣны и тамъ, какъ здѣсь, имѣютъ основаніе и начало двоякое: одно внутри самыхъ существъ разумныхъ, — въ преемствѣ ихъ мыслей, чувствъ и движеній сердечныхъ, другое — въ предметахъ внѣшнихъ, ихъ окружающихъ, въ томъ, что происходитъ съ сими предметами и чѣмъ сопровождается.

Какъ бываетъ все это у нихъ — тамъ, по какимъ законамъ совершается, изъ чего именно происходитъ и къ чему приводитъ,—сего не дано знать намъ, доколѣ мы на землѣ;— не дано между прочимъ, можетъ быть, и потому, что на языкѣ человѣческомъ нѣтъ словъ къ выраженію тамошнихъ предметовъ и дѣйствій, — такъ какъ и апостолъ Павелъ, возвратившись нѣкогда съ третьяго неба, не въ состояніи былъ пересказать, что ему было тамъ говорено и показано (2 Кор. 12, 4).

Единой святой Церкви, яко хранительницѣ таинъ Божіихъ, дано возвѣстить намъ изъ загробнаго состоянія нашего то и столько, что и сколько нужно знать намъ для нашего духовнаго руководства и употребленія въ дѣло. И вотъ, она съ первыхъ временъ христіанства, постоянно освящаетъ нѣкоторые дни по кончинѣ усопшихъ особенными молитвами

о нихъ, и въ томъ числѣ преимущественно день четыредесятый. Совершая нынѣ таковое поминовеніе по кончинѣ возлюбленнаго Монарха нашего, многимъ посему можетъ придти на мысль вопросъ: что же именно происходитъ въ четыредесятый день съ душею отшедшихъ? Поелику святая Церковь не раскрываетъ для насъ сей тайны, — ибо ея дѣло не любомудрствовать, а молиться и призывать къ молитвѣ, то обратимся къ священной исторіи и посмотримъ, что происходило когда-либо въ четыредесятый день особенно важнаго. Можетъ быть, такимъ образомъ найдется, хотя отчасти, то, чего мы ищемъ.

Четыредесять дней и четыредесять нощей продолжалось умноженіе водъ потопныхъ, покрывшихъ, наконецъ, самыя высокія горы на землѣ, и истребившихъ все, живущее на ней.

Значитъ—это время продолженія суда и гнѣва небеснаго за неправды человѣческія!

Четыредесять дней проводитъ Моисей на горѣ Синайской въ постѣ и молитвѣ, прежде нежели удостоивается вступить въ бесѣду съ Господомъ и пріять отъ Него скрижали завѣта.

Значитъ — четыредесятый день есть окончаніе великаго приготовленія къ великому и святому дѣйствію!

Четыредесять дней, по закону Моисееву, должно было продолжаться удаленіе отъ храма родившей и новорожденнаго, яко нечистыхъ по природѣ.

Значитъ—это время естественнаго очищенія!

Четыредесять дней проводитъ Спаситель въ пустынѣ, послѣ Его крещенія, предавшись посту и молитвѣ, и въ то же время искушаемый отъ сатаны.

Значитъ,—это время подвига и борьбы духовной.

Четыредесятый день пребываетъ Онъ же на землѣ по Своемъ воскресеніи, являясь по временамъ ученикамъ, и потомъ уже видимо возносится предъ ними на небо.

Значитъ — это время окончательнаго разрѣшенія отъ земли и вознесенія на небеса!

Послѣ сего не трудно уразумѣть, какими чувствами должны быть одушевлены мы, изливая молитвы свои въ настоящій день предъ Богомъ о почившемъ въ Бозѣ Монархѣ нашемъ.

Воспоминая четыредесятидневное умноженіе водъ потоп-

ныхъ, кои очистили собою лице земли, мы должны молить Господа, чтобы четыредесятидневное продолженіе потока молитвъ церковныхъ покрыло наконецъ предъ лицемъ милосердія Божія всѣ вольныя и невольныя грѣхопаденія почившаго.

Воспоминая четыредесятидневное очищеніе родившей—послѣ рожденія—отъ нечистотъ природы, мы должны молить Господа. чтобы и четыредесятидневіе Монарха нашего, по рожденіи его въ жизнь вѣчную чрезъ смерть, сопровождалось освобожденіемъ души его отъ нечистотъ нашей падшей природы.

Воспоминая четыредесятидневное пребываніе Моисея на горѣ Синайской, предъ вступленіемъ въ бесѣду съ Господомъ, мы должны молить благость Божію, чтобы и почившій, послѣ четыредесяти дней своей кончины, могъ удостоиться приближенія ко Господу и воспріять въ душу свою начертаніе новаго высшаго закона, сообразно настоящему пакибытію своему за гробомъ, на небѣ.

Воспоминая четыредесятидневный подвигъ Спасителя въ пустынѣ и побѣду Его надъ духомъ злобы, мы должны молить, чтобы почившему дано было побѣдить темныхъ духовъ, кои, какъ учитъ святая Церковь, обыкли ставить препоны душѣ, восходящей отъ земли.

Воспоминая, наконецъ, четыредесятидневное пребываніе воскресшаго Спасителя на землѣ до Его вознесенія на небо, мы должны молить Его премилосердаго, чтобы и почившему отверстъ былъ теперь восходъ въ горняя, въ обитель вѣчнаго успокоенія.

Вотъ сколько для христіанина основаній, побужденій, предметовъ и цѣлей—молиться за усопшихъ братій своихъ—въ день четыредесятый! — Не тѣмъ ли съ большимъ усердіемъ мы должны сдѣлать это нынѣ о почившемъ въ Бозѣ Монархѣ нашемъ? Всѣ прочія связи и отношенія между имъ и нами кончились; но союзъ вѣры, любви и молитвы не разрываемъ, и долженъ пребыть въ силѣ навсегда. Симъ токмо образомъ можемъ мы показать и доказать нашу искреннюю благодарность къ нему за его многолѣтніе и неутомимые труды для блага и славы возлюбленнаго нашего отечества. — Аминь.

Слово въ день годичнаго поминовенія Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая I-го,

сказанное въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ, февраля 18, 1856 года.

Годъ уже протекъ надъ могилою почившаго въ Бозѣ Монарха нашего! Сколько событій совершилось въ это время и у насъ, на этой бѣдной землѣ нашей! Тѣмъ болѣе должно произойти тамъ, у нихъ...—Что совершилось здѣсь, въ нашемъ земномъ мірѣ, то мы видѣли или слышали. Кто скажетъ намъ, что произошло—*тамъ?*... Сколько ни усиливай любопытства и ни напрягай мысли, сколько ни умножай вопросовъ, въ отвѣтъ одно — молчаніе. Гробы царей также безмолвны, какъ и гробъ послѣдняго изъ подданныхъ.

Почему такъ? Развѣ не могло быть иначе? Конечно, могло; но Промыслъ Божій судилъ за лучшее — простереть непроницаемую завѣсу между двумя мірами, нашимъ видимымъ и ихъ духовнымъ,—такую завѣсу, которая приподнимается для человѣка только одинъ разъ — рукою смерти, и то единственно для того, кто отходитъ отсюда навсегда, а не для насъ. остающихся долу. Почему такъ судилъ Промыслъ Божій? Отчасти, можетъ быть, потому, что время, въ кругѣ коего мы обращаемся, и вѣчность, куда отходятъ они, такъ противоположны между собою, что даже умственный взоръ нашъ не можетъ совмѣстить того и другаго, а главное, должно быть, потому, что для насъ не полезно и даже сопряжено было бы со вредомъ видѣть и знать заранѣе, что происходитъ съ человѣкомъ по ту сторону гроба.

«И какой бы могъ быть вредъ изъ сего?» — подумаетъ кто-либо. А тотъ,—укажемъ на главное,—что отъ преждевременнаго прозрѣнія и, такъ сказать, соглядатайства въ вѣчность возмутился бы весь порядокъ земной жизни, и многіе изъ людей перестали бы вовсе заниматься дѣлами своего званія. Добродѣтель, между прочимъ, потеряла бы въ такомъ случаѣ свою главную цѣну и достоинство, то есть, свободу и безкорыстіе. Теперь напротивъ! Мы — волею и неволею—пріучаемся вѣровать не видя, и уповать не осязая; теперь каждый самымъ положеніемъ своимъ во мракѣ земномъ воззывается на ту высоту духа, куда не можетъ до-

сягать вихрь и прахъ житейскихъ попеченій, и гдѣ начинаютъ быть видимы и ощутительны тихое мерцаніе и кроткое вѣяніе изъ жизни вѣчной.

Между тѣмъ, гдѣ оставляютъ человѣка чувства и опытъ, тамъ является святая вѣра; въ то время, какъ умолкаетъ, не зная, что̀ сказать о жизни за гробомъ, нашъ разумъ, слышнѣе дѣлаются благодатныя вѣщанія Евангелія.

Конечно, и эти небесные вѣстники не открываютъ намъ всѣхъ тайнъ вѣка грядущаго; но, въ замѣнъ того, сказуютъ о немъ все то, что̀ намъ необходимо знать для руководства въ нашей земной жизни, чтобы при переходѣ, путемъ смерти, въ вѣчность, удостоиться тамъ блаженства. И во-первыхъ, святая вѣра ясно говоритъ и утверждаетъ, что есть всемогущій Владыка жизни и смерти, отъ Коего приходятъ на землю и къ Коему возвращаются, по смерти, всѣ души человѣческія; что Онъ, будучи Самъ безсмертенъ, таковымъ же благоволилъ создать и человѣка, такъ что самая смерть, которой мы подверглись вслѣдствіе эдемскаго грѣхопаденія, умерщвляетъ, и то на время, одно тѣло наше, а души коснуться не можетъ;—что сей вседержавный Владыка времени и вѣчности праведенъ и святъ, а посему не можетъ равно принимать на лоно вѣчности каждаго изъ умирающихъ, а воздаетъ комуждо по дѣломъ его въ земной жизни. Вмѣстѣ съ симъ святая вѣра открываетъ, что сей небесный Домовладыка, по безпрекладному милосердію Своему къ намъ, падшимъ и нечистымъ, послалъ на землю, для спасенія нашего, единороднаго Сына Своего, Который для того именно воплотился и претерпѣлъ смерть крестную, дабы удовлетворить за грѣхи наши правосудію небесному и приготовить насъ къ пребыванію на небѣ, *да всякъ, вѣруяй въ Него, не погибнетъ, но имать животъ вѣчный* (Іоан. 3, 16).

Вотъ что говоритъ и открываетъ намъ святая вѣра!

Когда прилагаемъ сіи великія и непреложныя истины къ судьбѣ почившихъ въ Бозѣ отцевъ и братій нашихъ, то получаемъ возможность составить для себя достаточное понятіе о томъ, что съ каждымъ изъ нихъ въ вѣчности.

Такъ, поелику Господь нашъ и Отецъ будущаго вѣка праведенъ и есть Богъ мздовоздаятель для подвизавшихся здѣсь доблественно; то нѣтъ сомнѣнія, что великіе труды почившаго въ Бозѣ Монарха нашего не могли остаться

безъ мздовоздаянія. Поелику Господь нашъ Самъ человѣколюбивъ и благоутробенъ, то нѣтъ сомнѣнія, что подвиги его на пользу человѣчества вмѣнены ему въ заслугу и приняты со благоволеніемъ. Поелику предъ очами Отца небеснаго выну крестъ единороднаго Сына и безцѣнная кровь Его, проліянная во искупленіе всего міра, то можемъ быть увѣрены, что живая вѣра почившаго Монарха въ Спасителя и Его крестъ восполнила собою его несовершенства и недостатки, яко человѣка, и отверзла для него врата царствія небеснаго. Наконецъ, поелику Самъ Спаситель нашъ глаголетъ намъ въ Евангеліи, что *вся, елика аще воспросите въ молитвѣ, вѣрующе, пріимете* (Матѳ. 21, 22), то мы не можемъ сомнѣваться, что молитвы всея Россіи о упокоеніи души почившаго въ Бозѣ Монарха оказали свое таинственное дѣйствіе на его душу и низвели на нее благодать и милость Божію.

Съ сими мыслями подобаетъ намъ, яко христіанамъ, срѣтить и проводить настоящій день годичнаго поминовенія по усопшемъ Вѣнценосцѣ нашемъ.

Обращаясь за симъ отъ неба, гдѣ *живетъ* единая любовь и *правда* (2 Петр. 3, 13), къ бѣдной землѣ нашей, гдѣ непрестанно волнуютъ и ослѣпляютъ людей страсти, мы не встрѣчаемъ еще полной справедливости къ почившему — во мнѣніяхъ человѣческихъ. И какъ могло быть иначе? Возставши съ такимъ ожесточеніемъ противъ его благихъ намѣреній въ отношеніи къ востоку, разжегши пламень такой ужасной брани противу насъ, враждебные намъ народы поставили себя въ такое состояніе, что имъ крайне трудно уже быть справедливыми и говорить то, что̀ внушаетъ совѣсть: они, какъ бы по необходимости, должны продолжать въ отношеніи къ почившему свои неосновательныя подозрѣнія и несправедливыя нареканія. Ибо, иначе должно бы имъ признать свою собственную несправедливость и тяжкую вину въ начатіи войны безразсудной и нечестивой. Но, можно ли ожидать такого самоотверженія отъ нашего вѣка, который, славясь преуспѣяніемъ въ дѣлахъ земныхъ, такъ мало отличается любовію къ истинѣ и правдѣ?

Но время и въ семъ отношеніи сдѣлаетъ свое дѣло. Когда, съ окончаніемъ брани, престанетъ жалкая необходимость сокрывать *истину въ неправдѣ* (Рим. 1, 28), тогда,—

будьте увѣрены, — и взглядъ и языкъ измѣнятся у самыхъ противниковъ нашихъ; и они, платя дань истинѣ, не замедлятъ признать, что почившій Монархъ былъ одинъ изъ немногихъ великихъ монарховъ и дѣйствователей всемірныхъ.

И во-первыхъ, всѣми признано будетъ невольно, что это былъ такой вѣнценосецъ, для коего престолъ служилъ не возглавіемъ къ покою, а побужденіемъ къ непрестанному труду и благотворной дѣятельности, неизгладимые слѣды коей разсѣяны не только по всѣмъ краямъ его обширнѣйшаго въ свѣтѣ царства, но и далеко за его предѣлами.

Всѣ увидятъ и признаютъ, что это въ сонмѣ царей былъ не завистникъ чьего-либо могущества, не противникъ благосостоянія чуждыхъ ему народовъ, а безкорыстный слуга и споспѣшникъ всемірному спокойствію, неусыпный стражъ и оградитель всеобщаго порядка и тишины, который, забывъ всѣ виды своекорыстія, мощный скипетръ свой употреблялъ для поддержанія падавшихъ царствъ, для огражденія слабыхъ союзниковъ.

Увидятъ и признаютъ, что это былъ не себялюбивый властелинъ, взиравшій на людей, какъ на одно орудіе къ достиженію своихъ видовъ, а нелицемѣрный другъ человѣчества, который съ высоты престола своего постоянно наблюдалъ времена и лѣта, дабы заблаговременно начать и совершить что-либо на пользу человѣчества; и когда, слѣдуя мыслію за судьбою царствъ и народовъ, увидѣлъ приближеніе дня воскресенія для православнаго востока, то, не смотря ни на какія опасенія и трудности, не усумнился одинъ, подобно Архангелу, провозгласить: вставайте, мертвые!

Всѣ, наконецъ, увидятъ, что это былъ не только великій вѣнценосецъ, но и смиренный христіанинъ, вѣрный Богу и своей совѣсти, который на одрѣ смертномъ, когда оставляетъ человѣка невозвратно все земное, явилъ въ себѣ такое величіе духа и вѣры, что самымъ образомъ кончины своея преподалъ всѣмъ вѣнценосцамъ рѣдкій примѣръ, какъ должны они разставаться съ порфирою и престоломъ, дабы низойти во гробъ.

Для насъ, сыновъ Россіи, не нужно убѣждаться ни въ чемъ подобномъ; ибо предъ нами дѣла почившаго, давно свидѣтельствующія о великости его духа, о твердости его воли

и благонамѣренности предпріятій. Если почившему не дано было начать и совершить всего, благопотребнаго для царства, то это удѣлъ природы человѣческой; ибо, кто когда обнималъ и совершалъ все? И что оставалось бы совершать другимъ, если бы одинъ кто-либо могъ сдѣлать все?—И къ сему можно, со всею справедливостію, примѣнить сказанное нѣкогда о трудахъ апостольскихъ святымъ Павломъ: одинъ посѣялъ, другой полилъ, третій окопалъ и оградилъ; а возрастить посѣянное и политое — всегда дѣло единаго Бога (1 Кор. 3, 6). Въ похвалу отшедшаго отъ насъ Монарха должно присовокупить и то, что все благое, содержащееся въ сердцѣ державнаго Преемника его, посѣяно ко благу Россіи рукою не чуждою, а родительскою, такъ что мы будемъ въ сынѣ продолжать видѣть отца.

Послѣ сего, братіе мои, понятно безъ словъ, чѣмъ заключитъ нынѣ истинный сынъ Россіи годичное поминовеніе о представльшемся Монархѣ? — Твердымъ обѣтомъ самому себѣ—не переставать возносить о немъ искреннюю и теплую молитву ко Господу до конца собственныя своея жизни. — Аминь.

Слово предъ совершеніемъ панихиды по блаженномъ Константинопольскомъ патріархѣ Григоріи

произнесенное въ одесской греческой церкви, 16 мая 1854 года.

Блаженный вселенскій іерархъ Григорій!

Не въ уреченный *) для памяти твоей день являемся мы нынѣ съ молитвами предъ гробомъ твоимъ; но являемся не произвольно, а по указанію свыше... Надлежало же, чтобы тотъ грозно-памятный для насъ день, въ который градъ нашъ подвергся недавно огненной бурѣ съ моря, былъ не другой какой въ году, а тотъ самый **), въ который, за то же великое и святое дѣло, за которое подвизаемся теперь и мы, сподобился ты — за тридесять лѣтъ предъ симъ — пріять вѣнецъ мученическій. Возможно ли, чтобы это было дѣломъ случая? — Нѣтъ, это могъ произвести единъ Тотъ,

*) Ежегодная панихида совершается торжественно у гроба блаженнаго патріарха, въ день погребенія его, 19 іюня.

**) Блаженный патріархъ скончался мученически въ 10 день апрѣля 1821 года въ Константинополѣ. Нынѣ въ сей день была великая суббота.

въ десницѣ Коего времена и лѣта, мѣсяцы, дни и самыя минуты наши. Ему-то благоугодно было сочетать столь знаменательнымъ образомъ, отнынѣ, навсегда, память страдальческой кончины твоея со днемъ собственныхъ нашихъ страданій. И для чего сочетать?—Да разумѣемъ, что ты не напрасно, оставивъ престольный градъ твой, пришелъ опочить среди насъ святыми останками твоими, — что ты данъ въ заступника граду нашему и молитвенника о насъ предъ Богомъ.

Быть не можетъ, чтобы духъ твой и тамъ—въ обителяхъ Отца небеснаго—не сѣтовалъ, видя, какъ злочестивая луна снова силится затмить трисолнечное сіяніе креста Христова,—какъ великая, но злосчастная, паства твоя паки обливается слезами и кровію,—какъ возлюбленное отечество наше, единое обнажившее мечъ за угнетенное православіе, начинаетъ терпѣть нападенія за то отъ самыхъ народовъ христіанскихъ,—какъ наконецъ градъ нашъ, избранный тобою въ мѣсто вѣчнаго успокоенія твоего, самъ не имѣетъ отъ нихъ покоя и безопасности. Но, могло ли сѣтованіе твое о насъ оставаться бездѣйственнымъ?

Нѣтъ, мы вѣруемъ, что, облеченный силою Божіею, ты вмѣстѣ съ сонмомъ заступниковъ страны нашея, священномучениковъ херсонскихъ, стоялъ въ день брани невидимо на воздухѣ и росоноснымъ дыханіемъ отъ Духа Божія угашалъ разженныя стрѣлы врага, дабы онѣ падали такъ безвредно для насъ на землю и домы наши: иначе чему приписать бездѣйственность столь многихъ молній и громовъ вражескихъ?—Вѣруемъ, что ты, ревнуя о насъ противу безчеловѣчныхъ враговъ нашихъ, самъ бралъ незримо въ свою десницу слабыя молніи наши, придавалъ имъ силу и крѣпость, и направлялъ прямо въ сердце врага: иначе какъ объяснить ихъ необыкновенную силу и смертоносность надъ нимъ?—По чьимъ, наконецъ. если не по твоимъ святымъ молитвамъ предъ Богомъ, простерлась потомъ и эта, столь необыкновенная въ настоящее время года, тьма надъ моремъ нашимъ, которая до того ослѣпила очи врагу, что онъ совершенно потерялъ путь, увязъ съ кораблемъ своимъ въ пескахъ и камняхъ у береговъ нашихъ, и принужденъ былъ просить у насъ какъ милости — плѣна себѣ? Иначе, куда дѣвалась опытность врага, привыкшаго издавна обитать во мглѣ и плавать безбѣдно среди темноты?...

Пріими убо, Святителю Христовъ, благодареніе за вся сія отъ града нашего, и продолжи ходатайство и молитву свою о насъ предъ Богомъ брани и мира! Ибо, враги наши, безъ сомнѣнія, готовятъ новыя нападенія на страну нашу. Взыди убо и ты паки къ престолу Царя славы, положи, если то нужно, къ подножію Его мученическій вѣнецъ твой (Апок. 9, 10), и умоли Его кровію твоею, да *сошедши* (Быт. 11, 7) узритъ содѣваемое нынѣ на землѣ нашей и, въ праведномъ гнѣвѣ Своемъ, смѣситъ и посрамитъ, якоже древле, языки, хотящіе создати столпъ гордости въ прославленіе имени своего и въ защиту враговъ креста Христова;—да прелесть Магометова, толико вѣковъ льстящая народы, и нынѣ — къ стыду христіанства — покровительствуемая и принимаемая къ сердцу самыми державами христіанскими, исчезнетъ навсегда съ лица земли православной и возвратится въ пустыни и дебри, среди коихъ порождена она духомъ злобы—на пагубу человѣчества, и да единовѣрные намъ братія наши о Христѣ изыдутъ наконецъ изъ разженной пещи четырехвѣковаго плѣна мусульманскаго, и начнутъ, подобно древнимъ израильтянамъ, въ свободѣ духа, праздновать—*пасху Божію спасительную*.

Тогда умиренные, обрадованные, торжествующіе, — мы не замедлимъ снова явиться у гроба твоего съ благодарственными пѣснями Богу, Спасителю нашему, и тебѣ, нашему предъ Нимъ неусыпающему молитвеннику. Аминь.

Слово при погребеніи первенствующаго члена Святѣйшаго Сунода, митрополита Новгородскаго, С.-Петербургскаго, Эстляндскаго и Финляндскаго, высокопреосвященнѣйшаго Антонія,

произнесенное въ Александро-невской лаврѣ, 19 ноября 1848 года.

Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе, ихже взирающе на скончаніе жительства, подражайте вѣрѣ ихъ (слова св. Павла. Евр. 13, 17).

Повинуясь заповѣди Апостола Христова, обозрѣваю земное поприще почившаго въ Бозѣ Архипастыря; иду за нимъ по всѣмъ стезямъ его жизни; восхожу съ нимъ на высоту, и нисхожу долу,—и что вижу? Вездѣ вижу слѣды

особеннаго Промысла Божія, ознаменовавшаго себя въ жизни почившаго разительною противоположностію путей своихъ. Съ одной стороны, представляется въ ней необыкновенная высота сана и званія, о коей почившій большую часть жизни своей не могъ и помышлять; съ другой—рядъ тяжкихъ недуговъ, кои, казалось, навсегда устранены были самою крѣпостію его тѣлосложенія. Если кто, то онъ, подобно Давиду, не обинуясь, могъ сказать о себѣ: *малъ бѣхъ въ братіи моей, и кто возвѣститъ Господеви моему? Самъ Господь, Самъ услышитъ. И посла Ангела Своего, и взятъ мя* (Псал. 151, 1). Если кто, то сей же пастырь могъ взывать потомъ ко Господу словами Давидовыми: *спаси мя, Боже, яко внидоша воды до души моея* (Псал. 68, 1). *Одержаша мя болѣзни смертныя* (Псал. 17, 5). *Пострадахъ и слякохся до конца* (Псал. 37, 7). *Изсше, яко скудель, крѣпость моя, и языкъ мой прильпе гортани моему* (Псал. 21, 17); *свѣтъ очію моею и той нѣсть со мною* (Псал. 37, 11). *Въ персть смерти свелъ мя еси* (Псал. 21, 16)!

При такой разительной противоположности земнаго жребія своего, почившему надлежало имѣть сугубую силу духа: одну—дабы не поникнуть подъ неожиданною высотою сана и званія своего, другую—дабы мужественно перенести тяжесть столь же неожиданнаго, какъ и продолжительнаго недуга. И, благодареніе Господу, онъ имѣлъ эту сугубую силу! — Златый кидаръ первосвятителя ничѣмъ не помраченъ на главѣ почившаго; ложе многострадальнаго Іова ни разу не огласилось воплемъ ропота и малодушія. Въ мрачные дни печали, какъ и въ свѣтлые дни радости, являлась одна и та же вѣра, николиже сумнящаяся, и одна и та же любовь, *николиже отпадающая* (1 Кор. 13, 8). И вотъ, братіе, урокъ, который, можно сказать, самъ собою выходитъ для всѣхъ насъ изъ гроба сего—урокъ вѣры и терпѣнія, смиренія и преданности Богу!

Какъ бы желательно было, чтобы поучительный урокъ сей изложенъ былъ теперь предъ нами однимъ изъ тѣхъ лицъ, коимъ извѣстны всѣ событія въ жизни почившаго пастыря, предъ коими раскрылись тайны его души и сердца! Но поелику печальный жребій священнодѣйствія слова возлегъ на насъ, кои не можемъ похвалиться подобнымъ знаніемъ и кои вообще способнѣе удивляться путямъ Божіимъ

въ жизни человѣческой, нежели изображать ихъ словомъ человѣческимъ: то, воодушевившись силою заповѣди апостольской, повелѣвавшей поминать наставниковъ и пастырей, сдѣлаемъ, что̀ можемъ: пройдемъ кратко, въ духѣ вѣры и любви, по пути жизни почившаго. Такимъ образомъ онъ самъ, не смотря на свой сонъ смертный, еще разъ—дѣяніями своей жизни—будетъ для насъ учителемъ и наставникомъ.

Не безъ причины замѣчаютъ, что у людей съ особеннымъ предназначеніемъ самое младенчество окружено бываетъ нерѣдко знаменательными событіями. Если бы не краткость времени, то и мы могли бы разсказать вамъ о подобныхъ событіяхъ изъ самыхъ раннихъ дней жизни почившаго пастыря, такихъ событіяхъ, кои невольно привели бы вамъ на память дивную судьбу Самуила, когда онъ, еще будучи отрокомъ, привиталъ въ скиніи свидѣнія. Кто бы, напримѣръ, могъ вообразить, что онъ, еще младенцемъ, не разъ былъ приносимъ родителемъ своимъ во храмъ и, во время утреннихъ молитвословій, мирно почивалъ у самаго подножія престола Божія?—Между тѣмъ да послужитъ сіе къ успокоенію тѣхъ, коимъ судьба почившаго можетъ казаться исполненною рѣзкихъ внезапностей. Нѣтъ, судьба возлюбленной невѣсты Христовой, Церкви святой, коея онъ былъ первосвятителемъ, никогда не можетъ подлежать случаю и внезапности. Кто стяжалъ ее не сребромъ и златомъ, а безцѣнною кровію Своею, Тотъ не воздремлетъ, ниже уснетъ, храняй ее. Яко всевѣдущій, Онъ твердо знаетъ, когда нужно послать въ первосвященники ея Аарона, когда Финееса, когда Ездру, когда другаго кого-либо изъ сыновъ пророческихъ, и заранѣе самъ уготовляетъ избранныхъ на дѣло служенія пастырскаго.

Справедливость требуетъ сказать одно то, что большая часть жизни почившаго была подобна рѣкамъ, кои долго текутъ между берегами пустынными, довѣдомыя немногимъ, хотя обиліемъ водъ своихъ могли бы служить на пользу цѣлыхъ странъ. Въ самомъ дѣлѣ, что видимъ мы? Въ началѣ (и не малое время) пастырь небольшаго словеснаго стада, наставникъ въ незнаменитомъ, хотя важномъ по своему назначенію, вертоградѣ наукъ; потомъ предстоятель собратій по званію, потомъ блюститель порядка и благочинія церков-

наго, потомъ мужъ совѣта въ управленіи епархіальномъ; потомъ истолкователь закона и нравственности для благороднаго юношества: вотъ разные виды служенія, среди коихъ протекла большая часть жизни почившаго! Служенія не именитыя, если сравнивать ихъ съ послѣдующими, но именно такія, на коихъ можно было собрать драгоцѣнный запасъ всякаго рода опытовъ изъ жизни человѣческой, ознакомиться со всѣми нуждами Церкви, пастырей и пасомыхъ, дабы потомъ, по примѣру святаго Павла, быть *всѣмъ вся* (1 Кор. 9, 22). Самая строгая справедливость требуетъ сказать при семъ, что каждое изъ мѣстъ, на кои становился почившій, тотчасъ возвышалось отъ лица его и обращало на себя общее вниманіе: не только пасомые симъ пастыремъ, не только собратія по званію, не только начальники и архипастыри, самые иновѣрцы почитали его однимъ изъ рѣдкихъ людей своего края.

Да послужитъ и сіе въ урокъ и утѣшеніе тѣмъ, кои позволяютъ себѣ малодушно сѣтовать на невысокую долю своего званія и служенія. Человѣкъ истинно-достойный виденъ во всякомъ званіи, высокъ на каждомъ мѣстѣ. И стократъ лучше, когда человѣкъ выше мѣста, нежели когда мѣсто выше человѣка.

Между тѣмъ будущая судьба почившаго, не смотря на всеобщее уваженіе къ нему, все еще оставалась подъ крѣпкою печатію: и печать сія могла вскрыться не прежде, какъ послѣ ужасной бури, потрясшей страну, имъ обитаемую, изъ края въ край. Вы знаете, откуда пришла, какъ разразилась и чѣмъ окончилась эта буря. Для нашей цѣли довольно сказать, что святая Церковь, вмѣстѣ съ отечествомъ, вышла изъ кровавой борьбы съ новою силою и новою славою. Отторгнутая превратностію временъ, древняя обитель Почаевская возвращается въ составъ родной іерархіи... Среди столицы умиренной Польши, въ знаменіе первобытнаго духовнаго союза, водружается каѳедра православнаго святителя.

Въ сіе-то время, когда такъ нужны были бодрые и благіе дѣлатели въ вертоградѣ Церкви, почившій въ Бозѣ пастырь, какъ бы по особенному мановенію свыше, оставляетъ навсегда жизнь среди міра и всецѣло посвящаетъ себя на служеніе Церкви въ званіи иноческомъ. Казалось, что это была пристань послѣ треволненій моря житейскаго: между

тѣмъ здѣсь, въ этой пристани и началось для него великое и разнообразное плаваніе духовное.

Зная отличныя достоинства почившаго, пастырь Церкви волынской немедля поемлетъ его себѣ въ сотрудники въ дѣлѣ благоустроенія своей обители Почаевской. Недолго по времени — продолжалось это святое сотрудничество; но слѣды и плоды его останутся навсегда. Одни изъ средствъ къ благосостоянію лавры угаданы и открыты, другія обновлены и усилены, третьи очищены и облагорожены, и всѣ направлены къ надлежащей цѣли.

Скоро открылось для почившаго другое, высшее и труднѣйшее поприще, на коемъ надлежало уже не содѣйствовать только и усовершать, а полагать основаніе, подавать примѣръ и руководить всѣхъ и каждаго. Для новоустрояемой Церкви варшавской потребовался первый святитель. Всѣ чувствовали важность новаго поприща; всѣ желали будущему дѣлателю успѣха на немъ. Но, кто сей избранникъ, имѣющій явиться съ знаменіемъ мира и любви отъ лица Церкви всероссійской къ Церкви польской? — Почившій, по самой недавности новаго званія своего, казался далѣе другихъ отъ сего святаго, но многотруднаго посольства. И вотъ, сверхъ чаянія и его и другихъ, оно поручается не иному кому, а ему именно, такъ что онъ еще тогда могъ со всею точностію приложить къ себѣ слова святаго Давида: *милъ бѣхъ въ братіи моей; и кто возвѣститъ Господеви моему? Самъ Господь, Самъ услышитъ. И посли Ангела Своего, и взятъ мя.* Зрѣлище умилительное! Тотъ, кто такъ недавно оставилъ суету мірскую и весь шумъ градовъ, ища покоя душѣ своей подъ кровомъ святой обители, внезапно долженъ взять на рамена свои тяжесть званія святительскаго и явиться представителемъ цѣлой Церкви православной. Гдѣ явиться? Не среди обыкновеннаго града, а посреди величавой столицы, которая, вслѣдствіе несовершенно прошедшаго еще недуга, готова была, по выраженію пророка (Исаіи 17, 20), свѣтъ назвать тьмою, а тьму свѣтомъ. Сколько требовалось опытности, прозорливости, терпѣнія и великодушія, чтобы только благоуспѣшно начать, не говоря уже благополучно кончить дѣло свое! — Надлежало, подобно Нееміи, одною рукою созидать стѣны Сіона, а другою отражать навѣты противныхъ (Неем. 4, 17). Почившій умѣлъ скоро найти тайну побѣды:

потому что искалъ ее не въ темныхъ глубинахъ мудрости мірской, а въ Евангеліи и собственномъ сердцѣ. Вмѣсто того, чтобы дѣйствовать силою, онъ началъ дѣйствовать любовію; и любовь произвела то, чего никогда не могла бы сдѣлать сила. Не прошло года, и тѣ, коимъ православный архипастырь казался опаснымъ пришельцемъ, съ радостію признали въ немъ не только достойнаго святителя, но и мудраго для нихъ самихъ совѣтника, и любвеобильнаго помощника, и кроткаго миротворца. Удивительно ли послѣ сего, если державный взоръ Монарха такъ часто и съ такою любовію началъ обращаться на того пастыря, который умѣлъ побѣдить столько трудностей и заслужить уваженіе даже отъ взыскательныхъ сыновъ Церкви западной?—Успѣхи служенія его были радостію и честію для всей Церкви православной, для всего отечества; и если бы онъ не сдѣлалъ ничего болѣе, то за одни труды его для Церкви варшавской, коея онъ былъ основателемъ и украшеніемъ, имени его слѣдовало быть вписаннымъ между именами святителей—*присно-памятныхъ*.

Между тѣмъ и здѣсь не конецъ подвигамъ. Явится еще разъ ангелъ, еще разъ, и столь же неожиданно, возьметъ его съ своего мѣста, и поставитъ на новомъ, высшемъ; тотъ ангелъ, какъ и прежде, былъ помазанникъ Божій, коего сердце, по увѣренію пророка, выну *въ руцѣ Божіей* (Притч. 21, 1). Онъ рекъ державнымъ гласомъ своимъ; и жезлъ первосвятительства, который не безъ труда носили Гавріилы, Амвросіи, Михаилы, Серафимы, переходитъ въ руки почившаго!... Назначеніе высокое! но можно ли было безъ тяжкой борьбы душевной принять на рамена свои тяжесть пастыреначальства, къ духовному попеченію и надзору коего принадлежитъ, можно сказать, вся Церковь православная? Можетъ быть стократъ почившій взывалъ въ душѣ своей ко Господу: «и кто есмь азъ, Господи, яко возглаголалъ еси тако о рабѣ Твоемъ?» — Но, покорный судьбамъ Промысла, онъ, хотя уже съ ослабѣвшими отъ трудовъ и недуга силами, бодрственно является на новой духовной стражѣ. И какъ начинаетъ ее? — Какъ бы вдѣлъ и подвизался еще только въ первый разъ. На что не обратилось тотчасъ его пастырское вниманіе и попечительность, начиная отъ сего храма и сей обители?—Кому изъ слышав-

шихъ не памятны тѣ умилительныя чувства, коими исполнено было первое слово его къ сему граду, при вступленіи на паству? Съ какимъ усердіемъ спѣшили въ тотъ храмъ, гдѣ совершалъ онъ богослуженіе, окруженный не столько величіемъ своего сана, сколько доблестію пастыря — отца? На чьей главѣ изъ присутствовавшихъ во храмѣ, какъ бы она ни была проста и мала, не опочивало его благословеніе.— Утѣшаясь таковыми дѣйствіями пастырскими, невольно вспоминали многіе, что маститый предшественникъ его, какъ бы въ духѣ прозрѣнія духовнаго, не другому кому, а ему единственно, вскорѣ по посвященіи его во епископа варшавскаго, преподалъ въ отеческое напутіе и свой златый кидаръ и свой жезлъ первосвятительскій. И такъ благоуспѣшно дѣйствовано при здравіи уже полуразрушенномъ, съ силами, видимо оскудѣвающими отъ недуга! Сколько бы еще можно было послѣ сего ожидать отъ дальнѣйшей пастырской дѣятельности почившаго, если бы ему дано было раскрыться предъ послѣднею паствою своею вполнѣ и окончить поприще свое подобно другимъ?—Но елей жизни видимо и быстро оскудѣвалъ въ свѣтильникѣ отъ самой яркости прежняго свѣтенія. Немощная плоть не могла постоянно и до конца слѣдовать за порывами и напряженіемъ духа бодраго и неусыпнаго. Наступило послѣднее поприще болѣзни и злостраданій.

Что сказать о немъ? Сожалѣть и печалиться, или паче благодарить и за него Господа? При одрѣ болящаго нельзя было не совоздыхать; а при гробѣ почившаго не только можно, но и должно возблагодарить и утѣшиться духомъ. Почему? Потому что для поврежденной грѣхомъ природы нашей болѣзни и недуги вообще суть одно изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ къ очищенію и освобожденію изъ-подъ владычества плоти и крови, такъ что, какъ говоритъ святый Павелъ, *аще и внѣшній человѣкъ тлѣетъ, обаче внутренній обновляется по вся дни* (2 Кор. 4, 16). Для тѣхъ даже, въ коихъ положено уже твердое основаніе къ добру, кои провели жизнь въ посильномъ исполненіи заповѣдей Божіихъ, кои за свои труды и вѣрность закону и совѣсти удостоились дарованій духовныхъ,—даже для таковыхъ людей болѣзни, самыя тяжкія, никогда не составляютъ излишества, а напротивъ служатъ нерѣдко вмѣсто того крещенія огнемъ, о нуждѣ коего для нашего духовнаго пакибытія

засвидѣтельствовалъ Предтеча Христовъ, когда вѣщалъ ученикамъ своимъ о Спасителѣ: *Той вы креститъ Духомъ Святымъ и огнемъ* (Матѳ. 3, 11).

Дано было испытать и пройти это крещеніе огнемъ и почившему въ Бозѣ пастырю. Не о дняхъ и недѣляхъ, а о цѣлыхъ послѣднихъ годахъ жизни своей онъ могъ, подобно Апостолу, сказать: *сами въ себѣ осужденіе смерти имѣхомъ* (2 Кор. 1, 9); то есть, мы чувствовали уже надъ собою приговоръ къ смерти и видѣли какъ бы по частямъ его исполненіе. И для чего чувствовали и видѣли это надъ собою? *Да не надѣющеся,* какъ изъясняетъ Апостолъ, *будемъ на ся, но на Бога, возставляющаго мертвыя* (тамъ же). И дѣйствительно, у почившаго, особенно въ послѣдніе мѣсяцы недуга, всѣ надежды видимо перенесены были отъ людей къ единому Богу, и постоянно было въ виду возстаніе уже не съ одра болѣзни, а изъ утробы земной—въ день всеобщаго воскресенія. — Было, было отчего поколебаться самому твердому духу! Но, благодареніе Господу! проникнутый живою вѣрою, духъ почившаго пребылъ твердъ! Когда другіе ободряли его надеждами на землѣ, онъ возводилъ очи къ небу. Когда окружающіе изъявляли скорбь и сожалѣніе, онъ, если не языкомъ и устами, то взоромъ вѣщалъ: *аще благая пріяхомъ отъ руки Господни, злыхъ ли не стерпимъ* (Іов. 2, 10)? *Буди имя Господне благословенно во вѣки* (тамъ же 1, 21)! Такимъ образомъ одръ боляцаго поучителенъ не менѣе каѳедры проповѣдующаго.

Но, вотъ, наконецъ, и поприще недуга конечно! Ветхое рубище плоти сложено навсегда! Мрачныя врата смерти пройдены! Остается безсмертному духу явиться предъ престоломъ вѣчнаго Судіи и дать отчетъ о *приставленіи домовнѣмъ*...

Да, братіе мои, *опредѣлено есть,* скажемъ и мы словами святаго Павла, *опредѣлено есть человѣкомъ единою умрети, потомъ же судъ* (Евр. 9, 27), судъ же не человѣческій, часто неправильный и всегда неполный, потому и не имѣющій рѣшительныхъ послѣдствій, а судъ Божій, проницающій сердца и утробы, взвѣшивающій самое *несодѣянное* (Псал. 138, 16) наше, коего слѣдствіемъ потому для человѣка есть или жизнь и блаженство вѣчное, или отверженіе и мука нескончаемая. Кто бы изъ насъ могъ устоять на судѣ семъ, если бы о

страну Судіи не было за насъ всемогущаго Ходатая и Заступника, единороднаго Сына Божія, съ Его всепримиряющимъ крестомъ и всеочищающею кровію?—Да вознесутся же къ сему Божественному Ходатаю молитвы отъ всѣхъ и каждаго изъ васъ, братія, о упокоеніи души почившаго архипастыря и объ отпущеніи вольныхъ и невольныхъ его грѣхопаденій! Да помолится отъ сердца каждый: ибо почившій, яко пастырь града сего, не о себѣ токмо, но и о каждомъ изъ васъ долженъ свидѣтельствовать на судѣ Божіемъ!

Гряди съ миромъ, доблій подвижникъ вертограда Христова, въ послѣдній путь твой! Приложись къ сонму святителей, украшавшихъ собою и служеніемъ своимъ державный градъ сей! Возвѣсти имъ, что православная Церковь россійская, утверждаясь на краеугольномъ камени вѣры въ единороднаго Сына Божія, стоитъ непоколебимо и восходитъ отъ силы въ силу!

А мы, братія мои, препровождая въ нѣдра земли гробъ сей, возьмемъ отъ него въ напутствіе себѣ на всю жизнь если не что другое, то память о нашей смерти: ибо нѣтъ сомнѣнія, что давно растутъ, а можетъ быть уже и подъ рукою сѣкущаго, тѣ древа, изъ коихъ будетъ устроенъ и нашъ гробъ. Аминь.

Слово при погребеніи князя Льва Михайловича Яшвеля, начальника всей артиллеріи, генерала отъ артиллеріи, всѣхъ отечественныхъ и многихъ иностранныхъ орденовъ кавалера.

Лежитъ человѣку единою умрети, потомъ же судъ (Евр. 9, 27).

При имени людей, подобныхъ почившему въ Бозѣ герою, обыкли слышаться слова похвалъ человѣческихъ, а не слово суда Божія. Не имѣли бы мы недостатка въ предметахъ для похвалы, если бы захотѣли нынѣ соплести вѣнецъ надгробный. Много ли жизней, подобныхъ жизни почившаго разнообразіемъ явленій, примѣчательностію подвиговъ, важностію вліянія на судьбу отечества?—Ученикъ Суворова, сподвижникъ Кутузова, онъ давно присоединилъ имя свое къ именамъ незабвеннымъ для отечества, и теперь, идя

мысленно по слѣдамъ жизни его, непримѣтно вступаешь въ храмъ исторіи временъ новѣйшихъ. То видишь его при взятіи Кинбурна и завоеваніи Крыма, то при паденіи Измаила и Очакова, то при низложеніи Праги и Варшавы. При Аустерлицѣ является онъ въ числѣ тѣхъ, кои для спасенія чести оружія отечественнаго, умѣли стать противъ самаго несчастія, при Пултускѣ и Прейсишъ-Эйлау—въ числѣ тѣхъ, кои вполнѣ умѣли воспользоваться счастіемъ, для довершенія его славы. Но болѣе всего дарованіе и добродѣтель почившаго явили себя въ ту ужасную эпоху бѣдствій и искушеній, когда отечеству нашему суждено было пройти крещеніе кровію и огнемъ, дабы взойти потомъ на высоту всемірной славы. Когда рѣдкій воинъ, тѣмъ паче военачальникъ, не былъ героемъ, почившій и тогда умѣлъ обратить на себя вниманіе всѣхъ своимъ геройствомъ, и достигъ чести управлять всѣми молніями и громами отечественными. Не наше дѣло изображать, какъ они летали по его указанію, но и мы можемъ сказать, что ими остановленъ полетъ тѣхъ грозныхъ орловъ, кои крылами своими хотѣли покрыть всю вселенную, что они не разъ заставляли содрогаться того, предъ кѣмъ трепеталъ весь свѣтъ!—И по окончаніи бури бранной не окончились подвиги добраго слуги царя и отечества: въ краткое время онъ успѣлъ изгладить слѣды потерь и недостатковъ, такъ что взоръ Монарха не разъ восхищался потомъ устройствомъ важной части, ему ввѣренной. И не исходя потомъ болѣе на поле ратное, онъ еще продолжалъ дѣйствовать на немъ, пріуготовленіемъ способныхъ дѣйствователей. Послѣдніе ожесточенные враги наши съ горестію видѣли, что внутренній миръ нашъ блюдется мужами, кои умѣли нѣкогда возвращать миръ царствамъ чуждымъ.

Кругъ частной жизни почившаго, потому самому, что она всецѣло посвящена была отечеству, не представляетъ подобнаго разнообразія. Но, и здѣсь мы могли бы указать на ту простоту образа жизни, которая, казалось, возрастала вмѣстѣ съ достоинствами почившаго, и симъ самымъ показывала, какъ умѣетъ онъ цѣнить всю ничтожность пышной величавости;—на ту счастливую легкость мыслей и чувствъ, которая способна была воодушевить и мирный кругъ друзей, и шумный кругъ воиновъ, и казалась тѣмъ пріятнѣе, что украшала человѣка, посѣдѣвшаго среди бурь и громовъ;

на ту готовность къ услугамъ и одолженіямъ, которая была тѣмъ примѣчательнѣе, что не замѣчала сама себя; на ту мудрую взыскательность, которая малыми непріятностями предотвращала большія огорченія, требовала повидимому болѣе, дабы заставить сдѣлать не менѣе того, сколько должно; на то, наконецъ, простое усердіе къ вѣрѣ православной, которое выражало себя болѣе дѣлами человѣколюбія, нежели словами и умствованіями.

Такимъ образомъ, не было бы недостатка ни въ лаврахъ подвиговъ бранныхъ, ни въ оливахъ мирныхъ добродѣтелей, если бы мы захотѣли соплести для усопшаго вѣнецъ надгробный. Но къ чему бы послужилъ теперь вѣнецъ сей?— Увы, и тѣ вѣнцы, коими украшало его признательное отечество, остаются праздны! Не до похвалъ человѣческихъ теперь тому, кто стоитъ на судѣ Божіемъ! И мнѣ кажется, если бы почившій самъ возсталъ теперь изъ гроба, то не обратилъ бы никакого вниманія на знаки почестей, его окружающихъ, а указалъ бы всѣмъ намъ на тотъ неувядаемый вѣнецъ, который уготовляется отъ Самого Господа, всѣмъ любящимъ имя и святой законъ Его.

Чего не можетъ сдѣлать почившій, то должно исполнить, вмѣсто него, намъ. Нашъ долгъ, братіе, напомнить вамъ у сего гроба, что значитъ жизнь человѣческая и для чего должно здѣсь жить и дѣйствовать всѣмъ и каждому. Смотрите, что остается отъ отличія и почести!—Любимый звукъ громовъ бранныхъ еще разъ потрясетъ сердце земли, еще разъ отзовется среди разнообразія сихъ горъ, но сердце и слухъ почившаго уже не воспрянутъ на гласъ сей; ихъ пробудитъ одна труба Архангела!

Значитъ, всѣмъ и каждому надобно жить здѣсь не для стяжанія временныхъ благъ, въ чемъ бы они ни состояли, а для заслуги награды вѣчной. Здѣсь для всѣхъ только мѣсто труда и подвига, а успокоеніе—*тамъ*, истинная жизнь и блаженство—*тамъ!*

Боже духовъ и всякія плоти, воззвавый отъ насъ къ Себѣ душу раба Твоего, упокой ее на лонѣ милосердія Твоего! Если онъ, развлекаемый многочисленными трудами на пользу отечества, не успѣлъ очистить себя отъ всякія скверны плоти и духа, то пріими въ возмездіе за сіе ту кровь, которую онъ проливалъ за святую Церковь Твою и за благо своихъ

соотечественниковъ; или паче покрой всѣ недостатки его всеизглаждающею Кровію единороднаго Сына Твоего, по образу Коего онъ всегда готовъ былъ положить душу свою за братію свою. Аминь.

Рѣчь при погребеніи Павла Петровича Турчанинова, коменданта Кіевопечерской крѣпости, генералъ-лейтенанта, и разныхъ орденовъ кавалера.

Не на радость, не на радость собралъ ты насъ сюда, усопшій о Господѣ собратъ нашъ! неожиданное, тяжелое зрѣлище уготовилъ ты намъ! Не такою бесѣдою хотѣли бы всѣ мы бесѣдовать съ тобою; но, поелику ты самъ предначалъ ее, то мы не можемъ не продолжить. Какъ однако же ни ново и странно являешься ты намъ, мы будемъ бесѣдовать съ тобою по прежнему, ибо здѣсь, предъ лицемъ Господа жизни, нѣтъ мертвыхъ, всѣ живы!

Чѣмъ продолжимъ послѣднюю бесѣду съ тобою? Сожалѣніемъ ли о томъ, что ты такъ неожиданно оставилъ насъ навсегда, такъ невозвратно уклонился отъ всѣхъ заботъ и радостей земныхъ?—Но день разлуки твоей съ нами есть день приближенія твоего ко Господу: часъ смерти твоей для бренной жизни нашей былъ часомъ рожденія твоего въ жизнь новую, безконечную. Посему, со слезами на глазахъ, но привѣтствуемъ тебя съ окончаніемъ земнаго поприща, со вступленіемъ туда, гдѣ нѣтъ не только нашихъ скорбей, но и нашихъ суетныхъ радостей. Ты теперь уже не на морѣ, не въ изгнаніи, не въ узахъ, а въ пристани, въ отечествѣ, на свободѣ: видишь то, во что мы должны вѣровать; окруженъ тѣмъ, чего мы должны ожидать. О, какъ малою и бренною показалась тебѣ, думаю, вся наша земля со всѣмъ величіемъ ея, когда ты взглянулъ на нее въ послѣдній разъ!—Посему, когда мы въ горести окружаемъ гробъ твой, ты, можетъ быть, скорбишь о насъ, здѣсь остающихся; благодаришь Господа, что Онъ не продолжилъ твоего заключенія въ узахъ плоти и крови; тѣмъ паче благодаришь за тѣ дни скорби, кои благость Его дала тебѣ провести на одрѣ болѣзненномъ для твоего очищенія. Да, очищенія, ибо кто есть человѣкъ, иже поживетъ и не согрѣшитъ? Благо тому,

кто не пребудетъ во грѣхѣ; кто слезами покаянія, растворенными вѣрою въ крестъ Христовъ, омоетъ пятна совѣсти!— Что сія купель паки-бытія ненапрасно была открыта для тебя, свидѣтель—слезы, съ коими ты взиралъ такъ часто съ одра болѣзни на икону Спасителя; свидѣтель и тѣ слезы, съ коими ты принималъ Тѣло и Кровь Христову для напутствія въ жизнь вѣчную. Поелику ты искалъ оправданія не въ дѣлахъ и трудахъ своихъ, какъ они были ни много и благообразны, а въ единомъ смиреніи предъ Богомъ, въ твердой вѣрѣ въ крестную смерть и ходатайство за насъ Сына Божія, то мы увѣрены, что небесное милосердіе не мимоидетъ тебя, что сокрушеннаго и смиреннаго сердца твоего Господь не уничижитъ. Но сія же святая увѣренность не позволяетъ мнѣ распространяться на похвалу твою. Дерзну ли, по обычаю мірскаго витійства, повѣдать теперь о подвигахъ твоихъ для отечества, когда ты, стоя на страшномъ судѣ Божіемъ, молишь, можетъ быть, о томъ, чтобы самое главное и чистое, по мнѣнію нашему, въ жизни твоей было покрыто завѣсою милосердія?—Объ одномъ не могу промолчать, не могу потому, что сказанное можетъ служить еще болѣе въ назиданіе другимъ, нежели въ похвалу тебѣ: это усердіе твое ко храмамъ Божіимъ и вѣрное исполненіе уставовъ святой Церкви. Не тебя ли нерѣдко видѣли мы перваго входящимъ и послѣдняго исходящимъ изъ дома Божія? А когда видѣли мы, то могъ ли не зрѣть Господь храма? И вотъ, какъ бы въ знаменіе сего, ты воззванъ Имъ изъ сея жизни, въ которой Самъ Спаситель принесенъ былъ въ храмъ, когда и праведный Богопріимецъ желалъ отойти ко Господу и возгласилъ пѣснь, столь тобою любимую!.. Вѣруемъ, что тамъ найдется и для тебя Симеонъ, который приметъ тебя подъ свое осѣненіе и представитъ милосердію Господа. Не малый залогъ сего для насъ уже въ томъ, что, послѣ разнообразныхъ странствій твоихъ по землѣ отечественной и за предѣлами ея, бреннымъ останкамъ твоимъ дано опочить въ сей землѣ, освященной потомъ и слезами святыхъ подвижниковъ, и такимъ образомъ войти въ священный кругъ одержанія ихъ. Желаешь ли имѣть за гробомъ нѣкій знакъ христіанской пріязни къ тебѣ и отъ насъ?— Доколѣ слабый языкъ мой будетъ изрекать страшное и достопоклоняемое имя Бога надъ всепримиряющею жертвою

Тѣла и Крови Сына Его, дотолѣ будетъ творима мною молитвенная память и о упокоеніи твоей души. Если можешь сдѣлать что-либо, по твоему благорасположенію и для насъ, то, послѣ незабвенія насъ предъ Богомъ, просимъ тебя о единомъ: испроси у Господа осиротѣвшей супругѣ и чадамъ твоимъ духа терпѣнія и мужества для перенесенія разлуки съ тобою,—да коснется сердецъ ихъ то благодатное утѣшеніе Святаго Духа, предъ лицемъ коего не постоитъ никакая скорбь.

Такъ, осиротѣвшее семейство (ибо надобно назвать тебя нынѣшнимъ именемъ твоимъ), въ настоящія минуты для тебя нѣтъ утѣшенія на землѣ; и мы показали бы только невѣдѣніе сердца человѣческаго, если бы возмнили, что отъ нашихъ словъ могутъ закрываться и исцѣлевать раны сердца, подобныя твоимъ. Но у Врача душъ и сердецъ есть цѣлебный бальзамъ отъ всего. Утѣшенные Имъ не только не скорбѣли о смерти, но и сами съ радостію шли на смерть. Итакъ, первѣе и паче всего обращайтесь въ скорби вашей къ Господу. Какъ радовались предъ Нимъ, такъ и сѣтуйте теперь предъ Нимъ же. Вы старались быть вѣрными Ему во дни вашего счастія: Онъ ли покажетъ Себя невѣрнымъ вамъ во дни вашего несчастія?—Нѣтъ, если Онъ попустилъ пріити на васъ тяжелому искушенію, то не оставитъ за симъ искушеніемъ сотворить и утѣшенія.

Между тѣмъ, когда время утишитъ чувства сердца, смятеннаго теперь скорбію, и дастъ взорамъ ума свободу озрѣться вспять—на жизнь и дѣянія почившаго въ Бозѣ супруга и отца, то въ самомъ воспоминаніи о немъ откроется постоянный, обильный источникъ утѣшенія.

И во-первыхъ, если нить жизни его пресѣклась не на послѣднихъ предѣлахъ жизни человѣческой, то много ли однако же не достигла ихъ?—И, что важнѣе, воспрепятствовало ли это быть ей исполненною такихъ дѣяній, кои не разъ обращали на почившаго взоры отечества, отличное благоволеніе самого Монарха?—Какой талантъ, пріятый отъ великаго Раздаятеля талантовъ, не имѣлъ времени раскрыться вполнѣ, быть употребленнымъ въ дѣло, принести плода сугубаго? Много ли въ пространномъ отечествѣ нашемъ странъ, кои не видѣли почившаго на поприщѣ служенія общественнаго? Много ли браней отечественныхъ, въ

коихъ онъ не отличился своимъ мужествомъ? Ученикъ и непосредственный свидѣтель славы Суворова, дѣятельный соучастникъ славныхъ подвиговъ Бенигсена, ближайшій сотрудникъ на берегахъ Дуная Кутузова, собратъ по оружію Блюхера, Бернадота,—онъ давно успѣлъ сочетать имя свое съ именами, незабвенными для исторіи.—Если, по слову Самого Спасителя, нѣсть большія любви, да кто душу свою положитъ за други своя, то онъ стократно приносилъ и сію жертву за цѣлое отечество, и не его воли слѣдствіемъ было то, что сія жертва каждый разъ возвращаема была ему рукою Провидѣнія. Послѣ сего что оставалось? пройти нѣсколько ступеней по лѣствицѣ земнаго бытія, еще непройденныхъ: но какихъ ступеней?—кои прямо ведутъ къ тому же предѣлу,—по коимъ идущіе рѣдко не жалуются на то, что ихъ нельзя было минуть.

Итакъ, вмѣсто безотраднаго сѣтованія о мнимой недоконченности земнаго пути почившимъ о Господѣ, надобно благодарить милость Божію, что ему дано было пройти путь сей такъ, какъ онъ пройденъ. Сколько разъ сія жизнь могла пресѣчься среди вихря браней!—но ангелъ смерти всегда щадилъ ее. Сколько разъ и духовная жизнь могла подлежать смертной опасности среди всякаго рода искушеній и соблазновъ, но благодать Божія отвращала и сію—наиважнѣйшую опасность. Усердіе ко всему священному отличало еще болѣе почившаго, нежели всѣ сіи знаки отличія, праздно лежащіе теперь у его гроба.

Не мало и другихъ утѣшеній, коль скоро, хотя сквозь слезы, осмотримся пристальнѣе вокругъ самихъ себя. У матери взятъ супругъ, но оставленъ сынъ и дочь: двѣ подпоры и двѣ надежды, кои съ каждымъ днемъ будутъ возрастать, укрѣпляться и веселить собою сердце матери. У дѣтей не стало отца; но оставлена мать, которая съ сердцемъ материнскимъ всегда соединяла благоразуміе и твердость отцовскую. И не тогда ли послѣдовала разлука, когда по закону природы и общежитія дѣтямъ и безъ того скоро должно было оставить кровъ отеческій, удалиться отъ взора родительскаго?—Плодъ семейнаго счастія уже вкушенъ и со стороны отца, насладившагося зрѣніемъ юнаго возраста дѣтей, и со стороны дѣтей, видѣвшихъ всѣ знаки нѣжности и весь примѣръ богобоязненности своего родителя.

Всѣ сіи и подобныя мысли могутъ составить для тебя, осиротѣвшее семейство, и теперь, тѣмъ паче со временемъ, обильный источникъ утѣшенія; и ты, взвѣсивъ настоящую потерю съ прежними радостями и будущими надеждами, само скажешь съ Іовомъ: *аще благая пріяхомъ отъ руки Господни, злыхъ ли не терпимъ? яко Господу изволися, тако бысть. Буди имя Господне благословенно отнынѣ и до вѣка!*

Что касается васъ, печальные участники плачевнаго обряда, то я не думаю, чтобы мнѣ нужно было какое-либо искусство слова, дабы преподать вамъ здѣсь назиданіе. Ахъ, гробъ безъ всякаго слова есть самый трогательный проповѣдникъ въ мірѣ! Тѣмъ паче гробъ предлежащій не можетъ не пробудить въ вашемъ сердцѣ многихъ и многихъ благихъ мыслей и чувствованій. Я съ своей стороны присовокуплю къ сему одно: не гоните отъ себя сихъ, такъ называемыхъ, мрачныхъ мыслей: онѣ свѣтлѣе многихъ радостей мірскихъ; дайте сердцу вашему выговорить вамъ при семъ случаѣ все, что придетъ на него; позвольте почившему собрату вашему оказать сію послѣднюю услугу, чтобы своею смертію напомнить о вѣчности и вамъ. Если при подобныхъ случаяхъ не замолчать нашей плоти и крови, то гдѣ же и когда умолкнуть имъ? Если здѣсь не пробудиться во всей силѣ совѣсти, то когда же воспрянуть ей отъ сна? Итакъ не отвращайте взоровъ вашихъ отъ сего гроба; смотрите прямѣе и пристальнѣе въ это обезображенное смертію лице собрата вашего: что нынѣ ему, то завтра, послѣзавтра каждому изъ насъ.

На сей конецъ я не усомнюсь раздѣлить съ вами и тѣхъ мыслей, кои гробъ сей возбудилъ во мнѣ касательно меня самого. Не смотря на краткость сопастырскаго служенія въ семъ богоспасаемомъ градѣ, мнѣ суждено сопроводить въ обитель вѣчнаго покоя слабыми молитвами моими едва не всѣхъ, кои составляли верхъ нашего градоначалія. Когда подумаю о семъ, то кажется, слышу съ неба голосъ: служитель слова и таинъ! разумѣешь ли, для чего тебѣ именно дано видѣть такъ часто разверзающуюся могилу и сходящимъ туда все великое?..—Для того, чтобы ты научился тверже помнить послѣдняя своя, наименѣе увлекаться блескомъ славы мірской, громче говорить истину сильнымъ земли, прилежнѣе совлекаться ветхаго человѣка съ дѣлами его, глубже спогребаться Господу и Спасителю своему. Горе

мнѣ, если я не выразумѣя сего урока, или выразумѣвъ, не обращу его въ дѣло и жизнь, и проповѣдуя другимъ, самъ неключимъ буду! Поелику же я слышалъ съ особенною силою наставленіе сіе у гроба твоего, усопшій о Господѣ собратъ, то пріими отъ меня и за сіе благодарность: это новый, на всю жизнь мою, знакъ христіанской пріязни твоей ко мнѣ и за гробомъ! Аминь.

Слово при погребеніи графа Василія Васильевича Орлова-Денисова, генерала отъ кавалеріи,

произнесенное 27 января 1843 года.

Итакъ, вотъ гдѣ, среди насъ, суждено тебѣ найти мѣсто послѣдняго успокоенія отъ трудовъ, мужъ неутомимыхъ подвиговъ, побѣдъ и славы отечественной! Не напрасно въ предпослѣдніе годы жизни твоей переходилъ ты изъ одного края отечества въ другой, какъ бы ища и не находя мѣста по себѣ; душа твоя уже предчувствовала почесть вышняго званія—тайный призывъ туда, гдѣ нѣтъ споровъ и браней, гдѣ постоянное для всѣхъ и каждаго торжество одною любовію. Священный часъ отшествія насталъ,—и ничто не могло удержать тебя. Напрасно искусство истощало всѣ усилія, любовь присныхъ и чуждыхъ—мольбы и обѣты: ты видѣлъ усердіе и слезы, слышалъ вздохи и моленія; но повинуясь гласу свыше, неудержимо воспарилъ къ горнему отечеству, оставивъ намъ точію бренную часть плоти, облекавшую духъ безсмертный. Чѣмъ убо сопроводимъ послѣдній исходъ твой отъ насъ? Тѣми же слезами и воздыханіями? Но ты не любилъ видѣть ихъ и при жизни своей; спѣшилъ отирать слезы съ лица самыхъ враговъ, послѣ побѣды надъ ними. Нѣтъ, дань героямъ, подобнымъ тебѣ, не слезы горести, а благодареніе Всевышнему за ихъ подвиги; не вопли и сѣтованія, а благословеніе ихъ памяти и подражаніе ихъ примѣру. И благодарное отечество не замедлитъ отозваться сими благословеніями: печальная вѣсть о кончинѣ твоей пронесется столь же далеко, сколь далеко разносился нѣкогда радостный звукъ отъ побѣдъ твоихъ, и всюду пробудитъ чувство утраты и желанія покоя отшедшему. А между тѣмъ, позволь служителю алтаря, который какъ бы для того въ предпослѣдніе дни узналъ тебя, чтобы

воздать тебѣ сей послѣдній долгъ—пройти христіанскою мыслію великое и разнообразное поприще подвиговъ твоихъ, пройти не столько для похвалы твоей, сколько для отрады и поученія тѣхъ, кои предстоятъ теперь гробу твоему.

Да, братіе мои, гробъ сей важенъ не одними знаками отличій и почестей, въ такомъ множествѣ его окружающихъ, а и прекрасными качествами души и благими дѣяніями того, кто въ немъ почиваетъ; важенъ не для одного осиротѣвшаго семейства, а для всякаго сына отечества, признательнаго къ великимъ заслугамъ отечеству. И да будетъ вѣдомо вамъ, что если бы теперь у сего гроба нельзя было видѣть ничего болѣе, кромѣ сихъ знаковъ славы земной, то вмѣсто всякаго слова, мы ограничилися бы произнесеніемъ надъ почившимъ тѣхъ молитвъ, въ коихъ Церковь не отказываетъ самому послѣднему изъ сыновъ своихъ; а если бы дерзнули возвысить слабый голосъ свой, то развѣ для того, чтобъ, пользуясь грознымъ дѣйствіемъ смерти, обращающей въ прахъ всю пышность человѣческую, сказать вамъ съ твердостію, какъ худо поступаютъ тѣ, кои всѣ виды, желанія и труды свои ограничиваютъ земнымъ и временнымъ. Но среди разнообразнаго блеска славы земной, мы видимъ здѣсь нѣкую зарю сіянія небеснаго, и съ усердіемъ спѣшимъ исполнить священный долгъ—показать въ примѣрѣ почившаго, какъ можно, воздавая съ избыткомъ кесарева кесареви, нисколько не забывать того, еже подобаетъ Богови; какъ можно быть героемъ на полѣ брани и младенцемъ душею у подножія алтаря,—страхомъ для враговъ отечества и другомъ для бѣдствующаго человѣчества, — защитникомъ царствъ и народовъ и утѣхою своего семейства. Такимъ образомъ похвала почившему обратится въ живой христіанскій урокъ для насъ, и урокъ сей, взятый изъ его жизни, будетъ самою лучшею похвалою для него.

Если бы для соплетенія вѣнца общей признательности на гробъ сей предстояла какая-либо нужда заимствовать лавры и оливы со стороны, то, желая почтить память усопшаго, намъ первѣе всего предлежало бы указать на славныхъ заслугами предковъ его, изъ коихъ одинъ, дѣдъ по матери, былъ нѣкогда главнѣйшимъ сподвижникомъ героя Италійскаго, а другой,—его собственный родитель, при-

надлежалъ къ самымъ незабвеннымъ правителямъ воинственныхъ сыновъ Дона. Но при настоящемъ случаѣ, когда намъ нелегко собрать въ одну рукоять и тѣ лавры, кои осѣняютъ гробъ сей, предки почившаго, при всемъ достоинствѣ ихъ, должны быть упомянуты только для показанія, что златая цѣпь заслугъ отечеству въ домѣ Орловыхъ-Денисовыхъ есть уже наслѣдственное достояніе, и что знаменитый родъ сей подобенъ тѣмъ пресловутымъ рѣкамъ, кои образуются чрезъ сліяніе во едино двухъ великихъ потоковъ.

Поучительнѣе остановиться на лѣтахъ юности почившаго. Судя по отличнымъ способностямъ, развившимся съ такимъ блескомъ предъ лицемъ цѣлаго отечества, судя по великимъ и разнообразнымъ подвигамъ его, обратившимъ на себя вниманіе всего образованнаго свѣта, кто не подумаетъ невольно, что первыя развиты, а послѣднія предуготованы въ почившемъ какимъ-либо особеннымъ и многолѣтнимъ образованіемъ, что науки и искусства заранѣе сдѣлали съ своей стороны все для украшенія будущаго героя и защитника отечества?—Между тѣмъ—узнайте и подивитесь! Почившій не вынесъ изъ дома отеческаго никакого образованія кромѣ того, коимъ тихій Донъ, за полвѣка предъ симъ, снабжалъ сыновъ своихъ, отправляя ихъ на служеніе вѣрою и правдою Царю православному. Орлову суждено было пройти всѣ отдѣленія великой школы, но не наукъ и искусствъ, а жизни и опыта. Сами видите, отстала ли въ успѣхахъ школа жизни отъ школы науки!—Но что мы должны заключить изъ сего? То ли, что свѣтъ наукъ и пособіе искусствъ не нужны для великихъ дѣйствователей на поприщѣ служенія отечеству?—Но въ такомъ случаѣ мы имѣли бы противъ насъ самый примѣръ почившаго, который всегда былъ искреннимъ любителемъ просвѣщенія, и до конца жизни не переставалъ усвоять себѣ всѣ плоды его. Нѣтъ, заключимъ то, что слѣдуетъ, то есть, что простое, но твердое наставленіе въ дому отеческомъ, въ началахъ вѣры и нравственности можетъ обойтись, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, безъ пышнаго снаряда искусственнаго образованія, между тѣмъ какъ это образованіе, со всею роскошью его, не можетъ замѣнить собою правилъ отеческихъ и сдѣлать благопотребными на служеніе отечеству самыя блистательныя дарованія, когда имъ недостаетъ чистоты нравовъ и жизни.

Въ великую школу опыта почившій въ Бозѣ графъ вступилъ въ такихъ лѣтахъ, въ какихъ иные не вступаютъ еще въ училища (ему не было тогда и двухъ полныхъ шестилѣтій); за то онъ тотчасъ нашелъ себѣ наставника и руководителя въ томъ, у коего съ пользою могли брать уроки самые опытные вожди и начальники.—То былъ незабвенный герой Дона—Платовъ! У такого наставника уроки состояли изъ перенесенія, за вѣру, царя и отечество, всякаго рода опасностей,—изъ непрестаннаго нападенія на враговъ, изъ ежедневныхъ побѣдъ, или уклоненій отъ пораженія. Юный питомецъ, по генію коего совершенно пришелся этотъ родъ подвиговъ и сраженій, вскорѣ показалъ, что онъ не замедлитъ самъ занять мѣсто начальника и вождя. Открывается война съ галлами за независимость Пруссіи;—и юный витязь спѣшитъ украшать себя первыми лаврами такъ, какъ бы они были уже послѣдніе. Цѣлый рядъ подвиговъ необыкновеннаго мужества немедленно обращаетъ на него самое лестное вниманіе двухъ Монарховъ, изъ коихъ каждый украшаетъ грудь его знакомъ отличія, подобающаго мужеству и самоотверженію, гордый повелитель галловъ, не смотря на свои тогдашнія удачи, могъ уже предузнавать, что срѣтитъ его въ ту пору, когда онъ приметъ безумное намѣреніе—вторгнуться въ самое сердце Россіи.

Лютая брань переносится съ запада на сѣверъ:—и гранитныя скалы Финляндіи видятъ въ Орловѣ то же мужество, но видятъ и распорядительность и человѣколюбіе, приличныя вождю, хотя не великаго, но важнаго по своему назначенію отряда. Когда другіе военачальники вмѣстѣ съ ратію идутъ неудержимо впередъ и проносятъ побѣду едва не до столицы непріятельской, Орловъ поддерживаетъ и упрочиваетъ завоеванія, храня сообщеніе побѣдителей съ отечествомъ на огромномъ пространствѣ, пересѣкаемомъ и возмущеніями жителей, и высадкою съ моря вражескихъ полчищъ. Чтобы поспѣть вездѣ вовремя, Орловъ дѣлитъ не только малую дружину свою, но, можно сказать, самого себя. Борго, Гельсингфорсъ, Христіанштадтъ видятъ его непрестанно предъ собою, и въ безмолвіи поникаютъ подъ неутомимымъ полетомъ орла русскаго.

Такъ приготовлялся будущій герой и защитникъ отечества! Я говорю приготовлялся, ибо самыя брани предше-

ствующія, не смотря на ихъ лютость и разнообразіе, всѣ были не что иное, какъ кровавое введеніе въ послѣдующую великую брань отечественную, измѣнившую лице земли.— Среди сей-то брани суждено было раскрыться всѣмъ великимъ качествамъ почившаго; въ сію-то священную годину бѣдствій и славы явился онъ не только благопотребнымъ слугою отечества, но однимъ изъ видимыхъ орудій Провидѣнія къ его избавленію! Здѣсь-то потому и мы должны сосредоточить вниманіе наше, дабы вполнѣ оцѣнить подвиги почившаго.

Недостало бы цѣлаго дня, почтенные слушатели, если бы мы рѣшились слѣдовать по всѣмъ путямъ героя отъ Нѣмана до Тарутина и обратно; не можемъ однако же не сказать, что первый и послѣдній громъ, грянувшій на врага надменнаго, пущенъ былъ изъ этой руки, которая теперь такъ хладна и недвижна;—что лучшіе изъ витязей Наполеоновскихъ начали падать отъ этого меча, который лежитъ теперь такъ празденъ; что летучая рать, предводимая Орловымъ, почти ежедневно наступала на непріятеля въ то время, когда всѣмъ прочимъ ратямъ отечественнымъ, вслѣдствіе, безъ сомнѣнія, мудраго, но печальнаго соображенія, надлежало только уклоняться и отступать. Въ замѣнъ подробностей, остановимся вниманіемъ на важнѣйшихъ эпохахъ сей незабвенной брани. Какія это эпохи? Преимущественно четыре: отступленіе рати отечественной отъ стѣнъ Смоленска къ Москвѣ, гдѣ пресѣкаемъ былъ ей путь, и предстояла опасность потерять всѣ плоды долговременнаго, стоившаго многихъ жертвъ, отступленія отъ границъ имперіи;—битва при Бородинѣ, гдѣ цѣлый западъ сразился, наконецъ, съ сѣверомъ, и чистая любовь къ отечеству дерзнула стать лицемъ къ лицу съ духомъ галльскаго преобладанія;—побѣда тарутинская, начало побѣдъ нашихъ и постыднаго бѣгства врага;— и, наконецъ, упорный бой подъ Мало-Ярославцемъ, заслонившій отъ опустошеній южную Россію, и заставившій Наполеона бѣжать по пути, имъ же опустошенному. Во всѣхъ сихъ, самыхъ рѣшительныхъ для отечества встрѣчахъ рати нашей со врагомъ, почившій герой пріемлетъ участіе самое рѣшительное.

Въ самомъ дѣлѣ, кто это, прислонившись къ непроходимой равнинѣ и показавъ своимъ воинамъ предварительно

ея непроходимость, дабы знали, что надобно побѣдить или умереть,—пріемлетъ подъ Валутиномъ на свою грудь полъ-арміи непріятельской, и, удерживая ее цѣлый день, даетъ возможность защитникамъ отечества вступить на путь, для нихъ необходимый и отъ нихъ видимо уходившій?—Орловъ.—Кто это, среди самаго пыла битвы бородинской, когда на лѣвомъ крылѣ нашемъ, громимомъ всѣми молніями врага, начинало недоставать не только оружія и рукъ, самаго воздуха для дыханія, — дѣлаетъ внезапно съ незабвеннымъ Уваровымъ вторженіе въ ряды непріятельскіе, заставляетъ Наполеона ослабить рѣшительный для цѣлаго сраженія напоръ силъ его на лѣвое крыло наше—передвижкою своихъ полчищъ съ одного края на другой, и такимъ образомъ даетъ время защитникамъ отечества перевести духъ и собраться съ новыми силами? — Орловъ. — Кто это первый получаетъ счастливую мысль напасть внезапно при Тарутинѣ на вѣнчаннаго храбреца неаполитанскаго, первый же приводитъ ее въ счастливое исполненіе и предначинаетъ блистательнымъ своимъ успѣхомъ долгій рядъ побѣдъ и славы отечественной?—Орловъ. — Кто это всю ночь, предшествовавшую постыдному отступленію враговъ отъ Мало-Ярославца, тревожитъ ихъ нападеніями и страхомъ, подвергаетъ самаго повелителя ихъ очевидной опасности быть взятымъ въ плѣнъ, и такимъ образомъ отъемлетъ у него послѣдній духъ и охоту къ новымъ замысламъ? — Орловъ.

Взвѣсьте, почтенные слушатели, важность сихъ четырехъ событій и судите сами, справедливо ли сказано нами, что почившему въ Бозѣ графу Василію дано было не только быть благопотребнымъ слугою отечества, но и видимымъ орудіемъ Провидѣнія въ самыя рѣшительныя минуты для его судьбы и благоденствія. Тѣмъ, кои удостоиваются сего вышняго избранія, не только, по выраженію Апостола (Рим. 8, 28), вся поспѣшествуютъ во благое; но можно сказать, сама смерть бѣжитъ отъ нихъ, завидя на челѣ ихъ печать сего предъизбранія. Не погрѣшимъ, если съ благоговѣніемъ признаемъ, что на челѣ почившаго была сія таинственная печать.—Иначе, какъ изъяснить, что онъ, во все продолженіе войны отечественной, непрестанно находясь или впереди наступающей, или взади отступающей, и слѣдовательно всегда предъ лицемъ врага ужаснаго, ежедневно

сражаясь и идя на смерть, не только пребылъ живымъ, но даже и не уязвленнымъ?

Но вотъ орлы русскіе уже за предѣлами Россіи. Брань отечественная кончилась; открылась другая, европейская, или паче всемірная. Какое мѣсто займетъ въ ней юный герой? Къ чему призоветъ его довѣренность Монарха, столь много заслуженная? быть по прежнему вмѣстѣ съ другими стражемъ безопасности для ратей отечественныхъ, окомъ движеній военныхъ, предвѣстникомъ побѣды надъ врагомъ? Нѣтъ, это мѣсто займутъ другіе. — Теперь нужна новая священная стража; меньшая по числу, но не меньшая по важности и своимъ послѣдствіямъ. Среди ратей отселѣ будетъ находиться Монархъ всероссійскій, на главѣ коего сосредоточены надежды не только отечества, но и всѣхъ народовъ, стенавшихъ подъ игомъ завоевателя, но который, по великому духу своему, столь же мало умѣетъ щадить себя отъ опасности, какъ и послѣдній воинъ. Охраненіе сего-то священнаго лица, сего-то предводителя царей и народовъ, приметъ на рамена свои Орловъ. Какъ мало безопасности было въ семъ, по видимому не такъ опасномъ служеніи, показываетъ смерть Моро, сраженнаго о страну благословеннаго Монарха. При томъ защитникъ лица царева будетъ обращаться въ защитника славы отечественной всякій разъ, когда она будетъ подвергаться видимой опасности отъ успѣховъ врага. — Свидѣтели тому Бауценъ, Люценъ, особенно Лейпцигъ. Кто не знаетъ, что среди брани лейпцигской, гдѣ рѣшалась судьба Европы, была роковая минута, въ которую побѣда видимо хотѣла склониться на сторону прежняго любимца своего?—Уже средоточіе ратей нашихъ сбито съ своего мѣста; защитники его разсѣяны; толпы враговъ несутся впередъ: минута ужасная! Но вотъ, по гласу Монарха, летитъ съ малою, но непобѣдимою дружиною Орловъ; — и равновѣсіе возстановлено, нападеніе отбито, враги въ свою чреду ищутъ спасенія въ бѣгствѣ. — Такимъ образомъ, и въ семъ случаѣ, почившій является видимымъ орудіемъ Провидѣнія, положившаго въ судьбахъ своихъ сломить гордый рогъ новаго Навуходоносора.

Меркнущая звѣзда Наполеона, какъ извѣстно, вспыхивала еще потомъ не разъ разрушительнымъ блескомъ своимъ; и герой Тарутина не разъ потому еще имѣлъ случай, вмѣстѣ

съ другими вождями, гасить зловѣщее пламя ея потоками крови непріятельской, доколѣ, увѣнчанный новыми лаврами, не имѣлъ утѣшенія и чести войти, о страну хранимаго имъ Монарха, въ гордую столицу галловъ. Какъ умѣли цѣнить подвиги его иноплеменники — свидѣтель сей знакъ отличія, возложенный на него при семъ случаѣ новымъ законнымъ монархомъ Франціи.

По возвращеніи въ отечество, хранитель лица царева не могъ имѣть лучшей награды за долговременные подвиги свои, какъ оставаться постоянно при семъ лицѣ и быть свидѣтелемъ великихъ дѣлъ Александра, будучи готовымъ въ то же время летѣть всюду, куда могла призвать нужда или опасность отечества. — Но время великихъ опасностей уже прошло; брани, подобныя бранямъ двѣнадцатаго года, повторяются не десятилѣтіями, а вѣками, и—мечъ тарутинскій долженъ былъ оставаться отселѣ въ ножнахъ, служа украшеніемъ не только того, кто съ такою славою носилъ его, но, можно сказать, цѣлаго воинства Донскаго.

Увы! суждено было еще разъ обнажиться мечу сему и блеснуть; но уже блескомъ не молніи военной, а факела надгробнаго!... Любимый Монархъ еще разъ потребовалъ для себя охраны не отъ стрѣлъ вражескихъ, а отъ чрезмѣрности любви народной, сопровожденія не въ столицу Франціи, а въ могилу... Кто могъ лучше воздать сей послѣдній долгъ, какъ не тотъ, коему лице почившаго Монарха было какъ бы усвоено предшествовавшимъ служеніемъ? И Орловъ-Денисовъ, по волѣ великаго Преемника Александрова, становится на стражѣ гроба, къ коему обращены были взоры всего міра. — Градъ нашъ видѣлъ, какъ бодрственно стоялъ онъ на сей священной стражѣ, какъ пламенно молился объ упокоеніи души его въ семъ самомъ храмѣ: — и вотъ стѣны сего же храма видятъ теперь посреди себя его собственный гробъ, и мы совершаемъ молитвы объ упокоеніи души его!...

Въ могилѣ Благословеннаго, почившій какъ бы предузрѣлъ конецъ собственнаго поприща, и вскорѣ сошелъ съ него въ тишину жизни домашней. — Почему сошелъ? по недостатку ли желанія посвятить остальные дни на службу отечеству? Но берега Дуная, куда явился онъ при первомъ заревѣ новой брани съ поклонниками Магомета, свидѣтель-

ствуютъ, что почившій всегда готовъ былъ послѣднія капли крови пролить за отечество.—Нѣтъ, воздавъ, долговременными подвигами, долгъ отечеству, герой Тарутина почелъ обязанностію исполнить во всей силѣ и долгъ главы семейства, являя и въ семъ случаѣ похвальный примѣръ — какъ можно соединять военныя доблести съ добродѣтелями мирнаго гражданина.

Открылось новое поприще дѣятельности, новый рядъ движеній и побѣдъ, пріобрѣтаемыхъ не храбростію военною, а благоразуміемъ, великодушіемъ, кротостію и любовію христіанскою. Благоустроенныя веси и села начали свидѣтельствовать о мудрой распорядительности; обновленные и вновь воздвигаемые храмы — объ усердіи къ Церкви; разнообразныя пожертвованія въ пользу благотворительныхъ заведеній—о любви къ человѣчеству.—Нашему граду особенно дано было насладиться всею добротою души почившаго. Кто изъ васъ не любовался его видомъ величественнымъ, его умомъ тонкимъ и вмѣстѣ здравымъ, его благорасположенностію ко всему доброму и общеполезному? Кого не восхищали его кротость и благопривѣтливость? Посему-то въ послѣдніе дни его, при вѣсти о тяжкомъ недугѣ, не было ни одного изъ слышавшихъ, кто бы отъ сердца не возносилъ мольбы о продолженіи жизни, столь для всѣхъ любезной и благотворной.—Послѣ сего мы не присвоимъ чуждаго, если скажемъ, что знаменитый гробъ сей усвоенъ намъ не смертію, а нашимъ всеобщимъ уваженіемъ и любовію къ почившему.

Но, Боже мой, какая печальная собственность! У подобныхъ-то гробовъ познаемъ особенно, что значитъ теперь человѣкъ и какое тяжкое иго лежитъ *на всѣхъ сынѣхъ Адамлихъ* (Сирах. 40, 1)!.. Сами видите, братіе, чѣмъ оканчивается вся слава земная—бреніемъ и могилою!.. Какъ же безразсуденъ былъ бы послѣ сего изъ насъ тотъ, кто рѣшился бы всю жизнь гоняться за однѣми почестями и отличіями, или за стяжаніемъ сокровищъ, или за удовольствіями плоти и крови!—Какъ безразсуденъ былъ бы тотъ, кто, обладая отличными способностями и дарами счастія, не поспѣшилъ бы обратить того и другаго на пользу ближнихъ, во славу Творца своего, Который украсилъ и возвысилъ его предъ лицемъ собратій своихъ!—Какъ безразсуденъ былъ бы

тотъ, кто, предавшись суетамъ земнымъ и почестямъ житейскимъ, не помышлялъ бы о концѣ дней своихъ и не приготовлялъ бы для себя заблаговременно напутія дѣлъ добрыхъ въ ту страну, изъ коей нѣтъ возврата! Какъ безразсуденъ тотъ, кто не дорожилъ бы святою вѣрою, единою неизмѣнною спутницею нашею въ вѣчность, и не старался бы усвоить себѣ креста Христова, единаго заступника нашего предъ судомъ правды Божіей!—Какъ, наконецъ, безразсуденъ былъ бы тотъ, кто слезами истиннаго покаянія не спѣшилъ бы омыть своей совѣсти отъ вольныхъ и невольныхъ грѣхопаденій!

Смѣло говоримъ это предъ симъ гробомъ; ибо твердо знаемъ, что возлежащій въ немъ самъ проникнутъ былъ сими святыми истинами и руководился ими во всю свою жизнь. Вмѣсто всѣхъ доказательствъ, посмотрите на многочисленный полкъ сихъ юныхъ, облагодѣтельствованныхъ имъ, птенцовъ, окружающихъ теперь гробъ сей *)! Можно ли желать лучшей стражи? О, если бы всѣ герои міра вступали во врата вѣчности съ такимъ сопровожденіемъ! Но почившій, при всѣхъ добрыхъ дѣлахъ своихъ, полагалъ надежду не на нихъ, а на милосердіе Вышняго, на кровь Агнца Божія, проліянную за грѣхи наши ни Голгоѳѣ. Посему во дни покаянія всякій разъ, наряду съ послѣднимъ простолюдиномъ, смиренно повергалъ увѣнчанное лаврами чело предъ подножіемъ алтаря, исповѣдуя себя послѣднимъ изъ грѣшниковъ.

Гряди убо съ миромъ, душа кроткая и богобоязненная, туда, гдѣ уготовано полное, некончаемое воздаяніе всѣмъ, кои, подвизаясь здѣсь подвигомъ добрымъ (2 Тим. 4, 7), умѣли до конца соблюсти залогъ вѣры и любви христіанской. Скажи бывшимъ нѣкогда сподвижникамъ твоимъ во брани священной, что благодарное отечество живо помнитъ кровавыя заслуги ихъ; что святая Церковь не перестаетъ возносить о нихъ молитвы свои; что миръ и слава отечества, искупленные ихъ кровію, не предаются никому и ни за что, а твердо хранятся преемниками ихъ на полѣ бранномъ!

Служители алтаря, предначните надгробное пѣніе тому, кто въ своей жизни давалъ вамъ, вмѣстѣ съ другими во-

*) Дѣти изъ харьковскаго дѣтскаго пріюта, который самымъ основаніемъ своимъ во многомъ былъ обязанъ великодушной щедрости графа.

ждями, столько случаевъ къ возглашенію гимновъ хвалебныхъ за побѣду надъ врагами! Воины и защитники отечества, преклоните еще разъ оружіе въ знакъ уваженія предъ тѣмъ, по гласу коего цѣлыя толпы враговъ не разъ повергали на землю свое всеоружіе! Мирные служители наукъ, взгляните еще разъ со вниманіемъ на сей рядъ почестей и отличій: это листы изъ свитка исторіи незабвенной эпохи отечественной, коихъ не много уже остается на лицо!

Ты же, Боже милосердый и праведный, призри не столько на тѣ лавры, коими вѣнчали чело почившаго героя благодарное отечество и народы чуждые, а паче на тѣ священные терны, кои Твоя собственная десница тайно посылала на главу его, для предохраненія отъ обаянія славы земной, для утвержденія въ вѣрѣ и терпѣніи христіанскомъ!—Призри и восполни отъ безцѣнныхъ заслугъ единороднаго Сына Твоего то, что̀ взыщется и не обрящется въ жизни и дѣйствіяхъ почившаго на вѣсахъ правды Твоей! Ибо кто поживетъ и не согрѣшитъ предъ Тобою? Всѣ мы, кто бы ни были, грѣшники, недостойные войти въ святое и славное царство Твое, и всѣмъ намъ надежда—на одно безпредѣльное милосердіе Твое! Аминь.

Слово при погребеніи генералъ-фельдмаршала, свѣтлѣйшаго князя, Михаила Семеновича Воронцова,

произнесенное въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ, 10 ноября 1856 года.

Итакъ, моимъ слабымъ устамъ суждено обратить къ тебѣ, почившій въ Бозѣ князь, послѣднее на землѣ слово и воздать тебѣ послѣдній христіанскій долгъ!—Утѣшаясь столько времени и личною пріязнію твоею, и множествомъ лавровъ на главѣ твоей, мнѣ же должно теперь быть провозвѣстникомъ и всеобщей скорби о кончинѣ твоей и собрать печальные кипарисы на гробницу твою!... Не трудно окружить ими гробъ маститаго героя и мудраго областеправителя; но какъ тяжело поднять руку, чтобы, по знаменательному уставу св. Церкви, бросить—на прощаніе—горсть праха въ могилу твою!... О, здѣсь-то познаемъ во всей силѣ, въ какую неисходную глубину золъ низринуто грѣхомъ все падшее человѣчество, и какъ необходимо было

для всѣхъ насъ явленіе на землѣ и во плоти Того, Кто могъ сказать о Себѣ всѣмъ потомкамъ Адамовымъ: *Азъ єсмь воскресеніе и животъ! Вѣруяй въ Мя, аще и умретъ, оживетъ* (Іоан. 11, 26)!

Мы надѣялись, возлюбленный князь, срѣтить съ особенною радостію приближавшійся день Ангела твоего; думали украсить его преимущественно любезными для тебя цвѣтами благотворительности; а ты, какъ бы по тайному мановенію свыше, поспѣшилъ самъ въ міръ ангельскій, для пріятія *новаго* таинственнаго имени (Апок. 11, 17), обѣщаннаго отъ небеснаго Мздовоздаятеля тѣмъ, кои добрѣ подвизались на землѣ и соблюли вѣру и терпѣніе до конца (Іоан. 11, 26)!...

Не пререкаемъ новому горнему призванію твоему, какъ ни внезапно оно было для насъ, и исполнимъ съ своей стороны все, что̀ можетъ содѣйствовать восходу твоему въ обители Отца небеснаго; но, воздая тебѣ послѣдній на землѣ долгъ, не можемъ не воспріять и послѣдняго урока изъ жизни и дѣяній твоихъ: кончина подобныхъ тебѣ мужей не должна прейти безъ особеннаго назиданія для остающихся на землѣ.

Знаемъ, что ты не любилъ похвалъ и не терпѣлъ звучныхъ отзывовъ о подвигахъ твоихъ: не услышишь ихъ и теперь! Скажется одно то, что̀ можетъ служить во славу Божію и въ общее наставленіе каждаго. Въ этомъ, какъ христіанинъ, не можешь ты отказать намъ—изъ самаго гроба твоего!

Составъ земной жизни каждаго человѣка, братіе мои, слагается какъ бы изъ двухъ частей, изъ коихъ первая, нисколько не завися отъ насъ самихъ, по тому самому всецѣло принадлежитъ нашему Творцу и Господу. Это, такъ называемые, дары природы и естественныя способности наши, коими всеблагая десница творческая напутствуетъ каждаго человѣка, *грядущаго въ міръ* (Іоан. 1, 9). Какъ ничѣмъ еще не заслуженные, дары сіи, въ самой наибольшей совокупности своей, не составляютъ сами по себѣ нравственнаго достоинства въ человѣкѣ; могутъ даже, при злоупотребленіи ими, обращаться въ тягчайшую вину для него; но, по намѣренію Промысла Божія, должны служить осно-

ваніемъ и условіемъ къ его будущимъ заслугамъ и достоинству. Вторая часть въ составѣ земнаго бытія нашего, находясь также въ тайной зависимости отъ Промысла Божія, отдана, можно сказать, въ собственныя наши руки. Это—самое употребленіе въ дѣло данныхъ намъ при рожденіи силъ и талантовъ, иначе сказать вся совокупность нашихъ свободныхъ чувствъ, мыслей и дѣйствій. Поелику тутъ мѣсто всей свободѣ и произволу человѣка, то здѣсь же—полное мѣсто его заслугѣ и нравственному достоинству, его прославленію, или осужденію предъ Богомъ и человѣками.

Обозрѣвая, сообразно сему, окончившееся уже теперь земное поприще почившаго въ Бозѣ князя, мы тотчасъ, братіе мои, чувствуемъ необходимость обратиться отъ гроба сего къ небу и принести, отъ лица почивающаго въ немъ, глубочайшую благодарность Тому, Кто еще до происхожденія нашего на свѣтъ, единъ, по Своей Его волѣ, предопредѣляетъ жребіи человѣческіе и раздаетъ разные таланты.

Въ самомъ дѣлѣ, кто изъ насъ усумнится сказать, что усопшій князь пріялъ отъ небеснаго Домовладыки не одинъ или два, а десять талантовъ? Это стройное сложеніе и крѣпость силъ тѣлесныхъ видимо предуготованы были для обширной и неутомимой дѣятельности и для безвреднаго перенесенія самыхъ тяжкихъ трудовъ. Этотъ глубокій, свѣтлый и проницательный умъ самъ собою стремился къ предметамъ возвышеннымъ, ища всюду и во всемъ того, что̀ можетъ служить на пользу общую. Это величіе духа, сила воли и постоянство характера, даже безъ внѣшнихъ побужденій, заключали въ самихъ себѣ рѣшимость на самые великіе и долговременные подвиги, — небоязнь никакихъ препятствій или опасностей. Это глубокое чувство порядка, благоустройства и благолѣпія, очевидно, нигдѣ не могло быть покойнымъ дотолѣ, пока не распространитъ порядка, довольства и радости вокругъ себя. Эта доброта сердца, мягкость нрава и тонкій вкусъ заранѣе обѣщали всегдашнюю доступность, привлекательность въ обхожденіи и готовность къ оказанію всякому возможныхъ услугъ, ручаясь взаимно за всеобщее благорасположеніе и приверженность къ почившему.

Присоедините къ сему,—что также есть даръ Божій,—полную независимость по внѣшнему состоянію, высоту, такъ называемаго, положенія въ свѣтѣ, превосходное воспитаніе,

возможность съ раннихъ лѣтъ видѣть самые лучшіе образцы во всемъ и постоянно находиться въ кругу людей, коихъ одно обхожденіе есть уже наука; — и вы, взирая на такое счастливое совокупленіе въ одномъ лицѣ и природныхъ даровъ и внѣшнихъ условій къ ихъ развитію, невольно ожидаете отъ будущаго дѣйствователя—человѣка необыкновеннаго.

Таковъ и былъ, почившій о Господѣ, собратъ нашъ! Много пріялъ онъ отъ руки Господней; но немало и воздалъ съ лихвою небесному Раздаятелю талантовъ. Дѣла и труды его такъ велики и разнообразны, что въ лицѣ его работалъ и подвизался, кажется, не одинъ человѣкъ, а какъ бы нѣкое собраніе лицъ, — и всѣ они преразумны и общеполезны, и всѣ достойны уваженія и любви!

Начнемъ съ военнаго поприща, какъ главнаго въ жизни почившаго. Здѣсь, чтобы обнять хотя бѣглымъ взоромъ дѣянія фельдмаршала, надобно возобновить въ мысляхъ едва не всю исторію текущаго столѣтія. Ибо, при самомъ началѣ его, мы уже видимъ нашего витязя за предѣлами Кавказа,— тамъ, гдѣ голубица всему человѣчеству, въ лицѣ Ноя, принесла нѣкогда оливу мира (Быт. 8, 11), и гдѣ потомъ, какъ бы на перекоръ Провидѣнію и на пагубу человѣчества, основалъ себѣ жилище духъ брани и кровопролитія. Юнъ еще былъ въ то время будущій герой нашъ—не болѣе двадесяти лѣтъ, — но это нисколько не препятствовало его рѣдкимъ способностямъ быть скоро примѣченными, почему, не смотря на юность, онъ не только пользуется вниманіемъ и близостію посѣдѣвшихъ въ бояхъ военачальниковъ кавказскихъ, но и употребляется ими въ такихъ дѣлахъ, кои, кромѣ военнаго мужества, требуютъ особеннаго благоразумія въ обхожденіи съ людьми.

Пріявъ такимъ образомъ первые уроки въ наукѣ брани, послѣ другихъ учителей, можно сказать, отъ самаго Кавказа, витязь нашъ, какъ бы для испытанія въ изученномъ, переносится, по волѣ начальства, на берега Дуная, гдѣ брань, не смотря на ея продолжительность, не имѣя рѣшительнаго характера, не могла имѣть и рѣшительныхъ послѣдствій, но по самому мѣсту своему и другимъ обстоятельствамъ, чрезвычайно способна была къ упражненію и развитію талантовъ военныхъ. Здѣсь Воронцовъ въ непродолжительномъ времени удостоивается водительствовать преемственно раз-

ными частями рати отечественной, и вездѣ, гдѣ ни является въ семъ качествѣ, достигаетъ такихъ успѣховъ, кои скоро и далеко возносятъ его надъ многими изъ сверстниковъ, радуя собою и такихъ вождей, каковы были: Каменскій и Кутузовъ. — Рядъ военныхъ отличій и постоянное вниманіе власти предержащей сами собою слѣдуютъ за рядомъ его разнообразныхъ заслугъ и блистательныхъ успѣховъ.

Не успѣла еще нерѣшительная война на югѣ прекратиться, какъ возгорается самая рѣшительная брань на западѣ имперіи: наступаетъ 1812 годъ. Врагъ,—и какой врагъ!— уже не на предѣлахъ только отечества, а перешедъ ихъ, съ многочисленными полчищами и полною надеждою на успѣхъ, стремится нагло къ сердцу Россіи!... И дунайскій витязь нашъ, вмѣсто отдыха послѣ продолжительныхъ и тяжкихъ трудовъ, одинъ изъ первыхъ съ береговъ Дуная спѣшитъ къ верховьямъ Днѣпра, дабы стать въ ряды рати отечественной, которая, и въ полномъ составѣ своемъ далеко не равная врагу, а по причинѣ неизбѣжнаго въ то время раздѣленія своего на двѣ половины, еще болѣе ослабленная, должна потому восполнять малочисленность свою ничѣмъ другимъ, какъ только мужествомъ своихъ воиновъ и искусствомъ военачальниковъ. Герою нашему (мы можемъ уже отселѣ называть его симъ именемъ) выпадаетъ жребій— сражаться за отечество подъ знаменами неустрашимаго Багратіона. Какъ на Дунаѣ, сообразно, большею частію, наступательному движенію нашему, онъ всегда былъ впереди; такъ теперь, по причинѣ оборонительнаго положенія, онъ всегда остается назади, отражая и останавливая на каждомъ шагу превозмогающаго числомъ непріятеля. Романовъ, Дашковка, а потомъ стѣны Смоленска съ радостію видятъ въ лицѣ Воронцова, что у насъ, кромѣ маститыхъ военачальниковъ, есть и юные герои, для коихъ не страшенъ ни геній Наполеона, ни тьмочисленность его легіоновъ.

Тѣснимая врагомъ, хотя ни разу не побѣжденная, рать наша находитъ, наконецъ, для себя мѣсто твердой опоры и благоуспѣшнаго сопротивленія врагу на поляхъ Бородина; тутъ долженъ рѣшиться кровавый споръ Россіи съ народами почти всей остальной Европы, предводимыми исполиномъ брани; тутъ посему лягутъ костьми тысячи и тьмы сыновъ отечества!... Что ожидаетъ здѣсь нашего юнаго

героя, о которомъ заранѣе можно сказать, что онъ, по преизбытку любви къ отечеству, будетъ искать или побѣды, или смерти?... Ожидаетъ самое опасное, и потому самое почетное мѣсто въ бою (онъ и здѣсь стоитъ о страну Багратіона!); ожидаетъ честь принять и отразить самые отчаянные натиски врага; ожидаетъ наконецъ давно желанное имъ, ничѣмъ для высокихъ душъ незамѣнимое, отличіе—пролить кровь свою за отечество... Тяжелая язва заставляетъ его оставить поле сраженія; но уже когда видимо стало, что исходъ брани не по желанію врага. Самое свойство язвы таково. что не отъемлетъ надежды, рано или поздно, паки явиться на защиту любезнаго отечества.

Между тѣмъ,—да замѣтятъ сіе въ урокъ себѣ тѣ, кои могутъ находиться въ подобныхъ обстоятельствахъ!—удаленный съ поля брани, стеная отъ язвы въ одномъ изъ близъ лежащихъ владѣній своихъ, герой Бородина, полный любовію къ страждущему отечеству, измышляетъ для себя, и на этотъ промежутокъ времени, нѣкій новый родъ служенія соотчичамъ—тѣмъ. что, пользуясь преимуществами своего состоянія, обращаетъ и домъ и все владѣніе свое въ пріютъ и убѣжище для военныхъ собратій своихъ, кои. подобно ему, страдали и искали исцѣленія отъ язвъ, но не имѣли такихъ, какъ онъ, средствъ къ возстановленію своего здравія. Нужно ли говорить, что способы сіи доставляются каждому самою заботливою и щедрою рукою?—И—герой-благотворитель находитъ для себя, среди недуга своего, неоцѣненное для добрыхъ сердецъ, утѣшеніе—возвратить на служеніе отечеству цѣлые ряды воиновъ-героевъ.

Имѣя въ виду, какое множество предметовъ предлежитъ еще взору нашему, не будемъ, братіе, утомлять вниманія вашего подробнымъ повѣствованіемъ о томъ, какъ почившій, по возстаніи съ одра своего, спѣшитъ настигнуть пламя войны, которое начало удаляться тогда отъ самыхъ предѣловъ отечества; не будемъ вести васъ за военнымъ поприщемъ его—по всѣмъ извилинамъ той исполинской брани, которая. по возвратѣ изъ Москвы, прошедъ чрезъ столько царствъ и народовъ, нашла себѣ конецъ не прежде, какъ въ стѣнахъ Парижа. На сей разъ довольно сказать, что не было ни одного великаго дня въ этой ве-

ликой брани (а сколько было такихъ дней!), гдѣ бы почившій не оказалъ или своего, признаннаго всѣми, военнаго мужества и знанія, или своего, также никѣмъ неоспариваемаго, искусства вести дѣла и невоенныя. Не можемъ однако же не остановить вниманія вашего на томъ, чрезвычайно важномъ и рѣшительномъ дѣлѣ, гдѣ почившему надлежало стать—съ воями своими—лицемъ къ лицу противъ перваго въ свѣтѣ полководца, коего одно имя приводило въ страхъ и неробкихъ, и который чѣмъ ближе становился къ своему паденію, тѣмъ казался способнѣе и отважнѣе къ подавленію всего, ему противостоящаго. Это дѣло—Краонъ!—самый цвѣтущій и неувядаемый лавръ въ военномъ вѣнцѣ Воронцова!

Чего тутъ не было противу насъ? И военный геній противника, и мужество и число его воевъ, и самое общее и ему и имъ отчаяніе; ибо подъ ногами ихъ начинала уже разверзаться бездна... Но, ничто не могло помочь тому, кто былъ оставленъ Самимъ Богомъ! Превосходный въ силахъ, сражаясь цѣлый день, не щадя никакихъ жертвъ, врагъ не могъ похвалиться ничѣмъ, кромѣ развѣ того, что не былъ обойденъ и уничтоженъ, какъ тому слѣдовало быть, если бы и вожди союзныхъ ратей успѣли выполнить свой долгъ такъ, какъ выполнилъ его Воронцовъ. Въ сей рѣшительный день, онъ, по признанію всѣхъ, былъ честью и красою русской арміи.—На поляхъ Краона могъ утвердиться колеблющійся вѣнецъ на главѣ повелителя галловъ; и здѣсь-то именно онъ поколебался до того, что ничѣмъ уже не могъ быть утвержденъ, и долженъ былъ вскорѣ упасть съ сей главы—единожды и навсегда!...

Когда послѣ безразсуднаго покушенія этого, развѣнчаннаго уже, повелителя—возвратить себѣ, вопреки собственнаго отреченія, царственныя права надъ Галліею, надлежало оставить тамъ на нѣсколько лѣтъ часть нашей рати, и требовался военачальникъ, могущій, кромѣ военныхъ достоинствъ, представлять собою честь русской арміи и не въ военномъ отношеніи: то это почетное званіе, какъ бы само собою, пало на долю героя Краонскаго. Какъ успѣшно исполнилъ онъ сіе, небезтрудное во многихъ отношеніяхъ, порученіе, свидѣтельствуетъ и памятникъ признательности, поднесенный ему потомъ его подчиненными, и отзывы са-

мыхъ галловъ, кои, срѣтая ведомыя имъ войска, какъ непріятныхъ для себя стражей, разставались потомъ съ ними, какъ съ благодѣтелями и друзьями.

Сей-то, безъ сомнѣнія, военно-гражданскій подвигъ былъ главною причиною, что почившій князь съ поприща брани изведенъ вскорѣ державною волею на новое поприще—областеначальства, не отлагая впрочемъ и меча военачальническаго.—Отселѣ, по тому самому, еще труднѣе будетъ слѣдовать намъ за дѣяніями его—на двухъ поприщахъ вмѣстѣ, но будемъ слѣдовать: ибо сопровождаемъ его теперь, увы, въ послѣдній уже разъ на землѣ!

Изъ здѣ стоящихъ многіе, безъ сомнѣнія, помнятъ еще то время, когда на графа Воронцова возложено было главное управленіе нашимъ краемъ. Усумнится ли кто изъ таковыхъ засвидѣтельствовать, что съ этого времени началась какъ бы нѣкая новая пора для всей страны нашей, и особенно для здѣшняго града?—Для общаго блага ихъ недостаточно было, какъ въ другихъ мѣстахъ, одного благоразумнаго управленія краемъ, одного направленія готовыхъ уже силъ и средствъ къ извѣстной цѣли. Нѣтъ, здѣсь для успѣха, кромѣ ума и усердія, требовалась въ правителѣ особенная высота души и сердца, требовалось нѣкотораго рода—творчество. И въ новомъ областеначальникѣ явился тогда какъ бы нѣкій духъ зиждительный, отъ коего всей Новой Россіи суждено пріять полную жизнь и опредѣленный образъ бытія гражданскаго, сообразный ея внутреннему составу и внѣшнему положенію. И много ли времени потребовало для себя это гражданское творчество? Конечно, не шесть дней, какъ твореніе міра, но и не многихъ десятилѣтій, какъ въ другихъ странахъ. Въ продолженіе не болѣе двадесятипятилѣтняго управленія почившимъ страною нашею, преспѣяніе оной по всѣмъ частямъ возрасло до того, что могло послужить недавно, какъ вѣдаете, для руки державной неоскуднымъ матеріаломъ къ составленію четырехъ прекрасныхъ картинъ нашего края.

Желаете ли знать причину и, такъ сказать, тайну сихъ успѣховъ? Она была весьма проста и естественна, и потому-то, безъ сомнѣнія, такъ дѣйствительна и плодоносна. Первѣе всего, просвѣщеннымъ вниманіемъ начальническимъ, какъ бы нѣкіимъ дыханіемъ живительнымъ, пробуждается

по всему, пустынному еще, краю духъ жизни и самосознанія, духъ движенія и полезной предпріимчивости: каждому изъ пробуждающихся членовъ общества указуются недостававшіе для общежитія и сродные краю предметы занятій и промышленности; разумнымъ начинателямъ оказывается благовременная помощь и всегдашнее поощреніе: чего не достаетъ дома, то заемлется немедленно изъ чуждыхъ странъ.

Къ той же великой цѣли—образованія Новой Россіи направляются всѣ дѣйствія высшаго управленія. Здѣсь, братіе мои, мы не кончили бы до утрія, если бы захотѣли подробно излагать всѣ дѣйствія почившаго областеправителя на пользу нашего края; но, поелику они гораздо извѣстнѣе вамъ, кои были ихъ личными свидѣтелями, нежели намъ, кои слышали о нихъ токмо издали: то со всею удобностію можно ограничиться указаніемъ только на самое главное.

Что важнѣе для насъ водъ нашихъ, коими могли бы мы снабдить цѣлую Россію? Но, по недостатку собственныхъ водныхъ сообщеній, моря наши оставались для насъ малоупотребительными и служили не столько къ сближенію, сколько къ разъединенію всѣхъ частей края:—и вотъ, рукою почившаго раскидывается по всѣмъ водамъ нашимъ обширная сѣть искусственныхъ сообщеній, постоянныхъ. скорыхъ и благонадежныхъ, раскидывается въ то время. когда въ другихъ мѣстахъ еще сомнѣваются и спорятъ о пользѣ подобныхъ предпріятій. А чтобы не было недостатка въ домашнихъ водителяхъ плаванія, то, кромѣ школы мореходства, цѣлыя селенія, посредствомъ искусно придуманныхъ побужденій, привлекаются къ постоянному дѣйствованію и. такъ сказать, житью на морѣ.

Горы и долы южной Тавриды, при самой удобной почвѣ къ изращенію всѣхъ прозябеній благодатнаго юга, по удаленности отъ прочихъ неселенныхъ частей имперіи, продолжаютъ оставаться въ ихъ первоначальномъ дикомъ видѣ: приходитъ почившій областеначальникъ, плѣняется ихъ пустынною красотою, провидитъ, что̀ можно извлечь на пользу общую изъ такой богатой природы, и немедленно самъ становится, можно сказать, первымъ дѣлателемъ въ этомъ будущемъ вертоградѣ всероссійскомъ. Примѣръ его увлекаетъ за собою другихъ любителей природы и общественной про-

мышленности, съ коими онъ дѣлится всѣми своими средствами;—и въ небольшое число лѣтъ прежняя пустыня начинаетъ цвѣсти, яко кринъ, и тѣ, кои прежде, вдали отъ предѣловъ отечества должны были искать цѣльбоносныхъ волнъ морскихъ, южной теплоты и прекрасной природы, получаютъ удобность находить все это, такъ сказать, у себя самихъ—дома!

По обширнымъ берегамъ моря Меотійскаго надлежало стоять всюду и непрестанно на стражѣ противу ужаснаго врага — заразы восточной: является съ своимъ орлинымъ взглядомъ почившій областеначальникъ, и тотчасъ усматриваетъ возможность устранить эту опасность единожды и навсегда. Какими-нибудь особенными многосложными средствами? Нѣтъ, чрезъ одно простое закрытіе устьевъ сего моря на краткій срокъ для каждаго изъ приходящихъ плавателей иноземныхъ. Вслѣдствіе сего, онъ достигаетъ своего мѣста нѣсколькими днями позже, но за то всюду является чистымъ отъ всякаго подозрѣнія въ опасности, и появленіемъ своимъ уже не производитъ ничего, кромѣ удовольствія и радости. А между тѣмъ на пустынныхъ берегахъ того же моря какъ бы изъ земли выходитъ новый городъ съ пристанью, который, оживляемый особеннымъ вниманіемъ и любовію своего основателя, вскорѣ оживляетъ собою всю, дотолѣ мертвую, окрестность, привлекая плавателей изъ всѣхъ частей свѣта.

Съ поверхности лица земли нашей, почившій идетъ въ глубь и, не смущаясь нисколько названіемъ пустынь скиѳскихъ, допрашиваетъ самую природу водъ и степей нашихъ; и что же? Воды, даже въ самомъ презрѣнномъ ихъ видѣ, оказываются способными къ исцѣленію такихъ недуговъ, съ коими напрасно боролось искусство врачебное; земля открываетъ въ нѣдрахъ своихъ множество такихъ веществъ, которыя, при всей невзрачности своей, превосходятъ самыя дорогія ископаемыя тѣмъ, что могутъ служить къ обезпеченію цѣлыхъ поколѣній въ самыхъ первыхъ потребностяхъ жизни.

Для многихъ новыхъ предпріятій, особенно по разнымъ частямъ хозяйства, не достаетъ туземныхъ дѣлателей: почившій не медлитъ призвать ихъ отвсюду, употребляя для сего даже собственныя средства; и въ числѣ призванныхъ

на время многіе, будучи обласканы, успокоены и привязаны къ новой странѣ самыми успѣхами своими, остаются у насъ навсегда, усвояя новому отечеству и свои знанія, и свой примѣръ, и свое достояніе.

Одесса, какъ средоточіе дѣятельности правительственной, какъ мѣстопребываніе областеправителя,—хотя онъ, можно сказать, былъ всегда и вездѣ, гдѣ нужно,— служитъ предметомъ особенныхъ его попеченій, и, лелѣемая какъ дитя, растетъ видимо предъ всѣми другими градами — не нашего только края, распространяется и благоукрашается такъ, что въ продолженіе его управленія успѣваетъ принять видъ южной столицы Россіи, куда со всѣхъ краевъ стекаются— одни для возстановленія своего здоровья, другіе—для воспитанія дѣтей, иные—по надеждѣ скораго прибытка, многіе— для пріятнаго препровожденія времени.

Была среди мирныхъ занятій и эпоха шума военнаго, когда давній сосѣдъ и недругъ нашъ принудилъ насъ, въ наказаніе его неправдъ, прейти Дунай, а потомъ — Балканы. Почившій вполнѣ показалъ при семъ случаѣ, что мечъ военачальника нисколько не потерялъ въ рукахъ его остроты своей, находясь въ ножнахъ со временъ Краона. Упорная Варна растворяетъ врата свои и падаетъ не иначе, какъ предъ военною хоругвію Воронцова. Побѣдоносная рать наша, во одни оскудѣнія жизненныхъ потребностей, ни изъ чьихъ рукъ не получаетъ столько пособій, какъ изъ рукъ правителя новороссійскаго края.

Долговременный миръ, наступившій за сею упорною бранію, открылъ еще большее поприще для гражданской дѣятельности почившаго; и она была такъ разнообразна и благотворна, что имя его, можно сказать, слилось съ именемъ управляемой имъ области, такъ что кто говорилъ о Новороссіи, тотъ невольно вспоминалъ о Воронцовѣ, и при имени Воронцова, представлялся весь Новороссійскій край.—Каково же было для обоихъ, когда услышалось, что знаменитый областеначальникъ внезапно *творится далечайше идти* (Лук. 24, 28)! Тогда и старые и юные, — въ семъ градѣ особенно, — готовы были возопіять къ нему гласомъ учениковъ эммаусскихъ: *облязи съ нами, яко къ вечеру есть, и преклонился есть день* (Лук. 24, 29)!

Да, братіе мои, день жизни почившаго въ Бозѣ князя

видимо уже и тогда началъ преклоняться къ своему западу; но не преклонялась, нисколько не ослабѣвала его любовь къ отечеству, его преданность Монарху, его усердіе къ исполненію воли царевой и для блага отечества, — онъ всегда готовъ былъ на то, чтобы *сѣнь степеней, имиже сниде солнце* (Исаіи 38, 8) его жизни, возвратилась вспять, — какъ это было нѣкогда во увѣреніе Езекіи,—дабы снова понести всю тяготу и весь зной труда цѣлодневнаго.

Неукротимый Кавказъ потребовалъ новаго противъ себя военачальника: Монархъ требуетъ отъ правителя Новороссіи новой жертвы — принять на рамена свои этотъ великій подвигъ;—и Воронцовъ, забывъ преклонность своихъ лѣтъ, оставивъ столь любимое и блистательно проходимое имъ столько времени поприще, идетъ, куда призываетъ его гласъ Монарха, идетъ, облеченный новымъ высокимъ званіемъ намѣстника царскаго и сопутствуемый благожеланіями и надеждами цѣлой Россіи.

Какъ должно было забиться сердце семидесятилѣтняго воина, когда взору его открылись опять тѣ горы и дебри, среди коихъ, за полвѣка назадъ, началъ онъ изучать страшную, но необходимую, науку брани! Здѣсь онъ долженъ былъ, такъ сказать, дать отчетъ въ урокахъ предъ первоначальнымъ учителемъ своимъ — Кавказомъ; и далъ оный такъ, что сѣдовласый учитель не могъ не остаться доволенъ своимъ такъ же убѣленнымъ отъ времени ученикомъ!... Въ самомъ дѣлѣ, надъ почившимъ въ это время какъ будто повторилось въ исполненіи оное вдохновительное обѣтованіе пророка: *обновится, яко орля, юность твоя* (Псал. 102, 5)!

Послѣ необходимыхъ предварительныхъ обозрѣній, немедленно приняты всѣ мѣры, чтобы врагу продерзкому и надменному не дать ступить ни шага далѣе. А дабы надолго отнять у него духъ и надежды, вскорѣ проникнуто — съ оружіемъ въ рукахъ—до самыхъ послѣднихъ его убѣжищъ, то есть, до самыхъ неприступныхъ ущелій и вертеповъ. Свидѣтель тому, кромѣ другихъ неприступныхъ мѣстъ, Дарго. Вы знаете, какъ громко раздалось паденіе его и по всему Кавказу, и по всей Россіи;—громко и по причинѣ пораженія врага, считавшаго себя недосязаемымъ, и по той крайней опасности, коей, наряду съ послѣднимъ воиномъ, подвергалъ себя въ сію брань самъ военачальникъ.

Поелику, кромѣ горъ, потоковъ и непроходимыхъ лѣсовъ, врагу всего болѣе благопріятствовала развлеченность нашихъ силъ и неудобность соединять ихъ скоро въ одномъ мѣстѣ—по крайней трудности сообщеній: то, въ отвращеніе сего неудобства, непроходимые лѣса исчезаютъ, гребни горъ понижаются, глубокія дебри наполняются, ярость потоковъ обуздывается прочными переправами;—и врагъ самъ начинаетъ подвергаться той внезапности, которою непрестанно угрожалъ намъ: гдѣ была отверста дверь для татя, тамъ находитъ онъ твердыни, его поражающія. Такимъ образомъ въ немногіе годы образуется цѣлая новая система дѣйствій военныхъ, состоящая въ томъ, чтобы держать врага въ замкнутомъ кругу, который, постоянно дѣлаясь уже, долженъ наконецъ сомкнуться надъ главою его и такимъ образомъ отнять у него возможность не только къ нападенію на насъ, но и къ самому существованію.

Столь упорная брань и непрерывные подвиги военные не препятствуютъ между тѣмъ для почившаго къ разнообразнымъ трудамъ на поприщѣ управленія гражданскаго. И за Кавказомъ, какъ у насъ, города и села возникаютъ вновь, или принимаютъ лучшій видъ; всѣмъ частямъ края дается новое очертаніе и разумный обликъ; взаимныя отношенія племенъ и сословій выводятся изъ неблаготворной темноты и вредной неопредѣленности; расширяются и углаждаются пути для торговли и промышленности; отнимаются преграды къ развитію народнаго духа и богатства, съ указаніемъ для сего мѣстныхъ источниковъ; полагается прочное начало къ усвоенію самой землѣ новыхъ, полезныхъ произрастеній и къ извлеченію изъ нѣдръ ея разныхъ сокровищъ, въ ней безплодно лежавшихъ.

Кромѣ вещественнаго усовершенствованія всего края, дается благотворное движеніе уму и способностямъ: тамъ, гдѣ не знали почти другаго свѣта, кромѣ солнечнаго, начинаетъ разливаться — и не изъ одного средоточія — свѣтъ наукъ, озаряя собою, какъ солнце, не одинъ какой-либо классъ жителей, а всѣ сословія; тамъ, гдѣ почти не слышно было ничего, кромѣ печальныхъ извѣстій о завалахъ Казбека и Эльборуса, о набѣгахъ лезгинъ и чеченцевъ, начинаютъ быть слышимы, даже на туземномъ языкѣ, постоянныя вѣсти о событіяхъ домашнихъ и всемірныхъ, о всякаго рода

полезныхъ изобрѣтеніяхъ. Кавказская природа, съ ея отличительными свойствами, подвергнута во всѣхъ видахъ постоянному наблюденію; нравы и характеръ жителей, мѣста, по чему-либо особенно примѣчательныя, описываются; древнія преданія и событія извлекаются изъ забвенія: темная святыня возстановляется; родные краю языки и нарѣчія оживаютъ новою жизнію. Нѣтъ болѣе средостѣнія между обитателями по ту и по сю сторону Кавказа; — и благодарные сыны Иверіи, видя столько знаковъ отеческой заботливости о судьбѣ ихъ, спѣшатъ отъ сердца соединиться съ коренными чадами великаго отечества въ единомъ и томъ же духѣ любви и преданности къ Монархамъ.

Отъ столь прилежнаго и обильнаго сѣянія, рукою искусною, въ странѣ, могучей и природою и духомъ, какой нельзя было ожидать богатой жатвы? Послѣ такихъ трудовъ—некратковременныхъ, неутомимыхъ, разнообразныхъ, какъ отрадно было бы главному дѣлателю взглянуть самому на рукояти плодовъ, имъ возращенныхъ? Но, не напрасно произнесено нѣкогда Спасителемъ оное таинственное слово: *инъ есть сѣяй, и инъ есть жняй* (Іоан. 4, 37)!

Въ то время, какъ все привязывало почившаго военачальника къ его Кавказу, и оконченные труды, и неоконченныя предпріятія, въ особенности новая, видимо приближавшаяся, небывалая по лютости своей, буря брани, которую, если кто могъ срѣтить съ надеждою на успѣхъ, то онъ: въ это самое время жестокій недугъ отъемлетъ у него тѣлесныя силы до того, что принуждаетъ оставить поприще не только военачальника, но и областеправителя, удалиться даже навсегда изъ предѣловъ Кавказа, дабы искать исцѣленія за предѣлами отечества.

Можете судить, что долженъ былъ чувствовать и какъ сокрушаться духомъ болящій герой, во все продолженіе этой ужасной по многимъ отношеніямъ брани! — Въ самомъ дѣлѣ, вообразите: мирные оратаи по всѣмъ краямъ отечества, оставляя поля и плуги свои, спѣшатъ въ ряды рати отечественной; а онъ, герой 1812 года, одинъ изъ побѣдителей Парижа, онъ—правитель тѣхъ самыхъ областей, гдѣ во всей силѣ разгарался пламень войны,—онъ въ это самое время долженъ былъ возлежать на одрѣ недуга, и только молитвою и совѣтами участвовать въ подвигахъ своихъ со-

братій по оружію! — Такое положеніе было тяжелѣе для героя самой смерти; и оно-то, безъ сомнѣнія, истощило до основанія елей жизни въ томъ свѣтильникѣ, который среди бурь всегда разгарался тѣмъ ярче и свѣтлѣе...

Какъ бы въ нѣкое услажденіе этой предсмертной горести, почившему дано было вкусить и нѣсколько капель предсмертнаго утѣшенія. Таковымъ было постоянное и вполнѣ живое и дружелюбное участіе въ его тяжкомъ положеніи всего Дома царственнаго; таковымъ было его собственное потомъ душевное участіе въ торжествѣ царственномъ среди первопрестольной столицы: таковымъ было новое, самое высшее, званіе на поприщѣ воинскомъ, коимъ украшены при семъ случаѣ его заслуги; и усумнимся ли присоединить? — таковымъ, конечно, было самое возвращеніе его, хотя безъ тѣлесной крѣпости, но со всѣми силами памяти, ума и души, въ нашъ городъ. Ибо, правительственной мудрости, военнымъ подвигамъ и прекраснымъ качествамъ души почившаго удивлялись вездѣ; но искренняя любовь и родственная привязанность къ нему преимущественно жили и навсегда останутся—въ Одессѣ.

Не простремъ далѣе нашего слова, хотя многое можно бы еще сказать намъ, напримѣръ, о той любви къ истинѣ и правдѣ, по коей онъ всегда готовъ былъ, по выраженію святаго Давида, свидѣтельствовать о нихъ *предъ цари* и не смущаться (Псал. 113, 46); о томъ величіи души, для коего такъ легко было забывать всѣ, нанесенныя ему кѣмъ-либо непріятности, и такъ трудно не памятовать о самыхъ неважныхъ услугахъ и одолженіяхъ; о томъ безпристрастіи и радушіи, для коихъ все доброе и общеполезное равно было отрадно и достопочтенно, кѣмъ бы и гдѣ бы ни было сдѣлано; о той доступности и долготерпѣніи, съ коими принимаемъ и выслушиваемъ былъ каждый, ищущій правосудія или милости; о томъ благородствѣ души и благотворительности, по коимъ почившій не щадилъ собственнаго достоянія, когда нужно было поощрить какое-либо благое предпріятіе, или оказать помощь истинно-нуждающемуся.

Обозрѣвъ такимъ образомъ, хотя кратко, все земное поприще почившаго въ Бозѣ князя, не должны ли мы, братіе мои, и въ заключеніе нашего слова сдѣлать то же самое, что̀ сдѣлали въ началѣ его, то есть, обратиться

къ Господу Владыкѣ жизни и судебъ нашихъ съ чувствомъ живѣйшей благодарности уже не только за дарованіе почившему, при самомъ рожденіи, такихъ многихъ и прекрасныхъ талантовъ, но и за то, что, безъ сомнѣнія, при помощи Его же всемогущей благодати, сіи таланты не остались погребенными въ землѣ, а явились во всей силѣ и блескѣ, бывъ употреблены такъ успѣшно на пользу общую?

Да, братіе мои, не одинъ святой Павелъ, но и всякій, кто удостоился подвизаться добрымъ подвигомъ на землѣ, долженъ при концѣ своего подвига сказать изъ глубины души: *благодатію Божіею есмь, еже есмь* (1 Кор. 11. 10).

Но, что слышится мнѣ?... Изъ гроба исходитъ какъ бы нѣкій тайный гласъ и вѣщаетъ ко мнѣ: «служитель Бога истины, зачѣмъ, увлеченный пріязнію ко мнѣ, забылъ ты при гробѣ моемъ о немощи естества человѣческаго, и не сказалъ ни слова о душевной нечистотѣ моей предъ Богомъ, о моихъ вольныхъ и невольныхъ грѣхопаденіяхъ? Мнѣ ли, проведшему большую часть жизни среди бурь военныхъ, хвалиться точнымъ исполненіемъ высокихъ правилъ Евангелія и любви христіанской? Мнѣ ли, обращавшемуся непрестанно среди вихря человѣческихъ страстей и праха житейскихъ попеченій, сохранить яснымъ зерцало совѣсти и чистоту очей сердечныхъ?

«Итакъ, по самой любви твоей ко мнѣ, не усумнись возвѣстить въ слухъ всѣхъ, окружающихъ теперь гробъ мой, что я не былъ въ дому Божіемъ тѣмъ, всегда вѣрнымъ дѣлателемъ и приставникомъ, коему, по окончаніи земнаго странствія и труда, остается только — *внити въ радость Господа своего* (Матѳ. 25, 21). Нѣтъ! моя надежда предъ судомъ Божіимъ не въ громкихъ дѣяніяхъ и блистательныхъ подвигахъ, а въ чистосердечномъ признаніи моихъ грѣховъ и въ живой вѣрѣ въ силу искупительной крови Агнца Божія, закланнаго за грѣхи всего міра».

Слышимъ, слышимъ, возлюбленная душа, гласъ смиренія твоего — и, оставивъ всякое витійство, обратимся отнынѣ всецѣло къ молитвамъ о упокоеніи тебя въ обителяхъ Отца небеснаго, ради единыхъ крестныхъ заслугъ Сына Его.

Служители алтаря! предначните исходныя пѣсни, коими святая Церковь сопровождаетъ въ вѣчность и самаго по-

слѣдняго изъ чадъ своихъ, предоставляя всѣхъ и каждаго изъ нихъ единому милосердію Божію.

Сподвижники отходящаго съ браннаго поля земной жизни героя-христіанина! взгляните еще разъ на это разнообразіе и отечественныхъ и чужеземныхъ отличій, окружающихъ въ такомъ множествѣ гробъ сей, и уразумѣйте изъ сего, что вся слава земная остается на землѣ, а въ вѣчность идутъ за человѣкомъ одни дѣла его, по коимъ онъ или осудится, или будетъ помилованъ Судіею живыхъ и мертвыхъ.

Жители Одессы, толико любимые почившимъ и столько его любящіе! сопроводите послѣднее отшествіе его отъ насъ не однимъ гласомъ благохваленій и скорби о лишеніи благодѣтеля, а и сердечнымъ молитвеннымъ воздыханіемъ о немъ къ Отцу духовъ и всякія плоти, да воздастъ ему за васъ по преизбытку милосердія и щедротъ Своихъ.

А ты, храмъ Господень, видѣвшій надъ собою столько знаковъ его христіански-сыновняго попеченія о тебѣ, окажи теперь и ему послѣднюю услугу, пріявъ на храненіе внутрь стѣнъ твоихъ ветхую и опустѣвшую земную храмину, въ коей виталъ безсмертный духъ его, и блюди ее дотолѣ, пока настанетъ день всеобщаго обновленія, когда сѣемое нынѣ въ тлѣніе возстанетъ въ нетлѣніе, сѣемое не въ честь, возстанетъ въ славѣ, и изъ посѣяннаго теперь тѣла душевнаго возстанетъ тѣло духовное, неразрушимое, безболѣзненное, свѣтоносное (1 Кор. 15, 43—44)! — Аминь.

Слово при погребеніи почившаго въ Бозѣ, главнаго командира Черноморскаго флота и портовъ, генералъ-адъютанта, адмирала и разныхъ отечественныхъ и иностранныхъ орденовъ кавалера, Михаила Петровича Лазарева I-го.

Итакъ, плаваніе вокругъ всего свѣта — кончилось! — Парусъ, боровшійся со всѣми вѣтрами и на всѣхъ концахъ земнаго шара,— опущенъ и свитъ навсегда!—Якорь, мертвый якорь,—брошенъ!—Корабль въ неисходной уже пристани!

Поднимайтесь теперь, откуда угодно, вѣтры и волны: всесвѣтный пловецъ нашъ не выйдетъ уже на борьбу съ вами! Скопляйтесь и неситесь бури и тучи: вы не увидите у кор-

мила прежняго неустрашимаго кормчаго! Блистайте молніи и гремите громы: прилегшій къ сердцу земли слухъ его не услышитъ васъ и для пробужденія своего будетъ ожидать одной трубы Архангела!...

Имѣя въ виду недавно еще такъ крѣпкій составъ корабля, припоминая особенную способность его къ плаванію, невольно думаешь: зачѣмъ бы такъ рано до заката солнца остановиться навсегда въ пристани? Почему бы не развить еще паруса и не идти далѣе. Не показать новыхъ опытовъ неустрашимости и искусства?—Сего именно желали Монархъ и отечество; сего надѣялись всѣ подчиненные и соучастники трудовъ; для сего истощало всѣ средства искусство врачебное; о семъ со всеусердіемъ молились присные и друзья:— и все осталось безъ дѣйствія! Ангелъ жизни и смерти пришелъ съ повелѣніемъ Всевышняго, — и безсмертный духъ возвратился къ Богу, *Иже даде его,* оставивъ намъ одну бренную плоть, готовую обратиться въ землю, отъ нея же взята есть.

Дерзнемъ ли пререкать волѣ небеснаго Самодержца? — Говорить, или думать, что такой общеполезной жизни надлежало продлиться еще?... Но кто мы, чтобы проникать въ тайну судебъ жизни человѣческой, которая рукою Самого Создателя запечатлѣна седмію печатями? Если бы существованіе наше ограничивалось одною землею, то мы имѣли бы нѣкоторое право искать и требовать ея полноты и, такъ сказать, округлости, но коль скоро земное поприще есть только первая ступень въ лѣствицѣ бытія человѣческаго; коль скоро безсмертному духу нашему предлежитъ вѣчное восхожденіе на высоту и нескончаемое приближеніе къ безконечному совершенству: то предъ сею мыслію должны сами собою умолкнуть всѣ наши земные помыслы, желанія и разсчеты времени. Взирая съ сей стороны на такъ называемое преждевременное скончаніе земнаго жительства собратій нашихъ по плоти, мы должны не сѣтовать и сокрушаться, а скорѣе — утѣшаться духомъ, если они не слишкомъ медлятъ на землѣ и, не смотря на всѣ, привязывавшія ихъ къ намъ, узы, неудержимо стремятся отъ насъ объ онъ-полъ-бытія, показуя тѣмъ каждому, что существенное назначеніе наше не здѣсь, а тамъ — горѣ, что для всѣхъ насъ потому *едино есть на потребу,* а все прочее,

какъ ни важно въ земномъ отношеніи, не много значитъ для неба и вѣчности...

Итакъ, вмѣсто безплоднаго сѣтованія и недоумѣній у сего гроба, воодушевимся вѣрою и упованіемъ и возвысимся мыслію во слѣдъ за почившимъ въ Бозѣ витяземъ, и первѣе всего возблагодаримъ Господа за то, что, не смотря на краткость бытія земнаго, ему дано было совершить такъ много во славу Божію, въ честь Престола и на пользу отечества, а затѣмъ изъ примѣра его возьмемъ урокъ для юныхъ слугъ отечества, какъ силою воли и постоянствомъ препобѣждать трудности, какъ смиреніемъ достигать высокаго и, достигнувъ высоты, не прельщаться нисколько своими совершенствами, а продолжать быть всѣмъ вся.

Жизнь почившаго начальника, очевидно, не была изъ жизней обыкновенныхъ, и таковою была бы признана она не у насъ только, но и вездѣ. Ибо, не касаясь еще всего прочаго, много ли изъ самыхъ странствователей по морямъ такихъ людей, о коихъ можно сказать, что онъ троекратно былъ на послѣднихъ предѣлахъ земнаго шара? — Что же вывело такъ далеко жизнь почившаго изъ ряда жизней обыкновенныхъ? Случайное какое-либо стеченіе обстоятельствъ?—Не будемъ отрицать, что въ жизни людей самыхъ необыкновенныхъ по ихъ способностямъ встрѣчается нерѣдко, такъ называемое, счастливое стеченіе обстоятельствъ, быстро возносящее ихъ иногда на высоту званій и чести, которую они впрочемъ вполнѣ оправдываютъ и заслуживаютъ своими слѣдующими дѣяніями. Но въ отношеніи къ почившему можно рѣшительно сказать, что не было ничего подобнаго. Если предъ нимъ открылось такое поприще, на коемъ онъ успѣлъ оказать столько важныхъ услугъ отечеству и сдѣлать имя свое извѣстнымъ всему свѣту, то это, при благословеніи свыше, было дѣйствіемъ не случая и произвола людей, а послѣдствіемъ неутомимаго стремленія въ немъ отъ раннихъ лѣтъ къ одной и той же цѣли, — неуклоннаго слѣдованія правиламъ, однажды и навсегда принятымъ,—плодомъ вѣрнаго и неусыпнаго исполненія своего долга, безъ всякаго употребленія другихъ средствъ, кромѣ данныхъ отъ Бога способностей.

Для убѣжденія себя въ сей истинѣ, перенесемся мыслію за полвѣка назадъ, и войдемъ въ это, весьма необширное еще

тогда, училище морскихъ наукъ. Видите ли этого юношу-сироту, который, за неимѣніемъ родителей, введенъ въ школу рукою знаменитаго пѣвца Бога и безсмертія, и тотчасъ глубоко восчувствовалъ, что ему, введенному такимъ образомъ, уже не прилично оставаться назади другихъ, не идти впередъ и не дойти далеко?—Онъ весьма живаго характера: въ кругу товарищей нерѣдко служитъ изобрѣтателемъ забавъ; но когда слышитъ полезное изъ устъ наставника, то весь — слухъ; когда читаетъ разумную книгу или рѣшаетъ задачу, то весь — вниманіе; когда даетъ отчетъ въ познаніяхъ, то весь — сужденіе и слово. Это — будущій адмиралъ Лазаревъ!

Изъ школы перейдемъ на этотъ пловучій островокъ, называемый кораблемъ, гдѣ нашъ витязь началъ первое служеніе Царю и отечеству. Замѣчаете ли этого полуофицера морскаго, который, по прежнему, въ часъ досуга продолжаетъ отличаться живостію характера и какъ бы наклонностію къ разсѣянію, а въ часъ долга и службы показываетъ неусыпность и прилежаніе давняго моряка; вслѣдствіе перваго терпитъ иногда даже наказаніе, вслѣдствіе послѣдняго пользуется вниманіемъ начальниковъ и дружескимъ уваженіемъ сослуживцевъ, пріобрѣтая такимъ образомъ самыми ошибками своими опытность, столь нужную для военачальника?—Это—будущій начальникъ морскаго флота—Лазаревъ!

При такомъ настроеніи къ полету орлиному, ничего не могло быть желаннѣе увидѣть предъ собою обширнѣйшее поприще для дѣйствій, на коемъ можно бы расправить съ большею свободою юныя крылья, подняться на высоту, встрѣтиться съ вѣтрами и бурями, если не вдругъ воспарить къ солнцу, то посмотрѣть, какъ парятъ другіе; — и это поприще внезапно открывается предъ почившимъ въ Бозѣ витяземъ: власть предержащая препосылаетъ его вмѣстѣ съ другими сверстниками на флотъ той державы, которая, волею или неволею, но издавна сдѣлалась владычицею морей и учительницею мореходцевъ.

Обстоятельство весьма благопріятное! Юный мореходецъ, странствуя по всѣмъ морямъ подъ флагомъ чуждымъ, но съ душею и очами русскими, увидѣлъ и всѣ пріятности, и всѣ трудности своего званія; узналъ всѣ средства успѣховъ и всѣ причины неудачъ и, что еще важнѣе, отъ самаго

разнообразія странствованія одушевился единожды и навсегда тѣмъ морскимъ духомъ, который необходимъ для моряка истиннаго. Обстоятельство посему благопріятное; но чтобы оно вполнѣ было таковымъ, для сего надлежало многое привнесть и отъ себя. Посему-то неудивительно, если въ семъ случаѣ исполнилось слово Евангелія: *много званныхъ, а избранныхъ мало!* — Не для многихъ это обширное поприще послужило къ ихъ предназначенію, потому что большая часть вступившихъ на него, оставивъ море, удалились потомъ на разные другіе пути. Не будемъ винить ихъ ни въ чемъ: жребій службы и пути жизни зависятъ отъ столь многихъ обстоятельствъ, что трудно сказать о комъ-либо рѣшительно: онъ не былъ вѣренъ своему предназначенію! Но тѣмъ рѣшительнѣе можно сказать о почившемъ, что онъ вполнѣ былъ вѣренъ ему, вѣренъ такъ, что служеніе подъ чуждымъ флагомъ какъ будто нарочно было изобрѣтено для него именно.

Изъ такой великой, разнообразной и славной школы опытной можно было возвратиться домой съ духомъ превозношенія и презорства къ другимъ: нашъ витязь возвратился, напротивъ, съ духомъ большей скромности, степенности и снисхожденія къ другимъ, и благодушно вступилъ въ ряды сослуживцевъ, не имѣвшихъ случая видѣть, что онъ видѣлъ, дѣлать, что онъ успѣлъ совершить. Объ опытности и успѣхахъ его всѣ — и начальники и подчиненные — узнали не по словамъ тщеславнымъ и разсказамъ надменнымъ, а по дѣламъ и вниманію къ своему дѣлу, будь оно мало или велико.

Извѣстно, какъ медленно проходила лѣствица служенія морскаго, ведущая на высоту званій! Почившій шелъ по ней не претыкаясь, не отставая, не преходя и не запиная никого. И въ такой скромной долѣ проведено не годъ, не три, а цѣлыя десятилѣтія.

У другихъ время это, какъ неизбѣжное, но и скучное между тѣмъ, могло бы пройти безъ плода, даже со вредомъ, какъ, къ сожалѣнію, нерѣдко бываетъ, сокращаемое всѣми способами,—хорошо еще, — если невинными: у нашего витязя оно-то, сколько можно судить, и послужило къ обогащенію ума его тѣми практическими познаніями, кои удивляли потомъ всякаго въ главномъ военачальникѣ, такъ что онъ могъ съ равною удобностію и управлять флотомъ, и

показывать пріемы службы самому послѣднему изъ служителей корабля.

Какъ должно было порываться сердце юнаго героя, когда исполинъ брани воздвигалъ бурю за бурею противъ нашей Россіи, когда храбрые защитники отечества на сушѣ, мѣряясь съ нимъ силами и храбростію, или срывали вѣнцы побѣдные, или полагали на полѣ брани головы свои, а онъ — въ какомъ нибудь малоизвѣстномъ заливѣ долженъ былъ сторожить утлые челны земли непріязненной, и изъ запоздалаго листка узнавать о славѣ или опасности отечества! — Многіе, въ томъ числѣ одинъ изъ главныхъ вождей морскихъ, въ порывѣ любви къ отечеству, не утерпѣли не понестись съ моря на сушу: Лазаревъ не менѣе ихъ любилъ отечество, но остался на своей стихіи, смиренно ожидая, когда наступитъ чреда послужить ему на ней и великодушно ограничиваясь тою долею участи, которую дано было судамъ нашимъ имѣть въ великой брани отечественной.

И вотъ, какъ бы въ награду за постоянство и вѣрность, любимая стихія начинаетъ видимо отличать и награждать своего любимца.

Открылась нужда совершить плаваніе къ послѣднимъ предѣламъ отечества, въ другую противоположную часть свѣта, гдѣ солнце сіяетъ свѣтомъ полдневнымъ, когда мы здѣсь предаемся сну полночному: распорядители сего дѣла не нашли ничего лучше, какъ ввѣрить въ семъ случаѣ кормило опытной и искусной рукѣ капитана Лазарева. Нечаянно встрѣтившаяся тамъ препона и искушеніе, которыя могли бы отнять и умъ и духъ у другаго мореходца, послужили только къ раскрытію достоинствъ въ лицѣ почившаго, показавъ, что онъ владѣетъ не только знаніемъ опытнаго моряка, но и характеромъ твердаго среди опасностей человѣка и умѣньемъ предпріимчиваго и сообразительнаго администратора и хозяина.

Нужно, по волѣ любителя наукъ и знаній — Монарха, нестись къ послѣднимъ краямъ земли и узнать, что тамъ на южномъ концѣ ея—суша или море, ледъ или вода? Растетъ ли тамъ что, живетъ ли что?—Почти половина этого дѣла, во всѣхъ отношеніяхъ многотруднаго, возлагается на почившаго. Мы не дошли, какъ извѣстно, до конца шара

земнаго, какъ, вѣроятно, никто и никогда не дойдетъ до него, но сдѣлали столько, что недавно токмо другіе,—такъ давно упражняющіеся въ открытіяхъ.—могли нѣсколько только шаговъ сдѣлать далѣе насъ; и имя Лазарева останется неизгладимымъ при южномъ полюсѣ.

Нужно снова посѣтить другую часть свѣта, явиться у береговъ той земли, которая недавно начала привлекать къ себѣ множествомъ блестящаго праха, а тогда извѣстна была только своею пустынностію и дикостію обитателей, явиться не для завоеваній, а для охраненія нашихъ колоній и торговли. Жребій этотъ, уже, можно сказать безъ размышленія и выбора, падаетъ на извѣстнаго всему свѣту мореходца—Лазарева. Онъ возвратился оттуда съ златомъ, но привезъ, что дороже всякаго золота, опытность будущаго начальника русскихъ мореходцевъ.—Въ самомъ дѣлѣ если, по замѣчанію премудраго, *обходяй страны умножитъ мудрость*, то сколько знаній и опытовъ искусства должно было быть у того, кто трикраты совершилъ плаваніе вокругъ едва не всего свѣта!

Но что же будетъ со всѣмъ этимъ душевнымъ богатствомъ?—Витязь нашъ служилъ наукамъ, торговлѣ, искусствамъ, даже сражался не разъ за ту державу, у коей учился: ужели не суждено ему ни разу обнажить меча своего за отечество? ужели къ оливамъ и миртамъ, бывшимъ доселѣ въ рукахъ его, не присоединятся никогда и лавры на главу?

Будьте спокойны! И это отличіе придетъ и явится въ видѣ необыкновенномъ и, можно сказать, священномъ, совершенно сообразно съ духомъ почившаго, который, хотя, по самому званію своему, былъ служителемъ браней и побѣдъ, но не любилъ тѣхъ ополченій, кои предпринимаются не по существенной нуждѣ, а по видамъ своекорыстія и гордости житейской.

Помните ли то время, когда вся Европа изумилась, услышавъ, что горсть потомковъ древнихъ эллиновъ, въ порывѣ любви къ отечеству, болѣе трехъ столѣтій гнетомому и терзаемому гордымъ завоевателемъ, рѣшилась свергнуть иго, сдѣлавшееся невыносимымъ, и стать за вѣру и честь своихъ храмовъ и семействъ?—Не смотря на то, что все вызывало насъ раздѣлить эту священную брань,—ибо

гордый врагъ эллиновъ почелъ за долгъ въ то же время оскорблять всячески и наше отечество, — мы долго позволяли ему лить кровь и глумиться надъ нами, но, наконецъ, должны были, вмѣстѣ съ другими, подвигнуться на защиту и вѣры христіанской и человѣчества.

Въ сію-то священную брань предопредѣлено было почившему явить и все мужество и все искусство свое, такъ что имя Лазарева и Наварина и свободы Греціи содѣлались для насъ между собою нераздѣльными.

Указывать ли вамъ, какая доля славы въ семъ случаѣ пала на долю нашего витязя?—Чтобы понять это вполнѣ, надобно знать, что мы, по великодушію, желая дать пройти на свое мѣсто опоздавшимъ союзникамъ, не могли занять во время своего; а вы знаете, какъ въ подобныхъ случаяхъ бываетъ дорога и не вознаградима каждая минута. Что могло достаться даромъ и имѣть тотчасъ вліяніе на нашъ дальнѣйшій успѣхъ, то самое должно было уже оспаривать и искуплять цѣною жертвъ. И эта-то трудная и славная доля выпала почившему, который, идя впереди, по тому самому долженъ былъ показать чудеса храбрости, чтобы возвратить, сколько возможно, невозвратимое время,—и она показана въ такой мѣрѣ. что мы, казалось всѣмъ, не просрочили ни одного мгновенія.

Одно это уже могло увѣковѣчить память почившаго въ сей день приснопамятный.

А сколько другихъ заслугъ! Надлежало и смотрѣть непрестанно въ лице непріятелю и смерти, и быть помощникомъ главному вождю въ раздаяніи повелѣній другимъ начальникамъ кораблей, и наблюдать дѣйствія и движенія союзниковъ, дабы согласовать съ ними свои движенія.

Посему-то не оскорбимъ никого, ни почившихъ, ни обрѣтающихся въ живыхъ изъ сподвижниковъ, если скажемъ, что слава дня наваринскаго принадлежитъ преимущественно адмиралу Лазареву. Истину и вѣрность сего единодушно признали не свои токмо, но и чуждые, не чуждые токмо, но и свои; посему-то и чуждые и свои наперерывъ спѣшили ознаменовать для него разными знаками вниманія и отличій свою благодарность, столь достойно заслуженную.

Но главная награда въ семъ случаѣ была для него въ его сердцѣ, которое не могло безъ сокрушенія сносить не-

обузданнаго буйства враговъ имени Христова, въ его чувствѣ, которое всегда восхищалось памятниками классической страны искусствъ, въ его рвеніи по славѣ флота россійскаго, который въ семъ дѣлѣ шелъ объ руку съ флотами другихъ державъ. Для достиженія такой побѣды надъ такимъ врагомъ онъ не пожалѣлъ бы сто разъ принести въ жертву самую жизнь.

Отселѣ слава дня наваринскаго, присоединившись къ другимъ доблестямъ, стала видимо и постоянно отражаться на главѣ почившаго и обращать на него всеобщее вниманіе. Мудрое правительство первое спѣшило воспользоваться его опытностію для усовершенствованія нашихъ учрежденій и уставовъ морскихъ. Здѣсь почившій внятно показалъ, какъ много извѣстно ему все положеніе морской части, и чего можно ожидать отъ него, если бы его уму и рукѣ ввѣрено было все водительство.

Сему-то дознанію, безъ сомнѣнія, обязаны мы тѣмъ, что когда скончавающему поприще свое вождю черноморскаго флота оказался нужнымъ бодрый ближайшій помощникъ,— для сего употребленъ не другой кто, а юный герой наваринскій.

Поелику съ сего времени начинается его поприще среди насъ, и его дѣйствованія на пользу нашего края, то здѣсь бы и надлежало преимущественно распространиться слову нашему въ похвалу его. Но, что могли бы мы сказать, о чемъ вы не имѣли бы уже точныхъ и ясныхъ понятій, какъ непосредственные свидѣтели и сотрудники? Вамъ именно предлежитъ возвѣстить въ слухъ нашъ и всего отечества, что онъ нашелъ у васъ, что дѣлалъ, и что оставилъ по себѣ.

Но и мы скажемъ, что не бывши еще главнымъ начальникомъ, онъ началъ свое поприще у насъ тѣмъ, чѣмъ для другаго можно бы со славою кончить его,—а именно: въ краткое время, среди всѣхъ трудностей, вопреки самаго времени и природы, успѣлъ составить и образовать изъ флота черноморскаго такое отдѣленіе силъ, которое могло спасти отъ паденія цѣлую сосѣднюю державу.

Уже вы уразумѣете посему, что мы имѣемъ въ виду плаваніе въ Царьградъ. Что его обыкновеннѣе въ обыкновенное время! И что труднѣе въ необыкновенное, то есть,

во время осени и зимы? А намъ, кромѣ природы, надлежало бороться и съ собственною неготовностію и съ краткостію времени, ибо прежній—наваринскій противникъ нашъ, а въ это время уже бѣдствующій союзникъ, былъ на краю погибели. И благодаря неутомимой дѣятельности и искусству почившаго, мы явились во время: бѣдствующій союзникъ спасенъ; гордый египтянинъ остановленъ и возвращенъ вспять; честь и слава Россіи возвеличены: и все это совершено безкровно—одною мудрою распорядительностію. Таково изъясненіе этихъ, странно сошедшихся у гроба его, отличій, гдѣ вы видите и знамя Спасителя, символъ возрожденной Греціи, и образъ противника ея, присланный имъ въ даръ вождю наваринскому.

Повѣствовать ли, наконецъ, предъ вами о трудахъ, дѣяніяхъ и успѣхахъ почившаго, когда онъ сдѣлался уже не подручнымъ дѣйствователемъ, а главнымъ начальникомъ нашихъ морей и пристаней, нашихъ твердынь и ихъ защитниковъ? — Но здѣсь вмѣсто повѣствователя надобно сдѣлаться простымъ указателемъ. Вашъ здѣшній цѣлый городъ—что онъ такое, какъ не памятникъ его дѣятельности? Какое изъ величественныхъ зданій не воздвигнуто при немъ по его руководству, подъ его надзоромъ? Пройдутъ еще десятилѣтія, и о всемъ, что будетъ строиться, будутъ говорить: это по мысли Лазарева. Не то же ли должно сказать о Николаевѣ? — Севастополь и Николаевъ были какъ два близнеца, коихъ равно любилъ онъ и равно пекся. А флотъ нашъ? Когда приходилъ онъ въ такую силу, такое совершенство и даже въ такое число.

Ибо надобно же было, какъ бы въ знакъ скончанія земнаго поприща начальника, и ему предъ кончиною его достигнуть предуставленной полноты.

При такомъ, можно сказать, всеоружіи и готовности, всего естественнѣе желать было случаевъ показать силу и искусство. Но къ чести христіанской почившаго должно сказать, что онъ никогда ни желалъ ихъ и готовъ былъ отказаться отъ всѣхъ почестей и титуловъ, только бы не пріобрѣтать ихъ огнемъ и кровію, какъ обыкновенно пріобрѣтаютъ побѣдители.

Удивительно ли послѣ сего, если при такихъ качествахъ почившій былъ предметомъ не только всеобщаго уваженія,

довлѣющаго его званію, но и любви, на которую нѣтъ закона?—Монархъ видѣлъ и чтилъ въ немъ способнѣйшаго и вѣрнѣйшаго изъ слугъ своихъ и помощниковъ; отечество—достойнѣйшаго изъ сыновъ своихъ; соначальники никогда не тяготились сношеніемъ съ нимъ; подчиненные всегда находили въ начальникѣ—отца и друга, семейство—нѣжнаго родителя и супруга.—Кто не сожалѣлъ отъ сердца, услышавъ о его болѣзни, и не желалъ отъ души ему выздоровленія? Кто не пораженъ былъ его кончиною?—Отъ Монарха до послѣдняго служителя корабля—все единодушно сознавали и говорили, что это—потеря для цѣлаго отечества.

Такъ! Но потеря ли эта кончина—для него?—Если посмотримъ снизу, то, пожалуй, скажемъ—и для него, ибо онъ не прожилъ, еще нѣсколько лѣтъ, кои могъ прожить, не сдѣлалъ еще нѣкоторыхъ дѣлъ, кои могъ сдѣлать.

Слово при погребеніи князя Долгорукова.

Печальное зрѣлище предъ нами, братіе мои, зрѣлище не неожиданое уже, но все еще какъ бы внезапное и нечаянное! Тотъ, который еще недавно, облеченный довѣріемъ власти предержащей, стоялъ во главѣ цѣлой обширной страны, который бодрою мыслію обнималъ нужды и потребности нашего края и былъ главнымъ ходатаемъ о нихъ у престола монаршаго, который по особому благорасположенію къ граду нашему избралъ его мѣстомъ для своего пребыванія, и любилъ видѣть себя окруженнымъ общею радостію и веселіемъ народнымъ, съ готовностію для сего на всякія жертвы,—но который въ то же время неустрашимо, въ каждый часъ, понесъ бы, въ случаѣ нужды, самую жизнь на защиту престола и отечества,—тотъ самый, сраженный тяжкимъ недугомъ, предлежитъ теперь бездыханенъ и мертвъ въ семъ гробѣ. И пусть бы это случилось подъ конецъ земнаго поприща человѣческаго, когда самая необходимость велитъ ожидать лишенія и разлуки, когда употребленныя во благо способности, истощенныя среди трудовъ силы, по закону самой природы, невольно требуютъ успокоенія. Нѣтъ! гробу сему суждено явиться предъ нами въ то самое время, когда почившій въ немъ, какъ бы обновившись силами духа,

предначиналъ вновь кругъ обширной дѣятельности, когда общеполезныя предпріятія одно за другимъ стали свидѣтельствовать, что опытность протекшихъ лѣтъ не осталась безъ плода для отечества, когда вмѣстѣ съ симъ вниманіе и дѣятельность цѣлой страны напряглись на все общеполезное!... Такъ помыслы и предначертанія наши не сходятся съ предопредѣленіями судебъ Божіихъ!... Мы замышляемъ то и другое, думаемъ, что намъ дано будетъ совершить еще многое, а тамъ—тамъ уже подписанъ намъ приговоръ быть преставленными отъ среды живыхъ!... Подлинно, если гдѣ познается во всей силѣ сія грознопоучительная истина, то при гробахъ, подобныхъ настоящему! Тутъ для самаго тугаго душевнымъ слухомъ неотразимо слышится древній гласъ: земля еси, и въ землю возвратишися. Къ симъ-то посему гробамъ надобно приходить всѣмъ за опытнымъ убѣжденіемъ, какъ не извѣстенъ предѣлъ жизни нашей, какъ не прочны всѣ предначертанія человѣческія, и какъ слѣдовательно неблагоразумно было бы, предаваясь теченію земныхъ дѣлъ, выпускать изъ виду непреходящее и вѣчное.

Вникая мыслію во все это, мы оставляемъ заботу о назиданіи вамъ у сего гроба: это сдѣлала уже за насъ сама смерть. Въ самомъ дѣлѣ, кто можетъ нынѣ возвратиться изъ сего храма, не вынося съ собою на всю жизнь поученія для себя во многомъ?—Намъ посему остается только воздать послѣдній долгъ тому, кто въ послѣдній разъ предстаетъ взору нашему, предстаетъ уже не въ могуществѣ великаго областеначальника, а въ видѣ печальной жертвы недуга и смерти.

Чѣмъ однако же почтимъ послѣднее явленіе его среди насъ? — Почтимъ не столько словомъ и бесѣдами о его нравѣ и дѣяніяхъ, сколько усердною молитвою о успокоеніи души его. Что наши мнѣнія и сужденія? Они обыкновенно отзываются или пристрастіемъ, или нерасположенностью, и скорѣе обнаруживаютъ того, кто судитъ, нежели того, о комъ судятъ. Что наши самыя нарядныя слова и бесѣды? Раздавшись на нѣсколько минутъ въ воздухѣ, произведши нѣсколько мимолетныхъ мыслей и чувствъ въ слушателяхъ, онѣ сами какъ бы погребаются вмѣстѣ съ тѣмъ, надъ гробомъ коего произнесены, и содѣлываются изрѣдка только предметомъ вниманія небольшаго числа людей, лю-

бящихъ въ томъ или другомъ видѣ воскрешать для себя прошедшее. А молитва? Она, исходя изъ сердца, проходитъ небеса, низводитъ благословенія на почившаго, оказываетъ такое дѣйствіе, которое остается на всю вѣчность.

Кто, особенно лежа во гробѣ, не имѣетъ нужды въ молитвѣ? Даже тѣ, кои сами всю жизнь провели въ богомысліи и собесѣдованіи съ Богомъ. Тѣмъ паче тѣ, коихъ вся жизнь прошла среди треволненій моря житейскаго; тѣмъ паче тѣ, кои самымъ жребіемъ рожденія уже осуждены обращаться непрестанно среди искушеній и соблазновъ свѣта; тѣмъ паче тѣ, кои, вознесенные на высоту званій и должностей, подлежатъ и передъ судомъ Божества и предъ судомъ человѣчества отчету не только за себя, но и за тѣхъ, судьба коихъ ввѣрена была ихъ водительству. Страшно и опасно, братіе мои, стоять на большой высотѣ какъ физической, такъ и гражданской. Съ ней видно далеко, но вовсе не видно много такого, что предъ глазами у каждаго, стоящаго долу. Казалось бы, она должна возвышать человѣка надъ всѣмъ, видимо приближать его къ небу; а между тѣмъ ни откуда такъ не влечетъ долу къ землѣ, какъ съ большихъ высотъ; нигдѣ такъ скоро не помрачается взоръ, не теряется чувство, какъ на нихъ. Бѣдная природа наша — увы!—такъ же изнемогаетъ нерѣдко отъ возвышенія, какъ и отъ уничиженія; если въ послѣднемъ случаѣ она грубѣетъ и земленѣетъ, то въ первомъ становится какъ бы воздушною и лишается постоянства. Блаженъ, кто, возвышаясь судьбою надъ участію подобныхъ себѣ, умѣетъ сохранить внутрь себя то святое чувство долга, которое замѣняетъ собою всѣ законы и спасаетъ отъ всѣхъ соблазновъ власти. Но кто, скажемъ словами святаго Іова, кто изъ земнородныхъ похвалится имѣти сердце чисто?

Имѣя въ виду все сіе, почтимъ память почившаго въ Бозѣ областеначальника нашего не столько словами и похвалами, сколько усердною молитвою объ упокоеніи души его, объ отпущеніи ему на судѣ Божіемъ вольныхъ и невольныхъ грѣхопаденій.

Если вмѣстѣ съ симъ потребно какое-либо слово отъ насъ въ память почившаго, то оно, какъ можно предугадать каждому, должно состоять изъ воспоминанія его дѣяній и трудовъ на пользу отечества.

Есть что вспомянуть при семъ гробѣ, хотя возлежащій въ немъ взятъ отъ среды живыхъ еще далеко отъ конца земнаго поприща, по обыкновенному теченію его. И первѣе всего, можно ли умолчать о той рѣдкой, въ наши времена, особенности, что почившій составляетъ собою отрасль того великокняжескаго рода, который за семь вѣковъ предъ симъ, еще до нашествія монголовъ, властвовалъ на востокѣ и югѣ Россіи, и который, кромѣ воинскихъ и гражданскихъ доблестей, въ лицѣ Николая Черниговскаго и Андрея Боголюбскаго произрастилъ плоды святыни?

И въ самыхъ дѣяніяхъ почившаго, самый строгій даже цѣнитель не можетъ не остановиться на незабвенныхъ заслугахъ отечеству и притомъ въ разныхъ родахъ. Въ *воинскомъ* — онъ былъ соучастникомъ самыхъ великихъ битвъ 1813 года—дрезденской, кульмской, лейпцигской и едва не всѣхъ прочихъ, за ними послѣдующихъ, а также соучастникомъ торжественнаго вступленія побѣдоноснаго воинства русскаго въ Парижъ. Его же мужество и неустрашимость вполнѣ обнаружились и за Кавказомъ, противъ вѣроломныхъ персіянъ, и за Дунаемъ противъ кичливыхъ поклонниковъ Магомета. Въ *политическомъ* — онъ употребляется какъ совершенно благонадежное лице въ сношеніи съ дворомъ тегеранскимъ и своимъ тонкимъ умомъ довершаетъ и упрочиваетъ то вліяніе на него, которое куплено кровію и побѣдами. На поприщѣ *гражданскомъ*—онъ является на западѣ Россіи среди цѣлыхъ областей, какъ кормчій среди бури, и, подобно опытному врачу, отдѣляя неисцѣльные члены, всѣмъ же прочимъ являя милость, способствуетъ къ возвращенію здравія политическаго. На югѣ — среди насъ онъ воскрешаетъ дѣйствіями своими примѣръ древняго Іосифа, спасая подобно ему цѣлую обширную страну не отъ недостатка, а отъ изобилія, которое начинало обращаться въ великій недостатокъ.—На поприщѣ *ученомъ*—онъ вступилъ на него послѣ даже столькихъ трудовъ, разнообразныхъ служеній отечеству, но вступилъ на него съ такимъ усердіемъ и съ такою душевною любовію, какъ бы оно было первымъ поприщемъ его дѣятельности, и хотя продолжалось оно весьма недолго, но признательная память объ немъ, по всей вѣроятности, не изгладится изъ лѣтописи здѣшняго университета. Самая святая Церковь не можетъ забыть услугъ, оказан-

ныхъ ей почившимъ, ибо она видѣла въ немъ, какъ въ послушномъ сынѣ, самаго усерднаго пѣстуна того великаго и святаго дѣла, когда цѣлые милліоны чадъ ея, отторженные за два вѣка предъ симъ силою обстоятельствъ, снова въ мирѣ и радости возвратились на лоно своей матери.

Сами видите, почтенные слушатели, что мы, осматривая жизнь почившаго князя, останавливались только на главныхъ ея, такъ сказать, вершинахъ. Но и сихъ событій вполнѣ достаточно для увѣковѣченія памяти почившаго.

Но что значитъ вся наша земная память? Что значатъ всѣ наши списки и лѣтописи? Облегчатъ ли они хотя отъ единой тяжести душу отшедшую? Ахъ, для ней потребны теперь не похвалы, а молитвы! — Помолимся убо вмѣстѣ съ Церковью о почившемъ. Это — единственная благодарность, которую мы можемъ воздать теперь почившему. Аминь.

Слово при погребеніи тайнаго совѣтника, сенатора и кавалера, Андрея Ѳедоровича Квитки,

сказанное 8 апрѣля 1844 года.

Не много гробовъ видѣла и увидитъ страна наша, кои болѣе сего гроба могли бы обратить на себя въ такой степени вниманіе общее. И думаю, никто не воспротиворѣчитъ, если скажемъ, что причиною сего вниманія не богатыя украшенія, отличающія гробъ сей, не титулъ и высокое званіе того, кто почиваетъ въ немъ, а его особенныя личныя качества и заслуги. Ибо, хотя самое имя предковъ усопшаго незабвенно для всей страны нашей, яко имя первоначальныхъ ея устроителей и оберегателей, но давно-прошедшее не преминуло бы затмиться въ памяти среди множества новыхъ лицъ и событій, если бы не было обновлено, и, такъ сказать, воскрешено въ отличныхъ качествахъ и дѣяніяхъ потомковъ. И вотъ, какъ бы въ отвращеніе сей опасности, отъ благороднаго корени Квитокъ, въ лицѣ двухъ братій, вдругъ произрасло двѣ разнообразныхъ, но равно прекрасныхъ отрасли, коихъ цвѣтами украшалась, а плодами питалась столь долго вся страна наша.

Но почто я воспоминаю обоихъ, когда мы не имѣемъ уже теперь ни единаго? — Увы, ангелъ смерти какъ будто

не потерпѣлъ, чтобы подъ конецъ жизни долго оставались во взаимномъ разлученіи душевномъ тѣ. кои во всю предшествовавшую жизнь представляли изъ себя примѣръ рѣдкаго единодушія братскаго; и вотъ, когда мы не успѣли еще прекратить надгробнаго сѣтованія объ одномъ братѣ, надобно уже воздавать послѣдній долгъ другому!

За то, какъ не трудно быть провозвѣстникомъ святыхъ истинъ у гробовъ, подобныхъ настоящему! Чтобы почтить память усопшаго и доставить назиданіе всѣмъ предстоящимъ, для сего не нужно никакого другаго средства, какъ токмо возобновить въ памяти вашей, хотя кратко, его же собственныя дѣянія, посвященныя, какъ извѣстно, всецѣло благу страны нашей. Это поученіе давно приготовлено для насъ, можно сказать, самимъ усопшимъ: пріимемъ и употребимъ его, какъ должно.

Продолжительное поприще общественной дѣятельности усопшаго началось тѣмъ, чѣмъ обыкновенно въ то время начиналось поприще людей, подобныхъ ему—по происхожденію, то есть, служеніемъ отечеству среди рядовъ воинства христолюбиваго. Одаренный необыкновенными способностями, не смотря на юность лѣтъ своихъ, онъ немедленно началъ обращать на себя особенное вниманіе своихъ начальниковъ, кои по тому самому не сомнѣвались употреблять его въ дѣлахъ, требующихъ особеннаго довѣрія. Послѣ сего не трудно угадать, до какой высоты званій и мѣстъ могъ бы достигнуть почившій, если бы ему дано было идти до конца жизни путемъ служенія, избраннымъ первоначально. Но извѣстный вамъ столь же неожиданный, какъ и злополучный случай,—слѣдствіе молодости и пылкости чувствъ,—вдругъ превратилъ все, такъ что надлежало оставить навсегда не только всѣ виды на дальнѣйшіе успѣхи по службѣ, но и самое поприще служенія. Такимъ образомъ тотъ, который пламенѣлъ желаніемъ пролить на полѣ чести всю кровь свою за отечество, долженъ былъ среди цвѣта лѣтъ, среди мечтаній и надеждъ, подобно престарѣлому старцу, возвратиться подъ кровъ отеческій и заключиться въ тѣсномъ кругѣ домашнихъ занятій. Превратность горькая, могшая тѣмъ губительнѣе подѣйствовать на всю жизнь, на душу и сердце почившаго, чѣмъ большими обладалъ онъ силами и способностями. Необыкновенная дѣятельность, подобно сильной,

остановленной въ теченіи своемъ рѣкѣ, не находя сродныхъ себѣ занятій, могла произвести цѣлый потопъ праздности и пороковъ, съ нею неразлучныхъ. Но, благодареніе Господу, почившій былъ не таковъ, чтобы совершенно зависѣть отъ неблагопріятныхъ случаевъ и превратностей внѣшнихъ. Вмѣсто того, чтобы предаться, какъ бываетъ со многими, малодушію и искать вознагражденія неудачи по службѣ въ душевредномъ разсѣяніи и забавахъ тлетворныхъ, онъ, не выходя изъ тѣснаго, очерченнаго обстоятельствами, круга своего, умѣлъ найти для себя новое поприще дѣятельности, на которомъ, какъ показалъ опытъ, съ избыткомъ развилось все, что только было въ душѣ его добраго и прекраснаго.

Судя по необыкновеннымъ плодамъ, пожатымъ на семъ поприщѣ, тотчасъ можно подумать, что оно было какое-либо особенное, доступное токмо для немногихъ, избранныхъ. Нѣтъ, почтенные слушатели, это поприще было самое обыкновенное, давно открытое для всякаго члена благороднаго сословія, поприще почтенное, многоплодное для общества и небезплодное для труждающихся на немъ, но которое, къ сожалѣнію и ко вреду общему, мало цѣнится тѣми, для коихъ оно открыто, безъ духа и усердія большею частію проходится тѣми, кои принуждены вступать на него и дѣйствовать, и которое по тому самому, то есть, не по своей винѣ, а по причинѣ нашей невнимательности и неразумію, пришло въ такую невыгодную молву о себѣ, что отъ него убѣгаютъ многіе, какъ отъ безплоднаго и опаснаго, кратко сказать, это — урочное служеніе своей странѣ въ разныхъ должностяхъ, по избранію сочленовъ своего сословія.

На семъ-то, такъ сказать, домашнемъ и такъ мало цѣнимомъ нѣкоторыми, поприщѣ, почившій, труждаяся по совѣсти, умѣлъ возрости до той высоты званій и заслугъ, за которою другіе устремляются на край свѣта, умѣлъ совершить столько общеполезныхъ дѣяній, что признательная память о немъ дотолѣ будетъ жить въ странѣ нашей, доколѣ сыны Украйны будутъ способны цѣнить доблестные подвиги своихъ предковъ.

Но не будемъ предварять событій. Само собою разумѣется, что на семъ скромномъ поприщѣ, по самому свойству его, не вдругъ можно было достигнуть той высоты, какая

достигнута. Если гдѣ, то на семъ пути требовались не одни блистательныя качества ума и сердца, а первѣе всего постоянство, скромность, терпѣніе и благоразуміе; ибо, кромѣ немалыхъ трудовъ по званію, чаще всего надлежало имѣть дѣло съ самолюбіемъ и страстями человѣческими. Но, одно, два избранія,—и всѣ увидѣли, что лицо избираемое, я разумѣю почившаго, какъ бы рождено для того, чтобы на немъ останавливался выборъ всѣхъ и каждаго. Съ тѣхъ поръ каждая окончившаяся чреда служенія, какъ кольцо въ цѣпи, непосредственно вела за собою новую чреду, и новое избраніе соединялось уже не съ размышленіемъ — кого избрать, а съ опасеніемъ, чтобы служившій по избранію не оставилъ по чему-либо своего поприща. Посему время новаго избранія, для многихъ столь тяжелое и непріятное, по причинѣ опасеній за мнѣнія другихъ не въ свою пользу, для почившаго каждый разъ было, можно сказать, временемъ всенароднаго торжества, которое было тѣмъ пріятнѣе, что вполнѣ заслужено.

Желаете знать, чѣмъ особенно?—Просвѣщеннымъ умомъ, для коего кромѣ познаній, украшающихъ вообще человѣка общественнаго, совершенно извѣстны были всѣ способы и всѣ потребности своего края, всѣ виды и взаимныя отношенія членовъ своего сословія;—благородствомъ характера, способнаго возвышаться надъ всѣми личными разсчетами и умѣющаго нисходить до всѣхъ справедливыхъ и даже несправедливыхъ, но безвредныхъ притязаній самолюбія человѣческаго; — неутомимымъ и просвѣщеннымъ усердіемъ на пользу общую, которое не останавливается на обыкновенномъ, буквальномъ исполненіи своихъ обязанностей, а всегда изыскиваетъ новые способы и источники для блага общаго;—начальническою благовѣтливостію, которая умѣетъ быть всѣмъ вся и которая тѣмъ цѣннѣе, чѣмъ выше и достойнѣе начальникъ, чѣмъ разнообразнѣе требованія и привычки подначальныхъ. Слѣдствіемъ всѣхъ сихъ качествъ и совершенствъ бы то, что ни одна чреда служенія, какъ ни много было ихъ, не проходила у почившаго безъ того. чтобы не быть ознаменованною или новымъ общеполезнымъ предпріятіемъ, или довершеніемъ и большимъ развитіемъ прежнихъ, такъ что юная, по самому населенію своему, страна наша, для коей довольно было бы не отстать на поприщѣ обществен-

ныхъ предпріятій отъ старѣйшихъ краевъ отечества, въ немногіе годы оставила большую часть ихъ за собою.

Столь примѣрная и многоплодная дѣятельность вождя дворянства харьковскаго не могла не обратить на себя наконецъ особеннаго вниманія власти предержащей; и вѣнценосцы Россіи не разъ свидѣтельствовали и словомъ и перомъ своимъ, что труды его вполнѣ заслуживаютъ быть не только отличенными, но и указанными въ примѣръ предъ лицемъ цѣлаго отечества. Особенно же нельзя забыть здѣсь тѣхъ милостей, коими почившій постоянно пользовался у августѣйшей Матери вѣнценосцевъ. Любвеобильное сердце ея находило для себя особенное удовольствіе, когда имѣло случай выразить и засвидѣтельствовать, какъ пріятно было для ней найти и имѣть въ почившемъ вѣрное и живое орудіе къ исполненію своихъ человѣколюбивыхъ видовъ и намѣреній, касательно воспитанія для нашего края будущихъ матерей семейства.

Чтобы открыть обширнѣйшее поприще дѣятельности для таковаго, не обинемся сказать, избытка силъ и дарованій, прозорливая воля Монарха двукратно указуетъ почившему новый, высшій родъ служенія отечеству, въ ряду областеправителей. Сначала отчизна мудрой и равноапостольной Ольги видитъ его своимъ главнымъ начальникомъ и представителемъ о нуждахъ у трона монаршаго; потомъ сословіе правительствующаго сената пріемлетъ его, яко сочлена, въ свой свѣтлый кругъ. Тамъ и здѣсь онъ являетъ въ себѣ то же, что и вездѣ: свѣтлый умъ, дальновидную опытность, бодрую неутомимость въ трудахъ, непреклонную ничѣмъ, кромѣ сознанія своего долга, твердость характера. Но новыя занятія и титулы не приводятъ у него въ забвеніе прежняго поприща, имъ такъ отлично пройденнаго. Подобясь тѣмъ растеніямъ, кои не могутъ нигдѣ съ удобностію расти, какъ токмо на родимой почвѣ, онъ, удовлетворивъ, сколько можно, довѣрію Монарха и долгу службы, вопреки всѣмъ разсчетамъ обыкновеннаго самолюбія, спѣшитъ возвратиться на лоно воспитавшей его Украйны.

Вы знаете, какъ благородное дворянство харьковское готово было паки единодушно привѣтствовать его именемъ главнаго представителя и вождя своего! Другой, можетъ быть, позволилъ бы себѣ увлечься потокомъ всеобщихъ

благожеланій. Но почившій и въ семъ случаѣ явилъ на себѣ плодъ опытной мудрости, которая знаетъ, что *есть время всякой вещи подъ небесемъ* (Еккл. 3. 1); есть время сѣять и трудиться, и есть время прекратить сѣяніе и трудъ. И вотъ, тотъ, который прежде, казалось, не зналъ границъ своей дѣятельности, теперь смиренно и навсегда самозаключаетъ себя подъ тихимъ кровомъ домашнимъ, дабы, какъ говорилъ онъ, проработавъ столько времени для другихъ, успѣть сдѣлать что-нибудь и для себя.

Большая часть изъ насъ, окружающихъ теперь гробъ сей, застала почившаго въ немъ уже въ уединеніи старчества, когда природа человѣческая, клонясь къ своему западу, любитъ болѣе сокрывать, нежели выказывать, что̀ заключалось въ ней. Кто однако же изъ насъ, при встрѣчѣ съ нимъ, съ самаго перваго взгляда, не былъ пріятно удивленъ тѣми высокими качествами ума и сердца, кои такъ видимо отличали почившаго, и безъ всякихъ внѣшнихъ знаковъ достоинства дѣлали его предметомъ всеобщаго уваженія? Предоставляемъ вамъ самимъ, братіе мои, воспомянуть между собою во всей подробности то, чѣмъ вы любовались въ немъ, чему удивлялись, что уважали и любили. Намъ предлежитъ сдѣлать другое, — возвѣстить въ слухъ всѣхъ то, что̀ менѣе извѣстно, но что̀ однако же стоитъ быть извѣстнымъ всего болѣе; это — твердое постоянно возраставшее отвращеніе въ душѣ почившаго отъ всѣхъ видовъ суеты мірской; это сосредоточеніе мыслей своихъ на прошедшихъ дѣйствіяхъ своей жизни, съ строгою оцѣнкою ихъ нравственнаго качества; это стремленіе взора духовнаго за предѣлы всего временнаго, туда, гдѣ нѣтъ болѣе борьбы ни съ кѣмъ и ни за что, и гдѣ живетъ одна истина и правда, одинъ покой и радость.

При такомъ христіанскомъ благонастроеніи духа, смерть, особенно послѣ долговременнаго недуга, не могла быть для почившаго явленіемъ неожиданнымъ. Я всегда,—такъ говорилъ онъ во время послѣдней болѣзни, — предавалъ себя въ волю Божію; тѣмъ паче теперь отрекаюсь предъ нею отъ всей собственной воли. Встану съ одра болѣзни, восхвалю Господа; не встану, да будетъ Его святая воля надо мною! Отъ сердца прощаю всѣмъ, оскорбившимъ меня чѣмъ-либо; да простятъ великодушно и меня, въ чемъ согрѣшилъ предъ кѣмъ!

Съ таковыми чувствами приближался усопшій къ послѣднему часу земнаго бытія своего. Чувства благія и достойныя христіанина. Но, братіе мои, мы въ свою чреду поступили бы скоропоспѣшно и не по-христіански, если бы вслѣдствіе сего возмнили, что ему не остается теперь ничего болѣе, какъ только пріять вѣнецъ изъ рукъ небеснаго Мздовоздаятеля. Ахъ, послѣ жизни на землѣ, какъ бы она ни была многоплодна, всегда остается у человѣка много недодѣланнаго и несовершеннаго! То самое, что̀ кажется намъ иногда яко подвигъ блистательный, то самое — тамъ, предъ очами Всевѣдущаго, можетъ оказаться, яко мрачное, нечистое и потому недостойное мзды. Въ самомъ дѣлѣ, братіе мои, пріятые свыше таланты употреблены въ дѣло; но такъ ли употреблены, какъ хотѣла премудрость и благость Того, отъ Котораго они приняты? Много сдѣлано на пользу общую; но всегда ли одушевлялись при семъ чистою любовію къ ближнимъ? не увлекались ли болѣе собственными видами и разсчетами? — Превратность обстоятельствъ переносима была съ улыбкою на устахъ; но не было ли въ то же время тайнаго ропота въ сердцѣ? Было желаніе вознаградить опущенный долгъ, исправить свои погрѣшности; но все ли употреблено для сего, что̀ можно употребить? Являлась любовь къ Богу и мысль о вѣчности; но успѣли-ль онѣ занять въ душѣ мѣсто, имъ подобающее? — Явно, что на землѣ никто не можетъ дать вѣрнаго отвѣта ни на единъ изъ сихъ важныхъ вопросовъ.

А если такъ, то чѣмъ должно заключиться все воспоминаніе похвальныхъ дѣяній почившаго, какъ не усердною молитвою ко Господу о милосердіи на судѣ къ его вольнымъ и невольнымъ грѣхопаденіямъ?—Мы увѣрены, что если бы дано было теперь ему самому провѣщать къ намъ что-либо, то онъ поспѣшилъ бы стократъ сильнѣе нашего исповѣдать въ слухъ всѣхъ свою немощь и несовершенство и сказать: братіе и друзи, страшно стоять предъ престоломъ Царя славы! Въ неприступномъ свѣтѣ лица Его самыя добродѣтели наши суть яко мракъ и нечистота. Многаго недостаетъ бѣдной душѣ моей! Единая надежда на заслуги Того, Кто умеръ на крестѣ и за послѣдняго изъ грѣшниковъ! Если убо желаете почтить память мою за что-либо, то не забывайте возносить о мнѣ теплой молитвы ко Господу, да не

помянутся неправды жизни моей на страшномъ и неумытномъ судѣ Его!

Дадимъ, братіе мои, обѣтъ памятовать усопшаго сею памятію молитвенною; а вмѣстѣ съ симъ возьмемъ въ назиданіе себѣ отъ гроба его тотъ важный урокъ, что всѣ дѣла наши и успѣхи на землѣ дѣйствительно полезны для насъ токмо тогда, когда, безъ вреда и укоризны намъ, могутъ явиться съ нами на страшномъ судѣ Божіемъ. Аминь.

Слово при погребеніи предсѣдателя харьковскаго уголовнаго суда, коллежскаго совѣтника и кавалера, Григорія Ѳедоровича Квитки,

сказанное въ Благовѣщенской церкви, 10 августа 1843 г.

Блаженъ путь, въ онь же идеши, днесь, душе· яко уготовася тебѣ мѣсто упокоенія!

Такъ возглашаетъ при гробѣ каждаго христіанина святая Церковь; возглашаетъ для того, дабы напоминаніемъ о блаженномъ упокоеніи, уготованномъ для представльшихся, преподать утѣшеніе тѣмъ, кои остаются еще послѣ нихъ на странствованіе по земной юдоли.

А мы страшимся сего блаженнаго пути, какъ величайшаго несчастія! А мы плачемъ и рыдаемъ о тѣхъ, кои отходятъ на это мѣсто упокоенія! Что значитъ это? Невѣріе гласу и свидѣтельству святой Церкви? Благодареніе Господу, въ насъ нѣтъ сего невѣрія! Опасеніе за вступающихъ на путь сей, что они неприготовлены еще къ сему мѣсту упокоенія? Если бы въ самомъ дѣлѣ насъ тревожило у гроба это святое опасеніе, и ничего болѣе! Но и тогда потребны были бы не вопли и рыданія, а тихая и пламенная молитва за усопшихъ.

Увы, мы и при гробѣ ближнихъ нашихъ платимъ дань не вѣчному, а временному, не духу, а плоти! Мрачный видъ гроба и тлѣнія, столь противоположный свѣтлому кругу радостей житейскихъ; разлука—вѣчная, какъ обыкновенно называютъ ее, хотя на самомъ дѣлѣ она такъ же временна, какъ и всѣ прочія разлуки,—съ тѣми, кои составляли какъ бы нѣкую часть нашей собственной жизни;

неизвѣстность, окружающая новый образъ бытія умершихъ, и невозможность слѣдить за ними не только взорами и слухомъ, но самымъ воображеніемъ; лишеніе того, что̀ они въ продолженіе жизни составляли для насъ, и прекращеніе того, чѣмъ мы служили для нихъ: вотъ главныя причины нашего смущенія и воплей при гробѣ!

Будемъ ли винить безусловно сію слабость нашей природы?—Нѣтъ, такой судъ былъ бы слишкомъ строгъ и несправедливъ. Мракъ гроба ни для кого не можетъ быть радостенъ уже потому, что онъ есть слѣдствіе нашего паденія и наказанія за грѣхъ; производимая смертію разлука на всю остальную жизнь съ ближними нашими не можетъ не исторгать слезъ уже потому, что нерѣдко превращаетъ собою весь порядокъ нашей жизни, уноситъ съ собою источникъ чистыхъ радостей душевныхъ.

Но, уступивъ слабости природы должное, не забудемъ, братіе мои, что смерть однако же не есть какое-либо зло для христіанина и бѣдствіе невознаградимое, что, напротивъ, она есть переходъ отъ низшаго образа бытія къ высшему и лучшему, и вмѣстѣ съ симъ причина и условіе многихъ, новыхъ и великихъ благъ для человѣка. Вникнемъ въ сію утѣшительную истину при семъ гробѣ собрата нашего, который, какъ вѣдаете, самъ любилъ углубляться въ тайны жизни человѣческой.

Въ чемъ состоитъ смерть человѣка? Въ разлученіи души отъ тѣла и въ переходѣ первой изъ нашего видимаго, чувственнаго міра въ другой, сверхчувственный, невидимый. Взявъ сіе понятіе смерти въ основаніе, вопросимъ теперь, что̀ оставляетъ душа отшедшая? Оставляетъ во-первыхъ бренное тѣло которое въ самомъ лучшемъ своемъ состояніи всегда, болѣе или менѣе, тяготитъ, связуетъ, мрачитъ и земленитъ собою духъ безсмертный, а въ состояніи ослабѣнія и дряхлости становится постояннымъ сѣдалищемъ недуговъ и страданій. Объ этомъ ли тѣлѣ жалѣть и сокрушаться?

Что̀ покидаетъ душа отшедшая? Покидаетъ міръ нашъ, который, по выраженію Писанія, весь во злѣ лежитъ, гдѣ на малую долю чистыхъ радостей приходится едва не цѣлое море скорбей и печалей,—міръ, исполненный соблазнами, о кои претыкались и падали самые праведники, гдѣ

нельзя поручиться и на одинъ часъ не только за благоденствіе, за самую добродѣтель нашу. Объ оставленіи этого ли міра плакать и вопіять?

Куда преходитъ отъ насъ душа, умершая въ вѣрѣ и покаяніи истинномъ? Въ міръ высшій, духовный, въ коемъ гораздо съ большею свободою должно раскрываться все, что̀ въ душѣ нашей есть высокаго, вѣчнаго и божественнаго, гдѣ, какъ выражается Церковь, нѣсть ни печали, ни воздыханія, но жизнь безконечная, гдѣ посему истина безъ покрова, добродѣтель безъ борьбы, вѣнцы безъ терновъ. Въ такой ли міръ не желать вступить скорѣе?

Къ кому идетъ отъ насъ душа, умершая въ вѣрѣ и покаяніи? Къ своему Творцу, Который есть весь всемогущество и благость, къ своему Искупителю, Который для того и отошелъ на небо, чтобы уготовать мѣсто вѣрнымъ послѣдователямъ Своимъ; идетъ къ сонмамъ Ангеловъ и душъ преждеотшедшихъ собратій своихъ, кои стократъ способнѣе насъ оказать ей помощь, раздѣлить съ нею и свои совершенства и свои радости. Какъ же послѣ сего не назвать вмѣстѣ съ Церковію сего пути блаженнымъ?

Для чего идетъ усопшая душа въ новый міръ? Для того, чтобы пріять успокоеніе послѣ многотруднаго странствованія земнаго, чтобы вновь облечься тѣмъ богоподобіемъ, которое было потеряно нами въ раю и возвращено паки крестомъ Христовымъ, дабы начать жить и дѣйствовать тою жизнію и тѣмъ дѣйствіемъ, коихъ нашъ бѣдный міръ и вмѣстить не можетъ.

И послѣ всего этого можно скорбѣть безутѣшно и рыдать у гроба христіанина? Не безчестіе ли это будетъ божественной вѣрѣ нашей, коея самое главное преимущество въ томъ состоитъ, что она среди скорбей и искушеній земныхъ питаетъ и подкрѣпляетъ насъ упованіемъ жизни вѣчной? Не укоризна ли это будетъ нашему Спасителю, Который для того именно Самъ прошелъ путемъ смерти и гроба, дабы отнять у нихъ весь страхъ, а у насъ всю печаль и горесть?

Что̀ же значитъ, что мы, не смотря на все это, предаемся иногда при гробѣ ближнихъ нашихъ печали безутѣшной? То, что мы смотримъ въ эти минуты токмо на гробъ, и не возводимъ очей горѣ—къ лицу Отца небес-

наго, отъ Коего сіяетъ жизнь и радость. То, что мы помнимъ только при семъ о нашихъ привременныхъ лишеніяхъ, производимыхъ смертію, и забываемъ тѣ блага, кои уготованы въ вознагражденіе ихъ на небѣ Спасителемъ нашимъ. То, что мы всецѣло предаемся влеченію своихъ возмущенныхъ мыслей и чувствъ яться за крестъ Христовъ и Евангеліе. То, наконецъ, что мы до того погрузились въ чувственное, до того возобладаны временнымъ, до того попустили ослабѣть, затмиться, умолкнуть въ насъ внутреннему зову и влеченію къ жизни высшей, безсмертной, что и, влекомые къ вѣчному отечеству нашему неотразимою рукою смерти, все еще, подобно женѣ Лотовой, обращаемъ очи и сердца вспять, къ этому суетному и бренному міру, который и самъ со всѣмъ разнообразіемъ вещей, его составляющихъ, предназначенъ къ смерти и разрушенію.

Можно гадать послѣ сего, какъ въ семъ состояніи взираютъ на насъ отшедшіе отъ насъ братія наши. Чѣмъ должны казаться имъ наши слезы и рыданія по нихъ?— Тѣмъ же, чѣмъ кажутся для насъ вопли младенцевъ, кои слезятъ и вопіютъ, когда мать, или отецъ оставляютъ ихъ на нѣсколько минутъ однихъ. Но чѣмъ бы ни казались они имъ, всего менѣе могутъ служить къ ихъ успокоенію. Ибо какое же можетъ быть кому успокоеніе отъ слезъ и рыданій? Мы удерживаемся отъ всякаго шума и воплей у одра болящихъ, дабы не возмутить ихъ покоя душевнаго: та же самая причина должна удерживать насъ отъ скорби и рыданія при ихъ гробѣ. Оставленное духомъ тѣло, конечно, не потревожится отъ нашихъ воплей; но душа, привитающая до времени въ мірѣ дольнемъ, не можетъ не смущаться ими, тѣмъ болѣе, чѣмъ, по сложеніи тяжести съ себя тѣлесной, она становится чувствительнѣе.

Итакъ, желая засвидѣтельствовать любовь и усердіе къ отшедшимъ отъ насъ путемъ смерти, покажемъ оныя не слезами малодушія, или, что еще хуже, ропота и отчаянія, а теплыми молитвами за нихъ; и, прося успокоенія душѣ ихъ отъ Господа, постараемся для сего именно успокоить, какъ можно скорѣе, свой духъ и свое сердце.

Мы увѣрены, почившій въ Бозѣ собратъ нашъ, что при настоящемъ размышленіи нашемъ не сказано нами о смерти христіанской ничего, чего бы ты не могъ одобрить

и подтвердить теперь собственнымъ опытомъ твоимъ. Если мы у гроба твоего отъ сердецъ, сѣтующихъ по тебѣ, потребовали, во имя Евангелія и Креста Христова, высшаго взгляда на смерть, и большаго, нежели обыкновенно, мужества и твердости душевной, то—потому, что ты самъ любилъ въ подобныхъ случаяхъ возноситься надъ всѣмъ видимымъ и привитать мыслію тамъ, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія. Теперь ты видишь уже лицемъ къ лицу то, что̀, находясь среди насъ, подобно намъ созерцалъ яко зерцаломъ—въ одномъ гаданіи. Довольно труждался ты въ этомъ мірѣ слезъ и воздыханій; много *пришельствовала* въ немъ душа твоя; много страдало любвеобильное сердце твое. Благодареніе Господу, что ты не сокрылъ талантовъ, тебѣ данныхъ и, не смотря на всю превратность обстоятельствъ, умѣлъ пріумножить ихъ и употребить во благо ближнихъ! Сугубое благодареніе тому же Господу, что земное счастіе не преслѣдовало тебя, хотя и могло, — что тебѣ отъ юности дано было идти не столько по цвѣтамъ, сколько по тернамъ. Поелику ты шелъ симъ узкимъ путемъ съ вѣрою, смиреніемъ и любовію, то мы вѣруемъ, что онъ привелъ туда, гдѣ все вознаграждается сторицею. Да насладится убо душа твоя покоемъ, коего не могъ ты обрѣсти на землѣ!

Насъ, братіе мои, у гроба сего паче всего должна поразить мысль о бренности человѣческой жизни и неизвѣстности часа нашей кончины. Давно ли видѣли мы среди насъ усопшаго исполненнымъ жизни, обѣщавшимъ еще не краткую и многообразную дѣятельность? И се, онъ во гробѣ! Кто поручится послѣ сего, что между нами, стоящими теперь у гроба сего, нѣтъ такихъ, кои предназначены уже къ могилѣ? Препровождая посему бренные останки сіи въ нѣдра общей матери земли, помыслимъ о томъ, какъ и намъ должно будетъ идти тѣмъ же самымъ путемъ, и нѣтъ ли чего такого, что̀ бы надобно былъ намъ совершить, или оставить—прежде, нежели возгласятъ и надъ нашимъ гробомъ вѣчную память? Аминь.

Слово при погребеніи доктора и профессора медицины въ харьковскомъ университетѣ, статскаго совѣтника и кавалера, Петра Александровича Бутковскаго,

сказанное 23 ноября 1844 года.

И сердце мое вдахъ, еже вѣдѣти премудрость и разумъ и сердце мое видѣ многая, премудрость и разумъ, притчи и хитрость уразумѣхъ азъ, яко и сіе есть произволеніе духа яко во множествѣ мудрости множество разума, и приложивый разумъ приложитъ болѣзнь (Екл. 1, 17—18).

Предъ наперсниками и питомцами мудрости не хотѣлось бы намъ разсуждать о суетѣ земной мудрости и болѣзняхъ, съ нею соединенныхъ; но Соломонъ стóитъ того, чтобы быть выслушаннымъ отъ всякаго, а гробъ сей почти требуетъ, чтобы надъ нимъ повторены были не какія-либо слова, а тѣ, кои мы произнесли сейчасъ. Кому не извѣсто, что почившій въ Бозѣ собратъ нашъ отъ юности *вдалъ сердце свое, еже видѣти премудрость и разумъ?* Никто не будетъ оспаривать и того, что сердце его дѣйствительно видѣло много премудрости и разума. Но, что наконецъ вышло изъ всего этого? То самое, чтò предвидѣлъ и чего ожидалъ мудрецъ Израилевъ: сама наука здравія не спасла отъ потери здравія того, кто посвятилъ ей всю жизнь свою; приложивъ разумъ, онъ вмѣстѣ съ симъ приложилъ себѣ и болѣзнь; а приложивъ болѣзнь и сдѣлавшись неспособнымъ званія своего, по необходимости долженъ былъ уразумѣть съ Соломономъ, яко и сіе, *еже умножити мудрость,* суета есть и крушеніе не только духа, но и плоти.

И его ли одного постигла подобная участь? — Ахъ, я вижу тамъ — вдали — еще свѣжую могилу собрата вашего, который не имѣлъ и того утѣшенія, чтобы вѣжди его были сомкнуты рукою нечуждою и чтобы на могилу его упала хотя одна слеза изъ очей тѣхъ, для коихъ столько лѣтъ билось чистое и благородное сердце его. Да пріиметъ безсмертный и неограниченный теперь нашимъ узническимъ пространствомъ духъ его, хотя здѣсь, въ этомъ, столь знакомомъ ему, храмѣ, отъ всѣхъ насъ дань молитвъ о вѣчномъ упокоеніи его въ царствіи Бога духовъ и разумовъ!

Но что мы должны заключить изъ сихъ двухъ и подобныхъ печальныхъ событій? То ли, что надобно оставить

прилежаніе въ занятіяхъ науками и въ пріобрѣтеніи познаній? Нѣтъ, премудрый Соломонъ не могъ дать такого совѣта. И къ чему бы служилъ умъ человѣческій, если бы не употреблять его на снисканіе познаній? И что бы значила въ насъ жажда вѣдѣнія, когда бы для ней не было удовлетворенія? Нѣтъ, будемъ любить науки и познанія: не будемъ жалѣть для нихъ ни времени, ни усилій нашихъ; не усумнимся приносить въ жертву имъ даже земныхъ выгодъ и разсчетовъ житейскихъ: только, занимаясь науками и принося разнообразныя жертвы имъ, да помнимъ, что познанія, ими доставляемыя, сами по себѣ суть не цѣль бытія человѣческаго на землѣ, а точію средство къ снисканію мудрости высшей, которая не оставляетъ человѣка и за гробомъ, сопровождаетъ его въ самую вѣчность. Се урокъ, который, мнѣ кажется, начертанъ рукою самой смерти на семъ гробѣ собрата вашего! — Благо намъ, если мы выразумѣемъ всю его силу и возьмемъ его отъ сего гроба въ напутіе нашей жизни, на пользу души своей!

Не безъизвѣстно намъ, братіе мои, что въ ученомъ кругѣ одно изъ любимыхъ положеній, что науку должно любить для самой науки. Если хотятъ чрезъ сіе положеніе исключить виды и разсчеты корысти житейской, то мы совершенно согласны съ симъ ученіемъ. Науки достопочтенны и любезны сами по себѣ; познаніе истины, къ какому бы кругу ни принадлежала она, есть уже такое пріобрѣтеніе, для коего стоитъ забыть трудъ и безпокойство.—Но, если вышеозначеннымъ положéніемъ хотятъ науку возвесть на такую высоту, чтобъ за нею не оставалось видѣть ничего болѣе и далѣе; если хотятъ симъ сказать, что наукѣ и познаніямъ должно быть подчинено все, а онѣ ничему: то такой образъ мыслей есть—совершенное заблужденіе, крайне вредное для занимающихся науками и, вмѣсто мнимаго возвышенія, унижающее самую науку.

Въ доказательство сего мы не употребимъ предъ вами никакихъ продолжительныхъ умозаключеній и истинъ отвлеченныхъ, а только укажемъ на гробъ сей и спросимъ: какой плодъ для усопшаго былъ бы теперь отъ той науки, для которой онъ жертвовалъ всѣмъ—самою жизнію, если бы онъ не умѣлъ, какъ увидимъ послѣ, обратить своихъ познаній къ достиженію цѣлей высшихъ? Науки человѣческія

обращаются обыкновенно около предметовъ міра видимаго; но какъ съ смертію сей міръ исчезаетъ для насъ, то по сему самому и познанія, вокругъ него обращавшіяся, дѣлаются неупотребительными. Геологъ, умирая, долженъ навсегда проститься съ горами и камнями; ботаникъ — съ растеніями и древами; врачъ — съ болѣзнями и врачествами; историкъ — съ событіями и перемѣнами гражданскими; законовѣдецъ — съ правами и учрежденіями человѣческими; самый философъ — съ законами здѣшней нашей природы. Что же пользы, если каждый изъ нихъ не успѣлъ извлечь изъ своей науки того, что̀ можетъ быть годно и благотворно не на краткое число лѣтъ земнаго странствованія, а на всю вѣчность, которая ожидаетъ каждаго изъ насъ?

Человѣкъ безсмертенъ: да будетъ безсмертна и наука! Безсмертна не тѣми бѣдными твореніями нашими, кои мы можемъ завѣщать преемникамъ нашимъ на поприщѣ наукъ, а и въ насъ самихъ—тѣми плодами духа, кои бы не оставляли насъ при переходѣ нашемъ изъ времени въ вѣчность. Такого рода плоды суть святое настроеніе нашего духа, освобожденнаго отъ страстей и предразсудковъ, живая и чистая любовь къ Творцу и Спасителю и къ нашимъ ближнимъ, преданность въ волю премудраго и всеблагаго Промысла Божія, готовность во всемъ слѣдовать не собственнымъ выгодамъ и желаніямъ, а уставамъ вѣчной любви и правды, открытымъ для насъ въ Евангеліи,—рѣшительное удаленіе отъ всего, что̀ портитъ и унижаетъ богоподобную природу нашу, смиренное наконецъ сознаніе своихъ грѣхопаденій и недостатковъ, съ вѣрою и упованіемъ, что они изглаждаются крестомъ Искупителя. Кто употребилъ свою науку на образованіе себя въ семъ духѣ, для того она не потеряна въ часъ смерти, тотъ пожнетъ плоды ея и въ вѣчности.

Познавъ все сіе почившій въ Бозѣ собратъ нашъ и любилъ не только слѣдовать сей истинѣ, но и возвѣщать ее — и словами и писаніями своими. Между тѣмъ какъ другіе врачи боятся (страхъ постыдный для науки!) произнести въ своихъ изслѣдованіяхъ имя вѣры и молитвы, онъ поставлялъ ихъ въ числѣ наидѣйствительнѣйшихъ средствъ къ исцѣленію самыхъ неизлечимыхъ недуговъ. Сколько разъ

мы слышали изъ устъ его, какъ Провидѣніе Божіе оказывало надъ нимъ самимъ свое особенное дѣйствіе! Повѣсть о семъ всегда сопровождалась у него глубокимъ чувствомъ благодарности къ Богу и твердою увѣренностію, что, не смотря на превратность судьбы и дѣлъ человѣческихъ, есть око, которое не воздремлетъ, ниже уснетъ, храня каждаго изъ насъ. — Посему-то онъ никогда не смущался много превратностями жизни человѣческой, и готовъ былъ принимать, — зная, что принимаетъ изъ руки Провидѣнія, — не только пріятныя событія, но и горести, яко необходимыя для исцѣленія и укрѣпленія нашей души, непрестанно разслабляемой соблазнами мірскими. Переходъ въ другую жизнь, коего такъ трепещутъ тѣ, кои ничего не видятъ далѣе земли и гроба, для него былъ болѣе вожделѣненъ, нежели страшенъ. Возвергая упованіе свое на заслуги Спасителя и крестъ Его, онъ давно началъ парить мыслію превыше всего тлѣннаго и преходящаго и возноситься желаніемъ туда, гдѣ нѣтъ ни болѣзней, ни печали и воздыханій.

Предчувствіе сіе сбылось: его нѣтъ болѣе ни для насъ, ни для науки! Но наука съ нимъ, та наука, которую онъ, какъ драгоцѣнную сущность успѣлъ извлечь для себя изъ своихъ разнообразныхъ познаній, та наука, которая научаетъ врачей врачевать не одно тѣло, но и духъ, и врачуя другихъ не оставаться самимъ до гроба въ слѣпотѣ и проказѣ духовной, — та наука, которая состоитъ не въ умозрѣніяхъ праздныхъ и безплодномъ многоглаголаніи, а въ жизни по Богѣ и Его вѣчной правдѣ.

Хотите ли посему воздать вмѣстѣ съ нами почившему послѣдній долгъ любви и уваженія въ томъ видѣ и духѣ, въ какомъ бы онъ самъ желалъ принять его теперь отъ насъ? — Вознесемъ для сего изъ глубины души теплую молитву къ Отцу духовъ и Богу разумовъ о упокоеніи многопопечительной души его, да, очистившись кровію Спасителя отъ всѣхъ ничистотъ грѣховныхъ, сподобится, за свои труды земные на пользу страждущаго человѣчества и за свою безкорыстную любовь къ истинѣ и познаніямъ, узрѣть теперь свѣтлое лице премудрости небесной и быть вчиненною въ ликѣ присныхъ любителей ея. Аминь.

Слово въ день годичнаго поминовенія помѣщика харьковской губерніи Степанова,

произнесенное харьковскаго уѣзда, въ селѣ Веселомъ, 25 сентября 1845 года.

Годъ уже, какъ отошелъ отъ насъ въ вѣчность приснопоминаемый рабъ Божій Іоаннъ. Не мало событій и перемѣнъ произошло въ это время и у насъ; тѣмъ болѣе должно быть тамъ, у нихъ. Ибо хотя у нихъ нѣтъ нашего времени, но должно же быть что-либо похожее на время; ибо превыше времени единъ Богъ. У нихъ даже должно быть гораздо болѣе перемѣнъ, нежели у насъ, ибо ихъ міръ, яко міръ духовъ, и обширнѣе, и разнообразнѣе, и могущественнѣе нашего.

Что же въ это время произошло съ нимъ? Дошли-ль до него молитвы наши о немъ? Оказали-ль ему какую-либо помощь? Уразумѣлъ ли онъ чрезъ сіе, что оставленные имъ продолжаютъ любить его и служить ему по прежнему? Кто намъ дастъ отвѣтъ на это? Дастъ Тотъ, Кто рекъ: *вся, елика аще вопросите въ молитвѣ вѣрующе, пріимете* (Матѳ. 21, 22). Мы просили и молились съ вѣрою; посему можемъ быть увѣрены, что и прошенія наши услышаны; а если услышаны, то нѣтъ сомнѣнія, что тотъ, о коемъ молились мы, чувствовалъ на себѣ силу благодати, для него испрашиваемой; а если чувствовалъ, то и могъ знать, что это — услуга отъ любящихъ его и пекущихся о душѣ его, какъ собственной.

Но, если молитвы наши услышаны и дошли до того, о комъ молились мы, то что же теперь съ нимъ? — Видите, что я съ прилежаніемъ вхожу въ мысли ваши и хочу раздѣлить всѣ ваши чувства, дабы вмѣстѣ съ вами обрѣсти успокоеніе для сердца вашего.

Что съ нимъ? То, что для него нужно и полезно. Нужна радость—безъ сомнѣнія, съ нимъ радость; нужна скорбь—безъ сомнѣнія, съ нимъ скорбь. Не пугайтесь, когда я говорю: скорбь. Коль скоро скорбь отъ Господа, то она полезнѣе всѣхъ радостей земныхъ. Это то же, что горькое, но сильное и спасительное врачевство. Мы бываемъ рады и покойны, когда тяжело больной отданъ на руки искусному врачу, обѣщающему выздоровленіе, и что̀ бы ни предписалъ онъ, какъ бы ни было горько предписанное, съ усердіемъ даемъ лекарство больному и радуемся, когда онъ прилежно

принимаетъ его. Будемъ же благодушны, зная, что нашъ больной (ибо кто поживетъ и не согрѣшитъ?), вслѣдствіе молитвъ о немъ Церкви, теперь на рукахъ у Врача небеснаго. Если бы Онъ нашелъ нужнымъ послать горесть почившему, то, вѣроятно, почившій самъ не промѣняетъ этой горести на всю нашу земную сладость, которая и въ насъ нерѣдко оставляетъ за собою скуку и тяжесть, а тамъ представляется сущею меррою. Будемъ только продолжать свое дѣло — молиться о успокоеніи души его, въ твердой увѣренности, что растворенная вѣрою молитва не можетъ никакъ остаться безъ дѣйствія. Въ томъ или другомъ видѣ, но она непремѣнно достигнетъ своей цѣли, то есть, низведетъ благодать Божію на почившаго, а гдѣ благодать, тамъ и исцѣленіе язвъ душевныхъ, тамъ и спасеніе.

Для насъ самихъ эта молитва не безъ великой пользы. Ибо молитва вообще — какъ ѳиміамъ: хочешь благоухать имъ другаго, а между тѣмъ первѣе всего облагоухаешься самъ. Особенно полезна молитва для молящихся по усопшимъ. Ибо въ молитвѣ о живыхъ, тѣмъ паче о себѣ самихъ, почти неизбѣжно входитъ много, не такъ чистаго. Желаешь, напримѣръ, и молишься о какихъ-либо благахъ, а сіи блага могутъ обратиться во вредъ тебѣ или другимъ. А когда молимся за усопшихъ, то всегда желаемъ и просимъ имъ единаго, — благодати и милости Божіей, что всегда благотворно для человѣка. Притомъ, одно перенесеніе мыслей нашихъ по ту сторону гроба, какъ это всегда бываетъ при молитвѣ за усопшихъ, уже переставляетъ туда какъ бы насъ самихъ; переставляя, отдѣляетъ насъ отъ всего земнаго; отдѣляя, не попускаетъ насъ прилѣпляться сердцемъ къ міру и его суетнымъ благамъ.

Имѣя въ виду все сіе, будемъ съ усердіемъ продолжать молитву по усопшемъ рабѣ Божіемъ Іоаннѣ, не ограничивая ее обыкновенными днями поминовенія по усопшимъ. Ибо Церковь не для того назначила опредѣленный срокъ поминовенія, чтобы послѣ забывались усопшіе и оставлялись безъ молитвы о нихъ, а для того, чтобы указать сначала путь, для вовсе не знающихъ его, для знающихъ же, яко матери и руководительницѣ, самой предначать то святое дѣло, которое, разъ начавшись, должно продолжаться всегда. — Аминь.

Слово при погребеніи Харьковскаго, почетнаго гражданина коммерціи совѣтника и кавалера, Космы Никитича Кузина,

сказанное 20 апрѣля 1844 года.

Открыть ли предъ вами, братіе мои, тѣ чувства, съ коими являемся мы на семъ священномъ мѣстѣ, когда надобно бываетъ бесѣдовать съ вами у гроба? Всякій разъ кажется намъ, что на это время мы сами какъ бы отдѣляемся отъ среды живыхъ; исходимъ на самый послѣдній предѣлъ видимаго; становимся между временемъ и вѣчностію... Съ одной стороны здѣсь — наша жизнь, дѣла и попеченія человѣческія, удачи и неудачи, вся суета земная; съ другой — Богъ и вѣчность, будущій судъ съ полнымъ мздовоздаяніемъ для праведныхъ и некончаемыми муками для грѣшныхъ. О, какъ съ сей высоты представляется инаковымъ все земное и человѣческое! Большая часть того, предъ чѣмъ обыкли мы преклоняться до земли, къ чему стремимся всѣ наперерывъ, безъ чего почитаютъ себя несчастными, представляется вещію маловажною, даже совершенною суетою и ничтожествомъ. Чрезвычайно важнымъ, напротивъ, является то, о чемъ многіе вовсе не думаютъ, что и думающіе не ставятъ такъ высоко, какъ бы надлежало. Когда смотришь съ сей высоты на жизнь окончившаго земное поприще свое, то уже нисколько не ищешь въ ней того, за чѣмъ гоняется міръ и чего ненасытно алчетъ суетность человѣческая, а скорѣе всего хочешь видѣть, какъ совершено имъ привременное теченіе на землѣ, и что уготовано для неба и вѣчности. Если находишь, что земной странникъ шелъ неуклонно путемъ вѣры, добродѣтели и упованія, или по крайней мѣрѣ окончилъ шествіе спасительною стезею покаянія и слезъ, то въ сердцѣ рождается отрадное чувство—кажется слышишь свыше голосъ: *благій и вѣрный рабе, внеди въ радость Господа своего!* (Матѳ. 25, 21) или сей отрадный глаголъ: *отпущаются грѣси ея мнози: зане возлюби много* (Лук. 7, 47)! Но когда усматриваешь, что вся жизнь усопшаго наполнена была измѣнами совѣсти и нечистотою грѣховною, и что сія нечистота не омыта слезами сокрушенія сердечнаго, не искуплена дѣлами вѣры и любви къ ближнимъ, то душа невольно объемлется нѣкіимъ тайнымъ страхомъ; стоишь

въ такомъ случаѣ у гроба, какъ стоятъ у того мѣста, въ которое только-что ударилъ громъ, и надъ коимъ еще блистаетъ молнія.

Благодареніе Господу, что мы можемъ разсуждать такимъ образомъ у сего гроба, не опасаясь возмутить тѣмъ покоя ни усопшаго собрата нашего, ни воздающихъ ему теперь долгъ послѣдній. Ибо, разсматривая жизнь его, если находишь въ ней слабости и недостатки, грѣхопаденія и невѣрности, то въ то же время постоянно видишь о страну ихъ живую вѣру въ крестъ Христовъ, неослабное повиновеніе святымъ уставамъ Церкви, искреннее признаніе своихъ грѣховъ, соединенное со всегдашнимъ милосердіемъ къ ближнимъ, видишь, то-есть, такія качества, кои, по увѣренію самаго слова Божія, всего скорѣе и дѣйствительнѣе способствуютъ къ изглажденію грѣховъ нашихъ предъ Богомъ. Правда, что святая вѣра наша, предлагая намъ въ избыткѣ столько и естественныхъ и сверхъ естественныхъ средствъ для нашего преспѣянія въ истинѣ и правдѣ, въ чистотѣ и самоотверженіи, имѣла бы право требовать отъ каждаго изъ насъ гораздо большихъ успѣховъ и плодовъ духовныхъ, но, гдѣ искать между нами тѣхъ людей, кои своею жизнію и правилами выражали бы всю высоту и божественность нравственности евангельской, кои собственнымъ примѣромъ обнаруживали бы предъ всѣми, что можетъ сдѣлать изъ человѣка вѣра христіанская? Увы, драгоцѣнное преимущество это, кажется, навсегда осталось за первыми вѣками христіанства, когда послѣдователи Іисуса распятаго были, по свидѣтельству Апостола, *яко свѣтила въ мірѣ*. Въ наши времена душевнаго охлажденія къ вѣрѣ и предметамъ священнымъ, времена забвенія благихъ примѣровъ и святыхъ правилъ отеческихъ, и то составляетъ уже немалую отраду и утѣшеніе, когда встрѣчаешь жизнь, отъ начала до конца проведенную подъ мирнымъ кровомъ вѣры и Церкви, никогда не разлучавшуюся, если не съ закономъ и добродѣтелію, то съ смиреніемъ и покаяніемъ, тѣмъ паче, если она въ то же время освящена дѣлами любви и милосердія христіанскаго. Кто захотѣлъ бы видѣть въ жизни кого-либо изъ усопшихъ братій своихъ еще большее количество совершенствъ и добродѣтелей, тотъ обрати сіе желаніе и требованіе на самого себя и свою жизнь; рѣшеніе же о

томъ, что могло быть сдѣлано и не сдѣлано каждымъ изъ нихъ, да предоставится Тому, Иже единъ вѣсть всѣ пути человѣка и всѣ тайны сердецъ. Во всякомъ случаѣ, присутствуя при чьемъ бы то ни было гробѣ, гораздо полезнѣе для насъ, вмѣсто поверхностныхъ и ни къ чему не ведущихъ сужденій о дѣяніяхъ почившаго, разсматривать въ его жизни — пути Промысла Божія и, разсматривая, научаться, какъ идти по нимъ не озираясь вспять, не совращаясь ни на-десно, ни на-шуее, когда они срѣтаются съ нами въ собственной нашей жизни. Въ нѣкій примѣръ сего, поступимъ такимъ образомъ и у сего гроба.

Если есть на землѣ жребіи, такъ-называемые, необыкновенные, то одинъ изъ таковыхъ, очевидно, выпалъ въ удѣлъ почившему въ Бозѣ собрату нашему. Ибо съ чего началось житейское поприще его? съ доли самой безвѣстной и смиренной. Чѣмъ окончилось? такою высотою и извѣстностію, какой только можно было достигнуть въ его званіи. Представьте юнаго поселянина, оставляющаго родимый кровъ и исходящаго на путь жизни, въ страну дальнюю, съ однимъ благословеніемъ родительскимъ! У него нѣтъ никакихъ другихъ средствъ къ успѣху, кромѣ того, что даетъ человѣку Богъ и чего не могутъ отнять люди, то есть здраваго, природнаго ума, чистой совѣсти, твердой воли и желанія трудиться на пользу свою и ближнихъ. Предъ нимъ, не какъ предъ многими другими, не пространное, готовое уже и углаженное поле для дѣятельности, а одна узкая, темная, тернистая стезя, идущая надъ пропастями и ведущая, единъ Богъ вѣдаетъ, куда. Но выбирать не изъ чего: оградившись крестнымъ знаменіемъ, со слезами, можетъ быть, на глазахъ, юный и неопытный селянинъ вступаетъ на эту стезю; видитъ всю трудность своего положенія, но идетъ; закрываетъ глаза надъ пропастями и стремнинами, но идетъ; изнемогаетъ въ силахъ, падаетъ иногда, но вставши паки идетъ, ибо при всѣхъ трудностяхъ и опасностяхъ, путь замѣтно ведетъ вверхъ. И вотъ предчувствіе и вѣра въ Промыслъ Божій начинаютъ оправдываться; въ награду терпѣнія, честности и постоянства, узкая стезя жизни расширяется и углаживается; утесы и пропасти исчезаютъ, являются виды одинъ другаго занимательнѣе; представляются мѣста отдыха одно другаго удобнѣе. Тотъ, кто въ началѣ зависѣлъ отъ

всѣхъ и всего, самъ начинаетъ оказывать вліяніе на многихъ; кто почиталъ за счастіе быть помощникомъ и сотрудникомъ у другихъ, содѣлывается началомъ и душою предпріятій и союзовъ торговыхъ: приходитъ въ извѣстность по всѣмъ краямъ отечества; обращаетъ на себя вниманіе власти предержащей, удостоивается почестей и отличій на ряду съ давними слугами отечества; становится, наконецъ, главою дома, съ коимъ немногіе, изъ того же сословія, могутъ равняться по всеобщей извѣстности и довѣрію.

Таково было земное поприще раба Божія, коего смертные останки предлежатъ теперь взорамъ нашимъ! Поприще многотрудное, сопряженное со многими искушеніями, подлежавшее всѣмъ превратностямъ и непостоянству счастія земнаго, могшее не разъ прерваться самымъ печальнымъ образомъ, но до конца жизни его продолжавшееся подъ тѣмъ же благословеніемъ свыше, подъ коимъ оно началось такъ успѣшно. Въ похвалу почившаго должно сказать не обинуясь, что не только веси, самые обширные грады сохранятъ надолго память о томъ, чѣмъ они были одолжены его неутомимой и обширной дѣятельности. Особенно же нашъ градъ не долженъ забыть, кому онъ преимущественно обязанъ тѣмъ благолѣпіемъ своихъ зданій, которое такъ отличаетъ его между градами, ему равностепенными.

Представляя все сіе, какое первое и послѣднее чувство должно быть теперь у гроба сего въ сродникахъ и друзьяхъ усопшаго, какъ не чувство глубокой благодарности ко всеблагой десницѣ Божіей, которая ущедрила его особенными способностями, соблюла его непреткновеннымъ въ самыхъ темныхъ и трудныхъ путяхъ его жизни и вѣнчала постояннымъ успѣхомъ дѣла и предпріятія его? Усопшій самъ вполнѣ чувствовалъ сіе, и отъ души любилъ повторять святыя слова псалмопѣвца: *аще не Господь созиждетъ домъ, всуе трудишася зиждущіе* (Псал. 126, 1). Господь создалъ домъ, имъ теперь оставляемый, и живущіе въ немъ и пользующіеся плодами трудовъ его ничего не могутъ сдѣлать лучше, какъ взирать на свое состояніе тѣми же очами, коими взиралъ усопшій, то есть, какъ послѣдствіе не столько трудовъ и благоразумія человѣческаго, сколько особеннаго благословенія свыше.

Почившій не только говорилъ такимъ образомъ, но и

дѣйствовалъ сообразно тому. Если какихъ главныхъ недостатковъ можно было опасаться за него на его поприщѣ, то преимущественно двухъ: неразборчивости въ средствахъ къ достиженію своихъ цѣлей и горделиваго надменія по достиженіи оныхъ. Апостолъ не безъ причины конечно замѣтилъ, что *хотящіи богатитися впадаютъ въ похоти многи, несмысленны и вреждающія, яже погружаютъ человѣки во всегубительство и погибель* (1 Тим. 6, 9). Но усопшій умѣлъ благодатію Божіею сохранить себя отъ сихъ похотей несмысленныхъ. Умѣренность въ желаніяхъ, степенность въ дѣйствіяхъ, удаленіе отъ всего мечтательнаго, шествіе однимъ и тѣмъ же путемъ, были всегдашними отличительными его качествами. Пріобрѣтенное несправедливостію, казалось ему не столько пріобрѣтеніемъ, сколько потерею. Посему онъ скорѣе готовъ былъ уступить свое собственное, нежели имѣть какую-либо выгоду съ огорченіемъ для ближнихъ. Отсюда-то, безъ сомнѣнія, происходило то всеобщее довѣріе, по коему слово, имъ данное, почиталось не слабѣе обязательствъ законныхъ, такъ что отдающій ему свое достояніе почиталъ его столько же безопаснымъ, какъ-бы оно находилось въ собственныхъ рукахъ.

Такое довѣріе при огромности средствъ, коими могъ располагать усопшій, еще болѣе подвергало его другой опасности отъ духа киченія, столь сроднаго всѣмъ временамъ, особенно нашему, — всѣмъ людямъ, особенно тѣмъ, кои взошли на высоту изъ низкой доли и, какъ говорится, составили себѣ имя и счастіе сами. Но чувство вѣры и преданности Промыслу, стоя на стражѣ, спасали почившаго и отъ сего душевнаго недуга. Пастырямъ Церкви не было нужды исполнять въ отношеніи къ нему совѣтъ Апостола: *богатымъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ запрещай высокомудрствовати ниже уповати на богатство погибающее* (1 Тим. 6, 17). Ибо онъ самъ весьма часто повторялъ за нихъ для себя сію святую заповѣдь и старался исполнять ее во всей силѣ. Кому въ собраніи не готовъ былъ онъ уступить своего мѣста? Какъ далекъ былъ онъ отъ всякихъ личныхъ распрей и споровъ! какъ кротокъ и простъ въ обращеніи съ низшими себя! Когда другіе почитаютъ за долгъ сокрывать свое малое и простое происхожденіе и не воспоминать о прежнемъ стѣсненномъ состояніи, усопшій, казалось, находилъ особенное

удовольствіе въ томъ, чтобы повѣдать и открывать все это въ отношеніи къ себѣ. И чѣмъ обыкновенно заключалось у него воспоминаніе о прежнемъ убожествѣ и безвѣстности? Смиреніемъ и исповѣданіемъ надъ собою особенной милости Божіей, благоговѣйнымъ сознаніемъ долга благодарить за нее Господа—употребленіемъ благъ земныхъ въ Его славу и на пользу ближнихъ. Отсюда-то, безъ сомнѣнія, брала въ немъ начало та расположенность къ открытію способнымъ, но недостаточнымъ людямъ благопріятнаго поприща къ трудамъ и употребленію своихъ способностей. И сколько таковыхъ, кои обязаны ему всѣмъ, что имѣютъ теперь отъ своего труда!—а паче тѣмъ, что, гнетомые обстоятельствами, не потеряли того, что имѣли отъ природы. Отсюда-то истекала въ почившемъ и готовность являться съ усердною помощію вездѣ, гдѣ того требовала нужда ближнихъ. Въ доказательство сего довольно указать на ту жертву, которую принесъ онъ къ возсозданію изъ пепла града Тулы, и которая самою огромностію своею показала, что усопшій трудами своими стяжалъ себѣ благородство не имени токмо, но и духа.

При такомъ благонастроеніи мыслей и чувствъ, могла ли быть забыта усопшимъ св. Церковь съ ея нуждами? Неожиданная еще, судя по состоянію здоровья и силъ, кончина, недопустила его привести въ исполненіе всѣхъ благихъ помысловъ на пользу Церкви и ея служителей, но и то, что сдѣлано, ясно показываетъ, какъ много дорожилъ онъ названіемъ истиннаго сына Церкви, какъ близко къ сердцу принималъ онъ все, что относится къ благоустройству храмовъ Божіихъ. Здѣсь опять, вмѣсто всѣхъ другихъ доказательствъ, довольно указать на храмъ, недавно воздвигнутый надъ почившими братіями нашими, подъ сѣнь коего грядетъ теперь и главный строитель его. Частныхъ благотвореній не исчисляемъ: они явятся тамъ, гдѣ не будетъ забыта чаша студеной воды, поданной во имя Спасителя.

Послѣ всего этого, что остается сродникамъ и друзьямъ усопшаго, какъ, отерши слезы горести, возблагодарить Господа за тѣ благословенія, коими ущедрена была вся жизнь его? Возблагодарить за тѣ способности, коими отличенъ и украшенъ онъ былъ отъ самаго рожденія,—возблагодарить за тѣ успѣхи, коими знаменовались всѣ благія пред-

пріятія и дѣла его; возблагодарить за сохраненіе сердца и души его отъ множества соблазновъ и искушеній, коими окружено было его поприще;—возблагодарить за то чувство вѣры, смиренія и преданности въ волю Божію, кои сопровождали его до самой кончины! Ищетъ ли скорбящее надъ симъ гробомъ сердце и еще способа выразить свое усердіе къ лицу почившаго? Да обратится къ молитвамъ о успокоеніи души его и къ благотвореніямъ въ память его. Се жертва, которую одну онъ можетъ теперь принять отъ насъ, и въ коей имѣетъ немалую нужду. Ибо кто поживетъ и не согрѣшитъ? Тѣмъ паче, о комъ изъ ущедренныхъ дарами счастія земнаго, можно сказать, что онъ никогда не увлекался суетою міра, не предпочиталъ тлѣннаго вѣчному, не позволялъ въ себѣ плоти и крови брать верхъ надъ духомъ и совѣстію? Увы, отъ начала міра замѣчено и до конца міра пребудетъ вѣрнымъ, что дары счастія земнаго суть самое опасное искушеніе для чистоты духа и сердца, что они если не совращаютъ земнаго странника съ пути истины и долга, то много отъемлютъ у него тѣхъ совершенствъ, кои необходимы, дабы войти непостыдно въ свѣтлый чертогъ Отца небеснаго.

Имѣя въ виду сіе, соединимъ, братіе мои, съ моленіемъ святой Церкви и нашу молитву объ усопшемъ рабѣ Божіемъ, да благодать Господня, немощная врачующая и восполняющая оскудѣвающее, восполнитъ отъ богатства своего то, чего не окажется изъ жизни и дѣяній его на вѣсахъ правды Божіей, и въ возмездіе за тѣ кровы, кои онъ созидалъ здѣсь для неимущихъ, введетъ его въ свѣтлый чертогъ свой. А мы, препровождая его теперь молитвенно ко престолу небеснаго Мздовоздаятеля, почитаемъ за долгъ, по примѣру Апостола, обратиться у сего гроба къ тѣмъ, кои ущедрены дарами счастія, и сказать имъ: смотрите, что остается человѣку отъ всего труда его, *имъ же трудится подъ солнцемъ* (Еккл. 2, 18)! Нагими приходимъ мы въ міръ сей; едва не нагими и отходимъ изъ него. Чѣмъ бы сродники и друзья ни окружили бренные останки наши на землѣ, все то съ продолженіемъ времени, вмѣстѣ съ нами, должно обратиться въ прахъ. За первымъ богачемъ, какъ и за послѣднимъ нищимъ, идутъ въ вѣчность одни дѣла его, благія или злыя. Блюдитесь убо, по надеждѣ на бо-

гатство тлѣнное, забывать Бога живаго и вѣчнаго. Да не презрится вами ни единъ изъ тѣхъ Лазарей, кои обыкли приметаться у вратъ вашихъ, и кои одни, можетъ быть, останутся нѣкогда другами вашими, и будутъ въ состояніи принять васъ въ вѣчные кровы свои (Лук. 12, 34). Обладая многимъ, не порабощайте духа и не прилѣпляйте сердца своего ни къ чему на землѣ, дабы въ противномъ случаѣ, какъ предостерегаетъ Евангеліе (Лук. 16, 9), не осталось тамъ и сердце, гдѣ будетъ его сокровище. Аминь.

Слово надгробное,

сказанное въ братскомъ монастырѣ, при погребеніи тѣла студента кіевской духовной академіи, въ бытность преосвященнаго ректоромъ сей академіи.

Есть *время молчати* (Еккл. 3, 7), говоритъ Премудрый. Не при гробѣ ли сіе время? Что можно сказать съ сего священнаго мѣста въ назиданіе, о чемъ бы смерть не проповѣдывала самымъ убѣдительнѣйшимъ образомъ? Говорить ли о суетѣ вещей человѣческихъ и въ особенности о суетѣ человѣческой жизни? Взгляните на гробъ сей: смерть неизгладимыми буквами начертала на немъ: *суета суетъ, все суета* (Еккл. 1, 3). Говорить ли о всеразрушающей силѣ грѣха, которой человѣкъ подвергъ себя чрезъ произвольное преступленіе заповѣди эдемской? Взгляните на гробъ сей, и увидите, коль остро жало грѣха. Говорить ли о неизмѣняемости Божественныхъ опредѣленій? Взгляните на гробъ сей: въ немъ видимо совершается непремѣняемое опредѣленіе: *земля еси, и въ землю отыдеши* (Быт. 3, 19). Но можно ли исчислить все то, чему поучаетъ насъ безмолвный гробъ сей? Смотрите пристальнѣе на лежащаго въ немъ, и каждый въ обезображенномъ смертію лицѣ его найдетъ сродное себѣ назиданіе,—только помните, что каждый изъ насъ, рано или поздно, долженъ, подобно ему лечь во гробѣ.

Смерть всему поучаетъ насъ; токмо одно не исходитъ изъ устъ ея. Она не говоритъ намъ, что ея область разрушена; что страхъ ея не существуетъ болѣе для истиннаго христіанина. Когда же приличнѣе и нужнѣе раскрыть и утвердить сію утѣшительную истину, какъ не въ настоя-

щія минуты сѣтованія, когда смерть среди храма, посвященнаго Богу живыхъ, предъ лицемъ святилища, въ которомъ течетъ источникъ нетлѣнія, содержа во узахъ своихъ плѣнника, повидимому, торжествуетъ свою побѣду, и когда самый христіанинъ, не зря во гробѣ ничего, кромѣ разрушенія, подвергается искушенію своея вѣры? Итакъ, огласимъ гробъ сей размышленіемъ о томъ, что для истиннаго христіанина смерть ничего не имѣетъ въ себѣ страшнаго.

Смерть можетъ казаться страшною для человѣка съ трехъ сторонъ. Она устрашаетъ, во-первыхъ, человѣка неизвѣстностію продолженія бытія человѣческаго за гробомъ; во-вторыхъ, извѣстностію того, что, если наше бытіе продолжается за гробомъ, то мы должны впасть въ руки правосудія Божія; наконецъ, смерть можетъ устрашить человѣка тѣмъ, что лишаетъ его наслажденія благами настоящей жизни.

Смерть устрашаетъ человѣка неизвѣстностію продолженія его бытія за гробомъ. Тщетно разумъ усиливается разогнать сей страхъ; возбуждая въ человѣкѣ надежду безсмертія, онъ болѣе въ семъ случаѣ обѣщаетъ, нежели доказываетъ; болѣе располагаетъ къ вѣрованію, нежели производитъ вѣру въ будущую жизнь. Посему-то самые отличные мудростію язычники, бывъ преисполнены желаніемъ безсмертія, не были совершенно свободны отъ сомнѣнія въ сей утѣшительной истинѣ. Посему-то между причинами, почему не должно страшиться смерти, они полагали и сію оскорбительную для разума, безотрадную для сердца мысль, что смерть не заключаетъ въ себѣ ничего страшнаго, хотя бы служила уничтоженіемъ для человѣка, поелику чрезъ сіе уничтоженіе человѣкъ возвращается въ то положеніе, въ которомъ находился до рожденія. Такимъ образомъ разумъ освобождалъ отъ страха тѣмъ, что само по себѣ ужасно—уничтоженіемъ.

Христіанинъ совершенно свободенъ отъ сего страха, будучи совершенно увѣренъ, что гробъ не есть конецъ бытія его. И можно ли не быть увѣреннымъ въ сей истинѣ, будучи христіаниномъ? Что значитъ вся совокупность христіанскихъ истинъ, какъ не единое и вмѣстѣ многообразное доказательство безсмертія, доказательство столь же твердое, сколь твердо основаніе христіанства? Сынъ Божій раждается

въ яслѣхъ, во всю жизнь не имѣетъ гдѣ подклонить главу; почему?—потому, что царство Его нѣсть отъ міра сего. Сіе предполагаетъ безсмертіе. Христіане не должны страшиться безсмертія тирановъ, которые повергаютъ ихъ въ темницы, предаютъ мученіямъ, самой смерти: почему?— потому, что они убиваютъ токмо тѣло, и лишшее что не могутъ сотворити (Лук. 12, 4). Сіе предполагаетъ безсмертіе. Христіанинъ несчастенъ, когда съ ущербомъ совѣсти пріобрѣтаетъ власть надъ цѣлымъ міромъ: почему? потому, что никая же польза человѣку. аще пріобрящетъ міръ весь, душу же свою отщетитъ (Марк. 8, 36). Сіе предполагаетъ безсмертіе. Христіане не суть окаяннѣйшіе изъ всѣхъ человѣковъ: почему? потому, что они уповаютъ на Христа не въ семъ токмо животѣ. Такъ, всѣ истины христіанства или вытекаютъ изъ истины безсмертія, или втекаютъ въ сію истину.

И какою же крѣпкою печатію запечатлѣна истина ученія христіанскаго о безсмертіи! О Іисусе, любовь вѣчная! чего не сдѣлалъ Ты, дабы избавить тѣхъ, елицы страхомъ смерти чрезъ все житіе повинни бѣша работѣ (Евр. 2, 15)! Зная, что ученіе, не соединенное съ примѣромъ, мало трогаетъ грубыя сердца человѣческія, Начальникъ вѣры нашея Самъ— углубись въ сію мысль, христіанинъ! — Самъ благоволилъ войти во гробъ, дабы изнести изъ него увѣреніе въ безсмертіи. Можно ли не повѣрить свидѣтельству воскресшаго человѣка? Сколь же убѣдительно должно быть свидѣтельство о безсмертіи воскресшаго Іисуса! Я не имѣю нужды въ доказательствахъ разума, вѣщаетъ христіанинъ, проникнутый симъ убѣжденіемъ. Іисусъ сказалъ намъ, что мы безсмертны: сего довольно для моего успокоенія: Богъ Іисусовъ не можетъ быть Богомъ мертвыхъ.

Будучи свободенъ отъ страха уничтоженія, человѣкъ, оставленный самому себѣ, впадаетъ еще въ большій страхъ правосудія Божія, которому смерть предаетъ его. Страхъ сей столь естественъ человѣку грѣшнику, и столь силенъ въ немъ, что всѣ народы, не зная Бога Израилева, подобно Израилю приносили жертвы о живыхъ и мертвыхъ. Самая философія, не смотря на свою гордость, показывала человѣку необходимость очищенія, хотя не представляла къ сему дѣйствительныхъ средствъ.

Но для истиннаго христіанина страхъ божественнаго правосудія не существуетъ; смерть Іисуса Христа, подъятая для умилостивленія правды Божіей, человѣческими грѣхами раздраженной, уничтожаетъ страхъ сей. Въ самомъ дѣлѣ, для чего умеръ Богочеловѣкъ? Ужели для того токмо, — какъ суесловитъ разумъ еще несовершенно плѣненный въ послушаніе вѣры,—чтобы запечатлѣть кровію истину ученія Своего? Нѣтъ! цѣль Его смерти гораздо выше сей цѣли. Священное Писаніе яснымъ образомъ и въ безчисленныхъ мѣстахъ свидѣтельствуетъ, что Іисусъ Христосъ умеръ за грѣхи наши, что Онъ подъялъ мученія, дабы насъ избавить отъ мукъ вѣчныхъ. Притомъ, если бы смерть Іисуса была токмо печатію истины Его ученія, то какую бы силу имѣли ветхозавѣтныя жертвы, которыя прообразовали смерть Мессіи, и которыя были приносимы для очищенія отъ грѣховъ. Почему бы священные писатели спасеніе наше представляли возможнымъ токмо подъ условіемъ вѣры въ заслуги Іисуса? Если же спасеніе наше приписывается смерти Іисуса Христа потому, что ею запечатлѣна истина ученія Его, которое спасаетъ насъ, то почему бы не приписывалось спасеніе наше чудесамъ Іисуса, которыя также служатъ сильнымъ доказательствомъ Божественности Его ученія? Наконецъ, если бы Іисусъ захотѣлъ умереть для того токмо, дабы доказать, что Онъ—посланникъ Божій, то для сего можно бы найти легчайшее средство. Если бы Іисусъ явился на горѣ Сіонской, какъ нѣкогда являлся на Синайской, если не съ громами и молніями, такъ какъ сіе не приличествовало завѣту благодати, то съ сонмами Ангеловъ, которые и въ царствѣ благодати восходятъ надъ Сына Человѣческаго, то ожесточенные враги Его, можетъ быть, скорѣе бы повѣрили Его Божественному посольству, нежели когда Онъ умеръ за истину Своего ученія.

Взглянемъ еще, слушатели, на Іисуса въ саду Геѳсиманскомъ, готовящагося къ смерти, дабы совершенно увѣриться, что смерть Его есть жертва за грѣхи наши. Приближаясь къ смерти, Онъ долженъ былъ исполняться радостію. Ибо какъ Онъ отходилъ отъ міра сего? съ совершенною увѣренностію, что Онъ во всю Свою жизнь исполнялъ волю Отца Своего, и явилъ имя Его человѣкамъ; что смерть Его, подобно смерти зерна горушичнаго, принесетъ многъ плодъ

для всего рода человѣческаго; что Его ожидаетъ у Отца слава, которою Онъ наслаждался прежде сложенія міра; наконецъ, отходитъ съ совершенною увѣренностію, что Отецъ праведный не дастъ Преподобному Своему видѣти истлѣнія; все сіе не должно ли было произвести въ душѣ Іисуса радости при Его отшествіи изъ сего міра, тѣмъ паче, что Онъ возбуждалъ учениковъ Своихъ радоваться о томъ, что Онъ идетъ къ Отцу? И если ученики Его впослѣдствіи съ радостію текли на смерть, то можно ли подумать, чтобы Начальникъ и Совершитель вѣры ихъ скорбѣлъ, отходя на крестъ? Между тѣмъ, что видимъ мы въ Іисусѣ? Скорбь глубокую, капли кроваваго пота, слезные вопли, *да мимо идетъ чаша сія* (Матѳ. 26, 39). Отъ чего такое различіе между смертію учениковъ Іисусовыхъ и Самаго Іисуса? Отъ того, что тѣ находили смерть уже обезоруженною; тѣ шли къ судилищу милосердія, а Сей къ судилищу правосудія. Кратко, Іисусъ скорбѣлъ предъ смертію потому, что смерть Его была жертвою за грѣхи человѣческіе.

Іисусъ умеръ за грѣхи мои, вѣщаетъ любящая Его душа; посему я не страшусь болѣе стрѣлъ небеснаго правосудія. Пусть ангелъ-истребитель возноситъ на меня мстительную десницу; онъ не найдетъ во мнѣ ни одного мѣста, которое не было бы покрыто кровію Божественнаго Агнца. Пусть князь тьмы предстанетъ одесную меня, какъ нѣкогда онъ предсталъ одесную первосвященника Іисуса, и указываетъ на гнусныя ризы моей естественной нечистоты; я уже слышу утѣшительный гласъ Отца небеснаго: *отнимите ризы гнусныя отъ него* (Зах. 3, 4), и облеките его во одѣяніе бѣло.

Наконецъ, смерть можетъ казаться страшною для человѣка потому, что лишаетъ его наслажденія благами настоящей жизни. Въ самомъ дѣлѣ, сколь ни не совершенны сіи блага, тѣмъ не менѣе весьма прискорбно разлучаться съ ними тому, кто не увѣренъ, что за гробомъ онъ будетъ наслаждаться, если не лучшими, то по крайней мѣрѣ подобными благами.

Но для истиннаго христіанина и сей страхъ не существуетъ, онъ совершенно увѣренъ, что, теряя чрезъ смерть блага земныя, онъ получаетъ блага небесныя, несравненно высшія. Смерть Іисуса Христа, будучи жертвою за грѣхи, вмѣстѣ служитъ печатію того блаженнаго завѣта, коимъ

Сей Ходатай Бога и человѣковъ утвердилъ пріобрѣтенное Имъ сокровище любви Божіей за вѣрующими во имя Его. Какія же сіи сокровища? Ахъ! они столь много превышаютъ всѣ блага земныя, что самые священные писатели, которые вѣщали Духомъ Божіимъ, не могли иначе выражать ихъ, какъ токмо чертами сравнительными и даже отрицательными. Такъ жилище небожителей они представляютъ въ видѣ града, коего *основаніе украшено всякимъ каменіемъ драгимъ* (Апок. 21, 19), *коего двенадесять вратъ* (тамъ же, ст. 21) *суть двенадесять бисеровъ, коего стогны злато чисто, яко стекло пресвѣтло* (тамъ же, ст. 22), въ коемъ нѣтъ *уже храма,* поелику *Самъ Господь Богъ Вседержитель храмъ ему есть и Агнецъ,* который не требуетъ *солнца и луны, да свѣтятъ въ немъ, слава бо Божія просвѣти его и свѣтильникъ его Агнецъ* (Апок. 21, 23). Вообще же за признаніе священныхъ писателей можно почитать свидѣтельство одного изъ нихъ, который говоритъ, что *яже око не видѣ, ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша* (1 Кор. 2, 9), *сія уготова Богъ любящимъ Его.*

И мы, имѣя обѣтованіе толикихъ благъ въ мірѣ грядущемъ, еще не хотимъ разстаться съ міромъ настоящимъ, который весь во злѣ лежитъ: и Ангелъ смерти еще долженъ, такъ сказать, насильно восхищать насъ изъ среды суетъ, дабы преставить въ обитель вѣчнаго покоя! О, суетныя блага міра! доколѣ вы будете приводить у насъ въ забвеніе небесное наше отечество? О, сокрушенные кладенцы мірскихъ удовольствій! доколѣ мы будемъ возлежать надъ вами, не помышляя объ источникѣ воды живыя? Душа безсмертная, душа омытая кровію Сына Божія, душа—наслѣдница вѣчныхъ благъ! воспріими полетъ, достойный тебя, вознесись надъ страхомъ смерти, пари къ источнику бытія твоего.

Но тщетно, слушатели, будемъ возбуждать духъ къ презрѣнію смерти, если въ насъ нѣтъ сѣмени живота вѣчнаго. Смерть не страшна для истиннаго христіанина, а для ложнаго, каковы всѣ устные христіане, она страшнѣе, нежели для язычника. Посему будемъ стараться о томъ, чтобы содѣлаться истинными христіанами; будемъ умерщвлять земные уды наши, влекущіе насъ долу; будемъ водворять въ себѣ смерть Христову, которая есть единственное сѣмя живота

вѣчнаго. Паче же всего будемъ любить Іисуса; любовь къ Нему содѣлаетъ въ насъ все, что нужно для побѣжденія страха смертнаго. Теперь мы имѣемъ много утѣшителей, собесѣдниковъ, друзей, но въ часъ смерти одинъ будетъ утѣшитель, собесѣдникъ и другъ—Іисусъ.

Мы не дерзнемъ вопрошать тебя, почивающій сномъ смертнымъ; но мы увѣрены, что если бы языкъ твой, связанный смертію, разрѣшился, то ты собственнымъ опытомъ подтвердилъ бы, что Іисусъ есть единственное утѣшеніе для умирающихъ, подобно какъ Онъ есть единственная надежда для живущихъ. Ибо мы увѣрены, что тебя, проходящаго сѣнь смертную, утѣшало и ободряло ничто другое, какъ Тѣло и Кровь Богочеловѣка, коими святая Церковь напутствовала тебя предъ отшествіемъ изъ сего міра; посему ты не удивишься, если мы, воздавъ тебѣ послѣдній на землѣ долгъ, всѣ благожеланія свои сливаемъ во единое молитвенное желаніе, чтобы Іисусъ былъ твоимъ прибѣжищемъ въ вѣчности. Покойся, любезный братъ нашъ, въ обителяхъ Отца небеснаго, уготованныхъ для насъ Іисусомъ; рано или поздно и мы пріидемъ къ тебѣ и соединимся съ тобою въ училищѣ небесной премудрости. Аминь.

Рѣчь при погребеніи студента академіи.

Въ чесомъ исправитъ юнѣйшій путь свой (Псал. 118, 9)? вопрошалъ нѣкогда Давидъ. Не знаемъ, что заставило царя Израилева спрашивать такимъ образомъ. Но, среди сонма юныхъ, окружающихъ гробъ юнѣйшаго, не можемъ не предложить себѣ того же вопроса. Давно извѣстно, что юность—не оборона отъ преткновеній на пути жизни; еще тверже знаемъ, что юность—не защита отъ смерти. *Въ чесомъ же,* послѣ сего, *исправитъ юнѣйшій путь свой,* когда сей путь столько же требуетъ исправленія, какъ и пути другихъ возрастовъ, и, подобно имъ, можетъ пресѣкаться внезапно смертію? Есть ли способъ содѣлать юность зрѣлою для вѣчности? Есть ли средство умирать не рано, умирая въ цвѣтѣ лѣтъ? *Въ чесомъ же исправитъ юнѣйшій путь свой?*

Всегда сохранити заповѣди Твоя, отвѣчаетъ царь Израилевъ. Такъ! храненіе заповѣдей, непорочность совѣсти, чи-

стота души, сердца и жизни суть такія качества, съ коими никогда не рано вступить во врата вѣчности. Добродѣтельный, когда бы ни умиралъ, никогда не умираетъ безвременно; равно какъ порочный никогда не умираетъ благовременно, хотя бы жилъ на землѣ тысячи лѣтъ. Но гдѣ взять истинную и совершенную добродѣтель на землѣ — между человѣками? *Кто похвалится чисто сердце имѣти, хотя бы единъ день былъ житія его на земли* (Іов. 14, 3)? Увы, всѣ мы приходимъ въ міръ сей съ несчастною наклонностію къ злу, съ тайнымъ отвращеніемъ отъ закона и долга, съ преобладаніемъ чувственности надъ духомъ, съ нѣкою печатію отверженія! И юности ли пылкой, неопытной, поползновенной, хвалиться совершеннымъ обузданіемъ зла, живущаго въ природѣ нашей?

Въ чесомъ же исправитъ юнѣйшій путь свой, когда сей путь повреждается прежде, нежели вступаютъ на него, и не можетъ оставаться цѣлымъ, какъ-бы осторожно ни шли по немъ? — Боговдохновенный пѣвецъ псалмовъ не даетъ отвѣта на сей новый вопросъ, хотя и предчувствовалъ его, когда въ восторгѣ примиреннаго съ Богомъ и закономъ сердца восклицалъ: *блажени, ихъ же оставишася беззаконія, ихъ же прикрышася грѣси; блаженъ мужъ, емуже не вмѣнитъ Господь грѣха* (Псал. 31, 1; слич. Рим. 4, 6)! Намъ, чадамъ завѣта новаго и совершеннѣйшаго, намъ дано во всемъ свѣтѣ видѣть тайну блаженства сего, и во всей силѣ наслаждаться имъ. Крестъ, всеизглаждающій и вознаграждающій крестъ— вотъ средство для всѣхъ, и юныхъ и старыхъ и самыхъ младенцевъ, къ исправленію путей своихъ! Вѣра въ заслуги Искупителя, соединенная съ живою любовію къ Нему и Его заповѣдямъ, вотъ единственное напутіе. съ коимъ никогда не страшна сѣнь смертная! Кто переходитъ въ вѣчность со крестомъ въ рукахъ и сердцѣ, тотъ переходитъ всегда благовременно, ибо такой имѣетъ въ себѣ залогъ и *сѣмя* (1 Іоан. 5, 12) *жизни* вѣчной. Продолженіе земнаго бытія не много можетъ придать такой душѣ, — скорѣе, въ нѣкоторыхъ можетъ препятствовать развитію божественнаго сѣмени. Стократъ достойнѣе сожалѣнія тотъ, кто, долго странствуя на землѣ, не успѣлъ пріобрѣсти сего единаго негибнущаго сокровища—вѣры въ Искупителя. Что значитъ долговременная жизнь таковаго? — потеря времени, трудъ

погубленный, суета суетъ. А смерть? — начало вѣчнаго несчастія.

Знаю, что вамъ, какъ питомцамъ благочестія, измлада извѣстны сіи важныя истины. Но отречетесь ли приложить вниманіе къ нимъ, когда онѣ обращаются къ вамъ отъ лица, лежащаго въ семъ гробѣ, собрата нашего? Ему не суждено достигнуть общаго съ вами предназначенія — быть наставникомъ для другихъ словомъ и жизнію; зато предоставлено право преподать вамъ, сверстникамъ своимъ, незабвенный урокъ своею смертію. Урокъ сей единственъ для него, единственъ долженъ быть и для васъ!—Никто изъ васъ, надѣюсь, не забудетъ смерти его; не забудьте же и урока, ею преподаннаго, того урока, что юность и крѣпость силъ человѣческихъ ничто предъ смертію, что упованіе непостыдное для юнаго и престарѣлаго, въ жизни и смерти, — одно — крестъ Господа Іисуса!

Памятуя сіе, старайтесь паче всего быть теперь прилежнѣйшими учениками креста, дабы со временемъ сдѣлаться и благоуспѣшнѣйшими проповѣдниками сего же креста. Пусть другіе поставляютъ свою мудрость во множествѣ стихійныхъ познаній; ваша мудрость должна быть—въ разумѣніи креста! — Пусть другіе ищутъ счастія жизни въ наслажденіяхъ житейскихъ: отраду вашего духа, жизнь вашего сердца долженъ составлять — крестъ! Тяжело иногда будетъ держать среди разныхъ треволненій жизни это священное знамя спасенія; зато оно поддержитъ васъ самихъ тогда, когда все оставитъ васъ; съ нимъ спокойно вступите во врата смерти, съ непостыдною надеждою явитесь къ Судіи живыхъ и мертвыхъ.

Что изречь тебѣ, отходящій отъ насъ питомецъ креста? Привѣтствуемъ тебя съ раннимъ окончаніемъ великаго подвига жизни. Продолжительная и тяжкая болѣзнь твоя ручается для насъ, что подвигъ сей оконченъ не безуспѣшно, что крестъ, который держишь ты теперь въ недвижной рукѣ своей, недвижимо утвержденъ и въ сердцѣ твоемъ. Продолжай и оканчивай тамъ, что̀ началъ здѣсь!—Господь и благодать Его съ тобою! — Аминь.

Слово по заупокойной литургіи,

сказанное въ селѣ Тернахъ, лебединскаго уѣзда, въ домовой церкви князя Щербатова, 17 августа 1845 года.

Упокой, Господи, души усопшихъ рабъ Твоихъ!

Что бы значило, что мы усопшимъ братіямъ нашимъ ничего не желаемъ и ничего не просимъ въ нашихъ молитвахъ о нихъ, кромѣ успокоенія? Очевидно, такимъ прошеніемъ предполагается въ нихъ недостатокъ покоя. Но откуда сей недостатокъ? У насъ можетъ недоставать покоя отъ болѣзни и недуговъ тѣлесныхъ: тамъ нѣтъ тѣла, нѣтъ и болѣзней тѣлесныхъ. У насъ тревожатся отъ бѣдности и недостатковъ въ жизненныхъ потребностяхъ: тамъ нѣтъ этой бѣдности, не нужна ни пища, ни одежда. У насъ безпокоятся и страдаютъ отъ притѣсненій и неправдъ: тамъ нѣтъ мѣста насилію; каждому воздается должное. Отъ чего же не достаетъ покоя усопшимъ братіямъ нашимъ?

Первая причина сего возникаетъ долу, изъ нашего міра, ими оставленнаго. Не напрасно сказано, братіе мои, въ Евангеліи, что *идѣже сокровище ваше, ту будетъ и сердце ваше* (Матѳ. 6, 21). Это сокровище можетъ состоять не въ однихъ богатствахъ и драгоцѣнностяхъ, а во всемъ, къ чему сильно привязано сердце наше, хотя бы это было самое малое и ничтожное. Теперь представьте, что человѣкъ окончилъ жизнь и отошелъ отъ сего міра. Если его сокровище, то есть, къ чему привязано его сердце, было на небеси, состояло въ благахъ духовныхъ и вѣчныхъ, то онъ тотчасъ начинаетъ пользоваться имъ и потому совершенно спокоенъ: ибо достигъ того, чего желалъ, имѣетъ то, что̀ любитъ. Но вообразите, что небо для него было чуждо, что это сокровище все осталось на землѣ, что онъ видитъ и чувствуетъ, что лишился его навсегда. Не явно ли, что отъ сего должны произойти скорбь и томленіе въ бѣдной душѣ? Что она будетъ мучиться и страдать дотолѣ, пока не освободится отъ привязанности къ тому, что̀ оставила на землѣ? А скоро ли можетъ быть сіе? и въ состояніи ли бѣдная душа сдѣлать сіе сама? Для сего необходима совершенная перемѣна во всѣхъ ея мысляхъ и чувствахъ, надобно, чтобы она перестала любить, почла худымъ и недостойнымъ

себя то, въ чемъ дотолѣ полагала все свое блаженство, и начала находить удовольствіе въ томъ, что̀ прежде нисколько не занимало ее, было ей даже противно. Все это, по самому свойству души нашей, не можетъ произойти въ человѣкѣ безъ великаго насилія своимъ наклонностямъ, безъ крѣпкой борьбы съ своимъ сердцемъ и, слѣдовательно, не безъ сильныхъ страданій.

Отъ сего-то томленія внутренняго просимъ мы успокоенія отшедшимъ отъ насъ отцамъ и братіямъ нашимъ. Упокой, Господи, говоримъ мы, души ихъ! Приведи у нихъ въ забвеніе всю суету земную, отрѣши сердце ихъ отъ пристрастія къ тлѣнному, ими оставленному, да научатся находить пищу и радость не въ обладаніи благами скоропреходящими, а въ исполненіи святой воли Твоей, да поревнуютъ примѣру чистыхъ духовъ, окружающихъ престолъ Твой, и начавъ жить ихъ жизнію, да обрѣтутъ такимъ образомъ покой мятущимся мыслямъ и чувствамъ своимъ!

Вторая причина, отъемлющая покой у прешедшихъ отсюда братій нашихъ, можетъ сокрываться въ нихъ самихъ, въ ихъ совѣсти, обличающей дѣянія неправыя и угрожающей судомъ страшнымъ.

И въ продолженіе жизни согрѣшающій терпитъ угрызенія совѣсти, но сіи угрызенія бываютъ слабы потому, что совѣсть дѣйствуетъ не всегда сильно. Притомъ, человѣкъ находитъ здѣсь разные способы заглушать свою совѣсть. Не то по смерти. Тамъ нечѣмъ заглушить совѣсти. Тамъ душа, можно сказать, вся состоитъ изъ совѣсти; посему угрызенія ея за грѣхи не великіе токмо, но и малые, неотразимы и тяжки.

Но поелику трудно найти человѣка, который бы не уносилъ съ собою за гробъ грѣховъ своихъ, то нѣтъ человѣка, исключая праведниковъ совершенныхъ, который бы не страдалъ по смерти отъ упрековъ своей совѣсти.

Имѣя въ виду таковое состояніе усопшихъ братій нашихъ, святая Церковь, по любви къ нимъ, заставляетъ насъ обращаться съ молитвою о нихъ ко Владыкѣ живыхъ и мертвыхъ. Упокой, Господи, души усопшихъ рабъ Твоихъ, взываемъ мы: коснись, то есть, благодатію Твоею ихъ совѣсти и умири ее! Излей на внутреннія язвы сердца ихъ елей милосердія Твоего! да угаснетъ внутренній пламень,

да потребится терзающій душу червь! Ожидая съ трепетомъ будущаго суда Твоего, да зрятъ они въ то же время очами вѣры въ лицѣ Судіи и своего Ходатая и да успокоиваются упованіемъ на всепокрывающія заслуги Его!

Наконецъ, души усопшихъ братій нашихъ, находясь въ области духовъ, могутъ терпѣть нападенія отъ мытарствъ князя тьмы. Ибо вѣрно слово Писанія: *имже кто побѣждается, сему и работенъ есть.* Посему кто, живя на землѣ, попускалъ побѣждать себя духамъ злобы пороками и страстями, тотъ симъ самымъ подпалъ злополучной возможности подлежать ихъ темному вліянію. Хотя мы не можемъ опредѣлить, въ чемъ состоитъ оно и какъ приражается область тьмы къ душамъ по смерти: но нельзя и представить сего прираженія безъ того, чтобы въ то же время не вообразить себѣ жалкаго положенія души, находящейся подъ дѣйствіемъ духа злобы поднебесной.

И вотъ новое понужденіе къ молитвѣ объ усопшихъ братіяхъ нашихъ. Упокой, Господи, души ихъ, говоримъ мы; то есть, простри надъ ними завѣсу Твоего всемогущаго заступленія! да не дерзаютъ приближаться къ нимъ духи злобы и лукавства! да напутствуетъ ихъ Ангелъ свѣта, мира и радости! да улучатъ они себѣ пребываніе въ тѣхъ обителяхъ, о коихъ возвѣстилъ намъ возлюбленный Сынъ Твой, и кои уготованы для вѣрующихъ во имя Твое!

Какъ ни слабо сіе нѣмотствованіе наше предъ вами о тайнѣ бытія вашего за гробомъ, но и изъ него можете видѣть, братіе мои, сколь глубокъ смыслъ краткой молитвы, столь часто повторяемой при поминовеніи усопшихъ, и какъ потому нужно отъ всего сердца, а не одними устами произносить ее. Велика сила молитвы, когда она растворена живою вѣрою въ Спасителя нашего и живою любовію къ усопшимъ братіямъ нашимъ: она проходитъ небеса, достигаетъ престола Всевышняго и низводитъ на нихъ покой и радость.

Итакъ, будемъ неослабно молиться объ усопшихъ и призывать на нихъ покой отъ Господа. А между тѣмъ, молясь о нихъ, не будемъ забывать при семъ и собственнаго жребія, насъ ожидающаго. Ибо что теперь съ ними, то будетъ и со всѣми нами. Имъ нельзя уже возвратиться къ намъ, для возвращенія покоя душѣ своей! А намъ ничто не препят-

ствуетъ принимать всѣ мѣры къ нашему будущему успокоенію по смерти.

Для сего—первое—поспѣшимъ освободить себя, сколько можно болѣе, отъ всѣхъ узъ и пристрастій земныхъ, дабы по смерти ничто не влекло нашу душу и сердце долу — да не возлюбимъ, какъ учитъ Евангеліе, ничего паче Бога: тогда по смерти мы будемъ свободны и довольны своею участію.

Во-вторыхъ—поспѣшимъ омыть неправды наши слезами истиннаго покаянія и облечься вѣрою въ заслуги Христовы. Такимъ образомъ мы примиримся съ Богомъ и своею совѣстію; а, примиренные, не будемъ по смерти имѣть причины возмущаться отъ представленія нашихъ грѣховъ, яко уже изглажденныхъ крестомъ Христовымъ.

Въ-третьихъ—будемъ хранить себя, благодатію Божіею, отъ всякихъ навѣтовъ духа тьмы. Ибо, кто *блюдетъ себя,* говоритъ святый Іоаннъ, *къ тому лукавый не прикасается* (1 Іоан. 5, 18). Не получивъ чрезъ грѣхъ и страсти наши права надъ нами здѣсь, онъ не дерзнетъ посему приблизиться къ намъ и тамъ.

Кратко — пріучимъ себя на землѣ жить по небесному: и небо, куда пойдемъ мы, пріиметъ насъ какъ своихъ; мы вступимъ въ стихію уже себѣ сродную, въ коей потому срѣтитъ насъ не болѣзнь и воздыханіе, а покой и радость, кои да будетъ дано улучить всѣмъ намъ благодатію Господа нашего Іисуса Христа, Ему же слава во вѣки! Аминь.

Слово надгробное.

Что сіе, еже о насъ бысть таинство? Како предахомся тлѣнію? Како сопрягохомся смерти? Воистину Бога повелѣніемъ, якоже писано есть, подающаго преставльшимся успокоеніе.

Такъ при каждомъ гробѣ вопрошаетъ святая Церковь. Всѣ тайны божественнаго міроправленія ясны для нея; одинъ гробъ постоянно тревожитъ ея матернее сердце. Тутъ она всякій разъ какъ бы отрекается отъ своихъ высокихъ правъ невѣсты Христовой, смиренно нисходитъ въ кругъ болѣзнующихъ скорбію чадъ своихъ и вмѣстѣ съ ними

жалостно вопрошаетъ: что это за страшное совершается надъ нами таинство? Какъ мы, созданные по образу Бога безсмертнаго, подверглись смерти и тлѣнію? Какъ намъ, видимо превознесеннымъ надъ всѣмъ міромъ, суждено обращаться въ персть подобно безсловеснымъ?

Смерть человѣка — подлинно великое таинство! Не тайна ли—вчера человѣкъ, существо разумное, чувствующее, обтекающее мыслію небо и землю, дышащее безсмертіемъ и вѣчностію, способное идти сто разъ на самую смерть; а нынѣ—трупъ хладный, недвижимый, гніющій и приводящій въ ужасъ все живущее! И — опять не тайна ли, что это ужасное тлѣніе служитъ для насъ банею пакибытія, что въ семъ жалкомъ бреніи таится ростокъ жизни вѣчной, что подъ симъ распадающимся, отвратительнымъ рубищемъ сокрываются драгоцѣнныя ризы брачныя! — Кто въ состояніи изъяснить сіи противоположности?—Тщетно бѣдный разумъ человѣческій въ продолженіе цѣлыхъ тысячелѣтій усиливался разогнать мракъ гроба, проникнуть въ тайну смерти: печать доселѣ цѣла, покровъ непроницаемъ! И къ чему же наконецъ обратился несчастный? Къ тому, что смерть яко бы совершенно естественна человѣку, что иначе никогда не было и быть не можетъ. Почему такъ? Потому, говоритъ земное мудрованіе, что все, сложенное изъ частей, должно, рано или поздно, разрушиться и умереть. Жалкое мудрованіе! А не ты ли, лжеименный разумъ, въ то же время утверждаешь, что міръ вѣченъ и будетъ существовать всегда? Развѣ же онъ не сложенъ изъ частей? И гдѣ больше сихъ частей, въ мірѣ или тѣлѣ человѣческомъ? Если же сложность не препятствуетъ большему міру быть, по твоему сужденію, неразрушимымъ и безсмертнымъ: то почему бы, вслѣдствіе сей же самой сложности, долженъ неминуемо подлежать смерти и разрушенію малый міръ, то есть человѣкъ? Не сложность частей производитъ смерть (она только условіе тѣлесной жизни), а безпорядокъ сихъ частей, вражда и борьба силъ, отсутствіе мира и единства. Но кто можетъ сказать, и если бы сказалъ, чѣмъ доказать, что сего единства, сего согласія не было и быть не можетъ? Не къ тому ли стремится самая послѣдняя борьба силъ тѣлесныхъ въ человѣкѣ, чтобы возвратить его? Что самая смерть, какъ не порывъ къ безсмертію?

Какъ просто и вмѣстѣ глубоко, превыше разума, и вмѣстѣ удовлетворительно для самаго строгаго разума, разрѣшаетъ тайну смерти слово Божіе! — Мы созданы были для безсмертія и снабжены къ тому всѣми средствами; но не устояли въ своемъ предназначеніи, вкусили отъ плода запрещеннаго, отравили себя ядомъ грѣха и вслѣдствіе сего подверглись смерти. Что̀ простѣе и удовлетворительнѣе сего отвѣта?—Не повторяется ли и нынѣ, въ маломъ видѣ, сей несчастный опытъ, когда человѣкъ вкушаетъ что-либо вредоносное и умираетъ? Не приводитъ ли иногда и нынѣ грѣхъ за собою смерти видимо, напримѣръ въ сильномъ гнѣвѣ, даже въ сильномъ смѣхѣ?... Зачѣмъ же недоумѣвать и спорить, когда смерть сказываетъ такимъ образомъ о своемъ происхожденіи сама собою?

Но святая вѣра не только изъясняетъ намъ начало смерти, но указуетъ и на конецъ ея, о чемъ разумъ самъ по себѣ не смѣетъ и помыслить. По ея ученію, мы предаемся смерти не яко овцы заколенія, въ добычу всегдашнюю, невозвратимую, но какъ узникъ стражу, на заключеніе временное. Настанетъ часъ, какъ учитъ святая вѣра, когда *вси, сущіи во гробѣхъ, услышатъ гласъ Сына Божія, и услышавше оживутъ; и изыдутъ сотворшіи благая въ воскрешеніе живота, а сотворшіи злая въ воскрешеніе суда.* Желаемъ знать, откуда сія новая отрадная тайна? Какъ среди тлѣнія и смерти возсіяло нетлѣніе и жизнь? Вѣра вполнѣ отвѣтствуетъ и на сіи вопросы. Мы воскреснемъ потому, говоритъ она, что держава смерти разрушена. — Кѣмъ? Сыномъ Божіимъ, нашимъ Спасителемъ. Какъ и чрезъ что? Чрезъ то, что Онъ, облеченный нашею плотію, будучи источникомъ жизни, благоволилъ подвергнуться смерти, сойти во гробъ и тамъ, отъ полноты Божества Своего, возсіять жизнь и воскресеніе. Что̀ можетъ быть для здраваго смысла удовлетворительнѣе сего изъясненія? Не случается ли видѣть, какъ сильное врачевство прогоняетъ и уничтожаетъ самую лютую болѣзнь? Какъ неразрушимыя вещества, соединившись съ тлѣнными, спасаютъ ихъ отъ тлѣнія на многіе вѣка? Что же удивительнаго, если вочеловѣченіе Сына Божія измѣнило природу человѣческую на лучшее? Если океанъ жизни, излившись чрезъ смерть Богочеловѣка въ область смерти, наполнилъ собою всѣ входы и исходы ея, и во всѣ гробы внесъ начало

воскресенія? Какова причина, таково и дѣйствіе: Искупитель нашъ есть Богъ всемогущій; послѣ сего могла ли быть сомнительною побѣда надъ смертію?

Итакъ, если бы кто спросилъ тебя нынѣ, христіанинъ: *како предахомся тлѣнію? како сопрягохомся смерти?* Ты твердо вмѣстѣ съ Церковію можешь отвѣчать: *Бога повелѣніемъ,* Бога правосуднаго, Который не можетъ не карать нарушенія вѣчныхъ законовъ правды Своей, не могъ посему не предать человѣка грѣшника слѣдствіямъ его же собственнаго грѣха, коего *оброцы смерть.* Равнымъ образомъ, если бы кто вопросилъ тебя, христіанинъ: какъ мы воскреснемъ? Чьею силою возстанемъ изъ гробовъ своихъ? Ты твердо, вмѣстѣ съ словомъ Божіимъ, можешь отвѣчать: *Бога повелѣніемъ,* Бога милосердаго, Который для воскресенія нашего послалъ единороднаго Сына Своего, за насъ умершаго и для насъ воскресшаго. Да, братіе, христіанинъ можетъ отвѣчать на сіи вопросы, къ коимъ разумъ со всею земною мудростію своею и подойти не смѣетъ. И сію-то вѣру, всепросвѣщающую, разсѣвающую мракъ самаго гроба, дерзаютъ иногда называть темною!

Ахъ, если бы мы были безпристрастны и судили какъ должно, то по сему самому уже познавали бы происхожденіе вѣры нашей свыше. Тогда какъ мудрость земная ограничиваетъ всѣ наставленія, самыя обѣщанія свои тѣмъ, что она просвѣтитъ разумъ нашъ, образуетъ волю, укажетъ, что̀ намъ дѣлать и какъ достигать счастія на землѣ, — святая вѣра, кромѣ всѣхъ сихъ благъ, доставляемыхъ ею въ самомъ лучшемъ и чистѣйшемъ видѣ, беретъ человѣка за руку, изводитъ его на кладбище и говоритъ: смотри — ты смертенъ и потому ужасно несчастенъ; жаждешь безсмертія и не можешь видѣть ничего далѣе гроба; я разсѣю этотъ жалкій мракъ, объясню тебѣ сію тайну; вотъ какъ ты подвергся тлѣнію, вотъ какъ ты можешь опять стяжать жизнь вѣчную! — Кто могъ на землѣ вѣщать такимъ языкомъ? принять на себя разрѣшеніе такой задачи? сразиться съ смертію, обнажить ея слабость и указать въ самомъ гробѣ начало жизни вѣчной?

Познаемъ же превосходство святой вѣры нашей и научимся быть благодарными за тайну безсмертія, ею намъ открываемую.

Въ чемъ должна состоять сія благодарность? Въ томъ,

во-первыхъ, чтобы мы не скорбѣли безотрадно о умершихъ, подобно людямъ, не имущимъ упованія: ибо такая скорбь показала бы, что мы не вѣримъ сердцемъ тому, что̀ исповѣдуется нашими устами. — Въ томъ, во-вторыхъ, чтобы мы со всею точностію и усердіемъ выполняли тѣ святыя условія, подъ коими слово Божіе обѣщаетъ намъ жизнь вѣчную и блаженную.—Условія сіи суть: живая вѣра въ Побѣдителя смерти и ада, Искупителя нашего, Господа Іисуса Христа, и сообразованіе нашей жизни съ Его заповѣдями. Кто исполненъ сею вѣрою, кто живетъ такою жизнію: тотъ превыше всѣхъ сомнѣній, тотъ имѣетъ уже въ самомъ себѣ начало вѣчной жизни и еще здѣсь, на землѣ, пріобщается силы вѣка грядущаго. Аминь.

Слово при погребеніи юной супруги, оставившей послѣ себя однолѣтняго сына.

Господь даде, Господь отъятъ: якоже Господу изволися, тако бысть Буди имя Господне благословенно во вѣки (Іов. 1, 2).

Чувствую, какой жертвы требую отъ тѣхъ, къ кому обращаю слова сіи; но въ нихъ содержится врачевство, хотя и горькое; они служили облегченіемъ въ скорби для Іова; а чьи страданія могутъ равняться съ страданіями сего праведника?— Чего не лишился онъ? — и всего имѣнія, и всѣхъ дѣтей, и всего здравія: остался на гноищѣ; но и на гноищѣ не переставалъ благословлять имя Господне!

Не мала и твоя потеря, сѣтующій супругъ; но мужайся и крѣпись по примѣру Іова! — Преданность волѣ Божіей да будетъ и для тебя щитомъ противъ всякаго ропота и всѣхъ сомнѣній!—Не Онъ ли, премудрый и всеблагій, даровалъ то, что̀ составляло отраду жизни? Возблагодаримъ за данное. Не Онъ ли, премудрый и всеблагій, паки взялъ къ себѣ то, чего лишаемся?—Ему ли не отдать? съ Нимъ ли вступать въ споры и разсчетъ? О, да удалится, да исчезнетъ отъ сего гроба всякая ропотная мысль! *Буди, буди имя Господне благословенно* и отнынѣ, какъ было благословляемо донынѣ!

Мы не призывали смерти! Мы употребили всѣ средства

къ продолженію преждевременно угасавшей жизни; сама природа истощила всѣ силы и усилія въ борьбѣ съ ангеломъ смерти. Если онъ побѣдилъ, то, безъ сомнѣнія, по волѣ Того, въ десницѣ Коего ключи жизни и смерти. *Яко Господу изволися, тако* и *бысть!*

Дерзнемъ ли вопросить: *почему изволися?*—Но, речетъ ли брене скудельнику: *почто мя сотворилъ еси тако* (Рим. 9, 20)? И если бы дерзнуло, что другое услышитъ, кромѣ того, что сказано было нѣкогда друзьямъ Іова?—Ахъ не напрасно самые Павлы говорили: *ничесоже въ себѣ свѣмъ, но ни о семъ оправдаюся* (1 Кор. 4, 4)! Скажетъ, скажетъ Онъ, безъ сомнѣнія, нѣкогда намъ причину всѣхъ нашихъ здѣшнихъ лишеній и скорбей;—*и оправдится въ словесѣхъ Своихъ* (Псал. 50, 6), и мы возблагоговѣемъ предъ судьбами премудрости и любви Его, и сами будемъ благодарить Его за то, отъ чего нынѣ скорбимъ и сокрушаемся.

Мало ли впрочемъ и теперь успокоенія представляетъ сокрушенному сердцу вѣра и упованіе христіанское?

Данное и *дано было на время*,—малое или великое, немного разности для вѣчности. Оно было велико, если оставило по себѣ память навсегда; если сопряженные союзомъ любви, во образъ великаго союза Христа съ Церковію (Еф. 5, 32), успѣли на дѣлѣ осуществить сколько-нибудь въ себѣ сіе святое единство; велико, если радости семейной жизни пробудили въ сердцѣ предчувствіе, произвели въ духѣ жажду радостей жизни небесной.—Но, какъ бы то ни было,—*данное дано было на время*. Можетъ быть, мы забывали это; упускали изъ виду, что мы здѣсь странники и пришельцы: но Тотъ, Кто послалъ насъ въ эту юдоль слезъ для очищенія, не могъ забыть цѣли нашего бытія и восхотѣлъ вывести и насъ изъ забвенія. Можетъ быть, среди пріятностей жизни, мы были въ опасности слишкомъ прилѣпиться къ земному, и вотъ, преставленіемъ цѣлой половины земнаго бытія нашего на небо хотятъ обратить насъ навсегда къ небесному. Теперь мысль по необходимости будетъ часто устремляться за предѣлъ всего видимаго: тамъ то, что мы называли своимъ! Теперь сердце само собою будетъ обращаться туда, гдѣ нѣтъ временнаго: тамъ то, что было нашимъ! Вспомнимъ о томъ, что было, и обратимся къ тому, что должно быть; вспомнимъ о лишеніи временныхъ радо-

стей, и помыслимъ о стяжаніи вѣчныхъ благъ. Гробъ сей, опущенный въ землю, по необходимости унесетъ съ собою много, много земнаго.—Будемъ ли жаловаться на сіе? Роптать, что намъ сильнѣе и громче, чѣмъ другимъ, напоминается о нашемъ предназначеніи?—что насъ внятнѣе и слышнѣе зовутъ домой, въ небесное отечество?—что у насъ взято въ залогъ непремѣннаго нашего прибытія туда то, что̀ было для насъ драгоцѣннѣйшаго въ жизни?

Но, какъ *данное дано было на время, такъ и взятое взято* также *на время,*—великое или малое, немного разности для вѣчности. Какъ бы, любезный собратъ, мы ни продолжали въ мысляхъ жизнь свою, но, по всей вѣроятности, давно уже растутъ тѣ древа, изъ коихъ будетъ сдѣланъ и нашъ гробъ. Пройдетъ нѣсколько лѣтъ разлуки; и разлученные паки соединятся въ свѣтлыхъ обителяхъ Отца небеснаго, соединятся съ тѣмъ, чтобы уже никогда не разлучаться паки. Долгъ взаимный: мы провождаемъ ихъ, а они срѣтятъ насъ! горько провождать, но какъ сладко быть срѣтаемымъ!—Одного должно желать, объ одномъ заботиться, чтобъ встрѣча сія была и для нихъ и для насъ не на укоризну, а на радость. Пусть они предваряютъ насъ въ небесномъ совершенствѣ: это ихъ награда за раннее оставленіе радостей здѣшней жизни! По крайней мѣрѣ не отстанемъ совершенно отъ нихъ въ стремленіи ко всему доброму и святому; тѣмъ паче блюдемся обратиться отъ нихъ въ противную сторону; это было бы для нихъ горче самой смерти: ибо мы токмо, земные, можемъ забывать ихъ, а они насъ никогда, никогда! Смертію оканчивается союзъ супруговъ тѣлесный; духовный, въ возвышеннѣйшемъ, чистѣйшемъ видѣ своемъ, можно сказать, только начинается смертію. Тутъ-то и должно показать, что насъ связывала не плоть токмо и кровь. Имъ легко продолжать союзъ съ нами; трудно ли и для насъ не разрывать его? Когда одна половина на небѣ, другая по тому самому уже не можетъ не быть нѣкоторымъ образомъ и сама небесною,—если токмо была половиною не по одному имени. Небожители сами помогутъ намъ, земнымъ, продолжать союзъ съ ними, коль скоро мы не будемъ уклоняться отъ него. Притомъ у всѣхъ насъ есть постоянное, вѣрное средство къ сообщенію съ тѣми, кои перешли отъ насъ на небо. Это—молитва. Среди

молитвы падаетъ средостѣніе, насъ раздѣляющее; мы возвышаемся духомъ до нихъ, а они нисходятъ до насъ.

Нуженъ ли для укрѣпленія вѣры и утѣшенія въ скорби видимый залогъ невидимаго союза? *Благость Божія не попущающая искуситися паче, нежели можемъ понести* (1 Кор. 10, 13), даровала его. Взявъ матерь, она оставила сына: живой образъ умершей супруги. Доселѣ онъ былъ залогомъ любви земной; да будетъ отселѣ—небесной! Духъ умершей, безъ сомнѣнія, будетъ привитать на семъ младенцѣ и охранять его своими молитвами: да сосредоточится въ немъ и любовь отца, и да срѣтается во взорахъ его съ духомъ матери и супруги!

Какъ явно и трогательно въ младенческой простотѣ своей онъ изображаетъ и наше видимое, и ихъ—незримое! Посмотрите: его руки равно простираются и къ умершей матери, и къ живому отцу! У него нѣтъ мертвыхъ, всѣ живы, какъ нѣтъ мертвыхъ, какъ *вси живы* (Лук. 20, 38) предъ лицемъ Отца небеснаго!

Такъ, братіе, было бы и для всѣхъ насъ, если бы мы были младенцами о Христѣ! И наши руки и наше слово простиралось бы къ мертвымъ, какъ къ живымъ:—какъ и простирались они у святыхъ Божіихъ человѣковъ, и, простираясь, заставляли мертвыхъ быть живыми. Смертію Іисуса Христа отнято у смерти все ужасное, вся сила и весь ядъ. Теперь остается одинъ призракъ смерти,—ужасный для тѣхъ, кои не имѣютъ въ себѣ духа Христова, не знаютъ силы имени Его, не умѣютъ владѣть крестомъ Его. Постараемся содѣлаться истинными христіанами,—и мы будемъ смотрѣть на гробы ближнихъ нашихъ, какъ смотрятъ путники на ладію, которая, не могши вмѣстить вдругъ всѣхъ, отплываетъ напередъ съ другими къ желанному для всѣхъ брегу. Аминь.

Слово надъ гробомъ шестнадцатилѣтней дѣвицы.

Не умре дѣвица, но спитъ (Матѳ. 9, 24). Такъ изрекъ Самъ Господь живыхъ и мертвыхъ у одра умершей отроковицы, въ утѣшеніе скорбящихъ родителей ея. Такъ о имени Его же, всемогущаго и всеблагаго, дерзаю изречь надъ симъ гробомъ и я въ утѣшеніе ваше, сѣтующіе сродники и знае-

мые: *не умре дѣвица, но спитъ!* Не умре: ибо той страшной смерти, которою Богъ угрожалъ нашему праотцу до паденія, и которая крушила бы всѣхъ насъ по паденіи, теперь, когда собственная держава смерти разрушена смертію Христовою, для вѣрующихъ нѣтъ и быть не можетъ. Не умре: ибо что̀ умерло совершенно, то̀ вовсе перестало жить, а почившая въ Бозѣ отроковица, умерши плотію, жива духомъ, и живетъ теперь такою жизнію, въ сравненіи съ коей наша земная жизнь, можетъ быть, есть не болѣе, какъ дреманіе. Не умре, но спитъ: ибо посмотрите сами, не всѣ ли тутъ признаки сна?—Не такъ ли и во снѣ закрываютъ глаза? Не такъ ли прерываютъ всякое сообщеніе съ міромъ внѣшнимъ? Не такъ ли безгласны, неподвижны, бездѣйственны?—Отъ сна возстаютъ?—А отъ сего сна развѣ не возстанутъ? *Грядетъ часъ, въ оньже вси, сущіи во гробѣхъ, услышатъ гласъ Сына Божія, и изыдутъ сотворшіи благая, въ воскрешеніе живота* (Іоан. 5, 28). Отъ сна возстаютъ бодрѣе и здоровѣе?—Отъ сна смертнаго возстанемъ еще лучше: *сѣется въ тлѣніе, востаетъ въ нетлѣніи; сѣется не въ честь, востаетъ въ славѣ; сѣется въ немощи, востаетъ въ силѣ; сѣется тѣло душевное, востаетъ тѣло духовное* (1 Кор. 15, 42—44).

«Но зачѣмъ этотъ глубокій, вѣковый сонъ въ могилѣ?»—Затѣмъ же отчасти, зачѣмъ и обыкновенный сонъ естественный. Въ большей части тяжкихъ и важныхъ болѣзней сонъ есть одно изъ главныхъ условій и первѣйшихъ вѣстниковъ выздоровленія, такъ что и врачи и не врачи говорятъ о недужномъ: *аще успе, спасенъ будетъ* (Іоан. 11, 12).—Подобное врачевство сна, разумѣется—въ сильнѣйшемъ пріемѣ, требовалось по паденіи и для насъ. Ринувшись во Едемѣ съ высоты богоподобія въ бездну познанія добра и зла, природа наша такъ сокрушилась, расчленилась во всемъ составѣ своемъ, что для нея необходимо глубокое и продолжительное усыпленіе, дабы въ продолженіе его смятенныя паденіемъ силы могли придти въ первобытное согласіе и вообразиться древнею добротою.

«По крайней мѣрѣ сну смертному не приходить бы среди такого ранняго и прекраснаго утра, каково было утро почившей отроковицы».—Но развѣ не врачуются утромъ? Развѣ можно назначить время и часъ сну врачебному? И если бы

это зависѣло отъ врача, въ искусствѣ коего всѣ были бы совершенно увѣрены, то не должно ли бы думать, что часъ, имъ избранный. есть самый лучшій, хотя бы то было и утромъ? Будемъ же благодушны: земные врачи могутъ ошибиться въ назначеніи часа для цѣлебнаго усыпленія; Врачъ небесный, въ десницѣ Коего мы и дыханіе наше, твердо знаетъ, что̀ когда дать и назначить больному.

«Но почившая не насладилась еще радостями жизни, кои ожидали ее въ такомъ обиліи».—Какъ не насладилась? Что есть въ сихъ радостяхъ чистѣйшаго и лучшаго, все то она видѣла и испытала. Отступитесь на время отъ превратнаго понятія о радостяхъ жизни, не считайте за счастіе то, отъ чего нерѣдко весь вѣкъ плачутъ: и вы сами тотчасъ увидите, что я не сказалъ ничего лишняго. Радость о Богѣ—Творцѣ и Промыслителѣ, о Сынѣ Божіемъ — Ходатаѣ и Искупителѣ, о Духѣ Святомъ—Утѣшителѣ и Просвѣтителѣ, не есть ли первая изъ человѣческихъ радостей?—Но къ кому ближе она, какъ не къ чистымъ сердцемъ, каковою была и усопшая отроковица? Подобнымъ образомъ, наслажденіе любовію родственною, пріязнію и расположеніемъ единокровныхъ, не есть ли одно изъ самыхъ чистыхъ и драгоцѣнныхъ наслажденій? Но кто изъ сверстницъ почившей видѣлъ болѣе знаковъ къ себѣ любви родственной? Не преслѣдовала ли она ее, особенно въ послѣдніе дни ея, едва не за предѣлы возможнаго?—Не она ли продолжила борьбу со смертію до послѣдней крайности?—А чувство чистой и мирной совѣсти, а сладкое сознаніе усовершенствованія всѣхъ дарованій своихъ, посредствомъ полнаго и прочнаго образованія, а увѣренность въ пріобрѣтеніи способности ко всему благому и истинно полезному, все это развѣ мало значитъ, и всѣмъ симъ развѣ не насладилась почившая?

«Сіе-то самое, подумаетъ сѣтующее сердце, особенно и смущаетъ насъ, что столько дарованій заключено теперь во гробѣ, что долгое и не безтрудное образованіе не успѣло принести плодовъ своихъ».—Что нужды? Не успѣло принести здѣсь, принесетъ тамъ. Суетное, жалкое было бы наше образованіе, если бы плоды его были годны только для земной жизни. Жизнь здѣшняя сама есть приготовительная школа для вѣчности. Тужатъ ли объ ученикѣ, если его за отличные успѣхи, переводятъ въ высшій классъ, минуя сред-

ній?—Такъ не должно тужить о тѣхъ, кои получивъ образованіе, вдругъ минуя школу жизни, переходятъ въ вѣчность. Тамъ раскроется все, къ чему здѣсь положено основаніе и расцвѣтетъ стократъ лучше, нежели какъ бы расцвѣло здѣсь, гдѣ развитію въ насъ всего благаго препятствуетъ и пыль заботъ чувственныхъ, и вѣтръ страстей, и червь печалей житейскихъ.

Чѣмъ болѣе смотрю на гробъ сей, тѣмъ менѣе нахожу у него мѣста воплямъ. Посмотрите на лице усопшей: не мирный ли это и тихій сонъ? Ужели же плачущимъ надобно быть безпокойнѣе той, о коей плачутъ? Живые, возьмите въ примѣръ умершую; пожалѣйте ея покоя и не будите ея воплями вашими. Хотите выразить любовь свою къ ней?—выражайте пламенными молитвами за нее, среди коихъ, пожалуй, когда только угодно, проливайте и слезы.—Выражайте благотвореніями въ память ея бѣдствующему человѣчеству, при чемъ также не только умѣстны, даже похвальны слезы. А здѣсь у сего гроба, предъ лицемъ Бога жизни, не скорбите, якоже не имущіи упованія; ибо истинно, отъ лица Его, дерзаю повторить вамъ: отроковица не умре, но спитъ! Аминь.

Слово при погребеніи ея сіятельства, двора Его Императорскаго Величества оберъ-гофмейстерины и кавалерственной Св. Великомученицы Екатерины дамы I-го класса, графини Александры Васильевны Браницкой,

произнесенное въ домовой ея церкви, что въ Александріи, 20 августа 1838 года.

Пріидите послѣднее цѣлованіе дадимъ, братіе, умершей... благодаряще Бога.

Какъ ни печально приглашеніе сіе, долгъ настоящаго служенія моего велитъ обратить его къ вамъ, сродники и друзья сѣтующіе. Всему чреда. Было время лобзаніямъ первымъ, наступилъ часъ и послѣднему. Препроводивъ духъ почившей къ Отцу духовъ, надобно наконецъ препроводить и тѣло ея въ матернія нѣдра земли. Таковъ предѣлъ бытія нашего! Кто положилъ его? Мы сами. *Богъ смерти не сотвори* (Прем. 1, 13): отъ Источника жизни могло ли истечь что-либо, кромѣ жизни? И мы вполнѣ наслаждались ею:

чего не доставало прародителямъ нашимъ, возвеличеннымъ образомъ Божіимъ?—Оставалось только, переходя отъ совершенства къ совершенству, идти горѣ къ своему Первообразу—Богу, для вѣчнаго блаженства въ Немъ. Но, прельщенные зміемъ, мы внезапно, съ высоты Богоподобія, ринулись долу—за плодами отъ древа смерти, и—дерзостно вкусили безсловѣсныя снѣди (Кан. Вел. ст. 3)! Послѣ сего что̀ оставалось правосудію небесному, какъ не предать насъ дѣламъ собственныхъ рукъ нашихъ?—И преданы! Съ тѣхъ поръ тлѣніе и смерть собираютъ оброки со всѣхъ сыновъ Адама, и будутъ собирать, доколѣ самое тлѣнное наше не облечется нетлѣніемъ, самое мертвенное наше не будетъ пожерто животомъ. Какъ однако же былъ милосердъ къ намъ Господь въ самомъ гнѣвѣ Своемъ на насъ! Отъ насъ взято назадъ безсмертіе тѣлесное, коимъ мы не умѣли воспользоваться и которое, оставленное за нами, падшими, довело бы насъ до неисцѣльнаго ожесточенія во грѣхѣ, а оставлено безсмертіе по душѣ и духу, посредствомъ коего, съ помощію благодати, мы опять можемъ достигнуть первобытнаго совершенства. Мы лишаемся земной жизни,—но какой? которая съ продолженіемъ времени сама становится въ тягость, а, продолженная въ такомъ видѣ на-всегда, составила бы наконецъ ужасное мученіе. И навсегда ль лишаемся жизни въ тѣлѣ? Нѣтъ, а только до уреченнаго времени, доколѣ не наступитъ день всеобщаго пакибытія и воскресенія: ложимся во гробъ, какъ ложаться, раздѣвшись на утро съ тѣмъ, чтобы, пробудившись, надѣть новую одежду, приготовленную для насъ во время нашего сна. Оставляемъ, умирая, радости жизни? Но какія радости? Большею частію мутныя, скоропреходящія, изнурительныя, растворенныя горестію и нерѣдко зловредныя для души и тѣла, кои съ продолженіемъ времени перестали бы вовсе увеселять и питать насъ, какъ дѣтскія игрушки не имѣютъ никакой цѣны для людей взрослыхъ. Напротивъ, я не знаю, что̀ было бы съ духомъ нашимъ, если бы рука смерти не разоблачала его наконецъ отъ вретища плоти? Что̀ было бы съ сердцемъ нашимъ, если бы послѣ того, какъ оно извѣдало всѣ блага міра и не нашло въ нихъ себѣ покоя,—предъ нимъ не открывался міръ новый, съ благами высшими, съ наслажденіями чистѣйшими? Земля, со всѣми благами ея, въ на-

стоящемъ видѣ своемъ, явно не жилище человѣка (онъ скоро выростаетъ до того, что его глава выше всего зданія), а только гостиница, изъ коей сынъ времени долженъ начать путь къ вѣчности. А тѣло наше? Это явно то же для духа, что скорлупа для птенца: птенецъ образовался, и скорлупа отпадаетъ.—Мы съ радостію привѣтствуемъ новорожденныхъ, хотя родившая страдаетъ и рожденное плачетъ. Такъ, безъ сомнѣнія, привѣтствуются умершіе небожителями, хотя мы окружаемъ гробы ихъ со слезами.—Если бы младенцу въ утробѣ матерней, предъ его рожденіемъ, сказали, что онъ имѣетъ родиться для другаго міра, начать новую, вовсе отличную отъ прежней, гораздо лучшую жизнь; онъ не понялъ бы обѣщанія, и сожалѣлъ бы о той жизни, коею жилъ, и съ которой долженъ навсегда разстаться. Такъ мы жалѣемъ о нашей земной жизни, такъ для насъ трудно представить теперь, что за жизнь за гробомъ. За то, какъ младенецъ по рожденіи, ни за что не согласится возвратиться въ утробу матернюю, не смотря на свои слезы въ новомъ мірѣ, такъ (я думаю) умершій почелъ бы для себя величайшимъ наказаніемъ, если бы ему суждено было возвратиться въ нашъ міръ, и облечься паки въ плоть и кровь. На что же послѣ сего сѣтовать? Развѣ на то, что идущіе отъ насъ отходятъ такимъ путемъ мрачнымъ, что оставляютъ по себѣ такіе слѣды бренности и тлѣнія?—Но будь переходъ сей свѣтелъ и благоукрашенъ, что удержало бы многихъ, недовольныхъ своимъ жребіемъ,—даже изъ любопытства,—безвременно идти туда?—И какъ внести свѣтъ въ сей мракъ?—Оттуда—сверху должно быть все ясно, какъ присутствующимъ при рожденіи явственъ весь образъ рожденія, а для насъ, кои находимся еще въ утробѣ матерней, смерть не можетъ не быть тайною. Или наконецъ тревожитъ та мысль, что съ любящимъ лицомъ прерванъ прежній союзъ видимый? Но развѣ видимый союзъ не прерывается иногда и за-живо? И развѣ у людей и живыхъ одни союзы видимые?—Прервался союзъ чувственный, чтобы дать усилиться союзу духовному. И на долго ли прервался самый союзъ видимый?—Чрезъ двадцать, тридцать лѣтъ всѣ мы будемъ тамъ; и какъ мы теперь провожаемъ ихъ, такъ они срѣтятъ насъ, то же, можетъ быть, съ слезами, только не печали, а радости.

Подобныя мысли, какъ онѣ наскоро собраны и предло-

жены вамъ, души сѣтующія, дѣлаютъ понятнымъ, какъ св. Церковь, при каждомъ гробѣ приглашаетъ сѣтующихъ не только дать послѣднее цѣлованіе умершему, но вмѣстѣ съ симъ и воздать за него благодареніе предъ Богомъ: *благодаряще Бога!* Благодаряще—за окончаніе земнаго странствія, которое какъ бы ни было благополучно, всегда есть плаваніе по бурному морю, если не бѣдъ, то житейскихъ попеченій; благодаряще—за начало новой жизни, предъ коею жизнь настоящая, со всѣми радостями и красотами ея, есть только одинъ слабый разсвѣтъ.

Но, братіе мои, есть не малое число гробовъ, надъ коими трудно выполнить долгъ благодарности предъ Богомъ, заповѣданный Церковію, и гдѣ мы, служители слова, сами не вдругъ осмѣливаемся упомянуть о немъ. Какъ бы я пригласилъ васъ къ благодарности, если бы мы провожали въ могилу юную мать семейства, за гробомъ коей идутъ супругъ, окруженный малолѣтними сиротами?—Тогда изъ мирнаго провозвѣстника путей Божіихъ о насъ и жизни нашей, я долженъ бы обратиться въ защитника опредѣленій божественныхъ, и усиливаясь отереть слезы горести, можетъ быть, самъ первый подалъ бы примѣръ къ слезамъ.

Но теперь и здѣсь—надъ симъ гробомъ, я смѣло возвышаю голосъ, и отъ имени Церкви вѣщаю ко всѣмъ вамъ: пріидите, дадимъ послѣднее на землѣ цѣлованіе усопшей, но дадимъ не скорбяще безотрадно, а благодаряще Бога! Ибо съ какой стороны ни смотрю на жизнь почившей въ Бозѣ графини, вижу въ сей жизни продолжительную, златую и многообразную цѣпь благодѣяній Божіихъ къ ней и ко всему роду ея.

Въ самомъ дѣлѣ, много ли жребіевъ счастливѣе того, какой достался почившей по всеблагому опредѣленію Божію?—Что нужно для земнаго благоденствія? Происхожденіе отъ благородныхъ предковъ? Она происходитъ отъ той крови, которая издревле привыкла течь за все благородное и святое, и въ наши времена, вновь оросивъ собою холмы смоленскіе, содѣлалась памятникомъ и кровожаднаго деспотизма самозваннаго повелителя галловъ и непоколебимой вѣрности къ отечеству благороднаго дома Энгельгардъ. Потребны отличныя дарованія? Почившая одарена была ими въ такомъ избыткѣ, что знавшіе ее не знали, чему болѣе дивиться въ

ней—совершенствамъ внутреннимъ или внѣшнимъ? Нужна ли для нѣжнаго растенія могущественная опора отъ бурь и тѣнь отъ зноя жизни?—Ее поддерживаетъ, надъ нею склоняетъ тѣнь свою величественное древо *), которое такъ изумительно и благотворно простирало нѣкогда вѣтви свои по всему югу Россіи. Надобенъ высшій кругъ дѣйствій для обнаруженія отличныхъ талантовъ? юная Энгельгардъ является у престола россійскаго, и становится одною изъ планетъ, обращавшихся въ кругѣ самодержавнаго солнца **), такъ величественно озарявшаго нѣкогда всю Россію.

Наступаетъ время супружества, та важная минута, отъ коей зависитъ вся остальная жизнь, когда рѣшается жребій домашняго счастія и мужчины, тѣмъ паче женщины. Почившей въ Бозѣ графинѣ достается въ семъ случаѣ удѣлъ самый высокій и сообразный съ ея особенными отличительными качествами. При совершавшемся тогда сближеніи двухъ единокровныхъ, но разлучаемыхъ дотолѣ обстоятельствами, народовъ, ей дано быть однимъ изъ златыхъ колецъ, сопрягающихъ оба народа. На васъ самихъ ссылаюсь, умѣла ли почившая соотвѣтствовать своему важному назначенію?—Вредила ли кому-либо изъ подвластныхъ ей разность вѣроисповѣданія, языка или происхожденія?—Если бы всѣ владѣтели имуществъ въ нашей странѣ подражали въ семъ отношеніи ея примѣру: можетъ быть, давно исчезъ бы тотъ несчастный расколъ гражданскій, который препятствуетъ славянину узнать брата въ славянинѣ, и производитъ столько кровныхъ междоусобій, печальныхъ для всего великаго семейства славянъ, радостныхъ для однихъ враговъ креста Христова.

За благословеніемъ супружества вскорѣ слѣдуетъ благословеніе многочадія. Надъ почившею сбывается во всей силѣ изреченіе Давидово: *сынове* и дщери *твоя яко новосажденія масличная окрестъ трапезы твоея; и узриши сыны сыновъ твоихъ* (Псал. 127, 4. 7). Трапеза почившей не только была окружена сынами сыновъ и дщерей ея, но, что особенно примѣчательно, какъ бы въ воспоминаніе прежняго, одна изъ дщерей ея становится подружіемъ для того доблественнаго мужа, которому, послѣ разнообразныхъ услугъ

*) Свѣтлѣйшій князь Потемкинъ.
**) Екатерины Великой.

отечеству на полѣ бранномъ, суждено довершить мирною рукою градоправителя на югѣ Россіи то, что начато тамъ воинственною десницею знаменитаго дяди почившей графини *).

Потеря супруга наводитъ тѣнь печали на свѣтлый день жизни, но въ то же время даетъ случай раскрыться въ почившей графинѣ новымъ рѣдкимъ качествамъ: подобно тому, какъ нѣкоторыя растенія ждутъ только сокрытія солнца, чтобы наполнить воздухъ благоуханіемъ. Отражая въ себѣ великія качества великой Самодержицы Россіи, коея дѣяній почившая была столько лѣтъ ближайшею свидѣтельницею, она, давно и безъ того первая сотрудница своего супруга, теперь сама окончательно пріемлетъ на себя всю тяжесть обширнаго домоуправленія, и не изнемогаетъ подъ нею до самаго конца своей жизни. Что я говорю: не изнемогаетъ? Удивляетъ всѣхъ успѣхами своего домоправительства, которое выходитъ теперь изъ рукъ ея въ такой обширности и силѣ, что за предѣлами отечества могло бы спорить съ одержаніемъ многихъ державныхъ лицъ.

За такимъ образомъ жизни, дѣяній и успѣховъ не могло не слѣдовать всеобщаго вниманія. Достойное и извѣстное всюду, имя Браницкихъ непрестанно озарялось новымъ и новымъ блескомъ, пробуждая собою лестную для почившей мысль о томъ, что, послѣ мужей, можетъ сдѣлать для своего рода и жена, когда она одушевлена духомъ не женскимъ. Самые вѣнценосцы Россіи любили видѣть или ее возлѣ себя, или себя у ней.

Послѣ такого теченія по всему небосклону жизни оставалось желать одного тихаго и яснаго заката. И не исполнилось ли сіе желаніе?—Какъ, во-первыхъ, медленно наступаетъ закатъ сей! Почившая восхищается ангеломъ смерти на тѣхъ предѣлахъ жизни, за коими, по замѣчанію царя-пророка, остается одинъ трудъ и болѣзнь. Восхищается однако же безъ особаго труда и болѣзни: угасаетъ какъ лампада, въ коей истощился елей. Самый родъ недуга есть нѣкій знакъ вниманія свыше. Чтобы блага міра, кои въ такомъ избыткѣ окружали во всю жизнь почившую, сопровождая ее до гроба, не привязали сердца ея къ себѣ, имъ видимо повелѣно заблаговременно оставить ее: она лишается

*) Князя Потемкина.

способности вкушать что-либо, дабы такимъ образомъ заранѣе очистить и приготовить духовный вкусъ свой ко вкушенію той манны сокровенной, коею питаются небожители. Самое время кончины таково, что можетъ составить предметъ желаній: почившая оставляетъ землю въ тотъ день, въ который взошла на небо Матерь Сына Божія.

Одного, повидимому, утѣшенія не суждено имѣть предъ смертію почившей: рука ея не возляжетъ съ послѣднимъ матернимъ благословеніемъ на главѣ того, который столько разъ служилъ для нея отрадою въ жизни, и такъ много дорожилъ ея благословеніемъ. Отдаленность мѣстопребыванія, непрерывность попеченій о благоденствіи обширной страны, самая недавность извѣщенія о угрожающемъ часѣ разлуки— все соединилось къ тому, чтобы произвести это чувствительнѣйшее, и для отходящей и для остающагося, лишеніе. Спѣши герой-градоправитель; иначе тебя срѣтятъ не взоры и объятіе матернія, а хладный гробъ!... Онъ спѣшитъ; но самая вѣсть о прибытіи его не столько уже радуетъ тѣхъ, кои окружаютъ одръ умирающей, ибо они видятъ, какъ чувства ея, одно за другимъ, заключаются для сего міра. Любовь чистая и святая, ты одна только можешь сражаться со смертію и показать теперь, что *крѣпка яко смерть любы*, и рѣки самыхъ смертныхъ страданій не могутъ угасить ея пламени (Пѣсн. Пѣсн. 8, 7)! И вотъ, при одномъ звукѣ любимаго имени, угасающая сила жизни какъ бы нѣкіимъ чудомъ еще разъ пробуждается со всею живостію; взоръ умирающей свѣтлѣетъ, уста разверзаются, самая рука подъемлется для благословенія. Такимъ образомъ, жизнь умирающей заключается такимъ сладостнымъ для нея дѣйствіемъ, какого только можно было ей желать на сей случай во все продолженіе своей жизни.

Большихъ благословеній на землѣ, кажется, нельзя и ожидать. Между тѣмъ, надъ почившею видится еще новое благословеніе. Это увѣренность, что все, благое, сдѣланное ею, сохранится въ силѣ; что все, недоконченное почему-либо, приведется къ желанному концу; все, что можетъ быть придумано къ улучшенію, придумается и совершится; что достопочтенное имя Браницкихъ не угаснетъ, а будетъ блистать новымъ и новымъ свѣтомъ. Кто порукою въ семъ? Извѣстныя всѣмъ качества ея наслѣдника.

Судите сами послѣ сего, справедливо ли сказано мною, что жизнь почившей въ Бозѣ графини, отъ начала до конца, была златою цѣпью благодѣяній Божіихъ къ ней и ея роду, и можно ли послѣ сего, воздая ей послѣднее цѣлованіе, не возблагодарить Господа за всѣ милости Его къ ней?

Но братіе мои, что значили бы всѣ сіи милости неба, если бы онѣ не были принимаемы, какъ должно?—Не сугубый ли долгъ предъ небеснымъ Заимодавцемъ?—И развѣ нѣтъ счастливцевъ міра, кои, подобно безплодной землѣ, все пріемля, ничего не отдаютъ, кромѣ терновъ и волчцевъ, и самые дары Промысла обращаютъ въ орудіе противъ вѣры и добродѣтели? Итакъ, благодареніе Господу, сугубое благодареніе, что почившая въ Бозѣ весьма далеко была отъ сонма таковыхъ неблагодарныхъ счастливцевъ! Говоря такимъ образомъ, я нисколько не думаю представлять вамъ, братіе. дѣла почившей, какъ дѣянія праведницы совершенной. Горе мнѣ, если бы я, предъ лицемъ Бога истины, дерзнулъ обрѣстися въ словеси ласкательства! И предъ кѣмъ бы преувеличивалъ я добродѣтели почившей? Не предъ вами ли, коимъ извѣстны всѣ входы и исходы ея жизни?—сожалѣя вмѣстѣ съ вами о томъ, что самыя высокія души не свободны отъ многихъ недостатковъ, что добродѣтель человѣческая такъ несовершенна и тамъ, гдѣ бы особенно хотѣлось видѣть ее во всей силѣ и чистотѣ,—я долженъ однако же сказать, что намъ предлежитъ благодарить Господа надъ симъ гробомъ не только за дары счастія, но и за дары вѣры, терпѣнія и любви христіанской. Въ доказательство сего, я не буду изображать предъ вами частныхъ добродѣтелей и дѣяній почившей, кои извѣстны вамъ гораздо болѣе, нежели кому-либо, а можетъ быть, не извѣстны и вамъ, а довѣдомы единому Господу (ибо души возвышенныя любятъ дѣлать добро такъ, чтобы не знала шуйца, что творитъ десница); а укажу на то, что непререкаемо для всѣхъ и каждаго, и въ чемъ, какъ въ сѣмени, заключаются всѣ прочія добродѣтели. Это—неизмѣнимая преданность почившей Царю небесному и царямъ земнымъ.

Что бы казалось естественнѣе, для каждаго, какъ имѣть по крайней мѣрѣ двѣ сіи добродѣтели?—И однако же какъ многіе не имѣютъ ихъ въ той силѣ, въ какой бы имѣть надлежало! Не будемъ вникать въ причины сего печальнаго

явленія; замѣтимъ только, что вѣкъ въ которой досталось процвѣтать почившей въ Бозѣ графинѣ, къ сожалѣнію, менѣе всего отличался благорасположеніемъ къ святому и священному. Полувѣковые опыты всенародныхъ скорбей и тяжкихъ искушеній, совершившееся надъ всею Европою крещеніе кровію и огнемъ, заставили потомъ разстаться съ обольстительнымъ кумиромъ невѣрія Богу и невѣрности помазанникамъ Божіимъ. Но тогда сей кумиръ возвышался надъ всѣмъ, и едва не всѣхъ ослѣплялъ блескомъ своимъ. Сколько было сильныхъ и мудрыхъ земли, кои безумно поставляли въ томъ и свою мудрость и свою силу. чтобы ослаблять и подрывать усердіе къ алтарямъ и престоламъ! И юной ли, окруженной всѣми соблазнами міра, женѣ, прейти мимо сего кумира, не преклонивъ предъ нимъ колѣна?

И однако же прешла, прешла невредимо! Свидѣтель— вся дальнѣйшая жизнь ея! Могутъ говорить, что и какъ угодно, но никогда не скажутъ, чтобы почившая подала собою примѣръ вольномыслія. И что особенно достойно не только замѣчанія, но и подражанія, она умѣла въ семъ случаѣ избѣгнуть другой крайности, въ которую такъ легко впадаютъ люди, подобные ей по состоянію и образованію. Я разумѣю тотъ недугъ, что нѣкоторые, успѣвъ сохранить вѣру среди соблазновъ счастія, ее самую обращаютъ потомъ въ искушеніе для себя, или предаясь излишнимъ умствованіямъ, или увлекаясь мечтательностію и созидая себѣ свой особенный образъ вѣры и богопочтенія. Извѣстно, куда заходятъ и заводятъ другихъ съ подобнымъ направленіемъ мыслей и чувствъ. Но для почившей въ Бозѣ графини сія опасность какъ бы вовсе не существовала: ея вѣра была такъ же смиренна и проста, какъ сей храмъ, въ коемъ мы воздаемъ ей послѣдній долгъ, и въ коемъ она со смиреніемъ простой поселянки молила Владыку всяческихъ объ отпущеніи ея долговъ. Отсюда-то, безъ сомнѣнія, и та твердость духа и спокойствіе сердца, съ коими почившая встрѣчала свой послѣдній часъ, и кои были такъ отрадны и поучительны для окружавшихъ смертный одръ ея, ибо не надобно забывать, братіе, что мирной и непостыдной кончины, о коей для всѣхъ насъ молитъ святая Церковь, сподобляются только тѣ, кои старались заслуживать ее своею вѣрою и своими дѣлами.

Что касается до другой отличительной черты въ графинѣ, ея особенной любви къ царственному дому, то сія прекрасная добродѣтель любила выражать себя въ ней другимъ, можно сказать, противоположнымъ образомъ. Какъ въ любви къ Богу была одна простота, одно смиреніе, одно безмолвіе; такъ въ любви къ Помазанникамъ Божіимъ было все живо, великолѣпно, царски. Посвященная во всѣ тайны двора великой Самодержицы, составляя сама великолѣпный остатокъ его,—она не щадила ни мыслей, ни выраженій, дабы, при каждомъ благопріятномъ случаѣ, повѣдать всѣмъ и каждому о томъ, какому прекрасному племени дано воссѣдать на престолѣ россійскомъ. Обращающемуся съ нею нельзя было самому вскорѣ не занять у ней нѣкоей священной приверженности къ вѣнценосному дому. А ея собственная мысль? Она, кажется, послѣ неба, нигдѣ столько не витала, какъ надъ главами членовъ царственнаго дома. Встрѣчала ли ихъ какая-либо радость или горесть? То и другое нигдѣ живѣе не отражалось, какъ въ сердцѣ почившей графини. Бѣлая-Церковь была, въ семъ отношеніи, можно сказать, однимъ изъ ближайшихъ притворовъ дома бѣлаго Царя. Оттого здѣсь замѣтны всѣ слѣды ногъ царственныхъ посѣтителей, и самыя древа и камени повѣдаютъ о томъ,что говоритъ исторія *).

Наконецъ, какъ ни глубоко таила себя во время жизни, однако же не могла утаиться при смерти, прекрасная наклонность почившей графини къ вспомоществованію бѣдствующему человѣчеству. Вы знаете уже, какимъ образомъ потокъ благотворенія, неудерживаемый болѣе узами скромности христіанской, проторгся у гроба почившей. Я могу прибавить къ сему одно, что, послѣ сего благотворнаго завѣщанія въ пользу нуждающихся, нисколько неудивительно, если любимая добродѣтель почившей, простота и скромность, нашли себѣ послѣднее упражненіе въ томъ, чтобы воспретить всякую пышность при погребеніи, удалить съ своей могилы все, что можетъ имѣть видъ памятника. Но что лучше памятника, какъ тотъ домъ благотворенія, который воздвигнется отъ имени почившей, для бѣдствующаго человѣчества? Какой ѳиміамъ благоуханнѣе молитвъ, кои

*) Главнѣйшее украшеніе александрійскаго сада графини составляютъ памятники въ честь высочайшихъ особъ, и древа, ихъ руками насажденныя.

будутъ возсылаться о успокоеніи души ея тѣми, кои въ пособіяхъ, ею завѣщанныхъ, найдутъ защиту отъ превратностей жизни для себя и семействъ своихъ?

Соображая такимъ образомъ и всѣ дары счастія, кои въ такомъ изобиліи изливались на почившую графиню отъ начала до конца ея жизни, и дары благодати, коими она умѣла пользоваться для приготовленія себя къ вѣчности, я, безъ всякаго искусства слова, непримѣтно и невольно для меня самого, прихожу въ заключеніе къ тому же, чѣмъ началъ мое собесѣдованіе съ вами: пріидите, дадимъ послѣднее цѣлованіе усопшей, благодаряще Бога! Благодаряще за Его сугубыя милости къ почившей, за то, что Онъ не только даровалъ многое, но и научилъ не злоупотреблять даруемымъ. А, воздая послѣднее цѣлованіе, не забудемъ принять послѣдняго наставленія—то же сугубаго. И во-первыхъ, тѣ, кои подобно почившей, осыпаны дарами счастія, смотря теперь на гробъ ея, да научатся не прилагать къ богатству и честямъ сердца своего!—Ибо, смотрите, братіе. что осталось теперь при почившей, и что идетъ за нею въ вѣчность, предъ страшный судъ Божій? Одни дѣла ея!... А тѣ, коимъ, по премудрымъ судьбамъ Промысла, не дано здѣсь счастливаго жребія, коимъ суждено влачить жизнь въ низкой долѣ, среди нуждъ и лишеній, тѣ, взирая на гробъ сей, да научатся не скорбѣть о своемъ жребіи, а стараться обогащать и отличать себя благими дѣлами, ибо всѣ наши земныя разности званій и состояній только на время, до гроба; тамъ, для всѣхъ достойныхъ, и господъ и рабовъ, равно уготованы свѣтлыя обители Отца небеснаго. Аминь.

Слово при погребеніи помѣщицы Анастасіи Ивановны Звѣревой,

сказанное въ каѳедральномъ Покровскомъ соборѣ, 18 января 1844 года.

Грядетъ часъ и нынѣ есть, егда вси сущіи во гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божія, и услышавше оживутъ (Іоан. 5, 25).

О какъ отрадно слышать слова сіи у гроба! И тѣмъ паче, когда они исходятъ изъ устъ *Свидѣтеля вѣрнаго* (Апок. 1, 5), Коего каждое слово есть *ей и аминь* (2 Кор. 1, 20), — Того, Кто Самъ былъ мертвъ, *и се живъ есть во вѣки вѣковъ*

(Апок. 1, 18), Который по самому существу Своему *есть воскресеніе и животъ* (Іоан. 11, 25),—изъ устъ единороднаго Сына Божія, дражайшаго Спасителя нашего.

Онъ рекъ нѣкогда:—и бездны хаоса раздѣлились; явились земля и небо; взошли солнце и луна; всхолмились горы; потекли рѣки; зашумѣли дубравы; вода и воздухъ наполнились жителями, — и, владыка видимыхъ тварей, человѣкъ исшелъ на дѣло свое!

Онъ паки возглаголетъ нѣкогда, — и паки небо и земля со трепетомъ, — яко уже нечистыя, услышатъ гласъ Его: всѣ стихіи пріидутъ въ движеніе; солнце и луна померкнутъ; звѣзды яко листвія спадутъ съ небеси; *земля и яже на ней дѣла сгорятъ* (2 Петр. 3, 10), дабы уступить мѣсто землѣ новой и небу новому, въ нихъ же живетъ уже не грѣхъ и печаль, а правда и блаженство. Тогда отверзутся самые гробы; суша и море отдадутъ мертвецовъ своихъ; и всѣ, отъ вѣка уснувшіе сномъ смерти, востанутъ и явятся предъ Владыку и Судію всяческихъ: *грядетъ часъ и нынѣ есть, егда вси сущіи во гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божія, и услышавше оживутъ!*

О, какъ величественъ будетъ день и часъ этого всемірнаго пробужденія, когда всѣ сыны Адамовы соберутся въ единое великое семейство, дабы не разлучаться уже болѣе другъ отъ друга! Тогда-то познается во всей силѣ, что пріобрѣтено нами на Голгоѳѣ — въ крестѣ Спасителя нашего; что содѣлалъ Онъ для насъ смертію и воскресеніемъ Своимъ! За превосходство новаго, прославленнаго бытія, тогда должны забыться не только всѣ печали, но и всѣ суетныя радости наши на землѣ: не помянутся самый гробъ и смерть, отъ коихъ теперь мы такъ скорбимъ и плачемъ.

Къ сему убо всерадостному и преславному дню должно возноситься намъ всѣми мыслями нашими въ то время, какъ тревожитъ насъ разлука съ присными и друзьями нашими! Отсюда, съ сей высоты, все ясно и отрадно. Посмотришь на гробъ, и видишь въ немъ мирную и надежную ладію, въ коей странники земли переносятся на онъ-полъ бытія. Взглянешь на могилу,—и находишь въ ней послѣднее убѣжище, гдѣ бѣдный узникъ свергаетъ съ себя узы и рубища, въ коихъ томился онъ въ продолженіе своего удаленія отъ дома отеческаго. Проникаешь

мыслію къ самому тлѣнію нашему въ нѣдрахъ земли, и усматриваешь въ немъ дивную баню пакибытія, которую любовь и всемогущество Отца небеснаго устроили на предѣлѣ двухъ міровъ, дабы мы, прежде нежели явимся въ свѣтлыхъ обителяхъ Отца небеснаго, имѣли самое надежное средство избывать всѣхъ нечистотъ нашей природы.

А мы—все еще скорбимъ и сокрушаемся, когда ангелъ смерти изводитъ насъ такимъ образомъ изъ тѣсной и мрачной темницы плоти въ свободу чадъ Божіихъ! А мы—вопіемъ и жалуемся, когда съ безсмертнаго духа нашего совлекаютъ его рабское и грязное рубище, дабы облечь его въ свѣтлую и чистую одежду, ему приличную, и говоримъ, что мы потеряли того или другаго, въ то самое время, какъ онъ, прошедъ вратами смерти, обрѣлъ для себя жизнь истинную!

Можно бы подумать послѣ сего, что въ насъ нѣтъ вѣры въ обѣтованіе жизни вѣчной. Но, сомнѣніе о семъ, благодареніе Господу, далеко отъ насъ. Гдѣ же причина нашего малодушія? Въ томъ, что мы не умѣемъ вознестися духомъ на высоту вѣры и упованія христіанскаго; а не умѣемъ потому, что живемъ большею частію не духомъ, какъ бы слѣдовало, а плотію. Водимся однимъ видимымъ, преданы одному временному, радуемся и наслаждаемся токмо тѣмъ, что дѣйствуетъ на грубыя чувства. При такомъ образѣ жизни, смерть, какъ разрушительница всего чувственнаго, естественно наводитъ печаль и даже страхъ. Плоть и кровь въ насъ, хотя бы и хотѣли, не могутъ не страшиться смерти, потому что для нихъ нѣтъ безсмертія; онѣ, по увѣренію самого Апостола, яко обреченныя тлѣнію, *царствія Божія наслѣдити не могутъ* (1 Кор. 15, 50). Вѣчное царство сіе есть наслѣдіе и удѣлъ токмо вѣчнаго духа нашего и того тѣла духовнаго, въ которое облечется онъ въ день послѣдній. Посему, чтобы избыть страха смерти и печалей гроба, для сего одно средство — надобно всецѣло быть и жить въ духѣ, для коего нѣтъ ни смерти, ни гроба, ни тлѣнія. Кто, благодатію Божіею, началъ жить духомъ, тому первая награда, что онъ можетъ съ свѣтлымъ окомъ взирать на кончину братій своихъ. Ибо живя духомъ, онъ носитъ и чувствуетъ въ себѣ залогъ жизни вѣчной; а сіе драгоцѣнное чувство ставитъ его выше всѣхъ печальныхъ явленій, коими окруженъ конецъ бытія нашего на землѣ.

Знаемъ, что духовный совѣтъ сей противъ печали не вдругъ можетъ быть усвоенъ сердцемъ, скорбящимъ у гроба матерняго, но въ Евангеліи, равно какъ и въ самой природѣ вещей, нѣтъ другаго, а между тѣмъ употребленіе его въ дѣло полезно не токмо отъ печали объ умершихъ, не только отъ страха смерти, но и отъ самой смерти. Ибо, для того, кто живетъ по плоти, смерть есть лишеніе всего, нѣкій видъ казни, а для того, кто живетъ духомъ, смерть есть пріобрѣтеніе и начало блаженства вѣчнаго, коего да достигнемъ всѣ мы благодатію умершаго за насъ и воскресшаго для насъ же Господа нашего. Аминь.

Слово при погребеніи дѣвицы К. П. Хрущовой,

сказанное въ университетской церкви, 7 марта 1842 года.

Можно ли не скорбѣть при гробѣ?—Нельзя. Такова природа наша, что, созданная для жизни и безсмертія, естественно посему отвращается гроба и тлѣнія; таковъ образъ самой смерти, что, гдѣ ни является, вездѣ и всегда ведетъ за собою печаль и ужасъ. Посему-то гробъ заставлялъ воздыхать и извлекалъ слезы даже у тѣхъ людей, кои, оставивъ и презрѣвъ все земное, воодушевлялись токмо чаяніемъ жизни грядущей. *Плачу и рыдаю,* восклицаетъ святый сладкопѣвецъ церковный, *егда помышляю* (только помышляю!) *смерть.* Самъ Спаситель прослезился у гроба друга своего—Лазаря, хотя чрезъ нѣсколько мгновеній имѣлъ вызвать его изъ гроба, прослезился потому, что при семъ случаѣ, въ лицѣ друга Его, предстала Ему вся бренность униженной грѣхомъ природы человѣческой, для возстановленія коей снисшелъ Онъ на землю.

Послѣ сего примѣра, осмѣлимся ли мы пререкать вашей скорби и сѣтованію, отецъ и мать умершей отроковицы?—Нѣтъ, скорѣе мы сами смѣшаемъ свои слезы съ вашими, видя изъ примѣра почившей, какъ ничто не спасаетъ отъ смерти: ни юность возраста, ни чистота души и сердца, ни любовь присныхъ и знаемыхъ, ни искусство и усердіе служителей здравія человѣческаго.

Но, отдая долгъ слабости природы, забудемъ ли совершенно то, чѣмъ обязаны мы святой вѣрѣ нашей и Евангелію?

Предадимся ли горести, слезамъ и сѣтованію безутѣшно, подобно язычникамъ, неимущимъ упованія?—Плакать и скорбѣть такимъ образомъ значило бы унижать достоинство святой вѣры нашей, исполненной упованія жизни вѣчной, значило бы помрачать своею скорбію божественную славу дражайшаго Спасителя нашего, Который для того и принялъ на Себя бренную плоть нашу, чтобы изъ самаго гроба возсіять для всѣхъ насъ жизнь и нетлѣніе. Чего не содѣлалъ Онъ, дабы освободить насъ отъ страха смерти и заставить взирать на гробъ съ упованіемъ безсмертія? Кромѣ того, что самое явленіе Его въ міръ нашъ есть уже несомнѣнная порука за существованіе для насъ жизни вѣчной по ту сторону гроба, кромѣ Божественныхъ наставленій и словъ Его, кои всѣ исполнены надежды лучшаго бытія за предѣлами земли, кромѣ сего Онъ собственнымъ примѣромъ благоволилъ показать, что смерть и гробъ властны токмо надъ нашими бренными тѣлами, а не надъ духомъ безсмертнымъ и богоподобнымъ. Для утвержденія въ насъ вѣры въ сію истину,—Онъ претерпѣлъ мученія самыя ужасныя, взошелъ на крестъ, умеръ подобно послѣднему изъ сыновъ человѣческихъ и предалъ Себя гробу. Для сего же Онъ возсталъ потомъ во славѣ изъ гроба, являлся многократно ученикамъ и всѣмъ вѣровавшимъ въ Него. Для сего же вознесся потомъ на небо, дабы, какъ Онъ Самъ говорилъ, уготовать для всѣхъ насъ обители въ дому Отца Своего. И послѣ сего, мы еще будемъ скорбѣть и плакать, когда Онъ путемъ смерти преставляетъ насъ въ сіи обители? Что же послѣ сего будетъ значить вѣра наша? И не все ли это равно, какъ если бы мы такъ говорили Господу нашему: знаемъ, Господи, что сдѣлано Тобою для нашего успокоенія при гробѣ, но всего этого для насъ недовольно; мы лучше хотимъ слѣдовать мятущемуся чувству нашему, нежели Твоему Евангелію и обѣтованіямъ, въ немъ заключающимся!— Конечно, у насъ нѣтъ на умѣ сихъ мыслей, когда мы плачемъ и рыдаемъ у гроба ближнихъ нашихъ, но, тѣмъ не менѣе, мы виновны въ нихъ, если плачемъ подобно людямъ, незнакомымъ съ упованіемъ жизни вѣчной.

И что, думаете вы, доставляютъ подобныя слезы и терзанія душевныя тѣмъ, о коихъ скорбимъ и плачемъ мы? Покой и уѣшеніе? Напротивъ, все это должно сильно воз-

мущать ихъ и приводить въ скорбь, ибо каково дѣйствіе, такова и причина; если мы, облеченные еще плотію, не можемъ вынести сильныхъ слезъ о насъ безъ того, чтобы не заплакать самимъ, то кольми паче души усопшихъ не могутъ оставаться нечувствительны къ нашимъ рыданіямъ. Посему-то мнѣ кажется, что если бы почившей дано было теперь самой провѣщать что-либо плачущимъ сродникамъ своимъ, то она, вѣроятно, обратила бы къ нимъ тѣ слова, коими Спаситель утѣшалъ нѣкогда учениковъ Своихъ при разлукѣ съ ними: *аще бысте убо любили Мя,* говорилъ Онъ, то есть, любили, какъ должно, духомъ, а не плотію, *возрадовалися бысте убо, яко Азъ ко Отцу Моему гряду* (Іоан. 14, 28). Зачѣмъ, сказала бы и она, и къ чему теперь слезы? Довольно сокрушались вы, когда я, изможденная отъ болѣзни, находилась между жизнью и смертью, и когда ни вы, ни я не знали еще, что судилъ о мнѣ и моей жизни Господь, тогда естественно было вамъ, взирая на тяжкія страданія мои, скорбѣть и сокрушаться. Теперь же, когда воля Божія совершенно обнаружилась моею кончиною, когда всѣ страданія мои окончились; теперь мѣсто не слезамъ и терзаніямъ, а тихой молитвѣ, преданности въ волю Божію и упованію. Теперь, если вы способны слѣдовать за мною мыслію, вамъ должно даже возрадоваться вмѣстѣ со мною. Ибо, хотя я вышла изъ-подъ вашего крова отеческаго, но отошла не къ чужимъ, а къ своимъ, къ общему нашему Отцу и Создателю. Не мните, что я буду лежать въ гробѣ и землѣ; тамъ останется только тѣло мое бренное, а духомъ я буду на небѣ, въ обителяхъ Отца небеснаго. Онъ ли не замѣнитъ и не вознаградитъ того, что родительское сердце ваше готовило для меня въ будущемъ? Вы не будете болѣе утѣшаться мною, за то я не престану молить Господа о васъ, да избѣгнете сѣтей міра, да не уклонитесь отъ пути истины и правды, да скончаете жизнь свою въ вѣрѣ и благочестіи. Итакъ, если любите меня воистину, не сердцемъ только плотскихъ родителей, а и сердцемъ христіанскимъ, то отрите слезы, успокойтесь вмѣстѣ со мною и возблагодарите Господа, Который извелъ меня *изъ среды земнаго лукавства* (Прем. 4, 14), не далъ заразиться сердцу и уму тлетворнымъ дыханіемъ міра, и преставилъ туда, гдѣ нѣтъ ни печали, ни болѣзни, ни воздыханія.

Нужно ли съ нашей стороны присовокуплять что-либо къ сему гласу почившей о Бозѣ откровицы? — Развѣ одно то, что, провождая юныхъ въ жизнь нестарѣющуюся, тѣмъ паче намъ, преклоняющимся лѣтами, должно прилежно помышлять о томъ, какъ бы, послѣ многихъ и долгихъ лѣтъ, оставляя здѣшній міръ, не оказалось нужды воззвать словами царя-пророка: увы мнѣ, яко *исчезоша яко дымъ днiе мои* (Псал. 101, 4)! Аминь.

Слово по случаю погребенія харьковской помѣщицы Е. Р. Ш.,

сказанное въ харьковскомъ каѳедральномъ соборѣ, въ нижней Трехсвятительской церкви, 30 января 1845 г., въ день трехъ Святителей.

Печальное зрѣлище послалъ намъ нынѣ Господь въ день праздника нашего! Кто хочетъ, пусть находитъ въ этомъ простой случай, а мнѣ въ самомъ этомъ случаѣ видится поучительное мановеніе свыше.—Яко служителямъ Распятаго, намъ первымъ надлежало бы присно памятовать о смерти и неумолкно возвѣщать другимъ о скоротечности бытія нашего на землѣ; а мы, подобно людямъ, удаленнымъ отъ святилища, нерѣдко забываемъ сіе и предаемся неразумно суетамъ мірскимъ. И вотъ, въ день праздника нашего, вмѣсто радости, посланъ намъ гробъ, да, пораженные симъ грознымъ напоминаніемъ, не попустимъ болѣе обольщать насъ ничему на земли, и содѣлаемся прилежнѣе на внушеніе всѣмъ и каждому той важной истины, что цѣль бытія и дѣйствій человѣческихъ не здѣсь, во времени, а тамъ—въ вѣчности.

Не удивительно, если и великіе Святители и Учители вселенныя, памяти коихъ посвященъ день и храмъ сей, соблаговолили, дабы среди празднества имъ преподано было вамъ наставленіе не столько изъ нашихъ устъ, сколько отъ сего гроба. Если кому, то имъ довѣдома вся немощь нашего слова, и какъ мало успѣваемъ мы отвращать очи ваши, во еже не видѣти суеты, и сердце, во еже не любити міра. И вотъ, на помощь духовной немощи нашей, въ наставленіе вамъ, является грозный призракъ смерти. Смотря теперь

на гробъ сей, я недоумѣваю даже—продолжать ли бесѣду съ вами, или окончить ее, сказавъ: зрите и поучайтесь сами! Въ самомъ дѣлѣ, много ли можно прибавить словомъ къ тому, что каждый видитъ въ гробѣ? Тутъ всякій разъ человѣческое бытіе наше разоблачается отъ всѣхъ обманчивыхъ прикрасъ міра, сокрывающихъ истинный составъ его, и является во всей грѣховной бѣдности своей.—Съ другой стороны, тутъ же всякій разъ, можно сказать, приподнимается часть завѣсы, сокрывающей отъ насъ міръ горній, и указуется та высокая цѣль, къ коей намъ должно стремиться въ продолженіе земнаго странствованія. Посему-то трудно найти человѣка, который не отходилъ бы отъ гроба лучшимъ, нежели какимъ подошелъ къ нему. Самый гордый честолюбецъ невольно здѣсь склоняетъ главу и погружается въ размышленіе о тщетѣ почестей и отличій, для коихъ жертвовалъ всѣмъ; самый закоснѣлый сребролюбецъ видитъ здѣсь, что есть бѣдствія, коихъ нельзя отвратить никакими сокровищами, есть блага, коихъ нельзя купить ни за какіе сребренники; самый безпечный сластолюбецъ съ ужасомъ познаетъ у гроба, чѣмъ оканчивается несчастное служеніе плоти, и какъ жалокъ тотъ, кто всю жизнь работалъ только своему чреву. Посему-то, если бы возможно было знать исторію обращенія къ Богу всѣхъ грѣшниковъ, то безъ сомнѣнія, оказалось бы, что большую часть сихъ обращеній произвела смерть, и что во всѣхъ прочихъ имѣла значительное участіе память смертная.

Если съ нами происходитъ нерѣдко противное сему; если мы провожаемъ въ страну вѣчности, одного за другимъ, ближнихъ нашихъ, и остаемся тѣ же, что прежде—такъ же пристрастны къ міру и его суетнымъ обаяніямъ, такъ же невнемлющи закону и грѣхолюбивы, если сама смерть не оказываетъ надъ нами своего дѣйствія, то причиною сего, не менѣе смерти, жалкаго явленія—мы сами. Ибо какъ присутствуемъ мы при гробѣ ближнихъ нашихъ? какъ при зрѣлищѣ, хотя печальномъ, но для насъ вовсе чуждомъ; предаемся, болѣе или менѣе, чувствительности, даже роняемъ иногда по нѣскольку слезъ; но не ставимъ себя у гроба въ то положеніе души, которое одно могло бы сдѣлать для насъ кончину братій нашихъ истинно поучительною и душеполезною. Ибо какъ бы надлежало намъ стоять у гроба?—

стоять и думать: въ слѣдъ за отшедшимъ пойду скоро и я; и на меня придетъ послѣдняя болѣзнь, и отъ меня отступится врачъ и врачевство; и мнѣ закроютъ глаза; и въ мои руки вложатъ крестъ; и меня во гробѣ принесутъ въ церковь, и надо мною вогласятъ: «вѣчная память»; и меня опустятъ въ могилу и покроютъ землею и камнемъ... Все, чѣмъ я занимался, для чего не щадилъ силъ, а иногда и совѣсти, останется на землѣ, перейдетъ къ другимъ; а со мною что̀ будетъ? Куда пойдетъ грѣшная и бѣдная душа моя? Что̀ срѣтитъ ее? чѣмъ она будетъ жить и питаться въ новомъ мірѣ? Явно, не тѣмъ, чѣмъ жила и питалась здѣсь. Приготовился ли я къ сему новому роду жизни? Возмогу ли прожить тамъ хотя одинъ день безбѣдно? Не безуміе ли—непрестанно заниматься тѣмъ, что̀ я долженъ навсегда оставить въ часъ моей смерти, и не думать о томъ, что̀ срѣтитъ меня въ вѣчности?

Если бы подобныя мысли происходили въ душѣ нашей, когда мы стоимъ у гроба: то каждый гробъ служилъ бы для насъ въ великое поученіе, и мы, возвращаясь съ погребенія въ домы наши, каждый разъ усматривали бы въ себѣ перемѣну на лучшее,—болѣе рѣшимости на добро и сильнѣе отвращеніе ко злу.

И трудно ли имѣть подобныя мысли при гробѣ? Такъ естественно, что надобно дивиться, какъ онѣ не приходятъ каждому. Только крайняя разсѣянность мыслей и чувствъ, въ коихъ обыкновенно живемъ мы, дѣлаетъ то, что, погребая другихъ, мы не помышляемъ о собственной смерти.

Жизнь и кончина почившихъ также всегда представляютъ намъ какой-либо урокъ поучительный, если мы обращаемъ на нее вниманіе. И—что̀ примѣчательно—самое нечистое въ жизни человѣка, доколѣ онъ живъ, бываетъ нерѣдко въ соблазнъ для многихъ, а по смерти—обращается въ поученіе. Ибо при гробѣ каждый видитъ всю ничтожность того, ради чего былъ худъ. Терялъ ли онъ совѣсть, напр., ради богатства,—всякій видитъ, какъ это богатство оставило его навсегда. Служилъ ли грѣху изъ плотоугодія,—каждый видитъ, какъ отвратителенъ этотъ кумиръ плоти, коему приносилось въ жертву все. Былъ ли ослѣпленъ гордостію и тщеславіемъ:—опять при гробѣ совершенно открывается, что и слава—одинъ пустой дымъ, могущій заслѣпить на

время глаза, но нисколько не стоющій того, чтобы гоняться за нимъ всю жизнь.

Добродѣтели, напротивъ, почившаго при гробѣ его получаютъ новую силу, достоинство и привлекательность. Душевно въ такомъ случаѣ радуешься за почившаго, когда видишь, что надъ нимъ была благодать Божія; душевно желаешь себѣ и каждому того же, что̀ было съ нимъ, и благодаришь Бога, проведшаго его безбѣдно среди искушеній жизни.

Не безъ особеннаго урока, братіе мои, и гробъ, намъ предлежащій. Мнѣ кажется, что я вижу на немъ тѣ же самыя слова, кои вы слышали сейчасъ изъ устъ поющихъ: *всуе мятется человѣкъ!* Кто не знаетъ, что жизнь почившей была преисполнена всякаго рода смятеній и страданій, душевныхъ и тѣлесныхъ? Хотѣли быть счастливыми на землѣ, какъ можно больше; а были таковыми, какъ можно меньше. Почему? Потому, что искали удовлетворенія безсмертной душѣ нашей въ томъ, что̀ само преходитъ и исчезаетъ, яко временное. Чѣмъ не жертвовано для достиженія своихъ видовъ и предположеній?—И что̀ же вышло наконецъ изъ всѣхъ этихъ жертвъ?—Крушеніе духа видимо сокрушило наконецъ и плоть. Всю жизнь искавъ осуществленія своихъ надеждъ, мы не успѣли изречь, какъ должно, даже послѣдней воли своей при смерти... *Не всуе ли убо мятется человѣкъ?*

Благодареніе Господу, что хотя на закатѣ дней, хотя на прагѣ вѣчности, подано было намъ уразумѣть, *яко всяческая суета;* и уразумѣвъ сіе, обратить сердце свое отъ міра тлѣннаго къ Богу вѣчному. «Я не желаю зла никому; прощаю всѣмъ: да простятъ и меня!»—Съ сими чувствами и словами усопшая оставила жизнь сію. Вмѣсто своей воли уже явно вступала въ господство надъ душею ея воля Божія; вмѣсто духа вражды и пререканій водворялся въ сердцѣ духъ любви и мира.

Помолимся, братіе мои, ко Отцу духовъ, да ими же вѣсть судьбами, дано будетъ почившей утвердиться навсегда въ семъ благомъ настроеніи души и сердца, безъ коего нѣтъ счастія и на землѣ, тѣмъ паче покоя на небѣ. Аминь.

СЛОВА
ПО СЛУЧАЮ
ОБЩЕСТВЕННЫХЪ БѢДСТВІЙ.

Слово по прочтеніи Высочайшаго манифеста, воспослѣдовавшаго въ 14 день марта 1848 года.

Вы слышали гласъ возлюбленнаго Монарха нашего. Не безъ причины раздается онъ по всѣмъ краямъ отечества. Среди всеобщаго мира и тишины, духъ злобы внезапно воздвигъ бурю, которая свирѣпостію своею превосходитъ все, отъ чего страдали когда-либо царства и народы. На всемъ пространствѣ Запада уже нѣтъ почти ни одного изъ нихъ, который бы не испыталъ надъ собою ужаснаго превращенія порядка общественнаго.—Вездѣ слезы, кровь и пламень? Одна, Богомъ возвеличенная и Богомъ хранимая Россія, яко гора Сіонъ, стоитъ непоколебима среди всемірныхъ треволненій.

Но возможно ли, чтобы враги и завистники Россіи не устремляли на нее алчныхъ взоровъ своихъ? Чтобы злоба и лукавство ихъ не употребили всѣхъ силъ и средствъ для ослабленія того исполина, который за тридесять лѣтъ предъ симъ одинъ сокрушилъ соединенныя противъ него силы двадесяти языкъ, и теперь одинъ же остается на великой стражѣ всемірнаго порядка и правды?

Возлюбленный Монархъ нашъ провидитъ все сіе и, яко царь великодушный, не скрываетъ печальныхъ событій и будущихъ опасностей, а провозглашаетъ о нихъ въ слухъ всѣхъ; яко царь мудрый, заранѣе уготовляетъ средства къ огражденію отечества отъ бурь и язвъ иноземныхъ; яко царь чадолюбивый, не медля раздѣляетъ чувства души своей

съ сынами, ему любезными; яко царь благочестивѣйшій, и самъ возлагаетъ и всѣхъ располагаетъ возложить упованіе свое на Того, въ десницѣ Коего судьбы царствъ и народовъ.

Что убо речемъ въ отвѣтъ на любвеобильное ко всѣмъ намъ слово царево?

Первѣе всего возблагодаримъ Монарха нашего за то, что онъ, среди обошедшихъ царства и народы злоключеній, возлагаетъ упованіе свое не на могущество земное, какъ имъ ни ущедрена свыше Россія, а на Бога всемогущаго и всеблагаго. Великъ Богъ русскій! Тверда и непоколебима вѣра православная! Какихъ бѣдъ и ударовъ не перенесло возлюбленное отечество наше? И изъ всѣхъ ихъ вышло свѣтлѣе и могущественнѣе прежняго,—вышло таковымъ потому, что никогда не теряло упованія на милость Божію, выну спасающую правыя сердцемъ. Не оставитъ Господь насъ и впредь всемогущимъ покровомъ Своимъ, доколѣ мы пребудемъ вѣрны заповѣдямъ Его и уставамъ св. Церкви.

Возблагодаримъ Монарха нашего за то истинно-отеческое довѣріе, которое, онъ постоянно являетъ къ сынамъ любезной и вѣрной ему Россіи. Чисты и правы сердца русскія! Неизмѣнна вѣрность ихъ помазанникамъ Божіимъ! Нераздѣльны въ душѣ ихъ высота престола и благо отечества! Святый союзъ сей скрѣпленъ навсегда не вчера и третьяго дня, а цѣлыми вѣками, неизмѣримымъ рядомъ совокупныхъ подвиговъ и славы. Чего искать сынамъ Россіи? Единаго царствія Божія и блаженства вѣчнаго;—ибо все прочее земное давно приложилось ей само собою.

Возблагодаримъ Монарха нашего за тоть духъ мужественнаго миролюбія, коимъ дышетъ каждое слово его, къ намъ обращенное. Щадя кровь русскую, не мнитъ онъ вступать вооруженною рукою въ распри и междоусобія Запада: пусть пьютъ до конца чашу, растворенную гордостію и безумiемъ, да научатся печальнымъ опытомъ не мудрствовать паче, еже подобаетъ мудрствовать. Но, яко глава могущественнаго народа, Монархъ нашъ не могъ не возвысить въ слухъ всего свѣта державнаго гласа своего о неприкосновенности всего, подвластнаго скипетру всероссійскому. Чего страшится Россіи? — Поля Тарутина и Бородина, стѣны Москвы и Смоленска, брега Днѣпра и Березины внятно

гласятъ и друзьямъ и врагамъ нашимъ, что въ Россію можно придти въ тысящахъ и тьмахъ, но выходятъ изъ нея, и то путемъ постыднаго бѣгства, токмо сотнями и десятками.

Исполняясь симъ чувствомъ благодарности къ Монарху нашему, не умедлимъ, братіе, отозваться на гласъ его и самымъ дѣломъ. Какъ и въ чемъ отозваться?

Во-первыхъ, усугубленіемъ молитвъ нашихъ о немъ, да подастъ ему Господь премудрость и силу, премудрость — въ проразумѣніи злохитрыхъ козней вражіихъ, силу — къ отраженію всѣхъ стрѣлъ ихъ противъ насъ, видимыхъ и невидимыхъ. Если когда, то во времена, подобныя настоящимъ, какъ можно чаще должна быть повторяема молитва Церкви: *спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояніе Твое, побѣды благовѣрному Императору нашему на сопротивныя даруя!* Учите пѣть сію молитву самыхъ малыхъ дѣтей вашихъ, да научатся отъ колыбели благоговѣть предъ Царемъ небеснымъ и любить царя земнаго.

Докажемъ, во-вторыхъ, благодарность Монарху нашему преискреннѣйшимъ выполненіемъ всѣхъ мудрыхъ и благотворныхъ велѣній Его. Долгъ сыновняго послушанія власти предержащей всегда есть долгъ самый священный; но, когда буйство и своеволіе потрясаютъ цѣлыя царства, въ любви и сыновнемъ послушаніи Монарху заключено спасеніе всѣхъ и каждаго.

Докажемъ, наконецъ, благодарность нашу Монарху загражденіемъ слуха и сердца нашего отъ всѣхъ обаяній лжеименной мудрости иноземной. Новые враги наши если могутъ быть чѣмъ вредны для насъ, то не числомъ ихъ и оружіемъ, а тлетворнымъ духомъ своимъ. Это люди, зараженные язвою крамолы, съ коими самое отдаленное сношеніе не безъ опасности. Подобясь духамъ-искусителямъ, они обыкновенно представляются не врагами, а друзьями всѣхъ и каждаго. *Слова ихъ,* какъ выражается святый Давидъ, *умякнуша паче елея, и та суть стрѣлы;* изъ устъ течетъ медъ и млеко, а подъ языкомъ ихъ — язва, въ сердцѣ ихъ — пагуба. Посему прилежно заграждайте, братіе мои, слухъ отъ всего, что отзывается духомъ мудрованій иноземныхъ. Что принесли они родителямъ своимъ, галламъ несчастнымъ? Шестьдесятъ лѣтъ народныхъ треволненій, неизсякаемыхъ слезъ и крови въ прошедшемъ, и, конечно, не менѣе при-

несутъ въ будущемъ. Чѣмъ сопровождаются сіи лжемудрованія у тѣхъ легкомысленныхъ народовъ, кои попустили соблазнить себя пагубному примѣру галловъ? Внезапнымъ исчезновеніемъ безопасности общественной и частной, взаимнымъ недовѣріемъ и распрями, ниспроверженіемъ того, что̀ созидалось вѣками и отъ чего зависѣло благоденствіе всѣхъ. Этому ли завидовать? Имѣло нѣкогда и наше отечество времена безначалія и междоусобій, и едва не погибло отъ нихъ на вѣки. Въ два года безначаліе произвело болѣе зла, нежели самая свирѣпость монголовъ въ два вѣка. Ожесточеннымъ завистникамъ Россіи, очевидно, всего нужнѣе возбудить какъ-либо въ сынахъ ея чувство недовольства своимъ; но кто можетъ быть такъ безуменъ, чтобы промѣнять свое на чуждое? Посему-то, если прежде чувство христіанской скромности не позволяло намъ выставлять нашихъ преимуществъ: то, при настоящихъ обстоятельствахъ, долгъ любви къ отечеству требуетъ чаще вспоминать о нихъ и провозгласить въ слухъ всѣхъ.

У какого народа свѣтъ вѣры православной сіяетъ такъ незаходимо и въ такой чистотѣ и силѣ, что надобно токмо не смежать очей, чтобы постоянно видѣть предъ собою путь къ царствію небесному? Въ какой другой странѣ престолъ царскій такъ величественъ и, при всемъ величіи его, такъ близокъ и доступенъ народу, такъ благотворенъ для всѣхъ и каждаго, такъ украшенъ правдою и милосердіемъ? Гдѣ оказывается столько уваженія къ нравамъ и преданіямъ предковъ, столько вниманія къ нуждамъ и потребностямъ общественнымъ, столько призрѣнія къ бѣдности и сиротству?—Гдѣ, наконецъ, какъ не въ богохранимомъ отечествѣ нашемъ, каждый, и великій и малый, можетъ въ мирѣ возлежать подъ смоковницею своею, не опасаясь ни за жизнь, ни за честь, ни за собственность свою? Не напрасно самые завистники Россіи говорятъ, что въ ней для блага общественнаго совершается годами то, что̀ у другихъ народовъ происходитъ только вѣками. Не напрасно цѣлые сонмы сыновъ иноземныхъ ищутъ, какъ великой милости, войти въ составъ нашихъ градовъ и весей. И теперь, если бы открыть путь имъ, то многіе, безъ сомнѣнія, готовы были бы прилетѣть на крыльяхъ, дабы токмо спастись отъ окружающаго ихъ мятежа и всегубительства.

По чувству народнаго достоинства, не можемъ не присовокупить къ сему и то, что величіе и сила Россіи, когда ни являлись за предѣлами Россіи, всегда являлись не къ угнетенію, а ко благу народовъ. Не Россія ли усмирила могущество Оттомановъ, приводившихъ не одинъ вѣкъ въ трепетъ всю Европу? Не Россія ли расторгла узы неволи, кои налагалъ на нее грозный мечъ Карла и Наполеона? — Не Россія ли, еще въ недавнія времена, побѣдоносно содѣйствовала къ возстанію изъ гроба единовѣрной Греціи? Не Россія ли неусыпно стояла доселѣ на стражѣ всемірнаго порядка и спокойствія, жертвуя для сего многими собственными выгодами? Не Россія ли, если дастъ Господь, послужитъ и въ будущемъ къ обузданію адскаго духа безначалія, отъ коего мятутся теперь царства и народы?

И кому, послѣ благословеній и милости къ намъ Царя небеснаго, должно приписать величіе и силу самой Россіи, какъ не мудрости и неусыпному попеченію о благѣ ея благочестивѣйшихъ Монарховъ нашихъ? Всегда и твердо вѣровало православное отечество наше, что они восходятъ на престолъ не по волѣ человѣческой, а по особенному о нихъ Промыслу Божію, и вотъ, вслѣдствіе сея вѣры и въ подтвержденіе ея предъ всѣмъ свѣтомъ, Промыслъ Божій никогда не переставалъ воздвигать въ ней такихъ вѣнценосцевъ, коихъ одно имя есть уже порука за все великое и благое. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ, въ цѣлой исторіи всемірной, лице, превышающее Петра Великаго? Какая изъ женъ царственныхъ станетъ наравнѣ съ Екатериною Второю? Какой Монархъ былъ вмѣстѣ и величественнѣе и смиренномудрѣе Александра?

Послѣ сего, что̀ остается каждому сыну Россіи, какъ токмо благодарить Бога за то, что онъ—русскій? Благодарить и пользоваться въ тишинѣ преимуществами своего состоянія, пользоваться и содѣйствовать всѣми возлюбленному Монарху къ огражденію отечества отъ бурь иноземныхъ.

Нѣтъ, сыны Запада, не устрашить вамъ насъ силою своею, не прельстить темнымъ ученіемъ своимъ. Есть у насъ, кого слушать, кого любить и за кого, если нужно, умереть намъ. Вѣрьте слѣпо въ бѣдный разумъ и близорукую мудрость человѣческую; а мы никогда не перестанемъ вѣровать разумно во всеуправляющій Промыслъ Божій. Не знаемъ, кто съ вами.

а съ нами — Богъ великій и премудрый. Разумѣйте убо, языцы, и не возмущайтеся тщетно противу насъ, яко съ нами Богъ! — Аминь.

Рѣчь по прочтеніи Высочайшаго манифеста о войнѣ съ Турціею.

Итакъ, облака, цѣлые полгода носившіяся по небосклону, и то приближавшіяся къ намъ, то удалявшіяся, то, повидимому, вовсе исчезавшія, скопились наконецъ въ тучу, уже никѣмъ не отвратимую, которая должна разрѣшиться не другимъ чѣмъ, какъ дождемъ кровавымъ, съ молніею и громомъ разрушительнымъ. Держава, отъ коей вовсе нельзя было ожидать нападеній, по самой ея слабости, тѣмъ паче по нашимъ услугамъ ей,—которая, образуя изъ себя дикій и безобразный наростъ въ благоустроенномъ составѣ тѣла государствъ Европейскихъ, и по тому самому давно и неизбѣжно обречена уничтоженію, — держава, которая, нося внутрь себя зародышъ смерти, не умѣла удержаться въ силѣ, когда была могущественна, и теперь вздумала воспріять древнюю самостоятельность и могущество, когда нѣтъ для ней другаго спасенія, кромѣ великодушія сосѣдей,—держава, столько разъ заключавшая съ нами миръ, и всегда вѣчный, но ни разу не сохранившая условій мира даже до кончины тѣхъ, кои подписывали оныя,—эта держава, вопреки всѣхъ ожиданій, снова и нагло вызвала насъ на брань и, какъ бы недовѣряя еще безумному вызову, поспѣшила сдѣлать вдругъ нѣсколько отчаянныхъ нападеній!

Вѣрующимъ въ слѣпую судьбу рока свойственна подобная опрометчивость; но, когда вспомнимъ, что мы еще такъ недавно два раза спасли сію державу отъ явной погибели, то не знаемъ: чему дивиться болѣе—черной ли неблагодарности, или безумному дерзновенію?

Что мы сдѣлали Турціи?—Требовали только самаго справедливаго и необходимаго. Требовали, чтобы храмамъ православнымъ и ихъ служителямъ была дарована хотя та свобода и неприкосновенность, которою издавна пользуются въ предѣлахъ нашихъ всѣ мечети; требовали, чтобы святыя мѣста іерусалимскія, куда ежегодно текутъ тысячи набожнаго народа русскаго, не переходили изъ рукъ въ руки, какъ нѣкія мѣста купли и продажи, не восхищаемы были,

по произволу страстей и прихотей, изъ-подъ надзора ихъ естественныхъ хранителей; требовали, чтобы вѣра православная не составляла упрека для исповѣдующихъ оную въ глазахъ самаго послѣдняго мусульманина; требовали, чтобы, въ случаѣ нужды, мы могли предстательствовать о страданіяхъ братій нашихъ по вѣрѣ, съ правомъ указывать на ихъ раны и оковы. Сего самаго требовали польза и покой державы Оттоманской, въ коей на три или четыре мусульманина считается по десяти православныхъ.

И кто же бы на нашемъ мѣстѣ не потребовалъ этого?

И кто же бы на мѣстѣ Турціи отказалъ намъ въ этомъ?

Но намъ отказано, гордо отказано!.... Подъ какимъ предлогомъ?—Яко бы мы покушаемся на независимость властителя мусульманъ.... Мы, кои такъ усердно предъ лицемъ всего свѣта спасали эту независимость, мы, для коихъ она такъ же нужна, какъ и для самыхъ мусульманъ, мы, кои столько разъ и столько приносили жертвъ, спасая независимость разныхъ народовъ!

Въ справедливомъ негодованіи на незаслуженное недовѣріе, мы имѣли все право и всю возможность наступить на друга, оказавшагося врагомъ, со все силою, тогда какъ онъ былъ вовсе беззащитенъ; могли рѣшить дѣло прежде, нежели онъ собрался бы съ мыслями, что̀ и о чемъ говорить. Но мы, глубоко оскорбленные, не поступили такимъ образомъ. Для вразумленія показали отчасти, что мы въ состояніи сдѣлать, но ни шагу не сдѣлали далѣе, ожидая раскаянія, дая время образумиться.

Мало ли длилось это время, коего каждый день для насъ былъ невознаградимъ, а для недруга нашего крайне выгоденъ? Ибо представлялъ ему все удобство собрать свои силы, укрѣпить свои границы, возстановить противъ насъ вездѣ и все, намъ по чему-либо не благопріятствующее. Мы все видѣли это, и продолжали свое долготерпѣніе.

Когда явились незванные посредники, видимо наклонные не въ нашу пользу, у насъ доставало силы и права сказать имъ: «не мѣшайте правому дѣлу, или выходите сами на дѣло неправое»; но мы—не сказали этого. Тотчасъ согласились даже на то, что̀ было придумано не нами, а ими, придумано не для насъ, а для спасенія нашего недруга, для

удовлетворенія его самолюбія и гордости. Что же? Принятое нами нагло отвергнуто ими!.....

И послѣ сего неразумнаго упорства противъ всеобщаго приговора, мы все еще не думали возжигать пламень войны, готовы были идти снова длиннымъ и извилистымъ путемъ мирныхъ сношеній и разсужденій, какъ путь сей ни былъ безполезенъ для насъ и выгоденъ для нашего недруга.

И вотъ этотъ путь къ миру нагло пресѣченъ кичливостію врага, и открылось огнедышущее жерло брани!—Все это сдѣлала Порта Оттоманская.

Да почіютъ въ мирѣ души тѣхъ изъ братій нашихъ, кои сдѣлались жертвою нашего великодушія и безумной дерзости врага кичливаго!

Отнынѣ дѣло наше, или вѣрнѣе сказать, дѣло всего христіанства, въ рукахъ уже не человѣческихъ, а Божіихъ. Россія пріемлетъ бранный вызовъ, сдѣланный не словомъ, а огнемъ и мечемъ. Будущее въ рукахъ Божіихъ! Но и мы знаемъ, что милліоны единовѣрныхъ братій нашихъ ждутъ, какъ празднества, нашего пришествія къ нимъ, что самые враги наши ожидаютъ сего, какъ исполненія давнопровѣщаннаго предопредѣленія судебъ высшихъ, что самые недоброжелатели наши не усумнятся перемѣнить свое мнѣніе о требованіяхъ и успѣхахъ нашихъ, когда увидятъ, что правое дѣло, дѣло не личныхъ видовъ и разсчетовъ, а безкорыстной ревности по жалкой судьбѣ на Востокѣ христіанства и человѣчества, восторжествовало въ лицѣ нашемъ.

Итакъ, гряди съ Богомъ брани и побѣдъ православное воинство россійское. Докажи врагамъ нашимъ, что ты то же самое, которое было при Кагулѣ, Измаилѣ и Кулевчѣ, или паче покажи имъ, что являешься теперь за Дунаемъ уже съ береговъ не Днѣпра и Днѣстра, а съ береговъ Вислы и Псела, приведши въ разумъ тѣ народы, съ коими долго еще не сравняться полудикимъ поклонникамъ алкорана.

Намъ, мирнымъ жителямъ градовъ и весей, намъ, братіе, при наступающихъ грозныхъ обстоятельствахъ, остается содѣйствовать православнымъ воинамъ нашимъ, въ первый разъ, одною молитвою.

Но не будемъ думать, что это оружіе безсильно. Нѣтъ, когда молитва растворена живою вѣрою, тогда она сильнѣе всякаго оружія вещественнаго. Припомните, что̀ говоритъ

св. Павелъ о всѣхъ герояхъ завѣта ветхаго. *Вѣрою*, говоритъ онъ, *побѣдиша царствія*. Хотя у нихъ не было нынѣшнихъ средствъ, кои съ продолженіемъ вѣковъ придуманы на истребленіе человѣчества, но было не одно изъ подобныхъ средствъ; и однако же онъ не упоминаетъ ни объ одномъ изъ нихъ, о самомъ мужествѣ сражавшихся, а указываетъ только на вѣру: *вѣрою побѣдиша царствія*. Почему не указываетъ на другія средства? Потому, безъ сомнѣнія, что всѣ они безъ вѣры остаются недѣйствительными, между такъ какъ сама вѣра одна могла замѣнить и въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣняла ихъ всѣ!...

Воодушевившись таковою вѣрою, помолимся, братіе, ко Господу разумовъ, чтобы Онъ ниспослалъ духа премудрости благочестивѣйшему Самодержцу нашему; да съ высоты престола своего, не смотря на разстояніе мѣстъ, возможетъ проразумѣть всѣ козни врага, всѣ извитія дракона, уже давно со всѣхъ сторонъ изъязвленнаго, но все еще ядовитаго!

Помолимся Господу силъ, да изліетъ на православное воинство наше духъ крѣпости, во еже не смущатися ему ни отъ числа и отчаянной дерзости враговъ, ни отъ перемѣны и суровости стихій, ни отъ разныхъ нуждъ и лишеній, ни отъ слабостей собственной природы человѣческой!

Помолимся ко Господу милосердія, да подастъ единовѣрнымъ собратіямъ нашимъ, живущимъ въ предѣлахъ вражіихъ, духа вѣры, терпѣнія и благоразумія для перенесенія новой тягостной годины испытанія, ихъ обышедшаго, и да скорѣе изведетъ ихъ изъ пещи скорбей и рабства, въ коей они, какъ Израильтяне въ Египтѣ, томятся уже болѣе четырехсотъ лѣтъ!

Помолимся, наконецъ, ко Господу и Владыкѣ царствъ и народовъ, да брань наступающая будетъ бранію со врагомъ послѣднею, за коею имѣетъ наступить миръ не по имени токмо, а на самомъ дѣлѣ вѣчный, коего уже некому бы было нарушить.

На Тя, Господи, уповаемъ, *да не постыдимся во вѣки!* Аминь.

Слово при появленіи предъ Одессою флотовъ непріятельскихъ,

произнесенное 8 апрѣля 1854 года въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ, въ Великій Четвертокъ.

Въ такой великій и святый день, какъ нынѣшній, и вездѣ, тѣмъ паче во храмѣ, не хотѣлось бы думать о чемъ-либо другомъ, какъ о возлюбленномъ Спасителѣ и Господѣ нашемъ, Который, нашего ради спасенія, грядетъ на страсть вольную... Но, видно, такъ угодно было Его же святой волѣ, чтобы мы, и въ этотъ день и въ семъ священномъ мѣстѣ, подумали нынѣ и побесѣдовали не столько о томъ, что было нѣкогда съ Нимъ, сколько о томъ, что происходитъ теперь съ нами.

Что же съ нами? Не что-либо совершенно новое и неожиданное, и однако же всего менѣе желанное и пріятное: враги наши, столько времени угрожавшіе намъ своимъ нашествіемъ, наконецъ предъ нами, на водахъ нашихъ!...

Въ такихъ необыкновенныхъ обстоятельствахъ, кои не постигали града нашего со времени его основанія, легко придти въ смущеніе и немалодушному... И вотъ, какъ бы прямо къ ободренію и утѣшенію нашему, мы въ нынѣшній же вечеръ услышимъ изъ устъ Самаго Спасителя нашего слѣдующія утѣшительныя слова: *до не смущается сердце ваше: вѣруйте въ Бога, и въ Мя вѣруйте. Дерзайте, яко Азъ побѣдихъ міръ* (Іоан. 14, 1; 16, 33)! Возлюбленнымъ ученикамъ Христовымъ, во время страданій Его, предстояли опасности и искушенія гораздо большія, чѣмъ предстоятъ теперь намъ; и однако же божественный Наставникъ не позволяетъ имъ предаваться страху и унынію: *да не смущается сердце ваше;* и въ то же время указуетъ имъ на самое вѣрное и дѣйствительное средство къ благодушію: *вѣруйте въ Бога, и въ Мя вѣруйте!* То есть, какъ бы такъ говорилъ Господь: имѣйте токмо вѣру живую и упованіе твердое на Меня и Отца Моего; и никакое зло не прикоснется къ вамъ, и буря пройдетъ мимо васъ безвредно. Поелику же сей всемогущій Спаситель есть единъ *вчера и днесь и тойже во вѣки* (Евр. 13, 8), поелику Онъ всегда и вездѣ можетъ, какъ свидѣтельствуетъ св. Павелъ, спасти *всѣхъ приходящихъ чрезъ Него къ Богу, живъ сый, во еже ходатайство-*

вати о нихъ (Евр. 7, 25): то мы, въ духѣ вѣры и упованія, не усумнимся обратить нынѣ утѣшительныя слова Его ко всему граду нашему и сказать: не смущайся и ты, возлюбленный градъ, отъ лица враговъ своихъ, кои страшны болѣе именемъ своимъ и нашимъ воображеніемъ о нихъ, нежели дѣйствительною возможностію вредить намъ! Не смущайся, а вѣруй твердо въ Богу и во Спасителя твоего, вѣруй и покажи вѣру твою отъ чувствъ и дѣлъ твоихъ! Тогда страхъ и смущеніе сами собой удалятся отъ тебя; ибо сила Всевышняго откроется въ тебѣ, и помощь Господня узрится на тебѣ. Отецъ всемогущій не оставитъ и нынѣ возлюбленнаго Сына, какъ не оставилъ Его на Голгоѳѣ; а любвеобильный Сынъ не оставитъ насъ, кои вѣруемъ во имя Его и готовы теперь терпѣть отъ враговъ не ради нашихъ выгодъ или пріобрѣтеній, а единственно во славу животворящаго креста Его.

Въ самомъ дѣлѣ, за что воздвигаютъ на насъ брань эти гордые пришельцы? Мы не трогали и не думали трогать ни ихъ чести, ни ихъ собственности; мы желали токмо защитить честь вѣры христіанской, обезопасить жизнь и собственность собратій нашихъ по вѣрѣ отъ безумія и гордости мусульманской. Это ли наша неправда? За сіе ли возставать на насъ съ такою злобою? Ахъ, если бы у враговъ нашихъ не угасла живая вѣра въ Спасителя и не оскудѣла христіанская любовь къ ближнимъ, то, вмѣсто нападенія на насъ, они сами, подобно намъ, должны бы давно стать противъ притѣснителей христіанства на Востокѣ и положить конецъ ихъ кровожадной свирѣпости. Сего самаго и ожидали отъ нихъ всѣ истинные послѣдователи вѣры христіанской; сего именно надѣялись всѣ искренніе друзья человѣчества; для сего-то и съ нашей стороны истощено столько терпѣнія, принесено столько жертвъ: не наша вина, если мы остались наконецъ одни подъ знаменемъ креста, у подножія гроба Господня!...

Посему-то, смотрите, и къ утѣшенію своему примѣтьте, какъ Господь видимо начинаетъ принимать дѣло наше подъ Свое особенное, всемогущее покровительство! Ибо когда открываются предстоящія намъ теперь искушенія? Открываются вмѣстѣ съ началомъ страданій Христовыхъ: такимъ образомъ мы будемъ проходить ихъ, такъ сказать, подъ сѣнію креста Христова. Не утѣшеніе ли это для всякаго,

кто вѣруетъ въ Господа Іисуса и любитъ крестъ Его? — Самый день нынѣшній, въ который явились противу насъ враги, служитъ уже для насъ знаменіемъ во благо. Ибо, какъ именуется онъ издревле отъ всѣхъ православныхъ чадъ Церкви?—Днемъ *чистымъ*. И вотъ въ сей-то самый день, какъ въ знакъ и выраженіе чистоты и правости нашего дѣла, а слѣдовательно и въ побужденіе насъ къ вѣрѣ и благодушію, попущено свыше открыться нападенію на насъ!...

Но, братіе мои, да не послужитъ сіе для насъ въ пищу гордости духовной и суетной праведности фарисейской, толико противной Тому, Кто сказалъ о Себѣ, что Онъ *кротокъ и смиренъ сердцемъ* (Матѳ. 11, 29).—Если объ Апостолахъ Христовыхъ речено: *чисти есте, но не вси* (Іоан. 13, 10); если и первоверховный изъ Апостоловъ имѣлъ нужду въ омовеніи ногъ, дабы содѣлаться совершенно чистымъ: то тѣмъ паче намъ не возможно сказать, что мы чисты есмы вси, и чтобы кто-либо изъ насъ не имѣлъ уже никакой нужды въ очищеніи себя отъ страстей и грѣховъ. *Аще речемъ*, пишетъ возлюбленный ученикъ Христовъ, *яко грѣха не имамы, себе прельщаемъ, и истины нѣсть въ насъ* (1 Іоан. 1, 8). Но грѣхи и страсти самое неблагоуспѣшное напутіе для тѣхъ, коимъ угрожаетъ нападеніе отъ враговъ; ибо ими привлекается гнѣвъ Божій. Посему не будьте праздными зрителями того священнаго обряда, который сейчасъ будетъ совершаться предъ вами: когда мы будемъ, по чину святой Церкви, омывать нозѣ сослужителямъ нашимъ, вы омывайте въ это время души и сердца ваши.

Для сего помысли, возлюбленный, о грѣхахъ твоихъ и о томъ, какъ прогнѣвана ими благость Божія, какъ осквернено ими собственное твое существо, какъ гнѣвъ Божій будетъ за сіе поражать тебя на судѣ всемірномъ, а можетъ быть, еще и въ сей жизни, — помысли, говорю, о всемъ этомъ; и если Господь подастъ тебѣ при семъ слезы умиленія сердечнаго, то омывайся сими драгоцѣнными слезами, какъ можно болѣе. Въ сей купели погружалась нѣкогда блудница, омывавшая ноги Спасителя своего слезами, — и вышла изъ нея чистою и спасенною. То же будетъ и съ тобою! У кого не достанетъ слезъ, а есть блага вѣка сего — стяжанія и богатства, тотъ спѣши омыть жизнь и душу свою водами милосердія. Потокъ милостыни цѣлебенъ

и силенъ къ омовенію самыхъ черныхъ пятенъ совѣсти, какъ показываютъ многіе примѣры въ словѣ Божіемъ. Прекрасно также дѣйствуетъ къ очищенію грѣховъ нашихъ отложеніе ненависти и прощеніе обидъ ближнимъ нашимъ; ибо Самъ Спаситель сказалъ: *аще отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, и Отецъ вашъ небесный отпуститъ вамъ согрѣшенія ваша* (Матѳ. 6, 14).

Есть и другія средства къ очищенію себя отъ грѣховъ и къ принятію благодати Божіей, только бы мы захотѣли искренно разстаться съ тѣми нечистыми и богопротивными кумирами, коимъ доселѣ поклонялись безумно.

И на что лучше употребить слѣдующіе святые дни, какъ не на сіе великое дѣло спасенія душъ нашихъ? Особенно когда съ этимъ дѣломъ соединилась теперь и внѣшняя наша безопасность отъ враговъ? Ибо все въ десницѣ Божіей, и все безпрекословно покорствуетъ Его пресвятой волѣ. Восхощетъ, — и самое море возмутится противу враговъ нашихъ и размещетъ, яко хврастіе, пловучія твердыни ихъ. Восхощетъ, — и громы онѣмѣютъ въ рукахъ ихъ и праздно разсыпятся надъ нами по воздуху. Восхощетъ,—и наши брега явятся неприступными, и единъ изъ защитниковъ нашихъ поженетъ тысящи, а десять—тьмы.

Страшны по сему собственно не враги, а грѣхи наши, лишающіе насъ благодати Господней.

Дабы сего не послѣдовало съ нами, то, вмѣсто страховъ и смущенія, начнемъ по примѣру древнихъ ниневитянъ, дѣло искренняго покаянія. На нихъ былъ уже изреченъ судъ Божій; однако же постъ и молитва, смиреніе и сокрушеніе сердца отвратили отъ нихъ гнѣвъ небесный. Тѣмъ паче мы можемъ улучить милость и заступленіе свыше, кои ратуемъ и подвизаемся не за себя, а за крестъ и гробъ Христовъ, — и улучимъ, коль скоро явимъ въ себѣ истинныхъ ратниковъ Христовыхъ, облеченныхъ не въ одно оружіе земное, а и въ *оружія Божія* (Ефес. 6, 13), то есть, въ вѣру живую, упованіе твердое, любовь нелицемѣрную къ правдѣ и смиреніе христіанское. — Аминь.

Слово во время облежанія Одессы флотомъ непріятельскимъ,

произнесенное 9 апрѣля 1854 года въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ, въ Великій Пятокъ.

Итакъ, велико дѣло Богочеловѣка кончено!... При всей чистотѣ и благости Своего ученія, при всемъ величіи и благотворности чудесъ Своихъ, Онъ не узнанъ народомъ іудейскимъ, преданъ невѣрнымъ ученикомъ, отвергнутъ синедріономъ, осмѣянъ Иродомъ, не спасенъ Пилатомъ, посрамленъ и умученъ воинами, вознесенъ посреди злодѣевъ на крестъ; и се, яко жертва во спасеніе всего міра, предаетъ наконецъ духъ Свой Богу Отцу! *Совершишася!...*

Что съ нашимъ дѣломъ, которое, хотя само по себѣ безконечно мало въ сравненіи съ чрезвычайнымъ событіемъ Голгоѳскимъ, но тѣмъ не менѣе грозитъ намъ крестомъ и плащаницею?... Мы знаемъ несомнѣнно, и о насъ сотворенъ уже врагами нашими совѣтъ, *да имутъ* насъ и *погубятъ*, если не жизнь, то достояніе и честь нашу. Найдены уже противу насъ и лжесвидѣтели, готовые утверждать, что нами нарушено всеобщее право народовъ, что мы хотѣли разорить и потопить ихъ мнимо мирную ладію. Если бы враги наши хотѣли искренно узнать истину, то не было бы ничего легче намъ показать, а имъ увидѣть ее; но они, подобно Пилату, только вопрошаютъ объ истинѣ, а въ самомъ дѣлѣ желаютъ не истины, а предлога къ нападенію на насъ. И вотъ почему предложены ими такія условія намъ, на кои, подобно Спасителю на судѣ Пилата, не остается отвѣчать намъ ничѣмъ другимъ, какъ только — молчаніемъ: *отвѣта не даде ему* (Іоан. 19, 9). Пилатъ не оскорбился молчаніемъ Богочеловѣка, какъ замѣчаетъ святый Іоаннъ, *отъ сего искаше пустити Его* (Іоан. 19, 12); но наше молчаніе не можетъ произвести подобнаго дѣйствія; и намъ, послѣ него, предстоитъ, безъ сомнѣнія, отъ враговъ нашихъ не спокойствіе и безопасность, а жестокая буря — съ молніею и громами.

Если посему въ какомъ положеніи, то въ настоящемъ,— когда и всѣ мы находимся, можно сказать, предъ Крестомъ и Голгоѳою,—для насъ необходимъ вождь и утѣшитель. И се,—онъ является намъ въ лицѣ Самаго Господа и Спасителя нашего! Ибо, думаете ли, что случайно и безъ особен-

наго Божія промышленія произошло то, что о насъ судятъ теперь и насъ осуждаютъ враги наши именно въ то время, когда былъ судимъ и осужденъ Господь нашъ?—Нѣтъ! — Это слѣдствіе тайнаго всеблагаго предраспоряженія *свыше*, которое враги наши, сами не зная того, хотятъ привести въ исполненіе, подобно тому, какъ невѣрные іудеи, дѣйствуя по единой своей злобѣ, тѣмъ не менѣе привели въ исполненіе всѣ предсказанія пророковъ о судьбѣ своего Мессіи и собственной.

Итакъ, кто изъ насъ ищетъ себѣ теперь вразумленія и утѣшенія (а кому оно не нужно?), тотъ впери взоръ и мысль свою въ это священное изображеніе распятаго Спасителя, которое святая Церковь представляетъ нынѣ предъ нами... Се, нашъ вождь и наставникъ! Се, нашъ утѣшитель!

Что могло сравниться съ злобою враговъ Іисусовыхъ? Что могло сравниться и съ Его страданіемъ и муками?— Но, что успѣли враги? Что произвели страданія? Произвели спасеніе всему міру и вознесли Божественнаго Страдальца на престолъ славы и всемогущества. Иначе не могло и быть, потому что Его дѣло было дѣломъ истины и правды; потому что Онъ творилъ волю Отца Своего, приносилъ Себя въ жертву за спасеніе всего міра; потому что враги Его шли и дѣйствовали противъ опредѣленій небесныхъ. Такъ будетъ и со всякимъ, кто, подобно Спасителю своему, стоитъ за истину противъ неправды, кто приноситъ себя въ жертву не ради земныхъ выгодъ, а за спасеніе своихъ собратій. Какъ бы ни были сильны и коварны враги, они не могутъ сдѣлать бѣлаго чернымъ, праваго неправымъ, не могутъ взять верха надъ невинностію. Почему? По тому, что жребій сыновъ человѣческихъ не оставленъ на произволъ случая и судьбы, а содержится въ десницѣ премудраго и всеблагаго Міроправителя; по тому, что есть Богъ, судяй всей земли, есть всемогущій Защитникъ истины и правды, Который готовъ сотрясти небомъ и землею, но не дастъ въ поруганіе вѣрующихъ во имя Его и творящихъ святую волю Его.

И здѣсь-то, братіе мои, обильный источникъ ободренія и утѣшенія для насъ въ настоящихъ обстоятельствахъ нашихъ, ибо дѣло, за которое подняли на насъ оружіе враги наши, есть дѣло съ нашей стороны совершенно правое и святое,—дѣло, можно сказать, не наше, а Божіе и Хри-

стово. Ибо, за что ратуютъ на насъ? Не за что другое, какъ за то, что мы хотимъ свободы вѣры и совѣсти для собратій нашихъ по вѣрѣ, живущихъ подъ игомъ магометанскимъ, за то, что мы желаемъ спасти Крестъ Христовъ и Евангеліе отъ совершеннаго униженія предъ алкораномъ: вотъ наши желанія и требованія! Другихъ мы не имѣли и не имѣемъ: это можемъ сказать мы вслухъ всего свѣта, предъ симъ крестомъ и гробомъ Спасителя нашего.

А враги наши что могутъ сказать предъ сею плащаницею въ оправданіе своего нечестиваго союза противу насъ съ поклонниками Магомета?—Что для спокойствія и благоденствія нашей части свѣта необходимо существованіе среди ея во всей силѣ прелести магометовой?.. Что взаимное отношеніе странъ и народовъ христіанскихъ поколеблется и превратится, если во градѣ Константина Великаго не будетъ ежедневно провозглашаемо на всѣхъ стогнахъ: нѣтъ Бога, кромѣ Бога Магометова?... Что идолъ сей,—разумѣемъ магометанство съ его алкораномъ,—такъ нуженъ для равновѣсія (никогда небывалаго) державъ Европейскихъ, что, не смотря на всю его отвратительность, ему, какъ древле Молоху, должно приносить ежечасно въ жертву вѣру, свободу, честь, достояніе и самую жизнь цѣлыхъ милліоновъ единовѣрныхъ братій нашихъ?... Подобное сему дѣйствительно не стыдятся утверждать враги наши, но что значитъ это? Увы, сладчайшій Іисусе! много слышалъ Ты хуленій со креста Твоего; надлежало, наконецъ, услышать Тебѣ и эту ужасную хулу, услышать уже не со креста, а со престола славы Твоея на небеси, услышать не отъ враговъ, а отъ собственныхъ послѣдователей Твоихъ!.. Итакъ, Ты не совершилъ дѣла спасенія нашего, якоже подобало! Для благоденствія обществъ человѣческихъ мало Твоего Креста и Евангелія; для сего, въ помощь Тебѣ потребенъ еще Магометъ съ его алкораномъ!...

Какъ ни горько, братіе мои, помышлять о такой измѣнѣ западныхъ христіанъ Богу отцевъ своихъ, и какъ ни жалко въ семъ отношеніи ихъ духовное состояніе, какъ ни отвратителенъ ихъ противуестественный союзъ со врагами креста Христова; но съ другой стороны, сіе-то самое и должно служить къ ободренію нашему, ибо враги наши, въ ослѣпленіи ума и совѣсти своея, возстали такимъ образомъ уже

не противъ насъ, а, можно сказать, противъ Самаго Спасителя своего, безчестя Его всесвятое имя и унижая божественную вѣру въ Него предъ лжеученіемъ магометовымъ. Не знаемъ, куда доведетъ враговъ нашихъ этотъ новый несчастный путь ихъ. Дай Богъ, чтобы—тѣмъ или другимъ образомъ—онъ привелъ ихъ къ познанію истины и своего заблужденія, къ живой вѣрѣ въ Господа и Спасителя нашего, и къ убѣжденію въ томъ, что истинное *благочестіе* христіанское *на все полезно есть,* имѣя *обѣтованіе живота,* не *грядущаго* токмо, вѣчнаго, но и настоящаго, временнаго (1 Тим. 4, 8), и что его одного,—безъ прелести магометовой—достаточно къ утвержденію благоденствія всѣхъ царствъ и всѣхъ народовъ. Но, что бы враги наши ни дѣлали, какими бы путями ни ходили, мы, послѣдуя примѣру Благочестивѣйшаго Монарха нашего и святому обычаю предковъ нашихъ, будемъ продолжать идти путемъ Христовымъ, хотя онъ покрытъ нынѣ предъ нами терніемъ, ибо это единственный путь, вводяй въ животъ вѣчный.

Для сего, падши на землю предъ симъ изображеніемъ Господа нашего, рцемъ къ Нему вси изъ глубины души: никто, дражайшій Спаситель нашъ, никто и ничто не разлучитъ насъ отъ животворящаго креста и живоноснаго гроба Твоего! Гвоздіе, копіе и вѣнецъ Твой терновый драгоцѣннѣе для насъ всѣхъ сокровищъ міра. Враги наши уповаютъ на свою силу и искусство; а мы уповаемъ на Тебя единаго и Тебѣ ввѣряемъ животъ нашъ, и другъ друга, и весь градъ и всю страну нашу!.. *Якоже хощеши,* о Всеблагій и Премудрый, *устрой о насъ вещь;*—токмо да будетъ все во славу пресвятаго имени Твоего и въ посрамленіе злочестивой прелести Магомета и клевретовъ его! Аминь.

Слово во время бомбардировки Одессы соединеннымъ флотомъ англо-французскимъ,

произнесенное 10 апрѣля 1854 года, въ одесскомъ каѳедральномъ Соборѣ, въ Великую Субботу.

Итакъ, вы не рѣшились оставить гроба Спасителя своего и въ эти грозныя минуты, когда смерть и пагуба носятся надъ собственными главами вашими!... Привѣтствуемъ, васъ

возлюбленные, съ симъ святымъ жребіемъ Іосифа, Никодима и женъ Мѵроносицъ, кои такъ же, среди немалыхъ страховъ и опасеній отъ іудеевъ, погребали учителя и Господа своего. Вы не оставили Его теперь; Онъ преблагій, не забудетъ и не оставитъ васъ въ тотъ великій и страшный день, когда уже не слабые перуны человѣческіе будутъ летать по воздыху, а самыя *небеса мимо идутъ съ шумомъ*, самыя *стихіи, сжигаемы, разорятся, а земля и, яже на ней, дѣла сгорятъ* (2 Петр. 3, 10).

Тяжкая година надъ нами, братіе!—О градѣ нашемъ со всею точностію можно сказать теперь словами св. Давида, *яко врази наши обыщедши обыдоша* насъ, *яко пчелы сотъ, и разгорѣшася, яко огнь въ терніи* (Псал. 117, 12). То самое море, которое доселѣ обыкло приносить намъ прохладу и всѣ выгоды жизни, обратилось теперь въ бездну огнедышущую, изъ коей несутся на насъ молніи и громы.

Но будемъ ли унывать и смущаться безотрадно? Нѣтъ: у живоноснаго гроба Спасителя для христіанина не страшенъ самый адъ, а это еще развѣ одна слабая тѣнь его. *Аще пойду,* говоритъ святый Давидъ, *посреди тьмы и сѣни смертныя, не убоюся зла.* Почему? *Яко Ты,* Господи, *со мною еси* (Псал. 22, 4). Важно по сему не то, что происходитъ теперь, а то, съ кѣмъ теперь, Господь: съ нами, или со врагами нашими. Но, можетъ ли Господь быть съ тѣми, кои воздвигли брань противу насъ за враговъ Креста Христова? Можетъ ли Господь быть съ тѣми, кои, будучи сами христіанами, не усрамились сихъ великихъ и священныхъ дней и дерзнули возмутить столь нечестивымъ образомъ смертный покой Спасителя своего во гробѣ?—Нѣтъ, если есть кто со врагами нашими, то развѣ Веліаръ и Магометъ, за темную державу коего они возстали на насъ; а Господь всеблагій съ нами, кои, аще нечисты и грѣшны есмы, но подвизаемся во славу пресвятаго имени Его, сражаемся не за наши какія-либо выгоды, а за вѣру православную, за гробъ Господень и за угнетенныхъ собратій нашихъ по вѣрѣ.

И смотрите, какъ Господъ видимо показалъ, что Онъ съ нами—противъ враговъ нашихъ!—Они могли напасть на насъ, когда угодно, но напали не въ другое какое-либо время, а въ самый день погребенія Господня, какъ бы во

свидѣтельство того, что мы ратуемъ именно за крестъ и гробъ Господень. Враги наши, можетъ быть, думали преогорчить этимъ для насъ свое нападеніе, а въ самомъ дѣлѣ они усладили симъ всю его горечь, ибо если уже необходимо страдать, то лучше пострадать вмѣстѣ съ Господомъ, у Его животворящаго креста, при Его живоносномъ гробѣ. *Аще бо,* говоритъ Апостолъ, *съ Нимъ умрохомъ,* то *съ Нимъ и оживемъ: аще терпимъ, съ Нимъ воцаримся* (2 Тим. 2, 11. 12). Въ такомъ случаѣ хотя бы кто изъ насъ лишился нынѣ самой жизни. то, при живой вѣрѣ въ силу креста Христова, онъ ничего не потеряетъ, ибо и ему будетъ сказано: *днесь со Мною будеши въ раи* (Лук. 23, 43).

А враги наши самымъ нападеніемъ на насъ въ сей день потеряли уже невозвратно многое. Всюду, гдѣ услышатъ о ихъ нечестіи (а гдѣ не услышатъ?), изумятся и скажутъ: несчастные, развѣ не могли они, изъ уваженія къ общему для христіанъ знаменію спасенія, отложить на время свою злобу и алчность?—А что возглаголетъ и разсудитъ о нихъ Господь? О, *Онъ поругаемъ не бываетъ* (Гал. 6, 7)! Не желаемъ зла и врагамъ нашимъ, ибо слышали вчера, какъ Господь молился за самыхъ распинателей своихъ, но, памятуя судьбу Божію въ подобныхъ случаяхъ, не можемъ не сказать, что тѣ, кои дерзнули возмутить такъ нагло покой Господа своего во гробѣ, едва ли сами сойдутъ съ миромъ въ свои собственные гробы...

Если же Господь съ нами, то чего намъ страшиться? Онъ, всемогущій, защититъ насъ отъ всякаго зла. И смотрите, день уже преклоняется къ вечеру; у врага начинаютъ уже оскудѣвать оружія; но много ли успѣлъ онъ сдѣлать зла намъ? о имени Господнемъ дерзаемъ увѣрить васъ, что не болѣе сдѣлаетъ намъ зла и до вечера. Ибо Кто съ нами, Тотъ сильнѣе того, кто съ нимъ: лунѣ не затмить солнца, Веліару и Магомету не побѣдить Христа!..

Итакъ, облобызавъ снова язвы Спасителя, идите съ миромъ, братіе мои, въ домы свои, и ждите спасенія отъ Господа, всегда и вездѣ спасающаго правые сердцемъ. За Великою Субботою всегда слѣдуетъ свѣтлый день Воскресенія, не замедлитъ и за настоящею, сугубо-великою для насъ, Субботою послѣдовать сугубо-великое Воскресеніе:—то есть, вмѣстѣ съ воскресеніемъ Господа, и наше изба-

вленіе отъ обышедшихъ насъ золъ, а въ послѣдствіи и воскресеніе всего православнаго Востока—изъ гроба четырехвѣковаго рабства мусульманскаго.

А вы, возлюбленные сослужители наши, столь бодрственно доселѣ стоявшіе съ нами на духовной стражѣ у креста Христова, удвойте и утройте усердіе и попеченія ваши, дабы къ наступающей священно-таинственной ночи все было уготовано по чину церковному, *да не речетъ врагъ* града нашего: *укрѣпихся на него* (Псал. 12, 5)! Пусть возлюбленный Женихъ душъ, имѣющій въ полунощи изыти изъ гроба, яко отъ чертога, найдетъ всѣхъ насъ бдящими и, со свѣтильниками въ рукахъ, готовыми къ прославленію Его воскресшаго и съ Собою вся совоскресившаго. Аминь.

Слово послѣ бомбардированія г. Одессы соединеннымъ флотомъ непріятельскимъ,

произнесенное 11-го апрѣля 1854 года, въ день Пасхи на литургіи, въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ.

Христосъ воскресе!

Вчера спогребохся Тебѣ, Христе, совостаю днесь, воскресшу Тебѣ· сраспинахся Тебѣ вчера!

Какъ ни высокъ смыслъ и какъ ни глубоко значеніе сей священной пѣсни церковной, въ настоящій день цѣлый городъ нашъ можетъ приложить ее къ себѣ, и, ставъ предъ изображеніемъ воскресшаго Господа, съ благоговѣйнымъ смиреніемъ сказать: *вчера спогребохся Тебѣ, Христе, совостаю днесь, воскресшу Тебѣ!*

Въ самомъ дѣлѣ, кто изъ жителей града нашего, тѣмъ или другимъ образомъ, не подвергался вчера великой опасности отъ враговъ нашихъ? И за кого была бы претерплена вчера самая смерть (какъ и претерплена нѣкоторыми), если не за крестъ и гробъ Христовъ? Ибо, какая другая цѣль самой войны настоящей, какъ не защита вѣры православной и единовѣрныхъ собратій нашихъ отъ насилій и угнетеній мусульманскихъ? Посему-то, при всемъ духовномъ недостоинствѣ нашемъ, мы въ утѣшеніе свое можемъ сказать нынѣ, что вчера мы всѣ спогребались Самому Христу, Царю и Богу нашему. Нѣкоторые спогреблись вполнѣ—самымъ

дѣломъ, ибо пріяли,—я сказалъ,—смерть отъ огней вражескихъ: а мы хотя и не подверглись, по милости Божіей, сему кровавому жребію, но, по самому положенію нашему, долженствовали быть готовыми на то же самое. Поелику Господь, какъ вы слышали отъ святаго Златоуста, не только дѣянія пріемлетъ, но и предложеніе хвалитъ, и самое благое намѣреніе лобызаетъ, то быть не можетъ, чтобы Онъ, всеблагій, зря на сердце наше и готовность спострадать Ему, не вмѣнилъ того намъ въ самое дѣло и не восхотѣлъ раздѣлить съ нами и радости воскресенія Своего. *Вчера спогребохся Тебѣ, Христе, совостаю днесь, воскресшу Тебѣ!*

«Но, какъ намъ радоваться,—помыслитъ кто-либо,—когда лютый врагъ нашъ, по всей вѣроятности, готовитъ противу насъ новую огненную бурю?»

А какъ радовались, возлюбленный, отроки вавилонскіе въ пещи халдейской, какъ ты слышалъ вчера у гроба Спасителя,—и не только радовались, но и воспѣвали во славу Господню? Подобнымъ образомъ будемъ радоваться и мы, коихъ положеніе еще далеко не такъ ужасно, какъ было оныхъ дивныхъ отроковъ среди пламени пещнаго.

Какъ,—укажемъ на другой примѣръ,—какъ радовались Апостолы Христовы, о коихъ въ дѣяніяхъ Апостольскихъ читаемъ, что они, послѣ біенія и ранъ отъ іудеевъ, *идяху, радующеся, отъ лица собора іудейскаго, яко за имя Господа Іисуса сподобишася безчестіе пріяти* (Дѣян. 5, 41). Такъ будемъ радоваться и мы, кои вчера сподобились величайшей чести—спострадать Ему въ самый день погребенія Его.

Если какая радость есть самая чистая и достойная праздника воскресшаго Господа, то эта, ибо она будетъ происходить не отъ другихъ какихъ-либо причинъ и побужденій, напр. не отъ увеселеній праздничныхъ, не отъ угожденія плоти и крови,—а именно изъ любви къ нашему Спасителю и Господу. Такою радостію мы еще никогда не радовались, такъ какъ не было къ тому и такого необыкновеннаго случая. Возрадуемся же нынѣ и воскликнемъ подобно Израильтянамъ, по прошествіи ими Чермнаго моря: *поимъ Господеви славно бо прославися* (Исх. 15, 1)!—*Прославися славно,* не только въ преславномъ возстаніи Своемъ изъ гроба, но и въ спасеніи отъ смерти и гроба насъ, кои подверглись вчера такому множеству смертоносныхъ стрѣлъ

вражескихъ: *прославися славно,* не только въ посрамленіи іудеевъ, вознесшихъ Начальника жизни на крестъ и хотѣвшихъ удержать Его во гробѣ, но и въ постыженіи враговъ нашихъ, кои такъ же готовили намъ не жизнь и радость, а смерть, разрушеніе и плѣнъ позорный.

Что касается до враговъ нашихъ, то, вѣроятно, они не преминутъ нынѣ явиться противъ насъ снова—въ томъ или другомъ видѣ. ибо надобно же имъ докончить дѣло своего нечестія и не показать, что отъ вчерашнихъ ранъ своихъ они уже не въ состояніи выйти противу насъ на брань, но будьте увѣрены, что, наученные опытомъ, враги явятся безъ прежней наглости и самонадѣянія. А намъ послѣ того, какъ мы видѣли вчера и безуспѣшіе врага и особенную милость Божію надъ нами, намъ уже непростительно было бы оказаться малодушными. Если Господь защитилъ насъ Своею невидимою силою такъ побѣдоносно вчера, когда мы предстояли Его гробу: то тѣмъ паче не предастъ насъ въ жертву врагамъ нынѣ—въ день преславнаго востанія Его изъ гроба. Ничто убо, скажемъ и мы словами св. Златоуста, ничто да не препятствуетъ нашей радости о воскресшемъ Спасителѣ нашемъ, *поимъ Господеви, славно бо прославися*!

А если кто изъ насъ уже никакъ не можетъ оставить страха, то мы, пожалуй, и ему укажемъ—чего можно и должно страшиться всѣмъ намъ: того, возлюбленный, чтобы не отступила какимъ-либо образомъ отъ насъ благодать Божія. Ибо тогда не поможетъ намъ никакая сила, никакое оружіе, и никакое искусство защитниковъ нашихъ. А благодать Божія, какъ, думаю, не безъизвѣстно вамъ, отступаетъ отъ человѣка, и отъ цѣлыхъ градовъ и весей тогда, если они, вознерадѣвъ о законѣ Божіемъ и душѣ своей, предаются нераскаянно дѣламъ тьмы—гордости, невоздержанію, плотоугодію, злобѣ и ненависти. Будемъ посему хранить себя всѣми силами отъ таковыхъ дѣлъ тьмы и всегда, тѣмъ паче въ продолженіе настоящаго облежанія насъ врагами. Поспѣшимъ, напротивъ, украсить себя, и ради великаго празднества, и ради окружающей насъ опасности, дѣлами свѣта, любовію, кротостію, чистотою и милосердіемъ. Тогда воскресшій Господь будетъ съ нами и подастъ намъ, какъ подалъ Апостоламъ, Свой миръ и Свою радость, коихъ

не можетъ возмутить и похитить никакой врагъ—ни видимый, ни невидимый. Аминь.

Слово послѣ бомбардированія гавани одесской пароходомъ непріятельскимъ,

произнесенное въ первый день Пасхи на вечерни въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ.

Христосъ воскресе!

Итакъ, врагъ нашъ не усумнился возмутить перунами своими радость нашу о воскресеніи Господнемъ; подобно какъ вчера не устыдился нарушить святое сѣтованіе наше при гробѣ Господнемъ!.. Будь это день рожденія Магомета, или день постыднаго бѣгства его изъ Мекки, враги наши, вѣроятно, изъ одного приличія, не захотѣли бы нарушить спокойствія мусульманъ, и дали бы имъ въ мирѣ окончить свое празднество; а день погребенія Спасителя міра, день Его преславнаго возстанія изъ гроба для нихъ ничего не значитъ!.. Въ сіи-то самые дни они наипаче злобствуютъ и бѣснуются, какъ одержимые духомъ тьмы и злобы!.. Въ самомъ дѣлѣ, кто могъ внушить имъ такое ожесточеніе. не только противу насъ, но и противъ святыхъ праздниковъ христіанскихъ, какъ не оный древній противникъ Бога и человѣка, который дерзнулъ нѣкогда возмутить покой и тишину самаго неба?

Да примѣтятъ сіе тѣ изъ насъ, кои привыкли безразсудно брать въ образецъ нравовъ и обхожденія эти самые народы, теперь противу насъ такъ враждующіе: вотъ ихъ мудрость и образованность! вотъ ихъ мягкость и утонченіе нравовъ! Сражаться и полагать душу за нечестивыхъ поклонниковъ Магомета; ковать изъ угожденія имъ цѣпи для своихъ собратій-христіанъ, ни во что ставить таинства св. вѣры и праздники Господни, нападать нагло на мирные города и веси!.. Оставляйте послѣ сего легкомысленно родную страну свою, чтобы спѣшить къ нимъ на уроки; наполняйте память и обогащайте свой умъ душетлѣнными произведеніями ихъ разстроеннаго воображенія; препоручайте дѣтей вашихъ ихъ руководству: они научатъ ихъ, какъ лю-

бить Бога и ближняго, какъ почитать отца и матерь, какъ быть вѣрнымъ Царю и отечеству!....

Но, что же сдѣлалъ и въ чемъ успѣлъ нынѣ врагъ нашъ? О, онъ успѣлъ чрезвычайно много!... Вреда намъ онъ не сдѣлалъ почти никакого, но если кто еще сомнѣвался доселѣ въ томъ, что для него нѣтъ ничего священнаго, то теперь уже—не можетъ!... Ибо, какъ поступилъ въ настоящій день онъ, такъ могли поступить только одни враги креста Христова!... Посему-то и стяжалъ онъ для себя нынѣ новый трофей; до сего времени врагъ нашъ былъ отвратителенъ собственно для насъ, а теперь омерзѣлъ нечестіемъ своимъ самымъ, среди насъ обитающимъ, соотчичамъ своимъ, кои, видя нашу справедливость и его неправды и гордыню, спѣшатъ одинъ за другимъ, оставивъ униженное и опозоренное знамя своей родины, уклониться навсегда подъ благотворную сѣнь орла всероссійскаго.

Но меня особенно поражаетъ нынѣ одно обстоятельство. Когда приблизилась буря къ намъ и непріятель появился на водахъ нашихъ и началъ оказывать обычную ему дерзость и алчность, то нѣкоторые изъ насъ невольно приходили въ страхъ и предавались унынію; а я утверждалъ противное, говорилъ, что врагъ нашъ страшенъ болѣе въ нашемъ воображеніи, нежели на самомъ дѣлѣ, что онъ со всѣми силами и средствами своими не можетъ сдѣлать намъ вреда значительнаго, что одинъ, два, три опыта,—и тѣ сами, кои теперь такъ страшатся, увидятъ истину и начнутъ презирать опасность, что можетъ, наконецъ, наступить время, когда малыя дѣти будутъ глумиться надъ шумомъ оружія непріятельскаго. И кто бы могъ ожидать? — не только первыя, самыя послѣднія слова мои оправдались уже во всей силѣ, оправдались еще вчера, когда нельзя было предвидѣть, чѣмъ кончится дѣло. Не отъ одного очевиднаго свидѣтеля слышу я, какъ вчерашній день нѣкоторые изъ самыхъ юныхъ отроковъ, видя безуспѣшность падающихъ среди града нашего перуновъ вражіихъ, гонялись за ними, какъ за предметами игры, чтобы пріобрѣсти въ добычу себѣ, какъ нѣкоторые, даже полууязвленные, не хотѣли выпустить добытаго изъ рукъ своихъ.

Стоило же приходить для сего изъ отдаленнѣйшаго края нашей части свѣта цѣлымъ флотамъ двухъ великихъ дер-

жавъ!—Стоило нарушать для сего святость дней, первыхъ въ году для всего міра христіанскаго! Стоило разбросать напрасно столько молній и громовъ!

Но, братіи мои, мы впали бы въ грубую ошибку и непростительную гордость, если бы возмнили, что все это безуспѣшіе врага было слѣдствіемъ нашихъ силъ и нашего искусства. Нѣтъ, и не съ такими силами и средствами какъ наши, въ подобныхъ случаяхъ трепетали предъ нимъ другіе грады и страны. Съ нами напротивъ произошло вчера нѣчто необыкновенное; надъ нами и градомъ нашимъ проявилось особенное знаменіе милости Божіей, проявилось въ томъ, что сверхъ всякаго ожиданія, разженныя стрѣлы врага не оказывали сроднаго имъ дѣйствія; и если не возвращались вспять на него самаго, какъ древле при осадѣ Великаго Новграда, то не вредили намъ и падали праздно на землю.

Если же Господь показалъ себя такимъ образомъ особеннымъ Заступникомъ нашимъ, то и намъ, братіе мои, предлежитъ явить себя преимущественно *людьми Божіими*. И мы явимъ себя такими, если, оставивъ суетныя забавы и увеселенія, коими обыкъ сопровождаться и, сказать точнѣе, помрачаться нынѣшній великій праздникъ, проведемъ его въ молитвахъ и хожденіи во храмъ Божій, въ мирномъ и благочестивомъ собесѣдованіи о путяхъ Промысла Божія, такъ разительно явленныхъ и надъ нами, и въ дѣлахъ любви и благотворенія къ бѣднымъ и нуждающимся собратіямъ нашимъ. Хотѣли ли, наконецъ, сдѣлать что-либо особенно благоугодное для воскресшаго Господа — въ знакъ благодарности за спасеніе Имъ града нашего?—И для сего есть у всѣхъ насъ весьма благонадежное средство. Господь нашъ ни отъ чего такъ не отвращается, какъ отъ злобы и ненависти, и ничего такъ не любитъ и не благословляетъ, какъ мира и любви. Врагъ нашъ, движимый духомъ злобы, возмутилъ нечестиво нашу радость о воскресеніи Господнемъ, и въ семъ случаѣ показалъ въ себѣ крайній недостатокъ любви и чувства христіанскаго; а мы, какъ истинные послѣдователи Распятаго, вмѣсто чувствъ вражды и ненависти, простимъ врагамъ нашимъ — во славу и честь Воскресшаго. Такимъ образомъ мы исполнимъ во всей силѣ матерній совѣтъ и приглашеніе святой Церкви, которая отъ полноты радости и восторга вопіетъ нынѣ: *простимъ*

вся воскресеніемъ! Когда говорится — *вся,* то симъ устраняется всякое исключеніе: да не будетъ его и для враговъ нашихъ! Ибо и о многихъ изъ нихъ можно сказать со всею справедливостію, что они *не вѣдятъ, что творятъ* (Лук. 23, 34). Если бы они знали чистоту и высоту намѣреній нашего возлюбленнаго Монарха; если бы вѣдали точно о всѣхъ бѣдствіяхъ и угнетеніяхъ, кои претерпѣваютъ отъ поклонниковъ алкорана наши и ихъ собратія по вѣрѣ. то не соединили бы такъ неразумно знаменія всечестнаго креста Христова съ зловѣрнымъ знаменемъ магометовымъ. Вожди и народоправители ихъ, конечно, должны знать настоящее положеніе вещей на Востокѣ и хотятъ сокрыть истину въ неправдѣ; имъ. очевидно, нужна не цѣлость державы мусульманской, а ослабленіе и уничиженіе Богомъ возвеличенной и прославленной Россіи. Но что дѣлать съ самолюбіемъ и нечистотою сердца человѣческаго? Развѣ мы сами — въ нашей частной жизни и взаимномъ обхожденіи — не подвергаемся подобному ослѣпленію страстей? Если кто первый виновникъ нынѣшняго, едва не всемірнаго, смущенія и бѣдствій, то это отецъ лжи. оный *человѣкоубійца искони* (Іоан. 8, 44), который, будучи пораженъ смертельно на Голгоѳѣ въ главу крестомъ Христовымъ, въ отмщеніе за то и нѣкое утѣшеніе себѣ, старается возмущать враждою благодатное царство Христово на землѣ. возставляя одинъ противъ другаго самые народы христіанскіе, и не дая совершать имъ единодушно ихъ великаго и святаго предназначенія.

Не дадимъ убо мѣста сему врагу всемірнаго спасенія— по крайней мѣрѣ въ собственныхъ сердцахъ нашихъ; и въ доказательство сего, послѣдуя примѣру воскресшаго Господа, Который со креста молился о распинателяхъ Своихъ, вознесемъ искреннюю молитву къ Нему о самыхъ врагахъ нашихъ, дабы Онъ благодатію Своею ниспослалъ имъ духа разума, чтобы они узрѣли истину и убѣдились въ правотѣ нашего дѣла и намѣреній, — духа правды, чтобы они не мѣняли безразсудно невинныхъ и страждущихъ собратій своихъ по вѣрѣ на прегордыхъ и безчеловѣчныхъ поклонниковъ Магомета, и духа человѣколюбія, чтобы они не возмущали оружіемъ своимъ покоя—по крайней мѣрѣ—мирныхъ и беззащитныхъ градовъ и весей. Аминь.

Слово по случаю удаленія отъ Одессы англо-французскаго флота, предъ благодарственнымъ молебствіемъ,

произнесенное 14 апрѣля 1854 года, въ Среду Св. Пасхи въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ

Христосъ воскресе!

Наконецъ и воды наши стали свободны отъ врага; по крайней мѣрѣ мы уже не видимъ его на нихъ. Куда устремился онъ, не знаемъ, но, судя по обхожденію его съ нами, нѣтъ сомнѣнія, что онъ удалился отъ насъ не на радость прочимъ брегамъ нашимъ. Правда, онъ провозглашалъ себя врагомъ великодушнымъ, не думающимъ о принесеніи вреда и потерь напрасныхъ, желающимъ подать примѣръ брани умѣренной, разумной и, такъ сказать, христіанской; но вы видѣли, въ чемъ состоитъ этотъ разумъ и умѣренность, это мнимое человѣколюбіе и христіанство!...

Время теперь разсмотрѣть и сообразить, чего стоило намъ это первое огненное свиданіе съ человѣколюбивымъ врагомъ нашимъ, что мы потеряли при семъ и что пріобрѣли. гдѣ перевѣсъ—у него или у насъ?...

Разсмотрѣвъ безпристрастно и со всѣхъ сторонъ происшедшее съ нами, я не усумнился бы, братіе, назвать нападеніе на насъ враговъ нашихъ событіемъ. хотя печальнымъ и тяжкимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ благопріятнымъ и достославнымъ для насъ—во многихъ отношеніяхъ. Разумѣется, все это такъ вышло вопреки ихъ намѣренія, по устроенію всеблагой десницы Божіей, которая изъ самаго зла умѣетъ извлекать доброе, — но вышло именно такъ. Ибо мы при семъ случаѣ почти ничего, какъ увидимъ, не потеряли. а пріобрѣли весьма многое и важное.

Въ самомъ дѣлѣ, что мы потеряли? Нѣсколько ветхихъ зданій въ предмѣстіи города, нѣсколько неважныхъ судовъ въ пристани, которая наиболѣе страдала отъ огня;—въ самомъ городѣ—тамъ пробита стѣна. здѣсь проломлена кровля, индѣ испорчено въ саду дерево: вотъ всѣ наши вещественныя утраты! Сложите ихъ всѣ вмѣстѣ, оцѣните и увидите, что все количество нашей потери далеко не сравнится съ тѣмъ, чего стоило врагу нашему одно это желѣзо и одни эти огни, кои онъ, вопреки привычкѣ своей, такою *нераз-*

счетливой рукою и столь долго разсыпалъ напрасно надъ главами нашими.

Къ сожалѣнію, мы лишились при семъ нѣсколькихъ храбрыхъ защитниковъ нашихъ; и *забвена буди десница наша* (Псал. 136, 5), если мы не будемъ всегда воспоминать ихъ молитвенно у жертвенника Христова, но, воздавъ подобающее уваженіе павшимъ ради насъ жертвамъ, вмѣстѣ съ тѣмъ въ утѣшеніе наше не можемъ не сказать, что число ихъ весьма не велико, такъ что иногда одна буря на морѣ нашемъ сопровождается не меньшею потерею.

А между тѣмъ, какъ много мы пріобрѣли!

Пріобрѣли, во-первыхъ, увѣренность въ невозможности для врага много вредить намъ и въ неудобоприступности для него града нашего. Ибо многіе изъ насъ представляли себѣ нападеніе столь многочисленнаго флота и дѣйствіе адскихъ огней его на городъ нашъ такъ важнымъ и пагубнымъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ, по ихъ мнѣнію, долженъ былъ наступить едва не послѣдній день Одессы. Сколько бы кто тогда ни разувѣрялъ въ семъ и ни приводилъ на то разныя доказательства, нельзя было почти никого изъ таковыхъ убѣдить въ противномъ. Теперь, и безъ доказательствъ, всякъ перемѣнилъ прежнія мысли и отложилъ опасенія, потому что противное тому, какъ думалъ, увидѣлъ на самомъ опытѣ. Такая перемѣна въ мысляхъ и мнѣніи значитъ весьма много: отнынѣ никто не будетъ помышлять скоропоспѣшно объ удаленіи куда бы то ни было, когда тотъ же или другой какой-либо врагъ явится на водахъ нашихъ. Видали уже мы, скажетъ, эти флоты и огненныя бури: погремитъ подобно тучѣ въ облакахъ, и пройдетъ.

Во-вторыхъ, безуспѣшное нападеніе на насъ непріятеля доставило намъ великую честь предъ лицемъ всей Россіи. Врага ожидали едва не по всѣмъ краямъ Отечества; не одинъ приморскій городъ находился въ положеніи, подобномъ нашему. Кому достанется честь принять на свою грудь первые удары врага и отразить его побѣдоносно? Кто первый подастъ примѣръ мужества и самоотверженія? Всѣ думали и вопрошали о семъ, но никто не могъ отвѣчать на сіе. Теперь явно, что эта честь предоставлена была свыше намъ, что этотъ примѣръ суждено было взять всѣмъ съ нашего города... Благодареніе Богу, что при всей скудности

средствъ нашихъ къ защитѣ, мы успѣли, какъ должно, выполнить свое предназначеніе, не посрамивъ имени русскаго! Какъ опасность и бѣдствіе постигли первыхъ насъ, то за первыми нами послѣдуетъ честь и слава. Въ какомъ самомъ отдаленномъ краѣ отечества не услышатъ теперь о томъ, что случилось со градомъ нашимъ? Гдѣ не будутъ радоваться о насъ? Гдѣ не будутъ хвалить насъ и говорить: «честь и слава Одессѣ! Она поступила, какъ слѣдовало поступить русскому городу, подала для всѣхъ прекрасный примѣръ любви къ отечеству,—показала, какъ можно и съ малыми средствами стоять и устоять противъ всѣхъ силъ вражіихъ».

Все это важно само по себѣ, но для насъ тѣмъ важнѣе и отраднѣе, что не будемъ скрывать прошедшей истины—мы были доселѣ не въ весьма благопріятномъ мнѣніи у нашихъ соотечественниковъ. Всюду знали, что градъ нашъ процвѣтаетъ торговлею, что мы пользуемся многими особенными выгодами жизни, что благоденствіе наше даже благотворно для всего края нашего. Но вмѣстѣ съ тѣмъ на насъ смотрѣли какъ бы съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, думали, что, при безпрестанномъ сношеніи съ чужеземцами, намъ трудно было сохранить въ цѣлости всю силу духа и всю теплоту чувства русскаго, что посему, въ случаѣ опасности, отъ насъ нельзя ожидать той твердости духа и того самоотверженія, коими прославили себя многіе изъ древнихъ градовъ русскихъ. Такъ думали о насъ; и что могли мы сдѣлать, дабы выйти изъ такого неблагопріятнаго понятія о насъ? Для сего требовались не слова, а дѣла, требовался какой-либо важный опытъ, гдѣ мы могли бы показать себя со стороны, для насъ благопріятной. Теперь, благодаря нападенію враговъ, это примрачное мнѣніе о насъ должно исчезнуть само собою. Чѣмъ менѣе ожидали отъ насъ, тѣмъ болѣе вездѣ будутъ обрадованы нами и благорасположатся въ пользу нашу. Отнынѣ городъ нашъ займетъ мѣсто въ числѣ достоуважаемыхъ градовъ земли отечественной. Какъ Кіевъ, Новгородъ, Владиміръ, Смоленскъ — имѣютъ каждый какой-либо приснопамятный годъ своея славы, такъ Одесса будетъ имѣть навсегда свой славный годъ 1854-й!

Наконецъ, братія моя, возвысимся духомъ, *очистимъ,*

какъ заповѣдуетъ святая Церковь, *чувствія* наши, *да узримъ* и разумѣемъ послѣднее благо, которое, вопреки намѣренія своего, доставили намъ враги наши своимъ нападеніемъ на насъ,—благо уже не чувственное и временное, а духовное, вѣчное.

Размышляли ль вы когда-либо, братіе, о томъ крещеніи Духомъ Святымъ и огнемъ, которое обѣщалъ іудеямъ отъ лица Сына Божія Іоаннъ Креститель?—*Той вы*, говорилъ онъ, *креститъ Духомъ Святымъ и огнемъ* (Матѳ. 3, 11); примѣтьте сіе послѣднее выраженіе: *огнемъ*. Оно означало тѣ гоненія и бѣдствія, кои вѣрующіе вслѣдствіе самаго обращенія своего изъ невѣрія, претерпѣвали тогда за имя Господа Іисуса отъ іудеевъ и язычниковъ.

Симъ-то великимъ и святымъ крещеніемъ не Духомъ точію, но и огнемъ, крестились всѣ Апостолы Христовы, положивъ за возлюбленнаго Учителя своего самую душу свою; чрезъ сіе огненное крещеніе прешло безчисленное множество христіанъ первыхъ вѣковъ, когда быть христіаниномъ значило почти то же, что быть мученикомъ. Сему же крещенію огнемъ подвергаются во всѣ времена и на всѣхъ концахъ земли тѣ, кои особенно возлюбили Господа, и коихъ Господь избралъ въ особенныя орудія своихъ благодатныхъ дѣйствій. Наше возлюбленное отечество, какъ бы не въ примѣръ,—а дай Богъ, чтобы и въ примѣръ,—другимъ народамъ, сподоблялось не разъ сего крещенія огнемъ и кровію, особенно во время вѣковыхъ страданій отъ ига Монголовъ, когда мучимые варварами предки наши, вмѣсто всѣхъ утѣшеній себѣ, говорили одно: *христіанинъ есмь*. Отъ сего-то, а не отъ другой какой причины, составилось и произошло великое и многоцѣнное наименованіе: *святая Русь*. Даже многіе изъ градовъ отечественныхъ могутъ показать на себѣ слѣды сего крещенія кровію и огнемъ; почему и именуются—достойно и праведно—*градами Богоспасаемыми*.

Но граду нашему, при всѣхъ прочихъ преимуществахъ его, доселѣ не доставало сего особеннаго завѣта съ небомъ, сего знаменія благодати, сего залога милости Божіей. И можно ли было восхитить его самоуправно? Это дѣло зависитъ не отъ произвола человѣческаго; совершается на земли, но приходитъ свыше: *Той вы креститъ Духомъ Святымъ и огнемъ*.

И вотъ пришло, наконецъ, свыше предуставленное время и нашему граду пріять благодать сего крещенія, то есть, претерпѣть искушеніе и пострадать за имя Спасителя своего и вѣру въ животворящій Крестъ Его, столь нечестиво уничижаемый отъ самыхъ народовъ христіанскихъ предъ луною магометовою. И смотрите, какъ полно и торжественно совершилось надъ нимъ это священно-таинственное крещеніе! Въ первенствующей Церкви приготовлялись вообще къ благодати крещенія всю святую Четыредесятницу, и уже, по окончаніи ея, въ Великую Субботу, у гроба Христова сподоблялись сего таинства. Святый примѣръ сей выполнился надъ нами во всей точности: и намъ весь Великій постъ прошедшій данъ былъ на приготовленіе себя къ пріятію особенной благодати; и тѣ, кои умѣютъ слагать въ умѣ и сердцѣ своемъ пути Промысла Божія, безъ сомнѣнія, не пренебрегли симъ временемъ къ особенному очищенію души и совѣсти своея. И вотъ, съ наступленіемъ Великой Субботы, у гроба Спасителя, нисходитъ,—такъ Господу, а не врагу нашему, устроившу,—и на насъ крещеніе Духомъ и огнемъ!.. Разумѣвшій все сіе (и мы уповаемъ, что были таковые) не имѣлъ много времени смущаться отъ шума стрѣлъ вражіихъ; стоя у гроба Господня, онъ спогребался Христу въ духѣ—за себя и другихъ; не унывалъ посему, а укрѣплялся вѣрою и радовался за градъ нашъ, который въ это грозное время священно-таинственнѣ обручался и сочетавался навсегда своему Царю, Спасителю и Богу.

Уразумѣй же, градъ Одесса, тайну сего великаго событія надъ собою: уразумѣй и возрадуйся духомъ о даннѣй тебѣ благодати! *Свѣтися, свѣтися* вѣрою; *слава бо Господня* и *на тебѣ возсія!* Не стыдися, а величайся язвами, тебѣ нанесенными; ибо это язвы святыя, о коихъ ты можешь со смиреніемъ сказать словами Апостола: *азъ язвы Господа моего на тѣлѣ моемъ ношу.* Но, въ знакъ новаго крещенія, начни отселѣ и новую святую жизнь, достойную града Богоспасаемаго. Возлюби любовію искреннею и крѣпкою Бога отцевъ своихъ, Бога Спасителя твоего, и не мѣняй служенія Ему ни на какія прелести Вааловы. Вмѣстѣ съ симъ да утвердится въ тебѣ и любовь къ братіи твоей, ищущая всегда и во всемъ *не своихъ си,* но *аще суть ближняго.*

Тогда ты можешь быть навсегда спокойной за твою

участь. Тогда *падетъ отъ страны твоея тысяща, и тьма одесную тебе, къ тебѣ же не приближится зло* (Псал. 90, 7); ибо, въ случаѣ недостатка обыкновенныхъ человѣческихъ средствъ къ защитѣ, Онъ, всемогущій, *заповѣсть Ангеломъ Своимъ сохранити тя во всѣхъ путехъ твоихъ* (Псал. 90, 10—11).—Аминь.

Слово предъ благодарственнымъ молебствіемъ, по случаю взятія въ плѣнъ и сожженія ставшаго на мель англійскаго парохода-фрегата «Тигръ»,

произнесенное 2 мая 1854 года въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ.

Христосъ воскресе!

Не видимо ли Самъ Господь побораетъ по насъ?.. Кто могъ ожидать такъ скоро и такого тяжкаго удара врагу нашему? Мы даже не знали, гдѣ онъ; а онъ, несчастный, лежалъ уже связанный у береговъ и, можно сказать, у ногъ нашихъ. Чѣмъ связанный? Не узами желѣзными, а самымъ тонкимъ и безсильнымъ веществомъ—туманомъ и мракомъ. Когда онъ, плавая у береговъ нашихъ, готовилъ можетъ быть, на насъ новую огненную бурю, море наше вдругъ покрылось такою тьмою, что среди дня на немъ нельзя было видѣть ничего въ нѣсколькихъ шагахъ; а если что по временамъ и открывалось въ туманѣ, то казалось не тѣмъ, что есть, и не на томъ мѣстѣ. Такимъ образомъ у врага нашего, при всей опытности его въ мореходствѣ и родной привычкѣ къ туманамъ, совершенно не достало способности видѣть: онъ потерялъ путь, попалъ на мель, не могъ даже дать знать объ опасности клевретамъ своимъ, лишился посему всякой надежды на освобожденіе, и потому, чтобы спастись отъ молній и ударовъ нашихъ, просилъ у насъ, какъ милости, плѣна себѣ.

Ужъ изъ сего самаго вы можете видѣть, кто связалъ и предалъ намъ врага нашего. Мы не властны надъ моремъ; мы не могли располагать этимъ ужаснымъ для врага нашего мракомъ: его могъ послать единъ Тотъ, Который, по выраженію Іова, повиваетъ море мглою, какъ пеленами (Іов. 38, 9), и возводитъ облаки отъ послѣднихъ земли. Онъ, въ праведномъ гнѣвѣ Своемъ, *послалъ* эту, столь необыкновенную въ сіе время года, *тьму и помрачилъ очи ихъ* (Псал. 104,

28). Онъ, въ наказаніе за нечестіе врага, содѣлалъ, да будетъ путь его *тьма и ползокъ* (Псал. 34, 6). Такъ Господь издревле обыкъ поступать съ противниками святой Его воли. Ибо чѣмъ былъ пораженъ между прочимъ оный прегордый фараонъ, когда не хотѣлъ, по глаголу Моисея, отпустить Израильтянъ изъ Египта? Мракомъ: *и простре,* говорится въ Писаніи, *Моисей руку свою на небо, и бысть тьма, мракъ, буря по всей земли Египетстѣй, и не видѣ никтоже брата своего три дни* (Исх. 10, 22—23). Чѣмъ связанъ и оный древній врагъ Божій, дерзнувшій возмутить самое небо противъ Вседержителя? Ничѣмъ другимъ, какъ тьмою: *пленицами мрака связавъ,* свидѣтельствуетъ о духахъ злобы Апостолъ Петръ, *предаде на судъ мучимыхъ блюсти* (2 Петр. 2, 4). Такъ поступилъ Господь и теперь: Онъ не послалъ на враговъ нашихъ ни молній, ни громовъ, не восколебалъ ни земли, ни неба, а только простеръ надъ ними мракъ:—и все мужество, все искусство, вся гордость и упорство врага исчезли и обратились въ ничто предъ симъ однимъ средствомъ!..

Что убо привлекло на врага нашего такой гнѣвъ Божій? Очевидно, не наши добродѣтели и не наши слабыя молитвы, а ходатайство о насъ великихъ заступниковъ страны нашей, священномучениковъ Херсонскихъ, за тѣмъ—его собственная гордыня, безчеловѣчіе, а особенно нечестіе и оскорбленіе имъ святыни. Ибо этотъ,—погибшій теперь,—корабль особенно свирѣпствовалъ противу насъ въ день Великія Субботы; онъ не далъ многимъ изъ насъ быть тогда у гроба Спасителя своего; онъ предвозмутилъ для всѣхъ насъ радость о воскресеніи Господнемъ. Такимъ образомъ, поелику врагъ нашъ не захотѣлъ преклониться съ благоговѣніемъ предъ знаменіемъ всемірнаго спасенія, которое у него и у насъ единое и тожде, и вмѣсто вниманія къ священнымъ днямъ, какъ бы въ соотвѣтствіе названію своему, показалъ въ себѣ свирѣпость и безчувствіе тигра: то и Господь, въ праведномъ гнѣвѣ Своемъ, поругался ему съ небеси. Связавъ мракомъ, Онъ поставилъ этого тигра въ состояніе овчати, уготованнаго на заколеніе, отданнаго на позоръ и въ притчу глумленія для самыхъ дѣтей.

Всего разительнѣе при семъ то, что какъ врагомъ обезчещенъ великій день воскресенія Господня, то и жестокое крушеніе его произошло не въ другомъ какомъ мѣстѣ, а

у того берега, на коемъ стоитъ уединенно храмъ Воскресенія Христова. Такъ дѣйствуетъ Господь, когда хощетъ показать надъ кѣмъ высокую руку Свою!

Пріидите убо, братія, возрадуемся Господеви, воскликнемъ Богу Спасителю нашему, но возрадуемся, какъ поучаетъ святый Давидъ, не съ легкомысліемъ, а со страхомъ и трепетомъ, видя, какъ *Господь поругаемъ не бываетъ* (Гал. 6, 7), какъ нечестіе и злоба человѣческія, когда превосходятъ мѣру долготерпѣнія, пріемлютъ отъ правосудія Божія казнь и отмщеніе еще въ сей жизни, еще на сей землѣ.

Примѣръ нечестія и казни за то свыше да научитъ насъ всегда и вездѣ *почитати святая честнѣ* (Вел. Канонъ 1 недѣли Вел. поста), не позволятъ себѣ глумиться и презирать праздники Божіи. Мы ратуемъ и подвизаемся не за что другое, а за вѣру и крестъ Христовъ. Но давно сказано, что *вѣра безъ* благихъ *дѣлъ мертва есть* (Іак. 2, 17). Посему намъ, яко ратникамъ Христовымъ, подобаетъ быть чистыми отъ всякія скверны плоти и духа, подобаетъ украшать себя всякаго рода дѣлами благими, а паче смиреніемъ и любовію. Покажемъ самымъ врагамъ нашимъ, находящимся теперь у насъ въ плѣну, что мы, послѣдуя Евангелію, не воздаемъ зломъ за зло и твердо помнимъ заповѣдь: *аще алчетъ врагъ твой, ухлѣби его: аще ли жаждетъ, напой его* (Рим. 12, 20). Оружіе наше побѣдило тѣла ихъ, а любовь Христова, нами являемая, можетъ покорить намъ самыя сердца ихъ,—что̀ выше и любезнѣе всякой побѣды. Аминь.

Слово предъ благодарственнымъ молебствіемъ,

ПО СЛУЧАЮ ПОЖАЛОВАНІЯ ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕЙ ГРАМОТЫ Г. ОДЕССѢ ЗА СОХРАНЕНІЕ СПОКОЙСТВІЯ, ПОРЯДКА И БЛАГОЧИНІЯ ВО ВРЕМЯ БОМБАРДИРОВАНІЯ ЕЯ ФЛОТОМЪ НЕПРІЯТЕЛЬСКИМЪ,

произнесенное 9 мая 1854 года въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ.

Христосъ Воскресе!

По множеству болѣзней моихъ въ сердцѣ моемъ, утѣшенія Твоя возвеселиша душу мою! (Псал. 93, 19)

Такъ говорилъ нѣкогда о себѣ св. Давидъ, воспоминая въ молитвѣ своей предъ Богомъ и тяжесть перенесенныхъ имъ

искушеній и обиліе послѣдовавшихъ за тѣмъ утѣшеній божественныхъ.

Это же самое можешь сказать о себѣ и ты, Богоспасаемый градъ Одесса, послѣ того, что недавно случилось съ тобою и что послѣдовало за тѣмъ: *по множеству болѣзней моихъ въ сердцѣ моемъ, утѣшенія Твоя возвеселиша душу мою!*

Мало ли было болѣзней въ сердцѣ нашемъ?—Болѣзновали мы душею, когда, тревожимые слухами, ожидали появленія враговъ, терпя въ то же время разныя стѣсненія и нужды; не умалилась, а увеличилась наша скорбь, когда они дѣйствительно появились на водахъ нашихъ и, съ свойственною имъ дерзостію и алчностію, начали передъ очами нашими увлекать въ плѣнъ бывшихъ на водахъ собратій нашихъ. Еще болѣе возмутилось скорбію сердце наше, когда мы услышали о наглыхъ требованіяхъ, кои они, подъ вымышленнымъ предлогомъ нашей вины, осмѣлились предложить намъ въ искупленіе нашей безопасности, и кои видимо клонились. если не къ гибели, то къ посрамленію нашему. Наконецъ, когда среди самаго священнаго и мирнаго въ году дня открытъ былъ противу насъ цѣлый адъ, и смерть начала видимо летать надъ главами нашими, то и самые невозмутимые духомъ не могли безъ глубокой горести взирать на градъ нашъ, подвергшійся въ такой день такой печальной участи. *По множеству болѣзней моихъ въ сердцѣ моемъ.*

И вотъ, всѣ эти болѣзни и вся эта скорбь прошли; вся эта возшумѣвшая противу насъ буря кончилась, и какъ кончилась? Какъ только можно было пожелать намъ самимъ—совершенною безуспѣшностію и посрамленіемъ врага нашего, спокойствіемъ и радостію для насъ, славою и торжествомъ для всего отечества. Какъ же послѣ сего, возведши очи и сердце къ небу, не сказать со св. Давидомъ: *по множеству болѣзней моихъ въ сердцѣ моемъ, утѣшенія Твоя возвеселиша душу мою!*

Не утѣшеніе ли уже было видѣть, какъ всѣ усилія врага противу насъ остались тщетны. и онъ болѣе ранъ получилъ отъ насъ, почти беззащитныхъ, нежели мы отъ него—преоруженнаго всѣми средствами къ истребленію?

Не утѣшеніе ли было видѣть, какъ самый удачный от-

поръ, самый чувствительный вредъ, нанесены врагу нашему не десницею опытныхъ вождей и воиновъ, кои, стоя на берегѣ, вполнѣ готовы были доказать его ничтожность,—а рукою единаго юноши, который доселѣ не видалъ никогда ни лица, ни огня непріятельскаго?

Не утѣшеніе ли было видѣть, какъ одно изъ значительнѣйшихъ судовъ вражескихъ, которое особенно бѣсновалось противу насъ своими огнями въ день брани, явилось потомъ внезапно связаннымъ тьмою у берега нашего и просило, какъ милости, взять его въ плѣнъ?

Не утѣшеніе ли было видѣть, какъ храбрые защитники наши, въ глазахъ нашихъ, украшались знаками отличія отъ щедротъ Монаршихъ, и наше спасеніе, посредствомъ сихъ знаковъ, навсегда соединялось на груди ихъ—съ ихъ славою?

Не утѣшеніе ли было слышать, какъ возлюбленный Монархъ нашъ радовался о насъ и благодарилъ Бога, какъ все отечество, всѣ края Россіи рукоплескали нашему подвигу и утѣшались знаменіемъ милости Божіей надъ нами?

И вотъ, какъ-бы еще мало было для насъ всѣхъ сихъ утѣшеній, великій Монархъ нашъ обращается нынѣ ко всему граду нашему и всѣмъ жителямъ его съ особеннымъ—царскимъ словомъ похвалы и одобренія!... По обычаю предковъ, вы услышите слово сіе посреди града, гдѣ будутъ приноситься молитвы *за царя и за всѣхъ, иже во власти суть;* а мы, раздѣляя вполнѣ радость вашу, еще съ сего святаго мѣста воспривѣтствуемъ васъ съ симъ новымъ утѣшеніемъ отъ Господа, подвигшаго сердце и руку цареву къ начертанію сей драгоцѣнной для насъ хартіи.

Такимъ образомъ мы, при помощи Божіей, не только сдѣлали свое дѣло, прошли и выдержали ужасный опытъ, какъ подобало сынамъ Россіи, но и будемъ имѣть августѣйшее свидѣтельство на все это отъ самаго главы и отца отечества!... Въ какомъ краю Россіи, въ какой части свѣта, самой отдаленной, не будетъ читано это слово царево и не додоставитъ намъ похвалъ и одобренія? Дойдетъ оно и до отдаленнаго потомства, и будетъ возбуждать жителей града нашего въ подобныхъ случаяхъ къ подобному же мужеству и самоотверженію.

Храни же, градъ Одесса, сей залогъ вниманія и признательности къ тебѣ Монарха твоего, какъ свидѣтельство

твоея славы! Храни вѣрно и крѣпко; ибо онъ купленъ не златомъ и серебромъ, а огнемъ и кровію! Ты сталъ на высокую степень между градами отечественными: стой и утверждайся на сей высотѣ достойнымъ тебя образомъ, не жалѣя ничего на пользу отечества и устраняя отъ себя все, что можетъ быть противно истинно сыновней любви къ нему! — Аминь.

Рѣчь при освященіи прибрежныхъ баттарей, устроенныхъ въ защиту г. Одессы отъ нападенія флотовъ непріятельскихъ,

произнесенная 31 мая 1854 года на Щеголевской баттареѣ.

Какъ безопасно стоимъ мы теперь здѣсь и какъ спокойно возносимъ молитвы наши ко Господу! Но каково было стоять и дѣйствовать здѣсь тогда, какъ всѣ огни непріятельскіе устремлены были на одно это мѣсто? И однако же нога русская твердо стояла здѣсь и тогда; рука русская, не дрожа, дѣйствовала здѣсь и въ это время, когда страшно было посмотрѣть сюда и со стороны... И устояли бы здѣсь русская душа и русское сердце и до конца дня, какъ стояли до полудня, если бы не пришлось стоять наконецъ не только противъ огней непріятельскихъ, но и среди собственнаго пламени... Не даромъ непріятель думалъ, что поражавшіе его отсюда были здѣсь прикованы: они точно были прикованы, только не желѣзомъ, а любовію къ отечеству. О, врагъ нашъ твердо будетъ помнить это мѣсто, гдѣ одинъ перунъ нашъ выдерживалъ подъ конецъ споръ со всѣми его молніями и громами!... Не забудетъ этого мѣста и вся Россія, которая съ удивленіемъ и радостію услышала, какъ горсть храбрыхъ стояла здѣсь одна за цѣлый городъ, едва не противъ цѣлаго флота непріятельскаго. Что касается до насъ, кои были очевидными свидѣтелями сего, можно сказать, чуда, то мы доселѣ не можемъ иначе понять и изъяснить его себѣ, какъ предположивъ, что здѣсь вмѣстѣ съ видимыми защитниками нашими была и дѣйствовала нѣкая невидимая сила, посланная свыше.

Соединимся же теперь всѣ, и защищавшіе и защищен-

ные, во-едино, и вознесемъ съ сего самаго мѣста благодареніе Богу силъ, Который благоволилъ явить здѣсь высокую мышцу Свою за насъ противъ враговъ нашихъ, для посрамленія ихъ нечестія и гордыни.

А благодаря за прошедшее, помолимся и о будущемъ. Врагъ нашъ такъ мало имѣетъ успѣха на водахъ нашихъ, что̀ самое безуспѣшіе это можетъ снова подвигнуть его на насъ, — не говоримъ уже о свойственной ему алчности къ корысти. Противъ сего-то и уготованы снова эти громоносныя твердыни. Мы вѣримъ ихъ твердости, не сомнѣваемся въ мужествѣ и неустрашимости защитниковъ нашихъ: что̀ сдѣлано ими, достаточно ручается за то, что они сдѣлаютъ впредь; но, братіе, *аще не Господь сохранитъ градъ, всуе* будетъ *бдяй и стрегій* (Пс. 126, 1). Онъ, всемогущій и всеуправляющій, Онъ Самъ, по Своей премудрой волѣ, даетъ и отъемлетъ духа; облекаетъ силою свыше самыя слабыя руки и колѣна: и когда благоугодно Ему, обращаетъ въ ничто разумъ мудрыхъ и крѣпость сильныхъ!...

Къ Тебѣ, убо, Господи, возносимъ мысли и сердца наши: призри съ высоты святыя Твоея на градъ нашъ окомъ благоволенія Твоего и огради его кромѣ сихъ, подверженныхъ разрушенію твердынь, святыми Ангелами Твоими, противъ коихъ не постоятъ никакіе враги, не только видимые, но и невидимые!

Мати Божія! Мы уже ввѣряли судьбу града нашего Твоему всесильному заступленію и покрову; и упованіе наше не посрамилось! Се, паки обращаемся къ Тебѣ съ вѣрою и любовію—за помощію противъ враговъ нашихъ! Озаривъ всю страну нашу чудесами отъ чудотворнаго лика Твоего, сотвори и со градомъ нашимъ знаменіе во благо, да не коснется его ни огнь, ни мечъ вражескій. Для сего-то именно,—въ духѣ вѣры и упованія—и по удаленіи нашемъ отсюда, мы оставляемъ здѣсь изображенія *сего* чудотворнаго лика Твоего, дабы христолюбивые защитники наши имѣли въ Тебѣ самой своего взбраннаго воеводу (Акаѳ. Богом.). Аминь.

Слово при совершеніи покаяннаго молебствія, по случаю нашествія на полуостровъ Крымскій иноплеменниковъ,

произнесенное 14 сентября 1854 года, въ симферопольскомъ Александро-невскомъ соборѣ.

Миръ вамъ (Лук. 24, 36)!

Сими словами Спаситель и Господь нашъ привѣтствовалъ возлюбленныхъ учениковъ Своихъ, когда, явясь имъ по воскресеніи Своемъ, нашелъ ихъ въ страхѣ и смущеніи отъ ужасныхъ событій Голгоѳскихъ. Сіи же самыя слова любви и успокоенія мы дерзаемъ обратить нынѣ къ вамъ, жители Богоспасаемаго града сего, къ вамъ, кои такъ много смущены теперь отъ вторженія въ страну нашу иноплеменниковъ: *миръ вамъ!* Миръ не отъ нашего безсилія и немощи, а отъ Бога Отца — всемогущаго! отъ Бога Сына — всесодержащаго! отъ Бога Духа Святаго—всеживотворящаго.

И *почто,* скажемъ словами же Спасителя нашего, *почто* такъ *смущени есте,* и столько боязливыхъ *помышленій входятъ въ сердца ваши* (Лук. 24, 38), что многіе изъ васъ готовы, оставивъ все, искать спасенія внѣ града и страны здѣшней? Ужели по той причинѣ, что злобный врагъ нашъ вторгся въ предѣлы ваши? Но развѣ вы не были давно предварены о томъ—имъ же самимъ? И что въ семъ случаѣ слишкомъ необыкновеннаго? Впервые-ли, во время брани, вторгаться врагамъ въ землю Русскую? Вторгнуться въ нее, по ея неизмѣримому пространству, всегда возможно; трудно только, какъ показываетъ опытъ, выйти изъ нея, не доставшись въ снѣдь птицамъ небеснымъ и звѣрямъ земнымъ...— Не смущаютъ ли нѣкоторыхъ изъ васъ небольшіе успѣхи врага, пришедшаго въ такомъ множествѣ изъ-за моря? — Не такіе успѣхи оказывались, и не разъ, въ подобныхъ обстоятельствахъ; но чѣмъ всегда оканчивались они? Совершеннымъ пораженіемъ враговъ и посрамленіемъ ихъ предъ цѣлымъ свѣтомъ.—Кто не помнитъ 1812-й годъ? Тогда колебался не одинъ какой-либо край, какъ теперь колеблется вашъ, а сотрясалась отъ конца до конца вся Россія; самое сердце ея—Москва—было въ рукахъ врага; многимъ казалось потому, что уже все потеряно; а между тѣмъ вскорѣ оказалось, что держава Русская цѣла и несокрушима; —

сокрушились только, не смотря на ихъ силу, искусство и успѣхи, полчища враговъ и исчезли какъ призракъ. Подобное тому, дастъ Господь, послѣдуетъ и теперь! Ибо примѣтили-ль вы, въ какой день враги появились на землѣ нашей? Въ тотъ самый день, въ который вошли они нѣкогда въ Москву, какъ бы въ предвѣстіе, что въ Крыму ихъ ожидаетъ та же горькая участь, коей подверглись они, по занятіи первопрестольной столицы нашей.

Не чаявъ уже почти въ это время врага, мы, подобно дѣвамъ въ притчѣ евангельской, невольно предались было нѣкоему дреманію; — и вотъ Господь попустилъ ему занять внезапно берега наши и стѣснить насъ, да будетъ надежда наша не на свои силы, а на Его всемогущую помощь. Но, если это вторженіе причинило безпокойство и смущеніе намъ; — то будьте увѣрены — оно послужитъ не на радость и врагу нашему: — отраженный отъ береговъ нашихъ, или пораженный тотчасъ по выходѣ его на сушу, онъ, конечно, удалился бы отсюда, но удалился бы еще съ великими силами, и потому долго бы могъ изливать ярость свою на другія мѣста. Теперь же, не смотря на его кичливость и мнимый успѣхъ, онъ, вышедъ изъ моря на сушу, весь уже нѣкоторымъ образомъ въ рукахъ нашихъ: — и, пораженный до конца, потеряетъ охоту и средства къ продолженію самой брани. Для сего нужно только усилиться храбрымъ дружинамъ нашимъ, чтобы врагъ не подавлялъ насъ своимъ многолюдствомъ; — и у Россіи ли не достанетъ ратниковъ? Она можетъ покрыть ими весь полуостровъ вашъ, не обнажая другихъ предѣловъ своихъ. Храбрые вои наши, какъ то я видѣлъ на всемъ протяженіи пути своего къ вамъ, спѣшатъ уже сюда со всѣхъ сторонъ, подобно громоноснымъ облакамъ, дабы составить вскорѣ страшную тучу надъ головою врага. Пройдетъ нѣсколько времени — и весь свѣтъ увидитъ, что ожидаетъ того, кто съ мечемъ въ рукахъ осмѣлится проникнуть нагло внутрь Россіи...

Къ сожалѣнію, нѣкоторые изъ самыхъ сообитателей вашихъ въ сей странѣ (вы знаете, кого разумѣю я), имѣли несчастіе увлечься безумно на сторону нашихъ враговъ; но во-первыхъ, этого нельзя было не ожидать, при ихъ давно извѣстномъ неразуміи и при тѣхъ обольщеніяхъ, коими умѣли окружить ихъ враги наши; а во-вторыхъ — что въ этомъ

такъ важнаго и страшнаго, чтобы искать уже безопасности себѣ не въ другомъ чемъ, а въ бѣгствѣ? Это возстаніе злонравныхъ, конечно, и невѣрныхъ отцу, но вмѣстѣ съ тѣмъ слабыхъ и неискусныхъ дѣтей, коимъ, по неразумію ихъ, противна самая отеческая опека надъ ними, но кои, при одномъ грозномъ поднятіи начальнической руки, тѣмъ паче при наложеніи ея на главу, тотчасъ готовы пасть на колѣни и просить милости. Съ этими такъ называемыми туземцами, нѣкогда завладѣвшими нагло здѣсь чуждымъ достояніемъ, произошло то же самое, что̀ бываетъ во время бури съ слабыми листьями и вѣтвями на деревѣ, кои отстаютъ отъ стебля и падаютъ на землю; то же произошло, что̀ бываетъ съ прахомъ на пути, который во время вихря тотчасъ поднимается, летитъ вверхъ и помрачаетъ собою—на нѣсколько минутъ — воздухъ. И это ли можетъ отнимать присутствіе духа у истинныхъ сыновъ отечества? Пройдетъ буря съ вихремъ и дерево—безъ слабыхъ листьевъ и вѣтвей—будетъ свѣжѣе и крѣпче;—и путь, освобожденный отъ праха, сдѣлается чище и лучше.

Никогда не хорошо и не благоразумно — предаваться воображенію опасностей, тѣмъ паче въ настоящихъ обстоятельствахъ. Если бы, устремившись къ вамъ, я хотя въ половину приложилъ вѣру тому, что̀ слышалъ о нынѣшнемъ положеніи вашемъ, что разные, и не легковѣрные, люди говорили мнѣ объ ожидающихъ меня на пути опасностяхъ, то мнѣ тотчасъ надлежало бы остановиться и отказаться отъ намѣренія посѣтить и утѣшить васъ. Но, по милости Божіей, слышанное мною нисколько на меня не подѣйствовало; и я теперь—опытный и очевидный свидѣтель для васъ въ томъ, что положеніе страны нашей отнюдь не такъ опасно, какъ могло казаться нѣкоторымъ, и что если была какая-либо опасность, то она со дня на день уменьшается, и скоро должна пройти совершенно.

Доселѣ бесѣдовалъ я съ вами, какъ посѣтитель, — искренно усердный къ вамъ, но взирающій на положеніе и обстоятельства ваши глазомъ обыкновеннымъ; время теперь возвысить голосъ и сказать вамъ нѣсколько словъ устами пастыря страны сей, хотя и недостойнаго. Не здѣсь ли, не у васъ ли колыбель нашего христіанства? — Не отсюда ли возсіялъ свѣтъ вѣры православной на всю землю Русскую? —

Не за сію ли страну положили душу свою наши присно-поминаемые священномученики херсонскіе? И вы попустили себѣ, возлюбленные, хотя на минуту, подумать, что все сіе можетъ остаться втуне, и Крестъ Христовъ уступитъ здѣсь мѣсто лунѣ магометовой?!... Такъ ли,—простите моему дерзновенію и любви къ вамъ,—такъ ли должно мыслить и чувствовать сынамъ Россіи, чадамъ Церкви православной?—Развѣ напрасно и вотще молится она ежедневно на колѣнахъ о побѣдѣ надъ врагами и супостатами?—Если мы нечисты и по грѣхамъ нашимъ недостойны того, чтобы Господь услышалъ молитву нашу: то на неизмѣримомъ пространствѣ земли Русской не можетъ не быть душъ чистыхъ и святыхъ, коихъ молитва за отечество сильна предъ Господомъ, и кои теперь не даютъ вѣждемъ своимъ дреманія, воздвигая преподобныя руки свои день и ночь за Церковь православную, за Царя Благочестивѣйшаго и за его христолюбивое воинство. А ваши священномученики, положившіе души свои за страну здѣшнюю, думаете ли, что они праздно стоятъ предъ Престоломъ Божіимъ, и не повергаютъ себя и мученическихъ вѣнцовъ своихъ предъ Сѣдящимъ на немъ, ходатайствуя за спасеніе васъ отъ настоящихъ золъ и искушеній?—А великій князь Владиміръ, пріявшій здѣсь крещеніе и въ немъ залогъ славы небесной, коею нынѣ наслаждается, можетъ ли забыть, чѣмъ онъ обязанъ странѣ вашей, и не поспѣшитъ ей на помощь противу объюродѣвшихъ безвѣріемъ пришельцевъ запада? Нѣтъ, если мы любимъ искренно свое отечество, то небожители тѣмъ паче не могутъ забыть его и не предстательствовать за него у Господа.

А за успѣхъ враговъ нашихъ кто можетъ стать и ходатайствовать на небѣ? Не предки ли этихъ безумныхъ пришельцевъ, тѣ несчастные предки, кои, обуянные безбожіемъ и страстями, ниспровергали алтари и престолы, поклонялись богинямъ разума и, проповѣдуя всеобщее братство, плавали сами въ крови своихъ ближнихъ и знаемыхъ? Не ханы ли Крымскіе, кои, завладѣвъ сею страною, нѣкогда цвѣтущею, довели ее до всеконечнаго опустошенія, кои всю жизнь проводили въ набѣгахъ и плотоугодіи, питаясь и питая полчища свои слезами и кровію странъ сопредѣльныхъ? Не прежніе ли служители здѣсь вѣры магометанской, кои,

послѣдуя душевредному алкорану, и сами всю жизнь шли и другихъ слѣпо вели за собою въ пропасть адскую? Видите, что я хотя и по любви къ вамъ, но ожесточаю слово!... Для чего? Дабы пробудить во всѣхъ васъ чувство вѣры и упованія, приличное чадамъ Церкви православной, дабы удалить васъ отъ опасеній и малодушія, столь несродныхъ сынамъ земли Русской.

Вмѣсто безотраднаго и безплоднаго смущенія, займемся, тѣмъ, чего требуютъ настоящія обстоятельства. Къ намъ на защиту спѣшатъ храбрыя войска наши, для коихъ, по самой быстротѣ ихъ шествія, невозможно было имѣть съ собою всего нужнаго. Не замедлите оказать усердіе и уготовать для нихъ пищу и питіе. У васъ будутъ уязвленные на брани: да не окажется недостатка въ томъ, что необходимо для ихъ успокоенія. Для всего этого не пожалѣйте ничего: ибо стыдъ и горе намъ, если пролившій за насъ кровь свою принужденъ будетъ сказать, что онъ не призрѣнъ, какъ должно,—*своими!*... А вмѣстѣ съ симъ обратитесь всѣ къ молитвѣ и покаянію: ибо это оружіе на враговъ самое дѣйствительное, коимъ притомъ можетъ владѣть всякій. Коль скоро мы, чрезъ покаяніе, истинно примиримся съ совѣстію своею и Богомъ: то и вокругъ насъ все обратится къ тишинѣ и миру, коими да благословитъ скорѣе Господь всѣхъ насъ! — Аминь.

Слово по случаю нашествія на полуостровъ Крымскій иноплеменниковъ,

произнесенное въ симферопольскомъ Александро-невскомъ соборѣ, 15-го сентября 1854 года.

Миръ вамъ (Іоан. 20, 19)!

Не опечалилъ ли я васъ вчера чѣмъ-либо, возлюбленные?— По той же любви къ вамъ о Христѣ и по той же ревности по васъ можно было, пожалуй, сказать что-либо и слишкомъ горькое... Но вы поймете, надѣюсь, и уразумѣете, какъ должно, причину и цѣль всего сказаннаго, и не будете огорчаться нашимъ словомъ, памятуя слово Священнаго Писанія, что *достовѣрнѣе язвы друга, нежели льстивыя лобзанія врага* (Притч. Сол. 27, 6).

Въ самомъ дѣлѣ, лучше ли для васъ, если по разнымъ мѣстамъ отечества будутъ говорить, что вы, сверхъ ожиданія оказались ниже вашихъ обстоятельствъ, что въ васъ не обнаружилось того великаго духа, той твердости и мужества, коими воодушевлена теперь вся Россія? Ибо не надобно забывать, что на васъ смотрятъ отвсюду, о васъ говорятъ—и долго еще будутъ говорить—вездѣ, что всѣ истинные сыны отечества, самъ Благочестивѣйшій Монархъ нашъ, ожидаютъ теперь отъ васъ—не малодушія, даже не обыкновеннаго одного мужества и присутствія духа, а какого-либо особеннаго подвига любви къ отечеству и самоотверженія, сообразно чрезвычайности вашихъ нынѣшнихъ обстоятельствъ. Какъ, по тому, поступите вы въ это время великаго испытанія, какой подадите примѣръ, такая вамъ воздана будетъ отъ всѣхъ и честь! Чѣмъ болѣе и чѣмъ чище принесено будетъ на алтарь отечества жертвъ, тѣмъ вы станете выше въ глазахъ всѣхъ; а если—что̀ да отвратитъ Господь!—вы окажетесь такъ малодушны и недальновидны, что предпочтете свои частныя выгоды пользамъ общимъ: то неминуемо подвергнетесь за то всемірному нареканію, и позоръ вашъ—будьте увѣрены въ томъ!—ляжетъ всею тяжестію своею не только на васъ, но и на отдаленныхъ потомкахъ вашихъ...

Посему-то я и говорю съ вами такимъ рѣшительнымъ и откровеннымъ языкомъ; для сего-то самаго я и прибылъ къ вамъ, не смотря на всѣ трудности пути: мнѣ дороги спокойствіе и честь ваши, и еще дороже честь, нежели спокойствіе... Будьте же, говорю, внимательны, возлюбленные, и взирайте не на одно настоящее, а и на будущее, не на одинъ городъ и полуостровъ вашъ, а на всю Россію, которая теперь не сводитъ съ васъ глазъ, мыслитъ, разсуждаетъ, и молится о васъ, и, безъ сомнѣнія, готова, если бы возможно, летѣть къ вамъ на крыльяхъ, чтобы раздѣлить съ вами всѣ труды и опасности.

Кратко: предъ вами теперь слава или стыдъ вѣчный,—благословеніе или укоризна неизгладимая!

Поспѣшите же, возлюбленные, прославиться — славою чистою и святою, показавъ, что вы не напрасно живете у самой колыбели нашего христіанства, не безплодно обитаете на землѣ мучениковъ и святыхъ, что васъ всѣхъ движетъ

и одушевляетъ тотъ же самый духъ вѣры и упованія на Бога, который провелъ безбѣдно отечество наше среди всѣхъ, самыхъ великихъ и вѣковыхъ, бѣдъ и искушеній, возвелъ его на крайнюю высоту всемірнаго могущества и славы и содѣлалъ новымъ, недосягаемымъ никакимъ врагамъ, Араратомъ для ковчега православія.

Поспѣшите, возлюбленные, прославиться — славою чистою и святою, явивъ въ мысляхъ и дѣйствіяхъ своихъ любовь къ отечеству такимъ образомъ и съ тою силою, какъ любили являть ее въ подобныхъ случаяхъ древніе сыны его, блаженные предки наши, кои не думали спасать себя, когда отечество находилось въ опасности, а, забывая всѣ собственныя выгоды, готовы были принести въ жертву для него не только все достояніе, но и самую жизнь свою.

Поспѣшите, возлюбленные, прославиться — славою чистою и святою, употребивъ всѣ силы и средства, все искусство и умѣніе ваше на содѣйствіе и помощь христолюбивому воинству нашему, которое, стекшись сюда со всѣхъ концевъ Россіи на защиту страны вашей, въ порывѣ святой ревности, ожидаетъ, какъ празднества, того дня и часа, когда можно будетъ, не щадя своей крови и живота,—за Царя и отечество, ринуться побѣдоносно на толпы богопротивныхъ иноплеменниковъ.

Кто можетъ отрицать лютость настоящей войны, — тяжесть нынѣшняго вашего положенія?—Всѣ видятъ и цѣнятъ это: каждый знаетъ, что намъ должно стоять здѣсь не противъ однихъ изувѣрныхъ поклонниковъ Магомета, а едва не противъ всего лже-христіанскаго Запада; каждый увѣренъ и ожидаетъ, что во вредъ намъ будутъ употреблены съ ихъ стороны всѣ средства разрушенія, изобрѣтеніемъ коихъ такъ жалко прославилъ себя этотъ же несчастный Западъ;—что доколѣ правое дѣло наше, при помощи Божіей, не восторжествуетъ, отъ насъ потребуется еще не мало великихъ и тяжкихъ жертвъ: но въ то же время, сколько имѣемъ мы, въ подкрѣпленіе и утѣшеніе себя, побужденій самыхъ сильныхъ, надеждъ самыхъ чистыхъ и христіанскихъ! Вспомните, почему и для чего рѣшились мы на брань настоящую! По самолюбію ли и гордости, ради земныхъ ли какихъ видовъ и пріобрѣтеній, какъ это со всею вѣрностію можно сказать о врагахъ нашихъ? Нѣтъ, мы

стали за цѣлость вѣры православной и святость Креста Христова, за освобожденіе отъ невыносимаго ига мусульманскаго единовѣрныхъ и единоплеменныхъ собратій нашихъ, за достоинство и величіе Россіи, за собственное, можно сказать, духовное бытіе наше. Что же, скажите, было иначе дѣлать намъ? Развѣ, въ угодность темнаго Запада, отказаться отъ свѣтоноснаго Востока? Развѣ преклонить вѣнчанную Крестомъ главу подъ кровавый серпъ луны магометовой, исчезающій по закону самой природы?—Вообразите, что это великое дѣло отдано было въ собственныя наши руки: уже-ли бы нашелся хотя одинъ изъ насъ, кто бы, взвѣсивъ всѣ обстоятельства, въ какихъ находились мы предъ настоящею бранію, не сказалъ отъ всей души: нѣтъ, Россія, по великодушію, можетъ перенести многое и давно переноситъ, но она никогда не откажется отъ великаго и святаго призванія своего—быть защитницею вѣры православной; никогда не предастъ ковчега завѣта, ей свыше ввѣреннаго, въ нечистыя руки филистимлянъ.

Тяжко и трудно положеніе наше, но необходимо и неизбѣжно; ибо, уклоняясь отъ него, мы измѣнили бы не человѣкамъ, а Самому Богу!—Скорбны, до времени, и горьки обстоятельства наши, но вмѣстѣ съ тѣмъ величественны и душеотрадны; ибо дѣло наше есть не столько наше, сколько дѣло Божіе, защищая которое, мы небоязненно можемъ предстать на судъ всему потомству, на судъ самыхъ Ангеловъ небесныхъ. Не мало еще жертвъ потребуется отъ насъ, много еще прольется слезъ и крови; но плоды сего слезнаго и кроваваго сѣянія будутъ неисчислимы—не только для всего православнаго христіанства, не только для величія и могущества Россіи, но и для вашего собственнаго благоденствія!...

Спросите, что же можетъ выйти благотворнаго изъ сей лютой брани?—Это, во всей полнотѣ, довѣдомо теперь единому Богу; но и мы, съ упованіемъ на того же Господа, можемъ указать вамъ—на немалое.

Конецъ брани сей долженъ показать, что православная Церковь вселенская основана и стоитъ не на зыблющихся и перемѣняющихся подпорахъ человѣческихъ, а на единомъ, несокрушимомъ краеугольномъ камени, иже есть Христосъ Господь; врата адовы не одолѣютъ ей; и искренно послѣ-

дующіе матернему водительству ея, не постыдятся во вѣки, не токмо на небѣ, но и на землѣ.

Конецъ брани настоящей долженъ показать, что возлюбленное отечество наше не напрасно, презирая всѣ усѣянныя цвѣтами распутія мірской мудрости, слѣдуетъ неуклонно по пути Божію, какимъ бы онъ ни былъ иногда покрытъ терніемъ, ибо за сіе именно предуставлено свыше, чтобы скипетръ всемірнаго могущества и вліянія оставался не въ другихъ какихъ-либо рукахъ, а въ десницѣ Богомъ вѣнчаннаго Самодержца Всероссійскаго.

Съ концемъ брани настоящей для самаго полуострова вашего долженъ наступить новый образъ бытія, лучшаго и совершеннѣйшаго. Къ вамъ особенно обратятся взоры и сердце Монарха; за вами послѣдуетъ искренное уваженіе всей Россіи; на васъ проліются новыя благословенія отъ Самого Царя и Владыки небеснаго, Который не можетъ забыть *труда любве,* подъятаго вами во имя Его, и воздастъ вамъ за него сторицею. Можетъ быть, я предаюсь слишкомъ надеждѣ? но мнѣ кажется, что я какъ бы вижу уже, какъ Таврида сотрясаетъ, наконецъ, съ себя вретище и прахъ жалкаго полубытія общественнаго,—несчастный остатокъ прежняго дикаго владычества хановъ татарскихъ—какъ всѣ части здѣшняго полуострова тѣснѣе и пріискреннѣе входятъ въ живой и мощный составъ Россіи, заемля отъ него новую жизнь и крѣпость; какъ Херсонесу Таврическому возвращается вполнѣ его древній характеръ христіанскій, и вѣковыя святыни его подъемлются изъ развалинъ;—какъ сама природа здѣшняя, нашедъ, наконецъ, кому открыть, раскрываетъ еще болѣе тайныя сокровища свои на пользу человѣка... Тогда, мы сами, кои теперь такъ сѣтуемъ и смущаемся, мы сами, возсѣдая въ мирѣ кійждо подъ смоковницею своею, съ радостію и веселіемъ будемъ повторять и прилагать къ себѣ слова св. Давида: *сѣющіи слезами, радостію пожнутъ; ходящіи хождаху и плакахуся, метающе сѣмена своя, грядуще же пріидутъ радостію, вземлюще рукояти своя* (Псал. 125, 5. 6.).

Отъ слова и бесѣды обратимся всѣ паки къ молитвѣ, ибо хорошо и полезно, въ духѣ вѣры и любви, бесѣдовать человѣку съ человѣкомъ, но еще лучше бесѣдовать каждому—въ сердечной молитвѣ — съ Богомъ, потому что никакое

слово и никакая бесѣда не могутъ замѣнить единаго глубокаго молитвеннаго воздыханія къ Господу — души чистой или истинно кающейся. Аминь.

Слово по прочтеніи Высочайшаго манифеста о государственномъ вооруженіи,

произнесенное въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ, 13 февраля 1855 года, въ недѣлю Православія.

Итакъ. злобный духъ брани еще не насытился кровію человѣческою и требуетъ новыхъ жертвъ!... Итакъ, зависть и давняя вражда къ намъ темнаго Запада, и видимо наказуемыя свыше, все еще не хотятъ смириться подъ крѣпкую руку Божію и снова подъемлютъ главу уже не противъ могущества токмо и величія, а противъ самыхъ несомнѣнныхъ и священныхъ правъ нашего любезнаго отечества!...

Россіи ли уступить малодушно побѣду надъ собою и правымъ дѣломъ своимъ этой беззаконной зависти и враждѣ, и, подобно невѣрному нѣкогда ученику, отречься—изъ страха рабыни—отъ своего великаго и святаго предназначенія?

Нѣтъ, не для того превознесена она самымъ Промысломъ Божіимъ надъ царствами и народами, чтобы съ высоты Богомъ даннаго величія преклонить вѣнчанную крестомъ главу свою предъ богопротивнымъ и истлѣвшимъ отъ самаго времени знаменемъ Магомета, въ чьихъ бы рукахъ оно ни находилось, и кѣмъ бы безумно ни поддерживалось! Нѣтъ, не для того великому Монарху всероссійскому дано свыше пройти, столь же трудный какъ и достославный, опытъ тридесятилѣтняго царствованія надъ шестидесятію милліонами вѣрноподданныхъ, чтобы потомъ, оставивъ прямой и величественный путь правды и великодушія, начать идти по стопотнымъ слѣдамъ самоназванныхъ властителей и несамовластныхъ въ собственномъ царствѣ повелительницъ!...

Не Богу ли повинется душа моя, восклицалъ нѣкогда святый Царь израилевъ, когда съ одной стороны злобные враги *обыдоша* его, *яко пчелы сотъ* (Псал. 117, 13), а съ другой—малодушные друзья и совѣтники предлагали ему разныя невеликодушныя средства къ избавленію себя отъ опасностей.—*не Богу ли повинется душа моя*! *Отъ Того бо спасеніе мое:*

Той Богъ, Спасъ мой, и не подвижуся во вѣкъ (Псал. 61, 1). Такъ можетъ сказать нынѣ вслухъ всего свѣта Монархъ всероссійскій съ вѣрнымъ народомъ своимъ. *Не Богу ли,* единому Богу *будетъ послушна душа наша?* Отъ Того бо единаго величіе и могущество, сила и крѣпость, защита и спасеніе наше. Кто бы посему и чѣмъ бы ни угрожалъ намъ, какія бы силы и средства ни употреблялись противу насъ, мы готовы на все, но не измѣнимъ Богу, Спасителю нашему, не предпочтемъ нашихъ выгодъ Его славѣ, не предадимъ въ руки враговъ святаго дѣла, намъ ввѣреннаго. *И не подвижуся во вѣкъ!*

Да, братія мои, Россіи и Монарху ея можетъ повелѣвать единъ Богъ!...

Посему для насъ важно не то, кто противу насъ теперь и сколько ихъ, а то единое, угодно ли дѣло наше Богу? Благопріятна ли Ему самая ревность наша? Не отметна ли предъ Нимъ по чему-либо самая правда наша?—Кто скажетъ намъ это? Скажутъ и возвѣстятъ самыя событія. — Что же говорятъ событія?

Они внятно говорятъ, что брань настоящая видимо содѣлалась такою бранію, въ продолженіе коей десница Всевышняго, не смотря на весь мракъ событій и мглу страстей человѣческихъ, уже проявила себя, и надъ нами и надъ врагами нашими столько, что, при всемъ недостоинствѣ нашемъ, мы можемъ быть увѣрены, что жертва наша во славу святой вѣры и человѣчества принята со благоволеніемъ. Почему можемъ быть увѣрены? Потому, что Господь, вразумивъ насъ, сколько было нужно,—*его же бо любитъ, наказуетъ* (Евр. 12, 6), какъ свидѣтельствуетъ святый Павелъ,—въ то же время видимо побораетъ по насъ и грозно посрамляетъ ослѣпленныхъ гордостію противниковъ нашихъ.

Не смущайтесь, когда мы съ благоговѣніемъ исповѣдуемъ, что Всевышній нашелъ нужнымъ преподать вразумленіе и намъ самимъ, кои вышли на брань, какъ на служеніе имени Его, ибо при всей чистотѣ намѣреній и прямотѣ дѣйствій нашихъ, дерзнемъ ли представлять себя совершенно чистыми и непогрѣшимыми даже предъ очами Божіими? Осмѣлимся ли.—если мы воистину слуги Божіи,—думать и утверждать, что поелику мы стали за вѣру и правду, то намъ потому не нужно уже было никакого указанія и

урока свыше? Яко человѣки, мы, по самой ревности нашей о вѣрѣ и правдѣ, могли забыть свою нечистоту и возмечтать о себѣ паче, нежели подобаетъ, и изъ смиренныхъ служителей славы Божіей обратиться въ гордыхъ распорядителей великаго и святаго дѣла, нами предначатаго. И вотъ, вседержавный Промыслъ Божій, для удаленія отъ насъ сей опасности, по отеческой любви своей къ намъ, преподаетъ намъ урокъ смиренія и преданности. Въ чемъ преподаетъ?

Въ томъ, во-первыхъ, что когда мы, ставъ за вѣру и правду, ищемъ, всеусердно ищемъ, не брани и побѣдъ, а единаго, благотворнаго для самыхъ враговъ нашихъ, мира, въ то самое время вопреки всѣмъ съ нашей стороны снисхожденіямъ и жертвамъ, срѣтаемъ не миръ искомый, а вражду противъ насъ самую коварную, брань самую ожесточенную.

Въ томъ, далѣе, что когда мы руководимся въ сношеніяхъ съ недругами нашими, и во всѣхъ дѣйствіяхъ нашихъ, побужденіями самыми чистыми и безкорыстными; намъ, сверхъ всякаго ожиданія, усвояются помыслы завоевательные и разрушительные; насъ, — кто бы подумалъ? — представляютъ врагами того самаго всеобщаго порядка между народами, который мы,—почти единые мы,—поддерживали съ такимъ самоотверженіемъ цѣлые полвѣка; — и едва не весь велемудрый западъ, яко дитя неразборчивое, вѣритъ этой нелѣпой клеветѣ!...

Въ томъ, наконецъ, преподанъ намъ урокъ свыше, что когда недруги наши — и дальніе, тѣмъ паче ближайшій, вовсе не готовы были къ начатію брани съ нами, а въ рукахъ нашихъ находилось множество средствъ къ быстрому достиженію нашихъ намѣреній (какъ въ томъ громко признаются теперь сами враги наши); мы, вмѣсто быстраго и рѣшительнаго употребленія нашихъ средствъ и силъ, — никому же воспящающу, — по единому великодушію нашему, медлимъ извлечь изъ ноженъ мечъ, и вознести его побѣдоносно на главу слабаго противника, пока онъ не собралъ всѣхъ своихъ силъ, и не окружилъ себя многочисленными союзниками, чрезъ что естественно долженъ былъ затрудниться для насъ всякій успѣхъ въ дѣлѣ столь трудномъ и великомъ.

Но, если надъ нами проявилъ себя перстъ Божій вразумляющій, то надъ врагами нашими во всей силѣ открылась

грозная десница Божія, уже не вразумляющая токмо, а карающая и низлагающая гордость и нечестіе человѣческое.

Для убѣжденія въ семъ, примите трудъ разсмотрѣть вмѣстѣ съ нами хотя три слѣдующія обстоятельства.

Воспользовавшись сколь неожиданнымъ, столь же благопріятнымъ для враговъ, нашимъ великодушнымъ замедленіемъ дѣла брани, они совокупляютъ, наконецъ, всѣ силы и средства свои въ единомъ мѣстѣ, дабы произвести вторженіе въ предѣлы наши. Время года для нихъ въ семъ случаѣ есть первый и главный—союзникъ или врагъ. Они вполнѣ чувствуютъ это и дорожатъ каждымъ днемъ; между тѣмъ, сверхъ всякаго ожиданія, проводятъ недѣли и мѣсяцы, не трогаясь съ мѣста, и упуская такимъ образомъ драгоцѣнное для успѣха въ ихъ предпріятіи время. Что держитъ ихъ и не позволяетъ отправиться въ путь?—Появленіе внезапной, жестокой болѣзни, которая свирѣпствуетъ съ такою силою, что еще до меча нашего погубляетъ многихъ изъ нихъ и ослабляетъ едва не всѣхъ, отнимая вмѣстѣ съ тѣмъ большую часть времени, самаго нужнаго для нихъ и ничѣмъ не вознаградимаго. И почудитесь судьбамъ Божіимъ! эта же язва, поражающая нашихъ враговъ и запинающая стопы ихъ, не касается нисколько насъ, хотя мы весьма близки къ ихъ стану военному, и съ суши и съ моря.

Скажите сами, не перстъ ли это Всемогущаго, карающій и низлагающій гордость и нечестіе? Кто могъ послать на враговъ нашихъ въ такое время эту лютую язву? Кто могъ сказать ей, какъ нѣкогда Ангелу, истребителю первенцевъ египетскихъ: иди, поражай однихъ и не коснися другихъ?—Единъ Богъ!..

Но, вотъ, освободившись отъ смертоноснаго недуга, противники наши преплываютъ, наконецъ, море и приближаются къ брегамъ нашего полуострова. Здѣсь, какъ бы въ вознагражденіе за прошедшія ихъ бѣдствія и лишенія, а судя по послѣдствіямъ, можно сказать, какъ бы въ поощреніе на пути къ новымъ потерямъ и наказанію свыше, сначала все видимо имъ благопріятствуетъ: брега наши являются предъ ними совершенно беззащитными; воинственныя дружины наши, по неравенству силъ, хотя не безъ упорнаго боя, уступаютъ имъ свое мѣсто; единственная твердыня наша—главная цѣль ихъ нашествія,—едва не на половину пространства своего

еще почти беззащитна и открыта къ нападенію; весьма не великое и безъ того число защитниковъ ея должно было еще болѣе умалиться чрезъ отдѣленіе отъ себя значительнѣйшей части ихъ на сторону, дабы не потерять сообщенія со всею остальною Россіею. Мы въ крайности предъ лицемъ врага многочисленнаго, надменнаго и торжествующаго заранѣе!.. Что лучше для него и опаснѣе для насъ? Не здѣсь ли верхъ его торжества и нашего низложенія? Такъ казалось всѣмъ—долу, а тамъ—горѣ опредѣлялось иное, противное... Вмѣсто прямаго и быстраго нападенія на насъ, за успѣхъ коего было столько порукъ, враги вдругъ предпринимаютъ обходъ нашей твердыни, какъ бы подобясь Навину предъ Іерихономъ, только, увы, не съ знаменемъ Іеговы, а съ позорнымъ знаменемъ Магомета!.. Среди самаго этого, безплоднаго и вреднаго для нихъ, обхожденія устремись они направо,—и твердыня наша, съ сей стороны почти беззащитная, могла бы подвергнуться величайшей опасности; устремись налѣво,—и слабая предъ ними числомъ рать наша, по всей вѣроятности, должна бы уступить имъ побѣду надъ собою. Но врагамъ нашимъ до того и другаго какъ бы нѣтъ никакого дѣла; они спѣшатъ, какъ можно скорѣе, пройти мимо всѣхъ, ожидавшихъ ихъ, успѣховъ, можно сказать, мимо своего счастія, и почитаютъ за торжество, что овладѣваютъ, безъ всякаго съ нашей стороны сопротивленія, небольшимъ прибрежіемъ, которому суждено содѣлаться, какъ показало время, мѣстомъ ихъ не торжества, а нѣкоего какъ бы заточенія и казни свыше.

Кто могъ такъ неожиданно превратить жребій брани въ нашу пользу и во вредъ врагамъ нашимъ? Тутъ не было въ это время видимаго столпа облачнаго и огненнаго, отдѣлившаго нѣкогда вѣрный Богу народъ израильскій отъ египтянъ; но былъ, вѣруемъ, что былъ нѣкій Ангелъ, намъ споборавшій, а ближе всего, были и дѣйствовали наши священномученики херсонскіе, кои, имъ единымъ довѣдомою завѣсою, закрыли предъ очами враговъ, незабвенное для нихъ и на небѣ, поприще своихъ подвиговъ на землѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ содѣлали незримою для нихъ слабую сторону нашей твердыни и малочисленность нашей, стоявшей внѣ ея, рати. Такимъ образомъ самые опасные намъ, самые дорогіе и благопріятные врагамъ нашимъ дни прешли—для

насъ безбѣдно, для нихъ—безплодно и невозвратимо; а лице брани на полуостровѣ Херсонскомъ, столь неблагопріятствовавшее дотолѣ намъ, обратилось всецѣло противу враговъ нашихъ. На новомъ мѣстѣ своемъ, забывъ свою прежнюю кичливость, они вскорѣ начали прилежно помышлять уже не столько о нападеніи на насъ, сколько о защищеніи самихъ себя.

Но, упустивъ такъ необдуманно изъ рукъ своихъ такой благопріятный случай къ торжеству надъ нами, враги наши, на новомъ мѣстѣ своемъ, будутъ по крайней мѣрѣ безопасны отъ нашихъ внезапныхъ нападеній, ибо предъ ними теперь, въ защиту ихъ, рвы и окопы; за ними—море, которое всецѣло въ ихъ власти, и, обезопасивая собою станъ ихъ, служитъ къ доставленію имъ всего нужнаго...

Да, насъ нѣтъ на этомъ морѣ, но присущъ Тотъ, Кто единъ владычествуетъ *державою морскою*, и еще доселѣ никому не уступалъ власти Своей надъ бурями и безднами морскими. По Его велѣнію, является внезапно вѣтръ и возстаетъ буря съ такою свирѣпостію, какой не видали никогда столѣтніе старцы, которая приводитъ въ трепетъ самыхъ опытныхъ и всесвѣтныхъ мореплавателей; и въ нѣсколько часовъ погибаетъ у враговъ нашихъ большая часть того, что собрано было ими во вредъ намъ съ великими усиліями, едва не со всѣхъ краевъ свѣта, и что казалось неодолимымъ ни для какихъ силъ и мужества человѣческаго.

Вы знаете, что послѣдовало за тѣмъ со всѣми врагами нашими,—какъ сотни и тысячи изъ нихъ начали падать уже не отъ меча и огня нашего, а отъ изнуренія душевнаго и тѣлеснаго, отъ глада и хлада; какъ цѣлыя толпы изъ нихъ же, оставивъ въ отчаяніи собственныя знамена, ищутъ спасенія себѣ среди стана нашего;—какъ приходящіе къ нимъ на помощь соплеменники не столько увеличиваютъ ихъ силы, сколько умножаютъ собою общее бѣдствіе и смертность; — какъ, вслѣдствіе того, безразсудные властелины и распорядители, пославшіе легкомысленно воинства свои въ предѣлы наши, приходятъ въ стыдъ и смущеніе, не зная, что отвѣчать за погибель ихъ своему народу и своей совѣсти;—какъ наконецъ совѣстнѣйшіе и безпристрастнѣйшіе изъ самыхъ враговъ нашихъ, забывъ свою народную гор-

дость и всѣ корыстные разсчеты, и внемля единой истинѣ, вслухъ всего свѣта признаются, что надъ ними проліялся гнѣвъ небесный за нечестивое содружество съ поклонниками Магомета и за угнетеніе въ пользу послѣднихъ, и безъ того злополучнаго, христіанства на Востокѣ.

И послѣ таковыхъ знаменій свыше.—въ посрамленіе враговъ нашихъ и въ ободреніе насъ къ подвигамъ,—оставить намъ великое и святое дѣло свое. не кончивъ его, якоже подобаетъ? И видя надъ собою такой покровъ небесный. Россія оскудѣетъ въ самоотверженіи и пожалѣетъ жертвъ на алтарь Господень, когда враги наши не престаютъ въ такомъ множествѣ препосылать сыновъ своихъ въ жертву Ваалу и Молоху?...

Нѣтъ, не для того превознесена она самимъ Провидѣніемъ Божіимъ надъ царствами и народами, чтобы съ высоты Богомъ даннаго величія и могущества преклонить главу свою предъ темнымъ знаменемъ Магомета! Нѣтъ, не для того великому Монарху ея предоставлено свыше пройти тридесятилѣтній опытъ труднаго и славнаго царствованія. чтобы потомъ, оставивъ истинно царскій путь правды и великодушія, начать идти по слѣдамъ самозванныхъ властителей и маловластныхъ въ собственномъ царствѣ повелительницъ!...

Это самое,—благодареніе Богу,—выражается, какъ вы слышали, въ провозглашенномъ сейчасъ предъ вами, великомъ словѣ царевомъ къ Россіи. Яко царь—христіанинъ. Монархъ нашъ искренно желаетъ мира, столь нужнаго для христіанства; и. не ища никакихъ земныхъ выгодъ для себя и своего царства, готовъ, изъ любви къ человѣчеству, уступить, въ чемъ можно, даже самолюбію и страстямъ человѣческимъ, но яко вѣрный слуга Божій, яко природный защитникъ Церкви православной и всѣхъ чадъ ея, онъ не измѣнитъ великому дѣлу вѣры и правды, не предастъ судьбы православія на Востокѣ не только въ руки изувѣрныхъ поклонниковъ Магомета, но и на произволъ ихъ полухристіанскихъ союзниковъ.

И надобно же было сему, новому и исполненному вѣры и преданности, слову цареву явиться и услышаться въ объятомъ пламенемъ войны за православіе краю нашемъ не въ другое какое-либо время, а именно нынѣ—въ день Право-

славія и торжества св. Церкви надъ ея врагами!... Не знаменіе ли и это—для насъ—въ благо!

Служители алтаря!—когда будете возглашать сейчасъ великія и святыя истины, составляющія сущность и отличіе православной вѣры нашей, провозгласите ихъ, если можно, въ десять разъ громче обыкновеннаго! Да огласятъ онѣ собою не только храмы, самыя стогны наши! Да пронесется звукъ ихъ по всему востоку и западу,—въ утѣшеніе гонимымъ на Востокѣ собратіямъ нашимъ по вѣрѣ, и къ вразумленію западныхъ недруговъ нашихъ, столь позорно измѣняющихъ великому дѣлу всего христіанства!

Да услышитъ и познаетъ весь свѣтъ, что на землѣ нѣтъ силы, могущей устрашить православную Россію, доколѣ она вѣрна Богу отцевъ своихъ! Аминь!

Слово при полученіи вѣсти, во время брани, о кончинѣ Государя Императора Николая Павловича,

произнесенное въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ въ среду 4-ой недѣли Великаго поста.

Начавъ, по случаю святаго и великаго поста, пастырскія собесѣдованія съ вами о смерти, думали ль мы, братія мои, что, среди сихъ собесѣдованій, ужасный образъ смерти предстанетъ намъ въ лицѣ самого возлюбленнаго Монарха нашего?—Кто бы изъ насъ не отдалъ сто разъ собственной жизни, только бы онъ, мудрый, правдолюбивый и великодушный, продолжалъ жить и царствовать для блага отечества и въ страхъ врагамъ нашимъ? Но въ судьбахъ Всевышняго положено иное, иное!.... Когда никто на земли не ожидалъ подобнаго удара; когда всѣ мы предавались разнымъ помысламъ и надеждамъ въ будущемъ: Ангелъ смерти явился внезапно въ чертогахъ царскихъ и гласомъ неба воззвалъ Самодержавнаго Труженика нашего отъ престола земнаго къ престолу Царя славы.... Кто могъ остановить Исполнителя судебъ высшихъ и сказать ему: помедли; вѣнценосецъ сей нуженъ еще для земли! Ахъ, тамъ лучше насъ видятъ, что и когда потребно для бѣдной земли нашей!....

Здѣсь-то познаемъ во всей силѣ, что пути и совѣты Божіи воистину отстоятъ отъ путей и совѣтовъ человѣче-

скихъ, какъ отстоитъ небо отъ земли,—что единъ Вышній *владѣетъ* самодержавно *царствомъ человѣческимъ, и, ему же восхощетъ, дастъ е* (Дан. 4, 14), что Онъ единъ *поставляетъ и преставляетъ* (Дан. 2, 21) владыкъ земныхъ, даетъ и *отъемлетъ духи князей* (Псал. 75, 13). Съ Нимъ ли вступать въ споръ? Предъ Его ли всесвятою волею не преклониться съ благоговѣніемъ? Не смотря по сему на великость скорби нашей и на всю тяжесть внезапнаго лишенія, падемъ, братія мои, съ вѣрою и преданностію, падемъ мысленно предъ престоломъ Самодержца небеснаго и гласомъ величайшаго изъ страдальцевъ земныхъ воскликнемъ: *яко Господеви изволися, тако и бысть! Господь даде, Господь отъятъ. Буди имя Господне благословенно во вѣки* (Іов. 1, 21).

Да, братія мои, это не какое-либо обычное, хотя весьма горестное и печальное, событіе, это не простое видоизмѣненіе земнаго жребія сыновъ человѣческихъ: нѣтъ, это великое и священнотаинственное дѣйствіе судебъ Божіихъ! Въ неожиданной кончинѣ Монарха нашего,—скажемъ словами святаго Давида,—Самъ *Господь съ небесе возгремѣ* и Самъ *Вышній даде гласъ Свой* (Псал. 17, 14). Для кого *возгремѣ* и для кого *даде гласъ?* Для всей вселенной, для всѣхъ царствъ и народовъ,—для насъ и для самыхъ враговъ нашихъ. Куда не достигнутъ звуки сего всепотрясающаго гласа? Громомъ пронесется онъ по всѣмъ концамъ земли и, яко гласъ Всемогущаго, всѣхъ поразитъ недоумѣніемъ, всюду приведетъ въ движеніе умы, сердца и уста. Неуклонно вѣрующей въ Бога отцевъ своихъ, Россіи не въ первый разъ смиряться и благоговѣть предъ неисповѣдимостію судебъ Божіихъ, но что должны восчувствовать и помыслить при семъ враждующіе намъ? Стоя мысленно у гроба того, который такъ неправедно былъ возненавидѣнъ ими за свое великодушіе и правду, осмѣлятся ли они предъ грознымъ лицемъ самой смерти продолжать *уклоняться* сердцемъ своимъ *въ словеса лукавствія и непщевати вины о грѣсѣхъ своихъ* (Псал. 140, 4)? Ахъ, вспоминая невольно великія заслуги человѣчеству почившаго въ Бозѣ Монарха, теперь многіе изъ нихъ, можетъ быть, отъ всей души готовы были бы взять назадъ всѣ свои напрасныя подозрѣнія, всѣ клеветы безумныя, но прошедшее не возвратимо, и никакое раскаяніе не изгладитъ уже мрачнаго пятна съ ихъ совѣсти. Долго ли

притомъ возстать новымъ треволненіямъ народовъ? явиться паки тѣмъ ужаснымъ бурямъ, кои такъ недавно еще превращали царства и сокрушали престолы? Тогда сто разъ взыщутъ того, кто, забывая всѣ земныя выгоды, одушевляясь единымъ чувствомъ святаго долга и любви къ человѣчеству, какъ нѣкій Архистратигъ, стоялъ мужественно со всѣми силами своими за права и правду, за всемірный порядокъ и тишину народную.... Взыщутъ, но его уже не обрящется болѣе на земли! Онъ будетъ стоять предъ престоломъ Царя царей и свидѣтельствовать противу тѣхъ, кои не восхотѣли разумѣть его великаго и чистаго служенія человѣчеству. Тогда-то во всей силѣ исполнится богодухновенное слово Царя-Пророка, *яко солга неправда себѣ* (Псал. 26, 12)!

Да даруетъ Господь, чтобы, ослѣпленные доселѣ злобою противу насъ, недруги наши, хотя теперь, восчувствовавъ всю бренность естества человѣческаго, престали сокрывать истину въ неправдѣ, познали свое заблужденіе и, оставивъ несчастное упорство противу ударовъ наказующаго ихъ Промысла Божія, разстались съ темнымъ знаменемъ Магомета, и обратились съ раскаяніемъ къ забытому ими Кресту Христову, который единъ станетъ надъ могилою и перваго изъ Вѣнценосцевъ и послѣдняго изъ подданныхъ.

Для насъ, братія мои, среди презѣльной скорби нашей, великое утѣшеніе уже въ томъ, что когда единъ Ангелъ отшелъ отъ насъ, другой въ то же время явился на его мѣстѣ, явился въ томъ же всеоружіи Божіемъ,—съ крестомъ въ сердцѣ, съ благостію на челѣ и устахъ, съ вѣтвію мира въ десницѣ, и съ молніеноснымъ мечемъ правды въ шуйцѣ. Пусть враги наши попрежнему избираютъ то или другое, по ихъ произволу, а нашъ произволъ единожды и навсегда заключенъ въ истинѣ и правдѣ, въ искреннемъ желаніи мира человѣчеству, самымъ врагамъ нашимъ, но и въ непреложномъ защищеніи христіанства отъ безумія и лютости мусульманской. Если почившему въ Бозѣ не суждено совершить великаго и святаго дѣла, имъ предначатаго; если для продолженія и совершенія его посылается другой Ангелъ вѣнценосный, то это знакъ, что дѣло сіе есть не человѣческое, а Божіе; что въ немъ долженъ проявиться одинъ изъ тѣхъ великихъ судовъ Божіихъ, коими оканчивается, что приготовлялось

вѣками, и начинается, что должно простираться на цѣлыя столѣтія. Посему-то на безмолвіе. съ кончиною Монарха простершееся не только вокругъ его гроба, не только въ предѣлахъ нашего отечества, но и по лицу всей земли,—я невольно взираю какъ на нѣкое подобіе того священнотаинственнаго молчанія, о коемъ сказано въ дивномъ откровеніи Іоанновомъ: *и бысть безмолвіе на небеси яко полчаса* (Апок. 7, 1). Въ продолженіе таковыхъ рѣдкихъ и величественносвященныхъ минутъ,—доколѣ не вскроется новая печать (Апок. 6, 1) на книгѣ судебъ предвѣчныхъ, и не проглаголютъ на весь міръ новые гласы таинственныхъ громовъ (Апок. 10, 5),—намъ земнороднымъ приличны не вопросы и недоумѣнія, не гаданія и предположенія, а безмолвіе молитвенное, смиреніе духа, преданность сердца, и благоговѣйное ожиданіе того, *что речетъ* о насъ Самъ *Господь* (Псал. 84, 9).

Предавъ Ему всецѣло судьбу нашу и всего отечества—въ настоящемъ и будущемъ. обратимся, братіе мои, въ простотѣ вѣры и сердца къ исполненію нашего настоящаго долга; и, во-первыхъ, сопроводимъ душу отшедшаго отъ насъ Монарха теплыми молитвами ко Господу, да подастъ Ему успокоеніе отъ Его превеликихъ трудовъ царственныхъ, коими столь долго и достославно потрудился онъ для блага Россіи. Срѣтимъ столь же теплыми молитвами и упованіемъ новаго Ангела, исходящаго на царственное служеніе намъ и отечеству, да ниспослется свыше, всѣмъ извѣстной, *доброть* его сила и крѣпость, толико нужныя во время настоящее.

Мы же, при помощи Божіей, непрерывно бесѣдовавшіе съ вами доселѣ о смерти, глубоко чувствуемъ необходимость умолкнуть на время, дабы самимъ вполнѣ поучиться отъ столь великаго и поразительнаго событія, каково—неожиданная кончина Монарха Всероссійскаго. Проповѣдь наша къ вамъ чрезъ то не прекратится, только вы будете продолжать слышать ее уже не изъ нашихъ слабыхъ устъ, а изъ гроба почившаго Вѣнценосца, слышать—по тому самому—еще въ болѣе сильномъ и трогательномъ видѣ, нежели какъ бы она могла быть предложена отъ насъ съ сего священнаго мѣста. Аминь.

Слово по полученіи вѣсти, во время брани, о кончинѣ Государя Императора Николая Павловича,

произнесенное въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ, въ пятокъ 4-ой недѣли Великаго поста.

Напрасно ли мы, оканчивая послѣднюю бесѣду нашу съ вами о смерти, сказали, что изъ гроба почившаго въ Бозѣ Монарха вы будете слышать самую поучительную проповѣдь о семъ же предметѣ? Вотъ, она огласила уже собою едва не всѣ предѣлы отечества и достигла со всею силою и къ намъ. Я называю проповѣдію сказаніе о послѣднихъ минутахъ почившаго... Какая мирная, благочестивая и, можно сказать, блаженная кончина! Это не смерть съ ея ужасами и страданіями, а тихое отшествіе изъ одной страны въ другую, — не смерть, а какъ бы нѣкое — заранѣе предположенное — перемѣщеніе изъ одного обветшавшаго дома въ новое жилище. До послѣдней минуты полное сознаніе себя и своего долга! До послѣдней минуты неослабное попеченіе не только о своей душѣ, но и о судьбѣ своего царства и объ участи присныхъ своего дома! Ни единаго знака приверженности къ земному величію, теперь навсегда оставляемому; ни малаго смущенія при вступленіи во врата вѣчности, на поприще новаго высшаго бытія—объ-онъ-полъ видимаго! Много ли подобныхъ кончинъ срѣтаемъ мы во всей всемірной исторіи?

А сколько причинъ было къ противному? И недостиженіе, недальнихъ и безъ того, предѣловъ жизни человѣческой, и оставленіе навсегда — любимаго и погруженнаго въ горесть семейства, и невозвратная разлука съ трудами царственными, къ коимъ такъ привыкли умъ и сердце, — и самое неокончаніе великаго и святаго дѣла, начатаго столь великодушно во славу Божію и ко благу человѣчества... О, было отъ чего уныть самому великому духу; было отъ чего прійти въ смущеніе самой крѣпкой душѣ! Но, когда пришелъ послѣдній часъ, все сіе скоро и рѣшительно препобѣждено — живою вѣрою въ Бога и твердымъ упованіемъ жизни вѣчной за гробомъ. Почившій едва токмо услышалъ горнее призваніе, забывъ все земное, подобно возлюбленному Богомъ Самуилу, не медля, со всею искренностію

отозвался на гласъ Божій: се азъ! да будетъ воля Твоя!... (1 Цар. 3, 4).

Кто изъ насъ не пожелалъ бы себѣ столь мирной и благословенной кончины?

Но, думаете ли, братіе мои, что такое крайне отрадное и поучительное явленіе на престолѣ царскомъ могла произвести сама собою наша слабая и бренная природа человѣческая? Нѣтъ, это превыше ея: *плоть и кровь не являютъ сего* (Матѳ. 16, 17); это могла произвести и произвела всемогущая благодать Божія, коея *сила въ немощи совершается* (2 Кор. 12. 9). и которая едина не оставляетъ избранныхъ своихъ въ то время, когда они должны проходить среди тьмы и сѣни смертной.

Для чего произвела?—Дабы услаждены были послѣднія на землѣ минуты вѣнценоснаго Подвижника, который, вмѣсто цвѣтовъ мира и плодовъ согласія и любви, кои такъ неутомимо сѣялъ онъ, въ продолженіе всей царственной жизни своей, по лицу всей земли, подъ конецъ земнаго поприща свего, всюду за предѣлами отечества—срѣтилъ едва не одно терніе...

Для чего произвела? — Въ отраду и утѣшеніе порфироноснаго семейства и всего царелюбиваго отечества нашего, дабы они, лишаясь внезапно вождя и отца своего, не имѣли причины смущаться духомъ, кромѣ другихъ обстоятельствъ, еще и отъ предсмертныхъ страданій Его, и тѣмъ благодушнѣе, по Его же примѣру, укрѣпились вѣрою въ Бога и возложили все упованіе свое на Промыслъ Всевышняго.

Для чего произвела? — Въ урокъ и поученіе самымъ врагамъ нашимъ, дабы они, видя въ самомъ образѣ кончины усопшаго Монарха Всероссійскаго, что не единъ конецъ *праведному и нечестивому, чистому и нечистому, благому и злому* (Еккл. 9. 2), забывающему вѣру и совѣсть и неуклонно слѣдующему своему долгу, — пришли въ разумъ и чувство отъ своего ожесточенія, не возымѣли дерзости, подобно древнимъ хулителямъ, сказать у самаго гроба его: *гдѣ есть Богъ твой* (Псал. 41. 11)?

Возблагодаримъ же, братія мои, Господа за то, что Онъ, всеблагій, ниспослалъ таковую блаженную кончину почившему въ Бозѣ. возлюбленному Монарху нашему. и симъ самымъ, среди дней плача и сѣтованія, утѣшилъ и ободрилъ всѣхъ насъ, Его вѣрноподданныхъ.

А между тѣмъ, для собственнаго назиданія нашего, проникнемъ, хотя мало, въ тайну этой, вожделѣнной для каждаго, кончины.

Откуда она — въ семъ отрадномъ видѣ? — Отъ живой и твердой вѣры въ Бога, — отъ постоянной и неослабной вѣрности къ исполненію своего долга. Это самое громко скажетъ, и утвердитъ вслухъ всего свѣта, вся Россія. Сего не можетъ отвергнуть никто и за предѣлами отечества—изъ самихъ завистниковъ славы его.

Искренно вѣровалъ почившій въ Бозѣ Монархъ въ ту великую и святую истину, что владыки земные суть не что иное, какъ временные приставники и слуги Божіи во благо ввѣренныхъ имъ народовъ, и что имъ, какъ и всякому изъ ихъ подданныхъ, предлежитъ въ свое время предъ Царемъ царствующихъ строгій отчетъ о всемъ великомъ *приставленіи домовномъ* (Лук. 16, 2). Посему жилъ, дѣйствовалъ и трудился онъ на великомъ поприщѣ своемъ, изъ всѣхъ силъ и отъ всея души,—трудился не для славы земной, а во славу Божію, не ради суетныхъ видовъ и выгодъ человѣческихъ, не по внушенію страстей, а по гласу совѣсти, сообразно истиннымъ нуждамъ своего народа и всего человѣчества. Отсюда готовность на всякое дѣло благое, и на всякій подвигъ общеполезный, какъ бы они трудны и велики ни казались; отсюда забвеніе выгодъ и удобствъ собственной жизни и пренебреженіе очевидныхъ опасностей; отсюда непрестанное попеченіе о самыхъ отдаленныхъ краяхъ неизмѣримаго царства, о самыхъ малыхъ нуждахъ каждой страны. Предъ его очами всегда и вездѣ были три предмета: вѣра православная, Россія и благо человѣчества. Здѣсь, въ этомъ троичномъ источникѣ, почерпалъ онъ неумолкающее побужденіе къ высокимъ помысламъ и великимъ трудамъ своимъ; здѣсь же, въ удовлетвореніи своего долга къ Церкви, отечеству и человѣчеству, находилъ онъ утѣшеніе и награду за свои подвиги, не заботясь о томъ, что подумаютъ о нихъ гдѣ-либо и кто-либо.

Съ какою охотою плѣнялъ онъ разумъ свой въ послушаніе святой вѣры! Какъ далекъ былъ отъ всѣхъ превозношеній лжеименной мудрости земной и шатаній ума превратнаго! Духъ времени, такъ жалко въ семъ отношеніи ослѣпляющій многихъ, надъ нимъ не имѣлъ никакой силы.

Съ какимъ усердіемъ исполнялъ онъ обязанности сына Церкви и пекся о ея нуждахъ! Съ какимъ благоговѣніемъ стоялъ во храмахъ и приступалъ къ таинствамъ Христовымъ! На престолѣ онъ былъ первымъ изъ владыкъ земныхъ, предъ алтаремъ Божіимъ—простымъ и смиреннымъ христіаниномъ.

Россія, во все продолженіе царствованія его. видѣла въ немъ не столько самодержца и повелителя, сколько отца и благодѣтеля, который радовался отъ души всѣми ея радостями, скорбѣлъ и печалился отъ искренняго сердца ея печалями. Не ему ли обязана она тѣмъ достоуважаемымъ свиткомъ законовъ, котораго ожидала прежде болѣе столѣтія? Не отъ него ли приняла она множество общеполезныхъ учрежденій, кои будутъ служить во благо ея на вѣки? Не онъ ли оградилъ ее твердынями, о кои сокрушается теперь вся крѣпость и вся злоба враговъ? Не имъ ли возвышены и распространены обители просвѣщенія и человѣколюбія общественнаго, раскрыты новые источники народнаго богатства? Не онъ ли простеръ отеческое вниманіе на положеніе самаго послѣдняго изъ простолюдиновъ?

И вотъ, поелику почившій въ Бозѣ Монархъ искренно возлюбилъ Господа и пребылъ вѣрнымъ Ему даже до смерти; поелику онъ столь же нелестно возлюбилъ народъ свой и трудился для блага его, не жалѣя самаго здравія и жизни своей, то и Господь возлюбилъ его видимо; благословилъ особенными успѣхами многіе труды его; далъ ему видѣть сыны сыновъ своихъ; и проявилъ надъ нимъ благоволеніе и милость Свою въ послѣдніе минуты его жизни, такъ что кончина его послужитъ навсегда умилительнымъ примѣромъ того, какъ подобаетъ оставлять жизнь царю—христіанину.

Хощетъ ли посему кто-либо и изъ насъ подобной кончины христіанской?—Да подражаетъ въ жизни и дѣйствіяхъ своихъ, колико возможно — въ предѣлахъ званія своего — почившему Вѣнценосцу, оставаясь всегда вѣрнымъ Богу, совѣсти и своимъ обязанностямъ; и Господь подастъ ему желаемое. Ибо вѣрно слово и всякаго пріятія достойно, что какова жизнь человѣка, такова и смерть. Аминь.

Рѣчь при возложеніи новой золотой ризы на святую икону Богоматери Касперовской

ПРЕДЪ АКАѲИСТНЫМЪ ПѢНІЕМЪ ВЪ ПОХВАЛУ БОГОМАТЕРИ, ВЪ НАВЕЧЕРІИ СУББОТЫ 5-ОЙ НЕДѢЛИ ВЕЛИКАГО ПОСТА,

произнесенное въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ марта 11-го 1855 года.

Святый Давидъ въ одномъ изъ Богодухновенныхъ псалмовъ своихъ, изобразивъ необыкновенное, внутреннее и внѣшнее, величіе Богомъ вѣнчаннаго Царя, обращается потомъ къ лицу Его слѣдующими достопримѣчательными словами: *предста Царица одесную тебе, въ ризахъ позлащенныхъ одѣяна, преспещрена* (Псал. 44, 10).

Дивный Царь сей, по разумѣнію святыхъ отцевъ Церкви и по самому свойству изображенія Его у святаго Давида, есть возлюбленный Господь и Спаситель нашъ, Который, по совершеніи на землѣ крестною смертію Своею великаго дѣла искупленія рода человѣческаго, вознесся потомъ съ плотію на небеса и возсѣлъ тамъ на престолъ славы одесную Отца Своего. Царица, представшая,—какъ то созерцалъ въ духѣ святый Давидъ,—одесную сего Царя, есть пречистая Матерь Христова, которая, по всечестномъ успеніи Ея, какъ свидѣтельствуетъ о томъ священное преданіе, такъ же съ плотію преставлена на небеса, къ престолу Бога Сына своего.—Позлащенная и преукрашенная риза, которую созерцалъ на Ней восхищенный духомъ Псалмопѣвецъ, есть преизбытокъ всякаго рода духовныхъ и тѣлесныхъ совершенствъ, въ кои облеклась Она, по вступленіи Ея на небесахъ въ подобающій Ей санъ честнѣйшей Херувимъ и славнѣйшей безъ сравненія Серафимъ. Къ такой пренебесной ризѣ что̀ можетъ приложить воля человѣческая, самая усердная, и рука, самая искусная? Предъ сею ризою, или яснѣе сказать, предъ сею полнотою совершенствъ пренебесныхъ, можно только, вмѣстѣ съ сонмомъ Ангеловъ, благоговѣть и теряться въ радостномъ изумленіи.

Но, дивная Царица сія, и предстоя престолу Царя славы, и наслаждаясь преизбыткомъ совершенствъ высочайшихъ, никогда не забывала (и не забудетъ!) бѣдной земли нашей, гдѣ Она сама, путемъ скорбей и смиренія, востекала на высоту настоящаго Ея величія. Яко преблагая и премилосер-

дая, Она продолжаетъ выну благодѣтельствовать разнообразно роду человѣческому, всѣмъ земнымъ братіямъ своимъ по плоти. На сей конецъ, для возбужденія вѣры въ самыхъ косныхъ къ вѣрованію душахъ, для оживленія надежды и терпѣнія въ самыхъ слабыхъ и изнемогающихъ сердцахъ, Она, всеблагая, простираетъ милость и снисхожденіе свое къ намъ до того, что, для приближенія насъ къ себѣ, избираетъ, по временамъ, нѣкоторыя изъ нашихъ земныхъ изображеній пречистаго лика своего и дѣлаетъ ихъ видимыми орудіями своихъ невидимыхъ дѣйствій благодатныхъ. Въ таковыхъ чудотворныхъ иконахъ Она становится какъ бы особенно присущею намъ уже не въ одномъ образномъ, а, можно сказать, въ живомъ и животворящемъ видѣ.

И здѣсь-то открывается мѣсто и возможность для насъ, не токмо къ молитвамъ и прошеніямъ предъ ликомъ Пречистыя, но и къ разнымъ чувственнымъ знакамъ и выраженіямъ нашего усердія и признательности за Ея благодѣянія намъ и всему роду человѣческому, открывается до того, что мы, — подобно какъ сказано въ Евангеліи о святыхъ женахъ, воспомоществовавшихъ Спасителю и ученикамъ Его среди земной скудости,—можемъ служить Ей отъ самыхъ *имѣній своихъ* (Лук. 8, 3).

Такой именно, чрезвычайно рѣдкій и благодатный случай, за четыренадесять предъ симъ лѣтъ, открылся внезапно въ странѣ нашей. На пустынныхъ берегахъ Днѣпра, среди малой и безвѣстной веси Касперовской, какъ нѣкогда въ безславномъ Назаретѣ, вдругъ просіялъ знаменіями и чудесами этотъ святый ликъ Богоматери, коему предстоимъ мы теперь благочестно. Никто не провозглашалъ о семъ событіи; на мѣстѣ необычайныхъ явленій не было никакого проповѣдника; но благодать, исходящая отъ святой иконы, сама собою, какъ благоуханіе, неслась по всей странѣ нашей, всюду и во всѣхъ возбуждая вѣру и живое упованіе на Бога и Богоматерь. Сонмы страждущихъ и обремененныхъ, какъ было и во время появленія на проповѣдь Спасителя, первые устремились съ своими недугами и скорбями къ источнику чудесъ; и находя каждый, по мѣрѣ своей вѣры, у пречистаго лика Богоматери покой душѣ и уврачеваніе тѣлеси своему, сами собою обращались въ неумолкающихъ глашатаевъ о Ея благодатныхъ дѣйствіяхъ. По исходящему

изъ глубины душъ и сердецъ гласу сему, въ непродолжительномъ времени, первенствующіе изъ градовъ нашихъ, одинъ за другимъ, спѣшили благоговѣйно изъявить ревность свою о томъ, чтобы скорѣе видѣть среди храмовъ и стогнъ новый чудотворный ликъ Царицы небесной. Намъ, обитателямъ града сего, по самому отдаленію мѣста пребыванія нашего, надлежало не малое время довольствоваться одними радостными слухами о необыкновенной благодати Божіей, проявившей себя такъ знаменательно надъ всею страною нашею. Но когда грозныя событія, разразившіяся надъ градомъ нашимъ въ прошедшую весну съ такою силою, дали всѣмъ намъ въ полной мѣрѣ восчувствовать, что въ подобныхъ обстоятельствахъ—и при нескудости въ воинахъ и въ военачальникахъ,—необходимо еще заступленіе и помощь свыше: мы не замедлили обратиться съ молитвою и прошеніемъ къ *взбранной Воеводѣ*, да удостоитъ благодатнымъ посѣщеніемъ своимъ и нашъ градъ. И можно сказать, едва токмо отверзли мы уста свои на таковое моленіе, Она, премилосердая, не только услышала насъ, но и сдѣлала (чрезъ почившаго въ Бозѣ Монарха) болѣе, нежели сколько мы ожидали; ибо, въ сугубое утѣшеніе намъ и въ ободреніе среди обышедшихъ насъ золъ, благоволила утвердить пребываніе своего чудотворнаго лика во градѣ нашемъ дотолѣ, пока не освободится онъ всецѣло отъ всякаго обстоянія силъ непріязненныхъ.

Можно ли было послѣ сего не тронуться глубоко всѣмъ намъ такою великою милостію Царицы небесной и не возжелать ознаменовать нашу благодарность къ Ней какимъ-либо видимымъ знакомъ усердія?—Воспоминая при семъ о златой и преукрашенной ризѣ Давидовой—на Царицѣ небесной и примѣчая въ то же время скудость ризы на семъ чудотворномъ изображеніи ея, мы необходимо пришли къ мысли—устроить для него это новое облаченіе. Усердіе христолюбивыхъ душъ не умедлило представить намъ первоначальныя средства къ тому; надежда на продолженіе сего усердія служила поощреніемъ къ дальнѣйшему дѣйствію, которое теперь, благодареніе Господу!—достигло желаннаго конца. Новая благолѣпная, какъ видите, риза готова: остается токмо поднести и, такъ сказать, представить ее той, для коей она предназначена.

Но кто изъ насъ сдѣлаетъ это?—О, какъ невинны должны быть руки и какъ чисто сердце приносящаго!... При мысли о семъ, мы отъ всей души готовы уступить сіе дѣло и сію честь тому, кто можетъ совершить это непостыдно и якоже подобаетъ предъ лицемъ честнѣйшей Херувимъ; но, истинные рабы Христовы, какъ явствуетъ изъ ихъ дѣписаній, никогда не любили являть себя предъ очію человѣковъ, развѣ изводимые особымъ распоряженіемъ свыше. Намъ посему, не смотря на духовную немощь и нечистоту нашу, намъ самимъ должно будетъ совершить то, что̀ чрезъ насъ же, хотя и недостойныхъ, предначато, по внушенію благодати Божіей.

Не оставьте же, братія мои, подкрѣпить насъ въ семъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, вашею вѣрою и молитвою. Соединимся всѣ въ духѣ упованія и любви къ преблагословенной Царицѣ небесной и заступницѣ нашей и падши предъ симъ чудотворнымъ ликомъ Ея, подобно дароносившимъ волхвамъ въ Виѳлеемѣ, воскликнемъ изъ глубины души: Мати Божія, заступнице и утѣшительнице всѣхъ скорбящихъ и обремененныхъ, пріими милостиво малое приношеніе сіе наше и покрый насъ приносящихъ, и весь градъ, и всю страну нашу, Твоимъ всечестнымъ омофоромъ!—Аминь.

Рѣчь въ память бомбардированія Одессы, въ Великую Субботу 1854 года флотомъ непріятельскимъ,

произнесенная въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ, марта 25-го 1855 года, предъ совершеніемъ, въ Великій Пятокъ вечеромъ, таинства Елеосвященія.

Къ чему мы приступаемъ въ настоящій часъ?—Къ совершенію св. таинства Елеосвященія.

Но развѣ мы подвержены какому-либо недугу, ибо оно совершается надъ болящими?

А развѣ можетъ кто-либо сказать, что онъ не подверженъ какому недугу?—Кто изъ насъ во-первыхъ здравъ совершенно духомъ и безъ всякихъ язвъ въ своей совѣсти? *Аще беззаконія назриши, Господи, кто постоитъ* (Псал. 129, 3),—такъ вопіютъ самые праведники; что же сказать о насъ, грѣшникахъ?—Посему для всѣхъ насъ необходимъ елей милосердія Божія.

Многіе ли могутъ похвалиться и совершеннымъ здравіемъ тѣлеснымъ? Ахъ, это здравіе такъ обманчиво, что иные за минуту до своей кончины не чувствуютъ того, что внутри ихъ уже господствуетъ смерть, какъ это явствуетъ изъ такъ называемыхъ внезапныхъ смертей, кои, сами въ себѣ, безъ сомнѣнія, не были внезапны, а естественно проистекали изъ предварительнаго и, можетъ быть, давняго разстройства силъ тѣлесныхъ.

Посему таинство Елеосвященія, къ коему приступаемъ мы теперь, какъ врачевство недуговъ душевныхъ и тѣлесныхъ, ни для кого не излишне. Совершенно ненужно было бы оно развѣ только для того первобытнаго, неповрежденнаго еще, тѣла человѣческаго, которое имѣли наши прародители въ раю—до своего грѣхопаденія, хотя и тамъ, къ поддержанію его въ состояніи безсмертія, уготовано было Промысломъ Божіимъ и внѣшнее средство—древо жизни.

Кромѣ сего, какъ показываетъ опытъ, для многихъ изъ насъ и предъ концемъ нашея жизни, на самомъ одрѣ смертномъ, не окажется возможности, по разнымъ причинамъ, сподобиться принять сіе великое таинство изъ рукъ св. Церкви. Будемъ же, братія мои, приступать къ нему ежегодно въ сей великій и святый день, когда самое пречистое тѣло Спасителя нашего, по снятіи его со креста, помазано было мѵромъ и вонями отъ праведныхъ Іосифа и Никодима.

Мы сами впрочемъ, при всемъ желаніи освященія свыше, не дерзнули бы на столь важное и небывалое доселѣ въ сей день священнодѣйствіе, если бы не были приведены къ тому—не нашимъ произволеніемъ, а, можно сказать, самимъ Промысломъ Божіимъ—посредствомъ чрезвычайныхъ событій, совершившихся надъ нами въ Великую Субботу прошедшаго года. Кто изъ насъ можетъ забыть эту сугубовеликую и въ полной мѣрѣ страстную для насъ Субботу, когда въ продолженіе цѣлаго дня, какъ на Голгоѳѣ, содрагалась подъ нами земля, трепеталъ надъ нами воздухъ, когда смерть видимо носилась по стогнамъ нашего города?

Тогда, и нехотящимъ, надлежало помышлять не только о спасеніи своей жизни, но и о христіанскомъ приготовленіи себя къ смерти. Предвидя сіе, мы, послѣ великопостнаго говѣнія, и послѣ самаго причащенія тѣла и крови Господней, не почли за лишнее обратиться съ вѣрою и мо-

литвою и къ таинству Елеосвященія, яко благодатному напутію и къ безбѣдному прохожденію смертоносныхъ опасностей, намъ предстоявшихъ.

Вѣра и упованіе наше не посрамились: мы испытали надъ собою такое дѣйствіе заступленія свыше, которое привело въ радостное изумленіе всѣ края Россіи. Но, если грозившая намъ опасность прошла для насъ безбѣдно, то должна ли вмѣстѣ съ тѣмъ пройти и память о ней, тѣмъ паче о помощи Божіей, тогда надъ нами видимо явленной? Нѣтъ, эта память должна остаться навсегда—въ душевную отраду намъ и въ поученіе родамъ грядущимъ.

Для сей-то именно святой цѣли, по благословенію Святѣйшаго Правительствующаго Синода, имѣетъ отселѣ служить ежегодное совершеніе таинства Елеосвященія, теперь нами предначатаго.

Крестъ Господень и плащаница, предъ коими оно должно совершаться, содѣлаются для насъ такимъ образомъ памятникомъ не только всемірнаго искупленія рода человѣческаго отъ грѣха и смерти, но и благодатнаго избавленія града нашего отъ лютаго нападенія на него въ сіи самые святые дни злочестивыхъ иноплеменниковъ.

Пріими же, богоспасаемый градъ Одесса, новое благочестивое учрежденіе сіе съ тою живою вѣрою и благоговѣніемъ, кои подобаютъ градамъ богоспасаемымъ! Притекай спѣшно каждый годъ на совершеніе сего таинства, оставляя для сего всѣ житейскія заботы твои, какъ бы онѣ важны ни казались. Ибо здѣсь въ это время будетъ ожидать тебя Богъ, благодѣтель и спаситель твой; здѣсь и въ это время будешь ты являть предъ Нимъ твою признательность за прошедшую и твое упованіе на Его будущую помощь, которая, судя по твоему мѣстоположенію, не разъ можетъ оказаться снова необходимою для тебя! Когда, съ теченіемъ времени, новыя поколѣнія будутъ вопрошать, что̀ значитъ *служеніе сіе* (Исх. 12, 26), не совершаемое въ сей день по другимъ странамъ отечества: тогда отцы и матери, въ изъясненіе происходящаго, пусть, подобно древнимъ израильтянамъ, повѣдуютъ чадамъ своимъ, что это—благодарственное воспоминаніе великой милости Господней, яже *покры* (Исх. 12, 27) градъ и *домы* наши отъ разрушительнаго дѣйствія ужасныхъ перуновъ непріятельскихъ.

Внемля сему повѣствованію, да научаются и всѣ роды грядущіе — любити и боятися Господа Бога своего, вѣрно хранити заповѣди Его, на Него — прежде и паче всего — уповати и въ Немъ искати спасенія своего — въ день лютъ! — Аминь.

Рѣчь при освященіи новыхъ баттарей Одесскихъ,

произнесенная на Щегловской баттареѣ, 14-го мая 1855 года.

Долго ли освящать намъ страшныя орудія смерти и истребленія?—Мечу Божій, доколѣ будеши сѣщи и не внидеши почти въ ножны твоя?... Увы, бѣдный родъ человѣческій, какъ немного уразумѣлъ ты, въ продолженіе цѣлыхъ седми тысящъ лѣтъ, тайну и цѣль бытія твоего на землѣ, и какъ мало приблизился ты къ своему высокому предназначенію!— Увы, святая вѣра христіанская, такой ли черной неблагодарности надлежало ожидать тебѣ отъ собственныхъ сыновъ твоихъ за тѣ благодѣянія, какими ты ущедряла ихъ доселѣ и видимо превознесла надъ всѣми прочими народами!

Въ самомъ дѣлѣ, братія мои, что̀ значитъ, что образованнѣйшіе изъ народовъ Запада съ такимъ упорствомъ хотятъ продлить и вопреки явныхъ намѣреній самаго Промысла Божія, существованіе въ Европѣ—среди собственныхъ нѣдръ своихъ, этой дикой орды магометанской, коея бытіе такъ недавно еще почиталось отъ всѣхъ за признакъ гнѣва небеснаго, которая и нынѣ не можетъ иначе существовать, какъ кровію и слезами подручныхъ ей народовъ, — что̀, говорю, значитъ это, какъ не то, что сіи, такъ называемые, образованные народы, въ ослѣпленіи гордости и себялюбія, совершенно забыли совѣсть и человѣчество, и потому ихъ выгоды земныя, и то большею частію мнимыя, а не дѣйствительныя, несравненно важнѣе для нихъ всѣхъ слезъ и всей крови страждущаго отъ магометанскаго ига человѣчества?

Что̀ значитъ, далѣе, — что эти народы, именуясь христіанскими, продолжаютъ проливать кровь свою за непримиримыхъ враговъ христіанства, жертвуютъ жизнію избранныхъ сыновъ своихъ для того токмо, чтобы продлить тиранское владычество сихъ враговъ надъ подобными имъ народами христіанскими, — что̀ значитъ все сіе, какъ не то, что для

нихъ святая вѣра наша перестала уже быть религіею ихъ души и сердца, и содѣлалась однимъ праздным и ничего незначущимъ именемъ, которое какъ бы даже тяготитъ ихъ собою?

Если кто при семъ радуется, то развѣ одинъ духъ злобы, который искони привыкъ возставлять брата на брата, сына противъ матери. Если кто при семъ торжествуетъ, то развѣ одинъ Магометъ — во глубинахъ адовыхъ, видя, какъ падающая и оставляемая самыми мусульманами, злочестивая хоругвь его подъемлется изъ праха и поддерживается въ силѣ кровію христіанъ.

Среди сихъ превратныхъ мнѣній, сужденій и дѣйствій, среди сей постыдной измѣны человѣчеству и христіанству, какъ отрадно видѣть, что есть еще на землѣ народъ, который, пребывъ вѣрнымъ Богу отцевъ своихъ, всегда готовъ забыть всѣ выгоды и разсчеты, и по первому, такъ сказать, зову и требованію, выйти на служеніе Господу, на защиту правъ бѣдствующаго человѣчества, на исполненіе надъ царствами и народами судебъ предвѣчныхъ! — Еще отраднѣе сказать, что единственный на землѣ народъ сей есть ты, Богомъ возлюбленное отечество! Ты, православная Россія!... Въ самомъ дѣлѣ, что̀ побудило тебя съ Боговѣнчаннымъ, теперь уже не на землѣ токмо, а и на небесахъ, Монархомъ твоимъ, изыти на единоборство едва не противу цѣлаго свѣта, какъ единое чистое и святое желаніе смирить безумную гордость враговъ креста Христова и защитить отъ ихъ неслыханныхъ угнетеній бѣдствующихъ собратій твоихъ? Почивая на лаврахъ, тобою стяжанныхъ, ты могла бы, подобно другимъ державамъ, предаться собственнымъ выгодамъ и разсчетамъ, забывая бѣдное положеніе собратій твоихъ, презирая вопли и стоны страждущаго человѣчества; но ты не поступила такимъ образомъ, и для славы Божіей мужественно отвергла собственный покой твой. О, великій Правитель вселенныя не забудетъ сего подвига чистой любви и этой великой жертвы твоей! Благодарное человѣчество воздастъ тебѣ, якоже ты воздаешь ему, бѣдствующему и уничиженному! Самый лукавый и злобствующій теперь Западъ, по разсѣяніи слѣпоты его и безчувствія (ибо и у него по временамъ бываютъ очи и сердце) не замедлитъ признать великость твоего святаго подвига.

Да, братія мои, мы стоимъ теперь на верху высоты всемірной, стоимъ одни—предъ лицемъ Бога и человѣковъ; все прочее произвольно возлюбило славу и выгоды человѣческія, паче воли Божіей, и потому произвольно унизило себя предъ Богомъ и человѣками. Будемъ ли послѣ сего дивиться, что эта великая и святая стражба Божія, на которую вышли мы такъ веледушно, требуетъ отъ насъ напряженія всѣхъ нашихъ силъ и средствъ? Будемъ ли дивиться, что, среди сей всеобщей измѣны христіанству, единому православному отечеству нашему, какъ нѣкогда Симону Киринейскому на пути къ Галгоѳѣ, пришлось возложить на себя и понести крестъ Христовъ? Кому же и *братися со зміемъ и аггелы его,* какъ не *жент, облеченной въ солнце* (Апок. 12, 1. 7)?

Это великое и святое предназначеніе твое, Россія,— въ сонмѣ царствъ земныхъ! Если оно исполняется не въ такомъ видѣ, въ какомъ бы желалось нашей недальновидности человѣческой, то это новое доказательство, что въ семъ случаѣ дѣйствуютъ не мудрость и разсчеты человѣческіе, а предраспоряженіе свыше; ибо какой Ангелъ судебъ назначалъ когда-либо самъ себѣ образъ дѣйствій своихъ,—а не принималъ его всецѣло отъ престола Вседержителя?

И будьте увѣрены, братія мои, предопредѣленное свыше исполнится во всей силѣ! Кто бы ни поддерживалъ позорное знамя Магомета, ему суждено изветшать и обратиться въ прахъ отъ самаго времени; съ какимъ бы самоотверженіемъ ни старались переливать собственную кровь въ одряхлѣвшій составъ мусульманства, для его обновленія и укрѣпленія,—юное чрезъ то можетъ потерять силу и бодрость, а старое и помертвѣвшее пребудетъ устарѣлымъ и мертвымъ. Исламу не существовать болѣе въ томъ видѣ, какъ онъ, ко вреду человѣчества, существовалъ болѣе четырехъ вѣковъ; это видятъ и признаютъ единодушно не только враги, но и друзья его, а первѣе всего—это ясно видитъ, вполнѣ чувствуетъ и невольно признаетъ—онъ самъ!...

И когда все сіе сбудется и исполнится, то за кѣмъ останется святая честь — все это предвидѣть, взвѣсить и провозвѣстить въ слухъ свѣта, какъ не за прозорливымъ Монархомъ всероссійскимъ, который, по совершеніи на землѣ служенія своего, отшелъ въ нѣдра вѣчности, какъ Ангелъ, возвращающійся изъ земнаго посольства?

Съ сей-то высоты взирайте, братія мои, вмѣстѣ со святою Церковію, на брань настоящую. Если она представляетъ горькую и темную сторону—въ явной измѣнѣ человѣчеству и кресту Христову народовъ западныхъ, то она же являетъ собою и сторону крайне свѣтлую и отрадную—особенно для насъ, сыновъ православной Россіи; ибо, при семъ случаѣ, предъ лицемъ всего свѣта и во всей силѣ, обнаружилась крѣпость вѣры и непоколебимость груди русской. Враги наши, совокупившись во-едино, мнили низвести Россію невольно съ той высоты, на которую она возведена Богомъ; а между тѣмъ, Богу такъ изволившу, они доселѣ разоблачили токмо свою слабость и обнаружили нашу недоступность ихъ кознямъ и усиліямъ.

Взирая такимъ образомъ на васъ, храбрые воины, мы видимъ въ васъ уже не простыхъ токмо, хотя мужественныхъ, ратниковъ; видимъ не обыкновенныхъ, хотя неутомимыхъ, защитниковъ отечества, — нѣтъ, мы усматриваемъ въ васъ болѣе всего этого: вы предъ нами яко видимые совершители невидимыхъ судебъ Божіихъ, — какъ исполнители того, чего въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій такъ пламенно ожидали народы Востока, что̀ составляло вѣру и упованіе ихъ мучениковъ и страдальцевъ... Послѣ сего, что̀ можетъ вамъ показаться тяжкимъ въ вашихъ подвигахъ? На что не рѣшится ваше мужество? До чего не простретсяся самоотверженіе?

Господи и Владыко царствъ и народовъ, аще посланный Тобою Ангелъ истребитель еще не пожалъ всего числа жертвъ, предназначенныхъ къ истребленію: то да снидетъ сила Твоя и на сіи орудія смерти и на тѣхъ, коимъ предлежитъ дѣйствовать ими; ибо мы увѣрены, что они будутъ дѣйствовать, какъ подобаетъ чтителямъ пресвятаго и страшнаго имени Твоего! А если въ безднахъ премудрости и милосердія Твоего обрѣтается какое-либо средство—ускорить концемъ брани и пришествіемъ вожделѣннаго мира: то да останутся, о Всеблагій, безъ дѣйствія и сіи страшныя орудія и ихъ мужественные служители, о чемъ послѣднемъ, по христіанской любви къ человѣчеству, они умоляютъ благость Твою вмѣстѣ съ нами!—Аминь.

Слово по случаю унынія и смущенія народныхъ мыслей объ оставленіи нами южной части Севастополя,

произнесенное въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ, сентября 4-го 1855 г.

Не смущаютъ ли, братія, кого-либо изъ васъ недавнія вѣсти съ нашего полуострова?.. Кто вѣдаетъ истинное положеніе дѣлъ и знакомъ съ мѣстностію Севастополя, тотъ нисколько не будетъ смущаться тѣмъ, что мы его оставили, а еще обрадуется, узнавъ, что мужественные защитники Севастополя нашли способъ выйти съ такимъ достоинствомъ изъ своего, чрезвычайно-труднаго и, можно сказать, смертоноснаго положенія, продавъ врагу за великую цѣну то, что̀ для насъ уже давно потеряло свое прежнее значеніе, а между тѣмъ продолжало требовать непрестанно новыхъ великихъ жертвъ. А кому неизвѣстенъ ходъ дѣлъ и мѣстоположеній Севастопольскихъ, тотъ, услышавъ объ оставленіи нами его южной стороны, придетъ, пожалуй, въ унынie и вообразитъ себѣ въ этомъ случаѣ важную потерю и какую-либо опасность для отечества.

Нашъ долгъ посему поспѣшить на помощь недоумѣнію и разсѣять напрасные страхи. Ибо святая Церковь не безъ причины именуется матерью, для сердца коей не чуждо никакое положеніе ея дѣтей:—съ радующимися изъ нихъ и она радуется, съ плачущими и она плачетъ; невѣдущихъ вразумляетъ, малодушныхъ ободряетъ; и все это дѣлаетъ не по отношенію только къ ихъ вѣчному спасенію, но и по отношенію къ выгодамъ или потерямъ временнымъ.

Что же мы въ настоящемъ случаѣ скажемъ вамъ для вашего успокоенія?

То, во-первыхъ, что случившееся съ Севастополемъ не есть что-либо неожиданное, а такое, чему, по ходу вещей, давно уже надлежало сбыться, если бы не чрезвычайное геройство его защитниковъ; — то, во-вторыхъ, что удаленіе наше изъ одной части Севастополя въ другую, то есть, съ юга на сѣверъ—не только не составляетъ какого-либо вреда для насъ, а напротивъ избавляетъ рать нашу отъ ежедневныхъ великихъ, и теперь уже безполезныхъ, потерь;—то, въ-третьихъ, что наше перемѣщеніе изъ южной части города на сѣверную не можетъ имѣть никакого

неблаготворнаго вліянія на дальнѣйшую судьбу Крыма и на продолженіе войны, а скорѣе можетъ вести къ ея благополучному для насъ окончанію;—то, наконецъ, что на происшедшее съ Севастополемъ надобно смотрѣть не какъ на бѣдствіе какое-либо для насъ и зло, а какъ на одно изъ естественныхъ и неизбѣжныхъ приключеній войны, непріятныхъ, конечно, по самому существу ея, но нисколько не унижающихъ насъ и нимало не страшныхъ своими послѣдствіями.

Итакъ, случившемуся съ Севастополемъ, какъ я сказалъ, давно уже надлежало произойти, если бы не безпримѣрное геройство защитниковъ его;—и какъ вы думаете, давно?... Съ самыхъ первыхъ дней облежанія его врагами. Почему такъ? Потому, что онъ былъ тогда—почти на половину его—безъ надлежащаго укрѣпленія и защиты. Непонятному только ослѣпленію враговъ нашихъ должно приписать, что Севастополь тогда же не былъ занятъ ими, что̀ не удивило бы тогда никого. Воспользовавшись нѣсколькими днями, намъ какъ бы нарочно предоставленными, мы укрѣпили на-скоро неогражденныя мѣста, но какъ укрѣпили?—какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ,—поверхностно и не такъ прочно. Если, не смотря на все сіе, начатая за симъ борьба за Севастополь продолжалась почти цѣлый годъ, изнуряя и муча враговъ нашихъ: то причиною сего не крѣпость стѣнъ, коихъ никогда тамъ не бывало, а твердость груди и непоколебимость воли русской. Если о какомъ городѣ, то о Севастополѣ въ собственномъ смыслѣ должно сказать, что онъ былъ огражденъ одною живою стѣною, то есть, нашею ратію. Оттуда-то стыдъ и огорченіе врага, который со всѣми своими средствами, въ продолженіе такого долгаго времени ничего не могъ сдѣлать противъ Севастополя; оттуда-то удивленіе всего свѣта, не могшаго понять, какъ слабое и неукрѣпленное дотолѣ мѣсто держится такъ продолжительно и противъ такихъ силъ; оттуда и у насъ небывалое прежде понятіе о Севастополѣ, какъ о чемъ-то неприступномъ и неодолимомъ; оттуда и нынѣшнее уныніе, какъ будто съ удаленіемъ насъ изъ Севастополя произошло нѣчто, вовсе неожиданное и притомъ такое, чрезъ что мы лишились чести, или понесли какую-либо важную потерю.

Нѣтъ, если въ семъ случаѣ есть какая-либо потеря для

насъ, то отнюдь не важная, и особенно—нисколько не опасная. Ибо, чего мы тутъ лишились? Двѣнадцати верстъ въ длину и трехъ въ ширину—земли,—и только. Что уступили врагу на этомъ пространствѣ? Груду камней, въ кои, отъ ужаснаго съ обѣихъ сторонъ огня, обратилось едва не все, что̀ было въ Севастополѣ. Какъ при томъ уступили? Продавъ ему наконецъ и эти безполезныя развалины цѣною жизни великаго числа его воиновъ и многихъ военачальниковъ. Это ли потеря для насъ?..

Но, можетъ быть, уступленная часть Севастополя была для насъ чѣмъ-либо особенно благотворна, и мы стали теперь въ менѣе выгодное положеніе?—Напротивъ! Трудно представить положеніе неблагопріятнѣе того, въ какомъ мы находились, занимая весь Севастополь; ибо, подъ конецъ борьбы, по близости непріятеля и его адскихъ огней, почти каждый день стоилъ для насъ такихъ потерь, какія бываютъ только при большихъ сраженіяхъ: и потери эти не приносили намъ никакихъ выгодъ, кромѣ возможности сказать, что мы и нынѣ стоимъ тамъ же, гдѣ стояли вчера и сначала. Теперь же драгоцѣнная выгода для насъ уже въ томъ, что мы не терпимъ никакихъ потерь; потому что теперь между нами и врагами нашими проливъ морской. Прежде проливъ сей постоянно вредилъ намъ, ибо отдѣлялъ насъ отъ собственной рати нашей, которая, не могши помѣщаться въ южной части города, стояла за нимъ; а теперь онъ же служитъ намъ вмѣсто ограды отъ враговъ, избавляя насъ со стороны ихъ отъ всякой внезапности, въ предупрежденіе коей мы должны были цѣлый годъ, такъ сказать, не смыкать глазъ. И когда намъ отъ перемѣны такимъ образомъ, видимо получшело, врагу напротивъ отъ того же самаго, видимо похужело. Ибо онъ стоитъ теперь тамъ, гдѣ стояли мы; и если не столь много терпитъ, какъ терпѣли мы, то терпитъ однако же гораздо болѣе, нежели должны терпѣть теперь мы: ибо онъ стоитъ внизу—предъ нами, а мы вверху—надъ нимъ, и можемъ тревожить его, какъ онъ непрестанно тревожилъ насъ. О выгодѣ настоящаго мѣстоположенія нашего давно засвидѣтельствовано имъ самимъ еще въ самомъ началѣ дѣла: ибо, по вторженіи своемъ на полуостровъ, онъ какъ всѣмъ извѣстно, находился не на южной, а на сѣверной части Севастополя, прямо—только

съ другой стороны—противъ того мѣста, гдѣ стоимъ теперь мы; и однако же врагъ, не смотря на близость свою къ сему мѣсту, не пошелъ на него, почитая его слишкомъ крѣпкимъ и неудобнымъ для приступа, а предпочелъ,—какъ это ни трудно было для него,—обойти городъ и начать осаду съ южной стороны, не такъ сильной, а по мѣстамъ и вовсе неукрѣпленной и болѣе удобоприступной. И вотъ, храбрые воины наши, показавъ мужественно, въ продолженіе цѣлаго года, врагу, что̀ значила въ рукахъ ихъ эта самая слабая и неукрѣпленная часть и извлекши изъ нея для себя всю выгоду, а для врага—весь вредъ, наконецъ уступили ему теперь оную, перешедъ на ту самую сѣверную сторону, которую, какъ мы сказали, онъ въ самомъ началѣ признавалъ уже за сильнѣйшую и неудобоприступную, и какою дѣйствительно сдѣлалась она теперь, послѣ новыхъ укрѣпленій ея—въ продолженіе цѣлаго прошедшаго года.

Можете судить послѣ сего сами, велико ли торжество для враговъ нашихъ эта произвольная уступка имъ худшей, и избитой уже со всѣхъ сторонъ, части Севастополя, и наше перемѣщеніе изъ нея въ часть безопаснѣйшую и крѣпчайшую... Легко станется, что врагъ будетъ выдавать у себя это за побѣду надъ нами, чтобы утѣшить себя чѣмъ-либо въ своемъ продолжительномъ неуспѣхѣ предъ Севастополемъ, и чтобы показать своимъ соотечественникамъ, для чего принесено имъ столько жертвъ и пролито такъ много крови,—вообще, чтобы имѣть предлогъ продолжать войну и способъ—вводить въ заблужденіе общественное мнѣніе и извинять предъ нимъ свое безуміе; но изъ самыхъ враговъ нашихъ кто знаетъ обстоятельства и разумѣетъ дѣло, тотъ не много обрадуется этому занятію оставленныхъ нами, избитыхъ и отслужившихъ свою службу, укрѣпленій, и не назоветъ побѣдою эту небольшую перемѣну мѣста для борющихся сторонъ. Въ самомъ дѣлѣ, что это за побѣда, что мнимый побѣдитель не смѣетъ сдѣлать ни одного шага за побѣжденными, и даже боится вступить на ихъ мѣсто? Что это за побѣда, стоившая гораздо менѣе жертвъ побѣжденному, нежели побѣдившему? Что это за побѣда, послѣ коей побѣдителю стало хуже, а побѣжденному лучше и выгоднѣе? Если кто можетъ съ большимъ правомъ быть довольнымъ окончаніемъ борьбы Севастопольской въ томъ видѣ,

какъ она кончилась нынѣ, то Россія, для коей имя Севастополя сдѣлалось отселѣ именемъ славы отечественной.

«Но, послѣ нашего отступленія изъ южнаго Севастополя, полуостровъ Крымскій началъ подлежать особенной опасности»... Такъ дѣйствительно мнится нѣкоторымъ изъ насъ и такое точно значеніе сему событію стараются особенно придать враги наши; но я, признаюсь, сколько ни размышляю, не могу видѣть, откуда происходила бы эта опасность. Развѣ Крымъ былъ доселѣ свободенъ отъ непріятеля потому, что Севастополь былъ за нами? Нѣтъ, онъ былъ, и будетъ, свободенъ, хотя бы вовсе не было Севастополя. Опасность для Крыма была бы тогда, если бы, съ удаленіемъ нашихъ изъ южной части Севастополя, рать наша уничтожилась какимъ-нибудь образомъ или ослабѣла; но она не только не ослабѣла чрезъ то, а усилилась—уже потому, что бывъ прежде раздѣленною, какъ я замѣтилъ, проливомъ морскимъ—на двое, теперь совокупилась во-едино, и, не имѣя нужды защищать безполезныхъ уже для насъ развалинъ, можетъ дѣйствовать противу врага наступательно, и такимъ образомъ держать его въ постоянной тревогѣ. А врагъ напротивъ принужденъ теперь защищать противу насъ эти самыя развалины, ожидать непрестаннаго нападенія на себя и такимъ образомъ быть занятымъ и мучимымъ по-прежнему, не имѣя возможности дѣйствовать съ силою въ другихъ мѣстахъ полуострова, безъ того, чтобы не подвергнуть себя опасности—быть выгнаннымъ даже изъ стараго гнѣзда своего. Но если бы, вопреки благоразумію и вздумалъ онъ, не сразивъ предварительно стоящей противъ него рати нашей, послать часть своихъ войскъ въ другія мѣста Крымскаго полуострова: то мы развѣ не можемъ сдѣлать того же? Да лучше сказать,—намъ и не нужно сего дѣлать, то есть, отдѣлять отъ главной рати какія-либо части и направлять ихъ въ другія мѣста—противу врага; ибо во всѣхъ сихъ мѣстахъ, благодаря мудрому попеченію Монарха, есть уже, кому отразить и поразить враговъ, при ихъ появленіи.

Послѣ сего, если уже опасаться кому-либо теперь, то скорѣе врагъ долженъ опасаться насъ, нежели мы его. Почему? Потому, что мы дома, а онъ вдали отъ отечества; мы на сушѣ, а онъ—большею частію—на морѣ, этой непостоян-

ной и въ настоящую пору года такъ бурной стихіи; мы съ удаленіемъ изъ южнаго Севастополя вышли изъ темницы, и можно сказать, изъ пещи огненной, а онъ вошелъ въ нее вмѣсто насъ, хотя уже въ полупотухшую; мы, по оставленіи Севастополя, получили свободу дѣйствовать, гдѣ и какъ намъ угодно, а врагъ, по прежнему, остался прикованъ къ своему мѣсту; ибо онъ не можетъ отдѣлиться отъ моря, какъ единственнаго своего основанія и опоры; мы, кромѣ подходящей къ намъ рати, ожидаемъ еще нашихъ естественныхъ и грозныхъ союзниковъ, мраза и снѣговъ, а онъ, не смотря на получаемыя подкрѣпленія, не можетъ не трепетать при одной мысли о нашей зимѣ...

«Но съ южнымъ Севастополемъ остался за непріятелемъ и проливъ морской, служившій мѣстомъ пристанища для нашихъ морскихъ силъ на югѣ.»—Кто сказалъ это?—Нѣтъ, проливъ сей если не за нами, то и не за врагомъ, а болѣе за нами, нежели за нимъ. Доказательство — что цѣлый многочисленный флотъ непріятельскій стоитъ предъ симъ заливомъ какъ оглашенный и не можетъ войти въ него, хотя этого именно крайне хотѣлось ему, и ради тщеславія, и по причинѣ выгодъ;—не можетъ войти потому, что проливъ сей, кромѣ того что прегражденъ для враговъ потопленіемъ среди его, въ прошедшемъ еще году, судовъ нашихъ, онъ же съ сѣвернаго берега своего, гдѣ стоимъ мы теперь, такъ укрѣпленъ отъ насъ огнеметными твердынями, что врагъ и на краткое время не можетъ приблизиться къ нимъ, не подвергаясь великимъ потерямъ.

«Но, если все это такъ,—подумаетъ наконецъ кто-либо,—то зачѣмъ же мы не сдѣлали того же самаго прежде, что̀ сдѣлали теперь? Зачѣмъ упорно стояли столько времени на опасномъ, какъ показалъ опытъ, для насъ мѣстѣ и, защищая его, должны были понести столько потерь въ людяхъ и вещахъ?»

Зачѣмъ отстаивали мы столько времени Севастополь?—Какъ же было не стоять за него? Ужели въ самомъ началѣ оставить—было малодушно мѣсто, хотя и опасное, но видное и немаловажное? Тѣмъ паче, когда посчастливилось намъ такъ неожиданно и такъ скоро укрѣпить его, что мы могли заставить стоять предъ нимъ предолго и пресмиренно всю рать непріятельскую?—А коль скоро начали стоять—и

съ успѣхомъ; то уже надлежало стоять до послѣдней возможности, то есть, до того, чтобы извлечена была вся польза изъ нашего долготерпѣнія и жертвъ, какъ то самое мы и сдѣлали. Можетъ быть, мы и перестояли нѣсколько (ибо крайне трудно въ подобныхъ случаяхъ не только управлять временемъ, но даже наблюдать его, по часамъ и минутамъ, чтобы сообразоваться съ его теченіемъ и перемѣнами); но нельзя сказать, чтобы мы не достояли, тѣмъ паче—чтобы не устояли. Если бы мы захотѣли, то очевидно еще могли продолжать борьбу, ибо насъ не изгнали, а мы напротивъ могли выгнать врага изъ одной только, полу-занятой имъ части укрѣпленій, когда все прочее оставалось еще за нами. Но мы сами не захотѣли того, и по весьма разумной причинѣ,—ибо, какъ сказалъ я, извлекли уже изъ своего положенія для насъ—всю выгоду, а для врага—весь вредъ, а послѣ того намъ оставался бы только одинъ вредъ, а ему всѣ выгоды.

Хотите ли знать, какую пользу принесло намъ наше, если угодно такъ назвать, упорство въ долговременной защитѣ южнаго Севастополя?

Теперь врагъ забудетъ хвалиться, какъ хвалился послѣ Алмы, что Севастополь,—еще не взятый тогда,—принадлежитъ уже ему, что онъ непремѣнно возьметъ его—даже не правою, а лѣвою рукою, то есть, безъ особенныхъ усилій и потерь. Время показало, что для взятія твердыни Севастопольской, при всемъ несовершенствѣ ея, недостаточно было и обѣихъ рукъ непріятеля, и что онъ долженъ былъ простирать ихъ безплодно цѣлый годъ, и, наконецъ, хотя получилъ желанное, но не когда ему хотѣлось, а когда вздумали и разсудили отдать ему оное,—получить не побѣдою, а такъ сказать, изъ милости....

Теперь столицы враждебныхъ намъ народовъ забудутъ праздновать впередъ побѣды надъ нами и взятіе нашихъ городовъ, ибо никто не забудетъ того срама для нихъ, какимъ сопровождалось слишкомъ дѣтское и слишкомъ непростительное легкомысліе, съ коимъ поспѣшили праздновать небывалую побѣду—безъ побѣжденныхъ...

Теперь, благодаря Севастополю, весь свѣтъ снова изучилъ забытый—было имъ урокъ 1812 года; и знаетъ твердо, какъ дорого пріобрѣтается непріятелемъ каждый шагъ на

землѣ Русской, и чего стоитъ одно, такъ сказать, приражéніе къ сему, какъ онъ любитъ называть насъ, сѣверному колоссу. Если такъ долго и мужественно защищаемо было нами отдаленное отъ сердца Имперіи и неприготовленное къ оборонѣ мѣсто, то можно судить, что срѣтило бы врага, если бы онъ какъ-нибудь проторгся въ самую средину и приразился ко внутренности царства Русскаго...

Какъ ни важно все это, но мы можемъ указать еще на большее, что пріобрѣли мы отъ патріотическаго упорства нашего при защитѣ Севастополя.—Гдѣ пала и исчезла едва не вся рать этой гордой и надменной Британіи, и обнаружилась предъ всѣмъ свѣтомъ не только слабость ея въ силахъ военныхъ, но и крайняя немощь въ образѣ внутренняго управленія? Предъ валами.—ибо стѣнъ тамъ не было.—предъ валами Севастополя!—Гдѣ погибли отъ огня и меча нашего, а равно отъ недуговъ и лишеній, лучшіе витязи Галліи съ большею частію ихъ военачальниковъ? Предъ валами Севастополя!—Гдѣ издержаны безплодно несмѣтныя суммы двухъ могущественнѣйшихъ царствъ Запада, и истрачены безумно плоды четыредесятилѣтняго мира и трудолюбія гражданскаго? Предъ валами Севастополя!—Гдѣ оказалась во всей наготѣ безполезность разрушительныхъ изобрѣтеній новѣйшаго искусства,—тѣхъ адскихъ машинъ и орудій, надъ коими ломали голову столько умовъ, и отъ коихъ ожидали такихъ успѣховъ и чудесъ? Предъ валами Севастополя!—О, памятенъ будетъ врагамъ нашимъ этотъ Севастополь!... Тысячи семействъ съ глубокимъ вздохомъ будутъ долго произносить это страшное имя.... а Россія съ благоговѣніемъ поставитъ его послѣ именъ Смоленска и Бородина.....

Если же все сіе такъ.—а истина сказаннаго можетъ быть отдана на судъ самимъ врагамъ нашимъ,—то скажите сами, есть ли причина смущаться намъ и унывать отъ того, что храбрыя войска наши, посредствомъ небольшаго перемѣщенія изъ одной части Севастополя въ другую, нашли для себя средство преклонить спокойно голову и опочить отъ цѣлаго года трудовъ и опасностей?—Напротивъ, кто хотя мало понимаетъ наше прошедшее и наше настоящее, тотъ поспѣшитъ возблагодарить Господа за то, что Онъ въ самомъ началѣ видимо помогъ намъ, вопреки всякой надежды,

удержаться въ такомъ мѣстѣ, которое само, такъ сказать, отдавалось тогда въ руки непріятелямъ;—помогъ потомъ простоять въ семъ мѣстѣ столько времени и отразить отъ него столько отчаянныхъ нападеній;—помогъ, наконецъ, окончить столь трудное дѣло съ честію и достоинствомъ, и оставить столь опасное для насъ мѣсто безъ всякаго почти вреда для насъ.

А благодаря такимъ образомъ Господа, нельзя не обратиться съ словомъ признательности къ храбрымъ военачальникамъ нашимъ и къ каждому изъ мужественныхъ защитниковъ Севастополя. Хвала и честь вамъ, христолюбивые витязи! Вы сдѣлали все, чего требовалъ отъ васъ долгъ любви къ отечеству, сдѣлали болѣе, нежели сколько можно было ожидать отъ обыкновенныхъ силъ человѣческихъ, явили чудеса—неустрашимости и самоотверженія. За все сіе примите полную и совершенную благодарность отъ имени земли Русской и отъ лица святой Церкви православной! Та и другая величаются вашимъ подвигомъ, благословляютъ ваше мужество, и молятся о васъ, живыхъ и умершихъ! Хвала и честь вамъ, защитники Севастополя!...

Обозрѣвая за симъ, братіе, весь прошедшій ходъ брани, и простирая, сколько возможно, взоръ въ будущее, невольно приходишь къ слѣдующему заключенію: первая часть великаго свитка судебъ,—касательно настоящей борьбы за Востокъ Запада съ Сѣверомъ.—развилась и обнаружилась предъ взорами цѣлаго свѣта, и, можно сказать, кончена... Въ ней, какъ въ свиткѣ, видѣнномъ нѣкогда Іезекіилемъ, вписаны, большею частію *рыданіе, жалость и горе* (Іезек. 14, 20). Отселѣ начнетъ развиваться и приходить въ очевидность другая часть свитка судебъ браненосныхъ. Что будетъ написано въ ней, еще никто не вѣдаетъ... А потому самому, падемъ, братіе, съ вѣрою и молитвою предъ Господомъ временъ и вѣковъ, предъ Царемъ царствъ и народовъ, и воспросимъ, да въ сей части свитка узрится написаннымъ уже не рыданіе и жалость, а то, что воспѣто было небожителями при яслѣхъ Спасителя міра, то есть: *слава въ вышнихъ Богу, на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе!*— Аминь.

Слово послѣ молебствія, на соборной площади, по случаю появленія предъ Одессою многочисленнаго флота непріятельскаго,

произнесенное 27 сентября 1855 года.

Западные недруги наши опять предъ нами!.. Мы видѣли уже и испытали ихъ человѣколюбіе и образованность, коими они такъ превозносятся... Теперь самая многочисленность ихъ показываетъ, съ какимъ намѣреніемъ появились они на водахъ нашихъ... Опасность видимая! Что сотворимъ и куда обратимся?

Куда, какъ не къ Тебѣ, Владыкѣ небесе и земли. Господу силъ и браней, Богу нашему и отцевъ нашихъ? Куда, какъ не къ Тебѣ, въ рукѣ Коего власть всея земли, судьбы и жребій всякаго языка и царства подъ небесемъ. Иже единъ, егоже восхощетъ, укрѣпляетъ и возноситъ, а егоже хощетъ, ослабляетъ и смиряетъ, единъ могій выну спасти и погубити?.. Тебѣ убо предаемъ души и тѣлеса наши; Тебѣ вручаемъ градъ и всю страну нашу! Призри не на чистоту рукъ и дѣяній нашихъ, а на правоту побужденій и намѣреній въ настоящей брани Помазанника Твоего, который самъ стоитъ уже теперь предъ Тобою, самъ свидѣтельствуетъ о семъ, и молится за Россію. По смиренію и вѣрѣ нашей, сотвори съ нами знаменіе во благо, да гордые враги наши, обрѣтши мѣсто сіе неудобоприступнымъ для нихъ, возвратятся вспять и постыдятся—во славу имени Твоего!

Но предъ Господомъ и правдою Его—смиреніе и покорность, а предъ надменными врагами нашими—твердость и мужество! Худое время избрали они—явиться предъ насъ съ угрозою послѣ тѣхъ чудесъ мужества и самоотверженія, кои такъ недавно встрѣтили они въ нашихъ защитникахъ Севастополя... Не думаютъ ли, что примѣръ нашихъ братій—героевъ породитъ въ насъ малодушіе, а не подобное же мужество?.. Знаемъ и чувствуемъ, какъ нужно имъ показать предъ своими и чужими, что ихъ сила не истощилась совершенно предъ Севастополемъ, что они способны еще къ чему-нибудь противу насъ, и могутъ тревожить брега наши. Но, какъ же имъ было не вспомнить и того, что и намъ, если когда, то, по окончаніи единоборства Севасто-

польскаго, нужно доказать, что россіянинъ мужественъ не за одними валами, что у него крѣпость вездѣ, гдѣ только можно срѣтиться съ врагами. И храбрые защитники наши,—самые безоружные граждане, докажутъ это. Что нашли враги наши у насъ за годъ предъ симъ прежде, то самое найдутъ и теперь; скорѣе каждый отдастъ жизнь, нежели измѣнитъ долгу и славѣ Россіи...

И почему бы намъ въ настоящемъ случаѣ показать менѣе твердости и великодушія, нежели какъ мы показали прежде? Противники наши возросли въ числѣ и силѣ, а мы развѣ умалились и оскудѣли? У нихъ много оружія и средствъ разрушительныхъ, а мы развѣ беззащитны?—Попечительное правительство не пощадило ничего, чтобы мы съ успѣхомъ могли встрѣтить враговъ. Если они сильнѣе насъ на морѣ; то мы крѣпче ихъ на сушѣ; а всякій знаетъ, что тверже—море или суша. Въ прошедшій разъ, когда Одесса внезапно подверглась нападенію, мы были гораздо слабѣе и открытѣе для приступа; и однако-же враги, при всемъ храброваніи своемъ и дерзости, не посмѣли выйти на брега наши. Тѣмъ труднѣе имъ рѣшиться на это теперь, когда они изнурены долговременною борьбою съ Севастополемъ, а наши способы къ отраженію утроились.

Посему-то я наклоняюсь даже къ тому мнѣнію, что у враговъ нашихъ, если и есть въ намѣреніи—сдѣлать дѣйствительное нападеніе; то не на насъ, а гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ; а намъ они хотятъ только показать свою мнимую силу, привести насъ въ смущеніе, и пожалуй—если мы не остережемся,—понудить насъ къ чему-либо неприличному, а потомъ, съ свойственнымъ имъ глумленіемъ, выдать насъ же на позоръ всему свѣту, какъ людей малодушныхъ.

Но, врагъ нашъ пусть дѣлаетъ и бѣснуется, какъ и гдѣ ему угодно, а мы должны дѣйствовать и поступать, какъ слѣдуетъ сынамъ Россіи.

Какъ-же, спросите, намъ поступать?—Во-первыхъ, обратиться своими мыслями и лицемъ не къ врагу (за нимъ будетъ неусыпно наблюдать начальство), а къ Господу Богу, для принесенія Ему покаянія во грѣхахъ нашихъ и для испрошенія у Него небесной помощи и покрова; во-вторыхъ, надобно отложить весь излишній страхъ отъ воображаемыхъ опасностей, продолжать совершать свои дѣла и

не прерывать обычныхъ взаимныхъ отношеній, чтобы симъ самымъ сохранить внутренній порядокъ и спокойствіе и ободрить малодушныхъ; въ-третьихъ, среди самой опасности, если бы она наступила,—сохраняя присутствіе духа, во всемъ соображаться съ дѣйствіями и распоряженіями начальства, помогая усердно какъ ему, такъ и храбрымъ защитникамъ нашимъ. Не это ли самое послужило, какъ помните, къ безопасности и къ чести нашего города, во время прошлаго непріятельскаго нападенія на насъ предъ Пасхою? Такъ поступимъ и теперь, тѣмъ паче и удобнѣе, что мы уже прошли опасность опытомъ и на дѣлѣ.

Не забудемъ, наконецъ,—братія сограждане, и того, что при настоящемъ новомъ обстояніи града нашего, мы теперь уже не одни, какъ было прежде, а среди насъ и града нашего пребываетъ теперь, кромѣ земныхъ военачальниковъ, сама Взбранная Воевода силъ небесныхъ, Матерь Божія. Ибо, что знаменуетъ и о чемъ свидѣтельствуетъ этотъ чудотворный ликъ Ея, какъ не о томъ, что покровъ Ея невидимо простертъ надъ нами и помощь Ея недалека отъ насъ?—Какъ силенъ этотъ покровъ и дѣйствительна эта помощь, свидѣтель тому это же самое наше море, не разъ, какъ повѣствуетъ свящ. исторія, по манію Ея, потоплявшее и разсѣевавшее многочисленныя рати враговъ православія. Десница небесной Воеводы не ослабѣла; сила и покровъ Ея не сократились; покажемъ древнюю вѣру и любовь, и узримъ древнія знаменія и чудеса.

Мати Божія! Тебѣ, яко Взбранной Воеводѣ, отъ самаго начала брани, вручили мы судьбу града нашего; и доселѣ упованіе наше не постыдилось: мы среди самаго ужаснаго огня и бури прошли безвредно. Теперь, когда Ты посѣтила насъ въ чудотворномъ ликѣ Твоемъ и восхотѣла пребыть съ нами во все время напастей, мы тѣмъ паче вѣруемъ и уповаемъ, что, при всемъ недостоинствѣ нашемъ, не будемъ, оставлены Твоею помощію и заступленіемъ.

Да не постыдимся, Владычице!..—Аминь.

Слово послѣ покаяннаго молебствія, по случаю облежанія Одессы флотомъ непріятельскимъ,

произнесенное въ 1855 году 28 сентября въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ.

Среди всенародныхъ страховъ и смущеній, въ какихъ находится теперь городъ нашъ, обыкновенно ищутъ ободренія для себя, между прочимъ, въ событіяхъ и примѣрахъ прошедшаго. Согласно сему, раскрываю священную книгу Царствъ, и въ исторіи народа Божія встрѣчаю случай, похожій на наше положеніе, и потому могущій служить къ успокоенію.

Противъ царства Іудейскаго, — безъ всякихъ другихъ причинъ, кромѣ зависти и злобы,—соединились нѣкогда два царя, Ассирійскій и Израильскій, и, наполнивъ своими войсками Іудею, внезапно приступили къ самому Іерусалиму. Какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, все пришло въ страхъ и смущеніе: многіе,—какъ теперь у насъ,—начали спѣшить вонъ изъ города. Въ это самое время является всенародно предъ лице царя Іудейскаго, Ахаза, пророкъ Исаія, и, отъ имени Самаго Бога, вѣщаетъ ему въ успокоеніе: противъ тебя, говоритъ, и народа твоего соединились коварно два царя и два царства; въ гордынѣ сердца своего они замыслили ослабить и унизить Іудею... При видѣ враговъ, Іерусалимъ мятется и трепещетъ... Напрасно! При всей мнимой силѣ ихъ, это не болѣе, какъ двѣ курящіяся головни, кои скоро угаснутъ сами собою. Не бойся, только вѣруй и уповай на Іегову! Доколѣ Богъ отцевъ нашихъ съ нами, Іерусалимъ и престолъ твой безопасенъ. Не дано будетъ совершиться ни одному изъ ихъ замысловъ — Іудея останется Іудеею; а враждующіе намъ народы уже предназначены къ погибели, и каждый—въ свое время—исчезнетъ съ лица земли».

Сообразно сему пророчеству, царство Іудейское дѣйствительно скоро освободилось отъ нашествія непріятелей, и, вопреки ихъ замысламъ, существовало еще долго, долго—въ своемъ видѣ и силѣ, а народъ Израильскій, спустя шесть десятилѣтій, въ предвозвѣщенный Пророкомъ срокъ, отведенъ невозвратно въ плѣнъ и разсѣянъ навсегда за Ефратомъ. Подобное послѣдовало за тѣмъ и съ царствомъ Ассирійскимъ—оно пало, уступивъ мѣсто другому владычеству.

И предъ нами теперь, братія, курятся, по выраженію Пророка, двѣ *главни*, то есть, два враждебныхъ флота Галловъ и Британцевъ. И у нихъ, какъ у Израильтянъ и Ассиріянъ, нѣтъ другой причины ополчаться противу насъ, кромѣ зависти къ силѣ и величію нашего отечества. Побуждаемые давнею тайною ненавистію къ намъ, они также замыслили ослабить и унизить Богомъ превознесенную Россію. И мы теперь въ опасности отъ сихъ главень... Кто бы не возрадовался посему, если бы и среди насъ теперь, какъ нѣкогда среди Іерусалима, явился какой-либо человѣкъ Божій и свойственнымъ ему гласомъ, отъ лица Божія, воззвалъ къ намъ: не бойтеся сихъ двухъ главень дымящихся,—токмо вѣруйте!....

Но, времена пророковъ прешли, и намъ, яко чадамъ завѣта новаго, вмѣсто пророчествъ, должно обращаться за руководствомъ и утѣшеніемъ къ Евангелію... Что же? Ужели Евангелисты и Апостолы менѣе пророковъ говорятъ намъ о томъ, что для насъ полезно и необходимо? И въ случаяхъ, подобныхъ настоящему, ужели христіанинъ оставленъ безъ правилъ и руководства? Нѣтъ, если мы не всуе носимъ имя христіанъ, то должны знать, что истинный христіанинъ превыше всѣхъ земныхъ страховъ, что онъ не боится самой смерти, ибо вѣра, имъ исповѣдуемая, вся дышетъ безсмертіемъ, и всѣ главныя чаянія и надежды его не здѣсь, а тамъ—въ вѣчности. Кромѣ сего, у христіанина есть вѣрное и рѣшительное средство дѣйствовать на самую перемѣну событій, на отклоненіе опасностей и бѣдствій, подобныхъ нашимъ— теперешнимъ. Это средство есть вѣра и молитва. Послушайте, что говоритъ въ Евангеліи о силѣ вѣры Самъ Спаситель: *имѣйте вѣру Божію, аминь бо глаголю вамъ: яко, иже аще речетъ горѣ сей, двигнися и вергнися въ море, и не размыслитъ въ сердцѣ своемъ, но вѣру имѣетъ, яко еже глаголетъ, бываетъ, будетъ ему, еже аще речетъ* (Марк. II, 23). *Вся возможна вѣрующему* (Марк. 9, 23). А вотъ что сказано въ Евангеліи опять Самимъ Спасителемъ о молитвѣ: *вся, елика аще воспросите въ молитвѣ, вѣрующе, пріимете* (Матѳ. 21, 22). И какъ-бы въ поясненіе сего всемогущества, коимъ облекаются истинно-вѣрующіе, Спаситель въ другомъ мѣстѣ утверждаетъ слѣдующее: *вѣруяй въ Мя, дѣла, яже Азъ творю, и той сотворитъ, и большаа сихъ сотворитъ, яко*

Азъ ко Отцу Моему гряду (Іоан. 14, 12). Можете судить послѣ сего, чего не въ состояніи произвести живая вѣра и молитва, если они могутъ сдѣлать болѣе того, сколько во время земной жизни Своей дѣлалъ и творилъ Самъ Спаситель нашъ!...

А когда такъ, то отъ насъ самихъ, братіе мои, зависитъ все то, чего мы въ настоящее время такъ желаемъ и въ чемъ такъ всѣ нуждаемся, то есть, наша безопасность отъ враговъ, намъ угрожающихъ. Всѣ опасности пройдутъ, всѣ напасти разсѣются, если мы, пользуясь Богодарованнымъ вѣрующему правомъ, начнемъ во имя Спасителя нашего просить о томъ Отца небеснаго. Онъ не постыдитъ собственнаго Сына и исполнитъ Его обѣтованіе и нашу просьбу. Надобно только, чтобы наша вѣра при семъ и молитва были, какъ требуетъ Евангеліе, во-первыхъ, совершенно свободны отъ всякаго колебанія и сомнѣній;—во-вторыхъ, выходили не столько изъ устъ, сколько изъ глубины духа и сердца;—въ-третьихъ, соединены были съ чистотою совѣсти и дѣлами благими, или по крайней мѣрѣ съ искреннимъ покаяніемъ во грѣхахъ нашихъ.

Увы, скажете вы, но гдѣ найти между нами такой вѣры, когда ея недоставало иногда въ самыхъ Апостолахъ?.. Много ли людей, кои могутъ воздѣть руки на такую молитву, не будучи обличаемы въ то же время своею совѣстію?—Что другое и привлекло на насъ этотъ гнѣвъ Божій, какъ не наши нечистые нравы и грѣхи?

Охотно и вполнѣ присоединяюсь, братіе мои, къ смиренію вашихъ мыслей и чувствъ, и готовъ первый признать свою духовную немощь. Но мнѣ никакъ не хочется выпустить изъ рукъ и лишиться, единственнаго среди настоящей бури, *якоря*—вѣры и молитвы, и я въ семъ случаѣ думаю такъ: не можетъ быть, чтобы во градѣ нашемъ, наполненномъ толикимъ множествомъ жителей, не было вовсе душъ, не преклонявшихъ колѣнъ своихъ предъ Вааломъ, вѣрно ходящихъ въ законѣ Господнемъ, истинно любящихъ Господа, а потому и отъ Него любимыхъ. Безъ таковыхъ—избранныхъ не стоялъ бы и градъ нашъ, ибо, по слову Пророка, одно *сѣмя свято стояніе*—цѣлаго міра (Исаія 6, 13).

Къ вамъ, убо, обращаемся, души чистыя и потому крѣп-

кія вѣрою! станьте предъ престоломъ благодати Господней, и вознесите молитву вашу объ удаленіи золъ, обышедшихъ градъ нашъ! Неложный въ обѣтованіяхъ Своихъ Господь, не можетъ не внять гласу моленія вашего, и отвратитъ отъ насъ, имиже вѣсть судьбами, всѣ злоустремленія противъ насъ враговъ нашихъ. А мы съ своей стороны обѣщаемъ принести въ пособіе вамъ и молитвѣ вашей все, что въ нашей власти, какъ то: искреннее раскаяніе во грѣхахъ нашихъ и твердый обѣтъ—не раздражать болѣе неправдами нашими правосудія небеснаго. Въ подкрѣпленіе самаго покаянія нашего, мы поспѣшимъ присоединить къ нему дѣла любви и милосердія къ ближнимъ: отремъ слезы бѣдныхъ вдовицъ, возымѣемъ попеченіе о сирыхъ, напитаемъ алчущаго, одѣнемъ нагаго, посѣтимъ болящаго и призримъ сущихъ въ темницахъ. Можетъ быть, Господь, выну взирающій съ благоволеніемъ на вашу чистоту и правду, не презритъ и нашего смиренія и готовности благоугождать Ему,— и преложитъ гнѣвъ Свой на милость. Аминь.

Слово по случаю облежанія Одессы флотомъ непріятельскимъ,

сказанное послѣ молебствія въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ 29 сентября 1855 года

Третій день, какъ мы собираемся въ семъ храмѣ на молитву объ отвращеніи опасности отъ враговъ; и уже четвертый день, какъ они стоятъ, какъ бы прикованные къ своему мѣсту, ничего не предпринимая противу насъ. Что значитъ это бездѣйствіе? На морѣ каждый день имъ важенъ и дорогъ, а они ничего не дѣлаютъ, и пришли сюда какъ будто для того токмо, чтобы посмотрѣть на нашъ городъ и показать намъ себя самихъ. Что, говорю, значитъ это?— Дерзко было бы съ нашей стороны приписать этотъ необыкновенный покой дѣйствію нашихъ слабыхъ и нечистыхъ молитвъ. Но не менѣе продерзко и неблагодарно было бы не примѣтить въ семъ случаѣ руки Божіей, насъ невидимо заступающей. Особенно, когда среди насъ находится теперь Взбранная Воевода силъ небесныхъ, Матерь Божія, въ семъ чудотворномъ ликѣ Ея. Если и земной, опытный и просла-

вившійся своимъ мужествомъ и подвигами, военачальникъ въ подобныхъ обстоятельствахъ не могъ бы оставаться вовсе безъ дѣйствія и не принять какого-либо участія въ нашей судьбѣ, кольми паче Матерь Божія, яко премилосердая и всеблагая, не можетъ быть праздною и бездѣйственною зрительницею нашихъ страховъ и опасностей. Итакъ, ободренные тѣмъ, что происходитъ, будемъ продолжать общественныя молитвы наши и толцать въ двери милосердія небеснаго, доколѣ Господь, преклоняемый молитвами самыя Матери Своея о насъ, не умилосердится надъ нами до конца, и, *имиже вѣсть судьбами*, не проженетъ и не развѣетъ бури, скопившейся надъ главами нашими. Но, умоляя Господа, *да мимоидетъ* отъ насъ *чаша сія* (Матѳ. 20, 19. 39), въ чемъ подаетъ намъ примѣръ Самъ возлюбленный Спаситель нашъ, молившійся въ саду Геѳсиманскомъ о томъ же, будемъ въ заключеніе молитвы нашей всегда присовокуплять Его же слова къ Отцу небесному: *обаче не Моя, но Твоя воля да будетъ* (Лук. 22, 23). Ибо, кто знаетъ, что именно для насъ, то есть, для вѣчнаго спасенія—не тѣлесъ, кои рано или поздно сами должны истлѣть во утробѣ земной, а для безсмертныхъ душъ нашихъ,—кто знаетъ, говорю, что именно полезнѣе: то ли, чтобы мы теперь избавлены были отъ всякой напасти, или чтобы подверглись оной, и потерпѣли искушеніе? Можетъ быть, въ то время, когда плотской человѣкъ нашъ подвергнется лишеніямъ и страданію, чрезъ сіе самое оживетъ внутренній, мы воскреснемъ духомъ, начнемъ новую жизнь по Бозѣ, и престанемъ убивать себя крайнимъ пристрастіемъ къ временному и плотскому. Посему-то, говорю, и въ заключеніе настоящихъ молитвъ нашихъ, какъ и всѣхъ прочихъ прошеній, мы должны повторять: *обаче* не наша, *но Твоя, Господи, воля да будетъ!*

Не бойтеся, возлюбленные, таковаго самоотверженія и сея высоты духовной! Чрезъ это никто и ничего не потеряетъ, а всѣ могутъ пріобрѣсти. Ибо, когда мы, презрѣвъ все земное, имемся всѣми силами души за животъ вѣчный, то Господь, видя нашу вѣру и любовь, Самъ попечется за насъ и о животѣ нашемъ временномъ, и содѣлаетъ все, что для него истинно нужно и полезно; ибо, не напрасно сказано въ Евангеліи: *ищите прежде царствія Божія, и правды его, и сія вся приложатся вамъ* (Матѳ. 6, 33). Аминь.

Слово по случаю облежанія Одессы флотомъ непріятельскимъ,

сказанное послѣ покаяннаго молебствія въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ 30 сентября 1855 г.

Нынѣ, вмѣсто поученія, я намѣренъ показать вамъ примѣръ того, что значитъ молитва и покаяніе, и какую силу имѣютъ онѣ предъ Богомъ—въ обстоятельствахъ, подобныхъ нашимъ.

Ниневія, столица царства Ассирійскаго, обширнѣйшій и многолюднѣйшій городъ въ древности, до того раздражилъ беззаконіями жителей своихъ правосудіе небесное, что Господь въ праведномъ гнѣвѣ Своемъ, положилъ наказать и погубить его, какъ наказаны и погублены были нѣкогда Содомъ и Гоморра, но, по безпрекладному милосердію Своему, и яко провидяй будущее, опредѣлилъ, прежде совершенія суда Своего, возвѣстить предварительно жителямъ Ниневіи судьбу и казнь, ихъ ожидающую, да не како, устрашенные гнѣвомъ суда небеснаго, пріидутъ въ чувство и воспрянутъ отъ грѣховъ своихъ.

И вотъ, по непосредственному повелѣнію Божію, пророкъ еврейскій Іона оставляетъ отечество, является среди Ниневіи, и отъ имени Іеговы, Бога истиннаго, Коего сила и всемогущество не безъизвѣстны были и язычникамъ, возглашаетъ въ слухъ всѣхъ Ниневитянъ, что надъ ними, за грѣхи ихъ, виситъ уже гнѣвъ небесный,—что Ниневіи, по особенному милосердію Божію, даруется, но токмо не болѣе трехъ дней, на покаяніе, послѣ чего, аще не покается, то будетъ подвержена всеконечному разрушенію и погибели. *Еще три дни, и Ниневія превратится* (Іон. 3, 4).

Обитатели Ниневіи были не изъ числа людей, вѣдущихъ Бога истиннаго; они не знали ни Моисея, ни пророковъ, поклоняясь идоламъ и истуканамъ; изъ дѣтства потому ходили, какъ выражается Апостолъ Павелъ, въ суетѣ ума естественнаго, по волѣ сердецъ и страстей своихъ; слѣдовательно легко могли, если бы захотѣли, имѣть множество причинъ—не внять гласу Божію и угрозамъ пророка еврейскаго, для нихъ чуждаго, и однако же, внявъ его проповѣди и гласу собственной совѣсти, коея тайныя обличенія не чужды были и для язычниковъ.—не медля всѣ опомнились, пришли въ страхъ и смущеніе, сознали искренно, что ими

дѣйствительно и вполнѣ заслуженъ гнѣвъ небесный, единодушно обѣщали перемѣну своихъ мыслей и своего образа жизни, какъ онъ имъ казался до тѣхъ поръ естественъ и любезенъ.

И, что же послѣ сего дѣлаютъ Ниневитяне? *И вѣроваша,*—такъ пишется въ книгѣ пророчествъ Іоны—*мужи ниневитстіи Богу, и заповѣдаша постъ, и облекошася во вретища, отъ велика ихъ даже до мала ихъ,*—то есть и возрастные, и самые юные.—*И дойде слово* (Іоны) *къ царю ниневитскому, и воста съ престола своего, и сверже ризы своя съ себе, и облечеся во вретище, и сѣде на пепелѣ. И проповѣдася и речено бысть отъ царя и вельможъ его глаголющихъ: человѣцы, и скоте, и волове, и овцы да не вкусятъ ничесоже, ни да пасутся, ниже воды да піютъ. И облекошася во вретища человѣцы и скоти, и возопиша прилѣжно къ Богу, и возвратися кійждо отъ пути своего лукаваго и отъ неправды, сущія въ рукахъ ихъ, глаголюще: кто вѣсть, аще раскается и умоленъ будетъ Богъ, и обратится отъ гнѣва ярости Своея, и не погибнемъ* (Іон. 5—10).

Слыша о всемъ этомъ, какъ, братіе, не подивиться жителямъ Ниневіи и не сказать о нихъ, что если они умѣли грѣшить, то умѣли и каяться. Какое искреннее, единодушное, сильное и выразительное покаяніе! Не надѣясь, по смиренію, на однихъ себя, они заставляютъ поститься младенцевъ, простираютъ постъ на безсловесныхъ: *и скоти, и волове, и овцы да не вкусятъ ничесоже, ни да пасутся, ниже воды да піютъ.* И все это тѣмъ неожиданнѣе и удивительнѣе, что Ниневитяне были,—какъ я замѣтилъ,—язычники и идолопоклонники, то есть, люди, незнакомые съ истиннымъ Богопознаніемъ, жившіе и поступавшіе при слабомъ мерцаніи свѣта естественнаго въ ихъ умѣ и совѣсти; да еще и этотъ малый свѣтъ помраченъ былъ у Ниневитянъ пороками, худыми обычаями и страстями. И однако-же, не смотря на все это, какъ они чувствительны и внимательны! Какъ мгновенно опомнились и пробудились! И къ сему случаю, со всею справедливостію, можно приложить слово Спасителя о сотникѣ, то же язычникѣ: *ни во Израили толики вѣры обрѣтохъ* (Матѳ. 8, 10). Сколько тамъ, между Іудеями, кои именовались народомъ Божіимъ,—сколько говорю, тамъ воздвигаемо было пророковъ и проповѣдниковъ покаянія. И

ни разу ни видимъ подобнаго дѣйствія отъ слова и проповѣди пророческой! По сему-то Самъ Спаситель, сравнивая участь пророковъ еврейскихъ дома, въ Іудеи, между своими,—и на чужбинѣ, между язычниками, изрекъ: *нѣсть пророкъ безъ чести, токмо во отечествіи своемъ* (Матѳ. 13. 57).

Но, если покаяніе Ниневитянъ—по гласу Іоны, необыкновенно и удивительно,—по глубинѣ впрочемъ ихъ развращенія и прежней грѣховности, а не потому, чтобы грѣшнику не свойственно было каяться, ибо въ этомъ его единственное спасеніе отъ вѣчной погибели, то приготовьтесь теперь услышать другую, еще большую необыкновенность и неожиданность. *И видѣ Богъ,*—такъ пишется у пророка,—*дѣла ихъ* (Ниневитянъ). *яко обратишася отъ путей своихъ лукавыхъ; и раскаяся Богъ о злѣ, еже глаголаше сотворити имъ,—и не сотвори* (Іон. 9, 19). То есть, Ниневія, очищенная и исправленная, или вѣрнѣе сказать, начавшая только исправляться покаяніемъ, какъ должно,—немедленно помилована и пощажена: не только не превратилась, какъ угрожалъ пророкъ, за ея нечестіе, а—можно сказать—сдѣлалась еще благоустроеннѣе, ибо покаяніе и добродѣтель улучшаютъ какъ человѣка, такъ и цѣлые города и страны.

Милосердіе великое, и уже вполнѣ доказывающее ту отрадную для насъ истину, что Господь никогда не хощетъ погибели самыхъ великихъ грѣшниковъ, но чтобы они обратились отъ злаго пути своего и были живыми! Но я по премногу дивлюся въ семъ случаѣ самому выраженію словъ, употребленныхъ пророкомъ: *и раскаяся,*—говоритъ онъ,—*Богъ о злѣ, еже глаголаше сотворити имъ* (Ниневитянамъ). Въ самомъ дѣлѣ, посудите, что это? Господь, сейчасъ еще гнѣвавшійся и угрожавшій погибелію нераскаяннымъ, уже самъ раскаевается! Въ чемъ и какъ? Гнѣвъ Его на этотъ беззаконный городъ не былъ ли столь же справедливъ, какъ и силенъ, не былъ ли вынужденъ—не какими-либо слабостями и недостатками человѣческими, а множествомъ такихъ грѣховъ, кои прямо вопіяли на самое небо? *Взыде,* сказано, *вопль злобы ея* (Ниневіи) *ко мнѣ* (Іон. 1, 2). Наказаніе посему не было ли не токмо праведно, но и необходимо? Ибо въ противномъ случаѣ могли подумать, и не одинъ кто-либо, а цѣлые города и царства, что надъ землею и людьми нѣтъ уже никакого Промысла и суда Божія, что все равно предъ

Богомъ—беззаконствовать, или вести жизнь праведную, и что потому лучше грѣшить, нежели соблюдать законъ и слушаться своея совѣсти.—И вотъ, привзошло одно покаяніе Ниневитянъ, и все перемѣнилось! Едва только они отказались отъ своихъ злыхъ обычаевъ и раскаялись во грѣхахъ, и Господь тотчасъ отказался отъ своихъ угрозъ и отъ своего суда: не пожалѣлъ ни чести своего пророка, который угрожалъ Ниневіи превращеніемъ, ни чести своего собственнаго слова и прещенія, кои остались теперь безъ исполненія и якоже не бывшія; и вопреки, такъ сказать, Самому Себѣ, возвратилъ Ниневитянамъ всю Свою милость. Уже и этого крайне много!.. Но для Господа все еще мало! Ибо смотрите, что происходитъ? Не только не сдѣлано ничего изъ того, чѣмъ угрожаемо было—чрезъ пророка Ниневитянамъ; не сдѣлано и въ половину, и въ осьмую долю: а что?—Господь раскаялся даже въ томъ, что хотѣлъ было—наказать!... *И раскаяся о злѣ, еже глаголаше сотворити имъ.* То есть, какъ бы такъ сказано было въ семъ случаѣ отъ лица Божія: (прошу васъ возвыситься въ мысляхъ и разумѣть богоприлично, что говорится въ Писаніи по-человѣчески—изъ снисхожденія къ слабому понятію нашему)—за чѣмъ Я поспѣшилъ такъ Своимъ судомъ и послалъ къ Ниневитянамъ пророка Своего съ такимъ страшнымъ словомъ прещенія?.. Вѣдь они, какъ показалъ теперь опытъ, были вовсе не такъ худы и злы, какъ представлялось? Ибо вотъ, при первомъ словѣ Моемъ къ нимъ, обнаружили все вниманіе, пришли въ чувство, обратились со всею искренностію къ покаянію, и показали плоды его! Значитъ, не слѣдовало осуждать ихъ такъ скоро и такъ строго, тревожить и смущать столь сильно, безъ особенной нужды и причины. Дѣло могло обойтись и безъ этого,—гораздо проще и спокойнѣе. Если и нужно было какое врачевство, то можно было употребить гораздо легчайшее, такъ какъ и болѣзнь была не такъ сильна и упорна. За чѣмъ же поступлено съ ними противнымъ тому образомъ?—*И раскаяся Богъ о злѣ, еже глаголаше сотворити имъ!*... Собственно раскаянія въ семъ случаѣ въ Богѣ, разумѣется, не было, ибо *Богъ*,—скажемъ словами Писанія же,—*не яко человѣкъ колеблется, ниже яко сынъ человѣческій измѣняется* (Числ. 23, 19). Но все это сказано однакоже и написано отъ лица Его,—для чего?—

Отъ преизбытка милосердія, въ поученіе и отраду всѣмъ родамъ грядущимъ, дабы изъ примѣра Ниневитянъ, осуждаемыхъ на погибель, кающихся и тотчасъ милуемыхъ и прощаемыхъ,—всѣмъ видимо было, какъ, во-первыхъ, опасенъ грѣхъ, какъ сильно и дѣствительно истинное покаяніе. и чтобы, зная и видя сіе, мы удалялись отъ грѣховъ, а когда уже имѣли несчастіе впасть въ нихъ, то спѣшили бы къ покаянію. какъ несомнѣнному средству спасенія.

Братіе, сограждане!—Сами видите, что положеніе и нашего города весьма не далеко отъ положенія, въ какомъ была Ниневія. Хотя намъ ни одинъ пророкъ не говорилъ того, что сказано было Ниневитянамъ Іоною. но, обличаемые совѣстію мы сами должны подумать и сказать себѣ подобное, ибо не могла же опасность, намъ видимо доселѣ угрожающая, постигнуть насъ за наши какія-либо добродѣтели, а, безъ сомнѣнія, постигла насъ и можетъ разразиться погибелію надъ нами, за грѣхи наши. Находясь по сему въ положеніи Ниневіи и желая спасенія себѣ отъ погибели, возымѣемъ духъ и вѣру Ниневитянъ, и обратимся немедленно къ тому же средству, которое, какъ мы видѣли, спасло ихъ, то есть, къ искреннему признанію своея виновности предъ Богомъ и къ чистосердечному раскаянію во грѣхахъ нашихъ. Жители Ниневіи, по преизбытку смиренія и по сильному чувству сокрушенія сердечнаго, принудили участвовать въ покаяніи своемъ даже младенцевъ, и поститься вмѣстѣ съ собою—самыхъ безсловесныхъ животныхъ; а мы, по крайней мѣрѣ, престанемъ сами быть младенцами, *влающимися всякимъ вѣтромъ ученія*, простирающими неразумно руки ко всему, что блещетъ и манитъ къ себѣ; а мы, по крайней мѣрѣ, обуздаемъ безсловесную плоть нашу, и не позволимъ ей подавлять собою безсмертный духъ нашъ и совѣсть. Всевидящее око не замедлитъ узрѣть искренность нашего покаянія, если оно дѣйствительно будетъ таково,—и гнѣвъ Его преложится для насъ на милость. А гдѣ милость Божія, тамъ и безопасность человѣческая!—Аминь.

Слово во время облежанія Одессы флотомъ непріятельскимъ,

произнесенное въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ, октября 1 дня 1855 года.

Вотъ уже и день Покрова Матери Божіей, тотъ день, въ который Она, яко избранная Воевода, защитила нѣкогда и спасла чудесно Константинополь отъ нашествія иноплеменниковъ, разсѣявъ и потопивъ суда ихъ чрезвычайною бурею морскою! А враги наши доселѣ продолжаютъ стоять предъ нами ненаказанно и не престаютъ угрожать намъ опасностію и разрушеніемъ! Ужели съ сего радостнаго дня должно начаться наше бѣдствіе?.. Ахъ, это значило бы, что мы вовсе оставлены безъ покрова нашею небесною Заступницею! Множество неправдъ и грѣховъ нашихъ, конечно, заслуживало бы этого; но, въ такомъ разѣ, такъ мнится мнѣ, Она, премилосердая, не пришла бы къ намъ на время опасности, въ семъ чудотворномъ ликѣ Ея. А когда пришла и явилась среди насъ, то явно—не на пагубу, а во спасеніе наше. Въ семъ случаѣ мы можемъ думать и разсуждать такъ же, какъ разсуждала нѣкогда жена Маноя во успокоеніе супруга своего, страшившагося смерти отъ самаго явленія имъ Ангела Божія. *Аще бы,* любомудрствовала благочестивая израильтянка, *аще бы хотѣлъ Господь умертвити насъ, не бы взялъ отъ рукъ нашихъ всесожженія и жертвы, и не бы показалъ намъ сихъ всѣхъ* (Суд. 13, 23). Подобнымъ, говорю, образомъ, въ ободреніе себя, можемъ разсуждать теперь и мы. Если бы Матерь Божія хотѣла предоставить насъ въ настоящее время грѣхамъ нашимъ и, слѣдовательно, погибели отъ враговъ нашихъ, то не посѣтила бы насъ въ семъ чудотворномъ ликѣ Ея, не приняла бы отъ насъ знаковъ нашего усердія къ Ней и не показала бы столько залоговъ Ея благоволенія ко всей странѣ нашей. Посему милосердіе къ намъ и небесный покровъ всемогущей Заступницы нашей для насъ несомнѣнны. Она хочетъ быть намъ во спасеніе!

Объ одномъ мы должны думать и одного опасаться, чтобы грѣхи наши, особенно наша нераскаянность въ нихъ, не поставили собою неодолимой преграды къ дѣйствію въ пользу нашу для самаго Ея милосердія и всемогущества. Ибо есть предѣлъ для самаго всемогущества: оно не можетъ дѣйствовать по видамъ и желанію нераскаянныхъ грѣшни-

ковъ. Кто былъ на землѣ всемогущѣе Сына Божія, Спасителя нашего? Не Ему ли, какъ Онъ Самъ говоритъ, *дадеся всяка власть на небеси и на земли* (Матѳ. 28, 18), вслѣдствіе коей онъ совершалъ и производилъ, какія угодно было Его премудрости, знаменія и чудеса: укрощалъ однимъ словомъ бури, насыщалъ малымъ числомъ хлѣбовъ цѣлыя тысячи народа, исцѣлялъ всякаго рода болѣзни, воскрешалъ самыхъ мертвыхъ? Но, вотъ, послушайте, что говоритъ Евангелистъ о Его пребываніи въ нѣкоторыхъ городахъ іудейскихъ, кои были притомъ для Него самыми знаемыми и, въ нѣкоторомъ смыслѣ, какъ бы родными городами! *И не сотвори ту силъ многихъ* (Матѳ. 13, 58), то есть, не показалъ тамъ особенныхъ дѣйствій Своего благотворнаго всемогущества, не исцѣлилъ столько больныхъ, какъ въ другихъ городахъ и мѣстахъ. Почему? Потому ли, что тамъ было менѣе требующихъ Его чудесной помощи? Нѣтъ, это были изъ самыхъ многолюднѣйшихъ городовъ и, слѣд., болѣе заключающихъ въ себѣ всякаго рода людей страждущихъ и несчастныхъ. Потому ли, что у самаго Чудотворца не достало на сей разъ Божественной силы цѣлебной? Но ея доставало до преизбытка вездѣ и для всѣхъ. Почему же *не сотвори ту силъ многихъ? За невѣрство ихъ,* отвѣчаетъ Евангелистъ. Вотъ что̀ остановило и какъ бы связало всемогущество Самого Спасителя! Гдѣ нѣтъ вѣры и расположенія душевнаго, тамъ нѣтъ и помощи свыше, тамъ не дѣйствуетъ сама сила Божія!

Да не будетъ же, возлюбленные, съ нашимъ градомъ того, что̀ послѣдовало съ маловѣрными градами іудейскими! Да не срѣтитъ между нами всемогущая сила Матери Божіей того невѣрствія и ожесточенія во грѣхахъ, кои срѣтилъ Божественный Сынъ Ея въ Своихъ соотечественникахъ! Что скрывать? Прошедшая безопасность и обиліе земныхъ средствъ содѣлали насъ мало внимательными къ путямъ Божіимъ: мы возымѣли несчастную привычку ожидать для себя всего отъ нашихъ собственныхъ силъ и средствъ, полагаться на свою прозорливость и разсчетливость. Теперь, когда изъ всего этого столь многое видимо измѣнило намъ и оставило насъ, каждый видитъ и чувствуетъ, что есть времена, когда Промыслъ Божій беретъ всѣ событія и жребіи наши, такъ сказать, въ свои руки и распоряжается

ими не по нашему, а ему свойственнымъ образомъ, и что настоящіе дни именно такого свойства. Пробудимся же отъ прежняго нечувствія, отринемъ всякую самонадѣянность и невѣрствіе; и, въ искреннемъ сожалѣніи о нашихъ заблужденіяхъ и съ обѣтомъ удаляться отселѣ всего богопротивнаго, предадимъ себя и судьбу града нашего заступленію Матери Божіей.

Константинополь спасенъ Ею нѣкогда, какъ мы сказали, отъ нашествія враговъ—бурею. потопившею корабли ихъ вмѣстѣ съ ними. Не будемъ желать подобной участи самимъ врагамъ нашимъ. У всемогущей Воеводы нашей есть, безъ сомнѣнія, средства спасти насъ, не погубивъ ихъ, да имѣютъ время на покаяніе. Христіанинъ не долженъ желать зла никому, самымъ врагамъ своимъ,—и тогда твердо можетъ надѣяться на помощь свыше. Аминь.

Слово по случаю облежанія Одессы флотомъ непріятельскимъ,

произнесенное въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ, послѣ покаяннаго молебствія октября 2 дня, 1855 года.

Что сказать вамъ нынѣ, братіе? Желалось бы наконецъ совершенно успокоить васъ; но судьба наша еще подъ печатію... я съ своей стороны покоенъ, и вотъ, между прочимъ, почему.—Не продолжали бы, думаю, враги наши стоять предъ нами столько времени совершенно праздными, если бы у нихъ было въ намѣреніи сдѣлать нападеніе именно на нашъ городъ. Ибо, что мѣшало бы имъ напасть на насъ? Все, напротивъ, побуждало бы ихъ не тратить напрасно времени, столько для нихъ драгоцѣннаго. Но они не дѣлаютъ ничего, и стоятъ праздны!—Почему? Всего ближе потому, что этотъ, такъ многочисленный, флотъ не имѣетъ на себѣ соразмѣрнаго тому числа воиновъ, какъ мы предполагали въ началѣ, и потому враги не въ силахъ выйти на сушу для вступленія съ нами въ ближайшую борьбу. А когда такъ, то и опасность наша отнюдь не такъ велика, какъ представлялось прежде. Ибо безъ сего, что̀ они намъ могутъ сдѣлать? Могутъ, конечно, и оставаясь на водѣ, потревожить насъ, какъ тревожили въ первый разъ; могутъ

пожалуй, произвести нѣкоторое разрушеніе въ прибрежныхъ частяхъ города, заставить насъ удалиться отъ моря,—и только. Но, это, во-первыхъ, значило бы съ ихъ стороны сдѣлать такое нападеніе, которое, не имѣя никакой военной цѣли, отзывалось бы прямымъ варварствомъ, и чрезъ то унизило бы ихъ въ глазахъ и мнѣніи всего свѣта; а во-вторыхъ, это значило бы, какъ показалъ прежній опытъ, рѣшиться имъ самимъ, безъ всякихъ особенныхъ выгодъ для себя, на потери немаловажныя. Ибо, если ихъ огонь былъ бы разрушителенъ для насъ; то и наши перуны неменѣе произвели бы разрушенія въ ихъ плавающихъ твердыняхъ. Нѣтъ, враги наши,—отдадимъ имъ эту справедливость,—слишкомъ разсчетливы, чтобы покупать себѣ такою цѣною... одну потерю и безчестіе. Посему-то, какъ я прежде говорилъ, такъ теперь тѣмъ паче скажу, что у нихъ цѣлію—не мы и нашъ городъ, а какое-либо другое мѣсто, болѣе приступное, но доселѣ почему-либо не такъ удобное къ нападенію. Слѣдовательно, за городъ нашъ можно быть почти спокойнымъ...

Но, увы, какое горестное спокойствіе! Ибо, оно происходитъ только отъ той печальной мысли, что пострадаемъ не мы, а другіе... наши собратія и единоплеменники. А пострадаетъ, говорю, кто-либо; ибо, не могли же враги наши явиться на водахъ нашихъ въ такомъ множествѣ, безъ всякой враждебной цѣли, и не могутъ уйти назадъ безъ всякаго военнаго дѣйствія.

Въ такихъ мысляхъ не знаешь, чего наиболѣе желать, бездѣйственнаго ли удаленія отъ насъ враговъ, или чтобы сила и ярость ихъ истощились здѣсь... Ахъ, если уже непремѣнно должно кому-либо подвергнуться нападенію: то лучше пусть потерпимъ что-либо мы, нежели другіе! Ибо что же были бы мы за христіане, если бы желали искупить собственную безопасность бѣдами и горемъ собратій нашихъ? Что были бы мы даже за существа съ сердцемъ и душею, ежели бы обрадовались тому, что сила вражія устремится наконецъ не противъ насъ, а противъ другихъ нашихъ градовъ и весей? Нѣтъ, при всѣхъ слабостяхъ и несовершенствахъ нашихъ, мы, надѣюсь, не дошли еще до такого своекорыстія и жестокости душевной...

Но наши мысли и чувства, самое самоотверженіе наше,

не перемѣнятъ того, чему суждено свыше совершиться, то есть, намъ ли потерпѣть что-либо отъ враговъ, или другимъ.

Да будетъ же, о всемогущій и всѣмъ управляющій Владыко и Господи, да будетъ то, что̀ положено въ премудрыхъ судьбахъ Промысла Твоего! Едино дерзаемъ исповѣдать предъ Тобою—нашу покорность святой волѣ Твоей... Что̀ бы Ты ни судилъ послать намъ въ удѣлъ—тишину или бурю, цѣлость и покой, или превращеніе и тѣсноту, все пріимемъ мы отъ руки Твоея съ любовію: ибо мы совершенно увѣрены, что Ты, на молитвы и прошенія насъ, чадъ Твоихъ, не подашь намъ вмѣсто хлѣба камней, и вмѣсто рыбы змію... (Матѳ. 7, 9). Аминь.

Слово по случаю удаленія отъ Одессы флотовъ непріятельскихъ,

произнесенное въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ, октября 3-го дня, 1855 года, предъ совершеніемъ благодарственнаго молебствія.

Все кончается и проходитъ на этой бѣдной землѣ нашей! Проходитъ и радостное и печальное, и угрожающее и привлекающее!—Вотъ и враги наши удалились отъ насъ;—и, судя по самому времени года. удалились съ тѣмъ, чтобы не возвращаться уже къ намъ,—по крайней мѣрѣ до будущей весны. А мы страшились и трепетали, а мы смущались и помышляли объ удаленіи изъ собственныхъ жилищъ нашихъ! Не осуждаемъ ни сего страха и смущенія, ни самаго удаленія нѣкоторыхъ:—только размышляя теперь о происшедшемъ, невольно думаешь и говоришь: какъ все кончается и проходитъ здѣсь, самое печальное и страшное!.. Благодареніе милосердію за то, что мы не подверглись какому-либо дѣйствительному бѣдствію, тогда какъ цѣлая туча золъ висѣла надъ нами! Но, если бы мы и подверглись нападенію отъ враговъ и потерпѣли что-либо, то и это все минулось бы и прошло; а еслибъ еще вознаградилось потомъ хотя со временемъ, какъ это нерѣдко бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, то, по всей вѣроятности, мало по малу пришло бы даже въ совершенное забвеніе... Таково, говорю, свойство и участь всего временнаго!..

Но, братіе мои, наступитъ для всѣхъ и каждаго изъ насъ

такая опасность, которая уже не пройдетъ мимо, которая не отвратима ничѣмъ, а по слѣдствіямъ своимъ—безконечна... Это опасность часа смертнаго, всѣхъ насъ ожидающаго!.. О, сколько тогда явится предъ нами и вокругъ насъ враговъ! Явятся, во-первыхъ, всѣ наши грѣхи и всѣ страсти, коими была очернена земная жизнь наша, кои среди суетъ житейскихъ, развлеченій мірскихъ и упоеній чувственныхъ, не были сознаваемы, а сознаваемые легко забывались нами и не трогали нашу совѣсть, а тогда, въ этотъ рѣшительный часъ,—всѣ оживутъ въ воспоминаніи и готовы будутъ терзать нашу душу и сердце. Вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружатся предъ нами, во всемъ ужасномъ видѣ ихъ, и тѣ враги, коихъ мы теперь не видимъ и надъ бытіемъ коихъ нѣкоторые даже глумятся иногда безсмысленно, но о коихъ непрестанно предупреждаетъ насъ жалобный голосъ нашей общей матери, святой Церкви, то есть,—духи тьмы и злобы поднебесной, искони и всегда враждующіе на человѣка и выну желающіе увлечь его—посредствомъ грѣха—въ бездну собственной погибели. Благо намъ, если среди толикаго множества и внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, послѣдній часъ застанетъ насъ въ мирѣ съ Богомъ, то есть, примиренныхъ съ святостію и правдою Его—покаяніемъ искреннимъ, и огражденныхъ вѣрою въ Спасителя нашего и въ силу креста Его, подъятаго за грѣхи наши! А что, если при нападеніи на насъ всѣхъ сихъ враговъ, мы сами окажемся въ это время врагами Богу, то есть, нераскаянными грѣшниками? Кто тогда защититъ насъ? Къ кому прибѣгнемъ? За что имемся?

Предстоитъ, братіе мои, для каждаго изъ насъ и другая, неотвратимая ничѣмъ, страшная опасность въ то время, какъ мы должны будемъ стать нѣкогда на судъ всемірный, предъ Господомъ и Владыкою живыхъ и мертвыхъ. О, какой страхъ обнимаетъ тогда всякую душу человѣческую!—За нами будетъ время, данное всѣмъ намъ на покаяніе и пришедшее—среди грѣховъ нашихъ—къ концу своему—безвозвратно; предъ нами будетъ безпредѣльная вѣчность, въ которую надобно вступить, и тоже—безвозвратно; надъ нами Судія—сердцевѣдецъ и судъ неумытный; подъ нами бездна ада, гдѣ искони находятся и пребываютъ духи отверженные.

О, благо намъ, если всевидящій Судія обрящетъ въ насъ тогда, если не что другое, то покаяніе и хотя малыя дѣла

милосердія и любви христіанской! А что, если обрящется въ насъ тогда одна нечистота, нераскаянность и жестокосердіе? Что, если мы окажемся на этомъ страшномъ судѣ съ одною гордостію, съ однимъ плотоугодіемъ, съ одними дѣлами неправды и притѣсненія ближнихъ нашихъ? Не поразитъ ли тогда и насъ ужасный приговоръ Судіи всего міра: *не вѣмъ васъ! отыдите отъ Мене въ огнь вѣчный?* И кто можетъ угасить сей огнь, возженный десницею Всемогущаго? Кто будетъ въ состояніи извлечь насъ изъ безднъ адовыхъ?

Предваряя васъ такимъ образомъ о будущихъ великихъ и неизбѣжныхъ опасностяхъ, можетъ быть, симъ самымъ я смущаю настоящую радость вашу по случаю удаленія отъ насъ враговъ нашихъ, кои цѣлую седмицу ежеминутно угрожали намъ напастію и горемъ... Но, съ другой стороны, когда же благовременнѣе и полезнѣе напомнить о семъ, какъ не въ настоящія минуты, когда мы всѣ самымъ опытомъ узнали, что значитъ быть въ очевидной и важной опасности, даже проходящей и недолговременной? — Самъ Господь премилосердый не для того ли наводитъ и навелъ на насъ разныя бѣды и напасти временныя, дабы возбудить насъ отъ безчувствія грѣховнаго и обратить наше вниманіе на то, что неминуемо угрожаетъ намъ въ будущемъ?

Братія!—Мы собрались теперь воздать Господу Спасителю и Пречистой Матери Его благодарность за избавленіе отъ нашествія враговъ. Достойно и праведно благодарить такимъ образомъ Господа: ибо, скажемъ словами святаго Давида, *аще бы не Господь* въ сіе время *былъ въ насъ*, то враги наши, въ злобѣ своей, *живыхъ убо пожерли быша насъ* (Псал. 123, 2).

Но, братіе мои, если мы хощемъ быть благодарными воистину, отъ всей души и сердца: то да будетъ твердо вѣдомо при семъ намъ, что изъ всѣхъ видовъ благодаренія Богу, въ настоящемъ случаѣ, самый лучшій и благоугоднѣйшій для Него есть тотъ, чтобы каждый изъ насъ началъ содѣвать дѣло собственнаго, вѣчнаго спасенія, со всѣмъ возможнымъ прилежаніемъ и постоянствомъ. Въ этомъ не только первое и послѣднее благо наше, но въ томъ же самомъ, то есть, въ исправленіи жизни нашей, наибольшая радость и наивысшая слава для нашего Господа, Творца и Владыки!— Аминь.

Слово предъ совершеніемъ покаяннаго молебствія, по случаю слышанной на сѣверо-востокъ отъ Одессы морской канонады,

произнесенное въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ, октября 5 дня, 1855 года.

Слышны ли были вчера вамъ громы на морѣ,—на сѣверо-востокѣ? Поелику теперь не лѣто, а осень, то это должны быть громы не Божіи, а человѣческіе. Значитъ, врагъ, стоявшій предъ нами столько дней празднымъ, нашелъ наконецъ сродное себѣ занятіе гдѣ-либо—при устіяхъ Днѣпровскихъ, и началъ показывать адское искусство свое въ разрушеніи. Снова, слѣдовательно, начала проливаться и драгоцѣнная кровь соотечественниковъ нашихъ, хотя мы и не знаемъ доселѣ, гдѣ именно. Судя по силѣ и ожесточенію нашихъ враговъ, а съ другой стороны—по мужеству и самоотверженію нашихъ защитниковъ, не можемъ сомнѣваться, что это борьба упорная и кровавая: врагъ окажетъ все свое искусство и ярость, а наши собратія—всю твердость и безстрашіе людей Русскихъ.

Будемъ ли, послѣ сего, праздными слышателями сихъ страшныхъ ударовъ громовыхъ? Мы, кои по опыту вполнѣ знаемъ, что значитъ быть подъ ними? Нѣтъ! Когда братія наши подъемлютъ теперь непрестанно десницу и шуйцу свою на отраженіе враговъ, и намъ слѣдуетъ не опускать рукъ своихъ долу, а также поднимать ихъ, какъ можно чаще, на помощь сражающимся.

Какъ это можетъ быть?—подумаетъ кто-либо.—Такъ же, возлюбленный, какъ дѣлалъ это нѣкогда великій Моисей въ пустынѣ Синайской, когда, водимый имъ, народъ Израильскій принужденъ былъ сражаться съ Амаликомъ. Моисей не участвовалъ лично въ семъ сраженіи, находился даже въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ сражающихся, но духомъ своимъ былъ близокъ къ нимъ, принималъ полное и живое участіе въ сраженіи;—и такъ умѣлъ, не смотря на отдаленіе, воздѣвать за народъ свой руки свои къ Богу на молитву, что весь успѣхъ и неуспѣхъ сраженія направлялись не по оружію и мужеству сражающихся, а по состоянію рукъ Моисеевыхъ. *И бысть,* сказуетъ священная исторія,—*егда воздвигаше Моисей руцѣ, одолѣваше Израиль; егда же опускаше руцѣ, одолѣваше Амаликъ* (Исх. 17, 11).

Послушайте еще, что случилось въ эти, очевидно, крайне опасныя для народа Израильскаго, минуты! По слабости природы тѣлесной, Моисей не могъ, въ продолженіе цѣлаго дня, держать рукъ своихъ подъятыми горѣ и, по необходимости, опускалъ ихъ, по временамъ, для отдыха, внизъ; и что же? *Егда опускаше Моисей руцѣ, Амаликъ одолѣваше.* Что тутъ было дѣлать?—Обыкновенные, подобные намъ, люди смотрѣли бы на это и не знали, за что взяться и какъ помочь ослабѣванію рукъ Моисеевыхъ. Но при немъ находились тогда такіе сотрудники, какъ Ааронъ и Оръ,—люди, исполненные вѣры и духа Божія. Что же дѣлаютъ они и къ чему прибѣгаютъ? Внемлите. Когда Моисеевы руки *тяжки быша* и не могли потому быть подъятыми, а необходимо опускались долу: въ это время они, *вземше камень, подложиша ему, и сѣдяше на немъ.* Кромѣ того: *Ааронъ и Оръ поддержаста руцѣ его, единъ отсюду, а другой оттуду; и бяху Моисеевы руцѣ укрѣплени до захожденія солнца.* Что же изъ сего? *И преодолѣ Іисусъ* (предводившій Израилемъ) *Амалика* (Исх. 17, 12. 13). Вся сила и вся крѣпость Израиля какъ будто заключена была въ однихъ сихъ рукахъ и зависѣла отъ ихъ (молитвеннаго) подъятія горѣ, или отъ ихъ опущенія, по слабости природы тѣлесной, долу.

Когда читаешь или слышишь о подобныхъ событіяхъ, то невольно приходишь къ мысли, что все это было въ другомъ какомъ-либо мірѣ, а не въ нашемъ! Между тѣмъ, это было, братія, у насъ, на этой же бѣдной землѣ, на коей живемъ мы, только въ другія времена и при другихъ нравахъ человѣческихъ, при другой силѣ вѣры и упованія на Бога.

Наши слабыя и нечистыя руки, конечно, не похожи на руки Моисеевы, и мы не въ состояніи воздвигать ихъ такъ чудотворно, какъ это могъ дѣлать великій вождь народа Божія. Но, съ другой стороны, мы измѣнили бы достоинству новаго благодатнаго завѣта и всѣмъ обѣтованіямъ евангельскимъ, если бы не признали и не утвердили за истину, что въ воздѣяніи рукъ на молитву у христіанъ истинныхъ заключается и теперь великая сила и великое дѣйствіе. *Вся, елика аще воспросите въ молитвѣ,*—говоритъ Самъ Спаситель,—*вѣрующе, пріимете* (Матѳ. 21, 22). Человѣкъ можетъ

сказать это и не исполнить, а Онъ?.. Скорѣе прейдетъ небо и земля, нежели останется безъ дѣйствія изъ Его словъ: хотя едина іота.

Послѣ сего, оставивъ всякое недоумѣніе, станемъ, возлюбленные, прилежно на молитву;—станемъ здѣсь и въ домахъ нашихъ, и будемъ просить сражающимся теперь братіямъ нашимъ помощи и силы отъ Господа. Если молитвы наши будутъ одушевляться живою вѣрою въ ходатайство за насъ Спасителя нашего и искреннею любовію къ братіямъ нашимъ: то, будьте увѣрены, прошенія наши не останутся безъ дѣйствія, и подвизающіеся теперь за отечество почувствуютъ на себѣ, что гдѣ-то и кто-то воздвигаетъ молитвенно за нихъ руцѣ ко Господу... Аминь.

Слово предъ благодарственнымъ молебствіемъ о сдачѣ войскамъ нашимъ крѣпости Карса,

произнесенное въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ 11 декабря 1855 года.

Не мало ждали мы, но, благодареніе Богу, дождались наконецъ радости! Грозная твердыня Азіатской Турціи, стоившая намъ столько труда, огорченій и даже крови, а въ будущемъ, по причинѣ наступающей зимы, угрожавшая новыми и продолжительными затрудненіями и потерями,—эта твердыня пала наконецъ предъ мужествомъ войскъ нашихъ!.. Я говорю, предъ мужествомъ; ибо хотя ближайшею причиною паденія были голодъ и недостатки: но это самое внутреннее бѣдствіе осажденныхъ, принудившее ихъ положить оружіе предъ нами, произошло не отъ другаго чего, какъ отъ крайняго стѣсненія падшей твердыни мужествомъ нашего воинства и искусствомъ нашихъ военачальниковъ. Еслибъ была какая-либо возможность врагу стать противу рати нашей, то сей же самый голодъ побудилъ бы его рѣшиться выйти изъ своей засады и отразить насъ, чѣмъ онъ спасъ бы не только городъ, но и себя, отъ голодной смерти, или отъ плѣна. Но, видно, это,—какъ сознаются теперь сами плѣнные, — было невозможно для нихъ; и вотъ, не смотря на ихъ прежнюю гордость и многочисленность, они предпочли плѣнъ и неволю всякому сраженію съ нами. Какъ не назвать этого побѣдою, и побѣдою великою?—Теперь,

въ этой части свѣта, мы можемъ быть спокойны не только за настоящее, но и за будущее. И во-первыхъ, паденіе такого великана, какъ нынѣшній Карсъ, отзовется громко по самымъ отдаленнымъ угламъ Азіи, во славу имени русскаго и къ униженію гордости враговъ нашихъ. За симъ, вѣсть о паденіи такой твердыни, на которую столько полагалось ими надежды, отниметъ духъ у другихъ, не столь крѣпкихъ мѣстъ, и приготовитъ каждое изъ нихъ къ тому, чтобы не спорить съ нами долго. А между тѣмъ, эта же Карская побѣда, по всей вѣроятности и скоро, перемѣнитъ ходъ брани въ Грузіи и заставитъ не медля возвратиться оттуда вспять того велерѣчиваго храбреца, который, отрекшись вмѣстѣ съ вѣрою христіанскою отъ царствія на небѣ, не стяжалъ чрезъ то, какъ оказывается, счастія себѣ и на землѣ, и, при помощи благопріятныхъ обстоятельствъ, восхищавъ доселѣ незаслуженно имя искуснаго военачальника, вдругъ является теперь въ наготѣ пришельца—и предъ чужими, кои были ему нѣкогда свои, и предъ своими, кои никогда не перестанутъ быть ему чужды по душѣ и сердцу. Устремившись съ оттоманскими полчищами въ нашу благословенную Колхиду, онъ думалъ и надѣялся симъ самымъ отвлечь насъ, для ея защиты,—отъ Карса, но увязъ въ собственныхъ сѣтяхъ своихъ; ибо наша Грузія устояла сама собою, а, неподкрѣпленный имъ, Карсъ не устоялъ и палъ предъ нами. Новый успѣхъ нашъ наконецъ неминуемо долженъ лечь тяжестію своею на вѣсахъ враговъ нашихъ и дать имъ выразумѣть, что у орла всероссійскаго не напрасно двѣ, а не одна глава, и потому онъ, дѣйствуя противъ нихъ одною изъ своихъ главъ здѣсь—въ Европѣ, другою въ то же время можетъ съ неменьшею силою дѣйствовать и поражать ихъ въ Азіи.

Съ намѣреніемъ распространяюсь предъ вами о послѣдствіяхъ новой побѣды: ибо Карсъ весьма отдаленъ отъ насъ и находится за моремъ; посему многіе могутъ не знать, что такое эта крѣпость и много ли значитъ ея паденіе; а мнѣ желательно, чтобы вы всѣ были обрадованы, послѣ столькихъ недавнихъ страховъ, этимъ успѣхомъ нашего оружія.

Для той же цѣли примѣтимъ, что твердыня Карская была уже взимаема храбрыми войсками нашими за 28 лѣтъ предъ симъ; но тогда она была далеко не то, что нынѣ,—

не такъ сильно укрѣплена и защищалась противу насъ одними мусульманами, а нынѣ она была особенно уготована на брань всѣмъ искусствомъ западныхъ враговъ нашихъ, и защищалась не одними мусульманами, а и военачальникомъ той державы, которая издавна привыкла почитать себя владычицею морей, а на сушѣ, какъ видно, не умѣетъ защитить хорошо и одного города. Успѣхъ нашъ посему надъ Карсомъ, есть успѣхъ не только надъ Турціею, но и надъ Англіею, которая тамъ владычествовала.

Усумнюсь ли высказать въ заключеніе еще одну мысль, которая возбудилась въ умѣ сей же часъ? Настоящею побѣдою надъ Карсомъ, по всей вѣроятности, заключится кругъ военныхъ дѣйствій нынѣшняго года; и вѣсть о ней приспѣла къ намъ около тѣхъ именно дней, когда солнце возвращается съ зимы на лѣто. Не признакъ ли это, что отселѣ въ судьбѣ настоящей брани произойдетъ цѣлый рядъ перемѣнъ къ униженію гордыни враговъ нашихъ, столь неправедно возставшихъ на насъ въ безчестномъ содружествѣ съ мусульманами?—Помолимся о семъ отъ всей души и сердца, да не напрасно будетъ пролито храбрыми воинами нашими столько крови въ защиту имени христіанскаго! А ко всему этому, послѣдуя примѣру святой Церкви, приложимъ молитву ко Господу и о томъ, чтобы Онъ умягчилъ сердце самыхъ противниковъ нашихъ, и расположилъ ихъ къ чувству безпристрастія и справедливости, такъ чтобы плодомъ настоящей побѣды нашей было ускореніе вожделѣннаго мира, а не ожесточеніе брани. Ибо, если сражаются для того, чтобы побѣждать: то побѣждаютъ не для чего другаго, какъ для того, чтобы не имѣть нужды продолжать войну. Аминь.

Слово на заключеніе мира съ западными державами и съ Турціею,

сказанное въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ, апрѣля 8 дня, 1856 года.

Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ! (Лук. 2, 14). Такъ можемъ возгласить наконецъ и мы съ Ангелами. *Слава въ вышнихъ Богу:* ибо, хотя при заключеніи настоящаго мира дѣйствовали люди, но, безъ содѣйствія и благословенія свыше, и теперь могли бы не достигнуть своей цѣли, какъ,

при всѣхъ усиліяхъ, не достигали оной прежде. Ибо, сколько разъ сходились для прекращенія войны, и всегда расходились на большую еще брань! Теперь же, едва только сошлись;—и пламень войны погасъ какъ бы самъ собою. *Слава* убо *въ вышнихъ Богу,* и попустившему, по суду правды Своей, страстямъ человѣческимъ разгорѣться въ такой ужасный и всепожирающій пламень, и—когда наступилъ часъ милосердія, *преспѣшему* сей *пламень* (Псал. 28, 7), какъ бы невидимою рукою! *Слава въ вышнихъ Богу,* благоволившему подвергнуть возлюбленное отечество наше новому, огненному, седмерицею разженному, испытанію и изведшему его изъ сего испытанія, какъ нѣкогда тріехъ отроковъ изъ пещи Вавилонской, здравымъ и невредимымъ! Теперь и намъ, сынамъ Россіи, можно благодарнѣ исповѣдаться предъ Господомъ словами св. Давида: *проидохомъ сквозѣ огнь и воду, и извелъ єси ны въ покой* (Псал. 65, 12).

Но, что сказать о семъ новомъ покоѣ?

То, во-первыхъ, что имъ мгновенно прекращаются цѣлые потоки крови человѣческой, лившіеся съ такимъ обиліемъ болѣе двухъ лѣтъ;—то, что имъ умиряются цѣлыя царства и народы, изъ коихъ одни смятены и потрясены были вихремъ брани до основанія, другіе отъ того же вихря едва не потеряли зрѣнія и не знали, куда приклониться;—то, что новымъ миромъ возвращается прежняя безопасность городамъ и весямъ, даруется свобода самымъ морямъ и рѣкамъ, самымъ горамъ и пустынямъ;—то, наконецъ, что съ наступленіемъ мира представляются новые предметы для дѣятельности общественной и частной, открываются новые виды промышленности и занятій, новыя средства къ развитію силъ и природнаго богатства земли русской; самой власти предержащей дается большая удобность—насаждать и отреблять, созидать и украшать, цѣлить и оживлять.

Какъ не возблагодарить за все сіе Господа, *въ руцѣ* Коего, по выраженію Писанія, *власть* и держава всея *земли* (Сир. 10, 21), Который единъ, когда хощетъ, наказуетъ царства и народы бранію, или благословляетъ люди Своя миромъ?

Но достигнута ли высокая цѣль брани? Не безплодно ли принесено столько кровавыхъ и безкровныхъ жертвъ? Бываютъ, конечно, и такія брани; но прошедшая, благодаре-

ніе Богу, не такова. Что предполагалось достигнуть, то самое достигнуто,—и съ лихвою. Ибо, для чего предпринята, или точнѣе сказать, принята была нами прошедшая брань (ибо не мы первые взялись за оружіе)? Завоеваній ли какихъ-либо и расширенія предѣловъ нашихъ искали мы? Нисколько! Россія, при своей обширности и силѣ, давно не имѣетъ въ томъ никакой нужды: ей было бы даже во вредъ всякое дальнѣйшее расширеніе, подобно какъ здоровому и крѣпкому человѣку была бы не въ пользу чрезмѣрная тучность. Униженія ли и вреда какого-либо хотѣли мы самому первоначальному противнику нашему на Востокѣ? Опять нисколько: напротивъ, мы хотѣли спасти его отъ внутреннихъ язвъ, снѣдающихъ самый составъ его державы, глубину и неисцѣльность коихъ вполнѣ видитъ теперь онъ самъ. Или, можетъ быть, думалось намъ почему-либо стать вопреки и заградить путь къ чему-нибудь доброму и истинно-полезному для западныхъ державъ, кои съ такимъ неожиданнымъ ожесточеніемъ ополчились потомъ противу насъ? И сего никто не можетъ сказать по совѣсти, а теперь—ни даже они сами.

Чего жъ желали мы, нехотя и принужденно взимаясь за мечъ? Желали единаго,—самаго простаго и совершенно справедливаго,—чтобы близкій къ намъ и не разъ обязанный намъ своимъ спасеніемъ отъ погибели, сосѣдъ нашъ, внявъ гласу разума и собственной выгоды, пересталъ дѣлить неразумно народную семью свою на двѣ половины и, предоставляя все меньшей, не отдавалъ бы ей на жертву, самую большую половину потому только, что эта послѣдняя не одной съ нимъ вѣры, а той, которую исповѣдуемъ мы и прочіе образованные народы, яснѣе сказать, чтобы владыка мусульманъ пересталъ угнетать невыносимо подвластное ему христіанство на Востокѣ. Вотъ, чего желали мы,—не болѣе!..

Намъ не повѣрили, когда все ручалось за нашу искренность; не повѣрили потому только, что не хотѣли вѣрить, потому что давно желали тайно брани съ нами и искали предлога къ ней. И вотъ, началась эта, нами вовсе неожиданная, а противниками нашими издалека предустроенная, брань за мнимую независимость и самостоятельность державы Оттоманской, якобы нами угрожаемой, а въ самомъ дѣлѣ противъ нашего могущества и противу нашихъ, въ

продолженіе цѣлаго вѣка пріобрѣтенныхъ, правъ и преимуществъ. Свѣтъ съ изумленіемъ увидѣлъ, какъ знамена державъ христіанскихъ начали присоединяться къ знамени Магомета, какъ бы оно было знаменемъ какого-либо всеобщаго спасенія... Послѣ сего естественно казалось многимъ, что судьба восточныхъ собратій нашихъ будетъ совершенно забыта среди брани, и облегченіе ихъ отъ тяжкаго рабства отдалится еще на долгое время.

Но, когда никто не ожидалъ того, когда еще со всѣхъ сторонъ продолжала кипѣть брань, вдругъ восточные единовѣрцы наши получаютъ то самое, что̀ имѣли въ виду для нихъ мы, и въ такомъ притомъ размѣрѣ, въ какомъ мы съ своей стороны, предъ началомъ брани, не могли и требовать отъ повелителя ихъ, а они ожидать,—получаютъ не только свободу отъ прежняго уничиженія и угнетеній, но и равенство правъ съ мусульманами.

И кто былъ причиною сего, можно сказать, чуда? Тѣ самые люди, кои, по зависти къ намъ, не хотѣли дать намъ сдѣлать и третьей доли того, что̀ теперь сдѣлано! Желаете знать, что̀ заставило ихъ продолжать и совершить,—даже увеличить и усовершить,—дѣло, нами предначатое, изъ-за котораго они вышли противу насъ на такую брань ожесточенную? Заставила правота нашего дѣла и святость нашей цѣли, заставили опытъ и очевидность, заставили совѣсть, самое чувство чести и благоприличія... Въ самомъ дѣлѣ, соединяя христіанскія знамена свои съ знаменемъ Магомета противу насъ христіанъ, желавшихъ оказать защиту христіанамъ же отъ угнетенія магометанскаго, быть не можетъ, чтобы правители державъ западныхъ свободны были при семъ отъ всякаго упрека совѣсти за таковую измѣну христіанству. Но, доколѣ смотрѣли на злополучный Востокъ издали, и смотрѣли, такъ сказать, сквозь нерасположеніе къ намъ и сквозь подозрѣнія о нашихъ мнимыхъ замыслахъ на Востокѣ: дотолѣ могли еще кое-какъ успокоивать себя за положеніе христіанъ на Востокѣ. Когда же влекомые духомъ брани, въ лицѣ полчищъ своихъ, явились на самомъ мѣстѣ спора и пререканій; когда увидѣли безумную гордость мусульманъ и постоянное, выходящее изъ всѣхъ предѣловъ, уничиженіе христіанъ; когда такимъ образомъ предткнулись, такъ сказать, объ ужасную и постыдную для христіанства и человѣчества

очевидность: тогда уже не могли болѣе называть черное бѣлымъ, острое гладкимъ и терны розанами. Завѣса заблужденія спала, чувство справедливости пробудилось, вѣра и человѣчество, представшія въ оковахъ, возопили къ душѣ и сердцу; самые притѣснители христіанъ устыдились, и изъявили готовность на исправленіе своихъ поступковъ и на перемѣну своихъ отношеній къ угнетаемымъ. Послѣ сего, по самому естественному ходу вещей, надлежало послѣдовать не другому чему, какъ тому, что̀ произошло теперь, то есть, возстановленію свободы христіанства на Востокѣ. И поелику самая судьба всей державы мусульманской находилась теперь, можно сказать, въ рукахъ христіанскихъ владыкъ: то естественно, что, не стѣсняясь ничѣмъ, они возымѣли полную возможность заставить—и заставили—повелителя мусульманъ сдѣлать въ пользу подвластныхъ ему христіанъ даже болѣе того, сколько, препятствуемые ими же, не могли, до начатія брани, требовать мы. И вотъ какимъ образомъ послѣдствія настоящей брани, вопреки всякаго ожиданія, благодаря тайному предустроенію вещей и событій Промысломъ Божіимъ, еще до окончанія брани, обратились къ ея первоначальной и единственной, съ нашей стороны—цѣли, и дружественно сопряглись съ ея началомъ.

Послѣ сего, самая брань, какъ провѣщалъ съ высоты престола Благочестивѣйшій Монархъ нашъ, не имѣла уже для насъ своего значенія; ибо цѣль ея—обезпечить участь единовѣрныхъ братій нашихъ на Востокѣ.—была достигнута; а за симъ не могъ вскорѣ не послѣдовать и настоящій миръ, въ коемъ чувствовалась столь великая потребность для всего свѣта.

Конечно, если бы ожесточеніе западныхъ недруговъ нашихъ противъ отечества нашего продолжилось и за симъ, то Россія, непобѣжденная и, при всѣхъ превратностяхъ оружія, равно могущественная, не усумнилась бы раскрыть въ себѣ новыя силы и принести новыя жертвы, дабы показать. что она та же, чѣмъ была для всей Европы за четыредесять лѣтъ предъ симъ; но, благодареніе тому же всеблагому Промыслу Божію, огнь злобы погасъ въ сердцахъ самыхъ враговъ нашихъ: истощившись въ своихъ силахъ и средствахъ, они охотно простерли къ намъ руку мира, коль скоро убѣдились, что мы готовы принять ее дружелюбно.

«Все это справедливо,—подумаетъ при семъ кто-либо,—но нельзя же отрицать, что лучше было бы, если бы начатое нами въ пользу христіанъ восточныхъ, нами же одними было и окончено, а не другими, вмѣсто насъ, какъ теперь?»

А почему лучше, возлюбленный? Не потому ли, что это могло бы служить пищею для самолюбія народнаго, поводомъ къ превозношенію предъ другими? Кто знаетъ, что таковыя чувства такъ же опасны для цѣлыхъ народовъ, какъ и для частныхъ людей, и всегда привлекаютъ на себя гнѣвъ Божій, тотъ никогда не пожелаетъ своему отечеству такихъ успѣховъ, кои служатъ ни чему иному, какъ токмо къ гордости и надменію. При такомъ святомъ дѣлѣ, каково предпринятое нами, то есть улучшеніе судьбы восточнаго христіанства, чтобы не омрачить чистоты и не унизить достоинства сего дѣла—заранѣе должно было отказаться не только отъ всякихъ корыстныхъ видовъ, но и отъ всякаго въ семъ дѣлѣ соперничества съ другими народами. А если такъ, то,—кто бы и почему бы теперь ни довершилъ его, только бы оно довершено было дѣйствительно,—всякому истинному христіанину, оставивъ вопросы и недоумѣнія, предлежитъ радоваться о семъ и благодарить Бога, тѣмъ паче, когда въ доведеніи сего дѣла до желаннаго конца видимо дѣйствовали не столько люди, сколько Самъ Богъ. Съ такимъ ли дѣйствователемъ спорить о первенствѣ? Ему ли не уступить своего мѣста?

Если бы впрочемъ и за симъ оставалось у кого сожалѣніе о томъ, что въ прошедшей великой борьбѣ нашей съ Западомъ за Востокъ не все произошло по нашему желанію, и что мы отъ столь многихъ жертвъ нашихъ не стяжали для себя собственно никакого преимущества, такому, со всею увѣренностію, мы можемъ сказать въ успокоеніе, что напротивъ настоящая война послужила для насъ къ великому преимуществу и къ чести, самой чистой и христіанской. Ибо, что обнаружила она предъ лицемъ всего свѣта? Что Россія, первая и единая, призрѣла окомъ искренняго состраданія на Востокъ; что она, единая, забывъ свои выгоды, и презрѣвъ множество опасностей, рѣшилась, для освобожденія восточнаго христіанства, выйти на брань едва не противу всего свѣта, и самоотверженіемъ своимъ положила основаніе для всѣхъ нынѣшнихъ событій и дала по-

бужденіе самому Западу оказать наконецъ и свое состраданіе къ Востоку. Нѣтъ сомнѣнія, что безъ сего этотъ хладный въ своекорыстныхъ разсчетахъ Западъ не поспѣшилъ бы принять участіе въ судьбѣ христіанства на Востокѣ, и не зная, или лучше сказать, не хотя знать истины, доселѣ расточался бы въ похвалахъ мнимой кротости и образованности мусульманъ, и продолжалъ ограничивать все сердоболіе свое къ угнетаемымъ отъ нихъ христіанамъ праздными обѣщаніями и бездѣйственными переговорами. И вотъ причина, почему всякій разъ, когда будетъ приходить въ исполненіе какая-либо, благотворная для восточныхъ христіанъ, мѣра, имя Россіи, яко первой виновницы счастливаго для христіанства переворота будетъ произносимо съ благодарностію каждымъ христіаниномъ на Востокѣ. Такъ думаемъ не мы одни, по какому-либо самолюбію, а такъ думаетъ, водясь справедливостію, весь православный Востокъ; такъ невольно думаетъ едва не весь Западъ; тѣмъ паче не могутъ не думать такимъ образомъ мусульмане.

Не смущаетъ ли еще кого-либо мысль о томъ, что для прекращенія брани и для новаго мира Россія великодушно согласилась на нѣкоторыя уступки? Для столь великой цѣли, каково успокоеніе цѣлаго свѣта, можно бы не пожалѣть и и какихъ-либо дѣйствительно немаловажныхъ жертвъ и лишеній, но самая зависть и вражда не дерзнули потребовать подобнаго. Ибо въ чемъ наши уступки? Мы не будемъ отселѣ имѣть на югѣ прежняго морскаго бранноснаго вида, который, служа намъ же въ тяжесть, ни разу не принесъ намъ тѣхъ выгодъ, коихъ мы должны были ожидать. Мы удалились на нѣсколько малыхъ поприщъ отъ береговъ Дуная, но что другое напоминаетъ намъ рѣка сія, кромѣ потоковъ крови нашей, мѣшавшейся столько разъ съ ея волнами? Что приносила намъ она, кромѣ тягостной заботы сражаться ежегодно противу строптивости ея теченія, въ пользу чуждаго намъ судоходства? Если наконецъ отселѣ не мы одни, а и всѣ прочія державы христіанскія будутъ вмѣстѣ съ нами покровительствовать христіанскому Востоку, то этого общаго и единодушнаго дѣйствованія давно надлежало желать для истинной пользы христіанства и для собственнаго нашего спокойствія. Вотъ всѣ наши, если угодно такъ называть, жертвы для мира! Сравните съ ними тѣ безчисленныя уси-

лія и жертвы, коихъ стоила прошедшая брань нашимъ противникамъ; присовокупите къ тому, что миръ не приноситъ имъ никакихъ новыхъ пріобрѣтеній, кромѣ благопріличнаго выхода изъ неразумно затѣянной борьбы съ нами;— и вы поймете всю истину дѣла и всю, съ одной стороны, малую (по жертвамъ для того съ нашей стороны), а, съ другой—великую (по благотворнымъ послѣдствіямъ) цѣну новаго мира.

А послѣ сего, что остается намъ, какъ только не съ благоговѣніемъ преклонить главу и сердце предъ судьбами Промысла Божія, который давно, съ такою очевидностію и съ такою поучительностію для всѣхъ, не обнаруживалъ себя въ превратностяхъ браней, какъ обнаружилъ въ брани прошедшей?

Вмѣстѣ съ симъ возрадуемся радостію чистою о новой лучшей будущности единовѣрныхъ собратій нашихъ на Востокѣ. Сѣмя освобожденія ихъ не можетъ, конечно, вдругъ и безпрепятственно развиться въ цѣлое многоплодное древо, подъ сѣнію коего имъ можно бы возлечь въ совершенномъ покоѣ, но должно развиться, и разовьется и возрастетъ неминуемо, ибо полито кровію многочисленныхъ сыновъ и Сѣвера и Запада.

Возблагодаримъ отъ души Монарха нашего, который въ сокровищницѣ своего благаго сердца нашелъ тайну, безъ униженія достоинства Россіи, прекратить потоки крови и угасить пламень вражды, коему не предвидѣлось близкаго конца.

Не лишимъ справедливой хвалы самыхъ западныхъ противниковъ нашихъ, кои, почему бы то ни было, впадши въ великую ошибку—касательно положенія Востока и тамошнихъ христіанъ, не продолжали однако же своего ослѣпленія до конца, и, узрѣвъ истину, не замедлили, подавъ одну руку мира—намъ, простерть другую—въ покровительство злополучнаго Востока.

Среди настоящаго торжества о мирѣ можемъ ли, наконецъ, забыть тебя, почившій въ Бозѣ, державный Труженикъ нашъ, которому, послѣ многихъ другихъ подвиговъ, суждено было предначать и великое дѣло освобожденія христіанскаго Востока? Цѣль, тобою предположенная, была такъ высока, намѣренія твои были такъ далеки отъ всѣхъ видовъ и раз-

счетовъ человѣческихъ, что обыкновенная мудрость земная никакъ не могла вмѣстить такого великодушія и безкорыстія,—и возмнила неподобная... Но, для тебя теперь не нужна болѣе правда земная, когда ты удостоился зрѣть и испытать правду небесную. Быть не можетъ однако же, чтобы духъ твой, и на лонѣ вѣчнаго покоя, не возмущался скорбію о потокахъ той крови, коея ты самъ не хотѣлъ бы проливать ни единыя капли. Успокойся теперь и почій въ мирѣ! Истина и правда восторжествовали; пламень войны угасъ; и освобожденный Востокъ вѣчно съ умиленіемъ будетъ произносить имя единственнаго благодѣтеля своего, Николая.

Слава убо *въ вышнихъ Богу,* яко *и на земли миръ*!— Аминь.

Рѣчь по прочтеніи Высочайшей благодарственной грамоты, данной жителямъ Херсонской губерніи, съ повелѣніемъ хранить копію ея въ каѳедральномъ соборѣ,

произнесенная въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ 10 октября 1856 г.

Вотъ, съ какою полнотою и одушевленіемъ изображены въ сей хартіи царственной дѣянія и подвиги страны и града нашего во время прошедшей брани! Тутъ съ радостію и изумленіемъ видимъ, что всѣ, можно сказать, шаги наши во время прошедшей брани прилежно замѣчены, всѣ жертвы и приношенія наши оцѣнены сугубою цѣною, всѣ лишенія и раны наши приняты къ самому сердцу Цареву... Если бы такое изображеніе въ похвалу страны и града нашего произошло и не отъ руки царственной, то и тогда, при слышаніи его, нельзя было бы не порадоваться отъ души за весь край нашъ, ибо *имя доброе,*—какъ замѣтилъ и изрекъ еще древній св. мудрецъ, — *лучше, неже богатство много* (Прит. Сол. 22, 1). Но такой, въ высшей степени благоволительный, отзывъ о насъ исшелъ изъ устъ самаго Помазанника Божія, исшелъ въ самый день священнаго вѣнчанія Его на царство... Какъ много возвышается отъ сего цѣна и сила каждаго слова и выраженія въ сей хартіи царственной!—И какой край и градъ русскій не захотѣлъ бы послѣ сего быть теперь на нашемъ мѣстѣ, не смотря

на всю тяжесть и прискорбность нашего прошедшаго положенія!

Но меня, яко смиреннаго пастыря страны сей и вашего сострадальца въ прошедшую годину искушенія, особенно трогаетъ въ сей хартіи то мѣсто, гдѣ говорится, что странѣ и граду нашему, при всѣхъ прочихъ похвальныхъ качествахъ, не доставало доселѣ съ остальною Россіею связи страданій и терпѣнія, и что теперь драгоцѣнная связь сія, благодаря ужасамъ прошедшей войны, получила незыблемую основу и скрѣплена навсегда. Почему особенно трогаетъ меня это замѣчаніе? Потому что въ сей самой мысли мы, во время общихъ скорбей нашихъ, не разъ находили утѣшеніе и для васъ и для себя. Ибо памятуете ли, что говорили мы въ ободреніе вамъ съ сего самаго священнаго мѣста во дни Св. Пасхи, послѣ огненной бури, разразившейся надъ нами въ Великую Субботу?—И мы говорили тогда, что нашему граду въ составѣ Россіи не доставало съ нею единой связи—страданія за отечество, и что послѣ случившагося тогда съ нимъ, градъ нашъ, не смотря на юность его, можетъ не постыдно стать о страну древнихъ многострадальныхъ за отечество градовъ русскихъ. Теперь, какъ видите, тогдашнее предчувствіе и ожиданіе наше сбылось во всей силѣ, ибо теперь,—какъ свидѣтельствуетъ эта хартія,—ставитъ нашъ градъ на это высокое и священное мѣсто между градами русскими уже не наше слабое мнѣніе, а рука самаго Помазанника Божія, Самодержца Всероссійскаго!...

И какъ ставитъ?—Уже много значило бы для юнаго града нашего, если бы онъ удостоился сравненія съ какою-либо меньшею изъ утварей царскихъ, столь богатыхъ изящными и драгоцѣнными украшеніями, но, милость Самодержца, въ избыткѣ признательности, не знаетъ, можно сказать, предѣла,—и Одесса, юная и въ настоящемъ случаѣ—ослабѣвшая и еще не укрѣпившаяся отъ прошедшей борьбы и лишеній, именуется драгоцѣннѣйшимъ перломъ вѣнца царскаго! Того вѣнца, съ коимъ другіе, самые свѣтлые вѣнцы желали бы только сравниться, и коему большая часть, то же не несвѣтлыхъ, вѣнцовъ не могутъ имѣть надежды даже уподобиться!...

Уразумѣй же, возлюбленный градъ, преизбытокъ къ тебѣ и царственнаго вниманія и милости Божіей; уразумѣй и

старайся быть завсегда перломъ истиннымъ, а не поддѣльнымъ. Вѣнецъ царскій, и безъ тебя, можетъ найти другія для себя украшенія, но ты не найдешь другаго, подобнаго вѣнца и другаго, лучшаго для тебя, уподобленія. Драгоцѣннѣйшимъ перламъ приличествуетъ первѣе всего чистота и прозрачность: будь же, богоспасаемый градъ, и ты чистъ и ясенъ во всѣхъ помыслахъ, предпріятіяхъ и дѣйствіяхъ твоихъ, и всегда представляй себя тѣмъ, что ты на самомъ дѣлѣ, а не тѣмъ, чѣмъ можно казаться. Помни, что самыя драгоцѣнныя перла не на поверхности морей находятся, а таятся во глубинѣ и добываются особенно послѣ жестокихъ бурь;—и не скучай прошедшею бурею, которая своимъ разрушительнымъ волненіемъ обнаружила предъ окомъ царственнымъ и твое перло; удаляйся отъ желаній мечтательныхъ и предпріятій поверхностныхъ, углубляясь въ такіе предметы дѣятельности, кои полезны существенно, и не на краткое время, а для самаго отдаленнаго потомства, полезны не для тебя только одного, а для цѣлаго отечества!

Обращая за симъ вниманіе на самое мѣсто храненія, предназначенное для сей драгоцѣнной хартіи, я усматриваю и здѣсь слѣды самаго отеческаго и нѣжнаго промышленія о насъ возлюбленнаго Монарха нашего. Въ сей именно храмъ наиболѣе стекались мы всѣ во дни прошедшихъ искушеній и печалей нашихъ; здѣсь изливали мы предъ Господомъ скорбныя души и сердца наши; отсюда износилъ каждый изъ насъ въ домъ свой елей утѣшенія и духъ мужества христіанскаго. Гдѣ же приличнѣе, какъ не въ семъ храмѣ, храниться на память родамъ грядущимъ и этому царственному свитку, во свидѣтельство о прошедшихъ дѣяніяхъ и подвигахъ страны и града нашего?

Но, что—по скорости—сказалъ я? о нашихъ подвигахъ?—Нѣтъ, да удалится навсегда отъ насъ сія земная и горделивая мысль! Довольно, что Августѣйшій Отецъ отечества знаетъ о дѣяніяхъ нашихъ и благодарственно одобряетъ ихъ; а предъ Тобою, Владыко и Самодержецъ небесный, мы со всѣми дѣяніями и подвигами нашими повергаемся во прахъ, смиренно исповѣдуя твою силу и благость, и наше ничтожество. Не намъ убо, Господи, не намъ, а пресвятому Имени Твоему да будетъ за вся честь и слава, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ!—Аминь.

Слово о томъ, отъ чего зависитъ успѣхъ въ брани и побѣда, или пораженіе.

Если кому, то воину особенно нужно знать, отъ чего зависитъ успѣхъ сраженія, побѣда или пораженіе.

Зависитъ это отъ многихъ причинъ: отъ мужества и искусства, отъ благопріятности мѣстъ и времени, отъ слабости и безсилія враговъ и проч. Посему-то стараются заранѣе быть готовыми къ брани: посему-то и безъ брани постоянно упражняютъ себя въ искусствѣ сражаться; посему-то избираютъ опытныхъ военачальниковъ; посему-то запасаются свѣдѣніями о самомъ мѣстоположеніи непріятеля и проч. и проч.

Но кромѣ всего этого—успѣхъ брани зависитъ еще не отъ людей, а отъ Бога, свыше. Если благословитъ Господь, то и малое число побѣдитъ большее; если не благословитъ, то не можетъ и многочисленное. Если благословитъ Господь, то и слабые одушевятся мужествомъ: откуда возьмется сила и крѣпость! Если не благословитъ, то и мужественные потеряютъ духъ и у сильныхъ ослабѣютъ руки. Если благословитъ Господь, то и вѣтеръ будетъ благопріятный и камни подводные и мели какъ бы удалятся съ своихъ мѣстъ; если не благословитъ, все будетъ мѣшать успѣху, и вѣтеръ начнетъ дуть противъ и камни подводные и мели какъ будто будутъ слѣдовать за кораблями.

Посему-то, при всемъ искусствѣ, мужествѣ, при всемъ обиліи средствъ къ сраженію и побѣдѣ, необходимо еще одно, такое одно, безъ коего можетъ легко потерять силу все прочее: необходимо благословеніе Божіе.

Чѣмъ достигается это благословеніе?—Очевидно, не искусствомъ и мужествомъ, не многочисліемъ людей и средствъ, ибо все это можетъ быть и у враговъ, а чѣмъ же? Вѣрою въ Бога, упованіемъ на Его помощь, молитвою, чистотою души и тѣла, исполненіемъ заповѣдей Господнихъ.

Ибо, очевидно, Господь благословляетъ того, кого любитъ, а кого же любитъ Онъ, какъ не боящихся Его и творящихъ волю Его?

Воинъ благочестивый дорогъ въ очахъ Господнихъ, съ нимъ всегда его Ангелъ хранитель, посему съ нимъ и побѣда. Равно какъ воинъ нечестивый есть язва для воинства,

ибо надъ нимъ всегда гнѣвъ Божій, а потому не далеко и пораженіе.

Чтобы не показалось кому-либо, что я все это говорю вамъ отъ себя, выслушайте, что въ писаніи говорилъ нѣкогда Господь чрезъ пророка Моисея избранному народу Своему *).

Памятуйте сіе, воины христолюбивые; а поелику вы хощете всегда побѣды надъ врагами, то заранѣе заслуживайте ее у Господа благочестіемъ, воздержаніемъ, чистотою и прочими добродѣтелями. Аминь.

Слово послѣ побѣды.

Привѣтствуемъ васъ, храбрые воины, съ побѣдою! Слухъ о ней пронесется на крылахъ вѣтра по всѣмъ краямъ отечества, обрадуетъ собою сердце Государя нашего, обвеселитъ города и села, и малой и большой будетъ говорить: «мы побѣдили, славные наши моряки! Дай Богъ имъ здоровья!»

Къ кому же первѣе всего обратиться намъ послѣ побѣды нашей? Обратимся къ Господу, въ десницѣ Коего власть всей земли, Который единъ движетъ вѣтрами и морями, даетъ и отъемлетъ духъ и мужество.

Мы побѣдили, потому что дѣло наше правое. Россія не ищетъ завоеваній, она и такъ сильнѣе всѣхъ.

Мы побѣдили, ибо сражались за Церковь Божію, за Царя православнаго, за Русь святую.

Мы побѣдили, ибо вышли на сраженіе съ молитвою, призвавъ Бога на помощь, предавъ себя и судьбу оружія своего въ Его святую волю.

Посему, торжествуя теперь побѣду нашу, воскликнемъ всѣ съ Давидомъ: *не намъ, Господи, не намъ, но имени Твоему даждь славу! Тебѣ подобаетъ хвала, Тебѣ подобаетъ пѣніе,* Тебѣ слава подобаетъ нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

*) Въ оригиналѣ рукописи текста не имѣется.

Слово послѣ побѣды.

Привѣтствуемъ васъ, братіе, съ побѣдою. Врагъ пораженъ и посрамленъ! Вы поступили какъ истинные русскіе воины: честь вамъ и слава! Благословенны отъ лица святой Церкви. Теперь радость наша полетитъ на крыльяхъ въ отечество, обрадуетъ сердце царево, распространитъ веселіе по градамъ и весямъ, утѣшитъ старцевъ и дѣтей, всѣ и вездѣ будутъ говорить: вотъ что сдѣлано нашими храбрыми моряками! Такъ и такъ сражались они! не посрамили имени русскаго! Дали знать врагамъ, что значитъ Русскій флотъ.

Падемъ же, братіе мои, предъ Господомъ и возблагодаримъ его за побѣду нашу.

Возблагодаримъ не словами, а дѣлами нашими. Какъ хорошъ и любезенъ Богу и людямъ побѣдитель, который не гордится своею побѣдою, а приписываетъ ее помощи свыше! Аминь.

Слово въ первое служеніе послѣ сраженія.

Не даромъ, видно, досталась намъ побѣда, возлюбленные! Я не вижу между вами нѣкоторыхъ: иные изъ нихъ, страдая отъ ранъ—дастъ Богъ,—явятся снова между нами, а иные разстались съ нами на вѣки. Такова участь войны! Такова цѣна побѣды!

И можетъ ли быть иначе? И дѣтскія игры оканчиваются нерѣдко слезами, а у насъ была игра не дѣтская, не дѣтская! Надобно дивиться еще, какъ мало жертвъ беретъ война, судя по ея лютости. Чего не видѣли мы среди сраженія? Это было подобіе ада: и пули, и ядра, и огнь, и вода, и вопли, и стоны... Тутъ можно было лечь многимъ, и однакоже легло не много, да и изъ тѣхъ многіе встанутъ. Отъ чего такъ мало обошлась побѣда? Отъ того, что при помощи Божіей сражались храбро, отъ того, что никто не терялъ духа, каждый безтрепетно дѣлалъ свое дѣло сколько могъ. А сраженіе—вещь чудная!—Въ немъ чѣмъ храбрѣе дѣйствуютъ, тѣмъ менѣе несутъ потерь, а напротивъ, чѣмъ болѣе жалѣютъ себя и прячутся, тѣмъ болѣе теряютъ и падаютъ. И понятно отъ чего. Храбрость скорѣе рѣшаетъ побѣду и

кончаетъ сраженіе, а неповоротливость, тѣмъ паче трусость, длятъ собою сраженіе и умножаютъ жертвы воиновъ.

Помните сіе, возлюбленные, и при будущихъ сраженіяхъ поставьте за правило, если еще не знаете того, что послѣ помощи Божіей, отъ вашей храбрости и мужества зависитъ не только побѣда, но и то, чтобы она стоила какъ можно менѣе жертвъ.

И однакоже жертвы всегда будутъ. Таково, повторимъ, свойство войны! Такова цѣна побѣдъ: побѣда безъ борьбы—не побѣда!

Будемъ ли жалѣть о тѣхъ, смертію коихъ куплена побѣда настоящая? Конечно, мы лишились въ нихъ храбрыхъ сотрудниковъ и товарищей; но они ничего не потеряли, умерли за вѣру, царя и отечество. Что земная жизнь въ сравненіи съ небесною, гдѣ для любящихъ Бога нѣтъ ни печали, ни воздыханія? Одно страшно—умереть нераскаянными грѣшниками, но они, безъ сомнѣнія, умерли съ чувствомъ покаянія, омывши, между прочимъ, какіе были грѣхи, собственною кровію. Кто пролилъ за насъ на крестѣ собственную кровь, Спаситель нашъ, не можетъ не принять той крови, которая за Него пролита, и не можетъ не воздать за нее вѣнцемъ милосердія пролившимъ оную.

Будемъ же покойны за падшихъ сотоварищей нашихъ. Сама Церковь не престанетъ до конца міра возносить молитвы объ упокоеніи душъ ихъ.

Они сдѣлали свое дѣло—легли съ честію, купивъ побѣду. Да поможетъ Господь и намъ, когда придетъ время, не уклониться отъ своего дѣла, подобно имъ. Аминь.

Слово по удаленіи непріятелей изъ Крыма,

сказанное въ Симферополѣ 29 іюня 1856 г.

Нынѣ день и память святыхъ первоверховныхъ Апостоловъ Петра и Павла; посему о нихъ бы надлежало быть и нашей бесѣдѣ съ вами. И какой предметъ могъ бы болѣе представить всѣмъ намъ назиданія, какъ не апостольскіе труды сихъ не человѣковъ, а Ангеловъ во плоти? Петръ—это камень вѣры, какъ назвалъ его Самъ Началовождь и Совершитель нашей вѣры. Павелъ—это труба, вострубив-

шая благовѣстіе во всѣ концы вселенныя, это—молнія, пожегшая и испепелившая всѣ храмы идольскіе, все хврастіе язычества. Самыя затменія этихъ свѣтилъ, подобно какъ затменія тѣлъ небесныхъ, поучительны болѣе свѣта другихъ, и служатъ, посему, безъ сомнѣнія, и допущены Промысломъ, къ исправленію грѣшниковъ, къ ободренію самыхъ отчаянныхъ. Но, при всемъ богатствѣ сего предмета, мы должны обратить рѣчь свою на другое, обратить непроизвольно, а по указанію самаго Промысла. Ибо въ какихъ обстоятельствахъ мы видимся теперь съ вами? Видимся въ первый разъ послѣ прошедшей войны, которая на всѣхъ краяхъ отечества была крайне ощутительна и тягостна, а на вашъ край и на вашъ городъ легла всею тяжестію своею. Итакъ, вотъ предметъ нашего собесѣдованія, предметъ, какъ я сказалъ прежде, не избранный нами произвольно, а данный и указанный свыше.

Я сказалъ: свыше. Да, братіе мои, это первая и послѣдняя мысль, изъ которой проистекаетъ все прочее; это прошедшее, коего мы всѣ были столь близкими свидѣтелями и даже соучастниками, было не слѣдствіемъ какого-либо случая и обстоятельствъ, а двигалось и происходило по манію и подъ перстомъ Всевышняго. Такъ долженъ думать христіанинъ о всѣхъ происшествіяхъ жизни, тѣмъ паче о прошедшей брани, въ коей участвовалъ едва не весь міръ, гдѣ стекалось столько неожиданностей, которыя попутали собою не только весь обыкновенный порядокъ вещей, но и смѣшали самыя понятія и сужденія человѣческія. *(Не окончено).*

Слово по случаю землетрясенія,

бывшаго въ Кіевѣ 11-го января 1838 г.

Призираяй на землю, и творяй ю трястися, прикасаяйся горамъ, и дымятся (Псал. 103, 32).

Подъ конецъ прешедшаго собесѣдованія нашего, я уже коснулся, братіе, необыкновеннаго событія, приведшаго многихъ въ ужасъ и потрясшаго недавно всѣхъ насъ, и указалъ нѣсколько на цѣль его. Но поелику событіе сіе продолжаетъ быть главнымъ предметомъ разглагольствій и въ собраніяхъ и при встрѣчахъ, то я рѣшился послѣдовать общему напра-

вленію мыслей и побесѣдовать нынѣ съ вами о томъ же. Ахъ, сердца слушателей нашихъ такъ рѣдко сотрясаются отъ силы слова нашего, что служителямъ слова должно дорожить тѣми минутами, когда они потрясены хотя чѣмъ-либо!

Но для чего я говорю: *чѣмъ-либо?* Пусть выражается такимъ образомъ мудрость человѣческая; пусть испытатели природы изслѣдываютъ сіе событіе, судятъ, вникаютъ, спорятъ, примиряются, чтобы, наконецъ, остановиться—*на чѣмъ-либо.* Мы говоримъ къ вамъ о имени Того, предъ очами *Коего вся нага и объявлена* (Евр. 4, 13), Коего слова суть ей и аминь (2 Кор. 1, 20), посему можемъ и должны говорить ясно и твердо тамъ, гдѣ земная мудрость не знаетъ, что сказать. Что же мы скажемъ вамъ теперь?—Скажемъ то, что говорилъ Пророкъ, который, можетъ быть, сто разъ видѣлъ сотрясающуюся подъ собою землю, и дымящіяся предъ собою горы, и, что важнѣе, наблюдалъ все сіе во свѣтѣ не собственнаго ума, а лица Божія.—Вы желаете знать причину прошедшаго ужаснаго событія? Вотъ она! *Господь воззрѣлъ*, особеннымъ образомъ воззрѣлъ на землю,—и она сотряслась! Вы думаете, что подобныя событія происходятъ отъ воспламененія огнедышущихъ горъ? Можетъ быть,—но самое воспламененіе горъ есть слѣдствіе того же Божественнаго дѣйствія. Господь прикасается горамъ,—и онѣ дымятся! За чѣмъ останавливаться на вторыхъ причинахъ, когда такъ видна первая? Для чего слагать вину на твореніе, когда причиною Самъ Творецъ?—Онъ Самъ производитъ сіе, и Самъ говоритъ, что Онъ Самъ, а не другой кто, производитъ сіе! *Призираяй на землю, и творяй ю трястися, прикасаяйся горамъ, и дымятся!*

Итакъ, по свидѣтельству Пророка, земля сотрясается, когда Господь призираетъ на нее. Ужели взоръ Господа такъ грозенъ и гнѣвенъ, что земля не можетъ перенести его? Нѣтъ, взоръ сей, по самому существу своему, есть взоръ преблагій и всеоживляющій, посему для Ангеловъ и для душъ праведниковъ нѣтъ большаго блаженства, какъ наслаждаться свѣтомъ лица Божія. На самую землю Господь призиралъ нѣкогда, и она не тряслась, а радовалась и веселилась, ибо Господь видѣлъ, что на ней *вся добра зѣло* (Быт. 1, 31). Чѣмъ же теперь земля согрѣшила предъ Богомъ, что, подобно рабу невѣрному, не можетъ стать предъ

лицемъ Его безъ трепета?—Съ какой стороны ни разсматривайте землю, не найдете вины ея предъ Богомъ и человѣкомъ. Ей велѣно обращаться вокругъ солнца: и не смотря на неизмѣримость сего пути, что можетъ сравниться съ точностію и скоростію ея бѣга?—Ей приказано вращаться вокругъ себя самой, дабы такимъ образомъ производить день и ночь: и когда не было дня или ночи?—Зиму, весну, осень и лѣто,—и когда не достало какого-либо изъ временъ года? За одно можно было бы винить землю,—что она нерѣдко возращаетъ терніе и волчцы тамъ, гдѣ человѣкъ сѣетъ розы и пшеницу. Но и это дѣйствіе не самой земли, а плодъ сѣмянъ отъ запрещеннаго древа, коими человѣкъ засѣялъ все лице земли.

Какою же виною виновна бываетъ земля, что Господь не можетъ воззрѣть на нее безъ гнѣва, а она на Господа безъ трепета?—Виною владыки своего, человѣка. *Проклята земля въ дѣлѣхъ твоихъ* (Быт. 2, 17), сказано Адаму по его преступленіи;—и слово проклятія тотчасъ отразилось на на всѣхъ концахъ земли, проникло всѣ силы и все существо ея, отняло совершенство у всѣхъ ея произведеній, покрыло ее всѣми видами безпорядковъ и нестроеній.

Впрочемъ, и стенящая подъ игомъ проклятія земля, не всегда равно чувствуетъ тяжесть его: недугъ ея, можно сказать, иногда пріемлетъ ослабу, а иногда ожесточается. Легче становится землѣ, когда воды ея освящаются погруженіемъ въ нихъ св. Креста, когда воздухъ оглашается пѣснопѣніями во славу Вседержителя, когда поверхность земли украшается св. храмами. Легче становится землѣ, когда испытатель естества, разсматривая поверхность и нѣдра ея, научается и самъ доходить и другихъ доводить до слѣдовъ премудрости и благости Божіей; когда земледѣлецъ, воздѣлывая ниву, испрашиваетъ ей благословенія Божія; когда вода, омывая нечистоты наши, не пріемлетъ скверны грѣховныхъ; когда воздухъ, наполняемый словами, не поражается словами праздными и гнилыми. Еще легче становится землѣ, когда увеличивается на ней число избранныхъ Божіихъ, кои, сосредоточивая въ себѣ благодать, распространяютъ ее на все ихъ окружающее. Въ такомъ случаѣ, Самъ Господь, призирая на землю и, находя предметы, достойные благоволенія, творитъ ю не трястися, а покоиться.

препоясываться миромъ и радостію. Напротивъ, когда живущіе на землѣ забываютъ живущаго на небесахъ; когда осужденные въ потѣ лица воздѣлывать землю, покрываются потомъ единственно отъ пресыщенія туковъ ея, и, отъ занятія предметами суетными и ничтожными, становятся сами земными и бренными, то землѣ становится тяжелѣе и хуже. А когда среди развращенія земножителей, не находитъ себѣ мѣста и голосъ покаянія, тогда земля, вслѣдъ за растлѣніемъ людей, сама еще болѣе растлѣвается: вопль беззаконій проходитъ облака, восходитъ во уши Господа Саваоѳа и принуждаетъ Его, яко верховнаго Домовладыку обратить взоръ свой на землю. Онъ обращается, но гнѣвный,—и земля трясется,—хотѣла бы, по выраженію Тайновидца, *бѣжать отъ лица Господня* (Апок. 20, 11), но не можетъ. Такъ принужденъ былъ взирать на землю Господь предъ потопомъ, и слѣдствіемъ сего взора была погибель всего живущаго на землѣ; такъ принужденъ Онъ былъ взирать на землю во время столпотворенія Вавилонскаго,—и слѣдствіемъ взора было смѣшеніе языковъ и разсѣяніе всѣхъ людей по лицу земли; такъ взиралъ Господь на землю, обремененную грѣхами Содома и Гоморры,—и Мертвое море на мѣстѣ ихъ осталось на вѣки слѣдомъ сего взора. Такъ воззрѣлъ Онъ на Египтянъ и Фараона въ морѣ Чермномъ, и не осталось никого, кто бы возвѣстилъ о погибели ихъ въ Египтѣ. Такъ воззрѣлъ Онъ на Іерусалимъ, убившій своего Мессію, и послѣ сего—не осталось тамъ камня на камени.

Мы не знаемъ еще слѣдствій недавно бывшаго взора Божія на землю; и дай Богъ, чтобы слухъ нашъ не огласился вѣстію о бѣдствіяхъ, подобныхъ тѣхъ, отъ коихъ не разъ страдали страны, чуждыя намъ! Но поелику и теперь земля вострепетала подъ стопами нашими трепетомъ, явно нерадостнымъ, то безъ сомнѣнія вострепетала отъ взора гнѣвнаго, а поелику взоръ Господа былъ гнѣвенъ, то, конечно, обращенъ на землю, не добродѣтелями человѣческими.—Гдѣ произошло зло? Въ какой странѣ преисполнилась мѣра неправдъ? Откуда подана жалоба на небо? Не знаемъ. Но, и не зная сего, можемъ сказать, что не грѣхи людей, невѣдущихъ истиннаго Бога, произвели сіе: непросвѣщенные свѣтомъ истинной вѣры, они извинительнѣе хри-

стіанъ, невѣрныхъ своей вѣрѣ и закону. Христіанамъ принадлежитъ теперь несчастное преимущество—сильнѣе другихъ народовъ отягощать своими грѣхами землю, чувствительнѣе раздражать ими небо, быть нестерпимѣе для взора правды Божіей.

А когда такъ, братіе, то можемъ ли мы обезвинить въ семъ случаѣ самихъ себя?—Напрасно ли сотряслась земля подъ стопами нашими?—Не опасайтесь, я не буду увеличивать вашихъ грѣховъ, а спрошу только, гдѣ мы живемъ?—Не на тѣхъ ли горахъ, гдѣ впервые возсіяла благодать Божія для всего отечества?—Не у той ли рѣки, которая, по справедливости, можетъ назваться Іорданомъ Россійскимъ?—И, что важнѣе, не у подножія ли цѣлаго сонма Святыхъ Божіихъ, здѣсь нетлѣнно почивающихъ?—Какая добродѣтель не воплощена предъ нами? Въ лицѣ ихъ, можно сказать, самая жизнь вѣчная и будущая низведена предъ нами въ кругъ жизни настоящей, подведена подъ наше зрѣніе и осязаніе. Что же, каковы мы? Много ли во всѣхъ насъ свѣта вѣры? Елея любви? Слезъ покаянія? Нетлѣнія духа?—Скажите сами, какою добродѣтелію мы отличаемся отъ жителей прочихъ градовъ отечественныхъ? Какого порока и соблазна, отъ коихъ страдаютъ прочія страны, нѣтъ у насъ? Суды наши не только свѣтскіе, но и духовные, не отягчены ли множествомъ жалобъ и пререканій? Торжища наши не оглашаются ли шумомъ и нестроеніемъ, бранію и клятвами? Храмы наши не остаются ли нерѣдко пустыми, и когда наполняются въ праздники, то кѣмъ болѣе,—смиренными поклонниками, или презорливыми соглядатаями? Чего бы не могли сказать противу насъ самая земля и самыя горы наши, если бы имъ дано было говорить? Ахъ, сказали бы онѣ, мы тяжко страдали, когда вершины наши покрыты были истуканами Перуновъ и Волосовъ, и думали опочить, когда они украсятся храмами Бога истиннаго: идолы пали, храмы воздвиглись, но люди—тѣ же?..

Перестанемъ же, братіе, носиться мыслію по лицу вострепетавшей земли, и приникнемъ въ вострепетавшую совѣсть нашу: она яснѣе скажетъ намъ, гдѣ источникъ гнѣва небеснаго, гдѣ вулканъ огнедышущій? Здѣсь, въ нашемъ сердцѣ! Здѣсь—въ нашихъ страстяхъ! Посмотри на себя каждый во время гнѣва: не пламенѣетъ ли лице, не горитъ

ли кровь твоя, какъ отъ огня?—Посмотри на себя въ припадкѣ зависти: не блѣднѣешь ли ты, какъ бы подъ тобою открывалась бездна? Посмотри на себя въ припадкѣ скупости: не трясется ли рука твоя отъ малой монеты для нищаго, какъ бы подъ тобою колебалась земля? Что же удивительнаго, владыка земли, если подвластная тебѣ область подражаетъ твоему примѣру и отражаетъ въ себѣ твой образъ?

Удивительно то, что страшный безпорядокъ стихій не научитъ насъ доселѣ дорожить порядкомъ въ кругѣ своей жизни, что мятущаяся подъ стопами нашими земля не принудитъ насъ быть твердыми и непобѣдимыми въ законѣ Господнемъ. Въ самомъ дѣлѣ, много ли слѣдовъ оставило и прошедшее землетрясеніе не въ землѣ и домахъ, а въ совѣсти и душахъ нашихъ? Градоправительство радуется, что жилища наши цѣлы, а Церковь сѣтуетъ, что сердца не сокрушились. Ибо чѣмъ отозвались мы на гласъ Божій, такъ грозно возгремѣвшій предъ сотрясеніемъ земли нашей? Одинъ говоритъ: «я устремился тогда посмотрѣть на часы, или барометръ»; другой: «я поспѣшилъ взять такую-то вещь, дабы бѣжать вонъ изъ дома»; третій: «я вообразилъ, что въ моемъ домѣ произошелъ ужасный пожаръ»; четвертый: «я преданъ былъ въ это время сну»... Творецъ неба и земли! Итакъ, Ты мало сотрясъ подъ нами землю, ибо мы не пробудились! Призри снова на нее, призри грознѣе, да сотрясутся вмѣстѣ съ землею души и сердца наши! Коснись еще горамъ, да воздымятся сильнѣе, и принудятъ насъ возвести очи свои къ небу! Но, Боже праведный, моему ли гласу перекать безднамъ милосердія твоего?—Если Ты укротилъ гнѣвъ Свой, то, безъ сомнѣнія, узрѣлъ, что и между нами не всѣ погружены были въ сонъ нечувствія, что и между нами нашлись люди, кои за себя и за насъ воздѣли къ Тебѣ чистыя руки свои.

А между тѣмъ, братіе, далеко ли всѣ мы отстояли тогда отъ послѣдняго часа жизни? Долго ли было обрушиться жилищамъ нашимъ и погребсти насъ подъ развалинами?—Что было бы тогда съ нами? Какъ предстали бы мы на судъ? Что изрекли бы въ свое оправданіе?—Что мы восхищены внезапно?—Но можетъ ли быть внезапность для тѣхъ, коимъ съ младенчества твердятъ непрестанно о необходимости спа-

сенія, кои сами, изъ безчисленныхъ случаевъ, знаютъ, что нѣтъ и не можетъ быть завѣта съ смертію?

Опасность прошла, земля паки отвердѣла подъ стопами нашими, но надолго ли? Кто поручится, что Господь паки не призритъ на нее окомъ правды и суда?—И одно ли потрясеніе земли можетъ прервать нить жизни нашей?—Ахъ, она рвется нерѣдко отъ слабаго дыханія вѣтра.

Будемъ же благоразумны и перестанемъ быть врагами самихъ себя. Скоро отверзется предъ всѣми дверь покаянія. Поспѣшимъ войти въ нее, всѣ, навсегда, невозвратно. Когда, омытые слезами покаянія, мы примиримся съ Богомъ и своею совѣстію. тогда ничто не возмутитъ покоя души нашей, тогда хотя бы горы прелагались въ глубины морскія, хотя бы досталось идти намъ посреди сѣни смертной (а непремѣнно каждому достанется когда-либо), мы не убоимся зла; ибо Господь, Самъ Господь, будетъ съ нами и за насъ. Аминь.

Слово предъ молебствіемъ, по случаю чрезвычайной засухи и пожаровъ земныхъ, мрака и дыма въ воздухѣ,

сказанное въ вологодскомъ Успенскомъ соборѣ.

Наконецъ, братіе мои, насъ всѣхъ учитъ само небо!—И какъ учитъ? какъ учило нѣкогда древнихъ Египтянъ—огнемъ и мракомъ! Странное и страшное зрѣлище! Мы со всѣхъ сторонъ окружены огнемъ, и въ то же время покрыты—тьмою! Страждемъ отъ засухи, и не видимъ солнца! Таковъ гнѣвъ небесный! Таковъ и здѣсь—во времени, на землѣ милосердія; что̀ же будетъ тамъ—въ странѣ воздаяній, гдѣ во всей силѣ воздѣйствуетъ законъ суда и правды?

Но точно ли надъ нами гнѣвъ небесный? Не случай ли это и неблагопріятное стеченіе причинъ естественныхъ?—Ахъ, можетъ ли быть случай тамъ, гдѣ все движется подъ перстомъ Всемогущаго и Всевѣдущаго?—Что такое природа, со всѣми ея силами, какъ не видимое и разнообразное облаченіе единой невидимой силы творческой? Если въ дому благоразумнаго домовладыки не можетъ произойти ничего важнаго безъ его вѣдома и воли, тѣмъ паче—вопреки его намѣреніямъ: то можетъ ли быть что-либо подобное въ дому Домовладыки небеснаго, Который вездѣ

есть и все исполняетъ Своимъ существомъ и силою? И если мрачное чело и грозный видъ домовладыки служатъ вѣрнымъ признакомъ, что въ дому есть нѣчто, для него нетерпимое: то мрачный видъ нашего неба, пылающее лице нашей земли не ясно ли сказываютъ намъ, что среди насъ и въ насъ есть нѣчто такое, на что Царь неба и земли не можетъ взирать безъ гнѣва?

Что такое именно? Это довѣдомо Ему единому. Для насъ довольно знать, первое—что всякій грѣхъ есть мерзость предъ очами святости Божіей, а мы всѣ грѣшники, и нѣтъ грѣха, коего не нашлось бы между нами; втрое—что для отвращенія гнѣва небеснаго нѣтъ другаго средства у грѣшниковъ, кромѣ покаянія и исправленія своей жизни. Посему, прежде нежели приступимъ къ престолу Благодати и дерзнемъ воздѣть руки съ моленіемъ объ отвращеніи казни, насъ облежащей, обратимся къ себѣ самимъ, приникнемъ въ нашу внутренность и посмотримъ, что тамъ?—каковъ воздухъ въ нашей душѣ?—какова земля нашего сердца?—нѣтъ ли и здѣсь мрака и тьмы, и—можетъ быть—египетской?—нѣтъ ли и здѣсь засухи и окамененія,—можетъ быть—вавилонскаго?—нѣтъ ли здѣсь огня и пламени,—можетъ быть—адскаго?

Намъ даны всѣ средства къ тому, чтобы не оставаться въ духовной тьмѣ, выйти изъ естественнаго невѣдѣнія о Богѣ и душѣ, объ участи, ожидающей насъ за гробомъ, и о средствахъ къ нашему вѣчному спасенію; солнце откровенія Божественнаго всегда надъ главою нашею; книга слова Божія всегда въ рукахъ нашихъ; Церковь, сіе училище Божіе, открыта со всѣхъ сторонъ каждому: читай и поучайся, слушай и поучайся, смотри и поучайся. Кругомъ свѣтъ и истина. Но много ли свѣтлыхъ и богопросвѣщенныхъ?—Посмотрите на милліоны собратій въ низкой долѣ и спросите ихъ о чемъ-либо, касающемся вѣры и упованія христіанскаго; они вмѣсто отвѣта скажутъ вамъ: мы люди темные! Обратитесь къ людямъ, такъ называемымъ, образованнымъ, заговорите съ ними о пути ко спасенію, Самомъ Спасителѣ; рѣдко не окажется, что и они, при всѣхъ дарованіяхъ, при всѣхъ, часто обширныхъ, познаніяхъ въ земномъ,—въ отношеніи къ небесному—люди темные! Кругомъ тьма и невѣдѣніе! Отъ чего? Отъ того, что не хотятъ

озаряться свѣтомъ небеснымъ; отъ того, что не почитаютъ нужнымъ знать, что̀ будетъ съ ними за гробомъ; отъ того, что все читали и изучали сто разъ, и, можетъ быть, ни разу не брали въ руки Библіи и книгъ церковныхъ.

Въ правѣ ли же мы, когда внутри насъ такая тьма, требовать, чтобы внѣ насъ всегда было свѣтло и ясно? Не скорѣе ли должно желать, чтобы совершенно померкъ, хотя на время, всякій свѣтъ чувственный, дабы вспомнили, что есть свѣтъ духовный, и начали имъ пользоваться?

Намъ даны всѣ силы и средства, *потребныя къ животу и благочестію,* къ тому, чтобы мы въ семъ вѣкѣ были тверды и непоступны въ истинѣ,—жили праведно, цѣломудренно и благочестно, и являлись плодоносны во всякомъ благомъ дѣлѣ. Для сего облака̀ дарованій духовныхъ всегда носятся надъ землею сердецъ нашихъ; роса благодати всегда готова къ ихъ освѣженію; въ сѣменахъ духовныхъ ни для кого нѣтъ недостатка; самыя бразды въ душѣ и сердцѣ во множествѣ проводятся невидимою рукою Провидѣнія,—посредствомъ событій въ жизни нашей. Какъ бы не прозябать благимъ мыслямъ и чувствамъ! Какъ бы не цвѣсти въ насъ вѣрѣ и любви христіанской! не зрѣть плодамъ смиренія, милосердія. чистоты и правды!—Но осмотритесь кругомъ себя: гдѣ святость мыслей и чистота намѣреній? гдѣ подвиги любви и самоотверженія? гдѣ плоды правды? Вездѣ сухость и безплодіе, тернъ на тернѣ, камень на камени?—Отъ чего? Отъ того, что преданы плоти и крови, работаютъ всѣмъ существомъ міру и его похотямъ; а попеченіе о единомъ на потребу, о душѣ и совѣсти считаютъ, если только считаютъ, самымъ послѣднимъ изъ своихъ попеченій. Ахъ, если бы хотя сотая часть того времени и труда, кои иждиваются на воздѣланіе полей, на усовершенствованіе домашней экономіи, на забавы и удовольствія, употреблялась на воздѣланіе души безсмертной: далеко не то было бы съ нашими нравами и жизнію!

Послѣ сего въ правѣ ли мы требовать, чтобы попираемая стопами нашими земля была лучше духа и сердца нашего? чтобы она постоянно разверзала нѣдра и возвращала намъ сѣмена сторицею, когда мы *заключаемъ утробу при видѣ брата* бѣдствующаго (Іоан. 3, 17)? Не должно ли, напротивъ, желать, чтобы, хотя по временамъ, стихіи отка-

зывались служить намъ, чтобы изсякали источники всѣхъ чувственныхъ прибытковъ и удовольствій, дабы мы перестали упиваться изъ нихъ на погибель душѣ своей и вспомнили о водѣ, текущей въ жизнь вѣчную?

У христіанина, наконецъ, есть средство къ пресѣченію самаго пламени страстей своихъ—это благодать Духа Святаго! къ угашенію самаго огня гнѣва небеснаго—это кровь Сына Божія, нашего Искупителя!—Какого искушенія препобѣдить, какого врага нельзя преодолѣть съ помощію Духа Вседержителя? Какой правдѣ удовлетворить, какого грѣха очистить нельзя посредствомъ искупительной крови Агнца Божія? Оставалось бы только окропляться въ духѣ вѣры сею кровію; и мы были бы бѣлы, какъ снѣгъ; и всѣ неправды наши были бы заглаждены на вѣкъ. Оставалось бы только облекаться силою благодати свыше, дѣйствовать всеоружіемъ духовнымъ, намъ даннымъ: и мы были бы цѣлы, крѣпки и неприступны. А мы, если и являемся во время исповѣди предъ зерцало правды Божіей, то необлеченные въ силу заслугъ Христовыхъ, съ чувствомъ лжеправедности фарисейской, а не въ духѣ мытаря и разбойника благоразумнаго: оттого и отходимъ безъ истиннаго мира въ совѣсти, безъ божественнаго глагола прощенія въ душѣ. А мы, если и покушаемся иногда стать противъ искушенія на грѣхъ, то употребляемъ для сего однѣ силы, или лучше сказать, одну немощь своего ума и совѣсти: оттого падаемъ непрестанно и разбиваемся въ прахъ. И такъ поступаютъ еще лучшіе изъ насъ; а какъ поступаетъ бо́льшая часть?—При малѣйшей искрѣ соблазна, вмѣсто того, чтобы гасить пламень грѣховный, раздуваютъ его всѣми способами, обращаютъ въ пожаръ сердечный, и—объятые съ ногъ до главы огнемъ, вмѣсто того, чтобъ вопіять о помощи небесной, веселятся и торжествуютъ подобно лишеннымъ ума; и, сожженные наконецъ въ своей совѣсти, съ торжествомъ возсѣдаютъ на развалинахъ и пеплѣ храма души своей.

И мы удивляемся послѣ сего, какъ око неба помрачается негодованіемъ, какъ лице земли воспламеняется гнѣвомъ! Подивимся скорѣе, какъ солнце можетъ сносить зрѣлище всѣхъ нечистотъ и злодѣяній, кои принуждено освѣщать ежедневно и ежеминутно! Какъ земля не изнеможетъ подъ тяжестію неправдъ человѣческихъ, и, послѣдуя примѣру

своего жителя и владыки, сама не уклонится съ пути вокругъ солнца! Какъ воздухъ, непрестанно наполняемый словами гнилыми и зловредными, не растлится въ конецъ отъ нечистаго нашего дыханія! Какъ наконецъ всѣ стихіи, непрестанно всякимъ образомъ злоупотребляемыя человѣкомъ, исторгаемыя изъ своего чина, уклоняемыя отъ своей цѣли, не выйдутъ наконецъ совершенно изъ порядка, имъ назначеннаго, не возстанутъ противъ своего притѣснителя, не устремятся на всеобщаго возмутителя, не разразятся всегубительствомъ надъ главою врага Божія!—И не будемъ думать, что силы природы, насъ окружающей, безчувственны, а потому для нихъ все равно, какъ мы ни поступаемъ съ ними; нѣтъ, въ мірѣ Божіемъ—все жизнь и дѣйствіе, вездѣ чувство и смыслъ. Апостолъ слышалъ нѣкогда, какъ вся тварь (замѣтьте выраженіе—*вся тварь*) стонетъ и воздыхаетъ отъ того, что человѣкъ своимъ грѣхопаденіемъ лишилъ ее свободы чадъ Божіихъ и повергъ въ тяжкую работу суетѣ и тлѣнію. Воздыхаетъ, но не выходитъ изъ повиновенія человѣку, заставившему ее томиться въ узахъ; воздыхаетъ, но продолжаетъ работу самой суетѣ. Почему? Потому что такъ заповѣдано ей Тѣмъ, Кто не хощетъ смерти грѣшника, но даетъ ему время, *во еже обратитися и живу быти.*

Въ силу сего закона милосердія, безъ сомнѣнія, и теперь мракъ, насъ облежащій, разсѣется, и мы паки узримъ солнце во всей лѣпотѣ его; но что узритъ сіе солнце въ насъ? Узритъ ли хотя единую слезу покаянія на лицахъ нашихъ? Узритъ ли какое-либо бѣдное семейство, какого-либо безпомощнаго сироту, взятыхъ на попеченіе богачемъ? Узритъ ли раздраннымъ рукописаніе бѣднаго должника, не имущаго чѣмъ воздать заимодавцу? Узритъ ли слугу, преставшимъ терпѣть отъ жестокости и прихотей своего господина? Узритъ ли храмы Божіи болѣе полными, таинства болѣе пріемлемыми и чтимыми, домашнюю молитву болѣе наблюдаемую? Узритъ ли менѣе шумныхъ полночныхъ игръ, убивающихъ душу и тѣло, честь и состояніе? менѣе кощунства и словъ праздныхъ?...—Безъ сомнѣнія, и земля перестанетъ горѣть вокругъ насъ; ибо еще не наступилъ тотъ страшный часъ, когда *стихіи сжигаемы разорятся: и земля со всѣми дѣлами, яже на ней, сгоритъ* (2 Петр. 3, 10). Но что будетъ съ тѣ-

ми плодами, кои она паки начнетъ износить изъ нѣдръ своихъ? съ плодами, омытыми потомъ и слезами бѣднаго земледѣльца?—Не отымутся ли они, по прежнему, нещадно отъ гладныхъ устъ его семейства? Не пойдутъ ли въ пищу роскоши и прихотей? Не отдадутся ли за предметы совершенно безполезные и даже душевредные? Не поставятся ли прямо въ цѣну беззаконія и соблазна?

Не на устыденіе и укоризну, а въ поученіе и общее назиданіе говорю сіе; говорю по необходимости: среди огня гнѣва небеснаго, коимъ окружены мы, нельзя быть хладнымъ свидѣтелемъ неправдъ человѣческихъ. И кто же возглаголетъ, когда мы умолчимъ? И какъ молчать, когда само небо и земля вопіютъ противу насъ? Завѣса мрака равно простерта десницею всемогущею надъ проповѣдающимъ, какъ и надъ слушающими. Всѣмъ должно смириться; всѣмъ должно осмотрѣться! Возвѣстите, что̀ подлежитъ въ насъ исправленію, и мы съ радостію приложимъ слухъ словамъ вашимъ. И безъ того мы чувствуемъ вполнѣ недостоинство наше; и—сошедши съ сего мѣста, на которое заставилъ войти насъ долгъ званія нашего, готовы стать у прага церковнаго и воззвать съ мытаремъ: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному!* Но, доколѣ стоимъ здѣсь, мы должны вѣщать истину, какъ бы ни была она непріятна для чувственности; и горе намъ, если мы измѣнимъ гласу ея въ то время, когда самыя стихіи предваряютъ нашу проповѣдь!

Итакъ, братіе мои, если вы, тронувшись не силою нашего скуднаго слова, а всемощнымъ гласомъ Того, Кто повелѣлъ небу и земли вѣщать ко всѣмъ намъ огнемъ и мракомъ, рѣшитесь отселѣ быть внимательнѣе къ дѣлу вашего спасенія, исправить и въ жизни, и въ нравахъ, и въ образѣ мыслей вашихъ то, что̀ противно Евангелію, не согласно съ уставами вѣчной правды Божіей, пагубно для собственной души вашей: то мы смѣло приступимъ къ престолу благодати, начнемъ съ дерзновеніемъ толкать въ двери милосердія; и можемъ быть увѣрены, что намъ не будетъ отказано въ милосердіи. А если... Но ваши взоры, ваши вздохи, ваши слезы, все ваше положеніе показываетъ, что мы не напрасно собрались сюда, что десница Божія, на насъ отяготѣвшая, достигла своей цѣли, что гнѣвъ небесный проникъ дѣйствіемъ своимъ до глубины душъ и сердецъ, что каждый

изъ насъ вполнѣ чувствуетъ важность настоящихъ минутъ и не забудетъ ихъ во всю свою жизнь. Да предначнется же молитва сердецъ смиренныхъ и духа сокрушеннаго!— Да возгласится покаянный псаломъ царя Израилева, столь приличный нашему положенію! Да отверзутся царскія двери милосердія!

Господи и Владыко живота и смерти нашей! если мы дерзаемъ въ настоящій часъ стать предъ Тобою, подобно Аврааму, съ молитвою за градъ сей и страну нашу: то дерзаемъ, надѣясь не на чистоту нашихъ собственныхъ молитвъ, а на то, что уже зримъ предъ Тобою стоящаго за насъ великаго Ходатая и Посредника неба и земли, возлюбленнаго Сына твоего, Искупителя нашего. О имени Его отверзаемъ предъ Тобою уста нечистыя, и воздѣваемъ къ Тебѣ руки непреподобныя. Призри на насъ сквозь пречистыя язвы Сына Твоего и повели солнцу Твоему возсіять на насъ, повели огню угаснуть, и землѣ воспріять прохладу и свѣжесть. Сотвори надъ нами сіе *знаменіе во благо,* да увѣмы, что Ты единъ Господь и Владыка всяческихъ, *Ты убіеши и жити сотвориши.* Аминь.

Слово предъ покаяннымъ молебствіемъ по случаю необыкновенно частыхъ пожаровъ, бывшихъ въ Харьковѣ,

сказанное въ харьковскомъ каѳедральномъ соборѣ, іюля 15 дня 1845 г.

Гласъ Господень на водахъ, гласъ Господень въ крѣпости, гласъ Господа, сокрушающаго кедры, гласъ Господа, пресѣцающаго пламень огня (Псал 28).

Итакъ, между разными гласами Божіими св. Давидъ слышалъ нѣкогда и гласъ Господа, *пресѣцающаго пламень огня...* О, если бы и надъ нашимъ градомъ раздался теперь сей гласъ вожделѣнный!... Ибо, какъ ни многочисленны и ни громки гласы, еженощно по всѣмъ стогнамъ возносящіеся отъ земли нашей, но ни одинъ изъ нихъ не можетъ пресѣчь пламени огня. Какихъ мѣръ предосторожности не употребляетъ бдительное начальство?—но огонь возгорается.—Кто самъ не стережетъ собственнаго дома?—но огонь возгорается. Лютая стихія какъ бы нарочно посмѣвается всѣмъ усиліямъ нашимъ не дать мѣста ей. Коль многіе

изъ пострадавшихъ отъ ярости ея собственными слезами продолжаютъ обливать теперь тѣ развалины, коихъ не могли спасти отъ пламени цѣлые потоки водъ, на нихъ излитыхъ. А непострадавшіе отъ огня мучатся ежечасно отъ воображенія близкой опасности и возможныхъ потерь, такъ что никто не можетъ спокойно возлечь на одръ нощной. Волею, посему, или неволею, но всѣмъ и каждому, подражая Псалмопѣвцу, приходится возвесть *очи* свои *въ горы* и, отложивъ надежду на одни средства человѣческія, ожидать помощи *отъ Господа, сотворшаго небо и землю* *). Если Онъ возглаголетъ, то всѣ стихіи умолкнутъ; и огонь, по прежнему, будетъ смиренно освѣщать и согрѣвать домы наши, не разрушая ихъ до основанія и не лишая жителей, вмѣстѣ съ кровомъ, хлѣба насущнаго.

Но кто мы, чтобы ради насъ возглаголалъ Самъ Господь гласомъ, пресѣпающимъ пламень огня? Во времена древнія были по крайней мѣрѣ люди, столь видимо близкіе ко Господу, что къ нимъ, яко къ наперсникамъ и другамъ Божіимъ, съ увѣренностію можно было обращаться во всякой нуждѣ и обстояніи, да станутъ предъ престоломъ правды Божіей и воздѣяніемъ преподобныхъ рукъ своихъ преложатъ гнѣвъ небесный на милость. Между нами,—за грѣхи наши,—не видно таковыхъ избранныхъ; а если и есть они, то сокрываются въ *тайнѣ лица* Божія отъ *мятежа человѣческа* (Псал. 30, 21). Посему, при всей нечистотѣ нашей, остается самимъ намъ обратиться къ небу и начать толцать въ двери милосердія. И мы сдѣлаемъ сіе, братіе мои, по долгу званія нашего.

Но, что если Господь при семъ случаѣ и съ нами, какъ съ древними израильтянами, восхощетъ сотворить прю и судъ праведный? Въ нуждахъ и обстояніяхъ вашихъ, скажетъ Онъ, вы обращаетесь ко Мнѣ за помощію; а среди довольства и радостей вашихъ забываете Меня, яко не сущаго.—Когда стихіи Мои возстаютъ на васъ, вы спѣшите въ храмъ Мой и падаете предо Мною во прахъ; а когда силы природы служатъ и покорствуютъ вамъ, то, вмѣсто храмовъ, неудержимо стремитесь въ домы игръ и увеселеній, для поклоненія кумиру гордости житейской. Меня, ва-

*) Концертъ изъ псалма сего былъ пѣтъ на литургіи, предъ молебствіемъ.

шего Владыку и Господа, хотите видѣть къ вамъ всегда человѣколюбивымъ и милостивымъ; а сами, будучи прахъ и пепелъ, постоянно являетесь злы и жестокосерды къ собственнымъ собратіямъ вашимъ. Прихóдите въ отчаяніе отъ пламени, поядающаго тлѣнные кровы ваши; и ни во что ставите пламень страстей, отъ коего истлѣваютъ души и сердца ваши. Боитесь и трепещете огня временнаго, который, сколько бы ни свирѣпствовалъ, самъ по себѣ не можетъ не угаснуть; и остаетесь хладны и равнодушны къ тому ужасному огню геенскому, который, разъ возгорѣвшись, не угаснетъ во вѣки вѣковъ. Я ли не доказалъ Моей любви къ вамъ, когда за васъ, грѣшниковъ сущихъ, предалъ на смерть единороднаго Сына Моего? Но гдѣ чувство благодарности? Гдѣ попеченіе о собственномъ вашемъ спасеніи? Домы ваши исполнены нечистоты и похотей вреждающихъ; торжища ваши мятутся крамолою и лукавствомъ; судилища ваши стонутъ отъ тяжести неправдъ и пререканій, даже между единокровными; въ самые храмы Мои вы вносите съ собою духъ презорствъ и молву суетъ житейскихъ. Что же послѣ сего дѣлать правдѣ Моей? Что остается дѣлать самому милосердію Моему? Ужели попустить вамъ ниспадать ненаказанно въ бездну страстей, дабы потомъ нисринуться навсегда во глубину адову?—Когда дары и благословенія Мои не дѣйствуютъ на васъ, то не довлѣетъ ли употребить огонь и желѣзо, да рана не содѣлается неисцѣльною? Не такъ ли поступаютъ съ вами собственные врачи ваши? Вмѣсто ропота и жалобъ, вамъ подобало бы пасть ницъ предо Мною и возблагодарить, что милосердіе Мое не забываетъ васъ, недостойныхъ, и хотя гласомъ прещенія и огня, но гремитъ во уши ваши, да воспрянете отъ сна грѣховнаго. Бѣдствія, Мною посылаемыя, суть знакомъ гнѣва Моего на ожесточенныхъ, но въ то же время знаменіемъ любви, взыскующей заблудшихъ. Блюдитесь противнаго,—да не будете ненаказанно оставлены на жертву собственныхъ страстей вашихъ! Горе грѣшнику, отвергнутому Моею благодатію!

Скажите, братіе мои, что противурещи, если Господь возглаголетъ къ намъ симъ гласомъ суда и прещенія? Древніе израильтяне въ подобномъ случаѣ могли указать по крайней мѣрѣ на приверженность свою къ обычаямъ своихъ предковъ,

на усердіе ко храму іерусалимскому, на множество жертвъ ими приносимыхъ, на посты и празднества свои. Мы что речемъ и на что укажемъ? Святые обычаи предковъ или преданы у насъ совершенному забвенію, или служатъ предметомъ глумленія и пересудъ неразумныхъ; храмы наши, если и посѣщаются нами изрѣдка, то большею частію не для молитвы, а изъ одного приличія, и видятъ въ насъ не грѣшниковъ кающихся, а людей надменныхъ своею породою и богатствомъ, видимо готовыхъ, еслибъ было возможно, вступить въ прю съ Самимъ Господомъ храма, такъ что для славы селенія Его должно желать иногда не присутствія, а отсутствія нашего. Жертвы наши Богу—гдѣ онѣ? Твердимъ, что Господу надобно приносить въ жертву свое сердце, и подъ симъ предлогомъ въ продолженіе цѣлаго года не употребимъ во славу имени Его и единаго пѣнязя, расточая въ то же время сотни и тысячи, стоившія пота и слезъ подручнымъ нашимъ, на безумныя прихоти, на игры и увеселенія. О постахъ нашихъ, думаю, и вы не присовѣтуете упоминать предъ Господомъ: ибо они давно не существуютъ для многихъ изъ насъ. Что же рещи? Не указать ли на наше умѣнье жить въ свѣтѣ и ловкость въ обращеніи, на нашу способность перенимать все иноземное, будь оно самое безразсудное? Не упомянуть ли развѣ о томъ, какъ мы умудрились чужое дѣлать своимъ, скрывать самую очевидную истину въ неправдѣ, наводить подозрѣніе и тамъ, гдѣ вовсе нѣтъ его, ставить брату сѣти и невинности соблазны? Но, увы, Господь давно видитъ все сіе! За сіе-то, безъ сомнѣнія, и лишены мы Его благословенія, и можемъ подлежать еще большимъ бѣдствіямъ, если не очувствуемся по случаю золъ, насъ обышедшихъ, и не обратимся на путь истины и правды.

Что же намъ дѣлать и что рещи? Остается возопить съ пророкомъ: *Тебѣ,* Господи, *правда, намъ же стыдѣніе лица* (Дан. 9, 7). Остается признаться и исповѣдать со Псалмопѣвцемъ: *благо намъ, яко смирилъ еси насъ, да научимся оправданіемъ Твоимъ* (Псал. 118, 71). Остается, наконецъ, поступить такъ, какъ поступили нѣкогда ниневитяне. Они были подобные намъ грѣшники; но когда пророкъ изрекъ имъ гнѣвъ отъ лица Божія, то, смиренно признавъ неправды свои, тотчасъ облеклись всѣ во вретища, посыпали пепломъ

главы, заповѣдали постъ и обратились къ молитвѣ. За такое смиреніе, не смотря на множество грѣховъ, Господь услышалъ ихъ: Ниневія спаслась отъ неминуемой погибели. Облечемся и мы, если не во вретище и пепелъ, то въ смиреніе и исповѣданіе грѣховъ своихъ; отложимъ роскошь и прихоти; и, призвавъ на помощь Матерь Божію и святыхъ угодниковъ, станемъ предъ симъ престоломъ и речемъ изъ глубины души: Господи и Владыко живота нашего. Судіе праведный и милостивый, буди благословенно имя Твое! Благодаримъ Тебя, что Ты не забываешь насъ, чадъ строптивыхъ и развращенныхъ, и хотя страшнымъ гласомъ огня, но продолжаешь глаголать къ намъ, да престанемъ отъ грѣховъ нашихъ. Еже навелъ еси на насъ, судомъ и правдою навелъ еси. Смиренно исповѣдуемъ, что мы беззаконіями и нераскаянностію своею заслужили стократъ большаго прещенія и казней. Но, Премилосердый, наказавъ ожесточенныхъ, пощади кающихся; явивъ грозную десницу, покажи и милующую! Отнынѣ мы не будемъ болѣе раболѣпствовать страстямъ нашимъ; и какъ служили міру и похотямъ грѣховнымъ, такъ послужимъ Тебѣ, нашему Владыкѣ и Создателю. Въ домахъ и жилищахъ нашихъ не будетъ прежней нечистоты и похотей несмысленныхъ; на торжищахъ нашихъ не услышатся болѣе крамолы и лукавства; мѣста увеселеній не отвлекутъ насъ отъ храмовъ Твоихъ; не пойдемъ болѣе въ судилища для притѣсненія невинныхъ, а поспѣшимъ напротивъ въ жилища нищеты для оказанія помощи страждущимъ братіямъ нашимъ. Ей, Господи, точію благодать Твоя да не отступитъ отъ насъ, а мы, помилованные, употребимъ всѣ силы и средства наши, да не явимся недостойны милосердія Твоего!

Съ сею молитвою, братіе мои, если она будетъ происходить отъ сердца чистаго, мы, хотя и грѣшники, можемъ стать предъ престоломъ небеснаго Владыки съ надеждою быть услышаны. Ибо чего ищетъ Господь нашъ, и благословляя насъ дарами счастія, и посѣщая жезломъ гнѣва Своего, какъ теперь? Ищетъ единаго,—да воспрянемъ отъ сна грѣховнаго, да обратимся къ Нему и начнемъ содѣлывать дѣло нашего спасенія. Посему, если мы обратимъ лице свое ко Господу, и докажемъ истину обращенія дѣлами благими—исправленіемъ нашихъ нравовъ и жизни: то и Господь не умедлитъ обратить лица Своего къ намъ, и возгла-

голать гласомъ, *преспѣющимъ пламень огня,* насъ обышедшаго.

Да услышатъ же сіе всѣ и не сущіе теперь съ нами здѣсь, жители града нашего! Да поспѣшатъ оградить домы свои не стражею токмо внѣшнею, а прежде и паче всего молитвою, покаяніемъ и благотворительностію къ бѣднымъ! да приложатъ попеченіе истребить въ домахъ своихъ не только все могущее служить пищею и возбужденіемъ для огня вещественнаго, но и то, отъ чего возгарается огонь страстей, что служитъ предметомъ гнѣва небеснаго! Мы еще только боимся опасности и потерь, а нѣкоторые уже понесли ее и, можетъ быть, не имѣютъ никакой собственности, кромѣ не охладѣвшаго еще пепла. Да обрящутъ таковые пособіе у имущихъ и могущихъ преложить плачъ ихъ въ радость! Это будетъ наилучшею порукою нашего покаянія предъ Богомъ и вмѣстѣ вѣрнѣйшимъ средствомъ преложить ко всѣмъ намъ гнѣвъ Божій на милость. Ибо милость небесная ничѣмъ такъ благонадежно не привлекается и такъ прочно не сохраняется, какъ молитвою, смиреніемъ и милосердіемъ къ бѣднымъ. Аминь.

ПАДЕНІЕ АДАМОВО.

Слово въ недѣлю сыропустную

ОГЛАСИТЕЛЬНОЕ.

Если когда, братіе мои, довлѣло бы намъ начать бесѣду съ вами не словами, а воздыханіемъ и слезами, то въ настоящій день, когда святая Церковь воспоминаетъ и оплакиваетъ злополучное грѣхопаденіе прародителей нашихъ, а въ лицѣ ихъ и всего рода человѣческаго, слѣдовательно—каждаго изъ насъ.

Паденіе Адамово!... Когда произносишь слова сіи, то кажется, весь міръ возстаетъ противъ тебя: со всѣхъ сторонъ несутся вопли, стоны и упреки; всюду представляются потоки крови и слезъ, нами пролитыхъ; все злое и преступное—въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ—является на лице и требуетъ за себя отвѣта; небо и земля, солнце и звѣзды, растенія и животныя идутъ на судъ противъ тебя и говорятъ: ты лишилъ насъ первобытнаго совершенства!

Въ самомъ дѣлѣ, братіе мои, не это ли злополучное грѣхопаденіе прародителей нашихъ низринуло съ высоты богоподобія и блаженства и повергло во прахъ и тлѣніе весь родъ человѣческій? Не оно ли помрачило благолѣпіе и возмутило порядокъ всей видимой вселенной, измѣнило первоначальное опредѣленіе о насъ Творца, лишило всѣ твари земныя ихъ совершенства первобытнаго и сдѣлало наконецъ необходимымъ то, что *земля* и всѣ, *яже на ней, дѣла* (2 Петр. 3, 10) должны нѣкогда сгорѣть, солнце и луна—померкнуть, звѣзды яко листвіе спасть съ небесе и силы небесныя подвигнуться (Матѳ. 24, 29)? Не оно ли наконецъ нарушило, въ нѣкоемъ отношеніи, величественный

покой седьмаго дня для Самого Творца, побудило Всемогущаго къ новымъ чудесамъ любви и премудрости и какъ бы къ новому творенію, заставило Сына Божія сойти съ неба на землю, облечься бѣдною плотію человѣческою, претерпѣть уничиженіе и муку и умереть за насъ на крестѣ? Ужасно было паденіе Ангеловъ; но грѣхопаденіе человѣка, по его злополучнымъ послѣдствіямъ для всего міра, могло быть еще ужаснѣе, если бы въ безднахъ премудрости и любви Божіей не обрѣлось средства возставить насъ отъ паденія.

Но какъ ни злополучно было паденіе въ раю Адама, оно въ то же время есть мое собственное паденіе. Напрасно хотѣлъ бы я разлучиться на сей разъ съ прародителемъ моимъ: союзъ природы связуетъ меня неразрывно.—Напрасно, происшедъ на свѣтъ послѣ многихъ поколѣній, хотѣлъ бы я потому усумниться въ моемъ участіи во грѣхѣ эдемскомъ: казнь, мною несомая, непрестанно напоминаетъ мнѣ о немъ.

Какая казнь?—Увы, самый вопросъ сей обнаруживаетъ уже крайнюю глубину нашего паденія!.. Значитъ, мы пали въ такую пропасть, что уже не видимъ болѣе той святой и блаженной высоты, на коей поставлены были нѣкогда творческою десницею, такъ оглушены паденіемъ, что не чувствуемъ даже боли, отъ него происшедшей, и не замѣчаемъ той бездны, въ коей находимся.—Какая казнь? А развѣ награда, что всѣ мы приходимъ на свѣтъ сей самымъ плачевнымъ образомъ, съ воплемъ оставляемъ утробу матернюю, дабы явиться на краткое время на лицѣ земли, и среди воплей расторгаемъ утробу земли, дабы сокрыть въ ней свое тлѣніе отъ среды живыхъ?—Какая казнь? А развѣ награда, что большая часть изъ насъ, созданныхъ по образу Божію и видимо предназначенныхъ къ господству надъ всѣмъ, насъ окружающимъ, принуждены теперь влачить всю жизнь свою въ узахъ рабства духовнаго и тѣлеснаго, бороться непрестанно со всякаго рода нуждами и скорбями, искуплять едва не каждый день бытія потомъ и слезами?—Какая казнь? А развѣ награда, что люди-братія терзаютъ нерѣдко, какъ тигры, другъ друга, что цѣлыя племена и царства должны непрестанно стоять одно противъ другаго на стражѣ и не знать высшаго искусства, какъ отражать и поражать людей,

себѣ подобныхъ?—Какая казнь? А что въ сердцѣ у каждаго изъ насъ? Непрестанная борьба добра со зломъ, духа съ плотію, ума и совѣсти со страстями; и гдѣ побѣда? Большею частію на сторонѣ грѣха и плоти. *Не еже хощу (доброе), сіе творю: но еже ненавижу (злое), то содѣлываю. Еже хотѣти прилежитъ ми, а еже содѣяти доброе, не обрѣтаю* (Рим. 7, 15—18). Такъ жалуются на себя самые лучшіе изъ людей;—что же должны сказать худшіе?... Увы, куда ни обращусь, вездѣ вижу слѣды моего паденія: вижу и въ разрушительной для меня борьбѣ бездушныхъ стихій, и въ нѣкоемъ постоянномъ враждованіи противъ меня существъ одушевленныхъ;—вижу и въ грозныхъ явленіяхъ надо мною неба, и въ безплодіи воздѣлываемой мною земли;—вижу и въ бренности моего ума, и въ ломкости моихъ произведеній;—вижу и въ силѣ страстей человѣческихъ, и въ безсиліи законовъ человѣческихъ, и въ недостаткѣ вѣры и въ избыткѣ сомнѣній; вижу въ хижинѣ и на престолѣ, у алтаря и плуга, въ минуту радости и печали, на яву и въ самомъ снѣ... Тяжко, тяжко иго на всѣхъ сынѣхъ Адамлихъ (Сирах. 40, 1—2)! Ужасна работа истлѣнію, отъ коей стенаетъ *вся тварь* (Рим. 8, 22)!

Кто же виною сего? Откуда и какъ возникло зло, облежащее меня и весь міръ со мною? Не у Творца ли моего недостало, быть можетъ, силъ и средствъ создать меня чистымъ и праведнымъ, безсмертнымъ и блаженнымъ? Но одинъ простой взглядъ на необъятность міра, на порядокъ и красоту вселенной уже ясно показываетъ, что десница. меня созидавшая, была всемогуща и всеблага; ибо ею не забыто и снабжено всѣмъ нужнымъ самомалѣйшее твореніе. А я между тѣмъ томлюсь и стражду; стражду такъ, что самъ по себѣ не вижу конца моимъ страданіямъ... Не я ли самъ потому и виною сего? Во мнѣ есть и теперь способность, по коей могу я—усовершать свое состояніе, или превращать его и губить себя. Это моя свобода!... Въ ней же по сему самому, въ ней должна быть причина и моего бѣдственнаго состоянія на землѣ. Была нѣкогда, была злополучная минута, въ которую я, злоупотребивъ произволомъ своимъ, разорвалъ нагло первобытный союзъ, соединявшій меня и весь міръ съ Источникомъ истинной жизни и блаженства; существовала ужасная минута, въ которую я ринулся безумно

съ высоты природныхъ совершенствъ моихъ и увлекъ за собою въ бездну зла тварь, мнѣ подчиненную.

Когда и какъ послѣдовало это несчастное паденіе? Напрасно сталъ бы я вопрошать о семъ природу, меня окружающую: она въ семъ случаѣ безмолвна, какъ поле послѣ сраженія, на немъ происходившаго. Вездѣ видны слѣды пораженія; слышны даже отголоски стона и воплей, но кто и какъ сражался?—неизвѣстно. Одно заключаю изъ всего видимаго въ природѣ,—что это все бѣдствіе должно было произойти и не такъ давно, чтобы совершенно забыть его, и не такъ недавно, чтобы можно было сохранить о немъ ясную память. Обращаюсь къ исторіи и древнѣйшимъ преданіямъ рода человѣческаго. Тутъ со всѣхъ концевъ вселенныя слышу, что родъ человѣческій былъ не таковъ, какъ видимъ его нынѣ; что на землѣ не было тѣхъ золъ и бѣдствій, отъ коихъ страдаетъ теперь все живущее; что настоящій порядокъ, или паче безпорядокъ вещей, есть слѣдствіе грѣхопаденія первыхъ человѣковъ. Но когда, не довольствуясь симъ, любопытствую знать, какимъ именно образомъ послѣдовало мое паденіе, то нахожу въ древнихъ преданіяхъ столько разнообразія, противорѣчій и мрака, что не знаю, на чемъ остановиться; не вижу, гдѣ конецъ истинному свидѣтельству, и откуда начинается вымыселъ. Одно боговдохновенное бытописаніе Моисея, какъ лучезарный свѣтильникъ среди моря, возвышается надъ мутными волнами древнихъ сказаній и тьмою, покрывающею первобытное состояніе рода человѣческаго. Не смотря на краткость сего бытописанія, въ немъ столько свѣта, что всѣ главные вопросы о происхожденіи зла въ нашемъ мірѣ разрѣшаются изъ него столь же любомудрственно, какъ и благочестиво.

Сію-то священную повѣсть о грѣхопаденіи прародителей нашихъ намѣрены мы, братіе мои, повторить и разсмотрѣть вмѣстѣ съ вами въ наступающіе дни святаго и великаго поста. Не радостная картина ожидаетъ насъ! И предъ нами, какъ нѣкогда предъ пророкомъ, раскроется свитокъ, въ коемъ вписаны рыданіе, жалость и горе (Іезек. 2, 10). Узримъ змія съ его ужасною клеветою—пріемлемаго, а Творца и Благодѣтеля съ Его святою заповѣдію отвергнутаго; узримъ праматерь всѣхъ живущихъ, легкомысленно простирающую руку къ плоду запрещенному и за сіе осуждаемую

въ болѣзняхъ родити чада; узримъ прародителя нашего, убѣгающаго отъ лица Божія, слагающаго вину на Самого Создателя и за сіе подвергаемаго на всю жизнь труду въ потѣ лица, съ возвращеніемъ наконецъ въ землю, отъ нея же взятъ бысть;—узримъ обоихъ стыдящимися своей наготы, а не грѣха, отъ коего нагота и смерть,—изгоняемыхъ изъ рая сладости и влачащихъ остатокъ бѣдственной жизни среди проклятія всей земли; узримъ наконецъ Херувима съ пламеннымъ оружіемъ, поставленнаго у вратъ рая и стрегущаго путь къ древу жизни, навсегда потерянному для тѣхъ, кои не умѣли пользоваться плодами его. Но въ то же время услышимъ ужасный приговоръ и врагу нашему, увлекшему насъ въ преступленіе, приговоръ — показывающій, что за насъ есть Отмститель, что мы не беззащитны; услышимъ радостотворное обѣтованіе о Сѣмени жены, имѣющемъ сокрушить главу змія, то обѣтованіе, въ коемъ, какъ въ сѣмени древа, заключена вся тайна нашего спасенія. Такимъ образомъ свитокъ первобытія нашего, хотя въ немъ вписано рыданіе, жалость и горе, будетъ, наконецъ, подобно Іезекіилеву, сладокъ въ устахъ нашихъ, и можетъ напитать насъ пищею нетлѣнною. Ибо ученіе слова Божія о паденіи Адамовомъ, кромѣ того что изъясняетъ намъ тайну настоящаго бытія нашего на землѣ, указуетъ начало и причину, ничѣмъ иначе неизъяснимыхъ, бѣдствій и страданій нашихъ, и тѣмъ самымъ примиряетъ насъ съ тяжкою судьбою своею и удерживаетъ отъ ропота и хулы на Провидѣніе; это же ученіе служитъ основаніемъ тому животворному благовѣстію, которое составляетъ сущность вѣры христіанской, то есть, ученію объ искупленіи насъ Сыномъ Божіимъ, Который для того и облекся въ плоть нашу, да побѣдитъ врага нашего и упразднитъ всѣ слѣдствія грѣхопаденія эдемскаго. Чтобы возчувствовать въ полной мѣрѣ цѣну сего божественнаго искупленія, для сего надобно прежде познать всю великость золъ, насъ сокрушающихъ. Вторый Адамъ, *Иже есть Господь съ небесе* (1 Кор. 15, 45), является во всемъ божественномъ величіи не прежде, какъ первый Адамъ, иже отъ земли, прародитель нашъ, предстанетъ намъ во всемъ своемъ уничиженіи и клятвѣ.

Для сего-то, безъ сомнѣнія, и св. Церковь, общая наша Матерь и Наставница, нынѣ, предъ самымъ вступленіемъ

нашимъ во св. постъ, приводитъ намъ на память не другое какое-либо событіе, а паденіе Адамово. Симъ самымъ она какъ бы такъ говоритъ каждому изъ насъ: если ты сынъ Адамовъ, то, кто бы ни былъ, ты существо падшее; тебѣ нужно возстать изъ бездны, уврачевать все разбитое въ паденіи, и начать восходить на прежнюю высоту и совершенство, посредствомъ таинства покаянія и причащенія животворящаго Тѣла и Крови Христовой. Для сей же самой цѣли,—то есть, чтобы произвести въ насъ сознаніе своего грѣховнаго безпомощнаго состоянія и расположить всѣхъ и каждаго къ смиренію, вѣрѣ и усердной молитвѣ о помощи свыше,—въ продолженіе будущихъ дней поста св. Церковь не престанетъ ежедневно оглашать слухъ нашъ чтеніемъ изъ бытописанія Моисеева. Итакъ, занимаясь избраннымъ нами предметомъ, мы будемъ идти по слѣдамъ св. Церкви, проповѣдывать то же самое, что внушается ею.

Воззовемъ же, братіе мои, едиными усты и единымъ сердцемъ ко Господу, да, внушивъ нѣкогда возлюбленному рабу Своему Моисею—начертать для насъ святую повѣсть о грѣхопаденіи прародителей нашихъ, даруетъ и намъ, недостойнымъ рабамъ Своимъ, благодать—воспользоваться ею, какъ должно, уразумѣть изъ нея всю бѣдность нашей падшей природы, познать грѣховное окаянство свое, дабы потомъ съ вѣрою и смиреніемъ обратиться къ Тому, Кто единъ силенъ возставить все падшее и возвести насъ, какъ обѣщаетъ св. Церковь, къ первому нашему *достоянію съ раствореніемъ*, чего да достигнемъ всѣ мы Его всемощною благодатію. Аминь.

Слово въ среду 1-ой недѣли Великаго поста.

О ЗАПОВѢДИ ВЪ РАЮ.

Злополучное грѣхопаденіе прародителей нашихъ въ Эдемѣ состояло, какъ извѣстно, въ преступленіи заповѣди Божіей о невкушеніи отъ плода запрещеннаго. Посему, прежде нежели приступимъ къ разсмотрѣнію сего злосчастнаго событія, подобаетъ обратить вниманіе на сію заповѣдь и показать, въ чемъ именно состояла она и для чего дана. Должно вникнуть въ эту заповѣдь и потому, что касательно ея суще-

ствуетъ не мало предразсудковъ и мнѣній, кои, кромѣ того, что ложны, служатъ къ нареканію на святый Промыслъ Божій. Одни говорятъ: зачѣмъ было давать сію заповѣдь? Другіе: для чего было не предохранить человѣка отъ ея преступленія? Вопреки сего, мы должны показать, что заповѣдь была необходима, и что все, нужное къ предохраненію человѣка отъ нарушенія ея, было сдѣлано. Оставалось только развѣ связать свободу человѣка, но тогда добродѣтель потеряла бы всю цѣну, а человѣкъ—все свое нравственное достоинство.

Заповѣдь эдемская изображена у Моисея такъ: *и заповѣда Господь Богъ Адаму, глаголя: отъ всякаго древа, еже въ раи, снѣдію снѣси: отъ древа же, еже разумѣти доброе и лукавое, не снѣсте отъ него: въ оньже бо аще день снѣсте отъ него, смертію умрете* (Быт. 2, 16—17). Видите, въ чемъ состояла заповѣдь. Въ томъ, чтобы не вкушать отъ плодовъ одного извѣстнаго древа. Отсюда тотчасъ обнаруживается вся легкость заповѣди къ исполненію. Ибо, что за трудность не вкушать отъ плодовъ одного древа, когда ихъ въ раю находились тысячи, и притомъ всякаго рода? Прародители наши, и безъ запрещенія, не успѣли еще, конечно, вкусить отъ плода многихъ древъ райскихъ; тѣмъ легче было воздержаться отъ плода запрещеннаго. Воображать, что, запрещенное древо было по плодамъ своимъ самое лучшее изъ всѣхъ, нельзя, ибо самымъ лучшимъ, безъ сомнѣнія, было древо жизни. Правда, что Евѣ запрещенное древо показалось потомъ *добрымъ въ снѣдь,* угоднымъ очамъ—*еже видѣти, и красно, еже разумѣти,* но оно показалось такимъ уже тогда, когда въ несчастной прародительницѣ нашей, отъ льстивой бесѣды съ нею змія-искусителя, возбуждено было въ высшей степени любопытство и чувственное вожделѣніе. Въ такомъ случаѣ и обыкновенное само въ себѣ кажется человѣку отличнымъ и привлекательнымъ. Притомъ самыя слова Евы, если вникнуть въ нихъ поглубже, выражаютъ не столько похвалу отличнымъ качествамъ древа, сколько нѣкую какъ бы защиту отъ нареканія и презрѣнія, то есть, что оно показалось на глаза Евы не такъ отвратительнымъ, чтобы уже не пожелать вкусить отъ него, не такъ безобразнымъ, чтобы на него нельзя было посмотрѣть безъ неудовольствія, и не такъ, наконецъ, ничтожнымъ, чтобы

не полюбопытствовать, что въ немъ и почему оно запрещено. Такимъ образомъ, съ какой стороны ни смотрѣть на заповѣдь о древѣ, выходитъ одно и то же—что исполнить ее было крайне легко, и слѣдовательно нарушить, вопреки явному повелѣнію Божію, крайне постыдно и безумно.

Но что же значитъ послѣ сего запрещеніе? Для чего не велѣно вкушать отъ сего древа? Вопросъ важный, и мы должны разсмотрѣть его съ надлежащею подробностію, дабы устранить всѣ неправыя мнѣнія касательно сего предмета.

Очевидно, что древо запрещено не потому, якобы Самъ Господь имѣлъ, такъ сказать, какую-либо нужду въ этомъ запрещеніи, какъ будетъ клеветать змій-искуситель. Ибо какая могла быть въ семъ нужда для Господа? Чтобы чрезъ вкушеніе отъ плодовъ его Адамъ и Ева не получили новыхъ совершенствъ и не сравнялись съ Нимъ? Такъ именно будетъ утверждать змій, но что можетъ быть нелѣпѣе сей мысли? Не говоря уже о томъ, что совершенно невозможно достигнуть не только богоподобія, но и другаго какого-либо совершенства духовнаго отъ вкушенія какого бы то ни было плода,—что препятствовало Господу не творить опаснаго для него древа, если бы оно въ самомъ дѣлѣ было таково, или сотворивъ, не помѣщать его въ раю? Все это—и всецѣло—зависѣло отъ воли Самого Творца. Посему одинъ только змій, или, прямѣе сказать, діаволъ, могъ составить въ своемъ умѣ такую нечестивую мысль, что древо запрещено было потому, якобы въ семъ запрещеніи имѣлъ нужду и выгоду Самъ Запрещавшій. Это ложь и хула зміиная!

Значитъ, древо запрещено ради пользы и нужды самыхъ прородителей нашихъ. Какой? Не заключалось ли въ немъ чего-либо смертоноснаго? Не были-ль плоды его ядовиты?—Подобная мысль представляется тотчасъ, коль скоро вспоминаешь объ угрозѣ Божіей прародителямъ, что за вкушеніемъ отъ древа должна послѣдовать для нихъ смерть. Въ такомъ случаѣ самое запрещеніе представляется уже не только правильнымъ, но и необходимымъ, ибо какъ не воспретить внушенія плодовъ ядовитыхъ?—Между тѣмъ, и сей мысли нельзя принять, не смотря на ея благовидность. Ибо, скажите, что бы подумали вы объ отцѣ, который, имѣя въ своемъ саду такое ядовитое древо, употребилъ бы его для испытанія въ послушаніи своего сына? Не то ли, что онъ

легкомысленно подвергаетъ своего сына величайшей опасности? Ибо самымъ запрещеніемъ древа наводилось уже вниманіе на него, и слѣдовательно приближалась къ человѣку опасность. Не будемъ же думать объ Отцѣ небесномъ того, чего не можемъ предположить въ разумномъ и добромъ отцѣ земномъ. Плоды запрещеннаго древа произвели смерть въ человѣкѣ; но они произвели ее не сами по себѣ, а потому, что вкушеніе отъ нихъ составляло для человѣка преступленіе воли Божіей;—грѣхъ всякое древо сдѣлалъ бы ядоноснымъ для человѣка.

Можно и еще возымѣть одну мысль касательно запрещенія древа—изъ самаго его названія. Ибо, какъ оно называется? Древомъ познанія добра и зла. Не потому ли, слѣдовательно, оно и запрещено, что вкушеніе отъ плодовъ его могло сообщить человѣку какое-либо вѣдѣніе, для него еще преждевременное и потому неполезное? Но касательно сего довольно припомнить, что не въ природѣ древа—сообщать какія-либо познанія, равно какъ и не въ свойствѣ познанія,—сообщаться посредствомъ вкушенія чего-либо. Вкушеніе и яства суть дѣло устъ и чрева, а познаніе есть дѣло ума и размышленія. Спросятъ: отъ чего же древо получило такое названіе? Всего вѣроятнѣе, отъ своихъ послѣдствій для человѣка, то есть, не отъ непосредственнаго свойства и дѣйствія его плодовъ, а отъ того, что произошло въ человѣкѣ послѣ ихъ вкушенія,—ибо прародители наши дѣйствительно познали тогда на опытѣ, что добро и что зло;—узнали цѣну того блага, которое потеряно чрезъ преступленіе заповѣди Божіей, и силу того зла, о коемъ прежде не вѣдали и коему теперь за сіе подверглись.

Почему же наконецъ запрещено оно? Потому что необходимо было воспретить что-либо для человѣка. Отъ чего необходимо? Для испытанія его свободы и для упражненія воли его въ покорности волѣ Божіей. А это къ чему? Къ тому, чтобы открылось, наконецъ, способенъ ли человѣкъ стоять на той высотѣ чести и достоинства, на которую онъ имѣлъ быть возведенъ по испытаніи. Изъяснимся подробнѣе.

Для чего созданъ и къ чему предназначенъ былъ человѣкъ? Къ тому ли, чтобъ быть обладателемъ и хранителемъ сада, насажденнаго въ Эдемѣ *на востокѣхъ* (Быт. 2, 8)? Если такъ, то для сего не стоило украшать будущаго са-

довника такимъ великимъ и безпримѣрнымъ отличіемъ, каковы образъ и подобіе Самого Творца. Величественный образъ сей требовалъ для себя не сада, а храма; предъ нимъ должны были преклониться—современемъ—не древа токмо эдемскія съ ихъ плодами, а всѣ твари, даже всѣ стихіи земныя, съ ихъ чуднымъ разнообразіемъ. Нося въ себѣ образъ Божій, человѣкъ имѣлъ быть самъ яко нѣкій земный Богъ. Такое существо не могло имѣть другаго предназначенія, какъ быть ближайшимъ наперсникомъ своего Создателя, представлять Его собою видимо и служить органомъ и намѣстникомъ Его для всѣхъ низшихъ тварей, кои по свойству природы своей и мѣсту, ими занимаемому, не могутъ видѣть своего Творца и бесѣдовать съ Нимъ лицемъ къ лицу. Такому высокому предназначенію долженствовали соотвѣтствовать въ человѣкѣ власть и полномочіе его надъ всѣми видимыми тварями. Что мы, утверждая сіе, водимся не воображеніемъ и догадками, а дѣйствительною истиною, доказательство и порука за то дѣянія святыхъ людей, кои, будучи возсозданы благодатію Христовою, *вообразившись,* какъ выражается св. Церковь, *первою добротою,* единымъ словомъ останавливали солнце, бездны морскія прелагали въ сушу, угашали пламень огня, воскрешали мертвыхъ. То же самое внушаетъ и св. Павелъ, когда, обращаясь къ вѣрующимъ, какъ бы отъ лица Самого Христа, взываетъ: *міръ, или животъ, или смерть, или настоящая, или будущая: вся ваша суть; вы же Христовы, Христосъ же Божій* (1 Кор. 3, 23).

Если же такъ, то судите теперь—можно ли было новосозданнаго человѣка вдругъ вознесть на такую высоту и отдать въ руки его столько могущества, не давъ раскрыться предварительно въ немъ способности къ тому и не доведши его, посредствомъ испытанія, до непоколебимой ничѣмъ вѣрности въ употребленіи великихъ силъ и преимуществъ, его ожидавшихъ? Хотя человѣкъ созданъ былъ невиннымъ и самымъ естествомъ своимъ предрасположенъ къ добру, но, по свободѣ своей, этому высочайшему дару, который составляетъ основаніе всѣхъ прочихъ совершенствъ духовныхъ и паче всѣхъ ихъ уподобляетъ человѣка Богу, по свободѣ, говорю, своей, человѣкъ могъ сдѣлать изъ себя, что угодно; могъ остаться во всегдашнемъ тѣсномъ союзѣ съ Творцемъ своимъ, въ добровольномъ подчиненіи всѣхъ дѣйствій своихъ

Его премудрой и всесвятой волѣ, но могъ, подобно падшему Ангелу, пойти и противнымъ путемъ, уклонить волю свою отъ воли Божіей, начать дѣйствовать вопреки намѣреніямъ Создателя. И что было бы въ послѣднемъ случаѣ съ сонмомъ тварей, ему подчиненныхъ? Противникъ Бога, куда бы привелъ за собою все свое владычество?...

Потому, прежде возведенія человѣка на высоту чести и могущества, его ожидавшихъ, надлежало подвергнуть его, въ родѣ испытанія, нѣкоему предварительному упражненію въ употребленіи своей свободы. Для сего требовалось указать ему на что-либо, противное волѣ Божіей, дабы онъ могъ сдѣлать выборъ и показать или свое всецѣлое согласіе съ нею и совершенную покорность Творцу, или оказаться преслушникомъ и, слѣдовательно, неспособнымъ къ тому, чтобы ему ввѣрено было господство надъ міромъ дольнимъ.

Такъ дѣйствительно и поступлено съ прародителемъ нашимъ. Господство его ограничено въ началѣ только однимъ Эдемомъ; потомъ приведены предъ будущаго владыку земли всѣ животныя для принятія отъ него именъ; но полнаго управленія всѣмъ дольнимъ въ рукахъ Адама еще не видимъ. Это долженствовало произойти уже по окончаніи опыта, тогда, когда человѣкъ соблюденіемъ заповѣди Божіей доказалъ бы, что онъ будетъ вѣрнымъ исполнителемъ на землѣ уставовъ небеснаго Самодержца.

Для сего прародитель нашъ поставленъ въ такое состояніе, гдѣ воля Божія и его собственная предстали ему не только въ видимой и ощутительной отдѣльности, но даже въ нѣкоей какъ бы противоположности, такъ что изъ повиновенія волѣ Творца надлежало ему забыть свою собственную волю съ ея пожеланіями. И вотъ источникъ заповѣди, ему данной: она служила человѣку въ испытаніе — къ раскрытію его внутреннихъ силъ и упражненію его свободы!

Что касается предмета заповѣди, то онъ могъ быть взятъ отовсюду. Правда Божія могла бы потребовать отъ ущедреннаго всѣми дарами человѣка самаго труднаго подвига и жертвы, подобной напримѣръ той, какая потребована нѣкогда отъ Авраама, то есть, могла бы потребовать въ жертву себѣ самой его жизни, но этого не сдѣлано. Напротивъ, опытъ и искушеніе сведены на вещь самую малую и обык-

новенную, на жертву, можно сказать, ничего не стоющую.— Не велѣно только вкушать отъ плодовъ одного извѣстнаго древа. Заповѣдь однако чрезъ это не теряла нисколько своей важности и не удалялась отъ своей цѣли. Важно было не то, чтобы сорвать или не сорвать плодъ съ дерева, а то, чтобы послушать или не послушать Творца, Который запретилъ это. Для Существа всемогущаго и всесодержащаго все равно было,—сорвано ли будетъ человѣкомъ яблоко съ дерева, или солнце съ неба.

Не забыты и всѣ нужныя предосторожности. Чтобы Адамъ, принявъ заповѣдь, не могъ быть увлеченъ въ противную отъ нея сторону какимъ-либо коварнымъ внушеніемъ, или остановившись мыслію на одной поверхности предмета, не почелъ заповѣданнаго не такъ важнымъ и не пострадалъ отъ собственнаго легкомыслія,—для сего со всею ясностію указано ему то ужасное послѣдствіе, которое неминуемо имѣло произойти отъ нарушенія воли Божіей. *Въ онъже аще день,* сказано, *снѣсте отъ него, смертію умрете.* Большей угрозы и большаго предостереженія нельзя было и сдѣлать. Такимъ образомъ на стражѣ у запрещеннаго древа стояли уже не одна благодарность къ Богу, а и страхъ смерти. Скажутъ, что Адамъ, не видавъ еще на самомъ дѣлѣ смерти, не могъ вообразить ее себѣ въ томъ точно видѣ и съ тѣми самыми подробностями, съ коими является смерть намъ. Положимъ такъ; но и это не могло мѣшать дѣйствію угрозы, ибо послѣ такихъ словъ Божіихъ Адамъ долженъ былъ представлять себѣ, что за нарушеніе заповѣди постигнутъ его величайшія бѣдствія; а сердце наше таково, что неопредѣленность бѣдствія, намъ угрожающаго, еще болѣе тревожитъ и ужасаетъ насъ. А вѣрнѣе всего то, что если премудрость Божія почла нужнымъ оградить прародителя нашего отъ преступленія угрозою наказанія, то, безъ сомнѣнія, позаботилась о томъ, чтобы эта угроза и это наказаніе были для него понятны, хотя мы и не можемъ теперь показать опредѣленно, какъ это было сдѣлано.

Послѣ страшной угрозы за преступленіе, человѣкъ долженъ былъ взирать на запрещенное древо уже не только какъ на предметъ особенной воли Божіей, но и какъ на собственнаго своего врага, какъ на свою смерть. Выраже-

ніе Евы въ бесѣдѣ съ зміемъ, гдѣ она говоритъ, якобы имъ воспрещено было не только вкушать отъ плодовъ, но и прикасаться къ сему древу,—между тѣмъ какъ послѣдняго нѣтъ въ словахъ заповѣди,—даетъ разумѣть, что древо запрещенное было уже не разъ предметомъ размышленій и бесѣдъ ея съ мужемъ, и что вслѣдствіе сихъ размышленій и бесѣдъ составилась у нихъ рѣшимость не только не брать въ руки плодовъ отъ сего древа, хотя бы то было изъ одного любопытства, но и не подходить къ нему близко, во избѣжаніе всякаго искушенія.

Но, увы, что значитъ рѣшимость и всѣ наши обѣты!... Явится съ льстивою бесѣдою змій,—и забудется заповѣдь и Законодатель; бросится похотливый взглядъ на плодъ запрещенный, и выйдетъ изъ памяти самая смерть!...

Но, какъ послѣдуетъ искушеніе, увидимъ въ слѣдующій разъ, а теперь скажемъ еще нѣсколько словъ о заповѣди. Видите ли теперь ея необходимость? Она служитъ къ тому, чтобы посредствомъ ея обнаружитъ совершенство человѣка и способность или неспособность къ его высокому предназначенію. Устояніе человѣка въ семъ опытѣ утвердило бы волю его въ добрѣ и содѣлало бы неприступнымъ для новыхъ искушеній. Видите ли теперь невинность самаго древа запрещеннаго: оно послужило къ смерти не по какой-либо ядовитости своей, а потому, что человѣкъ не соблюлъ заповѣди; само же по себѣ оно могло и, по намѣренію Божію, долженствовало служить къ жизни, обнаруживъ совершенства первозданнаго человѣка. Если бы онъ устоялъ въ искушеніи, то, вѣроятно, снято было бы и запрещеніе съ древа, и оно, на ряду со всѣми древами райскими, отдано было бы въ его власть и употребленіе. Такимъ образомъ и въ семъ случаѣ совершенно вѣрно то, что сказалъ Апостолъ о законѣ Моисеевомъ: *заповѣдь убо свята и праведна и блага* (Рим. 7, 12)!...

Благое ли убо, скажемъ словами того же Апостола, *бысть мнѣ смерть? да не будетъ: но грѣхъ, да явится грѣхъ благимъ ми содѣвая смерть, да будетъ по премногу грѣшенъ грѣхъ заповѣдію* (Рим. 7, 13). Насъ погубило не древо, не заповѣдь, а мы сами—наша свобода, то есть, ея злоупотребленіе. Вообразимъ, что не было ни заповѣди, ни древа запрещеннаго: развѣ человѣкъ не могъ, и безъ нихъ, уклонить своей воли отъ Бога и сдѣлаться грѣшникомъ? Въ немъ

самомъ, въ его умѣ и совѣсти, была уже не одна заповѣдь, а весь законъ; каждая изъ сихъ заповѣдей могла быть нарушена, и нарушеніе каждой сопровождалось бы смертію. Ибо *оброцы грѣха*—всякаго, внѣшняго и внутренняго,—*смерть* (Рим. 6, 23)! Чтобы убѣдиться въ семъ совершенно и оставить навсегда ропотъ на заповѣдь и на запрещенное древо, вспомнимъ судьбу Денницы и его паденіе. Предъ нимъ,—на небѣ,—не было ни древа съ запрещенными плодами, ни змія съ искушеніемъ, однакоже онъ палъ самымъ ужаснымъ образомъ,—прельщенный самимъ собою. Подобное могло быть и съ человѣкомъ. Такова участь существъ свободныхъ, что они изъ своей воли могутъ дѣлать, что ни захотятъ. Но если бы намъ самимъ предоставлено было выбирать обарзъ нашего паденія, то гораздо лучше было—пасть прельщенными со внѣ, какъ бы нехотя и бывъ увлечены обманомъ, нежели какъ если бы мы открыли источникъ зла въ самихъ себѣ. Тогда и съ нами, можетъ быть, произошло бы то же самое, что послѣдовало съ духами отверженными, то есть мы потеряли бы самую способность быть поднятыми изъ бездны. Аминь.

Слово въ пятокъ 1-ой недѣли Великаго поста

О ЗМІѢ-ИСКУСИТЕЛѢ.

Въ прошедшій разъ, братіе, мы обращались мыслями нашими въ царствѣ растеній,—между древъ райскихъ, ибо среди ихъ находился предметъ заповѣди, данной для нашего испытанія; нынѣ мы должны войти въ кругъ царства животныхъ, ибо изъ ихъ сонма взято искусителемъ орудіе для обольщенія нашихъ прародителей. Такимъ образомъ въ великомъ опытѣ, который первому человѣку надлежало пройти для своего усовершенствованія, дано было участвовать—каждому своимъ образомъ—всѣмъ царствамъ природы, какъ бы въ доказательство и видимое выраженіе того, что въ лицѣ человѣка, яко владыки, рѣшалась судьба всего дольняго міра, ему подвластнаго. Устоявъ въ испытаніи, пребывъ вѣрнымъ волѣ Творца своего и Благодѣтеля, Адамъ не только самъ утвердился бы въ добрѣ, но возвысилъ бы собою доброту и изящество всѣхъ низшихъ тварей, приблизивъ ихъ чрезъ себя къ Источнику всѣхъ совершенствъ—

Богу. Ниспавъ же съ высоты богоподобія въ зміиную пропасть лжи и грѣха, прародитель нашъ не только самъ пострадалъ отъ паденія и потерялъ множество совершенствъ, но яко глава и средоточіе міра дольняго, разстроилъ въ себѣ и съ собою благоустройство всѣхъ частей его и остановилъ всѣ твари на пути, естественнаго всѣмъ имъ, стремленія къ совершенству. Посему-то, какъ замѣчаетъ св. Апостолъ Павелъ, со времени паденія нашихъ прародителей, не только терпимъ и злостраждемъ мы, потомки ихъ, но и *вся тварь совоздыхаетъ и сболѣзнуетъ намъ даже донынѣ* (Рим. 8, 21). Почему совоздыхаетъ? потому, отвѣчаетъ онъ, что съ того времени и она,—безъ невинности и свободы *чадъ Божіихъ* подверглась суетѣ и работѣ истлѣнія. Но обратимся къ сказанію Моисееву.

Змій же бѣ мудрѣйшій всѣхъ звѣрей, сущихъ на земли, ихъ же сотвори Господь Богъ. И рече змій женѣ: что яко рече Богъ: да не ясте отъ всякаго древа райскаго (Быт. 3, 1. 2)?

Итакъ, искусителемъ нашимъ былъ змій,—не пернатое, не звѣрь какой-либо, а пресмыкающееся, то самое, которое, какъ бы въ знаменіе причиненной намъ чрезъ него погибели, доселѣ однимъ видомъ своимъ уже производитъ въ каждомъ изъ насъ невольное къ себѣ отвращеніе. Спрашивается: какимъ образомъ животное могло сдѣлаться противникомъ заповѣди Божіей и врагомъ человѣку?—Какъ съ природою древа несовмѣстно быть источникомъ познаній и мудрости для человѣка, такъ съ природою животнаго несовмѣстно сдѣлаться источникомъ и началомъ грѣха въ мірѣ. Грѣхъ можетъ явиться, въ собственномъ видѣ, только тамъ, гдѣ есть разумъ и воля, такъ какъ онъ и есть не что иное, какъ злоупотребленіе разума и воли. И точно, у змія эдемскаго видимъ то и другое: онъ будетъ вопрошать и разсуждать, совѣтовать и предлагать, клеветать и обольщать. Мало сего: бесѣда змія съ Евою показываетъ, что бесѣдующій не только разуменъ, но и такъ хитеръ и опытенъ, что берется быть наставникомъ для самыхъ людей, и такъ золъ, что дерзаетъ явно идти противъ Самаго Творца.

Прилично ли все это змію, какъ простому животному? Очевидно, нѣтъ; и по этому уже одному надобно предположить, что въ зміѣ находилось какое-либо существо ра-

зумное, но злое, которое въ семъ случаѣ захотѣло употребить животное только своимъ орудіемъ, для прикрытія симъ подлиннаго своего существа и вида. Моисей не сказываетъ намъ о семъ потому, что изображаетъ искушеніе такъ, какъ оно было,—по его видимой наружности, дабы мы удобнѣе могли судить, трудно ли было Евѣ устоять противъ обольщенія зміинаго; но въ другихъ мѣстахъ писанія явно указанъ намъ этотъ первобытный врагъ и губитель нашъ. При свѣтѣ сихъ указаній, мы знаемъ теперь несомнѣнно, что это былъ тотъ самый злой и богоотступный духъ, который еще на небѣ дерзнулъ возстать противъ Всемогущаго, и за сіе возстаніе сверженъ въ преисподнюю. Онъ-то дѣйствуетъ теперь въ зміѣ эдемскомъ и заставляетъ его производить то, что самъ по себѣ змій, ни другое какое-либо животное, никогда бы не могло произвести.

Что побудило сего духа злобы искать нашей погибели? Всего вѣроятнѣе, избытокъ въ немъ зла внутренняго. Какъ существу истинно-доброму пріятно умножать и сообщать другимъ доброе, въ немъ заключающееся; такъ существу злому отрадно распространять и передавать свою злость. Кромѣ сего дѣйствовало и мщеніе. Не имѣя возможности уязвить самаго неприступнаго лица Божія и прикоснуться къ престолу Всемогущаго, сверженный съ неба и дышущій мщеніемъ Архангелъ покушается помрачить и превратить, по крайней мѣрѣ, драгоцѣнный образъ Божій, сіявшій въ первомъ человѣкѣ, дабы погубленіемъ сего новаго наперсника и любимца Божія причинить огорченіе Создателю. Могла побуждать діавола на погибель человѣка и самая выгода, ибо, уловляя родъ человѣческій въ сѣти грѣха, онъ умножалъ симъ самымъ число клевретовъ и слугъ своихъ; даже подчинялъ адскому вліянію своему все то, изъ чего имѣло состоять будущее владычество Адамово.

Каждой изъ сихъ причинъ и одной достаточно было для того, чтобы подвигнуть противъ насъ весь адъ съ его владыкою:—и вотъ, гордый Денница, для достиженія своей цѣли, забываетъ свое надменіе, входитъ въ бѣдное пресмыкающееся и его устами заводитъ рѣчь съ Евою.

Почему избранъ имъ въ орудіе змій, а не другое какое-либо животное? Отвѣтъ на сіе выходитъ уже изъ самыхъ словъ Моисея, коими описываетъ онъ змія-искусителя: *змій*

же бѣ, говоритъ онъ, *мудрѣйшій всѣхъ звѣрей, сущихъ на земли*. Въ самомъ дѣлѣ, змій и теперь хитростію превосходитъ едва не всѣхъ животныхъ, а до паденія человѣка, до проклятія, отнявшаго у всѣхъ тварей часть совершенствъ, тѣмъ паче у змія,—онъ могъ обладать еще большими способностями. По сему самому змій былъ удобнѣе другихъ животныхъ и на то, чтобы служить орудіемъ для духа-искусителя, который, не смѣя показаться въ собственномъ своемъ образѣ, искалъ въ орудіе себѣ такое существо, которое, искушая человѣка, казалось бы дѣйствующимъ само отъ себя, а не по чуждому внушенію, ибо въ послѣднемъ случаѣ искушаемый возымѣлъ бы тотчасъ подозрѣніе, и не дался бы такъ легко въ обманъ.

Все это такъ, подумаетъ кто-либо; но для чего было попускать такому ужасному существу, какъ духъ отверженный, дѣйствовать на человѣка въ такую рѣшительную пору, когда судьба его видимо колебалась между небомъ и адомъ? Пусть бы искушало человѣка одно запрещенное древо и собственная его свобода. Для нашей слабости довольно было и сихъ двухъ искусителей.

За то видишь ли, возлюбленный, какъ ограничено это попущеніе! Если самъ духъ злобы является, чтобы искушать насъ, то является какъ преступникъ, связанный по рукамъ и ногамъ невидимыми узами. Ему дано дѣйствовать, но не всѣми глубинами злобы и лукавства: хитрости и козни его сокращены, умалены, унижены до образа дѣйствія гада пресмыкающагося; дозволено употребить только одну особенность, превышающую природу животнаго—слово и языкъ человѣческій. Но эта особенность, усиливая, повидимому, искушеніе, въ то же время могла отнять у него всю дѣйствительность, внушивъ самою неестественностію своею подозрѣніе искушаемой и страхъ опасности. Между тѣмъ искуситель совнѣ былъ не безполезенъ для человѣка въ случаѣ самаго паденія, ибо, какъ непосредственный виновникъ преступленія, онъ имѣлъ служить (какъ и послужилъ) отводомъ противъ громовыхъ стрѣлъ правосудія небеснаго, каравшаго преступниковъ заповѣди. Искуситель, какъ увидимъ, первый приметъ ихъ на главу свою, и прародителямъ нашимъ останутся на долю молніи, такъ сказать, уже почти угасшія. Во всякомъ случаѣ попущеніемъ образоваться ис-

кушенію для прародителей нашихъ совнѣ предупреждалась ужасная возможность произойти ему извнутрь, изъ самаго духа и сердца ихъ, какъ это произошло нѣкогда въ самомъ искусителѣ. Тогда зло, очевидно, проникло бы глубже въ природу нашу, и исцѣленіе ея отъ яда грѣховнаго сдѣлалось бы, можетъ быть, совершенно невозможнымъ, или стократъ труднѣе.

«Но Всевѣдущій», скажетъ еще кто-либо, «не могъ не предвидѣть, что человѣкъ не устоитъ противъ искушенія діавольскаго». Безъ сомнѣнія, предвидѣлъ; но что изъ сего? Вообразимъ, что Онъ равно предвидѣлъ паденіе человѣка безъ искусителя,—отъ него самаго; въ такомъ разѣ по тому самому надлежало допустить искушеніе и паденіе человѣка чрезъ искусителя, дабы симъ предотвратить для него паденіе отъ себя самого; подобно какъ искусные врачи, предвидя внутреннюю смертоносную болѣзнь, стараются отвратить ее произведеніемъ язвы наружной. Притомъ, предвидѣвъ и допустивъ паденіе отъ искусителя, Всевѣдущій предвидѣлъ въ то же время, или лучше сказать, предположилъ и возстановленіе насъ посредствомъ Искупителя. Вообще, мы можемъ быть совершенно спокойны за то, что насъ не подвергли въ Эдемѣ опасности напрасно, что отъ насъ при древѣ познанія не потребовали больше, нежели сколько мы могли понести. Скорѣе потребовано гораздо менѣе, ибо, предопредѣливъ, въ случаѣ паденія нашего, послать единороднаго Сына Своего, послать притомъ не на посѣщеніе только насъ, какъ Іосифъ посѣщалъ своихъ братьевъ, а на крестъ и смерть за грѣхи наши, любовь Отца небеснаго по тому самому не могла,—осмѣлимся такъ выразиться,—сугубо не помыслить о судьбѣ нашей, то есть, размыслить о ней не только ради насъ однихъ, но и ради собственнаго Сына Своего. Ибо грозное опредѣленіе за преслушаніе заповѣди: *смертію умреши,*—вслѣдствіе тайны искупленія.—долженствовало пасть уже не на однихъ насъ, а и на Него, и на Него еще болѣе, нежели на насъ, ибо, умирая яко жертва за грѣхи всего рода человѣческаго, Онъ умеръ смертію самою поносною и самою мучительною.

Теперь надлежало бы намъ приступить къ разсмотрѣнію самыхъ дѣйствій змія-искусителя, но собесѣдованіе наше уже и безъ того продолжилось значительно, а настоящій

день призываетъ насъ къ другому—къ исповѣди и покаянію.

Думаете ли, братіе мои, что лукавый и всезлобный искуситель оставитъ насъ въ покоѣ и допуститъ совершиться исповѣди и покаянію нашему, какъ должно? Нѣтъ, *человѣкоубійца искони* (Іоан. 8, 44) ничего такъ не боится въ падшемъ человѣкѣ, какъ истиннаго покаянія, и ничему такъ не старается ставить преграды, какъ исповѣди, ибо твердо знаетъ, что это—смерть ему въ насъ. Посему, когда совѣсть наша будетъ внушать намъ тяжесть нашихъ грѣховъ и представлять гнѣвъ Божій и казнь вѣчную, онъ заговоритъ внутрь насъ совершенно противное, что грѣхъ напримѣръ есть вещь маловажная, что Существу высочайшему нѣтъ до поступковъ нашихъ никакого дѣла, что Богъ милосердъ, что намъ рано еще перестать угождать себѣ и своимъ пожеланіямъ, что теперь особенно самыя обстоятельства наши не благопріятствуютъ тому, чтобы намъ перемѣнять свои нравы и жизнь, что на это будетъ время послѣ, и лучше и удобнѣе. Блюдитесь, братіе мои, подобныхъ мыслей. Это—навѣты змія; отъ нихъ погибли прародители наши; отъ нихъ же гибнемъ, и если не возьмемъ мѣръ рѣшительныхъ, то навсегда погибнемъ и мы. Не будемъ, подобно виновнымъ прародителямъ нашимъ, убѣгать подъ тѣнь древесную; не будемъ сокрывать язвъ совѣсти, нечистотъ сердца, когда Господь, насъ взыскующій, гласомъ служителя Церкви воззоветъ къ намъ: *Адаме, гдѣ еси?* Оставимъ у прага церковнаго всѣ смоковничныя препоясанія, всѣ предлоги, вымышляемые нашею грѣхолюбивою природою къ извиненію неправдъ. Явимся предъ Всевѣдущаго со всею наготою и бѣдностію нашею, и речемъ: се азъ и грѣхи мои! Некого мнѣ винить въ нихъ, кромѣ себя самого. Не смотря на всю слабость природы моей и на всѣ искушенія отъ міра и плоти, чувствую, что при каждомъ изъ нихъ могъ я устоять въ чистотѣ и правдѣ, если бы только восхотѣлъ того и оградился, какъ должно, благодатію Твоею. Но я небрегъ, окаянный, о своей душѣ и совѣсти; не только не уклонялся зла, нерѣдко самъ искалъ его. И се, прихожду къ Тебѣ, врачу душъ и тѣлесъ, прихожду нечистый, помраченный и уязвленный, съ знаменіемъ отверженія во всемъ существѣ моемъ. Нѣтъ у меня ни единаго права на милосердіе Твое: я—сынъ гнѣва и клятвы! И если бы мнѣ надлежало пред-

стать предъ Тебя, яко Творца и Господа моего, яко Судію и Мздовоздаятеля, то я ужъ осужденъ и низложенъ моею совѣстію; мнѣ оставалось бы обратиться къ горамъ и безднамъ и молить ихъ: да сокроютъ меня отъ лица правды и славы Твоея! Но я зрю посредѣ земли знаменіе спасенія для всѣхъ грѣшниковъ—крестъ Сына Твоего! Яко Спаситель міра, Онъ пришелъ взыскать и спасти не праведныхъ, а подобныхъ мнѣ грѣшниковъ. Вижду руцѣ Его, со креста простертыя ко всѣмъ,—и гряду! Пріими заблудшаго, нечистаго, оскверненнаго, убитаго грѣхомъ и преступленіями, но кающагося, желающаго быть чистымъ, здравымъ и вѣрнымъ Тебѣ, Господу моему. Покрой Самъ наготу мою, Самъ очисти скверну души и тѣла моего, разгони тьму, меня обышедшую, сними узы грѣха, меня гнетущія, коснись моего сердца и преложи его изъ камня въ плоть, коснись моего духа и обнови его силою благодати Твоей, утверди на камени заповѣдей Твоихъ слабыя нозѣ мои, огради мя страхомъ суда Твоего, да помилованный, очищенный, освященный, не возвращусь паки николиже на стропотный путь грѣха и беззаконія. Аминь.

Бесѣда въ среду 2-ой недѣли Великаго поста.

И рече змій женѣ, что яко рече Богъ: да не ясте отъ всякаго древа райскаго? и рече жена змію отъ всякаго древа райскаго ясти будемъ: отъ плода же древа, еже есть посредѣ рая, рече Богъ, да не ясте отъ него, ниже прикоснетеся ему, да не умрете. И рече змій женѣ не смертію умрете. Вѣдяше бо Богъ, яко въ онь же аще день снѣсте отъ него, отверзутся очи ваши и будете, яко Бози, вѣдяще доброе и лукавое (Быт. 3, 1—5).

Увы, какъ не многаго стоило погубить насъ! Ибо вотъ все, чѣмъ діаволъ низринулъ въ бездну прародителей нашихъ! Для обольщенія насъ не употреблено ни знаменій, ни чудесъ, а только сказано нѣсколько словъ,—и мы не могли устоять противу нихъ! И какія это слова? Такія, что ихъ, казалось, могъ побѣдоносно отразить даже отрокъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто повѣритъ нынѣ, чтобы Творецъ могъ, какъ клевещетъ змій, запретить человѣку что-либо по зависти и изъ опасенія, дабы онъ не сравнялся съ Нимъ въ совер-

шенствахъ? На такую клевету всякій готовъ съ отвѣтомъ, что у всеблагаго Бога не можетъ быть зависти, и что, съ другой стороны, человѣку нельзя быть вторымъ Богомъ: ибо два Бога невозможны. Столь же странно было думать, чтобы сего невозможнаго совершенства можно было достигнуть вкушеніемъ отъ плодовъ какого бы то ни было древа. И тутъ многіе и изъ насъ тотчасъ сказали бы, что никакой въ свѣтѣ плодъ древесный не можетъ сдѣлать этого. Между тѣмъ прародительница наша,—хотя и не одними сими мыслями и обѣщаніями, а и собственнымъ любопытствомъ и самымъ видомъ древа,—не тронется и увлечется, какъ увидимъ, до того, что, забывъ заповѣдь Божію и страхъ смерти, простретъ руку свою къ плоду запрещенному!... Не знакъ ли это, подумаетъ кто-либо, что прародители наши находились по уму своему въ состояніи еще не вполнѣ совершенномъ, и что потому они не вполнѣ же способны были вынести того искушенія, коему подвергнуты?

Нѣтъ, думать такимъ образомъ значило бы обвинять Провидѣніе Божіе въ томъ, что оно вывело на сраженіе воина, не снабдивъ его достаточно ни силою, ни оружіемъ. Такъ не поступаютъ и благоразумные изъ людей, кольми паче Богъ всеблагій и премудрый. Если человѣкъ подвергнутъ искушенію, то—потому, что могъ побѣдить его. Почему же не побѣдилъ? Потому, что не захотѣлъ побѣдить. Почему не захотѣлъ? Потому, что обладалъ свободою и допустилъ чувственности затмить въ себѣ разсудокъ. При такомъ затменіи и нынѣ самые высокіе по уму люди становятся иногда неразумнѣе малыхъ дѣтей, и совершаютъ такія дѣла, о коихъ каждый невольно спрашиваетъ: какъ эту странность могъ сдѣлать такой умный человѣкъ?—«Но при самомъ затменіи разсудка отъ чувственности», возразишь, «какъ можно было повѣрить такимъ невѣроятностямъ, какія говорилъ змій? Такое довѣріе не совмѣстно съ предполагаемымъ совершенствомъ первыхъ людей». А въ чемъ, скажи, состояло это совершенство и до чего простиралось?—Мы не должны умалять его, но не должны и преувеличивать: то и другое равно повело бы насъ къ мыслямъ неправильнымъ. Въ чемъ же состояло совершенство первыхъ людей, если смотрѣть на него безъ преувеличенія?—Въ томъ, во-пѐрвыхъ, что въ нихъ не было никакого природнаго недостатка

и порчи; въ томъ, далѣе, что они снабжены были прекрасными способностями душевными и тѣлесными; въ томъ, въ третьихъ, что вся природа ихъ была предрасположена къ добру и естественно отвращалась отъ всякаго зла; въ томъ, наконецъ, что въ душѣ ихъ, яко въ природномъ своемъ храмѣ на землѣ, всегда присутствовала благодать Божія, исполняя ихъ чувствомъ небеснаго довольства и радости. Но, при всей чистотѣ и благонастроенности, прародители наши не только не были, подобно Ангеламъ, утверждены въ добрѣ, но не имѣли еще и той нравственной твердости, какую имѣютъ нынѣ святые Божіи человѣки, кои, узнавъ худость грѣха изъ опыта, отвращаются отъ него, какъ отъ зла, уже извѣданнаго. Съ сей стороны пагубность грѣха стократъ болѣе извѣстна даже для каждаго изъ насъ, нежели сколько была она вѣдома для нашихъ прародителей. Преимущество горькое для насъ и печальное, но, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, весьма важное! Не имѣя его (а его нельзя было имѣть безъ опыта), первый человѣкъ по тому самому былъ довѣрчивѣе къ самому невѣроятному. Надъ нимъ—въ извѣстномъ смыслѣ—сбылось то, что Апостолъ Павелъ замѣтилъ о любви, что она *всему вѣру емлетъ*; потому что сама, говоря всегда правду, не можетъ безъ особеннаго усилія и представить, чтобы кто-либо могъ говорить неправду. Подобный взглядъ на состояніе Адама въ раю имѣлъ св. Апостолъ Павелъ, когда писалъ къ Коринѳянамъ: *боюся, да не како, якоже змій Еву прельсти лукавствомъ своимъ, тако истлѣютъ и разумы ваша отъ простоты, яже о Христѣ* (2 Кор. 11, 3). И въ Эдемѣ была сего рода простота,—благая, вожделѣнная, чистая, святая,—но не имѣющая еще чувствъ, *обученныхъ долгимъ ученіемъ въ различеніи добра и зла* (Евр. 5, 14), которая по сему самому могла, прошедъ опытъ, обратиться въ искусство духовное и въ разумную непреклонность ко злу, но увлекшись чувственностію, могла также, хотя безъ злаго намѣренія, внять совѣту змія, забыть заповѣдь и вкусить отъ запрещеннаго древа.

Скажутъ, въ такомъ разѣ повременить бы искушеніемъ. Но доколѣ же временить? Изъ такого неопредѣленнаго состоянія простоты, иначе и нельзя было выйти окончательно, какъ посредствомъ опыта же и искушенія; чрезъ сто, двѣсти лѣтъ оно было бы то же, доколѣ не сдѣлано опыта. И Ангелы

на небѣ, если утвердились въ добрѣ, то также послѣ своего рода опыта, то есть, послѣ возмущенія Люцифера, когда, имѣвъ случай къ соблазну и искушенію, преодолѣли его и такимъ образомъ отошли навсегда отъ той роковой черты, которая предъ каждымъ свободнымъ существомъ отдѣляетъ, такъ сказать, небо отъ ада.

Послѣ сихъ предварительныхъ замѣчаній, братіе мои, понятнѣе будетъ, какъ змій-искуситель позволяетъ себѣ говорить совершенную ложь и выдавать за вѣрное вещи несбыточныя, и какъ прародительница наша не закрываетъ отъ нихъ, при самомъ началѣ, своего слуха.

Теперь перенесемся мыслію въ Эдемъ и приложимъ вниманіе къ бесѣдѣ нашей прародительницы съ искусителемъ.

По всему видно, что это несчастное собесѣдованіе происходило у самаго древа познанія: ибо послѣ того, какъ прельщенная жена рѣшилась преступить заповѣдь, тотчасъ сказано: *и вземши яде* — отъ того, то есть, древа, которое находилось непосредственно предъ нею, и къ коему стоило только простереть руку. Значитъ, Ева, до бесѣды съ зміемъ, сама собою подошла къ опасному древу. Почему и зачѣмъ? Потому ли, что оно стояло на пути, или весьма близко къ жилищу прародителей? Послѣдняго не видно, не изъ чего заключить и о первомъ: посему невольно приходитъ мысль, что это было въ Евѣ едва ли не слѣдствіемъ какого-то любопытства, которое вообще такъ свойственно природѣ нашей, и отъ коего доселѣ бываетъ не мало бѣдъ и искушеній.

Итакъ, праматерь наша теперь — предъ запрещеннымъ древомъ!... А змій давно тамъ и, можетъ быть, не разъ готовился къ нападенію, только не находилъ къ тому случая. Теперь онъ явился,—и злобный врагъ пользуется имъ со всею хитростію.

И рече змій: что яко рече Богъ, да не снѣсте отъ всякаго древа райскаго?

Въ словахъ сихъ — хитрость на хитрости. Рѣчь заводится не прямо о заповѣди и запрещенномъ древѣ, которое предъ глазами Евы; нѣтъ, змію до этого нѣтъ какъ бы никакого дѣла;—онъ только, пользуясь случайно встрѣчею Евы, хочетъ узнать объ одномъ предметѣ который давно лежитъ у него на сердцѣ и тревожитъ его, — не за него

самого, а за Адама и Еву; — а именно, что̀ бы такое значило, что Богъ запретилъ имъ вкушать отъ всѣхъ плодовъ райскихъ? Жалѣть сихъ плодовъ, кажется, нечего: ихъ такъ много! да и чего они стоятъ Богу? Почитать ихъ вредными нельзя, они такъ видимо прекрасны и добры въ снѣдь! Наказывать такимъ образомъ Адама и Еву не за что: они не сдѣлали еще ничего противозаконнаго. А между тѣмъ ихъ положеніе становится отъ того даже для другихъ существъ страннымъ и жалкимъ. Быть въ саду, называться господами Эдема, и—не смѣть поднять руки, чтобы сорвать плодъ съ дерева!... Тутъ, явно, кроется какая-либо тайна и намѣреніе: что̀ же бы все это значило? *Что, яко рече Богъ, да не снѣсте отъ всякаго древа райскаго?*

Такимъ образомъ, начало разговора было, повидимому, совершенно невинно и естественно. Змій усердствуетъ Адаму и Евѣ, какъ своимъ владыкамъ; думаетъ, что ихъ состояніе хуже, нежели какъ оно есть;—и спрашиваетъ. Ошибается, въ своемъ предположеніи; но ошибается, такъ сказать, отъ избытка усердія. Какъ послѣ сего не вразумить заблуждающаго и не сказать ему, что онъ напрасно думаетъ, яко бы Богъ запретилъ Адаму вкушеніе отъ всѣхъ деревъ райскихъ, что подобному запрещенію подвергнуто только одно дерево? Такого вразумленія требовали и признательность за усердіе и самая честь Божія, дабы змій не думалъ болѣе, что Богъ-Творецъ слишкомъ строгъ и нелюбосообщителенъ.

Одно, повидимому, могло удержать Еву отъ бесѣды съ зміемъ—это его способность говорить, несвойственная животному. Такая необыкновенность, казалось бы, должна изумить ее, и заставить пригласить мужа, или, по крайней мѣрѣ, первѣе всякаго отвѣта, спросить змія: откуда явилось у него слово? Но, во-первыхъ, что необыкновенно теперь—для насъ, то, можетъ быть, не такъ необыкновенно было въ Эдемѣ; то есть, можетъ быть, это былъ уже не первый опытъ, что существа невидимыя облекались, предъ человѣкомъ, во образъ существъ видимыхъ, дабы тѣмъ удобнѣе входить въ сообщеніе съ нимъ, яко существомъ, хотя нечуждымъ ихъ природы, но до времени принадлежащимъ наиболѣе міру видимому и чувственному. А если явленіе сіе было и необыкновенно, то самая необыкновенность въ свою чреду тотчасъ могла возродить любопытство и желаніе всту-

пить въ начатую со стороны змія бесѣду, дабы узнать, что̀ будетъ далѣе. Даже могла возбудиться мысль: не есть ли такое необыкновенное и возвышенное состояніе змія слѣдствіемъ вкушенія отъ плода запрещеннаго. Въ такомъ случаѣ еще естественнѣе было желаніе продолжать бесѣду съ зміемъ, дабы узнать поскорѣе тайну завѣтнаго древа. И вотъ Ева, не медля, отвѣтствуетъ искусителю.

И рече жена змію: отъ всякаго древа райскаго ясти будемъ, отъ плода же древа, еже есть посредѣ рая, рече Богъ, да не ясте отъ него, ниже прикоснется ему, да не умрете.

Слова сіи еще такъ невинны, что ихъ могъ произнести самъ Ангелъ. Ибо, что дѣлаетъ Ева? Поясняетъ истину, вразумляетъ невѣдущаго змія, защищаетъ, хотя не прямо, отъ нареканія своего Творца и Благодѣтеля. Ибо сказать, что̀ говоритъ теперь она, значило то же, что сказать: напрасно, змѣй, безпокоишься за насъ; твоему вопросу вовсе нѣтъ мѣста; Богъ не давалъ такого страннаго и строгаго запрещенія, какъ ты думаешь.—Одно только неожиданно въ словахъ Евы: заповѣдь Божія о древѣ познанія добра и зла является въ устахъ ея съ прибавленіемъ, котораго въ ней не было; а именно, Богъ не запрещалъ прикасаться къ древу, какъ говоритъ Ева, а только повелѣлъ не вкушать отъ плодовъ его. Откуда же явились слова сіи у Евы? Не погрѣшимъ, если, вслѣдъ за учителями Церкви, скажемъ, что они произошли въ ней отъ страха смерти въ сердцѣ, а страхъ сей отъ тайной наклонности къ запрещенному дереву. Не предосудительное чувство и страхъ—далъ бы Господь, чтобы мы хотя по страху оставались вѣрными заповѣдямъ Господнимъ!—но въ сердцѣ Евы можно было ожидать другаго чувства господствующаго, высшаго и лучшаго, то есть, любви и уваженія къ своему Творцу и Благодѣтелю. Посему, сими немногими прибавочными словами едва ли не обнаруживалась, невольно и непримѣтно для самой Евы, тайна ея душевнаго состоянія.

Змій тотчасъ примѣтилъ, что праматерь нашу въ повиновеніи Богу держитъ наиболѣе страхъ смерти;—и тотчасъ со всею силою ринулся на сію ограду, чтобы, опровергнувъ ее, овладѣть легковѣрною женою. *И рече змій: не смертію умрете: вѣдяше бо Богъ, яко въ онъже день снѣсте отъ него, отверзутся очи ваши, и будете яко Бози, вѣдяще доброе и лукавое.*

Заговорить такимъ языкомъ значило уже сбросить съ себя всѣ личины; ибо кто говоритъ такимъ образомъ, тотъ явно показываетъ себя уже не тѣмъ, чѣмъ представлялся прежде, не существомъ, мало знавшимъ дѣло и потому вопрошавшимъ, а такимъ всевѣдцемъ, коему извѣстна вся *тайна* древа и заповѣди болѣе, нежели самому Адаму и Евѣ, который былъ какъ бы въ совѣтѣ Самаго Бога и знаетъ истинную причину, почему воспретилъ Онъ Адаму вкушеніе отъ сихъ плодовъ. И какая это причина? Не сожалѣніе о немъ, по причинѣ какой-либо опасности для него отъ плодовъ древа (въ нихъ, напротивъ, чудное свойство—отверзать у вкушающихъ очи и дѣлать ихъ богоподобными!); а опасеніе и зависть, чтобы Адамъ, питаясь такою чудесною пищею, не узналъ всего и не сравнился съ своимъ Творцемъ. То есть, какъ въ прежнихъ словахъ змія была хитрость на хитрости, чтобы только благовидно завязать съ Евою рѣчь; такъ въ настоящихъ словахъ была клевета на клеветѣ, дабы прямо соблазнить ее на вкушеніе отъ запрещенныхъ плодовъ: только, какъ тамъ, такъ и здѣсь, все продолжаетъ дышать мнимымъ доброжелательствомъ къ человѣку и усердіемъ къ возвышенію его благосостоянія. И вы вѣрите сему, какъ бы такъ говоритъ змій,—думаете, что дерево запрещено по причинѣ опасности отъ смерти? Какъ вы просты и недальновидны!—Умереть отъ этихъ плодовъ! Напротивъ, кто вкушаетъ ихъ, у того отверзаются очи, и онъ становится подобнымъ Богу, получая рѣдкую и чудную способность—знать добро и зло. Богъ вѣдалъ это, и вотъ причина запрещенія—Ему не угодно, чтобы вы сравнились съ Нимъ!.. Судите послѣ сего, стоитъ ли хранить такую заповѣдь и лишать себя—произвольно—такого совершенства?

Боже мой, воскликнетъ при семъ кто-либо, и эту ложь и клевету можно было выслушать равнодушно? И жена не отвратила своего слуха? Не поразила змія? Не возвратилась тотчасъ къ своему мужу?—Гдѣ любовь къ Творцу и Благодѣтелю? Гдѣ вѣра слову Его? Гдѣ стыдъ и совѣсть? Гдѣ самый страхъ смерти?

Очевидно, не было уже въ душѣ и сего спасительнаго страха,—этого послѣдняго якоря среди возставшей въ душѣ бури помысловъ. Куда дѣвался онъ? Исчезъ среди волнъ сомнѣнія, возбужденнаго словами искусителя, которое, какъ темное

облако, тотчасъ обняло всю душу, не дая видѣть за собою ничего, кромѣ роковаго дерева. Отъ каждаго изъ словъ змія раждалось множество мыслей, одна другой мрачнѣе, и каждая закрывала собою въ душѣ свѣтлый ликъ Отца небеснаго.— Такъ вотъ тайна заповѣди, думала долупреклонная уже, но еще не совершенно падшая, праматерь наша. Кто изъ насъ могъ проникнуть въ это? Значитъ, предъ нами, въ нашихъ рукахъ, давно находится средство быть *яко Бози;*—и мы, по невѣдѣнію, не пользуемся симъ драгоцѣннымъ средствомъ! Другія существа, даже зміи, сожалѣютъ о насъ; только мы одни не знаемъ своего состоянія! Что бы изъ насъ было уже доселѣ, если бы мы не были такъ просты!

Если искуситель, произнесши ужасныя слова, заставилъ въ то же время змія вкушать отъ плодовъ сего древа, то это еще болѣе могло расположить Еву къ мысли, что змій совершенно правъ, что напрасно говорено Богомъ, яко бы за вкушеніемъ отъ него слѣдуетъ смерть; вѣроятнѣе, напротивъ, что въ деревѣ кроется чудная способность сообщать вѣдѣніе; ибо змій, отъ него вкушающій, не только остается въ живыхъ, но и обладаетъ отъ того особенною мудростію.

Надлежало ожидать, по ходу бесѣды, что праматерь наша скажетъ что-либо въ отвѣтъ и на сіи послѣднія слова змія, отразитъ ихъ до времени чѣмъ-либо, или пожелаетъ доказательствъ на его клевету: если же они подѣйствовали на нее рѣшительно, то возьметъ тотчасъ плодъ и вкуситъ. И однако же ни того, ни другаго не было. Ева ничего не говоритъ змію,—знакъ, что слова его не нашли въ ней противорѣчія; не тотчасъ вкушаетъ и отъ плода запрещеннаго,—знакъ, что она находилась еще въ состояніи нерѣшимости. Состояніе души, подобное тому, когда внезапною бурею оборваны уже въ кораблѣ снасти, со всѣхъ сторонъ проникаетъ въ него вода, но кормило еще въ рукахъ кормчаго; стоитъ только не терять духа, удвоить усилія, взять мѣры противъ расщелинъ въ кораблѣ, переждать опасную минуту,— и потопленіе избѣгнуто. Какъ останется безъ дѣйствія эта драгоцѣнная возможность спасенія, какъ довершится наша погибель и торжество врага, увидимъ послѣ; а теперь извлечемъ изъ видѣннаго какой-либо урокъ въ наше назиданіе.

Видите, съ чего началась опасность? Съ того же, съ чего на морѣ, во время лѣтняго полудня, начинаются бури опас-

ныя. Среди чистаго неба является вдали малая, темная точка. Опытные мореплаватели, замѣтивъ это, тотчасъ даютъ кораблю направленіе, отличное отъ того, куда она движется. Иначе въ нѣсколько минутъ точка сія возрастетъ въ огромное облако, набѣжитъ на корабль и можетъ сокрушить его. Такъ и здѣсь. На свѣтлой душѣ Евы появился полусвѣтлый вопросъ змія: *что яко рече Богъ?* Вопросъ самъ по себѣ еще, какъ мы видѣли, невинный; но посмотрите, какъ онъ скоро возросъ въ темную тучу сомнѣній! Такъ опасны самые невинные, повидимому, вопросы и недоумѣнія касательно вѣры! Начнешь благонамѣреннымъ, повидимому, испытаніемъ, а кончишь явною хулою на Провидѣніе; ибо путь сомнѣній какъ спускъ съ крутой горы внизъ: первые шаги ровны и тихи, но послѣдующіе невольно ускоряются сами собою до того, что и хотѣлъ бы уже остановиться, но не можешь. Особенно опасенъ путь сомнѣній для неопытныхъ, какою была и праматерь наша. Но Еву, взамѣнъ неопытности, много ограждала еще отъ опасности невинность и чистота души, коихъ въ насъ нѣтъ. Нечистую душу, напротивъ, въ семъ отношеніи должно уподобить храминѣ, въ коей по всѣмъ угламъ разбросано множество разныхъ горючихъ веществъ; посему одна упавшая искра какого-либо сомнѣнія тотчасъ разливаетъ огонь по всей душѣ. Въ такомъ случаѣ откуда берутся вопросы и недоумѣнія! Душа становится подобна горѣ огнедышащей, изъ коей вылетаютъ и дымъ и пламя, вода и камни, подъ коими въ нѣсколько минутъ погребается невозвратно то, надъ чѣмъ трудились многіе годы.

Что же, подумаетъ кто-либо, ужели не надобно размышлять о заповѣдяхъ Божіихъ? Нѣтъ, мы не говоримъ сего, а только хотимъ внушить, что узнавать достоинство и пользу сихъ заповѣдей всего лучше не пытливымъ размышленіемъ объ ихъ причинѣ и цѣляхъ, а вѣрнымъ и постояннымъ исполненіемъ заповѣданнаго. Что сказалъ бы тебѣ опытный врачъ, предписавшій лекарство на твою болѣзнь, если бы ты сталъ сомнѣваться о немъ и философствовать? Примите, онъ сказалъ бы, лекарство, какъ предписано, и тогда судите по его дѣйствіямъ. Сего въ правѣ требовать отъ насъ и человѣкъ намъ подобный, который можетъ сто разъ ошибиться; кольми паче имѣетъ право на то Богъ всевѣдущій и неложный во всѣхъ словесѣхъ Своихъ. Что много думать о томъ, о чемъ до насъ

и за насъ разсуждено Самимъ Богомъ? Надобно принимать лекарство, а не мудрствовать о немъ. Посему души простыя ничего не могутъ лучше сдѣлать въ отношеніи къ предметамъ вѣры, какъ, заградивъ слухъ свой навсегда отъ всѣхъ споровъ и возраженій, ограничиться простымъ исполненіемъ заповѣдей Божіихъ и уставовъ св. Церкви. Для сего, можетъ быть, не безполезно будетъ передать вамъ разсказъ объ одномъ простомъ, но добромъ и твердомъ христіанинѣ, котораго злой духъ хотѣлъ привести въ сомнѣніе о вѣрѣ. «Какъ ты думаешь, вопросилъ онъ, о такомъ-то догматѣ?» Такъ же, отвѣчалъ онъ, какъ думаетъ св. Церковь. «А Церковь какъ думаетъ?» продолжалъ искуситель. Такъ же, какъ и я. «А ты?» Такъ же, какъ и Церковь. На всѣ дальнѣйшіе подобные вопросы былъ одинъ и тотъ же прежній отвѣтъ: и діаволъ, не находя мѣста къ уязвленію, отшелъ—посрамленъ. Вотъ примѣръ, какъ должно ограждать себя простымъ людямъ отъ искушеній въ вѣрѣ!

Тѣ же изъ насъ, кои самымъ званіемъ, или свойствомъ ума своего, или другими обстоятельствами, поставлены въ необходимость изслѣдывать истины вѣры въ ихъ основаніи и взаимной связи, да дѣлаютъ сіе важное дѣло съ благоговѣніемъ и страхомъ, памятуя, что имъ досталось идти опаснымъ и скользкимъ путемъ: да не выпускаютъ они никогда изъ виду злополучнаго примѣра прародительницы нашей, да не забываютъ, что всѣ бѣдствія, отъ коихъ страдаемъ мы, начались съ самаго невиннаго, повидимому, вопроса: *что яко рече Богъ?*

Не наша доля на землѣ знать все: всего не знаютъ и Ангелы на небѣ.—Самъ Сынъ Божій, находясь *во днехъ плоти Своея* (Евр. 5, 7), сказалъ о Себѣ, что Онъ не вѣдаетъ, когда наступитъ послѣдній день міра (Марк. 13, 32). Намъ ли покушаться на всезнаніе? Придетъ время, спадутъ узы плоти, отнимется завѣса чувственности: тогда *узримъ, якоже есть* (1 Іоан. 3, 2), и познаемъ, якоже познани есмы (1 Кор. 13. 12). Аминь.

Бесѣда въ пятокъ 2-ой недѣли Великаго поста.

И видѣ жена, яко добро древо въ снѣдь и яко угодно очима видѣти и красно есть, еже разумѣти (Быт. 3, 6).

Между наклонностію прародительницы нашей къ паденію и самымъ грѣхопаденіемъ была, какъ мы видѣли въ прошедшій разъ, минута недоумѣнія и нерѣшимости. И внявъ змію, мы не вдругъ еще простерли руку къ плоду запрещенному. Что̀ именно было въ эту минуту на душѣ Евы, единъ Богъ вѣсть. Но, явно, было не то, что̀ должно; явно, что мы не умѣли употребить сей драгоцѣнной минуты въ свою пользу.

Что̀ бы надлежало сдѣлать намъ среди обышедшей насъ тьмы клеветъ и подозрѣній зміиныхъ? Надлежало отвратить взоры отъ змія и древа, устремить ихъ горѣ—къ Богу, и въ Его совершенствахъ и благодѣяніяхъ намъ искать успокоенія сердцу, мятущемуся сомнѣніями. Такимъ образомъ, безъ труда, нашлось бы все, что̀ нужно къ угашенію разженныхъ стрѣлъ сатаны. Ибо, возможно ли, чтобы Творецъ всесовершенный позавидовалъ въ чемъ-либо Своей твари? Чтобы Всеблагій запретилъ плоды древа потому, что вкушеніе отъ нихъ могло поставить человѣка на высшую степень совершенства? Развѣ не въ Его волѣ было не вызывать насъ на свѣтъ изъ ничтожества? Что мы бытіемъ своимъ могли придать къ Его безпредѣльнымъ совершенствамъ?—Но Онъ возлюбилъ насъ еще не-сущихъ: извлекъ изъ небытія и украсилъ—не только умомъ и волею, но и самымъ образомъ Своимъ; сдѣлалъ владыками рая и всей земли и предназначилъ къ господству надъ прочими тварями. Это ли зависть и недоброхотство?—А ты, проклятый искуситель, что сдѣлалъ для насъ добраго? Чѣмъ доказалъ истину своего мнимаго усердія? Развѣ тѣмъ, что клевещешь теперь на Бога и хочешь погубить насъ, коварный? Но твоя злоба и лукавство не останутся безъ казни.—Кто бы ты ни былъ—простой змій, или хуже змія, мы возвѣстимъ о тебѣ Всемогущему и будемъ молить, да не являешься ты никогда среди мирнаго жилища нашего. Тогда—предъ лицемъ Его—повторяй, если можешь, ужасную клевету твою; а мы—рабы Господни и вѣруемъ слову Его болѣе, нежели собственнымъ очамъ нашимъ.

Подобныя мысли могли бы разсѣять всѣ недоумѣнія и спасти злополучную праматерь нашу отъ поползновенія ко грѣху. Но сіи мысли остались безъ употребленія. Почему?— Потому, что умъ искушаемой Евы обратился совсѣмъ въ другую сторону. Ибо съ душею нашею бываетъ то же, что̀ и съ тѣломъ: куда обратишься съ мыслію, то̀ и видишь; а что̀ назади тебя, то̀, какъ бы ни было близко, какъ будто не существуетъ для тебя. Это самое послѣдовало и съ Евою: она отвратилась мыслію отъ Бога безъ всякаго, впрочемъ, еще намѣренія преступить заповѣдь Его,—и обратила весь умъ свой къ запрещенному древу,—тоже еще безъ опредѣленнаго намѣренія вкусить отъ плодовъ его, а только какъ бы ища въ немъ или подтвержденія, или опроверженія на то, что̀ говорилъ о немъ змій. Хотя это было уже крайне опасно, но все еще не составило бы полной бѣды, если бы Ева могла смотрѣть на древо просто, не предзанятая мыслями змія, безъ тайнаго предрасположенія найти въ немъ то, что̀ обѣщалъ отъ него искуситель. Ибо, что̀ же такое было въ самомъ древѣ, чтобы нельзя уже было посмотрѣть на него безъ того, чтобы не рѣшиться вмѣстѣ съ тѣмъ вкусить отъ плодовъ его? Особеннаго совершенства въ сравненіи съ другими древами райскими, тѣмъ паче въ сравненіи съ древомъ жизни, предполагать въ немъ, какъ мы видѣли прежде, нельзя. Посему на него совершенно безопасно можно было смотрѣть тому, у кого око было чисто и не затемнено чувственнымъ вожделѣніемъ. Но такой чистоты взгляда и свободы отъ чувствъ у насъ уже не было. Злополучная жена,—сама не вѣдая,—будетъ смотрѣть на дерево сквозь то стекло, которое поставилъ предъ нею искуситель. Посему ей представится въ деревѣ и плодахъ его то, чего никогда не представлялось прежде и не представится послѣ.

И видѣ жена, яко добро древо въ снѣдь, яко угодно очима, еже видѣти, и красно есть, еже разумѣти.

Вотъ сколько вдругъ новостей и открытій! Что̀ Апостолъ усматриваетъ въ цѣломъ мірѣ, говоря, что все, еже въ мірѣ, есть *похоть плотская, похоть очей и гордость житейская* (1 Іоан. 2, 16), то̀ Ева теперь находитъ въ одномъ бѣдномъ деревѣ. А отъ чего? Отъ того, что смотритъ на него, какъ мы сказали, въ увеличительное стекло собствен-

наго чувственнаго вожделѣнія, такое стекло притомъ, которое подкрашено дыханіемъ зміинымъ. Все это, какъ замѣчаетъ св. Златоустъ, служитъ доказательствомъ, что жена, принявши оный пагубный совѣтъ зміевъ, и *свое стараніе приложила*, тѣмъ, то есть, что не удалилась тотчасъ отъ древа, а еще такъ прилежно со всѣхъ сторонъ разсматривала его. Таковъ вообще путь искушеній: сначала онъ широкъ и съ него много выходовъ въ разныя стороны; потомъ становится уже и тѣснѣе, и выходовъ менѣе; наконецъ образуетъ надъ человѣкомъ какъ бы сводъ со стѣнами, такъ что по-неволѣ надобно идти, хотя и согнувшись, далѣе. Ева тѣмъ скорѣе дошла до послѣдняго предѣла, чѣмъ мысль въ ней была живѣе, и желанія, яко еще неиспорченныя, быстрѣе.

И видѣ жена, яко добро древо въ снѣдь, яко угодно очима, еже видѣти, и красно есть, еже разумѣти.

Тутъ же нѣтъ змія, а вмѣсто его продолжаетъ искушеніе собственная похоть. Змій говорилъ: *не смертію умрете;* похоть продолжаетъ: древо не только не смертоносно, но *и добро въ снѣдь.* Змій утверждалъ: *въ оньже аще день снѣсте отъ него, отверзутся очи ваши;* похоть присовокупляетъ: дѣйствительно *угодно очима, еже видѣти.* Змій обѣщалъ: *и будете яко Бози, вѣдяще доброе и лукавое;* похоть подтверждаетъ, и какъ бы уже видитъ на дѣлѣ, то же самое: *и красно есть, еже разумѣти!*

Вотъ сколько новыхъ соблазновъ и поводовъ ко грѣху! А отъ чего? Все отъ того, что праматерь устремила взоръ не туда, куда слѣдовало, — не къ Богу, на небо, а на землю, къ дереву. Когда бы она, какъ мы прежде замѣтили, тотчасъ удалилась отъ опаснаго мѣста, то не было бы ничего подобнаго. Не напрасно одинъ изъ пророковъ чувства наши называетъ окнами, чрезъ которыя входитъ въ душу смерть. Теперь войдетъ ими именно смерть. Хорошо зналъ это св. Іовъ, когда почиталъ нужнымъ полагать завѣтъ очамъ своимъ, чтобы не взирать на запрещенное. Ева не положила сего завѣта и тѣмъ несказанно усилила сама для себя искушеніе.

Но неужели Ева безъ мужа рѣшится кончить дѣло, столь важное? А онъ можетъ еще поправить его, образумить легкомысленную. Напрасная надежда! Змій не ждетъ, похоть очесъ сейчасъ требуетъ удовлетворенія, древо, кажется, само преклоняется долу съ плодами. Тутъ ли мед-

лить? испытать его теперь же,—обрадовать внезапностію супруга,—усвоить себѣ честь открытія, столь важнаго:—*и вземше отъ плода древа, яде!...*

Яде. Выраженіе, показывающее полноту дѣйствія; то есть, не отвѣчала только, вкусила, а съѣла то, что̀ взяла съ дерева. Мы не знаемъ заподлинно, какой это былъ плодъ; но видно, что вкушеніе его продолжалось не одно мгновеніе, а нѣкоторое время, можетъ быть, и не малое, если плодъ былъ не малый. Сего и надлежало ожидать какъ отъ любопытства, такъ и отъ чувственнаго вожделѣнія, кои дѣйствовали теперь въ Евѣ.

Будемъ ли винить и осуждать праматерь нашу за все это? Но чтобы имѣть хотя малое право на сіе, надобно прежде доказать, что мы поступили бы на ея мѣстѣ лучше. А кто изъ насъ въ состояніи сказать это? Увы, мы знаемъ уже всю ядовитость грѣха, и однако же не перестаемъ увлекаться имъ! Ибо хотя мы живемъ уже не въ Эдемѣ, и первобытнаго древа жизни нѣтъ предъ нами; но древъ познанія добра и зла и доселѣ много по всему міру. При каждомъ изъ нихъ слышится древняя заповѣдь: *въ оньже день снѣсте отъ него, смертію умрете!* Но многихъ ли изъ насъ удерживаетъ отъ грѣха это грозное предостереженіе? Прародительница наша единожды токмо простерла руку къ плоду запрещенному, а мы простираемъ ее стократно—во всю жизнь нашу. Самыя бѣдствія отъ грѣховъ нашихъ не могутъ удержать насъ отъ нихъ. Видятъ нерѣдко, что поступаютъ крайне худо; чувствуютъ можно сказать, внутрь себя смерть и пагубу отъ плода запрещеннаго; и, не смотря на сіе, продолжаютъ повторять одинъ и тотъ же грѣхъ, какъ бы не вѣря собственнымъ своимъ ранамъ. Не будемъ же столь дерзки и безразсудны, чтобы роптать безумно на прародительницу нашу, памятуя, что мы сами повторяемъ непрестанно то же самое. Посмотримъ лучше на то, какъ намъ вести себя среди искушеній, дабы не попадаться въ сѣти врага. Для сего выйдемъ изъ Эдема и пойдемъ въ пустыню Іорданскую; ибо что̀ потеряно нами въ раю сладости, то паки обрѣтено для насъ на мѣстѣ слезъ и воздыханій.

Мы хотимъ указать вамъ, братіе, на примѣръ Господа и Спасителя нашего и на Его побѣду надъ искусителемъ, во время четыредесятидневнаго поста Его въ пустынѣ. Иску-

шеніе Спасителя и искушеніе прародителей нашихъ, очевидно, состоятъ въ тѣсной связи между собою. Вторый Адамъ подвергся искушенію, безъ сомнѣнія, не за Себя, а для вознагражденія преступленія Адама перваго: потому и самый видъ Его искушенія весьма похожъ на тотъ, отъ коего пала теперь Ева, съ тѣмъ только различіемъ, что врагъ явился предъ Спасителя уже не въ видѣ змія, какъ искушалъ насъ, а въ собственномъ своемъ лицѣ. Притомъ, что для Евы сосредоточено было въ плодахъ одного древа, то діаволъ для Искупителя раздробилъ, такъ сказать, на три пріема, дабы, если не подѣйствуетъ одинъ, употребить съ успѣхомъ другой: *Аще Сынъ еси Божій, рцы каменію сему, да хлѣбы будутъ:* вотъ первое искушеніе! Можете судить, какъ долженъ былъ казаться добръ въ снѣдь хлѣбъ изъ камней, послѣ того, какъ проведено было въ постѣ четыредесять дней! *И постави Его на крилѣ церковнѣмъ, глаголя: аще Сынъ еси Божій, вержися низу!* Вотъ второе искушеніе, не менѣе привлекательное для обыкновеннаго самолюбія человѣческаго. Ибо въ какое удивленіе пришелъ бы весь Іерусалимъ, увидѣвъ Іисуса, свергшагося безвредно долу съ такой высоты, съ которой страшно было посмотрѣть внизъ! Во истину и это красно было, еже разумѣти опытомъ. *И показа Ему вся царствія міра и славу ихъ, глаголя: сія вся Тебѣ дамъ, аще падъ, поклонишимися:* вотъ третіе искушеніе, столь же сильное; ибо для того, кто не имѣлъ во всю жизнь, гдѣ подклонить главу, долженствовало быть весьма угодно—видѣть весь міръ, со всѣми благами и красотами его, подлежащимъ своей власти!

Что же Искупитель нашъ? У Него нѣтъ, какъ у Евы, *помысловъ многихъ,* а единая только неизмѣнная мысль о святой волѣ и славѣ Отца небеснаго. Когда искуситель хочетъ обратить вниманіе Его на предметы дольніе, Онъ всякій разъ обращается при семъ горѣ, къ Отцу, и отъ Его свѣтлаго лица взимаетъ отвѣтъ врагу. На предложеніе о хлѣбахъ, Онъ отвѣчаетъ: *не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ, исходящемъ изъ устъ Божіихъ.* На предложеніе вергнуться низу, говоритъ: *не искусиши Господа Бога твоего.* Предложеніе царствъ міра, съ подчиненіемъ за господство надъ ними врагу, отражаетъ словами: *Господу Богу твоему поклонишися, и Тому единому послу-*

жиши. И всѣ отвѣты заключены повелительнымъ гласомъ: *Иди за Мною, сатано!* А Ева пустила его предъ собою, какъ вождя и руководителя, пошла за нимъ легкомысленно,— и погибла. Но вмѣстѣ съ этою твердостію и съ симъ величіемъ Спасителя, смотрите, какое въ Немъ глубокое смиреніе! Онъ ничего не говоритъ діаволу отъ своего лица, а все заимствуетъ изъ слова Божія, поражаетъ его такимъ образомъ мечемъ нерукотвореннымъ: *писано бо есть, писано бо есть,* отвращая насъ Своимъ примѣромъ отъ той самонадѣянности, съ коею праматерь наша вступила въ бесѣду съ искусителемъ, и подая намъ примѣръ смиренія, коимъ всего скорѣе побѣждается гордый противникъ нашъ. Весьма полезно посему и для насъ имѣть въ памяти своей запасъ изреченій Св. Писанія, дабы въ случаѣ искушенія тотчасъ можно было употребить ихъ къ отраженію стрѣлъ вражіихъ. А кто не можетъ сдѣлать сего, тотъ въ семъ случаѣ дѣлай, по крайней мѣрѣ, вотъ что: первѣе всего устреми мысль къ Богу и проси помощи; ибо сами по себѣ, мы, какъ трость вѣтромъ колеблемая, легко можемъ увлечься и пасть, безъ помощи свыше. Во-вторыхъ, если можешь, то закрой глаза и бѣги отъ предмета и мѣста искушенія. Ибо и Ева, если бы тотчасъ удалилась отъ дерева и змія, то не вкусила бы плода. А когда нельзя удалиться внѣшне, то старайся по крайней мѣрѣ быть далѣе внутренно, то есть, не обращай, подобно Евѣ, взора и мыслей на предметъ искушенія; старайся не видѣть и не знать его; иначе и тебѣ, въ минуту искушенія, можетъ показаться онъ стократъ привлекательнѣе, нежели каковъ есть на самомъ дѣлѣ. Когда мы будемъ такимъ образомъ блюсти себя и сражаться со врагомъ, чѣмъ можемъ, сражаться и призывать на помощь Господа: то быть не можетъ, чтобы насъ оставили безъ услышанія, ибо Господь, какъ увѣряетъ слово Божіе, никогда не попускаетъ намъ быть искушаемымъ паче, нежели можемъ понести. Аминь.

Бесѣда въ среду 3-ьей недѣли Великаго поста.

И вземши отъ плода его (Ева), яде, и даде мужу своему, и ядоста (Быт. 3, 6).

Преступленіе заповѣди Божіей прародительницею нашею было уже крайне важно и пагубно для насъ; но дѣло паденія нашего не было еще симъ кончено. Въ лицѣ Евы пала только одна половина рода человѣческаго, и при томъ слабѣйшая. Адамъ еще не участвовалъ въ преступленіи заповѣди. Можно было надѣяться, что онъ, яко мужъ и глава, устоитъ противъ искушенія. Но, увы, самая надежда эта была уже такова, что почти надлежало опасаться неисполненія ея. Ибо много ли было бы радости, если бы Адамъ и не палъ, когда согрѣшила уже Ева? — Тѣмъ, кои были такъ неразрывно сопряжены въ состояніи невинности и блаженства, трудно было раздѣлиться и въ наказаніи за него. Взаимный союзъ прародителей такъ былъ неразрывенъ и глубокъ въ основаніи его, что происшедшее въ одномъ не могло въ то же время не отражаться и въ другомъ, такъ что вмѣстѣ съ Евою, можно сказать, предниспалъ уже и Адамъ. Симъ именно, ничѣмъ другимъ, объясняется та скорость и, такъ сказать, безпрекословность, съ коими, по описанію Моисея, падаетъ прародитель нашъ. Ева, по крайней мѣрѣ, бесѣдуетъ съ зміемъ, разсматриваетъ запрещенное древо, недоумѣваетъ, борется съ собственными мыслями, и потомъ уже простираетъ руку къ плоду; въ Адамѣ не видимъ ничего подобнаго: ему подаютъ плодъ, онъ беретъ его, какъ обыкновенный, и вкушаетъ, то есть, дѣло происходитъ такъ, какъ бы уже не могло быть иначе. *И даде мужу своему, и ядоста.*

Впрочемъ, не должно думать, чтобы все это произошло совершенно молча: ибо иначе Адамъ и не зналъ бы, какой подаютъ плодъ, слѣдовательно, и вкушая его, не былъ бы виновенъ въ преступленіи заповѣди. Ева разсказала, конечно, о своей встрѣчѣ и бесѣдѣ съ зміемъ,—какъ послѣдній открылъ ей мнимую тайну запрещеннаго древа, какъ подѣйствовалъ на нее самый видъ плодовъ его и что вкушеніе отъ нихъ не только не заключаетъ въ себѣ ничего вреднаго, но и сопряжено съ удовольствіемъ. А это все, по необходимости, заставляетъ предполагать, что въ Евѣ, по

вкушеніи отъ гибельнаго плода, дѣйствительно на первый разъ не произошло ничего явно худаго, тѣмъ паче мучительнаго, иначе какъ бы рѣшилась она поднесть собственными руками супругу своему ту отраву, которая терзала ея внутренность? — Въ послѣднемъ случаѣ она скорѣе отвратила бы своего супруга отъ вкушенія гибельныхъ плодовъ, хотя бы онъ, по любви къ ней, и захотѣлъ раздѣлить ея печальную участь.

Изъ этой мнимой безвредности плодовъ запрещенныхъ должно было составиться для Адама новое и сильное искушеніе. Видя жену, и по вкушеніи отъ нихъ, оставшеюся въ живыхъ, безъ особенной видимой перемѣны на худшее, онъ легко могъ подумать, что если обѣщаніе змія чрезвычайныхъ дѣйствій отъ сихъ плодовъ и преувеличено, то и угроза смертію за него также несоразмѣрна съ истиною; что древо если и не божественно, какъ увѣрялъ змій, то и не смертоносно, какъ объявлялось въ заповѣди Божіей. Съ другой стороны, если бы и оставались какія-либо сомнѣнія въ душѣ Адама, если бы и готовы были причины къ возраженію на слова Евы, и представлялась удобность показать, что она въ заблужденіи, то уже поздно было врачевать зло; дѣло сдѣлано невозвратно; плодъ сорванъ и вкушенъ Евою; осталось только или предоставить падшую самой себѣ, или раздѣлить съ нею тяжесть грѣхопаденія. Любовь къ Богу не устояла предъ любовію къ женѣ: и Адамъ предпочелъ послѣднее!...

И даде мужу своему, и ядоста. Значитъ, Ева при семъ снова вкусила отъ плода запрещеннаго и такимъ образомъ нарушила заповѣдь Божію какъ бы дважды. Откуда бы ни произошло это,—отъ особенной ли расположенности къ плодамъ запрещеннымъ, или изъ желанія подать симъ примѣръ мужу, во всякомъ случаѣ вина ея чрезъ то усугублялась, а это повлечетъ за собою, какъ увидимъ, и наказаніе сугубое. Но, если Ева виновнѣе въ томъ, что первая открыла сердце свое искусителю, первая вкусила отъ запрещеннаго древа, и она же увлекла примѣромъ своимъ мужа, снова вкусивъ для сего предъ нимъ отъ плодовъ его, то Адамъ въ свою очередь виновнѣе жены тѣмъ, что яко глава жены, долженствуя быть руководителемъ ея, легкомысленно увлекся ея предложеніемъ, и почти безъ всякаго размышленія престу-

пилъ ту заповѣдь, которую непосредственно принялъ отъ Самого Бога. Въ семъ-то, конечно, разумѣ и Апостолъ Павелъ называетъ одну Еву обольщенною (1 Тим. 2, 14), и одного Адама преступникомъ заповѣди (Рим. 5, 12. 14. 19).

Взглянемъ теперь на самый поступокъ прародителей нашихъ. По наружному виду своему, онъ представляется не такъ важнымъ. Ибо что можетъ быть проще, какъ сорвать какой-либо плодъ съ дерева и съѣсть его?—Но когда вникаешь въ сущность сего поступка, то онъ тотчасъ представляется чрезвычайно важнымъ. Почему? Потому, во-первыхъ, что въ семъ случаѣ нарушена воля и заповѣдь не человѣка какого-либо, не Ангела или Архангела, а Существа высочайшаго и всемогущаго, нашего Творца и Благодѣтеля; потому, во-вторыхъ, что сей поступокъ обнаружилъ въ прародителяхъ нашихъ множество худыхъ мыслей и чувствъ, и вообще показалъ, что съ богоподобною природою ихъ произошло ужасное превращеніе.

Въ самомъ дѣлѣ, найдите преступленіе, которое не заключалось бы, явно или тайно, въ этомъ несчастномъ вкушеніи. Невѣріе? Здѣсь не повѣрили ясному и рѣшительному слову своего Творца и Благодѣтеля, и, вопреки заповѣди Его, положились на клевету такого ничтожнаго существа, какъ змій. Гордость? Здѣсь простерлись въ ней до того, что рѣшились сравниться съ Самимъ Богомъ. Любостяжательность? Здѣсь не удовлетворились Эдемомъ и господствомъ надъ цѣлою землею, и не захотѣли предоставить Богу единаго древа. Плотоугодіе и невоздержаніе? Они-то наипаче и погубили насъ, ибо древо первѣе всего показалось добрымъ въ снѣдь. Ненависть и злоба? Но любятъ ли того, чью заповѣдь преступаютъ такъ безумно, и у кого хотятъ отнять, если бы то было возможно, самое владычество?

Такимъ образомъ, нѣтъ грѣха, который бы, явно или тайно, не заключался въ первомъ грѣхѣ прародителей нашихъ. Если когда, то въ семъ случаѣ имѣли всю силу слова Апостола: *иже согрѣшитъ въ единомъ, бысть всѣмъ повиненъ* (Іак. 2, 10).

Не должно забывать и того, что человѣкъ, вкушая отъ плода запрещеннаго, видимо рѣшался не на оскорбленіе только своего Создателя, а и на собственную погибель, ибо ему прямо и ясно было сказано: *въ онь же аще день снѣсте*

отъ него, смертію умрете. Послѣ сего простерть руку къ плоду значило то же, что простерть ее къ своей смерти.

И все это не удержало насъ! И на все сіе мы рѣшились! И все это мы сдѣлали!... О солнце, для чего ты не померкло въ ту минуту предъ праматерію нашею, чтобы показать ей опасность? Земля! для чего ты не сотряслась подъ стопами ея, когда она простирала свою руку? Древа райскія! зачѣмъ вы не преклонились до земли и не удержали ее? Древо познанія, зачѣмъ ты само не обнаружило тайны, въ тебѣ скрывавшейся?

Но что могла сдѣлать неразумная, подчиненная закону необходимости тварь, когда одаренный разумомъ владыка ея злоупотреблялъ своею свободою? Ея долгъ будетъ раздѣлить съ нами несчастныя слѣдствія нашего паденія; не ея дѣло было управлять нашею свободою и остановить ея дѣйствіе. Сего не восхотѣлъ сдѣлать Самъ Творецъ. Ибо, разъ давши человѣку свободу, отказавшись, такъ сказать, въ отношеніи къ ней отъ всякаго принудительнаго всевластія, Онъ никогда уже не возьметъ дара Своего назадъ. Великое, братіе мои, дѣло быть существомъ свободнымъ! Это въ нѣкоторомъ смыслѣ значитъ—быть подобнымъ Богу!. Ибо, по свободѣ, каждый человѣкъ, самый бѣдный и послѣдній, можетъ каждую минуту дѣлать то, чего во всю вѣчность не въ состояніи ни разу сдѣлать вся совокупность существъ неразумныхъ, со всею громадностію ихъ силъ и разнообразіемъ свойствъ, потому что существа сіи, яко неразумныя, всѣ подчинены закону необходимости и не могутъ уклониться отъ того пути, по коему велѣно идти имъ. Человѣкъ, напротивъ, каждую минуту можетъ перемѣнять свои мысли и дѣйствія, устремляться горѣ и долу, на-десно и шуее, слѣдовать истинѣ или лжи, избирать добро или зло. Такимъ образомъ, хотя, подобно другимъ тварямъ, онъ созданъ изъ ничего всемогуществомъ Божіимъ. но вмѣстѣ съ тѣмъ самъ, посредствомъ употребленія своихъ способностей и силъ, можетъ и долженъ быть какъ бы творцемъ своей судьбы.

Познаемъ же, братіе мои, собственное преимущество, возблагоговѣемъ предъ величіемъ дара, насъ украшающаго, и престанемъ расточать сокровище свободы безразсудно. Ибо это даръ столь же опасный, какъ и великій. Мы можемъ

въ каждую минуту, по свободѣ, дѣлать что угодно, но возвратить изъ сдѣланнаго ничего не можемъ. Всякій поступокъ нашъ остается при томъ не одинъ, а произведши изъ себя безконечный рядъ дѣйствій по виду своему. Каждое благое дѣйствіе наше во всю вѣчность будетъ производить изъ себя рядъ дѣйствій благихъ, а злое—злыхъ и несчастныхъ. Посему на какой поступокъ ни рѣшаешься ты, человѣкъ, помни, что ты рѣшаешься на то, что пребудетъ вѣчно. Поступая легкомысленно, и въ сей жизни мы уже часто наказуемся жестоко за наше легкомысліе; рады бы иногда отдать все, чтобы возвратить иной поступокъ, но невозможно. Въ вѣчности же, куда мы должны прейти чрезъ смерть, будемъ страдать отъ сего стократъ болѣе, ибо взоръ нашъ на худость прошедшихъ грѣхопаденій нашихъ сдѣлается несравненно яснѣе, и чувство отвращенія къ нимъ живѣе. Будемъ видѣть, какъ грѣхи наши, подобно намъ самимъ, не умираютъ, а живутъ въ своихъ злыхъ послѣдствіяхъ; и между тѣмъ, не въ состояніи будемъ ничего сдѣлать къ уничтоженію ихъ. Посему изъ жалости къ самимъ себѣ, будемъ, братіе мои, употреблять свободу воли нашей съ крайнею осмотрительностію во всемъ; постараемся притомъ избѣгать не однихъ великихъ, по своему размѣру, преступленій, но и малыхъ нарушеній закона Божія, памятуя, что и первый грѣхъ, погубившій всѣхъ насъ и все вокругъ насъ, состоялъ, по внѣшности своей, не въ погашеніи солнца или луны на небѣ, а въ сорваніи съ дерева и вкушеніи запрещеннаго плода. Аминь.

Бесѣда въ пятокъ 3-ей недѣли Великаго поста.

И отверзошася очи обѣма, и разумѣша, яко нази бѣша, и сшиста себѣ препоясаніе (Быт. 3, 7).

Что это? Ужъ не говорилъ ли змій въ самомъ дѣлѣ правды? Ибо вотъ, чѣмъ угрожалъ Господь, то, повидимому, не сбылось надъ нашими прародителями, а что обѣщалъ змій, то является. Господь сказалъ: *въ оньже аще день снѣсте, смертію умрете:* а Ева и Адамъ живы!... Змій обѣщалъ: *въ оньже аще день снѣсте, отверзутся очи ваши;* и вотъ, они дѣйствительно отверзлись!... *И отверзошася очи обѣма.* Су-

дите посему, какъ злохитро придумано было искушеніе, когда, и послѣ паденія искушаемыхъ, оно все еще какъ бы оправдывается опытомъ...

Но, братіе мои, если когда и гдѣ, то въ семъ случаѣ не должно останавливаться на поверхности вещей, а надобно проникать въ ихъ глубину и сущность. Надъ прародителями сбылись, повидимому, слова искусителя, но въ какомъ видѣ? Въ томъ ли, какъ обѣщалъ онъ? Совершенно въ противномъ. Змій обѣщалъ вмѣстѣ съ отверзеніемъ очей человѣку вѣдѣніе божественное: *отверзутся очи ваши и будете яко Бози, вѣдяще доброе и лукавое.* А теперь что видитъ человѣкъ сими своими ново-отверстыми очами? Видитъ одну свою наготу и бѣдность, то есть, видитъ то, что лучше бы никогда не видѣть, и чего прежде дѣйствительно не видѣли прародители наши, потому что не были такими, какъ теперь. *И отверзостася очи обѣма, и уразумѣша, яко нази бѣша.*

«Все же однако въ семъ случаѣ употребляются, скажешь, объ Адамѣ и Евѣ тѣ-же самыя слова, кои употреблены зміемъ?» Точно, употребляются тѣ же слова, но въ какомъ смыслѣ? не въ томъ, въ какомъ употреблены искусителемъ, а въ другомъ, противномъ. Свящ. Писаніе имѣетъ обычай называть отверзеніемъ очей у человѣка то состояніе, когда онъ увидитъ и замѣтитъ что-либо такое, что давно было при немъ, только онъ не видѣлъ и не примѣчалъ того, подобно какъ и мы говоримъ:—у меня раскрылись тогда-то глаза, то есть, я увидѣлъ то, чего прежде не видалъ и не подозрѣвалъ, хотя и могъ видѣть. Особенно же употребляемъ и мы подобное выраженіе въ случаѣ открытаго обмана или хитрости, прежде непримѣченной,—опасности, до того непредвидѣнной, въ которую заведены мы кѣмъ-либо. Въ семъ-то смыслѣ говорится теперь о прародителяхъ, что у нихъ, по паденіи, отверзлись очи, то есть, они увидѣли теперь, куда завелъ ихъ змій, почувствовали и примѣтили, что съ ними произошла столь же необыкновенная, какъ и несчастная перемѣна, что они хотя тѣ же, повидимому, что и прежде, но на самомъ дѣлѣ далеко не тѣ, а гораздо хуже, что они—наги: *и уразумѣша, яко нази бѣша.*

Примѣчательно однакоже, что такое отверзеніе очей

и чувство наготы произошло не тотчасъ по вкушеніи отъ плода запрещеннаго одною Евою, какъ бы надлежало того ожидать, а теперь, когда вкусилъ уже отъ сего плода и Адамъ. Почему бы это?... Потому, конечно, что для сего необходимо было полное пробужденіе совѣсти, а она не вдругъ могла пробудиться съ надлежащею силою въ душѣ, занятой удовольствіемъ отъ исполненія своихъ страстныхъ желаній. Ева, какъ мы видѣли, находясь предъ деревомъ, увлеченная льстивыми обѣщаніями искусителя, вся, можно сказать, обратилась въ вожделѣніе чувственное, которое и нынѣ, какъ показываетъ опытъ, помрачаетъ силою своею взоръ не только умственный, а даже тѣлесный. Въ такомъ расположеніи душевномъ, совѣсти неудобно было скоро начать дѣйствовать съ силою. Въ Адамѣ—напротивъ: онъ не былъ у дерева, не страдалъ такъ воспаленіемъ души отъ желанія плодовъ его, не подвергался непосредственному обаянію отъ бесѣды зміиной; по тому самому въ немъ скорѣе возникаетъ и совѣсть, по нарушеніи заповѣди. Между тѣмъ и праматерь наша имѣла уже теперь довольно времени выйти изъ замѣшательства душевнаго и возвратиться къ обыкновенному порядку мыслей и чувствъ. Въ такомъ состояніи совѣсть не замедлила надъ обоими воспріять права свои,—а съ возбужденіемъ совѣсти тотчасъ—*отверзошася очи обѣма, и уразумѣша, яко нази бѣша*...

Итакъ, первое слѣдствіе грѣха въ прародителяхъ нашихъ, ими примѣченное, было чувство наготы—не боли какой-либо душевной или тѣлесной, а наготы. Если разложить сіе чувство на его составныя части, то оно даетъ изъ себя два ощущенія, одно тѣлесное—ощущеніе зависимости отъ внѣшнихъ стихій, другое—душевное—ощущеніе внутрь себя стыда и смущенія. Что въ чувствѣ настоящей внѣшней наготы участвовалъ, или паче господствовалъ, теперь стыдъ внутренній, видно изъ того, что Моисей говорилъ о прежнемъ состояніи прародителей до ихъ грѣха: *и бѣста оба нага, и не стыдястася.* Значитъ, теперь устыдились, когда не хотѣли уже болѣе видѣть своей наготы. А что кромѣ стыда, ощущались теперь вмѣстѣ съ нимъ и потребность къ защитѣ отъ стихій, это покажетъ одежда, въ которую облечетъ Господь грѣшниковъ, ибо она будетъ, какъ увидимъ, не другая какая-либо, а кожаная, то есть,

способная къ защитѣ отъ перемѣнъ воздушныхъ. Въ противномъ случаѣ, она была бы слишкомъ тяжела, если бы, то есть, предназначалась къ защитѣ только отъ собственнаго стыда.

Но откуда столь великая перемѣна въ прародителяхъ нашихъ, что они, не знавъ прежде своей наготы, теперь не только познали это, а и начали искать способа сокрыть ее? Явно—отъ грѣха. Какъ и чѣмъ грѣхъ произвелъ наготу? Тѣмъ, что лишилъ человѣка присутствія въ немъ благодати Божіей, которая, проникая и наполняя собою все существо его, дѣлала его неприкосновеннымъ и возвышала надъ всѣмъ дольнимъ. Теперь, послѣ преступленія воли Божіей, божественной силы сей и пренебеснаго облаченія не стало въ человѣкѣ: онъ остался, такъ сказать, одинъ, самъ съ собою, и потому недостаточенъ и нагъ. Это неестественное и плачевное одиночество долженствовало произвести чрезвычайную разность въ его положеніи. Но вмѣстѣ съ лишеніемъ чрезъ грѣхъ благодати произошло въ человѣкѣ еще другое, неменьшее зло—исчезли единство и порядокъ въ его способностяхъ: тѣло престало повиноваться душѣ, воля уклонилась отъ совѣсти, желанія воспротиворѣчили уму, со всѣмъ существомъ человѣка произошло то, что бываетъ теперь съ тѣломъ нашимъ во время такъ называемой болѣзни разслабленія, или онѣмѣнія тѣлеснаго. При такомъ расчлененіи своей природы и онѣмѣніи своихъ силъ, человѣкъ лишился даже той мощи, которую онъ имѣлъ въ себѣ по самой природѣ своей, высокой и богоподобной. Поелику же отношеніе его къ міру внѣшнему и вещамъ зависѣло отъ его собственнаго отношенія къ Богу и самому себѣ, то съ превращеніемъ послѣдняго отношенія, тотчасъ измѣнилось, по необходимости, отношеніе къ нему и всего внѣшняго міра. Оставаясь въ своей первобытной, такъ сказать, невинности и благонастроеніи, всѣ прочія твари и вещи невольно и неизбѣжно оказались противными и враждебными человѣку, послѣ того какъ онъ сдѣлался преступенъ и потому разстроенъ и безсиленъ. Отсюда должно было произойти въ человѣкѣ множество непріятныхъ для него явленій, кои первѣе всего выразились въ немъ стыдомъ и чувствомъ наготы, то есть, недостатка и безсилія: *разумѣша, яко нази бѣша. Наги* отъ благодати Божіей, ко-

торая невидимо облекала собою нашихъ прародителей, а теперь удалилась отъ нихъ, какъ удаляется свѣтъ отъ земли, когда между ею и солнцемъ станетъ темное тѣло; *наги* отъ своей невинности и чистоты, кои также служили для нихъ покровомъ, а теперь были потеряны; *наги* отъ господства надъ стихіями и міромъ видимымъ, который начиналъ уже становиться во враждебное отношеніе съ ихъ тѣлеснымъ бытіемъ.

Это новое скорбное чувство лишенія и наготы было такъ сильно, что злополучные прародители немедленно начали искать средствъ, если не избавиться отъ него совершенно, то уменьшить его силу, какимъ-либо прикрытіемъ своего тѣла. *И сшиста себѣ препоясаніе.* Не цѣлую одежду, которой вдругъ неудобно было и составить, а одно препоясаніе, для коего веществомъ могли служить листья тѣхъ же деревъ райскихъ. Такая одежда удовлетворяла по крайней мѣрѣ тому, что, при чувствѣ наготы тѣлесной, казалось наиболѣе требующимъ покрова. До такой скудости и умаленія дошелъ вдругъ богоподобный владыка земли! Смотря умственно на Адама и Еву, какъ они поспѣшно рвутъ листья древесные и неопытными еще въ семъ дѣлѣ руками творятъ себѣ, смущенные, препоясаніе, нельзя не воздохнуть горько и не восплакать о ихъ злополучномъ жребіи, ибо это малое препоясаніе вполнѣ выражало собою всю глубину ихъ паденія.

Между тѣмъ, видите ли, братіе мои, откуда произошли всѣ наши одежды? Это—слѣдствіе нашей нечистоты и преступленія воли Божіей. Это плодъ нашего слѣпаго послушанія змію и безумой вражды съ Богомъ. Это—всегдашній съ тѣхъ поръ трауръ по нашему первобытному состоянію невинности и блаженства! А мы, неразумные, забывъ все это, позволяемъ себѣ тщеславиться одеждою; обратили въ предметъ отличія и гордости то, что должно служить для насъ всегдашнею укоризною! Ахъ, отличаться множествомъ одеждъ не то же ли значитъ, какъ и тщеславиться множествомъ знаковъ нашего рабства, нашихъ немощей, нашего грѣхопаденія? Прародители, облекаясь потомъ въ одежду, безъ сомнѣнія, всякій разъ вспоминали со вздохомъ о томъ блаженномъ состояніи, когда они были наги и не стыдились. Такъ бы надлежало поступать и всѣмъ намъ. Когда

по утру надѣваешь на себя одежду, приводи себѣ на память первый грѣхъ нашъ, который сдѣлалъ ее для тебя необходимою. Когда вечеромъ слагаешь ту же одежду, преносись мыслію къ будущему воскресенію изъ мертвыхъ, когда паки не будетъ нужды ни въ какомъ одѣяніи. Отъ сего сугубаго постояннаго воспоминанія вѣрно умалится, если не исчезнетъ совсѣмъ, несчастная охота твоя къ безразсудному щегольству платьемъ: ты будешь употреблять его, какъ печальную необходимостъ, и престанешь искать отличія въ томъ, что для всѣхъ насъ должно служить къ стыду и въ укоризну.

Посмотримъ теперь на другую сторону нашего предмета. Обѣщаніе искусителя, какъ мы видѣли, не сбылось ни мало, а послѣдовало противное тому; но не сбылась, повидимому, и угроза Божія, ибо сказано было: *въ оньже день снѣсте отъ него, смертію умрете;* а прародители наши, хотя и подверглись чувству наготы, хотя и ниспали въ очевидно худшее состояніе, но остались однако живы и не умерли; даже будутъ оставаться на землѣ въ десять разъ долѣе, нежели сколько живутъ теперь самые долговѣчные изъ насъ — ихъ потомковъ. Что же значитъ все сіе, и какъ примирить это съ истиною?—Весьма не трудно, если опять вникнуть со вниманіемъ и въ слово Божіе и въ самое дѣло. Не безъ причины, конечно, сказано въ угрозѣ Божіей не просто: умрете или потеряете жизнь, а — *смертію умрете,* чѣмъ прознаменуется какое-то какъ бы обиліе, разнообразіе и продолжительность смерти. Прародители наши, въ сообразность многочастному составу естества человѣческаго, дѣйствительно имѣли подвергнуться за преступленіе свое не одной, а многимъ смертямъ, изъ коихъ одна слѣдовала за другою, и какъ бы выходила изъ предшествующей, доколѣ не оканчивалось все гробомъ и тлѣніемъ. Такъ духу человѣческому предстояла своя смерть, душѣ — своя, тѣлу наконецъ также своя, но каждой части, сообразно значенію ея въ составѣ человѣка, предстояла смерть въ особенномъ видѣ, и не въ одно и то же время, а послѣдовательно и преемственно. Посему смерть духовная, самая главная и страшная изъ смертей, ибо изъ ней уже происходили всѣ прочія, — послѣдовала тотчасъ по преступленіи, не только въ тотъ же самый день, но въ то же мгновеніе, ибо человѣкъ-

грѣшникъ, преступивъ заповѣдь Божію, тогда же умеръ въ духѣ для жизни въ Богѣ, лишился благодати и съ нею высшаго начала своей дѣятельности, пересталъ дышать Духомъ Божіимъ, потерялъ истинное блаженство и жизнь вѣчную. Смерть въ душѣ человѣка также не замедлила показать своего страшнаго лица — тѣмъ, что всѣ способности душевныя разъединились, превратились, ослабѣли и какъ бы замерли: въ умѣ и понятіяхъ явились мракъ и невѣдѣніе, въ сужденіяхъ — колебаніе и неправильность, въ воображеніи безобразіе и разстройство, въ памяти—забвеніе и смѣшеніе понятій. въ чувствѣ — страхъ и недовольство, въ пожеланіяхъ — нечистота и проч. Тѣло человѣка, яко грубѣйшая часть существа его. менѣе, повидимому, обнаружило свою порчу и смертность, но тотчасъ однакоже обнаружило уже тѣмъ, что потребовало одежды для защиты, — знакъ, что надъ нимъ начала уже свое дѣйствіе какая-то сила враждебная и разрушительная. Такимъ образомъ человѣкъ весь — отъ духа до тѣла — отъ высшихъ силъ и способностей до самыхъ низшихъ — подвергся владычеству смерти, сообразно угрозѣ Божіей, тотчасъ по своемъ преступленіи; только сіе владычество, — по самой обширности его, — обнаруживалось не вездѣ и во всемъ вдругъ, а постепенно. Для большаго уясненія сей истины, вообразимъ, что кому-либо угрожаемо было за извѣстное преступленіе немедленнымъ пожаромъ его дома, и пожаръ дѣйствительно начался бы тотчасъ по его преступленіи, только продолжался бы не одинъ день, а нѣсколько, потому что зданіе, по огромности его, не могло сгорѣть въ одинъ день: скажетъ ли кто-либо послѣ сего, что угроза не исполнилась?—Подобное сему было и съ нами: созданная по образу Божію, природа человѣческая заключала въ себѣ такъ много, что смерть, при всей лютости ея, не могла вдругъ равно проникнуть во вся составы ея и овладѣть всѣми частями до того, чтобы тотчасъ обратить самое тѣло паки въ землю, отъ нея же взято.

«Но всё,—скажетъ еще кто-либо,—угроза Божія смертію, *въ оньже аще день снѣсте отъ него,* какъ будто не исполнилась надъ нами во всей силѣ, всѣ мы какъ будто пощажены за что-либо, и намъ дана какъ бы нѣкая разсрочка въ уплатѣ оброка за грѣхъ, то есть, смерти». Пожалуй, если тебя не

удовлетворяетъ вышесказанное, то и мы готовы съ удовольствіемъ согласиться, что съ нами при семъ случаѣ не поступлено со всею строгостію (и что было бы съ нами въ противномъ случаѣ?); только это снисхожденіе къ намъ нисколько не служитъ къ нареканію на истину словъ Того, Кто угрожаетъ намъ смертію. Ибо причиною снисхожденія была не слабость угрожавшаго, якобы Онъ не могъ выполнить Своей угрозы (долго ли было лишить жизни двухъ человѣкъ, когда и нынѣ каждый изъ насъ можетъ отнять ее у всякаго?), а другая, совершенно другая. Какая? Та, что въ ту же самую минуту, когда мы, вкусивъ отъ древа и преступивъ заповѣдь, по тому самому подверглись было смерти, въ ту же, говорю, минуту явился за насъ Ходатай и Защитникъ, такой Защитникъ, Коего гласу нельзя было не внять самому правосудію Божію, потому что Онъ не просто ходатайствовалъ за насъ, какъ дѣлаютъ люди, не просилъ только и умолялъ, а всецѣло воспринялъ на Себя нашъ грѣхъ и наказаніе за него, то есть, нашу смерть. Вы знаете, братіе мои, кто сей великій Защитникъ и Благодѣтель нашъ: это единородный Сынъ Божій, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, сей, какъ именуется Онъ у св. Павла. вторый Адамъ, такъ благотворно замѣнившій собою для всего рода человѣческаго Адама перваго. Онъ-то, говоримъ, принялъ на Себя, еще въ Эдемѣ, и нашъ грѣхъ, и нашу смерть, дабы потомъ, *въ скончаніе временъ,* явившись на землѣ во плоти, взойти за насъ (какъ и взошелъ) на крестъ, и смертію Своею умертвить на немъ какъ грѣхъ человѣческій, такъ и смерть человѣческую, да избавившись, какъ говоритъ Апостолъ, отъ грѣха и проклятія, *правдою поживемъ* (Рим. 6, 10).

Послѣ такого, совершенно съ нашей стороны неожиданнаго, всемогущаго и крайне благодѣтельнаго для насъ посредничества, естественно должно было уже все измѣниться въ судьбѣ нашей. За снятіемъ съ насъ преступленія эдемскаго, сама собою снималась и казнь эдемская: смерть посему не имѣла уже надъ нами прежняго своего неотразимаго права, ибо грѣхъ нашъ, перешедъ на Ходатая и Искупителя нашего, терялъ въ отношеніи къ намъ свою обвинительную силу. Вслѣдствіе сего, мы могли бы даже вовсе быть освобожденными отъ смерти тѣлесной, если бы она

не была нужна для насъ же самихъ со многихъ другихъ сторонъ, а всего болѣе для того, дабы служить обузданіемъ нашей чувственности, преградою нашимъ страстямъ, и чтобы въ противномъ случаѣ, то есть, когда бы грѣхъ не пресѣкался въ человѣкѣ смертію, *зло,* какъ выражается Григорій Богословъ, *не стало безсмертнымъ.* Посему, оставленная для нашего же блага, смерть есть теперь для вѣрующихъ въ Искупителя не столько наказаніе, сколько ограда, помощь и врачевство: ею полагается конецъ всѣмъ недостаткамъ и горестямъ нашего узническаго бытія на землѣ, ею довершается въ нѣдрахъ земли очищеніе природы нашей, зараженной ядомъ грѣха; ею, наконецъ, душа наша какъ бы возвращается къ первоначальному источнику своего бытія, Богу, дабы отъ Него, въ свое время, снова пріять вмѣстѣ съ тѣломъ полное пакибытіе, жизнь и блаженство вѣчное.

Падемъ же, братіе мои, предъ Искупителемъ нашимъ и возблагодаримъ Его за величайшее благодѣяніе, оказанное всѣмъ намъ еще въ Эдемѣ, возблагодаримъ и будемъ памятовать, Кому всѣ мы обязаны жизнію послѣ того, какъ подпали было за грѣхъ владычеству смерти. Аминь.

Бесѣда въ среду 4-ой недѣли Великаго поста.

У услышаста гласъ Бога, ходяща въ раю, по полудни, и скрыстася Адамъ же и жена его отъ лица Господа посредѣ древа райскаго. И призва Господь Богъ Адама, и рече ему· Адаме, гдѣ еси? и рече ему гласъ слышахъ Тебе ходяща въ раи, и убояхся, яко нагъ есмь и скрыхся И рече ему Богъ· кто возвѣсти тебѣ, яко нагъ еси, аще не бы древа, его-же заповѣдахъ тебѣ сего единаго не ясти, отъ него ялъ еси? И рече Адамъ· жена, юже, далъ еси со мною, та ми даде отъ древа, и ядохъ. И рече Господь Богъ женѣ· что сіе сотворила еси И рече жена· змій прельсти мя, и ядохъ (Быт. 3, 8—13).

Какъ ни велико было преступленіе прародителей нашихъ, какъ ни глубока бездна, въ которую съ высоты богоподобія низринулъ насъ врагъ искуситель, но еслибъ бѣдственное состояніе наше было не медля сознано и понято нами, какъ должно, если бы вмѣсто бѣгства, скрытности и извиненій, мы сами поспѣшили явиться предъ Господа, исповѣдали предъ Нимъ искренно свои грѣхи, пали со смиреніемъ и любовію къ стопамъ Его и предали бы судьбу свою въ

волю Его преблагаго, то, безъ сомнѣнія, намъ отпущено было бы многое изъ того, что теперь, хотя и не ко вреду, а къ пользѣ нашей, такъ сильно тяготѣетъ надъ нами. Ибо если истинное раскаяніе и внѣ рая преклоняетъ гнѣвъ Божій на милость и производитъ чудеса милосердія, то чего не могло бы оно произвести, принесенное въ раю, у древа жизни, тотчасъ по паденіи, когда ядъ грѣха не успѣлъ еще проникнуть насъ всецѣло и сдѣлать рану нашу такъ лютою и злокачественною? Исправительное наказаніе за грѣхъ, конечно, не могло быть снято съ насъ вовсе, но, по всей вѣроятности, наложено было бы на насъ не въ настоящемъ его, такъ грозномъ и удручительномъ видѣ, а въ другомъ, болѣе легкомъ и тихомъ, такъ что, можетъ быть, намъ дозволено было бы всю эпитимію нашу за грѣхъ понести и совершить не на сей, преданной проклятію землѣ изгнанія, а среди того же рая сладости.

Но, увы, мы и чувствовали, повидимому, грѣхопаденіе свое и не чувствовали; не хотѣли уже болѣе внимать змію, но не желали видѣть и Господа: стыдились наготы тѣлесной и какъ будто ни во что ставили наготу духовную; сознавали, что съ нами худо, что мы лишись многаго, но все еще думали помочь страшной бѣдѣ своей собственнымъ умомъ и усиліемъ!... *И скрыстася Адамъ и жена его отъ лица Господа посредъ древа райскаго.*

Таковъ, братіе мои, до сихъ поръ каждый грѣшникъ! Таковы всѣ мы! Чтобы почувствовать всю гнусность своихъ грѣховъ, для сего мало нашей, самой тонкой, повидимому, чувствительности, а потребна особенная благодать Божія. Безъ сего, какъ бы ни были мы обременены грѣхами, что бы даже ни терпѣли отъ нихъ въ своихъ дѣлахъ и жизни, въ насъ никогда не явится истиннаго чувства раскаянія. Будемъ сознавать и говорить, что мы грѣшники, будемъ являться по временамъ предъ служителемъ алтаря и хладнокровно, а иногда и со слезами, разсказывать о своихъ паденіяхъ; но не достигнемъ того сокрушенія о своихъ грѣхахъ, того *покаянія,* какъ выражается Апостолъ, *нераскаяннаго* во спасеніе, которое состоитъ въ невозвратномъ отвращеніи отъ прежнихъ путей беззаконія, и въ несовратимомъ шествіи до конца жизни по стезямъ заповѣдей Господнихъ. Ибо одно изъ самыхъ гибельныхъ свойствъ грѣха состоитъ въ

томъ, что онъ ослѣпляетъ нашъ умъ, ожесточаетъ сердце и дѣлаетъ его нечувствительнымъ къ истинѣ и добру. Чтобы измѣнить насъ въ семъ отношеніи, чтобы отнять у нашей души это безчувствіе и онѣмѣніе, для сего потребно дѣйствіе Того, Кто есть *болій сердца нашего* (1 Іоан. 3, 20), можетъ, какъ выражается слово Божіе, *отъ камня воздвигнуть чада Аврааму* (Лук. 3, 8).

Судя по такому свойству грѣха и по тому, что прародители хотятъ теперь сокрыться отъ лица Божія, нельзя не вывести того печальнаго заключенія, что если бы Господь не явился имъ по паденіи, а предоставилъ ихъ самихъ себѣ, то они, можетъ быть, и никогда, по крайней мѣрѣ, долго не пришли бы въ полное сознаніе своего грѣха, не подумали бы обратиться съ покаяніемъ къ своему Создателю. И что было бы тогда? Ядъ грѣха, неостановленный въ дѣйствіи исповѣдію и покаяніемъ, проникъ бы природу нашу еще болѣе и глубже; а за симъ, по необходимости уже, потребовалось бы для исправленія нашего еще большаго наказанія и горчайшаго врачевства.

Но благъ и милосердъ Господь Богъ нашъ: является *не ищущимъ Его* и обрѣтается *не вопрошающимъ о Немъ* (Исаіи 65, 1). Такъ поступилъ Онъ съ нами еще въ Эдемѣ, показуя Своимъ примѣромъ, какъ должно поступать и намъ, когда согрѣшитъ кто-либо противу насъ. *И услышаста гласъ Бога, ходяща въ раи по полудни: и скрыстася — посредь древа райскаго.* Напрасно, основываясь на семъ, такъ сказать, бѣгствѣ прародителей отъ Господа, подумалъ бы кто, что явленіе Его сопровождалось чѣмъ-либо страшнымъ и поражающимъ; нѣтъ, хотя забытый, презрѣнный и промѣненный, такъ сказать, на змія, Творецъ и Благодѣтель имѣлъ все право явиться теперь, облекшись ужасомъ и грозою; но подобнаго ничего не было. Явленіе Господа и теперь было такъ же кротко, благо и просто, какъ прежде, имѣло весь видъ посѣщенія дружескаго. Чтобы не привести въ ужасъ бѣдныхъ и трепещущихъ уже отъ своего жалкаго положенія грѣшниковъ—внезапностію явленія, Господь является даже не вдругъ, а предваряетъ Свое свиданіе съ ними хожденіемъ въ раю, то есть, въ нѣкоей дали отъ того мѣста, гдѣ находились прародители. *И услышаста гласъ Бога, ходяща въ раю.*

Гласъ Бога. Не членораздѣльный, какъ можетъ подумать кто либо, голосъ, ибо бесѣда начнется послѣ, — а нѣкій шумъ, происходящій отъ движенія, къ коему Адамъ и Ева уже до того привыкли, что тотчасъ могли распознавать и отличать его отъ всего прочаго. Между тѣмъ обстоятельство сіе, равно какъ и слѣдующая за симъ бесѣда Божія съ ними, достаточно показываютъ, что настоящее богоявленіе происходило въ образѣ человѣческомъ. Поелику же изъ трехъ лицъ Божества всего свойственнѣе было принять сей образъ Тому, Кто на самомъ дѣлѣ имѣлъ нѣкогда облечься плотію, то есть, Сыну Божію, то не безъ основанія, можно сказать, что мы были допрашиваемы и судимы въ раю не другимъ кѣмъ, а самимъ Искупителемъ нашимъ, и слѣд., не столько судимы и осуждаемы, сколько, какъ увидимъ, щадимы и милуемы.

Св. Бытописатель указуетъ еще при семъ на самое время богоявленія, говоря, что оно послѣдовало по полудни, или точнѣе съ еврейскаго, въ прохладѣ дня, что обыкновенно бываетъ, въ знойные дни, подъ вечеръ. Господь явился и не вдругъ по паденіи, дабы падшіе имѣли время пріити въ чувство и размыслить о своемъ поступкѣ, и недолго спустя, а въ тотъ же самый день, дабы не дать погрузиться имъ въ безчувствіе и нераскаянность. Отовсюду видны были любовь къ намъ и милосердіе!

Но, увы, грѣхъ, содѣлавъ насъ недостойными любви Божіей, въ то же время отнялъ у насъ способность чувствовать ея цѣну и наслаждаться ею. *И услышаста гласъ Господа, ходяща въ раю, по полудни, и скрыстася, Адамъ же и жена его отъ лица Господа Бога посредъ древа райскаго.*

Скрыстася, то есть, нарочно удалились въ чащу деревъ отъ того мѣста, которое служило имъ обыкновеннымъ пребываніемъ и гдѣ находилъ ихъ дотолѣ Господь. Думали, что онъ поищетъ ихъ, не найдетъ, и возвратится на небо. До того затмилось отъ грѣха въ душѣ понятіе о совершенствахъ Божіихъ, что на Вездѣсущаго, потому только, что Онъ былъ теперь въ ограниченномъ образѣ, взирали яко на обыкновеннаго человѣка, отъ коего можно убѣжать и скрыться. «Ибо таковъ обычай согрѣшающихъ», замѣчаетъ св. Златоустъ, «что они хотя и не могутъ сокрыться, однако сокрытися тщатся».

Надлежало посему взыскать заблудшихъ: *и воззва Господь: Адаме, гдѣ еси?* — Гласъ кротости и дружелюбія: прежнее имя: *Адаме,* и прежняя любовь: *гдѣ еси?* Можно бы сказать: гдѣ ты, преступникъ заповѣди? Куда бѣжалъ отъ стыда и казни, тебя ожидающихъ? Но ничего подобнаго, даже и похожаго на то, не было. Вопрошающій какъ будто не вѣдаетъ о происшедшемъ; пришелъ не обличать и судить, а только навѣстить Своего любимца и друга; хочетъ видѣть его, побесѣдовать съ нимъ, оставить ему, можетъ быть, новый знакъ любви и благорасположенія; и, не находя его дома, ищетъ и спрашиваетъ: *Адаме, гдѣ еси?*—Гдѣ, въ какомъ ты мѣстѣ, а еще болѣе, въ какомъ ты состояніи. Съ тобою произошло что-то особенное, притомъ нерадостное. Я всегда заставалъ тебя на своемъ мѣстѣ; ты самъ, бывало, спѣшилъ ко Мнѣ на встрѣчу: теперь другое — прихожу и не вижу тебя: что съ тобою? *Адаме, гдѣ еси?* — Такъ глубоко было паденіе наше, замѣчаетъ при семъ случаѣ одинъ св. отецъ, что самое всевѣдѣніе Божіе какъ бы потеряло насъ изъ виду и принуждено вопрошать: гдѣ мы?

На такой гласъ уже нельзя было не отозваться. И вотъ, Адамъ и Ева исходятъ предъ Господа изъ среды древъ райскихъ, но исходятъ съ препоясаніемъ — не по одному тѣлу, а еще болѣе по душѣ, то есть, съ несчастнымъ запасомъ извиненій и отговорокъ, кои отнимутъ, какъ увидимъ, едва не всю цѣну у ихъ самопризнанія во грѣхѣ. Чтобы не показаться убѣгающимъ отъ самого Бога, по личному отвращенію отъ Его присутствія, Адамъ спѣшитъ объявить причину своего удаленія отъ лица Божія и говоритъ, что причина сія въ немъ самомъ, и есть ничто иное, какъ страхъ отъ своей наготы: *гласъ Твой слышахъ и убояхся, яко нагъ есмь. Убояхся:* наготы надлежало болѣе стыдиться, нежели бояться, но Адамъ приходитъ отъ нея въ страхъ, обнаруживая симъ, что чувство наготы соединено въ немъ съ чувствомъ нарушенія заповѣди. Примѣчательно также, что хотя сокрывался не одинъ онъ, а съ Евою, но упоминаетъ только объ одномъ себѣ, какъ бы Евы вовсе не было съ нимъ. Такъ скоро грѣхъ успѣлъ уже породить въ человѣкѣ самость, заключить его любовь и попеченіе въ одномъ себѣ и разъединить съ самыми первыми ближними. То же самое увидимъ и далѣе — и Адамъ и Ева будутъ извинять только каждый

себя одного, даже слагать вину свою другъ на друга, не жалѣя никого, кромѣ себя.

Убояхся, яко нагъ есмь, и скрыхся. Если я, какъ бы такъ говоритъ Адамъ, не поспѣшилъ къ Тебѣ на встрѣчу, то это было не по недостатку усердія, не по нежеланію видѣть Тебя; нѣтъ, причина сего не въ Тебѣ, а во мнѣ: я нагъ, мнѣ стыдно и страшно въ такомъ видѣ явиться предъ Тобою: *убояхся, яко нагъ есмь, и скрыхся.* То же самое, хотя о семъ и не говорится, было, безъ сомнѣнія, и съ Евою.

Но, признавая въ себѣ такимъ образомъ слѣдствіе грѣха, Адамъ медлитъ однако же признать самый грѣхъ. Что бы сказать прямо: я сокрылся потому, что нагъ, а нагъ потому, что вкусилъ отъ древа, преступилъ заповѣдь Твою? Сего чувства, сей полной откровенности не было: до самаго конца останемся непризнательны, неискренни и нераскаянны!

Подивимся же, братіе мои, долготерпѣнію Господа. Не смотря на такую неискренность, Человѣколюбецъ все еще помедлитъ обличать и осуждать насъ, и новымъ кроткимъ вопросомъ дастъ намъ время одуматься, придти въ чувство, раскрыть добровольно свои раны и просить на нихъ врачевства. *И рече ему Богъ: кто возвѣсти тебѣ, яко нагъ еси, аще не бы отъ древа, егоже заповѣдахъ тебѣ сего единаго не ясти, отъ него ялъ еси?*

Кто возвѣсти? Отъ Меня ты не слышалъ сего, самъ не зналъ о семъ; въ раю некому было сказать этого: какъ же ты узналъ, что ты нагъ? Одно было средство къ тому: не вкусилъ ли ты отъ древа запрещеннаго?

Послѣ указанія на древо нельзя уже было скрывать грѣха: и вотъ, уста трепещущаго прародителя нашего разверзаются наконецъ для исповѣди; но самолюбіе и ложный стыдъ тотчасъ портятъ ее суетнымъ извиненіемъ: *и рече Адамъ: жена, юже далъ ми еси, та ми даде, и ядохъ.* Видите, по самой разстановкѣ словъ, гдѣ поставленъ грѣхъ? Въ самомъ концѣ — *ядохъ,* а напреди и вблизи: жена, за нею Тотъ, Который далъ ее... И для чего все это? Дабы показать, что если Адамъ и согрѣшилъ, то невольно; если въ происшедшемъ и есть какая-либо вина, то общая, часть коей падаетъ на Самого Бога. *Жена, юже далъ ми еси, та ми даде, и ядохъ.* Я самъ, какъ бы такъ говорилъ прародитель, и не думалъ преступать заповѣди; но явилась жена,

та самая, которую Ты мнѣ привелъ и назвалъ моею помощницею, подала мнѣ плодъ запрещенный, и я съѣлъ. Какъ было, подразумѣвалось, не съѣсть поданнаго изъ такихъ рукъ? Могъ ли я думать, что погибну отъ той, которая дана Тобою?

Но, злополучный праотецъ, развѣ жена была дана тебѣ въ руководители? Развѣ повелѣно слушать ее, когда бы она подала и плодъ запрещенный? Она слышала о заповѣди изъ твоихъ устъ, и могла еще, пожалуй, думать, такъ ли она выслушана тобою, какъ должно, и понятъ ли истинный смыслъ ея. Ты напротивъ самъ принялъ заповѣдь прямо отъ Бога. и потому не могъ имѣть въ ней никакого сомнѣнія. А между тѣмъ поступилъ такъ же легкомысленно. какъ и она, тебя во всемъ слабѣйшая.

Подобнаго однако же ничего не было сказано Адаму; а поелику онъ ссылался на жену, то рѣчь обращена къ ней. *И рече Богъ: что сіе сотворила еси?* Для чего и сама вкусила и мужа склонила къ тому же, впавъ такимъ образомъ въ сугубое преступленіе заповѣди?—*Что сотворила?*— Чувствуешь ли, какъ важенъ проступокъ твой? Видишь ли бездну, въ которую зашла сама и завела мужа? — *Что сотворила еси?*...

И рече жена: змій прельсти мя. И я, то есть. не сама задумала зло, а введена въ грѣхъ другимъ. Вольно же — подразумѣвалось — позволять зміямъ брать на себя видъ такихъ злохитрыхъ искусителей и говорить такую обольстительную ложь...

Открыто, такимъ образомъ, Адамомъ и Евою то, чего нельзя было уже скрывать долѣе; но открытое опять тотчасъ старались закрыть обвиненіемъ другихъ. Выходило,— хотя прямо того и не говорили,—что если виноваты Адамъ и Ева, то не правъ и Самъ Законодатель.

Сами чувствуете, братіе мои, какъ неприлично было поступать намъ такимъ образомъ, по преступленіи заповѣди Божіей. Это значило какъ бы заводить нѣкоторымъ образомъ споръ и хотѣть препираться съ Самимъ Богомъ, яко бы мы были невинны. Но гдѣ эта невинность? Самая нагота наша, страхъ нашъ не давали-ль уже намъ знать, что мы были и совершенно виновны, и совершенно безотвѣтны? Между тѣмъ такая нераскаянность наша вполнѣ обнаружи-

вала, какъ необходимо было для насъ наказаніе. Иначе, что̀ бы могло образумить нашу гордость и обратить насъ къ смиренію и покаянію?

Творецъ и Благодѣтель нашъ не будетъ оправдываться предъ прародителями нашими (это было бы недостойно Его величія), а въ самомъ наказаніи покажетъ имъ, что оно не столько зависитъ отъ Его произвола, сколько само собою прямо выходитъ изъ ихъ преступленія. Это мы увидимъ въ слѣдующій разъ; а теперь обратимся къ себѣ самимъ и посмотримъ, не поступаемъ ли и мы въ подобныхъ обстоятельствахъ такъ же, какъ прародители наши.

И къ намъ, недостойнымъ, послѣ каждаго новаго грѣхопаденія, является, можно сказать, Самъ Господь; и насъ, падшихъ посреди рая, еже есть Церковь Христова, взыскуетъОнъ, то внутреннимъ гласомъ совѣсти, то внѣшнимъ вѣщаніемъ духовныхъ пастырей нашихъ; извнутрь, говорю, и совнѣ грѣшникъ, если не закрываетъ слуха своего, всегда можетъ слышать древній гласъ: *Адаме, гдѣ еси?*

Какъ же отвѣчаемъ мы на милосердіе Господа, насъ взыскующаго? — Увы, многіе, подобно прародителямъ, явно убѣгаютъ въ семъ случаѣ отъ лица Божія и сокрываются; и если бы еще, подобно имъ, сокрывались въ чащѣ древъ райскихъ! нѣтъ, убѣгаютъ, можно сказать, въ чащу древъ адскихъ, то есть, въ тьму своихъ гордыхъ и нечестивыхъ помысловъ и дерзкихъ мудрованій о таинствѣ покаянія и исповѣди. «Зачѣмъ я пойду на исповѣдь? говорятъ нагло таковые. Кому какое дѣло до моихъ грѣховъ? Хочу, раскаюсь въ нихъ; не захочу, останусь такимъ, какъ есмь. Мои грѣхи, мое и дѣло». Откуда такой несчастный образъ мыслей, какъ не изъ ада, какъ не отъ духа злобы, этой древней гордыни, которая потому и неисправима, что не знаетъ смиренія и исповѣди?—Увы, бѣдный грѣшникъ, насъ съ тобою тревожитъ то, что̀ нами занимается, о насъ печется Самъ Богъ!... И какъ же бы, скажи, Творецъ могъ забыть и оставить Свое твореніе, въ коемъ Его образъ? Сними съ себя, если можешь, сей образъ, и тогда говори, что никому нѣтъ дѣла до твоихъ грѣховъ. И не ты ли взыскиваешь строго съ слугъ твоихъ за неисполненіе твоихъ, часто безумныхъ повелѣній? Господу ли неба и земли не требовать у насъ отчета въ исполненіи своего закона, въ

коемъ заключены и Его слава и наше собственное блаженство? «Но я вижу во время исповѣди предъ собою не Бога, а подобнаго мнѣ человѣка!» А развѣ бы тебѣ лучше, если бы предсталъ для суда надъ тобою Самъ Богъ? Не растаялъ ли бы ты съ твоею грѣховною нечистотою отъ неприступной славы Вседержителя? Моисей и Илія не могли взирать на явленіе Его; Ангелы и Архангелы закрываютъ отъ Него лица свои; а мы, нашими больными очами, хотимъ смотрѣть прямо на это Солнце? Предъ тобою въ таинствѣ исповѣди человѣкъ, тебѣ подобный; но онъ посланъ отъ Бога; ему дано право вопрошать тебя и произнести судъ надъ тобою. И какой судъ? Не казни, которую мы стократъ заслужили, а милости и прощенія. И послѣ сего мы будемъ медлить пріять—собственное спасеніе?

Другая, большая часть изъ насъ, волею и неволею, является, подобно Адаму, предъ Господа, то есть приходитъ ежегодно на исповѣдь; но съ чѣмъ? Не съ дѣйствительнымъ раскаяніемъ въ грѣхахъ, не съ сердцемъ сокрушеннымъ и духомъ смиреннымъ, а съ нечувствіемъ и хладностію, съ извиненіями и отговорками, съ явнымъ почти желаніемъ сокрыть свой грѣхъ, если бы то было возможно, не только отъ духовника, отъ Самого Бога. Признаютъ, подобно прародителямъ, свои грѣхи; но не чувствуютъ и не видятъ, что въ сихъ грѣхахъ пагуба душевная и вѣчная смерть; говорятъ: *согрѣшилъ—прости,* но не изъ глубины сердца, а по одному обычаю и уставу; даютъ обѣщаніе избѣгать грѣховъ, но безъ внутренней твердой рѣшимости—выполнить обѣщанное. Ссылаются въ извиненіе себѣ то на свое сложеніе и природу человѣческую, то на обстоятельства и положеніе свое въ свѣтѣ, то на примѣры другихъ людей. Какъ будто бы существовалъ какой грѣхъ, отъ коего нельзя было удержаться при помощи благодати Божіей! Какъ будто бы собственная польза наша не требовала оставить, если то нужно, все — самое любезное, рѣшиться на жертвы, самыя тяжкія, только бы не погубить души своей и не лишиться блаженной вѣчности!...

Перестанемъ же, братіе мои, поступать такимъ образомъ, дабы, въ противномъ случаѣ, самое врачевство, то есть, таинство покаянія, не обращалось во вредъ и не служило къ ожесточенію нашихъ душевныхъ ранъ и недуговъ. Сбро-

симъ съ себя всѣ смоковничныя препоясанія; явимся предъ Господа, насъ взыскующаго, во всей наготѣ грѣховной, и да речетъ каждый: се азъ и несчастныя дѣла мои! Нѣтъ у меня извиненія о грѣсѣхъ моихъ: могъ я избѣгнуть соблазна, или устоять противъ него; могъ, если бы захотѣлъ, пребыть вѣрнымъ закону Твоему, и если падалъ стократно, то отъ самого себя, отъ моего легкомыслія, отъ моей злобы, отъ произвольной нечистоты въ мысляхъ и чувствахъ, отъ того, что не употреблялъ, безразсудный, тѣхъ средствъ, кои въ избыткѣ даны и указаны мнѣ къ огражденію себя отъ грѣха и соблазна. Чувствую всю тяжесть вины моей;—и возвергаю надежду на единое милосердіе Твое: помилуй мя падшаго! Отселѣ я столько же возлюблю законъ Твой святый, сколько любилъ прежде беззаконныя удовольствія плоти и міра; такъ же буду внимать совѣсти, какъ слушался доселѣ страстей своихъ. Точію Ты не лиши меня милости и благодати Твоей, и укрѣпи на камени заповѣдей колеблющіяся стопы мои! Твой есмь отнынѣ азъ, спаси мя! Аминь.

Бесѣда въ пятокъ 4-ой недѣли Великаго поста.

И рече Господь Богъ змію: яко сотворилъ еси сіе, проклятъ ты отъ всѣхъ скотовъ и отъ всѣхъ звѣрей земныхъ: на персехъ твоихъ и чревѣ ходити будеши, и землю снѣси вся дни живота твоего. И вражду положу между тобою и между женою, и между сѣменемъ твоимъ и между сѣменемъ тоя: той твою блюсти будетъ главу и ты блюсти будеши его пяту (Быт. 3, 14—15).

Въ прошедшій разъ мы видѣли, братіе мои, какъ совершился допросъ виновнымъ прародителямъ нашимъ, какъ Вездѣсущій благоволилъ, яко единъ отъ насъ, искать ихъ въ Эдемѣ и вызывать изъ среды древъ райскихъ; какъ Всевѣдущій являлся, яко ничтоже вѣдый о происшедшемъ съ ними, да не приведетъ ихъ въ смущеніе и предрасположитъ къ искреннему исповѣданію предъ Нимъ грѣха своего, въ надеждѣ на помилованіе. Хотя прародители наши, по неразумію, отъ грѣха происшедшему, не употребили во благо сего благоснисхожденія Божественнаго; но во всемъ этомъ, тѣмъ не менѣе, была бездна любви, великодушія и

долготерпѣнія къ намъ недостойнымъ. Ибо, много ли владыкъ на землѣ, вопрошаетъ святый Златоустъ, кои сами пріемлютъ трудъ разспрашивать подсудимыхъ преступниковъ? А здѣсь Царь неба и земли, владыка Ангеловъ и Архангеловъ, оставивъ престолъ славы, ищетъ убѣгающаго отъ Него грѣшника и предлагаетъ столько вопросовъ тамъ, гдѣ довольно бы сказать одно слово: «ты преступникъ—се казнь твоя!» Во всемъ этомъ, продолжаетъ святый Златоустъ, Господь подаетъ примѣръ, какъ намъ должно поступать съ виновными,—не предаваться, то есть, безразсудно порывамъ гнѣва, позволять имъ говорить все, что̀ могутъ, въ свое оправданіе, не оскорбляться, если они, по сродной грѣшнику наклонности къ лукавству, скрываютъ даже что-либо изъ дѣла, или представляютъ его не такъ, какъ оно было; вообще бесѣдовать кротко, памятуя, что мы всѣ такимъ же образомъ сами были вопрошаемы и судимы въ раю Господомъ.

Между тѣмъ, судя по такому великодушію въ допросѣ виновныхъ, надлежало ожидать, что и змій-искуситель не осудится и не накажется—невыслушанный. Но его вовсе не спрашиваютъ, а прямо подвергаютъ казни: *и рече Богъ змію: яко сотворилъ еси сіе, проклятъ ты отъ всѣхъ звѣрей земныхъ.* Откуда сія неожиданная суровость? Отъ внезапно воспламенившагося въ Судіи гнѣва, который (какъ бываетъ нерѣдко между нами) заставилъ забыть безпристрастіе и кротость? Всего менѣе. Ибо и при этомъ наказаніи мы увидимъ въ Судіи то же величественное спокойствіе и благость, какія видѣли прежде. Если змій не вопрошается, то потому, что, яко животное неразумное, онъ самъ по себѣ не могъ ни замыслить зла, ни искушать кого-либо: искушалъ въ зміѣ и заставлялъ его клеветать и лгать духъ злобы, который, достигнувъ своей цѣли, вышелъ теперь изъ него; послѣ чего змій, какъ животное, сдѣлался вовсе неспособнымъ къ отвѣту.

Оставалось посему подвергнуть допросу не змія, а діавола, дѣйствовавшаго въ немъ на пагубу человѣка; но и онъ не вопрошается: почему?—потому безъ сомнѣнія, что Всевѣдущій не провидитъ въ немъ никакой надежды къ обращенію. Въ такомъ разѣ не для чего было, скажемъ словами Свящ. Писанія, повергать бисера предъ свиніями:

оставалось токмо поразить нераскаянную гордыню казнію. Но какъ поразить? Человѣкоубійца во время искушенія нисколько не былъ виденъ; онъ дѣйствовалъ не прямо, а изъ-подъ завѣсы; предъ очами Евы былъ одинъ простой змій съ искушеніемъ; отъ змія, ни отъ кого болѣе, производилъ конечно въ своемъ умѣ искушеніе и Адамъ. Сообразно съ симъ и на предстоящемъ судѣ Божіемъ дѣло сіе будетъ оставлено въ томъ видѣ, какъ оно происходило по внѣшности: главному виновнику зла попустятъ остаться невидимымъ во тьмѣ, ему сродной; завѣса, его сокрывшая, уцѣлѣетъ; но не уцѣлѣетъ за нею онъ, лукавый и всезлобный: слово суда и казни хотя произнесется, повидимому, надъ однимъ зміемъ чувственнымъ; но, падая одною стороною на животное, въ то же время—чрезъ него—будетъ всецѣло достигать духа злобы и поразитъ его смертельно въ самую главу.

Посему, для полнаго уразумѣнія казни, изрекаемой теперь змію, надобно представлять себѣ въ умѣ, что слова, къ нему обращенныя, относятся не къ нему одному, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ змію духовному, или діаволу.

И рече Богъ змію: яко сотворилъ еси сіе: поелику ты дерзнулъ возстать противъ человѣка, образа Моего и твоего повелителя; дерзнулъ клеветать предъ нимъ на Меня Самого, и лживыми обѣщаніями увлекъ его къ преступленію Моей заповѣди: то *проклятъ ты отъ всѣхъ скотовъ и отъ всѣхъ звѣрей земныхъ*, мирное царство коихъ унижено и посрамлено тобою на вѣки. Хотя невольно и одушевленный чуждою силою, но поелику ты взялся за то, что̀ превыше тебя, и представлялъ изъ себя въ одно и то же время и клеветника и учителя: то отселѣ ты будешь послѣднимъ изъ существъ, движущихся по землѣ, и яко отребіемъ всего живущаго. У всѣхъ тварей отнимется часть совершенствъ, вслѣдствіе паденія общаго владыки вашего, но у тебя болѣе всѣхъ, такъ что самыя неразумныя животныя будутъ чуждаться тебя, какъ изверга: *проклятъ ты отъ всѣхъ скотовъ и отъ всѣхъ звѣрей земныхъ!*

Дѣйствительно, у всѣхъ прочихъ животныхъ есть между собою взаимныя сообщенія и связи, нѣчто похожее на любовь и дружбу: у одного змія нѣтъ ни съ кѣмъ подобнаго. Все живущее или преслѣдуетъ его, или бѣжитъ отъ него.

На персехъ твоихъ и чревѣ ходити будеши, и землю снѣси вся дни живота твоего—то есть: ты не поднимешь болѣе главы для льстивыхъ собесѣдованій и клеветъ на твоего Создателя; самый образъ движенія твоего покажетъ всѣмъ, что ты существо низринутое и отвергнутое. Не будешь болѣе предлагать въ пищу и плодовъ запрещенныхъ, самъ питаясь брешемъ и гнилостію.

Наказаніе сіе показываетъ, что змій въ первобытномъ состояніи имѣлъ нѣкоторыя качества, коихъ теперь нѣтъ въ немъ,—что онъ двигался и питался не такъ, какъ движется, или паче пресмыкается и питается теперь.

И вражду положу между тобою и между женою, между сѣменемъ твоимъ и сѣменемъ тоя: той сотретъ твою главу, ты же блюсти будеши его пяту. То есть—если примемъ пока слова сіи въ смыслѣ только буквальномъ,—какъ бы такъ говорилъ змію Господь: вмѣсто неестественной близости, въ которую нагло вошелъ ты съ женою неопытною, отнынѣ—такъ сдѣлаю Я: начнется между человѣкомъ и тобою вѣчное взаимное отвращеніе и брань. Все рожденное отъ жены будетъ враждебно змію, и всякое порожденіе зміиное будетъ враждебно для человѣка. Не имѣя возможности сдѣлать большаго зла, ты будешь блюсти за пятою человѣческою, чтобы ужалить ее; а человѣкъ будетъ сокрушать самую главу твою.

Всегдашній опытъ удивительнымъ образомъ подтверждаетъ все сіе, братіе мои! И всѣ твари вышли, болѣе или менѣе, изъ повиновенія падшему человѣку; нѣкоторыя сдѣлались даже опасны для него, по своей силѣ и ярости; но ни къ какому животному нѣтъ у человѣка такого естественнаго и непреодолимаго отвращенія, какъ къ змію; одинъ видъ его уже возбуждаетъ отвращеніе и страхъ: змій противенъ даже на картинѣ. Все это тѣмъ примѣчательнѣе, что есть не мало змѣй, вовсе не ядовитыхъ; есть змѣи, отличающіяся красотою своего вида и своимъ убранствомъ. Съ другой стороны, и змій ни отъ кого такъ не бѣжитъ, какъ отъ человѣка, хотя бы и не былъ преслѣдуемъ. Особенно змій, какъ еще примѣчено древними, боится человѣка нагаго, какъ бы памятуя первобытное состояніе наше въ раю.

Такъ наказанъ змій!—наказанъ и змій чувственный потому, что былъ орудіемъ, хотя невольнымъ, нашей погиб-

бели, наказанъ для того, чтобы служить отселѣ для всѣхъ видимымъ символомъ гнѣва Божія за лукавство и гордость. Любовь Отца небеснаго поступила въ семъ случаѣ по обычаю отцевъ земныхъ, кои, въ избыткѣ горести, проклинаютъ и преломляютъ тотъ мечъ или ножъ, коимъ отнята жизнь у ихъ любимаго сына.

Но мы сказали, что въ наказаніи змія чувственнаго заключались судъ и казнь змія духовнаго—діавола. Какимъ образомъ? Тѣмъ, что подъ каждымъ словомъ, изрекаемымъ на змія, содержится острая и неотразимая стрѣла противъ діавола.

Змій видимый низводится на послѣднюю степень въ ряду живыхъ тварей, дѣлается предметомъ всеобщаго отвращенія и проклятія: змій духовный,—діаволъ, вслѣдствіе настоящаго—новаго преступленія его въ Эдемѣ, низвергнется теперь еще глубже, нежели какъ упалъ, низринутый нѣкогда съ неба. Проклятіе всѣхъ новопроизведенныхъ и подчиненныхъ человѣку тварей, обременивъ ихъ на время, все наконецъ, со всего искупленнаго вмѣстѣ съ человѣкомъ міра, перейдетъ на его главу, вслѣдствіе чего онъ, яко зло болѣе нетерпимое, извергнутъ будетъ изъ свѣтлаго сонма облаженствованныхъ тварей Божіихъ, вонъ—въ *езеро огненное* (Апок. 19, 20).

Змію видимому суждено пресмыкаться по землѣ и питаться бреніемъ: змій духовный долженъ отселѣ пресмыкаться въ преисподней, питаться грѣхами и тлѣніемъ человѣческимъ,—питаться и не насыщаться, поглощать повидимому на время—устами смерти—нѣкія жертвы, но съ тѣмъ, чтобы въ день воскресенія паки возвратить все поглощенное великому Побѣдителю смерти и ада.

Глава змія видимаго осуждена быть цѣлію ударовъ чувственныхъ; глава змія невидимаго поставлена въ цѣль ударовъ духовныхъ. Діаволъ мнилъ чрезъ грѣхъ сроднить съ собою навсегда весь родъ человѣческій, и такимъ образомъ поработить его своему темному владычеству; но вмѣсто покорства срѣтитъ жестокую брань со стороны человѣка. Отъ сѣмени той же жены, которую обольстилъ онъ, непрерывною чредою будутъ возставать дивные ратоборцы на его пораженіе. Авель поразитъ его невинностію и чистотою. Энохъ—постояннымъ хожденіемъ предъ Богомъ, Ной—упованіемъ,

Авраамъ — вѣрою, Моисей—кротостію и смиреніемъ, Давидъ—необыкновеннымъ покаяніемъ, Іеремія—слезами, Креститель—постомъ и уединеніемъ. Наконецъ явится обѣтованное *Сѣмя жены,* явится вторый Адамъ, Господь съ небесе, и родившись именно отъ одной только жены, безъ мужа, всеконечно сокрушитъ самую главу адскаго змія крестомъ, разрушивъ державу грѣха и смерти, которую мнилъ онъ основать на паденіи человѣка.

Уразумѣлъ ли все это врагъ нашъ?... Понялъ ли всю силу и лютость казни, его ожидающей? Едва ли... Иначе не явился бы съ такою наглостію для искушенія втораго Адама въ пустынѣ іорданской. Слишкомъ много событій надлежало провидѣть, дабы уразумѣть вполнѣ, что̀ изрекалось теперь; и главнѣе всего надлежало предвидѣть то, что̀, какъ чудо любви божественной, выходило изъ всѣхъ предѣловъ вѣроятія, то есть, чтобы милосердіе Божіе къ падшему человѣку простерлось до того, что Самъ Единородный Сынъ Божій, оставивъ славу, *юже имѣлъ у Отца прежде міръ не бысть* (Іоан. 17, 5), явится на землѣ во образѣ человѣка, соединитъ Свою судьбу съ нашею судьбою, приметъ на Себя не только плоть, но и грѣхи наши, вознесетъ ихъ съ Собою на крестъ, претерпитъ смерть и сойдетъ въ самый адъ, дабы такимъ образомъ, *возглавивъ Собою всяческая* (Еф. 1, 10), содѣлаться владыкою не только жизни, но и смерти, самаго ада. Могъ ли, ослѣпленный гордостію и злобою, Денница вмѣстить въ своемъ умѣ мысль о таковомъ чудѣ любви и смиренія?

Тѣмъ труднѣе было нашимъ прародителямъ войти разумѣніемъ тогда же во всю глубину суда и казни надъ зміемъ. Но въ этомъ, на первый разъ, не было и нужды. Произнесенное въ слухъ ихъ наказаніе коварнаго обольстителя ихъ, хотя бы сначала и непонятое ими вполнѣ, особенно съ таинственной его стороны,—тѣмъ не менѣе достигало въ отношеніи къ нимъ своей цѣли. Предваряя собою ихъ собственное наказаніе, оно долженствовало служить имъ въ ободреніе, показуя, что Господь дорожитъ ими и послѣ ихъ паденія, и все еще продолжаетъ взирать на нихъ, яко на Свою собственность. Полагаемая Самимъ Богомъ вражда между человѣкомъ и искусителемъ давала знать прародителямъ нашимъ, что они не преданы въ беззащитную жертву злой

и враждебной силѣ, низринувшей ихъ съ высоты невинности и богоподобія, что, не смотря на постигшее ихъ бѣдствіе, у нихъ осталась возможность возстать отъ своего паденія, стать противу врага, сразиться съ нимъ и побѣдить его, заемля для сего и силу и средства отъ Того, Кто является теперь не только Судіею ихъ, но и Отмстителемъ за нихъ. Впослѣдствіи, когда очи прародителей очистятся болѣе слезами покаянія и просвѣтлѣютъ вѣрою и упованіемъ, безъ сомнѣнія, открыто будетъ имъ и болѣе, какъ о благословенномъ Сѣмени жены, такъ и о тлетворномъ сѣмени змія; яснѣе укажется, кто врагъ ихъ и кто Искупитель, чѣмъ побѣждать перваго и какъ соединяться съ послѣднимъ. Но это не касается уже настоящаго предмета нашего: намъ должно теперь обратить вниманіе на другое.

Итакъ, у всѣхъ насъ есть врагъ, ужасный, непримиримый, который коварствомъ своимъ погубилъ насъ въ Эдемѣ, и теперь непрестанно употребляетъ всѣ средства, чтобы никто изъ насъ не возсталъ отъ сего паденія, а, слѣдуя его внушеніямъ, продолжалъ низвергаться все глубже—въ пропасть адскую. У всѣхъ насъ есть и всемогущій Искупитель, Который спасъ насъ отъ смерти вѣчной еще въ Эдемѣ, и тогда же, по безпримѣрному милосердію Своему, принялъ на Себя изгладить всѣ слѣды паденія и возвратить намъ съ лихвою наше первобытное совершенство.

Далѣе—ни Искупитель, ни искуситель нашъ не могутъ дѣйствовать на насъ безъ насъ: первый, не смотря на Свое всемогущество, не можетъ преставить насъ въ рай, если мы будемъ противиться тому; послѣдній, не смотря на всю злобу и хитрость его, не въ состояніи увлечь насъ во адъ, если мы не будемъ содѣйствовать тому. Отъ насъ самихъ посему зависитъ благополучный или злополучный исходъ борьбы, за насъ ведомой; прейти на небо или во адъ, можно сказать, въ нашей волѣ. Итакъ, что же мы дѣлаемъ? кому помогаемъ? на чьей сторонѣ остаемся?...

Увы, у насъ множество споровъ, распрей и браней; а о великой брани между сѣменемъ жены и сѣменемъ змія, то есть, между всѣми нами и общимъ врагомъ нашимъ, многіе изъ насъ почти не вѣдаютъ! Не вѣдаютъ, что этотъ лютый драконъ доселѣ непрестанно ходитъ по всему міру съ темными клевретаму своими, *искій кого поглотити* (1 Петр. 5, 8).

Откуда это пагубное невѣдѣніе? Отъ собственнаго небреженія. Ибо Евангеліе непрестанно возглашаетъ о сей важной для всѣхъ насъ истинѣ.—Другимъ она извѣстна, но обращается ими не на пользу, а во вредъ себѣ и другимъ. Они вѣдаютъ все, что̀ Писаніе сказываетъ намъ о злобномъ врагѣ нашемъ, но не прилагаютъ вѣры сказуемому. Можете судить, какъ долженъ быть доволенъ врагъ нашъ и какъ радоваться, находя между людьми такое невѣріе въ самое бытіе свое!... Лучшаго положенія для себя не могъ пожелать онъ самъ. Ибо, представляя его несуществующимъ, по тому самому нисколько не страшатся его и не берутъ мѣръ противу козней его; а такимъ образомъ даютъ ему возможность дѣйствовать надъ собою, какъ ему угодно. Это воины, отдающіеся въ плѣнъ безъ сраженія! И дѣйствительно, посмотрите на тѣхъ людей, для коихъ духъ злобы не существуетъ. Для нихъ не существуетъ и Искупитель. Ибо для чего искать вождя, когда нѣтъ брани? Для нихъ нѣтъ и заповѣди съ запрещеннымъ древомъ: все позволено!

Блюдитесь, братіе мои, подобныхъ лжеумствователей, мудрыхъ токмо на злое,—на свою и чужую погибель: закрывайте слухъ отъ ихъ душетлѣнныхъ бесѣдъ и возраженій, дабы не пострадать подобно прародительницѣ нашей. Памятуйте непрестанно, что у всѣхъ насъ брань не съ плотію токмо и кровію, не съ соблазнами токмо міра видимаго, а и съ духами злобы поднебесными (Еф. 6, 12), и памятуя о семъ, никогда не слагайте съ себя того святаго всеоружія, коимъ слово Божіе облекаетъ христіанина на сраженіе съ врагомъ нашего спасенія. То есть, какъ говоритъ Апостолъ Христовъ, *станите препоясани чресла ваша истиною, и оболкшеся въ броня правды, и обувше ноз̀ во уготованіе благовѣствованія мира. Надъ всѣми же воспріимше щитъ вѣры, въ немже возможете вся стрѣлы лукаваго разженныя угасити: и шлемъ спасенія воспріимите, и мечъ духовный, иже есть глаголъ Божій, всякою молитвою и моленіемъ молящеся на всякое время духомъ* (Еф. 6, 14—18). Аминь.

Бесѣда въ среду 5-ой недѣли Великаго поста.

И женѣ рече· умножая умножу печали твоя и воздыханія твоя· въ болѣзнехъ родиши чада· и къ мужу твоему обращеніе твое, и той тобою обладати будетъ (Быт 3, 16)

Чѣмъ болѣе размышляемъ мы, братіе мои, о сказаніи Моисеевомъ касательно паденія прародителей нашихъ, тѣмъ сильнѣе убѣждаемся, что въ семъ токмо святомъ сказаніи, не смотря на краткость его, содержится ключъ къ разрѣшенію всѣхъ недоумѣній касательно настоящаго бытія нашего на землѣ, къ поясненію нынѣшняго состоянія самой природы, насъ окружающей. Ибо вообразимъ на время, что у насъ нѣтъ подобнаго сказанія; тогда мы не будемъ знать, какъ произошелъ міръ и человѣкъ, что̀ было потомъ съ нашими прародителями, какъ они пали и увлекли за собою въ бездну зла все, что̀ отъ нихъ зависѣло или имѣло зависѣть въ будущемъ; а безъ сего нельзя сказать совершенно удовлетворительно ни слова о настоящей судьбѣ рода человѣческаго и всего, что̀ окружаетъ насъ: откуда, напр., тѣ бѣдствія, коими всѣ мы окружены съ младенчества до гроба, и для чего они? Откуда разстройство и безпорядокъ въ природѣ, насъ окружающей, которая съ одной стороны является такъ прекрасною, а съ другой представляетъ видъ поля послѣ великаго сраженія? Но когда воспоминаешь объ Эдемѣ и плодѣ запрещенномъ, о змѣ-искусителѣ и пагубной снѣди, о смоковничномъ препоясаніи и грозномъ, но столь же милосердомъ судѣ Божіемъ, то мракъ, покрывающій судьбу земли и человѣка, разсѣевается; узнаемъ, откуда зло въ мірѣ, за что и для чего страдаетъ все живущее; и, вмѣсто ропота и отчаянія, одушевляемся святымъ терпѣніемъ и надеждою на Провидѣніе. И были лжемудрецы, кои, отвергая сказаніе Моисея о первобытномъ человѣкѣ и его паденіи, думали еще показать этимъ свою мудрость! Что же возмогли дать они въ замѣнъ свитка Моисеева? Нелѣпыя мечты разстроеннаго воображенія, кои могли казаться стоющими вниманія только ихъ суемудрымъ изобрѣтателямъ. Но честь и благодарность здравой наукѣ, которая, углубившись въ изслѣдованіе природы, не замедлила сама стать противъ лжеименной мудрости и показать всему свѣту, что бытопи-

саніе Моисея превыше всякаго сомнѣнія, потому что написано не на одной хартіи, а начертано неизгладимыми буквами на лицѣ всей земли. Пожалѣвъ о семъ печальномъ и уже почти прошедшемъ явленіи, пойдемъ паки съ благоговѣніемъ за боговдохновеннымъ вождемъ нашимъ и выслушаемъ изъ устъ его, какъ, во слѣдъ за зміемъ-искусителемъ, судъ Божій коснулся и насъ, кои такъ легкомысленно приложили слухъ къ его обаянію.

И жент рече: умножая умножу печали твоя: въ болѣзнехъ родиши чада: и къ мужу твоему обращеніе твое, и той тобою обладати будетъ. Допросъ начатъ былъ съ мужа, а наказаніе начинается съ жены. Почему такъ? Потому конечно, что жена, какъ мы видѣли, первая открыла слухъ и сердце свои искусителю, и она же сдѣлалась почти единственною причиною паденія для своего мужа. Да не забываютъ сего жены, кто бы онѣ ни были и какъ бы высоко ни стояли, и да прилагаютъ попеченіе о томъ, чтобы скромностію, смиреніемъ и послушаніемъ мужу вознаградить свое первобытное легкомысліе и кичливость!

Умножая умножу печали твоя и воздыханія твоя. Онѣ будутъ, какъ бы такъ сказано, у тебя и сами по себѣ (ибо какъ не печалиться и не воздыхать той, которая легкомысліемъ и продерзостію своею подвергла столькимъ бѣдствіямъ и себя, и мужа, и весь родъ человѣческій?); но кромѣ сего явится у тебя множество еще такихъ скорбей и воздыханій, отъ коихъ мужъ твой будетъ свободенъ, отъ коихъ и ты, хотя и преступница заповѣди, была бы свободна, если бы не показала себя въ дѣлѣ общаго преступленія такъ самонадѣянною и особенно усердною къ общей погибели. Поелику такое, удвоенное, обузданіе необходимо для твоей непомѣрной наклонности къ чувственному: то наложу его Я Самъ; и поелику наложу Я, то никто не въ состояніи будетъ снять его съ тебя. Чѣмъ бы ты ни была, какъ бы высоко ни стояла, печали и воздыханія всюду будутъ слѣдовать за тобою: *умножая умножу печали и воздыханія твоя!*

Послѣ сего какъ бы введенія, изображается уже самое наказаніе жены, состоящее изъ двухъ видовъ: она осуждается, во-первыхъ, на болѣзни рожденія, во-вторыхъ на подчиненіе своему мужу. Разсмотримъ каждое наказаніе порознь

ибо въ томъ и другомъ найдемъ урокъ для нашего назиданія.

Въ болѣзнехъ родиши чада. Значитъ, до преступленія заповѣди, въ состояніи невинности, чада раждались бы безъ болѣзни. Такъ и должно быть. Ибо прилично ли столь великому и священному дѣйствію, каково произведеніе на свѣтъ человѣка, сопряжену быть съ болѣзнями и страданіемъ? Только одинъ грѣхъ, ставъ на срединѣ, могъ произвести сіе, заставивъ явиться скорбь и болѣзнь тамъ, гдѣ бы надлежало быть одной чистой радости и святому веселію. Посему животныя и донынѣ свободны отъ большей части мукъ чадорожденія, какъ бы въ показаніе того, что если человѣкъ столько подлежитъ имъ, то не по необходимому закону природы, а по особенному распоряженію о немъ Промысла Божія. И поелику въ семъ случаѣ дѣйствовало само правосудіе Божіе, то не безъ мудраго конечно намѣренія обратило въ наказаніе женѣ то самое, что̀, въ состояніи невинности, имѣло сопровождаться однимъ чистымъ удовольствіемъ. Ибо Господь всеблагій, если наказуетъ кого-либо, то наказуетъ всегда такъ, чтобы наказуемый самымъ наказаніемъ отводился отъ какого-либо зла и приводился къ какому-либо добру. Въ настоящемъ случаѣ, когда опредѣлялась судьба не одной Евы, а въ лицѣ ея и всѣхъ будущихъ дщерей человѣческихъ, цѣлой половины всего рода человѣческаго, тѣмъ паче имѣлось въ виду не мщеніе какое-либо и не желаніе поразить какъ можно чувствительнѣе и преогорчить самую большую радость въ жизни, а благо самой жены.

Какое же благо?—спроситъ кто-либо. То, чтобы удержать на будущее время жену отъ поползновенія къ грѣху. При запрещенномъ древѣ, Ева, какъ мы видѣли, обнаружила крайнюю наклонность свою прельщаться внѣшнимъ видомъ и увлекаться наслажденіемъ чувственнымъ. Если при взорѣ на красивое древо и сладкій плодъ она такъ потерялась и погибла, то что̀ будетъ съ нею при встрѣчѣ съ красотою одушевленною? И вотъ, въ ограду ея цѣломудрія, безъ коего жена есть *яко сосудъ погубленъ*, ставятся безсмѣнные, неумолимые и неподкупные стражи—болѣзни чадорожденія, да, увлекаемая страстію, она будетъ удерживаема представленіемъ продолжительности бремяношенія и

мукъ рожденія, кои ожидаютъ ее за минутное услажденіе плоти. Вмѣстѣ съ симъ, посредствомъ этого же самаго наказанія жены, будетъ достигнута у Промысла и другая, не менѣе важная цѣль въ отношеніи ко всему роду человѣческому, та цѣль, чтобы связать тѣснѣйшимъ союзомъ любви раждающихъ съ рожденными отъ нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, почему матери гораздо приверженнѣе къ дѣтямъ, нежели отцы? Потому, что дѣти достались имъ гораздо дороже, нежели отцамъ.

Но, съ другой стороны, что̀ было причиною для насъ печалей и болѣзней, то̀ обыкновенно становится послѣ того непріятнымъ и отвратительнымъ, такъ что мы не можемъ впослѣдствіи и смотрѣть равнодушно на преждебывшій источникъ скорбей нашихъ. Посему можно было опасаться, что и въ семъ случаѣ умноженіе для жены болѣзней, во время ея чревоношенія и рожденія, произведетъ нѣчто подобное и заставитъ жену, пожалуй, вовсе отвергнуть жизнь брачную, что̀ было бы противно цѣлямъ самаго Промысла о размноженіи на землѣ рода человѣческаго. Что же дѣлаетъ премудрость Божія для удаленія сей противоположной крайности? Ничего болѣе, какъ соединяетъ конецъ чадорожденія съ такою чистою душевною радостію, что жена, какъ говоритъ Самъ Спаситель, не помнитъ уже въ то время прежней скорби своей—за радость, *яко родился человѣкъ въ мірѣ* (Іоан. 12, 21). Такъ умѣетъ Промыслъ достигать своихъ премудрыхъ и всеблагихъ цѣлей!

Съ намѣреніемъ, братіе мои, медлимъ мы на семъ предметѣ и входимъ въ такія подробности, дабы дать женамъ случай вникнуть болѣе въ опредѣленіе Божіе о нихъ и почерпнуть изъ него для себя и назиданіе и утѣшеніе. Велики скорби жены! Дорого стоитъ ей младенецъ, коего лелѣетъ она у груди своей! Стократъ дороже, нежели его отцу и ея мужу! Но это не слѣпой какой-либо случай судьбы, а премудрое и всесвятое опредѣленіе Божіе. Посему-то никакая изъ женъ не свободна отъ болѣзней рожденія. Въ чертогахъ великолѣпныхъ страдаютъ такъ же, какъ и въ послѣдней хижинѣ. Жены высшаго званія и сана подлежатъ нерѣдко даже бо́льшимъ опасностямъ и мукамъ при чадорожденіи, нежели жены простыхъ людей; и это потому, что слишкомъ искусственнымъ образомъ жизни своей онѣ слиш-

комъ далеко уклоняются отъ простыхъ законовъ природы, а нравами своими—отъ чистоты душевной, и такимъ образомъ сами для себя увеличиваютъ тяжесть наказанія Божія. Но какъ бы оно ни было тяжело, поелику отъ Бога, то всегда можетъ служить на пользу душевную, если только мы не испортимъ дѣла съ нашей стороны. Самая мысль, что онѣ страдаютъ по волѣ и непосредственному распоряженію Божію, должна служить великою отрадою для женъ дѣтородящихъ. Ибо не напрасно святый Давидъ предпочиталъ нѣкогда впасть въ руцѣ Божіи. нежели въ руки человѣческія. Среди болѣзней чадорожденія вы, жены. находитесь именно въ рукахъ Божіихъ; но, находясь въ рукахъ Божіихъ, не отвращайте взоровъ своихъ отъ лица Божія. Простирайте руки ваши не столько къ людямъ, слабымъ и часто немогущимъ подать вамъ никакой помощи, сколько къ Богу крѣпкому и живому. Если какая сила скорѣе можетъ восполнить немощь природы, и разрѣшить узы плоти, то сила вѣры и молитвы, для коей нѣтъ ничего невозможнаго. А чтобы самая молитва ваша была дѣйствительнѣе и богопріятнѣе, растворяйте ее духомъ вѣры и покаянія. Страданіями нашей плоти Господь всегда хочетъ изгнать какой-либо недугъ изъ нашего сердца и духа. Посему искреннее раскаяніе въ прошедшихъ грѣхахъ нашихъ и твердый обѣтъ вести себя впредь богобоязненно, кротко и смиренно—есть самый дѣйствительнѣйшій способъ преклонить правду Божію на милость, вмѣстѣ съ чѣмъ сократятся и всѣ страданія плоти. Посему нельзя довольно похвалить тѣхъ богобоязненныхъ женъ, кои. предъ наступленіемъ чадорожденія, совѣтуются не съ одними врачами тѣлесными, а приготовляютъ себя къ грозной минутѣ молитвою и таинствами святой Церкви. Это, можно сказать, необходимость для каждой жены въ такомъ положеніи, ибо кто можетъ поручиться, чтобы часъ дѣторожденія не обратился въ часъ смерти для рождающей? Какъ же не приготовиться къ такой опасности покаяніемъ и причащеніемъ Святыхъ Таинъ?

Но это все невольно наводитъ страхъ, хотя и спасительный. Не скроемъ же и того, что можетъ служить къ великому ободренію и утѣшенію для женъ, среди ихъ страданій во время родовъ. Что это такое? То, что болѣзни рожденія, когда онѣ переносятся въ духѣ вѣры и покаянія,

суть самое дѣйствительное средство къ изглажденію вольныхъ и невольныхъ грѣхопаденій. На это намекаетъ уже сама природа, ибо послѣ болѣзней рожденія всякій разъ очищается все тѣло жены. Но будетъ очищаться не одно тѣло, а и душа, коль скоро, страдая тѣломъ, не будутъ забывать при семъ своей души. Сіе-то самое, безъ сомнѣнія, имѣлъ въ виду Апостолъ Павелъ, когда написалъ, что жена *спасется чадородія ради* (1 Тим. 2, 15). Надобно токмо родить чадъ не по одной плоти, а и по духу, то есть рожденное не оставлять на произволъ судьбы, или на попеченіе наемныхъ приставниковъ, а воспитывать самимъ въ страхѣ Божіемъ и повиновеніи уставамъ св. Церкви. Ибо и Апостолъ не сказалъ просто: *спасется чадородія ради* (иначе у которой было бы болѣе дѣтей, та была бы потому и спасеннѣе другихъ), а присовокупилъ: *аще пребудутъ въ вѣрѣ и любви, во святыни съ цѣломудріемъ* (1 Тим. 2, 15). И въ другомъ мѣстѣ, похваляя вдовицу, похваляетъ не просто, а съ условіемъ: *аще чада воспитала есть, аще скорбнымъ утѣшеніе бысть, аще всякому дѣлу благу послѣдовала есть* (1 Тим. 5, 10). При такомъ только нравѣ и такомъ поведеніи женъ обращается имъ во спасеніе и дѣло ихъ чадорожденія, яко весьма трудное и болѣзненное, но въ то же время необходимое для рода человѣческаго. Ибо, жена, скажемъ и это въ утѣшеніе страждущимъ, заступаетъ въ семъ случаѣ мѣсто какъ бы Самого Творца, рождая изъ себя человѣка, который въ первый разъ произведенъ былъ непосредственно Самимъ Богомъ.

Видите теперь, каково наказаніе Божіе? Видите, какъ въ немъ открытъ случай для женъ къ великой заслугѣ, къ достиженію самаго спасенія вѣчнаго? Что можетъ быть важнѣе для насъ сего послѣдняго? Итакъ будемъ послушны и терпѣливы: терпѣніе и вѣра награждаются, въ семъ случаѣ, еще здѣсь на землѣ. Ибо, если отецъ и мать въ отношеніи къ дѣтямъ своимъ будутъ воодушевлены такимъ духомъ, какого требуетъ Евангеліе, то ихъ домъ будетъ не хуже рая, сдѣлается даже, въ нѣкоторомъ отношеніи, лучше его, ибо въ рай прародители наши вошли невинные, а вышли изъ него грѣшниками, и распространили своимъ грѣхомъ клятву по всей землѣ, а въ такомъ домѣ будетъ напротивъ: въ него, путемъ рожденія, будутъ входить грѣшники (ибо *рожденное*

отъ плоти плоть есть, Іоан. 3, 6), а изъ него, путемъ христіанскаго воспитанія, будутъ исходить праведники, и гдѣ ни будутъ жить, всюду стануть распространять вокругъ себя миръ и благословеніе.

Второй видъ наказанія, возложеннаго на жену за преступленіе заповѣди—взятъ изъ ея отношенія къ мужу: *и къ мужу твоему обращеніе твое, и той тобою обладати будетъ.* Ты, какъ бы такъ говоритъ Господь, почтена была отъ Меня равною съ мужемъ честію; подобно ему украшена образомъ моимъ; подобно ему поставлена владычицею рая; и хотя пришла позже его на свѣтъ, но получила то же самое, даже удостоилась произойти не изъ земли, какъ онъ, а изъ ребра его; довольно бы для тебя сей чести, довольно бы того, что предоставляла тебѣ собственная его любовь къ тебѣ. Но ты не удовольствовалась всѣмъ симъ и взяла на себя большее, тебѣ не принадлежащее: безъ его согласія вступила въ бесѣду и пріязнь съ зміемъ; безъ его одобренія вкусила отъ плода запрещеннаго и не только сама нарушила заповѣдь, но подала къ тому поводъ и мужу и увлекла его въ пропасть. Этого противозаконнаго господства твоего надъ супругомъ твоимъ не будетъ болѣе. За присвоеніе того, что не принадлежало тебѣ, ты потеряешь большую часть и того, чѣмъ обладала по праву. Въ тебѣ останется прежняя привязанность къ супругу: *къ мужу твоему обращеніе твое;* но въ немъ не будетъ уже прежняго благоснисхожденія; при всѣхъ ласкахъ и нѣжности его, ты невольно будешь всегда видѣть въ немъ своего владыку: *и той тобою обладати будетъ.* Такъ обладати, что ты съ воздыханіемъ не разъ вспомнишь о прежнемъ между вами равенствѣ; будешь сознавать не рѣдко свое преимущество предъ нимъ, но и въ семъ случаѣ останешься въ зависимости не только отъ его ума и воли, отъ самыхъ прихотей; и сколько бы ни искала способа свергнуть тяжкое иго, никогда не найдешь его въ той полнотѣ, какъ бы хотѣлось: *и той тобою обладати будетъ.*

Какъ ни грозны слова сіи въ отношеніи женъ, но они нисколько однакоже не уполномочиваютъ на тиранство надъ своими женами, и не означаютъ того, чтобы послѣднія отдавались имъ въ совершенное подчиненіе и рабство. Нѣтъ, это было бы противно намѣренію Божію, равно какъ и

благосостоянію рода человѣческаго. Ибо, что былъ бы за союзъ у мужа съ женою, если бы первый только всегда повелѣвалъ, а послѣдняя всегда только бы повиновалась? Тѣмъ паче, что было бы за семейство, если бы жена походила на невольницу? Гдѣ жена—раба, тамъ нѣтъ истинной любви и мира, а только страхъ и принужденіе. Посему-то мы не видимъ въ семействѣ допотопныхъ патріарховъ не только никакого рабства и такъ называемаго заключенія женъ, но и многоженства. И послѣ потопа жены праотцевъ пользуются еще не малое время своею свободою и вліяніемъ на дѣла домашнія. Хотя Сарра уважаетъ, напримѣръ, Авраама, *господиномъ того зовущи* (1 Пет. 3, 6), какъ замѣчаетъ Апостолъ; но это господство Авраама состояло не въ величавости предъ женою и приказаніихъ, а въ большей предъ нею мудрости. Уже впослѣдствіи, когда съ усиленіемъ въ родѣ человѣческомъ грѣха и страстей и съ постепенно большею потерею чистоты нравовъ мужья, вмѣсто закона взаимной любви къ женамъ, начали слѣдовать своему слѣпому произволу; тогда только жребій женъ, смягчаемый дотолѣ любовію мужнею, началъ тяжелѣть и преогорчеваться болѣе и болѣе, такъ что жена наконецъ изъ помощницы, хотя зависимой, но все еще близкой къ мужу даже и по правамъ своимъ, ниспала въ состояніе безотвѣтной рабы и невольницы и обратилась въ жалкое орудіе страстей. Какъ ни противозаконно и ни вредно для благосостоянія рода человѣческаго такое униженіе жены, но яко благопріятствующее страстямъ, оно, съ продолженіемъ времени, успѣло распространиться въ цѣломъ древнемъ мірѣ, возымѣло силу не только обычая, но и закона, отъ коего до сихъ поръ стенаютъ, какъ извѣстно, жены едва не у всѣхъ народовъ не христіанскихъ.

И кто бы вывелъ женскій полъ изъ сего злосчастнаго состоянія, если бы не явилось на помощь Евангеліе Христово? Философія, по обычаю своему, не смѣла сказать о семъ ни одного слова. Только Евангеліе, своимъ ученіемъ о воздержаніи и свободѣ духовной, изгнало, вмѣстѣ съ многоженствомъ, уничиженіе женскаго пола, возвѣстивъ въ слухъ всѣхъ, яко о Христѣ Іисусѣ *нѣсть мужескъ полъ, ни женскій* (Гал. 3, 28), но вси едино и равны предъ Богомъ. Только Евангеліе внушило и поставило въ обязанность

мужьямъ любить своихъ женъ, *якоже Христосъ возлюби Церковь и Себѣ преда́де за ню* (Ефес. 6, 25). Послѣ сего жена уже не могла быть рабою мужа, какъ бы онъ ни былъ высокъ и важенъ.

Не забывайте же сего, жены и лобызая Евангеліе Христово, благодарите Виновника его не только за то, что Онъ крестомъ Своимъ отверзъ вамъ, равно какъ и мужьямъ вашимъ, входъ въ рай потерянный и царство небесное, но и на землѣ снялъ съ васъ тѣ поносныя узы неволи и уничиженія, въ коихъ полъ вашъ стенялъ, безъ надежды, цѣлыя тысящелѣтія. Аминь.

Бесѣда въ пятокъ 5-ой недѣли Великаго поста.

И Адаму рече (Богъ) яко послушалъ еси гласа жены твоея, и ялъ еси отъ дреза, его же заповѣдахъ тебѣ сего единаго не ясти, отъ него ялъ еси проклята земля въ дѣлѣхъ твоихъ, въ печалехъ снѣси тую, вся дни живота твоего. Терніе и волчцы возраститъ тебѣ, и снѣси траву сельную. Въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой, дондеже возвратишися въ землю, отъ нея же взятъ еси яко земля еси, и въ землю отыдеши (Быт 3, 17—19).

Вотъ и послѣдняя часть приговора, на насъ произнесеннаго! На насъ, говоримъ, ибо что изрекалось прародителямъ нашимъ, то падало на всѣхъ насъ; потому-что въ лицѣ ихъ заключался весь родъ человѣческій. Какъ благословеніе и блаженство, имѣвшія послѣдовать за сохраненіемъ заповѣди Божіей, достались бы каждому изъ насъ; такъ и наказаніе за нарушеніе заповѣди простерлось на всѣхъ и каждаго. Это послѣднее для нѣкоторыхъ кажется несправедливымъ, но почему такъ кажется? Потому что не вникаютъ въ связь вещей, не хотятъ видѣть, что весь родъ человѣческій, по самому существу своему, составляетъ единое цѣлое, и что онъ весь заключался въ своемъ прародителѣ. Повредите чѣмъ-либо сѣмя дерева, и всѣ деревья, кои произойдутъ отъ сего сѣмени, будутъ отзываться порчею. Для того, чтобы возымѣть хорошее дерево, надобно уже выростить его изъ другихъ сѣмянъ. Такъ и намъ, чтобы не участвовать въ грѣховной порчѣ, коей подверглась природа человѣческая въ Адамѣ, надобно уже было бы про-

изойти не отъ него, а отъ другаго прародителя. Но кто же былъ бы этотъ другой прародитель? Такой же человѣкъ, какъ и Адамъ, только вновь сотворенный. И онъ, сообразно своему предназначенію, долженъ бы былъ подлежать, какъ и Адамъ, опыту и искушенію. Устоялъ же ли бы онъ такъ же, какъ и настоящій прародитель нашъ? Намъ, конечно, можно воображать, что новый прародитель не нарушилъ бы заповѣди, но премудрость Божія, безъ сомнѣнія, ясно провидѣла, что было бы и съ симъ новымъ прародителемъ: и если не произвела его на свѣтъ, то это—вѣрный знакъ, что не предвидѣла въ немъ мужества и крѣпости больше, нежели какая обнаружилась въ Адамѣ. Но обратимся отъ возможнаго къ тому, что было на самомъ дѣлѣ.

Наказаніе для жены взято, какъ мы видѣли, изъ ея предназначенія—раждать дѣтей и отношеній ея къ своему мужу; наказаніе мужу взимается теперь частію изъ круга его будущихъ дѣлъ и занятій: *въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой*, частію изъ самаго состава его тѣла: *земля еси и въ землю обратишися;* и все это предваряется указаніемъ на причину наказанія, дабы Адамъ тотчасъ видѣлъ, что съ нимъ, и преступникомъ, поступаютъ не по произволу, а по справедливости: *яко послушалъ еси* и проч.

Слова сіи явно противоположны собственнымъ словамъ Адама, коими думалъ онъ извинить грѣхъ свой предъ Богомъ. Адамъ говорилъ: *жена, юже Ты далъ еси, та ми даде и ядохъ;* правосудіе Божіе въ семъ самомъ обстоятельствѣ находитъ вину Адамову: *яко послушалъ еси гласа жены твоея* и предпочелъ его гласу Божію, котораго не надлежало мѣнять ни на что, тѣмъ паче на безразсудныя внушенія своей жены. *И отъ древа, отъ него же единаго заповѣдахъ не ясти, отъ сего ялъ еси;* то есть, не соблюлъ заповѣди самой легкой, ибо трудно ли было не вкушать отъ единаго древа, когда плоды всѣхъ прочихъ деревъ, безчисленныхъ и совершеннѣйшихъ, предоставлены были въ твое полное употребленіе? Поелику ты со всѣхъ сторонъ показалъ во всемъ этомъ явное невниманіе ко Мнѣ, твоему Творцу и Благодѣтелю, и обнаружилъ въ себѣ легкомысліе и неблагодарность, гордость и алчность, а вмѣстѣ съ симъ неспособность быть тѣмъ, къ чему Я тебя предназначилъ, то вотъ наказаніе твое: *проклята земля въ дѣлѣхъ твоихъ: въ печали*

снѣси тую вся дни живота твоего. Терніа и волчцы возраститъ тебѣ и снѣси траву сельную. Въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой, дондеже возвратишися въ землю, отъ нея же взятъ еси: яко земля еси и въ землю возвратишися.

Очевидно, что здѣсь сколько словъ, столько, можно сказать, разныхъ стрѣлъ и молній, но это молніи, какъ мы замѣтили прежде, полуугасшія, кои потеряли уже силу свою на главѣ змія. И какъ падаютъ онѣ теперь на прародителя нашего? Падаютъ какъ-бы мимоходомъ, то есть, не останавливаются на Адамѣ, а коснувшись его, уходятъ потомъ, какъ это бываетъ и съ вещественною молніею, въ землю. *Проклята земля,*—не Адамъ проклятъ, а земля: разность величайшая, показывающая, что въ безднахъ любви и премудрости Божіей обрѣлось уже средство спасти отъ проклятія самаго человѣка. Что касается до земли, то проклятіе ея не должно казаться несправедливостію, хотя земля, яко неодушевленная, и не участвовала въ преступленіи. Ибо ради кого получила она прежде благословеніе? Не сама по себѣ, ради своей какой-либо заслуги, а ради человѣка, своего обитателя и владыки. Ради его получила она благословеніе; ради его же теперь и лишается онаго. Примѣтьте еще, какъ мудро ограничена сила проклятія! Земля проклинается не сама въ себѣ, не въ сущности и основныхъ силахъ своихъ (тогда бы она сдѣлалась совершенно ни къ чему неспособною), а *дѣлѣхъ* человѣка, тою, то есть, стороною, которою она обращена къ человѣку и коею будетъ служить отселѣ къ поддержанію его краткаго бытія на ней. Такое проклятіе земли, или, что то же, умаленіе и сокращеніе служебныхъ для человѣка силъ ея, было необходимо для самого человѣка. Ибо если бы земля осталась съ прежнимъ благословеніемъ, съ прежнимъ обиліемъ и роскошью своихъ произведеній, то какое обширное поле къ злоупотребленію даровъ ея представилось бы для гордости и алчности человѣческой! Человѣкъ-грѣшникъ, и безъ того наклонный къ чувственности, находя всюду безъ труда удовлетвореніе своихъ прихотей, погрязъ бы отъ ногъ до главы въ праздности, нѣгѣ и сладострастіи. И вотъ, земля лишается, такъ сказать, своего праздничнаго убранства, покрывается, вмѣсто его, рубищами; и приведенная такимъ образомъ въ уровень съ злополучнымъ состояніемъ человѣка,

дѣлается такою, что, служа для необходимаго поддержанія его жизни, въ то же время недостатками своими будетъ непрестанно напоминать ему о грѣхѣ его, ихъ произведшемъ, и такимъ образомъ препровождать его къ покаянію.

Что-же именно, спросишь, послѣдовало съ землею, вслѣдствіе проклятія? Послѣдовало истощеніе производительныхъ силъ, откуда скудость и несовершенство всѣхъ произведеній земныхъ; послѣдовала даже какъ бы нѣкая враждебность къ человѣку земли, по которой она, не смотря на всѣ усилія человѣческія, начнетъ производить нерѣдко именно то, что ему противно, такъ что годы неурожая и глада отнынѣ какъ-бы чредою будутъ приходить въ наказаніе человѣку: *терніе и волчцы возраститъ тебѣ!*

Тернія и волчцы эти, безъ сомнѣнія, не вновь творятся теперь; они были на землѣ и прежде, но были какъ малая часть въ великомъ цѣломъ, и служили потому не къ безобразію, а къ полнотѣ и совершенству цѣлаго, занимая малое и ненужное для прочаго мѣсто. Теперь, это терніе, эти плевелы усилятся до того, что не дадутъ собою расти необходимому и совершеннѣйшему. Прежде они росли тамъ, гдѣ были нужны, ибо есть живыя твари, коимъ они могутъ служить въ пищу или на другое употребленіе; теперь будутъ расти именно для человѣка, среди поля, воздѣланнаго его руками: *возраститъ тебѣ*. Ты посѣешь пшеницу, а вмѣсто ней явятся плевелы; посадишь розу, а изъ земли выйдетъ терніе: *тернія и волчцы возраститъ тебѣ!*

Итакъ, братіе мои, когда будете на полѣ, не смотрите хладнымъ и разсѣяннымъ взоромъ на бѣдную ниву земледѣльца: на ней изображенъ судъ всего рода человѣческаго! Когда увидите тощіе и рѣдкіе класы; когда замѣтите, что на нивѣ болѣе плевелъ, нежели жита или пшеницы, не ограничивайтесь однимъ сожалѣніемъ о потерянныхъ трудахъ земледѣльца, а перенеситесь мыслію къ тому времени, съ коего земля начала быть такъ, повидимому, неблагодарною къ трудамъ человѣческимъ. Увы, это не земли неблагодарность, а грозное велѣніе самого неба! Земля сама тяготится своимъ неплодіемъ, яко ей неестественнымъ, но не можетъ производить болѣе, сколько производитъ, потому что грѣхъ и проклятіе за него проникли нѣдра ея глубже всѣхъ дождей и росъ, и изгубили плодотворную силу ея.

Почему, если хотимъ, чтобы поля наши не оставляли безъ вознагражденія трудовъ нашихъ, то не будемъ ограничиваться удобреніемъ ихъ только вещественнымъ, а постараемся усердною молитвою и чистотою рукъ нашихъ низвести на нихъ первѣе всего благословеніе Божіе.

Снѣси траву сельную—будешь, то есть, по нуждѣ, употреблять въ пищу то, что предназначено было точію для безсловесныхъ, ибо въ плодахъ древесныхъ, коими прежде питался ты, уже окажется недостатокъ.

Въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой: не взимая его, какъ было прежде, почти готовый, изъ рукъ природы, а доставая трудами изнурительными, собирая по прошествіи зимы и весны то, что посѣяно еще было осенью—въ прошедшемъ году, а нерѣдко предоставляя собрать дѣтямъ и даже чуждымъ то, что посѣялъ самъ.

Этого пота и этого труда, на кои осужденъ прародитель нашъ, избавились, повидимому, нѣкоторые изъ насъ, нашедъ возможность жить въ совершенной праздности и питаться чужими трудами. Но много ли въ сравненіи съ цѣлымъ родомъ человѣческимъ такихъ людей? И дѣйствительно ли счастливы они тѣмъ, что избѣгли, повидимому, наказанія Божія? Увы, жить въ праздности и питаться чужимъ трудомъ, когда онъ орошенъ потомъ, а можетъ быть и слезами, собратій нашихъ, это для того, кто не погубилъ души и сердца, еще большая тягость и наказаніе, нежели трудиться самому!—Если нѣкоторые не чувствуютъ сего, то это самое нечувствіе обнаруживаетъ, что въ нихъ нѣтъ уже первобытнаго достоинства природы человѣческой. И думаете ли, что этотъ непримѣтный для многихъ, но самъ по себѣ крайне жалкій недостатокъ не влечетъ за собою наказанія, ему свойственнаго? Нѣтъ, безжалостные къ другимъ, бываютъ, сами того не замѣчая, еще безжалостнѣе къ самимъ себѣ; среди праздности, нѣги и роскоши они наказуются въ разныхъ видахъ и губятъ сами себя. Чѣмъ? тѣмъ, что дѣлаются игралищемъ собственныхъ безумныхъ страстей.

Взглянемъ теперь на послѣднюю часть наказанія Адамова: *дондеже возвратишися въ землю, отъ нея же взятъ еси: яко земля еси, и въ землю возвратишися.* Человѣкъ и въ состояніи невинности былъ земля, но сія земля проникнута была благодатнымъ присутствіемъ въ человѣкѣ Духа

Божія, закрыта и ограждена отъ всего враждебнаго и разрушительнаго образомъ Божіимъ: теперь, съ потерею сего образа, съ удаленіемъ Божественнаго Духа силы и жизни, человѣкъ упадаетъ во власть стихій, подчиняется наряду съ неодушевленнымъ веществомъ неумолимому закону тяжести земной, за коей не замедлятъ послѣдовать слабость тѣла, болѣзни и разрушеніе.

Вотъ, значитъ, гдѣ начало нашей смерти, братіе мои,— въ грѣхѣ! Доколѣ не было въ мірѣ грѣха, дотолѣ не было и смерти. Поелику же и грѣхъ вошелъ къ намъ, такъ сказать, не самъ, а ввергнутъ діаволомъ, то первоначальный виновникъ смерти, какъ и всѣхъ золъ въ мірѣ, есть діаволъ. *Завистію діавола*, говоритъ Писаніе, *смерть въ міръ внидѣ* (Прем. 2, 24). Посему-то онъ и называется у Апостола Павла *имущимъ державу смерти* (Евр. 11, 14). Замѣчаемъ все это предъ вами для того, что между мудрыми вѣка сего есть нѣкоторые какъ бы любители смерти, кои въ ослѣпленіи своего ума, отвергнувъ святое иго вѣры, думаютъ и проповѣдуютъ, что смерть человѣческая не есть наказаніе какое-либо, а дѣло природы, что тѣло наше, по необходимости, подлежало рано или поздно разрушенію. Такіе люди, очевидно, обманываются взглядомъ на нынѣшнее тѣло наше. Въ настоящемъ состояніи оно точно таково, что не можетъ, съ продолженіемъ извѣстнаго времени, не слабѣть и не подлежать смерти, но это состояніе не первобытное; тѣло наше было далеко не таково, какъ нынѣ, потому и не подлежало смерти. Сію-то самую, столь простую и несомнѣнную истину забываютъ мнимые умники, и твердятъ о неизбѣжности для человѣка смерти; забываютъ и благость Божію, ибо если смерть не отъ грѣха, а отъ природы, то она отъ Бога. Но могъ ли Богъ сотворить смерть? Это совершенно недостойно ни Его величія, ни Его благости. И человѣкъ добрый, если бы на него возложено было сотворить міръ, то не создалъ бы смерти. Ибо смерть, сама по себѣ, есть зло, и при томъ великое. Посему-то между людьми смертію наказываютъ только за самые нестерпимые грѣхи и преступленія. Возможно ли же, чтобы такому наказанію, безъ всякой вины, подвергнутъ былъ весь родъ человѣческій?

Но что наши злополучные прародители? Отвѣтствуютъ ли чѣмъ-либо на судъ и наказаніе Божіе, ихъ теперь по-

стигающее? Нѣтъ, они пріемлютъ то и другое молча и безотвѣтно; не только не слышно новыхъ извиненій, но и никакихъ просьбъ о прощеніи, или уменьшеніи казни. Откуда вдругъ такое неожиданное безмолвіе и преданность? Отъ того, безъ сомнѣнія, что въ самомъ лицѣ и гласѣ Божіемъ уже выражалась совершенная непреложность того, что было изрекаемо. Съ другой стороны, пробудившаяся совѣсть давала знать прародителямъ, что судьба ихъ, послѣ нарушенія заповѣди Божіей, не можетъ оставаться въ прежнемъ видѣ, что грѣхъ и преступленіе непремѣнно должны быть наказаны, и что благодушное принятіе и перенесеніе сего наказанія есть наилучшее средство къ тому, чтобы заслужить милость и возвратить себѣ любовь Божію.

Падемъ убо, братіе мои, и мы въ духѣ предъ Судіею и Господомъ нашимъ и, оставивъ всѣ вопросы и размышленія, скажемъ въ простотѣ ума и сердца съ Давидомъ: *праведенъ еси, Господи, и правы суды Твои, яже навелъ еси на насъ! Судомъ и правдою навелъ еси*, да потомъ и слезами, терніемъ и волчцами, исцѣлимся отъ пагубной наклонности къ ядовитой сласти грѣха. Подаждь убо всѣмъ намъ, о Всеблагій, духа вѣры и терпѣнія, духа крѣпости и упованія, да благодушно будемъ нести то, что возложила на насъ не столько наказующая, сколько самымъ наказаніемъ врачующая десница Твоя! Аминь.

Слово въ субботу 5-ой недѣли Великаго Поста или Похвальную.

Солгася древній Адамъ, и Богъ вожделѣвъ быти, не бысть: человѣкъ бываетъ Богъ, да Бога Адама содѣлаетъ.

Высокое богословіе заключается въ словахъ сихъ, братіе мои, богословіе и созерцательное и дѣятельное, успокоительное и всерадостное для тѣхъ, кои соображаютъ съ нимъ вѣру, дѣла и жизнь свою,—грозное и всеобличительное для тѣхъ. кои небрегутъ о немъ. Послѣдуя гласу Церкви, мы тѣмъ охотнѣе предаемся нынѣ всей глубинѣ сего богословія, что видимъ въ этомъ средство, не прерывая нисколько собесѣдованій о предметѣ, насъ съ вами занимаю-

щемъ, воздать подобающую честь настоящему празднеству въ честь преблагословенныя Дѣвы Маріи. Ибо, вникая въ смыслъ сего высокаго пѣснопѣнія церковнаго, мы паки срѣтимся съ прародителями нашими въ Эдемѣ; а между тѣмъ восхвалимъ великую Заступницу нашу, которая послужила взбранною Воеводою не грекамъ токмо на пораженіе скиѳовъ и сарацынъ, а всему роду человѣческому, на низложеніе онаго древняго прегордаго Кагана, который, обольстивъ и поработивъ себѣ прародителей нашихъ въ Эдемѣ, мечталъ вѣчно удержать въ плѣну у себя весь родъ человѣческій.

Солгася, то есть, обманулся въ своемъ ожиданіи и намѣреніи, *древній Адамъ, и Богъ вожделѣвъ быти, не бысть.*

Мы видѣли, откуда и какъ возникло въ Евѣ и Адамѣ безумное вожделѣніе, быть *яко бози.* Причиною и поводомъ къ сему былъ змій искуситель, или паче, духъ злобы, дѣйствовавшій въ зміѣ и клеветою на Бога и суетными обѣщаніями успѣвшій возбудить въ прародительницѣ нашей несбыточную надежду на мгновенное обоженіе своей природы. Видѣли далѣе, какъ Ева и Адамъ привели въ дѣйствіе свое преступное намѣреніе, и по совѣту змія, вкусили отъ плода запрещеннаго. Во всемъ этомъ былъ жестокій обманъ со стороны змія, ибо это несчастное вкушеніе, яко противное заповѣди Божіей, было для человѣка средствомъ не къ тому, чтобы сдѣлаться Богомъ, а прямо къ противному, то есть, чтобы потерять и ту часть богоподобія, которою Адамъ обладалъ уже, яко созданный по образу Божію. Горькій опытъ не замедлилъ, какъ мы видѣли, показать все это на дѣлѣ. Прародители тотчасъ почувствовали свою, невѣдомую ими дотолѣ, наготу, стыдъ и страхъ; сдѣлались неспособными не только быть яко Богъ, но и сносить присутствіе Божіе, почему и сокрылися отъ лица Божія, въ среду древъ райскихъ. Когда же воззванные потомъ предъ судъ Божій, обличены во грѣхѣ, то подверглись осужденію: жена на болѣзни чадородія и сугубую покорность своему мужу, мужъ на потъ и труды надъ воздѣлываніемъ земли, оба—на возвращеніе въ землю, отъ нея же взяты. Не могло быть ошибки ужаснѣе, разобольщенія болѣе полнаго: *солгася древній Адамъ!*

Если бы дѣло осталось въ такомъ видѣ, то какое бы торжество для врага нашего, не только надъ нами, но и

надъ Самимъ Творцомъ нашимъ! Онъ достигъ, повидимому, всего, ибо, вотъ планъ и намѣренія Всемогущаго въ созданіи человѣка разстроены и превращены; земный образъ и намѣстникъ Его униженъ, поруганъ, ограбленъ и пораженъ смертію; земля и родъ человѣческій отселѣ—царство грѣха и страстей, слѣд., подвластное духу злобы. Побѣда полная! И какъ все это достигнуто скоро, легко, вѣрно, безвозвратно.

Мы говоримъ: и безвозвратно. Ибо средства къ возстановленію падшаго человѣка не представлялось никакого. Человѣкъ самъ—что бы онъ сдѣлалъ для сего? Тотъ, кто не устоялъ на высотѣ богоподобія, обладая всѣми силами, какъ бы могъ взойти обратно на сію святую высоту, разбившись отъ паденія и потерявъ силы?—Ангелы и духи чистые? Они могли сообщить нѣсколько свѣта и теплоты помраченному и охладѣвшему къ добру человѣку, могли оказать ему нѣкую помощь въ извѣстныхъ случаяхъ; но поднять его изъ глубины грѣха, смерти и тлѣнія — это было превыше и ихъ силъ. Для Самого Божества казалось невозможнымъ оказать помощь падшему человѣку и спасти его отъ погибели грѣховной. Ибо главное свойство грѣха въ томъ и состоитъ, что онъ удаляетъ человѣка отъ Бога и Бога отъ человѣка. Для поданія помощи нужна близость къ тому, кому помогаютъ, и нѣкое соединеніе съ нимъ, а святость существа Божія требовала не приближенія, а удаленія отъ нея человѣка, яко грѣшника: *ибо кое общеніе свѣту ко тьмѣ* (2 Кор. 6, 14) чистотѣ и святости къ беззаконію?

Все сіе, безъ сомнѣнія, ясно видѣлъ всезлобный врагъ нашъ; видѣлъ—и радовался и торжествовалъ надъ нами; Но непродолжительно было торжество всегубителя! Въ неизслѣдимыхъ глубинахъ премудрости Божіей отъ вѣкъ уже обрѣталось средство не только возстановить человѣка падшаго, не только посрамить діавола разрушеніемъ всѣхъ дѣлъ его, но сдѣлать гораздо болѣе: именно обратить въ истину то самое, что искуситель, яко совершенно несбыточное, обѣщалъ Адаму,—дабы солгался уже не Адамъ, а врагъ нашъ. Онъ обѣщалъ, какъ мы видѣли, отъ вкушенія плодовъ запрещенныхъ совершенство божеское, воображая, безъ сомнѣнія, въ умѣ своемъ, что это рѣшительно невозможно. И

вотъ, премудрость и любовь Божія положили эту невозможность обратить въ дѣйствительность, то есть, возвысить естество человѣческое не до обладанія только, какъ прежде было, образомъ Божіимъ, чрезъ отраженіе въ себѣ нѣкоторыхъ совершенствъ божественныхъ, а до нѣкоего дѣйствительнаго участія въ самомъ естествѣ божественномъ, да будемъ, какъ говоритъ святый Апостолъ Петръ, *божественнаго причастницы естества* (2 Петр. 1, 4). Для достиженія такой чрезвычайной цѣли необходимо было и средство чрезвычайное. И дѣйствительно, для сего употреблено такое средство, которое не могло придти на мысль самому многоочистому Серафиму: *человѣкъ Богъ бываетъ, да Бога Адама содѣлаетъ.*

Извѣстно, братіе мои, какъ совершилась сія тайна, какъ произошло это чудо. Не смотря на омраченіе естества нашего грѣхомъ, на униженіе его страстями, на нашу нечистоту, безобразіе, бренность и тлѣніе, единородный Сынъ Божій, со всею полнотою божественныхъ силъ, нисшелъ до насъ падшихъ, принялъ на Себя естество наше на всю вѣчность, содѣлался подобнымъ намъ человѣкомъ, усвоилъ Себѣ всѣ наши немощи, кромѣ грѣха, и, въ удовлетвореніе правдѣ Божіей, умеръ за насъ на крестѣ. Примиривъ такимъ образомъ человѣка съ Богомъ, Онъ возвратилъ намъ всѣ потерянныя права, излилъ на родъ человѣческій всю полноту божественныхъ силъ, открылъ каждому изъ насъ входъ на небо и доставилъ возможность не приближаться токмо къ Богу, но и соединяться съ Нимъ во единъ духъ. Такимъ-то образомъ Богъ человѣкъ бываетъ, *да Бога Адама содѣлаетъ!*

Вмѣстѣ съ симъ чрезвычайнымъ дѣйствіемъ, по необходимости долженствовало измѣниться въ судьбѣ нашей все и навсегда. Съ вочеловѣченіемъ Сына Божія, человѣчество—въ лицѣ Его — явилось обоженнымъ и исполненнымъ всею силою Божества; а по совершеніи дѣла искупленія, оно превознесено не только превыше первобытнаго нашего совершенства въ Эдемѣ, а превыше всякаго величія Ангеловъ и Архангеловъ, такъ что теперь Богъ и человѣкъ во Христѣ — едино лице, божественное и препрославленное. Вотъ къ чему, самъ не зная, вопреки своей злобы, привелъ человѣка искуситель! Онъ не потерпѣлъ видѣть при-

роды нашей въ раю, а теперь, какъ ни подниметь очи на небо (если поднимаетъ когда-либо), всегда видитъ естество человѣческое, въ лицѣ Искупителя нашего, сѣдящимъ *одесную престола величествія на высокихъ* (Евр. 1, 3).

Но не этотъ одинъ ударъ долженъ перенести врагъ нашъ, хотя и его вполнѣ достаточно для сокрушенія всей главы зміиной. Нѣтъ, Сынъ Божій содѣлался сыномъ человѣческимъ не для того токмо, чтобы въ единомъ лицѣ Своемъ обожить воспринятое Имъ человѣчество, но чтобы чрезъ Себя и отъ Себя распространить—до извѣстной степени—это обоженіе на всѣхъ потомковъ Адама, кои суть теперь единокровные, такъ сказать, братія Его. Вслѣдствіе Его воплощенія и обоженія Имъ въ лицѣ Своемъ природы нашей, должно выйти столько же обоженныхъ людей, сколько есть людей, совершенно облагодатствованныхъ, такъ чтобы врагъ нашъ на кого потомъ ни воззрѣлъ изъ нихъ, въ каждомъ увидѣлъ бы величіе и славу Божества. *Богъ человѣкъ бываетъ, да Бога Адама содѣлаетъ!*

Не вдругъ началось, не вдругъ можетъ и кончиться чудо столь великое, ибо не вдругъ каждый изъ падшихъ сыновъ Адама можетъ быть возведенъ на сію высоту пребожественную. Потребно множество разныхъ средствъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и времени, чтобы природа человѣческая въ каждомъ изъ вѣрующихъ исцѣлилась, очистилась, просвѣтлѣла, возвысилась и сдѣлалась способною къ тому, чтобы быть едино съ Богомъ. Но премудрость Искупителя нашего сдѣлала все, чтобы облегчить, сколько возможно, упрочить и обезопасить для каждаго этотъ восходъ на высоту уже не богоподобія токмо, а дѣйствительнаго обоженія естества человѣческаго. И сколько уже потомковъ Адама, кои могутъ сказать о себѣ, по примѣру святаго Павла: *живу не къ тому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ!* Сколько еще до конца міра явится душъ, кои возмогутъ сказать о себѣ то же самое! Степень совершенства, достигаемаго истинно-вѣрующими, еще на землѣ, такъ велика, что Самъ Господь благоволитъ ихъ именовать не людьми, а богами. Такъ о Моисеѣ прямо говорится: *и се Азъ дахъ тя Бога фараону* (Исх. 7, 2). Посему сіи обоженные человѣки и производятъ уже дѣла не человѣческія, а, можно сказать, истинно-божескія: тотъ единымъ словомъ останавливаетъ солнце; сей раздѣляетъ жез-

ломъ море; другой воскрешаетъ мертвыхъ. Но въ продолженіе сей жизни слава обоженія вѣрныхъ рабовъ Господнихъ, какъ нѣкогда слава Божія въ скиніи свидѣнія, все еще сокрывается подъ завѣсою кожаною, то есть, подъ грубою нашею плотію. Откроется же вся полнота сея славы и предъ всѣмъ міромъ въ послѣдній день, когда паки предстанетъ, или паче приведется на судъ съ нами врагъ нашъ. Тогда-то, по величественному выраженію Псалмопѣвца, *Богъ станетъ въ сонмѣ боговъ; посредѣ же боги разсудитъ* (Псал. 81, 1)! То есть, Божественный Искупитель нашъ, вступивъ въ полное соединеніе съ богами (1 Кор. 6, 2) *). то есть человѣками, Имъ искупленными и обоженными, вмѣстѣ съ ними произнесетъ судъ надъ діаволомъ и его клеврстами. *Не вѣсте ли,* пишетъ святый Павелъ, *яко святіи міру судити имутъ?*

Къ такой неизреченной высотѣ предназначены всѣ мы, братіе мои, вслѣдствіе воплощенія для насъ Сына Божія! Если высота сія изумительна и даже неимовѣрна, по сравненію съ нашею бѣдностію и ничтожествомъ грѣховнымъ; то, съ другой стороны, она естественна и, можно сказать, необходима, по сравненію съ достоинствомъ и дѣяніями Божественнаго Искупителя нашего. Ибо какова причина, таково и дѣйствіе. Поелику же воплощеніе для насъ и смерть за насъ Сына Божія суть событія преестественныя и неизмѣримыя, то таковы же должны быть и слѣдствія сихъ событій. Коль скоро Богъ во плоти, то самая плоть—въ чистомъ видѣ ея—уже въ Богѣ: *человѣкъ Богъ бываетъ, да Бога Адама содѣлаетъ!*

Но кого, послѣ Божественнаго Искупителя нашего, должны мы болѣе всѣхъ благодарить за такую честь и достоинство, какъ не Пресвятую Матерь Его, преблагословенную Дѣву Марію? Она единая изъ всѣхъ дщерей Евы, столько обрѣла благодати у Господа, что возмогла вмѣстить въ пречистой утробѣ своей Того, Коего не вмѣщаютъ небеса небесъ; Она воспитала отъ непорочныхъ сосцевъ своихъ Того, Кто имѣлъ сокрушить главу змія и покорить его подъ ноги наши; Она вполнѣ вознаградила то, что погублено было въ Эдемѣ Евою.

*) Григорій Богословъ въ словѣ на Богоявленіе.

Достойно убо и праведно поется и славится имя Ея отъ конецъ до конецъ вселенныя. Достойно и праведно провозглашается Она высшею Херувимъ и слáвнѣйшею безъ сравненія Серафимъ. Ибо надъ кѣмъ скорѣе и во всей силѣ должна была выполниться высокая цѣль искупленія, какъ не надъ Нею? Кому подобало болѣе причаститься Божественнаго естества, какъ не той, отъ коей взято человѣческое естество? Послѣ Сына Божія, Пресвятая Матерь Его есть первый и высшій образецъ возсозданнаго и обоженнаго искупленіемъ Его человѣчества. Аминь.

Бесѣда въ среду 6-ой недѣли Великаго поста.

И сотвори Господь Богъ Адаму и женѣ его ризы кожаны, и облече ихъ (Быт. 3, 21).

Паки Адамъ и Ева вкупѣ. Но какъ же, когда Адамъ осуждался на смерть, о женѣ не было сказано ни слова? Уже не пощажена ли она, по слабости пола, отъ сего страшнаго наказанія? Нѣтъ, кто вкусилъ отъ плода запрещеннаго, тотъ не могъ оставаться безсмертнымъ. Ева первая простерла къ нему руку, и первая же увидитъ надъ собою Ангела смерти. Ибо, на основаніи того же сказанія Моисеева, есть причина думать, что она, предваривъ Адама въ нарушеніи заповѣди, предварила его и въ смерти. Если же умолчано о ней въ опредѣленіи Божіемъ, то потому конечно, что Адамъ представлялъ собою на ту пору все человѣчество: что̀ изрекалось въ семъ качествѣ ему, то̀ само собою падало и на жену, взятую отъ ребра его. Одной только, повидимому, черты въ наказаніи Адамовомъ нельзя отнести къ женѣ: воздѣлыванія въ потѣ лица земли. Но и здѣсь сколько женъ, по необходимости раздѣляющихъ трудъ мужа надъ землею! Если мужъ раздираетъ руками своими утробу земли и бросаетъ въ нее сѣмена, то жена своими руками собираетъ то, что̀ произращаетъ земля. И какъ собираетъ? Съ утомленіемъ и не безъ воздыханій, когда земля щедро наградила трудъ мужа; еще съ большими воздыханіями и печалію, когда собирать почти нечего; такъ что ее угнетаетъ и печалитъ болѣе недостатокъ пота и труда, какъ бы онъ ни былъ тяжелъ, нежели избытокъ усилій. И собранное кто

уготовляетъ на трапезу? Рука жены. Лице мужа страждетъ на одномъ солнцѣ; лице жены страдаетъ и отъ солнца во время жатвы, и каждый день отъ огня, на коемъ готовится пища. Если сравнить все это, если принять во вниманіе большую слабость тѣлеснаго состава жены предъ мужемъ, ея большую чувствительность въ минуту несчастія и скорби, то окажется, что жребій жены на землѣ тяжелѣе жребія мужа. Посему весьма справедливо и законами и общимъ мнѣніемъ (гдѣ оно идетъ какъ должно) оказывается большее вниманіе и большее снисхожденіе женѣ. Только это вниманіе и это уваженіе не должны простираться, какъ иногда бываетъ, за предѣлы,—до той безразсудной угодливости прихотямъ жены, отъ коей палъ прародитель нашъ и падаютъ доселѣ многіе изъ домовладыкъ. Но обратимся къ тому, что̀ повѣствуетъ Моисей.

И сотвори Господь Адаму и женѣ его ризы кожаны, и облече ихъ.

Итакъ, первыя ризы наши были нерукотворенныя! Ихъ сдѣлалъ не человѣкъ, и не Ангелъ, а Самъ Богъ! Видите ли любовь, видите ли попеченіе нѣжнаго Отца о дѣтяхъ! И въ какое время? Когда Онъ судитъ и наказуетъ ихъ—преступныхъ! По изреченіи приговора надъ виновными, надлежало ожидать, что они предоставлены будутъ самимъ себѣ, что Господь не замедлитъ удалиться отъ тѣхъ, кои сами, еще такъ недавно, убѣгали и скрывались отъ лица Его. Но Онъ продолжаетъ Свое присутствіе, какъ бы ожидая и желая видѣть, что̀ произведутъ слова Его; и, не слыша ничего изъ устъ насъ, осужденныхъ, тотчасъ изъ судіи обращается въ друга и благодѣтеля. Прародителей, какъ мы видѣли, ничто такъ не смущало на первый разъ, какъ ихъ нагота; смущала до того, что они не могли переносить собственныхъ взоровъ, и спѣшили сдѣлать для себя препоясаніе. Препоясаніе это не столько однако же скрывало, сколько обнажало ихъ наготу, показуя, что они не въ прежнемъ естественномъ имъ состояніи невинности. При томъ, надолго ли бы стало сего препоясанія? Въ состояніи ли оно было защищать тѣло отъ будущихъ перемѣнъ воздушныхъ? Скоро ли бы злополучные грѣшники дошли сами по себѣ до искусства устроять себѣ одежды изъ вещества болѣе прочнаго? Всеблагій видитъ все сіе, — и настоящее положеніе

Адама и Евы, то есть, ихъ стыдъ и смущеніе, и будущую потребность для нихъ въ большей и прочнѣйшей защитѣ своего тѣла отъ перемѣнъ воздушныхъ, и неспособность ихъ скоро удовлетворить сей нуждѣ,—видитъ, и немедленно Самъ восполняетъ ихъ недостатки: *и сотвори Господь Богъ Адаму и женѣ его ризы кожаны, и облече ихъ.*

Но что это за ризы кожаны? Не плоть ли наша нынѣшняя, грубая и скотоподобная, которая, по замѣчанію Соломона (Прем. 9, 15), отягощаетъ собою душу и обременяетъ умъ? Если сравнить тѣло человѣческое въ нынѣшнемъ его состояніи съ тѣмъ, какъ оно было въ началѣ, вышло изъ рукъ Божіихъ, и съ тѣмъ, какимъ оно имѣетъ быть нѣкогда паки, послѣ будущаго всеобщаго воскресенія изъ мертвыхъ: то и настоящее грубое тѣло наше можно, пожалуй, назвать ризами кожаными. Но Моисей, очевидно, разумѣетъ подъ ними не то, а дѣйствительную одежду, которую Господь премилосердый устроилъ для прародителей нашихъ.

Но откуда же, спроситъ кто-либо, взялись въ раю кожи? Пожалуй, если хочешь, прими просто и буквально выраженіе Моисея—*и сотвори;* тогда вовсе не нужно будетъ спрашивать—откуда? И если судить по лицу и достоинству Того, Кто устроялъ теперь для Адама одежду: то Ему, какъ всемогущему, приличнѣе было сдѣлать ее не изъ чего-либо, а изъ ничего.—А если тебя пугаетъ мысль о новомъ твореніи (хотя Господь непрестанно творитъ новое въ царствѣ благодати), то можно найти отвѣтъ на предложенный вопросъ и другимъ образомъ. Та же, напр., священная книга Бытія показываетъ намъ, что Авель приносилъ уже Богу жертву отъ первородныхъ и отъ тука ихъ. Кто, скажи, научилъ его искать и найти жертву Богу въ закланіи и смерти животныхъ? Всего вѣроятнѣе, примѣръ отца—Адама. А онъ откуда взялъ такую мысль необыкновенную?—Самъ дошелъ до нея?—Какимъ образомъ? Здравый разумъ и тогда уже не могъ не внушать того, что̀ изречено впослѣдствіи о подобныхъ жертвахъ Апостоломъ: *яко невозможно,* то есть, *крови юнчей и козлей отпущати грѣхи* (Евр. 10, 4). И какъ, скажи, можно было осмѣлиться принести въ жертву Богу жизнь существа, Имъ созданнаго? Сдѣлавъ это самовольно, скорѣе можно было опасаться за то гнѣва Божія, нежели

благоволенія. Поелику же сыны Адама приносятъ уже въ жертву животныхъ и дѣлаютъ это, какъ должно думать, потому, что самъ Адамъ дѣлалъ то же, самъ же онъ не могъ начать дѣлать сего отъ себя и произвольно: то остается положить, что принесеніе въ жертву животныхъ внушено прародителямъ нашимъ Самимъ Богомъ. Для чего внушено? Господь Самъ не могъ имѣть въ этомъ никакой нужды: значитъ, это нужно было для Адама. Для чего? Для того же, конечно, для чего введены впослѣдствіи жертвы въ цѣломъ народѣ Израильскомъ, дабы, то есть,—какъ разъяснилъ намъ то Ап. Павелъ въ посланіи къ Евреямъ,—онѣ служили прообразованіемъ той великой Жертвы крестной, коею имѣлъ быть на Голгоѳѣ искупленъ весь міръ и заглаждены всѣ грѣхи.

Когда произошло это божественное наученіе Адама жертвоприношеніямъ? Не погрѣшимъ, кажется, если скажемъ, что теперь же, по окончаніи суда надъ нимъ: ибо послѣ не видно уже, чтобы Господь являлся ему когда-либо. Въ смерти приносимаго въ жертву животнаго прародители наши тотъ же часъ могли видѣть и свою будущую смерть и свое будущее искупленіе страданіями и смертію за всѣхъ насъ Искупителя міра. И вотъ вещество для содѣланія ризъ Адаму и женѣ его: кожи, то есть, жертвенныхъ животныхъ! Посему-то, можетъ быть, и послѣ, когда данъ израильтянамъ законъ о жертвоприношеніяхъ, кожа отъ закланнаго животнаго не сожигалась вмѣстѣ съ жертвою, а была предоставлена закономъ жрецу. Если Моисей не говоритъ теперь о всемъ этомъ, то, конечно, потому, что вообще о происшедшемъ въ Эдемѣ говорится у него весьма мало, одно необходимое; а еще болѣе потому, что, начавъ рѣчь о первомъ жертвоприношеніи въ Эдемѣ и его таинственномъ значеніи, надлежало уже вмѣстѣ съ тѣмъ коснуться и многихъ другихъ истинъ и таинъ Божіихъ; а это значило бы приподнять завѣсу, скрывавшую до времени Святое Святыхъ, за которую входилъ одинъ первосвященникъ, то есть, только немногіе избранные.

Но возвратимся къ нашей бѣдной и вмѣстѣ богатой и драгоцѣнной одеждѣ: бѣдной, ибо она замѣнила собою благодать Божію и невинность, насъ облекавшія,—богатой, ибо она вышла изъ рукъ Самого Творца и Господа нашего; бѣд-

ной, ибо она составлена изъ смерти существъ живыхъ,—богатой, ибо она выражала собою будущія заслуги для насъ нашего Искупителя. Примѣтьте, братіе, силу и нѣжность самаго выраженія: *сотвори Адаму и женѣ его ризы кожаны.* Можно бы сдѣлать ризу одному Адаму и сказать: вотъ такъ сдѣлай и женѣ! Но Господь творитъ одѣяніе для обоихъ. Далѣе сказано: *и облече я;* то есть, не только Самъ сдѣлалъ одежду, но и Самъ возложилъ на нихъ: подобно тому какъ мать, сдѣлавши платье своему дитяти, сама надѣваетъ на него, показуя, какъ ходить въ немъ и какъ носить его.

Не будемъ же забывать сего, возлюбленные! Перестанемъ смотрѣть легкомысленно на одежду нашу: она есть сугубый памятникъ и нашего грѣха предъ Богомъ и милосердія Божія къ намъ, грѣшникамъ. Какъ знаменіе нашего падшаго состоянія, одежду, изъ чего бы ни состояла она и какъ бы ни была богата, всегда должно носить со смиреніемъ, а не превозноситься ею, какъ то дѣлаютъ безразсудно нѣкоторые. А какъ даръ любви Божіей, одежда должна располагать насъ къ благодарности Богу. И чѣмъ же, спросишь, могу я возблагодарить Бога за нее? Тѣмъ, возлюбленный, если ты, въ благодарность, самъ не откажешься сдѣлать одежду для Бога. Какъ это? А вотъ какъ: если одѣнешь бѣднаго и нагаго собрата твоего. Ибо, слышишь ли, что говоритъ Самъ Господь въ Евангеліи? *Понеже сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе* (Матѳ. 25, 40). Видишь, на кого переходитъ одежда, сдѣланная нищему?

Вспомнимъ и подумаемъ при семъ случаѣ и еще объ одномъ одѣяніи. Прародители наши, получивъ ризы изъ рукъ Божіихъ, безъ сомнѣнія, не столько носили ихъ потомъ, сколько берегли, какъ драгоцѣнность и святыню. И у насъ есть одежда, полученная изъ рукъ Божіихъ: это оное драгоцѣнное одѣяніе, въ которое облекла насъ при крещеніи св. Церковь. Для составленія сего одѣянія также необходима была смерть—не животнаго какого-либо безсловеснаго, а смерть Сына Божія, Спасителя нашего. Ибо мы облечены въ крещеніи заслугами Его, облечены, можно сказать, въ самую крестную смерть Его, за насъ претерпѣнную. Ибо, *елицы во Христа крестистеся,* говоритъ Апостолъ и поетъ св. Церковь, *во Христа облекостеся* (Гал. 3, 27). И въ другомъ мѣстѣ говорится: *елицы во Христа Іисуса крестихомся,*

въ смерть Его крестихомся; спогребохомся Ему крещеніемъ въ смерть, да якоже Христосъ воста отъ мертвыхъ, тако и мы во обновленіи жизни ходити начнемъ (Рим. 6, 3—4). Вотъ наша одежда! Видите, какъ она чиста и свята! Какъ великолѣпна и божественна! Какъ вожделѣнна и вмѣстѣ страшна! Ибо малая ли вещь облечься въ смерть Сына Божія?.....

Будемъ же, братіе мои, памятовать все это и вести себя, какъ прилично людямъ, облеченнымъ во Христа. Оставимъ суетное попеченіе объ украшеніи нашей внѣшности, которое у многихъ изъ насъ выходитъ изъ всякихъ предѣловъ и поглощаетъ собою все время. Ахъ, не до нарядовъ и украшеній, не до изящныхъ, такъ называемыхъ вкусовъ и послѣднихъ модъ тѣмъ, кои лишены образа Божія, изгнаны изъ рая сладости, поселены на землѣ проклятія, осуждены на то, чтобы возвратиться въ землю, отъ нея же взяты, и на краткое время токмо остаются между жизнію и смертію, небомъ и адомъ. Благодареніе любви вѣчной, что по паденіи нашемъ могли мы удержаться—до времени—хотя на сей зыбкой и опасной срединѣ! Доколѣ мы не восхищены еще отъ среды живыхъ, дотолѣ все можетъ быть исправлено: можемъ, если захотимъ, возвратить рай потерянный, и получить еще большее, то есть, царствіе небесное и сожитіе со Христомъ и Ангелами. Но долго ли продлится для насъ сія драгоцѣнная возможность? Завтра, послѣ-завтра явится смерть, и позоветъ насъ, подобно прародителямъ нашимъ, предъ страшный судъ Божій. Что речемъ на судѣ семъ, если явимся безъ той одежды невинности, въ которую Господь Самъ облекъ насъ при крещеніи? Не будемъ же тратить драгоцѣннаго времени напрасно; употребимъ все, даже претерпимъ все, только бы изыти путемъ вѣры и покаянія изъ той бездны, въ которую низринулъ насъ грѣхъ, прежде нежели она заключится надъ нами на вѣки. Аминь.

Бесѣда въ пятокъ 6-ой недѣли Великаго поста.

И рече Богъ: се Адамъ бысть яко единъ отъ Насъ, еже разумѣти доброе и лукавое; и нынѣ да не когда простретъ руку свою и возьметъ отъ древа жизни и живъ будетъ во вѣки И изгна его Господь Богъ изъ рая сладости, дѣлати землю, отъ неяже взятъ бысть. И изрину Адама, и всели его прямо рая сладости (Быт. 3, 22—23).

Послѣ божественнаго приговора надъ прародителями нашими, подлежало еще рѣшенію—гдѣ жить имъ? Оставаться ли по-прежнему въ Эдемѣ, или быть переселенными въ другое мѣсто? Премудрость Божія предсудила послѣднее. Въ самомъ дѣлѣ, человѣку, по паденіи его, уже не въ пользу было безсмертіе, а надлежало возвратиться въ землю, отъ нея же взятъ бысть: это, какъ мы видѣли, составляло и наказаніе за грѣхъ, и вмѣстѣ врачевство отъ ожесточенія во грѣхѣ, такое врачевство, котораго не могло замѣнить для насъ ничто. Но въ Эдемѣ, и по паденіи человѣка, оставалось древо жизни: вкушеніе отъ плодовъ его могло и грѣшника предохранить отъ смерти тѣлесной. Между тѣмъ, кто самовольно дерзнулъ на вкушеніе отъ плодовъ древа запрещеннаго, отъ того трудно было ожидать, чтобы онъ не покусился на вкушеніе отъ плодовъ древа животнаго. Послѣ сего оставалось одно изъ двухъ: или уничтожить древо жизни, или переселить человѣка изъ рая. Послѣдне было естественнѣе уже потому, что Эдемъ весь былъ приспособленъ къ обитанію въ немъ человѣка невиннаго, и слѣдовательно сдѣлался неспособенъ для жительства въ немъ человѣка грѣшника, который отселѣ долженъ былъ жить не плодами съ древъ райскихъ, а доставать себѣ пропитаніе въ потѣ лица, изъ земли, трудами рукъ своихъ, и по тому самому обитать уже внѣ рая.

Всѣ сіи мысли находятся, братіе мои, въ словахъ Моисея, вами слышанныхъ; только онѣ изображены у него не просто, а въ видѣ нѣкоего чрезвычайнаго совѣта, который держитъ Творецъ съ Самимъ Собою. *И рече Богъ: се Адамъ бысть, яко единъ отъ Насъ!*—Дважды токмо встрѣчается такое самообесѣдованіе Божіе въ повѣствованіи о прародителяхъ нашихъ: въ первый разъ предъ ихъ произведеніемъ на свѣтъ, гдѣ Господь говоритъ: *сотворимъ человѣка по об-*

разу Нашему; въ другой разъ здѣсь, предъ изгнаніемъ ихъ изъ рая. Такъ занимались не только судьбою, самимъ мѣстопребываніемъ нашимъ, дабы мы знали, что если съ нами сдѣлано что-либо, то сдѣлано не по мщенію какому-либо и въ гнѣвѣ, а, такъ сказать, съ полнымъ разсужденіемъ, и не по другой какой причинѣ, а для нашего же блага.

И рече Богъ: се Адамъ бысть, яко единъ отъ Насъ, еже разумѣти доброе и лукавое. Явно, что рѣчь Божія обращена здѣсь къ какому-то лицу, или точнѣе, лицамъ. Какимъ? Не къ Ангеламъ ли? Но Господь говоритъ: *яко единъ отъ Насъ,* что̀ несказанно выше всякаго Ангела. Притомъ слова сіи изъ устъ Божіихъ имѣютъ видимое отношеніе къ тому обѣщанію, коимъ искуситель обольстилъ праматерь нашу, говоря: *будете яко бози.* Простирая руку къ плоду запрещенному, Ева думала сдѣлаться чрезъ то подобною не Ангеламъ, а Самому Богу. Послѣ сего не остается уже никакого сомнѣнія, что вышесказанныя слова обращены не къ Ангеламъ, а къ Лицамъ Божественнымъ и единосущнымъ; то есть, Богъ Отецъ говоритъ сіе къ Богу Сыну и Богу Духу Святому. Что же говорится о насъ въ семъ великомъ совѣтѣ?—Говорится нѣчто, какъ бы въ укоризну намъ; но поелику эта укоризна исходитъ изъ устъ любви Божіей, то и составляетъ не столько явную укоризну, сколько тайное сожалѣніе о насъ. *Се Адамъ бысть, яко единъ отъ Насъ, еже разумѣти доброе и лукавое.* Адамъ, какъ бы такъ говорилъ Господь, сдѣлалъ съ своей стороны все для достиженія того, что̀ присовѣтовалъ змій; онъ знаетъ теперь доброе и лукавое, уподобился Богу! То есть—другими словами, Адамъ такъ уклонился теперь отъ своего предназначенія, такъ разстроился во всемъ существѣ своемъ, сдѣлался такъ несчастенъ, что о немъ надобно подумать снова столько же, сколько думано прежде, когда онъ получалъ бытіе изъ рукъ Нашихъ. Что же съ нимъ теперь дѣлать? Если предоставить ему самому опредѣлить дальнѣйшую свою судьбу до смерти, то онъ, неразумный, предпочтетъ, по легкомыслію, остаться жить въ Эдемѣ, воображая, что тутъ ему лучше; а оставшись въ раю, онъ, безъ сомнѣнія, не удержится отъ вкушенія плодовъ съ древа жизни, что̀ было бы теперь крайне вредно для него, ибо это самое воспрепятствуетъ Нашему благодѣтельному рас-

поряженію о немъ—возвратиться ему, на время, въ землю, отъ нея же взятъ. Посему—*и нынѣ, да не когда простретъ руку свою и возьметъ отъ древа жизни, и живъ будетъ во вѣки,* — надобно назначить ему другое мѣсто жительства, гдѣ не было бы древа жизни, для него теперь вреднаго, и гдѣ скорѣе срѣтили бы его трудъ и печаль, для него теперь необходимые: *и изгна Господь Богъ Адама изъ рая сладости, дѣлати землю, отъ неяже взятъ бысть, и изрину Адама.*

Послѣднее выраженіе: *и изрину*—подаетъ мысль, что удаленіе прародителей изъ рая соединено было съ нѣкоторымъ принужденіемъ, а посему заставляетъ предполагать съ ихъ стороны усиліе—остаться тамъ, гдѣ были. И можно ли было скоро и съ охотою оставить рай, чтобы пойти вонъ—на землю, уже проклятую, въ ожиданіи отъ пота и трудовъ надъ нею—тернія и волчцевъ? Но, безъ сомнѣнія, это усиліе—не разставаться съ мѣстомъ своего первобытнаго жительства состояло ни въ чемъ другомъ, какъ въ моленіи и слезахъ, какъ это бываетъ съ дѣтьми, когда ихъ хотятъ удалить навсегда отъ какого-либо любимаго мѣста. Въ такомъ случаѣ потребно бываетъ нѣкоторое усиліе руки отца или матери. То же послѣдовало и теперь: невидимая сила заставила прародителей идти, куда повелѣно: *и изрину Адама.*

И всели его прямо рая сладости. Судя по той цѣли, для коей прародители удалены изъ рая, можно было ожидать, что для новаго жительства ихъ избрано будетъ мѣсто, совершенно удаленное отъ Эдема, дабы не было предъ глазами искушенія—пожелать паки возвратиться въ него. Но премудрость Божія поступаетъ противнымъ образомъ—вселяетъ Адама не вдали, а *прямо рая,* дабы онъ всегда имѣлъ его предъ глазами своими. Для чего это? Для того конечно, чтобы видъ потерянаго Эдема непрестанно напоминалъ человѣку о томъ, чего онъ лишился, и располагалъ его къ покаянію. Это полезно было даже не для одного Адама и Евы, а и для потомковъ ихъ, кои, безъ сомнѣнія, не вдругъ разлучились съ своими прародителями, а долго жили съ ними вмѣстѣ—*прямо рая.* Такимъ образомъ въ ихъ памяти и умѣ отъ самаго взгляда на Эдемъ утверждалось сказаніе Адама и Евы о первобытномъ блаженномъ состояніи человѣчества

о преступленіи заповѣди, о зміѣ искусителѣ, о судѣ Божіемъ и наказаніи за грѣхъ. Все это должно было располагать потомковъ Адамовыхъ къ чувствамъ покаянія и вѣры въ обѣтованіе Божіе о побѣдѣ надъ зміемъ. И сему-то, конечно, должно приписать, что преданія о первобытномъ невинномъ состояніи человѣка и его паденіи до того распространились и утвердились во всемъ родѣ человѣческомъ, что, не смотря на столько вѣковъ, на истребленіе перваго міра потопомъ, на разсѣяніе по столпотвореніи Вавилонскомъ людей по всему лицу земли, доселѣ, хотя неясно, слышатся въ священныхъ вѣрованіяхъ всѣхъ народовъ.

Будемъ, братіе мои, и мы чаще ставить себя въ мысляхъ *прямо рая;* будемъ вспоминать то, что̀ случилось съ нами въ Эдемѣ: какъ мы преступили заповѣдь, какъ лишились образа Божія, какъ облеклись сначала листвіемъ смоковничнымъ, а потомъ ризами кожаными, какъ осуждены въ потѣ лица снискивать хлѣбъ свой и возвратиться въ землю, отъ нея же взяты. Это будетъ стократъ полезнѣе для насъ, нежели перебирать и вращать въ памяти пышныя прозванія и титулы своихъ предковъ, отличія и права, ими для насъ пріобрѣтенныя. Ахъ, что значитъ все нынѣшнее, такъ называемое, благородство человѣческое предъ тѣмъ, что̀ мы всѣ были и чѣмъ обладали нѣкогда! Если бы мы устояли въ невинности эдемской, то всѣ наслаждались бы нынѣ такимъ совершенствомъ, какое въ настоящемъ бѣдственномъ состояніи нашемъ трудно и представить. Ибо не напрасно злобный врагъ нашъ позавидовалъ намъ: великимъ обладали мы, и еще къ стократъ большему были предназначены! Теперь все это ниспровергнуто, попрано, разсѣяно, изглаждено. Но и теперь есть средство все исправить, все паки пріобрѣсть, взойти на прежнюю высоту богоподобія и блаженства. Вторый Адамъ, божественный Искупитель нашъ для того и пришелъ съ небесъ на землю, для того и воспринялъ на Себя плоть нашу, для того умеръ и воскресъ, дабы возставить все падшее въ Адамѣ первомъ, возвратить намъ права наши, даровать всѣ силы для побѣды надъ грѣхомъ и діаволомъ. Отъ насъ зависитъ воспользоваться симъ божественнымъ благодѣяніемъ, усвоить себѣ наше искупленіе—употребленіемъ въ дѣло тѣхъ спасительныхъ средствъ, кои намъ доставлены. А для того, чтобы умѣть оцѣнить ихъ какъ должно,

чтобы научиться дорожить ими для своего спасенія и немедленно начать употреблять во благо свое, нужно чаще всѣмъ намъ вспоминать наше первобытное состояніе и потерянное блаженство. Будемъ же, говорю, ставить себя въ мысляхъ *прямо рая* и, взирая мысленно на Эдемъ, сравнивать нынѣшнее наше бѣдственное состояніе съ первобытнымъ, сравнивая, обращаться къ Искупителю нашему за средствами возвратить потерянное и блюстись отъ новыхъ грѣхопаденій. Аминь.

Бесѣда въ Великій Понедѣльникъ.

И пристави Господь Богъ Херувима и пламенное оружіе, обращаемое, хранити путь древа жизни (Быт. 3, 24).

Какъ прилежно бережетъ насъ любовь Божія! Подлинно, не даромъ сказано: *аще мать забудетъ отроча свое, Азъ не забуду тебе!*—Мы видѣли, какъ въ настоящемъ состояніи нашемъ опасно было для насъ вкушеніе отъ плодовъ древа жизни. Но, сами по себѣ, не скоро уразумѣли бы мы эту опасность; сто разъ могли бы покуситься на вкушеніе отъ плодовъ его, кои для насъ столько же были неблагопріятны теперь по своимъ послѣдствіямъ, сколько прежде, въ состояніи невинности, были пагубны намъ плоды запрещеннаго древа. И вотъ, любовь Божія ставитъ стража на пути къ древу жизни, такого стража, который уже самымъ видомъ своимъ наводилъ трепетъ и уничтожалъ всякое покушеніе подойти къ сему древу. *И пристави Господь Богъ Херувима и пламенное оружіе, обращаемое, хранити путь древа жизни.*

Пристави Херувима. Такъ грѣхъ измѣнилъ служеніе самыхъ Херувимовъ и Серафимовъ! Тѣмъ ли бы надлежало заниматься симъ существамъ премірнымъ? Ихъ дѣло было стоять у престола Божія, наслаждаться лицезрѣніемъ Пресвятыя Троицы, гласить непрестанно славу Вседержителя. Когда бы даже нисходили они въ дольній міръ нашъ, то нисходили бы всегда вѣстниками новой радости и новаго блаженства; обращались бы съ человѣками, яко съ братіями единаго небеснаго Отца, яко съ другами и наперсниками своими. Но пришелъ грѣхъ, поставилъ человѣка во враждебное отношеніе къ его Творцу и міру горнему; и духамъ чи-

стымъ, при всемъ ихъ сожалѣніи о насъ, не оставалось ничего болѣе, какъ стать противу того, кто содѣлался врагомъ Божіимъ,—начать разрушать темныя дѣла его, разить его гордость и неповиновеніе. И вотъ причина, почему Ангелы Божіи, сіи существа святыя и любвеобильныя, будутъ являться иногда на землѣ, какъ свидѣтельствуетъ священная исторія, облеченными мракомъ и бурею,—даже съ мечемъ, поражающимъ смертію тѣхъ, коимъ лучше было умереть, нежели продолжать жить во грѣхахъ. Такъ Ангелъ поразитъ смертію первенцевъ египетскихъ, да не будутъ наслѣдниками злобы своихъ отцевъ; такъ Ангелъ же поразитъ въ единую нощь цѣлые легіоны воиновъ ассирійскихъ, да падутъ лучше отъ меча ангельскаго, нежели исполнятъ злую волю своего безумнаго владыки. Но возвратимся къ Эдему.

И приставиі Господь Богъ Херувима и пламенное оружіе, обращаемое, хранити путь древа жизни.

Особенно ли приставленъ Херувимъ и особенно ли пламенное оружіе, обращаемое? Можно представлять Херувима и оружіе раздѣльно, но лучше—вмѣстѣ. Ибо какъ бы обращалось оружіе само, безъ руки его обращавшей? И кому было ближе обращать его, какъ не Херувиму, стоявшему на стражѣ? Воину необходимо нужно оружіе, а оружію воинъ; но, по свойству священнаго языка, нерѣдко представляется раздѣльно то, что̀ на самомъ дѣлѣ соединено вмѣстѣ.

Если спросишь далѣе: что это за пламенное оружіе, обращаемое?—то мы скажемъ въ отвѣтъ, что у Херувима и оружіе не наше, а херувимское. Слово Божіе самыхъ Ангеловъ описываетъ иногда какъ существа, похожія на чистѣйшій и невещественный огонь. *Творяй*, сказано, *слуги Твоя огнь палящъ*. Сообразно сему и у Херувима оружіе было теперь похоже на пламень, то есть, казалось такимъ для Адама и Евы. Обращаемымъ же называется оно, конечно, потому, что не оставалось недвижимымъ въ рукахъ стража небеснаго, тѣмъ паче не лежало праздно, какъ это бываетъ съ человѣческимъ оружіемъ, а всегда было въ дѣйствіи, вмѣстѣ съ Херувимомъ являясь, смотря по нуждѣ, то на той, то на другой сторонѣ Эдема, и наводя собою страхъ на тѣхъ, коимъ приходила мысль—проникнуть въ Эдемъ.

И Херувимъ и оружіе поставлены были впрочемъ токмо хранить путь древа жизни, а не возбранять благоговѣйное приближеніе къ Эдему, близость коего къ первымъ людямъ входила, вѣроятно, какъ мы видѣли, въ планъ самой премудрости Божіей. Посему нѣтъ ничего противнаго въ той мысли, что пребываніе Херувима у вратъ рая было не безъ благотворныхъ послѣдствій для прародителей нашихъ и въ другомъ отношеніи. Лишившись непосредственнаго общенія съ Самимъ Богомъ, они могли получать отъ стража райскаго наставленія касательно того, что̀ для нихъ необходимо было въ жизни; могли заимствовать утѣшеніе среди горестей и печалей; могли особенно быть введены имъ въ тайну обѣтованія о Сѣмени жены и сокрушеніи главы зміиной. Любопытствующій знать о семъ болѣе, да обратится между прочимъ къ церковной лѣтописи св. Димитрія Ростовскаго.

Долго ли Херувимъ съ пламеннымъ оружіемъ стоялъ на своей стражѣ? Стоялъ, безъ сомнѣнія, пока было нужно, а нужно было дотолѣ, пока рай не потерялъ древа жизни, или пока человѣкъ не оставилъ совершенно желанія вкусить отъ плодовъ его. Скоро ли могло быть то и другое? Мнѣ кажется, скорѣе первое, нежели послѣднее. Ибо, хотя бы Адамъ и Ева скоро возрасли, до разумѣнія, что не въ древѣ жизни, еже посредѣ рая, должно искать имъ теперь врачевства отъ бѣдствій, ихъ угнетающихъ, а въ обѣтованномъ Сѣмени жены и собственномъ покаяніи; но отъ сыновъ и дщерей Адамовыхъ не вдругъ можно было ожидать подобнаго разумѣнія. Такому человѣку, напр., какъ Каину, трудно было не покуситься на плоды отъ древа жизни; а *путь Каиновъ* (Іуд. 1, 11) никогда и послѣ не оставался праздным. Посему должно думать, что стража Эдема кончилась вмѣстѣ съ Эдемомъ, или, по крайней мѣрѣ, съ древомъ жизни. Скоро ли это послѣдовало? Гораздо скорѣе можетъ быть, нежели какъ представляется съ перваго взгляда. Лѣпота Эдема была слѣдствіемъ не силъ природы естественныхъ, а особеннаго и непосредственнаго устроенія Божія. *И насади*, сказано, *рай на востоцѣ;* то есть, употребилъ на то особенное дѣйствіе Своей силы творческой. Какою силою насажденъ Эдемъ, тою же, безъ сомнѣнія, и держался въ благолѣпіи своемъ, доколѣ былъ нуженъ для человѣка; а когда пересталъ быть нуженъ, то особенное благословеніе, коимъ

онъ держался, было отнято. Безъ сего, подпавъ общимъ законамъ земной природы, рай еще скорѣе долженъ былъ потерять совершенство и истребиться, нежели какой-либо другой садъ, возрасшій по законамъ нынѣшней природы. Какъ бы впрочемъ ни было, только священный бытописатель, излагая послѣдующую исторію рода человѣческаго, ни разу не упоминаетъ уже потомъ ни объ Эдемѣ, ни о древѣ жизни ни о Херувимѣ съ пламеннымъ оружіемъ. Потопомъ, безъ сомнѣнія, изгладились и послѣдніе слѣды первобытнаго блаженнаго жилища человѣческаго. Какъ велико и разрушительно было дѣйствіе потопа именно надъ тѣмъ мѣстомъ, въ коемъ находился рай, можемъ заключать изъ того, что, вмѣсто четырехъ рѣкъ, указанныхъ Моисеемъ и бравшихъ начало свое изъ одного и того же начала въ Эдемѣ, остались теперь только двѣ: Тигръ и Евфратъ, но и ихъ истоки уже значительно удалены другъ отъ друга. Посему искать слѣдовъ рая на землѣ, какъ дѣлали и, можетъ быть, дѣлаютъ еще нѣкоторые, предпринимая для сего долгія и трудныя путешествія, есть дѣло, хотя добраго чувства, но разумѣнія не великаго.

Не на этой землѣ нашъ рай теперь, а на той, будущей, совершенной, которая явится, вмѣстѣ съ новымъ небомъ, когда нынѣшняя земля и нынѣшнее небо сгорятъ и претворятся совершенно. Тогда явится паки и древо жизни, и явится уже безъ Херувима съ пламеннымъ оружіемъ. *Посредѣ стогна его,* то есть, града Божія, такъ пишетъ Тайновидецъ Іоаннъ, *и по оба полы рѣки древо животное, еже творитъ плодовъ двянадесяте, на кійждо мѣсяцъ воздая плодъ свой, и листвіе древа въ исцѣленіе языковъ* (Апок. 22, 2).

Но отъ сего древа жизни вкусимъ, если удостоимся обитать въ Эдемѣ небесномъ. Теперь, въ странѣ пришествія, для насъ древо жизни — на Голгоѳѣ. Это — крестъ Христовъ приносящій намъ плоды не по числу мѣсяцевъ, а каждый день, каждую минуту, такъ что мы можемъ вкушать ихъ, когда захотимъ. Я разумѣю Тѣло и Кровь Христову, отъ нихъ же *ядый живъ будетъ* (Іоан. 6, 58) *и не умретъ во вѣки* (Іоан. 11, 26), то есть, тою смертію вѣчною, коея смерть тѣлесная есть одно слабое изображеніе, и которая одна только и есть истинная смерть для насъ.

И смотрите, что теперь дѣлаютъ Херувимы и Серафимы! Не стоятъ уже на стражѣ съ пламеннымъ оружіемъ у вратъ Эдема, какъ прежде, а съ нами же, во время совершенія таинъ Божественныхъ, невидимо служатъ Царю славы, какъ воспѣваетъ Церковь. Такъ все паки умиротворено Крестомъ Спасителя нашего! Такъ тѣсно возсоединено то, что, казалось, на вѣки раздѣлено было грѣхомъ и діаволомъ! Остается убо всѣмъ намъ точію пользоваться помощію свыше,—идти, куда ведутъ насъ Ангелы-хранители; и мы всѣ паки пріидемъ къ древу жизни. Аминь.

Бесѣда въ Великій Вторникъ.

И быша вси дніе Адамовы лѣтъ девять сотъ и тридесять, и умре (Быт. 5, 5).

Такъ долго продолжалась еще жизнь праотца нашего, уже изгнаннаго изъ рая сладости, уже удаленнаго отъ древа жизни, уже осужденнаго возвратиться въ землю, отъ нея же взятъ бысть! Новое и очевидное доказательство того, что если бы мы не согрѣшили, то не подлежали бы смерти и тлѣнію.

Но что же бы тогда было съ родомъ человѣческимъ?— Увы, мы всѣ такъ сдружились съ смертію, что не можемъ и представить себѣ, что̀ было бы безъ нея! Было бы то, что родъ человѣческій, невинный и святый, разселился бы по лицу всей земли, и она вмѣстѣ съ тѣмъ вся обратилась бы въ рай сладости: было бы то (позволимъ себѣ скромное гаданіе), что, по прошествіи извѣстнаго времени, роды и поколѣнія людей, подобно Эноху и Иліи, не вкусивъ смерти, преставлялись бы въ другіе свѣтлые міры, коихъ такое множество надъ главами нашими и кои, можетъ быть, теперь до времени и праздны потому именно, что не являются тѣ, въ жительство коимъ они предназначены. Но, во всякомъ случаѣ, не вѣрьте, братіе мои, тѣмъ празднымъ говорунамъ, кои съ важнымъ видомъ утверждаютъ, что если бы смерть не упраздняла мѣстъ для новыхъ жильцевъ, то потомкамъ Адамовымъ негдѣ было бы жить. Тѣ, кои вникли въ сей предметъ не поверхностно, не для того токмо, чтобы, при случаѣ сказать два-три красныхъ слова, давно уже вычи-

слили и показали, что шаръ земной и въ наше время еще представлялъ бы много свободнаго мѣста для жительства потомковъ Адамовыхъ, если бы каждый изъ нихъ оставался въ живыхъ и доселѣ. При чемъ не надобно забывать, что человѣкъ невинный въ первобытномъ состояніи своей души и тѣла, а равно и всей внѣшней природы, не имѣлъ бы нужды въ одеждѣ и кровѣ, ни въ нынѣшнихъ пособіяхъ къ своему пропитанію, и слѣдовательно, требовалъ бы для своего существованія на землѣ гораздо менѣе пространства, нежели какое сдѣлалось для него необходимымъ нынѣ.

Если бы кто вопросилъ за симъ, откуда произошло такое долголѣтіе Адама, равно какъ и послѣдующихъ патріарховъ?—таковому отвѣтствуемъ, что причиною сего долголѣтія былъ, во-первыхъ, остатокъ первобытной жизни и силы, кои въ самой высшей степени сосредоточены были въ человѣкѣ, яко владыкѣ всего одушевленнаго и неодушевленнаго; во-вторыхъ, отъ особеннаго состоянія окружающей человѣка природы, которая, въ началѣ также сохраняла въ себѣ болѣе жизненныхъ силъ для питанія и поддержанія жизни человѣческой. Вмѣстѣ съ симъ должно сказать, что доколѣ люди не размножились на землѣ, само провидѣніе Божіе особенно пеклось о продолженіи жизни человѣческой, устраняя отъ нихъ разрушительное дѣйствіе стихій.

Но обратимся къ прародителямъ нашимъ и спросимъ: надъ чѣмъ проведена жизнь ихъ, столь долговременная? Судя по нынѣшнему, въ такое продолжительное время сколько можно бы надѣлать разныхъ дѣлъ, открыть законовъ природы, изобрѣсти и усовершить искусствъ, основать городовъ и селеній, проложить путей и взаимныхъ сообщеній, придумать разныхъ удобствъ къ жизни? Но объ Адамѣ ничего подобнаго не говорится. И чтобы мы не подумали, что это одно молчаніе священнаго бытописателя о предметахъ, его не занимавшихъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ Адамомъ было сдѣлано многое въ гражданскомъ и житейскомъ отношеніи, Моисей опредѣлительно указываетъ въ послѣдствіи на начало всѣхъ важнѣйшихъ изобрѣтеній, называя по имени виновника каждаго. Такъ, о Каинѣ сказано, что онъ *бѣ зиждяй градъ* (Быт. 4, 17): слѣдовательно отецъ Каиновъ, Адамъ, не созидалъ городовъ, а жилъ въ кущѣ. Такъ Іовилу приписывается умноженіе и

усовершеніе средствъ и удобствъ жизни пастушеской (Быт. 4, 20): слѣд., Адамъ не заботился много о семъ удобствѣ. Такъ Θовелъ *названъ ковачемъ* мѣди и желѣза (Быт. 4, 22): слѣд., Адамъ не расторгалъ нѣдръ земныхъ для извлеченія изъ нихъ металловъ. О Іувалѣ говорится, что *сей бяше показавый цѣвницу и гусли* (Быт. 4, 21); слѣдовательно, Адамъ не думалъ о томъ, чтобы забавлять себя и потомковъ своихъ бряцаніемъ на струнахъ и органахъ.

Что значитъ сія, по нашему, какъ бы недѣятельность перваго прародителя нашего? То ли, что въ немъ не было способности на подобныя изобрѣтенія, и что силы ума человѣческаго развились для сего уже послѣ, въ потомкахъ его? Но въ томъ, кто былъ созданъ по образу Божію, безъ сомнѣнія, болѣе находилось способности на все истинноблагое, нежели въ тѣхъ, кои произошли уже отъ него, можно сказать, не столько по образу Божію, сколько по виду самаго Адама, падшаго и обезображеннаго грѣхомъ. Одно нареченіе Адамомъ именъ всѣмъ животнымъ, по одному взгляду на нихъ, показываетъ уже, какъ онъ выше насъ стоялъ по прозрѣнію въ самое существо вещей. Тѣмъ паче стало бы умѣнія у него построить въ лучшемъ видѣ или свои кущи, или какой-либо пріютъ для безсловесныхъ; тѣмъ болѣе стало бы искусства выстрогать цѣвницу или устроить гусли. Но Адамъ не занимается ничѣмъ подобнымъ. Почему? потому, что весь былъ занятъ другимъ, высшимъ и лучшимъ, тѣмъ, то есть, чтобы путемъ покаянія войти паки въ рай, отъ него же изгнанъ бысть, и гдѣ паки не нуженъ будетъ ни городъ Каиновъ, ни мѣдь и желѣзо Θовеловы, ни цѣвница съ гуслями Іуваловыми.

Такой взглядъ на жизнь и все земное перешелъ отъ Адама и къ прочимъ патріархамъ. Будучи родоначальниками племенъ, пользуясь величайшимъ уваженіемъ своихъ многочисленныхъ потомковъ, они скорѣе всѣхъ послѣдующихъ завоевателей и владыкъ могли бы сдѣлаться повелителями странъ и народовъ, окружить себя всѣмъ удобствомъ жизни, поставить для себя чертоги и престолы; но они всѣ ведутъ жизнь самую простую и странническую; не имѣютъ ни постояннаго крова, ни даже собственной земли; Авраамъ, напримѣръ, столько могущественъ, что могъ побѣдить пять царей и освободить изъ плѣна у нихъ племянника своего Лота, а самъ пріобрѣтаетъ покупкою пещеру даже для своего погребенія. Почему такъ? Что заставляло ихъ вести жизнь, по нашему, столь странную? То, что они, какъ за-

мѣчаетъ Апостолъ, взирали на себя яко на странниковъ и пришельцевъ на землѣ, устремляли взоръ въ будущее, ожидая града, *ему же художникъ и содѣтель Богъ* (Евр. 11, 10).

Племя Каиново не захотѣло подражать примѣру своего святаго прародителя и пошло другимъ путемъ; предалось удобствамъ жизни, начало дѣлать одно за другимъ изобрѣтеніе, извлекло изъ нѣдръ земныхъ металлы, окружило себя златомъ и серебромъ, настроило домовъ и чертоговъ, надѣлало цѣвницъ и гуслей. Но что наконецъ вышло изъ всего этого? Слишкомъ предавшись тѣломъ и душею земному, скоро забыли небесное; за удобствомъ жизни тотчасъ вошла роскошь; за нею вторглись чувственность и страсти; все это подавило вѣру и совѣсть; пороки не стали находить себѣ никакой преграды: беззаконія и злодѣйства осквернили всю землю; наконецъ всеобщій развратъ дошелъ до того, что вся земля, по выраженію Бытописателя, *растлилась;* человѣкъ весь сталъ плотію и погрузился въ чувственность и нечистоту до того, что въ немъ не могъ уже обитать Духъ Божій, Тотъ Духъ, безъ Коего нѣтъ истинной жизни ни въ комъ и ни въ чемъ. Что же далѣе? обыкновенныхъ наказаній къ исправленію нравовъ и обузданію нечестія недостало, не только на землѣ, но и на небѣ. Потребовались мѣры чрезвычайныя: и вотъ разверзлись хляби небесныя и источники бездны; пришелъ потопъ и смылъ съ лица земли златошвенныя кущи, мѣдь и цѣвницу, вмѣстѣ съ кующими и поющими. А святое семейство Ноево, въ коемъ обитали простота и чистота нравовъ, которое, не отличаясь изобрѣтеніями и искусствами, вѣрно слѣдовало смиренному образу жизни Адама и Сиѳа, пребыло невредимымъ среди всеобщаго истребленія, спаслось отъ водъ потопныхъ въ ковчегѣ и, по прошествіи гнѣва Божія и казни, содѣлалось разсадникомъ для новаго рода человѣческаго.

Что должно заключить изъ сихъ столь противоположныхъ примѣровъ? Что намъ не позволительно пещись о своей тѣлесной жизни, открывать, умножать и усовершать источники своего, такъ называемаго, земнаго благоденствія? Нѣтъ, это было бы противно намѣреніямъ Создателя нашего, Который Самъ благоволилъ подать человѣку примѣръ попеченія о всемъ этомъ, когда, вмѣсто смоковничнаго препоясанія, яко несовершеннѣйшаго, сотворилъ для него *ризы кожаны.* Не будемъ посему неблагодарны къ тѣмъ собратіямъ нашимъ, кои потрудились и трудятся надъ изобрѣтеніемъ и усовершеніемъ разныхъ вещей, служащихъ намъ

въ жизни нашей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, не будемъ забывать, что намъ, кои всѣ на землѣ только на самое краткое время, безразсудно было бы всю жизнь свою посвятить на убранство временной гостиницы нашей, и не заняться, по крайней мѣрѣ, столько же, приготовленіемъ для себя помѣщенія тамъ, гдѣ должно намъ пребывать вѣчно. Прародителю нашему, жившему болѣе 900 лѣтъ, позволительно было бы употребить сто или двѣсти лѣтъ на удовлетвореніе своихъ житейскихъ нуждъ и земныхъ пожеланій, ибо еще 700 лѣтъ оставалось для своей души и для Бога, а намъ много ли времени можно дѣлить между землею и небомъ? Самымъ долговѣчнымъ (и сколько ихъ?) только нѣсколько десятковъ лѣтъ. При такой краткости нашей жизни совершенное безуміе тратить ее, какъ дѣлаютъ нѣкоторые, на умноженіе вокругъ себя скорогибнущихъ игрушекъ и не употреблять на пріобрѣтеніе благъ вѣчныхъ.

И поживе Адамъ девять сотъ и тридесять лѣтъ и умре. По такой краткости выраженія, можете судить, братіе мои какъ Моисей вообще кратокъ въ своемъ повѣствованіи. Смерть перваго человѣка, яко общаго прародителя нашего, весьма немаловажна для всѣхъ насъ. Кто бы не пожелалъ слышать хотя нѣсколько словъ о томъ, какъ Адамъ оканчивалъ жизнь свою, что завѣщавалъ потомкамъ своимъ, то есть, всему роду человѣческому, какимъ погребеніемъ почтилъ его весь міръ тогдашній. Но у Моисея обо всемъ этомъ ни слова. О смерти Евы даже вовсе не упоминается; можемъ только догадываться, что она предварила супруга своего въ окончаніи земнаго поприща. Таковы святые писатели! они говорятъ одно то, что дано было видѣть имъ отъ Духа Святаго: посему и не слѣдуютъ обыкновеннымъ правиламъ нашего повѣствованія. Возвышенные въ званіе наставниковъ цѣлаго рода человѣческаго, они не водятся любопытствомъ, а говорятъ только необходимое для всеобщаго наставленія. Повѣствованіе подробностей о смерти Адама не составляло такой необходимости; потому и нѣтъ его въ священныхъ книгахъ. Въ какой странѣ кончилъ жизнь Адамъ? Не знаемъ. Гдѣ гробъ его? Не знаемъ. Есть древнее и трогательное преданіе, якобы онъ погребенъ на Голгоѳѣ, такъ что крестъ Христовъ утвержденъ былъ надъ его прахомъ, и кровь Спасителя оросила его собою, въ знакъ чего подъ крестомъ и изображается у насъ глава человѣческая. Но гдѣ бы ни былъ погребенъ Адамъ, крестъ всюду осѣнилъ его собою; въ смѣшеніи съ какою бы зем-

лею ни находился прахъ его, кровь Искупителя міра нашла его и проникла своею Божественною силою. Посему-то, имѣя въ виду вѣру и покаяніе Адамово, святая Церковь постоянно признавала его первымъ, по времени, въ ликѣ праведниковъ. Такимъ образомъ онъ, имѣвши несчастіе подать потомкамъ своимъ примѣръ нарушенія заповѣди Божія, имѣлъ счастіе содѣлаться для нихъ и примѣромъ покаянія.

Будемъ, братіе мои, подражать сему послѣднему примѣру; и ни грѣхъ Адамовъ, ни даже собственные наши грѣхи не воспрепятствуютъ намъ удостоиться благодати помилованія и войти въ рай. Будемъ также блюсти себя отъ нечестиваго ропота и безразсуднаго глумленія надъ святыми прародителями нашими, какъ это бываетъ, къ сожалѣнію, съ нѣкоторыми. Что роптать? Если палъ избранный изъ всѣхъ, то кто бы устоялъ на его мѣстѣ изъ насъ, неизбранныхъ? Аминь.

Слово въ Великую Среду заключительное.

Кончился, братіе мои, печальный свитокъ грѣхопаденія прародителей нашихъ; теперь сами видите, справедливо ли сказано нами въ началѣ, что въ немъ, какъ въ горькомъ свиткѣ, свыше показанномъ нѣкогда Пророку, вписано *рыданіе, жалость и горе* (Іезек. 2. 10). Ахъ, если есть какія бѣдствія на землѣ, если страдаетъ отъ чего-либо весь родъ человѣческій, то все это беретъ начало свое изъ Эдема, у корня древа запрещеннаго! Тутъ начало грѣха и страстей нашихъ! тутъ исходище нашей смерти и тлѣнія! И что со всею нашею мудростію и всѣми усиліями могли бы мы сдѣлать для прекращенія бѣдствій нашихъ, если бы предоставлены были самимъ себѣ? Кто могъ принять на себя ужасную тяжесть грѣховъ и неправдъ человѣческихъ, чтобы стать между нами и правдою небесною и преложить ее на милость? Съ другой стороны, кто могъ войти и проникнуть въ собственное сердце наше, связать преступное самолюбіе, сего лютаго дракона, въ немъ гнѣздящагося, исцѣлить насъ отъ проказы грѣховной и обновить духъ правый въ утробѣ нашей? Кто могъ потомъ низойти въ сердце земли, снять съ ней проклятіе, освободить ее отъ работы истлѣнія и извести въ свободу чадъ Божіихъ? — Кто, наконецъ, могъ сойти во адъ, къ душамъ толикихъ милліоновъ братій нашихъ, уснувшихъ уже сномъ смерти, озарить ихъ свѣтомъ жизни и радости, и указать имъ путь на небо? Все это

совершенно превышало силы не только наши, но и всѣхъ существъ сотворенныхъ.

Возблагодаримъ убо, братіе мои, любовь Божію, которая не оставила насъ падшихъ, не презрѣла нечистыхъ и прокаженныхъ грѣхомъ, не забыла умершихъ и близъ ада сущихъ. Явился вторый Адамъ, *Господь съ небесе*, Который смертію и крестомъ Своимъ возставилъ все падшее во Адамѣ первомъ. Съ завтрашняго дня откроется предъ нами дивное зрѣлище Его божественныхъ страданій, коими уврачевано наше паденіе эдемское, и мы, при содѣйствіи благодати Господней, постараемся вникнуть вмѣстѣ съ вами въ сіе чудо любви и безпримѣрнаго промышленія Божія о насъ недостойныхъ. Теперь же, чтобы въ настоящій день не остаться намъ безъ преломленія хлѣба духовнаго и пищи для сердца, соберемъ останки отъ прошедшихъ духовныхъ трапезъ нашихъ. Отъ преломленія пяти хлѣбовъ, какъ повѣствуется въ Евангеліи, собрано было дванадесять кошницъ, а для насъ недостойныхъ довольно будетъ, если мы и отъ дванадесятократнаго собесѣдованія соберемъ хотя единую копіницу на нынѣшній день, дабы слабое благовѣстіе слова нашего соотвѣтствовало величію св. поста, если ничѣмъ другимъ, то числомъ дней и пространствомъ времени.

Итакъ, что у насъ, христіанъ, называется паденіемъ Адамовымъ? Такъ называется тотъ злополучный поступокъ прародителей нашихъ въ раю, когда они, вопреки ясной заповѣди Божіей, вкусили, по внушенію змія, отъ плода запрещеннаго и, такимъ образомъ, разорвали святой и блаженный союзъ съ Творцемъ и Благодѣтелемъ своимъ.

Въ чемъ состояла важность сего преступленія и сущность паденія Адамова? Въ томъ, что слабая тварь возстала противъ всемогущаго Творца, что человѣкъ, по неразумію своему, отдѣлилъ волю свою отъ воли Божіей, пошелъ противъ премудрыхъ Его намѣреній, покусился на совершенство, ему не принадлежащее и для него невозможное, и вступилъ въ союзъ со врагомъ Божіимъ, который самъ, потерявъ небо, злоумыслилъ заградить его и для человѣка, къ нему предназначеннаго.

Что было слѣдствіемъ паденія Адамова? Смерть, какъ предсказалъ Самъ Господь, и при томъ во всѣхъ ея видахъ; то есть, смерть духа, оставленнаго Духомъ Божіимъ, переставшаго быть едино съ Господомъ; смерть ума, закрывшагося для созерцанія истинъ міра духовнаго и открывшагося для всякаго рода лжи и обаяній; смерть воли, потерявшей

силу стремиться къ добру и ощутившей всегдашнюю наклонность ко злу; смерть сердца, обезчувствѣвшаго для чистыхъ наслажденій духовныхъ и начавшаго двигаться единственно по бурному дыханію страстей; наконецъ, смерть тѣла, подпавшаго разрушительному вліянію стихій, сдѣлавшагося добычею болѣзней и тлѣнія.

Чѣмъ выражается паденіе Адамово въ каждомъ изъ насъ? Тѣмъ, что мы являемся на свѣтъ сей не въ томъ видѣ, какими прародители наши вышли изъ рукъ Божіихъ; зачинаемся, какъ говоритъ св. Давидъ, во грѣхахъ и раждаемся въ беззаконіяхъ, а рожденные такимъ образомъ, не имѣемъ уже тѣхъ совершенствъ, коими обладали прародители наши въ состояніи невинности, и подлежимъ множеству душевныхъ и тѣлесныхъ сквернъ, кои по необходимости содѣлываютъ насъ предметомъ отвращенія и гнѣва Божія, такъ что, если мы не возвратимъ первобытной чистоты и останемся съ настоящею порчею, то, болѣзнуя и страдая въ настоящемъ, не можемъ ожидать лучшаго жребія и въ будущемъ. Это самое называется въ ученіи христіанскомъ грѣхомъ прирожденнымъ.

Есть ли какое-либо врачевство противъ заразы эдемской?—Есть—въ Крестѣ Христовомъ. Іисусъ Христосъ, яко вторый Адамъ и новый духовный Родоначальникъ и Глава человѣчества, принесъ намъ съ неба правду, жизнь и нетлѣніе. Соединясь съ Нимъ вѣрою и любовію, чрезъ св. таинства Церкви, подобно какъ соединены мы съ Адамомъ плотію и кровію, мы избавляемся отъ грѣха и проклятія за него, содѣлываемся чистыми и святыми, способными паки къ жизни въ Богѣ, къ владычеству надъ самими собою и надъ всѣмъ дольнимъ.

Таково, братіе мои, ученіе слова Божія о паденіи прародителей нашихъ, а въ лицѣ ихъ и всего рода человѣческаго! Ученіе столь же глубокое, сколько простое и ясное,—удаленное, конечно, во всей полнотѣ его, отъ опыта, и между тѣмъ, одно токмо могущее изъяснить, что каждый испытываетъ въ своей жизни.

Хотите ли знать, къ чему сіе ученіе можетъ и должно служить намъ? Внемлите.

Ученіе о паденіи Адамовомъ,—и только оно одно,—достаточно проясняетъ намъ тайну злополучнаго состоянія нашего на землѣ.

Кто изъ способныхъ къ размышленію, при взглядѣ на человѣка и его состояніе на землѣ, не погружался въ глу-

бокое недоумѣніе и скорбь? Ибо, что представляетъ изъ себя земное бытіе наше? Представляетъ сочетаніе противорѣчій, самыхъ странныхъ и жалкихъ, — крайняго величія съ крайнимъ униженіемъ, немалаго добра съ великимъ зломъ, явной способности всѣхъ и каждаго къ блаженству съ непрестанными лишеніями и слезами. Съ одной стороны человѣкъ есть существо богоподобное, природный владыка и повелитель земли, видимый наперсникъ неба, наслѣдникъ вѣчности. Съ другой — это сынъ, какъ бы забытый своимъ отцемъ и непомнящій своего происхожденія; это царь, лишенный престола, преслѣдуемый и мучимый своими подданными и, что стократъ хуже сего, — это измѣнникъ совѣсти и закону, игралище страстей самыхъ низкихъ и преступныхъ, это какъ бы нѣкій духъ падшій и отверженный! Откуда сія ужасная противоположность? Не зная истиннаго ея источника, невольно можно подумать, какъ и думали многіе, что въ мірѣ два совѣчныхъ начала: доброе и злое, что человѣкъ есть произведеніе обоихъ началъ, добраго въ томъ, что есть въ немъ добраго; злаго въ томъ, что есть въ немъ злаго, что особенно тѣло человѣческое, яко гнѣздилище страстей, есть непосредственное произведеніе начала злаго. Отъ такого неправильнаго взгляда на природу человѣческую сколько другихъ заблужденій! Сколько самыхъ нелѣпыхъ правилъ въ жизни! Сколько кровавыхъ обрядовъ! Одни, вслѣдствіе превратнаго понятія о природѣ человѣческой, простирались въ строгости жизни едва не до самоубійства; другіе, почитая всѣ поступки наши безразличными, уничтожали всякую добродѣтель и позволяли человѣку все.

Христіанинъ, съ яснымъ понятіемъ о грѣхопаденіи эдемскомъ, свободенъ отъ всѣхъ сихъ заблужденій и крайностей. Ибо знаетъ, откуда грѣхъ и зло въ мірѣ; знаетъ, почему и за что страдаетъ человѣкъ; вѣдаетъ, что и грѣхъ и страданіе человѣка есть слѣдствіе не природы его и не дѣло Творца ея, а произведеніе собственныхъ рукъ человѣческихъ, плодъ злоупотребленія нашей свободы. Всеобщій опытъ вполнѣ подтверждаетъ для насъ все это, ибо злоупотребленіе свободы, или точнѣе сказать, слабаго остатка ея и нынѣ всегда сопровождается горестнымъ послѣдствіемъ для человѣка: между тѣмъ, какъ употребленіе ея разумное и благое, если не прекращаетъ совершенно бѣдствій нашихъ, то видимо и ощутительно сокращаетъ число ихъ. Вмѣстѣ съ симъ самъ собою теряется и исчезаетъ для насъ, несчастный, во всякомъ случаѣ, поводъ къ ропоту на Про-

мыслъ Божій. Воспоминая о томъ, что произошло съ нами въ Эдемѣ, вмѣсто безумной гордости и отчаянія, мы естественно располагаемся и приходимъ къ смиренію, терпѣнію, и упованію на благость и помощь Того, Кто можетъ уврачевать всѣ наши язвы.

Во-вторыхъ, ученіемъ о паденіи Адамовомъ уясняется тайна искупленія нашего въ Іисусѣ Христѣ и Его крестной смерти, за насъ подъятой.

Сойти Богу на землю, облечься нашею плотію, претерпѣть всѣ виды уничиженія, взойти на крестъ и умереть смертію преступника—это такія событія, которыя могли послѣдовать только ради какой-либо наиважнѣйшей причины. Для чего же все это, если не было паденія нашихъ прародителей, если родъ человѣческій таковъ, какимъ вышелъ изъ рукъ Творца? Въ такомъ случаѣ напрасны и излишни не токмо крестъ, самыя ясли и пелены Христовы. Ибо все, что прилично и нужно было со стороны Бога сдѣлать въ помощь роду человѣческому не павшему, могло быть сдѣлано и безъ явленія Бога во плоти, тѣмъ паче безъ страданій и смерти Его на древѣ крестномъ. Нужно ли было научить людей? Они могли быть научены чрезъ человѣка. Нужно ли было подать примѣръ добра? Онъ могъ быть поданъ опять чрезъ человѣка же или Ангела. Но поднять на себя тяжесть грѣховъ нашихъ, примирить насъ съ Богомъ и своею смертію умертвить нашу смерть, возставить насъ изъ персти и тлѣнія, — для сего явно было недостаточно силъ существъ сотворенныхъ; для сего подобало явиться Тому, Кто, и въ человѣческомъ образѣ, яко безпредѣльный по своему могуществу и заслугамъ, *единѣмъ приношеніемъ* могъ совершить *во вѣки освящаемыхъ* (Евр. 10. 14), Кто, будучи положенъ въ *наслѣдника всѣмъ* (Евр. 1, 2) и всему, имѣетъ посему ключи не Эдема токмо. но ада и смерти (Апок. 1, 18). Такимъ образомъ крестъ Христовъ представляется во всемъ его величіи токмо тогда, когда на него смотрятъ не съ Голгоѳы, или изъ вертограда Іосифова, а изъ Эдема, при видѣ Херувима, съ пламеннымъ оружіемъ стрегущаго путь древа жизни. О, какъ понятно, какъ драгоцѣнно тогда все, что происходитъ на Голгоѳѣ! Тутъ видишь, какъ одна за другою врачуются всѣ язвы, нанесенныя намъ зміемъ эдемскимъ, какъ сокрушается, наконецъ, самая глава его смертію Богочеловѣка! Ибо, въ чемъ сущность уязвленія змінаго? Въ томъ, что обольщенный человѣкъ, уклонивъ волю свою отъ воли Божіей, соединилъ ее

съ волею врага Божія, и восхищеніемъ нѣщевалъ усвоить себѣ то, что подобаетъ единому Богу. И се, на крестѣ Самъ Богочеловѣкъ, въ вознагражденіе сего покушенія и мятежа, изъ повиновенія волѣ Божіей и по чистой любви къ людямъ, страждетъ, умираетъ и приноситъ въ жертву Самого Себя! По совершеніи сего жертвоприношенія, не умиравшему токмо на крестѣ Страдальцу а небу и землѣ вмѣстѣ съ Нимъ подобало воскликнуть: *совершишася!* Ибо тутъ все сдѣлано: слава Творца возстановлена, законъ удовлетворенъ; діаволъ низложенъ и поруганъ; человѣкъ искупленъ, двери въ Эдемъ отверсты!...

Въ-третьихъ, ученіемъ о паденіи Адамовомъ опредѣляется самымъ вѣрнымъ образомъ правило нашего поведенія во все продолженіе нашей земной жизни.

Ибо, что такое по паденіи нашемъ для насъ земля? Явно—есть помѣщеніе только временное и при томъ похожее съ одной стороны на обширный смирительный домъ, въ коемъ укрощаются своеволіе и буйство, а съ другой—на обширную больницу, гдѣ врачуются зараженные проказою и язвами грѣховными. Кто смотритъ такимъ образомъ на землю,—а иначе нельзя смотрѣть на нее отъ вратъ потеряннаго Эдема,—тотъ не будетъ прилѣпляться ни къ чему земному, престанетъ поставлять задачею своей жизни стяжаніе благъ тлѣнныхъ, а будетъ всемѣрно стараться о томъ, чтобы какъ можно болѣе воспользоваться краткимъ срокомъ пребыванія на землѣ изгнанія для достиженія цѣли своего заключенія на ней, то есть, употребитъ всѣ силы, способности и средства къ тому, чтобы подавить въ себѣ сѣмя грѣха и беззаконія, возстановить въ душѣ своей образъ Божій, исцѣлить свой умъ, свою волю и свою совѣсть отъ яда зміинаго,—отъ лжи, плотоугодія, злобы и гордости, утвердить себя въ повиновеніи закону Господню, и такимъ образомъ сдѣлать себя способнымъ паки войти въ рай и соединиться съ Богомъ.

Кто понялъ свое падшее состояніе, тотъ не будетъ удивляться, когда Евангеліе потребуетъ отъ него не простаго только удаленія отъ пороковъ и принужденія себя къ добродѣтели, а умерщвленія своей воли и самолюбія, распятія плоти, страстей и пожеланій, погубленія самой души своей. Ибо наше паденіе, наша болѣзнь, наша смерть въ томъ и состояли, что мы вмѣсто благой воли Божіей, предались своей волѣ—злой и мятежной; на мѣсто закона творческаго поставили въ душѣ и сердцѣ свое безумное *я;*

изъ области духа ниспали подъ владычество плоти и крови; забыли невидимое и вѣчное, и поработились видимому и тлѣнному; содѣлались врагами сами себѣ и начали жить такою жизнію, которая, въ сравненіи съ жизнію истинною, намъ подобающею, есть ложь и смерть. Кто понялъ, говорю, все это, для того сраженіе съ самимъ собою есть первый и послѣдній долгъ, а умерщвленіе въ себѣ ветхаго, плотскаго, грѣховнаго человѣка—первая и послѣдняя побѣда.

Наконецъ, ученіемъ о паденіи прародителей нашихъ проясняется для насъ,—безъ того темное и непонятное,—нынѣшнее состояніе природы и вещей, насъ окружающихъ. Ибо и въ природѣ видимой, также какъ въ родѣ человѣческомъ, богатство, величіе, порядокъ и красота перемѣшаны всюду съ скудостію, непорядкомъ, безобразіемъ и страданіемъ. Съ одной стороны это великолѣпный чертогъ царскій; съ другой—это печальное помѣщеніе для преступниковъ, обширное кладбище для мертвецовъ. Когда произошла сія неестественная двойственность? Кѣмъ возмущенъ прекрасный порядокъ тварей? Кто внесъ въ мирное царство природы вражду и смерть? Отвѣта на сіи вопросы нѣтъ въ природѣ; нѣтъ и у человѣка, если онъ не вѣдаетъ, какъ вся земля, по паденіи владыки своего—человѣка, лишилась благословенія Божія; подверглась клятвѣ, и слѣдовательно потерѣ совершенствъ первобытныхъ.

Имѣя въ виду все это, преноситесь, братіе мои, чаще мыслію вашею къ первымъ временамъ міра, посѣщайте въ духѣ—рай сладости, становитесь у древа запрещеннаго, и говорите самимъ себѣ: вотъ гдѣ произошло злополучное паденіе! Вотъ откуда моя нечистота, бѣдность и смерть! Вышедъ же изъ Эдема, восходите всегда мысленно на Голгоѳу, становитесь у креста Христова и говорите: а вотъ гдѣ совершилось наше возстаніе! Здѣсь я искупленъ отъ грѣха и смерти; здѣсь возвращенъ мнѣ рай! Такимъ образомъ горькій свитокъ бытія человѣческаго будетъ постепенно терять свою горесть отъ креста Христова и, омытый слезами покаянія, орошенный кровію Искупителя, содѣлается, наконецъ, подобно свитку Іезекіилеву (Іезек. 3, 3), яко медъ сладокъ во устахъ. Аминь.

О ГРѢХѢ

И ЕГО ПОСЛѢДСТВІЯХЪ.

Вкушая вкусихъ мало меду, и се азъ умираю (1 Цар 14, 43)!

Слово огласительное.

Какой, слушатели, врагъ у насъ, самый первый и самый послѣдній, самый злобный и самый коварный?—Грѣхъ. Это врагъ самый первый; ибо кто лишилъ насъ образа Божія, изгналъ изъ рая сладости, поселилъ на сей землѣ бѣдствія и печалей? Грѣхъ. Это врагъ самый послѣдній, ибо кто отлучитъ навсегда грѣшниковъ въ послѣдній день отъ лица Божія, покроетъ ихъ стыдомъ и проклятіемъ предъ всѣмъ міромъ, низринетъ невозвратно во адъ къ діаволу и ангеламъ его на мученія вѣчныя? Грѣхъ. Это врагъ самый ужасный, ибо онъ губитъ нашу душу и тѣло, омрачаетъ умъ, порабощаетъ страстямъ волю, оскверняетъ сердце, подвергаетъ насъ болѣзнямъ, предаетъ смерти и тлѣнію. Это врагъ самый коварный, ибо чего не употребляетъ грѣхъ къ пораженію и плѣну нашему? Употребляетъ и нашу силу и наше безсиліе, и наши страсти и самыя добродѣтели, употребляетъ даже благость Божію, даже безцѣнныя заслуги Искупителя нашего, внушая грѣшнику, по надеждѣ на нихъ, безстрашіе и нераскаянность. По всему этому грѣхъ, какъ справедливо замѣтили св. отцы Церкви, ужаснѣе самого діавола, ибо и діавола изъ Ангела свѣтоноснаго грѣхъ сдѣлалъ духомъ отверженнымъ.

Судя по такой жестокости и коварству врага нашего—грѣха, надлежало бы ожидать, что мы будемъ крайне осто-

рожны противъ него, и постараемся брать заранѣе всѣ мѣры противъ его нападеній и лукавства; что сраженіе со грѣхомъ во всѣхъ его видахъ сдѣлается постояннымъ и главнѣйшимъ подвигомъ всей нашей жизни; что для побѣды надъ грѣхомъ или по крайней мѣрѣ для избѣжанія пораженій отъ грѣха, мы будемъ употреблять всѣ способности и силы наши, всѣ средства и пособія и естественныя и благодатныя; что въ случаѣ пораженія и ранъ, намъ причиненныхъ, немедленно будемъ возставать отъ паденій, вознаграждать потери, врачевать раны, избѣгать тѣхъ мѣстъ и случаевъ, кои были для насъ опасны и гибельны; что все близко или отдаленно приводящее ко грѣху, сдѣлается для насъ чуждымъ и отвратительнымъ; все, что защищаетъ или избавляетъ отъ грѣха, любезнымъ и драгоцѣннымъ. Но посмотрите на міръ и родъ человѣческій, посмотрите на другихъ и себя самихъ,— и увидите совершенно противное. Малая только, весьма малая часть людей ведетъ ту святую брань со грѣхомъ и порокомъ, которую бы всѣмъ и каждому вести надлежало. Другіе, если начинаютъ по временамъ сражаться съ общимъ врагомъ: то, во-первыхъ, по временамъ, безъ надлежащаго постоянства и твердости; выходятъ притомъ на брань, не собравшись со всѣми силами, не обдумавъ плана дѣйствій, не сообразивъ цѣли и средствъ, безъ твердой рѣшимости побѣдить или умереть, посему и прекращаютъ ее при первомъ маломъ успѣхѣ или неуспѣхѣ, забывъ, что брань со грѣхомъ должно вести до конца жизни. Большая же часть людей и не думала никогда о томъ, что надобно сражаться со грѣхомъ; вмѣсто ненависти къ сему врагу и удаленія отъ него, сами ищутъ нападеній и плѣна, сами идутъ въ станъ вражій, предаютъ себя въ его волю и требуютъ постыдныхъ узъ и приказаній — со всею готовностію носить первыя и исполнять послѣднія.

Что причиною, что такой ужасный и непримиримый врагъ, какъ грѣхъ, находитъ себѣ въ насъ такъ мало противоборства и такъ много послушанія и благопріятства? То ли, что намъ недостаетъ силы и средствъ къ сраженію съ нимъ? Нѣтъ, сего нельзя сказать, ибо хотя мы, по коварству сего же врага, лишились первобытныхъ силъ на доброе, коими снабжены были при сотвореніи насъ, но все еще имѣемъ столько способности, что можемъ питать по крайней мѣрѣ

постоянное отвращеніе ко грѣху и его ядовитымъ соблазнамъ. Съ другой стороны, каждому изъ насъ святою вѣрою нашею даруются силы и средства новыя, не меньше тѣхъ, коими обладали мы нѣкогда. Что сихъ новыхъ средствъ и силъ достаточно для совершенной побѣды надъ грѣхомъ,—свидѣтель тому цѣлый многочисленный ликъ святыхъ Божіихъ, кои, бывъ во всемъ подобны намъ, обложенные тою же бренною плотію, находясь среди тѣхъ же соблазновъ, сражаясь съ тѣми же напастями, терпя то же, и стократъ большее, не усомнились выйти на сраженіе со грѣхомъ, поражали его во всѣхъ его видахъ, остались, наконецъ, совершенными побѣдителями, и теперь, свободные отъ всякаго грѣха, исполненные всѣхъ совершенствъ, блаженствуютъ на небѣ, будучи готовы помогать намъ во всякомъ грѣховномъ обстояніи нашемъ. Итакъ, не безсиліе наше виною того, что ужасный врагъ нашъ—грѣхъ такъ ненаказанно господствуетъ надъ нами. Что же? между причинами сего печальнаго явленія одна изъ самыхъ главныхъ—невѣдѣніе,—то, что большая часть людей не знаетъ своего врага и его ужасныхъ свойствъ, не знаетъ до того, что почитаетъ его за своего друга. Повидимому странно не знать грѣха тѣмъ, кои грѣшатъ непрестанно; но въ самомъ дѣлѣ такъ. Увы, мы знаемъ, слишкомъ знаемъ грѣхъ, для того, чтобы грѣшить; но не знаемъ, какъ должно, грѣха для того, чтобы избѣгать его и ненавидѣть! То есть, мы знаемъ ту сторону грѣха, которую онъ самъ показываетъ намъ, дабы обольщать насъ, и не видимъ той стороны, которою онъ губитъ насъ и по сему самому старается всячески сокрывать отъ насъ. Въ семъ случаѣ большая часть людей подобна младенцу, который, видѣвъ нѣсколько разъ разнообразныя движенія змѣи и красивый переливъ цвѣтовъ ея на солнцѣ, но не имѣя никакого понятія о ядѣ ея, началъ бы увѣрять, что онъ хорошо знаетъ, что такое змѣя. При такомъ полузнаніи младенецъ готовъ, пожалуй, увѣрять, что змѣя прекрасное животное и что ее стоитъ имѣть на своихъ рукахъ, у своего сердца. Большая часть грѣшниковъ совершенно подобна сему младенцу: иначе какъ изъяснить безумныя похвалы грѣху и порокамъ, слышимыя нерѣдко изъ устъ бѣдныхъ грѣшниковъ? Какъ понять, что многіе не только грѣшатъ непрестанно, но и хвалятся своими грѣ-

хами? Утверждаютъ, что они дошли до ожесточенія нравственнаго и прямо ищутъ во грѣхѣ своей вѣчной погибели. Но этого бываетъ не видно въ сихъ несчастныхъ людяхъ; и они сами первые ужаснулись бы, еслибъ кто началъ производить ихъ грѣховность изъ сего ужаснаго начала. Нѣтъ, они ищутъ во грѣхѣ не погибели себѣ, а блаженства; и думаютъ найти его въ немъ потому, что, подобно младенцу, видятъ только красивую пестроту змѣиной кожи, и не видятъ жала и яда змѣинаго. Если бы они увидѣли ясно послѣднее, поняли, какой ядъ сокрывается въ сладости грѣховной, и убѣдились совершенно, что *послѣдняя* грѣха зрятъ прямо *во дно адово,* то первые, можетъ быть, поспѣшили бы навсегда разстаться со грѣхомъ, прокляли бы всѣ наслажденія его и рѣшились бы не рабствовать своимъ страстямъ, а сражаться съ ними на смерть.

При такомъ положеніи дѣла, очевидно, нѣтъ ничего нужнѣе, какъ распространять между людьми истинное понятіе о грѣхѣ и его ужасныхъ послѣдствіяхъ. Всякъ, кто можетъ, долженъ дѣлать сіе, долженъ всякимъ способомъ, при каждомъ удобномъ случаѣ, сообщать другимъ, что онъ знаетъ о ядѣ грѣховномъ, какое его дѣйствіе и какія противъ него надежныя средства. Это обязанность каждаго самая священная!—Ибо судите сами, не такъ ли именно поступаемъ всѣ мы, когда идетъ на насъ какая-либо ужасная язва: не распрашиваемъ ли тогда другъ друга, не разсказываетъ ли каждый, что онъ знаетъ о язвѣ, на кого и когда она особенно нападаетъ, что ее привлекаетъ и что ей противно, чѣмъ можно предохранить себя или избавиться отъ нея? Но какая язва можетъ сравниться съ язвою грѣховною и ужасными опустошеніями, производимыми ею въ родѣ человѣческомъ? Посему нѣтъ долга въ отношеніи къ братіямъ нашимъ священнѣе того, какъ предостерегать ихъ отъ грѣха, и для сего вразумлять въ ужасное свойство его—убивать нашу душу и тѣло. Это самый полезный предметъ для собесѣдованія наставниковъ съ учениками, родителей съ дѣтьми, домовладыкъ съ домочадцами, людей просвѣщенныхъ съ простолюдинами.

Но если на комъ всецѣло лежитъ священный долгъ обнажать порокъ отъ всѣхъ личинъ его и показывать всѣ его ужасныя послѣдствія, то на пастыряхъ Церкви. По всей

справедливости должно сказать, что въ семъ наипаче должно состоять попеченіе о душахъ, имъ ввѣренныхъ. Ибо всѣ истины спасенія, какъ ни благотворны онѣ, не произведутъ желаемаго дѣйствія надъ грѣшникомъ, доколѣ онъ не убѣдится и не возчувствуетъ, что состояніе грѣха, въ коемъ находится онъ, есть состояніе самое ужасное и погибельное.

Чувствуя сію истину, и мы, братіе, по долгу званія нашего, рѣшились въ наступающіе дни святаго поста, избрать постояннымъ предметомъ для собесѣдованій нашихъ съ вами, грѣхъ и его ужасную ядовитость. Если бы слово наше не въ состояніи было возбудить чьего-либо вниманія, то теперь самое время возбудить его. Ибо въ продолженіе поста каждому изъ насъ надобно приступать къ покаянію и исповѣди: это самыхъ невнимательныхъ заставляетъ размышлять о грѣхѣ. Итакъ, будемъ размышлять вмѣстѣ и вслухъ: противъ общаго врага нашего соединимся общими силами. Для сего, при помощи благодати Божіей, разсмотримъ во-первыхъ, что есть грѣхъ въ существѣ своемъ, откуда онъ и какіе его виды; во-вторыхъ, изслѣдуемъ, чѣмъ грѣхъ соблазняетъ насъ, и постараемся сорвать съ него всѣ обольстительныя личины; въ третьихъ, пройдемъ мыслію по путямъ беззаконія, и покажемъ, куда приводятъ они. Собесѣдованіе о сихъ предметахъ можетъ послужить для всѣхъ насъ вмѣсто пріуготовленія къ таинству покаянія и исповѣди. Аминь.

Слово о существѣ грѣха, его видахъ, степеняхъ и различныхъ грѣховныхъ состояніяхъ.

Намѣревающіеся вступить въ сраженіе съ какимъ-либо сильнымъ непріятелемъ стараются первѣе всего узнать предварительно свойства своего противника, составъ его полчища, силы и средства, коими онъ можетъ располагать: подобно сему и для насъ, коимъ предлежитъ брань со грѣхомъ, нужно для успѣха въ своемъ дѣлѣ, предварительно узнать, въ чемъ состоитъ грѣхъ, гдѣ его начало, каковы свойства, въ какихъ выражается онъ видахъ, откуда беретъ силу, что ему благопріятствуетъ и что для него противно. Кто скажетъ намъ это? Скажетъ, во-первыхъ, слово Божіе, въ коемъ

грѣхъ изображается во многихъ мѣстахъ со всѣми ужасными его послѣдствіями; скажетъ, во-вторыхъ, исторія рода человѣческаго, исполненная примѣрами всякаго рода грѣховъ и преступленій человѣческихъ; скажетъ, наконецъ, самый ежедневный опытъ, и чуждый и свой собственный. Увы, для изображенія свойствъ грѣха нѣтъ нужды прибѣгать къ какимъ-либо умозрѣніямъ и пособіямъ мудрости человѣческой; довольно посмотрѣть внимательно на людей, и заглянуть въ собственное сердце, коему, какъ справедливо замѣчено священнымъ бытописателемъ, отъ юности прилежитъ помышленіе на злое по вся дни!

На вопросъ: что есть грѣхъ? отвѣтствуетъ намъ Апостолъ, говоря, что *грѣхъ есть беззаконіе* (1 Іоан. 3, 4). И дѣйствительно, сущность всякаго грѣха состоитъ въ нарушеніи какого-либо закона, такъ что если бы не было закона, то не было бы и грѣха. Поелику же законъ самъ по себѣ есть не что иное, какъ выраженіе воли Божіей, то грѣхъ столь же справедливо называется преступленіемъ сей всесвятой воли.—При каждомъ грѣхѣ человѣкъ, всякій разъ, вмѣсто закона поставляетъ свой слѣпой произволъ, вмѣсто пресвятой воли Божіей—свою злую волю; а посему при всякомъ грѣхѣ человѣкъ становится противникомъ и врагомъ своему Создателю. Уже по сей одной чертѣ можетъ судить всякій — какъ преступенъ, опасенъ и зловреденъ грѣхъ, ибо малое ли дѣло стать твари противъ своего Творца?

Такъ какъ требованія закона всѣ состоятъ изъ двухъ вещей—первое, чтобы мы дѣлали и исполняли все благое и праведное; во-вторыхъ, чтобы не дѣлали ничего худаго и несправедливаго: то грѣхъ, какъ нарушеніе закона, такъ же состоитъ изъ двухъ главныхъ видовъ—во-первыхъ, изъ неисполненія того, что законъ повелѣваетъ дѣлать,—грѣховъ, такъ называемыхъ, опущенія; во-вторыхъ, изъ совершенія того, что законъ запрещаетъ дѣлать,—грѣховъ, такъ называемыхъ, нарушенія. Такъ напримѣръ: грѣшитъ тотъ, кто отнимаетъ у ближняго, какимъ то ни было образомъ, его собственность; грѣшитъ и тотъ, кто самую свою собственность не употребляетъ во благо ближняго, когда можетъ это сдѣлать, ибо законъ повелѣваетъ не только не обижать ближняго ничѣмъ, но и помогать ему всѣмъ. По-

добнымъ образомъ грѣшитъ не только тотъ, кто лжетъ и вводитъ другихъ въ заблужденіе, но и тотъ, кто, зная истину, не открываетъ ее и не выводитъ изъ заблужденія.—Это должно примѣтить особенно: ибо многіе почитаютъ грѣхомъ для себя одно то, что сдѣлали они худаго и богопротивнаго; а что не сдѣлано ими добраго и общеполезнаго,—того нисколько не ставятъ себѣ въ преступленіе. Нѣтъ, и это грѣхъ, когда человѣкъ, могши сдѣлать что-либо доброе, не дѣлаетъ того по своему нерадѣнію или малодушію. Всѣ таковые осудятся съ рабомъ, закопавшимъ свой талантъ въ землю. И онъ не сдѣлалъ повидимому ничего худаго, представивши потомъ свой талантъ господину цѣлымъ; но поелику не употребилъ его какъ должно, то и лишенъ всего, въ наказаніе за лѣность.

Такъ какъ свободная дѣятельность человѣка выражаетъ себя тремя главными способами—мыслію и желаніемъ, словомъ и бесѣдою и, наконецъ, самыми дѣйствіями: то и грѣхъ имѣетъ три главные вида. Есть грѣхи мысленные—это всѣ нечистые помыслы и желанія, грѣховныя воображенія и воспоминанія. Питать въ умѣ и сердцѣ своемъ подобныя мысли и желанія—значитъ грѣшить: ибо, кромѣ того, что отъ такихъ мыслей и желаній часто происходятъ худыя слова и дѣла, онѣ сами по себѣ уже портятъ душу и дѣлаютъ ее нечистою и богопротивною. Какъ опасна и зловредна сія внутренняя нечистота и грѣховность мыслей и чувствъ,—разительно показываетъ примѣръ духовъ нечистыхъ, ибо у нихъ нѣтъ ни нашего слова, ни нашей тѣлесности: ихъ порча и развращеніе—все заключено въ ихъ духѣ; однако же, какъ оно ужасно!

Втораго рода грѣхи состоятъ изъ худыхъ и гнилыхъ словъ. Сюда относятся всѣ виды лжи и обмана словеснаго, всѣ роды божбы напрасной и клятвъ безразсудныхъ, всѣ пересуды и злорѣчія на счетъ ближняго, всѣ лжесвидѣтельства и клеветы, всѣ соблазнительныя шутки и срамословія. Сюда же должно отнести и грѣхи слова письменнаго, когда то, что̀ грѣшно произносить устами, пишется на бумагѣ, и такимъ образомъ распространяется и стократъ болѣе дѣлаетъ соблазна и вреда, нежели произносимое устно. Къ сему же роду грѣховъ будутъ принадлежать и тѣ случаи, когда мы могли сказать что-либо хорошее и полезное и не

сказали, когда должны были защищать истину священную, или обнаружить ложь и клевету безчестную, и не сдѣлали того изъ разсчетовъ самолюбія или своекорыстія.

Третій видъ грѣховъ состоитъ изъ самыхъ порочныхъ дѣйствій. Здѣсь, если начать исчислять поименно, то недостанетъ числъ и словъ.—Примѣтимъ только, что иные грѣхи прямо противъ Бога и вѣры въ Него, какъ-то: невѣріе, хула и отчаяніе; иные грѣхи устремлены противъ ближняго, напримѣръ: татьба, убійство; иные противъ самого грѣшника, напримѣръ: сладострастіе, невоздержаніе и піянство.

Не всѣ грѣхи бываютъ, безъ сомнѣнія, въ каждомъ человѣкѣ; обыкновенно одна какая-либо страсть беретъ верхъ надъ другими и, становясь господствующею, нерѣдко даже изгоняетъ другія страсти, съ ней несовмѣстныя, какъ напримѣръ: скупость изгоняетъ невоздержаніе; но въ сущности дѣла, каждый грѣшникъ носитъ въ себѣ сѣмя всѣхъ пороковъ, подобно какъ праведникъ носитъ въ себѣ начало и сѣмя всѣхъ добродѣтелей. Тѣмъ паче нельзя быть съ однимъ какимъ-либо грѣхомъ и порокомъ по произволу. Человѣкъ гордый, напримѣръ, бываетъ вмѣстѣ и завистливъ, и мстителенъ, и жестокъ; человѣкъ скупой—притѣснителенъ, лживъ и низокъ; плотоугодникъ—клятвопреступенъ, лицемѣренъ и расточителенъ.

Не всѣ грѣшники стоятъ также на одной степени развращенія: въ грѣхѣ, какъ и добродѣтели, есть своя постепенность. Первая степень, когда человѣкъ начинаетъ предаваться по временамъ разнымъ порокамъ, или одному какому-либо, безъ особеннаго расположенія ко грѣху, не забывая по временамъ и покаянія, хотя безъ особенныхъ плодовъ его. Вторая степень — когда худыя дѣйствія обращаются въ навыкъ, порокъ или страстъ; становятся постояннымъ началомъ дѣйствій и правиломъ для жизни, не заглушая, однако же, вовсе желанія исправиться и перестать грѣшить. Третья степень—когда развращеніе доходитъ до того, что грѣшникъ, совершенно ослѣпленный грѣхомъ, почитаетъ его для себя необходимостію, вовсе забываетъ законъ и страхъ Божій, грѣшитъ нераскаянно, съ намѣреніемъ всегда оставаться такимъ, какъ есть.

Состоянія грѣховныя также различны. Есть состояніе

грѣховнаго невѣдѣнія, въ коемъ человѣкъ, слѣдуя влеченію растлѣнной природы и худымъ примѣрамъ, совершаетъ многіе грѣхи, не имѣя надлежащаго понятія о томъ, какъ совершаемое имъ противно закону и природѣ. Въ такомъ состояніи находятся многіе изъ бѣдныхъ язычниковъ, по недостатку истинной религіи. Есть состояніе безпечности духовной, въ коемъ находящіеся вовсе не думаютъ о томъ, что и какъ должно человѣку дѣлать, чего требуетъ законъ Божій и что воспрещаетъ, живутъ какъ случится, поступаютъ какъ случится. Примѣръ и обстоятельства, прывычка и страсти суть для нихъ, вмѣсто всѣхъ правилъ и законовъ. Есть состояніе духовнаго лицемѣрія, когда человѣкъ ясно видитъ, чего требуетъ долгъ и совѣсть, и старается сохранить на себѣ всю личину честности, но втайнѣ предается всему, къ чему влекутъ его страсти. Въ такомъ лицемѣріи обличалъ нѣкогда Господь фарисеевъ. Есть состояніе грѣховнаго ожесточенія, когда грѣшникъ выходитъ изъ свойственной грѣху боязни и скрытности, безчинствуетъ явно, упорно отвергаетъ всѣ вразумленія и хвалится своими преступленіями. Есть состояніе отчаянія, когда грѣшникъ, пробудившись отъ грѣха, чувствуетъ крайнее къ нему отвращеніе, но, сообразивъ, что его грѣхъ неотпустителенъ, готовъ бываетъ на самые отчаянные поступки и противъ другихъ и противъ самого себя: примѣръ сего состоянія—несчастный предатель Христовъ.

Видите, сколько болѣзней и язвъ у души человѣческой! Видите, сколько узъ и оковъ у нашей бѣдной свободы и воли! Видите, сколько удицъ и петлей у врага нашего—діавола! Посему-то Св. Писаніе такъ часто совѣтуетъ намъ непрестанно трезвиться духомъ и бодрствовать; посему-то люди, опытные въ духовной жизни, не совѣтуютъ полагаться ни на какую свою добродѣтель и твердость; ибо, какъ показываютъ примѣры, можно съ самой высокой степени совершенства духовнаго вдругъ упасть и разбиться въ прахъ. Но да не унываетъ при семъ никто! — Велика сила грѣха, но стократъ больше сила благодати Божіей. Многообразно полчище пороковъ, но еще многообразнѣе ликъ святыхъ добродѣтелей. Мы не одни — съ нами Искупитель нашъ, съ нами Духъ Святый и Всемогущій, съ нами Ангелы — хранители, съ нами всѣ святые Божіи, съ нами

Церковь и ея таинства. Нѣтъ грѣха, побѣждающаго милосердіе Божіе; нѣтъ преступленія, коего не могла бы смыть съ души нашей всесвятая Кровь, пролитая за всѣхъ насъ на Голгоѳѣ. Всякій грѣшникъ, кто бы онъ ни былъ и какъ бы ни были велики грѣхи его, если только восхощетъ искренно и твердо, можетъ, при помощи благодати Божіей, сдѣлаться паки чистымъ и праведнымъ и удостоиться царствія небеснаго: примѣръ тому покаявшійся на крестѣ разбойникъ. Аминь.

Слово о томъ, какъ произошелъ грѣхъ въ мірѣ и въ родѣ человѣческомъ и какъ онъ происходитъ въ каждомъ изъ насъ.

Откуда грѣхъ въ мірѣ?—вопросъ самый близкій къ каждому грѣшнику; но для отвѣта на него надобно выйти мыслію за предѣлы всего видимаго; ибо грѣхъ произошелъ не въ нашемъ мірѣ. Благодареніе, тысячекратное благодареніе Господу, что не мы, человѣки, были первыми виновниками грѣха, возмутившаго безпредѣльное царство Божіе и внесшаго смерть и пагубу во вселенную!—Ибо хотя мы и заразились ужасною язвою грѣха, но поелику она пришла къ намъ отынуду, заразила притомъ насъ безъ полнаго нашего сознанія: то намъ еще осталась по тому самому возможность быть уврачеванными отъ язвы грѣховной.

Гдѣ же, спросите, произошелъ грѣхъ?—Въ области духовъ—въ сердцѣ Люцифера. Онъ породилъ въ себѣ первый грѣхъ; онъ перелилъ сію язву сначала въ подобныхъ себѣ духовъ, а потомъ и въ сердце неосторожнаго прародителя нашего. Какъ начался и родился грѣхъ въ духѣ Ангела свѣтоноснаго — не знаемъ: это тайна! — Руководясь истиннымъ понятіемъ о совершенствахъ Творца и природѣ существъ разумныхъ, мы можемъ только и должны утверждать, что первый грѣхъ произошелъ не отъ природы, а отъ свободы, и состоялъ въ злоупотребленіи разума и воли; а, послѣдуя нѣкоторымъ указаніямъ слова Божія, доумѣваемъ, что первымъ злоупотребленіемъ разума и воли въ первомъ виновникѣ грѣха были самомнѣніе и гордость, желаніе независимости безграничной и стремленіе сдѣлаться подобнымъ Богу. То же Священное Писаніе, и уже положительно, откры-

ваетъ намъ, что сіи преступныя чувства въ Люциферѣ не остановились на одномъ внутреннемъ недовольствѣ и тайномъ враждованіи противъ Всевышняго, а дошли до явнаго возмущенія и безумнаго противоборства Его всемогущей волѣ. Такая дерзость и бунтъ не могли быть терпимы у престола Всемогущаго:—и гордый Денница сверженъ въ преисподнюю, въ самую низшую область мірозданія, гдѣ онъ дѣйствительно образовалъ изъ себя съ клевретами своими собственное царство тьмы и ужаса, ненависти и отчаянія, смерти и разрушенія.

Чтобы умножить число темныхъ слугъ своихъ и сообщниковъ возмущенія, чтобы уязвить неприступнаго по существу своему Творца въ лицѣ видимаго представителя Его совершенствъ на землѣ, врагъ Божій рѣшился заразить грѣховною язвою и созданнаго по паденіи его человѣка. Извѣстно, какъ послѣдовала сія зараза.

Для человѣка, яко видимаго образа Бога невидимаго, яко будущаго намѣстника Его на землѣ и правителя всѣхъ низшихъ существъ, необходимо было испытаніе, или такой опытъ послушанія и любви къ Творцу и Благодѣтелю своему, въ коемъ испытуемый со всею свободою могъ бы показать, что онъ рѣшается единожды и навсегда подчинить свою волю пресвятой волѣ и закону Творца своего, дабы во всемъ дѣйствовать согласно Его премудрымъ цѣлямъ и намѣреніямъ. Для сего опыта избрано было древо познанія добра и зла, съ запрещеніемъ вкушать отъ плодовъ его—подъ опасеніемъ смерти. Въ повиновеніи сей заповѣди заключалось все для человѣка—жизнь въ исполненіи ея, смерть въ нарушеніи: ибо чрезъ исполненіе онъ навсегда оставался едино съ Творцемъ, и потому способнымъ, къ чему предназначенъ Его благостію; чрезъ нарушеніе отдѣлялся отъ своего Творца, становился врагомъ Ему, и потому вовсе неспособнымъ къ своему мѣсту и предназначенію. У сего-то таинственнаго древа явился искуситель въ льстивомъ образѣ змія, и коварнымъ обѣщаніемъ, что чрезъ вкушеніе плодовъ его человѣкъ не умретъ, какъ угрожалъ Господь, а сдѣлается подобнымъ Богу, увлекъ его въ преступленіе воли творческой.

Съ сей злополучной минуты вторгся и въ нашъ міръ грѣхъ со всѣми его ужасами. Разорвавъ преступленіемъ блаженный

союзъ съ Богомъ, несчастный прародитель нашъ лишился чрезъ то самое непосредственнаго, внутренняго сообщенія съ Источникомъ всѣхъ силъ и совершенствъ: умъ его померкъ, чувство угасло, воля обомлѣла, мощь исчезла, все существо помертвѣло. Вмѣстѣ съ симъ потерялъ онъ способность къ высокому своему мѣсту и предназначенію въ ряду существъ. А сдѣлавшись отпадшимъ отъ Бога и лишеннымъ первобытныхъ совершенствъ, первый человѣкъ не могъ уже не передать сего несчастнаго состоянія, то-есть падшей природы своей и всѣмъ своимъ потомковъ. *И роди Адамъ сына по виду своему*, сказано въ бытописаніи, а уже не по образу Божію, какъ былъ созданъ вначалѣ самъ.

Здѣсь-то, въ семъ первобытномъ паденіи всего человѣчества, кроется первый, общій для всѣхъ людей, источникъ наклонности ко злу. Этотъ источникъ есть наша собственная, падшая, помраченная, растлѣнная грѣхомъ природа, которую каждый изъ насъ заемлетъ отъ своихъ прародителей. Тѣ, кои не признаютъ сего источника зла, явно идутъ вопреки всеобщаго опыта. Ибо откуда въ насъ столь ранній и рѣшительный перевѣсъ чувственности надъ умомъ и совѣстію? Откуда такая сила надъ нами соблазновъ и такое слабое дѣйствіе на насъ примѣровъ добрыхъ? Откуда нечистыя и злыя движенія въ самыхъ младенцахъ? Не говоримъ уже о бренности всего существа нашего, которая видимо не первоначальнаго—божескаго происхожденія, а слѣдствіе какого-то ужаснаго переворота съ нашею природою.

Впрочемъ, тотъ составилъ бы себѣ неправильное понятіе о сей, прирожденной всѣмъ намъ, порчѣ грѣховной, кто подумалъ бы, что вслѣдствіе ея человѣкъ долженъ теперь грѣшить необходимо. Нѣтъ, благодареніе Господу! сей ужасной необходимости нѣтъ ни для кого изъ сыновъ Адамовыхъ.—Вслѣдствіе первобытнаго паденія нашего, грѣхъ въ каждомъ изъ насъ имѣетъ теперь, такъ сказать, уже готовое для себя мѣсто, и намъ гораздо труднѣе исполнять волю Божію, нежели какъ было вначалѣ; а впрочемъ нѣтъ ни одного грѣха, котораго не можно было избѣжать, коль скоро есть на то твердая рѣшимость. Ибо, вслѣдствіе милосердаго о насъ промышленія любви божественной, мы, противъ немощи и порчи естества нашего, имѣемъ теперь силу бла-

годати, постоянно вспомоществующей намъ въ борьбѣ нашей съ наклонностію ко злу. Посему и нынѣ, какъ въ первые дни бытія человѣческаго, и въ каждомъ изъ насъ, какъ въ первыхъ прародителяхъ нашихъ, рядъ грѣхопаденій начинается не отъ необходимости, а отъ произвола, и состоитъ въ злоупотребленіи разума и воли.

Какъ происходитъ въ насъ это новое, наше собственное паденіе? На сіе даетъ намъ отвѣтъ Апостолъ Іаковъ. *Кійждо,* говоритъ онъ, *искушается, отъ своея похоти влекомъ и прельщаемъ. Таже похоть, зачеши, раждаетъ грѣхъ* (Іак. 1, 14. 15). Въ самомъ дѣлѣ, доколѣ душа наша благодатію Божіею не исправится и не освободится отъ наклонности ко злу, дотолѣ въ ней, какъ на худой почвѣ земли сорныя травы, непрестанно возникаютъ разные грѣховные помыслы и желанія нечистыя. Сами по себѣ, они еще не составляютъ грѣха дѣятельнаго, а служатъ только признакомъ въ насъ грѣховнаго расположенія и, такъ сказать, матеріаломъ для беззаконія; появленіе ихъ въ умѣ и сердцѣ не нарушаетъ нашей свободы, а только влечетъ насъ, какъ выражается Апостолъ, и прельщаетъ на грѣхъ. И коль скоро похоть грѣха не оплодотворяется свободою воли, то преступныя мысли и желанія остаются безплодными, слабѣютъ въ душѣ, замираютъ и исчезаютъ. Въ противномъ случаѣ, если, вмѣстѣ съ пожеланіемъ, послѣдовало и несчастное соизволеніе на грѣхъ; если вмѣсто того, чтобы отвергнуть соблазнъ и искушеніе и подавить его разумомъ и совѣстію, мы пріемлемъ его въ объятія своихъ мыслей, соединяемъ съ нимъ нашу волю, предаемся тому, что̀ внушаетъ вожделѣніе и страсть, и рѣшаемся исполнить злое намѣреніе на самомъ дѣлѣ: въ то время—не прежде—*раждается,* какъ говоритъ Апостолъ, *грѣхъ.* Раждается грѣхъ, хотя бы намъ по чему-либо и нельзя было совершить его на самомъ дѣлѣ: ибо грѣховная похоть, воспринятая свободою, усвоенная волею, предназначенная къ осуществленію разсудкомъ, есть уже полное и самостоятельное дѣйствіе нашего духа и дѣйствіе преступное.

Такъ побужденіе ко злу въ видѣ похоти бываетъ и извнутрь—отъ растлѣннаго грѣхомъ сердца, но весьма часто происходитъ и совнѣ—отъ людей и вещей, насъ окружающихъ. Является какой-либо соблазнъ, путемъ видѣнія или

слуха входитъ въ нашу душу и начинаетъ влечь за собою волю и прельщаетъ сердце. Если человѣкъ, вооружившись страхомъ Божіимъ и чувствомъ долга, остается при семъ на сторонѣ совѣсти: то соблазнъ, проникши въ душу, теряетъ силу и наконецъ—исчезаетъ. Въ противномъ случаѣ, то есть, когда сей внѣшній соблазнъ усвояется сердцемъ, увлекаетъ за собою волю, обращается въ правило дѣйствій: мы падаемъ и грѣшимъ, если не внѣшне, то внутренно. Разительный примѣръ сего ниспаденія ко злу представляетъ наша прародительница въ раю. Вотъ, она стоитъ предъ древомъ познанія добра и зла и смотритъ на него, еще невинная; и змій влечетъ ее къ плоду запрещенному и древо: змій — льстивымъ обѣщаніемъ, что въ древѣ нѣтъ смерти, какъ говорилъ Господь, а напротивъ вѣдѣніе необыкновенное и независимость божеская; древо — своими плодами и красотою. *И видѣ жена, яко добро древо въ снѣдь, и яко угодно очима видѣти, и красно есть еже разумѣти.* Грѣховное пожеланіе уже родилось въ душѣ Евы, но могло быть отвергнуто и подавлено разсудкомъ и твердою волею. Прародительница рода человѣческаго могла сказать сама себѣ: слова змія искусительны, но слова Бога и Создателя стократъ вѣрнѣе и святѣе; видъ древа и плодовъ его прекраснъ, но законъ Божій еще вожделѣннѣе. Могла сказать такъ и пойти прочь. Такимъ образомъ и внутреннее и внѣшнее искушеніе осталось бы безплоднымъ и обратилось бы въ ничто; отринутое, побѣжденное, оно даже укрѣпило бы волю на превозможеніе новыхъ и большихъ искушеній; но сердце несчастной праматери нашей не устояло при семъ въ добрѣ, увлеклось похотію,—и преступленіе совершилось. *И вземши* жена *яде, и даде мужу своему, и ядоста.* Подобно сему искушается и падаетъ каждый изъ насъ. Давидъ, напримѣръ, случайно видитъ жену Уріи и, воспламенившись страстію преступною, совершаетъ одно за другимъ два ужасныя преступленія. Іезавель видитъ виноградникъ Навуѳея, рѣшается, во что бы то ни стало, имѣть его, и также достигаетъ своей цѣли преступленіемъ.

Наконецъ, и посредственнымъ и непосредственнымъ поводомъ ко злу, во всѣхъ его видахъ, можетъ служить для насъ, подобно какъ служилъ для прародителей нашихъ, самъ первый виновникъ грѣха, исконный врагъ человѣчества, діа-

волъ. Ибо хотя человѣкоубійца сей связанъ узами всемогущества Божія, и ничего не можетъ противъ тѣхъ, кои пребываютъ подъ сѣнію благодати Христовой; но тѣ, кои своимъ невѣріемъ и нечестіемъ уклоняются изъ-подъ сего святаго покрова, отверзаютъ ему дверь въ свое сердце, на сихъ несчастныхъ людей духъ злобы получаетъ возможность дѣйствовать прямо и непосредственно, вдыхая въ нихъ отъ своей полноты зла хульныя мысли, зловредныя похоти и богопротивные замыслы. Ужасный примѣръ сего адскаго наитія представляетъ злополучный предатель Христовъ, о коемъ прямо сказано, что діаволъ вложилъ въ сердце его, да предастъ своего Учителя. То же слово Божіе ясно говоритъ, что діаволъ и донынѣ *ходитъ, яко левъ, искій кого поглотити.* Впрочемъ, и здѣсь мы возымѣли бы весьма неправильную мысль, если бы подумали, что онъ поглощаетъ, кого хочетъ; нѣтъ, онъ поглощаетъ токмо тѣхъ, кои сами того хотятъ, кои небрегутъ о средствахъ избѣгать сего льва и его ужаснаго поглощенія. Доказательство сему тотъ же несчастный предатель. Мысль о преданіи была вложена въ душу его и принята ею; но божественный Учитель при всемъ томъ не оставлялъ никакихъ средствъ, чтобы остановить его на пути предательства. Почему не оставлялъ? Потому, безъ сомнѣнія, что Іуда могъ и принятую, и усвоенную мысль о предательствѣ удалить отъ себя, отвергнуть и содѣлаться паки тѣмъ, чѣмъ былъ вначалѣ, то есть вѣрнымъ ученикомъ и апостоломъ. Та же драгоцѣнная возможность—возвратиться къ своему долгу и совѣсти остается и у каждаго грѣшника; и если онъ не найдетъ нѣкогда для себя извиненія и отвѣта на судѣ, то потому, что могъ, какъ говоритъ Апостолъ Павелъ, *возникнуть отъ діавольскія сѣти, и*—не восхотѣлъ того.

Таково, братіе мои, происхожденіе грѣха въ мірѣ, въ родѣ человѣческомъ и въ каждомъ изъ насъ! Грѣхъ, какъ вначалѣ произошелъ, такъ и нынѣ всегда происходитъ не отъ природы, а отъ злоупотребленія воли и свободы, безъ свободы нѣтъ и не можетъ быть никакого новаго грѣха. Посему-то всячески должно хранить и укрѣплять свободу духа; ибо она, какъ магнитъ, можетъ и возрастать въ силѣ и умаляться, смотря по тому, какъ упражняютъ ее. Въ чистыхъ Ангелахъ и праведникахъ совершенныхъ свобода воли, отъ не-

престаннаго святаго упражненія въ добрѣ, дошла до того, что сдѣлалась вовсе непреклонною ко злу, неподвижно утвержденною въ добрѣ и законѣ; а въ духахъ отверженныхъ, отъ нераскаянности, гордости и непрестанныхъ ниспаденій во глубину грѣха, свобода воли пришла въ такое состояніе, что потеряла силу обратиться къ добру, и содѣлалась однимъ призракомъ истинной свободы. Подобно сему и въ грѣшникахъ, нерадящихъ о своемъ исправленіи, преданныхъ слѣпо страстямъ, свобода, отъ повторенія однихъ и тѣхъ же грѣховъ, умаляется наконецъ—до того, что они, представленные самимъ себѣ, безъ всемощной благодати Божіей, никогда не могли бы выйти изъ бездны грѣховной.

Памятуя сіи непреложныя истины, будемъ, братіе мои, дорожить какъ можно болѣе внутреннимъ произволомъ свободы нашей, не расточая безумно силу безсмертнаго духа нашего, по требованію страстей и прихотей. Когда же почувствуемъ въ себѣ ущербленіе нашей духовной свободы отъ грѣховъ нашихъ, то поспѣшимъ восполнять слабость воли нашей слезами истиннаго покаянія и благодатными таинствами святой Церкви, подобно какъ мореходцы немедленно спѣшатъ снова намагничивать свой компасъ, когда замѣтятъ, что онъ теряетъ силу направляться къ сѣверу. Аминь.

Слово о томъ, чѣмъ грѣхъ соблазняетъ человѣка, и почему такъ много грѣшниковъ нераскаянныхъ и такъ мало истинно кающихся.

И разумъ, и опытъ, и слово Божіе увѣряютъ насъ, братіе, что грѣхъ есть зло великое, и предаваться ему значитъ быть врагомъ самому себѣ. Между тѣмъ, что видимъ мы въ въ мірѣ? Что видимъ вокругъ насъ и въ насъ самихъ? Грѣхъ! Малая только часть избранныхъ Божіихъ, утвердившись на камени заповѣдей Господнихъ, оградившись страхомъ Божіимъ и благодатію Христовою, блюдетъ себя чистою отъ грѣха, постоянно сражается съ нимъ во всѣхъ его видахъ и побѣждаетъ его и въ себѣ и въ другихъ. Гораздо большая часть, если и не оставляетъ совершенно пути правды и

истины, то непрестанно уклоняется съ него на десно и шуее. Еще большая часть людей и не думаетъ о царскомъ пути правды и долга, спокойно позволяетъ себя влачить страстямъ по всѣмъ дебрямъ порока. Есть наконецъ и такіе, кои до того раздружились со всякою добродѣтелію, до того сроднились со всякимъ грѣхомъ, что, подобно духамъ отверженнымъ, готовы навсегда оставаться во грѣхѣ, готовы, если бы то было возможно, воцаритъ его надъ всѣмъ міромъ.

Есть, значитъ, въ грѣхѣ что-либо особенно привлекательное, когда онъ можетъ такъ овладѣвать людьми, не смотря на всѣ предостереженія отъ него разума, опыта и закона Божія. Что бы это было такое? Это, по замѣчанію Апостола, *временнаго грѣха сладость* (Евр. 11, 25) и, можемъ прибавить мы, временная добродѣтели горечь. Человѣкъ созданъ для блаженства; и по природѣ своей неудержимо и постоянно стремится къ нему. Поелику же въ настоящемъ состояніи нашемъ, порокъ бываетъ часто сладокъ, а добродѣтель напротивъ горька: то человѣкъ, жаждущій блаженства, по тому самому и устремляется къ пороку—сладкому, и отвращается добродѣтели—горькой.

Но откуда сія, хотя временная, сладость порока, и эта, хотя временная, горечь добродѣтели? Ужели первый сладокъ, послѣдняя горька по самому существу ихъ? Нѣтъ, этого быть не можетъ. Грѣхъ по существу своему есть горечь адская, добродѣтель по самому существу своему есть сладость райская: но это по существу ихъ; для ощущенія сей горечи грѣха, сей сладости добродѣтели необходимъ вкусъ чистый и здравый; въ насъ нѣтъ сего вкуса: посему добродѣтель кажется намъ иногда горькою, а порокъ сладкимъ, точно такъ, какъ это бываетъ въ отношеніи къ яствамъ, во время нѣкоторыхъ болѣзней.

Такое превращеніе вкуса душевнаго бываетъ не вдругъ. Въ юныхъ лѣтахъ, когда сей вкусъ обыкновенно бываетъ чище (совершенно чистаго вкуса къ добродѣтели и пороку мы, какъ существа падшія, не приносимъ съ собою въ міръ сей), все доброе для насъ бываетъ гораздо пріятнѣе, и потому легче къ совершенію, и все порочное гораздо горче, и потому отвратительнѣе. Но съ продолженіемъ времени, когда чувственность наша беретъ верхъ надъ разсудкомъ, когда примѣры и обычаи заглушаютъ совѣсть, когда грѣхъ

отъ повторенія обращается въ привычку, духовный вкусъ нашъ, портясь болѣе и болѣе, наконецъ совершенно превращается, такъ что добродѣтель становится для насъ горькою, а порокъ сладкимъ и пріятнымъ.

Все сіе уже проясняетъ отчасти темное владычество грѣха надъ нами; но чтобы видѣть всѣ пріемы, коими уловляетъ онъ человѣка, всѣ узы и оковы, коими онъ удерживаетъ насъ въ своемъ плѣну, разсмотримъ дѣло подробнѣе.

Мы являемся на свѣтъ сей, какъ показываетъ опытъ, не съ первобытными совершенствами и невинностію, а съ составомъ души и тѣла поврежденнымъ, съ силами и способностями, не имѣющими между собою надлежащаго согласія, съ видимою наклонностію къ чувственному и отвращеніемъ отъ закона и обязанностей нашихъ. Для исцѣленія насъ отъ сей проказы, для выправленія всѣхъ членовъ природы нашей, для возвращенія намъ первобытной жизни, здравія и цѣлости, потребно продолжительное врачеваніе, чѣмъ и занимаются вѣра и добродѣтель, благодать и Евангеліе. Человѣкъ, предавшись въ руки искусному врачу, по необходимости теряетъ большую часть своей свободы, долженъ и жить и дѣйствовать не какъ хочется, а какъ велятъ, долженъ терпѣть разныя лишенія, принимать много горькихъ капель, доколѣ не освободится отъ наклонности ко грѣху и чувственности. Все это тяжело, иногда весьма больно для нашего плотскаго человѣка, для самаго воображенія, воли и свободы нашей. И вотъ является человѣку грѣхъ и говоритъ: къ чему всѣ сіи принужденія, всѣ эти лишенія? Что тебѣ мучить себя? Ты таковъ, какимъ долженъ быть; по крайней мѣрѣ совсѣмъ не такъ худъ, какъ изображаютъ тебя вѣра и религія. Живи, какъ хочется; пользуйся всѣмъ, чѣмъ можно; лови радости и удовольствія, коихъ и безъ того не много. Бѣдный человѣкъ внемлетъ обаятельному голосу, сбрасываетъ съ себя всѣ пластыри и обязанія, кои возлагали на него вѣра и добродѣтель, и переходитъ на сторону порока, который предлагаетъ полную свободу, всѣ виды наслажденій и радостей земныхъ.

Во-вторыхъ, вѣра и добродѣтель, подвергая человѣка, хотя для его же блага, разнымъ принужденіямъ и ограниченіямъ, требуя отъ него нерѣдко важныхъ жертвъ и усилій, награду за все это обѣщаютъ не столько въ настоя-

щемъ, сколько въ будущемъ, нерѣдко отдаленномъ; а полнаго плода и возмездія за всѣ труды и лишенія и не обѣщаютъ въ этомъ мірѣ, а велятъ ожидать его по смерти. Человѣкъ, озаренный свѣтомъ благодати, рѣшительно утвердившійся въ добрѣ, вполнѣ довольствуется симъ обѣщаніемъ: ибо видитъ ясно, что дѣло иначе и быть не можетъ; что доколѣ падшая природа его вся не обновится и не освятится благодатію, дотолѣ она не можетъ и вмѣстить полнаго блаженства; что самая жизнь настоящая, самая земля наша въ настоящемъ ихъ состояніи неспособны къ сему блаженству. Но человѣкъ, водящійся мудрованіемъ земнымъ, не отрѣшившійся чувственности, не можетъ возвыситься до сего святаго взора на вещи; онъ, не смотря на всѣ свои недостатки, на всю свою болѣзнь, хотѣлъ бы сдѣлаться блаженнымъ здѣсь, и какъ можно скорѣе. Грѣхъ пользуется всѣмъ симъ, и во-первыхъ наводитъ сомнѣнія на будущія награды за добродѣтель, на самую жизнь будущую, что̀ и не трудно дѣлать для него, ибо то и другое невидимо; во-вторыхъ, преувеличиваетъ злонамѣренно жертвы, требуемыя закономъ и совѣстію, выставляя въ то же время разнообразную картину своихъ удовольствій. Зачѣмъ, говоритъ онъ человѣку, опускать вѣрное—настоящее и гнаться за будущимъ, неизвѣстнымъ и едва ли возможнымъ? Я не маню тѣмъ, чего у меня нѣтъ; мои всѣ блага и радости на лицо. Они всѣ къ твоимъ услугамъ; только предайся мнѣ. Бѣдный грѣшникъ посмотритъ въ даль будущности, обѣщаемой за добродѣтель,—и своими близорукими очами не видитъ ничего, или весьма мало; посмотритъ на область грѣха, она кипитъ предъ нимъ утѣхами и наслажденіемъ; и вотъ, — онъ на сторонѣ грѣха, въ плѣну страстей!..

Опытъ могъ бы остановить при семъ бѣднаго человѣка, показавъ ему, какъ многіе изъ грѣшниковъ, вмѣсто всѣхъ сладостей грѣха, или за малыя капли ея, терпятъ и въ семъ мірѣ ужасныя бѣдствія; но грѣхъ умѣетъ искусно прикрывать въ себѣ эту мрачную и ужасающую сторону, представляя, что сіи бѣдствія произошли не отъ самаго грѣха и преступленія закона, а отъ недостатка при томъ благоразумія, или отъ особеннаго стеченія обстоятельствъ. Все это бываетъ при грѣхѣ, говоритъ человѣку страсть, но всего этого можетъ и не быть: ты возьмешь противъ сего надле-

жащія мѣры, и на твою долю достанутся одни сладости и удовольствія.

Въ довершеніе сихъ обольщеній, грѣхъ имѣетъ удивительную способность разнообразить ядовитую свою сладость, смотря по требованію. Можно сказать, что сладость грѣховная преображается по вкусу каждаго грѣшника. Для людей грубыхъ и чувственныхъ у грѣха множество наслажденій, самыхъ плотскихъ и грубыхъ; для людей, живущихъ въ области вожделѣній душевныхъ, у грѣха есть не мало удовольствій невещественныхъ, напримѣръ, удовольствіе скупаго отъ одного взгляда на кучи золота. Для людей, дѣйствующихъ преимущественно умомъ и волею, у грѣха на готовѣ запасъ преступныхъ наслажденій умственныхъ, доставляемыхъ гордостію, презорствомъ, буйными замыслами, дерзкими поступками и проч. Даже для людей, знакомыхъ съ жизнію духа, съ подвигами добродѣтели, съ совершенствами христіанскими, у грѣха есть своя сладкая отрава: это тайное самоуслажденіе своими совершенствами и подвигами, съ забвеніемъ собственнаго ничтожества. Сею приманкою грѣхъ уловляетъ душу въ свои сѣти, такъ сказать, подъ самымъ небомъ.

Самая сладость грѣха, въ чемъ бы она ни состояла, имѣетъ ужасныя свойства. Вкушаемая, она обезсиливаетъ человѣка во всемъ существѣ его, отнимаетъ у него часть внутренняго чувства и разумнаго самосознанія, непримѣтно погружаетъ такимъ образомъ сначала въ сонъ духовный, а потомъ въ душевное оцѣпенѣніе и мертвенность. Обумерщвленный страстями грѣшникъ, видя не видитъ, слыша не слышитъ. Сколько разъ ни восходитъ надъ нимъ солнце благодати, сколько ни орошается онъ струями слова Божія и христіанскихъ наставленій, сколько ни гремитъ надъ нимъ громъ самаго гнѣва Божія:—все это для него какъ бы не существуетъ; потому что грѣхъ ослѣпилъ его умъ, заглушилъ его внутренній слухъ, подавилъ въ немъ совѣсть, обмертвилъ его духъ.

Будемъ ли дивиться послѣ всего этого, что такъ мало людей, избѣгающихъ совершенно сѣтей грѣха, и такъ немного такихъ, кои, имѣвъ несчастіе увязнуть въ сихъ сѣтяхъ, расторгаютъ ихъ потомъ мужественно и исходятъ на свободу духа? Ахъ, если бы не всемогущая сила благодати

Божіей, не Ангелы-хранители наши, не матернее попеченіе и таинства Церкви: то всѣ мы, безъ сомнѣнія, и навсегда остались бы въ плѣну страстей, не имѣя и мысли о томъ, чтобы сражаться съ ними и терпѣть разныя принужденія для возвращенія себѣ свободы духа и чистоты сердца!

Не будемъ же забывать сего, возлюбленные! Зная коварство врага нашего—грѣха, и то, чѣмъ онъ уловляетъ насъ, противопоставимъ ему всегдашнюю бдительность, строгій разборъ и непреклонное отвращеніе. Явится ли онъ предъ насъ съ своею сладостію,—отринемъ ее съ ужасомъ подобно тому, какъ мы же отвергли бы ядъ, самый сладкій и вкусный.—Будетъ ли грѣхъ прельщать насъ утѣхами въ настоящемъ,—вспомнимъ, что сіи утѣхи привременны и скороисчезающи, а скорби, за ними слѣдующія, всегдашни и вѣчны. Будетъ ли выставлять предъ нами трудность жизни добродѣтельной, великость жертвъ, требуемыхъ вѣрою и покаяніемъ,—скажемъ, что сія трудность также привременна и вмѣстѣ необходима и спасительна, что сіи жертвы вознаградятся въ свое время сторицею и требуются отъ насъ ради нашего же блага,—скажемъ такъ, и пребудемъ вѣрными закону, Богу и совѣсти. Аминь.

Слово о томъ, что пагубныя дѣйствія грѣха такъ велики, что мы не можемъ и видѣть ихъ во всей глубинѣ и обширности, но должны, по внушенію слова Божія, разума и опыта, предполагать, что они ужасно гибельны.

Одно изъ пагубныхъ свойствъ грѣха, какъ мы замѣтили прежде, состоитъ въ томъ, что онъ открываетъ намъ только ту сторону свою, которая обольстительна для нашей чувственности, а сторону вредоносную и пагубную всегда сокрываетъ и представляетъ вовсе несуществующею. Посему, желая произвести въ себѣ спасительный ужасъ и отвращеніе ко грѣху, намъ должно употребить все стараніе, чтобы извести наружу весь ядъ, сокрывающійся въ сладости грѣховной, и показать его пагубныя дѣйствія. Это самое, при помощи благодати Божіей, и надѣемся мы сдѣлать въ слѣдующихъ собесѣдованіяхъ нашихъ. Теперь же почитаемъ за

нужное разсмотрѣть предварительно,—можемъ ли мы, въ настоящемъ состояніи нашемъ, видѣть всю пагубу, проистекающую отъ грѣха, и если не можемъ, то почему именно. Это необходимо для того, дабы кто-либо не вообразилъ, что мы сказали о сей пагубѣ все, что сказать можно, и что болѣе ни видѣть, ни сказать ничего не остается. Нѣтъ, мы заранѣе отрекаемся отъ сего совершенства. Всю пагубу, отъ грѣха происходящую, не можетъ видѣть око ума человѣческаго. Почему? По той самой простой причинѣ, что мы не можемъ видѣть теперь состоянія рода человѣческаго ни прошедшаго—первобытнаго, ни будущаго—окончательнаго. Дабы знать, какими бѣдствіями разразился надъ человѣкомъ грѣхъ, необходимо имѣть понятіе о томъ, въ чемъ состояло его первобытное совершенство; но мы всѣ приходимъ теперь на свѣтъ съ природою, лишенною первобытныхъ совершенствъ, съ порчею отъ грѣха въ душѣ и тѣлѣ; никто изъ насъ не видалъ перваго человѣка въ состояніи невинности и безсмертія. Послѣ сего какъ намъ опредѣлить, что̀ сдѣлалъ съ нами грѣхъ, чего именно лишилъ и чему подвергъ? Съ другой стороны, послѣдствія грѣха должны обнаружиться не въ сей только жизни, а еще болѣе по смерти, въ вѣчности, которая также недоступна не только нашимъ чувствамъ, но даже и самымъ понятіямъ. Посему опять сами по себѣ мы не можемъ сказать, что сдѣлаетъ съ нами грѣхъ, до чего прострется пагуба и жестокость его надъ нами. Послѣ сего для наблюденія нашего за пагубными дѣйствіями грѣха надъ нами остается одинъ тѣсный кругъ нашего земнаго бытія. Здѣсь многія пагубныя дѣйствія грѣха тотчасъ видны каждому; а большая часть опять не видна для взора самаго дальновиднаго. Ибо грѣхъ, хотя есть ядъ сильнѣйшій изъ всѣхъ ядовъ, но дѣйствіе свое оказываетъ, обыкновенно, не вдругъ, портитъ природу и жизнь нашу постепенно и непримѣтно: почему трудно указать съ ясностію, что̀ именно худаго проистекло въ нашей жизни непосредственно отъ грѣха и что̀ отъ другихъ причинъ. Для означенія всѣхъ пагубныхъ дѣйствій грѣха на извѣстнаго человѣка, надобно бы знать всю его жизнь въ точности, взять, такъ сказать, всю сумму его пороковъ и всю сумму его страданій, и сличить одно съ другимъ; но это невозможно. Тѣмъ невозможнѣе сдѣлать сіе въ отношеніи къ цѣлому роду

человѣческому. Посему-то въ извѣстномъ церковномъ пѣснопѣніи столь же справедливо, какъ и глубоко, вѣдѣніе всѣхъ нашихъ недуговъ грѣховныхъ усвояется одному Богу: *единъ вѣдый человѣческаго существа немощь!*—Точно, единъ Богъ знаетъ и видитъ, что сдѣлалъ, дѣлаетъ и можетъ сдѣлать съ нами грѣхъ!

Такимъ образомъ, не смотря на весь опытъ и на всѣ познанія наши, мы оставались бы съ весьма поверхностными свѣдѣніями о томъ, какъ ужасенъ грѣхъ, и какое разрушеніе производитъ онъ въ природѣ нашей, если бы не пришелъ къ намъ въ семъ дѣлѣ на помощь одинъ великій свидѣтель, который былъ при началѣ нашего бытія и видѣлъ, что произвелъ грѣхъ надъ нашими прародителями, коему съ другой стороны извѣстно все, что послѣдуетъ съ нами за гробомъ, въ вѣчности, какъ разразится тамъ пагуба грѣха надъ тѣми, кои не успѣли освободиться отъ его лютой проказы. Этотъ свидѣтель всевѣдущій есть божественное Откровеніе, предъ коимъ, какъ предъ очами Самого Бога, открыта совершенно вся судьба наша во времени и въ вѣчности.

Что же говоритъ намъ сей неложный свидѣтель о слѣдствіяхъ грѣховъ нашихъ?—Ахъ, онъ открываетъ намъ такъ много, что если бы мы были внимательны къ его словамъ, то вся жизнь наша обратилась бы въ оплакиваніе того, чего мы лишились чрезъ грѣхъ, и въ избѣжаніе того, что намъ угрожаетъ за грѣхъ.—Ибо чего не лишилъ насъ грѣхъ, по свидѣтельству слова Божія? Лишилъ образа Божія, украшавшаго насъ въ состояніи невинности, и заключавшаго въ себѣ вмѣстѣ съ богоподобіемъ, основаніе и залогъ всѣхъ совершенствъ; лишилъ блаженнаго общенія съ Богомъ и міромъ ангельскимъ; лишилъ безсмертія и жизни въ раю; лишилъ господства надъ тварями и всею землею.

Вотъ наши лишенія! Кто, скажемъ съ Соломономъ, можетъ исчислить ихъ и взвѣсить (Еклез. 1, 1)?

Не меньшее зло угрожаетъ намъ отъ грѣха, по свидѣтельству того же слова Божія, и въ будущемъ, ибо угрожаетъ совершенное разобщеніе съ Богомъ и небомъ, совершенное лишеніе всѣхъ благъ небесныхъ; угрожаетъ всеконечная потеря всякой истинной жизни и радости; угрожаетъ ужасное, невольное, вѣчное пребываніе съ духами

отверженными во адѣ, среди мученій некончаемыхъ. Что можетъ быть ужаснѣе сей участи?

Отважимся ли подозрѣвать небеснаго свидѣтеля въ невѣрности и неточности его свидѣтельствъ о пагубныхъ дѣйствіяхъ грѣха? Но какая ему нужда вводить насъ въ заблужденіе? А съ другой стороны, свидѣтельство слова Божія въ семъ случаѣ разительно подтверждается свидѣтельствомъ всего первобытнаго человѣчества. Ибо, что говорятъ намъ всѣ самыя древнія преданія о нашемъ первобытномъ состояніи? Всѣ они, не смотря на разность народовъ и странъ свѣта, говорятъ одно,—что первые люди наслаждались величайшими совершенствами и самымъ блаженнымъ состояніемъ, и что всѣ сіи совершенства и блаженство погибли отъ преступленія заповѣди Божіей; что всѣ бѣдствія, покрывающія лице земли, покрыли ее именно съ того времени, какъ воцарился въ людяхъ грѣхъ.

Иначе и быть не могло, по самому обыкновенному и вмѣстѣ неизмѣнному порядку вещей. Каждое твореніе имѣетъ законъ своего бытія, начертанный для него Творцемъ премудрымъ и всемогущимъ. Уклоненіе отъ сего закона жизни и совершенства неминуемо портитъ и губитъ все уклоняющееся, какъ это можно видѣть во всѣхъ царствахъ природы. Драгоцѣнный камень, когда въ немъ отразился въ точности законъ его бытія, крѣпокъ, свѣтелъ, прозраченъ и многоцѣненъ, въ противномъ случаѣ безобразенъ, тусклъ, ломокъ и малоцѣненъ. Древо, соотвѣтствующее образцу своей породы, стройно, крѣпко, долговѣчно, плодоносно, а уклоняющееся отъ него—криво, безобразно, безплодно и негодно къ употребленію. То же въ царствѣ животныхъ: неправильное и, можно сказать, беззаконное смѣшеніе породъ въ животныхъ, разлученныхъ отъ сожитія самою природою, если и даетъ бытіе, то существамъ уродливымъ, слабымъ, кои притомъ не могутъ продолжать своего рода.

Такъ отмщаетъ за себя всякое уклоненіе отъ законовъ бытія въ природѣ, насъ окружающей! Тѣмъ разрушительнѣе это уклоненіе должно быть для человѣка, ибо глубина паденія и разрушенія, имъ произведеннаго, всегда соотвѣтствуетъ высотѣ и огромности зданія, а человѣкъ есть владыка и вѣнецъ всего видимаго. Въ тваряхъ неразумныхъ грѣхъ не можетъ оказать во всей силѣ своего яда, ибо са-

мое бытіе ихъ временно и преходяще: онъ только портитъ и разрушаетъ ихъ. А въ человѣкѣ, какъ существѣ безсмертномъ, для него пища вѣчная, неистощимая. Здѣсь вселившись, грѣхъ можетъ жить всегда, вѣчно мучить и терзать, губить и разрушать безъ конца.

Какъ ни закрыто отъ насъ это будущее тиранство грѣха надъ существомъ человѣка по смерти, въ родѣ человѣческомъ всегда было глубокое предчувствіе того, и постоянное, всеобщее желаніе предупредить это тиранство. Ибо пересмотрите преданія всѣхъ народовъ, самыхъ просвѣщенныхъ и самыхъ грубыхъ: въ каждомъ изъ нихъ найдете вѣрованіе въ будущее ужасное состояніе грѣшниковъ по смерти. И что значатъ всѣ жертвы за грѣхи, приносимыя божеству въ разныхъ видахъ всѣми народами, какъ не покушеніе примириться съ небомъ, избавиться отъ грѣха и предупредить его ужасныя дѣйствія на человѣковъ за гробомъ, въ мірѣ будущемъ?—Не станемъ входить въ разсмотрѣніе дѣйствительности сихъ жертвъ (что могло примирить насъ съ небомъ и освободить отъ грѣха и проклятія, кромѣ единой божественной Жертвы, принесенной на крестѣ?), для насъ довольно видѣть, что родъ человѣческій, всегда и вездѣ, признавалъ въ грѣхѣ зло для человѣка самое ужасное, коего разрушительныя слѣдствія простираются на цѣлую вѣчность.

Запасшись сими мыслями, обратимся теперь въ слѣдующихъ собесѣдованіяхъ нашихъ къ разсмотрѣнію пагубныхъ дѣйствій грѣха, по отношенію ко всѣмъ силамъ и способностямъ человѣка, къ состоянію его настоящему—на землѣ, и будущему—по смерти. Аминь.

Слово о томъ, что грѣхъ распространяетъ по всему существу человѣка тьму, портитъ его умъ, безобразитъ и оядотворяетъ познанія и предрасполагаетъ грѣшника къ сумасшествію.

Пойдутъ яко слѣпи; зане Господеви прегрѣшиша (Софон. 1, 17).

Самое первое изъ обольщеній, коими адскій змій увлекъ въ раю злополучную прародительницу нашу къ преступле-

нію заповѣди Божіей, состояло, какъ извѣстно, въ обѣщаніи ей, отъ вкушенія плода запрещеннаго, какого-то особеннаго вѣдѣнія, подобнаго божескому: *въ оньже аще день снѣсте отъ него,* говорилъ змій, *отверзутся очи ваши, и будете яко бози, вѣдяще доброе и лукавое.* Хотя горькій опытъ прародителей долженствовалъ бы вразумить всѣхъ насъ не полагаться на сіе лукавое обѣщаніе, и почитать грѣхъ источникомъ не свѣта познаній, а тьмы и заблужденій, но искуситель и врагъ человѣковъ имѣетъ столько безстыдства, что доселѣ не престаетъ употреблять тотъ же обманъ, увлекая ко грѣху, между прочимъ, призракомъ мудрости и вѣдѣнія.

Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите на грѣшника изъ людей, такъ называемыхъ, образованныхъ; что вы замѣтите въ немъ? Первѣе всего умственную надменность и презорство: многіе изъ таковыхъ готовы сказать прямо, что они потому и позволяютъ себѣ, чего не позволяютъ другіе, что знаютъ болѣе другихъ. И какъ обыкновенно люди развратные смотрятъ на тѣхъ, кои всегда вѣрны закону и своему долгу? Какъ на людей ограниченныхъ, неспособныхъ къ чему-либо высшему и большему.—Подобное сему можете замѣтить въ грѣшникѣ и изъ самаго низшаго класса людей, и онъ почитаетъ себя превыше толпы своихъ собратій, готовъ при каждомъ случаѣ задавать имъ тонъ, быть вождемъ ихъ, какъ опытный и болѣе знающій. Что всего жалче,—хвастовство и наглость порока причиною того, что самые добрые люди привыкаютъ смотрѣть на людей развратныхъ, какъ на существа, хотя падшія, но обладающія особенною силою ума, и вслѣдствіе сего оказываютъ въ отношеніи къ нимъ, вмѣстѣ съ сожалѣніемъ, нѣкоторый родъ уступчивости и даже уваженія.

Не тѣмъ ли нужнѣе сорвать съ порока эту личину велемудрія и показать, что если есть какая тьма въ родѣ человѣческомъ, то она вся отъ грѣха и порока; что грѣхъ, гдѣ ни проявляется, вездѣ ведетъ за собою мракъ и слѣпоту; что онъ ослѣпляетъ и портитъ самыя великія способности, превращаетъ и губитъ самыя обширныя познанія, что неотъемлемое свойство его предрасполагать человѣка къ умственному помѣшательству?

Будемъ ли мы однакоже оспаривать для сего у грѣш-

ника всякое вѣдѣніе? Нѣтъ, мы усвоимъ ему оное, даже въ нѣкоемъ особенномъ родѣ, имѣя въ виду опытъ и примѣръ нашихъ злополучныхъ прародителей. У нихъ, по паденіи, дѣйствительно отверзлись очи, какъ сообщалъ искуситель, но что увидѣли? *Яко нази бѣша.*

Вотъ новое познаніе, произведенное грѣхомъ, и вмѣстѣ наказаніе за грѣхъ, ибо не знать своей наготы было одно изъ преимуществъ состоянія невинности. Отверзлись очи тѣлесныя, но въ то же время видимо затмились очи духовныя, ибо отъ Кого хотѣли укрыться прародители наши? Отъ Бога и Творца вездѣсущаго! Такъ мгновенно затмилась въ душѣ самая очевидная и непреложная истина вездѣсущія Божія! Подобное несчастное отверзеніе очей продолжается и доселѣ у грѣшника: послѣ каждаго новаго преступленія онъ видитъ себя въ новомъ состояніи, познаетъ, чего не зналъ прежде:—и если сложить разные виды грѣховъ, всѣ опыты зла и паденій, то, пожалуй, составится родъ знаній, коихъ не имѣетъ не только человѣкъ добродѣтельный, но и самъ Ангелъ, подобно тому, какъ человѣкъ, небывавшій больнымъ, не можетъ знать опытно того, что производитъ въ человѣкѣ болѣзнь. Но, братіе мои, судите сами, что это за вѣдѣніе? Какъ оно жалко и отвратительно! и какъ стократъ лучше не знать того, что знаетъ на свою бѣду грѣшникъ! И однакоже онъ изъ сего жалкаго вѣдѣнія извлекаетъ нерѣдко способы казаться мудрѣе другихъ.—Присоедините къ сему наглость порока, который, снимая съ человѣка самыя священныя узы, первѣе всего дѣлаетъ необузданными его мысли и умъ;—и вы поймете, какъ грѣшникъ можетъ казаться знающѣе другихъ. Какъ первое свойство человѣка добродѣтельнаго держать себя въ предѣлахъ вѣры и скромности,—почему онъ, не полагаясь на силы своего ума и проницательность, всегда готовъ сознать свое невѣдѣніе, остановиться—въ недоумѣніи, какъ ему дѣйствовать, тѣмъ паче не позволитъ себѣ дерзко судить о томъ, что выше его понятій, такъ первое свойство грѣшника—судить и рядить обо всемъ, всѣмъ быть недовольнымъ, всему предписывать законы, показывать себя всезнающимъ и ко всему способнымъ. Съ такимъ духомъ и безстыдствомъ, при нѣкоторой способности и познаніяхъ, удивительно ли прослыть иногда

умникомъ?—Къ довершенію обаянія грѣховнаго, въ семъ отношеніи, люди дѣйствительно даровитые,—частію по наклонности нашей поврежденной природы къ злу, частію по превратности воспитанія и самыхъ даже наукъ,—рѣдко не платятъ хотя на время, дани пороку, который, губя въ нихъ все лучшее,—самый умъ, извлекаетъ однако изъ ихъ дарованій ту для себя выгоду, что, опираясь на ихъ личность, выдаетъ мрачное знамя свое за хоругвь мудрости. Эта, говорю, жалкая падкость людей даровитыхъ на грѣхъ даетъ пороку возможность носить личину вѣдѣнія и прельщать ею взоры людей, неумѣющихъ отличать дары Творца отъ ихъ злоупотребленія. На чьей сторонѣ видятъ нерѣдко людей, почитающихся умными, о той сторонѣ и думаютъ, что она есть область свѣта и вѣдѣнія, не обращая вниманія на то, что сіи даровитые люди суть пришельцы въ ней и жалкіе измѣнники своей родинѣ.

Видите, что мы не сокрыли ничего, что въ грѣхѣ, какъ въ зміѣ, можетъ быть блещущаго; а въ то же время видите сами, какъ ничтоженъ призракъ мудрости, коею обольщаетъ порокъ. Итакъ, довольно уступокъ: взглянемъ теперь въ лице этому лукавому врагу, приблизимъ къ нему свѣтъ опыта, и посмотримъ, что съ нимъ будетъ!

Не подлежитъ, братіе мои, никакому сомнѣнію та печальная истина, что родъ человѣческій покрытъ какою-то неестественною тьмою невѣдѣнія, и что всѣ усилія разогнать сію тьму остаются доселѣ безъ значительнаго успѣха. Что всего жалчѣе,—тьма сія не даетъ человѣку видѣть того, что для него особенно нужно видѣть ясно, даже—кто Творецъ и Владыка судьбы его? даже—откуда онъ самъ и для чего здѣсь на землѣ? даже—что ему должно дѣлать, къ чему приготовлять себя, и что ожидаетъ его по смерти? Это предметы крайней важности для человѣка: и они-то покрыты великою тьмою. Самые образованные народы слѣпотствовали въ семъ отношеніи наижалчайшимъ образомъ. Мы удивляемся теперь просвѣщенію древнихъ грековъ и римлянъ, но спросите, кому покланялись они? истуканамъ. Что знали о происхожденіи и судьбѣ человѣка? ничего яснаго и рѣшительнаго. Лучшіе изъ людей старались освободить и себя и другихъ отъ этой тьмы; зажигали множество для сего свѣточей; производили иногда вокругъ себя нѣкое мерцаніе,—

даже пожары, но мерцаніе исчезало, пожары угасали,—а мракъ и невѣдѣніе оставались.

Возможно ли, чтобы сія ужасная тьма была естественна человѣку, чтобы Творецъ премудрый, создавъ такое существо, какъ человѣкъ, не далъ ему ясно знать о Себѣ, не сказалъ прямо о его предназначеніи, и не указалъ, куда ему идти и какимъ путемъ?—Какой земной отецъ поступитъ такъ съ своимъ сыномъ, пославъ въ путь дальній, не скажетъ, что дѣлать на пути и что за мѣсто, куда онъ посланъ? Но родъ человѣческій именно находится въ подобной тьмѣ. Если бы мы захотѣли быть несправедливыми въ отношеніи къ любви Отца небеснаго, и вздумали предполагать, что она поступила съ нами, какъ земные отцы поступаютъ иногда съ дѣтьми своими, тотчасъ по рожденіи сокрываясь отъ нихъ навсегда, и оставляя ихъ на произволъ случая, то насъ обличилъ бы взглядъ на всѣ прочія творенія, изъ коихъ каждое снабжено всѣмъ для него нужнымъ; обличилъ бы самый остатокъ свѣта и истины, прирожденныхъ душѣ нашей, который показываетъ, что мы были нѣкогда снабжены въ избыткѣ потребнымъ запасомъ вѣдѣнія, но не умѣли сохранить его въ цѣлости: обличилъ бы, наконецъ, голосъ всего первобытнаго человѣчества о томъ, что человѣкъ въ началѣ бытія своего былъ и ходилъ во свѣтѣ, но потерялъ его.

Кто же лишилъ насъ сего естественнаго, первобытнаго свѣта и погрузилъ въ тьму, отъ коей, при всѣхъ усиліяхъ, доселѣ не можемъ избавиться? Никто и ничто, кромѣ грѣха. Въ состояніи невинности, какъ видимъ изъ бытописанія, праотецъ нашъ обладалъ способностію провидѣть самое внутреннее свойство вещей; почему и нарекъ имена всѣмъ животнымъ по одному взгляду на нихъ,—такія имена, кои одобрены къ употребленію, за ихъ доброту, Самимъ Богомъ; по паденіи тотъ же праотецъ вдругъ ослѣпъ до того, что вообразилъ себѣ возможность укрыться отъ Бога вездѣсущаго въ сѣни древъ райскихъ. Остатки первобытнаго свѣта, доколѣ жили патріархи, спасали человѣчество отъ погруженія во тьму совершенную; но когда сей драгоцѣнный запасъ преданій, сіе священное наслѣдіе рая истощилось, и человѣчество осталось съ своимъ ослѣпленнымъ отъ грѣха разумомъ, въ то время тьма невѣдѣнія обнаружилась во всей силѣ, и человѣкъ началъ говорить *древу: ты отецъ мой, каменію: ты мя родилъ еси.*

Къ большему несчастію нашему, грѣхъ не только лишилъ насъ первобытнаго свѣта божественнаго и отнялъ предметы вѣдѣнія, но и содѣлалъ насъ неспособными видѣть ихъ, испортилъ наше зрѣніе умственное до того, что теперь, если бы и показать человѣку сіи предметы, то онъ не увидѣлъ бы ихъ, какъ должно.

Въ самомъ дѣлѣ, что представляютъ умственныя способности наши? Представляютъ не только слабость крайнюю, но и какое-то внутреннее разстройство, похожее на то, какъ если бы въ зрительной трубѣ передвинуты были съ надлежащаго мѣста всѣ стекла. И вотъ изъясненіе, почему наука вѣдѣнія, при всѣхъ усиліяхъ образовать умъ человѣка, достигаетъ весьма небольшихъ успѣховъ, а иногда вовсе ничего не производитъ. Это потому, что умъ нашъ поврежденъ грѣхомъ въ самомъ составѣ своемъ. Посему жалкое заблужденіе, когда мы думаемъ, что уму нашему, равно какъ и прочимъ способностямъ души, недостаетъ только одного приличнаго образованія и, такъ сказать, полировки. Нѣтъ, нынѣшнему уму человѣческому недостаетъ не одного праваго образа; въ немъ нѣтъ внутренней цѣлости и здравія, недостаетъ, слѣдовательно, того, чего никакая наука дать не можетъ. Посему-то слово Божіе, пріемля на свои руки просвѣщеніе человѣка, идетъ къ сей цѣли не путемъ только сообщенія ему познаній, хотя могло бы вдругъ открыть ему ихъ множество, а первѣе всего путемъ врачеванія, и предаетъ его для сего въ руки не земнымъ образователямъ и наставникамъ, а небесному, всемогущему Врачу умовъ и сердецъ—Духу Святому, да отверзетъ *очи сердца*, да сниметъ съ нихъ наслѣдственное бѣльмо, да помажетъ ихъ таинственнымъ *коллуріемъ*, да исцѣлитъ ихъ и возсоздастъ. И тѣ, надъ коими совершена сія священнотаинственная операція, у коихъ благодатію Божіею отверзлись очи ума и сердца, тѣ, безъ всякой науки, познаютъ и видятъ то, чего не доставляетъ никакое земное образованіе.

Судя по сему, что грѣхъ лишилъ уже насъ первобытнаго свѣта и вѣдѣнія и сдѣлалъ то, что мы приходимъ въ міръ сей слѣпыми духомъ, ему, казалось бы, уже нечего было дѣлать въ частности надъ умомъ бѣдныхъ грѣшниковъ. Но свойство ослѣплять никогда не можетъ оставить его. Съ другой стороны, у человѣка все еще есть остатокъ

свѣта естественнаго; а у христіанина, кромѣ того, не мало свѣта откровеннаго; посему грѣхъ и теперь, при каждомъ появленіи своемъ въ человѣкѣ, ведетъ за собою для него новую тьму, въ добавокъ къ общей природной. Посмотримъ, какъ сія тьма овладѣваетъ грѣшникомъ.

Первое и неизбѣжное дѣйствіе порока въ человѣкѣ то, что онъ отвращаетъ лице и все существо человѣка отъ неба къ аду; вмѣстѣ съ тѣмъ первое и неизбѣжное слѣдствіе порока то, что духовное Солнце—Богъ престаетъ освѣщать душу грѣшника. Надъ его душею потому тотчасъ начинаетъ распростираться внутренній мракъ, не могущій быть разгнаннымъ никакимъ свѣтомъ земнымъ, и дающій по временамъ съ силою себя чувствовать и самому бѣдному грѣшнику и другимъ. Самый образованный изъ грѣшниковъ въ минуту самосознанія ощущаетъ, а иногда и со вздохомъ говоритъ, что у него въ душѣ темно!.. Почему темно, когда она, повидимому, наполнена всякаго рода познаніями? Потому, что въ ней нѣтъ свѣта Божія, а свѣта Божія нѣтъ потому, что она отвратилась отъ лица Божія. Это состояніе внутренняго омраченія отъ грѣха видимо бываетъ и для другихъ. Надъ многоучеными, но порочными людьми постоянно виситъ что-то мрачное; они задумчивы, ихъ взоръ бѣглъ и мутенъ; въ нихъ нѣтъ душевной ясности; ихъ движенія безпокойны, предпріятія нерѣшительны; самыя радости мрачны и пусты; они подобны человѣку, идущему въ потьмахъ, ощупью. Надъ человѣкомъ добродѣтельнымъ напротивъ, хотя бы онъ не былъ знакомъ ни съ какимъ образованіемъ, всегда носится нѣкій свѣтъ, мирно почіющій въ его душѣ, свѣтящій въ его чистомъ и свѣтломъ взорѣ, отсвѣчивающій нерѣдко на его лицѣ, озаряющій всѣ пути его и дающій ему удобность быть въ дѣйствіяхъ своихъ твердымъ, правильнымъ и спокойнымъ. Это свѣтъ лица Божія, къ коему постоянно обращена душа чистая.

При сокрытіи чувственнаго солнца, дѣлаются по крайней мѣрѣ видимы на небѣ другія свѣтила; при закрытіи въ душѣ Солнца духовнаго—Бога—напротивъ.—Здѣсь во всей силѣ исполняется то, что, по свидѣтельству слова Божія, должно произойти при кончинѣ міра: не только солнце померкаетъ, но и луна не даетъ свѣта, и звѣзды спадаютъ съ небесе. Эта луна—наша совѣсть: неозаряемая въ грѣшникѣ свѣтомъ

лица Божія, она сама не даетъ достаточнаго свѣта, чтобы освѣщать пути его жизни. Звѣзды эти суть—высокія и святыя истины, кои для руководства нашего водружены рукою Творца на тверди духа человѣческаго. Таковы понятія о Богѣ и Его святомъ законѣ, нашемъ вѣчномъ предназначеніи и воздаяніи за гробомъ. Сіи звѣзды путеводныя покрываются мракомъ въ душѣ грѣшника и становятся непримѣтными. И вотъ гдѣ изъясненіе того несчастнаго, но обыкновеннаго явленія, что люди повидимому самые образованные, но порочные, не только хладны къ симъ истинамъ, но даже рѣшаются идти противъ нихъ. Это приписываютъ нерѣдко злонамѣренности; между тѣмъ большею частію это естественное слѣдствіе грѣховной жизни: порокъ простеръ покровъ на сіи звѣзды, сокрылъ ихъ отъ умственнаго взора грѣшника; и онъ, не видя ихъ въ душѣ своей, по тому самому готовъ утверждать съ упорствомъ, что ихъ нѣтъ вовсе въ душѣ человѣческой. Посему, когда срѣтите, братіе, такого жалкаго умника, который осмѣливается глумиться надъ священными истинами, то не вступайте съ нимъ въ споръ; вы не можете симъ разогнать въ душѣ его тьмы адской, а если возможно, возьмите его за руку и скажите съ сожалѣніемъ: «ахъ, любезный братъ, какъ дошелъ ты до такого ужаснаго ослѣпленія? Да возсіяетъ надъ тобою свѣтъ Христовъ!» Скажите такъ, и помолитесь за него съ усердіемъ къ Тому, Который единъ можетъ извести его изъ тьмы въ чудный свѣтъ Свой.

Лишившись благодатнаго наитія силы Божіей, вышедъ изъ-подъ управленія совѣсти, разсудокъ въ душѣ грѣшника становится жалкимъ рабомъ господствующей страсти, которая для большаго порабощенія избодаетъ ему очи, чтобы онъ не видѣлъ истины, доказывалъ и утверждалъ не то, что слѣдуетъ по вѣчнымъ законамъ правды и долга, а что повелятъ гордость житейская, корысть и плотоугодіе. Посему-то нѣтъ такой лжи и нелѣпости, которую порабощенный страстямъ разсудокъ не готовъ былъ бы утверждать со всѣмъ усиліемъ и ревностію; и нѣтъ такой истины, которой онъ не усомнился бы чернить и опровергать, коль скоро она не по его выгодамъ.—Отъ частаго упражненія своихъ умственныхъ способностей въ семъ жалкомъ превращеніи истины, грѣшникъ видимо тупѣетъ и, наконецъ, теряетъ чув-

ство и вкусъ истины до того, что не умѣетъ отличать ее отъ лжи, и принимаетъ за истинное одно то, что ему нужно по его видамъ. И это отношеніе къ низшимъ, такъ сказать, матеріальнымъ и житейскимъ истинамъ; а въ отношеніи къ высшимъ, священнымъ, у закоренѣлаго грѣшника бываетъ не только отвращеніе, но и явная ненависть, такъ что ему крайне пріятно подвергать ихъ сомнѣнію, осмѣивать тѣхъ, кои свято ихъ держатся, говорить и писать противъ всего святаго. Въ семъ случаѣ бываетъ съ людьми развратными то же, что съ людьми страждущими болѣзнію глазъ: свѣтъ имъ несносенъ, особенно солнечный, они съ удовольствіемъ предпочтутъ ему свѣтъ гнилаго дерева, который болѣе по ихъ глазамъ, нежели солнце.

Что дѣлается съ познаніями грѣшника, если онъ имѣетъ ихъ? Порокъ, кромѣ того, что всегда значительно сокращаетъ кругъ ихъ, всегда же отъемлетъ у нихъ глубину, силу, стройность и жизнь. Во всѣхъ предметахъ знанія нашего есть сторона священная, коею оно обращено къ Виновнику всяческихъ. Сія святая и возвышенная сторона для порочнаго и вольномысленнаго человѣка не существуетъ. Оттого всѣ изображенія предметовъ, дѣлаемыя писателями безнравственными, всегда отзываются пустотою внутреннею и мертвостію, ибо міръ безбожный есть бездушный трупъ, по коему разбросаны цвѣты.

Какое употребленіе дѣлаетъ порочный человѣкъ изъ познаній своихъ и способностей? Самое жалкое и ужасное. Все пересуждать, опровергать, извращать есть его неизбѣжное свойство. Оттого нѣтъ опаснѣе для общества людей, какъ образованныхъ науками, но преданныхъ страстямъ; оттого умноженіе ложнаго безнравственнаго просвѣщенія всегда влечетъ за собою разстройство семействъ и погибель цѣлыхъ государствъ.

Какой, наконецъ, бываетъ исходъ умственнаго омраченія, производимаго порокомъ и страстями?—Видимое разстройство всѣхъ познавательныхъ способностей, ослабленіе внутренняго самосознанія и духовной личности, наконецъ явное помѣшательство ума. Да удалится отъ насъ мысль судить и осуждать тѣхъ несчастныхъ братій нашихъ, кои находятся въ семъ послѣднемъ состояніи! Но какъ не возвѣстить того, что такъ громко проповѣдуется самыми слу-

жителями нашего тѣлеснаго здравія, то есть, что помѣшательство ума первоначальнымъ и главнымъ источникомъ своимъ почти всегда имѣетъ грѣховное состояніе души? что оно вообще направляется въ видахъ своихъ по видамъ страстей человѣческихъ, что самая сущность его состоитъ не въ иномъ чемъ, какъ въ затмѣніи понятій о Богѣ и потерѣ нравственнаго чувства? Основываясь на показаніяхъ самой врачебной науки, мы имѣемъ все право утверждать, что человѣкъ развратный, ежли бы жизнь его продолжилась на землѣ долго, чего однако почти никогда не бываетъ, то онъ неминуемо сходилъ бы, наконецъ, съ ума. Ужасный примѣръ сего мы видимъ на духахъ отверженныхъ. Что они, при всѣхъ великихъ способностяхъ ихъ, какъ не существа помѣшавшіяся въ умѣ на гордости и ненависти къ своему Создателю?—И вотъ изъясненіе, какъ они не могутъ понять, напримѣръ, невозможности сражаться твари съ своимъ Творцемъ, какъ могутъ отваживаться идти противъ Всемогущаго. Это сущее безуміе, но для нихъ кажется мудростію, потому что они внѣ себя, находятся въ состояніи изступленія, погубили свой умъ и чистое сознаніе самихъ себя.

Къ вамъ теперь да обратится слово наше, кои занимаетесь науками и съ такимъ усердіемъ посѣщаете наше богослуженіе и собесѣдованія. Образованіе ума и умноженіе всякаго рода познаній составляетъ теперь главный предметъ дѣятельности вашей. Пребудьте же увѣрены, что истина и добродѣтель едино въ Богѣ, яко источникѣ всякой истины и добродѣтели; едино въ природѣ, какъ произведеніи премудрости и святой воли Божіей; едино должны быть и въ человѣкѣ, яко образѣ Божіемъ и маломъ мірѣ. Можно насильственно отдѣлить на время лучъ истины отъ луча добродѣтели въ душѣ человѣка, но тогда сей лучъ, подобно раздвоенному лучу солнечному, теряетъ свою силу, престаетъ согрѣвать и животворить. Чистота совѣсти и нравовъ озаритъ немерцающимъ свѣтомъ не только всѣ стези вашей жизни, но и всю область вашихъ познаній; ибо вы будете постоянно находиться во свѣтѣ лица Божія. Вмѣстѣ съ симъ въ душѣ вашей откроется неизсякаемый источникъ мыслей свѣтоносныхъ и чувствъ высокихъ. Грѣхъ, напротивъ, омрачитъ, оядотворитъ и изгубитъ всѣ ваши способности и умственныя пріобрѣтенія, подточитъ въ самомъ корнѣ пре-

красный цвѣтъ познаній. Итакъ прилежно затыкайте слухъ отъ всѣхъ обаяній вольномыслія; постоянно закрывайте взоръ отъ всѣхъ прелестей порока, памятуя изреченіе древняго мудреца, что *въ злохудожну душу не внидетъ премудрость, ниже обитаетъ въ тѣлеси, повиннѣмъ грѣху* (Прем. Сол. 1, 4). Аминь.

Слово о томъ, что грѣхъ, обѣщавая человѣку вольность и независимость, лишаетъ его истинной свободы и повергаетъ въ состояніе мучительнаго рабства.

Всякъ творяй грѣхъ рабъ есть грѣха (Іоан. 8, 34).

Если смотрѣть на поверхность грѣха и на первые шаги грѣшника, то въ грѣхѣ представляется не рабство, а вольность и независимость. Ибо, въ чемъ состоитъ грѣхъ? Въ томъ, чтобы не слушать велѣній Самого Бога, идти противъ законовъ своего Творца, быть самому для себя началомъ и концемъ дѣйствій, кумиромъ и чтилищемъ. Грѣшникъ свободно позволяетъ себѣ то, о чемъ добродѣтельный человѣкъ и помыслить не смѣетъ; наслаждается такими вещами, кои неизвѣстны и какъ бы не существуютъ для послѣдняго; становится, повидимому, превыше всего.—Сіе-то, конечно, разумѣлъ искуситель эдемскій, когда говорилъ нашей праматери: *будете яко Бози.* Симъ-то, безъ сомнѣнія, увлеченъ и онъ самъ, несчастный, когда рѣшился развить знамя возмущенія противъ Всемогущаго. Къ сему же, явно или тайно, но неизбѣжно, стремится и каждый грѣшникъ. Дайте волю его необузданнымъ желаніямъ, доставьте ему средства къ выполненію безумныхъ замысловъ, отнимите съ пути его всѣ преграды; и вы увидите, что онъ не удовлетворится ничѣмъ, пойдетъ въ гордыни своей и алчности къ наслажденіямъ, все далѣе и далѣе, возмечтаетъ быть *подобенъ Вышнему,* скажетъ прямо съ фараономъ: *кто есть Богъ, да послушаю Его?*—И не видѣли ль времена недавнія ужаснаго примѣра, какъ цѣлый народъ, славившійся образованіемъ, но потерявшій чистоту нравовъ, дерзнулъ, въ лицѣ обуявшихъ отъ гордости и порока, представителей своихъ, отвергнуть всякое вѣрованіе, запретить всѣ виды богослуженія, провозгласить божествомъ разумъ человѣческій и воздать ему по-

клоненіе, подобающее единому Богу!—Такъ, повидимому, грѣшникъ гордъ и далекъ отъ всякаго униженія и рабства! И однакоже ничто такъ не близко къ нему, какъ униженіе! Кто унижаетъ и порабощаетъ его? Тотъ же самый грѣхъ, который прельщаетъ вольностію и независимостію. *Всякъ творяй грѣхъ рабъ есть грѣха.*

Какимъ образомъ происходитъ это?—Самымъ неизбѣжнымъ. Истинная свобода человѣка состоитъ въ томъ, чтобы свободнымъ образомъ соединиться съ высочайшею, божественною свободою, отъ коей она проистекла, усвоить себѣ ея святый образъ дѣйствій, и такимъ образомъ облечься ея всемогуществомъ. Грѣхъ расторгаетъ сей блаженный союзъ, ставитъ свободу человѣческую въ противоположность свободѣ божественной и ея всемогуществу, посему лишаетъ свободу человѣка единственнаго источника силы и могущества существеннаго, непреходящаго.—Съ свободою человѣческою должно, въ семъ случаѣ, происходить то же, что бываетъ съ вѣтвію, отторженною отъ древа: обѣ должны вянуть, истощаться и умереть. Если грѣшникъ до времени не чувствуетъ сего, то потому, что въ немъ, по расторженіи блаженнаго союза съ Богомъ, остается на время часть произвола нравственнаго; подобно какъ въ отторженной отъ древа вѣтви остается на время нѣкоторая жизненность, и она нѣсколько часовъ можетъ удерживать свою зелень, листья и цвѣты. Но воцарившійся въ душѣ грѣхъ вскорѣ требуетъ въ жертву себѣ и этотъ малый остатокъ произвола духовнаго, и бѣдному плѣннику его ничего не останется, кромѣ рабства. Ибо почему грѣшникъ отторгъ свою свободу отъ воли Божіей и закона? Потому, что ему показалось что-либо лучше воли Божіей и закона. Что бы ни было это мнимо лучшее—честь ли, стяжанія ли, удовольствія ли чувственныя, все это, будь самое ничтожное, становится для человѣка кумиромъ всевластнымъ. Что прежде онъ долженъ былъ дѣлать для Бога, по требованію закона и совѣсти, то теперь долженъ дѣлать для своего кумира, въ какомъ бы видѣ онъ ни былъ, по требованію своей страсти къ нему. Сначала и здѣсь остается призракъ свободы, такъ что грѣшникъ чувствуетъ себя въ состояніи бросить и разбить свой кумиръ; но потомъ наступаетъ отъ часу тягчайшее рабство, такъ что грѣшникъ невольно дѣлаетъ все то, чего ни по-

требуетъ его идолъ грѣховный. Въ семъ случаѣ плѣнникъ грѣха подобенъ человѣку, сходящему съ высокой и крутой горы: сначала горизонтъ обширный, множество видовъ предъ глазами, стезей подъ стопами, но чѣмъ далѣе и ниже, тѣмъ горизонтъ уже, видовъ и слѣдовъ менѣе; наконецъ, остается одна стезя, ведущая или паче влекущая въ пропасть.

Въ самомъ дѣлѣ, братіе мои, долго ли грѣхъ удостоиваетъ плѣнниковъ своихъ хотя той жалкой чести, чтобы держать ихъ въ непосредственной зависимости отъ себя, съ правомъ блуждать по всѣмъ стропотнымъ распутіямъ беззаконія?—Не долѣе того, какъ усмотрится (а это бываетъ весьма скоро) удѣльная способность каждаго плѣнника къ извѣстной работѣ грѣховной. Послѣ сего грѣхъ тотчасъ распредѣляетъ плѣнниковъ своихъ между своими жестокими приставниками: одного отдаетъ въ рабство плоти и чувственныхъ удовольствій; другого заставляетъ работать любостяжанію и скупости; третьему велитъ быть въ услугахъ честолюбія и гордости житейской. Преданный одной страсти грѣшникъ не имѣетъ иногда и столько свободы, чтобы перейти на служеніе къ другой: не смѣетъ и не можетъ перемѣнить даже своихъ узъ; такъ, напримѣръ, плотоугодникъ бываетъ часто глухъ ко внушеніямъ честолюбія, скупецъ не можетъ терпѣть чувственныхъ удовольствій и проч.

Что дѣлаетъ съ бѣднымъ грѣшникомъ и его свободою страсть господствующая? То, что дѣлается у дикихъ варваровъ съ ихъ плѣнниками: чтобы они не могли убѣжать, имъ выкалываются глаза и подрѣзываются въ ногахъ жилы. Такъ и страсть изподаетъ у грѣшника очи: всѣ видятъ ничтожность его кумира, опасность его положенія, неминуемыя слѣдствія разврата; одинъ грѣшникъ слѣпъ; ему кажется нерѣдко, что онъ живетъ и ведетъ себя какъ нельзя лучше. Страсть варварски портитъ у грѣшника ноги: все понуждаетъ его иногда сойти съ пути беззаконія; онъ самъ чувствуетъ благопріятную минуту бѣжать изъ оковъ; и однакоже не можетъ двинуться съ мѣста, или сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, падаетъ, и, попавшись снова въ плѣнъ къ своему владыкѣ, подвергается тягчайшимъ узамъ.

Въ самомъ дѣлѣ, доколѣ грѣшникъ работаетъ, подобно безсмысленному животному, въ угожденіе грѣховной страсти, дотолѣ она молчитъ и какъ бы не существуетъ, даетъ ему

свободу потрясать и звенѣть своими цѣпями, представлять изъ себя человѣка съ сердцемъ независимымъ. Но едва открывается въ бѣдномъ грѣшникѣ намѣреніе разорвать свои узы и выйти на свободу духа, тогда обнаруживается вся лютость страсти; самые малые благіе помыслы воспрещаются и преслѣдуются съ ожесточеніемъ. Если грѣшникъ не смотря на тяжесть грѣховной привычки, не оставляетъ желанія освободиться отъ ней, то начинается брань внутренняя самая ужасная, которая при неравенствѣ силъ духовныхъ, остающихся въ грѣшникѣ, съ силою страсти возросшей въ исполина, всегда бы оканчивалась неизбѣжно побѣдою грѣха надъ плѣнникомъ своимъ, если бы къ послѣднему не приходила на помощь благодать Божія. Но и содѣйствіе всемогущей благодати остается нерѣдко безъ успѣха, потому что самъ человѣкъ не даетъ ей всего пространства въ сердцѣ своемъ.

Никогда не забыть мнѣ, братіе, одного печальнаго случая, поразившаго меня на всю жизнь, при коемъ во всей силѣ обнаружилось то, о чемъ мы разсуждаемъ теперь. Мнѣ случилось посѣтить человѣка, имѣвшаго несчастіе заразиться—страстію невоздержанія, но не потерявшаго чувства отвращенія ко грѣху, одареннаго отличными способностями и познаніями, даже любовію ко всему доброму. Это было въ минуты борьбы его съ страстію. Боже мой, что увидѣлъ я!—Увидѣлъ бѣдную душу, опутанную съ ногъ до главы узами страсти; увидѣлъ ангела падшаго, желающаго возстать отъ паденія и не могущаго свергнуть съ себя тяжести грѣховной; увидѣлъ въявѣ борьбу неба съ адомъ. Чего не дѣлалъ несчастный? Потоки слезъ текли изъ очей его и омывали самую одежду; то становился онъ на колѣни предъ святою иконою и поднималъ очи къ небу; то билъ самъ себя въ грудь и рвалъ на головѣ волосы; то обращался за помощію ко всѣмъ святымъ угодникамъ, и отдавалъ себя имъ въ покровительство, какъ утопающій; то проклиналъ день рожденія и призывалъ смерть; то подозрѣвалъ въ себѣ присутствіе злаго духа и дерзалъ на хулу противъ Провидѣнія.

И чѣмъ оканчивалась сія ужасная борьба? Большею частію побѣдою страсти надъ духомъ и совѣстію. Да поможетъ тебѣ, возлюбленный собратъ, въ мучительномъ подвигѣ

твоемъ, всемогущая благодать Божія, и да изведетъ тебя на желанную тобою широту и свободу духа!—Если я дерзнулъ извести судьбу твою предъ моихъ слушателей, то потому, что ты самъ не скрывалъ своего бѣдственнаго состоянія и собственнымъ примѣромъ убѣждалъ блюстись узъ грѣховныхъ.

Когда въ продолженіе немногихъ лѣтъ, братіе мои, грѣхъ такъ можетъ обуять самыхъ лучшихъ изъ людей, задушить нравственную силу воли въ тѣхъ, кои одарены множествомъ средствъ питать, поддерживать и врачевать ее,—то что могъ бы произвести грѣхъ надъ свободою человѣка, если бы послѣднему дано было здѣсь жить и работать грѣху въ продолженіе многихъ вѣковъ?—Ужасный примѣръ сего представляютъ духи отверженные. Почему благость Божія. простертая ко всѣмъ грѣшникамъ, для нихъ какъ бы не существуетъ? потому, что они не хотятъ участвовать въ помилованіи. Почему не хотятъ? потому, что не могутъ. Почему не могутъ? потому, что грѣхъ задушилъ въ нихъ свободу духовную: они ожесточились во злѣ до того, что возвратъ назадъ содѣлался для нихъ нравственно-невозможнымъ.

Если отъ такой участи, отъ такого жестокаго рабства грѣху не спаслися ангелы падшіе, то спасемся ли, братіе, мы, если предадимся нераскаянно грѣху?—Итакъ, будемъ прилежно блюсти свободу нашего духа и воли, дабы, разъ потерявъ ее, не искать потомъ напрасно всю вѣчность. Не будемъ скучать принужденіемъ, необходимымъ для добродѣтели: это принужденіе на время, доколѣ не выправятся вывихнутые отъ паденія члены существа нашего; тогда хожденіе во всѣхъ путяхъ закона содѣлается для насъ естественнымъ и легкимъ; тогда стократъ пріятнѣе будетъ повиноваться пресвятой волѣ Творца, нежели носиться въ вихрѣ страстей и грѣховныхъ удовольствій; а наконецъ, при помощи благодати Божіей, достигнемъ, по примѣру небожителей, и того, что уклоненіе отъ закона Божія содѣлается для насъ совершенно невозможнымъ,—еже буди со всѣми нами! Аминь.

Слово о томъ, что радости грѣховныя привременны и ничтожны, что грѣхъ напротивъ отъемлетъ у человѣка всѣ истинныя и чистыя наслажденія и служитъ источникомъ безчисленныхъ скорбей и бѣдствій.

Нѣсть радоватися нечестивымъ, глаголетъ Господь (Исаіи 48, 22).

А за чѣмъ же бѣдный грѣшникъ стремглавъ бѣжитъ въ пропасть грѣха, какъ не за радостію и утѣхами? Послушайте міролюбцевъ—они и нынѣ говорятъ то же, что твердили во времена Соломона: *пріидите, насладимся настоящихъ благъ; ни единъ отъ насъ лишенъ да будетъ наслажденія: вездѣ оставимъ знаменіе веселія, яко сія есть часть наша и жребій сей* (Прем. Сол. 2, 6. 9). Если бы не радость и веселіе, то міръ и грѣхъ давно потеряли бы всѣхъ своихъ поклонниковъ. Что же значитъ слово пророка, отъемлющее радость у нечестивыхъ?

То, что нечестивый только гоняется за радостію, а въ самомъ дѣлѣ не достигаетъ ея,—то, что мнимыя радости грѣховныя пусты, привременны и ничтожны, и что грѣхъ, увлекая призракомъ чувственнаго веселія, въ то же время отъемлетъ у человѣка радость истинную и дѣлаетъ сердце его неспособнымъ къ блаженству; то, наконецъ, что вмѣстѣ съ развратомъ души и сердца открывается для человѣка неизсякаемый источникъ огорченій и бѣдствій.

Въ самомъ дѣлѣ, братіе мои, какъ бы грѣшникъ могъ имѣть тѣ божественныя и неизглаголанныя радости, кои происходятъ отъ Духа Святаго, и коихъ одну каплю не можетъ замѣнить цѣлое море мірскихъ наслажденій? Сіи святыя радости и утѣхи, составляющія верхъ земнаго и залогъ небеснаго блаженства душъ чистыхъ и святыхъ, для грѣшника совершенно потеряны: ибо грѣхъ разорвалъ блаженный союзъ, долженствующій быть между Богомъ и душею, сотворенною для блаженства въ Богѣ. Между ними, въ грѣховномъ состояніи, нѣтъ другаго отношенія, кромѣ неизбѣжнаго—твари неблагодарной къ Творцу Всемогущему, преступника къ Судіѣ и Владыкѣ. Мысль о семъ отношеніи, какъ грѣшникъ обыкновенно ни силится заглушить ее, сильно пробуждается по временамъ и всегда исполняетъ его тайнымъ страхомъ и печалію.

Лишивъ человѣка радостей божественныхъ, грѣхъ не даетъ ему наслажденія и чистыми радостями человѣческими. Первая изъ нихъ есть радость благой совѣсти; и ея-то первой лишается грѣшникъ. Вмѣсто внутренняго мира, душевнаго наслажденія и святаго ободренія отъ совѣсти, въ глубинѣ души его таится скука, недовольство и тяжесть. Справедливо, что совѣсть въ грѣшникѣ съ умноженіемъ беззаконій, съ возрастомъ его въ злѣ и нечестіи, сама слабѣетъ; но все никогда не можетъ умолкнуть совершенно, даже когда молчитъ, то глухое, но тѣмъ не менѣе ощутительное чувство, какъ нѣкая глухая рана, тяготитъ и тревожитъ. Отсюда-то почти всегдашній оттѣнокъ смущенія и недовольства на лицѣ міролюбца; отсюда глубокіе вздохи среди самыхъ шумныхъ увеселеній; отсюда жалобы и ропотъ на свою жизнь, когда, повидимому, ничего не достаетъ къ ея блаженству; отсюда тайное завидованіе состоянію людей бѣдныхъ, но добродѣтельныхъ; отсюда наконецъ мгновенные переходы нѣкоторыхъ міролюбцевъ къ покаянію, такъ что они, внезапно бросивъ все, убѣгаютъ навсегда отъ міра въ пустыни.

И другихъ высшихъ и чистыхъ радостей человѣческихъ грѣшникъ не можетъ имѣть, доколѣ остается въ области беззаконія. Такъ, всѣ возвышенныя радости духа ему не извѣстны: недовѣдомо ему услажденіе отъ молитвеннаго собесѣдованія съ Богомъ, недовѣдома сладость упованія жизни вѣчной, или страданія за правду, не извѣстно духовное веселіе отъ присутствія въ храмѣ, отъ чтенія слова Божія, отъ принятія таинствъ христіанскихъ, не извѣстна святая теплота сердца отъ общенія съ братіями во Христѣ и дѣлъ милосердія; неизвѣстенъ даже свѣтлый и утѣшительный взглядъ на природу, какъ на дѣло рукъ Божіихъ, на откровеніе славы и премудрости Божественной.—Все это для грѣшника потеряно, и не только потеряно, а обращается въ источникъ скуки, въ тяжесть душевную, такъ что это самое, напримѣръ, чтеніе слова Божія, или присутствіе во храмѣ, ему можно назначить въ наказаніе. Грѣхъ до того превращаетъ сердце человѣка, что все, отзывающееся вѣрою и добродѣтелію, ему противно и отвратительно.

Обратимся ли за симъ къ другимъ радостямъ душевнымъ, коими пользовались и дорожили даже лучшіе изъ язычни-

ковъ,—и ихъ не найдемъ у грѣшника. Такъ, удовольствій, проистекающихъ отъ самопознанія и самоусовершенствованія нравственнаго, у грѣшника нѣтъ; его стихія—жить въ самозабвеніи и нерадѣть о себѣ. Радости отъ совершеннаго, безкорыстнаго дружества у грѣшника нѣтъ; ибо какое дружество у того, кто дышетъ самолюбіемъ? Радости чистой семейной жизни у грѣшника нѣтъ; онъ, большею частію, или убѣгаетъ семейнаго состоянія, какъ узъ, или бываетъ самымъ худымъ отцемъ семейства, самымъ непокорнымъ сыномъ, самымъ холоднымъ и неприступнымъ родственникомъ.

Всѣ сіи радости такъ недосягаемы для грѣха, что онъ не можетъ даже обѣщать ихъ своимъ любимцамъ, и не обѣщаетъ, что же дѣластъ? Старается представить ихъ или невозможными, или нестоющими труда, и въ замѣнъ сего выставляетъ единственно важными тѣ, кои въ состояніи доставить имъ. Что же, онъ можетъ доставить? То, что происходитъ отъ похоти плоти, похоти очесъ и гордости житейской, то, что когда-то захотѣлъ испытать во всей силѣ еще Соломонъ, но не смотря на то, что у царя было множество средствъ продолжать и разнообразить чувственныя удовольствія, принужденъ былъ сознаться, что все имъ испытанное есть *суета суетъ* и производитъ не услажденіе, а истощеніе и *крушеніе духа* (Еккл. 1, 2; 2, 26).

Пойдемъ однако же мыслію за грѣшникомъ, хотя по главнымъ путямъ его радостей, и посмотримъ, изъ чего состоятъ онѣ. Вотъ онъ влечется по стогнамъ на великолѣпной колесницѣ и радуется: чему? что его прислуга одѣта въ золото, что безсловесныя, его везущія, самой лучшей породы и высокой цѣны, что предъ нимъ невольно разступаются толпы народа, что онъ можетъ съ гордостію взирать на все встрѣчающееся, безъ затрудненія переноситься, большею частію безъ всякой причины, изъ одного края въ другой, являться тамъ, быть здѣсь, то видѣть, отъ того уйти, много начать, ничего не окончить, вездѣ оставить слѣды своего величанія и своей пустоты. Это ли радость и веселіе?—Вотъ другой грѣшникъ: онъ сидитъ въ завѣтной храминѣ и считаетъ сребренники, смотритъ на кучи бездушнаго металла и радуется: чему? что у него *стяжанія на лѣта долга*, что онъ можетъ, если захочетъ, купить имѣніе, построить домъ, завести у себя то или другое. Но захочетъ

ли? Нѣтъ, его удовольствіе считать и хранить, а не употреблять; онъ не господинъ, а рабъ своихъ сокровищъ; чтобы увеличивать ихъ, онъ обращается ко всѣмъ средствамъ, отказываетъ самому себѣ даже въ необходимомъ, среди богатства терпитъ нищету, мучится и страдаетъ, доколѣ смерть не исторгнетъ изъ рукъ его всего, что имѣлъ и на что истратилъ безумно всю жизнь. Это ли радость и блаженство?—Вотъ еще грѣшникъ: онъ идетъ противоположнымъ путемъ и все обращаетъ въ свое удовольствіе; домъ его преукрашенъ и отверстъ для всѣхъ міролюбцевъ; трапеза преисполнена снѣдями, вокругъ его пѣніе и лики; но состояніе его уже истощено, а здоровье еще прежде истощилось отъ невоздержанія; онъ самъ чувствуетъ, что въ чашѣ земныхъ наслажденій остается для него мало капель, и силится заглушить сіе чувство новыми видами невоздержанія. Это ли радость?

Но мы взяли грѣшниковъ со всѣми удобствами ко грѣху, а много ли таковыхъ? Большая часть находится въ жалкой необходимости алкать непрестанно грѣховныхъ наслажденій и не имѣетъ возможности удовлетворить нечистымъ пожеланіямъ. Что же дѣлаетъ сія жалкая толпа?—Бросается на всякаго рода наслажденія, предается всѣмъ видамъ порока, только бы не пропасть, такъ сказать, съ голода душевнаго.—Вообще съ людьми, предавшимися порочной жизни, происходитъ то же, что бываетъ съ человѣкомъ отъ укушенія тарантуломъ. О таковыхъ говорятъ, что они тотчасъ чувствуютъ непреодолимое побужденіе къ тѣлесному движенію, начинаютъ скакать и кружиться, такъ что, смотря на нихъ, можно подумать, якобы они находятся въ состояніи необыкновеннаго веселія; между тѣмъ они страдаютъ ужаснымъ образомъ и нерѣдко умираютъ среди этой жалкой пляски.—Таково положеніе грѣшника: укушенный грѣхомъ, проникнутый его ядомъ змінымъ, онъ получаетъ непреодолимую наклонность къ разсѣянію и утѣхамъ чувственнымъ, непрестанно движется по направленію господствующей страсти, скачетъ отъ наслажденія къ наслажденію, представляетъ лице человѣка, упоеннаго счастіемъ; а между тѣмъ внутри мучится и страдаетъ. Скоро начинаетъ страдать и совнѣ: ибо одна изъ первыхъ принадлежностей грѣха и страстей—необузданность въ наслажденіяхъ; а при семъ быстро исто-

щаются силы тѣла и духа. Съ другой стороны, изъ самыхъ грѣховныхъ удовольствій неминуемо возникаетъ множество огорченій и досадъ; широкій путь грѣха, казавшійся покрытымъ одними цвѣтами, дѣлается часъ отъ часу тѣснѣе и неудобнѣе; цвѣты исчезаютъ, уступая мѣсто тернамъ, и грѣшникъ видитъ себя наконецъ въ безднѣ, ископанной для него собственными грѣхами. Въ самомъ дѣлѣ, много ли изъ міролюбцевъ и долго ли наслаждаются даже здоровьемъ, симъ необходимымъ условіемъ счастія земнаго, за коимъ они гоняются? Большая часть умираетъ преждевременно; и если не внезапно, то послѣ продолжительныхъ и тяжкихъ страданій. Если нѣкоторые и достигаютъ преклонныхъ лѣтъ, то не потому, что предавались пороку, а потому, что не предавались ему всецѣло, что не забывали правилъ воздержанія, то есть не оставляя вовсе добродѣтели. Остатокъ добра спасаетъ ихъ отъ разрушительной силы грѣха. Зато сей же грѣхъ въ такомъ случаѣ находитъ большею частію другое средство брать жестокую дань за немногія капли минутной радости. Невоздержаніе и расточительность, столь неразлучныя съ порокомъ, въ непродолжительномъ времени истощеваютъ у грѣшника средства къ удовлетворенію своихъ преступныхъ желаній. Изъ роскошнаго богача онъ нерѣдко дѣлается нищимъ, надъ коимъ со всею точностію повторяется Евангельская исторія блуднаго сына; кто располагалъ прежде милліонами для удовлетворенія своихъ прихотей, принужденъ бываетъ прилѣпиться къ какому-либо жителю страны и почитать за милость, когда ему позволятъ имѣть кусокъ насущнаго хлѣба. И сколько такихъ несчастныхъ! А если къ нищетѣ присоединится еще болѣзнь, какъ это нерѣдко бываетъ: тогда міролюбецъ вживѣ начинаетъ терпѣть то, чѣмъ слово Божіе угрожаетъ нераскаяннымъ грѣшникамъ за гробомъ. Въ такихъ случаяхъ, если не приспѣетъ на помощь особенная благодать Божія, рѣдко не доходятъ до отчаянія и самоубійства.

Судите послѣ сего сами, братіе, справедливо ли говоритъ слово Божіе, что *нѣсть радоватися нечестивымъ?* Истинно, нѣтъ грѣшника, который бы по окончаніи своего грѣховнаго поприща, не сказалъ съ Іонаѳаномъ; *вкушая вкусихъ мало меду, и се азъ умираю* (1 Цар. 14, 43).

Страдаютъ и праведники: само слово Божіе, отъемлю-

щее рѣшительно истинную радость у нечестивыхъ, говоритъ, что *многи скорби праведнымъ*. Но какого рода эти скорби? Онѣ всѣ похожи на благотворныя горькія лѣкарства, кои пріемлетъ больной, по предписанію искуснаго врача, для исцѣленія себя отъ смертоносной болѣзни; горечь ихъ постоянно сопровождается сладкимъ чувствомъ выздоровленія; со дня на день они чувствуютъ себя лучше и крѣпче въ душѣ своей и совѣсти, а это вознаграждаетъ для нихъ всѣ прискорбія. Къ людямъ добродѣтельнымъ со всею вѣрностію можно отнести то, что замѣтилъ надъ собою св. Павелъ: *яко скорбяще, присно же радующеся* (2 Кор. 6, 10); о людяхъ же грѣшныхъ со всею силою должно сказать противное: всегда, повидимому, радующеся, присно же скорбяще. Аминь.

Слово о томъ, что грѣхъ есть главная и первоначальная причина всѣхъ болѣзней человѣка и его смертности.

Оброцы грѣха смерть (Рим. 6, 23).

Какъ бы много уменьшилось грѣха въ мірѣ, если бы сіи слова Апостола Христова нашли себѣ полную вѣру у каждаго изъ насъ! Ибо чего наиболѣе страшимся мы?—Смерти. При всей привязанности человѣка къ чему-либо, скажите, что въ этомъ самомъ, къ чему онъ такъ привязанъ, заключается его смерть; и онъ тотчасъ оставитъ любимую вещь, постарается удалить ее отъ себя и уничтожить. Посему, если-бъ мы были увѣрены, что въ грѣхѣ смерть, то страхъ смерти обратился бы въ страхъ ко грѣху; и мы, при всей наклонности грѣшить, убѣгали бы грѣха такъ же, какъ убѣгаемъ теперь смерти. Но, къ несчастію нашему, мы не видимъ связи грѣха съ смертію; думаемъ, что можно грѣшить и не умереть, какъ равно надобно умереть когда-либо, хотя бы и не грѣшили. Такой образъ мыслей погубилъ насъ еще въ раю: ибо прародительница наша не прежде рѣшилась простереть руку къ плоду запрещенному, какъ лукавый змій увѣрилъ ее, что отъ вкушенія его смерти не послѣдуетъ: *не смертію умрете!* Сей же образъ мыслей губитъ насъ и теперь. Откуда онъ?—Повидимому—изъ опыта.

Мы не видимъ на опытѣ, чтобы за грѣхомъ слѣдовала

смерть, равно не видимъ, чтобы безъ грѣха не слѣдовало со временемъ смерти же. Грѣшники продолжаютъ жить,—иногда и долго; добродѣтельные, напротивъ, продолжаютъ умирать,—иногда и преждевременно. Послѣ сего лукавая и наклонная ко грѣху природа наша тотчасъ приходитъ къ мысли, что между грѣхомъ и смертію нѣтъ необходимой связи; а если когда и бываетъ, то развѣ слабая и отдаленная. Такимъ образомъ самыя ясныя свидѣтельства Пророковъ и Апостоловъ о томъ, что болѣзни и смерть суть плодъ грѣха, остаются надъ нами безъ всякаго дѣйствія.

Надобно посему сорвать и сію личину съ грѣха и показать его непосредственное сродство съ болѣзнями и смертію, дабы такимъ образомъ страхъ смерти обратился въ спасительный страхъ грѣха, который есть единственный ея первоначальный родитель.

Что мы сдѣлаемъ для сего? Вникнемъ, во-первыхъ, въ то самое, чѣмъ наиболѣе въ семъ случаѣ обольщается бѣдный грѣшникъ, то есть, въ мнимую возможность грѣшить и оставаться въ живыхъ.—Слѣдовательно, говоритъ грѣхъ, меня напрасно обвиняютъ въ смерти; я не убиваю, какъ показываетъ опытъ, никого.—Такъ, будемъ отвѣчать мы, ты, исчадіе діавола, не убиваешь, повидимому, никого, потому что ты уже давно убилъ на самомъ дѣлѣ, всѣхъ, такъ что теперь некого болѣе убивать. Въ самомъ дѣлѣ, братіе мои, какими раждаемся мы на свѣтъ? Всѣ раждаемся, какъ учитъ Писаніе, уже умерщвленными грѣхомъ. Ни въ комъ изъ насъ нѣтъ той святой и блаженной жизни, коею наслаждался человѣкъ вначалѣ и какая прилична всѣмъ намъ, яко созданнымъ по образу Бога Всеблагаго и Всеблаженнаго. Жизнь сія потеряна въ раю вмѣстѣ съ невинностію. Настоящая же жизнь наша есть только одинъ жалкій ея остатокъ, есть не столько жизнь, сколько постоянное постепенное умираніе. Если бы намъ дано было хотя на одинъ день пожить оною первобытною блаженною жизнію, коею жили до паденія наши прародители, тогда бы мы увидѣли вполнѣ, можно ли грѣшить и не умереть; ибо со грѣхомъ тотчасъ бы лишились оной жизни и подверглись смерти. Послѣ сего, не большая милость грѣха, что онъ, отнявъ однажды и навсегда у насъ въ раю истинную жизнь, не отъемлетъ теперь у насъ вдругъ всего остатка ея.

Впрочемъ, откуда и сія милость? Отъ природной ли снисходительности грѣха къ своей жертвѣ? Нисколько, а отъ того, что губительная сила грѣха обуздана теперь невидимыми узами милосердія божественнаго. Если бы грѣху попущено было, слѣдуя своей природѣ, обнаруживать надъ человѣкомъ всю смертоносную силу свою: то грѣшникъ и, теперь вдругъ поражался бы за каждый грѣхъ, какъ громомъ, смертію. Но въ такомъ случаѣ не было бы мѣста покаянію; грѣшникъ погибалъ бы безвозвратно, какъ погибли духи падшіе, убитые грѣхомъ вдругъ на всю вѣчность.— Посему милосердіе Божіе, нашедъ въ безднахъ премудрости своей средство искупить родъ человѣческій отъ грѣховъ, и, слѣд. смерти, изобрѣло вмѣстѣ съ симъ способъ, не отнимая у грѣха смертоносной силы, пріостановить ея дѣйствіе, разсрочить, такъ сказать, принадлежащій грѣху оброкъ смерти, дабы мы, платя его не вдругъ и наученные тяжестію сего оброка, обратились всѣмъ существомъ своимъ къ добродѣтели и жизни вѣчной, изъ нея естественно проистекающей, а между тѣмъ, пользуясь остаткомъ жизни, имѣли время показать искренность своего обращенія и исцѣлиться, благодатію Божіею, отъ язвъ грѣховныхъ.

По силѣ сего-то премилосерднаго Промысла о насъ, праотцы наши и по паденіи своемъ жили внѣ рая остаткомъ райской жизни еще нѣсколько сотъ лѣтъ, хотя истинную первобытную жизнь потеряли тотчасъ по вкушеніи отъ плода запрещеннаго, какъ то показываетъ ощущеніе ими недовѣдомой прежде того наготы, страхъ отъ присутствія Божія и покушеніе сокрыться въ тѣни древъ райскихъ. Подобно сему и мы, потомки ихъ, не смотря на увеличеніе, съ продолженіемъ времени, грѣховъ въ родѣ человѣческомъ и происходящее оттуда увеличеніе владычества смерти, продолжаемъ жить остаткомъ той же первобытной жизни еще по нѣскольку десятковъ лѣтъ. Это не грѣха снисхожденіе, а слѣдствіе милосердія Божія. Посему вмѣсто того, чтобы обольщаться сею мнимою снисходительностію и безсиліемъ грѣха убивать насъ, мы должны дорожить каждою минутою отсрочки и стараться врачевать себя отъ яда грѣховнаго, пока онъ не содѣлался неисцѣльнымъ.

Ибо, посмотрите, какъ грѣхъ и теперь самъ по себѣ, гдѣ можно, сразу добиваетъ безжалостно въ человѣкѣ весь

остатокъ жизни временной. Такъ, напр., не умираютъ ли и нынѣ въ одну минуту отъ сильнаго гнѣва? Даже нѣкоторыя невинныя чувства, коль скоро выходятъ за предѣлы и, слѣд., принимаютъ видъ и свойства грѣха, дѣлаются смертоносными, напр., чрезмѣрная радость и смѣхъ! Здѣсь опять смерть и грѣхъ вмѣстѣ,—и какой грѣхъ? можно сказать, только тѣнь его, но и та убиваетъ.

Случаевъ столь разительныхъ не много; но будемъ ли жалѣть, что ихъ не много? Ибо, что было бы съ нами, если бы ихъ было много? Это—дѣйствіе, какъ замѣтили мы, милосердія Божія, оставляющаго мѣсто покаянію для грѣшника. Впрочемъ, если другіе грѣхи и не умерщвляютъ насъ каждый разъ, подобно гнѣву, до смерти, то всегда отъемлютъ часть нашей жизни, такъ что если бы при концѣ ея свести вѣрный и точный счетъ, то оказалось бы, что вся она разобрана по частямъ грѣхами и страстями: то погибло отъ любострастія, другое отъ зависти, иное отъ высокомѣрія, это отъ скупости и т. д.

Въ семъ отношеніи опять при всей тьмѣ и безпорядкѣ, производимыхъ грѣхами въ существѣ нашемъ, видны неизгладимые слѣды премудраго и милосерднаго распоряженія о насъ, клонящагося всецѣло къ нашему вразумленію. Ибо присмотритесь къ жизни человѣческой пристальнѣе, и вы увидите, что въ слѣдъ за нѣкоторыми грѣхами пущены прямо, со всею силою, болѣзни, имъ свойственныя, дабы страхъ недуга и страданій умѣрялъ, если не истреблялъ, наклонность къ симъ грѣхамъ; а отъ нѣкоторыхъ грѣховъ болѣзни и разрушеніе тѣлесное отдалены на значительное разстояніе, дабы не связать совершенно нашей свободы и не отнять чрезъ то всей цѣны у нашей добродѣтели. И съ какими грѣхами пущены объ руку болѣзни? Съ тѣми именно, къ коимъ особенно наклонна чувственная природа наша,—съ грѣхами сладострастія и похоти.—Кто не содрогнется, смотря на ужасное извращеніе благолѣпія тѣлеснаго, производимаго сими грѣхами! Кто не возблагоговѣетъ въ семъ случаѣ предъ тайнымъ и вмѣстѣ очевиднымъ распоряженіемъ правосудія небеснаго!

Впрочемъ, и всѣ другіе грѣхи, какъ ни удалены отъ чувственности, никогда не теряютъ своего природнаго свойства—губить здоровье и сокращать жизнь человѣка. Что

невещественнѣе зависти? Страсть сія вся состоитъ изъ внутренней душевной скорби о благѣ ближняго. Но поелику сія скорбь есть грѣхъ, то посмотрите, что она дѣлаетъ изъ человѣка завистливаго? Свинцоваго истукана! Эта блѣдность всего лица, эта сокращенность всѣхъ чертъ его, этотъ могильный оттѣнокъ очей и устъ, что̀ другое показываетъ, какъ не то, что сія страсть превращаетъ весь порядокъ силъ тѣлесныхъ, что кровь устремлена противоестественно отъ окружности къ средоточію, что она скопилась у сердца и давитъ его, какъ камень гробовый. Возьмемъ другой порокъ—уныніе. Что, повидимому, чище его и невиннѣе? Унылый никого не обижаетъ; но поелику это порокъ, — состояніе неестественное природѣ человѣческой, то въ то же время, какъ уныніе овладѣваетъ душею, весь тѣлесный составъ человѣка подвергается страданію. Унылый видимо сохнетъ, таетъ, теряетъ ко всему охоту и способность и клонится ко гробу. Такъ грѣхъ на всѣхъ ступеняхъ своихъ ведетъ за собою неминуемо слабость силъ, болѣзни и смерть!

Къ усиленію сихъ опытныхъ и общепонятныхъ замѣчаній и истинъ, мы могли бы привести изъ лѣтописей науки врачебной множество случаевъ, подтверждающихъ то же самое. и еще большее; могли бы показать, какъ скопище болѣзней вообще направляется не только въ слѣдъ, но и по виду полчища пороковъ (почему и самая наука врачеванія тѣлеснаго не только въ общемъ основаніи, но и въ частныхъ чертахъ сходится съ наукою врачеванія духовнаго); могли бы выставить на видъ, какъ не только каждое отдѣленіе грѣховъ, но и каждый грѣхъ имѣетъ собственную, ему принадлежащую, болѣзнь; какъ страсти и пороки внѣдряютъ недуги на цѣлые вѣки въ цѣлыя фамиліи; какъ въ цѣлыхъ народахъ народные пороки и болѣзни нравственныя образуютъ народные недуги, имъ соотвѣтствующіе; какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ господствующая страсть извѣстнымъ частямъ тѣла сообщаетъ даже свой видъ; напримѣръ, отъ сильнаго сребролюбія самое сердце сребролюбца принимаетъ видъ, похожій на металлъ. Но подобныя разсужденія заставили бы насъ выйти изъ предѣловъ простаго пастырскаго собесѣдованія. Предоставимъ сей полезный трудъ любителямъ науки, которая никогда не до-

стигнетъ такъ близко своей цѣли и не окажетъ такой услуги человѣчеству, какъ обративъ познанія и открытія свои на вразумленіе человѣка въ ядотворность для него грѣха и въ благотворность вліянія на все существо его—добродѣтели.

Обратимся къ рѣшенію другаго сомнѣнія. Мы видѣли, почему не умираютъ тотчасъ, какъ бы слѣдовало, грѣшники:—потому что мы всѣ уже умерли еще въ раю для первобытной истинной человѣческой жизни; потому что милосердіе Божіе особеннымъ распоряженіемъ защитило въ насъ нѣкій остатокъ сей жизни, дабы дать всѣмъ намъ мѣсто и время для покаянія. Посмотримъ теперь, почему умираютъ и праведники, тогда какъ имъ надлежало бы вовсе, повидимому, быть свободными отъ смерти, коль скоро она есть плодъ грѣха. Ибо и это—смерть праведниковъ также можетъ смущать и вселять мысль, яко бы смерть не отъ грѣха, а есть природный удѣлъ тѣла человѣческаго.

Не поступимъ несправедливо, еѣли скажемъ, что и въ праведникахъ смерть есть слѣдствіе грѣха. Ибо гдѣ найти праведника совершенно безгрѣшнаго?—Таковъ былъ только одинъ Праведникъ въ родѣ человѣческомъ, Тотъ, Который совершенно умертвилъ смерть Своею смертію, Господь и Спаситель нашъ, Іисусъ Христосъ. Всѣ прочіе праведники, какъ бы ни были совершенны, причастны грѣху, а потому и смерти, какъ слѣдствію грѣха. Такъ заставляютъ мыслить и говорить насъ самые праведники: ибо всѣ они признавали себя людьми грѣшными. А, впрочемъ, если бы и нашелся на землѣ, между людьми, праведникъ совершенный, то наградою ли бы для него было теперь не подлежать смерти? Напротивъ, свобода отъ смерти тѣлесной была бы наградою тогда, если бы праведники жили на землѣ тою совершенною жизнію, которою жилъ первый человѣкъ въ раю; потеря такой жизни точно составила бы лишеніе и наказаніе. Но теперь и праведники, вслѣдствіе первобытнаго ниспаденія рода человѣческаго въ бездну грѣха и тлѣнія, не имѣютъ жизни Эдемской, живутъ, по отношенію къ тѣлесному бытію, подобно всѣмъ прочимъ людямъ, только единымъ остаткомъ сей жизни. Остаться навсегда въ семъ положеніи было бы не наградою, а наказаніемъ. Посему въ праведникахъ надобно дивиться не тому, что они умираютъ наконецъ подобно

всѣмъ людямъ, а болѣе тому, что они не умираютъ скорѣе другихъ. Ибо чрезъ смерть они разрѣшаются навсегда отъ узъ бренности тѣлесной, которая имъ, яко воскресшимъ уже въ духѣ, яко начавшимъ жить новою небесною жизнію, не прилична. Что, говоря такимъ образомъ, мы утверждаемъ самую сущую истину, доказательствомъ тому чувства, слова и поступки людей праведныхъ. Посмотрите, напримѣръ, чего наиболѣе желаетъ Апостолъ Павелъ? Онъ желаетъ *разрѣшитися*, то есть быть освобожденнымъ отъ узъ плоти, и со *Христомъ быти* (Филип. 1, 23). Почему желаетъ сего? Потому, какъ говоритъ онъ, что это гораздо лучше для него, нежели оставаться на землѣ. Почему же не разрѣшается и продолжаетъ оставаться въ живыхъ? Потому только, что это нужнѣе и полезнѣе для учениковъ его, для Церкви Христовой. Значитъ, если онъ продолжалъ жить, то это было для него не благомъ какимъ-либо, а лишеніемъ, не наградою, а подвигомъ и жертвою для спасенія своихъ ближнихъ.

Съ какой стороны такимъ образомъ ни смотрѣть на смерть, она во всѣхъ отношеніяхъ оказывается слѣдствіемъ грѣха. Перестанемъ же, возлюбленные, обольщаться грѣхомъ. Мы всѣ крайне боимся смерти; начнемъ лучше бояться грѣха; ибо что въ смерти есть страшнаго, все это отъ грѣха. Безъ грѣха—смерть вожделѣнна; ибо она уничтожаетъ всѣ слѣдствія нашихъ душевныхъ нечистотъ и возвращаетъ намъ жизнь первобытную. Когда древній человѣкоубійца начнетъ обольщать насъ (ибо онъ и теперь продолжаетъ дѣлать то же, что дѣлалъ въ раю) и говоритъ: *не смертію умрете*,—скажемъ ему такъ: что пользы, что теперь мы, послѣ нашего новаго паденія, не лишимся остатка этой бѣдной жизни тѣлесной, когда, по злобѣ и лукавству твоему, мы лишились навсегда блаженной жизни Эдемской? Если теперь не умремъ до времени, то это не твоя милость (ты убилъ бы насъ и теперь, какъ погубилъ нашихъ прародителей), а слѣдствіе милосердія божественнаго, драгоцѣнный плодъ искупленія насъ отъ грѣха и смерти крестомъ Спасителя нашего. Довольно для тебя, человѣкоубійца, что ты лишилъ всѣхъ насъ, чрезъ грѣхъ и преслушаніе, жизни Эдемской: остатокъ настоящей жизни мы употребимъ на то, на что онъ данъ намъ милосердіемъ Господа нашего, на очищеніе и уврачеваніе себя чрезъ покаяніе и вѣру отъ всѣхъ грѣховъ, на пораже-

ніе всѣхъ страстей и соблазновъ, на всеконечное удаленіе, себя не только отъ дѣлъ, но и отъ помысловъ неправыхъ, на сокрушеніе, благодатію Божіею, самой главы твоей зміиной. Аминь.

Слово о томъ, что грѣхъ неминуемо подвергаетъ человѣка мучительному владычеству діавола.

Творяй грѣхъ отъ діавола есть яко исперва діаволъ согрѣшаетъ (1 Іоан. 3, 8).

Быть отъ діавола, состоять въ тѣсной связи съ нимъ, врагомъ Бога и человѣковъ, подлежать его адскому вліянію,— это такое злополучное состояніе, о коемъ нельзя и помыслить безъ трепета.—Но грѣшникъ, какъ учитъ слово Божіе, неминуемо находится въ семъ злополучномъ состояніи: *творяй грѣхъ отъ діавола есть!*—Почему такъ? Потому, отвѣтствуетъ Апостолъ, *яко исперва діаволъ согрѣшаетъ,* то есть, потому, что первоначальный источникъ всякаго грѣха въ мірѣ, какъ мы видѣли въ прежнихъ собесѣдованіяхъ нашихъ, находится въ діаволѣ: онъ первый отступилъ отъ закона и воли Божіей и внесъ грѣхъ во вселенную; онъ перелилъ изъ себя ядъ грѣха въ душу неосторожныхъ прародителей нашихъ и, въ лицѣ ихъ, заразилъ беззаконіемъ весь родъ человѣческій; онъ же и теперь употребляетъ всѣ средства къ тому, чтобы сей ядъ грѣха, уничтожаемый благодатію искупленія, оставался во всей силѣ въ душѣ каждаго человѣка и производилъ надъ нимъ все пагубное дѣйствіе свое. Какъ всякое добро отъ Бога и есть собственность Божія, такъ что когда обращаешься къ добру, вмѣстѣ съ тѣмъ обращаешься къ Богу, его Источнику и Владыкѣ: такъ всякое зло и грѣхъ отъ діавола, и составляетъ его несчастную собственность, такъ что, обращаясь къ грѣху, вмѣстѣ съ тѣмъ обращаемся всѣмъ существомъ своимъ къ самому источнику грѣха—діволу и подпадаемъ его темному вліянію. *Творяй грѣхъ отъ діавола есть: яко исперва діаволъ согрѣшаетъ.*

Во-вторыхъ, грѣхъ предаетъ человѣка во власть діавола тѣмъ, что настраиваетъ существо его діавольски. Какъ человѣкъ добродѣтельный посредствомъ благой жизни воспріемлетъ на себя всѣ черты образа Божія, содѣлывается бого-

подобнымъ, вслѣдствіе сего привлекаетъ къ себѣ благодать Божію и становится обителію Духа Святаго: такъ грѣшникъ нераскаянный, посредствомъ нечистой жизни и злыхъ нравовъ, пріемлетъ на себя образъ діавольскій, становится подобнымъ ему въ ненависти къ истинѣ и добродѣтели, привлекаетъ къ себѣ нечистыми похотями злыхъ духовъ и обращается въ жилище для нихъ.

Велика ли зависимость бѣднаго грѣшника отъ діавола? Судите сами по тѣмъ выраженіямъ, кои употребляетъ для означенія сей зависимости слово Божіе. И во-первыхъ, оно называетъ грѣшника сыномъ діавола въ смыслѣ подобномъ тому, какъ праведникъ называется сыномъ Божіимъ. *Вы*, говоритъ Самъ Спаситель нераскаяннымъ іудеямъ, *вы отца вашего діавола есте и похоти отца вашего хощете творити* (Іоан. 8, 44). Можетъ ли быть глубже и существеннѣе связи сына съ отцемъ? Такова же и связь грѣшника съ діаволомъ Сынъ получаетъ отъ отца самое бытіе свое: и грѣшникъ обязанъ, какъ грѣшникъ, грѣховнымъ бытіемъ своимъ діаволу. Отъ отца большею частію переходятъ на сына всѣ природныя качества: и грѣшнику сообщаются постепенно всѣ качества злаго духа. Отъ отцевъ дѣти получаютъ воспитаніе: и духъ тьмы не дремлетъ въ усовершеніи грѣшниковъ на всякое зло. Но многіе изъ отцевъ земныхъ не умѣютъ удержать дѣтей своихъ въ должной зависимости; а отецъ тьмы во всей силѣ знаетъ, какъ воспитывать чадъ своихъ, чтобы они во всемъ походили на него и никогда не выступали изъ богопротивной его воли.

Далѣе, св. Апостолъ Павелъ называетъ грѣшника *живо уловленнымъ отъ діавола въ свою его волю,* и заповѣдуетъ вѣрующимъ молить о таковомъ, *еда како дастъ ему Богъ покаяніе въ разумъ истины, и возникнетъ отъ діавольскія сѣти* (2 Тим. 2, 25—26). Опять сравненіе весьма сильное: ибо каково птицѣ, попавшейся въ сѣть? Она вся въ рукахъ ловца: такъ и грѣшникъ находится во власти діавола. Но птица, попавшись въ сѣть, видитъ обыкновенно свою бѣду, начинаетъ тотчасъ биться и силится прорвать сѣть; а бѣдный грѣшникъ рѣдко примѣчаетъ свой несчастный плѣнъ, радуется сѣти соблазна, которою пойманъ; даже, когда она сама прорывается, то старается укрѣпить ее и снова самъ налагаетъ на себя.

Еще Самъ Спаситель, при одномъ случаѣ, замѣтилъ іудеямъ, что грѣшникъ по причинѣ нераскаянности своей, до того подвергается вліянію злаго духа, что сей послѣдній обитаетъ въ немъ, какъ въ своемъ домѣ; и не только самъ обитаетъ, но и приводитъ за собою для обитанія иныхъ лютѣйшихъ духовъ (Матѳ. 12, 43—45). Теперь представьте, чего не можетъ сдѣлать хозяинъ съ своимъ домомъ? Все, что угодно: хочетъ—передѣлаетъ, хочетъ—разломаетъ, хочетъ—сожжетъ; такъ поступаетъ и діаволъ съ душею грѣшною, съ ея мыслями, чувствами и дѣйствіями, поколику попущаетъ ему то сила Божія, его связующая.

Довольно и сихъ трехъ свидѣтельствъ, чтобы видѣть и понять, въ какой ужасной зависимости отъ діавола находится душа грѣшная.

Почему же,—вопросятъ при семъ,—грѣшникъ, находясь въ такомъ ужасномъ плѣну, не чувствуетъ своего несчастія: ибо если-бъ чувствовалъ, то не замедлилъ бы освободиться отъ него, имѣя на то всю возможность?—Но, братіе мои, какъ бы бѣдный грѣшникъ чувствовалъ этотъ плѣнъ, когда не можетъ? И какъ бы онъ могъ, когда собственная душа его настроена грѣхомъ по-діавольски? Чтобы чувствовать присутствіе въ себѣ духа тьмы, надобно самому быть свѣтлымъ; а грѣшникъ—самъ тьма. На чистомъ бѣломъ платьѣ и малое пятно тотчасъ примѣтно; а платье черное не даетъ замѣтить на себѣ самыхъ большихъ пятенъ. Въ душѣ свѣтлой и чистой одна какая-либо мысль, вброшенная отъ діавола, тотчасъ производитъ смущеніе, тяжесть и боль сердечную; а въ душѣ грѣшника—темной и осквернённой—и самое присутствіе его не примѣтно. Такой непримѣтности помогаетъ самъ духъ злобы всѣми силами: ибо что ему за выгода быть примѣтнымъ?—давать ощущать себя прямо? Это значило бы заставить бѣжать отъ себя. И вотъ онъ, тирански властвуя надъ грѣшникомъ, въ то же время старается держать его въ томъ обольщеніи, яко бы онъ дѣйствуетъ самъ по себѣ и во всемъ совершенно свободенъ. Для большаго успѣха въ семъ, духъ злобы нерѣдко внушаетъ грѣшнику невѣріе въ самое бытіе злыхъ духовъ; заставляетъ отрицать свидѣтельства о томъ самаго слова Божія, смѣяться надъ тѣми, кои утверждаютъ противное. Это—одна изъ самыхъ любимыхъ козней духа злобы, которую онъ съ чрезвычайнымъ успѣхомъ употреб-

ляетъ особенно въ наши времена, наклонныя къ сомнѣніямъ и невѣрію. Мало сего: врагъ Бога и человѣковъ, для упроченія своего владычества надъ бѣднымъ грѣшникомъ, по свидѣтельству Апостола, рѣшается иногда на самое отважное средство, а именно забываетъ какъ бы свою злую природу, пріемлетъ на себя видъ *Ангела свѣтла* (2 Кор. 11, 14), внушая самыя благія, повидимому, мысли, понуждая къ совершенію нѣкоторыхъ добрыхъ дѣлъ, вводя въ разумѣніе различныхъ истинъ и таинъ, и все это для того, чтобы, усыпивъ человѣка лжеупованіемъ на свою мнимую доброту, спасти въ немъ для себя какую-либо господствующую страсть, которая одна въ состояніи погубить грѣшника.

Какъ однакоже ни старается духъ злобы сокрыть присутствіе свое въ человѣкѣ грѣшникѣ, не можетъ достигнуть сего всегда и вполнѣ, ибо завѣса природы человѣческой, при всей грубости и земляности плоти, въ самомъ очерненномъ ея видѣ—все еще слишкомъ прозрачна для тьмы адской. Сила зла, обыкновенно кроющаяся въ глубинѣ души, такъ иногда быстро выступаетъ наружу въ грѣшникѣ; образъ діавола такъ рѣзко проглядываетъ изъ-подъ благовидной личины, которую обыкновенно стараются носить міролюбцы, что всѣ, смотря на такого человѣка, не знаютъ, что думать о немъ; самые ближніе и родственники готовы бѣжать отъ него и съ ужасомъ говорятъ: въ немъ злой духъ! это не человѣкъ, а діаволъ!—Самъ несчастный грѣшникъ, не смотря на привычку ко всему злому и діавольскому, по временамъ чувствуетъ, что онъ находится какъ бы въ безднѣ и въ какихъ-то цѣпяхъ, что внутрь его есть еще кто-то стократъ злѣе и чернѣе его, что онъ состоитъ подъ вліяніемъ невидимой и богопротивной силы. Отсюда тяжкіе и ужасающіе вздохи и выраженія у грѣшниковъ: я человѣкъ погибшій!—Меня влечетъ на грѣхъ нечистая сила!—За мною ходитъ злой духъ!—Лучше бы мнѣ не родиться!

Чѣмъ обыкновенно обнаруживается власть діавола надъ грѣшникомъ? Тѣмъ, что онъ постепенно погашаетъ и задушаетъ въ немъ все доброе, начиная отъ первыхъ понятій ума о Богѣ и законѣ, до послѣднихъ угрызеній совѣсти; тѣмъ, что онъ постепенно переливаетъ изъ себя въ грѣшника все злое и богопротивное, начиная съ нечистыхъ мыслей и желаній до самыхъ ужасныхъ преступленій. Переходя отъ

одного грѣха къ другому. изъ разврата въ развратъ, отъ нечувствія и ожесточенія къ большему нечувствію и окаменѣнію, грѣшникъ, наконецъ, созрѣваетъ въ злѣ до того, что чувствуетъ прямое и постоянное отвращеніе ко всякому добру, явно презираетъ все святое, глумится безумно надъ собственною душею и совѣстію, готовъ на открытую брань съ Самимъ Творцомъ. Далѣе не можетъ вести человѣка самъ діаволъ!

Не трудно провидѣть, какой долженъ быть конецъ сего ужаснаго союза грѣшника съ духомъ тьмы:—большею частію смерть преждевременная, нерѣдко самоубійство. Ибо какъ ни пріятно духу злобы продолжать господствовать надъ грѣшникомъ въ сей жизни, какъ ни выгодно ему усовершать своего плѣнника болѣе и болѣе во злѣ и распространять чрезъ него на другихъ соблазнъ и ядъ грѣха, но всѣ радости о семъ возмущаются опасеніемъ, что грѣшникъ, доколѣ живъ, чрезъ покаяніе, при помощи всемогущей благодати Божіей, можетъ разорвать всѣ узы страстей, уврачевать Кровію Искупителя всѣ язвы души своей, обратиться къ закону и долгу, и такимъ образомъ ускользнуть навсегда изъ челюстей ада. Посему врагъ спасенія изыскиваетъ всѣ способы сократить путь къ аду для грѣшника и пресѣчь какъ можно скорѣе его жизнь, къ чему грѣшникъ однимъ невоздержаніемъ представляетъ ему множество случаевъ. Верхъ торжества діавольскаго бываетъ, когда искуситель расположитъ самого грѣшника поднять на себя руки, и такимъ образомъ прямо предать себя аду. Для достиженія сего духъ тьмы, какъ показываетъ опытъ, рѣшается даже на несвойственныя, повидимому, для него мѣры, пробуждаетъ въ грѣшникѣ давно уснувшую совѣсть, заставляетъ ее вопіять и терзать его душу, помогаетъ ей представлять всю неумытность суда Божія, всю неизвинительность содѣянныхъ грѣховъ, всю невозможность истиннаго обращенія и помилованія, дабы чрезъ все это, повергнувъ грѣшника въ конечное отчаяніе, отважить его на самовольное прекращеніе своего земнаго бытія. Такъ именно поступилъ діаволъ съ злополучнымъ предателемъ Христовымъ!

Знаемъ, братіе мои, что говоря предъ вами такимъ образомъ, мы заранѣе подвергаемъ себя нареканію отъ стихійной мудрости.—Но что намъ, и сей мудрости?—Погибавшій

во грѣхѣ міръ спасенъ не мудростію человѣческою, а буйствомъ проповѣди крестной, которая впрочемъ только для *погибающихъ юродство есть, спасаемымъ же сила Божія* (1 Кор. 1, 18). Если бы впрочемъ сія мудрость, хотя на время, престала быть стихійною, и взошла сама, хотя изъ любопытства, на свойственную духу человѣческому высоту зрѣнія, то можетъ быть, сама увидѣла бы живыхъ дѣятелей тамъ, гдѣ теперь находятъ одну мертвую плоть. И говоря прямо, кому бы, какъ не сей лжеименной мудрости, надлежало вѣдать со всею точностію происхожденіе изъ ада всего зла, подъ тяжестію коего стенаетъ родъ человѣческій? Ибо Св. Писаніе ее самую, безъ сомнѣнія, по ея происхожденію и свойствамъ, называетъ *бѣсовскою* (Іак. 3, 15). Что мѣшаетъ совопросникамъ вѣка сего, вѣрующимъ токмо въ одни свои чувства, явиться для наблюденія къ подножію нетлѣнныхъ тѣлесъ св. Угодниковъ Божіихъ? Тамъ собственными очами увидѣли бы они, какъ силы ада, срѣтившись лицемъ къ лицу съ силами неба, не могутъ вынести присутствія послѣднихъ и обнаруживаютъ себя самымъ очевиднымъ и жалкимъ образомъ; какъ признаются въ своей злой природѣ, въ своей нечистотѣ и винѣ, подобно мучимымъ преступникамъ; какъ смиренно обѣщаются сдѣлать то, чего требуютъ отъ нихъ во имя Распятаго, и какъ, гонимые силою креста, убѣгаютъ и исчезаютъ безвозвратно. Если бы сей опытъ показался почему-либо неудобоисполнимымъ, пусть обратятся отъ служителей алтаря хотя къ служителямъ нашего здравія тѣлеснаго:—и тѣ изъ нихъ, кои не дѣлали изъ своей почтенной науки бездушнаго ремесла, кои не проходили безъ вниманія поучительныхъ явленій въ природѣ человѣческой, среди ея болѣзненныхъ состояній, скажутъ необинуясь, что въ ряду болѣзней человѣческихъ есть ужасный видъ недуговъ тѣлеснодуховныхъ, кои ничѣмъ нельзя изъяснить удовлетворительно, кромѣ присутствія въ человѣкѣ злаго духа.

А мы, братіе мои, изъ всего сказаннаго нами извлечемъ, въ простотѣ вѣры, спасительный урокъ—хранить себя благодатію Божіею отъ грѣха между прочимъ и потому, что онъ неминуемо предаетъ человѣка во владычество діавола, который, по слову Писанія, *яко левъ рыкая ходитъ, искій кого поглотити* (1 Петр. 5, 8). Ибо если худо быть въ устахъ льва, то стократъ хуже быть въ устахъ діавола,—отъ чего

да сохранитъ насъ всѣхъ Господь Своею всемощною благодатію! Аминь.

Слово о лютой кончинѣ, ожидающей грѣшника.

Смерть грѣшниковъ люта (Псал. 33, 22).

Коль скоро неизбѣжно для каждаго человѣка—оставить этотъ міръ и перейти въ другой высшій, то для каждаго должно быть крайне желательно, чтобы сей переходъ въ другой міръ, называемый смертію, совершился какъ можно мирнѣе и безболѣзненнѣе. Тихая и непостыдная кончина есть такое благо. для достиженія коего можно отказаться отъ многихъ удовольствій въ жизни уже потому, что это будетъ благо послѣднее въ жизни,—въ тѣ минуты, когда всего нужнѣе миръ и отрада. Но тотъ, кто работаетъ грѣху и служитъ страстямъ, долженъ знать заранѣе, что если онъ не исправится, то сіе благо для него потеряно; что подъ конецъ жизни, при разлукѣ души съ тѣломъ, его ожидаетъ не покой и услажденіе, а скорбь и мука. *Смерть грѣшниковъ люта*, говоритъ слово Божіе.

Отъ чего зависитъ это? Не удивительно, если и отъ особеннаго предраспоряженія правды Божіей, которая, предоставивъ грѣшнику полную свободу—ходить въ продолженіе жизни по стропотнымъ путямъ нечестія и соблазна, беретъ въ свое непосредственное завѣдываніе конецъ ея и, по всемогуществу своему, всегда устрояетъ его такъ, что за жизнію нечистою и беззаконною слѣдуетъ лютая и мучительная кончина. Ибо ужели къ дѣйствію Провидѣнія божественнаго не отнести непосредственнаго управленія и тѣми событіями нашей жизни, кои не зависятъ отъ нашего произвола, каковы суть начало и конецъ жизни? Съ другой стороны, кто не согласится съ древнимъ мудрецомъ, *что удобно есть предъ Богомъ въ день смерти воздати человѣку по дѣламъ его* (Сир. 11, 26)?

Впрочемъ, братіе мои, жизнь, проводимая во грѣхѣ и нечестіи, по самому существу своему такова, что за нею, какъ удары молніи и грома за тучею, не можетъ не слѣдовать кончина лютая и болѣзненная. Почему? Потому, во-первыхъ, что невоздержаніе и необузданность нрава и привычекъ въ людяхъ, волнуемыхъ страстями, по самому обыкновенному

порядку вещей, весьма часто подвергаютъ ихъ опасностямъ и бѣдственнымъ приключеніямъ, вслѣдствіе коихъ они или умираютъ преждевременно наглымъ и ужаснымъ образомъ, или, лишенные силъ и здоровья, приковываются надолго къ одру болѣзней и сходятъ во гробъ послѣ продолжительныхъ и тяжкихъ страданій. Въ семъ отношеніи, порокъ и развратъ свирѣпѣе самой войны, такъ что никакое орудіе непріятельское не можетъ сравниться съ ихъ ядовитымъ жаломъ.

При недостаткѣ подобныхъ смертоносныхъ приключеній, порокъ предуготовляетъ грѣшнику подъ конецъ жизни горькую чашу страданій тѣмъ, что заранѣе растроиваетъ его тѣло и содѣлываетъ его сѣдалищемъ болѣзней мучительныхъ. Спросите, если угодно, о семъ врачей, и они представятъ вамъ на сіе множество разительныхъ примѣровъ. Вообще предсмертные недуги людей добродѣтельныхъ и порочныхъ имѣютъ весьма различный характеръ: въ первыхъ они подобны сильнымъ, но попутнымъ вѣтрамъ, при коихъ душа умирающая, расправивъ вѣтрила, быстро, но безъ шума и потрясеній, уносится изъ пристани; а въ послѣднихъ, то есть грѣшникахъ, предсмертныя болѣзни являются на подобіе осеннихъ бурь, кои все крушатъ, срываютъ насильственно корабль съ якоря и уносятъ въ волнующуюся пучину, на явную погибель.

И съ чего дѣйствительно, какъ не съ опыта взято обыкновеніе—кончину людей праведныхъ называть успеніемъ или преставленіемъ, а о великихъ грѣшникахъ говорить, что они не умираютъ, а извергаютъ душу свою? Тѣ, кои удостоились когда-либо присутствовать при кончинѣ людей праведныхъ, не могли не замѣтить, что они дѣйствительно не умираютъ, а какъ бы засыпаютъ, или отходятъ съ міромъ куда-то отъ насъ. Съ грѣшниками, напротивъ, при кончинѣ ихъ происходитъ подобное тому, что бываетъ съ несчастнымъ младенцемъ, когда онъ отъ какого-либо потрясенія неестественно извергается изъ утробы матерней.

И что удивительнаго, если разлученіе души съ тѣломъ въ томъ и другомъ случаѣ происходитъ столь различнымъ образомъ? Въ человѣкѣ истинно добродѣтельномъ, еще въ продолженіе жизни, можно сказать, уже совершается разлученіе души съ тѣломъ, такъ что чѣмъ болѣе онъ живетъ

на землѣ, тѣмъ болѣе отрѣшается отъ своего тѣла, возносится духомъ въ горняя, приближается къ міру ангельскому, преставляется на небо. Въ такомъ случаѣ для Ангела смерти нѣтъ нужды ни въ какомъ усильномъ дѣйствованіи; иногда довольно одного легкаго, такъ сказать, дуновенія, дабы прервать тонкую нить, сопрягавшую безсмертное съ смертнымъ. Не то въ грѣшникѣ: здѣсь душа безсмертная такъ опутана узами чувственности, небесное такъ перемѣшано съ земнымъ и плотскимъ, что самая смерть не можетъ вдругъ разорвать всѣхъ узъ, отдѣлить безъ замедленія нетлѣнное отъ того, что должно сдѣлаться добычею могилы и тлѣнія. Отсюда страданія и муки въ умирающемъ.

Но сіи страданія тѣла были бы еще не такъ страшны, если бы въ самой душѣ была хотя капля покоя. Мы видимъ на мученикахъ Христовыхъ, какъ самыя ужасныя мученія теряли свою лютость и силу оттого, что мучимые проникнуты были духомъ вѣры, вознесены благодатію превыше земли и своего тѣла. Въ умирающемъ грѣшникѣ, напротивъ, вмѣсто вѣры и упованія, господствуетъ обыкновенно страхъ и отчаяніе. Ибо люди нечестивые большею частію умираютъ, не приготовившись къ смерти, даже вовсе не думавъ прежде о своемъ концѣ: посему бываютъ подобны человѣку, который, идя по льду, вдругъ обрушился въ бездну. Куда не обращается такой человѣкъ, къ чему не простираетъ рукъ, къ кому не вопіетъ о помощи? То же и съ грѣшникомъ; онъ чувствуетъ, наконецъ, что обрушился въ бездну; употребляетъ всѣ средства, чтобы прогнать болѣзнь, отдалить свой конецъ; и когда видитъ, что все остается безъ успѣха, то поражается ужасомъ, предается малодушію и отчаянію.

И какъ не ужасаться и не трепетать! Посмотритъ ли умирающій грѣшникъ вспять на свою жизнь,—встрѣчаетъ необозримый рядъ преступленій, изъ коихъ одно отвратительнѣе другаго. Обратитъ ли взоръ на окружающее и настоящее,—видитъ, что все теперь и навсегда оставляетъ его, что предъ нимъ одинъ гробъ и могила. Простретъ ли мысль впередъ,—тамъ еще мрачнѣе и ужаснѣе. Надобно идти въ страну недовѣдомую, гдѣ живетъ одна истина и правда, коихъ въ немъ нѣтъ. Надобно явиться предъ Судію, Который облеченъ всевѣдѣніемъ и всемогуществомъ. Прежде сіи мысли, если когда приходили, то не оказывали

дѣйствія, были тотчасъ прогоняемы разсѣяніемъ, подавляемы забавами, обращались даже въ предметъ глумленія безумнаго. Теперь не то—на прагѣ жизни нельзя не видѣть всей пустоты и ничтожности благъ земныхъ и удовольствій плотскихъ; на прагѣ вѣчности не возможно не предчувствовать суда и воздаянія, коими угрожаютъ вѣра и совѣсть. И у грѣшника, какъ у прародителей въ раю, открываются предъ смертію очи, но что видятъ? Ангела смерти надъ главою своею, видятъ вѣчность съ ея непреложнымъ мздовоздаяніемъ, видятъ невозможность ни остановить суда надъ собою, ни избѣгнуть его. Такое соединеніе страданій тѣлесныхъ съ душевными рѣдко не повергаетъ умирающаго грѣшника въ совершенное отчаяніе.

Благость Божія спасительная, не оставляющая человѣка до самыхъ послѣднихъ предѣловъ его бытія земнаго, готова и въ семъ случаѣ посѣтить грѣшника, и большею частію является у одра его съ знаменіемъ искупленія, и съ чашею завѣта. Но, увы, сіе утѣшительное явленіе рѣдко успокоиваетъ, а большею частію смущаетъ и пугаетъ грѣшника среди его предсмертныхъ страданій. Почему? Потому что душа, окаменѣвшая въ злѣ, неспособна бываетъ воспринимать въ себя каплей елея духовнаго. Въ самомъ дѣлѣ, много ли людей, кои, проведши всю жизнь въ грѣхахъ, могли бы въ послѣднія минуты вдругъ обратиться совершенно и раскрыть всю душу и сердце свое для благодати покаянія, подобно покаявшемуся на крестѣ разбойнику? Ахъ, многіе и на одрѣ смертномъ остаются подобными другому разбойнику, который и на крестѣ продолжалъ свое ожесточеніе грѣховное. Посему святыя и утѣшительныя таинства Церкви, если и совершаются надъ умирающими міролюбцами, то большею частію не доставляютъ имъ ни отрады, ни успокоенія душевнаго.

Чтобы имѣть, сколько возможно, полное понятіе о лютой кончинѣ, ожидающей грѣшника, не забудемъ, братіе мои, и тѣхъ ужасныхъ видѣній, коими окруженъ бываетъ иногда ихъ одръ смертный. Если бы кто захотѣлъ приписать ихъ и одному воображенію, то и въ такомъ случаѣ сіи видѣнія не потеряютъ своего ужаса и мучительности для умирающаго, а явно останутся слѣдствіемъ нечистой жизни и совѣсти, равно какъ и наказаніемъ за нихъ. Но

кто въ состояніи отвергнуть и дѣйствительность сихъ адскихъ страшилищъ? Что удивительнаго, если предъ кончиною, когда завѣса, сокрывающая міръ невидимый, приподнимается уже рукою смерти, грѣшникъ видитъ то, что незримо для всѣхъ прочихъ, окружающихъ одръ его?—И что предстанетъ въ сіи минуты грѣшнику изъ міра духовнаго, кромѣ духовъ злобы, коимъ подражалъ онъ своею злобою и лукавствомъ, съ коими давно вошелъ въ невидимое, но тѣмъ не менѣе тѣсное содружество своею нечистотою, и кои теперь уже видимо являются для принятія земнаго клеврета своего во всегдашнее сообщество свое,—во тьму кромѣшнюю?—Если душа Лазаря, по свидѣтельству слова Божія, была несома на лоно Авраама Ангелами, то и душѣ грѣшной при исходѣ изъ міра сего, подобаетъ имѣть сопровожденіе, ею заслуженное.

Не устрашать, яко дѣтей, хотимъ мы васъ, братіе, сими напоминаніями, а остановить вниманіе ваше на предметѣ, достойномъ размышленія. Страшенъ часъ разлуки души съ тѣломъ! Грозны послѣднія минуты жизни! Посему св. Церковь въ каждомъ молитвословіи заставляетъ насъ умолять Владыку живота и смерти о кончинѣ мирной и непостыдной. Но вотще будетъ сія молитва, если жизнь наша исполнена неправдъ и беззаконій. Ибо какъ праведникъ, по слову Божію, *аще постигнетъ скончатися, въ покои будетъ;* такъ *смерть грѣшниковъ*, по свидѣтельству того же слова, всегда была и будетъ *люта* и мучительна. Аминь.

Слово о томъ, что за грѣхомъ послѣдуетъ наконецъ для человѣка вѣчное мученіе во адѣ вмѣстѣ съ духами отверженными.

Идите отъ Мене проклятіи во огнь вѣчный, уготованный діаволу и ангеламъ его (Матѳ. 25, 41)!

Вотъ послѣдняя награда за грѣхъ, послѣдній вѣнецъ діавольскій! Промучившись въ разныхъ видахъ отъ грѣха всю земную жизнь, пострадавъ отъ него по смерти до кончины міра, бѣдный грѣшникъ долженъ услышать, наконецъ, на всемірномъ судѣ новый ужасный приговоръ, и отойти *во огнь вѣчный, уготованный діаволу и ангеламъ его.* Долженъ отойти!

Ибо надобно же когда-либо добру взять во всей силѣ верхъ надъ зломъ; не вѣчно продолжаться борьбѣ неба съ адомъ; а при окончательномъ торжествѣ царства свѣта и любви надъ царствомъ тьмы и злобы, что можетъ ожидать грѣшника, кромѣ совершеннаго отлученія отъ Бога, коего закону онъ всегда противился, кромѣ совершеннаго сближенія съ духами отверженными, коихъ внушеніямъ онъ всегда слѣдовалъ, кромѣ совершеннаго ниспаденія въ бездну лишеній и страданій, кои неминуемо влечетъ за собою развратъ и беззаконіе?

Чтобы предотвратить для насъ, въ семъ отношеніи, всякое самообольщеніе, слово Божіе со всею ясностію, на многихъ мѣстахъ, предваряетъ насъ о сей ужасной участи, ожидающей грѣшниковъ послѣ суда всемірнаго, такъ что между всѣми догматами вѣры нашей нѣтъ болѣе яснаго, какъ догматъ о будущемъ вѣчномъ мученіи грѣшныхъ во адѣ.

Что это за мученіе и въ чемъ состоитъ она?—Чтобы приблизить предметъ сей къ нашему разумѣнію, Св. Писаніе употребляетъ для изображенія мученія во адѣ разныя подобія, заимствуя ихъ отъ того, что въ нашемъ нынѣшнемъ мірѣ есть ужаснаго и мучительнаго. И во-первыхъ, оно представляетъ состояніе мучимыхъ во адѣ подъ видомъ тьмы, самой непроницаемой, или *кромпшней*, давая симъ знать, что во адѣ нисколько нѣтъ свѣта, столь необходимаго для жизни, столь отраднаго для всего живущаго. Во-вторыхъ, Писаніе изображаетъ состояніе грѣшника во адѣ подъ видомъ непрестаннаго терзанія червями: и *червь ихъ не умираетъ* (Марк. 9, 48), показуя симъ, что мученія адскія всегда будутъ возобновляемы съ новою силою и состоять въ непрестанномъ мучительномъ терзаніи грѣшника. Но всегда болѣе и чаще адскія мученія изображаются въ словѣ Божіемъ подъ видомъ пребыванія во огнѣ, или *езеръ огненномъ* (Апок. 20, 14), такъ что адъ и огонь вѣчный на языкѣ Писанія суть слова почти равнозначащія. Конечно, это будетъ не нынѣшній огонь, ибо нынѣшній огонь самъ, можно сказать, сгоритъ въ послѣдній день міра, когда, по свидѣтельству Св. Писанія, самыя наши *стихіи сжигаемы разорятся* (2 Петр. 3, 10). Но мы явно погрѣшили бы противъ истиннаго разумѣнія словъ Писанія, если бы вздумали заключать изъ

сего, что этотъ адскій огонь, будучи тоньше и духовнѣе нашего огня, по тому самому будетъ слабѣе и сноснѣе: напротивъ, по самой своей тонкости и духовности онъ долженъ быть стократъ яростнѣе и мучительнѣе, такъ что св. отцы нисколько не преувеличиваютъ дѣла, когда говорятъ, что нашъ нынѣшній огонь столь же слабъ въ сравненіи съ будущимъ адскимъ, какъ огонь на картинѣ слабъ въ сравненіи съ огнемъ дѣйствительнымъ.

И сей-то пламень уготованный вначалѣ одному діаволу и ангеламъ его, содѣлается наконецъ вѣчнымъ наслѣдіемъ твоимъ, душа грѣшная!—Будешь ли сомнѣваться въ дѣйствительности сей угрозы? Пожалуй, сомнѣвайся: мы не можемъ теперь показать тебѣ тьмы кромѣшней и геенны. Но и врачъ, который говоритъ больному, что если онъ не воздержится отъ того или другаго, то умретъ скоро, также не можетъ показать ему его смерти: однакоже смерть приходитъ, когда не слушаютъ предостереженій и совѣтовъ врача. Кто же лучше можетъ знать наше будущее—врачи земные, или небесный? Но Врачъ небесный ясно, какъ мы видѣли, говоритъ и предваряетъ, что, въ случаѣ нераскаянности нашей, насъ ожидаетъ геенна огненная. Благоразумно ли не вѣрить словамъ и предостереженію Того, Кто для оправданія словъ Своихъ можетъ, если бы то нужно было, сотворить новую геенну?

Но, увы, погибающій во грѣхѣ собратъ, геенны и ада не нужно творить вновь: они уже давно произведены грѣхомъ и заключаются въ немъ, какъ древо въ сѣмени. Присмотрись самъ со вниманіемъ къ лицу врага и друга твоего, и ты увидишь, что онъ весь огненнаго свойства, что всѣ явленія грѣха сопровождаются уже и здѣсь пламенемъ адскимъ, что онъ дѣлаетъ жгучимъ и мучительнымъ даже то, что должно бы радовать человѣка и услаждать.

Въ самомъ дѣлѣ, что, по самой природѣ, отраднѣе свѣта совѣсти?—Но приходитъ грѣхъ, изсушаетъ душу человѣка зноемъ страстей, дѣлаетъ изъ него сухое хврастіе,—и свѣтъ сей обращается въ огонь; совѣсть начинаетъ жечь и мучить душу! До чего жечь? До того, что въ самомъ дѣлѣ, вслѣдствіе сего, происходитъ иногда смертельное воспаленіе.

Если за симъ обратить вниманіе на существо страстей—сихъ наперсницъ грѣха, кои его именемъ владѣютъ и управ-

ляютъ душами грѣшными, то окажется, что онѣ всѣ суть свойства огненнаго. Мы невольно сознаемъ это, когда говоримъ, напр.: огнь страстей, пламень честолюбія! Огонь сей теперь связанъ многими узами, посему и не такъ примѣтенъ обыкновенно: посмотрите однакоже, какъ выступаетъ извнутри человѣка, волнуется, багровитъ лице, приводитъ въ клокотаніе всю кровь въ минуты, напр., сильнаго гнѣва! Въ это время огонь сей такъ бываетъ яростенъ и силенъ, что иные не могутъ его перенесть, и внезапно умираютъ, какъ отъ удара молніи. Пламень другихъ страстей менѣе яростенъ, всегда однакоже проницаетъ и съ продолженіемъ времени растлѣваетъ весь составъ человѣка. И какъ видимо это, напр., на человѣкѣ любострастномъ, завистливомъ, или скупомъ!

Внутренній составъ тѣла нашего, коему особенно угрожаетъ будущее мученіе во адѣ, также представляетъ въ себѣ не только способность къ воспламененію, но и неистощимый запасъ огня. Это видимо на тѣлѣ каждаго человѣка и въ состояніи здоровомъ, ибо изъ каждой части тѣла посредствомъ извѣстныхъ искусственныхъ пріемовъ, а иногда и безъ всякаго искусства, можно извлекать множество искръ. Но во время болѣзней это тайное сродство тѣла нашего съ огнемъ обнаруживается еще болѣе. Ибо какая болѣзнь не обнаруживается жаромъ? Нѣкоторыя явно состоятъ изъ какого-то мучительнаго горѣнія всего тѣла, или больныхъ частей его. Отсюда взяты самыя наименованія сихъ болѣзней, напр., огневицы или антонова огня. Кромѣ сихъ повсемѣстныхъ явленій, изъ нѣкоторыхъ, хотя рѣдкихъ случаевъ видно, что въ тѣлѣ человѣческомъ есть способность воспламеняться какимъ-то особеннымъ огнемъ, коему въ нашемъ мірѣ нѣтъ подобнаго въ силѣ и разрушительности, и который видимо напоминаетъ собою огнь адскій. Это случай такъ называемаго самовозгорѣнія, когда живой и даже не больной, но разстроенный въ тѣлесныхъ силахъ человѣкъ вдругъ возгорается видимо и пожирается пламенемъ до того, что въ самое короткое врѣмя,—иногда въ нѣсколько минутъ,—отъ человѣка не остается ничего, кромѣ нѣсколькихъ горстей пепла, что это какъ не задатокъ огня адскаго!—Теперешнее бренное тѣло, воспламенившись такимъ образомъ, тлѣетъ и исчезаетъ, но будущее тѣло—безсмертное, воспламенившись,

не можетъ исчезнуть, будетъ горѣть вѣчно. И вотъ геенна домашняя, самодѣльная и вмѣстѣ неугасаемая!

Хотя ничего, повидимому, нельзя придать къ ужасу и мучительности такого состоянія; но грѣхъ не удовлетворится и симъ мученіемъ. Обративъ грѣшниковъ въ существа самогорящія, онъ же собственно произведетъ для нихъ и огненный міръ, или какъ называетъ Св. Писаніе, езеро огненное, дабы каковы обитатели, таково же было, такъ сказать, и помѣщеніе. Ибо нужно ли, братіе мои, чтобы всемогущество Божіе, само и положительно, творило эту огненную пропасть адскую? Эта бездна сама собою можетъ возникнуть наконецъ изъ грѣха. Какимъ образомъ? Внемлите и познайте ужасное свойство грѣха. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что человѣкъ беззаконіями своими портитъ и оядотворяетъ не только свое тѣло, но всѣ вещи, коими злоупотребляетъ, самыя стихіи его окружающія. Порча сія большею частію непримѣтна, но иногда такъ дѣлается ощутительна, что заражаетъ самый воздухъ, коимъ онъ дышалъ, отъ чего происходятъ повальныя болѣзни и заразы. Теперь представьте всю порчу стихій, произведенную грѣхами всѣхъ людей; сложите ее съ тою порчею и ядомъ, коими заражаютъ природу видимую духи отверженные; вообразите за симъ, что въ послѣдній день міра и обновленія всѣхъ вещей, испорченная и оядотворенная грѣхами часть силъ природы отдѣлится отъ новаго, чистаго и свѣтлаго міра Божія: какое изъ сего составится скопище яда и тлѣнія!—Какой океанъ огня и пламени!—И вотъ стихія, въ коей будутъ обитать духи и души отверженные! Ибо вокругъ кого же сосредоточиться ей, какъ не вокругъ тѣхъ, кои своими грѣхами произвели ее?

Не безъ особеннаго намѣренія входимъ мы, братіе, предъ вами въ подобныя объясненія: намъ желательно представить для вѣры нѣкую опору въ самомъ опытѣ, и отнять у невѣрія и вольнодумства предлогъ утверждать, что слово Божіе предлагаетъ намъ касательно будущаго состоянія нашего одни таинства и непостижимости для разума. Нѣтъ, если предлагаемое кажется превышающимъ разумъ, то потому, что разумъ находится теперь во всѣхъ насъ въ состояніи дѣтскомъ. Еслибы онъ возросъ и возмужалъ въ разумѣніи существа человѣческаго и міра, насъ окружающаго, то самъ бы увидѣлъ внутренно истину того, что открываетъ намъ

вѣра и Евангеліе. Для сего, говорю мы вошли, въ нѣкоторыя, не такъ обыкновенныя, изъясненія, и для того, чтобы устранить мрачную и ложную мысль, якобы Творецъ Самъ непосредственно будетъ мучить тварь Своимъ всемогуществомъ. Нѣтъ любовь вѣчная не мучитъ и не можетъ мучить никого. Мучитъ и терзаетъ здѣсь на землѣ, и тамъ—во адѣ грѣхъ. Богъ не сотворилъ ни смерти ни ада; ихъ произвелъ грѣхъ.

Да обратится же на сего врага все отвращеніе и вся ненависть наша! Да не обрѣтетъ онъ себѣ ни малѣйшаго мѣста не только въ нравахъ и дѣяніяхъ, въ самыхъ мысляхъ и словахъ, нашихъ! При первомъ появленіи грѣха въ себѣ, въ какомъ бы то видѣ ни было, да спѣшимъ изгнать и подавлять его совершенно! Средствъ къ сему, какъ увидимъ въ слѣдующихъ собесѣдованіяхъ нашихъ, столько запасено для каждаго изъ насъ, благодатію Божіею, что кто погибнетъ отъ грѣха (а погибнетъ непремѣнно, если не исправится), тотъ долженъ винить въ своей погибели только себя самого. Аминь.

БЕСѢДЫ

НА СВЯТУЮ ЧЕТЫРЕДЕСЯТНИЦУ

О СМЕРТИ.

Слово о смерти вообще.

Избравъ предметомъ своимъ смерть, намъ хотѣлось бы братіе мои, сего послѣдняго врага нашего, какъ называется смерть въ словѣ Божіемъ, изобразить предъ вами такъ, чтобы ветхій и плотскій человѣкъ нашъ пораженъ былъ при семъ всѣмъ ужасомъ, могущимъ произойти въ немъ отъ гроба и тлѣнія, и чтобы въ то же время человѣкъ новый въ насъ и духовный, живущій вѣрою и упованіемъ, могъ поднять при семъ главу и найти для себя утѣшеніе въ томъ самомъ, чего такъ трепещутъ плоть и кровь. То есть мы желали бы, чтобы въ насъ отъ размышленія и собесѣдованія о смерти остались на всю жизнь два чувства: чувство спасительнаго страха, который бы служилъ намъ въ ограду отъ прелестей и соблазновъ мірскихъ, щитомъ противъ собственныхъ страстей и похотей, и чувство упованія христіанскаго, которое возносило бы насъ надъ тѣми, недостойными христіанина, малодушіемъ и отчаяніемъ, коими срѣтаютъ смерть чада вѣка сего, служители грѣха и плоти.

Что же намъ сдѣлать для достиженія сей сугубой цѣли? Повести ли васъ тотчасъ въ Эдемъ, къ запрещенному древу, изъ коего произникла для насъ смерть, гдѣ въ первый разъ прогремѣло для насъ грозное слово суда и казни *земля еси и въ землю обратишися?* Или возвести васъ на Голгоѳу и и поставить у подножія креста Христова, гдѣ смерть наша

попрана смертію Сына Божія, и гдѣ во всей силѣ начало сбываться утѣшительное воззваніе Пророка: *гдѣ ти, смерте жало, гдѣ ти, аде, побѣда* (Ос. 13, 14; 1 Кор. 15, 55)? Выйти ли тотчасъ съ вами на кладбище къ усопшимъ братіямъ нашимъ и молить ихъ, да повѣдаютъ намъ тайну смерти, да вразумятъ, что ожидаетъ каждаго изъ насъ въ часъ скончанія нашего? Или низойти прямо къ собственному послѣднему одру нашему и показать, какъ Ангелъ смерти приближится и къ намъ, какъ душа наша должна будетъ разлучиться отъ тѣла, и мы пойдемъ въ ту страну, изъ коей нѣтъ возврата? Не будетъ излишне,—если мы сдѣлаемъ все сіе и осмотримъ врага нашего со всѣхъ сторонъ, дабы видѣть всю силу и все безсиліе его.

Благодареніе Богу, что мы можемъ теперь видѣть смерть во всѣхъ входахъ и исходахъ ея. Бѣднымъ язычникамъ, неимущимъ откровенія небеснаго, оставалось токмо трепетать предъ смертію, ибо самые мудрѣйшіе изъ нихъ, будучи предоставлены собственному разуму, который ничего не видитъ далѣе чувствъ, ничего не могли сказать о томъ, откуда смерть и что ожидаетъ человѣка по ту сторону гроба. Но христіанинъ съ Евангеліемъ въ рукахъ смѣло идетъ на кладбище: для него нѣтъ тамъ мрака непроницаемаго; онъ ясно видитъ не только начало, но и конецъ смерти.

Пользуясь симъ свѣтомъ небеснымъ, углубимся въ происхожденіе и сущность смерти, разсмотримъ, что ей предшествуетъ и что за нею послѣдуетъ, вникнемъ въ причины, отчего смерть бываетъ люта и какъ можно содѣлать ее тихою и безболѣзненною, а въ заключеніе обратимъ вниманіе на собственную кончину, насъ ожидающую, и научимся срѣтить смерть по-христіански. Все сіе будетъ предметомъ послѣдующихъ собесѣдованій нашихъ. А на сей разъ ограничимся общимъ обозрѣніемъ смерти и ея владычества надъ родомъ человѣческимъ.

Если бы кто-либо изъ небожителей никогда не бывавшихъ на землѣ, нами обитаемой явился на ней и обратилъ вниманіе на нашъ родъ человѣческій, то что бы, вы думаете, наиболѣе могло поразить его взоръ? Мнѣ кажется, что его всего скорѣе удивила бы и поразила наша ужасная смертность. Въ лицѣ человѣка онъ тотчасъ узналъ бы владыку

земли, коему все подчинено и волею или неволею служитъ; а въ смерти онъ тотчасъ увидѣлъ бы лютаго врага и тирана, коему этотъ владыка земли отданъ въ жертву на ряду съ послѣдними изъ безсловесныхъ. И долго ли бы надлежало ожидать ему, дабы сдѣлать это послѣднее заключеніе о насъ? Ни единой даже секунды. Ибо на землѣ, нами обитаемой,—узнайте и ужаснитесь!—не проходитъ ни единой секунды безъ того, чтобы не умеръ кто-либо; такъ чтобы если бы считать непрерывно и по порядку рядъ смертей человѣческихъ, то сей счетъ могъ бы служить вмѣсто самыхъ вѣрныхъ часовъ для измѣренія нашего земнаго времени. Такъ бренень и мимоходящъ образъ бытія нашего здѣсь! Почти четвертая часть людей для того токмо, повидимому, и рождается, чтобы умереть, не оставивъ слѣда бытія своего, кромѣ только развѣ въ растерзанномъ скорбію сердцѣ родителей; для многихъ минута рожденія служитъ вмѣстѣ и минутою скончанія, многіе умираютъ не выходя на свѣтъ, имѣя гробомъ утробу матернюю. Изъ остающихся жить едва третья часть достигаетъ юношества и едва половина переходитъ за средину жизни; а доживающихъ до послѣднихъ предѣловъ жизни (и велики ли они?—70, 80 лѣтъ!) такъ мало, какъ класовъ, кои ускользнули изъ-подъ серпа жателя. Никто не свободенъ отъ смерти. Войдите въ полуразвалившуюся хижину, увидите гробъ, на горахъ—смерть, въ долинахъ—смерть, на моряхъ и рѣкахъ—смерть. Всему есть сроки и время: смерти—нѣтъ. Она мимоходитъ старца и похищаетъ юношу; оставляетъ младенца и беретъ мать, его питавшую, этотъ употребляетъ всѣ средства, чтобы избавиться отъ неважной, повидимому, болѣзни, и умираетъ отъ нея; а тотъ дѣлаетъ, повидимому, все, чтобы разстроить свое здоровье и сократить дни, и живетъ. Мудрецъ умираетъ, не совершивъ своихъ открытій, надъ коими трудился цѣлый вѣкъ; полководецъ умираетъ въ навечеріи битвы, которая должна бы рѣшить судьбу его отечества; возвращающійся изъ пути дальняго, сынъ умираетъ за часъ пути отъ крова отеческаго; невѣста или женихъ умираетъ, возвратившись токмо или и невозвратившись изъ-подъ вѣнца брачнаго. Смерти нѣтъ дѣла ни до чего нашего человѣческаго: это скелетъ безъ сердца и души, съ одною косою и серпомъ. Большею частію она любитъ предпосылать себѣ,

какъ вѣстника и предтечу, различные недуги и болѣзни: иногда какъ бы любуясь страданіями своей жертвы, замедляетъ приходъ и ударъ свой; но она же любитъ поражать и внезапно, какъ тать ночной. Сколько людей не встало отъ ложа ночнаго, легши на него съ замыслами на многіе годы! Сколько уснуло послѣднимъ сномъ за трапезою! Сколько не возвратилось въ домъ, вышедъ на нѣсколько минутъ! Тщетно наука здравія истощаетъ свое искусство и всѣ усилія: сила смерти все та же, та же свирѣпость и внезапность. Врачи, какъ бы въ отмщеніе за покушеніе на невозможное, менѣе всѣхъ пользуются долговѣчіемъ. Сама религія не спасаетъ отъ смерти. Вотъ человѣкъ, который всю жизнь посвятилъ Богу, вѣрѣ, добродѣтели и человѣчеству. Всѣ желали какъ милости отъ неба продолженія дней его. Но смерть не внимаетъ ничему,—и праведникъ лежитъ бездыханенъ.

Взирая на все сіе, кто вмѣстѣ съ св. пѣснопѣвцемъ не воскликнетъ отъ всей скорбной души: *что сіе еже о насъ бысть таинство? Како предахомся тлѣнію? Како сопрягохомся смерти?*

Вопросъ горькій, неизбѣжный, но кто изъ людей въ состояніи самъ собою разрѣшить его? Нѣтъ гласа и отвѣта изъ могилы; *нѣсть познанъ возвративый изъ ада.*

Удивительно ли посему, если и мудрѣйшіе повидимому изъ людей, оставленные бѣдному водительству собственнаго разума и имѣвшіе при томъ несчастіе потерять чистоту души и совѣсти, приходили къ ужасной мысли, что какъ *самослучайно рождены есьмы и потомъ будемъ, якоже не бывше.*

Познаемъ же преимущество нашего состоянія въ вѣрѣ христіанской и возблагодаримъ Господа, что Онъ, безъ всякихъ заслугъ нашихъ, судилъ намъ узрѣть жизнь въ нѣдрахъ Церкви. Теперь отрокъ и младенецъ болѣе знаютъ о цѣли бытія человѣческаго и жизни нашей за гробомъ, нежели знали о томъ всѣ мудрецы и философы языческіе. Съ Голгоѳы отъ креста и гроба Господня все видно и все ясно. Теперь мы знаемъ не только начало, но и конецъ, можно сказать, смерть самой смерти, какъ то окажется въ слѣдующихъ собесѣдованіяхъ нашихъ. Аминь.

Слово о смерти.

Какъ ни поверхностно обозрѣвали мы въ прошедшій разъ владычество смерти надъ родомъ человѣческимъ, но и при семъ не могли не видѣть, какъ это владычество разрушительно и ужасно,—ужасно уже неизбѣжностію своею для всякаго; ибо *кто есть человѣкъ, иже поживетъ и не узритъ смерти* (Псал. 88, 49)? Ужасно неизвѣстностію часа смертнаго; ибо кто можетъ знать и сказать, что онъ умретъ не прежде, какъ тогда-то? Ужасно предшествующими обыкновенно всякой смерти страданіями тѣлесными и душевными; ужасно даже отсутствіемъ всякихъ страданій, когда смерть постигаетъ человѣка внезапно и нечаянно.

Хотите ли взглянуть еще вмѣстѣ съ нами на послѣдствія смерти надъ человѣкомъ, дабы болѣе и прочнѣе пробудить въ себѣ спасительный страхъ смерти, столь нужный и благопотребный для насъ въ дѣлѣ нашего покаянія и спасенія?— Если такъ, то да будетъ извѣстно вамъ, что послѣдствія смерти во всѣхъ отношеніяхъ чрезвычайно важны и рѣшительны, словомъ сказать, таковы, что кто разъ вникнетъ въ нихъ и вы разумѣетъ вполнѣ ихъ силу и значеніе, у того никогда они не могутъ выйти изъ головы и мысли.

Мы даже не разумѣемъ при семъ тѣхъ послѣдствій, коимъ подлежитъ человѣкъ умершій въ другомъ мірѣ, куда онъ приходитъ отъ насъ, и коихъ мы, при всей важности ихъ, не можемъ видѣть, а только можемъ и должны предполагать. Разсмотримъ одни тѣ послѣдствія, кои касаются нашего міра и кои потому предъ нашими очами и нашимъ судомъ.

Эти послѣдствія, говорю, чрезвычайно важны, неотразимы и рѣшительно непреложны!

И во-первыхъ, въ самомъ существѣ человѣка до смерти,— какъ бы онъ ни страдалъ, въ какомъ бы ни находился истощеніи и безобразіи, хотя бы былъ подобенъ Іову на гноищѣ,— онъ все еще человѣкъ, существо живое, чувствующее и разумное; приходитъ смерть,—и этотъ человѣкъ, хотя бы за минуту до того былъ крѣпокъ и цвѣтущъ здравіемъ, становится бездушнымъ, у котораго остается все, что было прежде, но безъ всякаго дѣйствія: очи не видятъ, ухо не слышитъ, уста сомкнуты, руки и ноги, самое сердце недвижимы. И

этотъ тѣлесный остатокъ человѣка вскорѣ теряетъ свой видъ болѣе и болѣе, и начинаетъ разлагаться на части, послѣ чего отъ человѣка остается, и то не навсегда, только нѣсколько голыхъ костей, нѣсколько горстей праха. Можно судить по сему, какая ужасная перемѣна должна происходить съ человѣкомъ послѣ его смерти! Тутъ происходитъ болѣе, гораздо болѣе того, какъ если бы человѣкъ какимъ-либо чудомъ восхищенъ былъ съ нашей земли и поставленъ въ какой-либо изъ небесныхъ шаровъ; ибо при всей разности образа существованія тамъ отъ нашего земнаго, поставленный туда все еще оставался бы съ своею тѣлесностію и срѣтилъ бы себя среди вещественныхъ стихій, подобныхъ сколько-нибудь здѣшнимъ. Въ смерти, напротивъ, оставляетъ человѣка все тѣлесное: онъ остается и дѣлается однимъ духомъ, не имущимъ вовсе плоти и крови; вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ существенно измѣниться весь образъ бытія человѣческаго и всѣхъ его отношеній къ подобнымъ себѣ и ко всему міру.

Доколѣ человѣкъ въ тѣлѣ и живъ, доколѣ онъ занимается чувственнымъ и тѣлеснымъ; тѣлесное и видимое доставляетъ ему способы къ поддержанію своего бытія и къ занятію самыхъ душевныхъ способностей; съ смертію этотъ союзъ съ видимымъ и чувственнымъ прекращается навсегда. Безъ тѣла человѣку нисколько уже не нужно того, надъ пріобрѣтеніемъ чего онъ такъ долженъ былъ прежде трудиться и въ чемъ полагалъ свое блаженство. Съ другой стороны, и чѣмъ занята была здѣсь душа его, какъ бы ни казалось то привычнымъ, любезнымъ, необходимымъ, все это должно оставить и навсегда, ибо безъ тѣла и чувствъ нѣтъ уже средства и возможности заниматься, чѣмъ занимался прежде. Такимъ образомъ у служителя алтаря нѣтъ болѣе ни алтаря, ни храма; у любителя наукъ и знаній нѣтъ болѣе ни звѣздъ на небѣ для наблюденія, ни травъ и животныхъ на землѣ для разсмотрѣнія; у оратая—полей для воздѣланія, у дѣющаго куплю—предметовъ торговли. Для умершаго нужна уже новая пища,— новый кругъ занятій, сообразные его новому образу бытія въ другомъ мірѣ.

Говорить ли послѣ сего, что смерть прекращаетъ навсегда всякую дѣятельность человѣка, надъ чѣмъ бы ни застала его въ приходѣ своемъ къ нему.

Вы трудились надъ какимъ-либо великимъ и общеполезнымъ дѣломъ, не много времени уже требовалось для окончанія его, безъ васъ даже, можетъ быть, никто не въ состояніи кончить его: смерти нѣтъ дѣла до сего; она приводитъ съ собою конецъ самому вашему бытію земному, и недовершенное вами остается для васъ такимъ навсегда. Успѣли вы распорядиться вашимъ имуществомъ и объявить послѣднюю вашу волю—хорошо; не успѣли,—оно пойдетъ, безъ вашей воли, куда бы вы вовсе, можетъ быть, не хотѣли. Вамъ крайне желалось бы перемѣнить что-либо изъ вашихъ прежнихъ дѣйствій, напримѣръ примириться по-христіански съ такимъ и такимъ недругомъ, вознаградить кого-либо изъ обиженныхъ вами, оставить кому-либо знакъ своей любви и уваженія; если этого не сдѣлано до смерти, то никогда уже не будетъ сдѣлано. Смерть единожды и навсегда полагаетъ конецъ нашей дѣятельности, въ чемъ бы она ни состояла и чего бы ни требовала.

Если бы можно было умершимъ по крайней мѣрѣ передавать какимъ-либо образомъ въ нашъ міръ свои желанія! Многіе, если не всѣ, изъ сродниковъ и ближнихъ нашихъ почли бы за долгъ для себя привести ихъ въ исполненіе; но сіе невозможно! Лишившись своего тѣла, человѣкъ вмѣстѣ съ нимъ теряетъ всѣ средства къ сообщенію съ симъ міромъ и съ оставшимися въ немъ, кои, съ своей стороны, будучи облечены тѣлесностію, не въ состояніи проникать въ область духовъ, гдѣ находятся умершіе. Посему, какъ бы васъ ни продолжали любить здѣсь, какъ бы ни желали вамъ всякаго блага за гробомъ, никто не въ состояніи знать и исполнить вашу волю, ни вы передать ее имъ. О васъ будутъ жалѣть и плакать, о васъ будутъ молиться и во имя ваше благотворить, къ чему такъ располагаетъ всѣхъ чадъ своихъ св. Церковь; но сообщенія съ вами ни у кого не будетъ. Всѣ намѣренія, желанія, нужды ваши погребены будутъ навсегда съ вами, и ихъ никто не узнаетъ на землѣ, развѣ Самъ Господь благоволитъ открыть о томъ кому-либо особеннымъ образомъ, что̀, какъ видимъ изъ св. исторіи, бываетъ крайне рѣдко.

Помыслите, братіе мои, о всемъ этомъ и ужаснитесь! Помыслите и извлеките изъ сего сами правила для своего поведенія и жизни. Они кратки и просты, но столь же полезны и необходимы для каждаго.

Если тѣло наше должно оставить насъ въ смерти и обратиться въ прахъ, что̀, можетъ быть, уже весьма близко къ намъ: то благоразумно ли заботиться непрестанно объ одномъ тѣлѣ и оставлять безъ вниманія состояніе нашей души, съ коею мы останемся на всю вѣчность?

Если міръ, насъ окружающій и насъ всецѣло занимающій, долженъ въ смерти исчезнуть для насъ навсегда, то благоразумно ли ограничивать имъ всю дѣятельность нашего духа, привязываться къ нему всѣми силами сердца и не готовить себя къ дѣятельности высшаго рода, которая срѣтитъ насъ за гробомъ, запасать благовременно то, что̀ тамъ будетъ нужно?

Если дѣятельность наша въ семъ мірѣ совершенно прекращается со смертію, и какъ невозможно по смерти не только совершить или докончить что-либо изъ дѣлъ нашихъ, даже знать здѣсь кому-либо о нашихъ желаніяхъ: то не должно ли стараться каждому дѣлать, что̀ необходимо, заблаговременно, не ожидая часа смертнаго, который можетъ постигнуть внезапно? Здѣсь-то можно повторить слова Спасителя: *еже твориши, твори скоро: мирися съ соперникомъ твоимъ*, то есть, съ правосудіемъ Божіимъ и совѣстію твоею, *дондеже еси на пути*. Уготовляй свѣтильникъ и елей добрыхъ дѣлъ, доколѣ ни наступила полночь, не пришелъ внезапно женихъ и не затворились предъ тобою двери чертога. Аминь.

Слово о томъ, что такое смерть.

Что такое смерть? Что происходитъ съ человѣкомъ въ то время, когда умираетъ онъ? Какъ разрѣшается душа человѣка отъ тѣла?

Кто намъ скажетъ это? Могли бы сказать отцы и братія наши, кои прешли уже мрачнымъ путемъ смерти на онъполъ бытія: но они безмолвны!—не потому, конечно, чтобы не хотѣли подѣлиться съ нами своею тайною, а потому, что у нихъ для насъ нѣтъ языка, коимъ можно бы заговорить съ нами, а у насъ для нихъ нѣтъ уха, коимъ можно бы выслушать сказанное, потому что они теперь духъ безплотный, а мы, къ сожалѣнію, нерѣдко бываемъ плоть бездушная.

Остается посему обратиться къ свидѣтельству собственныхъ чувствъ. Какъ оно ни слабо и неполно въ отношеніи къ смерти, но можетъ сообщить намъ нѣчто; потому что смерть отчасти видима, иначе мы не могли бы и знать, что такой-то человѣкъ дѣйствительно умеръ. Что же по наблюденію нашихъ чувствъ происходитъ съ человѣкомъ во время смерти? Закрываются глаза, престаетъ въ человѣкѣ всякое движеніе, теряется самосознаніе? Но это бываетъ и при каждомъ снѣ человѣка. Прекращается дыханіе, останавливается сердце и кровь, исчезаетъ теплота въ тѣлѣ? Но это замѣчается и въ глубокихъ обморокахъ. Чѣмъ же смерть отлична отъ глубокаго сна и обморока? Тѣмъ, что отъ сна пробуждаются, отъ самаго обморока, какъ бы онъ ни былъ глубокъ, приходятъ въ чувство, а отъ смерти—никогда. Значитъ, въ смерти происходитъ съ человѣкомъ нѣчто сторично большее, нежели во время сна,—большее, нежели въ большомъ обморокѣ. Что же именно? То, что въ тѣлѣ человѣка въ часъ смерти исчезаетъ самое первое и послѣднее начало жизни; и оно, сдѣлавшись чрезъ то совершенно неспособнымъ къ обитанію въ немъ души, оставляется ею навсегда. Разлука души съ тѣломъ составляетъ посему послѣднюю степень и сущность смерти. Доколѣ душа не разлучилась отъ тѣла, дотолѣ какъ-бы ни страдалъ человѣкъ, какому бы ни подлежалъ бѣдствію, онъ можетъ быть воззванъ къ жизни; но когда душа оставила тѣло, то хотя бы оно само по себѣ и не было много разстроено, все кончено, всякое усиліе и помощь искусства напрасны, умершій человѣкъ можетъ ожить только силою Того, Кто единъ силенъ сопрячь паки душу съ тѣломъ—дѣйствіемъ всемогущества.

Какимъ образомъ происходитъ самое разлученіе души отъ тѣла? Сего не могутъ сказать ни чувства, ни самый разсудокъ нашъ. Не могутъ сказать чувства, ибо душа сама по себѣ невидима и въ продолженіе жизни: какъ же бы они увидѣли, какъ она выходитъ изъ тѣла. Не можетъ сказать и самый разсудокъ: ибо соединеніе души съ тѣломъ есть тайна для него. Если бы онъ зналъ сію тайну, то зналъ бы и то, какъ разрѣшается душа отъ тѣла.

Какъ же безъ сего узнать, что душа оставила тѣло и человѣкъ умеръ дѣйствительно, а не кажется только таковымъ?—По дѣйствіямъ, кои влечетъ за собою разлука тѣла

съ душею. Оставленное душею, оно теряетъ всякую жизненность и предается тлѣнію. Разрушеніе дома показываетъ, что уже жилища въ немъ нѣтъ.

Вся ли тѣлесность спадаетъ съ души во время смерти? Не уноситъ ли она съ собою изъ нашего міра какого-либо тончайшаго покрова вещественнаго? Можетъ быть. Ибо собственно безтѣлесенъ единъ Богъ, какъ духъ чистѣйшій и всесовершеннѣйшій. Самые Ангелы, явившись въ нашъ міръ, являются въ образахъ тѣлесныхъ. А душу нашу мы не умѣемъ и представить себѣ иначе, какъ въ тѣлесномъ очертаніи. Если и уноситъ, то развѣ такой, который тонкостію своею превосходитъ все видимое: ибо мы его не видимъ. Но потому, что не видимъ, не можемъ отрицать сего; ибо мы и вокругъ себя не видимъ много такихъ вещей, кои принадлежатъ еще, и притомъ постоянно, къ нашему міру и суть вещественны; но по тонкости своей не видимы для нашего глаза.

Откуда душа въ смерти возьметъ нужное для себя (если дѣйствительно нужно?) облаченіе? Изъ того же тѣла, оставленнаго. Ибо въ тѣлѣ человѣческомъ, какъ и во всѣхъ тѣлахъ, есть много удобо или неудобо-разрушимаго; есть нѣчто такое, что разрушается на части и исчезаетъ; и всегда есть нѣчто совершенно неразрушимое, которое не подлежитъ никакому тлѣнію. Сіе-то неразрушимое въ нашемъ тѣлѣ можетъ оставаться при душѣ и по смерти, составлять ея одѣяніе и замѣнять до нѣкоторой степени недостатокъ тѣла до будущаго воскресенія. Оно-то, можетъ быть, должно служить основаніемъ и какъ бы зародышемъ тому будущему тѣлу, въ которое душа облечется въ день всемірнаго воскресенія. Кто хочетъ углубиться въ сей важный предметъ, тотъ пусть прочитаетъ пятую главу во 2-мъ посланіи св. Павла къ Коринѳянамъ.

Итакъ въ смерти находятся двѣ какъ-бы стороны: одна,—обращенная къ нашему міру и потому нами видимая; другая,—обращенная къ міру духовному и потому нами не видимая. Мы, можно сказать, видимъ начало смерти, а средина и конецъ ея должны быть видимы для тѣхъ, кои смотрятъ оттуда.—Человѣка умирающаго можно уподобить человѣку, который бы изъ той комнаты, въ коей мы находимся, уходилъ отъ насъ сквозь стѣну. Какъ онъ подойдетъ

къ стѣнѣ, мы увидимъ, но какъ выйдетъ изъ нея на другую сторону, сего мы не можемъ видѣть по причинѣ самой стѣны, сквозь которую онъ проходитъ.

Поелику смерть имѣетъ такимъ образомъ двѣ стороны, чувственную и сверхъ-чувственную: то у явленія сего безъ сомнѣнія и два рода зрителей. Отсюда на умирающаго смотримъ мы, а оттуда смотрятъ духи и души безплотныя. Ибо, быть не можетъ, чтобы человѣкъ, вступая въ новый міръ, не обрѣталъ кого-либо у прага его, для своего руководства. Здѣсь первѣе всего душа отшедшаго видитъ своего Ангела-Хранителя и своего ангела-искусителя. Ибо гдѣ же и быть имъ, какъ не при развязкѣ дѣла, коимъ каждый изъ нихъ занятъ былъ столько времени? — Тутъ, безъ сомнѣнія, срѣтаютъ душу Ангелы и души праведныхъ, если она того достойна, и тутъ же окружаютъ ее духи злобы, если она въ продолженіе жизни имѣла несчастіе слѣдовать ихъ внушеніямъ, набраться ихъ духа и настроиться по ихъ нраву и образу.

Но мы еще возвратимся къ сему предмету. Теперь посмотримъ паки вообще на смерть.

Изъ всѣхъ явленій въ жизни человѣка это самое поразительное и важное. Равносильно ему, и то не во всѣхъ отношеніяхъ, только рожденіе человѣка. Тутъ человѣкъ начинаетъ жить, и начинаетъ постепенно: цѣлые годы проходятъ прежде, нежели онъ совершенно вочеловѣчится. Въ смерти, особенно въ нѣкоторыхъ смертяхъ, конецъ вдругъ: нѣтъ продолженія, нѣтъ иногда и предваренія. Если представить, какъ тѣсно соединены въ продолженіе жизни душа съ тѣломъ, такъ какъ извѣстно, что составляютъ одно нераздѣльное цѣлое: то въ часъ смерти это цѣлое раздвояется совершенно и навсегда: человѣкъ изъ существа чувственнаго становится духомъ безплотнымъ. Тутъ посему происходитъ гораздо болѣе, нежели при рожденіи; ибо хотя младенецъ, находясь въ утробѣ матерней,—жилъ не такъ, какъ живемъ мы, но все же жилъ нашею чувственною жизнію, и, выходя на свѣтъ, перемѣнилъ токмо образъ жизни; въ смерти—болѣе: тутъ всякій чувственный родъ жизни оставляетъ человѣка вмѣстѣ съ тѣломъ, и онъ долженъ уже жить однимъ духомъ, на подобіе того, какъ живутъ Ангелы. Много было бы перемѣнъ съ человѣкомъ, если бы его вос-

хитить отъ земли и представить жить на какую-либо изъ звѣздъ, или на солнце; но смерть дѣлаетъ болѣе, ибо и на звѣздахъ и на солнцѣ, хотя въ другомъ видѣ, но тѣ же стихіи, что и у насъ; а смерть разобщаетъ человѣка со всѣми нашими стихіями, ставитъ его выше всего чувственнаго.

Уже одно это дѣлаетъ смерть крайне важною для человѣка, и кто имѣетъ разумъ и любовь къ самому себѣ, тотъ не можетъ во всю жизнь не думать ни о чемъ столько, какъ о своей смерти, и ни къ чему такъ не готовиться, какъ къ ней. *(Не кончено).*

Слово о томъ, что такое смерть.

Какъ ни слабо и кратко изобразили мы въ прошедшемъ *) собесѣдованіи владычество смерти надъ родомъ человѣческимъ, но изъ сего краткаго изображенія можно видѣть и убѣдиться, что смерть есть ужасное зло для человѣка, въ сравненіи съ коимъ всѣ прочія бѣдствія не такъ велики и гибельны. Всѣ чувствуютъ это, посему такъ ничего не страшатся, какъ смерти. Соглашаются переносить самыя величайшія лишенія и скорби, только бы остаться въ живыхъ. Наказаніе смертію есть верхъ наказаній человѣческихъ, и опредѣляется токмо за самыя великія и нетерпимыя преступленія.

Если же смерть есть такое ужасное зло для человѣка, а между тѣмъ ей подлежатъ неизбѣжно всѣ и каждый: то какъ бы разуму и любомудрію человѣческому не обратить на нее вниманія, не изслѣдовать, откуда это зло, нѣтъ ли средствъ избѣжать его или отнять у него силу. Но пересмотрите всѣ произведенія такъ называемой философіи человѣческой, вы найдете тамъ размышленія о всѣхъ предметахъ, а о смерти ни слова или весьма мало, какъ бы о такомъ предметѣ, коимъ не стоитъ много заниматься.

Что значитъ это? Развѣ мудрецъ менѣе страдаетъ отъ смерти и гроба, нежели всѣ прочіе? Нѣтъ, если кому, то ему

*) Просимъ читателей имѣть въ виду, что *бесѣды о смерти* печатались въ первомъ изданіи съ рукописей, не приведенныхъ въ *окончательный* видъ и *полный* составъ самимъ проповѣдникомъ, поэтому и самыя поученія представляютъ собою какъ бы *отрывки* и размѣщаются въ *приблизительномъ* только *порядкѣ*.

именно она противна и горька, ибо не даетъ ему времени на обрѣтеніе истины, коей посвящаетъ всю свою жизнь. Откуда же это молчаніе о смерти философовъ? Отъ того, что разумъ человѣческій ничего не можетъ сказать о ней твердаго и рѣшительнаго, отъ того, что во тьмѣ гроба и могилы теряется и угасаетъ весь свѣтъ его. Для насъ, кои пользуемся откровеніемъ свыше, это молчаніе—не великая потеря; но, вообразите положеніе рода человѣческаго, когда не было откровенія, когда всѣ и каждый предоставлены были, какъ въ жизни, такъ и въ смерти, самимъ себѣ, своему уму и чувству.

Нельзя безъ глубокой жалости читать жизнь древнихъ философовъ и другихъ самыхъ лучшихъ людей древности. Что касается до жизни человѣческой, они еще могли, посредствомъ своихъ познаній, кое-какъ справляться съ нею, предписывать ей правила, указывать цѣль, услаждать горести; но при гробѣ терялся весь ихъ разумъ; они не знали, что̀ сказать себѣ и другимъ, и вообще какъ въ мысляхъ, такъ и въ дѣйствіяхъ своихъ представляли изъ себя самое жалкое зрѣлище.

Не таково, благодареніе Господу, наше положеніе, у коихъ въ рукахъ слово Божіе и откровеніе небесное.

(Не окончено).

Слово о томъ, что такое смерть.

Довольно обозрѣвали мы тѣлесную область смерти совнѣ, видѣли ея обширность и чрезвычайныя послѣдствія для человѣка его смерти; время теперь подойти ближе къ нашему одру смертному, посмотрѣть пристальнѣе въ лице смерти, дабы узнать,—сколько можно,—что же такое смерть?

Казалось бы, что̀ болѣе надлежало знать людямъ, какъ этотъ предметъ, встрѣчая такъ часто умирающихъ и умершихъ?

Подивитесь же, братіе мои! Всѣ мудрецы и естествоиспытатели не могутъ сказать опредѣлительно, въ чемъ существо смерти, не могутъ нерѣдко сказать даже того, послѣдовала ли смерть такого-то человѣка дѣйствительно. Оттуда именно столько предосторожностей, принимаемыхъ самимъ закономъ и правительствами, противъ того, чтобы

не былъ сочтенъ за умершаго кто-либо такой, который еще не умеръ, и не былъ бы посему погребенъ за-живо.

Отъ чего такая неизвѣстность? Отъ того, что есть состояніе человѣка, похожее на смерть и однако же не составляющее смерти. Таковы именно продолжительные и сильные обмороки. Тутъ представляются всѣ признаки смерти: не видно бываетъ не только движенія, ни теплоты жизненной, нѣтъ самаго даже легкаго дыханія; человѣкъ представляется трупомъ бездушнымъ, и это продолжается не нѣсколько часовъ, а цѣлые дни, иногда даютъ себя ощущать при семъ даже признаки тлѣнія,—что особенно почитается за рѣшительное доказательство смерти;—и однако же человѣкъ, почитаемый за умершаго, не умеръ, а живъ, можетъ возвратиться еще къ жизни и здравію и продолжать бытіе свое на землѣ не на краткое время.

Такова завѣса, простертая рукою самого Промысла Божія надъ концемъ жизни человѣческой!

Кто можетъ приподнять ее отчасти?—Всего было ближе ожидать сего отъ тѣхъ, кои прошли уже вратами смерти, отъ толикаго числа усопшихъ братій нашихъ. Но, доколѣ они были еще предъ сими вратами, дотолѣ, безъ сомнѣнія, сами не знали, что̀ ихъ срѣтитъ тамъ, а когда прошли ихъ, и сіи врата затворились за ними, для нихъ нѣтъ возможности оглянуться назадъ и сказать намъ, что было съ ними, когда они проходили ихъ.

Еще болѣе можно бы ожидать разъясненія для насъ великой тайны смерти отъ тѣхъ, коимъ дано было, оставивъ эту жизнь, перейти объ онъ-полъ бытія земнаго, и потомъ возвратиться назадъ къ намъ, въ этотъ міръ, то есть отъ людей, воскрешенныхъ изъ мертвыхъ. Не много таковыхъ было во всей исторіи человѣчества; и однако же были таковые, именно тѣ, кои, напримѣръ, воскрешены были изъ мертвыхъ Спасителемъ нашимъ, какъ напримѣръ праведный Лазарь. Безъ сомнѣнія, современники таковыхъ людей, по самому любопытству, не преминули узнать отъ нихъ, что̀ происходитъ съ человѣкомъ во время его смерти. Но если и узнали что-либо, то, такъ устроившу Промыслу Божію, до насъ ничто почти не дошло изъ этихъ свѣдѣній! А всего вѣроятнѣе,—такъ мнится мнѣ,—что эти воскрешенные никому не раскрывали тайны смерти, хотя и извѣдали ее на

самихъ себя. Почему не раскрывали? Потому, что имъ не дано было раскрыть ее; или даже и потому, что не могли сдѣлать сего. Ибо для предметовъ высшихъ и сверхъестественныхъ на земномъ языкѣ нашемъ нѣтъ даже словъ къ изъясненію. Въ томъ и другомъ смыслѣ—свидѣтель намъ Апостолъ Павелъ, который былъ восхищенъ, какъ самъ свидѣтельствуетъ, до третьяго небесе, видѣлъ и слышалъ тамъ множество вещей и глаголовъ: но какихъ же?—*о нихъ же,* какъ самъ выражается, *не лѣть есть глаголати* человѣку. Изъ послѣдующей священной исторіи христіанства мы имѣемъ не болѣе, впрочемъ, двухъ-трехъ сказаній людей, возвратившихся къ намъ изъ области смерти; но сіи сказанія касаются болѣе того, что̀ умершіе видѣли и встрѣчали за предѣлами гроба, въ другой жизни, а не то, что̀ испытали они въ минуту самой смерти; посему и не представляютъ прямаго отвѣта на вопросъ нашъ: что такое смерть?

Что же послѣ сего сказать намъ о ней?—Скажемъ первѣе всего то, что смерть есть тайна, и тайна великая и неисповѣдимая! Такъ угодно было самому Промыслу Божію, и безъ сомнѣнія, по причинамъ, самымъ достаточнымъ, для цѣлей, самыхъ благотворныхъ.

Въ чемъ состоятъ эти причины? По всей вѣроятности, въ томъ, что таковъ самый именно предметъ. Чтобы пояснить намъ смерть, для сего требовалось разъяснить отношенія двухъ міровъ — нашего чувственнаго и духовнаго, времени и вѣчности: достало ли бы у насъ даже понятій и словъ на это?—Не даромъ, когда наше человѣческое любомудріе подходитъ къ этому предмету: то, при всей охотѣ своей къ многословію, невольно нѣмѣетъ и не знаетъ, что сказать. Ужели Откровенію надлежало изобрѣтать для сего новый особенный языкъ и учить насъ ономy?

И для чего бы это оно сдѣлало, хотя бы то̀ и было для него возможно?—Разъясненіе тайны смерти скорѣе бы послужило намъ во вредъ, нежели въ пользу: удовлетворивъ одному любопытству, по всей вѣроятности, вмѣстѣ съ тѣмъ лишило бы смерть благотворнаго дѣйствія на нашу нравственность. Тогда бы мы приближались къ смерти, какъ къ какому-либо темному проходу сквозь горы и лѣса, коихъ мы знаемъ входы и исходы: величественный и священный мракъ смерти потерялъ бы для насъ свой спасительный страхъ и величіе.

Но какъ же, мыслитъ кто-либо, и оставить насъ было въ совершенномъ невѣдѣніи о такомъ предметѣ, каковъ конецъ нашей жизни?

Благодареніе Богу, мы и не оставлены въ семъ невѣдѣніи. Слово Божіе сказало намъ все, что̀ нужно для насъ знать касательно сего предмета, какъ мы увидимъ въ слѣдующемъ собесѣдованіи нашемъ.

Теперь же извлечемъ изъ самой таинственности нашей смерти урокъ, для насъ полезный. Намъ предстоитъ такое великое и таинственное событіе, какова смерть: сколь же неразумны тѣ изъ насъ, кои живутъ вовсе не помышляя о томъ, что̀ ожидаетъ ихъ на концѣ жизни! Этотъ всеобщій упрекъ я обратилъ бы особенно къ тѣмъ изъ насъ, кои во всѣхъ занятіяхъ своихъ водятся особенно любознаніемъ и любопытствомъ, каковы особенно люди, посвятившіе себя наукамъ. Кто бы ты ни былъ, возлюбленный братъ, изъ таковыхъ, вотъ тебѣ предметъ для размышленія: собственная смерть твоя!—Аминь.

Слово о происхожденіи смерти.

Откуда смерть въ людяхъ? Вопросъ—чрезвычайно важный не только по предмету своему, какова смерть, но и по своимъ послѣдствіямъ въ отношеніи ко всей нашей жизни. Ибо, если я умираю потому, что такова именно была всегда и есть природа человѣческая, то мнѣ, оставивъ дальнѣйшую заботу о состояніи по смерти, остается токмо покориться необходимости и заплатить дань природѣ. А если, напротивъ, смерть не есть слѣдствіе непреложнаго устройства моей природы, а дѣйствіе какой-либо особенной причины, испортившей мою природу, то мнѣ нельзя не подумать прилежно о томъ, нѣтъ ли средства, если не уклониться отъ смерти, то по крайней мѣрѣ переиначить ея свойство для меня, защитить себя отъ ея разрушительныхъ послѣдствій, обезвредить себя, такъ сказать, отъ ея ядотворной силы.

Имѣя въ виду это, спросимъ еще: откуда смерть въ людяхъ?

Два противоположные отвѣта имѣемъ мы подъ руками на сей важный, какъ мы видѣли, вопросъ.

Въ одномъ отвѣтѣ утверждается, что смерть есть слѣд-

ствіе самой природы нашей, именно—бренности нашего тѣлеснаго состава. Въ другомъ отвѣтѣ утверждается, что смерть не есть принадлежность нашей природы, а есть зло случайное, вторгшееся въ природу нашу чрезъ грѣхъ и преступленіе закона Божія.

Кто утверждаетъ первое, то есть, что смерть намъ естественна и неизбѣжна по самой нашей природѣ?

Такъ утверждалъ весь міръ языческій со всѣми его мудрецами и философами, до явленія въ міръ христіанства. Такъ, сверхъ ожиданія, утверждали и утверждаютъ нѣкоторые и изъсамыхъ христіанъ. Это, сами не думая о томъ, нѣкоторымъ образомъ подтверждаемъ мы сами, когда, желая сказать, что такой-то умеръ, говоримъ вмѣсто того, что такой-то заплатилъ долгъ или дань природѣ,—выраженіе языческое, перешедшее, къ сожалѣнію. и въ христіанство.

Кто учитъ, что смерть есть дань не природѣ, а грѣху, что она въ нашу безсмертную природу вторглась случайно — посредствомъ отпаденія нашего отъ Источника жизни — Бога. чрезъ нарушеніе Его животворной заповѣди?

Этому постоянно учитъ слово Божіе; это внушали всѣ Пророки и всѣ Апостолы: это самое провозвѣщалъ Спаситель нашъ, и за Нимъ то же всегда принималось и нынѣ пріемлется Церковію Христовою.

Вопрошать, какое изъ сихъ двухъ ученій истинное, значило бы оскорблять достоинство христіанской вѣры и чувство каждаго истиннаго христіанина.

Но поелику, какъ мы видѣли, были и есть въ самомъ христіанствѣ люди, кои, послѣдуя язычникамъ, думаютъ, что смерть есть слѣдствіе самой природы нашей, поелику св. Церковь въ день Православія находитъ нужнымъ торжественно поражать отлученіемъ сіе заблужденіе: то мы сдѣлаемъ не чуждое нашей обязанности дѣло, если, въ огражденіе слабости, покажемъ нелѣпость сего заблужденія.

На чемъ стоитъ оно и на что опирается?

На то, что смерть есть явленіе всеобщее и всегдашнее: такъ было отъ вѣка, что природа наша, то есть, составъ тѣлесный такъ бренъ и ломокъ, что по времени непремѣнно ветшаетъ, и трудно представить, какъ бы съ этимъ нынѣшнимъ тѣломъ мы могли жить вѣчно.

Все это—совершенная правда; но кто же и утверждаетъ,

что намъ принадлежало безсмертіе съ этимъ—смертнымъ тѣломъ?—Слово Божіе, приписывающее нашей природѣ безсмертіе, яснѣе всѣхъ мудрецовъ видитъ бренность нынѣшняго нашего тѣла и неспособность его къ тому; почему и называетъ прямо тѣломъ смерти. Если потому усвояется въ немъ безсмертіе, то не нынѣшней нашей падшей и грѣховной природѣ, а первобытной, какою она, вышедъ изъ рукъ творческихъ, была въ состояніи невинности. Тогда было совсѣмъ другое не только съ нашею душею и тѣломъ, но и со всѣми вещами въ мірѣ.

Намъ трудно представить это первобытное состояніе нашего безсмертія, потому что мы не видали его и не видимъ теперь ничего подобнаго ни въ себѣ, ни въ другихъ. Но это—не причина отвергать его существованіе, когда есть крайне важныя причины предполагать и допустить его.

Какія это причины?

Во-первыхъ, голосъ самой природы нашей, которая, среди великихъ несчастій, отвращается отъ смерти, какъ отъ совершенно ей противнаго.

Кто бы ты ни былъ и какъ бы ни затмѣвали въ твоемъ умѣ ложныя мнѣнія и мудрствованія здравое понятіе о вещахъ,—стань у гроба, напр., юноши, который вчера еще былъ полонъ жизнію и крѣпостію, а теперь лежитъ предъ тобою бездыханенъ и обезображенъ смертію. Посмотри въ лице умершаго и скажи, можешь ли ты утверждать, не запинаясь, чтобы это ужасное явленіе было дѣломъ природы? Дѣло природы? Отъ чего же присемъ содрагается вся собственная твоя природа: сжимается сердце, цѣпенѣетъ чувство, метется умъ, не знаютъ, что сказать, уста? Если это природа, то я не знаю, какъ назвать ее, въ какомъ враждебномъ отношеніи представить къ бѣдному роду человѣческому, чѣмъ изъяснить ея свирѣпость надъ нами? Въ такомъ случаѣ одно изъясненіе: принять, что надъ міромъ, въ томъ числѣ и надъ людьми, господствуетъ какое-либо темное и злое начало, которое увеселяется разрушеніемъ, услаждается слезами и мученіемъ своихъ тварей.

А въ мірѣ, а надъ нами,—какъ показываетъ все другое,—владычествуетъ Промыслъ Божій. Ты самъ признаешь это. Если признаешь воистину и имѣешь правильное понятіе о Богѣ и Его совершенствахъ, то суди самъ: могла ли смерть

произойти отъ Бога и быть дѣломъ рукъ Его?—Это все равно, какъ если бы свѣтъ произвелъ изъ себя тьму, сладость источила горечь. И почему бы такъ было? Развѣ у Всемогущаго могло не доставать средствъ, чтобы, создавъ человѣка, не отдавать его въ жертву смерти? — И для чего бы такъ было? — Кто отдается на смерть по суду человѣческому? Самые тяжкіе преступники. Гдѣ же было бы правосудіе Божественное, если бы смерть была удѣломъ человѣка невиннаго, каковымъ онъ вышелъ изъ рукъ творческихъ?

И пусть бы смерть не сопровождалась по крайней мѣрѣ страданіями! Но посмотрите на большую часть умирающихъ: это ли дѣло природы и рукъ Божіихъ?—Нѣтъ, или смерть не естественна человѣку и есть, какъ учитъ Свящ. Писаніе, слѣдствіе не природы и Творца, а плодъ повреждения и грѣха,—или Творецъ не благъ и не правосуденъ.

Посему тѣ, кои легкомысленно думаютъ, что смерть есть ни что иное, какъ дань природѣ, должны вмѣстѣ съ тѣмъ уже иначе думать о Богѣ и Его совершенствахъ, или, точнѣе сказать, отвергать большую часть сихъ совершенствъ, какъ, къ сожалѣнію, и бываетъ со многими изъ нихъ. Мы же возьмемъ изъ сего нашего собесѣдованія тотъ урокъ, чтобы не употреблять легкомысленно языческаго выраженія о смерти, что она есть дань природѣ; нѣтъ, эта дань—не природѣ, а грѣху, или, пожалуй, и природѣ, но не первобытной, чистой и невинной,—какою вышла она изъ рукъ Божіихъ,—а природѣ падшей, какою сдѣлалъ ее грѣхъ и діаволъ, какъ увидимъ въ слѣдующемъ нашемъ собесѣдованіи. Аминь.

Слово о происхожденіи смерти.

Въ прошедшемъ собесѣдованіи нашемъ мы видѣли, даже при слабомъ мерцаніи слабаго ума человѣческаго, что смерть не есть и не можетъ быть принадлежностію самой природы нашей и произведеніемъ нашего Творца, и что думать такимъ образомъ, какъ, къ сожалѣнію, думаютъ нѣкоторые, значило бы оскорблять величіе Божіе и особенно Его несомнѣнную, безконечную благость, даже Его правосудіе. Послѣ сего представляется неизбѣжный вопросъ: откуда же смерть, и какъ она вошла къ намъ въ природу нашу и во весь родъ человѣческій?

Собственная природа наша не даетъ на это отвѣта; не отвѣчаютъ и лѣтописи, ни самыя преданія рода человѣческаго.

Но даетъ отвѣтъ Откровеніе Божественное, такой отвѣтъ, который невольно принимаетъ здравый разумъ человѣческій, незараженный мудрованіемъ и предразсудками.

Изложимъ сей отвѣтъ во всей простотѣ, какъ подобаетъ важности подобнаго предмета.

Смерти не было и не могло быть во вселенной, какъ произведеніи Существа всесовершеннаго, въ царствѣ Божіемъ. Она есть произведеніе не Творца, а самыхъ тварей, слѣдствіе злоупотребленія ихъ свободы и дѣятельности. Тутъ весьма понятно для каждаго, что существа разумносвободныя могли употребить и произволъ, и волю, и силы свои, какъ восхотѣли — на добро или на зло: могли устремиться по пути правды и жизни вѣчной, или, устремившись по противоположному пути зла и неправды, пойти вопреки законовъ своего Творца, отдѣлиться отъ Него, единственнаго Источника жизни и благобытія, и въ семъ отдѣленіи отъ Него и противоположности Ему, необходимо срѣтиться съ паденіемъ, превращеніемъ своихъ силъ, истощеніемъ и наконецъ смертію.

Гдѣ и какъ произошло это ужасное разлученіе существъ разумносвободныхъ съ Источникомъ жизни и безсмертія,—съ Богомъ?—

Слово Божіе сказываетъ намъ,—и кто бы могъ сказать это намъ безъ него?—что такое ужасное превращеніе послѣдовало не на землѣ, а на небѣ; послѣдовало, по всей вѣроятности, еще до сотворенія земли нашей и рода человѣческаго.

Первый мертвецъ былъ не на землѣ, въ Эдемѣ, какъ мы обыкновенно представляемъ, а на небѣ, у самаго престола Божія, и былъ не человѣкъ, а Ангелъ, даже едва-ли не первый изъ Архангеловъ. Онъ былъ ближайшимъ зрителемъ совершенствъ Божіихъ, первымъ пріемникомъ свѣта несозданнаго, и слѣдовательно блаженнѣйшимъ изъ существъ сотворенныхъ.

Что могло недоставать къ совершенству его, къ упроченію за нимъ сего совершенства на всю вѣчность, кромѣ благодарнаго повиновенія и любви къ своему преблагому Создателю?—Но сего-то именно и недостало! Какъ и почему недостало? Это тайна, для насъ неизслѣдимая! Но сей свѣ-

тоносный Архангелъ не устоялъ въ своемъ чинѣ, не удовлетворился своимъ достоинствомъ и блаженствомъ, возсталъ противъ своего Творца и Благодѣтеля, возмнилъ безумно, что не только можетъ обойтись безъ Его благоволенія, но и открыто вступить съ Нимъ въ борьбу.

Произошла брань — твари съ Творцемъ: Архангелъ съ клевретами своими (ибо безуміе его раздѣлили съ нимъ и другіе Ангелы) не устоялъ противъ Всемогущаго, и съ неба низринутъ въ преисподнюю!...

Вотъ первый мертвецъ и первое кладбище въ мірѣ!—Не имѣя, какъ духи, нашего тѣла возмутившіеся Ангелы не могли имѣть нашей смерти; но вмѣстѣ съ возмущеніемъ своимъ, съ отлученіемъ чрезъ грѣхъ отъ Бога, они тотчасъ потеряли жизнь и блаженство, содѣлались мертвыми для жизни въ Богѣ, потеряли силу и блаженство. Какъ духи нетлѣнные, они не могли потерять вовсе бытія, не могли разрѣшиться на части и истлѣть какъ тлѣетъ наше тѣло, но подверглись стократъ большей смерти—вѣчному и невозвратному отлученію отъ Бога—единственнаго Источника всякой истинной жизни.

Можете представить, какой ужасный безпорядокъ долженъ былъ произойти во всемъ сотворенномъ мірѣ отъ этого ужаснаго превращенія безплотныхъ духовъ, отъ этой смерти Архангеловъ и Ангеловъ!... Тутъ можно было ожидать разрушенія всей вселенной!.. Можно было ожидать, что само творчество Божественное откажется болѣе творить и производить новые роды существъ разумно-свободныхъ.

Но здѣсь-то и открылась преизбыточествующая бездна премудрости и силы Божіей. Явился новый міръ—нашъ, и среди его человѣкъ... Онъ также, какъ увидимъ, не устоитъ въ данномъ ему совершенствѣ, подвергнется въ свою чреду смерти, но какъ бы именно для того, чтобы на немъ открылось, что для всемогущества и благости Божіей нѣтъ предѣловъ, какъ мечталъ безумно первый падшій Архангелъ.—Аминь.

Слово о томъ, какъ произошла смерть въ родѣ человѣческомъ.

Мы видѣли, какъ смерть открылась въ первый разъ въ мірѣ, открылась вопреки намѣренію и волѣ Творца; видѣли,

какъ произвелъ ее въ себѣ падшій Архангелъ и сообщилъ другимъ ангеламъ. Теперь прибавимъ только одно, что эта первая смерть въ мірѣ ангельскомъ была самая ужасная, ибо она тотчасъ сдѣлалась смертію и вѣчною, отъ коей нѣтъ воскресенія.

Какъ ни ужасна была эта смерть, на насъ она не имѣла никакого вліянія, ибо насъ, рода человѣческаго, даже нашей земли и неба, тогда, по всей вѣроятности, еще не существовало.

Между тѣмъ, для показанія безпредѣльности своего могущества и благости, Творцу благоугодно было произвести нашъ міръ видимый, чувственный и тѣлесный. Во главу его произведено и поставлено такое существо, которое совокупляло въ себѣ и духъ и тѣло. То былъ первый человѣкъ, наши прародители. По душѣ своей и по внутренности своего существа это были ангелы; но сіи ангелы облечены были тѣлесностію, и въ семъ отношеніи походили на прочія тѣлесныя существа нашей земли.

Тѣло ихъ своимъ видомъ, частями, дѣйствіями, безъ сомнѣнія, походило на наше тѣло, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно имѣло великое число совершенствъ, коихъ нѣтъ въ нынѣшнемъ нашемъ тѣлѣ. А главное — оно было безсмертно, не въ томъ смыслѣ, чтобы не могло умереть, какъ напр. душа, а въ томъ, что заключало въ себѣ возможность и способность не умирать. а жить вѣчно, чего нѣтъ уже въ нынѣшнемъ нашемъ тѣлѣ.

Таковая драгоцѣнная способность зависѣла отъ разныхъ причинъ, а первѣе всего отъ того, что невинный человѣкъ былъ образъ Божій, былъ пріискренно соединенъ съ своимъ первообразомъ. Вѣчная жизнь изъ существа Божія прямо струилась въ существо человѣка, наполняя душу его, а чрезъ нее и самое тѣло мощью и нетлѣніемъ. Вмѣстѣ съ симъ, или точнѣе сказать, по тому самому, тѣлесная природа первыхъ человѣковъ была превыше нынѣшняго господства надъ нею стихій, по коему дѣйствуютъ на нее столько началъ разрушительныхъ. Въ природѣ, окружавшей человѣка, ничто не вредило его здравію и силамъ, а напротивъ, все стремилось къ поддержанію его, если бы въ томъ была нужда. Я говорю: еслибы. ибо тѣлесность человѣка чистая, проникнутая силою Богоподобія душевнаго, вмѣсто того, чтобы

имѣть нужду въ поддержаніи своей силы, могла сама быть источникомъ подкрѣпленія и оживленія для окружающихъ ее тварей, низшихъ ея.

По всему этому первый человѣкъ, не смотря на то, что въ составъ существа его входило тѣло чувственное, обладалъ способностію не умирать, а жить вѣчно.

Но онъ могъ и умереть. Путь къ этому несчастію былъ одинъ—отдѣленіе отъ Бога, Источника жизни, причемъ неминуемо человѣкъ предоставлялся самому себѣ, и не имѣя въ самомъ себѣ источника живота, долженствовалъ подвергнуться безсилію и разрушенію всего того, что въ немъ было разрушимаго, то есть, всей его тѣлесности. А къ разлученію съ Богомъ путь для человѣка также былъ одинъ—уклоненіе отъ воли Божіей, грѣхъ.

Для того, чтобы не впасть въ грѣхъ и противленіе волѣ Божіей, и чрезъ то не потерять безсмертія, человѣкъ снабженъ былъ всѣмъ нужнымъ до полноты и избытка.

Но въ немъ была свобода, даръ высокій, необходимый для существа разумно-нравственнаго, но вмѣстѣ и крайне опасный, ибо по силѣ этой свободы и человѣкъ, какъ прежде Архангелъ на небѣ, могъ изъ себя сдѣлать, что угодно, могъ остаться въ соединеніи съ Источникомъ жизни—Творцемъ своимъ, могъ и удалиться отъ Него, къ величайшему своему вреду и пагубѣ.

Чтобы помочь человѣку скорѣе обнаружить свою свободу и волю и чрезъ употребленіе ихъ на доброе утвердиться въ добрѣ, отеческій Промыслъ Божій далъ человѣку въ испытаніе положительную заповѣдь о невкушеніи отъ плодовъ одного изъ древъ райскихъ. Симъ всѣ случаи къ паденію сводились въ одинъ случай, всѣ возможныя искушенія невиннаго человѣка на зло (которыя, какъ увидимъ сейчасъ, предстояли ему) сокращались въ одно, самое невеликое искушеніе, которое преодолѣть было весьма не трудно.

Чтобы еще болѣе оградить человѣка отъ злоупотребленія своею свободою и отъ всѣхъ противныхъ внушеній, всеблагій Творецъ указалъ даже на пагубныя послѣдствія нарушенія заповѣди, данной человѣку, и объявилъ прямо, что непосредственнымъ слѣдствіемъ того будетъ смерть. *Въ оньже аще день снѣсте отъ него* (отъ плодовъ запрещеннаго древа), *смертію умрете* (Быт. 2, 17), то есть, по силѣ сего выраженія

на священномъ языкѣ, умрете неминуемо, ужасно, подвергнетесь бѣдствію величайшему.

Такимъ образомъ мы всевозможно ограждены были со всѣхъ сторонъ отъ опасности. Поелику намъ необходимо было показать свою свободу, рѣшить самимъ, яко существамъ разумнымъ, свою участь, избрать, такъ сказать, себѣ образъ бытія или въ соединеніи съ Богомъ, по намѣренію и плану, или по своему мудрованію и прихоти, то для насъ нарочно изобрѣтенъ къ тому самый простой и легкій случай. Но вмѣстѣ съ тѣмъ взяты всѣ мѣры, чтобы этотъ роковой опытъ былъ съ нашей стороны удаченъ и счастливъ.

Вообразимъ теперь положеніе нашихъ прародителей въ Эдемѣ, даже поставимъ себя тамъ вмѣстѣ съ ними—мысленно: вотъ предъ нами древо запрещенное съ его плодами, а надъ нимъ заповѣдь Божія съ угрозою смерти.

Не должно ли сказать о семъ положеніи того, что Пророкъ говорилъ потомъ отъ лица Божія народу Израильскому: *се дахъ предъ лицемъ твоимъ жизнь и смерть* (Второз. 30, 19; см. стихи 15—18), избирай, то есть, самъ любое!

Дѣйствительно, въ Эдемѣ была предъ лицемъ нашимъ не токмо жизнь, ибо мы ею пользовались, а самое безсмертіе и смерть.

Кто бы могъ ожидать, что мы будемъ такъ не разумны, такъ, можно сказать, враждебно ненавистны къ самимъ себѣ, что отвергнемъ и безсмертіе и жизнь, а изберемъ произвольно—смерть?—

Но такъ именно случилось, какъ увидимъ въ слѣдующемъ собесѣдованіи *).

Теперь же еще скажемъ нѣсколько словъ въ поясненіе нашего эдемскаго безсмертія.

Нѣкоторыхъ, какъ мы замѣтили прежде, смущаетъ недоумѣніе, какъ бы тѣло человѣческое могло быть не смертнымъ?—А почему бы, спросимъ, оно—безъ грѣха—могло быть смертнымъ? Откуда бы возникла въ немъ смерть? Отъ Бога? Но Онъ наполнилъ всего человѣка даже Своею жизнію, которая съ усовершеніемъ человѣка проникла бы его до обоженія, какъ въ тѣлесной природѣ Спасителя нашего. Изъ міра внѣшняго? Но въ немъ не было нынѣшней смерти и

*) Между рукописями покойнаго преосвященнаго не оказалось обѣщаннаго здѣсь собесѣдованія.

тлѣнія. Изъ самаго человѣка? Но въ немъ, доколѣ онъ не палъ въ грѣхъ, была единая жизнь. Если солнце и луна доселѣ живы, то почему бы не быть живу человѣку.

Всѣ недоумѣнія отъ того, что мы составляемъ въ семъ случаѣ свои сужденія, по тѣлу нашему настоящему, но это тѣло не первобытное. Судимъ такъ стократъ неправильнѣе, какъ если бы кто судилъ о драгоцѣнной царской порфирѣ, когда она обратилась въ рубище.

Вспомнимъ при семъ слова Апостола Павла: *есть тѣло душевное и есть тѣло духовное* (1 Кор. 15, 44). Первобытное тѣло должно быть близко къ послѣднему, если еще и не было духовнымъ, а въ духовномъ нечему тлѣть и разлагаться на части.

Неужели человѣку, подумаетъ еще кто-либо, не предстояло никакого измѣненія. неужели онъ долженъ былъ оставаться на землѣ вѣчно? Такимъ образомъ совершенно не достало бы на землѣ мѣста для обитанія рода человѣческаго.

Можетъ быть, и предстояла нѣкая перемѣна бытія, некій восходъ въ горняя, но развѣ путь къ этому одна нынѣшняя смерть? Посмотрите на Еноха и Илію, безъ смерти взимаемыхъ изъ нашего міра! Посмотрите на возлюбленнаго Спасителя нашего, возносящагося съ Елеона на небо!— Аминь.

Слово о томъ, какимъ образомъ грѣхъ породилъ смерть.

Мы видѣли, что смерть есть наказаніе за грѣхъ, что она произошла не изъ устройства природы нашей, а изъ плода запрещеннаго, или, что то же, изъ нарушенія заповѣди Божіей. Но здѣсь тотчасъ срѣтаетъ насъ новый и важный вопросъ: какимъ образомъ грѣхъ породилъ смерть: самъ ли изъ себя, какъ изъ ядовитаго сѣмени выходитъ ядовитое древо, или заставивъ правосудіе Божіе навести на насъ смерть со внѣ? Ибо наказанія вообще бываютъ двоякаго рода: одни проистекаютъ изъ существа самыхъ преступленій и слѣдуютъ за ними, какъ тѣнь за вещію; другія налагаются извнѣ, правосудіемъ Божескимъ или человѣческимъ. Такъ напримѣръ мученія совѣсти естественно слѣдуютъ за всѣми грѣхами; равно какъ и нѣкоторыя болѣзни прямо проистекаютъ изъ нѣкоторыхъ пороковъ. Это наказанія за грѣхъ, такъ назы-

ваемыя, естественныя. Но бываютъ наказанія за грѣхъ совнѣ, какъ напримѣръ потопъ: его навела за грѣхъ на весь родъ человѣческій всемогущая сила Божія.

Какимъ же образомъ, повторяемъ, грѣхъ родилъ смерть—самъ изъ себя, или заставивъ правосудіе Божіе навести на человѣка смерть совнѣ?

Нисколько не сомнѣваемся, братіе мои, утверждать предъ вами первое и сказать, что и въ семъ отношеніи, Богъ, какъ говоритъ Писаніе, *смерти не сотвори*, а она вышла сама собою изъ грѣха. Ибо мы не видимъ изъ священной исторіи, что по паденіи человѣка сдѣлано было какое-либо особенное распоряженіе къ тому, чтобы онъ былъ пораженъ смертію. Напротивъ, все дѣйствіе Правосудія Божія состояло только въ томъ, что онъ былъ предоставленъ самому себѣ, или точнѣе сказать разрушительной силѣ грѣха, въ него воцарившагося. Правда, Моисей сказываетъ, что прародитель нашъ былъ удаленъ изъ рая именно потому, дабы не вкусилъ онъ плода древа жизни и не остался живъ во вѣкъ, но это было только лишеніе ихъ чрезвычайнаго средства къ поддержанію въ себѣ нескончаемой жизни, а не прямая причина ихъ смертности. Причина сія сокрывалась въ нихъ самихъ—въ грѣхѣ, ихъ заразившемъ собою. Такъ какъ бы кто лишилъ больнаго лекарства, могущаго предотвратить на время смерть, то нельзя было бы сказать, что смерть произошла отъ недостатка лекарствъ. Она произошла отъ болѣзни, а лекарства могли бы только замедлить ее. *(Не окончено).*

Слово о томъ, что сдѣлалъ Іисусъ Христосъ со смертію.

Если съ чѣмъ, то со смертію, повидимому, никогда не было никакой перемѣны: она всегда одна и та же. Какъ умеръ первый человѣкъ, такъ умретъ и послѣдній.

Между тѣмъ съ смертію произошла перемѣна великая, такъ что она теперь совсѣмъ не то, чѣмъ быть долженствовала и чѣмъ была бы, если бы не пришелъ Тотъ, Кто смертію Своею, какъ воспѣваетъ Церковь, попралъ смерть.

Въ чемъ же перемѣнилась смерть? Въ томъ, что она есть теперь разлученіе души отъ тѣла не вѣчное, а временное; въ томъ, что всѣ умершіе по прошествіи извѣстнаго

времени должны выйти нѣкогда изъ гробовъ и паки облечься тѣломъ уже безсмертнымъ; въ томъ, что сама смерть нѣкогда упразднится.

Перемѣна, какъ сами видите, великая. Ея не было бы, если бы смерть осталась такою, какова она по своей природѣ. Тогда человѣкъ остался бы таковымъ вѣчно: тогда тѣло, разлучившись отъ души, никогда уже не соединилось бы съ нею.

Кто же произвелъ эту *великую* перемѣну съ смертію? Божественный Искупитель нашъ Іисусъ Христосъ. Какимъ образомъ? Тѣмъ, что Самъ претерпѣлъ за насъ смерть. *Смертію смерть поправъ,* воспѣваетъ Церковь.

Какимъ образомъ смерть Христова перемѣнила нашу смерть? *(Не окончено).*

Слово объ участи самой смерти.

Доселѣ мы обозрѣвали область смерти въ ея прошедшемъ и настоящемъ: посмотримъ теперь на нее въ ея будущемъ, ибо и это можемъ мы сдѣлать съ сего священнаго мѣста. Разумъ человѣческій ничего не можетъ сказать объ участи самой смерти, а слово Божіе можетъ, и говоритъ.

Что говоритъ? Внемлите, въ назиданіе и утѣшеніе ваше.

Владычество смерти, хотя уже и побѣжденной и связанной и предназначенной къ уничтоженію, должно продолжаться до конца міра надъ родомъ человѣческимъ, для его же, какъ мы видѣли, блага и вразумленія. Посему, безразсуденъ былъ бы изъ людей тотъ, кто покушался бы какимъ бы то ни было образомъ избѣжать смерти на землѣ: это не возможно! Всѣ и каждый должны пройти путемъ гроба и тлѣнія въ персти земной. Можемъ только и должны всѣ достигать кончины мирной, непостыдной и даже безболѣзненной, какъ о томъ молитъ за насъ ежедневно сама св. Церковь.

Но предъ концемъ міра со смертію произойдетъ, по свидѣтельству слова Божія, великая и необыкновенная перемѣна, состоящая въ томъ, что тѣ, коихъ кончина міра застанетъ въ живыхъ (а таковыхъ должно быть великое множество), уже не умрутъ, подобно всѣмъ прежнимъ людямъ, а вмѣсто смерти претерпятъ нѣкое особеннаго рода измѣ-

неніе, которое должно произвести надъ ними то же, что производила надъ другими смерть, только другимъ образомъ; то есть вслѣдствіе сего чудеснаго измѣненія, имѣющаго, по увѣренію св. Павла, совершиться *во мгновеніи ока,* самымъ кратчайшимъ образомъ, — все смертное въ нихъ будетъ пожерто животомъ, и они явятся вмѣстѣ со всѣми воскресшими изъ мертвыхъ въ новомъ тѣлѣ, неподлежащемъ уже тлѣнію, но безсмертномъ и вѣчномъ. *Вси бо,* пишетъ Апостолъ, *не успемъ,* то есть, не умремъ, *вси же измѣнимся* (предъ концемъ міра): *вскорѣ, во мгновеніи ока* (1 Кор. 15, 51—55).

Таковое чудесное измѣненіе и преложеніе временной жизни на вѣчную безъ настоящаго нашего умиранія и разрѣшенія души отъ тѣла, очевидно, будетъ не естественнымъ дѣйствіемъ силъ природы, а слѣдствіемъ всемогущаго гласа Божія, хотя и силы природы, предъ концемъ міра, должны придти въ особенное движеніе и могутъ производить посему явленія необыкновенныя.

Послѣ воскресенія мертвыхъ, послѣ обновленія всего міра, послѣ суда послѣдняго и рѣшенія на немъ участи всѣхъ и всего на всю вѣчность, для смерти нынѣшней, очевидно, не останется никакого мѣста; почему и сказано въ откровеніи Іоанновомъ, что *смерти не будетъ къ тому,* и въ другомъ мѣстѣ: *смерть и адъ будутъ ввержены въ озеро огненное* (Апок. 20, 14; 21, 4).

Такимъ бы образомъ должно было совершенно окончиться ужасное владычество смерти, и исчезнуть самые послѣдніе слѣды ея. Но, увы, она не исчезнетъ совершенно и тогда! Останется, увы, останется навсегда одинъ видъ ея, видъ новый, который обнаружитъ себя именно тогда, какъ настоящая смерть прекратится. Священное Писаніе называетъ это смертію второю. Въ чемъ будетъ состоять она? Въ томъ, что нѣкоторые изъ воскресшихъ людей окажутся неимущими въ себѣ жизни Божіей, духа Христова, ни даже начатка того и другаго, окажутся вслѣдствіе грѣховъ и совершенной нераскаянности въ нихъ всецѣло проникнутыми духомъ злобы адской, вообразившими въ себѣ образъ врага Божія, діавола. Надъ таковыми-то несчастными возгосподствуетъ смерть вторая, и они, подобно праведнымъ, будутъ облечены въ тѣла нетлѣнныя, и на нихъ прежняя нынѣшняя смерть не будетъ имѣть никакого дѣйствія; но, не имѣя способно-

сти къ жизни въ Богѣ, ко пребыванію въ обителяхъ Отца небеснаго, они будутъ удалены въ адъ, къ духамъ отверженнымъ на всю вѣчность. Такое безсмертіе будетъ стократъ хуже смерти, ибо вѣчность ихъ будетъ самая злополучная.

Очевидно, кто виновенъ будетъ въ этой ужасной второй смерти: сами грѣшники. Освободиться отъ нея уже не будетъ возможности. Ибо тогда все кончено, и нѣтъ возврата.

Сея-то смерти должно бояться паче всего, а не нашей тѣлесной, за коей должно слѣдовать воскресеніе. Аминь.

МЫСЛИ О БЕЗСМЕРТІИ *).

I.

1. Если человѣкъ не безсмертенъ, то на театрѣ міра нѣтъ постояннаго зрителя. Кто же оцѣнитъ достоинство того, что на немъ происходитъ? Надобно кому-нибудь быть на землѣ безсмертнымъ.

2. Истина безсмертія не противорѣчитъ ни одной истинѣ: многія, напротивъ, связаны съ нею неразрывно, стоятъ и падаютъ вмѣстѣ съ нею. Весь порядокъ нравственный таковъ именно: нѣтъ безсмертія, нѣтъ и его.

3. Можетъ ли быть человѣкъ честенъ и добръ, безъ безсмертія? — Можетъ—по причинѣ доброты природной, привычки, недостатковъ искушенія сильнаго и проч. Но обязанъ ли быть?—Очевидно, нѣтъ. Ибо, чтобъ быть добрымъ положительно, въ нашемъ мірѣ надобно жертвовать многимъ, иногда даже жизнію. Что же можетъ наградить его за жизнь, если нѣтъ безсмертія? — Тогда законъ самосохраненія есть высшій изъ всѣхъ законовъ.

4. Коль скоро есть Богъ, то трудно не быть безсмертію души. Посему-то, отвергающіе послѣднее, отвергаютъ и первое.

---

*) Изъ этихъ отрывочныхъ, иногда недосказанныхъ мыслей современемъ составился бы рядъ поучительныхъ словъ о безсмертіи. Замѣтно уже и начало этого дѣла. Въ одномъ мѣстѣ, между предлагаемыми здѣсь мыслями, при вопросѣ «отъ чего именно усиливается въ человѣкѣ драгоцѣнное чувство своего безсмертія, и отъ чего ослабѣваетъ?» — Читаемъ. «отвѣтъ хотя краткій на сей важный вопросъ не будетъ чуждъ ни настоящихъ свѣтлыхъ дней, ни можетъ быть, душевнаго состоянія нѣкоторыхъ изъ слушателей». Осталось также начало слова въ недѣлю Св. Пасхи вотъ оно: «отчего нѣкоторые люди страдаютъ сомнѣніями о безсмертіи души своей?—Очевидно, потому что въ нихъ нѣтъ чувства бесмертія. А почему нѣтъ сего чувства? Казалось бы, что человѣку, яко предназначенному къ безсмертію, надобно имѣть сіе чувство; а имѣя сіе чувство, нельзя было бы и подлежать сомнѣніямъ: значитъ, они его потеряли, и значитъ — сіе драгоцѣнное чувство можетъ теряться?—Да, можетъ теряться, равно какъ можетъ и усиливаться.

5. Главное дѣло въ томъ: есть ли чему не разрушиться съ смертію, и пережить разрушеніе тѣла? А это зависитъ отъ того, отлична ли душа отъ тѣла? Два ли въ насъ разныя начала жизни, и такъ ли отличны, что одно духовное можетъ быть безъ другаго, тѣлеснаго?

Есть. Доказательство—жизнь; тутъ начала эти доходятъ даже до борьбы,—одно можетъ жертвовать другимъ, и осуждать его на смерть.

Въ смерти—физика уже разрушается, а душа цѣла. Не отъ разности ли это?

6. Мы не можемъ представить душу матеріальною: не можемъ представить, какъ она можетъ разрушиться, тлѣть. Мысль нетлѣнна, а душа есть мысль; желаніе нетлѣнно, а душа есть желаніе; воля нетлѣнна, а душа есть воля; вообще, сознаніе нетлѣнно, а душа есть сознаніе. Все, что мы можемъ представить въ семъ отношеніи, состоитъ въ томъ, что сознаніе можетъ померкнуть, престать, какъ бываетъ во снѣ. Но самый же сонъ, показывая возможность прекратиться сознанію, обнаруживаетъ, что, прекращаясь, оно чрезъ то не теряется; пробуждаясь, мы всегда находимъ его опять нерушимымъ.

7. Въ тѣлѣ ли условіе сознанія?—Теперь—въ извѣстномъ состояніи тѣла, но всегда ли такъ? Не можетъ ли быть сознанія безъ тѣла? Что теперь не бываетъ,—не доказательство невозможности, ибо теперь душа въ связи съ тѣломъ. Но такъ ли безъ тѣла—по смерти?

8. И если бы нужна была вообще тѣлесность для сознанія, то не остается ли его и въ смерти, сколько нужно? Вся ли тѣлесность исчезнетъ? Нѣтъ ли чего неразрушимаго?—Очень можетъ быть. Что оно невидимо,—это не доказательство, что его нѣтъ. Тонкое въ вещественномъ невидимо. Мало ли чего въ воздухѣ, что обыкновенно невидимо, а подъ стекломъ увеличительнымъ видимо.

II.

Истина безсмертія есть болѣе предметъ вѣры, нежели истина бытія Божія. Послѣдняя подлежитъ съ нѣкоторой стороны даже чувствамъ *(невидимая Божія,* говоритъ Апостолъ, *твореньми помышляема видима суть),* а первая всецѣло превыше чувствъ. Отчего такъ?—По естественному ли

устройству вещей, или вслѣдствіе какого-либо превращенія ихъ порядка?—Слово Божіе открываетъ намъ, что истина безсмертія затемнилась случайно, по причинѣ паденія человѣческаго. До паденія, безсмертіе было предметомъ не вѣры, а чувства; человѣкъ не чаялъ сего, какъ нынѣ, а обладалъ имъ—подобно тому, какъ будетъ обладать по воскресеніи; тогда смерти вовсе не было, не только въ человѣкѣ, но, конечно, и во всемъ мірѣ; тогда не было вѣка настоящаго и грядущаго въ томъ смыслѣ, какъ нынѣ, хотя за настоящимъ и слѣдовало будущее; посему истина безсмертія тогда, если судить по нынѣшнему, была яснѣе и ощутительнѣе самой истины бытія Божія, ибо Бога не всегда видѣлъ человѣкъ очами, а себя и въ себѣ жизнь вѣчную всегда ощущалъ всѣми своими чувствами.

Но пришелъ грѣхъ, и все превратилъ!—Онъ ввелъ смерть въ твореніе, онъ лишилъ человѣка безсмертія. Какъ лишилъ? Совершенно ли?—Слово Божіе сего не опредѣляетъ. Но, поелику оно будущую жизнь и воскресеніе приписываетъ дѣйствію заслугъ Христовыхъ,—значитъ, безъ нихъ всего этого не было бы; значитъ, что же? Что человѣкъ оставался бы въ узахъ смерти—по тѣлу ли одному, или по душѣ? То есть, уничтожился бы совершенно?—Кажется, послѣднее. Но можно утвердить и первое. Послѣднее привыкли утверждать болѣе по школьному понятію о духовности, и, слѣдовательно, неразрушимости души человѣческой, вслѣдствіе коей она якобы не могла умереть, то-есть уничтожиться, независимо отъ вліянія на сіе заслугъ Христовыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, если душа по натурѣ безсмертна, то грѣхъ не могъ убить ее, или, говоря точнѣе, уничтожить: онъ могъ только отнять у нея тѣло и блаженство.

Чѣмъ же, въ такомъ случаѣ, полезны заслуги Христовы?—Очевидно, не тѣмъ уже, чтобы спасти душу человѣческую отъ уничтоженія; а тѣмъ, что онѣ паки возвращаютъ ей тѣло, теряемое чрезъ смерть, и блаженство. Безъ Христа, человѣкъ, нисходя въ гробъ, уже никогда не вышелъ бы изъ него. Гдѣ же бы былъ, и что бы съ нимъ было?—Былъ бы, очевидно, въ мірѣ не нашемъ, а другомъ; терпѣлъ бы отъ неполноты своего бытія и грѣховности,—и, можетъ быть, что далѣе, то съ нимъ было бы хуже.

Теперь другое: смерть тѣла остается, но уже какъ вре-

менное, преходящее бѣдствіе, — притомъ такое, которое, вслѣдствіе особеннаго распоряженія, обращается во благо человѣку, служа къ очищенію его существа отъ всего, что произошло въ немъ зловреднаго отъ грѣха.

Но, вслѣдствіе сего новаго безпорядка и вмѣстѣ порядка вещей, — безпорядка, поколику онъ произошелъ отъ насъ, порядка, поелику выправленъ и благоустроенъ выше,—бытіе человѣка распалось, пошло по эпохамъ,—потому сдѣлалось непохоже само на себя: вмѣсто одного человѣка, явилось три—человѣкъ живущій, человѣкъ умершій, человѣкъ воскресшій. Каждое изъ этихъ отдѣльныхъ бытій отгорожено одно отъ другаго перегородкою темною, непроницаемою. Человѣкъ живущій не видитъ человѣка умершаго, человѣкъ умершій—живущаго и воскресшаго. Вотъ основаніе и неизбѣжность вѣры; вотъ какъ истина безсмертія одѣвалась облакомъ; вотъ какъ составилось: *чаю воскресенія мертвыхъ и будущаго вѣка.*

Отсюда ясно, что не природное устройство вещей, и, слѣдовательно, не Богъ виною того, что мы теперь не видимъ жизни вѣчной, и должны вѣровать въ безсмертіе. Богъ въ началѣ не только не сокрылъ его, а даровалъ на самомъ дѣлѣ. Но человѣкъ, потерявъ его, необходимо пересталъ видѣть потерянное и долженъ искать.

Но всемогущество Божіе, можетъ быть, могло бы помочь намъ и приближить къ нашему разумѣнію. Почему оно не дѣлаетъ сего?

III.

Вѣра въ безсмертіе въ родѣ человѣческомъ.

Вѣра въ безсмертіе и жизнь души за гробомъ была у людей всегда и вездѣ. Не было и нѣтъ народа, который бы вѣрилъ въ уничтоженіе по смерти; то, что нынѣ приводитъ въ невѣріе, всегда было предъ глазами людей, и, однакоже, не помѣшало имъ вѣрить въ безсмертіе. Это тѣмъ удивительнѣе, что простой человѣкъ, каковыми были люди въ глубокой древности, водится (болѣе) чувствами, нежели соображеніемъ. Возраженія противъ безсмертія всѣ, такъ сказать, чувственны, являются на полѣ опыта; подпоры безсмертія сверхчувственны: и, однакожъ, въ семъ отношеніи, чувственный человѣкъ, движимый чѣмъ-то особенно, умѣлъ

въ семъ случаѣ вознестись надъ чувствами, и вопреки тому, что видѣлъ, твердо и постоянно вѣрилъ въ то, что невидимо, что выше чувствъ. Какъ это могло быть? — Или въ природѣ человѣческой есть побужденія вѣрить въ другую жизнь, или эта вѣра получена свыше. Безъ сомнѣнія, она шла по преданію. А преданіе какъ началось? — Или съ опыта—явленій мертваго, или съ откровенія свыше. Какъ именно?—Изъ древнихъ сказаній видно, что вѣра въ безсмертіе соединялась постоянно съ вѣрою въ явленія умершихъ,—ихъ душъ или тѣней. Сказанія о семъ безчисленны. Откуда они? Не было ли тогда дѣйствительно больше явленій изъ другаго міра? — Есть причины думать, что два міра, нынѣ такъ другъ отъ друга разлученные, прежде были ближе одинъ къ другому,—посему и явленія умершихъ чаще...

IV.

Происхожденіе человѣка.

Происхожденіе человѣка нѣкоторымъ представляется дѣйствіемъ матеріальнымъ; какъ будто весь человѣкъ происходитъ отъ тѣла отца и матери.—Нѣтъ! отецъ и мать здѣсь въ отношеніи къ человѣку то же, что сѣятель и земля въ отношеніи къ сѣмени, которое повергается осенью въ землю, а весною выходитъ изъ земли, и является колосомъ или деревомъ. Въ чреслахъ отца сѣмя человѣка готово: кто уготовилъ его! — Очевидно, не самъ человѣкъ, ибо, хотя бы онъ хотѣлъ, не можетъ сдѣлать сего; мать, подобно землѣ, пріемлетъ сѣмя, но не даетъ ему бытія, а только развиваетъ его,—не по волѣ своей, когда хочетъ или не хочетъ, а когда такъ угодно Богу. Такимъ образомъ, отецъ и мать служатъ оба только поводомъ къ происхожденію человѣка, а отнюдь не производятъ его. Это два снаряда, кои обработываютъ третіе, — данное, пріуготовленное. Тутъ дѣйствуетъ сила Божія, непостижимая, какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ. Происхожденіе человѣка—тайна, подобная происхожденію всего міра. Изъ ней ничего нельзя извлечь ни pro, ни contra духовности и безсмертія души. Ибо не можемъ сказать строго, какъ образуется и тѣло, удивительно ли, что не можемъ объяснить, какъ происходитъ душа? Очевидно только, что душа является въ тѣлѣ, когда оно уже получило полноту своего состава, и является какъ бы въ сон-

номъ состояніи, и потомъ пробуждается постепенно къ сознанію и дѣйствію; ясно только, что эта душа прибываетъ не по частямъ, прикладываясь одно къ другому, а развивается изъ какого-то цѣлаго центра, въ коемъ вся была завита.

V

Откуда сомнѣніе въ безсмертіи.

У каждаго сомнѣвающагося оно рождается особеннымъ, ему свойственнымъ образомъ, въ коемъ онъ часто не можетъ дать отчета. Большею частію бываетъ такъ, что онъ не вѣритъ, такъ что, когда онъ начинаетъ размышлять, то уже придумываетъ только причины на продолженіе невѣрія. Слѣдовательно, невѣріе зараждается, безъ сознанія человѣка. Какъ? — Изъ разныхъ источниковъ: изъ чувственности изъ худой жизни, изъ чтенія или обращенія съ людьми невѣрующими и проч. и проч.

Между тѣмъ, нельзя отрицать, что невѣріе можетъ указать, въ опору себѣ и въ извиненіе, на нѣкоторыя явленія въ жизни человѣческой, и преимущественно на смерть.

Въ смерти человѣкъ весь исчезаетъ для насъ: тѣло ещетаки останется на нѣкоторое время, а души нѣтъ тотчасъ въ тѣлѣ; иначе мы и не хоронили бы тѣла въ землю. Душа по смерти невидима, не даетъ знать о своемъ существованіи ничѣмъ; *слѣдовательно, ея нѣтъ.*

Аргументъ—весьма сильный, повидимому, и однакоже, въ устахъ, отрицаюшихъ безсмертіе, онъ фальшивъ.

Душа невидима; она не даетъ знать о своемъ бытіи; слѣдовательно, ея нѣтъ. Не слѣдуетъ: въ заключеніи больше, нежели въ посылкѣ. Чтобы увѣриться въ семъ, стоитъ только вникнуть—на чемъ основано это заключеніе. На томъ предположеніи, что чего не видно, и что не даетъ о себѣ знать, того нѣтъ, то не существуетъ! Можете ли вы принять это положеніе?—Очевидно, не можете. Ибо есть вещи, кои невидимы, не даютъ о себѣ знать, и, однакоже, существуютъ: иначе существовало бы только то, что видимо и даетъ знать о себѣ: нелѣпость! Душа можетъ быть невидима, можетъ не давать о себѣ знать, и, однакоже, можетъ существовать,— какъ уѣхавшій на кораблѣ, куда-либо, когда онъ къ вамъ не пишетъ. Доколѣ вы не получили извѣстія, что онъ умеръ,

вы, и не видя его, и не получая отъ него никакого извѣстія, думаете, что онъ живъ и что ему мѣшаетъ что-либо дать вамъ знать о себѣ. Такъ, по крайней мѣрѣ, думаете и объ умершихъ, коихъ уѣхало много, и ни одинъ не пишетъ—не даетъ о себѣ знать. Да этого, во-первыхъ, нельзя сказать: есть явленія умершихъ, или ихъ дѣйствія, кои не подлежатъ сомнѣнію, хотя они рѣдки. Во-вторыхъ, очевидна причина, по коей они не даютъ о себѣ знать: у нихъ нѣтъ органа тѣлеснаго, чрезъ который могли бы сообщаться съ нами; и эта причина дѣйствуетъ у всѣхъ ихъ равно. Разбейте инструментъ у самаго лучшаго артиста и не дайте ему другаго: онъ не заиграетъ предъ вами, хотя онъ живъ и цѣлъ со всею способностію къ игрѣ. Въ сонномъ (человѣкѣ) душа жива и цѣла; онъ лежитъ предъ вами; вы кладете на него руку: однако же, онъ не даетъ вамъ знать о себѣ, хотя, можетъ быть, въ эту самую минуту видитъ васъ во снѣ и бесѣдуетъ съ вами.

Какъ люди дѣлятся по отношенію къ догмату о безсмертіи.

Жизнь по смерти для нѣкоторыхъ есть предметъ невѣрія, для нѣкоторыхъ — сомнѣнія, для нѣкоторыхъ — разумнаго убѣжденія, для нѣкоторыхъ—чувства, для нѣкоторыхъ—вѣры, для нѣкоторыхъ—опыта.

Съ невѣріемъ въ безсмертіе совмѣстна ли вѣра въ Бога?

Въ понятіи можно отдѣлять эти двѣ вещи и, уничтожая первую, выхитрить существованіе для послѣдней, хотя оно, по необходимости, будетъ гораздо бѣднѣе, нежели въ содружествѣ съ первою. Но на дѣлѣ и опытѣ трудно найти человѣка, который бы *твердо и съ сознаніемъ* вѣрилъ въ Бога, не вѣруя въ безсмертіе. Сколько знаемъ, всѣ вѣрившіе въ Бога, вѣрили и въ безсмертіе; а невѣрившіе въ безсмертіе не вѣрили и въ Бога, или имѣли о Немъ понятіе самое темное и бѣдное.

При невѣріи въ безсмертіе, можетъ ли стоять добродѣтель?

Честность гражданская до извѣстной степени можетъ: потому что ей въ опору остается страхъ наказанія и *удовольствіе естественное* отъ добра. Но послѣднее слабо, первое не обнимаетъ всѣ случаи.

Бываютъ случаи, что надобно избирать одно изъ двухъ—сохранить правду или жизнь. Что заставитъ человѣка предпочесть правду жизни, если нѣтъ безсмертія?—Любовь къ правдѣ? Нелюбовь къ жизни? — Откуда возьмется первая? Изъ сильнаго развитія чувства правды, — вообще, развитія души?—Но какъ она разовьется, не вспомоществуемая надеждою жизни вѣчной?—Въ такомъ разѣ, на человѣкѣ будетъ даже обязанность предпочесть жизнь правдѣ; даже по любви къ правдѣ: ибо, сохранивъ жизнь измѣною правдѣ, онъ еще много разъ будетъ имѣть случаи дѣлать правду и помогать другимъ дѣлать ее, или препятствовать нарушать ее; а пожертвовавъ правдѣ жизнію. онъ лишится навсегда и жизни и правды.

* *

Если нѣтъ безсмертія, то смерть наша есть вещь естественная. Почему же мы отъ ней такъ отвращаемся? Отъ вещей естественныхъ мы не отвращаемся: отъ пищи, отъ сна. отъ дыханія, отъ различныхъ видовъ дѣятельности. Отвращаемся только отъ неестественнаго: отъ голода, отъ болѣзней, отъ жестокости, пьянства и проч. Значитъ, и смерть принадлежитъ, поелику мы отвращаемся отъ ней, къ вещамъ неестественнымъ. Природѣ нашей слѣдовало быть безъ ней.

* *

Богъ безсмертенъ. Одинъ ли? — Не можетъ быть, чтобы въ мірѣ не было существъ безсмертныхъ.

Богъ праведенъ,—и далъ намъ стремленіе къ праведности. Но праведность въ этомъ мірѣ требуетъ иногда въ жертву себѣ жизни. Гдѣ же, въ такомъ случаѣ, опора для ней, если нѣтъ безсмертія? Въ такомъ случаѣ, человѣкъ, умирающій за правду, былъ бы,—дерзнемъ сказать,—праведнѣе Самого Бога.

Богъ истиненъ,—Онъ не вложилъ бы въ нашу душу жажду жизни вѣчной, если бы послѣдней не было и смертію все оканчивалось.

* *

Изъ образованныхъ людей немногіе увѣрены въ безсмертіи: большая часть въ сомнѣніи о томъ; иные вовсе не вѣрятъ, даже явно показываютъ свое невѣріе.

Какъ бы образованнымъ людямъ,—подумаетъ кто-либо,—не быть увѣреннымъ въ безсмертіи, если бы можно было увѣриться?

Увы,—не хотѣлось бы намъ говорить противъ людей образованныхъ и винить ихъ въ чемъ-либо,—тѣмъ паче въ настоящемъ случаѣ. Но мы увѣрены, что многимъ изъ нихъ самихъ пріятно будетъ узнать и признать свою вину.

1) Не должны ли сознать образованные, что въ нихъ менѣе дѣйствуетъ чистая природа человѣческая, что голосъ ея не такъ слышимъ, что ихъ какъ жизнь, такъ и чувства и мысли заключаютъ въ себѣ много искусственнаго, не чисто человѣческаго, — что они, въ семъ отношеніи, уступаютъ людямъ необразованнымъ, но сохранившимъ свою природу? Но увѣренность въ безсмертіи выходитъ изъ природы, изъ внутренняго чувства, изъ совѣсти. Удивительно ли, послѣ сего, что голосъ безсмертія менѣе слышенъ людямъ образованнымъ?

2) Многіе ли изъ людей образованныхъ серьезно размышляли объ истинѣ безсмертія?—Рѣдкіе. А истина безсмертія, коль скоро приводится къ допросу ума, требуетъ въ жизни многихъ справокъ, изслѣдованій, соображеній. Послѣ сего, нечего дивиться, что люди образованные страдаютъ невѣріемъ въ жизнь будущую.

3) Спросите у сомнѣвающихся: убѣждены ли они въ невѣріи своемъ? По справкѣ окажется, что убѣжденія нѣтъ, потому что и изслѣдованія не было,—и что невѣріе есть слѣдствіе лѣности умственной, подражанія, худой совѣсти, нечистой жизни.

4) Большей части людей образованныхъ выгоднѣе не вѣрить, нежели вѣрить въ безсмертіе.

VI.

Есть ли въ человѣкѣ чувство своего безсмертія?—Должно быть. Какъ существо, предназначенное къ безсмертію, человѣкъ по этому самому не можетъ не имѣть предчувствія о томъ; и дѣйствительно, нѣтъ человѣка, который, въ извѣстныя минуты жизни, не ощущалъ въ себѣ того, что̀ превыше смерти. Во всѣхъ ли равно это чувство?—Нѣтъ: въ иныхъ очень сильно, въ иныхъ такъ слабо, что почти его нѣтъ. Отъ чего зависитъ эта разность? Отъ природы или воли самого человѣка?—Чувство безсмертія, какъ и всѣ

прочія чувства въ нашей душѣ, можетъ усиливаться и ослабѣвать. Когда прилагаютъ стараніе, то оно усиливается; когда небрегутъ о томъ,—тѣмъ паче, когда дѣйствуютъ противнымъ образомъ, то оно ослабѣваетъ.

Отъ чего же именно усиливается это драгоцѣнное чувство и отъ чего ослабѣваетъ?—Отвѣтъ, хотя краткій, на сей важный вопросъ не будетъ чуждъ ни настоящихъ свѣтлыхъ дней, ни, можетъ быть, душевнаго состоянія нѣкоторыхъ изъ слушателей.

Въ настоящемъ состояніи человѣка, въ составѣ его очевидно два начала: одно—безсмертное, которое не исчезаетъ въ смерти, другое—смертное, которое продолжается только до гроба, и тамъ разлагается и исчезаетъ. Каждое изъ сихъ началъ производитъ въ человѣкѣ сродное себѣ чувство: начало безсмертное производитъ чувство безсмертія, начало смертное производитъ чувство смертности. Оба начала эти, безсмертное и смертное, такъ тѣсно сочетаны, что составляютъ теперь одно цѣлое: посему-то и чувство безсмертія съ чувствомъ смертности сливается въ одно неопредѣленное чувство. Такая неопредѣленность чувствъ не долго можетъ продолжаться: съ продолженіемъ времени, когда человѣкъ начинаетъ дѣйствовать самостоятельно, одно какое-либо чувство беретъ верхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ другое слабѣетъ и умаляется. Если беретъ верхъ чувство безсмертія, то чувство смертности слабѣетъ; если, напротивъ, усиливается чувство смертности. то чувство безсмертія дѣлается слабѣе. Зависитъ же это отъ того, чѣмъ наиболѣе человѣкъ начинаетъ жить и дѣйствовать. Если онъ живетъ болѣе тѣмъ. что̀ есть въ немъ истинно безсмертнаго,—духомъ, совѣстію. закономъ: то усиливается чувство безсмертія. А если предается сильно тому, что̀ въ немъ есть смертнаго,—плоти и крови: то усиливается чувство смертности. И съ чѣмъ наиболѣе онъ живетъ, то̀ наиболѣе и чувствуетъ, тѣмъ наиболѣе и проницается, отъ того заимствуетъ силу и чувство.

И вотъ причина, почему въ міролюбцахъ сильно чувство смертности, и они боятся смерти, а въ людяхъ добродѣтельныхъ сильно чувство безсмертія, и они смотрятъ на гробъ, какъ другіе смотрятъ на свое ночное ложе.

VII—X.

Возраженія и рѣшеніе возраженій.

1) Человѣка невидно до рожденія, и мы говоримъ, что онъ не существовалъ. Его невидно по смерти: зачѣмъ же мы будемъ говорить, что онъ существуетъ? Случаи равны,—равное должно быть и заключеніе.

2) Въ смерти условія существованія, намъ извѣстныя, прекращаются; слѣдовательно, прекращается и бытіе, cessante causa, cessat effectus.

3) Если бы человѣкъ существовалъ по смерти, то онъ далъ бы знать какъ-либо о своемъ существованіи; но этого нѣтъ; слѣдовательно...

4) Если бы была жизнь за гробомъ, то отчего бы такъ прятать и скрывать ее? Невидно цѣли въ скрытности.

5) Животныя явно суть подобіе человѣка, и нѣкоторыя очень близки къ нему; но мы о всѣхъ ихъ утверждаемъ, что они небезсмертны. Зачѣмъ же исключеніе въ пользу одного человѣка? Это несправедливость, эгоизмъ человѣческій.

6) Въ человѣкѣ нѣтъ желанія безсмертія: есть только охота пожить подолѣе. Но, долго живши, онъ наскучилъ бы жить; вѣчность для него невыносима. Если въ насъ теперь не является этой скуки отъ бытія, то причиною сего сонъ: въ немъ мы кончаемъ бытіе, и опять принимаемъ; безъ него, не смотря на краткость жизни, мы наскучили бы ею.

7) Если бы человѣку суждено было жить всегда, то зачѣмъ и къ чему смерть? Она была бы не въ порядкѣ вещей. Какъ конецъ бытія, смерть умѣстна; а иначе—абсурдъ.

8) Доказательство отъ духовности души ничего недоказываетъ въ пользу безсмертія, ибо мы не знаемъ природы души. Слова: духъ, матерія, суть чисто относительны и условны: мы не знаемъ природы ни того, ни другаго; слѣдовательно, и не можемъ брать изъ нея твердыхъ заключеній.

9) Ученіе о небезсмертіи человѣка можетъ имѣть практическія полезныя стороны: заставить дорожить жизнію, нетерпѣть притѣсненій и самовластія, стремиться къ равенству и безобидному раздѣлу благъ жизни и проч. и проч.

10) Человѣку, большею частію, лучше быть добродѣтельнымъ, нежели порочнымъ,—хотя бы онъ не былъ безсмертнымъ.

11) Лучшіе изъ язычниковъ — Сократъ, Платонъ, Цицеронъ — не были твердо увѣрены въ безсмертіи; изъявляли болѣе желанія и догадки, нежели убѣжденіе и увѣренность въ семъ.

12) Усилиться ученію о безсмертіи помогли нужды и безпорядки этого міра. Будучи недовольны настоящимъ, естественно обращаются къ будущему. Чего сильно желаютъ, то̀ кажется существующимъ.

Вотъ все, что можно возразить противъ безсмертія *). Нѣкоторыя возраженія особенно могутъ смущать. Но на сторонѣ истины есть довольно средствъ къ уничтоженію всѣхъ сихъ возраженій.

Что имѣло начало, то будетъ имѣть и конецъ. Такъ обыкновенно говорятъ; но почему такъ говорятъ? Всѣ причины сводятся къ тому, что на опытѣ такъ бываетъ: имѣвшее начало—потомъ имѣетъ и конецъ. Дѣйствительно, опытъ вокругъ насъ представляетъ, большею частію, это явленіе. Большею частію,—но не всегда. Земля, явно, имѣла начало, но будетъ-ли имѣть конецъ?—этого опытъ не говоритъ нисколько. Небо имѣло начало, но будетъ ли имѣть конецъ?—этого опытъ не показываетъ. Вообще міръ имѣлъ начало, но послѣдуетъ ли конецъ?—этого по опыту нельзя сказать. Такимъ образомъ, самый опытъ, откуда добыто извѣстное правило, что имѣющее начало имѣетъ и конецъ, подтверждаетъ его только по частямъ, а не вообще. Вообще говоря, опытъ показываетъ, что многое, имѣющее начало, не имѣетъ конца.

Если за симъ отъ опыта взойти къ умозрѣнію, то окажется совершенно противное. Надобно сказать, что все, возъимѣвшее начало вѣчно, поколику не должно имѣть конца.

---

*) На л. VII нѣкоторыя изъ этихъ возраженій предложены въ другомъ видѣ,—именно:

Человѣка не было, можетъ по этому и не быть: ибо онъ явно, существо случайное,—безъ него міръ существовалъ и можетъ существовать.

Въ рожденіи, явно,—возникновеніе новое; почему не быть въ смерти уничтоженію?

Физическія явленія при смерти заставляютъ ли предполагать жизнь?—Нисколько. Напротивъ, они повелѣваютъ считать ее оконченною. По смерти, ни малѣйшаго слѣда бытія умершаго.

Царство животныхъ, явно, во многомъ сходно съ человѣкомъ: жизнь, движеніе произвольное, искусство, смыслъ, чувство, усердіе, злость, вѣрность, страсти. Мы все царство животныхъ обрекаемъ смерти, а себя однихъ исключаемъ, Резонно ли это? не явный ли эгоизмъ? Если же добиваться права на безсмертіе,—то всему семейству, а не Ивану только съ Петромъ.

Почему?—Потому что конецъ противоположенъ началу, такъ же, какъ холодъ—жару, какъ тьма—свѣту. Какъ одно выйдетъ изъ другаго?—это не возможно. Тутъ, вообще, тотъ же законъ, по коему физики утверждаютъ, что тѣлу, коему сообщено движеніе, вѣчно должно двигаться въ ту сторону, куда двинуто, доколѣ не встрѣтитъ препятствія *).

Если бы человѣкъ созданъ былъ для земли и не продолжалъ жить за гробомъ, то онъ въ правѣ жаловаться, что не попеклись хорошо помѣстить его. Зачѣмъ ему тогда было давать такія желанія и мысли! Зачѣмъ не дать то, что̀ нужно для удобства земной жизни? Теперь онъ можетъ переносить сіи неудобства благодушно, въ чаяніи вѣчной жизни; а коль скоро вознагражденія нѣтъ, то онъ въ правѣ роптать и обвинять. Скажутъ: ему все дано, что нужно. Нѣтъ, очевидно, недостаетъ многаго.

Безсмертіе никто не можетъ сдѣлать очевиднымъ,—правда; но кто можетъ очевиднымъ сдѣлать и небезсмертіе? — Доказательства матеріалистовъ нерѣшительны; все сводится къ тому, что тѣло умершаго истлѣваетъ, и мы перестаемъ видѣть его. Для насъ его болѣе нѣтъ; но есть ли оно само для себя,—этого мы не можемъ отвергать рѣшительно, уже потому, что не можемъ видѣть, какъ душа уничтожается. Скажутъ: есть причина подозрѣвать, что нѣтъ, коль скоро не видимъ. Такъ; но есть причина подозрѣвать, что есть. Какая причина?—Не только нравственная,—даже матеріальная: напримѣръ, присутствіе полной души предъ самою смертію, когда тѣло уже, можно сказать, полуразрушилось.

Я не былъ и не существовалъ,—а, очевидно, началъ быть, существую, cogito, ergo sum. Была какая-то сила, которая воззвала меня отъ небытія къ бытію, и которая потомъ содержитъ меня доселѣ въ бытіи.

Поелику я прежде не былъ, то могу и опять не быть; но поелику не былъ, и сталъ быть, то по опыту уже заключаю, что могу опять прійти въ небытіе и снова быть воззванъ—тою же силою—къ бытію. Это чистая и прямая логика.

Какъ же нѣкоторые думаютъ, что я, если потерялъ бытіе,—напримѣръ, въ смерти, то уже потерялъ его навсегда

*) На этомъ же листкѣ, отдѣльно, записано: «Воскресеніе Лазаря.—Паденіе Петра».

и невозвратно?—Тутъ, по крайней мѣрѣ, нѣтъ логики... Кто бы Онъ ни былъ, но воззвавши меня изъ совершеннаго небытія, то-есть, когда я вовсе не существовалъ,—какимъ образомъ не въ состояніи воззвать меня изъ временнаго небытія, въ которое, положимъ, приведетъ меня смерть? Но и это—чистое предположеніе. Сроднѣе, по мнѣ, думать, что, разъ получивши бытіе, должно уже существовать,—въ такомъ или другомъ видѣ,—вѣчно.

XI—XII.

Гдѣ говорится о безсмертіи?

У Даленбурга—въ «Богъ въ натурѣ». Томъ 3, ст. 311—323. Разсужденіе не сильное и не глубокое, но не худое.

«Легче быть безбожникомъ, нежели сомнѣваться въ безсмертіи».

2) Въ статьѣ о сумасшедшихъ—Низара, сказано, въ примѣчаніи, что сумасшедшіе предъ своею смертію приходятъ въ здравый разсудокъ и умираютъ съ сознаніемъ. Почему такъ, гг. физіологи?

3) Лафатера «Ansichten in die Ewigkeit.»

4) Екклезіаста, глав. III, 19—22.

У Массильона проповѣдь о достовѣрности будущей жизни—витіеватая, но внутрь дѣла не проникаетъ, безъ философіи.

Въ Апостольскихъ постановленіяхъ.

Recognitiones Clementis начинаются прекраснымъ разсужденіемъ о безсмертіи.

У Ефрема Сирина (въ «Христіанскомъ Чтеніи») есть проповѣдь противъ невѣрующихъ въ воскресеніе.

Отрывокъ въ рѣчи профессора Филомафитскаго, — въ Московскомъ университетѣ, на актѣ, 1844 г.

N.B. Удивительно было бы, если бы натура производила только такія временныя разумныя существа, какъ люди. Это значило бы, что матеріальная часть въ ней сильнѣе и продолжительнѣе; гора, напримѣръ, стоитъ цѣлыя тысячелѣтія, рѣка течетъ то же и проч.; а разумные зрители входили бы и выходили, — перемѣнялись, какъ въ театрѣ. Въ театрѣ это неизбѣжно и хорошо, а въ природѣ показывало бы слабость и бренность руки производящей.

ЗАМѢТКИ *).

1.

Душа наша окована со всѣхъ сторонъ воображеніемъ: образъ за образомъ. Эти образы составляютъ изъ себя міръ воображенія. Міръ этотъ крайне много значитъ для души. Слѣпой, напримѣръ, въ немъ только и живетъ. Мертвый **) имъ, можетъ быть, только и ограниченъ. Слѣдовательно, какъ важно пополнять душу воображеніями чистыми. Это все равно, какъ бы кто созидалъ для себя домъ, готовилъ кушанье, шилъ платье, собиралъ библіотеку: очевидно, всякій старается, если можно, устроить всѣ эти вещи какъ можно лучше.

Думаемъ ли мы объ этомъ?... И какъ жалко не думать объ этомъ! Кто день провелъ въ сценахъ ужасныхъ, отвратительныхъ, тому, какіе чудовищныя видятся сны! Кто жизнь провелъ въ этихъ сценахъ, — тому, что̀ будетъ видѣться по смерти?

Но вотъ еще замѣчаніе: нѣкоторые образы до того овладѣваютъ душою, что занимаютъ ее всю—въ нихъ сосредоточивается для души цѣлый міръ и цѣлая (вся жизнь). На

---

*) Преосвящ. Иннокентій имѣлъ обыкновеніе—читая или размышляя—набрасывать летучія замѣтки на листахъ, полулистахъ и четвертинкахъ бумаги. Умѣя цѣнить все, что̀ какимъ-либо образомъ выходило изъ-подъ пера или хотя изъ устъ такого архипастыря, лица, приближенныя къ нему, не теряли случая списывать для себя эти замѣтки. Такъ, у одного изъ келейныхъ іеромонаховъ покойнаго владыки составилась цѣлая тетрадь «Замѣтокъ».

**) Т. е. душа умершаго человѣка.

такіе образы крайне нужно обращать вниманіе. Бѣда, связаться такимъ образомъ съ образомъ худымъ.

Такія praedominantes ideae лишаютъ душу самостоятельности болѣе или менѣе. «Я самъ не свой», — говорятъ въ такомъ случаѣ. Этого мало: образъ можетъ отнять всю самостоятельность, вывести человѣка изъ себя, лишить его сознанія. Сколько помѣшанныхъ помѣшалось именно такимъ образомъ!

И этого мало. Лишивъ самостоятельности, образъ можетъ вообразиться въ человѣкѣ, заставить его принять свою личность. Помѣшанный, вообразивъ себя собакою, лаетъ, кусается, мяучитъ и проч.

Предѣлъ ли здѣсь метаморфозу? Очевидно нѣтъ: онъ можетъ идти далѣе. До чего? Въ Сарданапалѣ—до оскотненія.

Но здѣсь тѣло, грубость, все еще мѣшаетъ душѣ преображаться такимъ несчастнымъ образомъ, а по смерти? Тутъ душа бѣдная, воспріявъ всю гибкость, текучесть свою, можетъ всецѣло выдѣлиться въ образъ, ею овладѣвшій.

Стоитъ подумать о семъ!

2.

Магнетизеръ приходитъ въ особенное соотношеніе съ душою магнетизируемаго и командуетъ ею. Послѣдняя теряетъ самостоятельность и живетъ магнетизеромъ. Съ человѣкомъ ли только у человѣка можетъ быть такое сообщеніе? Не можетъ ли быть и съ духами добрыми и злыми? Добрые, конечно, не злоупотребятъ этимъ, и какъ это противно порядку вещей, то можетъ быть и не пользуются этою возможностію. А злые? на что они не могутъ покуситься? А между тѣмъ, очевидно, какъ бѣдной душѣ надобно быть осторожной—чтобы не подпасть вліянію духа тьмы!

3.

Я сравниваю природу, въ отношеніи къ познанію, съ высокою горою. Кои живутъ у подошвы ея,—тѣ, кромѣ того, что могутъ наслаждаться величественнымъ видомъ горы (хотя таковые рѣдко способны къ тому), пользуются еще всѣми житейскими выгодами мѣстоположенія: тутъ пристани, рыболовья, пастбища и проч. Ученые восходятъ выше до средины горы: тутъ прелестные виды, но все еще удобность

жизни. Горе тѣмъ, кои не удовлетворяясь срединными познаніями, взошли на верхъ горы, или—по крайней мѣрѣ—подошли къ ея вершинѣ, то есть вступили въ область метафизики. Тутъ все сухо, голо или покрыто льдомъ. Съ горы чувственной можно воротиться назадъ, съ высоты метафизической, если на нее сдѣланъ дѣйствительный восходъ, нѣтъ возврата.

4.

Правда Божія въ природѣ видимой.

Апостолъ замѣчаетъ, что невидимыя совершенства Божіи, обнаруживаясь въ твореніи, становятся видимыми до того, что внимательный зритель можетъ видѣть въ природѣ самую *присносущую силу* творческую и *Божество*. О нѣкоторыхъ совершенствахъ Божіихъ это такъ ясно, что не можетъ подлежать никакому сомнѣнію; напримѣръ, всемогущество, премудрость, благость видны въ природѣ на каждомъ шагу. Но нѣкоторыя совершенства составляютъ въ семъ отношеніи какъ бы исключеніе. Такова особенно правда Божія. Кто думаетъ видѣть ее въ твореніи, внѣ себя? И однако же она, будучи однимъ изъ основныхъ совершенствъ Божественныхъ, должна по сему самому отражаться въ природѣ видимой, не менѣе другихъ совершенствъ. Почему же не замѣчаютъ ея? или не столько, какъ другія совершенства? Уже потому, что человѣку-грѣшнику замѣчаніе сего совершенства не такъ пріятно, какъ другихъ, напримѣръ, благости и премудрости; а извѣстно, что менѣе любимое, менѣе и замѣчается. Притомъ, для открытія правды, потребенъ взглядъ — такъ сказать — праведный; а въ немъ то же не большой избытокъ у людей грѣшныхъ. Наконецъ, и въ самой природѣ правда Божія открывается менѣе, нежели другія совершенства, потому что воспящается милосердіемъ. Окрываясь во всей силѣ, она устремлялась бы всего болѣе противъ человѣка,—а онъ подъ кровомъ милосердія. Посему обнаруженіе правды пріостановлено до великаго дня суда, и правды, и воздаянія. Однако же открывается!

5.

Человѣка можно буквально кормить секретами. Знающій секретъ уже почитаетъ себя выше другихъ, и готовъ ли-

шиться многаго. Поэтому должность секретаря по секретной части пріятнѣе другихъ должностей. Ничѣмъ вы такъ не привяжете человѣка къ себѣ, какъ допустивъ его въ свой секретъ.

6.

Самое большое несчастіе Наполеона во время послѣдней его кампаніи, мнѣ кажется, состоитъ въ томъ, что ему было хорошо, лучше, нежели каждому изъ его арміи, въ физическомъ отношеніи. Потерпи онъ день-два то, что терпитъ бѣдный солдатъ, или будь покрѣпче раненъ, и пострадай отъ раны хотя недѣлю,—не бось, миръ былъ бы заключенъ тотчасъ, и всѣ честолюбивые помыслы ушли бы какъ мыши въ нору, при появленіи кота. Великое дѣло — нужда физическая!

7.

Что воздамъ Господеви о всѣхъ, яже воздаде ми?

Ко всякому ли идетъ вопросъ сей? Ко всякому, и самому—повидимому—несчастному. Ибо, если есть какія несчастія, то они не отъ Господа, а или отъ самаго человѣка, или отъ людей другихъ. Притомъ, несчастія, какія есть или бываютъ, касаются только поверхности бытія нашего и суть нѣчто преходящее, а фондъ — то, что̀ отъ Господа,—всегда благо и хорошо. Душа всякая одарена образомъ Божіимъ; искуплена всякая кровію Сына Божія; освящена всякая благодатію Св. Духа; предназначена всякая къ вѣчному блаженству; поставлена среди міра Божія.

Но если и самый послѣдній бѣднякъ въ мірѣ долженъ говорить такимъ образомъ, то что̀ сказать о васъ, богатыхъ счастливцахъ міра? Изъ васъ каждый, и вставая и ложась, долженъ говорить: *что воздамъ Господеви о всѣхъ, яже воздаде ми?*

И что же въ самомъ дѣлѣ можно воздать Ему? Благихъ нашихъ Онъ не требуетъ. Чего же хочетъ? Сердца твоего: *Сыне, даждь Ми сердце твое.* У тебя все—Мое, но сердце—твое. Я не могу имъ располагать. Если въ самомъ дѣлѣ хочешь возблагодарить Меня, то дай Мнѣ сердце. Такимъ образомъ мы составимъ одно. А то, что дано тебѣ, получитъ чрезъ сіе правильное употребленіе.

8.

Помянухъ Бога и—возвеселихся (Псал. 76).

Одно воспоминаніе о Богѣ наполняетъ душу отрадою и *веселіемъ*. Ибо съ именемъ Божіимъ соединено все, что только можно представить великаго, премудраго, благаго и любвеобильнаго. Отрадно вспомнить среди горя объ отцѣ, о наставникѣ мудромъ, о другѣ неизмѣнномъ, о покровителѣ могущественномъ, о врачѣ искусномъ: Богъ есть и Отецъ, и Наставникъ, и Другъ, и Покровитель, и Врачъ такой, предъ Коимъ всѣ земные, и наставники, и отцы, и врачи малы и слабы.

Но чтобы одно воспоминаніе о Богѣ уже веселило насъ,—надобно, чтобы у насъ была связь съ Богомъ; надобно, чтобы мы были—Его, и Онъ—нашъ. Чужое не веселитъ. Тѣмъ паче не веселитъ чужое противное. Посему на человѣка нечестиваго воспоминаніе о Богѣ производитъ другое дѣйствіе: *Помянухъ Бога, и убояхся*. Ибо съ именемъ Бога соединяется понятіе Обличителя, Судіи, Наказателя.

Какое горькое состояніе, что мысль о Богѣ производитъ уныніе и страхъ! Не все ли это равно, какъ и лучъ свѣта леденитъ? Такъ грѣхъ превращаетъ порядокъ вещей!

Бѣжимъ сего состоянія. Будемъ и среди грѣховъ не терять духа покаянія,—и тогда всякая мысль о Богѣ будетъ сопровождаться радостію духовною. *Помянухъ Бога и возвеселихся!* Ибо съ именемъ Бога пробуждается мысль объ Отцѣ, пріемлющемъ кающихся съ распростертыми объятіями.

9.

Седмерицею днемъ хвалихъ Тя о судьбахъ правды Твоея.

Вотъ каковы судьбы Божіи предъ очами людей, умѣющихъ смотрѣть на нихъ! Таковы, что за нихъ надобно прославлять премудрость Божію не разъ, не два, а седмижды на день! А у насъ бываетъ иногда то, что мы седмерицею днемъ бываемъ готовы роптать о судьбахъ той же правды Божіей. Откуда эта жалкая разность? Оттого, что мы не умѣемъ смотрѣть на сіи судьбы. Пусть будетъ самая величественная картина, но если вы не найдете истинной точки зрѣнія,—она вамъ покажется самою обыкновенною; а если это картина перспективная,—то потеряетъ всю цѣну. Судьбы

Божіи суть именно картины послѣдняго рода: онѣ требуютъ, чтобы мы стояли въ извѣстномъ разстояніи; а мы становимся или слишкомъ близко, или слишкомъ далеко,—то все относя къ себѣ и ничего къ другимъ,—то все относя къ другимъ и ничего или слишкомъ мало къ себѣ.—Будемъ смотрѣть на судьбы Божіи очами вѣры и преданности, очами смиренія и любви, и—можетъ быть—и намъ будетъ то же, что съ Давидомъ.—мы будемъ хвалить Господа.

Въ скорби распространилъ мя еси.

А скорбь,—говорятъ психологи.—сжимаетъ сердце. Да, скорбь сжимаетъ чувственность. сжимаетъ самолюбіе; духъ же и совѣсть распространяетъ, освобождаетъ, изводитъ на безпредѣльность. *Въ скорби распространилъ мя еси.* Въ счастіи, повидимому, человѣкъ великъ,—ибо надменъ собою. презорливъ, гордъ; а въ самомъ дѣлѣ—малъ, ибо ограниченъ собою, удаленъ отъ всего истинно-великаго. Въ несчастіи же человѣкъ, повидимому, малъ; но если онъ растворяетъ несчастіе вѣрою,—то, среди сей внѣшней малости, онъ внутрь себя бываетъ гораздо больше. Не въ скорби ли человѣкъ устремляется мыслію къ Богу, къ концу своей жизни, всего міра? А это, очевидно, великое пространство. Не въ скорби ли человѣкъ холоденъ ко всему міру, отдѣляется отъ него, становится внѣ времени и пространства? И это также видимое распространеніе. Не въ скорби ли человѣкъ способенъ рѣшиться на самые трудные подвиги, лишенія, пожертвованія? А это что другое, какъ не слѣдствія распространенія? Вообще въ скорби и несчастіи съ духомъ нашимъ бываетъ то, что съ веществами, когда ихъ кладутъ въ огонь: они ширѣютъ, мягчаютъ, расплавляются и испаряются. Если душа добрая,—то съ нею бываетъ то же, что съ благовоннымъ веществомъ: воня смиренія, преданности несется далеко. А если душа нечистая, злая, безвѣрная,—то отъ нея, какъ отъ зловоннаго вещества. несется ропотъ хулы, ожесточеніе и гнѣвъ.

II.

Вѣра безъ дѣлъ мертва (Іак. 2, 20).

А дѣла безъ вѣры? И дѣла безъ вѣры мертвы: это не добродѣтели, а можно сказать—струпъ добродѣтелей, или,

если не нравится это сравненіе, это—видъ, картина добродѣтелей, а не самая добродѣтель. Ибо откуда взяли бы дѣла жизнь, если не отъ вѣры? Отъ наклонности къ добру? Она въ насъ мала и слаба, сама требуетъ оживленія. Отъ соображеній разсудка и внушеній ума? Они во-первыхъ холодны и коль скоро сами не проникнуты чувствомъ добра, не утверждены на глубшемъ основаніи,—то слабы,—притомъ перекрещиваются въ дѣйствіи внушеніями страстей, самолюбія, разсчетами . . . . . *) и пр. Отъ примѣра другихъ людей? Но много ли примѣровъ добра чистаго, дѣйствій святыхъ? Отъ хвалы и одобренія человѣческаго? Этотъ вѣтеръ перемѣнчивъ и непостояненъ. Онъ иногда рветъ паруса порывами, а иногда вѣетъ въ противную сторону; иногда нельзя узнать по немъ—куда вѣтеръ.

Посему и дѣла безъ вѣры мертвы.

12.

Въ премудрости ходите ко внѣшнимъ (Кол. 4, 5).

Такой совѣтъ давалъ нѣкогда Апостолъ Павелъ возлюбленнымъ ученикамъ своимъ Колоссянамъ. Подъ *внѣшними* разумѣются у него не-христіане, іудеи и язычники. Со всѣми ими Апостолъ велитъ ходить христіанамъ *въ премудрости*, то есть—съ особенною осторожностію, благоразуміемъ, приличіемъ. Кто вспомнитъ,—въ какомъ положеніи находились тогда христіане между невѣрующими, въ рукахъ коихъ была вся сила и все могущество земное и кои притомъ смотрѣли на христіанъ, какъ на враговъ своей вѣры и нравовъ,—тотъ пойметъ всю нужду апостольскаго совѣта.

Времена гоненій давно прошли; но потерялъ ли употребленіе сей благій совѣтъ? Нѣтъ, истинный христіанинъ всегда странникъ и пришелецъ въ мірѣ. Между царствомъ Христа и духомъ міра, между чадами Божіими и сынами вѣка сего нѣтъ и не будетъ никогда мира. Посему вы, кои рѣшились носить не одно имя христіанъ, а и стяжать вещь, пріобрѣсть ту драгоцѣнную жемчужину, для стяжанія коей надобно продать или презрѣть все, — не забывайте совѣта апостольскаго ходить *въ премудрости ко внѣшнимъ*—къ тѣмъ ложнымъ христіанамъ, кои, довольствуясь однимъ праздным

*) Пропущено слово по неразборчивости рукописи.

именемъ христіанъ, нисколько не думаютъ о томъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ принадлежать Христу,—или, что еще хуже, отвергшись внутреннихъ силъ благочестія, стараются удержать на себѣ его внѣшній образъ. *Ходите въ премудрости,* не принимая на себя чуждаго образа, не представляясь тѣмъ, чѣмъ вы не есте,—это не ваша мудрость,—а не выставляя всѣмъ и каждому свой образъ, не обнаруживая безвременно,—что въ васъ сокрывается. Если для васъ не дорого собственное спокойствіе, которое могутъ нарушить люди плотскіе, по неспособности оцѣнить васъ, то подорожите честію вѣры и Евангелія, которая можетъ страдать отъ превратныхъ толковъ о васъ. Что пользы, что вы будете разсыпать драгоцѣнный бисеръ предъ тѣми, у коихъ нѣтъ для него глазъ и рукъ? Они потопчутъ его ногами, обратятся на васъ же,—не для того, чтобы благодарить, а чтобы расторгнуть васъ.

13.

Аще кто не хощетъ дѣлати, ниже да ястъ (2 Сол. 3, 10).

Такъ говоритъ государственное хозяйство; такъ учитъ и слово Божіе. Если набожность служила иногда покровомъ для тунеядства, то эта набожность — ложная, отвергаемая вѣрою христіанскою. Истинно набожный трудолюбивъ. Онъ почитаетъ за грѣхъ жить трудомъ другаго, когда можетъ самъ снискивать себѣ пропитаніе. Примѣръ—всѣ самые великіе подвижники, даже тѣ, кои, бывъ призваны къ совершенію великихъ дѣлъ или преданы жизни созерцательной, не имѣютъ, повидимому, времени трудиться трудомъ тѣлеснымъ. На комъ лежало болѣе подвиговъ, какъ на Апостолѣ Павлѣ?—Попеченіе, говоритъ онъ, о всѣхъ Церквахъ. Но, посмотрите, откуда, онъ беретъ себѣ пропитаніе. Ему ли, Апостолу языковъ, всей вселенной, не могла доставить вселенная насущнаго хлѣба? Но онъ не ѣстъ *чужаго хлѣба: ниже туне хлѣбъ ядохомъ, но въ трудѣ и подвизѣ, нощь и день дѣлающе, да не отягчимъ никого же изъ васъ.* И, что особенно надобно примѣтить, забота о собственномъ пропитаніи не мѣшаетъ у него нисколько его главному дѣлу, проповѣди вселенной, апостольству; напротивъ, обращается въ содѣйствіе тому. Ибо онъ употребляетъ для сего ночи, то есть, то время, когда свободенъ отъ дѣлъ апостольства.

А во-вторыхъ, независимость экономическая дѣлаетъ его гораздо свободнѣе въ дѣйствованіи апостольскомъ: онъ никому ничѣмъ не долженъ,—посему дѣйствуетъ съ равною властію на всѣхъ. Его безкорыстіе отворяетъ ему двери вездѣ,—и слово Божіе, сѣемое руками чистыми, *растетъ и славится.*

Великіе подвижники временъ древнихъ сказали — какъ трудъ можетъ быть сочетанъ съ жизнію созерцательною и служить для ней на пользу вѣчную. Кто доставлялъ пропитаніе Евѳиміямъ, Ѳеодосіямъ, Саввамъ, коихъ обители превосходили города множествомъ братіи и помѣщались среди многихъ песковъ сирійскихъ?—Императоры, префекты? Нѣтъ, собственныя руки, тѣ руки, кои непрестанно воздѣяны были къ небу. Совершивъ молитву, столѣтній старецъ сидитъ у порога келліи и плететъ кошницу; въ извѣстный день недѣли братъ несетъ содѣланное въ Александрію или Антіохію и приноситъ хлѣба и сочива на слѣдующую седмицу. Такъ питались тѣ, *ихже не бѣ достоинъ весь міръ.* Такой родъ жизни нисколько не вредитъ созерцанію. Послѣ тѣлеснаго труда, духъ тѣмъ охотнѣе паритъ туда, гдѣ нѣтъ печали и воздыханія. Напротивъ, праздность тотчасъ ослабляла и, наконецъ, убивала духъ подвижничества. Посему великіе изъ подвижниковъ ничѣмъ лучше не считали начать свою покаянную молитву, какъ прошеніемъ: *духа праздности не даждь ми.*

14.

Доброхотство даянія любитъ Богъ.

За что любитъ? Ужели за даяніе? Такъ любить могутъ только люди бѣдные, своекорыстные,—а не Тотъ, Кто Самъ даетъ всѣмъ *жизнь, дыханіе и вся.* Господь любитъ доброхотнаго дателя не за то, что датель доброхотный.

Что такое доброхотство?

То, когда даютъ не только съ доброю цѣлію, но и отъ доброй воли, отъ души, полною рукою,—когда даютъ, не озираясь десять разъ на то, что остается у себя, не увлекаясь разсчетами, не заставляя себя просить долго, не показывая при даяніи вида скуки и отвращенія,—когда даютъ и находятъ удовольствіе въ томъ, что даютъ,—обнаруживаютъ это всѣмъ—чѣмъ могутъ; когда даютъ больше, нежели сколько можно было предполагать. Скажите: можно ли не любить

такой души?—особенно, когда вспомнишь при семъ о дателѣ недоброхотномъ, у котораго и малое даяніе надобно испрашивать большими просьбами; который даетъ, но съ трудомъ показывая, что онъ чрезъ даяніе лишается какъ бы нѣкоей части самаго себя,—даетъ, и въ то же время наказываетъ за то, ты отъ него получишь. Въ послѣднемъ случаѣ явно видна душа черствая, сомкнутая сама въ себѣ, опутанная со всѣхъ сторонъ разсчетами, не способная раскрываться для сообщенія—и потому для принятія даровъ свыше отъ Того, Который пріемлетъ только для того, чтобы воздать сторицею.—Доброхотное даяніе напротивъ предполагаетъ въ дателѣ душу чувствительную, сердце нѣжное и открытое для всего добраго, а потому и способную для вмѣщенія даровъ благодатныхъ. Можно ли не любить такую душу и такое сердце?

15.

Гнѣвъ въ ярости Его, и животъ въ волѣ Его.

Такова самая ярость небесная! Въ ней самой, въ выраженіи ея—гнѣвъ; но *въ волѣ,* въ намѣреніи—*животъ!* Это начало жизни, нетерпящее начала смерти, и потому тревожащееся, чтобы повергнуть его и уничтожить.

У людей—напротивъ! Тутъ нерѣдко бываетъ въ выраженіи и обхожденіи—любовь, а въ волѣ и намѣреніи—смерть.

Посему-то нѣкто изъ испытавшихъ небесную ярость и земную пріязнь говоритъ: да впаду лучше въ руки Божіи, нежели въ руки человѣческія; якоже бо величіе Его, тако и милость Его!

16.

Вѣмъ избыточествовати, вѣмъ и лишатися.

Вотъ истинная мѣра совершенства и умѣренности! Умѣть лишаться значитъ не мало. Но сколь многіе, умѣя лишаться, не умѣютъ избыточествовать. А умѣть избыточествовать такъ же нужно, какъ и умѣть лишаться. Ибо человѣкъ идетъ къ тому состоянію, что надобно будетъ только умѣть избыточествовать, а лишеній никакихъ уже не будетъ.

Какъ пріобрѣтается это великое вѣдѣніе избыточествовать? Безстрастіемъ. А безстрастіе? Самоотверженіемъ. А самоотверженіе? Умѣніемъ лишаться. Послѣднее есть условіе и

приготовленіе къ первому, хотя не всегда даетъ его, подобно тому, какъ цвѣтъ не всегда даетъ плодъ.

Умѣнье избыточествовать, подобно умѣнію лишаться, имѣетъ свой корень, простираетъ свои вѣтви, цвѣтетъ и плодоноситъ въ душѣ. Но, въ высшей степени, самое бренное тѣло, качествуясь по душѣ, пріобрѣтаетъ умѣніе не только лишаться, но и избыточествовать. Величайшіе подвижники могли безъ всякаго вреда употреблять, когда хотѣли, всѣ роды снѣдей. Что это—какъ не вѣдѣніе избыточествовать въ самомъ дѣлѣ?

17.

Чадо Тимоѳее, трезвися о всемъ (2 Тим. 4, 5).

О всемъ, а не объ единомъ. У насъ трезвость обыкновенно сводится на воздержаніе отъ охмѣляющихъ напитковъ,—много, если и отъ излишнихъ яствъ; но у истиннаго христіанина должно быть не такъ.

Онъ трезвится во всемъ! объ излишнемъ употребленіи питья и яствъ нечего было и напоминать тѣмъ, кои, по Апостолу, *умерщвляя тѣло свое,* распинали плоть съ ея страстями и похотями; а между тѣмъ святые подвижники любили говорить и писать о трезвости: есть цѣлыя главы, даже книги, надписанныя: *о трезвеніи духовномъ, о трезвеніи ума и прочее.*

Что это за трезвеніе?

Душа, подобно тѣлу, имѣетъ своего рода питія и яства, при употребленіи коихъ потребна умѣренность; иначе можно упиться или пресытиться, и чрезъ то подвергнуться духовной болѣзни,—сдѣлаться, подобно нетрезвому, неспособнымъ къ дѣйствованію правильнымъ образомъ,—допустить или произвести безпорядокъ, подать соблазнъ, впасть даже въ какое-либо преступленіе. Нуженъ примѣръ въ поясненіе дѣла? Посмотрите на упившагося ревностію *не по разуму:* онъ готовъ убивать за вѣру,—за то, что другіе не такъ думаютъ, какъ онъ,—и, убивая, будетъ думать, что онъ произноситъ службу Богу.

18.

Какъ хорошо, что нашъ Творецъ есть существо безпредѣльное, всесовершенное, такое, что у Него бездна всего не только

для Него Самого, но и для насъ! Теперь мы, какъ дѣти величайшаго богача, всего можемъ надѣяться и не боимся никакого стѣсненія въ своемъ бытіи. А что было бы дѣлать, если бы Творецъ нашъ былъ не такъ великъ, если бы мы могли видѣть предѣлы Его силъ и совершенствъ? Мы были бы похожи на крестьянина съ большими способностями у мелкаго помѣщика. Душа рвалась бы къ небу, а насъ заставили бы сидѣть весь вѣкъ въ передней или ходить за свиньями. Итакъ, слава Тебѣ Господи, и за Твою безпредѣльность!

19.

Какимъ образомъ произошли громады камней? Одни отвѣчаютъ — посредствомъ огня, другіе — посредствомъ воды, третіи—ни то ни се, или—и то и се. Все это кажется не такъ. Зачѣмъ заставлять огонь и воду производить камни, когда мы видимъ по опыту, что отъ нихъ камни распадаются и пропадаютъ?

Спрашиваю: въ человѣческомъ тѣлѣ есть ли камни? Не только есть, но и растутъ, наприм., кости. По какой системѣ? Нептунической? вулканической? Нѣтъ, а по силѣ организма. Почему же не произойти и не происходить такимъ образомъ всему каменному и въ землѣ?

20.

Состарѣніе въ тѣлѣ человѣческомъ обнаруживается между прочимъ оскудѣніемъ влаги: оттого старики и особенно старицы бываютъ сгорблены и кожа покрыта морщинами. Не то же ли происходитъ съ землею? Воды во многихъ рѣкахъ видимо оскудѣли, а протоки и источники одинъ за другимъ вовсе изсыхаютъ. Въ замѣнъ сего умножается число бугровъ, логовинъ и неровностей.

21.

Подозрѣніе въ дѣлахъ житейскихъ простирающееся гораздо далѣе достовѣрности, не всегда бываетъ вѣрно, но во многихъ случаяхъ оправдывается, почему не быть мѣсту подозрѣніямъ и въ области философіи? И то, что мы называемъ умозрѣніями, не суть ли большею частію чистыя подозрѣнія? Посему не худо бы заняться приложеніемъ правилъ обыкновеннаго, если угодно—юридическаго, подозрѣнія къ предметамъ метафизическимъ.

22.

Творецъ отдалъ нѣчто твари единожды и навсегда—невозвратно; это остается у твари. Когда она идетъ противъ Творца, этимъ она—такъ сказать—пробавляется и въ удаленіи отъ Него. Но Творецъ не все далъ, что нужно для блаженства; многое Онъ предоставилъ непосредственному дѣйствію Своему на тварь, что должно служить въ видѣ дара награды за вѣрность. Этого тварь непокорная не имѣетъ, а безъ этого не можетъ быть блаженною.

23.

Можно ли видѣть ушами? Отчасти можно. Когда вы слышите извѣстный шумъ, то догадываетесь — какую форму имѣетъ шумящее тѣло. Можно ли слышать глазами? Отчасти можно. Когда вы видите издали сильно вертящееся тѣло, то по фигурѣ его догадываетесь—какого рода шумъ долженъ отъ него происходить.

24.

Преобразованія въ учрежденіяхъ политическихъ подобны плоду въ утробѣ матери: онѣ имѣютъ свое время зачатія, возрастанія и, наконецъ, рожденія. Революціи подобны выкидыванію младенцевъ: рѣдко выкинутое дитя остается живымъ. Слѣдовательно, надобно ждать всегда времени разрѣшенія? Да. Впрочемъ и естественные роды требуютъ иногда хирургической помощи.

25.

Между людьми есть не малое число людей, страждущихъ унынiемъ. Нѣтъ ли и между злыми духами духовъ сего рода? Между людьми есть съумасшедшіе. Нѣтъ ли съумасшедшихъ и между бѣсами? Въ извѣстномъ смыслѣ, они и всѣ суть съумасшедшіе, подобно какъ есть съумасшедшій всякій грѣшникъ. Но, кромѣ сего, нѣтъ ли такихъ духовъ, кои подобны съумасшедшимъ людямъ, потеряли свое сознаніе? Какъ ужасно должно быть съумасшествіе въ духѣ!

26.

Понятія чѣмъ ниже и индивидуальнѣе, — тѣмъ богаче частными признаками, тѣмъ болѣе имѣютъ свою собственную физіономію, свой родъ жизни; а чѣмъ выше и общѣе,—тѣмъ

бѣднѣе признаками и, расширяясь, можно сказать, пустѣютъ. Не то же ли и съ людьми? Съ возвышеніемъ по званію, человѣкъ дѣлается то же пространнѣе, ему подчиняется многое,—но за то характеромъ, душою, чувствомъ, личностію пустѣетъ. На языкѣ у него формулы болѣе общія; поступки его тянутся столбовою дорогою, въ шестерку; чувства сердца непрестанно подавляются отношеніями, приличіями, наконецъ, избыткомъ.

27.

У нѣкоторыхъ растеній прежде появляются плоды, а потомъ листья; не такъ ли бываетъ и съ нѣкоторыми людьми? Самыя лучшія, общеполезныя произведенія ихъ суть первыя; въ послѣдствіи, они производятъ одни листья, которые прикрываютъ ихъ наготу, но не могутъ питать другихъ. Между тѣмъ какъ у большей части людей бываютъ прежде листья, потомъ — цвѣты, а потомъ уже плоды, т. е. произведенія, годныя къ употребленію.

28.

Дѣтскій возрастъ самый невинный и самый смѣшливый. Значитъ, смѣхъ не всегда предполагаетъ злость. Бойтесь не столько тамъ, гдѣ надъ вами смѣются, сколько тамъ, гдѣ о васъ, повидимому, плачутъ. Самый злой человѣкъ въ минуты смѣха бываетъ добрѣе и не такъ опасенъ.

29.

Для чего человѣкъ существуетъ? Если по дѣйствіямъ машины можно судить о намѣреніи художника, ее произведшаго, то, къ сожалѣнію должно сказать, что человѣкъ существуетъ, чтобы грѣшить, ибо человѣкъ, взятый въ сложности всѣхъ людей, ничего столько не дѣлаетъ, какъ грѣшитъ. Таковъ человѣкъ! Но онъ не машина; поэтому не должно прилагать къ нему закона о машинахъ и ихъ отношенія къ художникамъ. Или, если угодно удержать сравненіе, человѣкъ—машина, но испорченная. Часы испорченные врутъ и показываютъ не тотъ часъ. но какъ глупо было бы заключать изъ сего, что они сдѣланы художникомъ для того, чтобы врать и обманывать! О назначеніи, слѣдовательно, человѣка должно судить не по дѣйствіямъ его, а по его

составу, а составъ человѣческій говоритъ о цѣли его совсѣмъ другое—что онъ созданъ для добродѣтели.

30.

Говорятъ, что лекарства самыя дѣйствительныя тѣ, по пріемѣ коихъ болѣзнь ожесточается нѣсколько, чтобы потомъ ослабѣть и пройти. Можетъ быть, лекарства, дѣйствующія подобнымъ образомъ и пользуютъ; только я не думаю, чтобы онѣ были самыя лучшія для болѣзни, отъ коей даются. Признакъ прямаго, дѣйствительнаго врачества долженъ быть тотъ, что оно тотчасъ утишаетъ боль, производитъ облегченіе, оживляетъ больнаго и радуетъ; такъ точно и дѣйствуютъ нѣкоторыя лекарства; такъ должно дѣйствовать имъ и всѣмъ. Противное не естественно, хотя и можетъ быть иногда полезно. Подтвержденіе этого замѣчанія мы можемъ находить въ инстинктѣ. Извѣстно, что инстинктъ есть голосъ натуры; извѣстно также, что больные по инстинкту иногда сильно желаютъ чего-нибудь, и удовлетвореніе (благоразумное) ихъ желанію служитъ имъ вмѣсто самаго лучшаго лекарства. Спрашивается: какъ дѣйствуютъ эти лекарства? Производятъ отягченіе болѣзни? Нѣтъ, а тотчасъ сопровождаются сномъ и облегчаютъ. Вотъ норма къ оцѣнкѣ лекарствъ.

31.

Греческая Церковь представляетъ, въ сравненіи съ другими Церквами, нѣкоторую запоздалость, или какъ бы нѣкоторое полуомертвеніе,—неизбѣжное слѣдствіе ея внѣшнихъ обстоятельствъ. Съ Церквами въ семъ отношеніи происходитъ то же, что съ странами: которыя лежатъ подъ южнымъ солнцемъ, тамъ давно весна, — въ иныхъ уже лѣто; между тѣмъ какъ на сѣверѣ, еще все цѣпенѣетъ отъ холода. За то сѣверъ любуется весною, когда на югѣ близка осень. Въ самомъ дѣлѣ, не похожи ли нѣкоторыя Западныя Церкви уже на садъ осенній, съ коего собраны плоды, и у коего нѣтъ уже и достаточной тѣни отъ листьевъ древесныхъ? А Греческая Церковь явно приготовляется стряхнуть съ себя иней и снѣгъ, и начать цвѣсти весеннимъ цвѣтомъ. Всего вѣроятнѣе, что Западнымъ Церквамъ, во время ихъ зимы, придется брать плоды свѣжіе отъ лѣта Греческой Церкви.

32.

Нельзя отрицать, что въ Церкви западной болѣе внѣшняго единства, нежели въ восточной. Послѣдняя, особенно въ нѣкоторые вѣка, представляетъ membra disjuncta. Но вотъ что удивительно, что, при такомъ сосредоточеніи Церкви западной, она не спаслась отъ раздробленія; между тѣмъ какъ восточная Церковь, не смотря на внѣшнюю разрозненность свою, осталась при древнемъ единствѣ и избѣгла раздробленій. Что раздробило Западъ? То, что тамъ слишкомъ участвовала сила центростремительная: сжимаемость усиленная раздробляетъ тѣло. Что удержало отъ разрозненія Востокъ? То, что въ немъ слабо дѣйствовали силы центробѣжныя. Почему слабо? Уже потому, кромѣ другихъ причинъ, что въ немъ мало было дѣйствія силы центростремительной. Кромѣ сего, счастіе всегда разъединяетъ людей, а несчастіе сближаетъ и связуетъ: Западъ былъ счастливъ и не тужилъ въ мирѣ съ самимъ собою; Востокъ страдалъ и искалъ единства.

33.

По плоти раждаются мертвые; не раждаются ли и по духу мертвые, т. е. не бываетъ ли и духовныхъ родинъ такъ несчастныхъ, какъ и плотскихъ? Мнѣ кажется—бываетъ.

34.

Что есть наигорчайшаго въ бѣдности? Между прочимъ то, что она дѣлаетъ человѣка смѣшнымъ.

35.

Если на судѣ Божіемъ будутъ испытаны не только дѣла, но и самыя слова и мысли худыя, то тѣмъ паче не будутъ забыты слова и мысли добрыя. Значитъ, не мало значитъ то, чтобы при недостаткѣ добрыхъ дѣлъ, какъ можно болѣе думать о добромъ. Трудно ли это?...

36.

Востанутъ лжехристи, и дадятъ знаменія велія и чудеса, яко прельстити, аще возможно, и избранныя (Матѳ. 24, 24). Сила сихъ словъ та: много знаменій и число чудесъ будетъ такъ велико, что по всѣмъ правиламъ разсудка надобно повѣрить имъ, прельститься ими. Почему же избранные не

прельстятся? Потому что они слѣдуютъ не одному разсудку: у нихъ есть нѣчто высшее разсудка. Что такое? Совѣсть, чувство внутреннее и истинно-духовное—Духъ Святый. Бѣда безъ разсудка, бѣда и съ разсудкомъ. Одинъ развѣ данъ худой вождь? А сколько людей, кои кромѣ своего разсудка не хотятъ и слышать о другомъ вождѣ! Оттого-то какъ мало надобно и знаменій, чтобы прельстить ихъ, повести за собою, не смотря на разсудокъ ихъ, какъ плѣнныхъ, хоть на край свѣта!

37.

Какое наиощутительнѣйшее нынѣ доказательство свободы человѣка? Его противоборство закону и совѣсти. Тутъ всякій невольно ощущаетъ въ себѣ дѣйственность *) и вмѣстѣ возможность поступать такъ и иначе. Несчастное доказательство, несчастная свобода, несчастный человѣкъ!

38.

Неизбѣжимая невыгода людей, состоящихъ на вершинѣ общественныхъ должностей, есть одиночество: все ниже ихъ и далеко отъ нихъ. Вокругъ ихъ только барьеры и разные истуканчики—слуги и льстецы. На нихъ—первые лучи солнца; на нихъ первыхъ—градъ, снѣгъ и даже молнія.

39.

Отъ чего не раскаянъ діаволъ? Отъ того, что онъ не знаетъ болѣзни и смерти. Почему не знаетъ? Потому что у него нѣтъ тѣла. Боль даетъ знать скорѣе, вѣрнѣе и сильнѣе всего, что значитъ грѣхъ.

40.

Говорятъ, что мы о собственномъ образѣ бытія Божія вовсе не знаемъ ничего. Нѣтъ,—такъ нельзя говорить,—знаемъ нѣчто. Напримѣръ, мы знаемъ и увѣрены, что Богъ знаетъ все будущее. Но это черта, явно, не нашего образа бытія, а божественнаго. Еще другое отношеніе: въ насъ, или лучше сказать—во всѣхъ разумныхъ тваряхъ есть двойственность закона съ волею. Чувствуешь, что въ тебѣ есть законъ не отъ тебя, а для тебя,—что онъ выше тебя и есть нѣчто тебя превосходящее, отъ тебя независимое. Въ

*) По всей вѣроятности описка—вмѣсто *двойственность*.

Богѣ эта двойственность быть не можетъ: тамъ воля есть сама себѣ законъ. Посему stat pro ratione voluntas въ отношеніи къ Богу есть чистая истина. Это худо только въ отношеніи къ тварямъ.

41.

Въ нѣкоторыя минуты чувствуешь, что ты существенно состоишь изъ головы и сердца, что въ этихъ однихъ мѣстахъ есть нѣчто такое, безъ чего ты быть не можешь.

42.

Изгнаніе Златоуста есть примѣръ разительный столкновенія ревности пастырской съ духомъ міра.

43.

Тѣ, кои не допускаютъ паденія духовъ, человѣка..... *) всей твари, непремѣнно должны допустить два начала— доброе и злое. Ибо въ мірѣ ясно видны двѣ струи—свѣтлая и мрачная, и обѣ параллельны, сколько можетъ завидѣть ихъ глазъ нашъ.

44.

Какой лучшій образъ представленія Бога?—Какъ высочайше свободнаго. Въ свободу надобно сводить окончательно всѣ дѣйствія Божественныя, самый умъ, самыя идеи. Такъ и поступаетъ Священное Писаніе. О, какъ оно глубже и премудрѣе нашихъ теорій и системъ!

45.

По ученію раціоналистовъ, христіанская религія есть религія самая лучшая къ укрѣпленію человѣка въ добродѣтели, къ воодушевленію его вѣры упованіемъ. По моему, они или лгутъ, обманываютъ, или сами не понимаютъ того, что говорятъ. Какое укрѣпленіе вѣрованіемъ, если Христосъ умеръ и не воскресъ? Какая подпора вѣры, если жизнь такого святѣйшаго Лица, какъ Сынъ Маріи, окончилась такъ, какъ она оканчивается по мнѣнію іудеевъ? Въ такомъ случаѣ исторія Пророка Назаретскаго есть новое неразрѣшенное возраженіе противъ міроправленія Божественнаго.

Неологи утверждаютъ, что Христосъ возвращенъ къ жизни

*) Пропускъ въ рукописи.

попеченіемъ друзей Его,—и въ этомъ самомъ, что Онъ, будучи распятъ, могъ не умереть, возвратиться опять къ жизни,—находятъ знаменіе Промысла о Немъ, знакъ любви къ Нему Божіей. Великій знакъ любви—не умереть, претерпѣвши всѣ мученія смерти! Скорѣе, это знакъ любви дружеской. Важная награда за такой подвигъ—остаться въ живыхъ съ тѣмъ, чтобы потомъ прожить еще 20 и 30 лѣтъ во мракѣ дѣлателя, какъ то предполагается о Іисусѣ Христѣ неологами!... Нѣтъ, господа, этимъ вы немногихъ заохотите говорить истину Каіафамъ и Пилатамъ.

Мученики умирали не за обмершаго и ожившаго Христа..... *) Исчезнетъ все достоинство, вся утѣшительность вѣры христіанской.

46.

Одна изъ величайшихъ таинъ всемогущества Божія, или другимъ языкомъ—творческая сила природы проявляется въ образѣ происхожденія на свѣтъ тварей: посему естествоиспытателямъ всего болѣе надобно обращать на это вниманіе. Образы рожденія различны, но смерть для всѣхъ одинакова.

47.

Въ болѣзни обнаруживаются сочувствія членовъ тѣхъ, кои состоятъ въ особенной связи дружества или противоположности. То же бываетъ въ несчастіи: тутъ видно—кто истинный пріятель, и кто врагъ.

48.

Рѣка все живое поглощаетъ, а коль скоро поглощенное ею умираетъ, то извергаетъ на поверхность и выбрасываетъ на берегъ. Не такъ ли поступаетъ и рѣка времени со многими великими людьми? Доколѣ они живы,—она влечетъ ихъ въ глубину неизвѣстности, пренебреженія, а по смерти представляетъ взору всѣхъ и каждаго.

49.

Когда у солнца поворотъ на зиму, — тогда у насъ наступаетъ больше жара; а когда поворотъ на лѣто, — сильные, большіе наступаютъ морозы. Не такъ ли и съ судьбою человѣка? Не тогда ли начинается противный поворотъ,

*) Въ рукописи написано всплошь, но тутъ очевидно пропускъ.

когда человѣкъ находится среди высшаго или счастія или несчастія?

50.

Человѣкъ самый обыкновенный любитъ, чтобы вѣрили ему на слово, и обижается знакомъ недовѣрія, не охотно опирается на доказательства, хотя не имѣетъ въ нихъ недостатка. Какъ же Творцу не требовать вѣры отъ Своей твари? Какъ не обижаться, когда не хотятъ... *) сдѣлать ни одного шагу, не высмотрѣвъ прежде—куда ведетъ, и что тамъ будетъ... **)? Право, мы себя трактуемъ какъ боговъ, а Бога какъ нашего какого-либо должника или непріятеля. Отцу и матери вѣрятъ, друзьямъ и товарищамъ вѣрятъ, великому ***) не безчестному человѣку вѣрятъ, а Богу не хотятъ вѣрить и требуютъ доказательствъ!

51.

Спрашиваютъ: какъ Робеспьеръ, не имѣя отличныхъ талантовъ, взошелъ на самый верхъ Франціи, въ самое бурное время ея? Отвѣтъ на сіе — въ той же бурѣ, которая бушевала надъ Франціей, и въ томъ, что Робеспьеръ былъ легче всѣхъ другихъ, — почему вихрь и поднялъ его выше всѣхъ. Въ чемъ эта легкость? Въ томъ, что онъ не имѣлъ никакихъ привязанностей, былъ самоотверженъ, честенъ, не подкупенъ, фанатически стремился къ одному же и тому же... Еще: давленія во время землетрясенія нерѣдко поднимаютъ съ поверхности, даже со дна моря, горы къ облакамъ, и такимъ образомъ—что было внизу, оказывается выше всего, напр. раковины. То же и съ Робеспьеромъ и ему подобными. Вулканъ революціи поднялъ надъ всѣми — почему — ихъ именно? Потому что они находились надъ тѣмъ самымъ мѣстомъ, которое взорвалъ вихрь, то есть, своимъ образомъ? мыслей и внѣшнимъ положеніемъ были у самаго сердца революціи.

52.

Есть внезапная смерть тѣлесная. Есть внезапная смерть духовная, напр., паденіе деннйцы.

*) Въ рукописи написано: «не хотятъ Нимъ и по гласу сдѣлать»... очевидная неправильность. Не должно ли исправить: не хотятъ *предъ* Нимъ *иногда*?...

**) Опять написано: «будетъ — собственно мизами» (?) Не должно ли читать: *собственными глазами*?

***) Конечно—описка, вмѣсто: *всякому*.

53.

Болѣзнь самая смертельная можетъ случиться толчкомъ, чрезъ одно прикосновеніе. А здоровье самое слабое не сообщается ниже посредствомъ многихъ и сильныхъ ударовъ. Что значитъ это? Или смерть важнѣе жизни? Не можетъ быть. Если такъ бываетъ. то потому, что жизнь, какъ прахъ, ослабѣла. А когда она выше, то ложе, однимъ прикосновеніемъ, мгновенно слѣдуетъ смерти отраженіе, убываетъ зараза, возвращаетъ здоровье и жизнь *). Примѣръ — прикосновенія Спасителя.

54.

Какъ ни величественъ сводъ небесный, но коль скоро внимательно посмотришь на него, то тотчасъ чувствуешь, что (это) одна изнанка, а лицо—*тамъ!*

55.

Есть ли въ звѣздномъ небѣ какое-либо правильное расположеніе? Въ общей сложности, повидимому, нѣтъ. Все размѣстилось какъ будто послѣ какого-либо сотрясенія сильнаго: тамъ сгустилося, индѣ правильною фигурою, индѣ какъ попало. Между тѣмъ совершенно правильныя геометрическія фигуры въ размѣщеніи нѣкоторыхъ звѣздъ показываютъ, что при размѣщеніи былъ не только смыслъ, но и умъ геометрическій. Этотъ отрывокъ порядка наводитъ на мысль о порядкѣ въ цѣломъ. Есть онъ и теперь, или былъ? Можно утверждать то и другое. Въ первомъ случаѣ надобно говорить, что съ нашей точки зрѣнія не видно цѣлаго, а потому не видно и порядка. Въ послѣднемъ случаѣ, — основываясь на томъ, что видѣли на дѣлѣ, какъ оно есть.

56.

Грѣхъ беретъ человѣка или силою, не давая ему опомниться, какъ гнѣвъ, — или хитростію, какъ прочіе пороки.

57.

Можно ли возвратить невинность тѣлесную? Нельзя. А невинность духовную и нравственную? Должно быть, также нельзя. А говорятъ, можно! Такъ ли. и почему такъ, если такъ?

*) Такимъ написано; но тутъ списано, по всей вѣроятности, неправильно, хотя смыслъ понятенъ.

58.

Бога боюся, и — никого не боюся. Бога не боюся, и— всего и всѣхъ боюся.

59.

Богъ сотворилъ міръ — по какому образу? У Бога нѣтъ другаго образа, кромѣ собственнаго. Если такъ, то міръ сотворенъ по образу Божію; слѣдовательно долженъ отражать въ себѣ всю Троицу. И точно, in toto mundo lucet trinitas, какъ сказалъ еще древнѣйшій языческій философъ. Какая Троица? Та самая, коей учитъ христіанство. Вездѣ видно отечество; вездѣ слышно слово; все дышетъ духомъ, и вездѣ вѣетъ духъ.

60.

Богъ говоритъ: *смертію умреши,* діаволъ — противное. Богу не вѣрить, а діаволу вѣрить, повѣрить въ раю, вѣрить и теперь—это абсурдъ. Но таковъ грѣхъ, онъ всегда есть родъ помѣшательства.

61.

Въ мірѣ діавольскомъ нѣтъ смерти,—но лучше ли? Тамъ нѣтъ и покаянія.

62.

Разбойнику на крестѣ кающемуся сказано: *днесь со Мною будеши въ раю.* Однакоже, послѣ такого успокоительнаго изреченія, ему перебиты голени. Знакъ, что наказанія не отпускаются и послѣ прощенія. Почему? По ихъ, вѣроятно, нравственной нуждѣ для наказуемаго.

63.

Крайность въ порокѣ можетъ быть полезна для добродѣтели: тутъ видна становится вся неестественность порока, и онъ дѣлается тяжелымъ для души и невыносимымъ. Если когда, то въ минуту крайности грѣха можетъ быть поворотъ назадъ—въ область добродѣтели.

64.

Есть внутри насъ законъ нравственный и свобода; слѣдовательно, есть внѣ насъ Богъ и безсмертіе. Это сущность метафизики и нравственности.

65.

Грамматика, особенно глаголъ, могутъ быть разсматриваемы какъ вывѣска свободы и духовности души. Можетъ ли вещество сказать: ступай, дѣлай то или то! — Сослагательное наклоненіе все дышетъ умомъ и свободою. Прошедшее и будущее времена—знакъ современности души, то, что она не заключена въ настоящемъ.

66.

Тогда не постыжуся, внегда призрѣти ми на вся заповѣди Твоя. (Псал. 118, 6).

Подлинно, человѣкъ тогда только можетъ быть пріятенъ Богу, когда онъ добродѣтеленъ истинно, а истинно добродѣтеленъ онъ тогда, когда добродѣтеленъ весь, всегда и во всемъ.

Но когда же будетъ это вожделѣнное *тогда?* Гдѣ взять такой добродѣтели?—Хорошо, по крайней мѣрѣ, если человѣкъ хотя *призираетъ на вся заповѣди*, чувствуетъ себя обязаннымъ ко всякому благому дѣлу, прилагаетъ стараніе быть непорочнымъ во всѣхъ отношеніяхъ, не почитаетъ для себя позволеннымъ ничего, противнаго закону: хорошо и это! А прочее, многое еще, очень многое—содѣлаетъ Самъ Господь и Его благодать всемощная—для тѣхъ, которые *призираютъ?* неуклонно смотрятъ на *вся заповѣди* Его.

67.

Окованные сердцемъ въ мудрости (Псал. 89, 12).

Быть окованнымъ въ мудрости, повидимому, очень хорошо: оправа прекрасная! Но быть окованнымъ сердцемъ—это ужасно съ перваго взгляда. И однакоже есть люди—*окованные сердцемъ въ мудрости!* Кто это? Тѣ, кои, погнавшись за мудростію и познаніями, потеряли изъ виду любовь: кои холоднымъ познаніямъ, сухимъ теоріямъ, отвлеченнымъ словопреніямъ дали охладить свое чувство, изсушить свое сердце. Посмотрите на инаго мудреца!... У него бездна познаній; онъ весь въ соображеніяхъ; что шагъ, то цѣль и планъ. А сердце! бѣдное сердце заключено въ этой мудрости, какъ въ темницѣ; кругомъ оковано разсчетами, не смѣетъ пошевелиться для милости и состраданія.

Такая окованность сердца есть почти неизбѣжная доля мудрствующихъ по стихіямъ міра, ибо земная мудрость, по природѣ — желѣзнаго (сидерическаго) свойства. Мудрость небесная, напротивъ, даетъ движеніе и пространство сердцу, потому что она по природѣ своей исполнена *милости и плодовъ благихъ* (Іак. 3, 17).

68.

Въ сердцѣ моемъ скрыхъ словеса Твоя, яко да не согрѣшу Тебѣ (Псал. 118, 11).

Вотъ куда надобно класть Библію тому, кто, при помощи ея, хочетъ избавиться отъ проклятой привычки грѣшить! На какомъ бы почетномъ мѣстѣ она ни была поставлена, все стоитъ еще не на своемъ мѣстѣ, покуда не будетъ сокрыта въ сердцѣ. Эту истину надобно замѣтить особенно тѣмъ, кои любятъ библію въ богатыхъ оправахъ, за золотыми рамами.

Какъ сокрывать Библію въ сердцѣ?—Прилежнымъ чтеніемъ ея, прилежнымъ размышленіемъ о ней и ея содержаніи, прилежнымъ, наконецъ, выполненіемъ того, что въ ней написано.

69.

Расточи гордыя мыслію сердца ихъ (Лук. 1, 51).

Вотъ средство у премудрости Божіей къ наказанію гордыхъ! Для сего ненужно никакихъ усилій, никакихъ особенныхъ мѣръ: довольно одной мысли—ихъ же собственнаго сердца. *Расточи мыслію сердца ихъ.* Какъ мысль расточаетъ гордыхъ? Весьма естественно и вмѣстѣ необходимо. У смиреннаго сердца, какъ глубокій кладезь, въ коемъ вода стоитъ тихо, зыблясь отъ вѣянія благодати Божіей, отражая въ себѣ полный ликъ духовнаго сердца и источая изъ себя токи благихъ мыслей и дѣлъ. А у гордаго сердце, какъ гордый кипучій родникъ, который, падая съ утеса на утесъ, разлетается непрестанно въ брызгахъ. Разлетаясь сами, мысли гордыхъ расточаютъ ихъ самихъ. Увлекаясь то тѣмъ, то другимъ высокомѣрнымъ замысломъ, гордый непрестанно, такъ сказать, раздробляется на части, расточаетъ напрасно свои силы, способности и самое время. Покушаясь

на многое, превыше силъ, онъ нерѣдко падаетъ и разбивается. Еще сильнѣе дѣйствуетъ сей законъ расточенія въ приложеніи ко многимъ гордымъ. Имъ никакъ нельзя ужиться вмѣстѣ. Мысли сердца ихъ идутъ на перекоръ одна другой, и заставляютъ ихъ не терпѣть другъ друга. *Расточи гордыя мыслію сердца ихъ.*

70.

И молиша Его много, да не послетъ ихъ вонъ страны. Бѣ же ту при горѣ стадо свиное веліе пасомо: молиша Его вси бѣси, глаголюще: посли ны во свинія, да въ ня внидемъ
(Марк. 5, 10—12).

Какая ужасно-жалкая молитва! Просить, какъ особенной милости—позволенія войти на пребываніе во стадо свиней: можетъ ли быть участь презрѣннѣе? И кто проситъ такой жалкой милости? Безплотные духи, кои обитали нѣкогда на небѣ, обладали величайшею силою и властію, выну блаженствовали во свѣтѣ лица Божія.

Вотъ что значитъ грѣхъ! Ибо грѣхъ свергнулъ сатану и ангеловъ его съ неба; грѣхъ сдѣлалъ ихъ столь несчастными, что позволеніе войти въ стадо свиней составляетъ для нихъ великую милость.

Въ одномъ ли мірѣ духовъ грѣхъ производитъ такое ужасное превращеніе? Нѣтъ; — вездѣ, гдѣ только можетъ появиться хотя тѣнь грѣха. Съ намѣреніемъ говоримъ: *тѣнь* грѣха. Въ мірѣ вещественномъ, среди твореній неразумныхъ, нѣтъ грѣха въ собственномъ его видѣ, поелику нѣтъ и свободы, но и здѣсь можетъ быть тѣнь грѣха,—уклоненіе отъ лучшихъ законовъ бытія къ менѣе совершеннымъ. Ибо каждая тварь можетъ со всею точностію слѣдовать образцовой формѣ своей породы, можетъ и уклоняться отъ нея, не достигать, такъ сказать, своего предназначенія вполнѣ. Это самое мы называемъ тѣнію грѣха.

Что же производитъ сія тѣнь?

Всегда сопровождается несовершенствомъ, безобразіемъ, слабостію, бренностію. Возьмите кристаллъ съ неправильными гранями, съ незаконнымъ, такъ сказать, изломомъ: въ немъ нѣтъ надлежащей чистоты и блеска; онъ ломокъ и малоцѣненъ. Посмотрите на растеніе, уклоняющееся отъ образца своей породы: оно малорослo, криво, безобразно; ме-

нѣе приноситъ плодовъ, живетъ не такъ долго. Обратите вниманіе на животныхъ, происшедшихъ отъ неестественнаго смѣшенія породъ: они бываютъ также малорослы, слабы и неспособны къ продолженію своего рода.

Производя такимъ образомъ безобразіе и разрушеніе на обоихъ концахъ міросданія, — въ мірѣ духовъ и въ мірѣ вещественномъ, грѣхъ съ особенною свирѣпостію обнаруживаетъ ядовитую силу свою въ средоточіи творенія, гдѣ стоитъ человѣкъ. Какъ существо, связующее между собою видимое и тѣлесное съ невидимымъ и духовнымъ, какъ сокращеніе всего сотвореннаго, человѣкъ по тому самому способенъ и къ самому высшему блаженству и къ самому большому несчастію. Посему грѣхъ никого такъ не губитъ, какъ человѣка. И въ мірѣ вещественномъ, и въ мірѣ духовномъ грѣхъ произвелъ смерть, но въ первомъ—одну тѣлесную, въ послѣднемъ—одну духовную: въ человѣкѣ грѣхъ произвелъ смерть сугубую, тѣлесную и духовную. Въ самомъ адѣ будетъ едва ли не отраднѣе злому духу, нежели нераскаянному грѣшнику, ибо духъ будетъ мучиться однимъ духомъ, а грѣшный человѣкъ—духомъ и тѣломъ.

Итакъ, человѣкъ, бойся болѣе всего грѣха: это первый и послѣдній врагъ твой!

71.

Отчасти разумѣваемъ (1 Кор. 13, 9).

Такъ уже 18 вѣковъ провозглашаетъ вѣра, а бѣдный разумъ доселѣ не слышитъ сего, и нерѣдко кричитъ, что вѣра несовмѣстна съ разумомъ. Нѣтъ, вѣра *разумѣваетъ* такъ же, какъ и разумъ, разумѣваетъ еще лучше разума то, что разумѣваетъ, только разумѣваетъ *отчасти*. А разумъ, который все берется разумѣть и истолковать,—развѣ все и совершенно разумѣетъ? Кругъ познаній, какъ и шаръ земной, не имѣетъ ли своихъ, недоступныхъ изслѣдованію—полюсовъ? На самой срединѣ познаній, какъ подъ экваторомъ, нѣтъ ли земель, куда еще не ступила нога ни одного мыслителя? — *отчасти* — есть удѣлъ всѣхъ нашихъ познаній, удѣлъ неизбѣжный не только для земнаго бытія, а, по всей вѣроятности, и для вѣчнаго. Всевѣдущъ единъ Богъ.

Напротивъ, если сравнить — *отчасти разумѣваемъ* вѣры съ *отчасти разумѣваемъ*—разума, то послѣднее во многихъ

отношеніяхъ окажется тѣснѣе и бѣднѣе перваго. Для совершеннаго убѣжденія въ семъ стоитъ только взять одно простое оглавленіе предметовъ, входящихъ въ составъ вѣроученія христіанскаго, и предметовъ, надъ коими трудится философія: сличивъ одно съ другимъ, вы увидите, что кругъ вѣроученія гораздо обширнѣе круга философіи, что первое обнимаетъ много такихъ, весьма важныхъ, сторонъ бытія человѣка и вещей, до коихъ философія не доходитъ и дойти не можетъ.

72.

Аще земная рекохъ вамъ, и не вѣруете: како, аще реку вамъ небесная, увѣруете? (Іоан. 3, 12).

Значитъ, небесное очень, очень не похоже на земное Не похоже до того, что хотя бы оно было открыто, и притомъ такимъ пренебеснымъ лицемъ, каковъ былъ Іисусъ Христосъ, и тогда бы не нашло себѣ вѣры между нами!..

Отчего такъ? — отъ крайней отдаленности предметовъ небесныхъ отъ всего земнаго. Астрономія сказываетъ намъ, что и вещественное небо, хотя оно подлежитъ даже чувственному взору нашему, устроено однакоже по другимъ законамъ, нежели какіе въ силѣ, большею частію, у насъ, на землѣ: кольми паче должно быть многое и многое иначе, нежели у насъ, на небѣ духовномъ.

Вообще, чѣмъ выше образъ бытія, тѣмъ онъ противоположнѣе образу бытія самому низшему: это мы видимъ на всей лѣствицѣ существъ, кои подъ нами. Но нашъ настоящій образъ бытія въ отношеніи къ міру духовному, явно, есть первая ступень. Удивительно ли же, если онъ не только отмѣненъ, даже противоположенъ образу бытія небеснаго?

А находясь въ состояніи противоположности небесному, удивительно ли, если мы не можемъ понимать послѣдняго?

И вотъ, безъ сомнѣнія, одна изъ главныхъ причинъ, почему Св. Писаніе такъ немного говоритъ намъ о тайнахъ вѣка грядущаго, о состояніи нашемъ по смерти.

Какъ говорить о томъ, для чего въ нашемъ умѣ нѣтъ понятій, а въ нашемъ языкѣ—словъ? Опытъ св. Павла, который былъ восхищенъ въ рай, прекрасно поясняетъ сію важную истину. Въ раю Апостолъ видѣлъ и слышалъ многое, чего никакъ нельзя видѣть и слышать на землѣ. Не-

кое понятіе о видѣнномъ и слышанномъ осталось въ немъ и по возвращеніи на землю. Но что же? Онъ не находилъ на языкѣ человѣческомъ словъ къ пересказанію того, что видѣлъ и слышалъ. Даже не могъ навѣрное сказать (ибо не зналъ навѣрное): въ тѣлѣ ли онъ былъ тогда, какъ находился въ раю, или внѣ тѣла? Такъ все видѣнное и слышанное имъ на небѣ было не похоже на все наше земное!—Такъ самое состояніе его въ это время было отмѣнно отъ всѣхъ нашихъ и обыкновенныхъ, и самыхъ необыкновенныхъ, состояній!

Что изъ сего? То, во-первыхъ, чтобы не судить о небесномъ по земному. Большей части того, что мы здѣсь видимъ, слышимъ, чѣмъ занимаемся, — *тамъ* вовсе не мѣсто; а, напротивъ, *тамъ* именно мѣсто тому *яже око не видѣ, ухо не слыша, и* яже *на сердце человѣку не взыдоша.*

Во-вторыхъ, не будемъ скучать тѣмъ, что не открыты намъ подробности будущаго нашего состоянія за гробомъ. Напротивъ, это должно радовать и утѣшать насъ, потому что такъ поступлено именно по причинѣ величія сего состоянія и крайней возвышенности его предъ состояніемъ нашимъ настоящимъ.

Въ-третьихъ, не будемъ прилѣпляться много къ настоящему нашему земному образу бытія, потому что онъ не только данъ на время, и притомъ весьма краткое, но и во многомъ противоположенъ нашему образу бытія будущему, такъ что прилѣпившійся къ нему, по тому самому не скоро и неудобно можетъ сродниться съ образомъ бытія высшимъ. Напротивъ, будемъ, по возможности, заранѣе отрѣшаться отъ всѣхъ земныхъ и плотскихъ связей, и возноситься къ образу бытія высшаго, коего главныя черты указаны намъ въ словѣ Божіемъ, и коего образецъ оставили намъ въ себѣ святые Божіи человѣки. Сего требуетъ собственное вѣчное благо наше.

73.

Отметаяйся Сына, ни Отца имать; а исповѣдуяй Сына и Отца имать (Іоан. 2, 23).

Нѣкоторые (и мало ли такихъ?), отметаяйся Сына, думаютъ, однакоже, имѣть Отца: нѣкоторые даже (такъ, по крайней мѣрѣ, говорятъ они) для того и отметаются Сына,

чтобы имѣть Отца. Да вѣдаютъ же таковые всѣ, что это невозможно, рѣшительно невозможно: *отметаяйся Сына,* по тому самому—*ни Отца имать!...*

Хочется знать: почему такъ? Потому, что — *никтоже знаетъ Отца, токмо Сынъ, и емуже аще волитъ Сынъ открыти;* но какъ Онъ откроетъ Отца тому, кто отметается Его Самого?... Потому, что *никтоже можетъ пріити ко Отцу, токмо Сыномъ;* но какъ Сынъ поведетъ чрезъ Себя къ Отцу, когда убѣгаютъ отъ Него Самаго?... Потому наконецъ, что *Сынъ* и *Отецъ суть едино!*

Какъ же послѣ сего жалка участь тѣхъ, кои всю жизнь проводятъ надъ тѣмъ, чтобы познать Отца безъ Сына!... И не подобно ли это тому, какъ если бы кто усиливался познать солнце безъ лучей его, — громъ безъ звука, имъ производимаго,—вѣтеръ—безъ движенія воздуха?

74.

Всегда радуйтеся (1 Сол. 5, 16).

Значитъ, оптимизмъ, или—что «*все къ лучшему*», не мечта. Иначе, какъ бы можно было всегда радоваться? Радость есть чувство не произвольное: когда человѣку хорошо,—то онъ, и безъ позволенія, самодоволенъ и веселъ; а когда кому худо. то, сколько бы ни приглашали его радоваться, не зарадуешься.

И дѣйствительно, св. Павелъ, прежде, нежели сказалъ: *всегда радуйтеся,* давно уже изрекъ, что *вѣрующимъ въ Бога вся споспѣшествуютъ во благое* (Рим. 8, 28). Послѣ сего очень понятно, какъ можно всегда радоваться; даже не понятно, какъ бы послѣ сего можно было не всегда радоваться, ибо если вѣрующимъ все споспѣшествуетъ во благое; а благое, по самому существу своему, таково, что вся и всегда можетъ радовать, то въ такомъ случаѣ печалиться. особенно безотрадно, свойственно только тому, кто не вѣруетъ въ Бога. Но желательно знать, на чемъ опираясь, проповѣдуютъ оптимизмъ тѣ, кои проповѣдуютъ его безъ вѣры въ Бога и Ходатая Бога и человѣковъ, безъ Коего вѣра въ Бога не столько радуетъ, сколько страшитъ человѣка-грѣшника? Въ такомъ случаѣ, скорѣе надобно сказать на оборотъ, вмѣсто: *всегда радуйтеся* — всегда скорбите! Ибо посмотрите на себя и вокругъ себя безпристрастно: много ли

причинъ ко всегдашней радости? Соломонъ умѣлъ находить источникъ радости; онъ особенно трудился надъ открытіемъ и умноженіемъ ихъ: что же? На днѣ всякой радости онъ находилъ—*суету и крушеніе духа!*... Безъ Бога и единороднаго Сына Его, Спасителя человѣковъ, нѣтъ радости для человѣковъ. *Всегда* радоваться можетъ и долженъ только одинъ истинный христіанинъ.

75.

Велика вещь человѣкъ (Прем. 20, 6).

Такъ велика, что Самъ великій Цѣнитель и Судія всяческихъ ставилъ ее выше всѣхъ вещей въ мірѣ. *Кая польза человѣку*, говоритъ Онъ, *аще пріобрящетъ міръ весь, душу же свою отщетитъ?*

Велика вещь человѣкъ, потому что сія вещь произошла отъ Величайшаго, въ слѣдствіе великаго Совѣта, и стоила не мало. *И рече Богъ: сотворимъ человѣка* (Быт. 1, 26). *И созда Богъ человѣка, персть вземъ отъ земли, и вдуну въ лице его дыханіе жизни* (Быт. 2, 7).

Велика вещь человѣкъ, потому что сія вещь имѣетъ величайшее значеніе и чрезвычайно много заключаетъ въ себѣ. *И сотвори Богъ человѣка, по образу Божію сотвори его* (Быт. 1, 27).

Велика вещь человѣкъ, потому что предназначена для великихъ цѣлей. *И благослови Богъ* (человѣка), *глаголя: растителся, и множителся, и наполните землю, и господствуйте ею* (Быт. 1, 28). *И взя Богъ человѣка, егоже созда, и введе его въ рай сладости, дѣлати его и хранити* (Быт. 2, 15).

Велика вещь человѣкъ, потому что и паденіе этой вещи превратило и опрокинуло за собою все. *Вѣмы, яко вся тварь совоздыхаетъ и сболѣзнуетъ съ нами даже донынѣ. Суетѣ бо тварь повинуся не волею, но за повинувшаго ю (человѣка)* (Рим. 8, 20—22).

А какъ цѣнится сія великая вещь у самихъ человѣковъ? Чему не подчиняется? На что не мѣняется?

Человѣкъ подобенъ сыну и наслѣднику великаго царя, который, находясь съ малолѣтства въ изгнаніи, забылъ о своемъ великомъ происхожденіи и столько же великомъ предназначеніи. Посему первый и послѣдній урокъ человѣку долженъ быть: *познай самаго себя!*

76.

Открый очи мои, и разумѣю чудеса отъ закона Твоего (Псал. 118, 18).

Какія очи? Безъ сомнѣнія, не чувственныя, а духовныя: очи ума, и еще болѣе—*очи сердца*, просвѣщенія коихъ свѣтомъ благодати такъ усердно желалъ нѣкогда Апостолъ Павелъ своимъ возлюбленнымъ ученикамъ Ефесскимъ (Еф. 1, 18). Въ естественномъ падшемъ состояніи человѣка, очи сіи закрыты, какъ у слѣпорожденныхъ, а ими-то одними и можно видѣть *чудеса* закона Божія. *Чудеса,* а не смыслъ обыкновенный закона: послѣдній видимъ и очами разума естественнаго. Но законъ Божій имѣетъ не только смыслъ, подобно законамъ человѣческимъ, но и чудеса, какъ произведеніе премудрости Божественной. Въ семъ отношеніи откровеніе Божіе подобно видимой природѣ: порядокъ, величіе, красота видны въ ней и для слабаго глаза; но чтобъ видѣть внутренній составъ вселенной, для сего потребно прозрѣніе подъ поверхность вещей,—глазъ особенный.

Обыкновеннымъ вѣдѣніемъ закона св. Давидъ давно обладалъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ видѣлъ, что въ законѣ Божіемъ сокрывается стократъ болѣе, нежели онъ видитъ, и что для уразумѣнія послѣдняго тѣхъ очей, коими онъ видѣлъ, не достаточно,—и вотъ онъ молитъ Самого Законодателя, открыть ему очи, дабы видѣть уже не смыслъ, а самыя чудеса закона Божія, то, что въ немъ есть превосходящаго нашъ разумъ. Не слѣдствіемъ ли открытія сихъ очей въ Давидѣ былъ Псаломъ (118), гдѣ такъ разительно и подробно описываются совершенства закона Божія?—А можетъ быть слѣдствіемъ сего былъ не Псаломъ, а безмолвіе: предъ чудесами не разговоришься...

77.

Отецъ Мой доселѣ дѣлаетъ, и Азъ дѣлаю (Іоан. 5, 17).

Какъ же сказано у Моисея: *и почи въ день седьмый отъ всѣхъ дѣлъ Своихъ, яже сотвори?*—Ужели шестидневное твореніе было не полное, такъ что, послѣ нѣкотораго успокоенія, опять надлежало приниматься за дѣло и продолжать его или доканчивать?

Нѣтъ, тогда было сдѣлано все, что нужно, и все сдѣ-

ланное было весьма хорошо, какъ показываетъ отзывъ о дѣлѣ Самого великаго Дѣлателя;—посему и покой Божій былъ всецѣлый и продолжался бы всегда, если бы не открылось нужды въ новомъ твореніи. Кто открылъ сію нужду? Ты, человѣкъ. Какъ?—Твоимъ паденіемъ и превращеніемъ чрезъ него всѣхъ вещей.

Съ тѣхъ поръ, какъ ты палъ съ высоты богоподобія и убился до смерти, Отецъ и Сынъ *доселѣ снова дѣлаютъ,* и будутъ дѣлать дотолѣ, пока ты не воскреснешь и не возстанешь, не начнешь жить всею полнотою первобытной жизни, не станешь паки на свое мѣсто, и чрезъ тебя не возстановятся и не возглавятся и всѣ прочія твари. Дѣланіе въ то время, когда бы предлежало только покоиться, само по себѣ есть состояніе не вожделѣнное; но человѣкъ, нарушивъ покой Божій и заставивъ любовь Творца своего снова дѣйствовать и, такъ сказать, трудиться, не только не облегчаетъ собою этого труда, но всемѣрно отягчаетъ, ожесточаетъ, преогорчаетъ его, такъ что само долготерпѣніе Божіе принуждено иногда бываетъ жаловаться на трудъ, даемый Ему человѣками (Исаіи 7, 13).

Теперь, если есть гдѣ-либо нѣкое мѣсто успокоенія для творческой дѣятельности; то—въ душахъ людей праведныхъ. *Ту покой Мой,* говоритъ Самъ Богъ; *здѣ вселюся.* Въ семъ-то разумѣ и св. Церковь, устами священнослужителей своихъ, возглашаетъ *единъ святъ и восвятыхъ почиваяй!* Выраженіе глубокое и премного-знаменательное! Если же во всемъ мірѣ теперь одинъ только ты, человѣкъ, можешь доставлять успокоеніе Творцу своему, то познай свое преимущество и не упускай драгоцѣннаго случая послужить нынѣ своему Господу, дабы имѣть участіе и въ той Субботѣ божественной, которая послѣдуетъ за новымъ твореніемъ.

78.

Аще исповѣдаемъ грѣхи наша, вѣренъ есть и праведенъ, да оставитъ намъ грѣхи наша, и очиститъ насъ отъ всякія неправды (1 Іоан. 1, 9).

Какая необыкновенная логика! Вѣренъ и праведенъ: потому и оставитъ намъ всѣ грѣхи, коль скоро мы исповѣдаемся въ нихъ и признаемъ себя виновными! Но такъ дѣйствовать прилично одному милосердію, а правды неотъ-

емлемое свойство—судить, осуждать виновныхъ и наказывать. Какимъ же образомъ тутъ божественная правда забыла, такъ сказать, свою природу и обратилась въ милосердіе? Слѣдующимъ: Сынъ Божій, Существо чистѣйшее и всесовершеннѣйшее, по любви къ падшему роду человѣческому, принялъ на Себя всѣ грѣхи человѣковъ, и страданіями и смертію Своею удовлетворилъ за нихъ правосудію божественному во всей полнотѣ и силѣ, на томъ условіи, чтобы тѣ, кои обращаются отъ пути злаго и неправдъ своихъ, и будутъ просить помилованія во имя Его, всегда и невозбранно получали оное. Премилосердый завѣтъ сей въ пользу падшаго человѣчества и всѣхъ грѣшниковъ принятъ и утвержденъ на всю вѣчность самою правдою Божіею. Послѣ сего, каждый разъ, когда грѣшникъ раскаевается и проситъ помилованія, не только милосердіе Божіе, всегда и безъ того стоявшее за несчастныхъ грѣшниковъ, но самая правда божественная, по самой природѣ своей стоявшая нѣкогда противъ насъ, требуетъ, чтобы грѣшнику подаваемо было прощеніе. Иначе, со стороны Самого Судіи небеснаго не было бы соблюдено вѣрности тому завѣту и договору, который принятъ, одобренъ и утвержденъ Имъ Самимъ; иначе правосудіе божественное престало-бъ быть правосуднымъ... Итакъ, вотъ откуда эта необыкновенная логика! Съ Голгоѳы!...

79.

Упованіемъ спасохомся (Рим. 8, 24).

Точно упованіемъ; ибо чѣмъ—другимъ? Наше прошедшее ужасно мрачно! Наше настоящее удивительно худо и бѣдно! Посему если есть спасеніе, то въ будущемъ: но, кто поручится и за будущее? Если судить по прошедшему и настоящему,—то скорѣе надобно отчаяваться и за будущее, потому что будущее есть слѣдствіе прошедшаго и настоящаго.—Только во свѣтѣ откровенія можетъ представляться свѣтлымъ и отраднымъ само будущее,—и представляется!

Не можетъ быть ничего величественнѣе тѣхъ видовъ, въ коихъ божественное Откровеніе изображаетъ наше будущее; тутъ многое выходитъ за предѣлы не только нашего опыта, даже понятія: *яже око не видѣ, яже ухо не слыша,*

яже на сердце человѣку не взыдоша, то, по свидѣтельству слова Божія, уготова *Господь любящимъ Его.*

80.

Во всемъ и во всѣхъ навыкохъ, и насыщатися и алкати, и избыточествовати и лишатися (Филип. 4, 12).

Вотъ истинная мѣра полнаго совершенства! Для сего надобно умѣть не только избыточествовать, но и лишаться, не только лишаться, но и избыточествовать. Умѣніе лишаться значитъ много, очень много, но далеко не все. Какъ не мало такихъ, кои, умѣвъ лишаться, не умѣютъ потомъ избыточествовать! А послѣднее, и теперь бываетъ нерѣдко также нужно, какъ и первое, а впослѣдствіи составитъ единственную необходимость, ибо человѣкъ ведется къ тому состоянію, въ коемъ не будетъ никакихъ лишеній, и гдѣ посему надобно будетъ только—умѣть избыточествовать.

Какъ пріобрѣтается это великое умѣнье?—Безстрастіемъ. А безстрастіе? — Самоотверженіемъ.—А самоотверженіе—Самопознаніемъ. — А самопознаніе? — Самозанятіемъ и самоуглубленіемъ.

Умѣніе избыточествовать, подобно умѣнію лишаться, есть качество и принадлежность души, но, усиленное постояннымъ навыкомъ, оно чуднымъ образомъ сообщается самому тѣлу. Изъ жизнеописаній великихъ подвижниковъ видно, что самая плоть ихъ умѣла, не только лишаться, но избыточествовать, по волѣ ихъ духа, такъ что они, наприм., вдругъ послѣ самаго строгаго поста и величайшихъ лишеній, могли, когда то было нужно, позволять себѣ безвредно вкушеніе самыхъ разнообразныхъ яствъ.

81.

Грядый принеси и книги, паче же кожаныя (2 Тим. 4, 13).

Кто пишетъ такимъ образомъ къ другу своему и даетъ ему такое порученіе?

Ученикъ, занимающійся науками, и потому чтеніемъ книгъ? Или наставникъ, преподающій науки, и для сего имѣющій нужду въ книгахъ? Или по крайней мѣрѣ, человѣкъ, который имѣетъ много свободнаго времени и хочетъ употребить его на чтеніе книгъ? Нѣтъ, это пишетъ Ап. Павелъ,—пишетъ къ Апост. Тимоѳею! пишетъ изъ темницы! Пишетъ въ

твердой увѣренности, что *часъ отшествія его насталъ* (2 Тим. 4, 6), и онъ уже какъ жертва близокъ къ жертвеннику!

Что это за драгоцѣнныя книги, кои могли занимать собою такого человѣка, въ такомъ мѣстѣ, въ такое время? Безъ сомнѣнія, первое мѣсто занимали между сими книгами Св. Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта, но съ другой стороны выраженіе: *книги, паче же кожаныя,* само собою приводитъ къ мысли, что между сими избранными книгами, коихъ Павелъ хочетъ видѣть предъ смертію и, такъ сказать, проститься съ ними, были не одни книги Ветхаго Завѣта, а и другія — какія именно? Церковь ветхозавѣтная, подъ конецъ существованія своего, имѣла уже, кромѣ священнаго кодекса богодухновенныхъ, не малое число и другихъ книгъ, написанныхъ священными мужами. Книги сіи не могли быть чужды Апостолу, который, до обращенія въ христіанство, прошелъ всѣ степени образованія іерусалимскаго, слушая уроки мудрости изъ устъ самаго лучшаго изъ учителей закона Гамаліила. Кромѣ сего, если судить по нѣкоторымъ мѣстамъ посланій Павловыхъ, въ его святыхъ рукахъ бывали и другія книги, написанныя писателями и не-іудейскими.

Для насъ довольно здѣсь замѣтить, что такое вниманіе на книги обращаетъ самъ Апостолъ Павелъ!

Для чего довольно?—дабы показать, что чтеніе не грѣхъ, что занятіе полезными книгами не противно даже апостольскому достоинству, что обхожденіе съ сими мертвыми наставниками не казалось безполезнымъ даже для того, кто самъ былъ живымъ наставникомъ для всей вселенной. Довольно сего.

82.

На всяко время очи злыхъ пріемлютъ злая: добріи же безмолвствуютъ присно (Притч. 15, 15).

Первое нисколько не удивительно, ибо такъ какъ міръ весь *лежитъ во злѣ*, то стоитъ только, такъ сказать, открыть окно, чтобы зло тотчасъ полилось со всѣхъ сторонъ въ душу: *очи злыхъ,* предъ всѣми прочими чувствами ихъ, суть отверстыя окна для зла: мудрено ли, что они *на всяко время пріемлютъ злая?*

Но какъ *добріи безмолвствуютъ присно?*—безмолвствуютъ когда вокругъ ихъ все мятется? когда сами они нерѣдко должны участвовать, болѣе или менѣе, въ молвѣ житейской?

Добрый какъ море; оно сильно волнуется. иногда какъ бы стонетъ и испускаетъ вопли, но все это на поверхности, нѣсколько сажень въ глубь, и море какъ увѣряютъ естество-испытатели, стоитъ недвижимо въ самую сильную бурю. Таковъ и праведникъ: не смотря на внѣшнее движеніе и страданія человѣка своего внѣшняго, онъ внутренно *безмолвствуетъ присно. Законъ Бога его посреди чрева его: и онъ не подвижится во вѣкъ.* Въ немъ *миръ Божій, превосходяй всякъ умъ.*

83.

Аще кто любитъ отца или матерь паче Мене, нѣстъ Мене достоинъ (Матѳ. 8, 34).

Такъ могъ сказать только Богъ, или Богочеловѣкъ. Въ отношеніи ко всѣмъ другимъ существамъ, какъ бы они ни были велики, могущественны и благотворны, такое требованіе было бы не по нихъ, превыше ихъ и неприлично имъ. Но въ отношеніи къ Богу, такое требованіе совершенно справедливо и необходимо. *Справедливо*: ибо Отецъ небесный первѣе и выше всѣхъ отцевъ и матерей земныхъ Послѣдніе сами должны любить Его паче всего, и слѣд. сами же должны требовать отъ дѣтей своихъ, чтобы и они любили Его паче всего, и слѣд. паче ихъ. *Необходимо:* ибо если человѣкъ не будетъ любить Бога паче отца и матери, то у него земной отецъ и мать будутъ выше Бога, что совершенно противозаконно.

Но сей же самой любви, какая подобаетъ единому Богу, и въ той же самой степени, требуетъ отъ насъ, и требуетъ непремѣнно, Іисусъ Христосъ, ибо Онъ есть Богъ истинный и вѣра въ Него, какъ истиннаго Бога, есть необходимая обязанность каждаго.

84.

Богъ премудростію основа землю, въ чувствѣ же Его бездны разверзошася (Притч. 3, 19. 20).

При взглядѣ на разныя стороны и силы природы приходятъ въ движеніе и дѣятельность разныя стороны и силы нашего духа: при иныхъ, тотчасъ пробуждается умъ и начинаетъ работать воображеніе самаго небогатаго смышленіемъ человѣка; а при иныхъ, въ наименѣе чувствительномъ, возбуждается чувство, а мысль устраняется, даже подавляется.

Такъ бываетъ съ зрителемъ природы, очевидно, потому, что такъ устроена сама зримая природа, а почему такова природа, что иною стороною своею возбуждаетъ умъ, иною чувство?—Глубокій отвѣтъ на сіе даетъ въ выше приведенныхъ словахъ Премудрый. По его чистой и святой метафизикѣ, въ самой природѣ иное (какъ небеса съ ихъ строгимъ математическимъ распорядкомъ) произошло преимущественно подъ вліяніемъ *премудрости* божественной; другое (какъ бездны водъ съ ихъ непрестанною движимостію и неопредѣленностію формъ) подъ особеннымъ вліяніемъ *чувства* божественнаго.

Въ одномъ человѣкѣ, яко образѣ Божіемъ, отразилась вся совокупность свойствъ божественныхъ, весь Творецъ.

Итакъ, человѣкъ, познай свое высокое достоинство, и будь тѣмъ, чѣмъ былъ предназначенъ.

85.

Явися Сынъ Божій, да разрушитъ дѣла діавола (Іоан. 3, 8).

Какія дѣла? Тѣ ли, кои учинены діаволомъ уже по сотвореніи человѣка, и коихъ сущность состоитъ въ погубленіи человѣка? Или и тѣ, кои произведены діаволомъ до сотворенія человѣка и, можетъ быть, всего видимаго міра, въ кругѣ вещей высшемъ, въ собственной его области?—Первѣе всего, безъ сомнѣнія, первыя, ибо Сынъ Божій для того явился разрушить дѣла діавола, чтобы спасти чрезъ то человѣка, имъ погубленнаго. Но, конечно, спасительное разрушеніе дѣлъ діавола простретсся за симъ и на прочіе ужасные плоды его несчастной дѣятельности; ибо въ мірѣ все связано такъ, чтобы отъ того не страдало совершенство цѣлаго. Одно только дѣло діавола останется неразрушеннымъ—то, что онъ себя изъ архангела свѣта сдѣлалъ архистратигомъ, и увлекъ въ ту же бездну зла для другихъ духовъ. За то онъ самъ, какъ неисцѣльное зло, будетъ со всѣми клевретами изгнанъ вонъ изъ вселенной, исключенъ изъ круга вещей, составитъ особенность, ни къ чему не принадлежащую и ничего собою не составляющую.

Но дѣла діавола не таковы ли по своей натурѣ, что разрушаютъ сами себя? Для чего же нуженъ такой великій разрушитель? Для того, что надобно было не только разрушить сіи ужасныя дѣла, но и воздвигнуть на мѣсто ихъ

паки дѣла Божіи. Діаволъ паденіемъ своимъ возмутилъ порядокъ вещей, превратилъ все, что могъ, но сущность превращеннаго осталась неизмѣнною. Изъ сего новаго хаоса паки можетъ быть воздвигнутъ прекрасный Божій міръ. И вотъ для сей-то великой цѣли является Сынъ Божій. Тотъ, Кѣмъ все сотворено, является и для возсозданія всего.

86.

Тѣло не блуженію, но Господеви, и Господь тѣлу (1 Кор. 6, 13).

Апостолъ Христовъ желаетъ отвратить коринѳскихъ учениковъ своихъ отъ плотскихъ пороковъ, къ коимъ такъ наклонна падшая природа наша, и кои съ такою неимовѣрною силою свирѣпствовали въ древнемъ мірѣ языческомъ, не смотря на его возвышенную, повидимому, образованность и для сего указываетъ въ сихъ словахъ на цѣль существованія нашего человѣческаго тѣла. Чувственный человѣкъ смотритъ на свое тѣло именно какъ на орудіе чувственныхъ плотскихъ наслажденій, и въ семъ поставляетъ цѣль его бытія; Апостолъ внушаетъ другое, говоритъ, что тѣло наше, хотя плотское, имѣетъ цѣль не плотскую, а духовную высокую, святую, нѣкоторымъ образомъ—божественную;—что оно предназначено *окончательно* не только не для какихъ-либо плотскихъ, преступныхъ наслажденій, но вообще, не для нашихъ наслажденій, даже не для одного нашего духа, а для Виновника всяческихъ—Бога. *Тѣло Господеви*,—уже этого одного достаточно было бы, дабы вселить уваженіе къ тѣлу, заставить обращаться съ нимъ, какъ съ сосудомъ благодати, какъ съ храмомъ божества; но Апостолъ симъ не довольствуется, открываетъ достоинство тѣла человѣческаго еще съ другой, высшей стороны, такой, которая выходитъ даже за предѣлы нашего постиженія; онъ говоритъ, что и Господь (Самъ Господь) *тѣлу*, то есть, какъ тѣло принадлежитъ, подобно нѣкой собственности, Господу, такъ и Господь благоволитъ принадлежать тѣлу—какъ глава, какъ жизнь и свѣтъ человѣчества, ему вѣрнаго.

Сколько мыслей раждаются при семъ выраженіи такихъ, кои нельзя изобразить языкомъ человѣческимъ!... И каждая изъ нихъ должна служить побужденіемъ блюсти свое тѣло въ чистотѣ и святости.

87.

О велицѣ и о малѣ не разумѣваяй (Сир. 5, 18).

Почему и о малѣ?—Потому, что и великое слагается изъ малаго; потому что самыя огромныя событія начинаются большею частію съ самыхъ малыхъ вещей; потому что непривыкшій обращать вниманія и на малое. скоро привыкаетъ пропускать безъ вниманія и большое.

Не неразумѣвай, то-есть, не отпускай вовсе изъ вниманія, а не то, чтобы привязываться къ малому и дорожить имъ какъ великимъ. Въ послѣднемъ случаѣ выходитъ другая крайность: задумываются надъ всякою малостію, какъ бы отъ ней зависѣло все, и чрезъ то самое не имѣютъ времени обратить надлежащаго вниманія на большее, на то, что дѣйствительно того заслуживаетъ.

Каждому свое: большему большое вниманіе, меньшему—меньшее: но непремѣнно каждому свое: вотъ чего хочетъ отъ насъ Премудрый.

88.

Брашна чреву, и чрево брашномъ: Богъ же и сіе и сія упразднитъ (1 Кор. 6, 13).

Когда упразднитъ? Безъ сомнѣнія тогда, какъ будетъ упраздняться все ветхое—и ветхій міръ и ветхій человѣкъ.

Брашна чреву и чрево брашномъ не будетъ.—значитъ будущее состояніе возстановленія человѣка будетъ еще выше его состоянія въ земномъ раю, ибо здѣсь заповѣдано: *отъ всякаго древа, еже въ раю, снѣдію снѣси* (Быт. 2, 16), слѣд., *брашна были чреву и чрево брашнамъ,* а тамъ, въ будущемъ состояніи, не будетъ ни того, ни другаго.

Съ другой стороны, какъ чрево для брашенъ и брашно для чрева упразднятся, когда и на новой землѣ, подъ новымъ небомъ, побѣждающимъ обѣщано вкушеніе *отъ древа животнаго* (Апок. 2, 7) и *манны сокровенной* (17)?

Это древо животное, сія манна сокровенная есть, безъ сомнѣнія, не другое что, какъ—то брашно, *пребывающее въ животъ вѣчный* (Іоан. 6, 27), которое и Самъ Спаситель, еще бывъ на земли, обѣщалъ вѣрующимъ; но сіе пренебесное брашно есть—Онъ Самъ!... Для вкушенія сего божественнаго брашна не чрево, а душа чистая и святая.

Чрево для брашенъ и брашно для чрева упразднятся!... что же будетъ съ тѣми, для коихъ, по выраженію Апостола, *чрево* есть *богъ?* (Филип 3, 19). Что будетъ съ низкими поклонниками студнаго куміра, когда самъ куміръ распадется въ прахъ? Да помыслятъ они, въ свободный часъ, о семъ сами!... Или пусть справятся въ посланіи апостольскомъ: тамъ ясно указанъ ужасный конецъ тѣхъ, *имже богъ чрево, и ихъ же слава въ студъ.*

89.

Гнѣвъ и ярость умаляютъ дни (Сир. 30, 26).

Хотя бы эта опасность и страхъ за свою жизнь и здоровье обуздывали людей гнѣвливыхъ и удерживали отъ припадковъ ярости! Ибо малая ли опасность? Напрасный ли страхъ? Сколько людей, коимъ порывъ гнѣва стоилъ жизни, коихъ онъ убилъ мгновенно, въ цвѣтѣ лѣтъ и силъ, среди предпріятій и надеждъ? Надъ другими гнѣвъ хотя не разражается такъ губительно, за то всегда растроиваетъ ихъ здоровье и сокращаетъ жизнь. Иначе и быть не можетъ, по самому существу гнѣва.

Сотрясая всѣ жизненныя стихіи тѣла, возмущая и даже останавливая на время всѣ отправленія душевныя и тѣлесныя, приводя въ состояніе кипѣнія и разливая по всему тѣлу желчь, гнѣвъ, по тому самому, неизбѣжно разстроиваетъ весь тѣлесный составъ, неотразимо портитъ кровь и соки. Опустошеніе, имъ производимое, можно даже видѣть и осязать. Посмотрите на себя въ минуту сильнаго гнѣва въ зеркало: вы ужаснетесь собственнаго вида; такъ онъ свирѣпъ, багровъ, отвратителенъ! Приложите въ это время руку къ сердцу: оно бьется, какъ млатъ о наковальню. Такое кипѣніе крови, такое сотрясеніе нервовъ, такое разлитіе желчи можетъ ли не дѣйствовать губительно на жизнь и здоровье? Отъ того гнѣвливые обыкновенно сухи, желты, какъ бы испечены въ огнѣ.

Итакъ, если не ради другаго чего, то ради собственнаго здоровья, каждый долженъ быть какъ можно свободнѣе отъ гнѣва, потому что и однократный, сильный гнѣвъ, какъ-видно изъ многихъ примѣровъ, можетъ убить гнѣвающагося—до смерти).

Оглавленіе III тома.

СЛОВА НА ВЫСОКОТОРЖЕСТВЕННЫЕ ДНИ.

Стр.

Слово въ день рожденія Благочестивѣйшаго Государя Николая Павловича, Императора и Самодержца Всероссійскаго, произнесенное въ Кіево-Печерской лаврѣ іюня 25 дня, 1832 г. 3

Слово въ день рожденія Благочестивѣйшаго Государя Николая Павловича, Императора и Самодержца Всероссійскаго, произнесенное въ Кіево-Печерской лаврѣ, іюня 25 дня, 1838 г. 8

Слово въ день рожденія Благочестивѣйшаго Государя Николая Павловича, Императора и Самодержца Всероссійскаго, произнесенное въ Кіево Печерской лаврѣ, іюня 25 дня, 1834 г. 16

Слово въ день Святителя Николая, и тезоименитства Благочестивѣйшаго Государя Николая Павловича, Императора и Самодержца Всероссійскаго 21

Слово на день Святителя Николая, и тезоименитства Благочестивѣйшаго Государя Николая Павловича, Императора и Самодержца Всероссійскаго 24

Слово въ день восшествія на престолъ Николая Павловича, Благочестивѣйшаго Государя Императора и Самодержца Всероссійскаго, произнесенное въ Кіево-Софійскомъ соборѣ, ноября 20 дня, 1832 года 25

Слово въ день восшествія на престолъ Благочестивѣйшаго Государя Николая Павловича, Императора и Самодержца Всероссійскаго, произнесенное въ Кіево-Софійскомъ соборѣ ноября 20 дня, 1834 года 33

Слово въ день восшествія на престолъ Благочестивѣйшаго Государя Николая Павловича, Императора и Самодержца Всероссійскаго, произнесенное въ Кіево-Софійскомъ соборѣ ноября 20 дня, 1833 года 41

Слово въ день восшествія на престолъ Благочестивѣйшаго Государя Николая Павловича 50

Слово въ день священнаго вѣнчанія на царство Благочестивѣйшаго Государя Николая Павловича, Императора и Самодержца Всероссійскаго, произнесенное въ Кіево-Печерской лаврѣ, 22 августа 1831 года 52

Слово въ день священнаго вѣнчанія на царство Благочестивѣйшаго Государя Николая Павловича, Императора и Самодержца Всероссійскаго, произнесенное въ Кіево-Печерской лаврѣ 22 августа 1832 года 60

Стр.

Слово въ день священнаго вѣнчанія на царство Благочестивѣйшаго Государя Николая Павловича, Императора и Самодержца Всероссійскаго, произнесенное въ Кіево-Печерской лаврѣ, 22 августа 1835 года 69

Слово въ день священнаго вѣнчанія на царство Благочестивѣйшаго Государя Николая Павловича, Императора и Самодержца Всероссійскаго 76

Слово въ день вѣнчанія на царство Благочестивѣйшаго Государя Николая Павловича, Императора и Самодержца Всероссійскаго, и въ день основанія города Одессы 80

Слово въ день рожденія Благочестивѣйшей Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, сказанное 1 іюля 1851 года. 82

Слово въ день тезоименитства Благочестивѣйшей Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны 84

Слово на день тезоименитства Благочестивѣйшей Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, произнесенное въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ, 23 апрѣля 1855 года . . . 87

Слово на день тезоименитства благовѣрнаго Государя Наслѣдника Александра Николаевича, произнесенное въ храмовой церкви Ришельевскаго лицея, 30 августа 1854 года . . . 89

Слово по возвращеніи изъ Москвы послѣ присутствія тамъ при Священнѣйшемъ Коронованіи Ихъ Императорскихъ Величествъ, произнесенное въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ, 28-го октября 1856 года. 92

Слово по случаю молебствія о рожденіи Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Александры Александровны, сказанное въ харьковскомъ Успенскомъ соборѣ, 6-го сентября 1842 года 98

Слово по случаю торжества о крещеніи Ея Императорскаго Высочества, Благовѣрной Княжны Александры Александровны, сказанное въ харьковскомъ Успенскомъ соборѣ, 20 сентября 1842 года 100

СЛОВА И РѢЧИ ПРИ ИЗБРАНІИ ВЪ ОБЩЕСТВЕННЫЯ ДОЛЖНОСТИ И ПРИ ОТКРЫТІИ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ.

Рѣчь Св. Правительствующему Сѵноду ректора Кіевской духовной академіи архимандрита Иннокентія, при нареченіи его во епископа Чигиринскаго, произнесенная 18 ноября 1836 г. . 103

Рѣчь предъ избраніемъ изъ дворянства судей для Санктпетербургской губерніи. 106

Слово по случаю присяги дворянства Харьковскаго, предъ избраніемъ изъ него лицъ на должности по Харьковской губерніи, сказанное 25 сентября 1843 года. 116

Слово по случаю присяги дворянства Харьковскаго, предъ избраніемъ изъ него лицъ на различныя должности для Харьковской губерніи, сказанное 25 сентября 1846 года. 123

Рѣчь при открытіи въ городѣ Кіевѣ общества для призрѣнія бѣдныхъ 125

Рѣчь при открытіи въ городѣ Харьковѣ благотворительнаго общества для бѣдныхъ, сказанная 2 марта 1844 года. 132

Рѣчь по случаю открытія въ городѣ Харьковѣ дѣтскаго пріюта, произнесенная 1 іюля 1843 года. 137

Стр.

Рѣчь при открытіи въ городѣ Кіевѣ попечительнаго общества о тюрьмахъ. 139
Рѣчь по совершеніи молебствія, при открытіи общества Кіевскихъ врачей 143
Рѣчь при открытіи Кіевской палаты государственныхъ имуществъ 149
Рѣчь при открытіи въ городѣ Кіевѣ конторы коммерческаго банка. 152

СЛОВА НАДГРОБНЫЯ.

Слово предъ совершеніемъ панихиды о благочестивѣйшемъ Государѣ Императорѣ Николаѣ I, произнесенное 20 ноября 1855 года 155
Слово въ четыредесятый день по кончинѣ благочестивѣйшаго Государя Императора Николая I-го, произнесенное въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ, 4 апрѣля 1855 года 158
Слово въ день годичнаго поминовенія Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая I-го, сказанное въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ, 18 февраля 1856 года 162
Слово предъ совершеніемъ панихиды по блаженномъ Константинопольскомъ патріархѣ Григоріи, произнесенное въ одесской греческой церкви, 16 мая 1854 года 166
Слово при погребеніи первенствующаго члена Святѣйшаго Синода, митрополита Новгородскаго, С.-Петербургскаго, Эстляндскаго и Финляндскаго, высокопреосвященнѣйшаго Антонія, произнесенное въ Александро-невской лаврѣ, 19-го ноября 1848 года 168
Слово при погребеніи князя Льва Михайловича Яшвеля, начальника всей артиллеріи, генерала отъ артиллеріи, всѣхъ отечественныхъ и многихъ иностранныхъ орденовъ кавалера . . 176
Рѣчь при погребеніи Павла Петровича Турчанинова, коменданта Кіевопечерской крѣпости, генералъ-лейтенанта, и разныхъ орденовъ кавалера 179
Слово при погребеніи графа Василія Васильевича Орлова-Денисова, генерала отъ кавалеріи, произнесенное 27-го января 1843 года 184
Слово при погребеніи генералъ-фельдмаршала, свѣтлѣйшаго князя, Михаила Семеновича Воронцова, произнесенное въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ, 10 ноября 1856 года . . . 194
Слово при погребеніи почившаго въ Бозѣ, главнаго командира Черноморскаго флота и портовъ, генералъ-адъютанта, адмирала и разныхъ отечественныхъ и иностранныхъ орденовъ кавалера, Михаила Петровича Лазарева I-го 210
Слово при погребеніи князя Долгорукова 220
Слово при погребеніи тайнаго совѣтника, сенатора и кавалера, Андрея Ѳедоровича Квитки, сказанное 8 апрѣля 1844 г. . 224
Слово при погребеніи предсѣдателя харьковскаго уголовнаго суда, коллежскаго совѣтника и кавалера, Григорія Ѳедоровича Квитки, сказанное въ Благовѣщенской церкви, 10 августа 1843 года 231
Слово при погребеніи доктора и профессора медицины въ харьковскомъ университетѣ, статскаго совѣтника и кавалера, Петра Александровича Бутковскаго, сказанное 23-го ноября 1844 года 236

Стр.

Слово въ день годичнаго поминовенія помѣщика харьковской губерніи Степанова, произнесенное харьковскаго уѣзда, въ селѣ Веселомъ, 25 сентября 1845 года 240
Слово при погребеніи Харьковскаго почетнаго гражданина коммерціи совѣтника и кавалера, Косьмы Никитича Кузина, сказанное 20 апрѣля 1844 года 242
Слово надгробное, сказанное въ братскомъ монастырѣ, при погребеніи тѣла студента Кіевской духовной академіи, въ бытность преосвященнаго ректоромъ сей академіи 249
Рѣчь при погребеніи студента академіи 255
Слово по заупокойной литургіи, сказанное въ селѣ Тернахъ, Лебединскаго уѣзда, въ домовой церкви князя Щербатова, 17-го августа 1845 года 258
Слово надгробное 261
Слово при погребеніи юной супруги, оставившей послѣ себя однолѣтняго сына 265
Слово надъ гробомъ шестнадцатилѣтней дѣвицы 268
Слово при погребеніи ея сіятельства, двора Его Императорскаго Величества оберъ-гофмейстерины и кавалерственной Св. Великомученицы Екатерины дамы I-го класса, графини Александры Васильевны Браницкой, произнесенное въ домовой ея церкви, что въ Александріи, 20 августа 1838 г. . . . 271
Слово при погребеніи помѣщицы Анастасіи Ивановны Звѣревой, сказанное въ каѳедральномъ Покровскомъ соборѣ, 18 января 1844 года 281
Слово при погребеніи дѣвицы К. П. Хрущовой, сказанное въ университетской церкви, 7 марта 1842 года 284
Слово по случаю погребенія харьковской помѣщицы Е. Р. Ш., сказанное въ харьковскомъ каѳедральномъ соборѣ, въ нижней Трехсвятительской церкви, 30 января 1845 г., въ день трехъ Святителей 287

СЛОВА ПО СЛУЧАЮ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ БѢДСТВІЙ.

Слово по прочтеніи Высочайшаго манифеста, воспослѣдовавшаго въ 14 день марта 1848 года 291
Рѣчь по прочтеніи Высочайшаго манифеста о войнѣ съ Турціею. 296
Слово при появленіи предъ Одессою флотовъ непріятельскихъ, произнесенное 8 апрѣля 1854 года въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ, въ Великій Четвертокъ 300
Слово во время облежанія Одессы флотомъ непріятельскимъ, произнесенное 9 апрѣля 1854 года въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ, въ Великій Пятокъ 304
Слово во время бомбардировки Одессы соединеннымъ флотомъ англо-французскимъ, произнесенное 10 апрѣля 1854 года, въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ, въ Великую Субботу . 307
Слово послѣ бомбардированія г. Одессы соединеннымъ флотомъ непріятельскимъ, произнесенное 11-го апрѣля 1854 года, въ день Пасхи на литургіи, въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ. 310
Слово послѣ бомбардированія гавани одесской пароходомъ непріятельскимъ, произнесенное въ первый день Пасхи на вечерни въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ 313

Стр.

Слово по случаю удаленія отъ Одессы англо-французскаго флота, предъ благодарственнымъ молебствіемъ, произнесенное 14-го апрѣля 1854 года, въ среду Св. Пасхи въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ 317
Слово предъ благодарственнымъ молебствіемъ, по случаю взятія въ плѣнъ и сожженія ставшаго на мель англійскаго парохода-фрегата «Тигръ», произнесенное 2-го мая 1854 года въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ 322
Слово предъ благодарственнымъ молебствіемъ, по случаю пожалованія Всемилостивѣйшей грамоты г. Одессѣ за сохраненіе спокойствія, порядка и благочинія во время бомбардированія ея флотомъ непріятельскимъ, произнесенное 9-го мая 1854 года въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ 324
Рѣчь при освященіи прибрежныхъ баттарей, устроенныхъ въ защиту г. Одессы отъ нападенія флотовъ непріятельскихъ, произнесенная 31 мая 1854 года на Щеголевской баттареѣ . 327
Слово при совершеніи покаяннаго молебствія, по случаю нашествія на полуостровъ Крымскій иноплеменниковъ, произнесенное 14 сентября 1854 года, въ симферопольскомъ Александро-невскомъ соборѣ 329
Слово по случаю нашествія на полуостровъ Крымскій иноплеменниковъ, произнесенное въ симферопольскомъ Александро-невскомъ соборѣ, 15 сентября 1854 года 333
Слово по прочтеніи Высочайшаго манифеста о государственномъ вооруженіи, произнесенное въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ, 13 февраля 1855 года, въ недѣлю Православія . . . 338
Слово при полученіи вѣсти, во время брани, о кончинѣ Государя Императора Николая Павловича, произнесенное въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ въ среду 4-ой недѣли Великаго поста. 345
Слово по полученіи вѣсти, во время брани, о кончинѣ Государя Императора Николая Павловича, произнесенное въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ, въ пятокъ 4-ой недѣли Великаго поста. 349
Рѣчь при возложеніи новой золотой ризы на святую икону Богоматери Касперовской предъ акаѳистнымъ пѣніемъ въ похвалу Богоматери, въ навечеріи субботы 5-ой недѣли Великаго поста, произнесенное въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ 11 марта 1855 года 353
Рѣчь въ память бомбардированія Одессы, въ Великую Субботу 1854 года флотомъ непріятельскимъ, произнесенная въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ, 25 марта 1855 года, предъ совершеніемъ, въ Великій Пятокъ вечеромъ, таинства Елеосвященія 356
Рѣчь при освященіи новыхъ баттарей Одесскихъ, произнесенная на Щеголевской баттареѣ, 14 мая 1855 года 359
Слово по случаю унынія и смущенія народныхъ мыслей объ оставленіи нами южной части Севастополя, произнесенное въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ, 4 сентября 1855 г. . . . 363
Слово послѣ молебствія, на соборной площади, по случаю появленія предъ Одессою многочисленнаго флота непріятельскаго, произнесенное 27 сентября 1855 года 372
Слово послѣ покаяннаго молебствія, по случаю облежанія Одессы флотомъ непріятельскимъ, произнесенное въ 1855 году 28-го сентября въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ 375

Стр.

Слово по случаю облежанія Одессы флотомъ непріятельскимъ, сказанное послѣ молебствія въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ 29 сентября 1855 года 378
Слово по случаю облежанія Одессы флотомъ непріятельскимъ, сказанное послѣ покаяннаго молебствія въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ 30 сентября 1855 года 380
Слово во время облежанія Одессы флотомъ непріятельскимъ, произнесенное въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ, 1 октября 1855 года 385
Слово по случаю облежанія Одессы флотомъ непріятельскимъ, произнесенное въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ, послѣ покаяннаго молебствія 2 октября 1855 года 387
Слово по случаю удаленія отъ Одессы флотовъ непріятельскихъ, произнесенное въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ, 3-го октября 1855 года, предъ совершеніемъ благодарственнаго молебствія 389
Слово предъ совершеніемъ покаяннаго молебствія, по случаю слышанной на сѣверо-востокъ отъ Одессы морской канонады, произнесенное въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ, 5-го октября 1855 года 392
Слово предъ благодарственнымъ молебствіемъ о сдачѣ войскамъ нашимъ крѣпости Карса, произнесенное въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ, 11 декабря 1855 года 394
Слово на заключеніе мира съ западными державами и съ Турціею, сказанное въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ, 8-го апрѣля 1856 года 396
Рѣчь по прочтеніи Высочайшей благодарственной грамоты, данной жителямъ Херсонской губерніи, съ повелѣніемъ хранить копію ея въ каѳедральномъ соборѣ, произнесенная въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ, 10 октября 1856 г. 404
Слово о томъ, отъ чего зависитъ успѣхъ въ брани и побѣда, или пораженіе 407
Слово послѣ побѣды 408
Слово послѣ побѣды 409
Слово въ первое служеніе послѣ сраженія. 409
Слово по удаленіи непріятеля изъ Крыма, сказанное въ Симферополѣ 29 іюня 1856 года 410
Слово по случаю землетрясенія, бывшаго въ Кіевѣ 11-го января 1838 года 411
Слово предъ молебствіемъ, по случаю чрезвычайной засухи и пожаровъ земныхъ, мрака и дыма въ воздухѣ, сказанное въ вологодскомъ Успенскомъ соборѣ 417
Слово предъ покаяннымъ молебствіемъ, по случаю необыкновенно частыхъ пожаровъ, бывшихъ въ Харьковѣ, сказанное въ харьковскомъ каѳедральномъ соборѣ, 15 іюля 1845 г. . . . 423

ПАДЕНІЕ АДАМОВО.

Слово въ недѣлю сыропустную огласительное. 429
Слово въ среду 1-ой недѣли Великаго поста. О заповѣди въ раю. 434
Слово въ пятокъ 1-ой недѣли Великаго поста. О змѣ-искусителѣ. 442
Бесѣда въ среду 2-ой недѣли Великаго поста 448
Бесѣда въ пятокъ 2-ой недѣли Великаго поста 458
Бесѣда въ среду 3-ьей недѣли Великаго поста 464

Стр.
Бесѣда въ пятокъ 3-ей недѣли Великаго поста 468
Бесѣда въ среду 4-ой недѣли Великаго поста 476
Бесѣда въ пятокъ 4-ой недѣли Великаго поста 485
Бесѣда въ среду 5-ой недѣли Великаго поста 493
Бесѣда въ пятокъ 5-ой недѣли Великаго поста 501
Слово въ субботу 5-ой недѣли Великаго поста или похвальную . 507
Бесѣда въ среду 6-ой недѣли Великаго поста. 513
Бесѣда въ пятокъ 6-ой недѣли Великаго поста 519
Бесѣда въ Великій понедѣльникъ. 523
Бесѣда въ Великій вторникъ 527
Слово въ Великую среду, заключительное 532

О ГРѢХѢ И ЕГО ПОСЛѢДСТВІЯХЪ.

Слово огласительное 539
Слово о существѣ грѣха, его видахъ, степеняхъ и различныхъ грѣховныхъ состояніяхъ 543
Слово о томъ, какъ произошелъ грѣхъ въ мірѣ и въ родѣ человѣческомъ 548
Слово о томъ, чѣмъ грѣхъ соблазняетъ человѣка 554
Слово о пагубныхъ дѣйствіяхъ грѣха. 559
Слово о томъ, что грѣхъ распространяетъ по всему существу человѣка тьму 563
Слово о томъ, что грѣхъ, обѣщавая человѣку вольность и независимость, лишаетъ его истинной свободы 573
Слово о томъ, что радости грѣховныя привременны 578
Слово о томъ, что грѣхъ есть главная и первоначальная причина всѣхъ болѣзней 583
Слово о томъ, что грѣхъ неминуемо подвергаетъ человѣка мучительному владычеству діавола 590
Слово о лютой кончинѣ, ожидающей грѣшника 596
Слово о томъ, что за грѣхомъ послѣдуетъ наконецъ для человѣка вѣчное мученіе 600

БЕСѢДЫ О СМЕРТИ.

Слово о смерти вообще 606
Слово о смерти 610
Слово о томъ, что такое смерть 613
Слово о томъ, что такое смерть 617
Слово о томъ, что такое смерть 618
Слово о происхожденіи смерти. 621
Слово о происхожденіи смерти. 624
Слово о томъ, какъ произошла смерть въ родѣ человѣческомъ . 626
Слово о томъ, какимъ образомъ грѣхъ породилъ смерть. . . . 630
Слово о томъ, что сдѣлалъ Іисусъ Христосъ со смертію. . . . 631
Слово объ участи самой смерти 632

МЫСЛИ О БЕЗСМЕРТІИ. I—XII . . . . . 635—648

ЗАМѢТКИ. I—XC . . . . . 649—688

Церковный Соборъ въ Москвѣ 1682 года. Опытъ историко-критическаго изслѣд. *Н. Виноградскаго.* Смоленск 1899 г., ц 1 р. 50 к.

Толкованіе на божественную литургію по чину св. Іоанна Златоустаго и св. Василія Великаго. Епископа *Виссаріона.* (Докт. Бог.). Изд. 4-е, вновь пересмотрѣн. Спб. 1895 г., ц. 1 р, въ коленк. перепл. 1 р. 75 к.

Толкованіе на париміи. Епископа *Виссаріона* (Докт. Богосл.). Изд. 2-е, вновь исправл. Въ 3-хъ том. Спб. 1894—1896 г. Ц. за 3 т. 5 р. 50 к.; въ роск. кол. пер. 8 р. *Одобр. къ употр. въ дух. сем. въ кач. пос. при изъясненіи Св. Пис* («Церк. Вѣд.» 1895 г, №. 9. Цирк. № 15).

Мин. Нар. Просв. отъ 10—19 Ноября 1901 г. за № 31977, допущено въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Томъ I Париміи изъ книгъ Моисеевыхъ Бытіе, Левитъ, Числа, Второзаконіе, изъ книгъ Іисуса Навина, Судей, Царствъ, Паралипоменонъ, Іова.—*Томъ II* Париміи изъ книги Притчей, изъ книги Премудрости Соломоновой, изъ книгъ пророковъ Исаіи, Іереміи, Іезекіиля, Даніила, Іоиля, Іоны, Михея, Софонгіи, Захаріи и Малахіи.—*Томъ III* Париміи Ново-завѣтныхъ книгъ

Извлеч. изъ Церк. Вѣд. 1894 г. № 30

„Изложены толкованія съ замѣчательною простотою и ясностію. Лишнихъ словъ нѣтъ. Цѣль автора—преподать назиданіе читателю, и она достигается вполнѣ. Ясная, свѣтлая мысль передается прозрачно ясными, мѣстами высоко-художественными словомъ. Языкъ точный, выработанный. При краткости—замѣчательная полнота и глубина мыслей. Прочитайте, напримѣръ, исторію искушенія Евы отъ діавола, и предъ вами цѣлая картина, воочію психическій процессъ, какимъ образомъ она не могла не поддаться искушенію и не увлечь за собою мужа. Къ уясненію толкованій много способствуютъ сближенія дѣйствующихъ лицъ съ другими подобными на всемъ пространствѣ исторіи Церкви. Можно указать еще на одинъ замѣчательный пріемъ автора въ сужденіи о священныхъ лицахъ, когда они совершаютъ что-либо недостойное хвалы надо, съ одной стороны, сказать всю правду о томъ или другомъ дѣлѣ, съ другой—остеречься, какъ бы не оскорбить священное лицо. Толкователь въ такихъ случаяхъ выдвигаетъ мнѣніе какихъ-либо защитниковъ поступка и опровергаетъ это мнѣніе, такъ что и истина вполнѣ соблюдена, и вполнѣ соблюденъ законъ приличія въ отношеніи лицъ священныхъ.

Книга преосвященнаго Виссаріона издана извѣстнымъ нашимъ книгопродавцемъ И. Л. Тузовымъ сообразно ея достоинствамъ. Бумага прекрасная, шрифтъ крупный и четкій, печать ясная, почти совершенное отсутствіе корректурныхъ ошибокъ. Желательно, чтобы книга эта сдѣлалась народною. Она вполнѣ этого заслуживаетъ".

О расколѣ и по поводу раскола. Семнадцать проповѣдей. *Епископ Виссаріона* Изд. 2-е. Спб., 1901 г., ц. 80 к.

Книжка преосв. Виссаріона полезна для каждаго интересующагося расколомъ. Но особенно, думаемъ, полезною можетъ быть она для тѣхъ образованныхъ людей нашего общества, которые, интересуясь расколомъ, но не будучи основательно знакомы съ нимъ, склонны довѣрять тѣмъ превратнымъ сужденіямъ о расколѣ, какія нерѣдко высказываются на страницахъ либеральныхъ органовъ печати". (Миссіонерское Обозрѣніе, октябрь 1896 г.).

Уроки покаянія въ Великомъ канонѣ святаго Андрея Критскаго, заимствованные изъ библейскихъ сказаній. Епископа *Виссаріона* Изд третье. Спб. 1897 г., ц. 1 р, въ коленк пер. 1 р. 75 коп.

„Имя Преосвящ. Виссаріона хорошо извѣстно въ нашей богословской словесности. Его многочисленныя сочиненія библейско-экзегетическаго и нравственно-гомилетическаго характера имѣютъ весьма обширный кругъ читателей и всегда возбуждаютъ къ себѣ глубокое вниманіе общедоступностью изложенія, богатствомъ содержанія, а главное—наклонностью составителя раскрывать истины христіанскаго вѣро и нравоученія приспособительно къ потребностямъ религіозно-нравственной жизни современнаго общества. Всѣми этими выдающимися достоинствами отличается и этотъ трудъ Преосвящ. Виссаріона—„Уроки покаянія" (*„Богосл. Библ. Листокъ". Прил. къ „Рук. для сел. паст". Вып. 10 и 11-й 1897 г.*)

Черты христіанскаго ученія. Сборникъ для назидательнаго чтенія. Епископа *Виссаріона.* Спб. 1898 г., ц. 1 р, въ коленк. переплетѣ 1 р. 75 к.

„Книга эта состоитъ большею частью изъ проповѣдей, произнесенныхъ преосвященнымъ составителемъ по разнымъ случаямъ. Въ нихъ заключается только чистое христіанское ученіе, изложенное притомъ съ замѣчательною простотой и удобопонятностью. Проповѣди и статьи, вошедшія въ составъ разсматриваемаго сборника, отчасти имѣютъ отношеніе къ различнымъ современнымъ явленіямъ русской умственной и религіозной жизни и служатъ прекраснымъ и общепонятнымъ выраженіемъ православнаго взгляда на эти явленія. Въ виду этого сборникъ преосв. Виссаріона заслуживаетъ особеннаго распространенія какъ среди пастырей, такъ и среди мірянъ, ищущихъ чистой духовной пищи для своего ума и сердца".

Старообрядческія Покровская молельня и Филипповская часовня въ Москвѣ. *А. Вишнякова.* Спб. 1865 г., ц. 60 к.

Объясненіе богослуженія святой православной церкви. *Протоіер. В. Владиславлева.* Воскресная всенощная и божественная литургія. Поученія. 2 част. Изд. 4-е. Спб. 1905 г., ц. 1 р. 50 к., въ кол. изящн. пер. 2 р. 50 к.

Министр. Нар. Просв. книга вне-

сена въ «Каталогѣ книгъ для безпл. народ читаленъ». Изд. 1900 г., стр. 4-я. Учил. Сов. при Свят. Сунодѣ внесена въ «Справочный каталогъ для библ. приходск., окружн. и иныхъ духовн. вѣдом.» Спб 1901 г., стр. 29-я.

Предисловіе Въ настоящее время русскій народъ чувствуетъ сильную потребность въ религіозно-нравственномъ образованіи Однимъ изъ лучшихъ средствъ удовлетворить этой потребности служитъ объясненіе Богослуженія Святой Православной Церкви Богослуженіе св Православной Церкви прекрасно, величественно, Божественно и вмѣстѣ съ тѣмъ близко и доступно всякому Въ немъ предлагаются вѣрующему и священная исторія, и догматы вѣры, и правила жизни Христіанской и Св. Таинства, и предлагается все это не въ сухихъ урокахъ, не въ отвлеченныхъ лекціяхъ, но въ высокихъ созерцаніяхъ, въ живыхъ образахъ, въ трогательныхъ, таинственныхъ священнодѣйствіяхъ, при молитвенномъ настроеніи и совершителей Богослуженія и присутствующихъ при немъ Однако потребно при этомъ, чтобы это прекрасное, величественное, дивно-высокое и святое Богослуженіе было, сколько возможно, объяснено въ своемъ ходѣ и составѣ Предлагаемыя при семъ поученія служатъ слабымъ опытомъ такого объясненія. Составлявшій эти поученія молитъ Господа, чтобы Онъ Самъ, всемогущій и премилосердый, Своею благодатію коснулся сердца тѣхъ, кто приметъ на себя трудъ прочитать оныя, чтобы Онъ Самъ восполнилъ и уяснилъ то, что въ этихъ поученіяхъ недостаточно объяснено въ ходѣ Богослуженія.

Опытъ изученія Евангелія Св. Іоанна Богослова. *Георгія Властова.* Въ двухъ томахъ Спб 1887 г, ц. 3 р. 50 к, въ изящн. коленк. перепл. 4 р. 50 к. *Одобр. для фунд и учен. библ дух.-учеб зав* («Церк. Вѣд. 1888 г., № 36. Цирк. № 3).

Житіе и чудеса Святителя Николая, Архіепископа Мурликійскаго, и слава его въ Россіи. Первое полное иллюстрированное роскошное изданіе. Съ рисунками иконъ, храмовъ и обителей имени Святителя Николая Сост. *А. Вознесенскій* и *Ѳ. Гусевъ* Спб. 1899 г., ц. 3 руб., въ изящн. кол. перепл. съ золототисненіемъ 4 р., на веленевой бумагѣ 4 р., въ изящ. перепл. 5 р.

Мин. Нар. Просв отъ 10—19 Ноября 1901 г. за № 31977, допущено въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

„Означенный трудъ представляетъ собою выдающееся явленіе въ духовной литературѣ Такого полнаго и всесторонняго изслѣдованія объ угодникѣ Божіемъ, искони столь славномъ и почитаемомъ въ нашемъ отечествѣ, у насъ еще не было. Потребность въ подобномъ сборникѣ свѣдѣній о святителѣ Николаѣ, какъ справедливо замѣчаетъ въ предисловіи одинъ изъ авторовъ, давно уже назрѣла въ нашемъ обществѣ и въ настоящее время этотъ капитальный трудъ заполняетъ собою одинъ изъ важныхъ пробѣловъ въ духовной литературѣ и является не только полезнымъ, но и вполнѣ необходимымъ для всякаго благочестиваго читателя Книга состоитъ изъ двухъ обширныхъ и самостоятельныхъ частей, изъ нихъ первая—житіе и чудеса св Николая Чудотворца, архіепископа Мурликійскаго, провѣрена и пополнена всѣми свѣдѣніями, какія только возможно было собрать у церковныхъ писателей и, кромѣ того, представлена въ связи съ тѣми великими событіями, при которыхъ жилъ и дѣйствовалъ святитель. Затѣмъ въ первой части помѣщены сказанія русскихъ путешественниковъ къ святымъ мѣстамъ о мурликійской церкви, гдѣ первоначально были погребены мощи св Николая, и о барградской церкви, въ которой онѣ находятся въ настоящее время, а также собраны въ возможной полнотѣ чудеса, совершенныя св. угодникомъ на дальнемъ Востокѣ, внѣ русской земли Первой части предпослано введеніе, гдѣ сдѣланъ обзоръ литературы о святителѣ Николаѣ съ самаго возникновенія ея и до настоящаго времени Вторая часть книги посвящена славѣ св Николая Чудотворца въ Россіи Здѣсь собраны всѣ священные литургическіе, церковно-археологическіе и историко-литературные памятники чествованія святителя въ нашемъ отечествѣ Эта часть труда широко намѣчена, содержитъ въ себѣ обиліе матеріала, прекрасно разработаннаго и въ общемъ представляетъ замѣчательное изслѣдованіе о великомъ угодникѣ по отношенію къ его величайшему значенію для нашей земли. Къ обѣимъ частямъ книги приложены обширныя примѣчанія. Текстъ украшаютъ множество иллюстрацій—снимки съ иконъ святителя, какъ древнѣйшихъ, такъ и послѣдняго времени, видѣ монастырей, церквей, пустынь и часовень въ Россіи, воздвигнутыхъ во имя св. Николая, а также снимки съ картинъ, изображающихъ жизнь и дѣянія св угодника Нельзя не поблагодарить авторовъ и издателя за ихъ прекрасный трудъ, который лишній разъ дастъ возможность благоговѣйному читателю проникнуться чувствами удивленія, восторга и любви къ святителю. Издана книга очень хорошо и не дорого", „Вѣд Спб. Град" 25 марта, 1899 г. № 67

На перес. книгъ магаз. покорнѣйше проситъ прилагать по 20 коп. на каждый рубль.

Магазинъ снабженъ большимъ выборомъ книгъ духовно-нравственныхъ.

ТРЕБОВАНІЯ ГГ. ИНОГОРОДНИХЪ ИСПОЛНЯЮТСЯ СЪ ПЕРВОЮ ПОЧТОЮ.